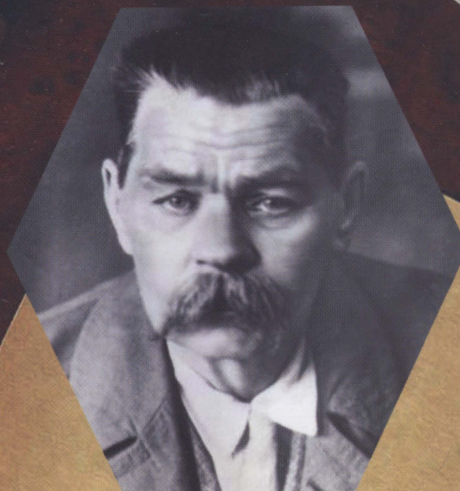
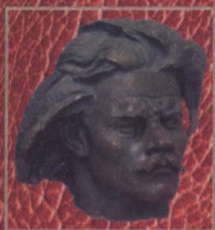

**ГОРЬКИЙ
В ЗЕРКАЛЕ
ЭПОХИ**

неизданная
переписка

**ГОРЬКИЙ
В ЗЕРКАЛЕ ЭПОХИ**

*

**НЕИЗДАННАЯ
ПЕРЕПИСКА**

М. ГОРЬКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 10

Серия основана в 1989 году

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

ГОРЬКИЙ В ЗЕРКАЛЕ ЭПОХИ

(НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА)

Выпуск 10

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2010

ББК 83.3

*Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проекты № 06–04–00240а и № 10–04–16115д*

Редакционная коллегия:

*Спиридонова Л.А. (ответственный редактор)
Примочкина Н.Н., Семашкина М.А.*

Ответственный секретарь: *Егорова Ю.М.*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Терехина В.Н.*
кандидат филологических наук *Матевосян Е.Р.*

Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка).

Серия «М. Горький. Материалы и исследования» основана
в 1989 г. Вып. 10. М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 736 с.

В 10 выпуске серии «М. Горький. Материалы и исследования» продолжается публикация неизвестных писем писателя и его адресатов. В томе представлена переписка Горького с А.А. Богдановым за 1908–1910 гг., хранящаяся в Архиве А.М. Горького и итальянском архиве Лелио-Лисли Бассо Иссоко (Рим), письма М.Ф. Андреевой, К.Д. Бальмонта, Л.Б. Каменева, Б.И. Николаевского, Н.Н. Суханова, переписка с И.С. Коноплиным, Е.Д. Кусковой и П.Ф. Юдиным.

Публикуемые впервые документы раскрывают неизвестную сторону жизни и творчества писателя и позволяют по-новому оценить его роль в общественно-политической и культурной жизни России XX века.

ISBN 978-5-9208-0370-2

© ИМЛИ РАН, 2010

© Отдел изучения и издания
творчества М. Горького

ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2010

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем коллективном труде продолжается публикация переписки М. Горького с его современниками, начатая в книгах «Неизвестный Горький» (М.: Наследие, 1994), «М. Горький. Неизданная переписка» (М.: Наследие, 1998, второе издание 2000) и «Горький и его корреспонденты» (М.: ИМЛИ РАН, 2005) серии «Материалы и исследования». Эта часть творческого наследия писателя, впервые представленная читателям, позволяет объективно оценить его роль в общественно-политической борьбе конца XIX–первой трети XX века и литературной жизни эпохи.

Значительная часть переписки, публикуемой в настоящем томе, тематически может быть определена как «Горький и общественные деятели», имена которых в советском литературоведении замалчивались или были под запретом. Среди них — теоретик социализма, ученый и врач Александр Александрович Малиновский (1873–1928), более известный под псевдонимами Богданов и Максимов. Философские и тактические разногласия с В.И. Лениным, борьба в партии большевиков за лидерство, развернувшаяся после поражения Первой русской революции, привели к тому, что творческое наследие Богданова долгие годы было неизвестно в СССР. Только в период перестройки переиздали его основные труды, посвященные теоретическим проблемам социализма и всеобщей организационной науки. Еще менее известной была работа А. Богданова «Падение великого фетишизма: Современный кризис идеологии», направленная против книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Только в 1995 г. вышел трехтомник «Неизвестный Богданов», подготовленный сотрудниками РЦХИДНИ по материалам его архива.

Горький, высоко ценивший А.А. Малиновского как выдающегося мыслителя и ученого, близко узнал его еще в 1908 году. Их обширная переписка 1908–1910 гг. (около ста документов);

хранящаяся в Архиве А.М. Горького (Москва) и Архиве Лелио-Лисли Иссоко Бассо (Италия, Рим), свидетельствует о несомненном влиянии, которое оказывал Богданов на писателя в период жизни на Капри. Их совместная работа по организации и деятельности Каприйской партийной школы, участие Горького в богдановской группе «Вперед», газетная шумиха вокруг так называемого «исключения» писателя из большевистской партии впервые освещаются в публикуемых ниже письмах так подробно и объективно.

Не менее интересны письма Л.Б. Каменева, которые дополняют уже опубликованные в книге «М. Горький. Неизвестная переписка» письма Горького. Их переписка, насчитывающая 63 документа, до сих пор была белым пятном в истории русской общественной мысли и литературы. Лев Борисович Каменев (наст. фам. Розенфельд, 1883–1936), председатель Моссовета в первые годы советской власти, заместитель председателя СНК и СТО, член Политбюро ЦК ВКПб, был более известен Горькому как публицист и литературный критик. Они познакомились осенью 1905 г. в Москве, встречались в Лондоне на V съезде РСДРП (1907). Будучи председателем Петроградского комитета помощи голодающим, Горький не раз обращался к Каменеву как председателю Всероссийского комитета, однако после запрещения деятельности Помгола и ареста большинства его членов резко порвал с ним. Их переписка возобновилась с того момента, когда Каменев попросил Горького передать в руководимый им Институт Ленина все имеющиеся у него ленинские письма. В 1927 г. Каменев, будучи полпредом в Италии, навещал Горького вместе со второй женой Т.И. Глебовой-Каменевой.

К переписке Горького и Богданова тематически примыкают впервые публикуемые письма публициста и экономиста Н.Н. Суханова, автора известных «Записок о революции». Человек трагической судьбы, он многие годы был связан с Горьким совместной работой в журналах «Современник» и «Летопись», газете «Новая жизнь». Письма Суханова, охватывающие период 1910-х гг., имеют большое значение для изучения биографии Горького и понимания его личности.

Особый интерес представляет неизданная переписка Горького с М.Ф. Андреевой, актрисой, гражданской женой писателя с 1903 г., принимавшей деятельное участие в его революционной и общественной деятельности. Их переписка, длившаяся в течение 30 лет, обширна и многохарактерна. В Архиве А.М. Горького хранится 118 писем Марии Федоровны и 82 ответных письма. Однако значительная часть их переписки не разыскана, утеряна, либо хранится в частных коллекциях: нет писем Горького за 1903–1904 годы, с

осени 1912 г. до осени 1913 г. О том, что они были написаны, свидетельствует его письмо А.Н. Тихонову: «Я пишу ей почти дневник, со временем он станет достоянием потомства, как письма Чехова, и, когда это случится, я со зла и страха, воскресну и снова со зла трижды умру».

Письма Горького к Б.И. Николаевскому, историку и общественному деятелю, члену ЦК партии меньшевиков, стали известны после их публикации в сборнике «Русский Берлин» (По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте — Париж, 1983). Но только дополненные в настоящем издании ответными письмами Николаевского они полностью раскрывают малоизвестную страницу жизни и деятельности Горького в Берлине в 1922–1923 гг. Как справедливо заметили составители книги «Русский Берлин» Л. Флейшман, Р. Хьюз и О. Раевская-Хьюз, их изучение «позволяет осветить с новой, неожиданной и нешаблонной стороны равно литературную деятельность Горького и место писателя в революционной жизни России XX века» (с. 315). Переписка, посвященная в основном редактированию журнала «Летопись Революции», дает возможность взглянуть на судьбы многих видных деятелей русского революционного движения. В ней поднимаются актуальные для того времени общественно-политические вопросы.

Неизвестной страницей в изучении темы «Горький и русское зарубежье» является публикация переписки с прозаиком-эмигрантом И.С. Коноплиным, который работал в газетах «Руль», «Сегодня» и был редактором «Балтийского альманаха». В томе впервые публикуются шесть писем Коноплина и два ответных письма Горького за 1923 и 1932 гг.

Значительную часть тома составляют материалы, посвященные контактам Горького с писателями, поэтами и деятелями культуры. Письма К.Д. Бальмонта Горькому и Е.П. Пешковой за 1901–1906 гг. относятся к периоду наибольшего сближения и плодотворного сотрудничества Горького с Бальмонтом. Как известно, Горький принял самое активное участие в событиях Первой русской революции, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а в начале 1906 г. вынужден был уехать из России. Бальмонт также испытывал в это время подъем революционных настроений, писал антиправительственные стихи, вместе с Горьким участвовал в Декабрьском вооруженном восстании и после поражения революции тоже оказался в Европе. Публикуемые письма свидетельствуют о глубоком уважении Бальмонта к творчеству и личности Горького, дают ценную информацию об участии поэта в издательстве Горького

«Знание».

Обширная коллекция писем Г.Д. Гребенщикова Горькому представляет большой интерес для исследователей творчества обоих писателей и литературного процесса 1910–1920-х гг., существенно дополняет ранее опубликованные письма Горького сибирскому литератору, расширяя представление об отношениях писателей и позволяя уточнить биографию Гребенщикова, творческую историю ряда его произведений. Особый интерес представляют письма из Берлина и Америки. Письма охватывают период с апреля 1911 до апреля 1928 г. Из 34 писем Гребенщикова 32 публикуются впервые.

Труд завершается впервые публикуемой перепиской Горького с литератором и философом П.Ф. Юдиным, сыгравшим значительную роль в литературном процессе 1930-х гг.: подготовке и проведении Первого Съезда советских писателей, создании Вечернего литературного института, организации писательских бригад и пр. В томе публикуются 15 писем Горького и 10 писем Юдина.

Все письма печатаются по подлинникам: автографам или авторизованным машинописям, хранящимся в Архиве А.М. Горького, РЦХИДНИ и Архиве Лелио-Лисли Бассо Иссоко (Италия, Рим).

В целом книга дает представление о неизвестных страницах жизни и творчества Горького, позволяет по-новому осветить многие проблемы, актуальные в XXI веке. Научная новизна и актуальность труда сделают его интересным не только литературоведам, историкам и социологам, но и широким читательским кругам.

Авторский коллектив выражает благодарность Архиву Лелио-Лисли Бассо Иссоко (Рим) и Архиву А.М. Горького за помощь в подготовке настоящего труда.

М. ГОРЬКИЙ и А. БОГДАНОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕПИСКА 1908—1910 гг.

Вступительная статья Л. Спиридоновой. Подготовка текстов писем Горького Л. Спиридоновой при участии Г. Прополянис, писем Богданова — Е. Никитина. Примечания к письмам Горького Л. Спиридоновой, к письмам А. Богданова — Е. Никитина

Тема «М. Горький и А. Богданов» долгие годы была закрытой страницей в истории русской общественной мысли и литературы. Имя А.А. Малиновского (1873–1928), более известного под псевдонимами Богданов или Максимов, не упоминалось в официальной советской науке из-за его философских и тактических разногласий с В.И. Лениным, с которым он яростно полемизировал. Выдающийся теоретик социализма, основоположник всеобщей организационной науки и провозвестник пролетарской культуры, ученый-энциклопедист, он вошел в историю мирового социал-демократического движения под именем «левого большевика». Дискуссия в партии, развернувшаяся в 1907–1909 гг. о путях развития социалистической мысли, о политике и тактике большевиков после поражения первой русской революции, только в конце XX века стала изучаться всесторонне.

В этот период в России и за рубежом исследователи вновь обратились к творческому наследию А. Богданова, во многом неизвестному и основательно забытому. Были переизданы основные труды Богданова: «Тектология. Всеобщая организационная наука». Кн. 1–2 (М., 1989), «Вопросы социализма. Работы разных лет» (М., 1990). В 1991 г. журнал «Вопросы философии» частично перепечатал работу «Падение великого фетишизма: Современный кризис идеологии», направленную против книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в 1995 г. вышел трехтомник «Неизвестный Богданов», подготовленный сотрудниками РЦХИДНИ по материалам его архива. В 1960–1990-х гг. за рубежом появилось большое количество публикаций и исследовательских работ о Богданове:

М. Адамса, М. Майкла, Р. Вильямса, Д. Ридера, Д. Грилле, Р. Лоренца, К.М. Янсена, З. Сохора, Л. Малли, Г. Горцки, Д. Стэйлы, Ю. Шеррер, В. Страды, Н. Кацера, Б. Шерра и мн. др. Говоря о признании Богданова как политика и ученого в конце XX в., Г. Горцки объясняет этот процесс так: «В середине 1960-х гг. на Западе началась интенсивная полемика с Богдановым среди историков, которая в основном концентрировалась на разногласиях между Богдановым и Лениным в области философии и партийной политики. Культурная революция в Китае с ее коммунистическими претензиями, осознанно направленными против Советского Союза, обратила взоры западных исследователей, прежде всего левых, к ситуации в СССР <...> Особое внимание уделялось анализу общих экономических условий и правомерности конкретных политических шагов правящей партии. В этом контексте рассматривались и политические решения в области культурной политики, дополнительно исследовалось отношение Ленина и Коммунистической партии к Пролеткульту и позициям Богданова относительно политики в области культуры. Позднее, в 80-е годы, Богданов получил признание за свои заслуги в развитии теории системы. Его основной труд “Тектология, или Всеобщая организационная наука” оценивается как шаг к созданию кибернетики»¹.

В России активное изучение творчества Богданова в контексте времени на широком фоне обновленной истории социал-демократического движения стало возможным только с конца 1980-х гг. В печати появились отдельные письма (или цитаты) из переписки Горького и Богданова, в исследованиях историков и литературоведов объективно освещалась борьба вокруг книг Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и «Эмпириокритицизм. Статьи по философии» Богданова, его полемика с Г. Плехановым, опыт создания и работы партийных школ для рабочих пропагандистов за рубежом и история раскола внутри руководящего ядра партии большевиков после революции 1905–1907 гг.

Назовем лишь некоторые наиболее значительные работы, посвященные этой теме: «Красный Гамлет (Опыт коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова)» – «Вестник РАН». Т. 64. № 8. М., 1994, август; «Труды комиссии по научному наследию А.А. Богданова» (отв. ред. Н.К. Фигуровская. Редактор-составитель Г.Д. Гловели (М., 1992), Ю. Шеррер «Большевизм на распутье» («Россия». XXI. 1996. № 5/6, 7/8, 9/10), ее же: «М. Горький и А. Богданов (история отношений по материалам переписки 1908–1910 гг.)» («Неизвестный Горький». Вып. 4. М., 1996); Г.Д. Гловели «Социализм науки: мебиусова лента А.А. Богданова» (М., 1991); О.В. Щелоков «РСДРП: проблемы лидерства и обновление руководства» (1906–1911 гг.) (М., 1995); И.А. Ревякина «Непрочитанные страницы биографий М. Горького и А. Богданова. История отношений» (Горьковские чтения.

1995. Н. Новгород, 1996), ее же – предисловие к переписке М. Горького и А. Богданова 1903–1909 гг., подготовленной ею, Ю. Шеррер, Н.С. Антоновой и Н.В. Дроздовой (М. Горький. Неизданная переписка. М., 1998)².

Обширная переписка М. Горького и А. Богданова, насчитывающая более 100 писем, охватывает период с 1903 по 1910 годы. Это был сложный период развития социал-демократического движения в России, характерный не только противостоянием большевизма и меньшевизма, но и расколом внутри партии большевиков. Характеризуя обстановку в стране после Первой русской революции, Ленин писал: «Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм как облачение контрреволюционных настроений»³. Ожесточенные споры по поводу сборника «Проблемы идеализма» (1902), работ С. Булгакова, Н. Бердяева, С. Франка, П. Юшкевича и других русских философов, повернувших от марксизма к идеализму, сменялись столь же яростной полемикой вокруг сборника «Очерки по философии марксизма» (1908) или дискуссией по проблемам прагматизма. В 1910 г. в московском философском кружке обсуждался доклад С. Франка «Прагматизм как философское течение», в котором ставились вопросы о критериях различения истины, ее метафизической сущности, о понятиях материи и природе души, о сущности гуманизма. В дискуссии приняли участие Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, Е. Трубецкой, М. Рубинштейн, Л. Лопатин и другие видные представители философской мысли в России. Ссылаясь на последние научные достижения, на труды Ф. Ницше и Э. Гуссерля, англо-американских и французских прагматистов (Джемса, Шиллера, Дьюи, Леруа, Блонделя и др.), они пытались обосновать прагматизм как новую философскую теорию и как «практическую проповедь», направленную на «пересмотр целей и ценностей человеческой жизни и культуры»⁴.

К этому времени русское общество уже познакомилось с некоторыми работами западных мыслителей: Э. Маха, Р. Авенариуса, И. Петцольдта, А. Пуанкаре, Я. Бермана, Э. Геккеля, не говоря уже о Ф. Ницше, А. Бергсоне, А. Шопенгауэре. В 1910 г. в России вышли книги Уильяма Джемса «Многообразие религиозного опыта» и «Прагматизм». Отзвуки современных философских идей были ощутимы в работах многих русских авторов: В. Базарова «Анархический коммунизм и марксизм» (1906), Л. Лопатина «История новой философии» (1905–1908), В. Чернова «Философские и социологические этюды» (1907), П. Юшкевича «Материализм и критический реализм» (1908), «Новые веяния» (1910), Н. Валентинова «Философские построения марксизма. Диалектический материализм, эмпириомонизм и эмпириокритическая философия» (1908), «Мах и марксизм» (1908), М. Рубинштейна «Социализм и индивидуализм» (1909), А. Луначарского «Религия и социализм» (1908), А. Богданова «Новый мир» (1905).

Горького всегда отличало обостренное внимание к новым научным открытиям и философским теориям. Известно, что в 1906 г. во Франции он посетил лабораторию супругов Кюри, в Америке встречался с философом-прагматистом У. Джемсом, познакомился с профессором Д. Дьюи, физиком Э. Резерфордом, президентом Гарвардского университета Ч. Элиотом. Интерес к новейшим религиозным течениям особенно усилился в Италии, где он сблизился с так называемыми «левыми большевиками» и прочитал работу А. Луначарского «Религия и социализм». В повестях «Мать» и «Исповедь» он попытался связать социализм с богостроительством. Впрочем, еще летом 1906 г. в Америке, создавая первую редакцию «Матери», Горький слушал лекции У. Джемса, которые составили книгу «Многообразие религиозного опыта».

Исследуя взаимосвязи и взаимоотталкивания американского философа и русского писателя, зарубежные исследователи справедливо замечают синхронность их духовных поисков не только в постижении мира и человека, но и в определении таких понятий, как «чистый опыт», «правда», «сила», «энергия», «гармония». Б. Шерр считает, что объяснения сущности Бога и религии, данные Джемсом, во многом напоминают горьковские, ибо для того и другого внутренняя правда начинается с поиска единства человека и природы, гармонического устройства вселенной. Так, 17(30) сентября 1908 г. Горький писал С.С. Кондурушкину: «Полагаю, что Бог – в ощущении человеком жизни вселенской как гармонии и единства. В ощущении себя средоточием мирового процесса, который пронизывает непрестанно нашу психеху тысячами молний и огней»⁵.

Однако, создавая свою собственную концепцию «богостроительства», Горький во многом не соглашался с теоретиками прагматизма. Б. Шерр пишет: «Джеймс использует Бога как психологическую и философскую конструкцию, Горький использует это понятие в социальной и исторической целях. Для обоих, тем не менее, вера важна не потому, что может объяснить фактическую природу вещей (хотя согласно Джемсу, вера в Бога могла бы быть точным представлением), но как способ расширения человеческих способностей»⁶. Попытки объяснить непознаваемое с помощью точного знания и последних достижений науки сближали Горького не столько с зарубежными философами, сколько с русскими мыслителями, группировавшимися вокруг А. Богданова.

Тенденция к отказу от материализма и пересмотру главных положений марксистской философии коснулась и членов большевистской партии. Современный исследователь Х. Бьеркегрен, говоря об идейных противоречиях в среде социал-демократии, пишет: «Многие из ближайших соратников Ленина становились его противниками; наверное, самым болезненным для него явилась потеря Александра

Богданова и Леонида Красина, входивших в руководящую тройку большевистских боевых групп.<...> “Богостроительство” было попыткой сопротивления пессимизму, парализовавшему российскую социал-демократию. Проявились и другие тенденции распада. “Ликвидаторы”, к примеру, требовали прекратить всякую подпольную деятельность и создать взамен легальную реформистскую партию в основном по типу скандинавской социал-демократии. “Отзовисты” настаивали на прямо противоположном: партия должна отказаться от любой легальной и полулегальной работы и заниматься только подпольной деятельностью. Все это свидетельствовало о наличии “идеологической гражданской войны”. Ее фронт проходил, прежде всего, по колониям эмигрантов, заполненным политическими беженцами”⁷.

Идеологическая война между Лениным и Богдановым, особенно остро развернувшаяся в 1908–1909 гг., касалась и вопросов философии, и тактики большевистской партии после революции 1905 года. Ленин выступал в этой борьбе как ортодоксальный марксист, отстаивавший принципы диалектического и исторического материализма, Богданов как ревизионист, пытающийся по-своему обосновать принципы социализма на новом историческом этапе. Столкновение по коренным философским вопросам и в оценке новейших достижений науки отразилось в книгах Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» (М.: «Звено», 1909), Богданова «Эмпириомонизм. Статьи по философии». Кн. 1–3 (М.; СПб., 1905–1907), «Приключения одной философской школы» (СПб., 1909) и «Падение великого фетишизма: Современный кризис идеологии. Вера и наука» (М., 1910).

Так называемая философия «критического опыта», более известная как эмпириокритицизм или махизм, подверглась в книге Ленина сокрушительной критике за отказ от материализма и даже, по его терминологии, за оппортунизм и измену делу пролетарской партии. Анализируя работы Э. Маха, Р. Авенариуса, И. Дицгена, Э. Геккеля и их российских последователей (В. Чернова, В. Базарова, А. Богданова и др.), Ленин пытался утвердить марксистскую теорию познания, понятие материи как философской категории для обозначения объективной реальности и «теорию отражения». Определяя истину как сложный процесс развития реального знания (превращение относительной истины в абсолютную), он категорически опровергал тезисы о возможности «исчезновения материи» и превращения ее в энергию. По его мнению, все новейшие открытия в науке не опровергают материалистическую диалектику и не дают оснований для замены «материализма идеализмом и агностицизмом»⁸. Историческому материализму Ленин противопоставил теорию Богданова о тождестве бытия и сознания, обвинив его в попытке подменить объективные

закономерности общественного развития «социальной энергетикой», биологическими и естественно-научными закономерностями. Наиболее резко он выступал против идеализма как формы сохранения и поддержания религии. Воинствующий атеизм сочетался в его работе с утверждением партийности науки и партийности философии.

Богданов, по образованию врач, был не только приверженцем эмпириомонизма, но и создателем всеобщей организационной науки, творцом теории коллективизма, который он понимал как слияние всех пролетариев в единое международное братство, объединенное общим мировоззрением и общей культурой. В романе-утопии «Красная звезда» (1908) он изобразил идеальное общество, созданное на Марсе по принципам научного социализма. В нем нет ни социального неравенства, ни классовой борьбы, которую заменяет борьба с природой и проблема обретения долголетия. «Неограниченная свобода труда» позволяет жителям разумно организовать производство, потребление и даже победить собственнический инстинкт с помощью нового коллективистского самосознания.

Богданов и члены его группы «Вперед» (А. Луначарский, В. Базаров, Г. Алексинский, С. Вольский (Валентинов), М. Лядов и др.) принадлежали к так называемым «другим», или «левым большевикам», противостоявшим ортодоксальному марксизму ленинцев. В их философских построениях, действительно, были элементы идеализма, которые тем не менее уживались с марксизмом. Социализм они понимали не как классовую борьбу с капиталом, а как творчество новой жизни, в том числе духовной, гармонизацию мира и человека. Ратуя за синтез, «слияние» всех наук в едином учении о тектологии, Богданов по сути дела давал свой вариант идеи Софии, т.е. идеального устройства мира с помощью божественной гармонии. Но место Бога в его работах занимал сплоченный пролетарский коллектив единомышленников. Равным образом, «богостроительство» А. Луначарского, пропагандировавшего «социалистическое религиозное сознание» и религию без Бога, противостояло с одной стороны соловьевской идее Богочеловечества, булгаковской религии человекобожия и федоровской идее созидательно-творческого преображения мира и человека, а с другой — ленинскому воинствующему атеизму.

Горького объединяло с группой Богданова многое: проповедь активности и коллективизма, идея вызревания нового сознания в недрах старого строя, грезы о новой культуре, а главное, понимание социализма как идеального устройства мира, в котором личность достигнет гармонического единства внутри и вне себя. Чтобы построить такой мир, необходимо было воспитать нового человека, о котором всегда мечтал писатель, воспевавший Человека с большой буквы. Поэтому он с радостью принял предложение Богданова создать «рабочий университет» и «Энциклопедию для рабочих». В 1907–1909 гг.

он сблизился не только с Богдановым, но и с его единомышленниками, во многом разделяя их взгляды. Переписка Горького с А. Богдановым, А. Луначарским, В. Базаровым, Г. Алексинским, М. Покровским, И. Скворцовым-Степановым позволяет понять истоки идейной близости писателя к «другим большевикам». Об этом свидетельствует и вышедшая в 1908 г. повесть «Исповедь», в которой Горький отдал дань «богостроительству», изобразив народ, сплоченный в единый коллектив, равным Богу. В финале повести чудо исцеления больной девушки совершает «бог-народушка» во время крестного хода. Вслед за Богдановым и Луначарским писатель верил, что коллективизм может способствовать «слиянию» людей труда в единую созидательную силу.

В письме к Богданову около 3(16) октября 1908 г. Горький называет себя «преколлективистом по Базарову» и предлагает выступить против социологов, которые, изучая проблему коллективной психологии, делают акцент на преступности толпы и преувеличивают роль развития личности в истории. Среди них он упоминает французского социолога Г. Тарда, итальянского Ш. Сигеле и Н.К. Михайловского, представлявшего субъективную этико-социологическую школу в России⁹. В работах «Герои и толпа», «Еще о героях» и «Еще о толпе» Михайловский утверждал, что коллективному «автоматизму» подвержены только ущербные личности, готовые подчиниться внешней власти. Он осуждал народные бунты и восстания, считая, что их участники идут по скользкому пути, по которому «можно докатиться до грабежа и разбоя»¹⁰.

Горький придерживался точки зрения В. Базарова, высказанной в статье «Материал коллективного опыта и организующие его формы», опубликованной в первом сборнике «Очерков философии коллективизма» (1909). В этой книге выражена суть взглядов группы Богданова, по мнению которого коллективизм органически присущ пролетарскому сознанию и должен стать основой для создания нового типа человека в социалистическом обществе. Полностью разделяя этот тезис, Горький, живя на Капри, развил активную деятельность по пропаганде идей «левых большевиков». После встречи с Богдановым на Капри в 1907 г. началась их активная переписка, а в 1908–1909 гг. — совместная работа по изданию брошюр, научных книг и организации Каприйской партийной школы для рабочих-пропагандистов.

Считая, что рабочие должны воспитываться не только политически, но и философски, Горький предпринял в руководимом им «Знании» издание серии научно-популярных брошюр (книги М. Ферворна «Вопрос о границах познания», Ле-Дантека «Философия биологии», Г. Ле-Бона «Рождение и смерть материи» и др.), которые переводили и готовили к печати члены богдановской группы. Большая часть переписки с Богдановым посвящена именно этой теме. В «Знании» вышли книги А. Богданова «Приключения одной философской школы»

(1908), «Курс политической экономии» И. Скворцова-Степанова (1910), сборник «Очерки философии коллективизма» (1909), в котором приняли участие А. Богданов, А. Луначарский, А. Базаров и др. Горький напечатал в нем статью «Разрушение личности», вокруг которой еще до ее опубликования возник спор между Богдановым и Лениным. Развенчивая мещанство, писатель доказывал, что личность без коллектива не просто разрушается, а неминуемо испытывает «агонию индивидуализма». Он писал: «Коллектив не ищет бессмертия, он его имеет, личность же, утверждая свою позицию владыки людей, необходимо должна была испытать в себе жажду вечного бытия»¹¹.

Статья была написана для большевистской газеты «Пролетарий», но Ленин как член редколлегии решительно высказался против ее публикации, заметив в статье популяризацию идей коллективизма и эмпириомонизма. Пытаясь предостеречь Горького от увлечения этими «еретическими», с его точки зрения, теориями, он писал 25 февраля 1908 г.: «Некую драку между беками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной. <...> Статью же свою, – если Вы хотите помешать расколу и помочь локализовать новую драку, – Вам бы следовало переделать...»¹² Горький попытался примирить противников и предотвратить раскол среди руководителей большевистской партии. В апреле 1908 г. он пригласил их на Капри в надежде добиться взаимопонимания, но ошибся: бывшие соратники разъехались врагами, а Горький, не вполне понимая причину разногласий, продолжал верить Богданову. Восторженные отзывы о нем во многих горьковских письмах свидетельствуют, что писатель видел в нем крупного мыслителя и ученого, которого оценят только в будущем. «И, разумеется, прежде нас его оценит Европа», – пророчески писал он А. Амфитеатрову¹³.

Увлеченный идеями коллективизма и богостроительства, делая все возможное и невозможное для открытия первой пропагандистско-агитаторской партийной школы, Горький был уверен, что рабочие поддержат не Ленина, а Богданова. Этим объясняются его резкие оценки поведения вождя во время подготовки к открытию школы: «Ленин впадает в декаданс». «Товарищ Ленин уважает кулак – мы осенью получим возможность поднести к его носу кулачище, не виданный им»¹⁴.

Столь же отрицательным было отношение Горького к книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», которую он отказался печатать в «Знании». В конце мая (начале июня) 1909 г. он писал Н.Б. Малиновской и Богданову: «Его спор “об истине” ведется не ради торжества ее, а лишь для того, чтоб доказать: “я марксист! Самый лучший марксист это я!” Как хороший практик – он ужаснейший консерватор. <...> В его книге – разъяренный публицист, а философа – нет: он стоит передо мной как резко очерченный индивидуалист, охраняющий прежде всего те привычки мыслить, кои наладили его “я”

известным образом и — навсегда! Безнадежный человек»¹⁵.

Пока Горький старался добыть деньги на дорогу и проживание рабочих на Капри, раскол в большевистской партии углублялся. Причиной были не только философские и тактические разногласия между главными оппонентами. Речь шла о лидерстве в партии, руководстве рабочими организациями в России и контроле над денежными средствами, что было невидимой, но весьма существенной причиной «драки». Следует учесть также, что Ленин и его сторонники рассчитывали в этот момент на союз с Плехановым, который резко выступал против Богданова в статьях «Воинствующий материализм», публиковавшихся в меньшевистском «Голосе социал-демократа» с мая по сентябрь 1908 года.

Расхождения большевиков с меньшевиками после IV «объединительного» съезда РСДРП (1906) кое в чем сглаживались: был избран единый ЦК партии и редакция ЦО. И хотя объединение оказалось формальным, не коснувшись принципиальных вопросов программы, для Ленина в борьбе с Богдановым и его группой была важна поддержка Плеханова, положительно отзывавшегося о книге «Материализм и эмпириокритицизм». Поэтому весть об организации партийной школы на Капри привела его в ярость. Весной и летом 1909 г., пока шли переговоры об отборе слушателей в местных партийных организациях России, их переправке за границу и размещении на Капри, в Париже готовилось решительное сражение против Богданова и его группы. Оно состоялось на совещании расширенной редакции «Пролетария» с 8 по 17(21–30) июня 1909 г. Как известно, ленинцы на этом совещании победили: Богданов и его сторонники были объявлены членами антипартийной фракции, которая, кстати сказать, оформилась как группа «Вперед» лишь в декабре 1909 г. Богданов был исключен из ЦК партии, но не сдался и продолжал работу, надеясь на поддержку рабочих.

На это же надеялся Горький, уверенный, что истинная идеология большевистской партии — эмпириомонизм, а Ленин просто политиканствует, желая открыть школу в Париже и перевести туда собранные на нее деньги. Он писал Богданову: «... рабочая публика решительно встанет на сторону эмпириомонизма — раскол должен будет выразиться во временном умопомешательстве т. Ленина, когда же оный товарищ увидит, где сила и *партия*, он — придет в себя...»¹⁶ Однако рабочие не могли при всем желании вникнуть в суть философских разногласий вождей, а решение Центрального Органа партии — газеты «Пролетарий» и авторитет Ленина оказались решающими.

Среди учеников Каприйской партийной школы, открывшейся 23 июля (5 августа) 1909 г. и просуществовавшей до конца ноября, в октябре начался раскол. После бурного обсуждения редакционных статей в «Пролетарии» пятеро слушателей откликнулись на обращение

Ленина «Товарищам рабочим, прибывшим в школу NN» и уехали в Париж, поверив, что там им будет оказана литературная и лекторская помощь, а также финансовая поддержка. Вслед за ними 31 октября (13 ноября) уехал с Капри один из главных организаторов школы Н.Е. Вилонов (Михаил), который долгое время поддерживал Богданова и пропагандировал эмпириомонизм. Ленин торжествовал: увенчалось успехом разоблачение «отзовизма и богостроительства», которому посвящены его статьи «Беседа с петербургскими большевиками», «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства», «Заметки публициста», «О фракции “впередовцев”» и др. Он назвал итоги работы Каприйской партийной школы «позорным провалом» и опубликовал в одноименной статье письма рабочих, которые разоблачали «авантюру Максимова — Алексинского — Лядова и К^о».

Раскол среди большевиков и партийные распри сильно отразились на Горьком. Он искренне верил, что слушатели Каприйской школы — это прообраз нового русского человека, которому принадлежит будущее. Он читал им лекции по литературе, водил на экскурсии по музеям Италии, приобщая к мировому искусству. Школа существовала на деньги Горького и его друзей (Ф.И. Шалапина, В.М. Каменского, А.В. Амфитеатрова), после ее краха он оказался в трудном финансовом положении. Но главное, писатель был удручен грубостью полемики и тем, что «большевизм» становится ортодоксальным, превращаясь в «ленинизм». Не слишком вникая в причины разногласий между ленинцами и богдановцами, Горький надолго невзлюбил партийные «склоки» и на некоторое время прервал переписку и с Богдановым, и с Лениным. Он не принял участия во второй партийной школе, устроенной членами группы «Вперед» в Болонье на деньги от Миасской экспроприации.

Реакцию Горького можно понять, если учесть, что в ноябре 1909 г. в зарубежной и российской печати поднялась волна слухов об «исключении» писателя из РСДРП за участие в «антибольшевистской фракции». Между тем, на расширенном заседании редакции «Пролетария» вопрос о Горьком вообще не ставился, а Ленин, несмотря на участие писателя в группе «Вперед», не терял надежды вновь сделать его своим союзником. В ответ на газетную шумиху, которая не утихала более месяца, он написал статью «Басня буржуазной печати об исключении Горького», в которой утверждал, что целью клеветнической кампании является стремление посорить писателя с большевиками и разжечь разногласия в среде социал-демократов. Что касается Горького, он предпочел прервать переписку с Богдановым и надолго приобрел неприязнь к партийным «склокам»: после 1917 г. он не считал нужным оформить свою партийность и до смерти оставался «беспартийным большевиком». Тем не менее Горький не отказался от монистических идей социализма и пролетарского коллективизма. 5 или 6 (18 или 19)

ноября 1909 г. он писал Ленину: «Думаю, однако, что новый раскол будет не менее глубок, чем раскол беков и меков, и будут в нем линии, симпатичные мне: стремление рабочих выбиться из-под опеки российского интеллигента и стремление к широкой пропаганде социализма как целостного миропонимания»¹⁷. И о том же — А. Амфи-театрову: «Большевизм мне дорог, поскольку его делают монисты, как социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек скорее всего придет к наиболее полному и глубокому сознанию своего *личного* человеческого достоинства...»¹⁸

Переписка Горького с Богдановым, ставшая полностью известной лишь в начале XXI века, позволяет понять глубинные истоки его разногласий с большевиками, которые особенно остро проявятся в бурные дни 1917–1918 гг. Горьковское понимание социализма и задач русской революции противоречило практике насилия, террора и ужасам гражданской войны. Не веря более в существование соборного «бога-народушки», он осуждал жестокость как средство создания нового мира, кое в чем вновь повторяя мысли Богданова. В годы советской власти близкие контакты Горького с «красным Гамлетом» не возобновились. Писатель не поддерживал богдановской теории пролетарского искусства и не одобрял деятельности Пролеткульта. Тем не менее горьковская концепция мира и человека в годы советской власти носила глубоко скрытые черты эмпирицизма: социализм как условие духовного расцвета личности, коллективизм как основа успехов в труде, «перековка» преступников, воспитание нового человека, борьба с природой и поиски секретов долголетия.

В настоящем издании впервые публикуется двусторонняя переписка М. Горького и А. Богданова за период с 1908 по 1910 гг., состоящая из 78 документов. В целом коллекция насчитывает более 100 писем (первое относится к 1903 г.), однако часть их была опубликована ранее: «Россия и Италия». М., 1993; «Cahiers du Monde russe et soviétique». Т. XXIX(1). Paris, 1988; Janvier-mars, «Scando-Slavica». Т. 39. Oslo, 1993; «Неизвестный Горький». Вып. 4. М., 1996; «М. Горький. Неизданная переписка». М., 1998. Тринадцать писем М. Горького Богданову вошли в тома Полного собрания сочинений М. Горького (*Письма*. Т. 6., Т. 7). Соответственно 14 писем А. Богданова Горькому напечатаны в издании «Неизвестный Богданов» (Богданов А.А. Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928. Кн. 1. М., 1995 и А.А. Богданов и группа РСДРП «Вперед». 1908–1914. Кн. 2. М., 1996).

В настоящем издании все письма печатаются впервые по автографам, хранящимся в фондах Архива А.М. Горького (Москва, письма Богданова), *РЦХИДНИ* (Москва, письма Богданова) и Архива Лелио-Лисли Бассо Иссоко (сокращенно: «Фонд Бассо», Рим, письма Горького).

Выражаем искреннюю признательность Archivio della Fondazione Leilo e Lisli Basso-Issoco в Риме за предоставленные ксерокопии автографов и разрешение на публикацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Неизвестный Богданов. А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928. Кн. 1. М., 1995. С. 8–9.
- ² Подробнее о литературе по данной теме см. в кн.: *Неизданная переписка*. С. 14–16 и *Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 11.
- ³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11.
- ⁴ *Русская мысль*. 1910. № 5. С. 90.
- ⁵ Горький М. *Письма*. Т. 7, п. 11 и примеч.
- ⁶ *Scherr V. Gorky and God-Building / William James in Russian Culture*. New York; Oxford, 2003. P. 202.
- ⁷ *Бьеркегрэн Х.* Скандинавский транзит. Где и как был подготовлен Октябрьский переворот. М., 2007. С. 133–134.
- ⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 272–273.
- ⁹ См. п. 22.
- ¹⁰ *Михайловский Н.К.* Народовольцы после 1 марта 1881 г. Сб. статей и материалов. М., 1928. С. 77.
- ¹¹ *Г-30*. Т. 24. С. 30–31.
- ¹² *Ленин и Горький*. С. 34.
- ¹³ *ЛН*. Т. 95. С. 138.
- ¹⁴ *Неизданная переписка*. С. 46, 48, 52.
- ¹⁵ Горький. *Письма*. Т. 7, п. 216 и примеч.
- ¹⁶ Там же, п. 169 и примеч.
- ¹⁷ Там же, п. 326 и примеч.
- ¹⁸ *ЛН*. Т. 95. С. 134.

1. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

24 декабря 1907 (6 января 1908), Париж

6/ I. 1908.

Дорогой товарищ,

Вы, вероятно, уже имеете некоторое понятие о третейском суде, предстоящем у нас по делу о наследстве одного из друзей дяди Миши¹; Вы знаете, вероятно, что часть наследников официальных требует себе значительную долю, без всяких, в сущности, объективных данных. По условиям суда, арбитрами не могут быть партийные с<оциал>-д<емократы>, но суперарбитра это не касается. Возможно, что судьи враждебной стороны согласились бы с нашими относительно приглашения Вас суперарбитром (нашими судьями будут, вероятно, двое крупных с<оциалистов>-р<еволюционеров>: Натансон² и Авксентьев³ или Фейт⁴). Сейчас очень важно организовать суд как можно скорее; из-за этого Зимин⁵ прислал меня в Париж. Сообщите, согласились ли бы Вы, если это пойдет так, как мы предполагаем, взять на себя роль суперарбитра? Суд придется вести, по-видимому, в Париже, п<отому> ч<то> тут вся другая сторона; но много времени он отнять не может: дело слишком ясное. Насколько для нас важно Ваше согласие, Вы, конечно, сами понимаете хорошо.

После Вас, у нас остается пока кандидатом с-р. Минор⁶...

Надеюсь, Вы получили мою книжку⁷. К сожалению, я сдал ее на почту не сам, а через товарища, и потому не уверен. Книжка эта мне дорого стоила (не материально, разумеется).

Мой адрес: М-г А. Malinovsky, Hotel Moderne, Place de la République, Paris.

Крепко жму Вашу руку. Марье Федоровне⁸ самый горячий привет от меня и от Наташи⁹ (она еще в России); и Вам, разумеется, тоже.

Ваш А. Богданов

2. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 1(14) января 1908, Париж

Дорогой товарищ,

мы обсудили и решили: Ваше свидетельское показание в высшей степени важно, и потому тянуть Вас в судьи мы не будем. Показание

же это Вам придется, вероятно, дать письменно¹ (по некоторым соображениям, это выгоднее, чем устное показание), а потому, и как свидетеля, мы Вас в Париж выписывать не будем. Наши судьи пока — Натансон и Фейт, их — некий Никитин² (обыватель) и Сталь³. По существу, дело верное, и состав суда не важен.

Теперь насчет Вашей рецензии⁴. Приблизительно такие, как Вы пишете, выражения неудовлетворенности я уже получал прямо от некоторых читателей, так что приписать Вашу критику всецело злостному предрасположению, каковое опасение у Вас заметно, — я никак не мог бы. Когда прочитал: «Вы не обижаетесь? не обижайтесь!» — то хотел выругаться; но, читая дальше, от души расхохотался. В виде утешения — преподносите большие ожидания! Это все равно, что сказать: «Эй, брат, не беда, что у тебя нет сейчас капитала; а вот у меня за то есть на тебя ба-альшой вексель!» — Нечего сказать, утешили.

Сравнение навеяно той атмосферой юридически-коммерческих подвохов и жульничества, коей сейчас я вынужден дышать. А затем — проклятый Старик⁵ тащит в трижды проклятую Женеву... Милые перспективы! Постараюсь как-нибудь вырваться к Вам на недельку-другую.

Что Луначарский мог очаровать Вас несомненным, хотя несколько безалаберным богатством природы, это я понимаю; а вот насчет Анюты⁶, моей сестрицы — скажу прямо: тут у меня рецензия другая...

Очень горячий привет Вам обоим. Будьте здоровы.

Ваш А. Б.

3. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

5(18) марта 1908, Женева

Дорогой товарищ, наше решение ехать к Вам не было исполнено до сих пор, вследствие некоторых, можно сказать, механических препятствий. Мы надеемся, что их скоро удастся преодолеть... А пока — свет продолжает идти вверх ногами. Старик забросил газету¹ и посвятил себя философии². Единственным настоящим редактором газеты остался нелитератор Иннокентий³, но он близок к отчаянью и, того гляди, сбежит в Россию. Попал в число драки и Алексинский⁴, наивно пытавшийся как-то урезонить Старика, за это Старик теперь, походя, обзывает его «махистом»⁵, что считает худшим из возможных ругательств. В России создавшееся

положение обсуждается с большой тревогой; опасаются, что революция погибнет, или, по меньшей мере, затянется до окончательного решения основных философских вопросов. Впрочем, надежды там еще не потеряли. Может быть, даже пришлют ревизора⁶.

Дела всей партии дают более серьезные поводы к беспокойству. М^{ен}ьшевик и за границей и в России все более определенно занимают позицию раскола⁷. На этой почве и у них самих в России, по-видимому, начинается раскол... Готовится раскол и в думской фракции⁸.

Между тем, общий кризис приближается. На Кавказ открыто посылают военные подкрепления⁹; число ежедневных казней страшно возросло¹⁰; помещики собираются на съезды¹¹, где обсуждают революционные способы борьбы с крестьянами, и т.д.

Словом — кое-что увидим, вероятно.

Получаете ли Вы все номера «Пролетария»? Получили ли «Заграничную» Газету¹²? Видели ли «Голос Соц.-Дем.»? Хорош, не правда ли? Весь номер написан для одной статьи¹³, а эта статья — для скандала.

Сообщите, пожалуйста, Виктору, что Екат^{ерина} довела до нашего сведения, о якобы состоявшемся уже отречении¹⁴. Что же, если это так — тем лучше. Но мы ждем подтверждения, а пока ответили в духе указаний Виктора.

Отчего Луначарский ничего не пишет для «Пролетария»¹⁵?

Приходил Залевский¹⁶ (поляк, большевик на Лондонском съезде, теперь меньшевик).

Просил предостеречь Вас против некоего Бржозовского¹⁷, о котором якобы возникает серьезное дело по обвинению в провокации.

Привет Вам обоим от меня и Наташи. Передайте также поклон Елиз^{авете} Павл^{овне}¹⁸, Виктору, Луначарским.

Всего самого лучшего. До свидания.

Ваш А. М.

18/5 марта.

4. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 2(15) мая 1908, Женева

Дорогой товарищ,

наша экспедиция каким-то образом всадила в полицейскую

историю генуэзского товарища¹. По-видимому, потребуется вмешательство соц<иалистов> депутатов. Если Вы, или Луначарский, (а еще лучше — Вы *через* Луначарского) можете устроить это², то очень желательно.

Спасибо за пересылку писем³.

Приезжал Ив. Павлович⁴, но со мной не успел повидаться. Передавал, через других, что насчет издательства что-то налаживается⁵, а с продажей «Феникса» что-то расстроилось. Сам он уехал, не знаю куда. Если найдете время, Вы или Марья Федоровна, сообщите, как обстоит дело.

Горячий привет от Наташи и меня Вам обоим.

Прилагаемые письма⁶ разъяснят Вам сущность дела о генуэзск<ом> товарище.

Ваш Александр

Адрес: М-г А. Malinovsky, rue de la Halle, 1.

По делу о генуэзце, если еще что надо, пишите прямо на экспедицию «Пролетария».

5. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 7(20) мая 1908, Капри

Дорогой товарищ —

вчера, тотчас же после прочтения вашего письма¹, послал Федору экспресс, с просьбой выслать в Женеву на ваше имя 5/т. фр.² Полагаю, что 26—6 Вы уже получите деньги, а получив, известите меня об этом.

Книгу Юшкевича я выписал, но еще не получил, как только получу — пошлю Вам³.

Страшно хотелось бы, чтоб Вячес<лав> скорее ехал за границу⁴! Это сохранило бы его и освободило Вас.

Крепко жму руку Вашу и горячий привет Н.Б. ⁵.

Всего доброго!

А.П.

В рус<ских> газетах полностью напечатано, что Бржозовский — провокатор, прибавлено, что он был личным моим секретарем⁶.

Изумительно пишет Изгоев о с-д! Совсем — Меньшиков по ярости, наглости и усердию в клевете⁷!

6. Н.Б. БОГДАНОВА — ГОРЬКОМУ

20 мая (2 июня) 1908, Женева

2 июня 1908 г.

Дорогие Мария Федоровна и Алексей Максимович, Алексинский уже сообщил Вам о разыгравшихся у нас событиях на реферате Ал<ександра> Ал<ександровича>¹. Посылаю Вам копию с письма Алексинского и Михи² к Ленину. Из этого письма Вы увидите, что воспоследовало затем в Женеве. На письмо это Ильич ответил одному Алексинскому очень короткой запиской с грубой выходкой в конце ее и с заявлением, что прекращает всякое личное знакомство с ним³. В ответ Алексинский отправил ему обратно эту записку с надписью, что не считает грубую выходку ответом на партийное сообщение, что это не есть ответ по существу; что он возвращает эту записку, потому что не допускает, чтобы Ильич мог написать такую записку в полном сознании и со временем ему будет стыдно за нее.

— Ну... вижу, что взялась не за свое дело, — положительно не могу изложить Вам всех событий, как они шли дальше. Алексинский и Ал. Ал. сейчас всеми этими делами, рефератами⁴, лекциями и т<ому> под<одобным> утомлены до изнеможения, Луначарский еще 11-го только читает реферат в Цюрихе⁵, а потому доберется до Вас еще не скоро — вот я и решила по мере сил осведомить Вас. Что могла — сделала, не взыщите, что не могла лучше.

Вы видите, что здесь сейчас не сладко, но уехать в данный момент Ал. Ал. невозможно. Надо привести с Ильичем и Иннокентием все дела по редакции в ясность — а Ильича еще нет⁶.

10-го А. Деборин⁷ читает реферат «Материализм и его критики». В дебатах примет участие Плеханов. Ал.Ал. и Луначарский, конечно, тоже готовятся выступать. Будет бой, и будет сказано, конечно, много гадкого; впрочем, Плеханова Вы знаете, а Деборин, наверное, еще гораздо хуже, а главное, глупей, конечно.

— Между прочим, здесь есть и большевики, и меньшевики — «богдановцы». Ал.Ал. собирается прочитать здесь ряд лекций.

Видели Спиллок. Мар. Абр.⁸ стала как будто постарше. Видели их на реферате Луначарского. Хотели зайти к нам.

Вы, конечно, уже знаете, что дело на суде закончилось миром⁹. — Конечно, денег от Шаляпина¹⁰, которые мы хотели занять, больше уж не нужно.

Оба мы шлем горячий привет Вам обоим и крепко целуем. Привет всем каприйцам.

Ваша *Ната*

7. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 29 мая (11 июня) 1908, Женева

IV

Едет к Вам меньшевик Голубь¹, несмотря на то, что Вы не звали его, а Ан<атолий> Вас<ильевич> старался его отговорить. Мне это что-то подозрительно: возможно, что тут не просто желание авантюриста материально «пристроиться» на время, а нечто, имеющее связь с той функцией, которую не пожелал выполнять Львов-Рогачевский². Очень мне не нравится это. А тут — дела странные. Сейчас иду к Старик³. Вероятно, что-нибудь выяснится.

Был у Старика. Выяснилось очень мало. Но, по-видимому, истерика кончилась; и «вышибательное» настроение едва ли можно считать определившимся. По вопросу об инциденте Иннок<ентия> — Лунач<арского>⁴ я считал себя обязанным выставить общую точку зрения: «в выступлениях публичных не допускаются шаги, направленные к дискредитированию тов. и компрометирующие единство фракции». Отвергнуто 2-мя против 1-го. Позиция Ленина: «при нейтральности фракции никаких рамок борьбе философских направлений не ставится».

Но зато по вопросу об отдельном, за личной подписью, выступлении старых бойкотистов⁵, по поводу московских резолюций⁶ за и против «отзыва» фракции с<оциал>-д<емократов> из Думы, Старик занял примирительную позицию: не зажимать рта.

Посмотрим, что будет дальше.

Горячий привет.

Ваш А. Б.

Статью⁷ давно кончил, но пришлю только на днях: еще нужна для справок.

8. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 5(18) июня 1908, Капри

Дорогой товарищ —

имея сведения, что Вы, на днях уже, едете сюда¹ — статью вашу не возвращаю — хорошо²? — и разговор о ней отлагаю до личного свидания.

Голубь — здесь³. Это очень славный малый, по натуре, но, к сожалению, его, видимо, захвалили, залюбовались им, и он отравлен

самолюбованием. Знать — мало, говорить — много и — ничего не делать, чтоб расширить и углубить себя. С великой горечью читаю и слышу о распрях женевских,⁴ — но, иной раз, мне кажется, что все это хорошо. Всегда хорошо, если отношения определены.

Очень ждем Вас. На днях был в Алясио⁵ и слышал из уст моего сына такую сентенцию: едем в лодке по морю, он спрашивает: ты на сколько метров в глубину видишь? После моего ответа, помолчал и говорит: «А Богданов глубже тебя видит». Почему? «Глаза больше. И красивее твоих». Не угодно ли вам?

Купил ему попугая⁶, и они оба прекрасно поняли друг друга с первого же дня.

Ну собирайтесь скорее сюда! Мой привет Н. Б. Мар<ия> — низко кланяется.

Ждем!

А.

9. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 15(28) июля 1908, Капри

Дорогой товарищ — рукопись Вашу сегодня отправил печатать, конечно, застраховав ее¹. Просил о скорейшем выпуске².

Извините меня — посылаю Вам доклад Ферворна³, о котором уже писал⁴, и прошу усердно: если вы найдете эту вещь достаточно ценной — возьмите на себя труд редактора, — перевод, как мне кажется, очень нуждается в исправлениях. Если Вы найдете необходимым написать к этой брошюре пояснение, предисловие, или сделать примечания к ней — прошу вас — сделайте это⁵!

Думаю, что этот труд не отнимет у Вас много времени, повторяю — если в Ваших глазах брошюра заслуживает внимания и труда.

Я вообще просил бы Вас взять на себя редактирование тех произведений по вопросам философии, кои было бы желательно немедля издать на русском языке. М.б. Вы сами укажете некоторые из них? Интерес к вопросам этого порядка заметно растет, это доказывается успехом книг Пуанкаре, Бельше, Геккеля, Майера и т.д.⁶

Пока вопрос об организации нашего книгоиздательства еще качается — мы могли бы — при условии Вашей помощи — выпустить несколько книжек у «Знания». Книжку Ферворна хотелось бы выпустить вместе с Вашей.

Статья Плеханова... об этом тяжело думать и неловко говорить —

так пошло, так ничтожно, столько раздраженного самолюбия и надо всем — бессилие ума⁷.

Сколь ни убого мое образование — но даже и я вижу, что человек не понимает — или не хочет понять? — корень вопроса. Мне кажется, что скоро многие начнут орать: «Богданов — ты не товарищ нам!» Надо ждать этого — ибо все большее количество людей ощущают страх пред социализмом, который ныне, видимо, прет из самых недр земли, из ее магмы.

Дорогой мой — я видел в Кастелламаре спуск на воду военного судна — какая великая, символическая картина⁸! Как изумительно вели себя при этом рабочие люди! Напишу!

Кланяюсь Н.Б. Жму вашу руку, всего хорошего! Ждем вас.

А. П.

10. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 25 июля (7 августа) 1908, Капри

Дорогой товарищ —

Посылаю оригинал Ферворна¹, возвращаю письмо Троцкого².

О необходимости перевести указанную Вами книгу Ле-Дантека³, говорил Луначарский, а я уже писал об этом Пятницкому⁴. Но я уверен, что сей кунктатор⁵ ничего в желаемом направлении не сделал, а потому — закажите перевод Ле Дантека и делайте к нему предисловие. Сегодня же я сообщу об этом в Питер⁶. Меня чрезвычайно радует Ваше согласие на эту работу — хорошее будет дело. Лишь бы не помешало оно Вам в главнейшей задаче вашей.

О Синклере. Сего молодого человека знаю лично, состою с ним в переписке — хороший он паренек, но — слишком американец⁷. Мне хотелось бы, чтоб Вы утопию его прочитали и сами решили — стоит ли она внимания русского пролетариата. Говорю так потому, что не чувствую иного социализма, кроме русского и потому, что беседуя с Синклером два года назад — был огорчен его реформизмом, а также защитой фабианцев⁸. И так — прочитав его, вы оцените книгу, — а также и место ее, — затем договоритесь с переводчицей, — редактором и пришлете рукопись сюда. Говоря о месте, имею в виду ряд — т.е. — следует ли Уптона Синклера помещать с Вами, Ферворном, Дантеком, или же — издать отдельно?

Письмо Троцкого — хорошая бумажка, но я не поклонник осторожного благородства и потому немедленно рекомендовал Луначар-

скому привлечь Троцкого в сотрудники в некий сборник, затеваемый в Питере под редакцией Базаров — Стеклов — Каменев⁹. Пусть Троцкий выскажется публично и гласно по данному вопросу — слишком важному, для того, чтобы обходить отношение к нему частным письмом. Необходимо сказать людям, что г. Плеханов уже давно защищает не истину, а лишь свою личную позицию сторожа при истине, — позиция почетная, но истина-то уже ушла с того места, где оберегал ее Плеханов¹⁰.

Здесь «жизнь кипит». Понаехало много молодежи, и А<натолий> В<асильевич> сделал ряд собеседований, — вчера состоялось первое¹¹. Молодежь — все большевики, очень симпатичные, серьезные ребята. Есть весьма занятный мек: он, купно с женой своей, — тоже мечкой, написал такой порнографический роман, который, по условиям благоприличия, невозможно напечатать ни на одном человеческом языке¹². Ныне мечка ездит по Европам и всюду предлагает рукопись, но даже французы — отрицаются. Сколь это не странно, а — факт.

Голубь здесь¹³. И — говорит. Спартак выводит из спартанцев¹⁴, а рабов зовет — «Спартаки». Открыл, что вопрос об отношении пролетариата к интеллигенции впервые возник еще в царствование Екатерины II-й. Очень талантлив.

Ох, скоро ли Вы сюда приедете? Н.Б. — гоните Вы его из поганой Гельвеции, а то — опять захвораете! Все мы рады, что Вы встали на ноги и очень ждем Вас.

Всего доброго!

А.П.

11. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 28 июля (10 августа) 1908, Капри

М.б. Вы знаете переводчика брошюры Ферворна¹? Или его адрес?

В первом случае я просил бы Вас осведомиться у него — какой гонорар хочет он за работу, во втором — сообщить мне его адрес.

А вам не кажется, что в алгебре, несмотря на строгую ее законность — допускается некий произвол²?

Учусь. Но — сомневаюсь.

А. П.

12. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

29 или 30 июля (11 или 12 августа) 1908, Капри

Дорогой друг — из «Знания» на Ваше имя пришло 150 р. и прилагаемое письмо¹. Перевести Вам деньги? Телеграфируйте, если надо.

Спрашиваю об этом, потому что ежедневно жду Вас². Все говорят, что Вы невероятно устали, больны от усталости. Это меня тревожит. И — злит.

Н.Б. — гоните его сюда, наконец!

А.П.

13. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

31 июля (13 августа) 1908, Капри

Дорогой друг—
забыл спросить Вас, куда высылать корректуру¹? Написал, чтоб выслали сюда².

Не ответил также на Ваш вопрос — согласно ли будет «Знание» издать проектируемый вами сборник³?

Думаю — конечно, да, согласно. Решительно отвечу по приезде Пятниц<кого>. Он сильно болен и это его задерживает, но все же на днях он явится⁴.

Сборник мог бы идти 3-м №-ом, некоей маленькой библиотеки, название которой — Вы придумаете⁵?

Вчера получил надежду — кажется, осенью дадут нам денег 20 т.⁶ Кажется.

Как здоровье Н.Б.? Вот видите — что значит жить в Женеве!

До свидания.

А.

14. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

2(15) августа 1908, Женева

Дорогой товарищ, в доказательство того, что я не бездельничаю, а исполняю то, что обещал, я посылаю Вам предисловие к брошюре

Ферворна¹. Вышло оно велико, а потому я дал ему особое заглавие. Самый перевод редактировать не мог — оригинала еще нет; послезавтра в магазине будет; тогда дня в 2–3 покончу.

Теперь — практический вопрос: следует ли мне вести гонорарные и т<ому> под<обные> дела со «Знанием» через Вас, или прямо обращаться к Пятницкому². Дело в том, что мне, по условиям, которые я предложил и которые, по-видимому, приняты, можно теперь получить 1/2 гонорара за брошюру; кроме того, надо узнать условия переводов — для переводчика Le-Dantec'a и, если возможно, для этого же переводчика добыть аванс — хотя небольшой, франков во 100³.

Общее заглавие для философских изданий в роде Ферворна и Ле-Дантека могло бы быть «Философия XX века», если это не кажется Вам слишком рекламным (или, напр., «Библиотека философии XX века», пожалуй, лучше, или «Очерки философии XX века»). Может быть, найдете что-нибудь лучше⁴. Мне все это не очень нравится. Но если не придумаете — берите что-нибудь из этого; я больше не выдумую.

Если пришлют Вам корректуру⁵, то лучше пока переслать ее сюда. Не знаю, когда удастся выбрать к Вам.

Горячий привет Вам обоим и всему Капри.

Ваш А.

15/2 авг. 1908.

15. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

3(16) августа 1908, Женева

Дорогие товарищи, надеюсь через несколько дней поехать к Вам, но пока только еще на время, п. что некоторые дела потребуют моего возвращения сюда — тоже на время.

Имеется к Вам такое дело. В Британском Музее умер заведующий русским отделом¹. Хорошо бы, если бы это место получил кто-нибудь из наших. Шла речь о Покровском², об Орловском³, о Папаше⁴. У Вас, говорят, есть знакомый Райт (Wright)⁵, заведующий какой-то большой Лонд<онской> «Library». Нельзя ли через него узнать об условиях и возможностях? Называть кандидатов не стоит, а сказать описательно: ученые, преследуемые правительством, литераторы того же рода, нелегальные дельцы — демократы и т.п.

Насчет «произвола» в алгебре Вы сходитесь с новейшими исследователями научной символики. Мое мнение таково: «законы»

(природы, величин) лежат не в самой природе (внешней), как думают материалисты, и не диктуются человеческой организацией, как полагают (приблизительно) кантианцы, идеалисты, *et cet/era*⁶. «Законы» эти лежат *в борьбе* человека с природой и представляют *орудия* этой борьбы. Как всякие орудия, они определяются *и* условиями рабочей силы (человека), *и* условиями сопротивления (природа внешняя). Оба момента переменные. Отсюда — кажущийся произвол. Особенно неизбежна видимость произвола, если стать на точку зрения только одного из моментов, человека, и искать одной «логики» в «законах».

Получили ли перевод и письмо⁷, посланное одновременно с ним? Желательно ускорить печатанье брошюр. Переводчица Ле-Дантека пишет, что она раньше получала 30 р. с листа, но что вообще условия должны предлагаться издателями.

Горячий привет Вам обоим от меня и Наты.

Ваш А. Б.

Как порешили с общим заглавием философских изданий? «Философия и жизнь» мне нравилось бы больше всего.

16. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

5(18) августа 1908, Капри

Дорогой товарищ —

аванс для переводчика Ле-Дантека в размере 200 фр. сегодня же вышлю отсюда¹.

О гонораре для Вас — пишу в Петербург². Условия переводов — выработайте сами.

Пятницкого жду сюда со дня на день, — полиция не выдает ему заграничного паспорта, но он с этим справится, надеюсь³.

Так как ваша книжка будет печататься вместе с Ферворном, то вы получите одновременно и корректуру предисловия, и книги⁴.

Общие заглавия — звучат слишком громогласно⁵. Не найдем ли чего-либо проще?

Предисловие, по простоте и ясности, не оставляет желать ничего лучшего. Библиотечка-то будет — мед с ядом!

Конституции — растут, короли разъезжают⁶, в Америке бьют негров, в Турции — начинается контрреволюция⁷, Гандман⁸ подражает в патриотизме Бебелю⁹ — экая интересная жизнь!

И будут воевать, будут!

А я напишу книгу — «Индивидуализм в творчестве», или что-то

в таком роде¹⁰. Материал у меня будет — восторг.

Привет Вам и Н.Б.

Живем — во всю. Жалко, что нет вас. Эх!

А.П.

17. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Август, до 11(24), 1908, Женева

Дорогие товарищи, вот какой документик мне пришлось вручить сегодня тов. Ленину и Иннокентию¹. Все повторяется дважды в истории, говорит Маркс — первый раз как трагедия; второй раз — как фарс. Будем надеяться, что этот закон и здесь останется верен, а история вышибаний, отставок и т. д. не приобретет теперь драматической окраски раскола, но останется на ступени частных размолвок, не лишенных комизма по проявлениям (напр., мы со Стариком сейчас объясняемся лишь письменно), но не опасных в конечном результате.

Боюсь, что эта история замедлит приезд к Вам Зимина и мой. Числа 3-го должен проехать Григорий из П<етербур>рга, вероятно, приедут и Зимин, и Виктор², будет заседание Б<ольшевистского> Ц<ентра>, а затем соберется Ц.К.³, затем, после перерыва, удастся, вероятно, собрать общерусскую конференцию⁴, где, вероятно, б-ки из комитетов сумеют расхлебать кашу.

Статьей своей⁵, которая у Вас, я уже недоволен. Надо истреблять противников, а не рыцарски раскланиваться с ними. Что противники довольно ничтожны — в этом я с М<арией> Ф<едоровной> согласен, — но не из-за них я и стараюсь. Напомню историю письма бакинских рабочих⁶ (мое письмо к Плеханову в «Вест<нике> Жизни»⁷). Бороться приходится с традицией, а не с живой силой.

Крепко Вас обоих обнимаю. Будьте здоровы. До свиданья.

Ваш А. Б.

А Лун<ачарский> еще не прислал нам «Рел. и Соц.»⁸. Если его увидите — напомните. Я еще не читал 25 июня⁹.

Персия-то — настоящая Москва 1905¹⁰. Как это кончится? В воздухе всего мира пахнет порохом¹¹.

18. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 12(25) августа 1908, Капри

Дорогой товарищ —

Ле-Бон выпустил популярную книгу «La naissance et la mort de la matiere»¹, «Mercure de France» отзывается о нем с высокой похвалой². Я предпочел бы издать эту работу, если Вы найдете ее ценной и подходящей к нашему плану³, что же касается «Эвол<юции> материи» и «Эвол<юции> силы» — не будут ли эти книги тяжелы для читателя, на коего мы рассчитываем⁴?

Засим: Лунач<арский> и Станислав очень хвалят книгу «Quintop “L’ unite de la vie”» — тоже популярное изложение теории автора о происхождении жизни⁵.

Называю книгу Бергсона «Le gire» и Otto Hering’a «Gedachtniss als Eigenschaft der organisirten Materie»⁶.

Базаров сообщает, что Пятницкий выехал из России⁷. Путь — дальний и он, К.П., видимо, запутался. Тот же Базаров говорит, что Пят. согласен издавать наши сборники, даже хотел взять «Литературный распад» второе издание, но — ему это отсоветовали Баз. и Мешковский. Хорошо сделали, на мой взгляд — ибо некоторые статьи «Распада» вызвали слишком много похвал с той стороны, откуда слышать их — стыдно⁸.

Вышла 7-я книга «Образование» новой редакции⁹. Это — уютный публичный дом с зелеными ставнями на окнах и с.-деками Клейнбортом — Львовым в должности критических вышибал. Рядом с ними Гиппиус ругает Мартова, и Мережковский слабо доказывает, будто он жив еще¹⁰. Одна из русских газет победно указала на тожество мыслей о революции у Клейнборта и Н.Бердяева¹¹. Все рады тому, что наконец и с.-деки заговорили не без ума и похваляют их за «вхожесть».

Статья Бердяева, именуемая «Психология революции» — самое циничное, что он сочинил до сей поры. В ней он высунул свой липкий язык муравьеда — до колена и цинично болтает им из стороны в сторону, слизывая грязь с лица жизни.

Амфитеатров написал в «Образование» хорошее, брезгливое письмо, изругав журнал во всю, за то что редакция не сняла из объявления его имя, о чем он просил¹².

Когда вы излезете из Содомы и Гоморры¹³?

Здесь — Евгеньич¹⁴. Музыка. Станислав¹⁵ рассказывает об испанских социалистах. Луначарский спорит с анархистами. Я — не понимаю алгебры — очень смешно!

Привет Вам и Н.Б.
Очень ждем вас!

А.П.

19. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

26 августа (8 сентября) 1908, Женева

19 8/IX 08.

Дорогой товарищ, опять задержка с поездкой к Вам: экстренно приходится по делам на несколько дней уехать к северу. Если придет корректура¹, я попрошу все-таки выслать ее сюда. Статью начал: очень трудный сюжет, но надеюсь одолеть².

R.Quinton'a еще не читал, постараюсь прочитать поскорее. Тогда напишу или расскажу лично. Ле-Дантека редактировать я попрошу Базарова³: он лучше умеет, да и не выходит у меня с временем.

Горячий привет обоим Вам, Евгеньичу⁴, Анат.⁵, Станиславу⁶.

20. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

26 сентября (9 октября) 1908, Женева

Дорогие товарищи, с книгой Quinton — L'unite de la vie — какая-то путаница. Здешний университетский магазин пробовал выписать из Парижа — там не нашли. В каталогах тоже не нашлось. Не понимаю. Мне казалось, между тем, что я ее видел даже здесь. Не можете ли узнать, чье издание?

Привет всей Вашей компании.

Ал.

21. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

28 или 29 сентября (11 или 12 октября) 1908, Капри

Дорогой друг —

От Пятниц<кого> — ни слуха, ни духа¹, от Скворцова — тоже².

«Знанию» послана телеграмма: «Прошу обратить внимание на предложение Скворцова Ив.Ив.: Не согласитесь ли войти переговоры “Знанием”, Контора мною предупреждена»³.

Выбор книг по известной Вам серии — Вам принадлежит, — Кэнтон указан мною со слов Луначар<ского> и Станислава⁴.

Телеграфировали «Знанию» о присыле денег для уплаты Степанову и на авансы переводчикам. Получив деньги — перешлю Вам⁵.

Начинается драка⁶! Благослови вас сатана, правительства европейские! Питаю сладкую надежду, что некоторые правительственные шеи в этой драке будут сломаны.

Нужно ждать, что «Образование» снова обратится к нам за помощью и поддержкой: обе группы, и люди «Товарища», и триада Мер-Гип-Фил не спелись с Василевским⁷.

Забыл сообщить, что условия по «курсу экономии» и по книге «Из психол<огии> о<бществ>ва» — списаны мною и посланы «Знанию»⁸ — м.б. письмо это еще застанет Пятницкого.

Написано также, чтоб немедля выслал деньги Степанову, за предисловие и редакцию Ферворна и на авансы переводчикам других брошюр⁹.

Оказывается, что Кон<стантин> Петр<ович> не мог выехать до сей поры по причине холерной паники, от коей публика бросилась бежать кто — куда. Ему, К.П., пришлось трижды прививать себе холеру, для того чтоб убедить в полезности прививки знакомых и служащих конторы. Не очень забавная штука.

Привет!

Когда получите Ваши экз<емпляры> «Приключений» — верните мне 5 моих¹⁰. Я имел 60, но уже все роздал.

20 экз. послал в Мотовилиху, 20 — в Сормово и 20 — в Тифлис. Знаете — славная это книжка, и хорошее она сделает дело¹¹.

Н.Б. — крепко жму руку.

А.

В одном из писем мне пишут: «Василевский говорит: глупо было допускать выход из жур<нала> с-деков. Что о них не говори, а — все-таки это единственные люди, которые нечто знают, умеют работать и дают подписчика»¹².

Посылаю — курьеза ради, американскую газету. Антон Щербак — это организатор крестьянской стачки 906 г. в Сумском и Лебединском уездах¹³.

Прочитав — пошлите №№ в ред<акцию> «Пролетария».

Поклоны и приветы.

А.П.

22. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 3 (16) октября 1908, Капри

Дорогой товарищ —

Войтоловский предлагает книгу, конспект которой при сем посылаю¹.

Я ответил ему, что постараюсь устроить работу его в «Знании» — но при обязательном условии: если Вы возьмете на себя труд редактора, а также — в случае нужды, напишете предисловие.

Книгу я считаю ответственной и своевременной, тему — трудной и опасной, издавать ее без Вашего просмотра — не нахожу возможным².

Судя по статье Войт. в «Распаде» и по брошюре «Текущие моменты»³ — автор неясно видит читателя и не тревожится стремлением оберечь юный его мозг от вывихов.

А с другой стороны нам — преколлективистам по Базарову⁴ — необходимо и настало время сказать свое слово по вопросу о психике толпы против г.г. Тарда, Сигеле, Мих<айловского> и иже с ними⁵.

Получил повестку на деньги для вас и на авансы — но денег еще не получил.

У нас живет товарищ Ида, боевичка, помните — на Лонд<онском> съезде? — с мужем, который тоже большевик и — скрипач⁶. Ездят по Европе, дают концерты для рабочих, с большим успехом. Завтра у них концерт в Неаполе, зал «Camera del Lavono». Удивительно хорошая пара!

И прекрасная здесь погода. А вы вот сидите в мурье⁷.

Н.Б.! Гоните вы его вон из Гельвеций⁸! Какая радость человеку торчать среди пиков горных?

Приезжайте!

Все приветствуют вас.

А. Пеш<ков>

23. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 6(19) октября 1908, Женева

Дорогие товарищи, об Ив<ане> Ив<ановиче>¹ я еще не имею известий. Он, во всяком случае, полагает, что будет в состоянии

вести работу и в тюрьме, если скоро не выпустят. Но последнее мне кажется мало вероятно: арест изолированный, держат в участке, свидания дают каждый день; видимо — арест «охранный». Теперь, значит, переговоры должен вести я, — если «Знание» найдет возможным заключать условие при таком положении. Надо ли мне писать Пятн<ицкому> в П<етербур>г, или он скоро придет на Капри²? Тогда бы нам скоро удалось, вероятно, перетолковать лично.

Часть перевода Ле-Дантека получил и уже отослал Базарову — редактировать³. Он все справляется насчет переводов этой серии — Ле-Бон⁴ и др....

Зимин⁵ на днях будет в Берлине, и скоро, вероятно, здесь.

Что же Луначарский не шлет статью⁶? Он хотел, помнится, очень скоро прислать.

Прочитал конспект Войтоловского — не все понимаю, и нет априорного доверия. Не надо обязываться заранее слишком прочно.

Перевод на 405 фр. с сант. получил.

Прилагаю Бакинское письмо⁷, полученное Михой (Гургеном). Из него узнаете, между прочим, что живете Вы в Женеве, в библиотеке (очевидно, перемешали Вас с Вашими произведениями). Газета «Бак<инский> раб<очий>» большевистская — вот все, что о ней знаю. Кажется, притом, легальная, как это совмещается — не знаю.

Прилагаю листок шахматных формул, который прошу при случае переслать (через Лунач., когда будет у Вас) Лоренцу⁸.

Эк<земпля>ры брошюры⁹ (8) получил; спасибо; верну, когда получу сам.

От Наташи Вам привет, она сейчас не дома — все бегает по делам о браке Лид<ии> Павл<овны>¹⁰. Ночью опять был припадок — что-то в роде желч<ных> камней. А впрочем, диагноз врачом не установлен.

Привет Вам обоим, Зиновию¹¹, Лунач., тов. Юрию¹² и Тихонову¹³, (перепутал имена¹⁴), Каталди¹⁵, Кармеле¹⁶, Бертини¹⁷, Пепито¹⁸, морю, пульткам¹⁹, кальмарам и всему Капри.

Аминь.

Ваш А. Б.

24. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

7(20) октября 1908, Женева

20/X.

Дорогие друзья, Иван Иванович опять уже вступил в переговоры

со «Знанием», оказалось, что все было чепуха. Лишь бы его письмо (от 16/3 октября) еще застало там Конст. Петровича¹. Он пишет, что поедет лично, если только это потребуется.

Горячий привет.

Ваш А. Б.

25. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

8(21) октября 1908, Капри

Дорогой товарищ,
рукопись отправлена в «Знание»¹ на имя Базарова, о чем последний извещен².

Не найдете ли уместным исключить в корректуре некоторые ремарки — «улыбаясь», «тоном ученика на экзамене» и проч.?

Дело в том, что — как мне кажется — некоторые из них могут быть истолкованы враждебной критикой, как признаки самодовольства В. и ограниченности А.³ Это — мелочь, но так как, на мой взгляд, противникам нашим в данном случае ничего не оставлено, кроме мелочей, то они за мелочи и уцепятся. Никаких шероховатостей — по возможности, — червь, подобный Изгоеву, не в силах будет вползти на статью⁴.

В общем — я ставлю диалоги Ваши очень высоко и уверен в их могучей пользе.

На 8-й стр. есть фраза: «не увлекайтесь в пессимизм». Это немного напоминает одесский язык, — «я скучаю за тобою».

А.В. кончил статью; она кажется мне сильной, но я поставил бы первую часть на место второй — так впечатление цельнее⁵.

Сейчас я пойду к нему, понесу статью, — полагаю, что А.В. при мне же сделает некоторые поправки в стиле, который у него, порою, колеблется, затем я возьму статью и дам ее М.Ф. напечатать⁶. Это — необходимо для Вас и для набора — статья написана четырьмя почерками, один почерк мелок, другой — неразборчив, третий принадлежит самому автору, а четвертый переписчик малограмотен. Сие обстоятельство могло бы Вас раздражить, что не нужно, ибо может отразиться на суждении о статье. Не покажется ли, что в первой части есть длинноты, заметны повторения. Не найдете ли, что некоторые эпитеты и для профессора Умова — крепки⁷?

Статью эту Вы получите послезавтра⁸.

Арест Ив. Ив. — тяжелое событие⁹. Возбуждает грустные соображения. Очень боязно за Руднева¹⁰. Но — главное: выходят

люди из строя, как раз в тот момент, когда силы их должны бы концентрироваться около той огромного значения работы, коя начата¹. Ныне в тюрьмах едва ли много наработаешь!

Вот и вы тоже — тратите массу энергии на дела, кои с не меньшим успехом могли бы быть сделаны другими.

Торопитесь сюда, дорогой Ал. А.!

Привет!

А.П.

26. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

9(22) октября 1908, Женева

Дорогие товарищи,

сегодня мне удалось интересное наблюдение над сновидениями — как раз на ту тему, на которую Вам требовалось. Когда я заметил, что целый пароход, только что видимый мною, исчез неизвестно куда, я сообразил, что имею дело со сновидением, и вспомнил наш разговор о звуках и тенях. Тогда я стал систематически наблюдать. Оказалось, что *тени имеются*, но очень плохо координированные с положением источника света (там была лампа на стене): форма и величина теней больше, чем следует, подходила к форме и величине предметов, меньше искажалась, чем геометрически следовало.

Звуки тоже есть (треск брошенного об пол пресс-папье). Пробовал управлять ходом сновидения в целом — не удалось, условия сна были нормальными (без наркотиков); сон яркий, но путанный. Вот и все. Горячий привет.

Ваш А. Б.

Об освобождении Ив<ана> Ив<ановича> писал уже Вам.

Григ<орий> Алекс<еевич>¹ просит сообщить адрес Лядовой² (на случай аванса): Avenue de Chatillon, 64, Paris, m-me L. Mandelstamm.

27. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

12(25) октября 1908, Женева

Дорогой товарищ, у Вас есть корректура брошюры Ферворна, не можете ли прислать мне ее express'ом, я, вероятно, успею еще прочитать здесь одну лекцию, и мне мое предисловие было бы очень кстати. Что касается моей статьи¹, то напрасно Вы сами не

вычеркнули то, что надо: в таких-то пределах мы всегда исправляем статьи друг у друга, не спрашивая, а в корректуре — менее надежно, часто, я заметил, наборщики игнорируют технически для них неудобные поправки. Читали «Г<олос> С<оциал>-Д<емократа>»? И фельетон Плеханова²? Приятно было бы видеть врага, таким слабым и раздраженным, если бы не было с ним связано столько воспоминаний. Наташа по делам уезжала в Париж, но сейчас вернулась очень злая: не интересное дело быть «шафериней» на свадьбе³.

Привет Вам самый горячий от нас обоих. Зимин⁴ уже в Берлине. Всего самого лучшего.

Ваш А.

Кэнтон отдельного издания не оказалось вовсе, вероятно, это были статьи в журнале, постараюсь разыскать. Скоро выйдет одна компиляция по Кэнтону⁵.

28. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

18(31) октября 1908, Капрв

Вас, дорогой товарищ, наверное, несколько удивило письмо М.Ф.? Это я напутал: получил письмо от Амфитеатрова, а ответил на него Вам. Почему, *Quilo sa*¹? Все время писал статью² для Старика, написал листа три, очень издергал себя первым, изозлился и вообще — устал. Статью на днях вышлю Вам³, очень прошу о строгом отношении к ней, мне она не нравится. А<натоллий> В<асильевич> находит ее приличной, но — он слишком любезен и мироволит ко мне⁴.

В каком положении Ваша статья⁵, имеете ли ответ от Базарова и как принята вами работа Анат. В-ча⁶?

Читал Плеханова⁷. Жаль его, жалко время — потраченное на чтение — вот и все. Какой тон! И это «*tira bien*», повторенное столько раз, что вызывает ненависть к французскому языку и знанию его Плехановым.

Пятницкого — нет⁸. Это меня приводит в бешенство. Вы не читали «Мои записки» Андреева⁹? Вещь — зверская, сей муж превратился в мистического анархиста школы Георгия Чулкова¹⁰, иронизирует над позитивизмом, материализмом, активностью и вообще — философит, удаляясь в стан врагов. Но, в то же время, предлагает «Знанию» свою пьесу¹¹.

Не понимаю, когда Вы сюда приедете¹²?

Зову Базарова, ибо нам нужно снова видеться и говорить друг с

другом о необходимости отмежеваться от таких единомышленников, каковы, Шулятиков, Стеклов, Чарский, Фриче и т.д.¹³ Люди сии — опаснее врагов, как вы знаете, они сильнеешим образом компрометируют идеи, которые защищают, о чем и свидетельствует, с тяжелой ясностью, их «Кризис театра»¹⁴.

Пока — до свидания. Н.Б. — поклон, Алексинскому прилагаемую записочку передайте¹⁵.

А.Пеш<ков>

Письмо Войтоловского — возвратите¹⁶.

29. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

20 октября (2 ноября) 1908, Женева

Дорогие друзья, приедем, вероятно, в воскресенье¹. Статью Ан<атолия> Вас<ильевича> привезу с собой — оттого ничего и не пишу ему пока о ней. Свою статью еще не кончил², но осталось немного. Реферат был очень нужен — по обстоятельствам дела. Передайте мой совет Ан. Вас. на предложение поездки с рефератами ответить отказом или вроде этого.

Ваш А. Б.

30. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 29 ноября (12 декабря) 1908, Женева

Дорогие товарищи,

доехали мы до проклятой Женевы, с Божьей помощью, благополучно, хотя итальянские поезда и запаздывали неуклонно, разрушая все расчеты. Здесь половина переехала уже в Париж¹; коллегия постановила просить меня о том же. Конференция будет в конце декабря², если не помешают провалы; место — ужасно далеко отсюда. Здесь конфликты идут себе помаленьку, а нового — ничего. С политич<еской> экон<омией> решил я поступить так: написать поскорее ее первую главу — определение и методы экон<омической> науки — и послать Ив. Ив. Эта глава предрешает весь характер книги. Если он согласится на то, чтобы книга в целом соответствовала ей, то дело улажено. Если нет — комбинация будет разрушена, и тогда, если издательство пожелает, я возьму на себя написать книгу на близкую к прежней теме, но более узкую по

содержанию, так сказать — философию политич<еской> экономии³.

А пока — практическое дело. Для всех моих поездок и пр. понадобятся мне деньги. Я хотел бы получить за статьи для сборника половину, как полагается, гонорара; написано же мной для сборника не менее 7 листов. Напишите об этом в П<етербур>г⁴. И пусть посылают, для скорости, прямо сюда.

Кроме того, получил письмо от переводчика П. Степанова⁵. Письмо это прилагаю. Адрес его следующий:

Paul Stepanoff, Schwartzkopfstr. 11 (Hof. IV Tr. 1.), Berlin.

Алексинский еще не возвращался со съезда⁶. Залевский⁷ просил, чтобы его допустили на этот съезд для важных заявлений — съезд отклонил единогласно. Был меньшевистский съезд заграничных групп⁸. Что решили — неизвестно.

Горячий привет Вам от нас обоих.

Ваш Александр

31. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 30 ноября (13 декабря) 1908, Женева

Дорогие товарищи, я вчера писал Вам о своих планах относительно Ив<ана> Ив<ановича>, и боюсь, чтобы из этого не вышло недоразумения. Я почти не сомневаюсь, что мы с ним столкнемся относительно общей работы¹, и хотел только указать, что если бы даже (что почти невероятно) дело у нас с ним расстроилось, то я и тогда позаботился бы, чтобы издательство не потерпело ущерба, — так что из-за этого *не требуется* откладывать окончательного соглашения «Знания» с Ив. Ив. Пишу это потому, что во всех письмах Ив. Ив. говорится о необходимости как можно скорее покончить дело (он, по-видимому, совсем без работы).

Слух о провале, который мог бы затянуть дело с конференцией, по-видимому, опровергнут, и она будет в конце декабря².

Получил жалкое письмо от Каменева³. Философски, говорит, я эмпириомонист (с сомнениями), а политически — я за Ленина; очень, говорит, это тяжелое положение...

В организованном м-ками съезде заграничных групп⁴ не приняла участия не только группы б-ские, но и некоторые рабочие меньшев. группы. Характерно.

Нового ничего. Горячий привет Вам обоим и всем друзьям на Капри.

Ваш А. Б.

32. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 20 декабря 1908 (2 января 1909), Париж

Дорогие товарищи, добрался я, значит, в Париж благополучно, но там благополучия особого не нашел. Положение дел ухудшилось еще. В<икто>р взял обратно свою отставку, и конечно, большинством голосов принято считать ее недействительной. Мой план атаки пришлось отложить, вследствие протеста Марата, к-ый находит, что если все они (что он считает неизбежным) станут отрицать факты, то именно на него падет вся тяжесть дела. Мы с ним решили передать дело на решение Зимины¹.

А «они» решили сократить пособие центр<альной> областной орг-ции и посылать его через П-рг; деньги же на возобновление типографии (орг-ция просила 500 р.) не давать, пока находящееся в П-рге бюро (т.е. тов. Мешк<овский>.) не признает этого нужным²; а он, очевидно, получит инструкцию не отвечать на запрос или ответить отрицательно. Вообще, очевидно, по совету В<икто>ра, решено приводить к покорности росс<ийские> орг-ции «не дубьем, так рублем». И т. д., и т. д....

Адрес Домова мне удастся узнать только на днях, и тогда я напишу ему самое энергичное письмо³. Нашел ли Лунач<арский> В. Попова⁴?

Был у меня один уралец, ч-к надежный, участник серьезных приключений. Скоро он отправляется в поездку, из которой, очень вероятно, не вернется никогда. Хотелось ему, как одному из последних оставшихся членов активной группы, передать Ал. Макс. ее историю; но письменно он этого не сумеет и не успеет сделать. Он поехал бы для этого на неск<олько> дней на Капри, если бы нашлись средства на поездку⁵, что-нибудь вроде 150 фр. (он живет в Женеве). Я ему сказал, что сильно сомневаюсь, найдутся ли эти средства, — но конечно, считаю себя обязанным передать об этом Ал. Макс. О том же этот уралец раньше говорил Алексинскому, и тот также хотел написать Вам⁶.

Корректур⁷ еще не получал. Базаров пишет, что «Знание» и тут канители. Тему, ему мной предложенную (о мировоззр<ении> синдикализма), он берет охотно⁸.

Я работаю успешно, но работа несколько разрастается.

Горячий привет вам обоим и всем друзьям.

Ваш А. Б.

Шлю всем Вам горячий привет. Как здоровье Мар. Сергеевны⁹.

Спасибо З<иновию> Ал<ексеевичу>¹⁰ за привет и очень хорошенькую открытку.

Ваша Н. М.

33. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

24 декабря 1908 (6 января 1909), Париж

Дорогие товарищи, простите, что пишу карандашом, — там, где я сейчас нахожусь¹, ни чернил, ни перьев нет, все пишут карандашами; и я пользуюсь речью скучного оратора, чтобы написать несколько слов.

Во-1), отчего Вы так долго не даете известий о себе? Здоровы ли Вы все? Или просто, м<ожет> б<ыть>, очень заняты?

Во-2), имеются ли какие-нибудь новые планы к нашим сборникам? С первым из них дело приходит к концу. Завтра пошлю в «Знание» ст<атью> Базарова². Выбрал ли Ал<ексей> Макс<имович> себе тему для 2-го сборника? Приступил ли к делу Лунач<арский>³?

О статье Баз. должен сказать: по направлению подходит, по форме — очень тяжела: много философских тонкостей; много иност<ранных> слов. Считаю, что для *коренной* переделки нет времени, а отказаться от статьи из-за недостатков формы нельзя. Я повычеркал много иностр. слов и трудных мест, и пишу Базарову, чтобы он еще продолжил это дело, где я уже не решаюсь действовать сам, даже опираясь на Вас. В общем, *после* моей статьи, это будет не так уж трудно; и логически ст. Баз. должна идти после моей⁴, — такова ее тема: более обстоят<ельное> доказательство «коллективности» физич<еского> мира и познания, критика «собственности на переживания», т.е. познават<ельного> индивидуализма.

Выходит немного некрасиво: две мои статьи подряд. Но это сглаживается разницею формы и подписи⁵.

Вернулся домой и застал Ваше письмо⁶. Кончено, я просто бестолков, что спрашивал, отчего так долго не пишете: у меня исчезло из поля сознания, что Вы в той самой Италии, где произошла катастрофа⁷. Что дает она Италии? Усилит надолго иллюзию сотрудничества классов? Или национальный порыв перейдет потом в революционную энергию, в дух борьбы? Вот что хотелось бы знать, и о чем так трудно гадать, не видя того, что происходит. А у Вас есть уже мнение об этом?

Итак, продолжаю. Базарову я предложил заняться мировоззрением синдикалистов и революц<ионными> индивидуалистич<ескими> построениями, в роде только что вышедшей книги Станислава⁸. Написал ему о своих темах и о теме Лунач. Что Вы думаете о предложенном мною для Баз. сюжете? Я исходил из того, что это близкая ему тема. Но он может, ведь, брать также лит<ературно>-критич<еские> сюжеты.

Конференция еще идет⁹, затем будут дополнит<ельные> собрания¹⁰ (администрат<ивные>). Значит, раньше 15-го к Вам не попасть. Мы с Наташей уже устроились здесь (rue Durand-Claye 6^{III}).

Много странных вещей происходит, но рассказать в письме невозможно¹¹.

Горячий привет от нас обоих, от Зимины (он *был* здесь), от Станислава и Лядова.

Ваш Ал.

Я написал в «Знание», что желательно приступить к печатанью, и дал список статей по порядку, а также напомнил, что корректуру надо посылать мне (причем дал адрес). Подтвердите им все это¹², а то я не знаю, примут ли они мое письмо во внимание (я писал Боголюбову¹³).

34. ГОРЬКИЙ И Л.Б. КРАСИН — А.А. БОГДАНОВУ

10(23) февраля 1909, Капри

Дорогой товарищ!

Этот проект письма к организациям посылаем Вам¹.

Сообщите, годен ли он, или, в противном случае переделайте и пришлите². Основные положения его хотелось бы сохранить, за верность ручаюсь: отчеты с мест в «Пролетарий», «С-Д» и «Правда», да и мой собственный опыт³. Говорили ли Вы о школе с Л<ядовым> и др<угими> тов<арищами>. Каково их мнение⁴? Стоит ли об этом поднимать разговор в печати. Это письмо печатать не следует по сообр<ажениям> такт<ического> характера.

Присылайте нам «Пролетарий» на тонкой бумаге для России экземплярах в пяти и отчеты конференции⁵. Лядов и Станислав⁶ отчета в москов<ской> организации не сделали и уехали. Причина, кажется, кроется в существовании там провокации. В Москве очень интересуются разладом в нашем центре, и просят у меня его освещения. Я воздерживаюсь, пока не будет достаточно данных⁷.

P.S. Не находите ли Вы нужным поставить подписи под этим письмом. Это было бы очень недурно для придания предпр<иятию> более серьезного характера, или об этом параллельно сообщите?

По этому делу мною написано Шаляпину и еще в одно место. Думаю, что если наберем 5/т. — с этой суммой можно начинать⁸.

Мих. предполагает послать по организациям Зиновия, собирает адреса⁹.

Тихонов пишет:

«За одной из “застав” веду научно-философский кружок рабочих. Насаждаю э-монизм. Хочу новорожденную теорию окрестить опытом, загадку мысли окрестить действительностью. Начал недавно, но уже есть все шансы на большой и глубокий успех. Очень интересно и поучительно. Не столько учу — сколько учусь, ибо простодушное незнание моих слушателей часто мудрее патентованной мудрости и часто какой-нибудь наивный вопрос заставляет падать от испуга в обморок всю мою двадцатилетнюю интеллигентскую ученость»¹⁰.

Мне это нравится.

Строев в Дерпте, преподает в гимназиях науку — русский язык¹¹ — его выпирает начальство, а он не уходит. Ведет кружки молодежи и очень хвалит оную, и очень доволен работой своей. Должно быть, действительно, хорошо, письмо — бодрое и живое.

Отвечайте. И вообще — пишите. Дело со школой надо гнать! Вы хорошенько Н-ча¹²! За всех, кто имеет далари!

Кланяемся. Приветствуем!

А.

35. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 5 (18) марта 1909, Капри

Дорогой мой товарищ —

Сегодня послал Ал<ексинско>му 500 л., предлагая ему ехать сюда. Он бы с Михаилом занялся здесь организацией школы, а то мне страшно некогда¹.

Рассчитали мы так: на первое время созвать 20 человек, курс 4 месяца, — выходит у нас максимум на человека на все время — т.е. 4 мес. С проездом сюда и обратно по 1000 л. на едини<цу> и значит — 20,000 лир.

Уверен, что соберем эту цифру.

Говорят Н<икити>ч чувствует себя плохо — зову его сюда на

излечение и отдых².

Убедительно зову и Вас³! Бросьте вы эти склоки и гнилой Париж! Нечего вам делать там, нечего!

Михаил сочиняет брошюру — популяризируя эмпириомонизм⁴. По-моему — удачно. Необходимо Ваше присутствие.

В Москву написано. Санкция оттуда, — уверенно говорит Михаил — будет⁵.

Привет.

А.П.

36. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 10(23) марта 1909, Капри

Дорогой товарищ —

посылаю рукопись статьи Михаила¹. Он просит Вас внимательно прочитать эту вещь, сделать на полях Ваши замечания, а — где найдете нужным — развить и пояснить его мысль.

Сейчас он занят предисловием к этой статье. В предисловии речь идет об интеллигенции: почему она взялась за организацию рабочего класса и почему теперь — убежав от пролетариата, пытается организовать буржуазию. Как материал — он имеет статьи Струве, Бердяева, Изгоева, Галича и статью Юшкевича в «Вершинах»². Сию статейку читали?

Не дурна тоже рецензия Валентинова на книгу «Кант и Маркс»³.

А о школе и связанных с нею вопросах ничего не буду писать, предоставляя это Михаилу⁴. Весьма удивлен той частью Вашего письма, где речь идет о школе, да и все оно — малодоступно пониманию моему. В одном не спорю — люди разные, увы! это верно. И это дьявольски грустно, когда они разно мыслят в вопросе, где должны бы мыслить одинаково. Единства ищем, но мыслим — разно. С фактом этим встречался всю жизнь, а все еще не могу встречаться с ним без недоумения.

Ну, ладно, в сторону это.

Михайло — превосходная натура, Вы правы, я же день ото дня все более ценю и уважаю его⁵. Жду Вашу статью⁶. Можно будет прочитать ему ее, да?

Всего доброго и успеха — во всем от души.

Но — лучше всего: отодвиньтесь в сторону, пускай враг колотит кулаком по воздуху, а когда он утомится в этом, вы его легонько щелкнете по лбу и — дело сделано! Чудесная манера драки!

А в моем ведомстве новость: Чириков и Арцыбашев выступили в одном собрании в частном доме — с речами против евреев в литературе⁷. Кажется, отсюда возникает серьезный скандалище. Приятно быть русским писателем в начале XX-го века!

Жму руку. Н.Б. — поклон. Кто это Сметковский⁸?

А.П.

37. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

18(31) марта 1909, Париж

31/III.

Дорогие товарищи, что-то непостижимое делается с нашим сборником — вот уже 3 месяца, как сдан в печать, а его все нет. Недели 2 назад мне прислали телеграмму: «где начало ст. Лунач<арского>?». Я ответил, точно выяснив дело по распискам: «послано в такой-то день». И затем — гробовое молчание¹.

Статью Михаила² я начну рассматривать обстоятельно только — на этих днях. Объективной возможности не было. По-моему, ее заглавие должно быть таково: «Чего мы требуем от философии?», ибо таков ее действительный сюжет, и он выполнен хорошо. Дополнения, даже и в рамках этого сюжета, необходимы. Очень хороша форма. Я считаю эту статью только началом и ожидаю от него очень многого.

Я телеграфировал Вам: «выкиньте Степанова»³ из списка преподавателей не потому, чтобы он не был осведомлен о школе — его должен был осведомить Станислав, — а потому, что хорошо его зная, опасаясь, как бы пользование его именем без его предварит<ельного> согласия не повело к ухудшению отношений с ним, тем более, что тут есть еще *конспиративный* момент, к-ый у него играет большую роль.

М.К. сейчас состоит из 1-го выборного и 5 не выборных. Значение его не велико. Там — Шулятиков⁴, озлобленный на нас за ст<атью> Луначарского, затем одна из креатур Ленина и 2–3 юных. Только один выборный, рабочий, анти-бойкотист, но настроенный партийно.

Вчера выступил перед б<ольшевы>ками и м<еньшевы>ками с изложением нашей позиции в ответ на грубо полемич<еский> доклад Ленина и злорадно хихикающий доклад Дана⁵. Развил примирительную точку зрения, но сейчас же вскочил Григорий⁶ и от имени редакции отверг ее, заявляя, что они будут вести

«принципиальную» и «отчаянную» борьбу против отзовистов. Я выступил только для того, чтобы не могло быть формального упрека в замалчивании, и больше не намерен.

Завтра моя лекция на тему статьи⁷. Статья еще не кончена, но сейчас самая легкая часть. Будет, пожалуй, листов 7. Тогда пришлю.

Получили ли резолюции Обл<астного> Бюро⁸? Лядов здесь. Он говорит, что в пункте о «финансовом руководстве» Ц<ентральное> О<бластное> Б<юро> подразумевало и *техническое*. Таким образом, это — законная санкция всего дела.

Луначарскому писал из Германии⁹, в пути.

Поляки, кажется, поддержат нас в анти-раскольничьей тенденции¹⁰. У них есть основания для этого.

Семковский все пристает о своей статье¹¹. Что ему сказать? Если есть шансы на «Знание» (брошюра, по-моему, была бы полезная) — напомните.

Предлагают 10.000 рублей на нашу энциклопедию¹² (и эта сумма уже имеется), а затем *почти наверное* еще 10.000, то и другое, **если** мы со своей стороны достанем 20–25 тысяч, что гарантировало бы прочность дела. Что ответить? Срок ответа о вторых 10 тысячах — месяц; желателен к тому времени ответ от нас.

Горячий привет всем вам.

А. Б.

38. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 20 марта (2 апреля) 1909, Капри

Дорогой товарищ —

О Сементковском ничего не могу сказать¹ «до приезда Пятницкого» — что равносильно «после дождика в Четверг»².

Посылаю «Вершины»³. В статье Юшкевича обратите внимание на «выпяченность» его философии.

Уральца — шлите сюда⁴. Документов никаких не требуется, хотя в связи с убийством в Риме⁵ за русскими здесь присматривают.

Получил письмо от Покровского⁶ — хорошее! Ждем его и Вас сюда. На Ваше письмо не отвечаю — некогда до смерти!

Обнимаю, привет! Будьте спокойны, не ругайтесь, пожалуйста.

Очень люблю и высоко ценю Вас.

А.

39. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

25 марта (7 апреля) 1909, Женева

7/ IV.

Дорогой товарищ, я все более склоняюсь к мысли, что в «Знании» против нас устраивается какая-то гнусность. Больше месяца тому назад я отправил последние корректуры, а о сборнике ни слуху, ни духу¹. Ив. Ив-чу также, по-видимому, задержали высылку гонорара, говорю — по-видимому, п<отому> ч<то> Ив. Ив. с величайшей аккуратностью высылает мне каждый раз половину, а теперь против обычного месячного срока пропущено уже 4 дня². Я невольно сближаю все это с пребыванием там Бонч-Бруевича³, и сообщением его Иннок<ент>ию⁴ о негодовании Пятницкого за отказ Ленину⁵. Сам Бонч-Бр. — злостный сплетник, крайне враждебно относится ко мне, п. ч. я раз дурно с ним обошелся. И я невольно припоминаю, как Пятницкий по несколько месяцев держал уже опечатанные книги печальной памяти «Румянцевской» библиотеки⁶, что окончательно их погубило. Может быть, все это одна мнительность, но факт остается несомненным, что драгоценное время уходит, сборника нет, а он нужен для нашего дела.

По поводу школы, М. К. (в к-ом только 1 выбранный рабочими) принял подлую резолюцию⁷, а Б. Ц. дополнил ее еще более подлой⁸. Эту последнюю, как и свой ответ на нее, на днях пришлю Вам⁹. При всем том, Б. Ц. признает в ней, во-1), право школы на существование, во-2), упоминает о том, что Ц. Обл. Б. ее утвердило. По-моему, нам тем более надо считать резолюцию Обл. Бюро за утверждение. Б. Ц. полагает, что мы должны обратиться еще в Ц. К., где, по словам Б. Ц., б-ки не должны отказывать в утверждении, «так как даже в думской фракции в качестве экспертов работают оппортунисты». По-моему, ни о каком обращении в Ц. К. не может быть речи, школа должна числиться при Ц. Обл. Б. и других орг-циях, к-ые ее утвердят.

Выручил декларацию Михаила¹⁰. Надо ли ее переслать ему сейчас?

С рукописью Мих.¹¹ у меня все замедление — не дают за нее как следует сесть спешные дела. Все мои замечания сведутся почти исключительно к желательности тех или иных дополнений. Поэтому, если Михаил написал еще главу, м.б. он ее пришлет? Тогда некоторые замечания могут отпасть.

Горячий привет.

Ваш А. Б.

Мы оба поздравляем Вас всех с Пасхой. В прошлом году мы были с Вами вместе.

Привет всем.

Ната

40. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 5(18) апреля 1909, Капри

Дорогой товарищ —
сообщаю письмо Базарова¹.

Идея журнала — мне кажется трудноосуществимой, я стою за сборники². Так же и Луначарский. Редактировать журнал издали — возможно ли? Лично я — от редакции беллетристики — решительно отказываюсь и ни в каком случае не возьму на себя *одного* эту обязанность, слишком трудную и ответственную по нынешнему временам. *Все* отделы журнала должны, на мой взгляд, редактироваться коллективно.

Бунин уверенно говорит, что он, возвратясь в Рос<сию>, постарается достать и достанет 50–100/ т<ысяч> на организацию нашего издательства³. Он назвал людей, которые могут дать деньги — я их знаю и, мне кажется, что они, действительно, дадут, ибо фонды наши заметно поднимаются в публике.

Они, надо ждать, поднимутся еще выше, когда выйдет сборник. Имею точное известие, что он выходит на Фоминой⁴.

Как вам известно, М<ихаил> решил ехать в Россию⁵. Эта поездка очень опасна для его здоровья, но, пожалуй, она необходима и для дела, и лично для него. Ибо — такие штуки, как присланная вами резолюция, вызывают у него столь повышенное нервное состояние, которое разрешается кровохарканьем. При туберкулезе очень важно иметь хорошие нервы, это я знаю по опыту. Живя здесь, он страшно мучается и буквально горит от таких сюрпризов, каковыми награждает нас Париж и Ленин⁶. Поездка по морю, вероятно, будет ему полезна. А возвр<атится> сюда он уже не один.

Приехал Алексинский⁷. По скорости явится Тихонов⁸, в мае, — Строев⁹.

А относительно книгоиздательства я лично встречаю все более препятствий для решительных переговоров. Ставится вопрос, что вы можете дать? Я теперь могу говорить лишь о ряде сборников, а относительно энциклопедии — уже не считаю себя вправе давать какие-либо обещания¹⁰, ибо — по философии затеяна работа

Станислава¹¹, вне связи с нами, о Покровском Вы знаете¹².

Между тем — энциклопедия — это самая главная приманка для издателя, и наиболее солидное дело, необходимость осуществить его ныне понимается даже кадетами. В Москве, как мне известно, об «энциклопедии» для рабочих рассуждают люди из «Крит. обозрения», т.е. Франк, Кистяковский и т.д.¹³

Всего доброго!

Кланяемся.

А. Пешков

41. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 12(25) апреля 1909, Женева

Дорогие товарищи, по вопросу о школе я должен сказать Вам откровенно, что Вы, на мой взгляд, сильно нервничаете. Я не знаю, конечно, как обстоит дело с материальной стороной, — но *в ней и только в ней вся суть*. Резолюция Б<ольшевистского> Ц<ентра> возмутительна, разумеется, но никакого *реального* препятствия для школы она не составляет. Законное утверждение от организации местной и, формально стоящей выше М<осковского> К<омитета>, — Цент<рального> Обл<астного> Б<юро> — получено; юридическая сторона вопроса исчерпана. Б.Ц. может советовать Вам обратиться в Ц.К., в совет министров, в 3-ю Думу — куда угодно, — но Ваше дело, принимать ли в расчет эти советы. Поддержка школы, кроме того, обеспечена не столько со стороны Ц. Обл. Б., но и со стороны тех 4-х орг-ций (Моск. Окружн., Сорм., Владим. и Кинеш.), которые приняли резолюции против политики «Пролетария» вообще¹. Если моск<овские> рабочие, по крайней мере, в некоторой своей части, сочувствуют, то вопрос о составе «учащихся» практически решен. Предположим — что совершенно невероятно, — что школу Ц.К. и др. учреждения подвергнут анафеме и будут проклинать на всех литургиях. Является в Лефорт<овский> или иной район представитель школы и говорит: «желаете ли послать в благослов<енную> страну товарища поучиться? Школа проклята начальством, но существует с разрешения Обл. Центра; ее участники — Горький, Михаил, Алексинский, Богданов, Лядов и др. Деньги на проезд — вот; существование там товарищу гарантировано». И Вы полагаете, что в ту же секунду не начнется драка из-за того, кому именно ехать? Вы думаете, для пролетария большевика анафемы будут тогда весить хотя один миллиграмм? Это

совершенные пустяки.

Что касается набора человек 20, то Лядов, недавно приехавший из России, опровергает мое соображение, что это было бы слишком сильным кровопусканием для местной работы. Правда, он опровергает его довольно грустным аргументом: «да какая там сейчас работа? Можно взять и больше 20-ти». Значит, я по этому пункту больше не спорю.

Дело о школе на месте находится в верных и сильных руках: Станислав сделает все, что в человеческих силах, а *Степанов его поддержит*.

И теперь перехожу к вопросу об отправке Михаила.

Ведя дело В.², я приобрел, между прочим, точные сведения о постановке провокации на местах. В П-рге, Москве и Харькове, несмотря на раскрытие нескольких провокаторов, больше кандидатов в провокаторы из с.-д. *не берут*: говорят, вовсе не требуется, более, чем достаточно. Затем, мои предположения о центральной провокации все более переходят в уверенность. Сообщаю под большим секретом, но с гарантией верности: в то время, как подозреваемый мною персонаж был бундовцем, существовал в Бунде шпион, *носивший ту же фамилию*. По-моему, 99 против 1-го, что это одно и то же лицо; и мои усилия теперь направлены к установлению этого тождества. *Около* центра усматриваются еще 2 персонажа, кои суть провокаторы с огромной вероятностью³ (заподозрены Алексинским и мною уже давно).

В феврале мы отправили в Москву тов. Максима⁴. Об его отъезде редакция знала, но паспорт нам удалось дать свой. Результат: границу он переехал благополучно, и в Москве полиция не знала, где он живет и под каким именем; но его стали ловить на улице и арестовали.

Большевизм опутан сетью провокации. Есть надежда в 3–4 недели разорвать эту сеть в ее центре (факты накаплиются). Отправка Михаила в такой момент и по таким мотивам, какие имеются, была бы не только ошибкой, но — принимая во внимание изложенные данные, за точность которых я ручаюсь — была бы преступлением⁵. И, по моему глубокому убеждению, *необходимости никакой нет*: вопрос о школе есть вопрос уже только материальных средств, а бумажки Ленина и К^о суть только бумажки, да еще такие, которые им повредят.

К этому имею прибавить, что если не будет непредвиденных событий, то я через несколько дней явлюсь к Вам совещаться. Покровского мне никак не удастся уговорить поехать к Вам⁶. Но в начале июня, м. б., удастся и ему заехать. Он сейчас здесь, но

уезжает и вернется в июне или конце мая.

Теперь, насчет «энциклопедии». Покровский предлагает взамен себя для курса политичес^{кой} и экономичес^{кой} истории другого товарища, Хераскова, за историчес^{кие} знания которого и идейную выдержанность он ручается — автора хороших, по словам Покр^{овского}, популярных брошюр по русск^{ой} истории⁷. При этом Покровский гарантирует еще редакционное свое участие в этой работе (он говорит, что оно, собственно, ввиду солидности автора, не необходимо, — но что по моему требованию он на все это согласен). Сегодня Покровский переговорит об этом с Херасковым, который живет в Париже, и которого в случае надобности можно стащить на Капри. Деньги на энциклопедию берите, не стесняясь, а там устроим.

Для школы позвольте рекомендовать Вам еще Лядова, он с Парижем не связан, и всю историю партии пережил на себе, а кроме того, написал «Историю революц^{ионного} движения в России»⁸.

Итак, до скорого свиданья.

Михаила ни в коем случае без меня не посылайте.

Об остальном после.

Ваш А. Б.

42. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 13(26) апреля 1909, Капри

Дорогой товарищ —

вопрос о поездке Мих^{аила} отложен до Вашего приезда¹. Я не считал эту поездку резонной и сомневался в ее необходимости, ибо у Мих. — плохие нервы, а это ему вредно.

Вам следовало бы списаться с Троцким по вопросу о его участии в школе² и со Степановым, дабы знать нам, кто же, наконец, будет читать лекции? Тоже самое и Базаров — приедет он³?

Относительно Лядова предложил бы следующее: переехать ему сюда немедленно⁴, обеспечив проезд и проживание здесь в течение лета, отчасти — из средств школы, а отчасти — авансом в счет будущих его работ в издательстве по энциклопедии или соприкасающимся с нею вопросам.

Сейчас мы имеем школьных денег в наличности 4860 лир. На днях, вероятно, они возрастут до 10-и. Из этой суммы по первому требованию пошлем в Р^{оссию} 1200 р. на проезд, считая по 60 р. на единицу.

Из товарищей, которые обязательно приедут в мае, назову двоих — Строева и Тихонова⁵.

Засим: как только вопрос об издательстве будет решен, мы должны предоставить лицам, дающим деньги, программу предполагаемой нами работы⁶.

Ее — нет. Она должна быть составлена коллективно, как уславливались. Каждый автор, разрабатывая свои вопросы, ссылается в своей книге на ту или иную главу в книге товарища: — напр.: автор исследования о сектантстве, отсылает к истории церкви, автор курса истории отправляет читателя за литературой данного времени — к историку литературы за сведениями по сектантству — к такому-то и т.д.

При этом условии все книги представят единую работу, и каждая книга будет коллективно отрецензирована, что поможет нам избежать крупных ошибок и строго выдержать единую точку зрения.

М.Ф. сделана операция, а посему она — сиречь М.Ф. — лежит в постели измученная⁷. Провалывается, видимо, долго.

Вышли «Вехи» — самая умная, хитрая и поганая статья — Булгакова, глупейшая — Бердяева. Между этими столпами ренегатства разместились в более или менее цинично — отраженном виде, показывая читателю свои срамные вещи гг. Гершензон, Струве, Кистяковский, Изгоев, Франк⁸.

Как продукт коллективного творчества пакости — не весьма удачно, но как симптом — примечательно. Зайцы чуют, где их ждут собаки и, вероятно, нам надо будет отвечать на сей сборник, хотя вы и Лунач<арский> задеты будто бы мимоходом⁹.

Не решусь сказать, что в русской литературе была уже столь подлая и жалкая книга, даже памятуя о «Русских критиках» Волынского¹⁰. Но мне нравятся эти люди — они свое дело, помаленьку, делают и хотя дело это — физиологический распад тканей мозга, гангрена социальной совести, гипертрофия страха перед демократией — но мне нравится все, доводимое до конца.

Если б я писал им ответ, то озаглавил бы его «Торжество Волынского», или как-нибудь в этом роде, но — непременно с упоминанием его имени. Ни Соловьев, ни Достоевский — Флексер их основоположник — это факт¹¹!

Проще всего сказаться пророком, предсказывая мерзости: в 93 году, я писал Волынскому, что он будет признан, увы, это случилось¹²! Они отобрали нищие его крохи, не упоминая имени ограбленного ими — мы должны бы доказать сие воровство. Стоит ли? А как же? Кто наследует культуру — мы или они? Ведь вот как стоит вопрос.

Жму руку. Приезжайте скорее!

А.

43. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 25 апреля (8 мая) 1909, Капри

Дорогой друг —

Ал<ексинск>ий получил письмо, излагающее выступление Троцкого — Плеханова¹, он дал мне его прочитать, а я, нахожу нужным послать его — в копии — Вам. Вероятно, А-ий не воспретендует на меня за это.

«Дядя Миша» известил меня об отказе Лядовой и рекомендует губернатора на ее место². Так как в письме дяди Миши есть «неудобные выражения» — я не могу сообщить его Мих. и Алексинскому, да и вообще это не удобно: причем здесь дядя Миша³? — смогут спросить они.

Обо всех делах касательно школы убедительно прошу вас — и всех, кто будет писать по этому делу — адресоваться к Ал-му, а не ко мне.

Что вы думаете относительно губернатора на месте Лядовой⁴? Я его совершенно не знаю, меня лишь трогает драматизм положения этого человека⁵.

Дяде Мише — отвечаю⁶. Тихонов будет здесь на днях⁷. Как живете?

Михаил — чудит: это избалованный ребенок, нелепое существо⁸! И жалко его, и досадно видеть ежовые иглы его самолюбия, болезненного и смешного. Он, видимо, совершенно не знает, что такое «нужда». И отвратительно дешево ценит людей. Идея «образования центра» ему нравится. «Нам богоискателей не нужно», — говорит он, но это — для демонстрации⁹.

За сим — привет!

Крепко жму руку.

Еще раз: все деловые письма о школе адресуйте на Ал. или на Мих.¹⁰ — они оба опытнее меня в организационных делах.

Н.Б. — низкий поклон. Как ее здоровье?

А. П.

44. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 6(19) мая 1909, Капри

Дорогой товарищ —

у Старосельского застрелился в России сын, 15-летний мальчуган: меня известили, что отец чувствует себя прескверно и

что возможна серьезная психическая болезнь.

Мне думается, что человек этот заслуживает сердечного внимания и что он способен к большой работе, а — м. б. — оказался бы полезен и нам как по школе, так и по издательству².

По этим соображениям — буде Вы с ними согласны — не найдете ли возможным посетить Стар., потолковать с ним и — если окажется удобным — посоветовать ему переезд сюда, где мы его приняли бы хорошо.

Вообще — очень прошу и Вас, и Н.Б. о внимании к этому человеку: почему-то он кажется мне крупной фигурой, хотя я совершенно не знаю, никогда не встречал его.

А, как Вы знаете, нам люди нужны. Серьезные люди³.

Крепко жму руку, дорогой друг.

А.П.

45. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 8(21) мая 1909, Женева

Дорогой товарищ, относительно Старосельского дело обстоит таким образом: здесь, в училище Фидлера¹, он зарабатывает себе почти достаточно для существования (стол, квартира и 30 фр. в месяц), а помимо этого у него *абсолютно* никаких ресурсов нет. Бросить все это он может, конечно, только для чего-нибудь столь же определенного. Что он страшно потрясен, это несомненно, и что это может подорвать его психическое здоровье — очень вероятно; я его видел незадолго до этого события, и уже тогда находил у него некоторую нервность. Перемена обстановки, может быть, и была бы ему полезна, даже наверное — но при условии наличности работы, определенности положения. Тут — вокруг него дети, которых он любит, хотя они и чужие; он занимается с ними и заботится о них. Что он может дать для школы, ясно не представляю, — если не выполнять обязанности эконома; но если Мар<ия> Серг<еевна>² все-таки возьмется за них, она, пожалуй, выполнит лучше, — он по-итальянски не говорит, по всей вероятности, и, главное, тогда надо его обеспечить....

Человек он замечательно хороший, с чистой душой; но крупным я его, поскольку знаю, считать не могу. Конечно, покрупнее дяди Миши³; но даже не Лядов.

Здесь у него близкие люди есть (дядя Миша, д-р. Кервелли⁴, Лядов и др.). В новой обстановке будет, конечно, переходное время

некоторого одиночества. Предусмотреть влияние всего этого я не берусь — иногда для пошатнувшейся психики это и нужно, — но именно если она *пошатнулась*; а есть ли это здесь, не знаю, и исследовать для меня нелегко: очень уж наши отношения были до сих пор беглы.

Так ли я написал письмо для Михаила об авансах⁵ и пр.? Если не так, дайте форму — напишу заново.

Читали ли книгу Ленина? У него *религиозный* характер взглядов выражен так резко, что может быть доказан без труда⁶. Благодаря незнанию предмета, он не умеет обходить опасных пунктов и вывергиваться — разболтал все. Жалкая история — но как-то даже не грустно.

Горячий привет.

Ваш Ал.

Ограничиваюсь пока неск<олькими> словами, п. ч. надо о Старосельском решить быстро.

46. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

12(25) мая 1909, Женева

19 25/V. 09.

Дорогой товарищ, я не знаю адреса Луначарского, и потому прошу Вас, прочитавши, переслать ему прилагаемое письмо¹, — м. б., с Вашими добавлениями и комментариями. Ваша поддержка мне представляется в этом деле очень важной². Уверяю Вас, что поскольку дело касается тов. с<оциал>-д<емократов> в их общей массе, то я не только не преувеличил в сторону мрачной окраски, а далеко еще неполно представил трудности и неудобства положения.

О провале Станислава Вы, конечно, знаете³. Денег он, по видимому, получить не успел (при нем взяты 600–700 руб. — касса М.К. и Ц.О.Б.). Да и по расчету времени — он Вашего письма еще тогда получить не мог⁴.

Дело со школой из-за этого провала, несомненно, несколько затянется. А очень жаль. Оно шло недурно. В Б.Ц. мне устроили новый скандал, и отправили в организации новое длинное письмо⁵ — по существу, для нас очень выгодное, хотя и ругательное. Затем, был у меня Троцкий⁶, и хотя не дал решительного ответа, но, видимо, был несколько соблазнен перспективой соединить школу с «Правдой» (я говорю, конечно, не об организац<ионном> соединении, а о взаимной поддержке). Он взял письмо Михаила

(к-ое было в ред<акции> «Прол<стария>»), и напечатает его в «Правде»⁷. Он просит дать для «Правды» более подробную статью о школе, предпочел бы, чтобы ее написали Вы или Михаил, но, в крайнем случае, и Алексинский⁸. У Вас, вероятно, времени не будет, и вообще не до того; но статья нужна, и пусть Михаил постарается, а Вы уж вместе просмотрите с Алексинским (разумеется, в статье надо полемики).

Кроме того, Троцкий сказал, что «Правда» охотно дает для переправы учеников свои пограничные связи⁹. А они очень хороши. Об этом надо будет Михаилу или Ал<ексинскому> списаться с Баском¹⁰.

Адрес Троцк., ред. «Правды» и Баска такой: Herrn Leo Bronstein, Friedlgasse 40, Wien XIX, Autriche. Если Баску — написать на письмо: для Юл. Ив.

Читал книгу Ленина. Нечто замечательное. Он все знает! Но он все переврал, т<ак> ч<то> места живого нет. Наглость и невежество — maximum. Стоит за абсолютную истину и вечные истины; позиция истинно — бердяевская¹¹. В вопросе о «вещах» то и дело перелезает на ненавистный «махизм» и даже иногда — эмпириомонизм; но, конечно, этого не замечает. Книга для неспециалиста написана слишком тяжело — не прочитает; а для специалиста незнание автора слишком ясно. Но делать нечего, придется писать и о ней¹².

Пересылаю Вам обратно письмо Рязанова¹³, к-ое мы тогда читали вместе. Рязанову я уже написал¹⁴ и дал Ваш адрес.

У нас в Москве никого не осталось близких людей. Ив. Ив.¹⁵ для дела школы не годится. Пусть Мих.¹⁶ и Ал.¹⁷ посообразят. Мы тоже будем искать.

Горячий привет всем вам от нас.

Ваш Ал.

Отменяется адрес на Зинаиду Никол. Тарсанову¹⁸, к-ый дан был в письме Наташей.

47. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

14 или 15 (27 или 28) мая 1909, Капри

Дорогой мой Александр Александрович —
хорошо, что Рожков приговорен в ссылку, и надобно немедленно хлопотать, чтоб он свернул с дороги — согласны¹?

А вот арест Станислава — это препакозная вещь, это нам

помешает, как видно².

Ждем от вас известий о переговорах с Лядовым, Херасковым, Покровским³; — нет ли писем от Базарова⁴?

Строев сообщил, что скоро выезжает сюда⁵, судя по его письму, он плохо осведомлен о парижских делах. Спрашивал меня о Ленине, я рекомендовал ему спросить Алексея⁶. Вы хорошо сделали, предупредив последнего, что Строев находится в меланхолии по поводу смерти жены и что ему не надо писать огорчительных писем, а надо тащить его за границу и скорее.

Луначарский — в Абруцио, собирается писать там драму «Фауст и город»⁷.

Читали вы об австро-японском договоре⁸? Это — чудеснейший ход немецкой дипломатии, теперь, при малейшем движении России на ближний восток — ее начнут снова бить на дальнем. Японцы, в первую голову, отберут теперь Сахалин.

Василий, по скорости, уезжает туда же, куда и Алеша⁹. Это чудесная фигура — Василий, я очень рад, что узнал его. Мы хорошо спелись.

Как Вы себя чувствуете, как Н.Б.?

Пишите.

Кадеты выпустили второй сборник «Зарниц» с интересными статьями¹⁰. Работают! А мне — завидно.

«Шиповник» с осени предполагает издавать журнал, редактор — Андреев, критического отдела — Неведомский¹¹. А мы!?

Пишу письма во все части света и ни откуда нет мне ответа!

Приветствую! Здоровья и бодрости духа вам!

А.П.

48. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 25 мая (7 июня) 1909, Капри

Дорогой товарищ —

от Бунина получено краткое извещение¹, что Телешов и другие лица — отказались принять наше предложение². Подробности разговоров Бунин на днях обещает сообщить — я Вас осведомлю.

Ладыжников — ничего не пишет³.

Вероятно, сегодня же у вас будет Михаил⁴. В какой степени практически продуктивна его поездка — я не решусь судить, но морально, т.е. психически — она необходима для него. А лексинский находит, что и практический смысл велик будет.

Поимейте в виду следующее: Мих. высказывал желание повидаться с Лениным, предполагая, однако, не говорить Ленину — откуда и кто он, М-л. Мне этот визит кажется излишним. Хороший он парень, Михаил, но — ребячлив сильно и в скептическом отношении своем к интеллигенту — нисходит до анархизма.

Всех благ вам и Н.Б.!

Работается? Успеха и радости!

Крепко жму руку

А. П.

А Ленин — Вы правду говорите — религиозно мыслит⁵.

49. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 5(18) июня 1909, Капри

Дорогой товарищ —

и по содержанию, и по форме заявление Ваше — славная вещь¹; но — мне кажется, что оно излишне, и я прошу Вас: позвольте не передавать его комитету школы², дабы не вызвать им новых трений, обид и бестолковых разговоров.

Имейте в виду: поскольку помощь М.С., да и М.Ф.³, конечно — будет необходима школе — обе они от работы не откажутся; только не надо им — или ей — выступать официально, в чине «заведующих хозяйством».

А[лексински]й вчера сообщил мне об отказе Лядова⁴, но — никаких предложений не сделал. О губернаторе я с ним не говорил как о возможном кандидате⁵.

Вероятно теперь, когда Вы повидались с Мих.⁶ наши отношения выяснились для Вас. Мы с ним простились дружески, с объятиями и поцелуями, но провожавшая его на пароход в Неаполь М.С. снова слышала от него изъявление желания посетить Ленина⁷. И при том — посетить «конспиративно» — у М. — странное представление о конспирации!

Нахожу необходимым сообщить Вам это, но не хотел бы, чтоб Вами понято было сие как признак некоторой двойственности. Мне кажется, что это естественная жажда наблюдать лично, изучать непосредственно.

Книга Ильича⁸ привела в состояние восторга г.г. Б.-Бруевича и Поссе; знаю это из частного письма⁹. В СПб поговаривают, что вас, Лун<ачарского>, Баз<арова> и меня надобно судить, и что вы будете скоро устранены из организации¹⁰. Вообще — сплетен и

болтовни — множество.

Сюда приехали малорусский писатель Коцюбинский и скульптор Гинсбург¹¹.

Кавказский меньшевик Владимир Островский напечатал в «Тиф<лиском> Листке» корреспонденцию: курьеза ради прилагаю ее; прочитав — *возвратите, пожалуйста*¹²!

Обратите также внимание на другую вырезку: она интересна тем, что появилась, очевидно, *во всех* газетах черной сотни и прислана мне в 43-х экземплярах¹³! Вот как работают!

Всех благ и доброго здоровья!

Н.Б. сердечный привет.

А. П.

50. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

7(20) июня 1909, Капри

Дорогой Ал. Ал. —

в скором времени рабочие Москвы получают список преподавателей школы¹, — список составлен так, как мы тогда с Вами, Михаилом и Луначар<ским> намечали².

В числе имен, стоящих в списке — И.И. Степанов. Вероятно, рабочие придут к нему спрашивать о школе.

Поэтому — если вы еще не писали И.И. о школе — *напишите ему возможно скорее*.

По сведениям Михаила — МК намерен противодействовать осуществлению школы, распространяется слух, что Вас — как еретика, очевидно, — выставили из учреждений партии³. Слух этот необходимо пресечь. Исходит он, — по догадкам — от В.⁴

Сегодня, дня на два — три еду в Неаполь⁵. Ко дню получения ответа вашего буду дома. Кланяюсь. Привет.

А.П.

51. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

7(20) июня 1909, Париж

19-20/VI. 09.

Дорогой товарищ, возвращаю Вам милое произведение кавказского меньшевика¹. Документик, действительно, ценный. Посылаю, кроме того, копию того офиц<иального> письма ко мне,

которое, по моей просьбе, дал Михаил². С ним мы много беседовали. Он, несомненно, смущен своими выходками и их результатами, и говорил об них тоном человека, к-ый оправдывается. Утверждает, что первый конфликт получился от того, что его превратно поняли: он спросил о полномочиях для того, чтобы противопоставить их официальное значение придирчивости Ал<ексинск>ого, указать, что вот, мол, ответственное лицо *есть*.

К Ленину он и не собирался.

По дороге он свел знакомство с матросами и просит меня переслать Вам и Ал-му след<ующий> адрес одного из них:

«Wasily Portnoff³. Nord. Deutshcher Lloyd, S/S Prinz Heinrich (пароход), Marseille, France».

Ванька⁴ требовал от меня, чтобы я сообщил Вам о том, что делает с нами Пятницкий. Я не хотел делать этого, ибо знаю — что же и Вы можете поделаться с человеком, укрепившимся за тысячи верст от Вас? Но ввиду повторного требования Ваньки, пересылаю Вам часть его письма.

Положение, правда, у него не из легких. Должен сказать, что и мне придется, по-видимому, в силу причин того же самого порядка, вскоре завести переговоры с издателями на стороне для своей большой статьи, а также брошюры против Ленина⁵, к-ая скоро у меня будет готова, *нашему* издательству, когда оно осуществится⁶, — а я уверен, это будет, потому что оно социально необходимо — это не может повредить, так как, ведь, обе вещи имеют лишь косвенное отношение к основному плану⁷.

Здесьние друзья Ленина, кажется, не в таком восторге от его работы, как питерские. По крайней мере, некоторые чувствуют, по-видимому, что он «вляпался и будет жестоко выдран», как выражается Мих. Томский⁸, который просил меня передать его горячий привет Вам и М<арии> Ф<едоровне>.

Что касается Мих. Каприйского, он уехал в среду⁹, заедет в Баку.

Заявление мое можете не передавать. Но из слов Мих. я понял, что к *офиц.* выступлению М.С.¹⁰ в роли «зав. хоз. шк.» препятствий нет, и что она сама не будет упираться. И Мих., и я, очень желали бы, чтобы это было устроено офиц. и прочно.

Благодаря конспир. недоразумению (деньги были приняты за личный гонорар Стан-ва¹¹), родственники Станислава истратили из них 250 *рублей*. Они, конечно, возвратят их, но едва ли раньше осени. Надо это пока скрыть.

Горячий привет. Завтра — расчет¹².

Ваш Ал.

52. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

8(21) июня 1909, Капри

Дорогой товарищ —
из письма М<ихаила> Вы увидите, что он предлагает послать Троцкому резолюции для опубликования в «Правде»¹.

Не зная Вашего отношения к Троцкому после его реферата — посылаю резолюции эти вам²: если — Вы найдете нужным опубликование их, то перешлите сами.

Кроме прилагаемых резолюций, в бумагах, оставленных Мих., ничего не нашел.

М.Ф. получено письмо от Л.П.³ — очень любопытное: так как оно, видимо, продиктовано, я тоже посылаю его Вам, дабы вы знали ее настроение.

Сегодня — бой. Кто победит⁴?

Сообщите.

Будьте здоровы, бодры духом, цените себя.

Крепко жму руку, кланяюсь Н.Б.

А. Пешков

53. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 10(23) июня 1909, Капри

Дорогой товарищ —
при сем прилагаемое для ознакомления — письмо Троцкого и мой ему ответ¹. Письмо, прочтя, возвратите, его надо оставить в бумажках школы, а ответ мой, коли найдете удачным — пошлите в Вену. Ох, боюсь я этих переписок!

Относительно «Знания» — что могу сказать? Ваш Винниченко печатно изругал меня за «неуважение к чужому труду», за ним, доброму примеру следуя, и другие, вероятно, изругают².

Послал в газеты объявление о том, чтобы авторы не посылали мне своих трудов, что я не редактирую сборников и в выборе книг для издания — участия не принимаю³.

Строев из России выехал, на днях будет здесь, чему я весьма рад⁴.

Д-р Котик работает в Париже у Кюр, а засим хочет приехать сюда. На случай сообщаю его адрес: Rue Linne — Линней? — 33.

Очень занимает меня этот человек⁵!

По поводу Сытина:

Вы, мне кажется, торопитесь, забывая, что если мы войдем в союз с таким крокодилом — союз сей обратится для нас в долголетнее пленение вавилонское, а фактом участия нашего в его деле — сильно будет способствовать распространению специфически-сытинской книги⁶. Нам необходима полная автономия — это одно из необходимых условий для успеха дела.

Затем: мне необходимо ликвидировать мои отношения со «Знанием»⁷, а иначе — не знаю, что будет иначе, но, вероятно, я останусь без гроша. А семейство мое — растет и траты тоже.

Наконец — есть план. Но о нем говорить буду при личном свидании и лишь с Вами могу говорить.

Пока — до свидания!

Кончен бой⁸? Где победа? Когда двинетесь в сии края и один, или с Н.Б.? С ней бы!

Жму руку.

А.П.

54. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 12(25) июня 1909, Париж

Дорогой товарищ,

кажется мне, что письмо Троцкого заключает в себе элементы отбоя — подготовку возможности отойти и умыть руки. По существу — ясно, что он смотрит на школу, как на просто пропагандистский кружок, — немного высшего типа; *творческая* сторона дела для него не существует, — та, которая выражается для нас в связи школы с энциклопедией¹. Его план свести дело к чтению «Капитала»² — это было бы просто умерщвление школы; при этом и самое существование школы за границей, и все трудности ее организации — все это было бы ни к чему: «Капитал» книга легальная, и читать его одному интеллигенту с несколькими рабочими — полицейски не опасно.

Дело в том, что действительное ознакомление с методом дается только его применением в *разных* областях, а тот, кому дали его применение в одной области, вовсе еще им *не владеет*. Это настолько верно, что хороший экономист нередко — плохой политик (пример — Ив<ан> Ив<анович>³).

Опасен был бы приезд Троцкого *раньше* других лекторов⁴; а в

Вашем письме есть место, к-рое может дать ему повод для этого; и он может нарочно им воспользоваться, чтобы приехать, разведать, и либо ультимативно с самого начала поставить по-своему, либо благовидно оборвать. Образуется «центральная» фракция, и он должен дипломатничать больше, чем когда-либо.

Поэтому возвращаю пока и Ваше письмо к Тр<оцкому>, чтобы немного изменить соответственное место в конце; в остальном письмо подходит, ибо полемическую переписку с Тр. заводить незачем.

Кто победил? При расколе нет победившего. А решат события.

Ник<итич>⁵ будет завтра. Перетолковавши, напишу.

Если я правильно Вас понял, то Вы уже теперь порвали со «Знанием»⁶? Ибо объявление, которое Вы печатаете, есть очевидный разрыв. А Пятницкий, значит, так до конца и не приехал...

Ив. Ив-у «Знание» вновь стало высылать деньги, но послало их в сопровождении довольно грубого письма, подписанного, к моему удивлению, Боголюбовым⁷, где высказывается заведомо неверное обвинение в нарушении условий относительно рукописи. Но это, разумеется, уж совсем не важно.

Горячий привет Вашим, а Вам специально — здоровья и успеха.

Ваш А. Б.

Если увидите Алексинского — мой привет ему и напоминание — нужен адрес Левы (Владимирова)⁸ и если возможно — его точное имя.

55. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

22 или 23 июня (5 или 6 июля) 1909, Капри

Дорогой товарищ —

при сем: три письма М<ихаила>, рисующие положение дела со школой¹. Прочитав — возвратите. М. уже едет сюда, на дорогу ему выслано 400 л. и 650 — Троцкому, в Вену, на предмет погашения суммы 250 р., зря израсходованных в Москве².

По поводу его намерения заехать к Вам — мы с Ал<ексинским> нашли, что это — излишне, ибо надеемся, что Вы скоро будете здесь и что теперь вообще в Париже ему делать нечего³.

Приехали Строев⁴ и Тихонов. Последний рассказывает много интересного о своих занятиях с рабочими по философии⁵.

Все мы единодушно находим, что Вам пора бы приехать сюда и что необходимо вообще собирать лекторов — Базарова, Луначар-

ского, Хераскова и т.д.⁶

А г.г. парижские политики ведут себя не весьма прилично: школа на Капри — это скверная выходка⁷. Неужели они не понимают, что делается ими?

Пока — до свидания! Н.Б. привет!

А. П.

56. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

24 июня (7 июля) 1909, Париж

7/VII.

Дорогой товарищ,

возвращаю Вам письма М-ла¹. Мы ему писали два раза, во второй раз послали копию резолюции о школе и сообщили об остальных. Теперь он, вероятно, все это получил.

Сейчас доканчиваю проект нашего (т.е. вышибленных членов Б.Ц.) отчета избирателям². В нем главную часть составляет анализ политичес<еского> положения б<ольшевистской> фракции и ее задач, вещь большая, около печ<атного> листа. Когда кончу, пошлю Вам копию для ознакомления, а когда утвердят другие вышибленные товв. — напечатаю и пошлю в Россию.

Приехать, значит, в *данный момент* не могу.

Что касается других лекторов, то о Хераскове я Вам уже писал, что он уклоняется от школы под предлогом урока в Англии, а теперь предлог другой — отъезд на дачу в Бретань. По существу же, вероятно, просто боится Ленина и К^о, но в энциклопедии принять участие желает.

О Базарове и Станиславе³ с уверенностью могу сказать, что средств на приезд у них нет. Также, конечно, у Лядова. Кстати, если Строев⁴ не возьмется читать русскую историю, это можно возложить на Лядова⁵, он несколько лет изучал русскую историю, и именно с такою же целью.

На всякий случай сообщаю адреса:

Базарова: Вл. Ал. Руднев, дача Карпова, Алушта, Таврич.

Степанова: И.И. Скворцов, Продольная ул., д. Клейн, Липецк, Тамб. губ.

Покровского: Helsingfors, poste restante, Finland via Stockholm.

Горячий привет. До свиданья.

Ваш А. Б.

57. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

25 июня (8 июля) 1909, Париж

19 8/ VII. 09.

Дорогой товарищ,
сегодня явился Херасков и, ознакомившись с программой школы, изъявил готовность немедленно ехать, причем по его обстоятельствам ему надо выезжать не позднее 14-го. Так как я писал вам об его отказе, то теперь я считаю нужным запросить у комитета о формальном решении вопроса, и главное, о том, *гарантируется ли ему оплата проезда туда и обратно*. М<ожет> б<ыть>, он окажется в состоянии читать и еще что-нибудь, кроме рус<ской> истории.

Если ответа от Вас к 14-му я не получу, то, основываясь на старом приглашении, я на свою ответственность отправлю его к Вам¹.

Хорошо бы теперь также отправить к Вам Лядова. Но для него деньги на проезд надо уже прямо прислать, п.ч. у него 10 фр. на дорогу не найдется.

Одновременно бандеролью посылаю Вам мой проект отчета избирателям о б-ских делах. Если Никитич и Домов² его утвердят, я немедленно его напечатаю³, но пока — это только проект.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Б.

58. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

11(24) июля 1909, Капри

Дорогой товарищ —
рабочие, в числе 15-и человек уже едут¹, часть их, с Мих<аилом>, в Вене и со дня на день может явиться сюда.

Все собравшиеся здесь товарищи² находят необходимым скорейший ваш приезд сюда и поручили мне написать Вам об этом.

Привет Вам общий и также и Н.Б.

А. Пешков

59. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

12(25) июля 1909, Париж

25/VII.

Дорогой товарищ, приеду в пятницу¹, вечером. Сегодня выходит

отчет², в окончательной редакции. Есть многое порассказать; не все плохое. Слышал, что Вы больны; страшно досадно и обидно.

Наташа приедет позже меня, через неделю—полторы. Постараемся устроиться на все время школы и, м.б., дольше.

Горячий привет.

Ваш А. Б.

60. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Ноябрь, до 10(23) 1909, Капри

Так как мне лично все сказанное Вами, А.А., в письме Вашем было неведомо¹ — я должен был показать письмо М.Ф. Ее ответ прилагаю².

Со своей стороны имею добавить, что Михаил очень часто пытался расспрашивать меня по поводу разных финансовых вопросов, и что вообще они его весьма интересовали³, — почему-то. Это у него — видимо — «пункт».

А вообще — врал он всем нам и — чёрт его возьми, болвана⁴! Бросьте все это, дорогой товарищ!

М.Ф. забыла упомянуть, что как villa Мария, так и пансион — были, так сказать, филиальными отделениями нашего дома⁵, т.е. снимались на год, на несколько месяцев. Не обижайте, заставляя высчитывать, сколько *годовой* платы, в лирах и сентезимах, падает на дни вашего пребывания!

Сердечный мой привет и крепкое рукопожатие Наталье Богдановне.

Жму руку.

А.П.

Притиска М.Ф. Андреевой.

Никогда ни о каких денежных счетах между Вами — Богдановыми и Алексеем Максимовичем и мною — никому ничего не говорила.

Мои слова Вам лично о том, «ну, какие там счета между нами, ведь Вы же нам не чужой», относились к тем деньгам, которые были отправлены на Ваше имя, если не ошибаюсь в Женеву, для уплаты ими пособия — не помню — Г-же Сталь⁶.

Все остальное, Александр Александрович, представляется мне таким диким и нелепым недоразумением.

Искренно и от всего сердца — желаю Вам и Наталье Богдановне всего доброго.

Мария

61. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 20 ноября (3 декабря) 1909, Капри

На мой взгляд, Александр Александрович, все это написано очень толково, ясно и вполне доступно пониманию всякого грамотного человека¹.

М.б. в том месте, где говорится — стр. 5. — о «стихийном» стремлении пролетариата к борьбе, следует упомянуть о быстром росте его сознания, выразить надежду на скорое создание им самим, в своей среде своего, пролетарского мыслящего органа²?

Будет хорошо, если вы еще разок просмотрите всю рукопись со стороны стиля.

Мне кажется, я не увлекаюсь, думая, что эта платформа сыграет превосходно свою организаторскую роль³.

Жму руку.

А. П.

Да, по поводу газетного шума: Котляренко прислал письмо⁴, в коем извещает, что они намерены опровергать слух о моем исключении⁵. Прилагаю письмо. Вы позволите мне снять копию с письма Ив. Ив.⁶? — это на всякий случай, ибо — если «Пролетарий» начнет толковать лишь о моем исключении, тогда — мне кажется — нам всем, чьи имена, упомянуты как имена исключенных, следует вступить в дело активно. Лично же я не буду по сему поводу ничего ни писать, ни говорить; меня это чепуха не задевает.

Кстати: в «Русском Слове» телеграмма из Парижа о том, что я подал заявление о выходе из партии и что заявление принято⁷.

Очень прошу сообщать мне те вырезки, кои попадут Вам в руки⁸.

Привет.

А. П.

Письмо Котляр^{енко} возвратите мне.

62. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

2(15) января 1910, Париж

Дорогой товарищ,

я склоняюсь к той мысли, что надо серьезно завести переговоры с

* о его стремлении к широкому образованию, стремлении, в основе коего лежит интуитивно понятая необходимость вооружиться для борьбы возможно полнее (примеч. Горького. — *Ред.*).

Сытиным¹. Я беседовал об этом с Маратом; он старый, очень свирепый партиец, но он полагает, что если наша часть издательства будет выделена особым заголовком (напр., «Новая библиотека», «Рассвет» или что-ниб<удь> подобное) и указанием на состав редакции, то подзаголовок «Издательство Сытина» беды не представляет, и серьезного основания для агитации не даст. Конечно, Сытин прибыль возьмет себе, — но разве в этом суть дела?

Сегодня заседание пленума² было, но толку не было. Вопросы вышибательные отложили к концу. Зимин³ сегодня не приехал; не понимаю, что с ним.

Брошюра Семковского, по-моему, очень дельная⁴. На 2-х печатных листах он с удивительной ясностью и сжатостью сумел подвести итоги отношению марксизма и плехановщины в философии. Безусловно, стоило бы напечатать, да сейчас негде. Если заведу переговоры с посторонними издателями о своих двух работах⁵ — присоединю вопрос и Семковский.

Не помню, писал ли Вам, что редактирование «Великого фетишизма» я кончил, и благодаря перераспределению материала удалось не очень увеличить объем (листов 8, 8 ½, не более).

Статью о Ленине кончу, вероятно, недели через 3 — очень легко и приятно пишется. Вот, только, эти заседания...

Горячий привет Вам и всем Вашим от нас обоих.

Ваш А. Б.

63. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

3(16) января 1910, Париж

19 16/ I. 10.

Пишу Вам, Ал<ексей> Макс<имович>, во время пленарного заседания Ц.К., где я присутствую в качестве *уже вышибленного* члена Ц.К.¹, с совещат<ельным> голосом. Б<ольшевицкий> Ц<ентр> прислал в Ц.К. заявление, что он посылает таких-то и таких-то представителей, и вместо меня все того же, вечного Иннокентия². С формальной стороны, было совершенно ясно, что без моей отставки меня устранить нельзя; но вопрос был сведен, посредством торговли между фракциями, к тому, что в уставе точных указаний нет, что решить вопроса формально нельзя и т<ому> под<обное>. Затем, разумеется, решение голосованием, причем, напр<имер>, бундовцы честно заявили, что они будут голосовать по своей политич<еской> симпатии за тов. Иннокентия,

как более близкого им по взглядам. Словом, 7-ью голосами против Марата при воздержавшихся 5 (меньшевики и латыш) и т. д.... Но попытка Ленина и К^о устранить меня от выяснения всех дел не удалась, меня просили остаться с совещательным голосом; и я, конечно, останусь, потому что совершенно необходимо присутствовать при разборе дела Виктора³, которое официально поднято меньшевиками (а не нами). А оставаться в Ц.К. сверх этого я, естественно, и не имел бы ни малейшего желания, хотя придется подавать протест⁴, и т.под.

Теперь, вот какой вопрос. Я писал тов. Леопольду⁵, чтобы он дал свое показание о В. в письменной форме. У меня не было иного адреса, кроме «Аврамова⁶ с передачей Леопольду». Но ответа я не получил. М^{ожет} б^{ыть} надо писать по другому адресу, м. б., Зиновий Алекс.⁷ знает этот адрес; *очень желательно узнать*.

Дела школы несколько улучшились: удалось заключить надлежащие займы⁸, и всех удаётся без затруднений отправить.

Платформа распространяется и имеет успех⁹. Комментируется очень многими с той именно точки зрения, с которой мы все желали и ожидали. Но, конечно, вызывает и раздражение. Ленин подал слушателям письменное заявление, что считает платформу отзовистской, и возможности общей работы на ее почве не видит¹⁰.

Михаил Николаевич¹¹ теперь вполне присоединился к платформе, считает, что есть даже новые факты, подрывающие его пессимизм по отношению к российской революции, что действительно «что-то готовится, кто-то идет...» (это говорил он сам еще вчера).

Я придаю этому серьезное значение, п. ч. тут его исторические знания и понимание связи событий имеют большой вес.

По делу об энциклопедии я поехал к Скаржинской¹², но она оказалась больна, и видеться не удалось. Она — нечто в роде толстовки, и у нее самый близкий друг — Н.Н. Ге¹³, сын художника, бывший секретарь Л. Толстого. С этим Ге виделась Наташа, которая с ним знакома; она взяла с него обещание употребить все усилия, чтобы добыть у Скарж. 1000 фг. на ликвидацию первой школы. Насчет энциклопедии через него действовать, очевидно, не стоит, и я все-таки побываю у Скаржинской.

По просьбе поляка Варского¹⁴ я даю рекомендацию к Вам поляку Юзефу¹⁵, которого я всегда считал лучшим из видных польских деятелей с.-д. Поддерживать его материально, как мне сказал Варский, не потребуется, а помочь ему устроиться на Капри, вероятно, потребуется, и самое лучшее для этого, на мой взгляд, направить его к кому-нибудь из имеющейся на Капри молодежи. Но я адресов никаких не знаю, и потому мог дать только Ваш адрес.

Получили ли мою книгу¹⁶, которую я Вам недавно послал?

Сейчас идет заседание и выбирается следственная комиссия по делу В. Оригинально его собственное отношение к этому делу: приехав из Ниццы в Женеву, он узнал, что дело началось, и послал в Париж письмо, где требует объяснений, суда и пр. Получив ответ, что дело, действительно, поднято официально, он немедленно уехал... но не в Париж, а не то опять в Ниццу, не то еще куда-то.

Интересно, вообще приедет ли В. на разбор своего дела.

Товв. рабочие в Россию теперь вернуться значительно отдохнувшими, ибо здесь их не утомляли занятиями, а главным образом вели с ними политические диспуты. Константин¹⁷, к сожалению, совсем, по-видимому, спился и перешел к Б.Ц. Но не думаю, чтобы из этого возникли новые сплетни.

Б.Ц. предполагает устраивать школу при Ц.К.¹⁸ и популярную газету¹⁹, причем сообщал слушателям, что пригласит и нас участвовать. Лестно...

Еще несколько дней — никакой возможности вести стоящую работу. Да и вообще в Париже такая атмосфера, что здесь работать не удалось бы.

Если будете писать мне на днях, то пишите по адресу Покровского (7 Georges Satché, Paris XIV). Позже — по моему постоянному адресу: 70^{II}, B-rd St. Georges, Genève, Suisse.

Бессвязность письма зависит от того, что оно пишется под аккомпанемент речей Мартова²⁰, Григория²¹ и проч.... Вероятно, многое упускаю, что надо бы написать, — но где тут вспомнить, когда вокруг форменный содом.

Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом.

А. Б.

Привет от Покровского, Марата²² и др.... — Да, забыл еще один пункт. Леонид Бор.²³ пишет, что добываясь от Лад<ыжникова> и Абр<амова>²⁴, чтобы они дали денег для школы, он попал в трудное положение, благодаря неясности формального положения: *чьим* является предприятие? Он находит, что у Лад. и Абр. есть тенденция рассматривать его, как частное предприятие Ладыжникова с Вами, и потому ему, Л.Б., не удается получать настоящих и ясных сведений о делах предприятия. Если бы Л.Б. мог сослаться на Ваше письменное заявление²⁵, что считаете предприятие принадлежащим левому крылу бывшей большевистской фракции, то позиция Л.Б. была бы гораздо лучше. Я ему писал, что словесно Вы такое заявление мне сделали (во время одного из последних разговоров). Но, разумеется, *мое* письмо тут никакого значения не имеет...

64. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 10(23) января 1910, Капри

Дорогой товарищ —
адрес Леопольда — Швейцария, Давос-Плац, подробнее — не знаю¹.

Книгу Вашу получил, спасибо². Юзек приехал, устроился³.

Считаю нужным сообщить — с его слов следующее: известный организатор типографского дела при СПб охранном отделении ротмистр Комисаров, получив чин полковника, ныне переведен в Красноярск. Там он рассказывал одному из политиков ссыльных о Каприйской школе, а также о кавказской конференции⁴, известия о сих явлениях он, по его, К., словам, только что получил из заграницы от знакомого⁵. В рассказе о школе были названы имена Богданова, Лун<ачарского>, Лядова, Алек<синского>, в рассказе о кав<казской> конференции — имя Костров, он же Д<жордан>ия⁶!

Общий характер поведения г. Коми<сарова> — по отношению к полит.-ссыльным заставляет их думать, что К. прибыл в Красноярск на поиски за провокаторами⁷. За это мнение и тот факт, что человека наградили чином, т.е. признали его заслуги и послали в город, где нечего делать.

Я предложил Ю<зеку>⁸ написать Вам по этому поводу подробное письмо с точным указанием времени, когда именно происходил сей интересный разговор.

Как идут дела с В.⁹?

Относительно заявления — дело осложняется: я могу выдать такое, но лишь тогда, когда Ферлаг взыщет с Кассирера принадлежащие мне деньги¹⁰.

Мне Л<адыжников> ничего не пишет, на письма не отвечает, посланная мною рукопись повести, видимо, не печатается¹¹.

Вообще — мне кажется весьма странным все, что делается в Берлине.

Всего доброго.

А. П.

65. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

13(26) января 1910, Париж

Дорогой товарищ,

ЦК наш тянется день за днем, неделя за неделей, — его же царствию не будет конца. Суть в том, что м-ки и ленинцы никак не

могут закончить свое «соглашение», и все трудные вопросы откладывают до завершения торга (последнее выражение не мое, а бундовца Ионава¹). Но в общем оборот дел пока благоприятный. Ленин и К^о по существу вполне сдались м-кам, а те — о неблагодарные! — обращаются с ними строго. Ленин предложил «линию партийного объединения» в виде «борьбы с ликвидаторами и отзовистами», а м-ки и все прочие эту «линию» отвергли, да еще высмеяли². Так же точно потерпел крушение ленинский — правда, весьма слабый — проект реформы Ц.К.; м-ки предложили свой, и с практической стороны, надо признать, дельный: коллегия Ц.К. *только* в России, заграничники все вышибаются, из них за границу составляются только агентуры, технические и литературные; состав пополняется новыми работающими в России товв-ми, и т.д. Повидимому, этот план и пройдет, разве только с малыми изменениями³. Чтобы получить видимость удовлетворения, ленинцы очень настаивают на своем плане созыва конференции (см.: № 50 «Пр<олетария>»), но чтобы провести этот план, они страшно урезали его и обесцветили: обычная парт. конференция с 2–3 десятками « совеща^тельных » представителей от особенно отдаленных районов, и от «легальных возможностей». М-ки, напротив, предлагают настоящий план рабочего съезда в виде каши из нелегальных и легалистов⁴, но и этот номер не пройдет⁵.

На почве их торга, дела наши улучшились: группу «Вперед» сегодня утвердили как партийную⁶, а завтра, если они не перебегут все со вчерашней позиции, утвердят и школу⁷, конечно — под «контролем», надзором и т.д., но это не так важно.

Констатируется оживление на местах.

Слушатели все уехали в Россию. Но от Якова⁸ долго (недели три) нет известий, и есть основания думать, что на границе провалился Аркадий⁹. Если при нем не нашлось адресов, то дело сведется к пустякам — к отправке этапом на родину, т.е. к замедлению в прибытии на место. Впрочем, и самый провал не установлен окончательно. Вася¹⁰ здесь решительно примкнул к нашим, а Константин¹¹ ушел к тем. Николай¹² по-прежнему нейтрален. Обнаруживаются новые лица, тяготеющие к нашим взглядам и готовые помогать. Благодаря этому, удалось пока достать денег на отправку и спешные расходы.

Работать это время не приходится: Ц.К. отнимает массу времени, и что еще хуже — спокойствие.

По отношению к В.¹³ позиция его защитников такова: «он мерзавец, которого надо исключить из партии за личные свойства; но именно на этой почве и возникла легенда об его провокаторстве».

Один из этих защитников, Макар¹⁴, сообщил о фактах утайки им в старые времена партийных денег (по мелочам). Назначено следствие, причем сразу выяснилось, что первый суд над ним (в 1906 г.) *не допросил свидетелей обвинения*. Хороша картинка!

Надеюсь завтра уехать в Женеву. Тогда адрес: *70, B-rd St.-Georges, Genève, Suisse*.

Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом.

А. Б.

Привет от Покровского, Марата¹⁵ и прочих. Марат заседает, но он, несомненно, еще болен, и я боюсь полного крушения. Но у меня нет возможности проверить некоторые свои догадки, что могло бы решить вопрос.

Покровский едет в Берлин, где увидится, между прочим с *З<иновием>*¹⁶.

Здесь ужасное наводнение. Боюсь, что оно прервет даже железнодорожные сообщения Парижа. Это письмо запоздает, наверное.

26 янв. 1910.

66. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

Около 16(29) января 1910, Женева

Дорогой товарищ,

в прошлом письме¹ я говорил Вам, что на основе торга бывших б<ольшевиков> с м<еньшеви>ками, благодаря несогласию тех и других, получаются довольно партийные решения. Теперь обнаружилось, какая это ненадежная основа: торг окончательно состоялся, и все пошло иначе. Всеми осмеянная ленинская «линия» борьбы «направо и налево», с «ликвидаторами» и «отзовистами» всплыла вновь и выступит на сцену в большой, скучной и банальной резолюции², м. б., в слегка только замаскированном виде. Школу *не утвердили*, хотя за два дня перед тем все, кроме ленинцев, высказывались за утверждение, и даже ленинцы каялись, что «недооценили» нашу школу. Вместо того постановлено, что Ц.К. сам устроит школу через орг<анизаци>нную комиссию из 2 ленинцев, 2 м-ков, 2 наших и 3 националов³. Решение явно несерьезное, а имеющее только целью помешать нам сделать дело. Конечно, у нас найдется разрешение какой-либо местной организации, но тогда

против нашей школы будет вестись кампания в Ц.О., который, по-видимому, останется единственным общим органом ленинцев и мков, а «Прол<етарий>» и «Г<олос> С<оциал>-Д<емократа>» будут уничтожены⁴.

Всех неприличнее вели себя в вопросе о школе поляки. Кстати, хотя Юзеф⁵ сам — очень хороший человек, но несомненно, что он вполне доверяет своим друзьям польским ц-кистам, и все им сообщает; а Варский и Тышко⁶ на деле оказались вполне продажными людьми. Поэтому надо остерегаться беседы с Юзефом насчет фактов и планов, связанных с тов. Николаем, ибо Варский и Тышко многому могут тогда помешать и во многом повредить. Если у Вас до этого моего письма случайно уже была беседа на подобную тему, непременно напишите мне об этом немедленно, чтобы я знал, чего держаться.

Пишу Вам из Женевы, ибо уехал, не дождавшись конца, прямо после вопроса о школе. О дальнейшем узнаю от Марата⁷, и тогда напишу Вам. «Торг» тянулся 17 дней, больше я выдержать не мог, боялся впасть в христианское настроение, и, взяв первый попавшийся бич, погнать «торгующих из храма». Для нашего дела результаты не плохи: утверждение группы «Вперед» уменьшает сумму препятствий, неутверждение школы избавляет от необходимости потом торговаться с Ц.К. по поводу «контроля» и т.д. Но картина разложения ужасная: с *этой* стороны ждать нечего.

Хорош, между прочим, Троцкий. Сначала стоял за школу, а потом (получив свою долю в дележе остатков Б<ольшевистского> Ц<ентра>) стал помогать тем, доказывая, что конституция школы неправильная, что «ученики» не могут приглашать лекторов, ибо это не их ума дело, и т.д. А, ведь, он видел этих «учеников»!

Аркадий⁸, действительно, арестован — я имею от него письмо. Его пошлют по этапу, и он рассчитывает выйти месяца через 1 ½ — очевидно, данных против него нет. Арсений⁹, Юлий¹⁰, Николай¹¹, Вася¹² прошли благополучно; Борис¹³ и Станислав¹⁴ уехали недавно, известий еще нет.

Крепко жму руку.

С товарищеским приветом.

А. Б.

70¹¹, B-rd St.-Georges
Genève, Suisse.

67. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 18(31) января 1910, Капри

Дорогой товарищ!

Спешу ответить тотчас же:

с Юзеком я *ни о чем*, касающемся школы *не говорил* и не говорю¹, видимся мы редко, я очень занят, он — утомленный — отдыхает.

Вы, вероятно, знаете, что Н<икитич> — в Льеже²? На днях сюда явился Алеша — «Глаза»³, забыв в Неаполе, в № гостиницы все свои деньги, около 3/т<ысяч> лир. Вышла канитель, к счастью, итальянцы оказались благородными парнями — деньги возвращены полностью, несмотря на то, что гостиница — грязнейшая и темная, а Алеша — не записался в ней. Он вознаградил горничную, нашедшую деньги, 10-ю лирами.

Сообщаю это для характеристики его настроения — растерянного и, при том, озлобленного. Поговаривает об отъезде в Америку. О школе — ничего не говорил. Н. — тоже, как будто, разочарован чем-то. Все они, — переругались, отзываются друг о друге плохо, злобно. Был здесь Эразм Кадаи — это, кажется, солидный парень⁴, но Н. — не сошелся с ним в чем-то. Это очевидно. Вообще вся эта публика произвела на меня впечатление людей разбитых, уставших, жаждущих покоя. Чувствуется и некоторый страхок пред будущим. Кстати, по словам Алеши, на поимку Н. ассигновано 20 т<ысяч> рублей.

Посылаю полученные сегодняшней почтой бакинские издания⁵.

Повторю еще раз — с Ю., о школе ни слова не сказал. С Алешей он тоже не говорил. Виделись они однажды, при мне.

Дела торговые, о коих сообщаете, производят отвратительное впечатление⁶. Доколе?

Привет.

А. П.

68. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

19 января (1 февраля) 1910, Женева

1 — II. — 1910.

Дорогой товарищ,

сообщаю Вам выписку из письма И.И. Степанова от 27/1:

«На днях я сидел как судья чести со стороны здешнего адвоката

Мал.¹, которого здешние сплетники обвиняли в том, будто он, получив по поручению М<арии> Ф<едоровны> А<ндреевой> 100 т. руб., 40 т. прикарманил². Хотя вторым судьей с той же стороны был Тесленко³, и хотя суп.-арб<итр>ом был наперед предположен — и так оно и вышло — Муромцев⁴, я по всем обстоятельствам счел себя обязанным согласиться. Было пока одно заседание, и оно убедило меня еще больше, что я поступил вполне правильно. Уже выяснилось, что автором гнусной клеветы был некто Линк⁵, опекун некоего Шмидта⁶. Сие, впрочем, пока не подлежит разглашению, но, *при этом условии*, представляет некоторый интерес для М.Ф. — Вся гнусность клеветы уже выяснилась».

Вот другая выписка — из более старого письма 3.⁷ (даты не помню):

«Недавно, напр., Verlag⁸ продал письмо Толстого здесь за 3000 мар., и в Лондоне за 20,000 м. Первая сумма была получена, вторая будет получена летом. Но все это случайные сведения. Как именно поступают деньги, и куда они расходуются, на это не получите ответа, пока за подписью Ал<ексея> М<аксимовича> не будет категорического требования раскрыть все карты и ввести в дело на правах хозяина нашего представителя».

Возможно, что во всем этом нового для Вас ничего не окажется, — но на всякий случай я решил сообщить Вам эти сведения.

Известий от Марата⁹ об окончании дел в Ц.К. еще не имею.

Крепко жму руку.

С товарищеским приветом.

А. Б.

69. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

27 января (9 февраля) 1910, Капри

Дорогой Александр Александрович!

Американский социалист Инглиш Уоллинг — Вы, вероятно, помните его путешествие по России в 07 году¹, — обратился ко мне с предложением — просить Вас выслать все Ваши книги ему по адресу, который я прилагаю².

Из его письма следует, что книги Ваши потребны ему для переводов и популяризации Ваших взглядов в Америке.

Посылка м.б. отправлена наложенным платежом.

Сегодня мною послано по ад<ресу> Покр<овского> письмо Григория бундиста³. Сегодня же выехал в Льеж уралец Гусаков⁴.

Как дела?

Кстати: о действиях Берлинского фэрлага мне решительно ничего не известно, и Ваше подозрение, что я знаю о продаже писем Толстого — несколько задело меня⁵. Мне кажется, из этой вырочки я имею право получить несколько марок, в счет моего гонорара. Это было бы весьма уместно именно теперь, когда дела мои из рук вон плохи⁶.

Недавно Абр<амов>, сообщая мне о движении процесса с Кассирером⁷ — процесса который остается без движения — сообщил так же, что Лад<ыжникова> в Бер<лине> нет⁸.

Всего хорошего!

А. П.

70. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

27 февраля (12 марта) 1910, Женева

Дорогой товарищ,

сообщаю Вам вкратце наши новости.

Аркадий¹ на свободе, работает в Москве. Все прочие целы, большинство там же, Борис² в П-рге, Юлий³ и Станислав⁴ уезжают в провинцию. Яков⁵ без Аркадия слегка было скис, но теперь это прошло. Организации на местах все еще слабы, так что опереться на них трудно. Денег по-прежнему мало; только раз за это время получили 1250 фр., — но много из них ушло на уплату сделанных долгов. Для разрешения очередных вопросов предполагаем собраться в Париже 21-го. Было бы очень желательно, чтобы и Вы приехали⁶, хотя, конечно, мы на это мало надеемся.

Переговоры о деньгах для школы затянулись, — отчасти, я думаю, из-за того, что по моей болезни вести их пришлось Григорию Алексеевичу⁷, человеку для таких дел мало приспособленному. Теперь я возьмусь за это дело и надеюсь привести к надлежащему концу. Комиссия для устройства школы при ЦК — сознательная комедия; Ленин, напр., заявил Малиновской⁸, что никакой школы не будет, разве только мы принесем на нее деньги. Как я Вам писал, в орг-ции школы при Ц.К. нам нельзя будет участвовать, хотя бы потому, что в Ц.К. принято было мнение Троцкого, что «не дело слушателей судить о программе и составе лекторов», т.е. взрослые члены партии третируются, как дети.

Сдачу имущества б-ков Ц<ентральному> К-ту мы склонны

рассматривать, как нарушение доверия избирателей доверенными лицами: наследство было завещано определенному течению, а не Б.Ц., как таковому. Оставляя за собой право потребовать эти деньги уже *после совершившегося распухания Б.Ц.* (в случае, если меньшевики не прекратят «Г<олос> С<оциал>-Д<емократа>»), Ленин и К^о тем самым выражают взгляд на б-ское имущество, как на свою *частную* собственность. Мы посоветуем б-ским организациям на местах заявить хранителям остатков имущества (т.е., вероятно, немецк. Vorstand'у⁹) свои хозяйские права, и потребовать имущество себе. Для местных организаций это будет большая поддержка, а права их бесспорны.

Что касается загр<аничных> дел, то Ц.О. Вы, надеюсь, видели; резолюции там напечатаны¹⁰. Кроме воды и хороших слов, ничего нет. А пока что, они уже между собою переругались: Ленин с Мартовым¹¹, Плеханов с ними обоими. Но это не интересно.

Весною ожидается в Москве и Центр. Обл. волна забастовок. Мелкие забастовки уже идут.

Интересно, как отразится на ходе вещей у нас прусское движение¹², и как закончатся акробатические упражнения нашего правительства с балканским вопросом¹³.

В дискуссионном сборнике при Ц.О.¹⁴ нам не придется принять участия, потому что, несмотря на слова о «представительстве всех течений», в его редакцию не допустили отзовиста. Наш представитель вышел.

Крепко жму руку.

С товарищеским приветом.

А. Б.

12/III.

Передайте, пожалуйста, прилагаемое письмо Конст. Петровичу¹⁵. Он, ведь, еще у Вас?

71. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 25 марта (8 апреля) 1910, Капри

Дорогой Александр Александрович —

не отвечал так долго, потому что сильно занят¹. Сообщенные вами и Алексин<ским> сведения — не радуют, раздражают, мешая работать, рисуют картину кошмарную². Может быть, я слишком упрощенно или моралистически отношусь к людям, но — меня одолевает пессимизм, мне кажется, что распад психики русского

человека все ускоряется, и где этому гниению конец — не вижу. Очень грустно, м.б. это оттого, что я устал и не вполне здоров. Много работаю.

Всего хорошего.

За письма великое спасибо, несмотря на их тоскливое содержание.

А. Пешков

72. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 15(28) мая 1910, Капри

Плохой Вы психолог, дорогой Ал. Ал., и, — простите! мне кажется, что Вы относитесь к людям поразительно примитивно¹.

Что сведения, сообщаемые Вами не радуют — это естественно и объясняется их характером. Вас, вероятно, тоже мало радуют сведения о человеческой дряблости, о путанице в башках людей — хотя бы это были идейные враги, не утешают и сообщения об арестах друзей. Что все эти нормальные явления мешают работать — Вы сами не однократно жаловались. Проницательный вывод Ваш о желании моем прекратить переписку «по меньшей мере, преждевременен»².

«Смерть» давно прочитана, мне хотелось много написать Вам по поводу ее³, но я уезжал на 10 дней во Францию⁴, возвратясь застал здесь Бунина, Юшкевича и еще некоторых русских⁵, затем около двух недель прожил в Неаполе⁶, страшно устал и не нашел времени для беседы о «Смерти».

И сейчас не в состоянии восстановить мой порядок мысли, кои были возбуждены у меня этой вещью. Скажу кратко:

со стороны формы — очень слабо, очень нервозно, стиль совершенно не совпадает с эпической темой.

По содержанию же — пессимистично. Не удивляйтесь. Мне, читателю, все равно, в какой форме автор рисует для меня утешительное зрелище загробной жизни — я в нее не верю, я ничего о ней не знаю и — не хочу знать.

Желаю жить, не взирая за пределы земной жизни, — конфет не ем, райских видений — не жажду. Мне достаточно приятно и в земной сутолоке, а что существует смерть — я сообщу знакомым мнение мое о ней, в час ее визита ко мне.

Не люблю я этой темы и, м.б., не понимаю ее. Не люблю ничего, что звучит подобно утешению.

Всего доброго. Не сердитесь на меня. Есть люди, заслуживающие этого в неизмеримо ббльшей степени, чем я.

А.П.

73. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 25 мая (7 июня) 1910, Капри

Дорогой товарищ —

полагаю, даже — уверен, что с точки зрения «полицейских условий» Италия вообще, а — северная в особенности — не хуже Лондона¹. Репрессии — не считаю возможными — не таково отношение к России, чтобы делать любезности ее властям. Это отношение будет еще более обострено после аннексии Новобазар<ского> сан<джака>, подготовляемого Австрией². На севере Ит<алии> отношение к русским более сознательно, чем на юге. Думаю, что «некоторым» нечего опасаться.

Рукопись Мих<аила> не у жены его, а в Давосе, и несмотря на ее письма-просьбы прислать рукопись, — лица, у которых она в руках, не внемлют³.

Боюсь, что они растеряют листы. Не понимаю, почему не отдают. Советовал бы Вам через т.т/ в Давосе, потребовать все бумаги Михаила, основанием для такого требования могла бы служить доверенность на чье-либо имя, выданная М<арией> М<ихайловной>.

Рассуждать о смерти — не имею времени. Вы поняли меня несколько «полемически», т.е. сказать, что у Вас, очевидно, — профессиональным становится⁴.

Все, сказанное вами по поводу эпикуреизма — к делу не относится, как я думаю, меня не касается, как я знаю.

Эпикурейцы были дегенератами — они и посейчас таковы — не угодно ли убедиться в этом по журналу «Апполон»⁵?

Следите ли вы как российская пресса и литература все с большим тщанием замазывает демократизм⁶? Очень интересное зрелище. Есть не глупые люди в этом деле.

Всего доброго!

А. Пешков

К делу с рукописью М. надо бы отнестись серьезнее. Мне кажется, она может попасть в чужие руки, будет прочитана и — пропадет. Все возможно.

74. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Около 17 (30) июня 1910, Капри

Дорогой товарищ —

я обратил бы внимание Базарова на прагматизм в изложении ренегатов демократии; чудесный материал дает майская книга «Русской мысли»¹, где помещены Франк «Прагматизм, как философское учение» и «Спор о прагматизме», в коем споре — участвуют Бердяев, Булгаков, С. Котляревский, Лопатин, Лурье, М. Рубинштейн, Струве, Топорков, Трубецкой, Франк и Хвостов².

Все эти пегие люди — очень интересны в своих поисках объективной, организующей идеи³. Их разнородные стремления сводятся к одному — найти какое-нибудь болото поглубже и поспокойнее и в нем утопить свою разрушенную индивидуальность. Мне кажется, что и мистика, и Бог, и все прочее, утверждаемое ими, в конце-то концов — только желание разделаться с этой гипертрофией «я», оно активно — бессильно, пассивно же — невероятно много требует и — бедные носители его цепей — ей же Богу — во всю силу желают освободиться от него. Рабам требуется иной владыка.

Не знаю, понятно ли это? Тороплюсь ответить.

Жму руку.

А.П.

75. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

27 сентября (10 октября) 1910, Болонья

10/X 1910.

Bologna, ferma posta

Дорогой товарищ,

Елена Конст. Малиновская — человек, насколько я знаю, серьезный и честный — пишет после свидания с сестрой Ленина¹ — которую я также привык считать человеком порядочным и ко лжи неспособным:

«Сестра Ленина вчера привезла известие, что Алексей Макс. окончательно порвал с Вашей группой»².

Если бы дело шло о самом Ленине, я, конечно, не стал бы даже писать Вам об этом — решил бы, что это одна из его — теперь вполне уже для него привычных — грязных сплетен. Ибо по

существу неправдоподобно, чтобы при политическом или идейном разрыве человек, себя уважающий, начал с извещения об этом не тех, с кем порывает, а людей, заведомо им враждебных, и заведомо нечестными методами ведущих с ними борьбу. Но дело идет не об одном Ленине, а об его сестре. Заранее извиняюсь, если Елена Конст. введена в заблуждение, и мое письмо — результат недоразумения. Но времена такие странные, что и невозможное с первого взгляда игнорировать нельзя. А ясность необходима.

С товарищеским приветом.

А. Богданов

Адрес: 5-ге А. Malinovsky, ferma in posta, Bologna.

76. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

7(20) октября 1910, Болонья

Уважаемый товарищ,
согласно поручению группы сообщаю Вам, что предыдущее мое письмо¹ (кажется, от 10 окт.) имело частный характер и исходило от меня единолично.

С товарищеским приветом.

А. Богданов

20/X 1910.

Via Marsala, 16, Bologna.

77. А.А. БОГДАНОВ — ГОРЬКОМУ

8(21) октября 1910, Болонья

21/X 1910.

Дорогие товарищи,
если благодаря каким-либо обстоятельствам брат Станислава¹ еще не уехал, задержите его на два — 3 дня и телеграфируйте нам; точно также сообщите express'ом или телеграммой, если имеется какая-нибудь другая okazия в Москву или П-рг. Дело в том, что крушение австрийской переправы несомненно: ее условия все нарушены и питерцы — двое — не быв встречены на месте, сами нашли себе другую переправу, но, как Вы знаете, были арестованы и едва выцарапались. Москвичи же — двое, — выехавшие раньше Аркадия², исчезли неизвестно куда. Известий ни из Москвы, ни из П-рга нет.

Угрожает крушение школы³ из-за перерыва сообщений. М<ожет> б<ыть>, придется даже посылать особого человека, если не будет случая теперь же с кем-нибудь послать в Москву и П-рг инструкции.

У нас готовы два листка — о револ<юционном> положении в междунар<одной> среде вокруг России и листок к молодым солдатам. самого важного — о современном экономич<еском> и политич<еском> положении России — нам здесь, пожалуй, не одолеть. Очень важно было бы получить его от тов. Ал-ского⁴. Печатать их и рассылать не стоит иначе, как все три вместе. Это было бы удобно и в финанс<овом> отнош<ении>: можно было бы набрать все вместе, и так расположить набор, чтобы каждый отрезывался отдельно — расходы на печатанье и бумагу свелись бы к minimum'у. Отослал, куда следует, тысячу франков, ассигноваться в начале сентября, и еще тысячу двести, добытые Николаем Николаевичем⁵ для той же цели.

Вероятно, забываю о многом в своих письмах — нездоровье все усиливается, ничего не поделаешь. А Л.П.⁶ еще не вошла вполне в курс дела.

Здесь Лядов и Лун<ачарский> голосовали против Максима⁷, ему написано, что не можем дать на дорогу. К Триа⁸ здешние очень расположены, вероятно, он пройдет на счет школы. А вот Жоржа⁹ удастся ли провести также на счет школы — не уверен. Если мало будет слушателей, то я думаю, удастся.

Всего лучшего.

Ваш А. Б.

78. ГОРЬКИЙ — А.А. БОГДАНОВУ

Октябрь, после 10(23,) 1910, Капри

Уважаемый Александр Александрович!

Я, как Вам известно, очень уважаю и ценю Вас — мыслителя и революционера¹, но — не стану отвечать на Ваши письма: Вы пишете их слишком строго и так, точно Вы унтер-офицер, а я — рядовой Вашего взвода.

Кстати: недавно я нашел Ваше письмо, в коем есть следующее место:

«Что Луначарский мог очаровать вас несомненным, хотя несколько безалаберным богатством природы, это я понимаю; а вот насчет Анюты, моей сестрицы, скажу прямо: тут у меня рецензия другая.....»

В разговорах со мною и М.Ф., эта рецензия выяснилась для меня в очень нелестной форме по отношению к Анне Александровне² — Вы определенно называли ее субъектом истерическим и, выражаясь мягко, склонным к преувеличениям.

А когда мы трое — Вы, Луначарский и я — говорили по поводу известного Вам инцидента³ — Вы отреклись от ваших письменных и устных мнений о сестре.

Очень может быть, что Вам покажется смешным это — но я не забываю таких вещей, и для меня они играют решающую роль в отношениях моих к людям, а тем более таким, как Вы.

Разумеется, это наше частное дело и — последняя беседа⁴.

Желаю всего лучшего.

А. Пешков

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. КГ-од -1-22-3), впервые.

¹ Речь идет о получении большевиками наследства фабриканта Николая Павловича Шмита (1883–1907), арестованного в начале 1906 г. за участие в революционных событиях в Москве в 1905 г. и погибшего в тюрьме в ночь на 13(26) февраля 1907 г. при невыясненных обстоятельствах. В декабре 1905 г. Шмит в присутствии Горького и Михаила Александровича Михайлова (партийный псевдоним Дядя Миша; 1878–1951) высказал намерение передать свое состояние большевикам. Исполнителями его воли стали родные сестры Екатерина (в замужестве Андриканис) и Елизавета, которая еще не достигла совершеннолетия и поэтому сама не имела права вступить во владение наследством, сделать это она могла только через опекуна, роль которого удобнее всего было выполнять мужу. В таких условиях Большевикский Центр (БЦ) решил организовать фиктивный брак Елизаветы Павловны. Роль официального мужа согласился играть А.М. Игнатьев, фактическим супругом был находящийся на нелегальном положении Арон Рефулевич Таратута (партийные псевдонимы Виктор, Виктор Константинович, Сергеев; 1881–1926). Екатерина передала часть наследства БЦ в 1908–1909 гг., Елизавета свою долю — в 1909–1911 гг.

В ходе переговоров с БЦ Екатерина, поддержанная своим мужем адвокатом Н.А. Андриканисом, не согласилась на передачу партии всей своей доли наследства, поскольку также имела обязательства по обеспечению находившихся в бедственном положении рабочих мебельной фабрики Н.П. Шмита, сгоревшей в результате обстрела ее правительственными войсками. Ю.Н. Амиантов, Ю.А. Ахапкин и В.Н. Степанов отмечают: «В борьбе за получение наследства представители БЦ (особенно Таратута) зачастую использовали приемы, вызывавшие моральное осуждение. Решение проблем наследства осложнялось острой политической конфронтацией большевиков с меньшевиками и бундовцами, считавшими наследство Шмита принадлежностью всех

фракций РСДРП, а затем и внутри большевистской фракции между сторонниками В.И. Ленина и А.А. Богданова. Рассмотрение конфликтов по наследству проходило в третейском суде при арбитраже представителей партии эсеров М.А. Натансона, И.А. Рубановича и др. Суд имел три сессии в декабре 1907 г., апреле и июне 1908 г. В результате было достигнуто согласие о передаче наследства большевикам: доля Ел.П. Шмит полностью, из доли Е.П. Андриканис — одна треть. После январского пленума ЦК 1910 г. основная часть наследства поступила к «держателям» <К. Натансон, Ф. Меринг, К. Цеткин.> для использования на общепартийные нужды. Попытка Ленина в 1911–начале 1914 г. вернуть деньги большевикам не увенчалась успехом» (*Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 / Книга подготовлена Ю.Н. Амиантовым, Ю.А. Ахалкиным, В.Н. Степановым. М., 1999. С. 33*).

² Натансон Марк Андреевич (1850–1919), член ЦК партии эсеров.

³ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), член ЦК партии эсеров.

⁴ Фейт Андрей Юльевич (1864–1926), член ЦК партии эсеров.

⁵ Красин Леонид Борисович (партийные псевдонимы Зимин, Никитич, Николаев; 1870–1926), в это время большевик-богдановец, член БЦ, принимал активное участие в деле о наследстве Н.П. Шмита. Красин писал в августе — октябре 1908 г. Горькому и М.Ф. Андреевой: «... паи Морозова стоят не 1 ½ тысячи, а свыше 5, и, следовательно, передаваемая нам Елизаветой Павловной часть наследства составляет 1 ½ миллиона. Вопрос о выдаче ее замуж получает сейчас особую важность и остроту. Штуки Каниса <так Красин называет Н.А. Андриканиса.> неизвестно во что выльются дальше. Поэтому необходимо спешить реализовать ее долю наследства, а это можно сделать только путем замужества, назначения мужа опекуном и выдачи им доверенности тому же Малянтовичу. Было бы прямым преступлением потерять для партии такое исключительное по своим размерам состояние только из-за того, что мы не смогли найти жениха» (*Андреева. С. 168*).

⁶ Минор (наст. фам. Залкинд) Осип Соломонович (1861–1934), в революционном движении начал принимать участие с 1880-х гг., сначала народоволец, потом эсер, член ЦК партии.

⁷ *Богданов А.А.* Красная звезда: Роман-утопия. СПб.: Издание автора, 1908.

⁸ Андреева (сценический псевдоним, урожд. Юрковская, в замужестве Желябужская) Мария Федоровна (1869–1953), актриса, гражданская жена Горького.

⁹ Малиновская (урожд. Корсак) Наталья Богдановна (1865–1945), фельдшер, жена А.А. Богданова.

2.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-2), впервые.

Датируется по письму Горького от 27 декабря 1907 г. (9 января 1908 г.) (Горький. *Письма. Т. 6. С. 144–145*), ответом на которое является.

¹ С этим предложением Богданова Горький согласился и выполнил его, что видно из письма Богданова, написанного около 19 мая (1 июня) 1908 г., в котором сказано: «Дорогой товарищ, я прочитал Ваше показание. Мне кажется, есть в нем пробелы и неясности» (*Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 151*).

² Никитин Алексей Максимович (1876–1939), юрист, меньшевик, позднее член Временного правительства, после Гражданской войны работал в кооперативных организациях.

³ Сталь Людмила Николаевна (псевдоним: Э. Стиглиц; 1872–1939), большевичка.

⁴ Горький писал Богданову 27 декабря 1907 г. (9 января 1908 г.) о его романе «Красная звезда»:

«Книга и понравилась мне и нет. Чем понравилась? Светлой, глубокой верой, тихой, прозорливой радостью, с которой автор смотрит в будущее.

Не понравилась — излишком мудрости, несколько холодной и овевшей лица героев скукой, коя не должна быть ни ведома, ни присуща им — как мне кажется. И еще тем, что читатель из массы — дорогой и родной наш — не найдет — боюсь — в рисунке Вашем

очертаний достаточно твердых, но увидит некий красивый туман; не встретит откликов на многие злые вопросы и — почувствует раздражение на автора, на человека, который крикнул, позвал куда-то, сказал — смотри! и — развернул картину, нарисованную слишком тонкими чертами, сложную, но — одноцветную, приятную все-таки — но чуждую тому жадному глазу, который, будучи утомлен серым колебанием буден, алчет красок ярких, очертаний резких.

Вас не обижает этот мой отзыв? Не обижайтесь, Вас крепко люблю, считаю Вашу голову и сердце драгоценнейшими в современности» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 144–145).

⁵ Ленин Владимир Ильич (наст. фам. Ульянов, партийные псевдонимы Старик, Карпов, Мейер, Николай Петрович и др.; 1870–1924). Лидер большевиков. 25 декабря 1907 г. (7 января 1908 г.) переехал на жительство в Женеву, туда же была перенесена редакция газеты «Пролетарий».

⁶ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), друг и единомышленник Богданова, его родственник, в первом браке был женат на сестре философа Анне Александровне Малиновской (1883–1959).

3.

Печатается по А (АГ. КГ-од -1-22-7), впервые.
Год установлен по содержанию письма.

¹ «Пролетарий» — общественно-политическая газета, фактически центральный орган фракции большевиков в РСДРП. Издавалась с августа 1906 по декабрь 1909 г. Всего увидело свет 50 номеров. В 1906–1908 гг. выходила 1–2 раза в месяц, потом — нерегулярно. № 1–20 печатались в Выборге. Затем издание было перенесено за границу, № 21 вышел в Женеве 13(26) февраля 1908 г. В ноябре 1908 г. редакция газеты была переведена в Париж.

² Имеется в виду работа В.И. Ленина над книгой «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии» (М.: Звено, 1909). О том, как она продвигается, лидер большевиков сообщал Горькому 3(16) марта 1908 г.: «Газету <“Пролетарий”> я забросил из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюя площадными словами, завтра — другого и матерными» (*Ленин и Горький*. С. 37).

³ Дубровинский Иосиф Федорович (псевдонимы: Иннокентий, Иннокентьев, Инок, Доров, Леонид; 1877–1913), большевик, в это время вместе с В.И. Лениным и Богдановым был редактором газеты «Пролетарий». В июле 1908 г. Дубровинский нелегально приехал в Россию, тогда ему удалось благополучно вернуться за границу. Следующая поездка, осенью того же года, закончилась арестом.

⁴ Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967), в это время большевик, в конце 1909 г. вместе с Богдановым создал группу «Вперед», после начала Первой мировой войны сблизился с Г.В. Плехановым. Алексинский вместе с эсером В.С. Панкратовым 4(17) июля 1917 г. в газете «Живое слово» опубликовал заявление, основанное на данных русской контрразведки, о получении В.И. Лениным денег от немецкого генерального штаба.

⁵ «Махистами» Ленин называл единомышленников Богданова, считая, что он является последователем австрийского философа и физика Эрнста Маха (1838–1916). О соотношении своих взглядов с философией Маха Богданов написал в работе «Десятилетие отлучения от марксизма»: «Понимание мира, как непрерывного ряда организационных процессов, было впервые введено в философию мною. Учение же об единстве элементов, о том, что материя и дух различаются лишь характером их связи, было сформулировано много раньше. С наибольшей научной строгостью это сделал Эрнст Мах, знаменитый физик и физиолог. В таких пределах — я его ученик. Мысль о том, что связь физического и связь психического являются организационными формами и подлежат исследованию, как таковые, ему совершенно чужда» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 3. С. 32).

⁶ Возможно, Богданов имеет в виду ожидавшийся приезд в Женеву Григория

Евсеевича Зиновьева (наст. имя Радомысльский (по метрической записи — Радомышльский) Евсей Аронович; 1883–1936). Но в марте 1908 г. Зиновьев был арестован в Петербурге. Только через семь месяцев, в октябре, он смог приехать в Женеву (бежал из ссылки) и вскоре сменил на посту редактора «Пролетария» арестованного И.Ф. Дубровинского.

⁷ Как известно, раскол в РСДРП — на большевиков и меньшевиков — случился в 1903 г. на II съезде партии. Слияние двух фракций произошло в апреле 1906 г. на IV съезде РСДРП, который получил название Объединительного. Это стало возможным благодаря Первой русской революции, но ее разгром обострил бывшие противоречия между фракциями и внутри них, усилил разъединительные тенденции. Яркий пример раскола среди большевиков — отношения между Богдановым и Лениным, начиная с 1907 г., после Котской партийной конференции (см.: Луценко А.В. Начало конфликта между В.И. Лениным и А.А. Богдановым (1907–1909 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 29). Примером раскола среди меньшевиков может служить их работа над пятитомником (свет увидели в 1909–1914 гг. только первые четыре тома) «Общественное движение в России в начале XX века». Г.В. Плеханов, не согласившись с положениями статьи своего коллеги, А.Н. Потресова, вышел из редколлегии данного издания.

⁸ Раскола в социал-демократической фракции Государственной думы (состоявшей из меньшевиков и большевиков) не произошло. Но опасение Богданова объяснимо. Члены ЦК РСДРП неоднократно высказывали свое несогласие с действиями как отдельных членов думской фракции, так и с решениями, принимаемыми фракцией в целом. В.Л. Шанцер, единомышленник Богданова, писал в статье «К вопросу о социал-демократической думской фракции»: «... Во всех своих выступлениях фракция шла всегда по линии наименьшего сопротивления, по линии компромисса, узкопрактических соображений, впадая нередко в парламентский кретинизм <...> Пора поставить ей ультиматум, требующий безусловного подчинения партийной дисциплине, участия во внедумской партийной работе, агитационной и партийной работе путем решительных выступлений в Думе, путем защиты, и решительной защиты, программы и тактики партии, путем демонстративных протестов против затыкания пролетарским депутатам рта и бесшумного, но насильственного их удаления по одиночке. Или пусть фракция станет партийна и решительна до конца в своих выступлениях и тактике, или партии придется применить другие меры, удалить из фракции некоторых оппортунистов, или отозвать, наконец, фракцию» (Пролетарий). 1908. № 36. 3(16) октября.

⁹ Отправка войск могла быть связана с забастовкой в Баку на заводах Хатисова. Забастовка проходила с 19 февраля (3 марта) по 4(17) марта 1908 г.

¹⁰ Газета «Речь» сообщала: «В Василькове, Киевской губ., произведена публичная смертная казнь над рядовым Ткачевым, приговоренным к расстрелянию за убийство вахмистра <...> Ген.-губернатором Сухомлиным утвержден смертный приговор рядовому Зенченко, осужденному за убийство начальника конной команды» (1908. № 30. 5(18) февраля), «Вятка, 5 февраля. Вчера за городом казнены Анатовский и Наумов, приговоренные в половине декабря военно-окружным судом за вооруженное сопротивление при обыске <...> Рига, 5 февраля. Сегодня казнены четверо, осужденные военным судом» (1908. № 31. 6(19) февраля), «Лодзь, 29 февраля. Казнен Ян. Казнь Травинскому и Декерту заменена бессрочной каторгой. На фабрике Вульфсона арестовано 30 рабочих, обвиненных в принадлежности к соц.-демократической партии» (1908. № 52. 1(14) марта).

Позднее, в 1960-е годы, В.В. Шульгин, депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум, писал: «Что характерно для Гос. думы 3-го созыва? Под руководством Столыпина это была борьба с левыми и правыми.

Борьба за что?

За мирную эволюцию — Вперед на легком тормозе! — говорил Петр Аркадьевич.

Но эволюции не хотели ни те, ни другие; ни левые, ни правые <...>

Столыпин уцелел <после взрыва на Аптекарском острове, когда тяжелые ранения получила дочь председателя Совета министров>, но революционеры продолжали свою деятельность. По счету Пуришкевича, за время Первой революции они убили и ранили 20 тысяч человек. На террор снизу Столыпин ответил террором сверху» (Неизвестная

Россия. XX век. М., 1992. Кн. 1. С. 312, 314–315).

А.Н. Яковлев, говоря о «стольпинском терроре», приводит такие цифры: «... в 1906 году казнено 1102 осужденных, в 1907 — 1139, в 1908 — 771, в 1909 — 129, 1910 — 73» (Яковлев А.Н. Омут памяти: От Столыпина до Путина. М., 2001. Кн. 1. С. 92).

Показательно, что Столыпин стал жертвой, казалось бы, невозможного союза — крайне левых с крайне правыми. Его убийца — Мордехай Богров — был, с одной стороны, революционером, а с другой стороны, — сотрудником охраны. Чью волю он выполнял, осталось не выясненным, поскольку разбирательство, которое должно было установить организаторов преступления и его мотивы, Николай II повелел прекратить. Богров, через которого можно было выйти на руководителей заговора, подозрительно быстро (спустя всего лишь 11 дней после ареста) был казнен.

¹¹ Богданов имеет в виду предстоящий IV Съезд уполномоченных дворянских обществ 32 губерний, который прошел в Петербурге с 9(22) по 16(29) марта 1908 г. Основным на съезде был вопрос об отношении к предложенной П.А. Столыпиным реформе местного управления. Ю.Б. Соловьев пишет: «Бескомпромиссная позиция, занятая с самого начала дворянством относительно преобразования местного управления, со временем только ужесточается, становится окончательно непримиримой. Планируемая перестройка делается своего рода *casus belli* <повод к войне — лат.>, судя по тому, как повел себя собравшийся 9–16 марта 1908 г. съезд Объединенного дворянства, на котором она явилась главным предметом продолжавшегося целую неделю обсуждения. Устроенный в марте, он приобрел значение крупной боевой операции в наступлении, в которое дворянство вкладывало все свои силы» (Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 67). Стенограмма съезда опубликована: Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: В 3 т. / Составитель, автор предисловия, введения и комментариев А.П. Корелин. М., 2001. Т. 1. С. 531–892.

¹² «Заграничная газета» — еженедельник, издававшийся в Женеве группой русских эмигрантов с марта по апрель 1908 г., всего вышло 4 номера. В газете принимали участие Богданов, В.И. Ленин, А.В. Луначарский.

¹³ «Голос социал-демократа» — еженесячная газета меньшевиков, издавалась с 1908 по 1911 г., сначала в Женеве, а затем (с № 12) — в Париже. Вышло 26 номеров. № 1 увидел свет 15(28) февраля 1908 г. Богданов, вероятно, имеет в виду напечатанную в нем статью Ф.И. Дана о 3-й Государственной думе — «В стане победителей». «Подготавливают» к ней две другие статьи номера: Мартова «Тернии без роз» (о социал-демократах депутатах 2-й Государственной думы) и того же Дана «Думские штрихи» (подписана: Ф.Д.).

¹⁴ См. примеч. 1 к п. 1. Виктор — А.Р. Таратута. Екатерина — Е.П. Андриканис.

¹⁵ Просил А.В. Луначарского писать для «Пролетария» и В.И. Ленин. 3(16) апреля 1908 г. он поблагодарил за полученное согласие:

«Дорогой Анатолий Васильевич!

Получил Ваше письмо. *Очень рад, что за “Пролетарий” Вы беретесь. Необходимо это крайне, и именно темы, Вами намеченные»* (ЛН. Т. 80. С. 42).

В 1908 г. А.В. Луначарский опубликовал в «Пролетарии» четыре статьи: «Кризис в Итальянской рабочей партии», «Конгресс земледельческого пролетариата Италии», «Расстрел народа в Риме», «Италия» (в двух номерах) — в номерах от 27 февраля (11 марта), 19 марта (1 апреля), 16(29) апреля, 16(29) октября и 1(14) декабря — первые четыре публикации появились за подписью *Воинов*, последняя вышла анонимно.

¹⁶ Трусович Станислав Станиславович (псевдоним Карл Залевский; 1871–1918), публицист.

¹⁷ Бржозовский Станислав Леопольд (1876–1911), польский литератор, в начале 1908 г. некоторое время гостил у Горького на Капри. Почти одновременно с Богдановым, 3(16) марта 1908 г., предостерегающую записку В.Л. Бурцева переслал Горькому А.В. Амфитеатров. В записке говорилось: «Сейчас узнал, что в Италии живет известный польский писатель Бржозовский. Говорят, он знаком с Горьким. Он (Брж.) *штюн* — вне сомнения» (ЛН. Т. 95. С. 87). Подобные обвинения в адрес Бржозовского высказывались и в печати. Например, газета «Речь» 3(16) мая 1908 г. сообщила, что Бржозовский является одним из лиц, «оказывающих услуги властям при выслеживании ими деятелей польских

политических партий», а также, что он состоял домашним секретарем Горького. В 1910 г. состоялся третейский партийный суд, под председательством Э. Бобровского, признавший Бржозовского виновным в сочинении обзоров для Охранного отделения, однако позднейшими изысканиями это обвинение с польского литератора было снято (см.: Горький. *Письма*. Т. 6. С. 554, автор примеч. А.И. Овчаренко).

¹⁸ Е.П. Шмит.

4.

Публикуется по *ФК (АГ. КГ-од-1-22-9)*, впервые. Автограф не разыскан.

Датируется по сопоставлению с письмом Горького редактору газеты «Аванти!» от 5(18) мая 1908 г. (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 230).

¹ Имеется в виду Сигизмунд Йонассон, посредник при пересылке в Россию газеты «Пролетарий».

² Выполняя просьбу Богданова, Горький обратился с открытым письмом к депутату итальянского парламента социалисту Мормари, в котором говорилось:

«Несколько дней тому назад итальянская полиция в Генуе наложила секвестр на две посылки, содержащие русскую социал-демократическую газету “Пролетарий”, изданную в Швейцарии, в Женеве.

Газета была адресована господину Йонассону, площадь Комменда, 13, аптека.

“Пролетарий” издается не в России, а в Швейцарии, это — издание совершенно легальное, соблюдающее все требования швейцарского закона. От лица моих русских товарищей — издателей газеты “Пролетарий” — и по их просьбе, я обращаюсь к Вам как к социалисту и депутату, и прошу Вас — будьте добры информировать меня, чем вызван указанный секвестр, и сообщить всем нам, русским эмигрантам, имеет ли итальянская полиция законное право действовать так, как она действовала в настоящем случае» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 230).

Мормари 5(18) мая 1908 г. опубликовал письмо писателя в редактируемой им газете «Аванти!» А через два дня эта же газета сообщила:

«В связи со справедливой жалобой Максима Горького <помещается> <...> ответ, присланный сегодня <премьер-министром правительства> Джиолиитти директору “Аванти!” по поводу того, что писал позавчера Максим Горький о конфискации итальянскими властями социалистической газеты русских политических эмигрантов “Le Proletaire” <“Пролетарий”>, издаваемой в Швейцарии на русском и французском языках:

“Рим, 20 мая 1908 г.

Глубокоуважаемый Господин депутат!

Я собрал сведения в связи с сообщенными Вами фактами и установил следующее:

14 сего месяца в Геную прибыло два ящика с газетами и другими печатными изданиями на русском языке, присланные из Женевы на адрес аптекаря г-на Атри Олива, проживающего на площади Коменда.

Директор генуэзской таможни сообщил об этом в квестуру, запросив, нет ли каких-либо препятствий для свободного допуска в королевство этих изданий. Получив ответ, что такого рода дела входят в компетенцию судебных властей, он обратился в генеральную прокуратуру, которая заявила, что не намерена принимать каких-либо мер, поскольку не доказано, что в газетах содержатся преступные писания.

Эти газеты, имеющие помимо русского заголовка заголовок на французском языке “Proletaire”, до сего времени находятся в таможне, так как адресат не явился, чтобы их забрать.

Преданный Вам Джиолиитти”» (цит. по: Горький. *Письма*. Т. 6. С. 502).

Чем закончилась данная история, видно из сообщения «Аванти!», напечатанного 12(25) мая 1908 г.:

«Снова по поводу русских газет, задержанных на таможне в Генуе. Мы получили и охотно публикуем: “Генуя, 22 мая, 1908 г. Глубокоуважаемый директор газеты “Аванти!” Прошу Вас, Милостивый Государь, соблаговолить сделать следующую поправку: в

письме его превосходительства Джиолитти по поводу секвестра русских газет фигурирует имя г-на Олива, не имеющего к этому никакого отношения. Указанные газеты адресованы только мне и только мое имя упомянуто в письме Максима Горького. Что касается того, о чем пишет его превосходительство депутат Джиолитти, то считаю нужным сообщить, что газеты были вручены мне только вчера, а с 14 апреля по 19 мая все мои просьбы встречали отказ.

Благодарю Вас.

С глубоким уважением

преданный Вам Сигизмунд Йонассон» (Там же. С. 502–503).

³ О каких письмах идет речь, установить не удалось.

⁴ Ладыжников Иван Павлович (1874–1945), друг Горького, в 1905 г. по поручению ЦК РСДРП организовал в Женеве издательство «Демос», которое в том же году было перенесено в Берлин под названием «Издательство И.П. Ладыжникова». «Фениксом», по-видимому, Богданов называет «Издательство И.П. Ладыжникова», которое удалось продать только в декабре 1912 г. — Б.Н. Рубинштейну.

⁵ Речь идет об издании «Энциклопедии для изучения России», которую материально должны были поддерживать Ф.И. Шаляпин и С.А. Кусевицкий. План будущего издания Горький изложил в письме к К.П. Пятницкому от 9(22) апреля 1908 г.: «Выработана программа небольшой энциклопедии для изучения России, в течение двух, трех лет будут написаны такие книги:

История России — политическая, экономического развития, внешних сношений — т.е. ист[ория] внешней политики, развития политической мысли, правовых идей, церкви, словесности.

Богданов напишет книгу «Организация опыта и типы классовой психики».

Вся эта работа займет томов 12—15, по 20 листов том» (там же. С. 221).

Этот же план с уточнениями был изложен Горьким Г.А. Алексинскому 16(29) мая 1908 г.

Помимо названных выше лиц, к участию в энциклопедии предполагалось привлечь В.И. Ленина, М.Н. Покровского, Л.Д. Троцкого, Я. Тышку, Я. Янсона.

⁶ Видимо, письма, присланные Богданову из Генуи, сообщающие об инциденте с газетой «Пролетарий».

5.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова Горькому около 5 мая 1908 г. и письму Горького от 1(14) мая 1908 г. (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 155).

¹ Имеется в виду письмо Богданова Горькому около 5 мая 1908 г., в котором говорилось о провалах в партийных организациях большевиков и о необходимости денежного займа у Шаляпина для организации нового издательства за рубежом (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 155).

² Около 15(28) июня 1908 г. Горький сообщил Богданову: «Дела с нашим книгоиздательством налаживаются, но — сие пока между нами, Федор Шаляпин дает 25 т.» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 256). Возможно, 5 тыс. из этих денег были обещаны Богданову.

³ Книга П.С. Юшкевича «Материализм и критический реализм. О философских направлениях марксизма» (СПб., 1908), в которой подвергались критике воззрения Г. Плеханова, Э. Маха и других философов. А. Богданову была посвящена глава «Эмпириомонизм А. Богданова».

⁴ Вячеслав — Н.А. Рожков (1868–1927) — историк и социолог, в 1907–1908 гг. член Русского бюро ЦК РСДРП. В апреле 1908 г. был арестован на заседании большевиков Рогожского района и сослан в Восточную Сибирь, где примкнул к меньшевикам.

⁵ Наталья Богдановна — жена А.А. Богданова.

⁶ Бржозовский С.Л. — см. примеч. 17 к п. 3. По рекомендации А.В. Луначарского Горький пытался привлечь Бржозовского к работе над сборниками «Знание» и оказывал

ему материальную помощь (см.: *Срока М.* Станислав Бржозовский и Максим Горький // Творчество. Варшава 1958, №2). Сведения в русских газетах появились после публикации списка шпионов и провокаторов в газете «Напшад» (1908, 5 мая). Там говорилось, что Бржозовский был секретарем Горького. Это вынудило писателя написать Э. Бобровскому: «Станислав Бржозовский никогда моим секретарем не был» (Горький. *Письма*. Т. 6. С.282).

⁷ Изгоев А. (псевдоним А.С. Ланде, 1872–1935) — лидер правых кадетов, сотрудник газеты «Речь», один из авторов сборника «Вехи». Имеется в виду статья А. Изгоева «Из истории российского невежества», содержащая резкие выпады против большевиков, в том числе против А. Богданова и И. Скворцова-Степанова как переводчиков произведений К. Маркса (Русская мысль, 1908. № 8). Меньшиков М.О. (1859–1918) — публицист, сотрудник газеты «Новое время», где систематически печатал цикл статей «Письма к ближним» с ядовитой критикой революционной демократии.

6.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1–22–12), впервые.

¹ 18(31) мая 1908 г. Г.А. Алексинский писал Горькому: «Реферат был великолепный <...> Вдруг, после открытия прений, выступает тов. Иннокентий <...> и произносит неприличнейшую митинговую речь, в которой заподозривает даже приведенные Богдановым цитаты, намекает на какие-то “кружковые интересы”, объявляет “учение Богданова” повторением бернштейниады, буржуазным подкопом под Маркса и Энгельса. Вдобавок выхватил цитату из статьи Луначарского и устраивает балаганное издевательство над ним, назвав его “попом” и т.д. <...> Всего интереснее, что Иннокентий ссылаясь при этом на авторитет Ленина и заявил, что уполномочен на это им» (Вопросы истории. 2003. № 1. С. 32). Действительно, в основу выступления И.Ф. Дубровинского были положены написанные В.И. Лениным «Десять вопросов референту». Особенно показателен десятый вопрос: «Подтверждает ли референт тот факт, что махизм не имеет ничего общего с большевизмом? Что против махизма неоднократно протестовал Ленин?» (*Ленин В.И.* Сочинения. Изд. 2-е, исправл. и доп. М.; Л., 1928. Т. 13. С. 6). Этот вопрос, по существу, является ультиматумом, предъявленным Лениным Богданову.

² Цхакая Михаил Григорьевич (партийные псевдонимы Миха, Миха Барсов, Гурген; 1865–1950), большевик, позднее член группы «Вперед».

В связи с инцидентом, случившимся на реферате Богданова, М.Г. Цхакая и Г.А. Алексинский написали В.И. Ленину следующее письмо (его копию Н.Б. Малиновская вместе со своим письмом послала Горькому):

«28 мая состоялся устраивавшийся заведующим экспедицией “Пролетария” т. Котляренко реферат т. Богданова на тему о философских воззрениях плехановской школы. Референт оставался в своем изложении в области чисто-теоретической, отнюдь не применивая широкого политического элемента, что по нашему мнению, вполне соответствовало официальной позиции нейтралитета, заявленной ред.<акцией> “Пролетария” и большевистской редакцией сборника “Памяти Маркса”*. Тем не менее, член ред. “Пролетария” т. Доров, выступив в качестве оппонента (под именем Федорова) во время прений по реферату, счел уместным грубейшим образом нарушить заявленную позицию нейтралитета и свести вопрос на резко-политическую и фракционную почву. Вместо каких-либо возражений и доказательств по существу, он ограничился перед разношерстной и разнопартийной публикой заподозриванием цитат, обвинениями в буржуазном ревизионизме, в замаскированных подкопах под “научный социализм” и под Маркса, в каких-то “кружковых интересах”, якобы руководящих Богдановым и т.д. Более

* В примечании к статье В. Базарова редакция этого сборника заявляет, что она придерживается принципа «полной нейтральности» по отношению к борющимся внутри ортодоксального марксизма философским течениям. — *Ред.*

того, он допустил совершенно нетоварищеский и мало добросовестный прием по отношению к делегату нашей партии на Штутгартском конгрессе т. Луначарского, выхватив одну цитату из одной его статьи и вместо обсуждения по существу, устроил публичное издевательство над членом одной с т. Доровым и со всеми нами фракцией.

Поведение т. Дорова было в особенности тяжело для нас большевиков: 1) потому что его речь вызвала явное сочувствие и одобрение со стороны м<еншеви>-стской части собрания, и 2) потому что, выступая в качестве “практика-большевика”, как т. Доров сам отрекомендовался, он считал необходимым опираться в своей речи на Вас, как бы внушая слушателям неверную, конечно, мысль, будто Вы лично сочувствуете таким вредным для интересов нашей фракции выходкам и прикрываете их своим, очень высоким, в глазах наших и всех б<ольшеви>ков, политическим авторитетом. В своей речи т. Доров прочел выдержку из Вашей статьи в сборнике “Памяти Маркса” и пытался представить Вас, как бы солидарным с ним, хотя мы должны заметить, прочитанная выдержка не имела ничего общего с “критикой” т. Дорова, и все выступление т. Дорова носило такой характер, который абсолютно недопустим при нахождении спорящих в рядах единой фракции и который можно было только оправдать разве лишь при наличии существующего уже разрыва товарищеских отношений внутри нее. Подобные выступления тем более опасны, что м<еншеви>ки, как известно, в последнем номере “Голоса С<оциал>-Д<емократа>” выразили недвусмысленное желание использовать философский спор для борьбы против б<ольшеви>зма, а выступление т. Дорова может лишь облегчить такие попытки м<ков.

Характер выступления т. Дорова настолько поразил т.т. б<ков, что они признали необходимым подвергнуть этот вопрос обсуждению на особом собрании женевского б<кого кружка, состоявшемся 1 июня. В результате обсуждения были вынесены 2 следующие резолюции, которые мы приводим:

1. Обсудив вопрос о характере философских споров, возникших среди товарищей за последнее время, собрание женевских б<ков:

1) признает вполне правильной строго нейтральную позицию, занятую ред<акцией> “Пролетария” и б<ким Литературным центром,

2) находит, что все споры должны быть соподчинены практически-революционным задачам нашей фракции в данный момент и необходимости обеспечить ее политическое единство,

3) что выступления иного рода могут быть лишь на руку противникам б<зма и внести дезорганизацию в ряды нашей фракции, помешав успеху еще незаконченной борьбы с м<вистским оппортунизмом.

Собрание высказывает свое глубокое убеждение, что впредь товарищи, принимающие участие в данном споре, будут, прежде всего, сообразовываться с интересами единой фракции, как выразительницы революционной тактики Р.С.Д.Р.П. и с официальной позицией нейтралитета занятой нашим идейным центром (принято 17 голосами против 3)) (АГ. КГ-од-1-22-12).

³ Записка В.И. Ленина Г.А. Алексинскому не разыскана. Но сохранилось письмо В.И. Ленина к В.В. Воровскому от 19 мая (1 июня) 1908 г., в котором говорится:

«...Положение у нас трудное. Надвигается раскол с Богдановим. Истинная причина — обида на резкую критику на рефератах (отнюдь не в редакции) его философских взглядов. Теперь Богданов выскивает всякие разногласия. Вытащил на свет божий бойкот вместе с Алексинским, который скандалит направо и с которым я вынужден был порвать все сношения.

Они строят раскол на почве эмпириомонистической-бойкотистской. Дело разразится быстро. Драка на ближайшей конференции неизбежна. Раскол весьма вероятен. Я выйду из фракции, как только линия “левого” и истинного “бойкотизма” возьмет верх» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 47. С. 159—160).

Чуть позже, 28 мая (10 июня) 1908 г., В.И. Ленин ответил и М.Г. Цхакая: «Дорогой тов. Миха! С Вами лично рад бы побеседовать. Заходите завтра (четверг), в 8 часов вечера. Ваш Ленин» (Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. С. 413).

⁴ В архивах сохранилось несколько выполненных типографским способом объявлений о рефератах Алексинского и Богданова в Женевском клубе социал-демократов: 4 ноября 1907 г. читал Г.А. Алексинский «Армия, Народ и Дума», 4 июня 1908 г. лекция А. Бог-

данова: «Плехановская школа в социальной философии», 25 июня 1908 г. «Материал познания», 28 июня 1908 г. «Субъект индивидуальный и коллективный», 1 июля 1908 г. «Мир в себе», 5 июля 1908 г. «Материализм и идеализм», 15 июля 1908 г. «Энергетика», 19 июля 1908 г. «Мировой механизм», 24 июля 1908 г. дебаты по поводу серии лекций А. Богданова «Картина мира», 3 ноября 1908 г. реферат «В трех мирах», 7 и 15 апреля 1909 г. «Развитие фетишизма идей», 20 апреля 1909 г. «Падение фетишизма», 9 мая 1910 г. «Смерть и пульс жизни», 29 сентября 1910 г. «Итоги философской борьбы в русском марксизме» (РГАЛИ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 3, 5–12; РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 16. Л. 6, 8–12, 14).

⁵ А.В. Луначарский писал Горькому в мае 1908 г.:

«Рефераты мои повсюду имеют выдающийся моральный успех, но беда, что публика дешая платит, сколько может, т.е. мало.

Всюду говорю о «Исповеди» и читаю иные страницы. Всюду громадный интерес к этой вещи, но нигде в Швейцарии ее еще нет» (Архив Г. 14. С. 38).

Рефератами Луначарский зарабатывал средства, необходимые для жизнеобеспечения семьи (жены и сына), которая в то время находилась на Капри и которую вскоре постигла трагедия — 24 июня (7 июля) 1908 г. умер сын Луначарских, Анатолий, родившийся 9(22) декабря 1907 г.

В РГАЛИ хранятся два печатных объявления о лекциях Луначарского 2 июня 1908 г. «Современные религиозные искания и научный социализм» и «Сущность и задачи искусства с точки зрения научного социализма».

⁶ В мае 1908 г. В.И. Ленин из Женевы уехал в Париж, где выступил с несколькими рефератами, затем через Брюссель направился в Лондон. Целью посещения столицы Англии было продолжение работы над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» в библиотеке Британского музея. Вернулся в Женеву не позднее 7(20) июня 1908 г.

⁷ Деборин Абрам Моисеевич (наст. фам. Иоффе; 1881–1963), ученик и единомышленник лидера меньшевиков Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918), который написал предисловие к его книге «Введение в философию диалектического материализма» (с 1916 по 1931 г. выдержала 6 изданий). В ней собраны статьи, ранее печатавшиеся в журналах и сборниках, в том числе рецензии на работы русских позитивистов, которые, по мнению Деборина, выступали с критикой материализма, — П. Юшкевича «Материализм и критический реализм. (О философских направлениях в марксизме)» (СПб., 1908) и Богданова «Эмпириомонизм. Книга третья» (СПб., 1906). В отзыве на работу Богданова Деборин писал: «...понятие, которое связывается Богдановым и эмпириокритицизмом вообще со словом опыт, настолько произвольно, что оно неминуемо должно завести своих сторонников в тупой переулочек субъективизма и идеализма <...> Ошибка г. Богданова и позитивизма вообще состоит в том, что они *содержание* восприятия, т.е. чувственные ощущения принимают за *предмет* или *объект* восприятия» (Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. Пг., 1916. С. 393, 395).

⁸ Спилки — нижегородские знакомые Горького.

⁹ См. примеч. 1 к п. 1.

¹⁰ Около 1(14) мая 1908 г. Богданов написал Горькому: «Провал оказался гораздо хуже, чем мы предполагали; если погибнет Вячеслав <Н.А. Рожков>, тогда это почти полное крушение нашей организации. Я ясно представляю себе, до какой степени тягостно для Вас было бы становиться в денежные отношения к Шалайину; личная дружба часто — наибольшее препятствие в этих делах; да и, кроме того, наше отношение к Вашим средствам до сих пор было самое невозможное. И все-таки я принужден просить Вас — если это **вообще возможно**, и нет еще иных, неизвестных мне препятствий — попробовать занять у Шалайина *титит* 2000 рублей» (Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 155). Позже, 19 мая (1 июня) 1908 г., Богданов сообщил М.Ф. Андреевой: «От Шалайина еще ничего не получилось, может быть, случайность, если еще пройдет несколько дней, напишу Вам. Деньги необходимы по-прежнему, но задержка уже не так важна» (Там же. С. 156).

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-13), впервые. Сохранилась только заключительная часть письма.

Датируется по содержанию — упоминанию о Московской общегородской конференции социал-демократов большевиков.

¹ Глебов Николай Николаевич (псевдонимы Н.Н. Глебов-Путиловский, Степан Голубь; 1883-?), слесарь Обуховского завода, меньшевик, в 1905 г. был членом Петербургского совета рабочих депутатов.

² Львов-Рогачевский Василий Львович (наст. фам. Рогачевский; 1873/74-1930), литературный критик, публицист, меньшевик.

³ На квартире В.И. Ленина состоялось заседание редакции «Пролетария». Против предложения Богданова, о котором он пишет ниже, голосовали В.И. Ленин и И.Ф. Дубровинский (см.: Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. С. 413-414).

⁴ См. п. 6 и примеч.

⁵ Бойкотистами называли тех, кто выступал против работы социал-демократов в Государственной думе.

Богданов, бойкотист, свою позицию изложил в письме в редакцию «Пролетария» от 10(23) июня 1908 г.:

«Уважаемые товарищи, мое положение в редакционной тройке “Пролетария” с некоторого времени стало делаться ненормальным. Еще в начале этого года я раза два поднимал вопрос о том, чтобы мне, единственному в редакции бойкотисту, разрешено было дать в “Пролетарии” за своей личной подписью критику думской фракции с бойкотистской точки зрения; я предлагал сделать это в виде обращения к думской фракции с указанием на то, что она своей тактикой подтверждает худшее предположение бойкотистов, и с призывом изменить эту тактику. Оба товарища по редакции убеждали меня, что в интересах сплоченности фракции нежелательно обнаруживать в органе существование разногласий, и я не настаивал, хотя мне казалось, что скрывать частичные разногласия в оценке политических фактов, разногласия, опасные для единства фракции, нет никакой надобности, что гораздо выгоднее обсуждать их, чтобы в будущем легче было практически их исчерпать.

Итак, бойкотистская точка зрения не находила себе в “Пролетарии” никакого выражения, а между тем думские неудачи вызвали среди большевизма новое течение — “отзовистское”. Отзовисты представляют из себя, несомненно ту часть бойкотистов, которая с наибольшей остротой реагирует на несостоятельность думской фракции и в поисках за радикальными средствами поправить дело, предлагает способы, в данный момент, как мне кажется, неосуществимые, и следовательно, нецелесообразные. Было ясно, что “Пролетарий” выступит против отзовистов; и при этом возникла опасность, что товарищи антибойкотисты, в силу слишком большого расхождения с отзовистами не найдут в достаточной степени общей с ними почвы, чтобы убедить их, и что спор без надобности обострится. При таких условиях мне казалось необходимым, чтобы старые бойкотисты выступили, как средний оттенок в обсуждении этого вопроса, и помешали чрезмерному удалению друг от друга крайних оттенков. Написавши сообщая с товарищем Алексинским статью на эту тему, я предложил ее редакции за нашей двойной подписью. Редакция потребовала снятия подписи тов. Алексинского, и я, с согласия тов. Алексинского, уступил в этом пункте, хотя для политического влияния статьи это было немалым ущербом — имя Алексинского в широких рабочих кругах известно несравненно более, чем имя Максимова.

Тогда мои товарищи по редакции заявили, что они напечатают мою статью, но с примечанием такого содержания: редакция не согласна с даваемой в статье оценкой бойкота, но не считает нужным заводить полемики ввиду сходства практических выводов. Эта формулировка в ясных и точных словах была дана товарищами Лениным и Доровым, и я не считал нужным предлагать какие-либо к ней изменения». В конце письма Богданов просил редакцию сообщить в ближайшем № «Пролетария», что он больше не находится в

ее составе (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 144–147).

В ответ В.И. Ленин, И.Ф. Дубровинский и Н.К. Крупская направили в БЦ «Заявление редакции “Пролетария”»:

«Члену Большевицкого Центра тов. Виктору.

Редакция “Пролетария” констатирует, что ни одной из организаций о выходе т. Максимова и обо всем, что произошло в течение последних 3-х дней (а также ранее) не сообщалось. Тем немногим отдельным лицам, которым были сделаны такие сообщения, мы немедленно предъявляем требование безусловного молчания. Категорически обязуемся впредь принять все меры к тому, чтобы локализовать в кругу членов БЦ сведения обо всем происшедшем.

Такое обязательство мы даем в том случае, если т. Максимов

1) отказывается от рассылки своего письма в редакцию по местным организациям,

2) обязуется, как и мы, принять меры к тому, чтобы и отдельные лица, осведомленные о его выходе из редакции и пр., не продолжали никаких местных сообщений по данному делу,

3) переносит заявление всех своих недовольств и обвинений в ближайшее собрание членов БЦ (находящихся за границей и на пути за границу),

4) т. Максимов не настаивает на печатании в “Пролетарии” о его выходе» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 283–284). Богданов поймался на уловку Ленина и сообщать об инциденте в партийные организации не стал.

⁶ Богданов говорит о Московской общегородской конференции социал-демократов большевиков, состоявшейся 25 мая (7 июня) 1908 г. На ней были приняты резолюции: об оживлении работы в профессиональных союзах, о военной организации и против отзовистской тактики по отношению к Государственной думе.

⁷ «Приключения одной философской школы».

8.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова около 29 мая (11 июня) 1908 г. и упоминанию о поездке в Аляссио, где Горький был с 24 или 25 мая (6 или 7 июня) по 1(14) июня 1908 г.

¹ Богданова ждали на Капри для переговоров о создании партийной школы, где он должен был читать лекции по политэкономии.

² Имеется в виду рукопись Богданова «Приключения одной философской школы» (см. примеч. 7 к п. 7).

³ Степан Голубь — см. примеч. 1 к п. 7, Н.Н. Глебов-Путиловский — стипендиат Горького, бывал на Капри в 1907, 1908 и 1909 гг. Вместе с Горьким участвовал в работе Международного комитета помощи безработным в России. Книга Н.Н. Глебова «Через плотину интеллигентщины: Письмо рабочего к интеллигентам и рабочим нашей партии» с предисловием Г. Плеханова вышла в Париже в 1908 г. В ней автор резко критиковал русскую интеллигенцию, считая, что рабочим не по пути с ней, и выражал мысли, близкие богостроительству.

⁴ Имеются в виду распри внутри партии большевиков, в том числе, между А.А. Богдановым и В.И. Лениным, жившим в Женеве. О скандале, разразившемся после чтения в Женевском идейном кружке реферата А. Богданова, см. примеч. 1 и 3 к п. 6.

⁵ Горький ездил в Аляссио на свидание с Е.П. Пешковой и сыном Максимом, которые приехали туда на отдых; вернулся 1(14) июня 1908 г.

⁶ В Аляссио Горький подарил Максиму говорящего попугая (см. *Архив Г.* 13. С. 50).

9.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького К.П. Пятницкому около 15(28) июля 1908 г., в котором

говорится: «Посылаю рукопись статьи А. Богданова...» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 270).

¹ Рукопись брошюры А. Богданова «Приключения одной философской школы» (СПб.: «Знание», 1908).

² Около 15(28) июля 1908 г. Горький писал Пятницкому: «... убедительно прошу Вас издать эту вещь возможно скорее. Очень прошу, ибо придаю весьма серьезное значение этой книжке. Условия автора при сем прилагаю» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 270). Брошюра вышла в «Знании» 20 сентября 1908 г. (Там же. С. 540).

³ *Фервортн М.* Вопрос о границах познания / Пер. В. Степанова. С предисл. А. Богданова. СПб.: «Знание» 1909. Вышла в декабре 1908 г. Имеется в ЛБГ (ОЛБГ. 171).

⁴ 4 или 5 (17 или 18) июля Горький писал Богданову: «Позвольте мне прислать Вам перевод доклада Макса Ферворна “О границах познания” (доклад был прочитан им в февралье месс<яче> во Франкфурте пред лицом многих естествоиспытателей и представляет опровержение взглядов Дю-Буа-Реймона на вопрос о границах познания). Мне нравится эта вещь своей ясностью, и я хотел бы издать ее в “Знании”, но раньше мне нужно знать Ваше мнение о ценности брошюры» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 265). Богданов ответил Горькому 21 июля (3 августа) 1908 г.: «... Брошюра Ферворна — вещь очень стоящая, но перевод нуждается в серьезном редактировании. Если оригинал у Вас, то пришлите его; если нет — я здесь добуду. Необходимо, по-моему, и предисловие; я могу его написать» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 158).

⁵ Предисловие к брошюре, написанное А. Богдановым, называлось «К вопросу о новейшем философском движении».

⁶ *Пуанкаре Анри* (1854–1912) — французский математик, автор книги «Наука и гипотеза» СПб.: Слово, 1906; *Белье Вильгельм* (1861–1939) — немецкий историк и естествоиспытатель, автор книги «Любовь в природе». История развития любви / Пер. Э.К. Пименовой. Ч. 1. СПб., 1908. Имеется в ЛБГ (ОЛБГ. 5496); *Геккель Эрнст* (1834–1919) — немецкий биолог, автор книги «Естественная история миротворения». Т. 1. СПб.: Мысль, 1908; «Монизм как связь между религией и наукой: Вероисповедание естествоиспытателя», «Союз монистов: положение для организации монизма». Лейпциг, СПб.: Мысль, 1907 (ОЛБГ. 39); *Майер Макс Вильгельм* (1833–1910) — швейцарский астроном, автор книги «Мироздание». СПб., 1900.

⁷ Статья Г.В. Плеханова «Materialismus militans» («Воинствующий материализм») (ответ г. Богданову) с критикой работ А. Богданова опубликована в меньшевистском «Голосе социал-демократа», 1908. № 6–7, май–июнь.

⁸ В Каstellамаре Горький был летом 1908 г. во время поездки по Италии.

10.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова Горькому от 21 июля (3 августа) 1908 г., на которое является ответом (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 158), и письму Горького Пятницкому от 5(18) августа 1908 г. (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 278).

¹ См. п. 11 и примеч. Имеется в виду немецкий оригинал брошюры М. Ферворна «Вопрос о границах познания», предисловие к которой писал А. Богданов.

² Письмо Л.Д. Троцкого А. Богданову не разыскано.

³ Перевод с французского языка книги Ф. Ле-Дантека «Философия биологии (Основные начала биологии)» (СПб.: «Знание», 1910). Горький сообщил об этой книге К.П. Пятницкому 20 апреля (3 мая) 1908 г. и предложил ее издать (см. Горький. *Письма*. Т. 6. С. 225).

⁴ 5(18) августа Горький писал Пятницкому: «Заказан мною перевод книжки Ле-Дантека “Философия биологии” — величина ее 5 или 6 листов» (Там же. С. 278). См. также письма Горького Пятницкому от 20 апреля (3 мая) и 15(28) мая 1908 г. (Там же. С. 225 и 239).

⁵ Кунктатор — медлительный нерешительный человек, от прозвища древнеримского полководца Квинта Фабия Максима.

⁶ Перевод книги Ле-Дантека был заказан В.А. Базарову.

⁷ *Синклер Энтон Билл* (1878–1968) — американский писатель, автор книги «Индустриальная республика», переведенной на русский язык в 1908 г. Л.П. Лядовой (Мандельштам). В ней изображена утопическая «колония Геликон», созданная в пригороде Нью-Йорка с целью справедливого распределения благ. Все члены республики были равны и получали полную стоимость продукции своего труда. Будучи в Америке, Горький в 1906 г. познакомился с Синклером и переписывался с ним вплоть до 1912 г. В письме к Г.А. Алексинскому (конец декабря 1908 г.) он дал развернутую оценку утопии Синклера и посоветовал привлечь к работе над переводом опытного редактора (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 64–65).

⁸ В Америке Горький неоднократно встречался с Синклером, который впоследствии рассказал об этом в романе «Медная марка». Сравнивая свое понимание социализма с проповедуемыми Синклером идеями социал-реформизма и фабянизма, Горький осуждал путь постепенного превращения капитализма в социализм путем реформ.

⁹ Речь идет о сборнике «Литературный распад», вып. 2. М., 1909. *Стеклов Ю.М.* (1873–1941) — публицист, один из редакторов сборника критических статей «Литературный распад», вышедшего в СПб. в декабре 1907 г. Каменев Ю. — псевдоним Каменева Л.Б. (Розенфельда, 1884–1936), участвовавшего в первом и втором сборниках «Литературный распад».

¹⁰ Речь идет о позиции Л.Д. Троцкого в споре А. Богданова с Г.В. Плехановым, статья которого, опубликованные в меньшевистском «Голосе социал-демократа» (№ 6–7, май–июнь, № 8–9, июль–сентябрь 1908 г.), вызвали ожесточенную полемику в социал-демократической партии (см.: *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. Т. 3. С. 202–206). Полемика началась с «Открытого письма к Плеханову» А. Богданова (Вестник жизни. 1907. № 7). В ответ Плеханов написал три письма под заглавием «Materialismus militans» («Воинствующий материализм»), в которых критиковал Богданова и Луначарского за проповедь махизма и богостроительства. Первые два письма печатались в «Голосе социал-демократа», третье — в кн. Плеханова «От обороны к нападению» (СПб., 1910). Письма получили одобрение В. Ленина.

¹¹ А.В. Луначарский выступил на Капри с чтением рефератов о «Тьме» Л. Андреева, о «новой религии» в «Исповеди» Горького и о современном театре.

¹² О ком из гостивших на Капри меньшевиков идет речь, не установлено.

¹³ См. п. 18 и примеч.

¹⁴ Спартак (ум. 71 до н.э.) — предводитель крупнейшего восстания рабов в Италии. Спартак — жители Спарты (8–4 вв. до н.э.), отличавшиеся суровым спартанским воспитанием.

11.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова Горькому от 21 июля (3 августа) 1908 г. (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 158).

Богданов ответил 2(15) августа 1908 из Женевы.

¹ Переводчиком брошюры М. Ферворна «Вопрос о границах познания» стал И.И. Скворцов (под псевдонимом В. Степанов). Договор с ним был заключен в издательстве «Знание» (см. п. 21 и примеч.). Предисловие к брошюре написал А. Богданов.

² Шутливая реакция Горького на приводимую в письме Богданова от 21 июля (3 августа) 1908 г. формулу «n + 1» о числе переводчиков брошюры М. Ферворна.

12.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького К.П. Пятницкому от 23 июля (5 августа) 1908 г. и дате

получения денег из «Знания» (см. Горький. *Письма*. Т. 6. С. 574).

¹ Речь идет о гонораре Богданова за брошюру «Приключения одной философской школы», СПб.: «Знание», 1908. Первая часть гонорара была выслана автору 27 июля (9 августа) 1908 г., вторая — 13(26) сентября. 23 июля (5 августа) Горький писал Пятницкому: «Богданов, согласно поставленным им условиям, просит прислать ему половину гонорара за его брошюру, — я, в свою очередь, тоже прошу об этом» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 278). Пятницкий сразу же отправил гонорар в размере 151 руб. 05 коп. (Там же. С. 547).

² Богданов сообщил, что пока не сможет приехать надолго (см. п. 14 и примеч.). Он гостил у Горького в середине сентября) 1908 г. 12(25) сентября Горький писал Е.П. Пешковой: «Сейчас живет Богданов» (Там же. Т. 7. С. 10).

13.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по ответному письму Богданова от 2(15) августа из Женевы и связи с п. 12.

¹ Речь идет о п. 12.

² Имеется в виду письмо Горького К.П. Пятницкому от 5(18) августа 1908 г., в котором он просил выслать корректуру Богданову, но не указал, куда (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 278). В письме от 2(15) августа Богданов попросил выслать корректуру брошюры «Приключения одной философской школы» в Женеву.

³ См. п. 9 и примеч.

⁴ Пятницкий известил Горького, что сделал себе прививку от холеры, которая свирепствует в Петербурге. Он писал: «Конечно, не одна холера заставила и заставляет медлить с отъездом. Необходимо было предпринять некоторые хлопоты по судебным делам. Это можно сделать только в сентябре. Конфискации продолжаются. На днях конфисковали у нас № 201 — «Манифест коммунистической партии». Новое дело» (АГ. П-ка «Зн»—37а—3). 5(18) сентября 1908 г. Горький ответил телеграммой: «Прошу, выезжайте немедленно» (Там же. Т. 7. С. 8).

⁵ «Очерки философии коллективизма». Сб.1. СПб., 1909, вышел в апреле 1909 г. Богданов предложил назвать серию подобных книг «Философия XX века».

⁶ Речь идет о денежных средствах, необходимых для издания «Энциклопедии по изучению России», которые Горький надеялся получить от Ф.И. Шалапина и С.А. Кусевичего. Он также вел переговоры с И.Д. Сытнимым через И. Бунина.

14.

Печатается по ФК (АГ. КГ-од-1—22—17), впервые.

¹ См. п. 9 и примеч.

² Пятницкий Константин Петрович (1864—1939), директор-распорядитель издательского товарищества «Знание».

³ Работа французского биолога Феликса Ле-Дантека (1869—1917) «Основные начала биологии» в переводе Э. Стиглиц (псевдоним Л.Н. Сталь), отредактированном В.А. Базаровым, вышла в «Знании» в 1910 г. Переводчику был выслан аванс в 200 франков (см.: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 269).

⁴ В письме от 3(16) августа 1908 г. (п. 15) Богданов предложил еще один вариант названия серии — «Философия и жизнь», с которым Горький согласился — см. его письмо к Г.А. Алексинскому от декабря 1908 г. (Там же. Т. 7. С. 65). Но в свет книги М. Ферворна и Ф. Ле-Дантека вышли без указания их принадлежности к какой-либо серии.

⁵ Речь идет о выходящей в «Знании» брошюре Богданова «Приключения одной философской школы».

15.

Печатается по *ФК (АГ. КГ-од-1-22-18)*, впервые.

Датируется по сопоставлению с письмом Богданова от 2(15) августа 1908 г. (п. 12), письмом Горького около 28 июля (10 августа) 1908 г. (п. 11), ответом на которое является, и ответным письмом Горького от 5(18) августа 1908 г. (п. 16).

¹ Б.П. Каневский пишет: «Комплектованием Музея русскими изданиями в течение XIX в. занимались выдающиеся английские библиотекари и филологи <...> Роберт Бэйн (1854–1909), переводчик и историк, Джордж Кальдерон (1868–1915), драматург и журналист» (*Каневский Б.П.* Британская библиотека. М., 1987. С. 36). Видимо, когда до Женевы дошло известие о появлении вакансии заведующего Русским отделом библиотеки Британского музея, Богданов ошибочно посчитал, что оно вызвано смертью Роберта Бэйна.

² *Покровский Михаил Николаевич* (партийный псевдоним Домов; 1868–1932), историк, большевик, участвовал в работе партийных школ на Капри и в Болонье, входил в группу «Вперед», в конце 1910 г. объявил себя «внефракционным» социал-демократом, в 1918–1932 г. член ВЦИК и ЦИК СССР.

³ *Воровский Вацлав Вацлаович* (псевдоним П. Орловский; 1871–1923), публицист и литературный критик, большевик, позднее стал первым руководителем Государственного издательства РСФСР.

⁴ *Литвинов Максим Максимович* (наст. имя Меир (Макс) Генох Моисеевич Валлах, партийные псевдонимы Папаша, Максим; 1876–1951), большевик, в 1930–1939 г. нарком иностранных дел СССР.

⁵ *Райт Чарльз Теодор Хегберг* (1862–1940), английский публицист, переводчик, один из руководителей Лондонской библиотеки. С ним Горький познакомился в мае 1907 г., когда приезжал на V съезд РСДРП. Об обращении Горького к Райту в связи с просьбой Богданова сведений найти не удалось.

⁶ Et cetera — и так далее (лат.).

⁷ Письмо Богданова от 2(15) августа 1908 г. (п. 14) и посланный вместе с ним выполненный Л.Н. Сталь перевод работы Ф. Ле-Дантека «Основные начала биологии».

16.

Печатается по *А* (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова Горькому от 2 (15) августа 1908 г.

¹ См. примеч. 3 к п. 14.

² 28 или 29 сентября (11 или 12 октября) 1908 г. Горький писал Пятницкому: «Пошлите Богданову за предисловие к Ферворну гонорар — 100 р. за лист» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 21).

³ Пятницкий задерживался в Петербурге не только из-за холеры и судебных процессов, возбужденных против «Знания»: он готовил для Горького подробные отчеты о финансовых делах «Знания». Чтобы успокоить писателя, управляющий конторой С. Боголюбов сообщил ему, что Пятницкий болен ангиной (Там же. Т. 6. С. 270–271). Возможно, от него же Горький узнал, что Пятницкому не выдают заграничный паспорт.

⁴ Брошюра М. Ферворна вышла в декабре 1908 г. почти одновременно с книжкой А. Богданова «Приключения одной философской школы» (на титуле — 1909 г.).

⁵ Ответ на предложение Богданова дать общее название серии научно-популярных брошюр в издательстве «Знание» — «Философия XX века». См. п. 14 и примеч.

⁶ В августе–сентябре 1908 г. возникла угроза новой мировой войны, в связи с чем состоялось несколько встреч королей и министров шести держав: России, Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии. Шли тайные переговоры о разделе Турции, подавлении революционного движения на Балканах, пересмотре вопроса о Дарданеллах.

В июне 1908 г. в Ревеле состоялось свидание английского Эдуарда VII и Николая II.

⁷ В ходе младотурецкой революции 1908 г. в Турции началась борьба между сторонниками буржуазных реформ и приверженцами султана Абдул-Хамида II. 13 апреля 1909 г. Абдул-Хамид II при поддержке либеральной партии «Архар» восстановил свою власть (*Еремеев Д., Мейер М.* История Турции в средние века и в новое время (М., 1992)).

⁸ *Гайндман Генри Майерс* (1842–1921) — английский социалист, один из основателей Социал-демократической федерации в 1900–1910 гг. — член Международного социалистического бюро, состоящего из представителей социалистических партий разных стран. С 1905 г. в него входил В.И. Ленин. Речь идет о выступлениях Гайндмана осенью 1908 г. на рабочих собраниях, в частности, на собрании 7(20) сентября в Берлине в знак протеста против растущей опасности войны и на международном митинге 10 октября 1908 г. (См.: *Ленин В.И.* Мирная демонстрация английских и немецких рабочих // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 202–205.)

⁹ *Август Бебель* (1840–1913) — один из основателей социал-демократической партии Германии, депутат рейхстага. На конгрессе в Штутгарте (август 1907 г.) высказал мнение, что в случае войны все социал-демократы обязаны защищать свое отечество и принять участие в «оборонительной» войне.

¹⁰ Речь идет о замысле статьи Горького «Разрушение личности» для сборника «Очерки философии коллективизма».

17.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1–22–16), впервые.

Датируется по фразе: «... будет заседание БЦ».

¹ Документ был вручен на заседании редакции «Пролетария». Составители биографической хроники «Владимир Ильич Ленин» пишут об этом (под датой «август, до 11–13 (24–26) 1908 г.»): «Ленин участвует в совещании редакции “Пролетария” по вопросу о разногласиях с группой Максимова (А.А. Богданова), на котором последнему было формально предложено издать брошюру с изложением своих взглядов» (*Ленин: Биографическая хроника.* Т. 2. С. 422).

² Григорий — Г.А. Алексинский. Зимин — Л.Б. Красин. Виктор — А.Р. Таратута.

³ Заседание БЦ проходило в Женеве с 11(24) по 13(26) августа 1908 г. Пленум ЦК РСДРП проходил там же в эти же сроки.

⁴ Речь идет о V Общероссийской конференции РСДРП, которая проходила в Париже 21–27 декабря 1908 г. (3–9 января 1909 г.).

⁵ «Приключения одной философской школы».

⁶ Богданов вспоминает историю, произошедшую в середине 1907 г. Тогда бакинские рабочие направили в редакцию выходящего в Петербурге легального большевистского журнала «Вестник жизни» письмо, в котором критиковали эмпириокритицистов (каковыми, по их мнению, являются Богданов и А.В. Луначарский) и высказывали солидарность с позицией Г.В. Плеханова и Ортодокса (псевдоним Л.И. Аксельрод). Рабочие писали: «Несмотря на то, что мы нетерпеливо ожидали ответа махистов и авенарианцев Плеханову и Ортодоксу, — мы его до сих пор не встретили. Собственно для нас кажется сомнительным, является ли действительно философская сторона марксизма “неразработанной”, возможно ли Маха “соединить” с Марксом; стремясь к такому “соединению”, наши товарищи... этим самым не отказываются ли от самого главного — материалистического понимания истории, и не впадают ли в идеализм (буржуазный критицизм)?» (цит. по: *Богданов А.* Открытое письмо тов. Плеханову // *Вестник жизни.* 1907. № 7. С. 46).

⁷ В «Открытом письме тов. Плеханову», вызванном получением коллективного письма из Баку, Богданов сообщил:

«Я с большим интересом следил за походом, который Вы при поддержке Ваших учеников начали против эмпириомонизма еще три года тому назад. Я многого ожидал от этого похода, — я ожидал найти с Вашей стороны серьезную и глубокую критику,

которая, может быть, будет очень неслетна для меня лично, но даст многое для выяснения истины.

Что же оказалось?

Вы лично ограничились многократными сообщениями о том, что Вы очень отрицательно относитесь ко мне и к моим взглядам. Вы систематически титуловали меня “господином Богдановым”, что, как Вы прекрасно знаете, является оскорблением по отношению к товарищу, и на что Вы, как Вы тоже прекрасно знаете, никакого права не имели. Вы доводили до сведения товарищей, что эмпириомонизм не есть марксизм, а только разновидность буржуазного критицизма. Вы иронически писали о моем “глубокомыслии” и не иронически о том, что “весьма низко” цените мои “философские способности”. Вы доходили до весьма прозрачных намеков на то, как было бы полезно, если не “повесить” меня, то, по крайней мере “выслать” из пределов марксизма, и притом, если не ошибаюсь, “в 24 часа”. Вы говорили это очень много раз и по всевозможным поводам: и в примечаниях к популярной брошюре Энгельса, и в предисловии к Вашим сочинениям, и в Ваших “дневниках”, и в статьях о тактике, и в рецензии о Диггене, и даже, как я слышал, на партийном соц.-дем. съезде. Это было очень энергично и очень интересно. И это было также очень убедительно... но тут не хватало одного — а именно доказательств. Оставались неясными и даже неизвестными — “достаточные основания”, на которые опирается Ваше мнение, само по себе вполне ясное и широко Вами популяризированное.

Со свойственным мне от природы оптимизмом, я долгое время принимал Ваши сообщения о “г. Богданове” и его зловерности — за косвенные обещания, гарантирующие мне в скором будущем получение Вашей настоящей критики, Ваших аргументов по существу. Но ждать приходилось долго и безуспешно. Тогда, чтобы “ускорить процесс”, я сам перешел в наступление. В августе прошлого года вышла моя книга — “Эмпириомонизм”, ч. III. В ней целое обширное предисловие посвящено, главным образом, Вашим взглядам <...>.

Итак, положение ясно. Вот уже скоро три года — Вы, тов. Плеханов, полемизируете с “Эмпириомонизмом” — *в кредит*. Письмо тов. рабочих показывает, что эта тактика имеет некоторый успех. На чем основан этот кредит — для всякого ясно: на авторитете тов. Плеханова, результате его прежних заслуг.

Где же предел этой тактике и этому кредиту?

С этим вопросом я обращаюсь к Вам, тов. Плеханов.

Одно из двух. Либо приступите к ниспровержению эмпириомонизма по существу, либо скажите прямо: критикой заниматься мне недосуг, а судить и решать мне дают право мои заслуги» (Вестник жизни. 1907. № 7. С. 46–48, 50).

Г.В. Плеханов ответил только в июне 1908 г. — в № 6–7 газеты «Голос социал-демократа» было напечатано начало его статей «Materialismus militans» («Вознствующий материализм») — «Ответ г. Богданову. Письмо первое». В письме говорилось:

«... Что Вы находитесь именно вне пределов марксизма, это ясно для всех тех, которые знают, что все знание этого учения покоится на *диалектическом материализме*, и которые понимают, что Вы, в своем качестве убежденного махиста, на материалистической точке зрения не стоите и стоять не можете. Тем же, которые этого не знают и не понимают, я приведу нижеследующие строки, вышедшие из-под Вашего собственного пера.

Характеризуя отношение различных философов к “вещи в себе”, Вы изволите писать: “Золотую середину заняли материалисты более критического оттенка, которые, отказываясь от *безусловной* непознаваемости “вещи в себе”, в то же время считают ее *принципиально* отличной от “явления”, и потому всего лишь “смутно-познаваемой” в явлении, внеопытной по содержанию (т.е., по-видимому, по “элементам”, которые не таковы, как элементы опыта), но лежащей в пределах того, что называют формами опыта, — т.е. времени, пространства и причинности. Приблизительно такого точка зрения французских материалистов XVIII века, и из новейших философов — Энгельса и его русского последователя Бельтова <псевдоним Г.В. Плеханова>”.

Эти, довольно неуклюжие по своему “содержанию”, строки должны пояснить дело даже и таким людям, которые, вообще говоря, беззаботны насчет философии. Даже и этим

людям должно быть ясно теперь, что Вы отвергаете точку зрения Энгельса. А кому известно, что Энгельс был полным единомышленником автора “Капитала” также и в философии, тому очень легко будет понять, что, отвергая точку зрения Энгельса, Вы тем самым отвергаете точку зрения Маркса и примыкаете к числу “критиков” этого последнего <...>

И я думаю, что идейная неясность особенно вредна у нас в настоящее время, когда, под влиянием реакции и под предлогом пересмотра теоретических ценностей, идеализм всех цветов и оттенков справляет в нашей литературе настоящие оргии, и когда некоторые идеалисты, вероятно в интересах пропаганды своих идей, объявляют свои взгляды марксизмом самоновейшего образца. Я твердо убежден, что теоретическое размежевание с этими идеалистами необходимо нам теперь больше, чем когда-нибудь, и я, ничем не стесняясь, высказываю это свое убеждение <...>

Ясно, как Божий день, что Вы, в своем качестве защитника философии Маха, решительно не должны выдавать себя за последователя Маркса и Энгельса. Ведь Мах сам (в предисловии к русскому переводу его “Анализа ощущений” и на стр. 292-й русского текста) признает свое родство с Юмом» (*Плеханов Г.В. От обороны к нападению. М., 1910. С. 10–12, 30*). См. также примеч. 2 к п. 27.

⁸ Луначарский А.В. Религия и социализм. Т. 1. СПб.: Шиповник, 1908. Вторым том вышел в том же издательстве в 1911 г. В ответном письме Горький сообщил: «... посылаю “Религию” Луначарского» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 200; здесь письмо опубликовано с неверной датой: «около 8(21) марта 1908», труд А.В. Луначарского вышел в свет в июле 1908 г.).

⁹ Имеется в виду № 31 газеты «Пролетарий» — от 12(25) июня 1908 г.

¹⁰ Имеется в виду Тебризское восстание. Оно началось после реакционного переворота в Тегеране 23 июня 1908 г. и проходило под лозунгом восстановления конституции. В восстании участвовали крестьяне, рабочие, городская беднота, мелкая буржуазия. Руководили восстанием представители демократических слоев — Саттар-хан и Багир-хан. К октябрю 1908 г. тебризские федаи изгнали шахские войска, в городе у богачей изымались деньги и хлеб и раздавались бедноте, были конфискованы имения шаха и его родственников. Во время восстания административные функции в Тебризе осуществлял тебризский энджомен. К середине ноября революционному Тебризу подчинялась значительная часть Иранского Азербайджана. Помощь повстанцам (добровольцами и оружием) оказывали закавказские организации РСДРП. Конец восстанию положило вступление в страну в апреле 1909 г. войск царской России.

¹¹ Горький ответил Богданову: «Вы совершенно правы: всюду пахнет порохом. Международная сволочь все крепче и туже с каждым днем запутывается в сетях своей жадности и — не разорвать этих цепей дипломатам, они требуют драки! Будет драка, общеевропейская драка будет! И буржуа потеряет много крови, что очень хорошо, ибо еще усилит и разовьет анемию его интеллекта» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 201).

18.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму А.В. Амфитеатрова И.М. Василевскому от 10(23) августа 1908 г. (*ЛН*. Т. 95. С. 115) и времени выхода журнала «Образование» № 7 за 1908 г.

¹ Лебон Густав «Рождение и смерть материи» – популярный перевод книги Лебона «Эволюция материи» / Пер. с 12 франц. изд., СПб.: изд. М.И. Семенова, б/г, с предисл. инж. Б.С. Бычковского (*ОЛБГ*. 84).

² В журнале «Mercure de France» помещено рекламное объявление о книге Лебона «Рождение и смерть материи» (серия «Люди и идеи») – *Mercure de France*. 1908, п. 72. № 60. С. 762.

³ Речь идет о серии научно-популярных книг в издательстве «Знание».

⁴ Лебон Г. «Эволюция силы», ч. 2. Опыт над материализацией материи / Пер. с 10 франц. изд. инж. Б.С. Бычковского. СПб.: изд. Товарищества «Общественная польза», 1910.

⁵ Станислав Вольский (Соколов А.В.) и А.В. Луначарский предлагали издать в серии научно-популярных книг «Знания» работу Кэнтона «Начало жизни». Намерение не осуществилось. См. п. 19 и 20 и примеч.

⁶ Бергсон Анри. Смех в жизни и на сцене / Пер. с фр. п/ред. А.Е. Янковского. СПб., 1900. Геринг Отто – автор труда «Опыты организации материи».

⁷ К.П. Пятницкий приехал только 1(14) сентября 1909 г.

⁸ Речь идет о переиздании сборника «Литературный распад». Кн. 1. СПб.: Зерно, 1908, направленного против упадничества в современной литературе. В нем были напечатаны статьи Горького «О цинизме», А. Луначарского «Тьма», работы В. Базарова, Л. Войтоволоского, П. Юшкевича и др. Положительные отзывы на книгу появились в изданиях, к которым Горький относился отрицательно: В. Буренин в «Новом времени» (1908, 11 апреля), П. Пильский в «Свободных мыслях» (1908, 21 апреля), И.Н. Игнатов (Русские ведомости. 1908, 23 апреля) и др. И. Мешковский — псевдоним И.П. Гольденберга (1873–1922) — публициста, члена редакции газеты «Пролетарий» в 1906–1907 гг.

⁹ «Образование» — ежемесячный научно-популярный и общественно-политический журнал (СПб., 1892–1909) с мая 1896 по июнь 1906 г. выходил под ред. А.Я. Острогорского, в 1906–1908 гг. в «Образовании» печатались В.И. Ленин, А.В. Луначарский, А. Богданов, В. Базаров и др. социал-демократы. После того, как в редакцию вошел М. Арцыбашев, направление журнала постепенно стало меняться. Начиная с июльского номера за 1908 г. издателем стал И.М. Василевский (Не-Буква), а редакция, в которую вошли новые члены, заявила о внепартийном направлении журнала. В сентябре 1908 г. (№ 9) в «Образовании» было опубликовано «Письмо в редакцию», в котором группа большевиков отказалась от дальнейшего сотрудничества в журнале. Письмо подписали В. Ленин, А. Луначарский, В. Воровский, В. Бонч-Бруевич и др. Горький отрицательно отнесся к новой редакции «Образования» и к деятельности И.М. Василевского (см.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Общедемократические издания. М., 1984. С. 115–117). В № 7 «Образования», о котором идет речь в письме, были опубликованы произведения Ф. Сологуба, Г. Чулкова, А. Каменского, стихотворения А. Блока, статьи З. Гиппиус, Д. Мережковского и др.

¹⁰ Публицист Л. Клейнборг, автор книги «Капитализм и еврейский вопрос» в серии марксистских брошюр, изданных «Знанием» (№ 310), поместил в 7 номере «Образования» статью «Политические прежде и теперь. (К характеристике тюремных настроений)» (С.1–21), В.П. Львов-Рогачевский — статью «По поводу “Исповеди” Горького» (С. 19–38). Там же напечатаны: А. Крайний (З. Гиппиус) «Добрый хаос», Д. Мережковский «Христианство и государство», А. Измайлов «Русский человек на духу».

¹¹ Горький сравнивает мысли Л. Клейнборта в вышеназванной статье со статьей Н. Бердяева «Психология революции» (Образование. 1908. № 2, февраль). Возможно, он имеет в виду вывод статьи Л. Клейнборта: «Идеализация т.н. профессионала-революционера есть идеализация той же критически мыслящей личности, то же кивание в сторону героя-народовольца, к которому социалисты-революционеры приучают свои кадры вместо того, чтобы надеяться на самих себя» (Там же. 1908. № 7. С. 21).

¹² 10(23) августа 1908 г. Амфитеатров сообщил И.М. Василевскому о своем отказе печататься в «Образовании», заявив: «Нет, увольте, в этой компании я “Образованию” не сотрудник. Пожалуйста, с августовской книжки мое имя снимите<...> Какой-то хаос, салат оливье» (ЛН. 95. С. 115). 9(22) августа 1908 г. он отправил копию этого письма Горькому, сообщив: «Я не давал “Образованию” никакого права помещать меня в список сотрудников...» (Там же. С. 114).

¹³ Библейские города как центры разврата — Содом и Гоморру — Горький сравнивает с Парижем, где жил Богданов.

¹⁴ Н.Е. Буренин.

¹⁵ Станислав Вольский.

19.

Печатается по *ФК* (АГ. КГ-од-1–22–19), впервые.
Датируется по почт. шт.: 8.9.08. Geneve.
На Капри открытка пришла 10 сентября.

¹ Речь идет о корректуре книги Богданова «Приключения одной философской школы» (СПб., 1908).

² Богданов имеет в виду статью «Наука и философия. Диалоги», предназначенную для первого сборника «Очерки философии коллективизма» (СПб.: Знание, 1909).

³ 15(28) октября 1908 г. Базаров сообщил Горькому: «Получил оба Ваши письма и взял в “Знании” “Диалоги” Ал.Ал. и присланную мне для редактирования часть рукописи *Le Dantes' a*) (*Горький и корреспонденты*. С. 134). См. также примеч. 3 к п. 14.

⁴ Буренин Николай Евгеньевич.

⁵ А.В. Луначарский.

⁶ Соколов Андрей Владимирович (псевдонимы: Станислав Вольский, Вильям Симпльтон, Савельев, Станислав, Николай Николаевич, Валериан; 1880–?), публицист, большевик, принимал участие в работе партийных школ на Капри и в Болонье, был членом группы «Вперед», позднее сотрудничал в «Летописи» и «Новой жизни».

20.

Печатается по *А* (АГ. КГ-од-1–22–20), впервые.
Датируется по почт. шт.: 9.10.08. Geneve.
На Капри открытка пришла 12 ноября.

21.

Печатается по *А* (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького Пятницкому от 28 или 29 сентября (11 или 12 октября) 1908 г. и письму Богданова Горькому от 26 сентября (9 октября) 1908 г.

¹ См. примеч. 7 к п. 18.

² И.И. Скворцов-Степанов совместно с Богдановым должен был заключить договор с издательством «Знание» о написании двухтомника «Курс политической экономии», первый том которого вышел в 1910 г. Горький сообщил Пятницкому 28 или 29 сентября (11 или 12 октября) 1908 г.: «“Курс политической экономии”. Сорок печатных листов, работа будет исполнена к 1 октября 1909 г. Гонорар 80–100 р. лист – смотря по цене книги и количеству экземпляров». Плата: по 250 р. в месяц, с заключения договора. Рукопись будет поставляться с января. Печатать после Пасхи. Говорить со Степановым» (*Горький. Письма*. Т. 7. С. 22). См. также п. 24 и примеч.

³ Телеграмма в контору «Знания» не разыскана. Возможно, Горький имеет в виду письмо Пятницкому от 28 или 29 сентября (11 или 12 октября), в котором говорилось: «...телеграфируйте Степанову, чтобы он выехал к вам для переговоров» (Там же. С. 23).

⁴ См. п. 19 и 20.

⁵ Имеется в виду перевод книги М. Ферворна «Вопрос о границах познания», над которой работал И.И. Скворцов-Степанов (вышла под псевдонимом В. Степанов). Деньги были высланы ему 18(31) декабря и 22 декабря (4 января) 1908 г. после выхода книги (см. примеч. к телеграмме Горького Пятницкому 1(14) декабря 1908 г. Там же. С. 303).

⁶ Имеется в виду англо-русский ультиматум Германии по поводу Македонии, в котором говорилось, что в целях предотвращения германизации славян Россия может ввести туда 10-тысячную армию.

⁷ См. примеч. 9 к п. 18. Речь идет о научно-популярном и общественно-политическом журнале «Образование», за руководство которым боролись марксисты и левые кадеты,

сотрудничавшие в петербургской газете «Товарищ» (С. Прокопович, Е. Кускова и др.). В реорганизации журнала проявляли активность сторонники религиозной общественности, представленные З. Гиппиус, Д. Мережковским и Д. Filosoфoвым (Мер-Гип-Фил).

⁸ Имеется в виду предложение А. Богданова выпустить в «Знании» расширенное издание его книги «Из психологии общества». СПб.: изд. С. Дороватовского и А. Чарушника. (Изд. 2), 1906, которое не было принято.

⁹ См. примеч. 2.

¹⁰ *Богданов А.* Приключение одной философской школы. СПб.: Знание, 1908.

¹¹ Вышеуказанная брошюра А. Богданова вызвала оживленную дискуссию в среде социал-демократов, продолжавшуюся и на Капри при встрече Горького с Л.Б. Красным и А.В. Луначарским (см.: *Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 227; *Неизданная переписка*, С. 73).

¹² Подробнее о реорганизации журнала «Образование» см.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. М., 1984. С. 115–117.

¹³ Антон Щербак — руководитель крестьянских волнений в Сумском и Лебедянском уездах в период Первой русской революции.

22.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького Л.Н. Войтоловскому около 2(15) октября 1908 г. (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 25–26) и ответному письму Богданова около 6(19) октября 1908 г.

¹ В соответствии с планом издания серии научно-популярных книг в «Знании», в том числе работ о психологии масс, Л.Н. Войтоловский предложил А.В. Луначарскому конспект первых двух частей своей книги «В защиту толпы» под названиями «Толпа и личность» и «Героизм и паника». Луначарский передал Горькому (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 272), о чем тот известил Л.Н. Войтоловского в письме около 2(15) октября 1908 г.

² Книга Войтоловского в «Знании» не была издана, работа над ней продолжалась до декабря 1909 г. (см.: Там же. Т. 7. С. 273). В 1909 г. в Киеве вышла его книга «Очерки психологии коллективизма», ч. 1–2.

³ В сборнике «Литературный распад» (т. 1. СПб.: Зерно, 1908. С. 179–202) опубликована статья Войтоловского «Итоги русского модернизма». В этой статье и в книге Войтоловского «Текущий момент и текущая литература (К психологии современных общественных настроений)», ч. 1–2 (СПб.: Зерно, 1908) Горький усмотрел «явный отпечаток поспешной работы, что сделало их несколько спутанными для понимания нашим читателям» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 25). При этом Горький передал автору мнение читателей-рабочих, которые жаловались ему: «...трудно понимать, мысль запутана» (Там же).

⁴ Намек на статью В. Базарова «Материал коллективного опыта и организующие его формы» в сб. «Очерки философии коллективизма». Сб. 1. СПб.: Знание, 1909.

⁵ *Тард Габриель* (1843–1904) — французский социолог и криминалист, автор работ «Личность и толпа. Очерки по социальной педагогике» (СПб., 1903), «Социальные этюды. Социальные законы. Толпа и публика. Преступность толпы. Трансформация власти» (СПб., б/г). *Сигеле Шарль* — итальянский социолог и юрист. *Михайловский Н.К.* (1842–1904) — теоретик либерального народничества, публицист, критик, философ-позитивист, представитель субъективной школы в социологии, автор статей «Герои и толпа» (Отечественные записки. 1882. № 1, 2, 5), «Еще о героях» (Русская мысль. 1891. № 3, 4, 7, 12), «Еще о толпе» (Русское богатство. 1893. 33. 4–6). Горький считал, что в работах перечисленных авторов психология толпы характеризуется ложно, т.к. народу приписываются преступные наклонности, а развитая личность идеализируется. Он писал: «...настало уже время, когда взгляд на психику не только народа, но и толпы должен быть радикально изменен» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 198).

⁶ Личность не установлена.

⁷ Мурья — лачуга, конура, тесное и темное жилище.

⁸ Гельвеция — Швейцария, где жили Богдановы осенью 1908 года.

23.

Печатается по *ФК (АГ. КГ-од-1-22-24)*, впервые.

Датируется по письму Горького около 3(16) октября 1908 г. (п. 22), на которое является ответом.

¹ Скворцов Иван Иванович (псевдонимы И.И. Скворцов-Степанов, В. Степанов; 1870–1928), большевик, публицист, переводчик, друг Богданова и Горького, в дальнейшем государственный деятель. Он был арестован 27 сентября (10 октября) 1908 г. См. также примеч. 1 к п. 24.

² См. примеч. 7 к п. 18.

³ См. примеч. 3 к п. 19.

⁴ Горький писал К.П. Пятницкому 28–29 сентября (11–12 октября) 1908 г.: «Мне хочется — и считаю это очень нужным — издать переводы популярных брошюр:

Ле-Дантек. “Философия биологии”. Редактирует и пишет предисловие В. Базаров.

Ле-Бон. “Рождение и смерть материи”. Еще не переводится.

Ле-Дантек. “Смех”. Не переводится пока.

Кэнтон. “Начало жизни”. Тоже.

Всё это небольшие — от 3 до 7 листов — книжки, очень ценного содержания» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 22).

Дополнительные сведения об этом, лишь отчасти реализованном, плане Горький сообщил в письме к Г.А. Алексинскому от конца декабря (ст. ст.) 1908 г.: «Мне думается, тип наших изданий должен быть близок к затеянной А.А. Богдановым библиотеке “Жизнь и философия”. Дается книга Ферворна, Ле-Дантека, Ле-Бона и т.д. — но каждая из них имеет предисловие, кое определено и ясно говорит: это, это и это в данной книге — верно, это же и это, с нашей точки зрения, — неверно» (Там же. С. 65).

Книги — Ф. Ле-Дантека и французского биолога Рене Кэнтона (Кентона) «Начало жизни» (другой вариант перевода: «Единство жизни») — «Знанием» выпущены не были. Работа Густава Лебона (1841–1931) под названием «Эволюция материи» с предисловием Б.С. Быковского вышла в Петербурге в издательстве М.И. Семенова (год выхода на титульном листе не обозначен. Имеется в *ЛБГ (ОЛБГ. 84)*). Она же в переводе Александра Чайкель была напечатана в 1909 г. в Харькове — под названием «Возникновение и исчезновение материи». Видимо, узнав о наличии двух изданий труда Лебона, «Знание» отказалось от своего намерения его печатать.

⁵ Л.Б. Красин.

⁶ Речь идет о статье А.В. Луначарского «Мещанство и индивидуализм», предназначенной для первого сборника «Очерки философии коллективизма» (СПб., 1909).

⁷ В письме редакции газеты «Бакинский рабочий» (выходила легально еженедельно в сентябре–октябре 1908 г., орган Бакинского комитета РСДРП, в состав редакции входили: П. Джапаридзе, В. Ногин, С. Спандарян, И. Сталин, С. Шаумян и др.) от 23 сентября 1908 г. говорилось: «...Редакция “Бакинского Рабочего” обращается к Вам с товарищескою просьбою дать ей для напечатания что-нибудь из Ваших произведений, еще не вышедших отдельным изданием, или, что было бы еще приятнее, дать редакции какое-либо произведение, еще нигде не печатанное» (АГ. КГ-изд-3-1-1).

⁸ *Лоренц-Метцнер Александр Карлович*, социал-демократ, знакомый Горького по Капри.

⁹ *Богданов А.* Приключения одной философской школы. СПб.: Знание, 1908 (*ОЛБГ. 16*).

29 сентября (12 октября) 1908 г. Богданов написал в контору издательства «Знание»: «М.Г., в виду выхода в свет моей брошюры “Приключения одной философской школы”, я прошу, на основании заключенного с К.П. Пятницким условия, немедленно выслать мне остаток гонорара (150 р. мною от К.П. уже получено) по адресу: *M-r A. Malinovsky, rue la Halle 1, Genève*. По этому же адресу прошу выслать и остаток авторских экземпляров (с

Капри мне прислали 8, сколько там осталось — не знаю). — Посылая с Капри корректуру брошюры М. Ферворна “Вопрос о границах познания”, я, кажется, забыл обозначить на листах, что “по исправлению, можно печатать”. Прошу это сделать за меня. Искренно уважающий Вас А. Малиновский (Бог.)» (АГ. П-ка -Зн-6-6-1).

Получив это письмо, К.П. Пятницкий сделал письменное распоряжение: «Богданов имеет право на 50 экз. Пишет, что получил 8. Вышлите остальные в Женеву» (Там же). 10(23) октября 1908 г. Богданову были посланы 42 экземпляра его брошюры.

¹⁰ Речь идет о предстоящем бракосочетании двух социал-демократов — Лидии Павловны Краинхфельд (1869—1917) и Мартына Николаевича Лядова (наст. фам. Мандельштам; 1872—1947). Они участвовали в работе партийных школ на Капри и в Болонье.

¹¹ Пешков Зиновий Алексеевич (1884—1966), старший брат Я.М. Свердлов, 30 октября (12 ноября) 1902 г. в Арзамасе по инициативе Горького крестился и взял фамилию и отчество своего крестного отца.

¹² Желябужский Юрий Андреевич (1888—1966), сын М.Ф. Андреевой.

¹³ Тихонов Алексей Николаевич (1880—1956), писатель, издательский работник, друг Горького.

¹⁴ Богданов поясняет, почему он между словами «Лунач.» и «товв.» тщательно зачеркнул несколько слов.

¹⁵ Катальдо Капреа, повар в доме Горького на Капри.

¹⁶ Кармела, горничная в доме Горького на Капри. В Музее А.М. Горького в Москве хранятся несколько ее фотографий, выполненных Ю.А. Желябужским (А.М. Горький и его современники. Фотодокументы: Описание. М., 1997. № 439, 446; Современники А.М. Горького. Фотодокументы: Описание. М., 2002. № 997).

¹⁷ Бертино, мальчик, выполняющий поручения в доме Горького на Капри.

¹⁸ Пенито, попугай Горького. Фотография, на которой писатель запечатлен с попугаем Пепито на плече, воспроизведена в кн.: *Быковцева Л.П.* Горький в Италии. М., 1979 (между страницами 112 и 113).

¹⁹ Пульки — грузила на рыболовном снаряде.

24.

Печатается по ФК (АГ. КГ-од-1-22-21), впервые.

Датируется по почт. шт.: 20.10.08. Geneve.

На Капри открытка пришла 22 октября.

¹ В.А. Базаров сообщил Горькому 15(28) октября 1908 г.: «Пятницкого еще не видел <...> По поводу его отъезда на Сарги служащие в “Знании” с улыбкой сообщают, что он собирается ехать каждый день... в течение двух месяцев» (*Горький и корреспонденты*. С. 135). Приехал на Капри К.П. Пятницкий только 1(14) сентября 1909 г.

3(16) октября 1908 г. И.И. Скворцов-Степанов писал издательству «Знание»:

«М.Г.

телеграммами и письмами М. Горький и А. Богданов поручили мне заключить с “Знанием” договор об издании одной новой книги, но 27 сентября меня арестовали, и потому моя жена сообщила А. Богданову взять все переговоры на себя. Вероятно, одновременно с этим письмом Вы получите письмо А. Богданова. Вчера (2-го) меня освободили, и я могу теперь договориться с товариществом. Я извещаю сейчас об этом Богданова; Вы можете ему не отвечать и вести переговоры исключительно со мной, — об этом я тоже извещаю Богданова.

Новая книга, о которой идет речь — большой курс политической экономии, листов в 40 по 40.000 знаков, составленный А. Богдановым и И. Степановым. Отношение его к “Краткому курсу экономической науки” А. Богданова примерно такое, как университетского курса к народно-университетскому. Разумеется, это сравнение не совсем точно, так как “полный” курс будет иметь в действительности совершенно самостоятельное значение.

Желательные условия таковы. Первое издание не хотелось бы делать больше 5 тыс. экз., так как на основании предыдущего опыта можно думать, что окончательный текст и отчасти даже содержание курса не может быть установлено с первого издания. Гонорар — 80 руб. за 40 тыс. знаков. Расплата — по 250 руб. на обоих авторов в месяц, начиная с момента заключения условия. Деньги эти (250 руб.) ежемесячно высылаются мне, при чем я же исключительно ведаю все дела по расчету с обоими авторами. В каких-либо экстренных случаях авторы имеют право попросить, чтобы за известный месяц было уплачено несколько более 250 руб. Печатание начать после Пасхи (ближайшей) и вести так, чтобы вся книга могла появиться в октябре 1909 года. Желательно, чтобы цена книги не превышала 2 руб. 50 коп. Это — все существенные условия.

Алексей Макс. предполагает, что мне, быть может, придется съездить в СПб. для заключения окончательного условия. Ничего не имея против этого, я все же предпочел бы (несколько недель я буду сильно занят), чтобы дело обошлось без поездки. Быть может, Вы, руководствуясь намеченными условиями, сами составите текст договора и пришлете мне его для подписи.

Пишу в такой решительной форме потому, что А.М. уже предупредил товарищество и, кажется, успел уже и лично переговорить с К.П. Пятницким, который тоже выразил свое согласие на это предложение.

Прошу Вас по возможности скорее ответить мне заказным письмом.

И. Скворцов

Москва, Б. Пресня, д. Здоровой, кв. 8. Ив. Ив-чу Скворцову» (АГ. П-ка-«Зн»-39-14-1).

В «Знании» в 1910 г. вышел только первый том написанного Богдановым и Скворцовым-Степановым «Курса политической экономии». Второй том (несколькими выпусками) вышел в 1919–1920 гг. в издательстве «Коммунист». См. также примеч. 1 к п. 31.

25.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму В.А. Базарова Горькому от 15(28) октября 1908 г. (*Горький и корреспонденты*. С. 134–135) и письму Богданова около 6(19) октября 1908 г., на которое является ответом.

¹ Речь идет о рукописи статьи Богданова «Наука и философия. Диалоги» для сборника «Очерки философии коллективизма» (СПб., 1909).

² 6(19) октября Горький сообщил в контору «Знания» С.П. Боголюбову: «Прилагаемая рукопись — для Владимира Александровича Руднева-Базарова. Он за ней придет на днях. Сохраните» (*Горький. Письма*. Т. 7. С. 28). 15(28) октября 1908 г. Базаров писал Горькому: «Получил оба Ваши письма и взял “Диалоги” Ал. Ал.».

³ Возможно, имеются в виду Г.А. Алексинский и Виктор Таратута.

⁴ Изгоев А.С. (Ланде) (1873–1921) — прозаик, сотрудник кадетской газеты «Речь», один из авторов сборника «Вехи», часто полемизировал с «богдановцами» — см. его статью «Богостроители» — Речь. 1909. № 25. 26 января.

⁵ Статья А.В. Луначарского «Индивидуализм и мещанство» была предназначена для сборника «Очерки философии коллективизма». 2(15) ноября 1908 г. Горький отправил две статьи — свою и Луначарского в «Знание» (*Горький. Письма*. Т. 7. С. 37).

⁶ М.Ф. Андреева.

⁷ Умов П.М. — профессор, редактор-издатель журнала «Борцы» (СПб., 1906) упоминается в вышеназванной статье Луначарского.

⁸ См. примеч. 6 к п. 23.

⁹ Слухи об аресте И.И. Скворцова-Степанова оказались неверными, хотя опасения Горького были не беспочвенными: в апреле 1908 г. Скворцов-Степанов уехал на два месяца за границу, чтобы избежать ареста. Базаров в письме от 15(28) октября 1908 г. сообщил Горькому об этом в иносказательной форме: «Ваши опасения относительно Ив. Ив. к счастью оказались преувеличенными. Его болезнь не имела ничего общего с холерой...».

¹⁰ В.А. Базаров.

¹¹ Имеется в виду серия книг по философии.

26.

Печатается по ФК (АГ. КГ-од-1-22-22), впервые.

Датируется по почт. шт.: 22.10.08. Geneve.

На Капри открытка пришла 24 октября.

¹ Г.А. Алексинский.

² Л.П. Лядова (Мандельштам) — член РСДРП, сотрудница «Искры», технический секретарь МК большевиков, перевела книгу американского писателя Эптона Синклера «Индустриальная республика». В это время рассматривался вопрос о выпуске ее в «Знании». Однако 17–18 февраля (2–3 марта) 1909 г. Горький сообщил Г.А. Алексинскому (автору предисловия): «Дорогой товарищ — от издания Синклера отказываюсь» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 90). В этом же письме говорилось: «А книгу Тьерсо — надо издать. Аванс переводчику вышлю, как только получу деньги» (Там же. С. 91). Над переводом книги французского историка Жюльена Тьерсо (1857–1936) «Празднества и песни французской революции» Г.А. Алексинский работал вместе с Л.П. Лядовой. Книга вышла в свет в 1917 г. в издательстве «Парус» в переводе К.М. Жихаревой (Г.А. Алексинский запретил «Парусу» публиковать свою работу).

27.

Печатается по ФК (АГ. КГ-од-1-22-23), впервые.

Датируется по почт. шт.: 25.10.08. Geneve.

На Капри открытка пришла 28 октября.

¹ Речь идет о статье «Наука и философия. Диалоги», предназначенной для первого сборника «Очерки философии коллективизма» (СПб., 1909).

² Богданов говорит о вышедшем в сентябре 1908 г. № 8–9 «Голоса социал-демократа», в котором была напечатана статья Г.В. Плеханова «Ответ г. Богданову. Письмо второе». В письме говорилось:

«... Мах, “философию” которого Вы, м. г., считаете философией естествознания XX века, целиком стоит в интересующем нас вопросе на точке зрения идеалиста XVIII столетия Беркля. Он даже и выражается почти так же, как этот достойный епископ. “Не тела вызывают ощущения, — говорит он, — а комплексы элементов (комплексы ощущений) образуют тело. Если физику тела кажутся чем-то постоянным, действительным, а “элементы” — их мимолетным преходящим отражением, то он не замечает того, что все “тела” суть лишь логические символы для комплексов элементов (комплексов ощущений)”.

Вам, г. Богданов, конечно хорошо известно, что говорит об этом предмете Ваш учитель. Но Вам, как это по всему видно, совсем неизвестно, что говорил о нем же Беркляй. Вы похожи на Мольеровского Журдэна, очень долго не подозревавшего, что он говорит прозой. Вы усвоили себе взгляд Маха на материю, но Вы в своей наивности даже не подозревали, что *это чисто идеалистический взгляд*. Потому-то Вас и удивило мое определение материи; потому-то Вы и не догадались, зачем понадобилось мне в споре с нео-кантианцами настаивать на материальности вещей в себе. Смешной мосье Журдэн! Бедный г. Богданов!! <...>

Заметьте, М.Г., что мысль, выраженная мной в статье “Еще раз материализм” и подавшая повод для Вашей поистине скандальной игры словами, совершенно тождественна с мыслью, высказанной Сеченовым в только что приведенных мною строках. И я вовсе не скрывал сходства моего взгляда со взглядом Сеченова; напротив, я подчеркнул его в одном из примечаний к первому изданию моего перевода Энгельсова

“Фейербаха” (вышло в 1892 году). Поэтому Вы, м. г., имели полную возможность знать, что в вопросах этого рода я стоял на точке зрения одного из современных мне физиологов-материалистов, а не на точке зрения естествознания 18-го века. Но это мимоходом. Главное же здесь то, что в новом издании моего перевода “Людвига Фейербаха”, вышедшем за границей в 1905, а в России в 1906 году, я заявил, что если я продолжаю разделять *взгляд* Сеченова на этот вопрос, то его *терминология* кажется мне отчасти двусмысленной <...>

Вам необходимо признать, что “тела” суть не только логические символы для комплексов ощущений, что они служат основой этих ощущений и существуют независимо от них. Иного выхода нет. Нельзя быть марксистом, отрицая философскую основу марксизма» (*Плеханов Г.В.* От обороны к нападению. М., 1910. С. 35, 36, 40, 42, 46, 48, 53, 57). См. также примеч. 7 к п. 17.

³ Речь идет о свадьбе М.Н. и Л.П.Лядовых (Мандельштам) — см. примеч. 10 к п. 23.

⁴ Л.Б. Красин.

⁵ Появление компиляции (ее автора установить не удалось) свидетельствует об общественном интересе к идеям, высказанным французским биологом и физиологом Кэнтоном. Этот интерес проявлялся не только во Франции, но и в России. Максимилиан Волошин в статье «Клодель в Китае», впервые опубликованной в № 7 журнала «Аполлон» за 1911 г., писал: «И Гоген, и Клодель ушли искать человеческих первоисточников и окропили свое искусство живой водой девственных ключей. Для них то определение экзотизма, справедливое для романтиков (голод по пряностям), которое мы дали вначале, становится уже неверным. Плазма Кентона (морская вода), вспрыснутая в жилы, и морфий — находятся в таком же соотношении» (*Волошин М.А.* Лики творчества / Издание подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л., 1988. С. 81). К идеям французского ученого русский поэт обращается и в более поздней статье «Театр как сновидение», говоря: «Научная теория Рене Кентона, исходя от исследований о температуре крови и морских глубин, процентного содержания соли в крови и в морской воде, устанавливает, что океан был первой жизненной средой, в которой развивались организмы, а что кровь, текущая в жилах живых существ, есть тот океан, в котором они возникали и который пронесли внутри себя вместе с его средней температурой и химическим составом. Научное исследование и поэтическое уподобление сливаются в одном символе» (Там же. С. 350).

28.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму А.В. Амфитеатрова Горькому от 16(29) октября (*ЛН.* 95. С. 124–125) и ответному письму Богданова от 20 октября (2 ноября) 1908 г.

¹ Около 20 октября (2 ноября) Горький писал Амфитеатрову: «Получив Ваше письмо, я немедленно ответил на него — А.А. Богданову, чем сей последний премного удивлен был» (*Горький. Письма.* Т. 7. С. 30). *Quilo sa* — искаженное «Кто знает?»

² Первая редакция статьи Горького «Разрушение личности» была послана в редакцию большевистской газеты «Пролетарий» не позднее 10(23) февраля 1908 г. После ее прочтения в редакции разразилась «тяжелая драка»: Ленин и И.Ф. Дубровинский высказались против ее опубликования, А.Богданов — за.

³ По решению редакции на Капри была организована встреча Ленина с Горьким, Луначарским, Богдановым и Базаровым, которая состоялась между 10(23) и 17(30) апреля 1908 г. (см. *Неизвестный Богданов.* Кн. 1. С. 153–154). После обсуждения Горький дорабатывал статью.

⁴ Луначарский одобрил статью Горького, т.к. в ней высказывались близкие ему богостроительские мысли.

⁵ Речь идет о статье Богданова для сборника «Очерки философии коллективизма». В этом сборнике ему принадлежат две статьи (одна под псевдонимом Н. Вернер) и предисловие.

⁶ Имеются в виду статья Луначарского «Индивидуализм и мещанство» и В. Базарова «Материал коллективного опыта и организующие его формы» для первого сборника «Опыты философии коллективизма».

⁷ О трех статьях Г.В. Плеханова «Воинствующий материализм. Ответ г. Богданову», направленных против философии махизма см. п. 10 и примеч.; «*giga bien*» – начало французской поговорки «*giga bien qui gira le dernier*» («хорошо смеется тот, кто смеется последним»).

⁸ О причинах отсутствия Пятницкого см.: Горький. *Письма*. Т. 6. С. 462.

⁹ «Мои записки» Л. Андреева напечатаны в альманахе «Шиповник» (СПб., 1908, кн. 6), который вышел в начале октября. Горький отнесся к произведению резко отрицательно, назвав их «Записками мертвеца» или «не очень мудрого, но совершенно слепого крота» (Там же. Т. 7. С. 35).

¹⁰ Имеется в виду книга Г.И. Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., 1906) с предисловием Вяч. Иванова, в которой призывы к политическому радикализму сочетались с проповедью «мистической революции духа».

¹¹ Пьеса Л. Андреева «Любовь студента» была предложена издательству «Знание» для очередного сборника. 9(22) октября 1908 г. Горький телеграфировал Пятницкому: «Андрееву следует отказать», но дал ему право решить вопрос самому. Пьеса была опубликована в 26 сборнике «Знания» под названием «Дни нашей жизни» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 28).

¹² Богданов с женой приехали на Капри в конце октября (начале ноября) 1908 г. (см. п. 29 и примеч.).

¹³ Шулятиков В.М. (1872–1912) — писатель и критик. Стеклов Ю.М. (1873–1941) — публицист. Фриче В.М. (1870–1929) — критик, историк литературы. Poleмики с ними посвящена статья Луначарского «Еще о театре и о социализме» (сб. Вершины. Кн. 1: изд. «Прометей», 1909).

¹⁴ В книге «Театр. Книга о новом театре» / Сборник статей. СПб.: Шиповник, 1908 напечатаны статьи А. Луначарского, Е. Аничкова, А. Бенуа, А. Горнфельда, А. Белого. Книга характерна отсутствием единой платформы и разбросом мнений — от декадентства до позиции социал-демократов.

¹⁵ Записка не разыскана.

¹⁶ Возможно, речь идет об ответе Л.П. Войтоловского на предложение Горького принять участие в сборнике «Очерки философии коллективизма». Войтоловский был одним из авторов первого сборника «Литературный распад» (СПб.: Зерно, 1908), где поместил статью «Психология масс».

29.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-26), впервые.

Датируется по почт. шт.: 2.11.08. Geneve.

На Капри открытка пришла 4 ноября.

¹ Воскресенье приходилось на 26 октября (8 ноября) 1908 г.

² Речь идет о статьях А.В. Луначарского «Мещанство и индивидуализм» и Богданова «Философия современного естествоиспытателя», предназначенных для первого сборника «Очерки философии коллективизма» (СПб., 1909).

30.

Печатается по ФК (АГ. КГ-од-1-22-27), впервые.

Датируется по сопоставлению с письмом Горького К.П. Пятницкому от 1(14) декабря 1908 г. (см. ниже).

¹ Богданов сообщает о переезде в Париж части женевской колонии российских

социал-демократов. 29 ноября (12 декабря) 1908 г. в столицу Франции выехал В.И. Ленин. После этого газета «Пролетарий» стала выходить в Париже, с № 41 от 7(20) января 1909 г.

² Имеется в виду V Общероссийская конференция РСДРП, которая проходила в Париже 21–27 декабря 1908 г. (3–9 января 1909 г.).

³ См. п. 24, 31 и примеч.

⁴ 1(14) декабря 1908 г. Горький написал К.П. Пятницкому: «Богданов просит выслать половину гонорара Женева Rue Halle, 1» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 48). Имеется в виду гонорар за статьи, вошедшие в первый сборник «Очерки философии коллективизма» (СПб., 1909). 5(18) декабря 1908 г. Пятницкий выслал Богданову 400 рублей.

⁵ Степанов Павел Петрович (партийный псевдоним Егор; умер в 1942), социал-демократ, в 1906 г. помог Д.З. Мануильскому (в будущем члену группы «Вперед») бежать из Вологодской пересыльной тюрьмы (см.: *Чудак Б.М., Степанов П.П.* Побег товарища Мануильского // Старый большевик. М., 1933. Сб. 3. С. 197–207).

⁶ Съезд социал-демократов Польши и Литвы, который проходил в Праге с 15(28) сентября по 20 сентября (2 октября) 1908 г.

⁷ Трусович Станислав Казимирович (псевдоним Карл Залевский; 1870–1918), публицист, польский социал-демократ, в 1907–1914 гг. был меньшевиком, с 1914 г. — большевик.

⁸ Имеется в виду Съезд Заграничных групп содействия РСДРП, проходивший в Базеле 18–22 ноября (1–5 декабря) 1908 г.

31.

Печатается по *ФК (АГ. КГ-од-1–22–25)*, впервые.

Датируется по фразе: «... вчера писал Вам о своих планах...»

¹ О том, как по его мнению должна идти их совместная работа над «Курсом политической экономии», Богданов написал И.И. Скворцову-Степанову 23 июля (5 августа) 1908 г.: «...О плане работы. По-моему, историю экономических учений надо удалить, касаясь ее лишь в общей форме, когда дело идет об идеологии и ее влиянии (консервативном, задерживающем или благоприятном) на ход развития новых экономических форм. Размер — не более 40 листов, цена не выше 2 р. 50 к., экземпляров 5000 или 6000. При 5000 по 2 ½ р., гонораре 80 руб. с листа получится (за скидкой 30%) около 3000 рублей чистой прибыли. Это достаточно. В плане — я предложил бы совсем выкинуть отдел «Общих понятий», скучный и сухой, оставивши там лишь определение производства; а затем развернуть общие понятия исторически, по мере того, как они приобретают реальное значение (например, «общественная полезность и общественная стоимость» легче всего укладываются в первобытном коммунизме, где они выступают в чистом виде, без фетишистских оболочек). Моя роль должна, по-моему, быть, главным образом, литературно-редакционная (насчет формы) и по части «идеологий». Главная тяжесть работы должна упасть на тебя (и главная тяжесть гонораров также, разумеется; но бремя авансов желательнее было бы разделить, ибо дела мои с этой стороны плохи)» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 159). Корректуру первого тома, вышедшего в «Знании», держал И.И. Скворцов-Степанов. Богданов лишь следил за тем, чтобы не было ошибок в его части труда. Он писал 26 июня (9 июля) 1910 г. сотруднице издательства А.Н. Перушкиной: «Многоуважаемая Александра Николаевна, Константин Петрович сообщил мне, что Вы заменяете теперь Семена Павловича. Поэтому уведомляю Вас, что всю корректуру «Курса политич. экономии» взял на себя Иван Иванович Скворцов. Мне же я прошу высылать гранки по мере набора *только для осведомления*, причем я их возвращать не буду; а в случае корректурных недоразумений буду действовать через того же Ивана Ивановича, так что задержки из-за меня не будет. Крепко жму Вашу руку. — *А. Малиновский*» (*АГ. П-ка «Зн»-6–7–1*). А через месяц, 29 июля (11 августа), ее же попросил: «Многоуважаемая Александра Николаевна, если возможно, то я просил бы Вас прислать мне и первые пять листов после 2-ой корректуры, чтобы знать их в окончательном виде. Вы пишете «завод 3200». Если таково количество экземпляров, то я

боюсь, что книга будет довольно дорога. Сообщил ли Вам К.П. о предполагаемой цене? Его самого я спросить не могу, ибо не знаю, где он. Крепко жму Вашу руку. С истинным уважением *А. Богданов*» (АГ. П-ка «Зн»-6-7-2). См. также примеч. 1 к п. 24.

² См. примеч. 2 к п. 30.

³ Письмо Л.Б. Каменева Богданову не разыскано. Каменев сначала был сторонником Богданова, вместе с ним в июле 1907 г. на Петербургской общегородской конференции, затем, в августе, на Третьей конференции РСДРП выступал за бойкот Третьей Государственной думы, но затем перешел в число сторонников Ленина. Статьей Каменева «Не по дороге» (Пролетарий. 1909. № 42. 12(25) февраля) был разрушен, говоря словами В.И. Ленина, большевистский «устраняющий философию, как нейтральную область, блок» (*Ленин и Горький*. С. 31). 15(28) января 1917 г. Богданов писал В.А. Базарову: «Мне более чем противна полемика с Каменевым, которого я считаю литературной проституткой, что высказывал открыто и ему в том числе» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 182). Через четыре дня пояснил: «Тебя, может быть, удивил тон, которым я писал о Каменеве в прошлом письме. Но я имею в виду факты, которых ты, вероятно, не знаешь, и другие, которые, вероятно, не уловил» (Там же. С. 184).

⁴ См. примеч. 8 к п. 30.

32.

Печатается по *А* (АГ. КГ-од-1-22-44), впервые.

Датируется по дню начала работы V Всероссийской конференции РСДРП — 21 декабря 1908 г. (3 января 1909 г.), для участия в которой Богданов приехал из Женевы в Париж.

¹ Виктор — А.Р. Таратута. Марат — В.Л. Шанцер. Зимин — Л.Б. Красин. Богданов сообщает Горькому о совместном собрании членов БЦ и приехавших в Париж большевиков-делегатов конференции. Авторы биографической хроники «Владимир Ильич Ленин» под датой «декабрь, ранее 21 (3 января 1909)» пишут: «На совместном собрании членов Большевистского Центра и делегатов-большевиков, приехавших на конференцию, Ленин выступает против предложений отзовистов о роспуске редакции газеты “Пролетарий” и их попыток созвать не общепартийную, а отдельную “большевистскую конференцию”. В результате напряженной борьбы Ленину удается добиться отклонения предложений, выдвинутых отзовистами» (*Ленин: Биографическая хроника*. Т. 2. С. 446).

Ф.Д. Крегов пишет:

«Единственной опорой ликвидаторов был Кавказский областной комитет <...> Кавказский областной комитет, не созывая областной конференции и не проводя выборов на Всероссийскую общепартийную конференцию, самочинно передал представленные ему три мандата заграничным ликвидаторам Аксельроду, Дану, Рамишвили <...>

Два других отзовиста прошли от Московской областной организации, причем один из них, Лядов, на областной конференции голосовал за ленинскую линию “Пролетария”, а по приезде за границу открыто поддерживал отзовистов <...>

Когда отзовистские делегаты съехались за границу, то перед открытием Всероссийской конференции они предприняли попытку дискредитировать ленинское руководство большевистской организации, распустить редакцию “Пролетария”, чтобы тем самым упразднить Большевистский Центр. В <...> письме В.В. Воробьевскому в Одессу <от 16(29) января 1909 г.> Надежда Константиновна писала: “Перед конференцией “левые” (отзовисты-махисты) чинили всяческие скандалы. Пытались объявить себя всероссийской конференцией (было 2 москвича, 2 питерца и 1 уралец) и, пользуясь перевесом одного голоса (3 отзовиста и 2 антиотзовиста), упразднить БЦ, раскисировать редакцию “Пролетария”, навязать пролетариям отзовистское направление, распорядиться деньгами и пр. Попытка не удалась...”

В результате ожесточенной борьбы В.И. Ленин отбил все атаки отзовистов, и они вынуждены были подчиниться решениям Большевистского Центра и в основном поддерживать на Всероссийской общепартийной конференции ленинские резолюции, не

посмев выступить на ней со своей особой платформой. Впоследствии В.И. Ленин отмечал, что лояльность отзовистов на конференции была достигнута “бешеной борьбой» (Кретов Ф.Д. Борьба В.И. Ленина за сохранение и укрепление РСДРП в годы столяпинской реакции. М., 1969. С. 97–99).

² Таким способом В.И. Ленин стремился увеличить свое влияние в партийной организации Центрального промышленного района, однако его Областное бюро в марте 1909 г. приняло резолюцию, одобряющую создание Каприйской партийной школы.

Иосиф Петрович Гольденберг (псевдоним И. Мешковский; 1873–1922), член ЦК и БЦ, проживав в это время в Петербурге, руководил Петербургским бюро и работой социал-демократической фракции Третьей Государственной думы.

³ Это письмо Богданова не разыскано, однако известен ответ М.Н. Покровского (Домова) от 3(16) марта 1909 г., пересланный Горькому:

«Дорогой А.А., Ваше письмо глубоко потрясло меня — не умею определить испытанного мною впечатления: но возмущен я, собственно, тою архи-гносною формой, в которой Ильич, или, вернее, окружающие его не крупные, а отчасти и прямо сомнительные (Виктор!) персонажи собираются осуществить Ваше (можно бы сказать “наше”) вышибание. Самый же факт превращения “большевизма” в “ленинизм” самого узкого и исключительного типа является глубоко естественным и, по массе мелочей, его можно было давно предвидеть. И съехаться нам нужно не столько ради предотвращения этого события (все равно его не предотвратит — если мы останемся, они уйдут, раскол все равно будет), сколько, чтобы столкнуться, что нам предпринять, когда оно свершится. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что я отказываюсь от “последнего боя”, есть вещи, которые полезно высказать вслух, всеми словами, хотя знаешь, что слова твои уподобятся гороху, о стенку бросаемому. Я непременно приеду ко дню сражения <...>

Что касается литературных дел, о которых Вы пишете, то мое участие в них — при всем горячем моем сочувствии к идее и плану предприятия — может быть лишь весьма мало энергичным» (Неизданная переписка. С. 81).

Сохранился ответ Горького на это письмо Покровского:

«Ал. Ал. сообщил мне Ваше письмо к нему, прочитав это письмо, имею просить Вас:

Сообщено ли Вам о затейной Бо<гдановым> — Баз<аровым> и Лунач<арским> энциклопедии для рабочих по плану, который, если помните, я развивал однажды?»

Летом, когда здесь были все поименованные товарищи и Старик, мы приблизительно наметили темы и лиц <...>

Об этом плане и разных предложениях, связанных с ним, Вам должен был сообщить Ал. Ал-ич, — сделал он это?

Судя по тому, что пишете Вы о предложенном Вами труде по Истории, — нет, не сообщил. Я очень встревожен Вашим письмом.

Ведь Вы, вероятно, согласитесь с тем, что одновременное выступление всей группы наших литераторов в одно время и в одном издательстве — было бы превосходно со всех точек зрения. Особенно — если принять во внимание, что все работы будут внутренне связаны единством мировоззрения и явят собою как бы коллективный труд.

Я надеюсь, что Вы, раньше чем устроится окончательно с Вашей работой, поговорите по этому поводу с Ал. Ал. — а, м. б., приедете и сюда, где Ваше присутствие, как Вы узнаете от А.А., скоро будет необходимо.

Ал. Ал., как мне кажется, несколько увлечен “кризисом”, который Вы с его слов называли “ленинизмом”. Я, ввиду тех соображений о курсах для рабочих, с коими опять-таки должен познакомить Вас Бог. — “кризису” этому придаю значение ничтожное и советовал бы и А.А., и всем, кого намерены “вышибать”, — немедленно удалиться сейчас же, чтобы осенью войти каждому на свое место. Таково же мнение и рабочего, живущего здесь со мной, — он недавно из России, практик. И когда он говорит, что стоит только МК показать Ильичу из России кулак, он, Ильич, немедля утихомирится. Показать же символ этот мы великолепно сможем осенью, когда публика разъедется отсюда на места, а до той поры лучше и не затевать склоки» (Горький. Письма. Т. 7. С. 98–99).

⁴ Розанов Владимир Николаевич (партийные псевдонимы Попов, Мартын, Мартынов, Иван Николаевич; литературный псевдоним Энзис; 1876–1939), врач, меньшевик. Около 27 февраля (12 марта) 1909 г. Богданов сообщил Горькому о том, что получил от

А.В. Луначарского адрес В.Н. Розанова (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 162).

⁵ Богданов имеет в виду большевика Ивана Самуиловича Кадомцева (партийный псевдоним Василий-уралец; 1884–1918). Горький в ответном письме на это сообщение не отреагировал. Богданов вернулся к данному вопросу в письме от 12(25) марта 1909 г.: «Помните, я писал Вам о предложении Василия-Уральца приехать и рассказать Вам разные уфимские истории, из жизни и работы таких групп, о которых знают мало. Теперь он спрашивает меня, получил ли я ответ об этом. Ему все равно приходится куда-нибудь переезжать, и, вероятно, субсидии ему сейчас для этого не потребуются. Спрашивает, нужно ли на Капри иметь с собой документы» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 157). После этого Горький пригласил И.С. Кадомцева на Капри и сообщил, что документов никаких не требуется.

⁶ Письмо Г.А. Алексинского с сообщением о Василии-уральце разыскать не удалось. Возможно, оно не было написано.

⁷ Речь идет о корректурах первого сборника «Очерки философии коллективизма» (СПб., 1909).

⁸ Имеется в виду предполагаемая тема статьи В.А. Базарова для второго сборника «Очерки философии коллективизма», который в свет не вышел.

⁹ Боткина Мария Сергеевна (1870–1960), художница, дочь терапевта С.П. Боткина.

¹⁰ З.А. Пешков.

33.

Печатается по *ФК (АГ. КГ-од-1-22-28)*, впервые.

Датируется по сопоставлению с письмами Богданова к С.П. Боголюбову от 24 декабря 1908 г. (6 января 1909 г.) и В.А. Базарова к К.П. Пятницкому от 29 декабря 1908 г. (11 января 1909 г.) (см. ниже).

¹ Богданов писал письмо на одном из заседаний V Общероссийской конференции РСДРП, проходившей в Париже в одном из залов ресторана на улице Алезия (см.: *Фельд Ш.* Когда Ленин жил в Париже. Париж, 1969. С. 60–61).

² *Базаров В.* Материал коллективного опыта и организующие его формы // *Очерки философии коллективизма*. Сборник первый. СПб., 1909. С. 145–217. 29 декабря 1908 г. (11 января 1909 г.) В.А. Базаров написал К.П. Пятницкому: «Богданов извещает меня, что моя рукопись рассмотрена членами редакции, принята для “Философск. сборника” и переправлена в “Знание” для печатания» (*Горький и корреспонденты*. С. 153).

³ Для второго сборника «Очерки философии коллективизма» А.В. Луначарский первоначально намеревался написать статью о народном творчестве, а позднее — статью, объясняющую читателям его «религиозную» терминологию. В.А. Базаров взял тему «Мировоззрение синдикализма». Богданов сначала предполагал поместить в сборнике «Падение великого фетишизма», позднее хотел добавить еще одну статью — «Вера и наука» (памфлет, направленный против книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). 1(14) июля 1909 г. Богданов писал Горькому: «Если бы вопрос о 2-м сборнике “Очерки философии коллективизма” был решен утвердительно, — а теперь Вы, увидевшись с Константином Петровичем, конечно, выясните это определенно, то я считал бы, что “Падение великого фетишизма”, а м. б., и обе статьи могли бы туда пойти. В самом деле, ведь сборник, формально, по крайней мере — философский, и значит, обычные соображения об архитектуре, об объеме статей и пр., тут не очень важны. Затем две статьи одного автора также не будет неудобно, если еще другой автор даст две статьи, а Луначарскому, по-видимому, так и придется сделать, п. ч. для объяснения с читателями о терминологии, религии и пр. статья о народном творчестве не подходит» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 163).

⁴ Данное предложение Богданова было реализовано — названная выше статья Базарова была напечатана после статьи Богданова «Философия современного естествоиспытателя».

⁵ Отрывающая сборник статья Богданова «Наука и философия: Диалоги» напечатана

под псевдонимом *Н. Вернер*.

⁶ Это письмо Горького не разыскано.

⁷ Богданов имеет в виду землетрясение в Калабрии и Сицилии, произошедшее 5(28) декабря 1908 г. См.: *Горький М. Землетрясение в Калабрии и Сицилии // Горький. Сочинения*. Т. 11. С. 238–314.

⁸ *Вольский Станислав*. Философия борьбы: Опыт построения этики марксизма. М.: Слово, 1909.

⁹ См. примеч. 2 к п. 30.

¹⁰ Имеется в виду пленум ЦК РСДРП, проходивший 27–29 декабря 1908 г. (9–11 января 1909 г.).

¹¹ См. отчеты о V Общероссийской конференции РСДРП: *Дан Ф.И.* Отчет кавказской делегации об Общепартийной конференции. Париж: Издание Центрального Бюро Заграничных групп РСДРП, 1909 и вышедший анонимно отчет Г.Е. Зиновьева — Всероссийская конференция РСДРП в декабре 1908 года. Париж: Издание газеты «Пролетарий», 1909.

¹² 23 декабря 1908 г. (5 января 1909 г.) Горький написал К.П. Пятницкому: «Прошу немедленно приехать или посылаю заявление о моем выходе из “Знания”» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 58). Через пять дней повторил требование: «Письма и телеграммы только осложняют положение. Настоятельно просим приехать, как можно скорее» (Там же. С. 61). Письма с подтверждением сказанного Богдановым отправлять в Петербург Горький не стал, видимо, надеясь все выяснить при личной встрече с К.П. Пятницким.

¹³ Богданов писал заведующему конторой издательства «Знание» Семёну Павловичу Боголюбову (1858–1927): «Пишу Вам, п.ч. не знаю, где сейчас Константин Петрович, и знаю, что Вы его замещаете, когда его нет.

Одновременно с этим посылаю в “Знание” последнюю рукопись сборника “Очерки по философии коллективизма”, ст. *Базарова*.

Состав и последовательность сборника, значит, такова:

1. *От редакции*.

2. *Н. Вернер* — Наука и философия.

3. *А. Богданов* — Философия соврем. естествоиспытателя.

4. *В. Базаров* — Материал коллективного опыта и организующие его формы.

5. *А. Луначарский* — Индивидуализм и мещанство.

6. *М. Горький* — Индивидуализм и творчество.

Статья Базарова около 4 листов, а всего, следовательно, 22–23 листа.

Статья Базарова редакцией, представителем которой я являюсь, в сборник окончательно принята, и желательно было бы немедленно уплатить ему первую половину гонорара. Но надо также, когда он зайдет к Вам, дать ему ее на просмотр, чтобы он принял или отверг некоторые изменения, сделанные редакцией.

Желательно немедленно приступить к печатанию. Рукописи 1, 2, 3, 5, 6 уже у Вас, а Базаров дело не задержит — ему на несколько часов работы.

Корректуру, как Вам писал уже Алексей Максимович, надо высылать мне, но адрес, как Вы могли видеть, я переменил, переехал в Париж; и при этом надо писать m-me N. Malinovsky — моей жене, п.ч. я иногда отлучаюсь, а она всегда дома.

Очень желательно для нас всех как можно скорей покончить с техникой и выпустить книгу. *Корректуру* я не задержу. Будьте любезны сообщить, до какого размера могут простираться по условиям техники корректурные изменения (можно ли вставлять 1, 2, 3 строчки).

Искренно уважающий Вас

А. Малиновский» (АГ. П-ка «Зн»-6-5-1).

34.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова Горькому от 8(21) февраля 1909 г., на которое является ответом.

¹ Речь идет о новом проекте обращения в большевистские организации, написанном Н.Е. Вилоновым после того, как проект, направленный в редакцию «Пролетария» Г. Алексинским и другими членами Женевского кружка большевиков в сентябре 1908 г., не получил поддержки Большевистского Центра. О содержании «Проекта обращения к организациям по поводу школы» – см. Горький. *Письма*. Т. 7. С. 354–355.

² В феврале 1909 г. Богданов через Марата (В.Л. Шанцера) передал упомянутый проект в редакцию «Пролетария» с просьбой напечатать его, но обращение опубликовано не было (см. *Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 160–162).

³ Отчеты с мест о работе большевистских организаций в России систематически публиковались в газетах «Пролетарий», «Социал-Демократ» и «Правда».

⁴ Имеются в виду Ленин и его сторонники в БЦ, которые не поддерживали идею школы на Капри, считая ее центром фракции Богданова. Г. Алексинский писал Горькому 14(27) февраля 1909 г.: «...Ленин, Виктор (Таратута) и К° заподозрили, должно быть, что школа проектируется ради насаждения отзовизма и эмпириомонизма» (*АГ. КГ-од-1-20-7*).

⁵ Имеются в виду решения Пятой (общероссийской) конференции РСДРП, состоявшейся в Париже 21–27 декабря 1908 г. (3–9 января 1909 г.), в частности резолюция «По отчетам», в которой говорилось, что рабочие просят организовать партийную учебу за рубежом (*КПСС в резолюциях*. М., 1954. Т. 1. С. 105).

⁶ Лядов (Мандельштам) М.Н. — один из организаторов Московского рабочего союза, лектор Каприйской и Болонской партийных школ. Станислав Вольский — Соколов А.В., агент «Искры», большевик, в 1908–1909 гг. секретарь Областного бюро Центрального промышленного района Москвы, лектор Каприйской школы.

⁷ Переговоры с Московской партийной организацией вели Н.Е. Вилонов и его жена М.М. Золина. Около 9(22) марта 1909 г. Горький сообщил Богданову: «Из Москвы от М<с>ихаила> требуют изображения возникающих разногласий. Он пока воздерживается от сообщений об этом...» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 104.)

⁸ О замысле школы Горький сообщил А.Н. Тихонову и И.П. Ладыжникову 24 и 25 января (6 и 7 февраля) 1909 г. 8–10(21–23) февраля он писал И.П. Ладыжникову: «Некоторое количество денег имеем уже. Я написал ряд писем и жду дальнейшего успеха. Дал Шаляпин, даст Амфитеатров» (Там же. С. 86).

⁹ Зиновий — З.А. Пешков. Михаил — Н.Е. Вилонов.

¹⁰ Имеется в виду письмо А.Н. Тихонова Горькому от 15 (28) января 1909 г. (*АГ. КГ-п-75-9-1*)

¹¹ Строев — Десницкий В.А. (1878–1958) — литератор, публицист, член ЦК РСДРП большевиков, лектор Каприйской партийной школы.

¹² Никитич — Красин Л.Б.

35.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького в Московский комитет РСДРП (см.: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 100), написанному 3(16) марта 1909 г.

¹ Г. Алексинский и Н. Вилонов как авторы обращения в большевистские организации России по поводу Каприйской партийной школы занимались на Капри подготовкой к ее открытию. Алексинский приехал на Капри в середине марта 1909 г.

² Никитич — Л.Б. Красин в работе школы участия не принимал.

³ А. Богданов приехал на Капри в конце апреля (ст. ст.), уехал 1(14) мая 1909 г. (Там же. С. 125, 128).

⁴ Имеется в виду работа Н.Е. Вилонова «Мышление как результат коллективной деятельности», оставшаяся неопубликованной (*РЦХИДНИ*. Ф. 455. Оп. 1. Д. 10).

⁵ Обращение Горького в Московский комитет РСДРП, написанное от имени организаторов Каприйской партийной школы, в котором была просьба дать санкцию на ее открытие и организовать набор слушателей. В письме говорилось: «Мы обеспечиваем: средства на проезд туда и обратно; прожитие здесь на время, необходимое для

прохождения курса; организацию библиотеки и снабжение школы силами литераторов и практиков.<...> Школа рассчитана на трехмесячный курс с количеством 20 тов.» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 100). Агитация за школу велась в Московской организации с конца января 1909 г., однако после того, как стало известно, что Большевикский Центр относится к школе отрицательно, она затормозилась. 17(30) марта жена Н.Е. Вилонова сообщила на Капри, что Московский комитет не дал санкции на открытие школы, хотя областное Московское бюро ее одобрило (Там же. С. 371–372).

36.

Полностью печатается по А (Фонд Бассо), впервые, цитата в изд.: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 97.

Датируется по ответному письму Богданова Горькому от 12(25) марта 1909 г. (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 156–157).

¹ Вилонов М. Мышление как результат коллективной деятельности. Статья осталась в рукописи (см.: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 418–419). Богданов предложил отредактировать статью и издать брошюру под названием «Чего мы требуем от философии».

² Сборник «Вершины» (СПб., № 1, 1909), сотрудничать в котором отказались Горький и Богданов, вышел в конце февраля в издательстве «Прометей». О помещенной там статье П.С. Юшкевича «На тему дня. О философском брожении в марксизме» Горький отозвался критически в письме Богданову после 9(22) марта 1909 г. (см.: *Неизвестный Горький*. С. 48).

³ Валентинов Н. (Вольский Н.В.) — меньшевик, философ, журналист, редактор «Московской газеты», автор работ «Философские построения марксизма» (1908), «Мах и марксизм» (1908) и др.

⁴ Речь идет о философских и тактических разногласиях Ленина и Богданова, на стороне которого был вначале Вилонов. Н.Е. Вилонов (Михаил, 1885–1910) — рабочий-железнодорожник, организатор рабочего движения, пропагандист.

⁵ В очерке «Михаил Вилонов» Горький рассказал о встречах и беседах с Вилоновым на Капри, назвав его настоящим героем, человеком, который жил по законам классовой борьбы и «так хорошо понимал и чувствовал правду ненависти» (Горький. *Сочинения*. Т. 18. С. 382). Их знакомство произошло заочно в 1908 г. 1(14) января 1909 г. Вилонов приехал на Капри, сблизился с Горьким и начал активно помогать ему в организации партийной школы. В апреле 1909 г. Горький пригласил на Капри жену Вилонова М.М. Золину с маленькой дочерью и всячески их опекал (АГ. ПГ-рл-8–41–1). Однако личные добрые отношения вскоре были осложнены ссорой Вилонова с М.Ф. Андреевой из-за финансовых вопросов в школе (см. п. 43 и примеч.). В июле 1909 г. Вилонов уехал в Россию, чтобы привезти на Капри слушателей школы. Однако сам он после раскола в школе на ленинцев и богдановцев уехал в Париж к Ленину. После беседы с ним Ленин написал Горькому 16 ноября 1909 г.: «Я был все время в полнейшем убеждении, что Вы и тов. Михаил — самые твердые фракционеры новой фракции, с которыми было бы нелепо мне пытаться поговорить по-дружески. Сегодня увидел в первый раз т. Михаила, покалякал с ним по душам и о делах, и о Вас и увидел, что ошибался жестоко» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 219). На Пленуме РСДРП(б) (январь–февраль 1910 г.) Вилонов был выдвинут кандидатом в члены ЦК, но работать не смог. Он скончался от быстро прогрессирующего туберкулеза в Давосе (Швейцария).

⁶ Статья Богданова для сборника «Очерки философии коллективизма» (см. п. 29 и примеч.).

⁷ Имеется в виду выступление Е.Н. Чирикова на чтении пьесы «Белая кость» на квартире артиста Н.Н. Ходотова в Петербурге 18 февраля (3 марта) 1909 г. Выступление вызвало скандал: Чирикова обвинили в антисемитизме, на что он ответил открытым письмом «Благодарю, не ожидал» (Русское слово. 1909. № 50. 3(16) марта).

⁸ Речь идет о Семковском С. (см. п. 38 и примеч.).

Печатается по ФК (АГ. КГ-од-1—22—31), впервые.
 Год установлен по содержанию письма.

¹ Первый сборник «Очерки философии коллективизма» вышел в свет не позднее 20 апреля (3 мая) 1909 г.

² См. п. 36 и примеч. Работу над статьей Никифора Ефимовича Вилонова «Мышление как результат коллективной деятельности» Богданов из-за срочных дел в ближайшие дни начать не смог. Он сообщил на Капри 29 марта (11 апреля) 1909 г.: «За рукопись Михаила примусь теперь — не было физической возможности» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 158). Статью предполагалось выпустить отдельным изданием, но опубликована она не была. Ее рукопись сохранилась в РГАСПИ (Ф. 455. Оп. 1. Д. 10).

³ Эта телеграмма Богданова не разыскана.

⁴ В сборнике «Кризис театра» (М., 1908) большевик Владимир Михайлович Шулятиков (1872 — 1912) поместил статью «Новая сцена и новая драма». Про нее А.В. Луначарский написал: «Я решительно не нахожу возможным согласиться с тем, что метод, применяемый Шулятиковым в исследовании идеологии, есть метод Маркса и Энгельса, Каутского и Меринга. В сущности, Шулятиков применяет три разные метода, общим признаком которых служит с одной стороны некоторое сходство с методом марксистов, а с другой стороны — поразительная упрощенность, приводящая к весьма дурным результатам» (*Луначарский А. Еще о театре и социализме // Вершины*. СПб., 1909. Кн. 1. С. 193).

⁵ Богданов имеет в виду дискуссию, посвященную современному методу и тактике РСДРП, проходившую в Париже в марте 1909 г. (см.: *Ленин: Биографическая хроника*. Т. 2. С. 467). 20 марта (2 апреля) 1909 г. Н.Б. Малиновская сообщила Г.А. Алексинскому: «30-го Ал. Ал. выступил на партийном собрании (беков и меков) с возражениями против доклада Ленина и контрдоклада Дана о конференции. Ал. Ал. был в ударе, страсти расходились у слушателей изрядно, шуму, крику <...> было без конца. Сашка, ругая Дана — “кюлотил” Ленина. Я была довольна, да и все наши тоже. Зато за ним выступил Григорий и орал визгливым, истерическим голосом очень много мерзких вещей. Очень был противен. Потом выступил Мартов и был много приятнее Григория» (цит. по: *Неизданная переписка*. С. 83). В тот же день Ю.О. Мартов написал А.Н. Потресову: «Я надеюсь, что отмежевание от “подпольной партийности”, если так можно выразиться, пойдет теперь усиленным темпом и не только в сфере вопросов организационных и вопросов текущей тактики, но и вопросах политического прогноза и “перспектив”. По крайней мере, происходящие здесь теперь “дискуссии” на публике по всем этим вопросам сопровождаются достаточно резкой и отчетливой постановкой вопроса “что разделяет”? Кстати, в своем реферате на эту тему Ленин упомянул Вас в такой связи: “Потресов и Мартов в 5-томнике ликвидируют связь между борьбой за волю и борьбой за землю”. Хотя ни тот, ни другой в 5-томнике этого не делают, мысль Ленина все же ясна — это все та же речь о “ликвидации идеи гегемонии”, о том, что политические задачи завтрашнего дня мы не хотим облекать в формулы, бывшие в ходу вчера» (*Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов*. Письма. 1898—1913 / Науч. ред., автор предисл. и коммент. И.Х. Урилов. М., 2007. С. 278—279).

Дан Федор Ильич (наст. фам. Гурвич; 1871—1947), меньшевик, член редакции газеты «Голос социал-демократа».

⁶ Г.Е. Зиновьев.

⁷ Богданов говорит о своей статье «Падение великого фетишизма», вышла отдельным изданием в Петербурге в 1910 г. в издательстве С.П. Дороватовского и А.П. Чарушникова.

⁸ Имеется в виду резолюция Областного Бюро РСДРП Центрального промышленного района о создании партийной школы на Капри. В резолюции говорилось:

«Принятии желательности школ принят единогласно. Финансовое руководство оставить за инициаторами. Принято большинством двух против одного. Постановка занятий должна быть согласована с директивами местных организаций, сводка которых

лежит на обязанности О.Б. Принято единогласно. Дабы не замедлять организацию школ, необходимо немедленно снестись с Петербургской организацией, и если она признает желательность школ, то постановка их будет выработана на основании имеющихся указаний местных организаций на совещании О.Б. с представителями Петербургского Комитета. Принято единогласно.

Дальнейшее ведение школы необходимо обсудить на ближайшей конференции. Принято единогласно.

Предлагается до ближайшей конференции передать вопрос об организации школ Б.Ц. Отвергнуто большинством двух против одного» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 244).

9(12) марта 1909 г. резолюция была направлена в БЦ.

⁹ Вместе с письмом (которое не разыскано) Богданов послал А.В. Луначарскому его работу со своими замечаниями. В марте 1909 г. А.В. Луначарский сообщил Горькому: «Александр прислал мне мое предисловие к Тьерсо с некоторыми поправками и замечаниями. Надеюсь, что дней через пять максимум статья будет приведена в окончательный свой вид» (*Архив Г. 14*. С. 41). Вскоре писатель статью получил, о чем сообщил Богданову (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 107).

¹⁰ Имеется в виду партия Социал-демократия Королевства Польского и Литвы. Богданов возлагал на эту партию определенные надежды в связи с тем, что на ее шестом съезде (проходил в декабре 1908 г. в Праге) был избран новый состав Главного правления, куда вошел Я. Тышка, тесно связанный с фракцией большевиков. Ю.О. Мартов писал П.Б. Аксельроду 4(17) сентября 1908 г.: «До сих пор только “Голос Социал-Демократа” притворялся, будто Ц.К. не при чем в травле фракции <меньшевиков>; все сороки отлично знали, что Ц.К.= Ленин + Богданов + Тышко, и что эти люди и стоят во главе всех атак на фракцию» (Письма П.Б. Аксельрода и Ю. Мартова. Берлин, 1924. С. 191). Свою позицию Я. Тышка изложил Богданову в письме от 10(23) сентября 1909 г.:

«Разумеется, характеристика, данная в статье “Vorwärts”, отколовшейся части большевиков, как наносных элементов, не связанных внутренней связью с с.-д. движением и культивирующих только революционную фразу, — несправедлива и нам чужда. Еще более нам чужда радость по поводу раскола у большевиков, о которой Вы пишете. Мы менее всего являемся сторонниками “генеральных межеваний”, ведущих к расколу, — как Вам это должно быть очень хорошо известно, — и я думаю, что данные тактические разногласия среди большевиков *не должны были* ни в коем случае проявиться формальным расколом.

Но что касается самих разногласий, то Вам известно, что об отзовизме и ультиматизме мы высказались отрицательно уже давным-давно, около полутора года тому назад (в “Червонем Штандаре”) и впоследствии, а также на нашем съезде. Редакция “Пролетария” заняла в этих вопросах по существу дела вновь правильную позицию. Еще менее можно ее упрекнуть за желание вместе работать в партии с меньшевиками не ликвидаторами (борясь в то же время идейно против их тактических взглядов и направлений). Если последнее достойно порицания, то незачем было объединяться с ними в Стокгольме, ратовать за единство партии в течение последних лет и обвинять меньшевиков за стремление к расколу, как это делали все большевики. Тем не менее наше отношение к конференции большевиков, несмотря на пункты схождения с редакцией “Пролетария”, по существу разногласий, самое **отрицательное**. Только навряд ли оно встретит сочувствие у Вас и Ваших товарищей, так как тут Вы не только солидарны с редакцией “Пролетария”, но даже идете гораздо дальше ее. — Я считаю всю конференцию сплошным и грубым **passez le mot** — **издевательством над партией, как целым**, ибо конференция показала, что г. наз. “Расширенная редакция “Пролетария”” есть фактически и формально не что иное как ЦК большевистской фракции (более сильный и влиятельный, чем ЦК РСДРП) и что фракция большевиков, насмехаясь над решениями съезда в Стокгольме и Гельсингфорсской конференции, продолжала все время, продолжает теперь существовать как организованная партия в партии, — теперь уже совершенно даже открыто, не считая даже нужным сохранять декорум нефракционности. <...>

Я не стану вдаваться в более детальную критику конференции. Этому не место в письме. Замечу только еще, что упрек, делаемый редакции “Пролетария”, будто бы она

приближается к меньшевизму, по нашему мнению, совершенно несправедлив. Эволюцию, которую она проделала с 1906/7 года должно бы было приветствовать, если бы эта эволюция сопровождалась стремлением (не только на словах) создать, наконец, политическую партию, а не диктатуру в квадрате нелегальной, потерявшей (как обособленная организация) всякий *raison d'être* <смысл существования — франц.> фракции, или — в наших условиях — горсти фракционеров. — *Dixi et salvati animam peani!* <я сказал и тем самым спас свою душу — лат.> — То же самое мы выскажем при первом же случае во всеуслышание» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 247–248).

¹¹ См. п. 36 и примеч. 12(25) марта 1909 г. Богданов писал Горькому: «О Семковском я знаю немного <...> Если Вы находите, что есть шансы на издание его брошюры “Знанием”, то напишите» (Там же. Кн. 2. С. 156).

¹² См. примеч. 5 к п. 4.

38.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова от 18(31) марта 1909 г.

¹ Семковский С. (Бронштейн С.Ю., 1882–1937) — меньшевик, член редакции венской «Правды» Л. Троцкого, автор сборника «Исторический материализм», который он, по-видимому, хотел издать в «Знании», уверяя, что хочет «очистить Маркса от Плеханова» (*Неизвестный Богданов*. Т. 1. С. 249). 5 ноября 1909 г. Богданов сообщил Семковскому, что «издателя для сборника еще не нашлось» (Там же. С. 188).

² См. п. 28 и примеч.

³ «Вершины» — литературно-публицистический сборник, вып. 1 (СПб., 1909), в нем была опубликована статья П.С. Юшкевича «На тему дня. К вопросу о философском брожении в марксизме» (С. 365–397). Приглашая Горького участвовать в «Вершинах», П.С. Юшкевич писал: «По философии будет свободная трибуна, т.е. предоставлена будет возможность высказаться как сторонникам диалектического материализма, так и различных оттенков махизма» (АГ. КГ-п-90–17–1). Ни Горький, ни Богданов в «Вершинах» не участвовали.

⁴ Василий-уралец — И.С. Кадомцев (1884–1918) — член РСДРП, большевик, один из основателей боевых дружин в Уфе в 1905 г., делегат Таммерфорской конференции 1906 г., с 1908 г. был в эмиграции, занимался транспортировкой нелегальной литературы в Россию.

⁵ О каком убийстве идет речь, не установлено.

⁶ Имеется в виду письмо М.Н. Покровского Горькому от 8(21) марта 1909 г., где говорилось о кризисе в партии большевиков. Он писал: «Я совершенно с Вами согласен, что в конечном счете победителем останется тот, кто первый примется за настоящее дело» (*Архив Г.* 14. С. 128).

39.

Печатается по ФК (АГ. КГ-од-1–22–34), впервые.

Год установлен по содержанию.

¹ См. примеч. 1 к п. 37.

² 29 марта (11 апреля) 1909 г. Богданов сообщил Горькому: «От Ивана Ивановича деньги получил» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 158). Деньги — аванс за «Курс политической экономии».

³ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), большевик, в дальнейшем государственный деятель, организатор и первый директор Литературного музея в Москве.

⁴ И.Ф. Дубровинский.

⁵ В.И. Ленин в октябре 1908 г. через свою сестру, А.И. Ульянову-Елизарову, пред-

ложил «Знанию» выпустить его книгу «Материализм и эмпириокритицизм». 1(14) ноября 1908 г. К.П. Пятницкий сообщил Горькому: «Сестра Ленина предлагает его книгу, новую. Степанов, Базаров, Бонч советуют принять» (цит. по: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 289). Горький ответил телеграммой через два дня: «Решительно против книги Ленина» (Там же. С. 37) и одновременно, в письме, объяснил:

«Относительно издания книги Ленина: я против этого потому, что знаю автора. Это великая умница, чудесный человек, но он боец, и рыцарский поступок его насмешит. Издай “Знание” эту его книгу, он скажет: дурачки, — и дурачками этими будут Богданов, я, Базаров, Луначарский. За эту книгу Богданов его, Ленина, высечет, дабы он, Ленин, впредь не за свое дело не брался, людей не смешил и с историей не спорил. После порки Ленин будет освежен, товарищеские отношения установятся, и книги ленинские можно будет издавать в “Знании”».

Спор, разгоревшийся между Лениным — Плехановым, с одной стороны, Богдановым — Базаровым и К^о, с другой, — очень важен и глубок. Двое первых, расходясь в вопросах тактики, оба веруют и проповедуют исторический фатализм, противная сторона — исповедует философию активности. Для меня — ясно, на чьей стороне больше правды» (Там же. С. 38–39).

⁶ «Румянцевской» Богданов называет «Дешевую библиотеку», выпускавшуюся «Знанием» с 1906 по 1908 г., поскольку большевик Петр Петрович Румянцев (1870–1925) в сентябре 1905 г. в качестве представителя ЦК РСДРП принял участие в заключении договора с издательством «Знание» об ее организации. В «Дешевой библиотеке» две серии — беллетристическая и публицистическая, в которой вышли: Атлантикус. Государство будущего: Производство и потребление в социалистическом обществе / Предисловие К. Каутского; Пер. с нем. В. Десницкий; Предисловие к русск. изд. П. Румянцева. СПб., 1906; *Бebelь А.* Интеллигенция и социализм / Пер. М. Ольгин <Н. Новомийский>; Ред. В. Величкиной. СПб., 1906; *Маркс К.* Либералы у власти / Ред. и предисловие А. Луначарского; Пер. А. Р<абинович>. СПб., 1906; *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии / Предисловие К. Каутского; Пер. П. Орловский <В. Воровский>. СПб., 1906; *Ольминский М.* Права Государственной думы. СПб., 1906; *Смайли Д.* Куда ведет экономическое развитие / Пер. В. Ногин; Ред. Н. Алексеева <Г. Плеханова>. СПб., 1906; *Штерн И.* Государство будущего: Социализм, его сущность, осуществимость и целесообразность / Пер. А. Ратнер; Ред. П. Румянцева. СПб., 1907 и другие сочинения.

⁷ В резолюции говорилось: «... Местная организация не может и не должна взять на себя ответственность за подобное предприятие. При намеченном инициаторами характере и объеме деятельности и при чрезвычайной отдаленности местонахождения будущей школы от районов местной работы действительный контроль над подобной школой мог бы осуществляться лишь партийными центрами» (цит. по: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 372).

Резолюция МК была ответом на «Открытое письмо рабочим Московской организации РСДРП» от начала марта 1909 г., подписанное Горьким и Н.Е. Вилоновым: «Товарищи! <...> Если вы так же, как и мы, считаете настоящий момент партийной жизни подходящим для организации партийной школы, а ее — необходимым партийным делом, то поставьте этот вопрос в порядок дня ваших собраний» (Там же. С. 100).

⁸ В резолюции БЦ о партийной школе, направленной в МК РСДРП, говорилось:

«По поводу ответа М.К. на подписанное N.N. “Открытое письмо” о “партийной школе” редакция “Пролетария” (в расширенном составе) выражает свою полную солидарность с тем взглядом М.К., что организация местная не может и не должна взять на себя ответственность за подобное предприятие. При намеченном инициаторами характере и объеме деятельности и при чрезвычайной отдаленности местонахождения будущей школы от районов местной работы действительный контроль над подобной школой мог бы осуществляться лишь партийными центрами.<...>

Здесь достаточно будет указать на открытое выступление “Пролетария” (см. № 42) против “богостроительства” и прочих с ним связанных искажений марксизма. При таких организационных условиях и ввиду очевидной связи будущей школы с элементами, проповедующими “богостроительство” или поддерживающими эту проповедь, редакция “Пролетария” признает долгом своим заявить, что ни за большевистский, ни за

марксистский вообще характер школы она не ручается.

За всем тем редакция полагает, что юридические права проектируемой школы на существование в рамках партии в данное время бесспорны. Фракция не должна связать себя с предприятием, большевистский и марксистский характер которого не обеспечен; партия же в целом, при данном ее состоянии, когда в весьма важных ее учреждениях (например, в коллегии сведущих лиц при думской фракции) действуют даже крайние оппортунисты типа Прокоповича-Кусковой, не может отказать ей в праве на существование. Поэтому редакция полагает, что большевики в Центральном Комитете, куда инициаторам надлежит обратиться за утверждением школы, должны высказаться за утверждение» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 244–245).

⁹ 29 марта (11 апреля) 1909 г. Богданов написал Горькому: «... Посылаю Вам копии резолюции БЦ о школе и своего заявления по этому поводу» (Там же. С. 158). В приложенном к письму заявлении «В расширенную редакцию “Пролетария” (“БЦ”)» говорилось:

«По поводу резолюции, принятой большинством редакции в связи с вопросом о партийной школе за границей, я должен заявить, что она нуждается, прежде всего, в некоторых фактических, говоря ее словами, “дополнениях”.

Во-1), совершенно неверно, будто “теоретики и практики, входящие в узкий и широкий состав редакции”, только теперь узнали о проекте школы. В сентябре прошлого года, товарищ Алексинский и другие члены Женевской группы представили в редакцию “Пролетария” уже более или менее выработанный проект такой школы, и просили у редакции только материальной поддержки в скромных размерах, 100 франков в месяц, и идейного руководства. Ни того, ни другого они не получили.

Затем, когда, ознакомившись **через меня** с этим проектом, товарищ Горький и Михаил решили употребить все усилия для его выполнения, то составленное тов. Михаилом обращение к организациям по поводу школы было мною, в феврале нынешнего года, передано в редакцию “Пролетария” с просьбой о напечатании, и с сообщением имени автора; передал я его через члена редакции, товарища Марата, и просил также возможно скорого ответа. Но редакция не только не напечатала обращения, а сделала с ним нечто весьма необычное. Именно, когда автор обращения, узнавши от меня о неблагоприятном отношении редакции к его проекту, стал через меня требовать рукопись обратно, то, несмотря на многократные мои заявления об этом лично и через товарища Марата, рукопись не удавалось выручить в течение месяца с лишним; она была возвращена лишь 6 апреля. <...>

Теперь, другое “дополнение” — относительно формальной стороны вопроса.

Проект школы утвержден Центральным Областным Бюро, которое по своему уставу имеет **право**, и по поручению от областной конференции — **обязанность** устраивать партийно-пропагандистские школы. Утверждение редакции, что “организация местная не может и не должна брать на себя ответственность за подобное предприятие” основано на явном и непостижимом забвении собственной истории. Ведь **за самую редакцию** “Пролетарий” партийную ответственность несут две **местные организации**, Петербургский и Московский комитеты. И я сам, бывший почти единоличным редактором популярной рабочей газеты “Вперед” за большую часть времени ее существования, могу засвидетельствовать, что никогда никому не приходило в голову требовать от редакции “Вперед”, утвержденной местными организациями, нового ее утверждения Центральным Комитетом. При таких условиях заявление редакции, что организаторы школы должны ждать ее утверждения Центральным Комитетом, сводится на практике, к попытке оттянуть осуществление школы, по меньшей мере, на несколько еще месяцев, а может быть и более; ибо ни для кого не тайна, что, при нынешнем положении партийной организации, это не могло бы быть иначе.

Теперь, “дополнение” третье — относительно того, что редакция “Пролетария” не ручается “ни за большевистский, ни за марксистский характер школы”. Принимая во внимание, что по уставу школы программа ее занятий утверждается местными организациями, а также и то, что “учениками” ее будут не дети, а сознательные и взрослые партийные работники, желающие пополнить пробелы своей подготовки для партийной практики, люди, которые знают, чего они хотят от школы, — трудно видеть в

заявлении редакции что-либо, кроме незаслуженно-пренебрежительного отношения к местным организациям и к партийным товарищам-рабочим. <...>

Я, четырнадцать лет работающий в партии как практик и как теоретик, никогда не думал дожить до такого времени, когда партийные товарищи революционного крыла, призванные к ответственному делу идейного руководства большевистской работой, употребляют все усилия, чтобы затормозить и подорвать насущное для партии дело — только потому, что не они его делают, и что они сами не пожелали его делать» (Там же. С. 158–161).

¹⁰ В декларации, обращении Н.Е. Вилонова (Михаила) к партийным организациям, говорилось:

«За границей имеются теоретики партии, хорошо оборудованные библиотеки, издаются партийные органы — налицо как раз все условия для создания школы. 3–4 месяца занятий рабочего с опытными руководителями сразу дадут партии хорошего работника, способного поставить дело на ноги. Непременным условием постановки школы должно быть следующее положение: *только организациям принадлежит право присылки рабочих в такую школу.* Этому условию мы придаем очень серьезное значение, как одинаково обязывающему к продуктивным занятиям учителей и учеников. Строгая отчетность перед рабочим в своих делах — вот гарантия безошибочности.

В заключение мы просим товарищей сейчас же ответить на следующие вопросы:

Какие требования к такой школе ставит организация, т.е. какого характера работников она желала бы видеть выпущенными из этой школы: агитатора, организатора, работника по профессиональному или аграрному движению?

Есть ли у нее на примете товарищи-рабочие, которых она сможет послать в партийную школу?

Желательно, чтобы организации резолютивно закрепили свое отношение к проекту организации партийной школы и копию прислали нам» (цит. по: *Лившиц С. Каприйская партийная школа (1909) // Пролетарская революция. 1924. № 6(29). С. 37.*

¹¹ См. примеч. 2 к п. 37.

40.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по телеграмме К.П. Пятницкого от 2(15) апреля 1909 г. (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 388).

¹ Письмо не разыскано. Видимо, в нем шла речь о необходимости издания журнала для пропаганды идей группы Богданова.

² А.В. Луначарский, как и Горький, поддерживал идею выпуска в издательстве «Знание» серии сборников по философским вопросам. Начало было положено первым сборником «Очерки философии коллективизма», второй сборник предполагался, но не вышел.

³ И.А. Бунин и В.Н. Муромцева-Бунина приехали на Капри 12(25) марта и пробыли до 10(23) апреля 1909 г. (*ЛН*. Т. 84. Кн. 1. С. 573). В беседах с Горьким обсуждался вопрос о необходимости создания нового издательства за рубежом.

⁴ «Очерки философии коллективизма» кн. 1, вышел 20 апреля 1909 г. В телеграмме К.П. Пятницкого от 2(15) апреля говорилось: «Философский сборник готов. Выйдет на Фоминой неделе...» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 388).

⁵ Отъезд в Россию за учениками для партийной школы Вилонов откладывал по просьбе Богданова, который собирался на Капри в середине июня и хотел обсудить положение дел с ним и Горьким.

⁶ Находившаяся в Париже редакция «Пролетария» и Большевистский Центр во главе с Лениным всячески препятствовали организации Каприйской школы (см. п. 41 и примеч.).

⁷ Г.А. Алексинский приехал на Капри в начале марта 1909 г.

⁸ Горький хотел привлечь А.Н. Тихонова к работе по организации партийной школы, поэтому ждал его приезда (см. письмо Горького А.Н. Тихонову около 17 февраля (2 марта)

1909 г. — Там же. С. 96).

⁹ Стров (Десницкий В.А.) приехал 23 июня (6 июля) 1909 г. (Там же. С. 406).

¹⁰ Имеется в виду проект «Энциклопедии для изучения России», программа которой была выработана летом 1908 г. Предполагалось, что в нее войдут книги по истории России, а также политической, экономической и внешней политике, развитию политической мысли, правовых идей и пр. В качестве авторов Горький пригласил Ленина, Богданова, Базарова, Луначарского, Алексинского, Покровского. Замысел не осуществился (см. п. 4 и примеч.).

¹¹ Ст. Вольский (Соколов А.В.) работал над книгой «Философия борьбы».

¹² Покровский М.Н. — историк, публицист, член Большевицкого Центра, один из редакторов «Пролетария». 3 марта 1909 г. он известил Богданова, что работает над «Курсом русской истории для самообразования», листов на 50 (*Неизданная переписка*. С. 81). Одновременно он писал «Русскую историю с древнейших времен» совместно с Н.М. Никольским. Книга вышла в издательстве «Мир» (М., 1910–1913).

¹³ «Критическое обозрение» — критико-библиографический журнал, выходивший в Москве в 1907–1909 гг. под редакцией Е.Н. Орлова. В журнале сотрудничали философы и критики либерального направления, в том числе С.Л. Франк и Б.А. Кистяковский, авторы статей в сборнике «Вехи» (СПб., 1909).

41.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1–22–45), впервые.

Датируется по сопоставлению с письмом Богданова Горькому от 29 марта (11 апреля) 1909 г. (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 158) и п. 40, на которое является ответом.

¹ С. Лившиц пишет: «...Конференция Московской Окружной организации высказалась за школу, настаивая, чтобы фактический контроль над школой был передан в руки Больш. Центра, с тем, чтобы, если он найдет возможным, передать заведование школой Центр. Комитету партии. Парт. организации Шуи (Владим. губ.) и Сормова (Нижег. губ.) стояли за передачу идейного руководства Центр. Комитету партии; Ярославская общегородская парт. конференция — за передачу руководства Больш. Центру» (*Лившиц С. Каприйская партийная школа (1909) // Пролетарская революция. 1924. № 6(29). С. 47*).

² Станислав — Станислав Вольский (А.В. Соколов). Михаил — Н.Е. Вилонов. В. — Виктор, т.е. А.Р. Таратута.

³ Говоря о бундовце, Богданов, вероятно, имеет в виду Б.Я. Батушанского (партийный псевдоним Баррит). Комментируя фразу из письма Горького к Е.П. Пешковой от 29 августа (11 сентября) 1909 г.: «У с.-д. тоже есть хороший провокатор, он уже вскрыт и скоро будет уличен», Л.Н. Смирнова пишет: «Подразумевается, вероятно, Борис Яковлевич Батушанский (Берко Янкеleve). В 1902 г. он поступил в охранку в Екатеринославе (кличка “Бабаджанов”). В 1903 г. предал весь Екатеринославский комитет РСДРП и типографию. С 1907 г. действовал среди иностранных революционных организаций, выдал боевой отряд максималистов (1908) и информировал охранку о русских социал-демократах, живших в Париже. Разоблачен и объявлен провокатором в 1909 г.» (*Горький. Письма. Т. 7. С. 170, 464–465*).

12(25) октября 1909 г. А.В. Амфитеатров спрашивал Горького: «Почему эсдеки так долго медлят с опубликованием своего Азефа — доктора Баррита? По этому поводу ходят смешные слухи» (*ЛН. Т. 95. С. 169*).

«2 персонажа» — А.Р. Таратута (см. примеч. 3 к п. 63) и Яков Абрамович Житомирский (партийный псевдоним Отцов; 1880–после 1941), врач, в 1907 г. участвовал в V Лондонском съезде РСДРП, в 1908 г. — в Общерусской конференции РСДРП в Париже, с 1902 г. — сотрудник заграничной агенты Департамента полиции, после разоблачения в 1917 г. бежал за границу.

В.И. Ленин писал 28 мая (10 июня) 1917 г. в «Правде»:

«“Рабочая Газета”, орган меньшевиков-министернистов, пытается уколоть нас тем, что охранка в 1911 году арестовала большевика-примиренца Рыкова для предоставления

“свободы” действий “накануне выборов в IV Думу” (это оговаривает особо “Рабочая Газета”) большевикам нашей партии.

Что же доказывает этот факт? То, что охранка расчищала поле для проведения в Думу оказавшегося провокатором Малиновского. Естественно, что о своих провокаторах охранка заботилась.

Составляет ли это упрек для нашей партии? Нет, как не делают *честные* люди упрека Чернову и К^о за ошибочное оправдание ими Азефа, упрека — Ионову (бундовцу, коллеге “Рабочей Газеты”) и К^о за оправдание в 1910 г., от имени объединенного Ц.К., провокатора Житомирского (“Отцова”)» (*Ленин В.И. Сочинения. 2 изд. М.; Л., 1927. Т. 20. С. 443*).

В мае 1913 г., в «Истории “Частной Финансовой группы с.-д. большевиков”», Богданов написал:

«... Пришлось начать размен 500-рублевков <...> Дело, несмотря на тщательную организацию, кончилось жестоким провалом 13-го января 1908, в самый момент выполнения. Весь характер провала указывал на провокацию. В настоящее время уже выяснен один провокатор, стоявший близко к делу, — некий Берк Батушанский, владелец квартиры, где было одно из собраний по делу. Но осведомленность парижской полиции о вещах, которых бы он знать не мог, потому что они не были раскрыты на собрании, указывает на еще более близкую провокацию.

В настоящее время существуют сильнейшие подозрения против “Виктора”, тогда члена БЦ и кандидата в ЦК, и Житомирского, специалиста по паспортному делу и транспорту» (*Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 102–103*).

⁴ М.М. Литвинов.

⁵ Н.Е. Вилонов поехал в Россию в мае 1909 г.

⁶ В августе 1909 г. М.Н. Покровский приехал на Капри.

⁷ Херасков Иван Михайлович (1878–1963), историк, ученик П.Г. Виноградова, социал-демократ, участвовал в работе партийной школы в Болонье (читал лекции по истории допетровской России), эмигрировал в 1908 г. и больше в Россию не возвращался. Автор брошюр: «Крестьянство в буржуазных революциях» (М.: Типография В.Н. Кузис, 1906), «Крестьянство и революция» (Берлин: Издательство И.П. Ладьяжникова, б. г.).

Откликаясь на сообщенное Богдановым предложение М.Н. Покровского, Горький 23–24 апреля (6–7 мая) 1909 г. написал И.П. Ладьяжникову: «В проекте энциклопедии забыта еще одна книга: “История народностей, входящих в состав Империи русской (Национальный вопрос в России)”. Авторы Покровский и Херасков, редакция коллективная» (Горький. *Письма. Т. 7. С. 125*). См. также примеч. 5 к п. 4.

⁸ Имеется в виду издание: *Лядов М. История Российской социал-демократической рабочей партии. СПб.: Колокол, 1906 (Ч. 1. Возникновение социал-демократического движения в России (1883–1897 г.). 164 с.; Ч. 2. Создание Российской социал-демократической рабочей партии (1897–1903 г.). 331 с.)*. Весь тираж второй части, отпечатанной в типографии издательства «Звено», был конфискован и, за исключением нескольких экземпляров, уничтожен полицией.

42.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова Горькому от 11(24) апреля 1909 г. и письму Горького Е.П. Пешковой от 11–12(24–25) апреля 1909 г. (Горький. *Письма. Т. 7. С. 120*).

¹ Богданов собирался приехать на Капри в конце апреля (начале мая) 1909 г. 24 апреля (7 мая) 1909 г. Вилонов писал жене: «У меня было желание самому поехать, но Богданов не согласился на это, и я остался. Он дней через 6 будет здесь» (Там же. С. 404).

² Предполагалось, что Троцкий будет участвовать в школе в качестве лектора. Но, списавшись с ним, Богданов отсоветовал Горькому приглашать его, т.к., по его мнению, Троцкий «хочет свести школу к чтению “Капитала”» (см. п. 46 и примеч.). Каприйская партийная школа работала с августа по декабрь 1909 г. О составе лекторов см. п. 50 и

примеч.

³ В.А. Базаров на Капри не приехал. Ни он, ни И.И. Скворцов-Степанов в работе школы не участвовали.

⁴ Лядов М.Н. — см. примеч. 6 к п. 34.

⁵ См. п. 40 и примеч.

⁶ Горький предполагал, что деньги дадут Ф.И. Шалапин, В.М. Каменский и И.Д. Сытин. Замысел не осуществился.

⁷ 11(24) апреля 1909 г. М.Ф. Андреева сообщила сестре, что после Пасхи ляжет на операцию, которую ей будет делать доктор Ди-Фабио (АГ. ПТЛ-1-25-12).

⁸ «Вехи» — сб. статей о русской интеллигенции (М., 1909). Вышел в начале марта 1909 г. Прочитав его, Горький в письме Е.П. Пешковой от 11 или 12 (24 или 25) апреля назвал «Вехи» «мерзейшей книжицей за всю историю русской литературы» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 120). В сборнике авторы бросили открытый вызов русской революционной демократии и ее идеалам. В него входили статьи Н.А. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда», С.Н. Булгакова «Героизм и подвижничество», М.О. Гершензона «Творческое самосознание», А.С. Изгоева «Об интеллигентной молодежи», Б.А. Кистяковского «В защиту права», П.Б. Струве «Интеллигенция и революция» и С.Л. Франка «Этика нигилизма». Оценка Горького совпала с отзывом В.И. Ленина, который назвал «Вехи» «энциклопедией буржуазного ренегатства» (Полн. собр. соч. Т. 19. С. 168).

⁹ См. в статье Н.А. Бердяева: «Право же, Вл. Соловьев и кн. Трубецкой — лучшие европейцы, чем г.г. Богданов и Луначарский» (Вехи. С. 19).

¹⁰ Вольнский А.Л. (Флексер Хаим Лейбович, 1861–1926) — критик, символист, автор книг «Русские критики» (СПб., 1896), «Борьба за идеализм. Критические статьи» (СПб., 1900), направленных против идеалов революционной демократии.

¹¹ Авторы «Вех» ссылались на Вл. Соловьева и Ф. Достоевского как на своих духовных вождей (Вехи. С. 8–19).

¹² Имеется в виду письмо Горького в декабре 1897 г., где он высоко оценил цикл статей Вольнского «В поисках за Леонардо да Винчи» (Северный вестник. 1897. № 9–12). Горький писал: «Есть в ваших статьях не умирающая грусть о смысле жизни и жалоба на пустоту ее в наши дни, страсть к тайнам бытия и много красоты и боли, искания много» (Горький. *Письма*. Т. 1. С. 245). В том же письме он предсказывал, что «наши либеральные гайдуки» не поймут Вольнского, но со временем оценят его идеи и им будет «стыдно за себя» (Там же).

43.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького И.П. Ладыжникову от 22 апреля (5 мая) 1909 г., в котором говорится: «Ожидаю Десницкого, Тихонова, Базарова» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 125) и ответному письму Богданова около 8(21) мая 1909 г.

¹ Имеется в виду позиция Л.Б. Троцкого, фактически совпадавшая с мнением Г.В. Плеханова, высказанным на публичном выступлении в Женеве в последних числах апреля 1909 г. Он «прямо и открыто высказался за образование “центра” и по существу примкнул к ленинской формулировке двух флюсов» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 162). В своем выступлении Плеханов впервые признал членов редакции «Пролетария» «более или менее серьезными марксистами» (Там же).

² Речь идет об отказе Л.П. Лядовой взять на себя материально-хозяйственную часть расходов по школе.

³ М.А. Михайлов (дядя Миша) — юрист, член РСДРП, был представителем Московской адвокатской конторы в Париже.

⁴ О В.А. Старосельском см. п. 44 и примеч.

⁵ См. п. 44 и примеч.

⁶ Письмо Горького М.А. Михайлову не разыскано.

⁷ А.Н. Тихонов приехал на Капри около 10(23) июля 1909 г. 12(25) июля Горький сообщил Ладьяжникову: «Кланяются Вам Десницкий, Тихонов, Луначарский и все другие — им же несть числа» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 150).

⁸ Имеются в виду колебания Н.Е. Вилонова (Михаила) между большевиками, склонными к образованию «центра» совместно с меньшевиками, и членами группы Богданова, протестующими «против всяких попыток к расколу», призывающими сохранить единство фракции большевиков (см. письмо Богданова в расширенную редакцию «Пролетария» в июне 1909 г. — *Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 168). Признавая, что совместная работа стала невозможной после раскола большевиков на две группы, Богданов и Шанцер (Марат) предложили свою платформу, настаивая на расширении и углублении собственно-социалистической пропаганды, издании агитационных брошюр и реформировании финансовой политики БЦ. Все эти требования были отвергнуты редакцией «Пролетария» во главе с Лениным (Там же. С. 169–171). Говоря, что Вилонов «чудит», Горький также имеет в виду его ссору с М.Ф. Андреевой по поводу руководства финансовыми делами школы (см. п. 49 и примеч.). Вернувшись из России 12 или 13 июня (ст. ст.) 1909 г., Вилонов просил Горького немедленно прислать деньги для слушателей школы. В том же письме он сообщил, что местные партийные организации в России требуют установить контроль над школой со стороны высших партийных органов (*Лившиц С.* Каприйская партийная школа (1909) // *Пролетарская революция*. 1924. № 6 (29). С. 48).

⁹ Вилонов спутал термины «богостроители» и «богоискатели». Ленин и его сторонники упрекали организаторов Каприйской школы в проповеди богостроительства, а не богоискательства. При этом имелись в виду работы Луначарского, считавшего социализм «наивысшей формой религии, т.е. религией без Бога, без мистики» и повесть Горького «Исповедь». Отвечая на эти упреки, Богданов писал в редакцию «Пролетария»: «...если тов. Горький в своем романе “Исповедь” изобразил крестьянского революционера, воспринимающего социалистическую борьбу как “богостроительство”, то где тут “проповедь” богостроительства марксистом-рабочим?» (Там же. С. 160). Упреки Вилонова в адрес организаторов Каприйской партийной школы объяснялись его постепенным переходом на позиции Ленина, стремившегося в этот момент к «образованию центра».

¹⁰ Г. Алексинский и М. Вилонов.

44.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького Н.Б. Малиновской и А. Богданову от конца мая 1909 г. (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 137–139) и ответному письму Богданова около 8(21) мая 1909 г.

¹ Старосельский В.А. (1860–1916) — член РСДРП, преподаватель естественных наук в школе И.И. Фидлера (Париж), где учился сын Горького Максим; в прошлом агроном, губернатор Кутанси (см.: *Старосельский В.* Кавказская драма. СПб.: Амиран, 1906). Речь идет о приглашении Старосельского на Капри для работы в партийной школе и участия в «Энциклопедии для изучения России».

² О замысле создания нового издательства вместо «Знания» — см. п. 48 и примеч.

³ 19 мая (1 июня) 1909 г. Горький сообщил Е.П. Пешковой: «Давняя мечта моя — перетащить Старосельского сюда, он кажется мне человеком очень ценным и значительным. Может, ошибаюсь?<...> Очень может быть, что через некоторое время я пришлю В.А. Старосельскому приглашение приехать сюда, а ты его уговори» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 134).

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-46), впервые.

Датируется по связи с письмом 44, на которое является ответом, и письмом Горького около 10(23) мая 1909 г. (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 137–139, здесь письмо опубликовано с датой: май, последние числа (ст. ст.) 1909 г.), которое является ответом на данное письмо.

¹ Фидлер Иван Иванович (1864–1934), педагог, руководитель гимназии, в которой обучался Максим Пешков.

² М.С. Боткина.

³ М.А. Михайлов.

⁴ Богданов несколько искажает фамилию врача Юрия Романовича Кервильи, который был женат на дочери В.А. Старосельского.

⁵ Около 30 апреля (13 мая) 1909 г. Горький написал Богданову: «Обращаюсь к Вам с просьбой такого рода: когда поедет сюда жена Лядова, будьте добры сказать ей следующее — пусть она уговорит Мих. уехать от нас. Ему нужны деньги, — лир 200 в месяц ввиду скорого приезда его жены — деньги эти предложите ему Вы как аванс за его совместный с Вами труд по книге» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 135; здесь письмо опубликовано с датой: около 20 мая (2 июня) 1909 г., но в это время Н.Е. Вилонова на Капри не было, он уже уехал в Россию). Книгой Горький называет отдельное издание статьи Н.Е. Вилонова «Мышление как результат коллективной деятельности» (см. примеч. 2 к п. 37). В ответе на комментируемое письмо Горький сообщил Богданову: «Мих<аил> не принял предложение ваше, говоря, что его стеснил бы в работе этот аванс. Но дело с ним устроилось: мы дружески поговорили, он согласился, что дерзостями своими едва не принес школе существенного убытка и что вообще вел себя дико. Пока, до приезда жены, он остается у нас, затем они снимут здесь квартиру и — заживут вдвоем» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 137).

⁶ Речь идет о кн.: *Ильин Вл.* <Ульянов В.И.> Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Звено, 1909. Горький ответил:

«Получил книгу Ленина, начал читать и — с тоской бросил ее к чёрту. Что за нахальство! Не говоря о том, что даже мне, профану, его философские экскурсии напоминают, как это ни странно — Шарапова и Ярморкина, с их изумительным знанием всего на свете — наиболее тяжкое впечатление производит тон книги — хулиганский тон!

И так, таким голосом говорят с пролетариатом, и так воспитывают людей “нового типа”, “творцов новой культуры”. Когда заявление “я марксист!” Звучит, как “я — рюрикович”! — не верю я в социализм марксиста, не верю! И слышу в этом крике о правоте своем — ноты того же отчаяния, гибели, кое столь громко в “Вехах” и подобных надгробных рыданиях.

Все эти люди, взывающие городу и миру: “я марксист”, “я пролетарий”, и — немедля вслед за сим садящиеся на головы ближних, харкая им в лицо, — противны мне, как всякие бары; каждый из них является для меня “мизантропом, развлекающим свою фантазию”, как их поименовал Лесков. Человек — дрянь, если в нем не бьется живое сознание связи своей с людьми, если он готов пожертвовать товарищеским чувством — самолюбию своему.

Ленин в книге своей — таков. Его спор “об истине” ведется не ради торжества ее, а лишь для того, чтоб доказать: “я марксист! Самый лучший марксист это я!”

Как хороший практик — он ужаснейший консерватор. “Истина неизблема” — это для всех практиков необходимое положение, и если им сказать, что, мол, относительно всякая истина — они взбесятся, ибо не могут не чувствовать колебания почвы под ногами. Но беситься можно и добросовестно — Ленину это не удалось. В его книге — разъяренный публицист, а философ — нет: он стоит передо мной как резко очерченный индивидуалист, охраняющий прежде всего те привычки мыслить, кои наладили его “я” известным образом и — навсегда! Безнадежный человек» (Там же. С. 137—138).

Низкий философский уровень книги В.И. Ленина отметил в своей рецензии

И.А. Ильин: «Целые три главы автор посвящает полемическому упрощению и ниспровержению эмпириокритической теории познания. Упрощение идей Авенариуса лишает всю аргументацию автора объективной ценности; признание учения Авенариуса за идеалистическое, материалистическое или смешанное зависит от тех двух посылок, которых автор не дает в своем сочинении: в первой посылке должно содержаться развитое определение материализма вообще и его разновидностей, во второй — должна быть дана добытая внимательным и отнюдь не вульгаризирующим исследованием формулировка наиболее существенных и центральных в этом отношении пунктов эмпириокритического учения и прежде всего вопроса об отношении элементов Е в системе С. При таком отношении выводы могли бы получиться иные и во всяком случае представляли бы не чисто субъективный или партийный интерес» (Ильин И.А. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 44).

О «религиозном» характере взглядов автора «Материализма и эмпириокритицизма» писал В.А. Базаров:

«Вера в существование внешнего мира, говорит Плеханов, "необходимое предварительное условие мышления критического в лучшем смысле этого слова". Это не обмолвка, не случайное неловкое выражение, как старается уверить В. Ильин, а, действительно, необходимое "предварительное условие" того типа мышления, одной из разновидностей которого является догматический материализм. Заслуга Плеханова состоит как раз в том, что в данном случае он провел свою точку зрения до конца, не убоился соседства с "поповщиной", не захотел вылить и заматать следы, а просто и ясно формулировал основную предпосылку своего мировоззрения в тех же самых терминах, которые употребляют все верующие люди.

К сожалению, В. Ильин далеко не обнаружил такой смелости мысли. Он объявляет "идеалистическим вздором" тот несомненный факт, что человеку непосредственно даны цвета и звуки, а отнюдь не колебания эфира или молекулы нашей атмосферы; для материалиста, проповедует он, дана объективная реальность тех движений материи, которые вызывают в нас ощущения. Совершенно то же самое говорят, как известно, и мистики. Для них вера есть особый и притом высший тип познания, "гносис". Мистик не строит понятия божества, как предположение, или гипотезу, которая должна быть проверена фактами, — он непосредственно, "интуитивно" воспринимает божество как "ens realissimum", как нечто несравненно более достоверное, чем всякий чувственный факт, который может оказаться и галлюцинацией. И только страх перед логическими выводами, из своих собственных посылок, мешает тов. Ильину познать, что принципиально между его точкой зрения и точкой зрения любого мистика нет решительно никакой разницы» (Базаров В. На два фронта. СПб., 1910. С. XXXVII–XXXVIII).

О «религиозности» взглядов Ленина Богданов писал в работе «Вера и наука (о книге В. Ильина "Материализм и эмпириокритицизм")»:

«Марксизм показал, что всякая система идей есть органический результат, производное определенных общественно-трудовых отношений, вне которых ее жизненный смысл неминуемо теряется, и затем извращается. В смене общественно-трудовых форм разгадка судьбы идеологий <...>

Признав это, марксизм, идеология прогрессивнейшего класса, неизбежно должен был отвергнуть абсолютное значение за какой бы то ни было системой идей, в том числе и за своей собственной. Он предъявил к себе самому требование непрерывного развития в соответствии с изменяющимися жизненными отношениями пролетариата. И марксизм идет по этому пути.

Но старый мир не мог примириться с тем, что в его среде зародилось и живет учение, не подвластное его року, не поддающееся его закону идеологического вырождения, учение, которое он не в силах сделать в положенный срок из живого, светлого организма — тусклым и зловонным вампиром. После долгой, безуспешной борьбы, старый мир прибегнул к последнему средству: он сотворил вампира по внешнему образу и подобно своего врага, и послал его бороться против молодой жизни. Имя этому призраку — "абсолютный марксизм".

Вампир исполняет свою работу. Он проникает в ряды борцов, присасывается к тем, кто не разгадал его под его оболочкой и иногда достигает своей цели: превращает

вчераших полезных работников в озлобленных врагов необходимого развития пролетарской мысли.

Наше отечество — страна молодого рабочего движения, не укрепившейся культуры, страна мучительно-изнуряющей борьбы — дала этому призраку едва ли не лучшие его жертвы: Г. Плеханова еще недавно, В. Ильина теперь» (*Богданов А.* Падение великого фетишизма: (Современный кризис идеологии. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910. С. 222–223).

46.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1–22–37), впервые.

¹ Письмо Богданова (не разыскано) было послано А.В. Луначарскому, который в это время проживал в Аbruццио. Через некоторое время, 18(31) мая, Горький его спросил: «Получили ли Вы письмо А.А. — пересланное Вам отсюда?» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 134).

² Речь идет об организации партийной школы на Капри.

³ Об аресте Станислава Вольского (А.В. Соколова), произошедшем на очередном собрании Рогожского района Московской организации РСДРП 2(15) мая 1909 г., Горький, по всей видимости, узнал только из данного письма. Тремя неделями ранее, 22 апреля (5 мая) 1909 г., он сообщал И.П. Ладужникову: «И.И. Степанов и Станислав — работают во всю по организации поездки <рабочих> сюда» (Там же. С. 125). С. Лившиц пишет: «Находившийся в Москве один из отзовистских лидеров — Станислав Вольский (Андрей Владимирович Соколов), являвшийся секретарем Областного Бюро центрального промышленного района РСДРП, вел в районах энергичную агитацию за школу; он вел даже небольшой кружок для подготовки его участников к заграничной школе» (*Лившиц С.* Каприйская партийная школа (1909) // *Пролетарская революция*. 1924. № 6(29). С. 40).

⁴ Письмо по поручению Горького 29 апреля (11 мая) 1909 г. написала М.Ф. Андреева, но не Станиславу Вольскому, а П.Н. Малянтовичу (АГ. ПТЛ-1–47–1). Ему же вместе с письмом было послано две тысячи лир для передачи Станиславу Вольскому. 17(30) июня 1909 г. Горький написал П.Н. Малянтовичу: «Если г. Станислав Вольский не успел еще получить от Вас присланные мною для него две тысячи лир — я покорно прошу Вас выдать эти деньги подательнице сего Марии Михайловне Виловой» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 145). Несмотря на то, что П.Н. Малянтович уже передал деньги родственникам Станислава Вольского, он сразу же выполнил просьбу Горького — выдал жене Н.Е. Виловой 500 рублей.

⁵ В письме расширенной редакции «Пролетария» (оно имело подзаголовок «Только для членов РСДРП, считающих себя сторонниками большевистского течения в партии») говорилось:

«Товарищи!

В некоторых большевистских организациях усиленно дебатруется вопрос об устройстве партийной школы за границей и в особенности об устройстве школы в NN, согласно плану группы товарищей там проживающих и некоторых товарищей, их начинание поддерживающих <...> Нашей коллегией, — являющейся демократически избранным идейным представительством всех большевиков, — остались *абсолютно* неизвестным все планы инициаторов партийной школы. К нам не только не обращались за утверждением школы, нас не только не пригласили к участию в этой школе, но от нас *утаили* весь вопрос. Группа товарищей — и в числе ее один из членов нашей коллегии, находящийся к ней в оппозиции (т. Максимов), — обратились к большевистским организациям в России, помимо нас, не уведомив об этом наш идейный центр <...> И они могли идти на это, очевидно, только потому, что в основе их действий лежали *какие-нибудь идейно-политические интересы*...

О будущей особой идейной физиономии своей школы инициаторы не сказали *ни слова* тем, к кому они обращались в России <...> Если бы расширенной редакции были предложены те денежные средства, которые, очевидно, имеются у инициаторов школы на

это дело, — школа нами была бы *коллегиальным путем* немедленно поставлена и, вместо разговоров и споров о школе, мы давно имели бы уже партийным путем поставленную школу <...> *Формально*, конечно, и “Пролетарий” утвержден местными комитетами. Но это утверждение происходило в момент, когда *по существу* дела большевики складывались, как *особая идейно-политическая фракция* в партии и основывала газету этой фракции <...>

Инициаторы школы сознательно избрали путь обособленности.

Всем опытным товарищам должно быть ясно, что так действуют *не просто*, что такое организационное обособление предпринимается обычно лишь тогда, *когда нет желания работать вместе*» (Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». Июнь 1909 г. М., 1934. С. 194–195, 197–198).

В ответ Богданов 18(31) мая 1909 г. направил в расширенную редакцию «Пролетария» (БЦ) следующее письмо:

«По поводу обвинения меня в нелояльности по отношению к коллегии БЦ, обвинения, возникшего благодаря тому факту, что со своим особым мнением в деле о партийной школе за границей я раньше ознакомил Центральное Областное Бюро и организаторов школы, чем коллегию БЦ, я считаю необходимым заявить следующее:

Я охотно признал бы наличность в данном случае формального упущения с моей стороны и принял всяческое порицание за него, если бы самою коллегию было возможно считать в это время нормально функционирующей, единой, а меня самого — связанным с нею не только чисто формально, но и морально. Ни того, ни другого **не было**, и притом абсолютно **не по моей вине**.

Внутри коллегии БЦ существует **оформленная другая организация**, к которой принадлежит нынешнее большинство ее членов. Волею этой организации я давно уже **морально исключен** из коллегии БЦ. <...>

В редакции “Пролетария” оказалось, что тов. Марата приглашают на заседания лишь для того, чтобы формальным голосованием санкционировать кем-то уже принятые и выполненные решения. Так, он **сначала** имел удовольствие видеть уже отпечатанной и сброшюрованной статью тов. Григория о всероссийской конференции (или, вернее, о необходимости раскола среди большевиков), а затем в заседании редакции участвовать в обсуждении и решении вопроса о том, не надо ли ее напечатать. В другой раз, его собственная статья, по заказу редакции им написанная, была без разговоров с ним кем-то отвергнута и заменена написанной еще кем-то по чьему-то новому заказу.

Наконец, когда около 20-го апреля не входящие в тайную коллегию члены БЦ потребовали собрания, то неожиданно они получили от 4-х членов — тов. Ленина, тов. Виктора, тов. Каменева и Григория — ответ, что они, означенные четыре, решили собраний до пленума не устраивать, ибо в этих собраниях нет толку благодаря “оппозиции”, которая де там занимается “сплетнями и клеветой”. Тайная коллегия выступила открыто.

Между прочим, этим ее выступлением в значительной мере обусловлено мое опоздание с подачей особого мнения по вопросу о школе. Я подал бы его на том собрании, которое было сорвано коллегией четырех (впрочем, сколько их там, я в точности не знаю); а подавать не на собрании, т.е. в эту самую тайную коллегию у меня как-то не было охоты. <...>

Перехожу к существу письма. Прежде всего отмечу в нем грубое искажение основных фактов. О письме тов. Михаила, переданном в редакцию “Пролетария”, там говорилось, что оно “было лишь простой корреспонденцией... и заключало в себе академическое лишь предложение обсудить в местных организациях вопрос о нужности или ненужности партийных школ”. Это — прямая неправда. В обращении тов. Михаила нет вопроса о “нужности” школ, а прямо констатируется, что они необходимы, и оканчивается оно следующими, отнюдь не “академическими”, а **практическими** вопросами <...>

Прямую неправду представляет также то место письма, где говорится, что женеvцы, выработывая план школы, “не имели в виду специальной посылки учеников из России”. Они хотели набрать учеников за границей лишь для начала, а посылка их из России в дальнейшем **предполагалась**, о чем свидетельствовал на собрании БЦ знакомый с делами Женевской группы и специально с этим делом тов. Марат.

При явно враждебном отношении редакции «Пролетария» к начинанию, выразившемуся в обращении тов. Михаила, при вышибательной ее тактике, объектом которой уже раньше оказался один из инициаторов школы, тов. Алексинский, какой же оставался путь для выполнения необходимого дела, как не содействие и утверждение со стороны местных большевистских организаций?» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 164–167).

⁶ Троицкий Лев Давыдович (наст. фам. Бронштейн; 1879–1940), после Второго съезда РСДРП — меньшевик, но в сентябре 1904 г. после конфликта с Г.В. Плехановым заявил о выходе из фракции меньшевиков, выступал за объединение двух фракций, в июне 1908 г. возглавил новую редакцию «Правды». Эта газета была основана в 1905 г. группой заграничных членов Главного комитета Украинской областной организации РСДРП «Спилка», выходила на русском и украинском языках во Львове и Одессе, с октября 1908 по апрель 1912 г. — в Вене, всего вышло 25 номеров.

⁷ Письмо Михаила в «Правде» опубликовано не было.

⁸ Статья не была написана.

⁹ Эти связи Л.Д. Троцкого были использованы при переходе границы учениками школы.

¹⁰ Меленевский Юлий (Марьян) Иванович (псевдоним Басок; 1879–1938), меньшевик, член Главного комитета Украинской областной организации РСДРП «Спилка».

¹¹ Богданов намекает на книгу Николая Александровича Бердяева (1874–1948) «Новое религиозное сознание и общественность» (СПб., 1907). См. также примеч. 6 к п. 45.

¹² Разбор книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (СПб., 1909) Богданов сделал в работе «Вера и наука».

¹³ Рязанов Давид Борисович (наст. фам. Гольдендах; 1870–1938), социал-демократ, позднее организатор и первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Письмо Рязанова не разыскано.

¹⁴ Письмо, в котором, по всей видимости, Богданов приглашал Рязанова принять участие в работе Каприйской школы, не разыскано. Рязанов приглашение не принял, но в 1911 г., стал лектором школы в Лонжюмо.

¹⁵ И.И. Скворцов-Степанов.

¹⁶ Н.Е. Вилонов.

¹⁷ Г.А. Алексинский.

¹⁸ Тарсанова Зинаида Николаевна, сестра жены Станислава Вольского. Про нее Горький писал Е.К. Малиновской 6(19) декабря 1910 г.: «Я не знаю, кто такая Тарсанова и почему она жена Молгаш» (Горький. *Письма*. Т. 8. С. 207). Упомянутого письма Н.Б. Малиновской в АГ нет.

47.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письмам Богданова Горькому от 12(25) и 17(30) мая 1909 г.

¹ Член МК РСДРП Н.А. Рожков был арестован в апреле 1908 г., 1 мая 1909 г. приговорен к ссылке в Восточную Сибирь, лишению всех прав и состояния (см.: Новое время. 1909. № 11901. 1 мая).

² Секретарь Областного Бюро РСДРП Центрального промышленного района Станислав Вольский (А.В. Соколов) был арестован 3(15) мая 1909 г. на очередном собрании Рогожского района Москвы, но вскоре освобожден. Это не помешало работе школы, где он выступил как лектор.

³ См. п. 45 и примеч.

⁴ 3 февраля 1909 г. В.А. Базаров прислал Горькому письмо, сообщив, что надеется приехать жить на Капри, но в школе принять участия не смог (см.: *Горький и его современники*. С. 139–141).

⁵ В.А. Десницкий (Строев) прочитал в школе две лекции на тему «Церковь и государство в России» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 445).

⁶ Алексей — А.И. Рыков (Власов, 1881–1938) — член ЦК РСДРП, большевик, после 1917 г. государственный деятель, председатель СНК.

⁷ В конце 1908 г. Луначарские уехали с Капри и жили сначала в Неаполе, затем в других итальянских городах, в том числе, в Аbruцио. О работе над драмой «Фауст и город» Луначарский сообщил Горькому после 21 июня (4 июля) 1909 г.: «Я здесь, как Вы знаете, работал над столь давно задуманной драматической поэмой “Фауст и город”. Трудно мне, конечно, оттого, что зародыш-то этой вещи я крепко люблю. В настоящее время первый черновик готов весь, и две сцены готовы во второй редакции» (*Архив Г.* 14, С. 50). Пьеса была издана только в 1918 г. (*Луначарский А. Фауст и город, Драма для чтения.* Пб.: Госиздат, 1918).

⁸ В обстановке нарастания национально-освободительной борьбы на Ближнем Востоке германская дипломатия с помощью своей союзницы Австрии добилась в 1909 г. заключения австро-японского договора, ограничивающего влияние России. Япония была заинтересована в нем, т.к. при заключении Портсмутского мира (1905) получила лишь часть Сахалина к югу от 50 параллели, хотя требовала отдать ей весь остров.

⁹ Василий-уралец (см. п.32 и примеч.) и Алексей Рыков уехали в Россию, чтобы привезти учеников в партийную школу.

¹⁰ «Зарницы» — литературно-политический сборник. № 1. СПб., 1908; № 2. 1909. В сборниках опубликованы работы Д. Овсяннико-Куликовского, А. Карташева, Ф. Кошкина, Д. Шаховского, Н. Гредескула и других авторов. В статьях поднимались вопросы о будущем России, религиозной свободе, грядущем торжестве конституционных и демократических начал, нужд деревни и роли интеллигенции в освободительном движении. В статье Н. Гредескула «Общество, реакция и народ», которая могла показаться Горькому интересной, говорилось: «“Русской интеллигенции надо верить в русский народ”, — и вот в этом она должна безусловно вернуться к традициям “старой русской интеллигенции”» (*Зарницы.* 1909. № 2. С. 35).

¹¹ Летом 1909 г. возник замысел нового журнала литературы, искусства и культуры, который должен был представлять из себя «облагороженный» тип «Нивы» (*ЛН.* 95. С. 158). Об этом сообщил Горькому П.Е. Кулаков, директор-распорядитель издательства «Общественная польза», которое предполагало объединиться с «Шиповником». Приглашая Горького сотрудничать, П.Е. Кулаков писал, что журнал будет выходить с 1 ноября или 1 декабря и в нем будут участвовать Л. Андреев, С. Елпатьевский, А. Куприн, Б. Зайцев и др. Л. Андреев в эти годы редактировал литературные альманахи «Шиповник», куда ушел из «Знания».

Неведомский (Миклашевский) М.П. (1866–1943) — публицист и литературный критик, полемизировал с авторами первого сборника «Литературный распад», защищая Л. Андреева (*Современный мир.* 1909. № 1, 3).

48.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму И.А. Бунина Горькому от 20 мая (2 июня) 1909 г. и письму Богданова от 12(25) мая 1909 г., на которое является ответом.

¹ Горький писал Н.Д. Телешову 10(24) апреля 1909 г., что Бунин будет говорить с ним «о некоем деле, затеваемом мною с компанией людей» и просил помочь денежными средствами (Горький. *Лисьма.* Т. 7. С. 118). Речь шла о замысле нового книгоиздательства.

² К финансированию своих новых замыслов (создание издательства, журнала, «Энциклопедии для изучения России») Горький пытался привлечь не только Н.Д. Телешова, но и И.Д. Сытина. Во время пребывания И. Бунина на Капри (уехал 10(23) апреля 1909 г.) он просил его в России переговорить с обоими. 20 мая (2 июня) Бунин известил Горького, что выполнил его просьбу, но из переговоров «ничего не вышло» (Горький. *Материалы.* Т. 2. С. 410).

³ В письме И.П. Ладыжникову от середины мая (ст. ст.) 1909 г. Горький задал вопрос, как идут переговоры с Ф. Шаляпиным и просил послать ему свое письмо в Париж, когда

певец придет туда (см.: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 132).

⁴ Поездка Н.Е. Вилонова в Россию состоялась в конце мая 1909 г. По дороге он повидался с Богдановым, о чем тот сообщил Горькому 7(20) июня 1909 г., заметив: «К Ленину он и не собирался» (см. п. 51). На обратном пути Вилонов опять хотел заехать к Богданову, но получил письмо от Горького, в котором говорилось: «Ал<ексинский> и другие находим, что к А.А. Вам не нужно заезжать, это бесполезно: к приезду Вашему он будет здесь» (Там же. С. 231).

⁵ Ответ на слова Богданова в письме Горькому от 12(25) мая 1909 г. о «религиозном характере взглядов» Ленина. Имеется в виду ортодоксальность его убеждений, граничащая с верой. См. примеч. 6 к п. 45.

49.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по времени приезда на Капри М.М. Коцюбинского 1(14) июня и ответному письму Богданова от 7(20) июня 1909 г.

¹ 1(14) июня 1909 г. Богданов написал заявление в Комитет школы с отказом вести переговоры по поводу назначения заведующего хозяйством. Поводом для написания такого письма был конфликт между Н.Е. Вилоновым и М.Ф. Андреевой, у которых были разные мнения по поводу кандидатур, предлагаемых на эту роль.

² В Комитет Каприйской партийной школы входили помимо организаторов все лекторы.

³ Боткина М.С. и Андреева М.Ф.

⁴ Лядов (Мандельштам) М.Н. — см. примеч. 4 к п. 42.

⁵ Губернатор — Старосельский В.А. (см. п. 44, 45 и примеч.).

⁶ См. примеч. 4 к п. 48.

⁷ По дороге в Россию Н.Е. Вилонов с Лениным не виделся (см. п. 48 и примеч.).

⁸ *Ильин Вл.* Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Звено, 1909. Ленин предложил свою книгу издательству «Знание», но Горький высказался против ее публикации. 4(17) ноября 1908 г. он писал К.П. Пятницкому: «Спор, разгоревшийся между Лениным — Плехановым с одной стороны, Богдановым — Базаровым и К-о с другой, — очень важен и глубок. Двое первых, расходясь в вопросах тактики, оба веруют и проповедуют исторический фатализм, противная сторона — исповедует философию активности. Для меня ясно, на чьей стороне больше правды» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 39). Поддерживая в тот период позицию группы Богданова, Горький отрицательно отнесся к книге Ленина.

⁹ Возможно, Горький узнал об этом из письма И.И. Скворцова-Степанова. Поссе В.А. (1864–1940) — публицист и критик, редактор журнала «Жизнь». Бонч-Бруевич В.Д. (1873–1955) — историк, писатель и общественный деятель.

¹⁰ «Суд» над членами богдановской группы состоялся на совещании расширенной редакции «Пролетария»: 3(16) июля 1909 г. Богданов был осужден за фракционную деятельность и исключен из членов редакции (См. приложение к газ. «Пролетарий». 1909. № 46) и п. 46.

¹¹ Украинский писатель М.М. Коцюбинский приехал на Капри 1(14) июня 1909 г. и сблизился с Горьким. Об их отношениях и встречах см. в очерке Горького «М. Коцюбинский» (Горький. *Сочинения*. Т. 20; *Письма*. Т. 7. С. 427–428). Гинцбург И.Я. (1859–1939) — скульптор, был на Капри с начала июня 1909 г. О своих встречах и беседах с Горьким рассказал в воспоминаниях (см.: Скульптор Илья Гинцбург. Л., 1964).

¹² Имеются в виду две статьи журналиста В.В. Островского, посетившего Горького на Капри, и имевшего цель скомпрометировать писателя перед началом работы партийной школы. Вырезки из газеты «Тифлисский листок» с этими статьями прислал Горькому Амфитеатров (см.: ЛН. 95. С. 161–162). Возмущенный Амфитеатров писал Островскому: «Содержание этой корреспонденции и роль, которую она может сыграть в жизни Капри, несомненно, провокационные» (Там же. С. 161).

¹³ Возможно, имеется в виду вырезка из газеты «Русское слово» со статьей за подписью *W* с клеветническими сообщениями о жизни и быте Горького на Капри (см.: *ЛН*. Т. 95. С. 162).

50.

Печатается по *A* (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по сообщению Горького об отъезде в Неаполь (см. ниже) и письму Богданова от 7(20) июня 1909 г.

¹ Лекторами Высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы на о. Капри (Каприйская партийная школа) были А.А. Богданов, Г.А. Алексинский, А.В. Луначарский, М.Н. Лядов, М.Н. Покровский, В.А. Десницкий, А.В. Соколов (Ст. Вольский) и Горький.

² Первоначальный список преподавателей намечался Богдановым, Н.Е. Вилоновым и Луначарским в феврале 1909 г. (см.: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 87–88). В нем значились также И.И. Скворцов-Степанов и В.А. Базаров, которые лекторами не стали.

³ Идея организации партийной школы для подготовки пропагандистов из числа наиболее сознательных рабочих возникла на V Общероссийской конференции РСДРП в октябре 1908 г. Ожесточенная борьба за руководство школой и ее финансы развернулась между сторонниками Ленина и Богданова сразу же. В отчете об истории школы Н.Е. Вилонов (Михаил) упомянул, что в 1909 г. был выпущен листок, в котором говорилось: «...это дело надо централизовать и передать фактическую организацию и руководство или ЦК партии или расширенной редакции “Пролетария”» (Пролетарий. 1909. № 50. Ноябрь. Приложение). А. Богданов и его сторонники, надеясь, что получат одобрение ЦК партии, начали активную подготовку к открытию школы. Однако В. Ленин высказался решительно против, считая ее фракционным центром, противостоящим большинству. Он упрекал группу Богданова в «отзовизме» и богостроительстве и всеми силами пытался запретить ее деятельность. В июне 1909 г. расширенная редакция «Пролетария», в которой преобладали сторонники Ленина, приняла резолюцию «О партийной школе, устраиваемой за границей в NN с осуждением школы как нового центра «откалывающейся от большевиков фракции» (см.: Ленин *В.И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 41–42). Борьба вокруг школы продолжалась до конца 1909 г. (см.: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 443–445).

⁴ В. — А.Р. Таратута (Виктор).

⁵ 7(20) июня 1909 г. Горький уехал с Капри вместе с М.М. Коцюбинским и И.Я. Гинцбургом, чтобы присутствовать на народном празднестве в Фор-де-Греко, небольшом городке у подножья Везувия; вернулся 8(21) июня 1909 г. (*ЛЖТ*. 2. С. 82).

51.

Печатается по *A* (АГ. КГ-од-1–22–39), впервые.

¹ См. п. 49 и примеч.

² Н.Е. Вилонов.

³ Не исключено, что имеется в виду Икойсиел Портной (1882–1941), один из руководителей Бунда, делегат II съезда РСДРП.

⁴ И.И. Скворцов-Степанов.

⁵ Эти две работы составили кн.: *Богданов А.* Падение великого фетишизма. (Современный кризис идеологии). Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). СПб.: Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1910.

⁶ План не был реализован.

⁷ Имеется в виду «Энциклопедия для изучения России» — см. примеч. 5 к п. 4.

⁸ Томский Михаил Павлович (наст. фам. Ефремов; 1880–1936), большевик, партийный

и профсоюзный деятель.

⁹ Н.Е. Вилонов выехал из Парижа в среду — 3(16) июня 1909 г.

¹⁰ М.С. Боткина.

¹¹ Станислав Вольский (А.В. Соколов).

¹² 8(21) июня 1909 г. в Париже, в кафе «Капю», начало работать Совещание расширенной редакции «Пролетария». Главным на нем был вопрос о Богданове и его сторонниках. Совещание закончило работу 17(30) июня 1909 г.

52.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по фразе «Сегодня — бой»: заседание расширенной редакции «Пролетария» началось 8(21) июня 1909 г.

¹ Письмо Вилонова Горькому не разыскано. В газете Л. Троцкого «Правда» (Вена) резолюции не публиковались.

² Проект резолюции, предложенный А.А. Богдановым и В.Л. Шанцером, с протестом против решения БЦ «Об отзовизме и ультиматизме» был опубликован в приложении к газ. «Пролетарий», 1909. № 46. 3(16) июля. Отказываясь признать себя «отколовшимися от большевистской фракции», они подали заявление в БЦ и написали письмо в «Пролетарий», которое не было опубликовано (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 168–171). См. также «Отчет товарищам-большевикам устранившихся членов расширенной редакции «Пролетария»» (Там же. С. 171–186).

³ Письмо Л.П. Лядовой М.Ф. Андреевой не разыскано. Возможно, речь шла о финансово-хозяйственном руководстве в партийной школе (см. п. 49 и примеч.). Горький предполагал, что письмо продиктовано М.Н. Лядовым.

⁴ Заседание расширенной редакции «Пролетария» продолжалось до 17(30) июня 1909 г. В результате ожесточенной борьбы победила группа ленинцев, оказавшаяся в большинстве. Поясняя Горькому расстановку сил к моменту кризиса в партии большевиков, М.Н. Покровский писал: «...на стороне Л<енина> огромные преимущества: и обаяние старого авторитета, и газета, и, наконец — вещь прозаическая, но не назвать ее нельзя — касса<...> Нет сомнения, что нас вышибут, — и притом отнюдь не только до осени — если мы вздумаем бунтовать (а не бунтовать нельзя)» (*Архив Г.* 14. С. 128.). На совещании расширенной редакции «Пролетария» была принята резолюция «О партийной школе, устраиваемой за границей в NN с осуждением фракции Богданова как антибольшевистского центра «отзовистов» и богостроителей (См.: Пролетарий. 1909. № 46. 3(16) июля, а также Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». М.; Л., 1934). Богданов сообщил о ходе заседания и его решениях в письме Горькому, М.Ф. Андреевой и Г.А. Алексинскому от 13(26) июня 1909 г. (*Неизданная переписка*. С. 57).

53.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького К.П. Пятницкому от 7(20) июня 1909 г. (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 142) и письму Богданова от 7(20) июня 1909 г., на которое является ответом.

¹ Письмо Л.Д. Троцкому не разыскано. О его содержании см. п. 54.

² В письме от 22 апреля (5 мая) 1909 г. В.К. Винниченко обвинил Горького в «неуважении к чужому труду» из-за отказа напечатать в издательстве «Знание» его произведения (АГ. КГ-п-16–7–6). Это обвинение он повторил в открытом письме в газету «Рада» (1909. № 119. 28 мая (10 июня)).

³ Посылая объявление в российские газеты около 7(20) июня 1909 г., Горький писал

Пятницкому: «Сделать это необходимо, ибо вслед за Винниченко начнут, вероятно, и другие авторы печатать оскорбительные письма» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 142).

⁴ В.А. Десницкий (Строев) приехал на Капри 23 июня (6 июля) 1909 г.

⁵ Горький заинтересовался работами доктора Н.Г. Котика по изучению электромагнитных излучений мозга: «Эманация психофизической энергии: Экспериментальные исследования». М.: изд. В.М. Саблина, 1907 и «Непосредственная передача мыслей: (экспериментальное исследование)». М.: Современные проблемы, 1908 (в 2-х экз.). Все книги с пометами Горького имеются в *ЛБГ (ОЛБГ)*. 66–68).

⁶ О переговорах с И.Д. Сытыным см. п. 48 и примеч.

⁷ Кризис издательства «Знание», обусловленный рядом судебных процессов и разногласиями с Пятницким, продолжался в течение всего 1909 г. Уход из «Знания» писателей, близких Горькому ранее (Л. Андреев, А. Куприн, Е. Чириков, В. Вересаев и др.), требовал коренной реорганизации дела. Между тем Горький сделал ставку на выпуск философских брошюр и сборников, критической и научно-популярной литературы, которая не пользовалась большим спросом в России. Это не только не принесло дохода издательству, но и вызвало ряд разорительных судебных процессов. Конфликт с Пятницким и отсутствие денежных средств вынудили Горького принять решение порвать со «Знанием» и создать новое издательство. Однако осенью 1909 г. он вновь вернулся к составлению и редактированию сборников «Знания» (прекратились на 40 выпуске) (см.: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 242).

⁸ Речь идет о «бое» Богданова с Лениным и его сторонниками на заседании расширенной редакции «Пролетария» (см.: *Неизданная переписка*. С. 74–76).

54.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-33), впервые.

Датируется по связи с п. 53, ответом на которое является, и июньским 1909 г. письмом Горького к К.П. Пятницкому (см. ниже).

¹ См. примеч. 5 к п. 4.

² Основной труд немецкого экономиста Карла Маркса (1818–1883) к этому времени вышел в России в трех переводах: в 1872–1896 г. (в переводе Н.Д. Даниельсона, Г.А. Лопатина и Н.Н. Любавина, в издательстве Н.П. Полякова), в 1898 г. (только первый том, в переводе Е.А. Гурвич и Л.М. Зак, под редакцией П.Б. Струве, в издательстве О.Н. Поповой; потом было несколько переизданий) и в 1907–1909 гг. (в переводе В.А. Базарова и И.И. Скворцова-Степанова, под общей редакцией А.А. Богданова, в Московском книгоиздательстве). См. также: *Уроева А.В.* Книга, живущая в веках. М., 1967; *Мальш А.И.* «Капитал» Маркса и революционная Россия // Вопросы истории КПСС. 1972. № 4.

³ И.И. Скворцов-Степанов.

⁴ Л.Д. Троцкий в работе Каприйской партийной школы участия не принял, в школе в Болонье читал лекции о профессиональном и синдикалистском движении в Австрии и о Льеве Толстом.

⁵ Л.Б. Красин.

⁶ В июне 1909 г. (не ранее 7(20) числа) Горький написал К.П. Пятницкому: «Распорядитесь в конторе, чтобы впредь мне никаких рукописей не посылали. Прошу поместить в газетах прилагаемое объявление» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 142).

⁷ Письмо С.П. Боголюбова к И.И. Скворцову-Степанову не разыскано.

⁸ Владимир Мирон Константинович (наст. фам. Шейнфинкель, партийный псевдоним Лева; 1879–1925), большевик, после ареста в 1908 г. бежал из ссылки за границу, жил сначала в Вене, потом в Париже, от приглашения читать лекции в Каприйской партийной школе отказался, однако участвовал в работе партийной школы в Лонжюмо (читал лекции по национальному вопросу).

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького Л. Троцкому от 21 июня (4 июля) 1909 г. (Горький. *Письма*. Т. 7. С.146) и ответному письму Богданова от 24 июня (5 июля) 1909 г.

¹ Имеются в виду письма Вилонова из России, где он пытался получить санкцию на открытие партийной школы на Капри. Идею школы поддержали в некоторых московских организациях большевиков: Сокольнического, Бутырского, Лефортовского и др. районов. Однако, в других, узнав о непримиримой позиции БЦ, к идее школы отнеслись настороженно. В письме от 16 или 17 (29 или 30) июня 1909 г. из Москвы Вилонов сообщил Горькому, что на обратном пути должен будет захватить в Париж «для окончательных переговоров с редакцией “Пролетария” об установлении контроля и ведении аграрного отдела Лениным, на чем настаивают здесь...» (Пролетарская революция. 1924. № 6(29). С. 48).

² Горький сообщил об этом Л. Троцкому 21 июня (4 июля) 1909 г. (Горький. *Письма*. Т. 7. С.146). Учеников в школу отправляли по конспиративным каналам, налаженным Троцким для его газеты «Правда»: небольшими партиями в г. Кременец переправляли через австрийскую границу, затем через Львов и Вену — в Италию (Пролетарская революция. 1924. № 6(29). С. 50).

³ В конце июня (начале июля) 1909 г. Г.А. Алексинский написал Вилонову от имени Комитета школы, что поездка в Париж ему запрещается: «На эту поездку мы Вас не уполномочиваем». Ему также предлагалось не посвящать учеников, которые едут с ним, в подробности «драки» среди большевистского руководства (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 435).

⁴ См. п. 40 и примеч.

⁵ В России А.Н. Тихонов вел пропагандистскую работу среди рабочих Санкт-Петербурга. Он писал Горькому: «За одной из застав — веду научно-философский кружок для рабочих<...> Не столько учу, сколько учусь». На этих занятиях он пропагандировал философские взгляды Богданова (Там же. С. 344).

⁶ См. п. 42 и примеч. Предполагалось, что занятия начнутся 17(30) июля 1909 г., но школа открылась только 23 июля (5 августа) 1909 г. (Там же. С. 441).

⁷ Узнав, что идея партийной школы на Капри одобрена Областным бюро Центрального района, Ленин и его сторонники срочно собрали заседание расширенной редакции газеты «Пролетарий» и добились ее осуждения (см. п. 53 и примеч.). Горький имеет в виду принятую на этом заседании резолюцию «О партийной школе, устраиваемой за границей в NN».

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-40), впервые.

Год установлен по содержанию письма. Ответ на п. 55.

¹ Н.Е. Вилонов.

² «Отчет товарищам-большевикам устранившихся членов расширенной редакции “Пролетария”» был закончен 3(16) июля 1909 г. Его подписали Н. Максимов (А.А. Богданов) и Николаев (Л.Б. Красин). Солидарность с отчетом выразили Марат (В.Л. Шанцер) и Домов (М.Н. Покровский) (см.: *Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 171–186).

³ Станислав Вольский (А.В. Соколов).

⁴ Стров — псевдоним В.А. Десницкого.

⁵ См. п. 50 и примеч. Лекции в Каприйской партийной школе читали: Г.А. Алексинский (по финансам, истории рабочего движения во Франции и Бельгии, а также сделал обзор о существующих в России партиях), А.А. Богданов (по политической экономии и истории общественных мировоззрений), Станислав Вольский (по аграрному вопросу), Горький (по истории русской литературы, эти лекции опубликованы: *Архив Г. 1*), В.А. Дес-

ницкий (о церкви и государстве в России), А.В. Луначарский (по истории и теории профессионального движения, истории Интернационала и германской социал-демократии, а также рефераты по истории искусства), М.Н. Лядов (по истории РСДРП), М.Н. Покровский (по истории России).

57.

Печатается по *ФК (АГ. КГ-од-1-22-41)*, впервые.

¹ 1(14) июля 1909 г. Богданов сообщил Горькому: «Херасков опять отказался» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 163).

² Никитич — Л.Б. Красин. Домов — М.Н. Покровский.

³ «Отчет т.г. большевикам устранившихся членов расширенной редакции “Пролетария”» вышел в свет отдельным листком 12(25) июля 1909 г. См. также примеч. 2 к п. 56.

58.

Печатается по *А (Фонд Бассо)*, впервые.

Датируется по письму Горького Е.П. Пешковой от 11(24) июля 1909 г. (*Горький. Письма*. Т. 7. С. 150).

¹ Судя по воспоминаниям ученика школы К.А. Алферова «Встречи с Горьким», с Вилоновым из России приехало 13 человек, на Капри к ним присоединилось еще двое (*АГ. МоГ-1-27-1*). Каприйская партийная школа открылась 23 июля(5 августа) 1909 г. Слушателями школы были И.И. Панкратов (Старовер, Ваня Казанец), Н.И. Устинов (Василий), К.А. Алферов (Яков, Константин), В.М. Косарев (Борис, Владимир), И.Г. Королев-Батышев (Юлий, Ваня), М.И. Лобанов (Станислав), И.И. Бабинцев (Николай), В.Е. Люшвин (Пахом, Казимир), А.С. Романов (Иван, Аля, Алексинский), М.Я. Яковлев, (Арсений), Ф. Калинин (Аркадий), Н.Н. Козырев (Фома), Ф.И. Сятковский (Константин) (Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. М., 1918). Позднее выяснилось, что А.С. Романов был провокатором, известным в охране под кличкой Пелагея.

² На Капри уже были в это время Г.А. Алексинский, В.А. Десницкий, А.В. Луначарский, М.Н. Лядов и другие лекторы школы.

59.

Печатается по *А (АГ. КГ-од-1-22-43)*, впервые.

Год установлен по почт. шт.: 26.7.09. Paris. На Капри открытка пришла 28 июля.

¹ Пятница — 17(30) июля 1909 г.

² См. примеч. 2 к п. 56.

60.

Печатается по *А (Фонд Бассо)*, впервые.

Датируется по письму Горького Ленину от 5(18) или 6(19) ноября 1909 г. (*Горький. Письма*. Т. 7. С. 497).

¹ Речь идет о плате за пребывание Богдановых на Капри в период работы партийной школы.

² Имеется в виду приписка М.Ф. Андреевой к настоящему письму.

³ См. п. 43 и примеч.

⁴ В конце октября 1909 г. в Каприйской партийной школе произошел раскол между учениками-ленинцами и сторонниками Богданова. После бурного обсуждения редакционной статьи «Пролетария» от 5(18) сентября 1909 г. (№ 47–48), написанной Лениным, и приложения к номеру от 11(24) сентября, несколько человек решили откликнуться на обращение «Товарищам рабочим, приехавшим в школу №№», где им была обещана «литературная и лекторская помощь», а также финансовая поддержка «в пределах возможного» (Там же. С. 472). Получив предложение Ленина приехать к нему, И.И. Панкратов, Н.И. Устинов, В.Е. Люшвин, А.С. Романов, Н.Н. Козырев 28 октября (10 ноября) уехали в Париж, за что были исключены из школы. Н.Е. Вилонов, по словам Луначарского, «тоже пошатнулся» и уехал с Капри 31 октября (13 ноября). Горький сообщил Ленину 5(18) или 6(19) ноября 1909 г.: «Писать о том, что здесь происходит, я не буду: людей — понимаю, а дела их — не понимаю. Думаю однако, что новый раскол будет не менее глубок, чем раскол беков и меков, и будет в нем линии, симпатичные мне: стремление рабочих выбиться из-под опеки российского интеллигента и стремление к широкой пропаганде социализма как целостного миропонимания» (Там же. С. 200–201). О Вилонове он отзывался так: «Человек он — даровитый, но к расколам и дезорганизации склонен в самой острой степени, это объясняется его большевизмом и смешным самолюбием и крайним индивидуализмом» (Там же. С. 200).

⁵ На вилле «Мария» размещались лекторы школы, в пансионе — ученики.

⁶ Сталь Л.Н. (1872–1939) — активная участница революционного движения, неоднократно пользовалась денежной помощью Горького. 10(23) октября 1907 г. он просил И.П. Ладыхникова «субсидировать Сталь на время, которое она укажет, суммой не выше ста марок в месяц, в счет мой, конечно!» (Там же. Т. 6. С. 88).

61.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по времени публикации в «Русском слове» телеграммы об исключении Горького из партии большевиков — 17(30) ноября 1909 г.

¹ Речь идет о программе группы «Вперед» «Современное положение и задачи партии» (Платформа, выработанная группой большевиков), написанной А.А. Богдановым в конце 1909 г. (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 36–76). 15(28) декабря 1909 г. в БЦ РСДРП от имени Богданова и Шанцера было передано «Извещение о создании группы идейных единомышленников под названием “Вперед”». В числе 16 членов группы был назван и Горький (Там же. С. 36). Платформа издана отдельной брошюрой в конце 1909 г. (Париж: изд. Группы «Вперед»)

² Имеется в виду фраза из платформы группы «Вперед», где говорится о борьбе с капиталом: «Но стихийное стремление пролетариата к борьбе и к организации для нее немедленно натывается на суровое противодействие самодержавно-полицейского строя, который не может допустить самостоятельности и самосознания рабочего класса» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 41). Горьковскую поправку Богданов не принял.

³ Образование группы «Вперед» углубило раскол в партии большевиков. Ленин не принял программу Богданова и раскритиковал ее в статье «Заметки публициста» (Дискуссионный листок. 1910. № 1, 6(19) марта). На пленуме ЦК РСДРП, проходившем со 2(15) января по 23 января (5 февраля) 1910 г., организаторы школы были исключены из партии большевиков. На VI (Объединительном) съезде РСДРП произошло формальное объединение большевиков и меньшевиков и был избран единый ЦК партии.

⁴ Котляренко Д.М. — один из членов Женевского идейного кружка социал-демократов. Его письмо Горькому не разыскано.

⁵ Слухи об исключении Горького из РСДРП вместе с другими членами группы «Вперед» распространялись буржуазной печатью в ноябре-декабре 1909 г. Газета «Утро России» 15(28) ноября (№ 34) поместила заметку «Исключение М. Горького из партии с-д.», которую перепечатали французские и немецкие газеты. Редакция «Пролетария» провергла эти слухи в открытом письме в «Утро России» (26 ноября (9 декабря) 1909, 3

42). Горький тоже поместил опровержение в газете «Биржевые ведомости» (1909. № 11434, 25 ноября (8 декабря), веч. вып.). Но газетная шумиха продолжалась даже после появления статьи Ленина «Басни буржуазной печати об исключении Горького» (Пролетарий. 1909. № 50. 28 ноября (11 декабря)) и двух опровержений в газете «Форвартс» (1909. № 281, 2 декабря и № 293, 6 декабря). Центральный орган германской социал-демократической партии официально заявил, что «все эти сообщения без исключения и полностью основаны на неправде. Не менее ложным является и слух, согласно которому Горький сам в письме Центральному комитету заявил о своем выходе из партии» (Форвартс. 1909. № 293. 16 декабря). Подр. см. об этом: Горький. *Письма*. Т. 7. С. 505–510 и статью Л. Спиридоновой «Был ли Горький членом партии?» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 133–137.

⁶ Ив.Ив. — Скворцов-Степанов.

⁷ 17(30) ноября 1909 г. Горький получил из газеты «Русское слово» телеграмму: «Просьба сообщить, верно ли известие о Вашем исключении из партии с-д.?» 18 ноября (1 декабря) он ответил: «Мне ничего не известно» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 204).

⁸ Многочисленные вырезки из газет с сообщениями об исключении Горького из партии хранятся в Архиве А.М. Горького (ГЖВ-1–17–2).

62.

Печатается по ФК (АГ. КГ-од-1–22–60), впервые.

Датируется по фразе: «Сегодня заседание пленума».

¹ См. п. 53 и примеч.

² Пленум ЦК РСДРП проходил в Париже со 2(15) января по 23 января (5 февраля) 1910 г.

³ Л.Б. Красин.

⁴ Брошюра, в переработанном виде, была напечатана позднее: *Семковский С.* Конспект лекций по историческому материализму. Харьков, 1922. См. также: *Семковский С.* Этюды по философии марксизма. М., 1924.

⁵ Эти работы составили кн.: *Богданов А.* Падение великого фетишизма: Современный кризис идеологии. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). СПб., 1910. См. также п. 64.

63.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1–22–48), впервые.

¹ 12(25) июня 1909 г. на шестом заседании Совещания расширенной редакции «Пролетария» Богданов был исключен из БЦ. В резолюции «Об отколе тов. Максимова» говорилось: «Признавая, что в связи со всеми вопросами порядка дня с очевидностью обнаружилось отсутствие принципиального и фактического единства между десятью членами расширенной редакции “Пролетария”, с одной стороны, и т. Максимовым, с другой стороны; признавая, далее, что со стороны т. Максимова за последнее время были сделаны шаги, направленные также и к нарушению организационного единства большевистской фракции; констатируя, наконец, что т. Максимов дал отрицательный ответ по вопросу о подчинении постановлениям расширенной редакции “Пролетария” и о проведении их в жизнь, — редакция “Пролетария” в расширенном составе снимает с себя отныне всякую ответственность за все политические шаги т. Максимова» (КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 346). В связи с этим Л.Б. Красин, только что приехавший в Париж, направил в БЦ следующее заявление: «Ув. тов., я прибыл в Париж, с целью принять участие в заседании расширенной редакции “Пролетария”, но по ознакомлении с принятыми уже резолюциями, вынужден отказаться от этого намерения. Резолюцией 10-ти уже удален из коллегии тов. М<аксимов>, удален без сколько-нибудь доказательной

мотивации, ибо голословная ссылка на отсутствие “принципиального и тактического единства” по отношению к старому товарищу, работающему в партии более десятка лет, одному из виднейших теоретиков и литераторов революционной социал-демократии, свидетельствует, конечно, лишь о пламенном желании вашем “извергнуть его из своей среды” и ни о чем больше.

Резолюцией от 29 июня, согласно которой всякий член БЦ, свыше 6 месяцев не принимающий участия в работах коллегии, считается вышедшим из нее, вы создали своеобразную алгебраическую формулу, дающую вам, или точнее правящему ядру заграничных членов БЦ, возможность путем простой подстановки вместо “Х” сегодня — Любича, завтра — Домова, или Вячеслава, выбрасывать из коллегии любого члена, как только он окажется почему-либо не угодным, или не удобным правящей коллегии (т.е. проявит “отсутствие принципиального и тактического единства”).

Я констатирую, что в худшие времена господства меньшевиков в ЦК нашей партии не было случая столь беззастенчивого проведения политики вышибания по отношению к несогласно мыслящим.

В работах такой изуродованной коллегии, исключившей из своей среды члена, выбранного в БЦ большевистской частью съезда, и подготовляющей планомерное изгнание неопределенного числа других членов, столь же полноправных и до съезда не сменяемых, как и вы сами, я не могу принимать участия.

Я требую немедленного пересмотра и отмены резолюции об исключении тов. М<аксимова> и резолюции о предстоящих исключениях других членов БЦ.

Впредь до отмены этих незаконных, нарушающих все партийно-организационные нормы, и бьющих в лицо постановлениям и избраниям большевистской части съезда, актов и восстановления нормального состава коллегии БЦ, я не могу рассматривать ваших собраний иначе, как собрания частной группы, хотя бы и хорошо спевшихся друг с другом товарищей» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 246–247).

Исходя из решения расширенной редакции «Пролетария», по инициативе В.И. Ленина и под его давлением Пленум ЦК РСДРП 3(16) января 1910 г. исключил Богданова из своего состава.

² И.Ф. Дубровинский.

³ Вопрос о провокаторстве Виктора (А.Р. Таратугы) поднимался неоднократно (и не только Богдановым). Начальник Московского Охранного Отделения 7(20) июля 1909 г. сообщал в Департамент полиции: «Отзовистская кампания поднята Лениным и “Виктором”, первый взял на себя теоретическую часть, а “Виктор”, ради личных корыстных целей, практическую, путем разных интриг» (Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. 3-е изд. / Науч. ред., предисл. и коммент. И.Е. Горелова. М., 1990. С. 77). Одной из интриг Виктора было клеветническое обвинение Богданова в растрате партийных денег и лжи. В связи с этим Горький в марте 1909 г. написал В.Л. Шанцеру:

«...считаю себя обязанным сообщить Вам не только как представителю Ал<ександра> Ал<ександрови>ча, но и как партийному товарищу, призванному играть известную роль в тяжбе по этическому вопросу — мое отношение к Виктору.

В бытность Виктора на Капри он однажды, беседуя по делу о наследстве Н.П. Шмита, сказал мне, что вступает в известные Вам отношения к Елизавете Павловне “ради того, чтобы укрепить позиции фракции как наследницы, к имуществу Николая Павловича”. Я считаю это заявление пакостным и, мне кажется, что никто из товарищей по фракции не сможет оценить его иначе.

Будучи убежден, что рано или поздно дело это станет достоянием гласности, не могу не думать, что роль Виктора в споре за наследство тяжело скомпрометирует фракцию.

И вообще нахожу, что Виктор, поскольку я его знаю — обладает печальным свойством создавать вокруг себя темную атмосферу недоверия к нему и отношений крайней неустойчивости для него» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 108).

М.Н. Покровский писал о А.Р. Таратуге: «Мне казалось, что, допуская такого человека в центр всех центров, мы делаем непоправимую глупость, ответственность за которую никим образом взять на себя нельзя» (цит. по: *Морозова А.Ю.* «Устраненные» большевики (1908–1910) // *Россия и реформы*. М., 1993. Вып. 2. С. 80).

А.Р. Таратута в этот момент был нужен В.И. Ленину, поэтому рассмотрение вопроса о его провокаторстве было затруднено. Оно также осложнялось обострившимися разногласиями между большевиками и меньшевиками. Партийный суд в 1910 г. не нашел фактов, подтверждающих провокаторство А.Р. Таратуты. Но в 1913 г. в отчете о деятельности Частной финансовой группы большевиков Богданов написал:

«Объективные основания, на которые опираются теперь обвинения против этих лиц <А.Р. Таратуты и Я.А. Житомирского.>, таковы:

1) все «охранные источники» Бурцева сходились на том, что в центре с.-д. в 1907–8 гг. имелаась провокация. Между тем из всего состава БЦ и ЦК того времени только одно лицо определенно и единодушно признается всеми за человека нечестного и непорядочного, это — Виктор;

2) суд, оправдавший Виктора в 1910 г., один из пунктов своего решения мотивировал показанием Житомирского <провокааторство которого было доказано позднее — см. примеч. 3 к п. 40> о том, что Виктор не мог выдать Камо, арестованного в октябре 1907 г. в Берлине, потому что приехал в Берлин позже ареста. Теперь установлено, что это показание заведомо ложное: Камо, в 1911 г., когда ему удалось вырваться из тюрьмы, сообщил, что Виктор два раза виделся с ним в Берлине и успел расспросить его о всех конспиративно-опасных вещах, которые у него имелись. Виктор, первоначально признавший на суде факт свидания с Камо, этого показания не опротестовал, а включающий его пункт решения суда сам опубликовал в брошюре «Две партии», изданной в 1911 г. Лениным, Каменевым и им.

3) Южный охранник, впервые указавший революционерам на Азефа, также определенно указывает, в 1912 г., на Виктора и Житомирского.

4) И Виктор, и Житомирский в настоящее время, уйдя от партии, сохранили тесную связь между собою, и оба по профессии теперь — альфонсы» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 103).

В.И. Ленин, хотя и давал в 1910 г. партийному суду оправдательные показания о А.Р. Таратуте (*Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 45–53), в то, что тот не сотрудничает с охранкой, не очень верил. Позднее, в 1918 г., В.И. Ленин направил Н.В. Крыленко записку: «Пожалуйста, помогите подателю, товарищу Гольцману, навести все справки в Питере, Москве и пр. насчет данных охранки касательно Таратуты (Виктора)» (Там же. С. 241).

⁴ 13(26) января 1910 г. Богданов направил в ЦК РСДРП следующее письмо:

«Уважаемые товарищи,

решение ваше устранить меня из действующего состава ЦК представляется мне неправильным и неконституционным в партийном смысле.

Согласно уставу партии (п. 7) и резолюции Лондонского съезда, члены ЦК, при «выходе» их из коллегии замещаются кандидатами согласно желанию тех групп, которыми эти члены были проведены на съезде. Ни о каком замещении без выхода из коллегии в уставе нет речи, да и вообще признать за фракционными центрами право отозвания членов ЦК, значит формально закрепить эти центры как практические организации, притом стоящие по положению выше ЦК, состав которого им предоставлено совершенно по произволу в определенных его частях изменять. Вы, однако, создали теперь такое право.

Я состою членом ЦК с сентября 1907 года, и до сих пор ни по независимым обстоятельствам, ни по своей воле из него не выходил. Расширенная редакция «Пролетария» в сообщении, переданном ею в ЗБЦ о составе членов ЦК большевиков, устраняет меня из числа их, заменяет, как это выяснилось, тов. Иннокентием, который выбыл из состава ЦК по независимым обстоятельствам в декабре 1908 г. и был на последнем полном собрании ЦК заменен тов. Лениным. Положение формально ясное: вы подчинились желанию Большевицкого Центра.

Этот факт, со стороны его существа, достаточно освещается заявлениями (занесенными в протокол) товарищей бундовцев, что, не видя в уставе опоры для решения вопроса, они будут голосовать «по политическим симпатиям», и требованием тов. Макара, чтобы ЦК, закрепляя «свою политическую физиономию» в определенном направлении, не остановился на полпути, а лишил бы меня и совещательного голоса.

Последнее требование вскрывает такие первоначальные мотивы действий в этом случае Большевицкого Центра: желательно было устранить меня от участия в выяснении и обсуждении целого ряда важных дел... Вы на это не решились, хотя логически из вашего постановления этот вывод сам собою получался» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 190–191).

⁵ Санжур Иван Арефьевич (партийный псевдоним Леопольд; 1878–1910), социал-демократ, член группы «Вперед». Письмо к нему Богданова не разыскано.

⁶ Аврамов (Абрамов) Роман Петрович (1882–1937), деятель русского и болгарского революционного движения, был делегатом V съезда РСДРП в Лондоне, где встречался с Горьким, много лет работал в «Издательстве И.П. Ладыжникова» в Берлине.

⁷ З.А. Пешков.

⁸ Среди тех, кто помог организаторам школы преодолеть финансовые затруднения, был А.В. Амфитеатров. В первых числах января (н. ст.) 1910 г. он сообщил Горькому: «...я послал Луначарскому для школы 500 фр., о чем уведомил и Ал. Ал. Богданова. Вчера в ответ на сие, я получил письмо от г. Алексинского, начертанное наглйшим тоном генерала, распоряжения отдающего этак фельдфебелю, что ли. Отвечать сему синьору я не намерен, а Ал. Ал. выразил свое совершенное удивление, что он ставит и себя, и меня в такие мнлые позиции. Мне было очень трудно послать эти 500 франков, и получать за них выговор от какого-то чуж-чуженина совсем не входило в мои расчеты. Так как в письме говорилось о большой нужде учеников школы, то я нагреб и отослал на имя Покровского еще 250 франков, оставших сам без всяких денег до 1-го января» (*ЛН*. Т. 95. С. 178).

⁹ Перед закрытием Каприйской партийной школы была создана группа «Вперед». Извещение о ее создании 15(28) декабря 1909 г. было направлено в ЦК РСДРП. Извещение по поручению Г.А. Алексинского, Аркадия (Ф.И. Калинин), Арсения (М.Я. Яковлева), Бориса (И.П. Трайнина), Васи (Ф.И. Сятковского), Ст. Вольского (А.В. Соколова), Горького, Дюмова (М.Н. Покровского), Леопольда (И.А. Санжура), А.В. Луначарского, М.Н. Лядова, Станислава (М.И. Лобанова), Юлия (И.Г. Королева-Батышева), Якова (К.А. Алферова) подписали Богданов и В.Л. Шанцер (см.: *Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 36). С участием перечисленных выше 16 лиц была составлена программа группы «Вперед» «Современное положение и задачи партии». В начале 1910 г. она была отпечатана в кооперативной типографии «Союз» в Париже. Об успешном распространении этого издания Богданов сообщает Горькому. По автографу Богданова (с учетом правки Горького) программа напечатана в кн.: *Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 36–76.

¹⁰ Под датой «конец декабря 1909 г.» в биохронике В.И. Ленина отмечено: «Ленин проводит заключительную беседу с бывшими слушателями каприйской школы «О партийных задачах и о положении группы “Вперед” в партии»» (*Ленин: Биографическая хроника*. Т. 2. С. 529). Вскоре после этой встречи В.И. Ленин передал слушателям школы письменное заявление, озаглавленное «О группе “Вперед”», в котором говорилось:

«После ряда лекций товарищам группы “Вперед” и после заключительной беседы с ними о партийных задачах и о положении группы “Вперед” в партии, я нахожу необходимым изложить свое отношение к спорным вопросам, во избежание недоразумений и кривотолков, в письменной форме.

Я полагаю, что платформа группы “Вперед” насквозь пропитана взглядами, несовместимыми с партийными решениями (резолуции конференции декабрьской 1908 года) и противоречащими этим решениям.

Взгляд платформы “Вперед” на современные моменты неверен, ибо этот взгляд не учитывает экономических и политических изменений в России, выражающихся в новом шаге самодержавия по пути превращения в буржуазную монархию. Поэтому из взгляда платформы “Вперед” вытекают на деле отзовистские тактические выводы.

Поэтому платформа “Вперед” вся проникнута взглядами, отрицающими безусловную необходимость участия с.-д. партии в III Думе и безусловную необходимость строить нового типа нелегальную партийную организацию, окруженную сетью легальных организаций и использующую обязательно всякую легальную возможность.

Выдвигая в своей платформе задачу разработки так называемой “пролетарской философии”, “пролетарской культуры” и т.д., группа “Вперед” на деле становится на

защиту группы литераторов, проводящих в указанной области антимарксистские взгляды.

Объявляя отзовизм законным оттенком, платформа группы “*Вперед*” тем самым прикрывает и защищает отзовизм, приносящий глубокий вред партии.

Ввиду всего этого личные заявления большинства товарищей группы “*Вперед*” о том, что они будут писать искренние корреспонденции в ЦО, будут идейно и товарищески бороться с отзовистами, будут искренне содействовать использованию легальных возможностей, будут бороться со всякими попытками взрыва легальных рабочих организаций и предприятий, — эти заявления внушают недоверие и заставляют опасаться, что группа “*Вперед*” поведет в местной работе и в работе подготовки конференции борьбу с партийной линией» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 19. С. 190–191).

¹¹ М.Н. Покровский.

¹² Скаржинская Екатерина Николаевна (1853–1924), общественная деятельница.

¹³ Ге Николай Николаевич (1857–1940), учитель, сын живописца Николая Николаевича Ге (1831–1894).

¹⁴ Варский Адольф Георг (наст. фам. Варшавский; 1868 — арестован в Москве в 1937, по одним данным погиб в том же году, по другим — в 1941), член партии Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), участвовал в работе IV съезда РСДРП, на котором СДКПиЛ объединилась с РСДРП, был избран в состав ЦК РСДРП и до 1912 г. представлял в нем СДКПиЛ. Шведский исследователь Ханс Бьёркегрен отмечает, что Варский был ближайшим товарищем Ф.Э. Дзержинского (*Бьёркегрен Х.* Скандинавский транзит: Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М., 2007. С. 136).

¹⁵ Дзержинский Феликс Эдмундович (партийные псевдонимы: Юзеф, Яцек, Якуб; 1877–1926), член СДКПиЛ, с декабря 1917 г. председатель ВЧК, с февраля 1924 г. председатель ВСНХ СССР.

¹⁶ *Богданов А.* Падение великого фетишизма: Современный кризис идеологии. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). СПб., 1910.

¹⁷ Алферов Константин Алексеевич (партийные псевдонимы Яков, Константин; 1883 — ?), железнодорожный техник, член подпольного комитета РСДРП Городского района Москвы, выпускник Каприйской партийной школы, после возвращения в Россию в 1910 г. был арестован, после Февральской революции вступил в РСДРП(м), а в декабре 1918 г. стал членом партии большевиков, работал председателем Комитета государственных сооружений, был членом ЦК профсоюза строительных рабочих.

¹⁸ Ленинцы свою школу открыли в 1911 г. в местечке Лонжюмо.

¹⁹ Этот план был реализован в 1912 г., когда в Петербурге стала выходить ежедневная легальная газета «Правда».

²⁰ Мартов Юлий Осипович (наст. фам. Цедербаум; 1873–1923), один из лидеров меньшевиков.

²¹ Г.Е. Зиновьев.

²² В.Л. Шанцер.

²³ Л.Б. Красин.

²⁴ Р.П. Аврамов (Абрамов).

²⁵ Заявление Горьким, по всей видимости, написано не было.

64.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по времени приезда Ф.Э. Дзержинского на Капри – 8(21) января 1910 г. и письму Богданова от 3(16) января, на которое является ответом.

¹ Имеется в виду Леопольд Александрович Израилевич (псевд. Л. Сажин, 1882–1910), журналист, стипендиат Горького, который лечился от туберкулеза и умер в Давосе (Швейцария). Видимо, с его помощью Богданов надеялся получить рукопись статьи Н.Е. Вилонова, оставшуюся в Давосе.

² См. примеч. 16 к п. 63. Книга вышла в свет в середине декабря 1909 г.

³ Ф.Э. Дзержинский (Юзек, Юз) приехал на Капри 8(21) января 1909 г. и пробыл до 3(16) февраля 1910 г., неоднократно встречался с Горьким (Горький. *Письма*. Т. 8. С. 291). По свидетельству К.П. Пятницкого, они беседовали о современном положении в России, путях развития революционного движения и расколе в партии большевиков. Дзержинский рассказывал об испытаниях, которые ему довелось испытать в тюрьме и ссылке. Горький знакомил его с местными достопримечательностями: Анакапри, вилла Тиберия, кафе Моргано и др. (АГ. Д.-Пят. 1909).

⁴ О какой конференции кавказской делегации социал-демократов идет речь, не установлено.

⁵ Среди учеников школы был провокатор А.С. Романов — см. п. 58 и примеч.

⁶ Связи группы «Вперед» с кавказскими социал-демократами способствовали финансированию новой партийной школы, организуемой Богдановым в Болонье. По решению конференции, деньги на вторую партийную школу были выделены из средств, полученных от Миасской экспроприации, что тщательно скрывалось (см.: *Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 251). Жордания Н.Н. (Костров) (1870–1953) — меньшевик, редактор газеты «Социал-демократ» на грузинском языке, в 1906 г. — член Государственной думы.

⁷ См. п. 63 и примеч.

⁸ Ф.Э. Дзержинскому.

⁹ А.Р. Таратута.

¹⁰ Судебный процесс с немецким издателем Бруно Кассирером, который должен был заплатить Горькому тантъемы за постановку «Мещан» на немецкой сцене и повесть «Трое», тянулся с 1910 до конца 1913 г.

¹¹ Повесть Горького «Городок Окуров» печаталась в 28 и 29 сборниках «Знания», последний из которых вышел 12(25) февраля 1910 г.

65.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-49), впервые.

¹ Ионов И.М. (наст. имя Койген Фишель Мордкович; 1870–1923), публицист, один из лидеров Бунда. Горький мог встречаться с ним в 1907 г. на V съезде РСДРП, в котором И.М. Ионов принимал участие.

² В результате пленумом была принята резолюция «Об устранении раскола за границей», в которой говорилось: «ЦК считает ближайшей задачей Заграничного бюро ЦК устранение раскола между группами за границей и объединение их с национальными с.-д. группами» (КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 359).

³ Пленум выработал и утвердил «Устав Центрального Комитета»:

«1. Действующая в России коллегия членов ЦК пользуется всеми правами ЦК.

2. Все члены ЦК обязаны исполнять ту или другую часть работы ЦК.

3. Действующий ЦК состоит из членов его и кандидатов, выбранных на Лондонском съезде.

4. Число действующих членов ЦК определяется в 7 человек и состоит из 4 членов, выбранных на съезде, и 3 представителей национальных организаций, в том числе члена ПСД, выбранного съездом.

5. В случае выбытия кого-либо из 7 членов коллегии выбывший замещается выразившим желание работать в России кандидатом Лондонского съезда; в случае отсутствия таковых — одним из кандидатов, заранее намеченных коллегией не из состава кандидатов Лондонского съезда.

6. Новые кандидаты кооптируются большинством русской коллегии при отсутствии хотя бы одного голоса против и считаются исполняющими должность членов ЦК впредь до утверждения их общепартийной конференцией.

7. Кандидаты, выбранные Лондонским съездом, замещают выбывающих членов ЦК в порядке, установленном Уставом.

Вновь кооптируемые кандидаты замещают выбывших, по течением или по принадлежности к национальным организациям.

Порядок замещения выбывших членов ЦК устанавливается в деталях русской коллегией.

8. ЦК собирается, по возможности, раз в месяц; в промежутках между общими собраниями ЦК всеми делами ЦК заведует Бюро ЦК, выбранное общим собранием.

9. За границей действует назначенное Центральным Комитетом Заграничное бюро ЦК, состоящее из 5 членов ЦК. В состав Бюро входят три представителя "национальных" Центральным Комитетов...» (Там же. С. 355).

⁴ Красноречивую характеристику положения в РСДРП в то время дал Ю.О. Мартов в письме к А.Н. Потресову от 3(16) декабря 1909 г.: «Кажется, ликвидация большевистской камарильи идет очень быстро вперед. На собраниях и в печати разошедшиеся братья выступают с такой ожесточенностью, что щелки кругом летят. Те и другие при этом ухаживают за нами. Причем, если правоверные делают оговорки относительно явных диктаторов, богостроители (даже Лядов!) кричат о том, что прошла пора сектантства и если объединяться, то уж со всеми. Мы все более ясно отвечаем тем и другим, что они друг друга стоят... По-видимому, разложение идет так быстро, что уже скоро положение Ленина и К^о станет untenable <невозможным (лат.) — Ped.> и они смогут сами подать в отставку, если только меньшевики не испортят все дело несвоевременным проявлением мягкосердечия. В последнем смысле кое-какие проявления начинают замечаться и вне Питера. Говорят, из Москвы что-то в плехановском духе прислал бумагу Алексей <Габо Хундадзе. — Ped.>. Здесь тоже нет недостатка в манифестациях, идущих навстречу новейшему курсу ленинской политики» (Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898–1913. М., 2007. С. 345).

⁵ Пленум принял резолюцию «О созыве очередной общепартийной конференции», в которой говорилось: «Ввиду того, что областные организации в настоящее время в большинстве областей распушены и созыв обширных областных конференций до крайности затруднен политическими препятствиями, ЦК рекомендует произвести выборы областных делегаций на следующих началах:

а) по совещании с местными организациями ЦК намечает в каждой области соответствующее число важнейших пунктов с.-д. движения. Общее число делегатов от области распределяется между этими пунктами;

б) организации менее значительных пунктов с.-д. работы присоединяются для выбора к ближайшим крупным пунктам» (*КПСС в резолюциях...* Т. 1. С. 353).

⁶ В резолюции Пленума «О группе "Вперед"» говорилось:

«ЦК регистрирует литературную группу "Вперед" как партийную издательскую группу.

ЦК предлагает комиссии по организационным вопросам выработать проект мер к тому, чтобы литературно-издательские предприятия группы "Вперед" были включены в общую систему партийной литературной деятельности за границей, и существование обособленной группы стало излишним» (Там же. С. 357).

⁷ Пленум принял резолюцию «О партийной школе»:

«Центральный Комитет постановляет: сделать подготовительные шаги к организации партийной школы за границей.

Центральный Комитет назначает для этого комитет из 9 лиц: 2 большевика, 2 меньшевика, 2 из группы "Вперед", 1 бундовец, 1 польский социал-демократ, 1 латышский социал-демократ.

За границей и в России немедленно открывается подписка в пользу школы.

Заграничному бюро ЦК ставится на вид, что оно должно исчерпать все меры к тому, чтобы т. Максимов и др. отказались от организации сепаратной школы и вошли в организацию школы при ЦК, в которой им должна быть обеспечена полная возможность полностью применить свои педагогические и лекторские силы» (Там же).

⁸ К.А. Алферов (Яков).

⁹ Калинин Федор Иванович (партийный псевдоним Аркадий; 1882–1920), рабочий-ткач, большевик, ученик Каприйской партийной школы, принимал активное участие в организации школы в Больонье.

¹⁰ Сялковский Федор Игнатьевич (партийная кличка Вася; 1881–?), столяр, ученик Каприйской партийной школы.

¹¹ К.А. Алферов.

¹² Бабинцев Иван Иосифович (партийный псевдоним Николай; 1886–1919), рабочий, был направлен в Каприйскую партийную школу Московской партийной организацией, вернувшись в Россию, стал одним из руководителей профсоюза чаеразвесочников, в 1911 г. был арестован и затем на 5 лет выслан из Москвы.

¹³ А.Р. Таратута.

¹⁴ Ногин Виктор Павлович (партийная кличка Макар; 1878–1924), большевик.

¹⁵ В.Л. Шанцер.

¹⁶ З.А. Пешков.

66.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1–22–51), впервые.

Датируется по связи с п. 65 и п. 67, которое является ответом на данное письмо.

¹ См. п. 65.

² Богданов имеет в виду резолюцию «Положение дел в партии», в которой сказано:

«4. В области идейно-политических задач с.-д. движения, в свою очередь, выдвинулись такие, которые властно требуют партийного единства и создают его через все препятствия: .

а) историческая обстановка с.-д. движения в эпоху буржуазной контрреволюции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т.д.; с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т.д.;

б) необходимым элементом с.-д. тактики при этих условиях является преодоление обоих уклонов путем расширения и углубления с.-д. работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и разъяснения опасности этих уклонов;

в) сознание опасности обоих указанных уклонов и задача их преодоления делает еще более необходимым восстановление организационного единства РСДРП; и это обстоятельство, в связи с очерченными выше объективными условиями, усиливает необходимость уничтожения фракционности, уничтожения всех более или менее организованных фракций и превращения их в течения, не нарушающие единства партийного действия» (*КПСС в резолюциях...* Т. 1. С. 352–353).

³ См. примеч. 7 к п. 65.

⁴ Последний, 50-й, номер «Пролетария» вышел 28 ноября (11 декабря) 1909 г. «Голос социал-демократа» тоже должен был закрыться. Однако из-за конфликта в редакции ЦО, которым стал «Социал-демократ» (1908–1917), газета меньшевиков продолжала выходить до декабря 1911 г.

⁵ Ф.Э. Дзержинский.

⁶ Тышка Ян (наст. имя Иогихес Лео; 1867–1919), один из лидеров СДКПил. См. также примеч. 10 к п. 37.

⁷ В.Л. Шанцер.

⁸ Ф.И. Калинин. Его письмо к Богданову не разыскано.

⁹ Яковлев Михаил Яковлевич (партийный псевдоним Арсений; 1881–?), рабочий Сормовских заводов, большевик, ученик Каприйской партийной школы, по возвращении в Россию был арестован, в 1917 г. примкнул к плехановцам, затем отошел от политической жизни, в 1937 г. жил в Ленинграде.

¹⁰ Королев-Батышев Иван Григорьевич (партийный псевдоним Юлий; 1885–1958), слесарь, большевик, ученик Каприйской партийной школы, по возвращении в Москву в 1910 г. был арестован и выслан на два года в Екатеринослав, после Октябрьской революции на партийной, советской и военной работе в Нижнем Новгороде, Москве и на

Украине.

¹¹ И.И. Бабинцев.

¹² Ф.И. Сятыковский.

¹³ Трайнин Илья Павлович (партийный псевдоним Борис; 1886/1887–1949), юрист, член группы «Вперед», впоследствии академик АН СССР, директор Института права.

¹⁴ Станислав Вольский (А.В. Соколов).

67.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по времени пребывания Ф.Э. Дзержинского на Капри (уехал 3(16) февраля 1910 г.) и письму Богданова около 13(26) января 1910 г., на которое является ответом.

¹ См. п. 66 и примеч.

² Л.Б. Красин.

³ А.И. Рыков (Алеша), участвуя в расширенном заседании «Пролетария», занял примиренческую позицию в конфликте между большевиками, что было отмечено в резолюции ЦК: «Каменев, Зиновьев, Рыков заняли на совещании двурушническую позицию в вопросе борьбы с мелкобуржуазными извращениями марксизма» (*КПСС в резолюциях...* Ч. 1. С. 212). В начале января (ст. ст.) 1910 г. Рыков от Красина приехал на Капри к Горькому (см. письмо Г.А. Алексинского Горькому – Горький. *Письма*. Т. 8. С. 5).

⁴ Возможно, имеется в виду итальянский переводчик Э. Кадей.

⁵ На Пленуме ЦК РСДРП в Париже 27–29 декабря 1908 г. (9–11 января 1909 г.) было принято решение об объединении кавказской организации большевиков с армянской и возбуждении следствия по делу об экспроприациях (Там же. С. 190). Возможно, речь идет об изданных в Баку материалах этого следствия.

⁶ Имеется в виду вопрос о финансировании Второй высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы для рабочих, которая работала в Болонье с ноября 1910 по март 1911 г. Заграничное Бюро ЦК на январском пленуме постановило денег на школу не выделять (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 250).

68.

Печатается по ФК (АГ. КГ-од-1–22–50), впервые.

¹ Малянтович Павел Николаевич (1870–1939), адвокат, выступал защитником на политических процессах, выполнял различные поручения Горького и М.Ф. Андреевой, в качестве поверенного участвовал в передаче части наследства Н.П. Шмита в кассу РСДРП.

² 22 июня (5 июля) 1906 г. М.Ф. Андреева писала П.Н. Малянтовичу из Адирондака (США):

«Многоуважаемый Павел Николаевич!

Покорнейше прошу Вас выдать полученные по страховому полису покойного Саввы Тимофеевича Морозова сто тысяч рублей Леониду Борисовичу Красину» (*Андреева*. С. 134). Тремя месяцами позже в письме к своей сестре, Е.Ф. Крит, М.Ф. Андреева уточнила распределение названной выше суммы: «...распорядиться деньгами следует так: 1) уплатить расходы Малянтовичу, полагаю, это будет не больше тысячи, 2) отдать Л.Б. <Красину> 60 тысяч целиком, 3) отдать долг К.П. <Пятницкому> — полагаю, что это будет тысяча 15, 4) все, что остается, — тебе на расходы!» (Там же. С. 140).

³ Тесленко Николай Васильевич (1870–1942), присяжный поверенный, криминалист.

⁴ Муромцев Сергей Андреевич (1850–5(18) октября 1910), юрист, председатель 1-й Государственной думы, в 1881–1884, 1889–1893, 1897–1908 г. был гласным Московской городской думы.

⁵ Возможно, помощник присяжного поверенного Андрей Федорович Линк, проживав-

ший в Москве в Большом Власьевском переулке (д. 7/9, кв. 10).

⁶ Скорее всего, имеется в виду младший брат фабриканта Н.П. Шмита — Алексей Павлович Шмит, которого заставили отказаться от причитавшейся ему части наследства, оставшегося после смерти старшего брата.

⁷ З.А. Пешков.

⁸ Имеется в виду берлинское «Издательство И.П. Ладыжникова».

⁹ В.Л. Шанцер.

69.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Горького В. Уоллингу от 27 января (9 февраля) 1910 г., где говорится: «Сегодня я написал Богданову...» (Горький. *Письма*. Т. 8. С. 21).

¹ Уильям Уоллинг (1877–1936) – американский журналист, социалист, познакомился с Горьким в Америке в 1906 г., был членом «Союза американских друзей русской свободы». В 1907 г. совершил поездку по России, после чего написал книгу «Послание России (Истинное значение русской революции)». Берлин, 1910.

² Горький сообщил Уоллингу 27 января (9 февраля) 1910 г.: «Сегодня я написал Богданову письмо с просьбой послать Вам все его книги и статьи. Я надеюсь, что в Нью-Йорке Вы найдете людей, которые смогут перевести для Вас потенциальные идеи его теории» (Там же. Т. 8. С. 21).

³ Григорий — бундовец А.М. Лухман, рабочий, слушатель Каприйской партийной школы.

⁴ Гусаков — рабочий с Урала, слушатель Каприйской школы. Речь идет о возвращении учеников в Россию.

⁵ Имеется в виду издательство И.П. Ладыжникова в Берлине, которое переживало период реорганизации: в июне 1911 г. фактическим руководителем фирмы «Bühnen- und Buch-Verlag» стал Б. Рубинштейн. В начале 1910 г. И. Ладыжников все чаще уезжал в Россию и в делах фирмы никакого участия не принимал. Речь идет о неразъясненных письмах Л. Толстого Горькому. Их переписка, начатая в 1889 г., до сих пор неизвестна в полном объеме (См.: Л.Н. Толстой и А.М. Горький // Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2. М., 1978. С. 374–383).

⁶ Большую часть денег на содержание Каприйской партийной школы предоставил Горький. На Капри он жил в кредит. 11(24) ноября 1909 г. М.Ф. Андреева писала Пятницкому, что ей с трудом удалось заплатить за фрукты, мясо и молоко, но осталось еще много неоплаченных долгов: «...положение становится совершенно безвыходным и со дня на день петля вокруг меня стягивается все теснее» (Горький. *Письма*. Т. 7. С. 460).

⁷ Аврамов (Авраамов, Абрамов) Р.П. (1882–1937) — деятель международного революционного движения, сотрудник «Искры», с 1906 г. был политическим обозревателем издательства И.П. Ладыжникова в Берлине. Там же проходил суд над немецким издателем Бруно Кассирером. С издателя следовало получить 1140 марок, но в 1913 г. была рассмотрена лишь часть тяжбы. См. ответ Горького Аврамову — Горький. *Письма*. Т. 8. С. 30.

⁸ И.П. Ладыжников в это время находился в России и вернулся в Берлин только в конце мая (начале июня) 1910 г. — см. письмо Горького Р.П. Аврамову от 24 мая (6 июня) 1910 г. — Там же. Т. 8. С. 79.

70.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-52), впервые.

Год установлен по содержанию письма.

¹ Ф.И. Калинин.

² И.П. Трайнин.

³ И.Г. Королев-Батышев.

⁴ Станислав Вольский (А.В. Соколов).

⁵ К.А. Алферов.

⁶ Горький в Париж не поехал.

⁷ Г.А. Алексинский.

⁸ Малиновская Елена Константиновна (1870–1942), участница революционного движения, большевичка, друг семьи Пешковых.

⁹ Vorstand — правление (нем.). Пойдя на временный союз с меньшевиками для того, чтобы победить Богданова (свести к минимуму его влияние в партии и во фракции большевиков), Ленин вынужден был находящиеся в его распоряжении большевистские деньги передать на хранение «правлению», членов его — К. Каутского, Ф. Меринга и К. Цеткин — также называли «держателями» (см. примеч. 1 к п. 1).

¹⁰ Резолюции, принятые на январском 1910 г. Пленуме ЦК РСДРП, опубликовал ЦО партии газета «Социал-демократ» (1910. № 11. 13(26) февраля).

¹¹ В.И. Ленин и Ю.О. Мартов по решению январского Пленума ЦК РСДРП вошли в редакцию газеты «Социал-демократ» (вместе с Г.Е. Зиновьевым, Ф.И. Даном и А.Г. Варским, которого в октябре 1910 г. сменил В.Л. Ледер).

¹² Речь идет о проходивших в Пруссии в январе–марте 1910 г. демонстрациях протеста против правительственной реформы избирательного права.

¹³ Эта фраза — реакция Богданова на визит в Россию царя Болгарии Фердинанда I. И.В. Бестужев пишет: «...Извольский <министр иностранных дел> решительно выступил против подготовленного военным министерством проекта конвенции с Болгарией, считая, что такого рода конвенция способна лишь подорвать сербо-болгарское соглашение и похоронить идею Балканского союза в самом начале. На особом совещании 4 февраля 1910 г., где рассматривался этот проект, Извольский предложил заменить конвенцию односторонней декларацией русского правительства, составленной в более общих выражениях и не затрагивающей интересы Сербии. Вопрос так и остался открытым, потому что прийти к единой точке зрения совещание не смогло. Узнав об этом, Фердинанд решил, видимо, лично вмешаться в переговоры, чтобы добиться желательного для себя решения, и объявил о своем намерении посетить Петербург <...> Визит Фердинанда в середине февраля 1910 г. вызвал новую волну газетной полемики относительно балканской политики России, полемики, позволяющей судить об остроте противоречий по этому вопросу в правящих кругах» (*Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961. С. 344–345*). «Акробатические упражнения» царского правительства, как известно, закончились тем, что Россия была втянута в Первую мировую войну.

¹⁴ Имеется в виду выпускаемый по решению январского 1910 г. Пленума ЦК РСДРП в качестве приложения к газете «Социал-демократ» «Дискуссионный листок». Всего увидело свет три номера: № 1 — 6(19) марта 1910 г., № 2 — 25 мая (7 июня) 1910 г., № 3 — 29 апреля (12 мая) 1911 г. Из состава редакции «Дискуссионного листка» вышел Г.А. Алексинский.

¹⁵ К.П. Пятницкий уехал с Капри только 27 июля (9 августа) 1913 г.

71.

Печатается по А (Фонд Бассо) полностью, впервые. Выдержки — Горький. *Письма*. Т. 8. С. 45.

Датируется по письму Богданова Горькому от 9(22) мая 1910 г., в котором цитируются строки из этого письма, и говорится, что оно написано в 20-х числах марта (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 169).

¹ Горький был в это время занят работой над повестями «Жизнь Матвея Кожемякина» и «Большая любовь» (см.: Горький. *Сочинения*. Т. 10. С. 701–750) и чтением многочисленных рукописей, присылаемых из России. Но истинной причиной перерыва в переписке с Богдановым, Алексинским и другими членами группы «Вперед» было

разочарование, вызванное крахом Каприйской партийной школы. После 26 февраля (11 марта) 1910 г. он признался А.В. Амфитеатрову: «Что я с беками развёдился — неправда, а что они с мекками соединились — правда. Где же теперь я? Не знаю, думать не хочу, в игры эти играть некогда мне, в соединения же — не верую» (Горький. *Письма*. Т. 8. С. 38). Поняв настроение Горького, усугубившееся еще и газетной шумихой вокруг «исключения» из партии, Богданов усмотрел в его письме «просьбу прекратить переписку на известные темы, а вернее — переписку вообще, потому что какая уж переписка с сокращением сюжетов, да еще столь неопределенно-широким» (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 169).

² А. Богданов и Г. Алексинский сообщали Горькому о решениях очередного Пленума ЦК РСДРП, в которых говорилось о роспуске БЦ и закрытии «Пролетария», о намерении Ленина объединиться с меньшевиками, а также о судьбе учеников Каприйской партийной школы и возможных арестах (см.: *Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 232–233).

72.

Печатается по А (Фонд Бассо), полностью впервые. Выдержки — Горький. *Письма*. Т. 8. С. 75.

Датируется как ответ на письмо Богданова от 9(22) мая 1910 г. и ответному письму Богданова от 23 мая (5 июня) 1910 г. (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 170–173).

¹ См. п. 71 и примеч. Не получив отзыва Горького на свой рассказ «Смерть» и решив, что писатель хочет прервать переписку, Богданов потребовал вернуть рукопись рассказа (Там же. С. 169).

² Богданов не согласился с оценкой кризиса Горьким и заметил: «Для меня было бы довольно печально убедиться, что я способен написать нечто противоположное нашим взглядам» (Там же. С. 172).

³ Речь идет о рассказе-утопии Богданова «Смерть». 22 апреля (9 мая) 1910 г. в Женевском клубе социал-демократов Богданов прочитал реферат «Смерть и пульс жизни», написанный на основе рассказа-утопии «Смерть». После доработки рассказ был опубликован в газете «Киевская мысль» (1910. № 170. 22 июня) под заглавием «Жизнь и смерть».

⁴ Имеется в виду поездка Горького в Аляссио к Е.П. Пешковой и сыну, которая состоялась 22 апреля (5 мая) 1910 г.

⁵ И.А. Бунин с женой были на Капри с 22 апреля (5 мая) по 8(21) мая 1910 г. (см.: *ЛН*. Т. 84. С. 33–39). С.С. Юшкевич приехал 7(20) мая 1910 г., о чем Горький сообщил Е.П. Пешковой 15(28) мая (Горький. *Письма*. Т. 8. С. 74).

⁶ В Неаполе Горький был с 7(20) по 14(27) мая 1910 г. (*АГ*. Д-Пят, 1910).

73.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова Горькому от 23 мая (5 июня) 1910 г. (*Неизвестный Богданов*. Кн. 1. С. 170–173).

¹ Речь идет о выборе места для второй «Высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы для рабочих» (см. п. 66 и примеч.). Горький в ней участия не принимал.

² Австрия стремилась воспользоваться ослаблением России после неудачной русско-японской войны и революционных потрясений, чтобы укрепить свои позиции на Балканском полуострове. В 1908 г. был выдвинут проект сооружения железной дороги через Новобазарский санджак к Салоникам. Дорога должна была обеспечить Австрии путь к Эгейскому морю. Выполнение этого проекта привело бы к германизации Македонии (*История дипломатии*. М., 1946. Т. 2. С. 187–188).

³ После смерти Н.Е. Вилонова в Давосе осталась его рукопись «Мышление как результат коллективной деятельности». Получив ее, М.М. Золина впоследствии передала работу мужа в *РГАСПИ* (см. п. 64 и примеч.)

⁴ См. п. 72 и примеч.

⁵ Эпикуреизм — направление в философии, названное по имени древнегреческого философа Эпикура (341–270 г.г. до н.э.), основанное на уничтожении страха перед смертью путем чувственных восприятий и наслаждения жизнью. Эта философия была популярна среди сотрудников журнала «Аполлон» (СПб., 1909–1917), в котором печатались писатели-модернисты (М.А. Кузмин, М.А. Арцыбашев и др.), к творчеству которых Горький относился отрицательно.

⁶ Давая обобщенные оценки современной российской прессы и литературы, в мае 1910 г., критики писали о развале эстетических критериев и отходе от демократизма к «культу индивидуального»: «В настоящее время наша литература представляет собою какую-то поmessь непродуманных до конца принципов натурализма и символизма...» (Русская литература конца XIX – начала XX в. 1908–1917. М.: Наука, 1972. С. 455).

74.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письму Богданова от 14 (27) июня 1910 г. (*Неизвестный Богданов*. Кн. 2. С. 194–195).

¹ Ежемесячный литературный и общественно-политический журнал «Русская мысль» с 1907 по 1917 гг. выходил под редакцией П.Б. Струве и объединял вокруг себя сторонников русского либерализма, среди которых были авторы сборника «Вехи» (С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков). Направление обновленного журнала Струве определил в программной статье «Из размышлений о русской революции». В ней говорилось, что идея классовой борьбы пагубна для России, т.к. она разъединяет нацию вместо того, чтобы ее сплачивать. Струве призывал к компромиссам с правительством «на пути мирной законодательной работы» (Русская мысль. 1907. № 1. Отд. П. С. 132). Журнал систематически вел полемику с большевиками и их лидерами. В цикле статей А.С. Изгоева (Ланде) утверждалось, что в литературе и даже публицистике не может быть места партийности (Там же. 1908. № 2. Отд. П. С. 174). Заявление было направлено против принципов, сформулированных в статье Ленина «Партийная организация и партийная литература». Статьи С.Н. Булгакова «На религиозно-общественные темы» (Там же. 1907. № 7) и Н.А. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность» положили начало широкому обсуждению новейших философских течений в России и за рубежом, в котором участвовали В.В. Розанов, Д.С. Мережковский и др. В «Русской мысли» велась постоянная полемика с деятелями демократического лагеря, в том числе с Горьким, которого упрекали в полном подчинении большевистской партии: в 1907 г. была опубликована статья Д. Философова «Конец Горького», в которой говорилось, что в возрождение писателя Горького «уже как-то не верится» (№ 4, отд. П. С. 122), а в статье Д. Мережковского «В обезьяньих лапах» утверждалось: «Некогда Горький казался великим художником — и перестал казаться» (Там же. 1908. № 1. отд. П. С. 75). Горький внимательно следил не только за статьями о нем, но и за дискуссией о прагматизме, в ходе которой сотрудники «Русской мысли» пытались по-новому обосновать понятия «истина», «материя», «гуманизм» и др.

² Речь идет о статье С.Л. Франка «Прагматизм как философское течение» (Там же. 1910. № 5. С. 90–120), в которой утверждалось, что прагматизм не столько новая теория, сколько «новое практическое учение, новая проповедь, направленная на пересмотр целей и ценностей человеческой жизни и культуры» (Там же. С. 90).

³ В журнале «Русская мысль» (1910. №5) напечатана стенограмма выступлений известных философов и критиков на обсуждении вышеупомянутой статьи С.Л. Франка в московском философском кружке. Свои мнения по поводу прагматизма высказали Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, С.А. Котляревский, Л.М. Лопатин, С.В. Лурье,

75.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-57), впервые.

¹ Ульянова Мария Ильинична (1878–1937), младшая сестра В.И. Ленина. Е.К. Машиновская была связана с ней по работе в Московском комитете РСДРП.

² В связи с данным письмом Горький 24 октября (6 ноября) 1910 г. написал Е.К. Машиновской:

«Мы с Вами — старые знакомцы, Е.К., я имею много оснований считать Вас добрым товарищем, и поэтому буду просить Вас: когда услышите про меня что-либо интересное для Вас, — спросите прежде всех лично меня: так ли это? Не стоит распространять обо мне слухи, не имеющие никакого отношения к серьезному и, вероятно, одинаково дорогому для нас делу.

И особенно не стоило сообщать об этом А.А. — он интересный писатель, ценный мыслитель, но — в личных отношениях человек неустойчивый, грубый и туповатый. Он слишком издерган нервно и развращен тем, что называют заграницею <дефект подлинника, часть текста утрачена. — *Ред.*> и что на самом деле является сплошной сплетней и дурацкой суетой, невероятно мешающей ходу и росту серьезного дела. Примите добрый совет: <дефект подлинника, часть текста утрачена. — *Ред.*> И не считите слова эти упреком, не обижайтесь за них на меня, они диктованы искренним желанием добра Вам. А относительно меня можете быть уверены, что я знаю цену хороших принципов и хороших людей и не склонен “играть в политику”, как это принято многими. Популярностью — сыт по горло, ни в лидеры партий, ни в Брианы — не устремляюсь, имею свои задачи, считаю их важными и, когда разные молодчики мешают мне своими пустяками делать мое любимое дело, я этих молодчиков посылаю ко всем чертям. Богданов послан мною туда же» (Горький. *Письма*. Т. 8. С. 156).

Еще за несколько месяцев до разрыва отношений с Богдановым, 30 января (12 февраля) 1910 г., Горький написал Е.П. Пешковой: «Слышал, что ты взяла к себе ребенка сумасшедшего Марата. Бедные твои нервы! Марата — жалко. Усердно сводят друг друга с ума мои почтенные товарищи, ожидаю, что все они скоро сбесятся.

Удивительно! Как только я примусь за какую-либо серьезную работу — судьба начинает метать в меня разными, солидного веса, тяжестями. Препешлая и презлая бабища, эта судьба, мачеха русского думающего человека!» (Там же. С. 23).

Продолжая размышлять о социал-демократии, о своем месте в ней, Горький написал А.В. Амфитеатрову в конце февраля (ст. ст.) 1910 г.:

«Что я с беками разъединился — неправда, а что они с меками соединились — правда. Где же теперь я? Не знаю, думать — не хочу, в игры эти играть некогда мне, в соединения же — не верую.

Ой, представьте Вы себе кучу предметов несокрушимо твердого строения и самых нелепых геометрических очертаний — как объединятся таковые? На чем, кроме кладбища?

Существует в природе брекчия, — но — ее объединяют цементы, тяготение к центру земли и — вероятно! — взаимное влечение друг ко другу. У людей партийных роль цемента могла бы играть демократическая идея, — не играет! — тянут они в метафизику, и взаимно друг от друга отталкиваются кулаками — как объединиться им? Социализм? Не досрели несколько» (Там же. С. 38).

76.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-57), впервые.

¹ См. п. 75.

Печатается по А (АГ. КГ-од-1-22-59), впервые.

¹ Станислав — Станислав Вольский (А.В. Соколов). Достоверных сведений о его брате разыскать не удалось. Возможно, это Соколов Константин Владимирович, военнослужащий, в 1917 г. полковник Сумского гусарского полка.

² Ф.И. Калинин.

³ Речь идет о партийной школе в Болонье, которая работала с ноября 1910 г. по март 1911 г.

⁴ Г.А. Алексинский в Болонье прочитал лекцию о существующих в России политических партиях.

⁵ Николай Николаевич — Станислав Вольский (А.В. Соколов).

⁶ Л.П. Лядова.

⁷ М.М. Литвинов.

⁸ Мгеладзе Влах Дариспанович (партийный псевдоним Триа; 1868-?), меньшевик, участник антифеодальной революции в Персии (см. примеч. 10 к п. 17), в 1910 г. побывал на Капри у Горького, в работе школы в Болонье участия не принимал, впоследствии член правительства Грузии.

⁹ Филия Мелитон Г<еоргиевич?> (партийный псевдоним Жорж; 1888-1931), большевик, примыкал к Женевскому партийному кружку «Вперед», участия в работе школы в Болонье не принимал.

Печатается по А (Фонд Бассо), впервые.

Датируется по письмам Богданова Горькому от 7(20) октября и 8(21) октября 1910 г., на которые является ответом.

¹ Восторженные отзывы о Богданове и его работах см. в письмах Горького конца 1907 — начала 1909 гг. К.П. Пятницкому, Е.П. Пешковой, И.П. Ладыхникову, А.В. Амфитеатрову и другим адресатам (см.: Горький. *Письма*. Т. 6-8).

² Женой Луначарского была сестра Богданова Анна Александровна, к которой Горький относился с уважением и теплотой, он был крестным отцом их сына Анатолия.

³ Возможно, имеется в виду инцидент с получением денег от Ф.И. Шаляпина (см. п. 42, 44 и примеч.). В мае 1908 г. А.А. Луначарская передала Горькому, что Л.Б. Красин поручил Луначарскому взять 10-12 тысяч у Шаляпина. Горький тут же послал Луначарскому телеграмму, прося не делать этого (*Архив Г.* 14. С. 40-41).

⁴ На этом переписка с Богдановым прекратилась.

«ВЕДЬ ВЫ ВЕРИТЕ МНЕ?»

ПИСЬМА К.Д. БАЛЬМОНТА ГОРЬКОМУ и Е.П. ПЕШКОВОЙ (1901—1906)

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Н.Н. Примочкиной*

Личные и творческие отношения двух ярких представителей литературы конца XIX – начала XX века — К.Д. Бальмонта и М. Горького — не раз уже привлекали внимание исследователей¹. Однако сохранившиеся в горьковском архиве неопубликованные письма Бальмонта Горькому могут внести новые штрихи в духовные портреты обоих писателей, существенно дополнить картину общественной и литературной жизни России в эпоху революции 1905–1907 годов.

Кажется, не было в искусстве Серебряного века более разных, даже противоположных фигур, чем Бальмонт и Горький. Но некоторые их современники уже тогда, в дореволюционную пору, увидели в их творческом и человеческом облике нечто родственное. Например, С.А. Венгеров назвал «общественника и марксиста» Горького и «индивидуалиста и символиста» Бальмонта «братьями по духу»². Их сближали ненависть к царизму как символу всяческого угнетения, демократические настроения, увлеченность революционным подъемом в России, стремление к свободе и независимости духа.

Горький и Бальмонт вошли в литературу почти одновременно, в начале 1890-х годов. Ранний Горький, нащупывая методом проб и ошибок новые пути в искусстве, испытывал постоянный, хотя порой и весьма критический интерес к самому «модному» литературному течению того времени — символизму, его наиболее талантливым представителям. 10 сентября 1896 года в газете «Нижегородский листок», в одном из фельетонов цикла «Беглые заметки» Горький печатает свой первый отзыв о поэзии Бальмонта. Горький сближал в нем мистическую поэзию З. Гиппиус с некоторыми стихами Бальмонта из цикла «За пределы» из сборника «В безбрежности» (1895) и не без иронии советовал им обоим вместе отправиться «За пределы предельного К безднам светлой безбрежности»³.

Через четыре года в том же «Нижегородском листке» (14 ноября 1900 года) появляется уже не «беглая», а полноценная, развернутая статья из цикла «Литературные заметки», посвященная Бальмонту и В. Брюсову. Горький протестовал в ней против грубого высмеивания символистской поэзии на страницах российской прессы, не желающей замечать «простых, красивых и сильных стихов», которые были напечатаны в новом сборнике Бальмонта «Горящие здания» (1900). В качестве примера он привел полностью три стихотворения поэта: «Альбатрос» — олицетворение сильного и гордого, «вечно свободного» духа, «редкое по музыке стиха», певучее «Воспоминание о вечере в Амстердаме» и проникнутое «бодрой радостью ясного творчества» стихотворение «Кузнец», в котором поэтический труд сближался с трудом куящего металл рабочего.

Эта щедрая похвала не помешала Горькому твердо отстаивать свои идейные позиции и резко протестовать против всякого принижения человеческой личности. Прочитав новую поэму Бальмонта «Художник-дьявол» (с подзаголовком «Книга “сатурналий”»), он с гневом писал в феврале 1901 года В. Брюсову: «Бальмонт! Вам нравится его демонизм в Книге Сатурналий? Мне — противно. Все это выдумал он, все это он напустил на себя. “Людишки — мошки”. Врет он. Людишки — несчастны не менее его, и — что, если они более его заслуживают внимания и уважения?»⁴

В это же время и Бальмонт, со своей стороны, с интересом и явной симпатией приглядывался к стремительно ворвавшемуся в большую литературу писателю-самоучке, печатавшему яркие цветистые рассказы о дерзких, сильных, свободолюбивых героях под странным псевдонимом Максим Горький. В 1900 году поэт опубликовал в журнале «Жизнь» три стихотворения («Ведьма», «Родник» и «Придорожные травы») с посвящением их Горькому. Молодой писатель был явно польщен таким вниманием. Он писал по этому поводу И. Бунину: «А что Вы скажете о стихах Бальмонта? Мне, грешному, “Ведьма” очень понравилась. Знай я, где он живет, поблагодарил бы поэта за внимание, ей-богу, очень для меня лестное. Ваш брат, поэт, — аристократ, и Ваша похвала всегда дороже всякой критики и всякой публики и т.д.»⁵ Бальмонт одним из первых начал писать о Горьком для иностранных читателей в обзорах русской литературы в английском журнале «The Athenaeum». Вслед за главенствующим в русской литературе Л. Толстым поэт выдвигал на первый план Горького и символистов⁶.

1901 год стал особой вехой в истории отношений обоих писателей. В это время их жизненные пути сначала шли как бы параллельно и очень близко друг к другу, а затем пересеклись. Начало сближению их судеб положило политическое событие: избиение казаками студентов во время демонстрации у Казанского собора в Петербурге 4 марта 1901 года. И Горький, и Бальмонт присутствовали на демонстрации и были

свидетелями побоища. Горький подписал протест Союза писателей против расправы над студентами. Бальмонт не успел этого сделать (о чем очень сожалел), зато по горячим следам написал антиправительственное стихотворение «Маленький султан» («То было в Турции, где совесть — вещь пустая...»), содержащее недвусмысленные намеки на происходящее в России, и прочитал его 14 марта на благотворительном вечере в Петербурге. Текст этого стихотворения разошелся в списках. Один из них был переправлен за границу В.И. Ленину, который намеревался опубликовать стихотворение в ближайшем номере газеты «Искра». За сочувствие студентам и революционную деятельность Горький был арестован в Нижнем Новгороде в ночь с 16 на 17 апреля. А через сутки, в ночь с 17 на 18 апреля был произведен обыск на квартире Бальмонта, после чего он по решению суда был на два года выслан из столичных и университетских городов.

Осенью 1901 года оба писателя оказались в ссылке в Крыму, где произошло их личное знакомство. Приехав в Крым, Горький 14 ноября поселился на даче А. Чехова в Аутке, поскольку жить в Ялте ему было запрещено. В тот же день он вместе с Чеховым и Бальмонтом посетил проживавшего в Гаспре Л. Толстого. Вскоре Горький писал своему приятелю В.А. Поссе: «Познакомился с Бальмонтом. Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник! Настраиваю его на демократический лад...»⁷

Бальмонт провел в Крыму три недели, после чего 24 ноября уехал жить к сестре, в имение Сабынино Курской губернии. Встреча с Горьким произвела на поэта сильное впечатление. Свои чувства, вызванные этим знакомством, поэт попытался выразить в письме Горькому от 21 декабря 1901 года, отправленном из Сабынина вместе с письмом Е.П. Пешковой. Это первое письмо Горькому написано без традиционного обращения к адресату. Его первые слова как будто продолжают тот неоконченный и очень сокровенный разговор, который вели писатели перед расставанием. При этом Бальмонт хотел раскрыть перед Горьким свой сложный внутренний мир, характеризующийся «раздвоенностью» сознания и мучительной борьбой темных и светлых начал в его душе. Во второй части этого письма Бальмонт преследует ту же цель — попытаться объяснить Горькому самого себя, раскрыть перед ним свою душу, особенности своей художественной позиции. Но теперь он делает это в иносказательной форме, пересказывая приснившуюся ему древнюю скандинавскую легенду о скальде Кольбруне и его верном рабе Верданде⁸. Таким образом поэт еще раз подчеркнул свою приверженность к одиночеству, к отрешенному созерцанию, пантеистическому слиянию с природой, свою поэтическую «избранность».

К письму Бальмонт приложил свои новые стихи: «Индийский тотем», «Оргия жизни» и стихотворное посвящение «Горькому».

Последнее весьма важно для характеристики восприятия Бальмонтом личности и творчества молодого Горького. Стихотворение построено по принципу контрастных сопоставлений. В первой его части сопоставляются непохожие, своеобразные художественные миры, в которых пребывают поэт и его адресат:

Сильный! Ты пришел со дна,
Ты пришел со дна глубокого, чудовищного, мутного.
Мир твой — пропасть, светлый мир мой — высота,
Тишь забвенья,
Прелесть тучек, измененность их движенья
Поминутного.

Мир твой — яростный протест,
Возмущенье,
Крик ума, неправосудьем долгим скованного.
Мир мой — сладкий сон невест,
Чары леса, тишь лесных безлюдных мест,
Сон колодца зачарованного.

В то же время в этом стихотворении Бальмонт попытался обнаружить и нечто общее между собой и Горьким, найти какие-то связующие их нити, показать точки соприкосновения. Этому поиску посвящена вторая часть стихотворения. Она свидетельствует о глубоком проникновении Бальмонта в духовный мир Горького, о том, что за внешней дерзкой силой и даже грубостью молодого писателя-самоучки поэт сумел разглядеть его душевную ранимость, утонченность чувств и внутренний аристократизм:

Горький! Ты пришел со дна,
Но душою возмущенной любишь нежное, утонченное.
В нашей жизни — скорбь одна: —
Мы возжаждали величья, видя бледное кругом,
Незаконченное.

Ты, томясь во мгле страстей,
В тайне сердца любишь грезы, сны лесные в их пленительности.
Я тоскую без людей,
И томлюсь душой моей
В этой мирной, в этой мерной упоительности⁹.

Свое отношение к Горькому в начальный период их знакомства Бальмонт выразил также в одном из писем А. Чехову. «Я думаю, например, — писал он 10 мая 1902 года, — что Горького именно за то

любят (и я его за то люблю), что законченная сильная личность, что он певчая птица, лесной зверь, а не чернильная душа; писатель, а не литератор»¹⁰.

Встреча с Горьким в Крыму сыграла большую роль в жизни Бальмонта. Именно в это время при поддержке Горького поэту удалось заключить очень выгодный контракт с петербургским книгоиздательством «Знание», который надолго определил его дальнейшую творческую судьбу. По этому договору прекрасный знаток английской поэзии Бальмонт начал готовить к выпуску в «Знании» трехтомное Собрание сочинений П.Б. Шелли (1903–1907). Поэзия Шелли в переводе Бальмонта ранее неоднократно издавалась в России. Для «Знания» поэт заново пересмотрел свои старые переводы и сделал новые дополнения. Сохранившиеся в архиве Горького письма Бальмонта финансовому директору-распорядителю книгоиздательства «Знание» К.П. Пятницкому за 1901–1906 годы показывают, как сильно увлечен был поэт новыми переводами лирики Шелли, сколь трепетно и ответственно подходил он к этой работе. Со своей стороны Пятницкий не жалел денег, чтобы создать подлинно творческие условия для Бальмонта. Не успел поэт приехать в Сабынино, как его уже ждал там крупный аванс. 30 ноября 1901 года Бальмонт писал Пятницкому:

«Дорогой Константин Петрович, я только что вернулся к тишине.

Нашел у себя почти все, что нужно для работы над Шелли. Остальное из необходимого получу на днях. Приступил уже к пересмотру готового материала. Через два-три дня всецело погружусь в область шеллиевской лирики.

О портретах и иллюстрациях пишу одновременно в Оксфорд и в Париж. Как только получу какие-нибудь сведения, немедленно извещу Вас.

За высылку денег благодарю.

Пока до свиданья — до нового письма <...>

Жму руку.

Ваш *К. Бальмонт*»¹¹.

В тот же день благодарный поэт пишет своему адресату еще раз, прилагая расписку (она сохранилась среди финансовых документов «Знания» в горьковском архиве) в получении 500 рублей — огромной по тем временам суммы:

«Дорогой Константин Петрович, сегодня уже писал Вам. Пишу вторично, чтобы приложить расписку <...> и чтобы еще раз поблагодарить Вас за скорую высылку денег, в чем вижу исключительную Вашу внимательность. Ценю Ваше отношение ко мне. Чувствую из-за внешнего невидимое.

Буду думать, что сумею сделать все, что задумано, и что мы достигнем с Шелли большего, чем можно было предполагать до сих пор.

Ваш *К. Бальмонт*»¹².

Благодаря щедрым гонорарам издательства «Знание» Бальмонт вскоре смог отправиться за границу. В Париже, Оксфорде, Остенде, затем опять в Париже поэт увлеченно работал над переводами и подготовкой к изданию произведений Шелли. Он регулярно переписывался в этот период жизни с К.П. Пятницким и время от времени посылал через него «искренний привет» Горькому. Но сам в переписку с писателем не вступал.

В начале 1903 года жена поэта сумела выхлопотать разрешение на возвращение мужа в Москву, и в январе Бальмонт вернулся на родину. Здесь он вскоре выпустил один из своих лучших сборников стихов «Будем как Солнце», в котором ярко зазвучали новые для поэта жизнеутверждающие мотивы радостного единения человека с землей и космосом, любви и огненной страсти, где была тонко разработана богатая музыкальная гамма оттенков жизни природы и душевного мира личности. Горький не мог не заметить этот поэтический сборник. Вероятно, уже само название книги, так же, как взятый Бальмонтом у Анаксагора эпиграф к ней («Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце»), были созвучны настроениям писателя. В 1901 году он начал работу над пьесой «На дне», которую первоначально символически назвал «Без солнца». В разгар революционных событий 1905 года арестованный Горький пишет в Петропавловской крепости пьесу «Дети солнца». Образы солнца, огня — одни из самых распространенных и наиболее значимых в мифопоэтической системе молодого Горького. Не мог его оставить равнодушным и тот факт, что одно из стихотворений новой книги — «В домах», имевшее социальную, антимещанскую направленность, было посвящено ему, Горькому. Действительно, писатель высоко оценил этот сборник и даже много лет спустя, несмотря на общее разочарование в творчестве Бальмонта, называл «Будем как Солнце» «прекрасной книгой»¹³.

Осенью 1904 года заядлый путешественник Бальмонт вновь собрался в длительную поездку за границу. 29 октября он писал в связи с этим Пятницкому: «Я просил бы Вас <...> послать мне ту сумму, которая мне еще причитается за Шелли. Решаюсь напоминать об этом ввиду того, что мое пребывание в России весьма проблематично. Я вскорости намерен надолго уехать»¹⁴. Не получив ответа, поэт повторил свою просьбу 2 декабря: «Вот уже два месяца, как с прискорбным недоумением я ежедневно напрасно жду от Вас ответа на свои письма. Будьте добры, покончите, пожалуйста, наш счет по Шелли. Более ждать я не могу, так как в половине декабря уезжаю не только из России, но и из пределов Европы...»¹⁵ 12 декабря Пятницкий ответил подробным письмом с расчетом за издание Шелли. Сверх уже выплаченных 6000 рублей по договору 14 декабря поэту было послано телеграфом 500 рублей доплаты «за отдельные издания», а 21 декабря — еще 500 рублей, «за лишние листы»¹⁶. Получив 1000 рублей из «Знания», 23 декабря

1904 года Бальмонт уехал в Мексику.

Горький с первых дней революции 1905 года принимал самое активное участие в ее трагических событиях. В «кровавое воскресенье» 9 января он вместе с группой большевиков участвовал в шествии рабочих к Зимнему дворцу и стал свидетелем их расстрела. В тот же день писатель обратился с воззванием ко всем гражданам России и Европы, в котором обвинил царское правительство в «предумышленном» убийстве множества русских людей. Через несколько дней он был арестован и заключен в одиночную камеру Петропавловской крепости, в которой провел месяц. Только протесты российской и мировой общественности принудили власть освободить Горького из тюрьмы.

Бальмонт о революционных событиях в России узнавал из мексиканской прессы. Эти сообщения сильно волновали его сердце, вызвали тревогу, сочувствие восставшим и в то же время пробуждали в нем гордость за свою страну, ставшую центром всеобщего интереса и внимания, за получивших мировое признание русских писателей — Л. Толстого и Горького. 8 апреля он писал об этом К.П. Пятницкому из Мехико: «Мексиканские газеты переполнены сообщениями из России и статьями о русских порядках, о русских нравах, о русских писателях. В главном книжном магазине целая витрина занята испанскими переводами сочинений Льва Толстого и Максима Горького. О них обоим мне случалось говорить с простыми рабочими, их ценят и знают, как две четкие яркие личности, как двух смелых русских людей и истых друзей простого рабочего люда. Отдельные рассказы Горького постоянно переводятся здесь в газетах, например, в “El Mundo”, где идет сейчас “Челкаш”, а перед этим печаталась “Мальва”. Мексиканская печать, так же как испанская и американская, была глубоко возмущена насилием над Горьким и другими писателями. Здесь все сочувствуют рабочему движению России...»¹⁷

Летом 1905 года Бальмонт вернулся из Америки. Осенью оба писателя приезжают в Москву и в дни всеобщей политической стачки оказываются в самой гуще революционных событий. К этому времени относится третье из публикуемых писем Бальмонта от 30 сентября 1905 года. Оно связано с замыслом поэта издать в «Знании» книгу своих переводов У. Уитмена, поскольку Бальмонт считал, что демократичная, жизнеутверждающая поэзия этого американца будет весьма полезна для читателей охваченной революционным вихрем России.

В это же время Бальмонт и Горький начинают сотрудничать в петербургской легальной большевистской газете «Новая жизнь», которую редактировал поэт Н. Минский, также увлекшийся революционными настроениями восставших рабочих. В октябрь–ноябре 1905 года Бальмонт написал ряд политических стихотворений («Поэт — рабочему», «Начистоту», «Земля и Воля», «Русскому

рабочему» и др.), которые были опубликованы в газете «Новая жизнь» и сатирическом журнале «Жупел». Стихотворение «Русскому рабочему» Горький полностью процитировал в письме Е.П. Пешковой от 24 октября 1905 года, в котором сообщал о нарастающей волне революционных событий в Москве, о яростном сопротивлении властей, жестоко избивающих демонстрантов, о величественных похоронах революционера Баумана. Приведя после этого стихотворение Бальмонта («Рабочему русскому слава! Во имя родного народа Он всем возвестил, что свобода — Людское, священное право!» и т.д.), писатель спрашивал: «Угадай, кто сей поэт?»¹⁸

Квартира Горького в Москве находилась на углу Моховой улицы и Воздвиженки, в дни Декабрьского вооруженного восстания она служила информационным штабом восставших и одновременно складом оружия. Бальмонт жил совсем недалеко, на Пречистенке, и особенно часто встречался в это время с Горьким. Вот как вспоминала об этом периоде жизни поэта его жена Е.А. Андреева-Бальмонт: «...осенью 1905 года он страстно увлекся революционным движением. Все дни проводил на улице, строил баррикады, произносил речи, влезая на тумбы. <...> Каждый день почти он заходил к А.М. Горькому, часто сопровождал его в походах по Москве. Был на Пресне, на Тверской, когда по этим улицам стали палить из пушек. <...> Его портреты вместе с портретами Горького, Андреева, Скитальца, Чирикова и других как подстрекателей бунта были развешаны на улицах, и черносотенцы-охотнорядцы призывали с ними разделаться»¹⁹.

Несмотря на тесное сближение с Горьким и его революционным окружением, Бальмонт был далеко не во всем согласен со своим новым коллегой. Характерна, например, его реакция на статью Горького «Заметки о мещанстве», в которой писатель выступил с резкой критикой Л. Толстого и Ф. Достоевского, называя их проповедь терпения и покорности, непотворения злу и нравственного совершенствования — мещанством. Появление этой статьи в газете «Новая жизнь» глубоко возмутило Бальмонта, расценившего ее в письме Л.Н. Вилькиной от 5 ноября 1905 года как «отвратительное и бездарное хулиганство»²⁰.

Вместе с тем трудно предположить, что поэт мог высказать свое неприятие подобных идей Горького прямо ему в глаза. В это время Бальмонт находился под сильным влиянием мощной личности Горького, добровольно поставил себя в психологически зависимое положение, признав в писателе «старшего брата», хотя по возрасту был старше его на год. Особенно ярко это проявилось в письме от 17 ноября 1905 года, в котором Бальмонт, боясь утратить доверие и дружбу своего адресата, пытался объяснить ему причины произошедшего с ним накануне «припадка безумия». (Выражение «припадок безумия» означало на языке поэта «скандал в пьяном виде».) Судя по дальнейшему развитию событий, Горький простил тогда Бальмонту его

выходку, хотя, обладая феноменальной памятью, видимо, не забыл о ней и через много лет (см. ниже характеристику Бальмонта в письме Горького Р. Роллану от 23 марта 1928 года).

Письмо Бальмонта, кроме того, ясно указывает на особый, романтический характер революционности поэта. (Сам он всегда считал себя «революционером духа».) Разумеется, его восторженное упоение революционным моментом было далеко от горьковского понимания исторической необходимости революции, от реального представления о расстановке общественных сил и борьбе классов. Политическая наивность Бальмонта сказалась и в его страстном желании сразу, в одно мгновение, привести весь мир и всех людей к счастью. «Если б можно было изменить людей кругом, быстро и заставить их всех идти к одной цели!» — восклицал поэт в конце этого послания Горькому.

В том же письме Бальмонт благодарил адресата за «строки, напечатанные в последнем номере “Новой жизни”». Поэт имел в виду выступление Горького в его защиту 16 ноября 1905 года в газете «Новая жизнь». В статье «По поводу» писатель ответил фельетонисту «Гейне из Тамбова» (П.И. Вейнбергу), который высмеивал Бальмонта в газете «Сын отечества» за его политические стихи. Обличая вместе с Вейнбергом всю буржуазно-либеральную прессу и, возможно, в пылу полемики преувеличивая силу и глубину революционности Бальмонта, Горький писал: «Невежественные, они не знают, что Бальмонт давно предал проклятию, облил ядом презрения их суетливую, бесцельную жизнь, полную трусости и лжи, прикрытую выцветшими словами, тоскливую жизнь полумертвых людей. Им невнятен чистый восторг поэта, наконец увидевшего смелую, бодрую армию строителей новой жизни, красивой и свободной. Они не могут вместить в свои души эту радость живого человека, который наконец почувствовал, что на земле есть люди, кроме мещан, отравивших всю жизнь своей пошлостью, почувствовал силу пролетариата и поклонился ему искренним поклоном поэта»²¹.

В те же дни Горький принял решение выпустить революционные стихотворения Бальмонта отдельной книжкой в «Дешевой библиотеке» «Знания», предназначенной для рабочей среды. Отобрав для издания 12 стихотворений, Горький сообщил о своем замысле автору. 2 декабря 1905 года Бальмонт ответил на это предложение согласием (см. письмо 5). Сборник под заглавием «Стихотворения» вышел в издательстве «Знание» в начале 1906 года огромным по тем временам тиражом, но вскоре подвергся гонениям властей и уничтожению. Один экземпляр книги сохранился в личной библиотеке Горького. На переплете наклеен машинописный текст об ее судебном преследовании и конфискации. 21 апреля 1907 года был уничтожен почти весь тираж — 21 тысяча экземпляров²².

31 декабря 1905 года Бальмонт, не дождавшись выхода выше-

упомянутого сборника, под угрозой ареста за свои антиправительственные выступления, нелегально покинул Россию. 8 февраля 1906 года он писал из Парижа К.П. Пятницкому: «Обстоятельства заставили меня на несколько месяцев уехать за границу, но сердце мое по-прежнему там, в России, где происходит великая драма рождения Нового и умиранья мучительного, отвратительного Старого. Мне очень жаль, что я не видел Вас и Алексея Максимовича перед отъездом. Где он теперь? Передайте ему, пожалуйста, <...> мои лучшие приветствия»²³.

Горький в это время находился также за пределами России. Он, как и Бальмонт, был вынужден эмигрировать, опасаясь репрессий за свое активное участие в революционных событиях. В январе 1906 года Горький и М.Ф. Андреева уехали в Финляндию, а затем через Стокгольм и Копенгаген в Берлин. Посетив Швейцарию и Францию, в марте они отправились в США, прожили там полгода, после чего в октябре 1906 года вернулись в Европу и поселились в Италии на острове Капри.

Таким образом оба писателя с 1906 года оказались за границей на положении политических эмигрантов. Здесь Бальмонт и Горький снова встретились, теперь уже заочно, на страницах антимонархического, «политического и литературного» журнала «Красное знамя», издававшегося на русском языке в Париже А.В. Амфитеатровым. Бальмонт активно сотрудничал в этом журнале, печатая в нем революционные стихи, проникнутые ненавистью к царскому режиму. В 1907 году эти стихотворения вышли в Париже отдельным изданием. Само заглавие сборника — «Песни мстителя», так же, как названия вошедших в него произведений («Наш царь», «Царь-ложь», «Зверь спущен», «Преступное слово», «Волчье время» и т.п.), красноречиво говорило об его антиправительственной направленности. Книга была запрещена к распространению в России, а ее автору в случае возвращения на родину грозил неминуемый арест.

Горький печатал в «Красном знамени» политические очерки, памфлеты и воззвания, насыщенные революционным пафосом и направленные на борьбу с царизмом: «Не давайте денег русскому правительству», «Дело Николая Шмита», «Русский царь», «Послание в пространство», «Солдаты» и др. Для Горького, как и для Бальмонта, «Красное знамя» было в это время одной из немногих трибун, с которой он мог говорить с русским читателем. Ведь в России эти его произведения были запрещены.

Справедливости ради следует отметить, что очерки и воззвания Горького в «Красном знамени», так же, как его прошлогодняя статья «Заметки о мещанстве», были встречены Бальмонтом достаточно критично. 13 августа 1906 года он писал А.В. Амфитеатрову из Бретани об авторах журнала: «Другие сотрудники, у compris notre grand

М. Gorky²⁴, очень плохи. <Неразб.> Алексея Максимовича прямо чудовищны. Я, впрочем, не читал еще “Солдат”»²⁵.

За границей Бальмонт оказался в весьма стесненном материальном положении. 18 марта 1906 года поэт снова обратился к Пятницкому, надеясь получить у него авансы за еще не изданные книги, а также деньги, которые издательство «Знание» задолжало ему за сборник «Стихотворения»:

«Многоуважаемый Константин Петрович,

я дважды писал Вам, но ответа не получил. Быть может, письма не дошли? Я посылал их впрочем заказными. Не откажитесь ответить мне на это письмо.

Я отдал Алексею Максимовичу, еще осенью, две рукописи “Цветы чужеземной Поэзии” и “Побеги Травы” Ульта Уитмана. Он говорил мне, что они переданы Вам и что они приняты для издания под фирмой “Знания”. Я должен знать, когда они будут напечатаны. Я хотел бы также, если возможно, получить сколько-нибудь денег за них вперед, ибо я не имею никакого заработка, и мне неоткуда взять денег. Я очень просил бы Вас не отнестись к моим словам с безучастием. Мне казалось, что моя любовь к литературе и к работе дает мне некоторые права на внимание.

Я не знаю также ничего о той маленькой книжке стихов, которая была взята у меня Алексеем Максимовичем для напечатания ее в несколько дней. Я не знаю также, когда выйдет фантастический третий том Шелли.

Уехав из России, я выброшен из всяких возможностей. Тягостно думать, что люди, с которыми думаешь и чувствуешь созвучно, относятся к тебе с полным равнодушием.

Жму Вашу руку.

Преданный Вам

К. Бальмонт»²⁶.

Уже в этом письме заметна обида Бальмонта на Пятницкого, оставившего без ответа его просьбы. Вероятно, поэт не знал, что положение некогда процветавшего издательства «Знание» в это время сильно пошатнулось. Ведь в начале 1900-х годов «Знание» выплачивало авторам очень высокие гонорары. Прежде всего именно это обстоятельство привлекло в него известнейших русских писателей. В нем охотно печатали свои произведения или переводы А. Чехов, И. Бунин, И. Шмелев, Л. Андреев, Д. Мережковский, Б. Зайцев и др. Причем многие из них (в том числе и Бальмонт), пользуясь доверием и добротой Горького и Пятницкого, брали большие авансы под еще не изданные книги и тем самым постепенно подрывали финансовую устойчивость издательства.

Денежные дела «Знания» значительно ухудшились также в связи с революцией и последовавшей за ней политической реакцией.

Пятницкий неоднократно жаловался в это время Горькому на свирепство цензуры. Например, он писал 26 января 1908 года из Петербурга: «Здесь прежде всего приходится считаться с цензурой. Никогда еще цензура в России не была так строга и так нелепа <...> Большая часть фирм, возникших в “дни свободы”, разорена и уничтожена <...> При таком положении дела я был лишен возможности пользоваться материалами, уже приобретенными»²⁷. К тому же многие уже изданные книги конфисковывались и уничтожались полицией. Как мы помним, среди них была и книжка Бальмонта «Стихотворения». Позже Пятницкий вспоминал об этом: «Началась реакция. На марксистские брошюры посыпались конфискации. В “Дешевой библиотеке” было конфисковано 16 книжек. Продажа других приостановилась. Рассылались специальные циркуляры с запрещением приобретать наши издания в библиотеки <...> Общая стоимость конфискованных брошюр по номиналу составляла 43 287 р. <...> Как только судебная палата выносила приговор: “Книгу уничтожить”, в наш склад являлись два полицейских инспектора со своими рабочими. Конфискованную книгу рвали на клочки. Бумагу увозили на фабрику для переработки. “Знанию” же предъявлялось требование оплатить рабочих, которые уничтожали наши издания. По каждой конфискации возбуждалось судебное преследование против издателя по статьям 129, 132 и др.»²⁸.

В результате подобной издательской «политики» царского правительства «Знание» оказалось на грани финансового краха, и многие бывшие друзья Горького — крупные русские писатели — покинули его, перейдя в организованный в 1906 году «Шиповник» и другие издательства. В письме Пятницкому от 31 декабря 1907 года Горький с грустной иронией признавал, что «Андреевы, Бунины и прочие осетры уплыли из вкусных вод “Знания”»²⁹.

Так и не дождавшись ответа от Пятницкого, Бальмонт обратился 29 ноября 1906 года к посредничеству Горького. Он повторил в этом последнем из публикуемых писем заданные Пятницкому вопросы о судьбе своих рукописей и о причитающихся ему гонорарах. Сквозь внешнюю вежливость обращения и насмешливо-ироничный тон в нем ясно читаются плохо скрытые раздражение и обида. К тому же поэт намекал в письме, повторяя газетные слухи, что Пятницкий, не выплачивая гонораров другим писателям, щедро спонсирует деньгами Горького.

Бальмонт был неправ, обвиняя бывшего товарища. Пятницкий задерживал выплаты гонораров не только Бальмонту и другим писателям, но и главе издательства и одному из основных его авторов — Горькому. 30 декабря 1907 года Горький писал об этом Е.П. Пешковой: «... что делается в “Знании” — не знаю, но, видимо, дорогие мои товарищи литераторы — все разбежались. Счастливой дороги, больших

успехов — желаю им. А также — заплатить долги “Знанию”, ибо они забрали по несколько тысяч вперед, и в силу этого я — сижу без денег. Факт. Я не брал ни копейки гонорара вот уже два года, <...> так как мой гонорар весь ушел на авансы писателям...»³⁰

Несмотря на оскорбительный тон последнего письма Бальмонта, Горький все же ответил ему (см. примеч. к письму 6) и попросил Пятницкого изыскать средства, чтобы полностью расплатиться с поэтом. В Архиве Горького среди других документов издательства «Знание» хранится письмо Пятницкого Бальмонту от 10 декабря 1906 года с полным расчетом за все его изданные в «Знании» стихи и переводы. В нем нет ни следа былой задушевности и особого внимания к поэту. Дотошность расчета — по буквам и до копеек, — кажется, была произведена с сознательным намерением поставить на место, даже унижить адресата:

«Многоуважаемый Константин Дмитриевич!

Вы писали о высылке Вам гонорара за книжку “Дешевой библиотеки”. За эти книжки т<оварищ>во платит с 1 издания по 100 р. с каждых 40 000 букв. В книге 13 стран. По типографскому счету на такой странице <...> 1728 букв. В 13 стран. — 22 464 буквы = 0,5 616 норм. листа. Приходится гонорару ... 56 р. 16 к. Кроме того, в XII сборнике я поместил 1 стихотворение Уитмана в Вашем переводе <...> В XIII сборнике помещено еще 2 стихотв. Уитмана <...>

Всего...176 р. 16 к. Прилагаю перевод на эту сумму.

Всего хорошего. Ваш *К. Пятницкий*»³¹.

Разумеется, после обмена такими письмами отношения между Горьким и Пятницким, с одной стороны, и Бальмонтом, с другой, были надолго испорчены.

В дальнейшем Горький продолжал с интересом следить за творческой эволюцией поэта. Он высоко оценивал его прежние находки в области стихотворной формы и поэтического языка, но отмечал и явные признаки упадка в поэзии бывшего товарища, перепевы одних и тех же мотивов и образов, повторение одних и тех же художественных приемов. Например, Горький писал в 1912 году сибирскому поэту Г.А. Вяткину, предостерегая его от слепого подражания символистам: «...но ведь что такое Бальмонт? Это колокольня высокая и узорчатая, а колокола-то на ней все маленькие... Не пора ли зазвонить в большие?»³² Еще более критично писатель высказался о Бальмонте-художнике в 1913 году в письме поэту Д.Н. Семеновскому: «...словоточив развратно <...> вообще — большой — конечно — поэт, но раб слов, опьяняющих его»³³. Любопытно отметить, что в данном случае Горький почти дословно повторил выражение А. Блока из его статьи 1909 года «Бальмонт», с болью писавшего о «словесном разврате» последних сборников поэта: «... просто это — словесный разврат, и ничего больше; какое-то отвратительное бесстыдство. И писал это не поэт

Бальмонт, а какой-то нахальный декадентский писарь»³⁴.

В 1913 году Бальмонт, а затем и Горький, в связи с царской амнистией смогли вернуться в Россию. Их отношения к тому времени сильно охладели, но еще не разладились окончательно. В 1915–1916 годах Горький привлек поэта к работе над переводами для сборника литовской литературы. В годы революции писатель также с сочувствием относился к Бальмонту, поддержав в 1920 году просьбу поэта об издании избранных стихотворений в издательстве З.И. Гржебина (издание не состоялось).

В том же 1920 году Бальмонт, получив официальное разрешение властей, уезжает во Францию и остается там навсегда. В 1921 году покидает Россию и Горький. Однако политические и общественные позиции двух писателей теперь совершенно различны, даже противоположны. Став эмигрантом, болезненно переживая разлуку с родиной и сочувствуя страданиям народа под большевистским игом, Бальмонт винил во всех бедах новую власть, коммунистов. Горький, хотя и разошелся на какое-то время с большевиками по вопросам их культурной политики и безжалостного отношения к интеллигенции, публично своих разногласий с советской властью старался не высказывать и всячески сторонился эмиграции.

В 1922 году писатель выступил с циклом публицистических статей «О русском крестьянстве», в которых обвинял русский народ в невежестве, косности и особой жестокости и возлагал прежде всего на него вину за ужасы, кровь и террор революции. Эти статьи глубоко возмутили русскую литературную эмиграцию, в том числе и Бальмонта. Поэт выступил на страницах парижской эмигрантской газеты «Последние новости» с сонетом «Открытое письмо Максиму Горькому», в котором клеймил последними словами своего бывшего соратника по борьбе с царизмом:

Ты бросил камень в лик Родимого Народа.

Предательски твоя преступная рука

Слагает свой же грех на плечи мужика.<...>

Ты переметный дух. Поступок твой — бесчестный.

И кто в тебе сильней: слепец иль просто лжец?³⁵

Горький в послереволюционные годы жизни за границей долго не вступал в открытую полемику с эмиграцией, не отвечал на многочисленные обвинения и хулу в свой адрес. Этому правилу он изменил только перед первым возвращением на родину весной 1928 года. К этому времени относится и новый, последний этап выяснения отношений между Бальмонтом и Горьким, результаты которого выплеснулись на страницы зарубежной, советской и эмигрантской печати.

Выступление Горького против поэта было вызвано полемикой, которая возникла в начале 1928 года между Р. Ролланом, с одной

стороны, Буниным и Бальмонтом — с другой. Последние в открытом письме, напечатанном 12 января 1928 года во французской газете «Avenir», призвали Роллана публично высказаться по поводу бесправного положения писателей в СССР. Роллан обратился за разъяснениями к Горькому. Ответ Горького Роллану от 29 января 1928 года был с его разрешения опубликован 15 марта во французском журнале «Eugore», а 23 марта перепечатан в СССР, в «Правде». Горький опроверг в нем утверждения Бунина и Бальмонта об угнетении литературы в советской России, о тяжелом положении писателей. Досталось в этом письме и лично Бальмонту, которого писатель уличал в неискренности, лживости, неустойчивости убеждений. «Для меня Бальмонт, — признавался в нем Горький, — человек слишком далекий от действительности для того, чтоб судить о ней более или менее правильно. К тому же он, очевидно, забыл, что им написан цикл стихов “Серп и молот”, и это стихи характера дифирамбов Советской власти. Получив разрешение на выезд за границу, он тотчас же объявил себя врагом “коммунизма”...»³⁶

Прочитав это письмо, Бальмонт 17 марта снова публично обратился к Роллану, упрекая того в незнании советской действительности, в высокомерном равнодушии Запада к судьбам лучших представителей русской культуры. Горького это выступление взбесило. 22 марта он написал Роллану очень резкое письмо о Бальмонте и предложил предать его огласке. Писатель иронизировал в нем над «“революционерами” типа Бальмонта». Повторив свои слова о неискренности и неустойчивости идейных взглядов поэта, Горький далее писал, вспоминая о его революционном прошлом: «Бальмонт, как я указал, тоже в свое время “поджигал бикфордов шнур”. Как многие из русских интеллигентов, он делал это из моды, из “снобизма”, из желания “стоять на виду”, наконец — от скуки <...> Мину — взорвало, а они уцелели и живут. Им ничего больше не остается, как забыть, чем они были в прошлом. Их ненависть к большевикам, это, в сущности, ненависть к народу, который, поняв их ничтожество, не мог удовлетворить их надежд. Их оружие борьбы против народа — клевета и ложь»³⁷.

Письмо Горького о Бальмонте показалось Роллану таким «убийственно резким», что он был вынужден в дипломатичной форме отказаться от его публикации. Более откровенно Роллан высказался по этому поводу в своем дневнике. Переписав в него это письмо, он следом заметил: «Я считаю полемику законченной и не испытываю никакой потребности ее продолжать. Но Горький прислал мне из Сорренто (22 марта) резкое письмо против Бальмонта, предложив его опубликовать. Я не расположен делать это, так как мое предназначение усмирять ненависть, а не нагнетать ее»³⁸.

Размышляя над причинами подобной резкости, даже жестокости Горького по отношению к бывшему товарищу, П.В. Куприяновский

высказал предположение, что «горьковское письмо-характеристика — это запоздалый ответ на сонет Бальмонта “Открытое письмо Максиму Горькому”»³⁹.

Еще более откровенно и неприязненно Горький высказался о поэте в письме Роллану от 23 марта, не предназначенном для публикации: «Я давно и хорошо знаю Бальмонта, это вообще и во всем — человек не умный и, как алкоголик, не совсем нормальный. Как поэт он автор одной, действительно прекрасной книги стихов “Будем, как солнце”. Все остальное у него — очень искусная и музыкальная игра словами, не более <...> Теперь он — человек опустошенный»⁴⁰.

К счастью, Бальмонт не мог прочитать эту уничтожающую оценку его личности. Для его возмущения было достаточно и того письма Горького Роллану, которое было опубликовано в марте во французской прессе. Свообразным откликом на него можно считать статью Бальмонта, написанную им в те же дни, 23 марта и приуроченную к 60-летию Горького. Она была напечатана 1 апреля 1928 года в рижской эмигрантской газете «Сегодня». Поэт прекрасно знал, что Горький всю жизнь боролся с мещанством как самым ненавистным явлением человеческой жизни, что для него не было более обидного оскорбления, чем слово «мещанин». Вероятно, помнил Бальмонт и о том, что когда-то Горький обвинил в мещанстве корифеев русской классической литературы — Л. Толстого и Ф. Достоевского. Потому-то и назвал свою юбилейную статью «Мещанин Пешков. По псевдониму: Горький».

Публикуемые письма Бальмонта Горькому относятся к периоду наибольшего сближения и плодотворного сотрудничества этих писателей. В них ярко отразились революционные настроения Бальмонта, его чувства товарищества и дружбы с Горьким, которые со временем переродились в обиду на невнимание и равнодушие со стороны адресата. Эти письма свидетельствуют также об увлеченной работе поэта в издательстве «Знание», в котором, кроме трех томов лирики П.Б. Шелли и сборника «Стихотворения», Бальмонт опубликовал в сборниках «Знание» переводы У. Уитмена и отредактировал перевод книги Р. Муттера «История живописи в XIX веке».

Публикуемые письма хранятся в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН. Первое письмо Бальмонта Горькому впервые напечатано: Горький. *Материалы*. Вып. 1. Четыре другие письма — в рамках данного проекта — опубликованы в журнале «Известия Академии наук. Серия литературы и языка» (2007. Т. 66. № 4. С. 6–8, 10–11), в ст. Н.Н. Примочкиной «М. Горький и К. Бальмонт: история литературных отношений». Письмо Бальмонта Е.П. Пешковой печатается впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сухарев Г. М.* Горький и Бальмонт: Из истории литературных связей // Ученые записки Ивановского пед. института. Т. 73. Иваново, 1970; *Крутикова Н.Е.* В начале века. Горький и символисты. Киев, 1978. С. 42–44, 271–278; *Нинев А.* Переписка <Брюсова> с К.Д. Бальмонтом // ЛН. Т. 98. Кн. 1. М., 1991. С. 66–67; *Куприяновский П.В.* К истории отношений Горького и Бальмонта // Русская литература. 1998. № 2.
- ² Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1914. С. 6.
- ³ *Г-30*. Т. 23. С. 182.
- ⁴ Горький. *Письма*. Т. 2. С. 109.
- ⁵ Там же. С. 43.
- ⁶ См.: *Ильев С.П.* К.Д. Бальмонт — обозреватель русской литературы конца XIX века // А. Блок и основные тенденции развития русской литературы начала XX века. Блоковский сборник VII. Тарту, 1988.
- ⁷ Горький. *Письма*. Т. 2. С. 208.
- ⁸ Горький. *Материалы*. Вып. 1. С. 192–193.
- ⁹ Там же. С. 194.
- ¹⁰ Цит. по: *Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 628.
- ¹¹ *АГ. П-ка-«Зн»*-4–10–1.
- ¹² *АГ. П-ка-«Зн»* 4–10–2.
- ¹³ *Архив Г.* 15. С. 157.
- ¹⁴ *АГ. П-ка-«Зн»*-4–10–60.
- ¹⁵ *АГ. П-ка-«Зн»*-4–10–61.
- ¹⁶ *АГ. «Зн»-док-18-1*. Л. 1–10, 15–20.
- ¹⁷ *АГ. П-ка-«Зн»*-4–10–63.
- ¹⁸ Горький. *Письма*. Т. 5. С. 98.
- ¹⁹ *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М., 1996. С. 359, 360.
- ²⁰ Литературный архив. Вып. 5. М.; Л., 1960. С. 143.
- ²¹ *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С. 52.
- ²² *ОЛБГ*. С. 170.
- ²³ *АГ. П-ка-«Зн»*-4–10–66.
- ²⁴ Включая нашего великого Горького (франц.).
- ²⁵ *Бальмонт К.Д.* Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М., 1992. С. 405.
- ²⁶ *АГ. П-ка-«Зн»*-4–10–67.
- ²⁷ Горький. *Письма*. Т. 6. С. 433, 434.
- ²⁸ Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. — ЛН. Т. 95. С. 83.
- ²⁹ Горький. *Письма*. Т. 6. С. 149.
- ³⁰ Там же. С. 146.
- ³¹ *АГ. П-ка-«Зн»*-37а-2. Л. 35–36.
- ³² Горький. *Письма*. Т. 10. С. 60.
- ³³ Там же. С. 329.
- ³⁴ *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 374.
- ³⁵ *Бальмонт К.Д.* Где мой дом. С. 27.
- ³⁶ *Архив Г.* 15. С. 149.
- ³⁷ Там же. С. 155.
- ³⁸ Там же. С. 421.
- ³⁹ Русская литература. 1998. № 2. С. 164.
- ⁴⁰ *Архив Г.* 15. С. 157.

1. К.Д. БАЛЬМОНТ – ГОРЬКОМУ

21 декабря 1901, Сабынино

21 дек. 1901. Сабынино

(Адр.: Г. Белгород, Курск. г., имение кн. Д.А. Волконского).

Последней моей фразой было: «Для меня эта встреча с Вами не только радость, но и хитрое приобретение». Фраза оборванная и с двумя словами, которые могут заставить усомниться о мне. Почему приобретение? Потому что до этой встречи я чего-то не знал, и это что-то большое, а глядя на Вас, слушая Вас, как слушают в лесу поющую птицу, в самом себе понял многое, что было под горами мусора, и, приобретя в Вас человека, расположенного ко мне, или хоть к стихам моим, приобрел себе и душу свою. Почему же хитрое? Потому что душа-то у меня до отчаянности наполнена всячиной, и если бы я открыл Вам некоторые ее стороны, быть может Вы прокляли бы меня и не захотели бы говорить со мной. А мне до смерти хотелось говорить с Вами. Конечно, если бы я был хитрей, я ни фразы бы этой не сказал тогда, ни, может быть, этих слов не говорил бы сейчас. Но в последнюю минуту, когда я понял, что вижу Вас в последний раз перед долгой разлукой, мне вдруг стало так, что я как будто обманно приобрел Ваше расположение. Вы понимаете меня? Я все время был с Вами искренним, но слишком часто неполным.

Как мне трудно освободиться сразу — и от ложного, и от темного, и от своей склонности к безумию, к чрезмерному безумию. Мы встретились с Вами в такой зловещий период моей жизни, когда я каждую минуту внутренне летел в пропасть. А теперь опять мысли неразрешимые, и путаница узлов, ни к чему завязанных, и нервы чужие и свои прогоняют меня сквозь строй. Если могу быть и некрасивым, не простительно ли это? Скажите.

Но что я все говорю о себе! Прочь!

Во время чумы, на одном ледяном скандинавском острове поднялся мятеж, и разъяренная толпа хотела убить даже своего любимца, знаменитого скальда Кольбруна. Он спел сумасшедшим песню, и они опять покорились ему. Но шайка предателей пробралась к нему ночью, разграбила часть его богатых клеток, схватила сонного Кольбруна и уже увела его за пределы усадьбы. У скальда был верный раб Верданд. Он тайком обошел путь грабителей, и, сделав так, что он походил на чумного, он предстал

перед ними, один бросился на них, и в ужасе они разбежались, оставив на свободе Кольбруна.

Это было раннею весной, когда начинают петь птицы.

Народ вернул Кольбруну свою любовь и все его богатства. И был он вознесен, как утес на шхерах.

Но когда он захотел достойно наградить своего верного раба Верданда, он нигде не мог найти его. День был праздничный, и Верданд с утра куда-то скрылся. Он ушел на глухой срыв, в дремучем лесу, в угол, который был известен лишь ему. Там он огляделся, сел на старый пень, вынул какую-то свиристелку и начал свистать. И вот вокруг него собрались птицы. И все звончей, все звончей они пели ему. С неба светило солнце. Шумели ручьи. Птицы пели, и, как бабочки, садились Верданду на плечи и на руки. Раб слышал их один. Больше никто.

Этот сон когда-то мне приснился. Это мой любимый сон.

Сердцем Ваш

К. Бальмонт.

2. К.Д. БАЛЬМОНТ – Е.П. ПЕШКОВОЙ

21 декабря 1901, Сабынино

(Г. Белгород, Курск. г., имение кн. Д.А. Волконского)

21 дек. 1901 Сабынино.

Многоуважаемая Катерина Павловна,

Не откажитесь передать письмо, вложенное в Ваше, Алексею Максимовичу. Я не знаю, как писать ему, то есть доходят ли до него письма, и потому прибегнул к этому маленькому ухищрению. Впрочем, он сам мне говорил, что лучше писать на Ваше имя¹.

Как-то Вы устроились в «Нюре»². У Вас верно солнце и зимняя весна. Здесь зимняя осень. Все превратилось в болото, и нельзя сделать двадцати шагов. И в общем весьма похоже на тюремное заключение.

Желаю Вам всего лучшего.

Искренно уважающий Вас

К. Бальмонт.

3. К.Д. БАЛЬМОНТ – ГОРЬКОМУ

30 сентября 1905, Москва

1905. 30 сент., Москва.

Пречистенка, Дурнов п., д. Шеппинга, 9

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю Вам оставшиеся у меня страницы из «Побегов Травы» и свою статью об Уитмане. В книгу, которую я хотел бы напечатать, войдут еще следующие вещи: Поэма Уитмана «Песня о плотничьем топоре» (таких же размеров, как «Я пою электрическое тело» и столь же определятельная, но в ином смысле), небольшая статья самого Уитмана о своем творчестве и мой очерк его жизни и взгляд на Американскую Демократию¹.

Я просил бы Вас, если возможно, дать отзыв мне поскорее. Хотелось бы думать, что отзыв будет не отрицательный. В той волне, которая растет в России, книга Уитмана, кажется мне, должна сыграть свою определенную роль и несомненно найдет значительный круг и внимательных друзей и ожесточенных врагов.

Буду с нетерпением ждать ответа.

Преданный Вам

К. Бальмонт.

P.S. Если соберетесь ко мне, буду рад показать Вам кое-какие мексиканские вещи. Часа в 3–4 я всегда дома, и вечером. Лекцию об Уитмане приготовлю в течение следующей недели.

4. К.Д. БАЛЬМОНТ – ГОРЬКОМУ

17 ноября 1905, Москва

Пречистенка, д. Шеппинга, кв. 9

17 ноября 1905. Москва.

Дорогой Алексей Максимович,

Я знаю, что Вы не любите возвращения в словах к тому, чего не должно было быть ни в словах, ни в факте. Но я так боюсь, что Вы можете что-нибудь неверно понять во мне, что мне необходимо сказать вот эти слова. В тот день, когда со мною у Вас случился припадок безумия, я весь день изнемогал от моего личного мучения, о котором мне некому сказать. Я не жалею и не буду жаловаться

на боль, которая связана с самым дорогим, личным. Но иногда подходит тяжкая минута, когда нестерпимо хочется броситься на шею к старшему брату и закричать: «Мне больно, мне больно». У меня нет такого старшего брата. А те, которые сколько-нибудь были близки мне, стали чужими, ибо чувствуют растущий водоворот не так, как я¹. Я полюбил Вас и Марию Федоровну² за эти недели так полно, что не могу Вас сравнивать ни с кем. Мне хотелось тогда что-то сказать Вам, но Вы были окружены кольцом чужих мне людей. Чем больше проходило минут, тем острее и безумнее росла во мне боль, и в какую-то секунду воля исчезла, и я сам уже сделался другим. Если бы во мне в эти бешено мчавшиеся минуты было сколько-нибудь воли, я бы не позволил своей личной боли грызть меня. Я не хочу, чтобы что-нибудь личное заслоняло во мне теперь того меня, который отдался всей душой другим и другому. Не осудите же меня, брат, за минуту, не достойную ни меня, ни нашей товарищески-прямой дружбы, в которой я почерпнул уже столько света. Я хочу всецело отдаться великому Мигу, который все грозней и ярче. Если чего-нибудь не сумею, Вы, как товарищ, укажете мне. Ведь Вы верите мне? Я в Вас верю бесконечно. И я умею очень колебаться и сомневаться, но, раз приняв решение, уже не изменю.

Ваш К. Бальмонт.

Благодарю Вас за строки, напечатанные в последнем номере «Новой Жизни»³. Думаю, что не нынче-завтра я напишу что-нибудь⁴. Если б можно было изменить людей кругом, быстро, и заставить их всех идти к одной цели!

5. К.Д. БАЛЬМОНТ – ГОРЬКОМУ

2 декабря 1905, Москва

Пречистенка, д. Шеппинга, кв. 9

2 декабря 1905. Москва.

Дорогой Алексей Максимович,

Я согласен с тем, что Вы пишете¹. Буду очень рад, если теперь же эти 12 стихотворений, в виде небольшой книжки, проникнут в рабочую среду. Остальные стихи, которые негодились, пожалуйста, верните мне.

С нетерпением буду ждать корректуры. Если первую корректуру продержит Конст<антин> Петр<ович>², мне довольно будет одной корректуры. Я знаю, что он очень внимателен. Если случится забастовка, или вообще если не представится случая доставить мне

корректуру вовремя, я попрошу Конст. Петр. не отказаться — дважды прокорректировать всю книжку, соблюдая мою орфографию. Но раз есть хоть малейшая возможность доставить мне одну корректуру, я очень об этом прошу.

Жму Вашу руку.
Искренно Ваш

К. Бальмонт.

6. К.Д. БАЛЬМОНТ – ГОРЬКОМУ

29 ноября 1906, Париж

1906. 29 ноября. Париж.
Passy, 17, rue Singer.

Дорогой и уважаемый
Алексей Максимович,

Разрешите мне, пожалуйста, мое недоумение. Вы приняли в прошлом году, для напечатания отдельной книжкой в издании «Знания», 12 моих стихотворений, и писали мне тогда из Петербурга, что я получу за эту книжку 100 рублей. Таковая книжка действительно напечатана несколько месяцев тому назад. В ответ на мою просьбу, обращенную к Пятницкому, послать мне 100 рублей и несколько экземпляров книжки, я получил великодушное число — 5 экземпляров, и не получил никаких денег. Я писал Пятницкому в последний раз 10 ноября нов<ого> ст<илия>¹.

Другой вопрос, более сложный. Два года уже как мною подписаны все листы 3-го тома Шелли, который облыжно был объявлен вышедшим, потом объявляется печатающимся². Что это значит? «Знание» не понимает простой вещи, что я отдал ему многолетний выношенный в душе труд, что я должен видеть эту книгу циркулирующей в России, а не лежащей в чистилище «Знания», что 3-й том Шелли должен был быть выпущен уже давным давно? Или «Знание» полагает, что, уплатив за этот том гонорар, оно вправе производить надо мной такое насилие? Но я ведь не партию сапог продал в безвозвратную собственность, и, если «Знание» будет продолжать быть по отношению меня столь бюрократичным, мне ничего не останется как выпустить этот том в другой фирме, считая его в «Знании» умершим?

Третий вопрос. Более года тому назад Вы, как, конечно Вы, Алексей Максимович, помните, взяли у меня для просмотра «Цветы

Чужеземной Поэзии»³ и «Побеги Травы» Уольта Уитмана⁴. Вы ото-слали их Пятницкому. Потом, когда я долго не имел никакого точного ответа, и сказал Вам, что я думаю предложить эти рукописи Венгеру⁵, Вы сказали: «Нет, зачем же, вопрос можно считать решенным, книги будут изданы “Знанием”». С тех пор я писал Пятницкому на дом и в контору простые письма, и открытые письма, и заказные письма, о, свыше десяти⁶, но я не получил ни одного письма в ответ. Это я называю укрывательством, и называть иначе нельзя. Ибо без всяких писем с моей стороны Пятницкий, в силу простой деловой порядочности, должен был давным давно подать свой голос. Теперь я спрашиваю: будут эти книги напечатаны или нет? Или «Знание» сочтет морально допустимым, продержав эти рукописи год, вернуть их мне — совсем так, как это делают порою купцы и фабриканты⁷? Это было бы совсем красиво, в особенности теперь, когда в Москве шарлатан Чуковский, из компании мнимых эстетов, собирается издать свой безграмотный перевод каких-то стихов Уитмана⁸.

Алексей Максимович, Вы человек прямой и любите говорить резкую правду. Быть может, Вы захотите допустить то же самое и в другом? Тогда скажите мне, пожалуйста, что все это значит, как это назвать и как мне из данного положения выйти? Скажите также: Пятницкий позволяет себе так вести себя по отношению Вас? И Вы получаете что-нибудь за свои литературные работы, или, путешествуя по Земному Шару, Вы имеете от Фей бесплатные билеты для пароходов, железных дорог, гостиниц и театров⁹? В случае утвердительного ответа на последний вопрос, я молил бы указать адрес Фейного Замка, ибо, хоть я и написал «Фейные Сказки»¹⁰, в дальнейшем, касающемся Фей и Людей, я довольно беспомощен.

Буду ждать ответа. Прошу передать мой привет Марии Федоровне. Жму Вашу руку.

Искренно Ваш

К. Бальмонт.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *АМ*, подпись — автограф (*АГ*. КГ-п-7-5-1).

К письму приложены три напечатанные на машинке стихотворения (подр. см. вступ. статью).

Послано вместе с п. 2.

2.

Печатается по *АМ*, подпись — автограф (*АГ*. КГ-рзн-1-91-1).

¹ Бальмонту приходилось проявлять осторожность в переписке с Горьким, так как в это время они оба находились под надзором полиции.

² 19 ноября 1901 г. Горький перебрался с дачи А. Чехова в Олеиз и прописался там на даче Токмаковых «Нюра».

3.

Печатается по *А* (*АГ*. КГ-п-7-5-3).

¹ Задуманная книга в издательстве «Знание» не выходила. Статью «Певец личности и жизни» (с подзаголовком «Уолт Уитман») поэт напечатал в составе сборника «Белые зарницы» (СПб., 1908). Сборник У. Уитмена «Побеги травы. Стихотворения» в переводе и с предисловием Бальмонта вышел в 1911 г. в московском издательстве «Скорпион».

4.

Печатается по *АМ*, подпись — автограф (*АГ*. КГ-п-7-5-6).

¹ Поэт имеет в виду некоторых из своих близких друзей (прежде всего В. Брюсова), не принявших Первую русскую революцию и осуждавших поведение охваченного революционными настроениями Бальмонта.

² Мария Федоровна Андреева (1869–1953), актриса, участница революционного движения; гражданская жена Горького.

³ Речь идет о статье Горького «По поводу» в газете «Новая жизнь» (1905. 16 ноября). Подр. см. вступ. статью.

⁴ Вероятно, имеется в виду одно из революционных стихотворений Бальмонта, которые печатались в газете «Новая жизнь».

5.

Печатается по *АМ*, подпись — автограф (*АГ*. КГ-п-7-5-4).

¹ Письмо Горького разыскать не удалось.

² Константин Петрович Пятницкий (1864–1938), директор-распорядитель книгоиздательства «Знание».

6.

Печатается по *АМ*. Адрес на французском языке и подпись — автограф (*АГ*. КГ-п-7-5-5).

На письме приписка Горького: «Отвечено: на днях будет К<онстантин> П<етрович> П<ятницкий>, я передам ему письмо, и Вы вскоре получите все ответы. *А. П.*».

¹ Письмо разыскать не удалось.

² Третий том Полного собрания сочинений П.Б. Шелли в переводе Бальмонта вышел в издательстве «Знание» в 1907 году.

³ Сборник стихов иностранных авторов в переводе Бальмонта был издан в 1908 году в Петербурге, в издательстве «Просвещение», под заглавием «Из чужеземных поэтов».

⁴ См. п. 3 и примеч.

⁵ Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920), историк русской литературы и общественной мысли, библиограф. С 1901 года был редактором «Библиотеки великих писателей» издательства «Брокгауз и Ефрон», выпускавшей сочинения мировой классики, а также редактором книг издательства «Светоч».

⁶ Кроме упомянутых во вступительной статье писем от 8 февраля и 18 марта 1906 года, других писем Бальмонта Пятницкому этого времени обнаружить не удалось.

⁷ Дело с возвращением не изданных «Знанием» рукописей Бальмонта затянулось более чем на год. После очередной (видимо, несохранившейся) просьбы поэта решить вопрос с его рукописями Горький писал 23 июля 1907 года заведующему конторой «Знания» С.П. Боголюбову: «На Знаменской, в моей комнате, на столе или в столе, лежит рукопись Бальмонта “Цветы всемирной поэзии” — пожалуйста, пошлите эту рукопись автору, но посылайте с обратной распиской, Бальмонт измучил меня требованиями этой рукописи. Вам встретится рядом с нею другая, его же перевод Уота Уитмана, эту возьмите в контору, ее К<онстантин> П<етрович> решил издать» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 68). Исполняя просьбу Горького, Боголюбов обнаружил только часть рукописей Бальмонта и задержал их отправку, о чем сообщил 29 июля 1907 года Пятницкому (АГ. П-ка-«Зн»-7-1-49). Пытаясь добиться возврата рукописей, Бальмонт обратился к посредничеству издателя З.И. Гржебина. 14 января 1908 года, вернувшись из Италии в Россию, Пятницкий отвечал на запрос Гржебина: «Только теперь, с разрешения А<лексея> М<аксимовича>, я пересмотрел свертки и нашел рукописи Бальмонта <...> Рукописи переданы в контору “Знания”. Ваш посыльный может получить их под расписку...» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 354).

⁸ Выпад Бальмонта против К.И. Чуковского, вероятно, был вызван появлением в журнале «Весь» (1906. № 10) статьи последнего «Русская Whitmaniana», в которой, среди других русских переводов поэзии У. Уитмена, были высмеяны и переводы Бальмонта.

Вскоре Чуковский действительно выпустил книгу своих переводов американского поэта. См.: *Чуковский К.И. Поэт-анархист Уот Уитман*. СПб., 1907.

⁹ Упреки Бальмонта могли быть вызваны газетными публикациями ложных слухов о том, что Горький, будто бы, живет на деньги «Знания» в ущерб другим авторам и работникам издательства. Например, 31 декабря 1907 г. Горький сообщал Пятницкому, что получил вырезку из газеты с подобной публикацией, и в связи с этим иронически замечал: «Меня злит немного то обстоятельство, что, несмотря на “сотни тысяч”, которые зарабатывают для меня некие труженики, я принужден жить в долг и отказывать в помощи людям, вполне достойным ее» (Горький. *Письма*. Т. 6. С. 149).

¹⁰ *Бальмонт К.Д. Фейные сказки: Детские песенки*. М.: Гриф, 1905.

«МОЙ ДОЛГИЙ И МУЧИТЕЛЬНЫЙ РОМАН»

ПИСЬМА М.Ф. АНДРЕЕВОЙ ГОРЬКОМУ

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
М.А. Семашкиной*

Любовь М.Ф. Андреевой к А.М. Пешкову была яркой, всепоглощающей и предельно трагичной. Ради любимого она вынесла немало испытаний, подвергаясь всеобщему осуждению за попрание чистоты законного брака. Более того, ей пришлось пройти сквозь строй пуритански-озабоченных «свободомыслящих» американцев. Свидетелем этого унижения был Г. Уэллс, помогавший организовать встречу Горького в Нью-Йорке:

«Приехал Горький, восторг был огромен. В его честь мы давали обеды, завтраки, с ним фотографировались со вспышкой. Я с радостью разделял эту честь, потому что Горький — не только великий мастер искусства, которым занимаюсь и я сам, но и великолепная личность». Беспомощный в практических делах, как все гении, «он не мог приехать без своей правой руки, мужественной и благородной женщины г-жи Андреевой <...> я полагаю, они почти забыли о формальной незаконности своей связи», пока на них с помощью желтой прессы «не обрушилась чудовищная разоблачительная буря <...> Только что Горький стоял в лучах ослепительного солнца, посланник угнетенных в стране свободы — и вот уже его почти буквально забрасывают камнями на улице». Внебрачная связь Горького с «этой мадам Андреевой» возмутила американское общество. Страсть к моральной чистоте брака вспыхнула в Нью-Йорке с необыкновенной силой. Журналисты «взывали к чиновникам по делам иммиграции, предлагая удалить ее из страны как “женщину дурного поведения” <...> Всякий, кто осмеливался выступить в защиту жертв, подвергался нападкам <...> Оскорбления преследовали Горького и Андрееву в каждой гостинице. И гостиница за гостиницей отказывала им. И, наконец, они оказались ночью на улицах Нью-Йорка, и все двери были для них закрыты. Такого чудовищного отношения, наверное, не вызывали и люди, зараженные

чумой, в охваченном паникой городе».

«Я провел последний вечер на американской земле в гостеприимном доме на Стэйтн Айленд, который приютил Горького и г-жу Андрееву. После обеда, когда сгушались сумерки, мы сидели на просторной веранде <...> Массивная фигура Горького утопала в тени, у его ног сидела г-жа Андреева и методично, предложение за предложением переводила его речь на чистый французский, а то, что говорили мы, на русский. Горький говорил о душе русского народа, о русских религиозных сектах, доброте и жестокости, о своем великом отчаянии»¹.

Американские газеты требовали от Горького объяснения по поводу скандального инцидента. Горький ответил письмом «В редакции нью-йоркских газет»: «Моя жена — это моя жена, жена М. Горького. И она и я — мы оба считаем ниже своего достоинства вступать в какие-либо объяснения по этому поводу». Письмо было опубликовано с припиской Марии Федоровны: «Лучшие люди всего мира будут с нами»².

В Архиве писателя хранится неотосланное письмо Горького в газеты, где приоткрывается история его семейной жизни:

«Открытое письмо в американские газеты.

Объяснение мое будет кратко: я женился церковным браком в 1896 г. и через семь лет по взаимному согласию с женой мы разошлись. Церковный развод обставлен в России столь унижительными и позорными формальностями, что мы его не требовали и нужды в нем по условиям русской жизни не имели. С первой женой мы сохраняем добрые отношения, она живет на мои средства, и мы встречаемся как друзья. Со второй женой живу гражданским браком, принятым в России как обычай, хотя и не утвержденным как закон. Однако Сенат, высшая судебная инстанция, в своих решениях признает уже за гражданской женой наследственные права...»³ Более подробно инцидент с травлей молодых супругов освещен в письмах Горького к Е.П. Пешковой, К.П. Пятницкому, Л.Б. Красину, И.П. Ладыжникову и др.⁴ В 1951 году, вспоминая о мучительной любви всей своей долгой жизни, Мария Федоровна знала, что многие досужие толкователи создадут о ней легенды.

«Трудно думать, — писала она, — чтобы после моей смерти, а может быть, даже и раньше, об отношении А. М-ча ко мне и о жизни его рядом со мной люди не толковали и не разбирались в них, как это вообще бывает, вкривь и вкось. Вот причина, побуждающая меня самой написать о том, что может быть надо знать, как мне кажется»⁵.

М.Ф. Андреева была настолько яркой личностью, что суждения о ней расходились полярно: «Я ни разу не слышала о Марии Федоровне отзыва безразличного, тепловатого, равнодушного. Нет, все мнения о ней были контрастными: ее порицали или восхваляли, любили или ненавидели», — вспоминала о ней Н.А. Луначарская-Розенель⁶.

Горький и М.Ф. Андреева встретились впервые в Севастополе в 1900 г.,

когда Художественный театр приехал к Чехову, чтобы показать ему «Чайку». Именно он привел Горького в уборную Марии Федоровны:

«Чорт знает! Чорт знает, как Вы великолепно играете», — басит Алексей Максимович и трясет меня что есть силы за руку — он всегда басил, когда конфузился.

А я смотрела на него с глубоким волнением, ужасно обрадованная, что ему понравилось, и странно мне, что он чертыхается, странен его костюм, высокие сапоги, разлетайка, длинные прямые волосы, странно, что у него грубые черты лица, рыжеватые усы, не таким я себе его представляла. И вдруг из-за длинных густых ресниц глянули чудесные голубые глаза, милые губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне, его лицо красивее красивого, радостно ёкнуло сердце — нет он именно такой, как надо чтобы он был — слава Богу⁷.

1902 год — год становления Горького-драматурга. Его крепнувшая связь с Художественным театром послужила началу увлечения писателя ведущей актрисой театра М.Ф. Желябужской (сценич. имя — Андреева). Их связывала общность политических взглядов и убеждений, широта интересов к жизни общества, тесный круг людей искусства и литературы.

«Наша дружба с ним все больше крепла <...> Мало-помалу я входила во все его начинания, знала многих, стоящих к нему более или менее близко. Он присылал ко мне людей из Нижнего, с просьбой устроить их, сделать то или другое. Бывая у меня и встречая много народу, он часто говорил: “место свято пусто не бывает”.

Я страшно гордилась его дружбой, старалась быть достойной ее, восхищалась им бесконечно⁸.

Стремительный и страстный в чувствах дружки и любви Горький — восторженный поклонник таланта и красоты — окружает Марию Федоровну неизменным вниманием: дарит ей редкие и дорогие книги изд-ва «Знание», конфеты, цветы. В начале февраля 1903 г. он заказывает художнику Н.В. Орлову портрет Марии Федоровны с целью «благотворительности»: «...барыня она хорошая, и я с огромным удовольствием повесил бы ее портрет у себя. Очень славная бабочка»⁹. Портрет был написан, но местонахождение его неизвестно.

О том, что бескорыстная дружба может превратиться в любовь неизбежную, всепоглощающую, Мария Федоровна поняла на ужине в Эрмитаже после триумфальной премьеры «На дне» 18 декабря 1902 г. Она вспоминала:

«Мне пришлось за ужином сидеть рядом с Саввой Тимофеевичем Морозовым, которого многие называли моим любовником, содержателем даже. На самом деле он никогда любовником моим не был и не собирался быть, любили мы друг друга крепкой, хорошей любовью долголетних друзей, и я горжусь таким отношением одного из благороднейших людей, встретившихся мне в жизни, считаю

незаслуженным с моей стороны счастьем <...>

Не стала бы касаться моих личных отношений с Саввой Тимофеевичем, если бы он не вошел неисключимым звеном в нашу последующую общую с Алексеем Максимовичем жизнь.

За этим ужином Савва Тимофеевич открыл мне глаза на самое себя, сказав потихоньку: «Милый друг, берегитесь, вы начинаете любить его, а с вашим характером вы можете так ахнуть, что все к чорту полетит, и генерал, и семья, и даже театр, что будет хуже всего»¹⁰.

С начала 1903 г. Горький стал частым гостем в доме Марии Федоровны, она устраивала вечера-приемы, на которые собирались студенты, актеры, художники; с появлением А.М. — дом стал притягательным центром для передовых писателей. В тесном кружке друзей, собиравшихся у Марии Федоровны, произошло и сближение Горького с Саввой Тимофеевичем, перешедшее в большую дружбу этих столь различных, во многом резко расходившихся людей¹¹. Горький знал о страстной любви Саввы Морозова к Марии Федоровне, видел ее дружеские отношения к нему. Бывавший в семье Морозова он сочувствовал хозяину, и не любил Зинаиду Григорьевну, хозяйку дома, за ее заносчивость, расчетливость, стремление стать «светской дамой», войти в «высшее общество». И она отомстила А.М. за это: после смерти мужа предъявила Горькому иск на 10 000 рублей, которые якобы уплатил Савва Морозов в качестве залога при выходе А.М. из Петропавловской крепости, тогда как эту сумму внес К.П. Пятницкий¹².

Злую выходку Зинаиды Григорьевны можно объяснить по-женски предельно просто: завистью к М.Ф., ревностью и безответной любовью к Горькому. В октябре 1904 г. он писал Е.П. Пешковой: «Зинаиде Мор<озовой> говорить о деньгах ничего не буду, я ее не вижу и не хочу видеть, ибо она в меня влюбилась, дура, а это очень противно»¹³. Позже, в своем дневнике З.Г. Морозова-Резвая записала: «Максима Горького люблю и уважаю, а с Алексеем Максимовичем Пешковым не дружу»¹⁴.

Лето 1903 г. Мария Федоровна и Алексей Максимович провели порознь: она с детьми за границей, он — с друзьями на Кавказе. Екатерина Павловна была с детьми в Ялте. Из воспоминаний Марии Федоровны:

«Встретились мы в Москве осенью, должно быть, в сентябре. Он остригся, что очень шло к нему, хотя придавало ему какой-то солдатский вид, загорел, поздоровел...

И вот тут я впервые почувствовала, что его влечет ко мне. Сперва я даже испугалась, хотя мне казалось невероятным, чтобы Горький — мог заниматься такими пустяками, как любовь, испугалась не совсем сознательно, как я теперь понимаю, но он сразу почувствовал это и тоже насторожился»¹⁵. Неожиданная, всепоглощающая любовь к обаятельной красавице из высшего общества, умнице, ведущей актрисе театра

поставила его в ложное положение: «жить с раздвоением в душе» он не может и платит за «недостойную жизнь» своим здоровьем.

Любви Горького к другой женщине способствовала и та трещинка, которая возникла еще у молодоженов Пешковых, особенно после рождения сына Максима, что нашло отражение в переписке Екатерины Павловны с сестрой Шурой. Казалось бы — счастливая семья, прожившая вместе 7 лет! Однако супруги замечали, что трещинка с каждым годом расширяется, этому не помогло и рождение дочери Кати. Разность их духовных интересов тоже сыграла здесь не последнюю роль: занимаясь благотворительностью, Екатерина Павловна сблизилась с молодыми нижегородцами эсерами (Фейт, Николаев и др.) и вошла в их партию. Внесла свою лепту в семейный раздор и ее подруга Е.Д. Кускова.

Испытывая угрызения совести, чувствуя себя полностью во власти большой любви, Горький пишет 29 сентября 1903 г. Екатерине Павловне: «Позаботься, пожалуйста, о себе. Было бы крайне интересно и желательно видеть тебя здоровой и спокойной, хотя мало верится в возможность быть спокойным человеку, который имеет дело с таким чудовищем, как я. Но все же ты постарайся. Обращай больше внимания на себя и совсем не обращай на меня»¹⁶.

2 октября он вновь пишет жене:

«В Ялту — не поеду. Это мне совершенно ни к чему <...> Нежность — сохрани, если хватит уменя, — до встречи. Странная вещь эта нежность! Когда она есть у меня — ее нет у тебя и наоборот <...> Нет, не зови меня в Ялту»¹⁷. А в конце ноября 1903 г. он был извещен анонимным письмом «доброй души», видевшей Екатерину Павловну в театре на представлении «Юлия Цезаря», и пренебрежительно упрекал его в страданиях измученной жены: бледное лицо, растерянный взгляд глаз... Горький отреагировал письмом жене: «Напрасно ты даешь возможность брехунам создавать легенды около твоего и моего имени <...> Если обстоятельства слагаются так, что мы должны немного помучить друг друга, — все-таки лучше проделать это без участия посторонних»¹⁸.

На Пешковых обрушились анонимные письма доброжелателей, сочувственные отклики знакомых и друзей, даже К.П. Пятницкий, встретивший Екатерину Павловну на спектакле Художественного театра «Юлий Цезарь», написал ей: «Мне больно видеть Вас печальной...»¹⁹

Лучшая подруга Екатерины Павловны Е.К. Малиновская потребовала от Горького объяснений. В конце ноября 1903 г. он отвечает: «...что касается до моих отношений к Е.П. — этого словами не поправишь, а только запутаешь еще хуже.

Отвечать на ее отношения ко мне — ненормальные теперь, т.е. новые для нее и для меня — мне нечем. Она — несколько опоздала, в данное время я хочу одного — одиночества, отдыха <...> Вы очень славный человек и хорошо относитесь к людям, но я советовал бы Вам

не входить никуда третьим лицом. Это тяжелая роль, и она непременно вызовет к Вам несправедливое отношение которой-нибудь из сторон»²⁰. Здесь не одна из «черт его неуступчивого характера», он поглощен неукротимой любовью и, не приемля двойственной жизни, идет на это эгоистичное заявление. Нужно отметить, что во всех своих увлечениях Горький оставался верен одному: уходя от женщины, исключая ее из своей жизни, он ищет одиночества... но — с другой!

Алексей Максимович мечется между Москвой и Нижним Новгородом. В письме к ялтинскому доктору Л.В. Средину от 4 января 1904 г. он с юмором описывает свое состояние в этот период: «...чувствую с некоторых пор острое отвращение к этому виду сношений (писать письма) с людьми. Столько приходится писать “деловых” писем, что на беседу по душе — не остается времени. К этому прибавьте кочевой образ жизни, — последнее время — извините за выражение! — в заднице души моей сидит какая-то иголка, а потому я стал непоседлив. Все езжу. Вот только сегодня прибыл из Москвы, вскоре опять поеду и буду так ездить, пока не доеду себя или не укреплюсь в каком-нибудь казенном помещении»²¹. Вот сводка его поездок за последние три месяца:

3 октября. Приезд в Москву.

8 октября. Возвращение в Нижний.

12—14 октября. В Москве и отъезд в Нижний.

20 октября. Приезд в Москву.

23 октября. Возвращение в Нижний.

17 ноября. В Москву.

19 ноября. Из Москвы в Петербург.

11 декабря. Из Петербурга в Москву.

15 декабря. Из Москвы в Нижний.

28 декабря. В Москву.

4 января. Возвращение в Нижний.

9 января. Уезжает из Нижнего навсегда.

Он сообщает К.П. Пятницкому 7 января, что расстались они с Екатериной Павловной без драматических сцен: «Она здорова, настроение у нее очень бодрое, наши отношения принимают характер более хороший, и оба мы уверены, что будем добрыми друзьями. Сообщаю Вам это ради того, чтоб Вы не очень тревожились по поводу происходящего»²². После нескольких месяцев взаимного недоброжелательства их отношения приняли характер дружеский и доверительный. Тесную связь с женой и сыном Горький поддерживал до конца своих дней: регулярная переписка, материальное содержание, сын Максим был связующим звеном семьи А.М. Одно мешало их спокойным взаимоотношениям — существование М.Ф., ненависть к которой Е.П. испытывала всю жизнь, и эту ненависть она внушила сыну своему. Даже после смерти М.Ф. воспоминания о ней не давали ей

покоя. Так, в 1963 г. один неподписавшийся «литературовед» прислал ей гневное письмо, которое удивительным образом сохранилось в личном архиве Е.П. Пешковой: «Почему Вы так стараетесь в печати и где только возможно умалить значение М.Ф. Андреевой — жены Алексея Максимовича. Не старайтесь, Вам никто не поверит и этим Вы только себя принижаете. Как людей прошлого поколения еще много, которые помнят и ценят необыкновенный образ женщины-красавицы, обаятельнейшего человека <...> и вдруг рядом — Вы!!? <...> С Вами А.М. был глубоко несчастлив. Это тоже все знают»²³. Правы были исследователи, утверждая, что «Пешкова могла примириться с любым увлечением своего мужа — только Андреева вызывала в ней стойкое отвращение»²⁴.

Новый 1904 год Горький встретил в кругу актеров Художественного театра. В эту новогоднюю ночь он отдает Марии Федоровне рукопись поэмы «Человек» с дарственной надписью:

«Вот Вам моя песня... В ней за громкими и грубыми словами скрыта великая мечта моей души, единственная моя вера, она-то именно давала и дает мне силу жить [хотя теперь]

Мною много было испытано. Часто Смерть смотрела в очи мне и дышала в лицо мое холодом и хотела убить сердце мое ледяным дыханием ужаса — но и Смерть не убила мечты моей. Не однажды крылатое Безумие над моею головою властно реяло, и я чувствовал пламя под черепом, но и в нем не сгорела мечта моя. И не раз слышал я злой смех Дьявола над убитыми грезами юности, но и острая сила сомнения не разрушила эту мечту мою, ибо с ней родилось мое сердце.

Я кладу его к Вашим ногам. Оно крепкое. Вы можете сделать из него каблук для своих туфель»²⁵. Автограф поэмы не разыскан, возможно, он до сих пор находится в личном архиве М.Ф. Андреевой, который хранит ее приемная дочь Марина Борисовна. В Архиве А.М. Горького сохранилась лишь копия последнего листа поэмы, сделанная А.Н. Тихоновым.

9 января Горький уехал из Н. Новгорода навсегда: Москва, Петербург, Сестрорецк и вместе с ним М.Ф. 16 февраля он отвечает на упрек Е.П. что редко ей пишет: «Когда я мог писать тебе — я писал. А эти дни — не мог. <...> Дело в том, что здесь была М.Ф. Она серьезно хворает <...> Ну, еще тебе нужно знать, что я ее все больше люблю»²⁶. И 19 февраля полностью разрывает супружеские отношения: «В семь лет раз семьдесят мы начинали говорить о недостатках наших взаимоотношений. Толку из этого не вышло, а разговоры — надоели <...> словами ничему не поможешь. Особенно теперь, когда меня сильно, непобедимо тянет к одиночеству, и близости я хотел бы только с одним человеком <...> не пиши мне о чувствах и т.д.»²⁷ Позже, 20 декабря 1926 г. в письме доктору И. Галанту Горький подтвердил, что с Марией Федоровной они «начали жить как муж и жена в 903 г.»²⁸

В жизнь А.М. Мария Федоровна вошла стремительно, порывая решительно с прошлым: в мае 1904 г. на самой вершине своей карьеры красавица-актриса оставила Художественный театр, взяв годичный отпуск. О ней слагались легенды, для высшего общества она стала персоной non grata. 10 мая М.Ф. с юмором сообщала об этом А.М.:

«Вообще “высшее общество” — исполняется пророчество Константина Сергеевича — отвернулось от меня! Сегодня я провожала Л.Л., и на вокзале семейство Жедринских (тот самый камергер, который был у Коровина) не удостоило меня узнать и прошло мимо особенно строго, я чуть было не упала в обморок “от отчаяния”, но удержалась ввиду многочисленной окружавшей меня публики». А 23 мая продолжала: «Стоит мне показаться в переулке, как все извозчики начинают пересвистываться и откуда ни возьмись — штук шесть является у подъезда нашего дома разных личностей»²⁹.

Современный исследователь ныне пишет: «Романтическая революционность удивительно уживалась в ней с любовью к роскоши. Андреева вела дорогостоящий образ жизни светской женщины, одеваясь у самой модной портнихи того времени Надежды Ламановой, снимая роскошные квартиры»³⁰. Да, все это было, но все осталось в прошлом. Она ни о чем не жалела, во имя большой любви обрекла себя на скитальческую жизнь, полную лишений, невзгод и частого «безденежья», достойно выдержала все унижения и оскорбления, клевету анонимных писем. Выставлен театр на вершине успеха, муж — генерал, роскошная жизнь. В глазах общества она превратилась во временную невенчанную жену, а в Америке ее восприняли и того хуже — как содержанку, сожительницу знаменитого писателя. Что тут можно говорить о необычайном барстве М.Ф.! Разумеется, Горький прекрасно понимал, в каком ложном положении оказалась его возлюбленная. Известно, что он очень скуп на нежные слова. Но здесь в избытке восхищения и поклонения ей он пишет своим друзьям: А.Н. Алексину — «...влюблен, как 366000 гимназистов»³¹; Л. Андрееву — «люблю мою благородную Марусю, красивого друга-женщину»³².

Оставив столичный Художественный театр, М.Ф. вошла ведущей актрисой в провинциальный театр К.Н. Незлобина. Дочь М.Ф. — Желябужская Екатерина Андреевна вспоминала, что лето 1904 г. новая семья жила на даче в Куоккала: «...июль-август мама играла в труппе Незлобина в Старой Руссе и Алеша поехал с ней»³³. Алексею Максимовичу Старая Русса нужна для лечения. Горький понимал, что дарование, талант актрисы не имел должного развития на малой сцене без хорошего партнера. Тем не менее он с гордостью писал К.П. Пятницкому об успехах М.Ф.: «“Потонувший колокол” играли прескверно. М.Ф. была яркой заплатой на рубище общего непонимания смысла пьесы, очень огорчилась, хотя имела весьма шумный успех у публики»³⁴. Около 10 августа ему же: «12-го она (М.Ф.) играет здесь

“Красную мантию” — Брие. Пользуется весьма крупным успехом, подносят ей цветы и т.д. Здесь Савва, уже третий день...»³⁵ С визитом С. Морозова была связана мечта о строительстве нового театра, на него он обещал дать 400 тыс. рублей. Горький и М.Ф. Андреева были увлечены этой идеей³⁶.

Дети М.Ф. приняли Горького сразу же, полюбили его. Шестнадцатилетний Юрий видел, что Алексей любит его мать, «видел, что она расцвела под влиянием этой любви, что сама она боготворит его. Так он стал для меня Алексеем, тем, кого я горячо любил до конца дней, чью память я свято чту в своем сердце»³⁷. И Горький с душевной теплотой принял детей М.Ф., но для полного счастья ему очень не хватало сына Максима. М.Ф. это остро чувствовала и, стремясь создать новую полную семью, решила завести общего ребенка. Однако жизнь молодых супругов была далека от идеалов тихой семейной пристани: бесконечные переезды, нервные стрессы, вызванные игрой на провинциальной сцене, материальные неурядицы — все это отражалось на здоровье будущей матери. Уже на пятом месяце беременности М.Ф. оказалась в клинике Н.С. Каннегиссера. Горький ищет опытных врачей для консилиума. Так 7–8 ноября 1904 г. он обращается к гинекологу В.Н. Орлову: «Убедительно прошу Вас навестить мою супругу, нуждающуюся в Вашей помощи. Завтра, пожалуйста, не позднее»³⁸. 12 ноября 1904 г. сообщил Е.П. Пешковой: «Человек из Риги, которого ты так не любишь, лежит в больнице вот уже пятый день, что мне очень тяжело. Извини, что написал об этом, но — в несчастии и японцы и русские одинаково достойны сострадания. Написал, чтобы объяснить тебе мое положение, мой недосуг»³⁹. А через 10 дней М.Ф. уехала в Ригу, начались репетиции пьесы Горького «Дачники». 30 ноября 1904 г. состоялся первый спектакль в Рижском драматическом театре К.Н. Незлобина (режиссер постановки К.А. Марджанова), который прошел с большим успехом, о чем свидетельствовали заметки и статьи в «Рижском вестнике» за декабрь 1904 г. В немалой степени этому способствовало блестящее исполнение М.Ф. роли Марии Львовны. 4 декабря Горький сообщил Пятницкому, что «Дачники» идут в Риге гораздо лучше, чем в Петербурге у В.И. Комиссаржевской: «...очень хороша М.Ф. — Марья Львовна. Очень!»⁴⁰ Образ этой женщины был близок душевному настрою М.Ф. В одной из рецензий «Рижского вестника» это особенно подчеркивается: «Г-жа Андреева дает определенный привлекательный образ истинно передовой женщины, убежденной ненавистницы всякой пошлости, смелой поборницы здоровых начал жизни...»⁴¹

Начало революционных январских событий 1905 г. М.Ф. встретила в клинике доктора Г.А. Кнорре в тяжелом состоянии: она потеряла ребенка. 8 января во время вечернего спектакля в Рижском театре, как вспоминал ее сын Юрий, М.Ф. была «на шестом месяце беременности

<...> во время спектакля не заметила в темноте, за кулисами, открытый люк, упала в него. От этого у нее начались преждевременные роды, сопровождавшиеся страшным кровотечением, так что сперва было мало надежды на ее спасение»⁴².

Горький в Петербурге, захлестнут революцией. Получив тревожное сообщение из Риги от доктора и Саввы Морозова он отправляет отчаянную телеграмму «Родная, милая, буду завтра. Держись. Раньше нет поезда. Собери все силы. Жди меня. Люблю, ценю. Всем сердцем с тобой. Алексей»⁴³. 11 января А.М. был в Риге, в этот же день, после посещения клиники, его арестовали, ночью этапировали в Петербург и заключили в Петропавловскую крепость.

Все волнения и тревоги больной и заключенного отражены в переписке третьих лиц — К.П. Пятницкого, д-ра Н.С. Каннегиссера и др.⁴⁴ Лишь 2 февраля письмо Горького дошло до М.Ф.: «Пишу наобум <...> Вот уже прошло дней 10, а я все еще не имею никаких точных сведений о тебе. Это вызывает сильную зубную боль в сердце...»⁴⁵

Вспоминая об этих днях, М.Ф. рассказывала об аресте Горького, месячное содержание которого в крепости существенно отразилось «на его здоровье: у него снова появилось кровохарканье и очень сильный кашель»⁴⁶. В письме от 13 февраля 1905 г. она писала Пятницкому: «...я безумно боюсь за А.М. и как это мучительно, что я ничего не могу сделать, что я ничем не могу помочь, облегчить! <...> отлично сознаю, что своим диким волнением и неумением владеть собой даю Вам полное право считать меня сумасшедшей. А может быть, я и правда сейчас немного сумасшедшая...»⁴⁷

14 февраля Горький был выпущен под залог и вместе с М.Ф. выслан в Ригу. Молодые супруги поселились на Рижском взморье, а весной была разрешена поездка в Ялту. «Нужно поправить легкие <...> Нужно это и для Маруси, которая хотя и поправляется здесь, но все же, по моему, должна бы подышать морем. Она упряма, как Никола Романов, но она умница, и я надеюсь убедить ее», — писал он Пятницкому⁴⁸. Однако, ни Балтийское, ни Черное моря не улучшили их здоровье, только к концу 1905 года — началу декабрьского вооруженного восстания они пришли полные духовной и физической силы. Этот период жизни для Марии Федоровны и Алексея Максимовича был знаковым: выпуск большевистской газеты «Новая Жизнь», организация боевого штаба на московской квартире и др. Это была не «романтическая революционность», а жизненная потребность помочь восставшему народу. «Цельная, негибкая, с прямым и твердым душевным укладом, “психологически большевичка”, как она сама себя определила, Мария Федоровна была необычайным явлением в той светской и аристократической среде, из которой она вышла и в которой она вращалась. “Феномен” — прозвал ее В.И. Ленин, а в тесном кругу шутливо называл ее “белой вороной”», — вспоминала большевичка

Ф.И. Драбкина⁴⁹.

Подавление вооруженного восстания в Москве грозило молодым супругам арестом и тюремным заключением. Оба они предупреждают об этом своих близких. Так, в декабре 1905 г. М.Ф. сообщает сестре Е.Ф. Крит о возможном аресте или ссылке и пишет о финансовом обеспечении своих детей⁵⁰. А.М. предупреждает Е.П. Пешкову: «М.б., меня скоро посадят. М.Ф. — тоже конечно, а м.б., ее раньше. Будь добра, привыкни к мысли, что это и хороший товарищ и человек не дурной — чтобы в случае чего не увеличивать тяжесть событий личными отношениями»⁵¹. Супруги вынуждены были скрываться «во глубинах Финляндии», а в феврале 1906 г. отправились в Америку по поручению партии для сбора денег на дело революции.

Нелегко было М.Ф. решиться на эту поездку: разлука с детьми на долгое время угнетала ее, хотя оставила она их под теплым крылом своей младшей бездетной сестры. 31 января 1906 г. в прощальном письме к Е.Ф. Крит она сообщает, «почему поехала»: «Не ехать с Алешей — я не могла, так как та задача, которую он взял на себя — огромная, значение ее предсказать нельзя, так она велика, он один может выполнить ее, и задача эта — историческая, а он сказал мне, что без меня не поедет»⁵².

Полгода жизни в Америке, история травли еще более сблизила их. Приезд в Италию, на остров Капри, благословенный остров, обещал жизнь счастливую, безмятежную. Весной 1907 г. вышла в свет повесть «Мать» в издании «D. Appleton and Company» на английском языке. Издание А.М. понравилось, о чем он сообщает И.П. Ладыжникову: «...очень хорошо! Славная бумага, на верхней крышке переплета картинка в красках, — первое собрание у Павла <...> Послал бы Вам, да мне прислали только один экземпляр»⁵³. (Кстати — ныне раритет, ни в одной библиотеке России нет этого издания.) Единственный экземпляр он подарил Марии Федоровне с надписью: «Это я дал тебе в тот день, когда ты была наиболее близка ко мне. *Алексей*. 10 июня 1907. Капри».

Однако, для полного счастья Горькому не хватало потерянной первой семьи, тоска по Максиму заставила его попытаться соединить несоединимое. В декабре 1906 г. он просит Екатерину Павловну приехать к нему, очень хочется видеть Максима и посмотреть на карточку Кати: «Села она мне гвоздем в сердце»⁵⁴. Е.П. приехала немедля и восемь дней на Капри для обеих женщин оказались мучительными (хотя следует отметить: М.Ф. на это время уехала в Неаполь). Приезд первой жены разрушил семейную идиллию. Уже в 1909 г. жизнь М.Ф. и А.М. претерпела несколько серьезных испытаний: Е.П. живет в Аляссио и почти в каждом письме сообщает Алексею Максимовичу о страданиях Максима без отца; о своем возлюбленном — молодом нижегородце-эсере Николаеве Михаиле, вызвавшем чувство

ревности у А.М.; в связи с этим его частые поездки в Аляссио; поток анонимных писем о «двоеженстве»; каприйская партийная школа рабочих с финансовыми проблемами и неизбежными интригами (ссора М.Ф. с М. Вилоновым при защите финансовых интересов А.М.).

А.В. Амфитеатров, побывавший в июле 1909 г. на Капри, охарактеризовал их семейную жизнь предельно точно: «Не сердитесь на меня, что я не решился жить на Капри. Уж очень много русских <...> нельзя жить в уездном городе, не будучи втянутым так или иначе в его хаос <...> Между Вами и русским Капри стоит такой энергичный человек, как Мария Федоровна, и то, все-таки быт Вашего дома — не столько жизнь, сколько кипение котловое»⁵⁵.

Живший в это время на Капри Юрий Желябужский, сын М.Ф., цитирует в своих воспоминаниях экспромт Саши Черного, в котором воспевается необычайная кротость М.Ф.:

Смягчился б даже вурдалак,
Когда бы он, влезая в лодку,
Услышал голос — кроткий, кроткий,
Алеша! Ты б надел пиджак.
Когда б имел такую мать,
Или сестру, хотя бы тетку...
Я б надевал, влезая в лодку,
Под шубу пиджаков штук пять⁵⁶.

Эта кротость, это желание во всем угодить любимому, поразили Юрия, он видел, какие муки испытывает его мама, и очень сочувствовал ей: «...мысленно всегда с тобой и отлично понимаю как тебе тяжело. Очень меня огорчает, что Алеша скапустился — это неважно. Ну да все равно скулением делу не поможешь»⁵⁷.

Позже, в сентябре 1923 г. М.Ф. писала дочери Катерине, которая в это время переживала тяжелую личную драму: «...ты в этом отношении похожа на меня: полюбишь мужчину, так уж готова всю себя отдать ему на служение, лечь на пол, чтобы он ножки себе не простудил»⁵⁸.

Много претерпела М.Ф., опекая А.М., взявшая на себя ведение финансовых дел с издателями, иногда недобросовестными, с организаторами партийной школы: «...я все время говорю за него, потому именно, что он сам никогда за себя говорить не станет в этом деле»⁵⁹. Возникали конфликты, оскорбления с обвинением ее в «личных» интересах. В горьком письме В.С. Миролюбову М.Ф., вспоминая о полном крушении всех личных благ, говорит о тягостном и невыносимом своем материальном положении: «...легко может сбыться пророчество С.Т. Морозова, часто говаривавшего: “Ох, М.Ф., останетесь Вы на старости лет без гроша за душой и умрете где-нибудь под забором...”»⁶⁰

В доверительных, откровенных письмах к своей младшей сестре Екатерине Федоровне Крит она жалуется на полное одиночество, у нее

нет никого, кто бы выслушал ее, посочувствовал. Защищая интересы Горького, она нажила себе очень влиятельных врагов, беспощадных в идейной борьбе. Летом 1910 г. она сообщает сестре: «Со мной проделали такую вивисекцию, какой ты вообразить себе не можешь! <...> Богд., Лун., Ал. и К^о — вот кто мои враги, они сделали все, от клеветы до обвинения меня в сумасшествии, чтобы “развести” Ал.М. со мною, т.к. пока эта “подлая цепная собака около него — мы бессильны”. Они свою игру проиграли, А.М. навсегда отошел от них, но стоило это мне всего, что мне было дорого»⁶¹.

Кроме сестры у нее осталось еще два близких друга, верных А.М. и ей — это И.П. Ладыжников и А.Н. Тихонов, но они далеко, в России. Так хочется с ними поговорить и пожаловаться. Судя по содержанию, письмо Ладыжникову написано 1 января 1910 г.: «...сегодня у нас в России новый год. <...> Лично я жду Вас очень, т.к. чувствую себя совсем конченной, на меня теперь надежда плоха, а сам Ал.Макс. все более в опасном состоянии. С ужасом думаю как бы не произошло чего непоправимого. У него бессонница и нервы все хуже, худеет так, что даже на Капри живущие это замечать стали»⁶². И она просит, что если с ней что-нибудь случится, не оставлять А.М. одного, а срочно приезжать на Капри. Сломалась удивительно сильная женщина — слишком много «горшков разбилось о ее многострадальную голову». И все-таки она еще пытается сохранить хотя бы внешне свою неудавшуюся семейную жизнь. «Очевидцы» создают легенду: чтобы удержать мужа, М.Ф. забеременела, но в отчаянии подверглась «небольшой операции». Вот на что она никогда бы не пошла — ей достаточно было вспомнить о той беременности 1904 г., когда она была на краю гибели.

В Архиве Горького хранится письмо М.Ф. к сестре от 11 апреля 1909 г., в котором она сообщает о своем состоянии здоровья: почти весь 1909 г. болеет: «...сама я все хвораю, после Пасхи придется даже лечь на несколько времени, т.к. лечащий меня доктор di-Fahio нашел нужным сделать какую-то небольшую операцию, у меня какая-то опухоль образовалась; полагает он образовавшаяся от страшной нервности»⁶³.

Частые поездки в Аляссио, в Париж, любовь к сыну и желание его жить с ним рядом, страдания А.М. от разлуки с ним... и М.Ф. решается написать письмо Екатерине Павловне. Кстати, это не первая просьба М.Ф. отдать сына в новую семью (1904 год)⁶⁴.

Накануне произошло тяжелое объяснение М.Ф. с А.М., который невольно стал источником страданий человека, «в течение пяти лет» стоявшего рядом с ним. Всю ночь «до 8 ч. утра» вспоминали они счастливые годы. Прочитав письмо М.Ф., Горький попросил Е.П. о великодушии: «Постарайся почувствовать человечно человеческую боль». Но письмо осталось без ответа: «Мне несколько грустно не понимать — почему ты не ответила на письмо М.Ф.? <...> вы, бабы, несправедливы друг другу больше, чем мы, мужики, к вам»⁶⁵.

Состоялись совместные длительные прогулки в Анакапри, трехдневная поездка в Неаполь и острые моменты в отношениях вновь сгладились. И такая неопределенность длилась почти 3 года: «узлы» развязывались долго и мучительно, чему способствовала и ревность, которая не давала покоя А.М. с появлением давнего нижегородского воздыхателя. Как и все мужчины-собственники Горький был безмерно ревнив: Я «немножко ревную» — это значит — глубоко, до болезни. В Архиве Горького хранятся «Автобиографические заметки» писателя. Среди них заметка о ревности, свидетельствующая о его мучительных переживаниях. Их можно соотнести с той вспышкой ярости, которая погасила его первую любовь к О.Ю. Каменской, притушила «самый яркий роман» с М.Ф. Андреевой и заставила пересмотреть свою «личную жизнь» с Е.П. Пешковой: «Ревность. Иногда она возникает потому, что ведь нельзя же спокойно смотреть на человека, который собирается есть гнилую рыбу. Это его намерение особенно тревожит, если человек почему-нибудь близок и дорог вам.

Всю жизнь носить женщину в сердце своем очень тяжело, и ответственно. Слишком трепетно горит, слишком больно жжет этот луч. И никогда нет уверенности, что в следующую секунду он погаснет навсегда, а на месте его ляжет камень»⁶⁶.

Е.П. ликует и с нетерпением ждет отъезда М.Ф. Наконец-то она займет полагающееся ей место. А М.Ф. уходить некуда: все мосты сожжены, даже денег на отъезд у нее не было (очередное безденежье А.М.). Теплилась надежда на театр (не случайна ее переписка с актерами Художественного театра Румянцевыми Николаем и Татьяной). Кроме того, ей грозил арест за «принадлежность к партии», издание газеты «Новая жизнь», участие в Декабрьском вооруженном восстании. Но более всего ее волновала мысль: как оставить одного А.М. без «верно-преданного», бескорыстного друга, каким была она: «Я ему нужна!»

Из письма к сестре: «Как устроится А.М. дальше — ничего не известно. Боюсь я за него сильно, т.к. без меня ему будет жить хуже и его живо доведут до конца. Ты мало знаешь А.М. и не любишь его, а я тебе скажу — это самый чудесный, самый благородный и чистый человек, которого я знаю, с открытой душой и сердцем, человек огромного таланта! Он ошибается и мучает и себя и других иногда, но — не из эгоизма, не для себя — он думает, что это надо для какой-то высшей правды»⁶⁷. 29 октября 1912 г. М.Ф. уезжает в Россию под чужим паспортом. Около полугода, до легализации, жила в Финляндии (Мустамяках) у сестры под именем ее бывшей знакомой Гарриет Брукс.

Е.П. сразу же, получив это сообщение, приехала на Капри со своей матерью и Максимом, но надежда склеить старую семью рухнула уже в первые недели. Е.П., как и раньше, мало входила в сложную творческую жизнь А.М., не бросалась в бой за его интересы, а создавала свой мир,

привычное ей окружение, которое более всего влекло. Уже весной А.М. с горечью пишет З.А. Пешкову: «Перебралось на Капри нижегородцев, человек 600», в следующем письме А.Н. Тихонову с юмором подчеркивает: «Здесь, на острове, — Н.-Новгород, оба базара: и Верхний и Нижний»⁶⁸. С отъездом Марии Федоровны А.М. очень быстро понял: как же ему не хватает этой энергичной, преданной ему женщины. Не успела она доехать до границы России, как еще в Копенгагене получила отчаянное письмо от него: «...пишет, что тоскует без меня и не знает как выдержит время нашей разлуки. Мне тяжело, Катичка, очень <...> Да, надо искать возможности стать на ноги и помочь Алеше...»⁶⁹ С ее отъездом у А.М. открылось кровохарканье.

Не успев расстаться, они вновь соединились духовно и теперь уже надолго. Судя по переписке этого времени, М.Ф. начала свою деятельность по защите интересов А.М. сразу же по приезде в Финляндию в ноябре 1912 г.: включилась в издательские дела А.М., организовала рубрику «Хроника заграничной жизни» в журнале «Современник»⁷⁰. 1 января 1913 г. А.М. пишет А.Н. Тихонову: «Подробности о музее — у М.Ф. Всякие подробности у нее. Я пишу ей почти дневник, со временем он станет достоянием потомства, как письма Чехова, и, когда это случится, я, со зла и страха, воскресну и снова со зла трижды умру»⁷¹. Увы, этих писем в Архиве Горького нет, судьба их неизвестна. Возможно, они хранятся в личном архиве М.Ф. у приемной дочери Марины Борисовны. Он жалуется в письмах о потере «настроения», не может писать — «опускаются руки», и у него чаще возникает мысль о необходимости вернуться на родину. «...Я знала, — писала Мария Федоровна Ладыхникову, — что, расставшись со мною и сойдясь снова с нею (Е.П. Пешковой), Алексей Максимович не в состоянии будет жить без меня, мы с ним так сжились, так стали родственны друг другу...»⁷² О духовном ее состоянии Горький пишет своим друзьям, что получает от нее «взбудораженные торопливые письма», «она устала и мечется как выюга», «фантастические письма» о новом журнале, о продаже сочинений Горького. «У М.Ф. есть хорошая поговорка: все будет хорошо! Это надобно немножко изменить: все *должно быть* хорошо! Так оно все и будет. Даром и зря мы не проживем»⁷³. Этот настрой особенно чувствовал ее друг Н.Е. Буренин: «Езжу всегда к ней с особым душевным трепетом, а уезжаю, словно и сил во мне больше прибавилось и бодрости душевной и телесной»⁷⁴.

М.Ф. полна оптимизма, сил, энергии. Она хочет воплотить в реальность свою мечту: вернуться на сцену Художественного театра, но после триумфального взлета прошло почти 10 лет! Руководители театра опасались, что ее талант потускнел, что М.Ф. не расстанется с прежним амплуа примадонны и ее возвращение на сцену может вызвать большие осложнения. К тому же она все еще находилась под негласным надзором Департамента полиции за участие в Декабрьском вооружен-

ном восстании, ей грозил судебный процесс за издание большевистской газеты «Новая жизнь»: несмотря на амнистию, дело не было прекращено. Горького тревожат все ее театральные предприятия: «Всеми силами души, сердца и ума протестую против намерения М.Ф. ехать в провинцию...» Он смирился и одобрил только поездку в Киев «в полном прежнем ансамбле»⁷⁵. О своей тревоге он пишет Тихонову: «До кошмаров дохожу <...> я знаю, что это необходимо, что это — ее дело, что в нем она — на ее месте законном, но она везде на месте»⁷⁶. За неделю до спектакля А.М. посылает М.Ф. письмо в Киев через Н.А. Румянцева и желает ей хорошей победы. На автографе надпись адресата карандашом: «...я устроил ей первое выступление в пьесе, которую она играла в МХТ (“Одинокое” Гауптмана) в полном ее старом ансамбле <...> я поставил “Одинокое” в Киеве, успех был огромный»⁷⁷. В газете «Русское слово» появилась телеграмма киевского корреспондента, в которой сказано: «Лица, видевшие М.Ф. Андрееву раньше, отмечают, что ее игра стала еще тоньше и благороднее»⁷⁸.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства (ее трижды вызывали на допросы, плохое самочувствие А.М.), они ищут возможность встретиться: «Кажется, я скоро увижу ее», — писал он в конце мая 1913 г. А.Н. Тихонову⁷⁹. И они встретились с помощью четы Румянцевых 11 июля в итальянском городе Римини. Утомительная поездка по городам Италии, семейные капризные неурядицы, болезнь Максима, безденежье — все это вызвало у Горького тяжелое заболевание легких, о чем писал он издателю Ф.И. Благову в сентябре: «Приехал сюда соратник И. Мечникова, — Манухин <...> нашел, что я довольно серьезно болен и мне следует усердно лечиться, месяца два, три <...> Переезд в Россию придется отложить»⁸⁰. И хотя А.М. предупреждал адресата и близких не сообщать никому о «печальных делах моих», слухи о его тяжелом заболевании дошли до Марии Федоровны: «Пережить мне пришлось <...> большую передрыгу <...> болен он был серьезно и, не подвернись счастливый случай, не приехал бы к нему доктор Манухин, — через год А.М. не стало бы, наверное»⁸¹. Она обращается к Манухину с просьбой сообщить о состоянии здоровья А.М. и доктор ответил, что был в сентябре у Горького и оставил его после облучения рентгеном «в идеальном состоянии», однако советовал оставаться пока «в том климате, к которому <...> привык»⁸².

Три месяца ожидания приезда А.М. потребовали от М.Ф. много душевных сил, волнений и сердечной боли: она вела все дела с издателями и опасалась, что при подписании договоров с ними у А.М. могут возникнуть нежелательные осложнения — «очень ты не приспособлен для практических разговоров»⁸³. Самой же ей жить спокойно не дают «доброжелатели». В конце ноября она жалуется Ладыжникову, что жестоко страдает, на нее со всех сторон клеветают, пишут о ней А.М. ложь, и эти анонимные письма доводят его до

ужасного состояния: «Как я могу достичь того, чтоб его не беспокоили пустяками, не писали ему гадостей, не клеветали на меня? Как оберечь его?»⁸⁴ И снова, в начале декабря ему же: «...жестокую пытку переживаю <...> сидя здесь и ясно-ясно представляя себе, что творится с Алексеем Максимовичем <...> он для меня не только дороже всего на свете, но что ни одной минуты я не задумалась бы снова все бросить и лететь к нему <...> никто, как я, не может знать как такой поступок сейчас был бы бесплоден, и как скоро я увидела бы Алексея в том ужасном положении “двоеженца”, которое мучило его столько лет»⁸⁵.

Страдает в этой обстановке и Екатерина Павловна. М.Ф. ей сочувствует искренно, «не думает о ней дурно», не хочет обижать человека, который борется за свое место в жизни, «и сейчас ей труднее, чем когда-либо». А это душевное состояние Е.П. подогревает лучшая подруга Е.К. Малиновская, которая уверяет ее, что А.М. игрушка в руках М.Ф. и живо откликается на просьбу подыскать хорошую квартиру в Москве для А.М., хотя раньше, в 1907 г., она с уважением относилась к М.Ф.: «...ненавистна, но это все же личность»⁸⁶. Но не привлекла А.М. квартира в центре Москвы (Машков пер., д. 1, кв. 16), до конца дней своих в ней жила Е.П. Пешкова, в годы революции он часто приезжал в Москву и там останавливался.

Горький стремился в Россию, его ждали издательские дела и любимая женщина. Из Неаполя Алексей Максимович выехал в Берлин 26 декабря, там уже была Мария Федоровна, несколько дней они прожили в берлинской гостинице для акклиматизации, по совету доктора Манухина и 31 декабря 1913 г. прибыли через Петербург в Мустамьяки, где жила Мария Федоровна. 6 января 1914 г. Горького осмотрел доктор Манухин и сообщил, что он совершенно здоров. С 19 января А.М. с М.Ф. поселились в имении Сытина — д. Берсеневка. Они снова вместе и только сын Максим, стойко ненавидевший М.Ф. всю жизнь, как его мать, был болезненным укором, яблоком раздора. Однако следует отметить, что у Е.П. Пешковой еще теплилась надежда на воссоединение. В конце февраля 1914 г. она пишет своей матери на Капри, которая еще живет там и не хочет уезжать в Россию, надеясь, что Пешковы вернутся вместе: «Приедем ли мы, т.е. я и Максим — большой вопрос, особенно после деклараций о своем воссоединении с Ал-м., сделанным М.Ф. через Карм. и Луиджи — каприйцам»⁸⁷. Опять вмешивается в их отношения Е.К. Малиновская на правах друга семьи, но А.М. ответил деликатно: «позвольте не говорить» об этом⁸⁸.

Вернулся А.М. в Россию больным, несмотря на заверения доктора Манухина. Жизнь в Берсеневке не улучшила его состояние здоровья, о чем свидетельствуют тревожные сообщения М.Ф. об этом И.П. Ладыхникову. Так 27 января 1914 г. она отправляет ему тайную телеграмму: «Просите Ивана Ивановича приехать немедленно Поваровой. Показалось кровохарканье. Пусть никто кроме Вас и его не

знает об этом. От Алексея эта телеграмма скрыта. *Мария*⁸⁹.

И следом за нею — письмо, в котором она снова просит о приезде доктора Манухина, уверена, что климат России вреден А.М. для здоровья: «...мне все сильнее начинает казаться, что А.М. лучше уехать поскорее из России и вернуться со мною вместе уже совершенно спокойным, покончив всякие волнующие его сейчас личные вопросы и дела» и повторно опять телеграмма⁹⁰. Однако покинуть Россию они уже не могли — оба были связаны грандиозными планами на будущее: А.М. надеялся на базе издательской деятельности И.Д. Сытина организовать новое книгоиздательство и новый журнал левого направления, М.Ф. была решительно настроена достичь прежних сценических успехов, в своих ведущих амплуа. Еще в начале декабря она писала Н.Е. Буренину: «Относительно будущего сезона дела обстоят так: Синельников зовет меня к себе в Киев и очень хочет, чтобы я служила у него, дает 1200 р. в месяц <...> Мне хочется принять предложение Синельникова»⁹¹. Горький встревожен, он не хотел, чтобы М.Ф. играла в провинции: «Подожди моих писем, не заключай условия Синельниковым»⁹², но при встрече с нею А.М. понял, что мечта талантливой актрисы о сцене — непреодолима, и дал свое согласие. В январе контракт с Н.Н. Синельниковым был подписан. В сезон 1914/1915 г. М.Ф. Андреева блестяще сыграла в театре Соловцова десять ролей. Синельников высоко ценил ее талант, ее знание театра: советовался по составу репертуара, выбору ролей. Театральная жизнь М.Ф. в окружении молодых актеров, влюбленных и обожающих ее, оказала губительное воздействие на отношения ее с А.М. Так же, как прежде, он жестоко ревнует ее к ним, особенно к Румянцеву, о котором М.Ф. очень тепло писала А.М., а «доброжелатели» сообщали пикантные подробности о новой любви М.Ф.: «Ты мне, пожалуйста, не сообщай сплетен, я и здесь сыт этим <...> О добрых подвигах Румянцева мне тоже неинтересно знать. Мне этот жирный парень противен»⁹³.

М.Ф. так ответила на его «очень колючее» и сухое письмо:

«Румянец не заслуживает твоего дурного отношения — он ничего себе человек и его держимордство легко с него слезает. Он просто никакой, так — добрый малый, попавший в мнимое и неловкое положение ревнуемого Дон-Жуана, а он просто перина. Когда ты приедешь, я буду тебя очень просить принять его и вообще не показывать неприязни, так как это для меня было бы неудобно и подтвердило бы глупые сплетни» (С. 253). Эти слова подчеркнуты Горьким жирно красным карандашом. Сухость письма можно объяснить еще и тем, что у А.М. неустроен быт: осенью 1915 г. он после Мустамьяк поселился в петроградской квартире Критов вместе с детьми и племянником М.Ф., где начался ремонт и работать было невозможно: «Квартира все еще в грязи и беспорядке, столы, маляры и прочие шумят, мешают, отнимая немало времени. Пыль и всякая дрянь, каждый

час необходимо руки мыть»⁹⁴. Тут еще болен племянник, за ним нужен уход, а дома хозяйки нет. Она не ведет хозяйство, и ее место за столом пустует.

Горький работает так, что «спина трещит», но не все удается, и он просит у М.Ф. хорошего настроения себе — «вагонов 600», а ей желает «славы и прочего!» Это после ее письма И.П. Ладыжникову, с которым она поделилась своим успехом: «Вчера выиграла сражение: имела очень большой, говорят, успех в огромной трудной роли. Сегодня все большие газеты выпустили лестные рецензии»⁹⁵.

Горький в это время был занят организацией журнала «Летопись» и издательством «Парус» — давней своей мечтой, а М.Ф. — мечтой о своем театре и о своем кинематографе:

«Эх, кабы свой, да еще хороший театр! Могучая это сила воздействия и самая близкая к цели, если хочешь. И в каких она ничтожных и подлых руках. То же самое и о синематографе говорить приходится, даже еще крепче, ибо он демократичен по самой доступности своей, и тем еще опаснее, с одной стороны, и нужнее, с другой»⁹⁶. В середине октября пишет: «Знаю, что у тебя совсем другие настроения, живешь ты в других перспективах и интересах и я где-то далеко-далеко, так в виде какой-то доброй знакомой <...> Одинока очень, конечно. Но к этому я уже начинаю привыкать. Из слов Тихона видно, что в Москву тебе ехать незачем, — значит, увидимся не скоро»⁹⁷. Она испытывает глубокое огорчение, чувствует, что А.М. все больше отдаляется от нее. О его жизни М.Ф. узнает либо из газет, либо от совершенно «посторонних людей».

Однако ни театр, ни киностудия так и не были созданы, чему препятствовали всякого рода организационные трудности. Горький поддерживал увлечения М.Ф., но сам в это время не имел ни времени, ни средств на эти дорогостоящие предприятия. Деньги, полученные от издателей Сытина и Маркса, ушли на организацию «Летописи» и «Паруса» и занят он был сверх меры. Сценическая жизнь М.Ф. тоже не оставляла свободного времени. Их редкие встречи либо в Москве, либо в Петрограде не приносили счастья и удовлетворения от близости: они все дальше уходили друг от друга.

«...как мне тяжело, что мы с тобой врозь, и как это глупо в конце концов — как там ни поворачивай, а времени нам немного остается, да и сделала бы я больше, стоя рядом с тобой, — писала М.Ф., — Незлобин ничего не сможет сделать, если не удастся помочь ему, он очень плох в практических делах <...> А так важно получить Суворинский театр, и не только в том смысле, что это для меня лично было бы уж очень хорошо. В этом здании можно большие дела делать, а значит, постепенно дать и репертуар какой надо, приучить публику. Вообще — это не пустяк!

Твоя Маша»⁹⁸.

Крушение всех надежд пригашает оптимистической настрой М.Ф., от этого сознания никуда невозможно спрятаться, ни в работу, ни в мелочные личные волнения, ей кажется, что труд ее бессмысленный, а театр — зловредное учреждение. Иногда возвращаются каприйские чувства безнадежности и бессилия — вернуть снова любовь. Весь октябрь 1915 г. от М.Ф. почти каждую неделю идут к А.М. ласковые и нежные письма, она тоскует без него, просит приехать к ней — «очень бы хотелось тебя увидеть»: «Как бы мне хотелось хоть одного ласкового слова, как мне теперь без тебя... А ты по-видимому, от меня совсем отвык?» (С. 255).

Ощущение одиночества среди множества окружавших ее людей — вот то пресловутое горьковское «одиночество», к которому М.Ф. пытается прибегнуть, стать внутренне одной, избавиться от невыносимого чувства ревности к В.В. Шайкевич, новому увлечению Горького. Позже, вспоминая о времени приезда А.М. в Россию, о том, как он «с ума сходил» по ней, но стоило приехать в Мустамьяки «и Душечка — Душечка! Обвернула его вокруг костлявенького пальчика так, что он и не заметил, как оказался в очень некрасивом и для него самого невыгодном положении»⁹⁹.

Интерес Горького к Варваре Васильевне возник еще на Капри в 1913 г., когда у него гостили супруги Тихоновы. Его привлекли к ней мягкость, женственность, домовитость, а увлечение в Мустамьяках, о котором говорит М.Ф., началось лишь с осени 1916 г., когда Горький чувствовал глубокое одиночество, но уже вдвоем. Он не воспринимает горячо письма Е.П. Пешковой, которая зовет его к себе, пишет, что сын в нем очень нуждается, и еще надеется на воссоединение семьи.

В письме к Е.К. Малиновской от 17 февраля 1916 г. Горький отвечает на ее упреки в развале семьи подруги. Все вопросы, не касающиеся его личной жизни, он легко решает «по пунктам», но ответ на последний ему дается не легко, общественные вопросы решаются проще, чем личные: «Сии же последние — суть самые трудные, я это очень хорошо знаю.

Напрасно Вы пишете: “Ваше отношение резко изменилось” — если оно изменилось, так только к самому себе, а люди, — особенно хорошие — по-прежнему и памятливы, и дороги мне»¹⁰⁰.

Более резко отвечает Горький на упрекающее письмо М.Ф.: «Свободного времени для писания истерических и исторических писем — у меня нет, а когда — ночами — оно есть, я, с пользой, употребляю его на охоту за тараканами»¹⁰¹.

Видимо, М.Ф. пыталась напомнить А.М. о счастливых годах взаимной любви, и, может быть, упрекала его в непостоянстве. Писем подобного содержания он не выносил, предпочитая не касаться интимного в прошлом. Не случайно письма такого рода и Андреевой, и Пешковой, не сохранились, а возможно, были сожжены или стали

достоянием частного коллекционера.

М.Ф. так до конца и не поняла — что и кто был виноват в крушении ее счастливой семейной жизни, обвинив во всем Варвару Васильевну. Позже, вспоминая об этом тяжелом времени, она писала дочери: «Помнишь, как ты и Юра уговаривали меня когда-то в Москве, чтобы я не верила Ал.Макс., не ездила за ним и не сходилась с ним вновь? Я тогда не послушалась вас и не могла послушаться, но — явилась Вар.Вас. и мне пришлось пережить такие муки, каких не было ни в первый, ни во второй раз, такое унижение испытать, какого и представить себе трудно»¹⁰².

Трудное время переживал и Горький. В письме Зинаиде Васильевой, очень близкой и давней подруге, он жалуется на «отвратительно трудную жизнь», «холод души»: «Я работаю, как слон, даже сам себе удивляюсь, — здоровенный у меня организм! <...> Это (работоспособность), наверное, самое лучшее качество мое и, пожалуй, — единственно хорошее.

Жизнь все более становится кошмаром, особенно трудно тем, у кого уже нет личной жизни. Личная жизнь — это все-таки уголок — хотя часто грязненький и неудобный — где можно отдохнуть»¹⁰³. Е.П. Пешковой он тоже пишет о глубоком одиночестве: «Очень тяжело на душе и такое проклятое одиночество — беда! Удивляюсь, до чего я выносил, право»¹⁰⁴.

Личная жизнь Горького в это время была на грани серьезных испытаний: возврат к первой жене Е.П. Пешковой на Капри остался лишь коротким эпизодом (см. ее переписку с Е.К. Малиновской), возобновление прежних глубоко-любовных отношений с М.Ф. Андреевой не состоялось, они живут одной семьей, но остались только духовно близкими друзьями. Так, осенью 1916 г. Горький оказался предельно одиноким человеком, пока в его жизнь не вошла очаровательная красавица Варвара Васильевна Шайкевич. Однако физическая близость без духовного единения — обычно непрочна. Прав Аркадий Вахсберг, отметивший, что новый роман Горького «...то вспыхивал, то затухал, до поры до времени не оказывая, как видно, фатального влияния ни на брак Варвары с Тихоновым, ни на отношения двух давних друзей...»¹⁰⁵ А.М. ни разу не назвал ее своей женой, женой оставалась М.Ф., вместе с нею он жил в доме на Кронверкском до ее отъезда за рубеж в 1921 г. И не было «любви втроем», М.Ф., как и на Капри, освободила свое место за столом для Варвары Васильевны: «“Близкую дружбу” с Варварой Горький ни от кого не скрывал: ханжество ему было чуждо, он не любил и не хотел быть конспиратором»¹⁰⁶.

Н.Е. Буренин в тяжелую минуту разрыва между М.Ф. и А.М. написал ей письмо и спросил, что же она решила — М.Ф. ответила: «...прежде всего: я ничего не решила, ничего не решаю и никогда

ничего не будет прочного — прочно решенного. Так будет всегда <...> иначе и быть не может <...> Тут дело не только в чувствах и боли сердца, а нечто большее и общезначимое — пока я нужна, пока я могу хоть немного облегчить, помочь сделать хоть что-нибудь, — для меня не существует вопросов самолюбия, личности, личной боли или слабости <...> Надо, чтобы ему было легче. А как — это решать ему. Это, если хотите, — моя вера, и верую я крепко»¹⁰⁷. И она, действительно, была необходима Алексею Максимовичу, нужна, несмотря на кратковременные увлечения молодыми, красивыми женщинами. Их крепко связывала идейная общность интересов, духовное единство во взглядах на жизнь, в ее восприятии.

Февральскую революцию они встретили рядом. Оба энергично работают над созданием новых культурных учреждений, принимают деятельное участие в организации «Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук». Алексей Максимович поручает Марии Федоровне сбор средств в фонд «Научного института» — одного из главных направлений деятельности «Свободной Ассоциации»¹⁰⁸. Летом 1917 г., после южных гастролей, М.Ф. покидает театр К.Н. Незлобина и полностью отдается реорганизации нового революционного театра. Она назначена на пост Председателя Художественно-просветительного отдела Петроградской государственной Думы по управлению городскими Народными домами: «...с головой ушла в работу по Народному дому», — писала она К.С. Станиславскому¹⁰⁹. При организаторском таланте, глубоком знании театрального дела М.Ф. Андреева через год получила высокое назначение на должность Комиссара театров и зрелищ Петрограда и Северных областей Республики¹¹⁰.

Жена и близкий друг Горького М.Ф. как всегда старается помочь ему во всех издательских делах и начинаниях, она встречается и пишет письма людям, наделенным властью. По поводу необходимых денег для издания крестьянской газеты «Земля» обращается к зам. председателя ВЧК Я.Х. Петерсу: «Очень прошу Вас обратить внимание на письмо от А.М. Горького и на бумагу относительно выдачи денег, принадлежащих *разрешенной* газете “Земля”, о которой мне случайно пришлось лично говорить с Лениным...», он «отнюдь не против ее выхода»¹¹¹. Во время массовых необоснованных арестов ученых она вместе с профессором В.Н. Тонковым едет в Москву к Ленину, известны ответные письма Ленина А.М. Пешкову и М.Ф. Андреевой¹¹².

Вместе с Горьким и Луначарским она работала в Отделе охраны памятников искусства и старины, спасая от разграбления духовные и культурные ценности России, ее национальные богатства. По инициативе Горького была создана Экспертная комиссия, комиссаром которой стала М.Ф. Андреева¹¹³. В эти годы Мария Федоровна — хозяйка большой квартиры на Кронверкском пр., 23. Здесь образовалась

своеобразная «коммуна», об этом вспоминает художница Валентина Ходасевич:

«В квартире было двенадцать комнат. В них жили: Алексей Максимович, Мария Федоровна, Иван Николаевич Ракицкий, Петр Петрович Крючков, Мария Игнатьевна Бенкендорф-Закревская, Мария Александровна Гейнце <...> и я с мужем. Питаться приходили живущие в верхней квартире этого же дома дочь Марии Федоровны с мужем и ее племянник Женя Какшт с женой. Образовалось нечто вроде «коммуны»¹¹⁴. Все работали, а «скудные пайки» приносили в «общий котел»¹¹⁴.

В эти голодные годы А.М. и М.Ф. кормили свою «коммуну»: высылали уполномоченных по закупке продовольствия с особым разрешением комиссара продовольствия России А.Д. Цюрупы, подобное разрешение Горький и просит у него: «Я очень прошу Вас разрешить товарищу Израилевич купить и доставить в Петр. продуктов на десять человек. Эти десять — коммуна, в состав коей вхожу я и М.Ф. Андреева»¹¹⁵. О.Д. Черткова ездила за хлебом тайно на свою родину в Орехово-Зуево. С июля 1920 г. дочь М.Ф. жила с мужем в хлебном Екатеринославе в зажиточной еврейской семье и помогала своим родным продовольственными посылками с мукой. М.Ф. сообщала ей, что с питанием стало еще труднее: «...у Алексея Максимовича цинга от недостатка всяких необходимых ему веществ...»¹¹⁶

1919–1920 гг. стали для Марии Федоровны в личной жизни последним испытанием на выносливость сердца, теряется вера в большую любовь — была ли она у Алексея Максимовича?

Позже в письме к дочери она вспоминала о своей «великой самозабвенной любви» к А.М.: «В 1904 году мы сошлись, а уже в 907 году он колебался — не вернуться ли ему к ничтожной и скучной, хотя и хорошей женщине Ек. Павл. 910 — было повторение такого колебания и снова вспышка его увлечения мною. В 912 — я должна была уехать, уступив ей место. В 914 началось его увлечение Душечкой и конец нашего с ним долгого и мучительного романа»¹¹⁷.

Летом 1919 г. простая увлеченность Варварой Шайкевич трансформируется в обожание. Именно в это время он хочет «одиночества». На пылкое любовное признание молодой писательницы Марии Лёвберг Горький отвечает, что не может принять ее любовь, он уже стар, у него упадок духа: «...я хотел бы куда-то уйти, немножко отдохнуть, почувствовать. Из всех ядов, которыми я лечился, всего лучше на меня действовало одиночество <...> мне никого не надо»¹¹⁸. Однако в это же время ухаживает за Варварой Васильевной по-молодому — дарит ее детям дорогие книги, заказывает для нее в типографии специальный экземпляр книги «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» (Пг., 1919) с посвящением: «Дорогой друг мой, Варвара Васильевна! Беседа с Вами, воскресил я в душе моей эти воспоминания о великом человеке.

Почтительно и сердечно посвящаю их Вам, человеку безгранично уважаемому мною.

Август 1919 г.

*Алексей Пешков*¹¹⁹.

Но недолго длилась эта любовь: осенью 1919 г., по рекомендации К. Чуковского, вошла в дом Горького молодая незаурядная волевая женщина, «железная» женщина, как о ней позже скажет хозяин дома, она сразу же стала его секретарем, взяла в свои руки всю канцелярскую работу издательства «Всемирная литература» — Мария Игнатьевна Бенкендорф-Закревская. Она пленила Горького: его «очаровало это создание <...> первоначальное физическое тяготение перешло в более глубокое чувство: постепенно их отношения стали теплыми и близкими»¹²⁰. Мария Федоровна приняла ее дружески, при необходимости опекала, по ее ходатайству Мария Игнатьевна, подвергавшаяся многократным арестам, при последнем, более серьезном, была выпущена из тюрьмы¹²¹. Они стояли друг друга, во многом — похожи, но в одном были полярно противоположны: Мария Федоровна любила самозабвенно, отдаваясь любви до последнего дыхания — Мария Игнатьевна эгоистично «играла в любовь».

Так позже, в конце декабря 1925 г. при очередной размолвке с Марией Игнатьевной Алексей Максимович писал: «Чего пожелать Вам на будущий год? Эгоист не менее, чем Вы, я желаю Вам воодушевиться человеколюбием хирурга и не мучить меня так, как Вы мучили меня весь истекший год, а в последние месяцы его особенно [безжалостно] тяжело и легкомысленно»¹²².

Весной 1921 г. Мария Федоровна, будучи комиссаром Экспертной комиссии при Наркомвнешторге, была направлена в Торгпредство в Берлин для реализации за границей антикварных экспортных фондов. В стране был катастрофический голод, предполагалось купить в Америке 100 млн. пудов хлеба, вот почему необходимо торопиться с продажей антиквариата. В письме Ленину М.Ф. сообщала: «Сейчас у нас большие надежды, что добудем денег в хорошей валюте за наши *bric-à-brac*»¹²³. Вместе с этим она как представитель Комитета помощи голодающим выезжала с лекциями о голоде в Швецию, Данию, выступала и в Берлине.

В письме отцу от 30 августа 1921 г. Максим Пешков сообщал об этом: «Здесь М.Ф. (только что вернулась из Гельсингфорса) подняла большую кампанию в пользу помощи, выступала несколько раз. И то, что Германия так живо откликнулась на призыв, дело отчасти и ее рук. Она действовала очень хитроумно и театрально, но это не помешало, и она сейчас пользуется доверием, ее принимают министры и знакомые»¹²⁴. Кроме того ее разносторонние способности, организаторский талант, знание европейских языков сыграли определенную роль в развитии русской кинематографии в Берлине. М.Ф. знала, каким

авторитетом и доверием окружено имя Горького за границей, она настойчиво зовет его в Берлин ради успехов общего дела: «...твой приезд абсолютно необходим, твой неприезд отзовется страшно губительно <...> На тебя смотрят как на абсолютно чистого и достоверного свидетеля...»¹²⁵

Горький ответил доверительным письмом как верному другу, которому можно рассказать о наболевшем: «Лично же мне ехать имея на правом плече пятерых кадет, а на левом — двух коммунистов — какой смысл? Они будут промежду себя политику делать, а я пакостями заниматься не хочу.

И засим: приеду я, скажем, в Берлин, придет ко мне какой-нибудь Максимилиан Гарден и спросит: как вам нравится В.Ч.К.? На этот вопрос я отвечу не хорошо. “А как вам нравится П.Ч.К.” — на этот вопрос я отвечу еще хуже и тогда буржуазные Европы начнут ликовать, а российская эмиграция — того пуще. А сказать о В. и П.Ч.К. что-нибудь лестное — ни одна собака не способна, ибо то, что творят сейчас эти трусливые и раздраженные механизмы, превышает нелепостью своей все прежде бывшее.

Таким образом от поездки моей ради голода получится не польза для голодных, а вред»¹²⁶.

Переписка 1920-х годов окрашена дружеско-интимными впечатлениями двух очень близких друзей, очень нужных друг другу. М.Ф. делится с А.М. своими сердечными переживаниями, неприятностями в работе и в ответ получает мягкие, сочувственные письма: «...крепко обнимаю тебя и с хорошим чувством, почтительно целую твою руку, милый, старый друг»¹²⁷. Не оставляла М.Ф. и ностальгия по прошлому, многие письма этого времени свидетельствуют о ее неизменной привязанности к А.М. Одно из писем она заканчивает словами-молитвой: «Милый, милый Леша, вспомни обо мне как-нибудь, в хорошую минуту, глядя на море или на небо звездное, когда оно бархатное, и знай, что я тебя крепко, преданно люблю с великой верою в Тебя и ничего, кроме хорошего не хочу помнить»¹²⁸. Иногда М.Ф. упрекала А.М. в невнимательном к ней отношении, на что он спокойно отвечал: «Ты меня всегда заставляешь полемизировать с тобою. Ты пишешь: “письма сжег, — значит, не любил”. Во-первых: не любя женщину, невозможно прожить с нею десять лет и невозможно, разойдясь с нею, сохранить к ней искреннее уважение и симпатию, не любя ее в прошлом»¹²⁹.

Драматичная любовь к Марии Игнатьевне иногда выбивала А.М. из привычной жизненной колеи, он был не в состоянии писать личные письма, и М.Ф., зная об этом, все-таки обижалась: «Так давно не писал мне — почему? Не мог, не хотелось или не вспоминаешь обо мне? Я ведь не обижаюсь на тебя <...> просто хотелось бы знать — почему? Разве настроения твои не стали лучше? Как будто рассеялись, все-таки,

наиболее мрачные тучи?»¹³⁰

В 1925 г. 53-летняя Мария Федоровна еще была необыкновенно хороша. При встрече с ней в Берлине Н.А. Луначарскую-Розенель поразила ее внешность: «Я не переставала любоваться Марией Федоровной: точеный профиль, лучистые карие глаза, изящный рисунок бровей; а как умно, с каким вкусом подобрано это серое платье к цвету волос, как удачно найдена эта рамка для немолодой, но такой красивой женщины!»¹³¹

Можно понять, что она вызвала пылкую любовь молодого П.П. Крючкова. Сердечные отношения М.Ф. с ним, бывшим сначала ее секретарем, а затем сотрудником в общем деле, возникли в Берлине: «...оба мы обломочки, которые бурею прижало друг к другу, да так тесно со всех сторон сжало, что так мы и живем дальше вместе», — писала она своей дочери¹³². И когда на их жизненном пути, во время командировки М.Ф. в Москву, встала молоденькая, но очень шустрая девица, А.М., сочувствуя М.Ф., пытался примирить ее с Петром Петровичем, однако она отказалась от его вмешательства. Вынужденная женитьба Петра Петровича «как джентльмена», очень огорчила М.Ф., в письмах Горькому она об этом сообщала откровенно, горюя, по словам Алексея Максимовича, как мать о сыне. Горячая поддержка старого друга помогла преодолеть этот драматический эпизод ее жизни. Снова одиночество, жизнь в чужом окружении, козни начальства: работу в отделе кинематографии отняли, деятельность в Торгпредстве становится все более угнетающе-скучной. М.Ф. хочет вернуться в Россию, с нею прежде всего связана мечта о театре, однако она не получает приглашения ни в Малый, ни в Большой драматический театры. Пожилые актрисы, несмотря на их прежние заслуги и признанный талант, не нужны. Она пишет о своих бедах А.М., но он в это время только сочувствует ей, ему некогда, он полностью поглощен романом «Жизнь Клима Самгина» и Марией Будберг, которая к этому времени уже может «кричать на него как офицерша на денщика». А.М. способен только на отписку: «А ты хочешь снова играть? Это — соблазнительно. Сожалею, что не могу быть первым любовником, а способен лишь на характерные роли, причем характер у меня стал скверным»¹³³. М.Ф. пишет письмо своему старому другу режиссеру А.Н. Лаврентьеву, рассчитывая на его поддержку: «Решаю я возвращаться. Не только на родину, но и к родному своему делу, в театр <...> Хочу остаток дней своих дожить актрисой»¹³⁴.

Увы, доживать ей пришлось в роли директора Дома ученых, где она закончила свой трудовой путь. За работу, около 20 лет на этом посту, она была награждена орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. По словам академика Г.М. Кржижановского, «дни расцвета Дома ученых связаны как раз с тем временем, когда во главе его стояла Мария Федоровна»¹³⁵. Ученые с мировым именем называли ее своим

добрым гением.

Свою любовь, своего Алешу она не забывала так же, как и он. Ведь с этой женщиной были прожиты лучшие годы его творческой и духовной жизни. И переписка с ним продолжалась до его смерти. В последние годы, особенно после гибели Максима, она отчаянно беспокоилась о его здоровье.

За три месяца до кончины Алексея Максимовича Мария Федоровна, поздравляя его с днем рождения, писала: «...могу думать о тебе только с великой нежностью, старое сердце мое не хочет стариться и по-старому горячо бьется любовью к тебе — Человеку и, что бы там ни было, другу большей половины жизни моей». Письмо заканчивается обычным, для М.Ф., рефреном: «Ну, пусть только тебе будет хорошо»¹³⁶. Ее очень беспокоит состояние здоровья А.М., она консультируется с его личным врачом, сама чувствует себя плохо и перед тем как лечь в больницу на обследование 8 апреля 1936 г. пишет дочери:

«Был у меня Л.Г. Левин <...> в его отзывах о здоровье Алексея сквозит безнадежность: силы слабеют, дыхание все труднее, приходится прибегать к кислороду, даже в Крыму, малейшее заболевание, а тем паче грипп, для Ал. Макс. серьезная опасность <...> И страхом сжимается сердце — только бы он жил!»¹³⁷

Смерть Алексея Максимовича совсем подкосила ее. Из письма В.Д. Бонч-Бруевича К.П. Пятницкому: «Она сделалась совсем, совсем старушкой, и мне ее очень жаль»¹³⁸. Несколько месяцев М.Ф. была больна, она с отчаянием пишет своему самому близкому человеку, дочери: «Вижу его постоянно во сне, почти ежедневно, и не уменьшается, а все растет моя неизбывная тоска о нем»¹³⁹.

Только горячо любимый ею Дом ученых помог встать на ноги. «В Доме ученых она отпраздновала свое восьмидесятилетие и вскоре умерла»¹⁴⁰.

Н.А. Луначарская-Розенель свои воспоминания «Женщина большой судьбы» заканчивает трагическим реквиемом: «Среди цветов в гробу покоилась Мария Федоровна Андреева. Ее лицо носило на себе печать огромного страдания. Она не была похожа на ту, которую я так хорошо знала. Это была маска страдания, изваянная смертью...»¹⁴¹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уэллс Г. О Горьком — Из книги «Будущее в Америке», гл. X «Два этюда о разочарованиях», § 3 (Лондон, 1906. С. 248–255).

² Горький. *Письма*. Т. 5, п. 271 и примеч.

³ *Архив Г. 12*. С. 79.

⁴ См.: Горький. *Письма*. Т. 5, а также: *Публицистика Горького*. С. 75—76.

⁵ АГ. МоГ-1–8–7. С. 1.

⁶ *Андреева*. С. 549.

⁷ АГ. МоГ-1–8–7. С. 3.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Горький. *Письма*. Т. 3. С. 150.

¹⁰ АГ. МоГ-1–8–7. С. 14, 15.

¹¹ *Андреева*. С. 459.

¹² См.: Горький. *Письма*. Т. 5. С. 149, 420—421.

¹³ Там же. Т. 4. С. 152.

¹⁴ Там же. С. 53, 57, 58, 244.

¹⁵ АГ. МоГ-1–8–7. С. 15.

¹⁶ Горький. *Письма*. Т. 3. С. 202.

¹⁷ Там же. С. 205–206.

¹⁸ Там же. С. 224.

¹⁹ АГ. ПТЛ-13–34–9

²⁰ Горький. *Письма*. Т. 3. С. 225.

²¹ Там же. Т. 4. С. 22.

²² Там же. С. 25–26.

²³ АГ. ФЕП-кр-2–24–1.

²⁴ *Ваксберг Аркадий*. Гибель Буревестника. Опыт исторического расследования. М., 2006. С. 72.

²⁵ Горький. *Письма*. Т. 4. С. 21.

²⁶ Там же. С. 49.

²⁷ Там же. С. 51.

²⁸ Там же. Т. 16, п. 224.

²⁹ *Андреева*. С. 72.

³⁰ *Мунтян Елена*. Любимая женщина Буревестника // *Крестьянка*. 2006. № 3. С. 68.

³¹ Горький. *Письма*. Т. 4. С. 66.

³² Там же. С. 177.

³³ АГ. МоГ-4–40–2.

³⁴ Горький. *Письма*. Т. 4. С. 113.

³⁵ Там же. С. 119.

³⁶ Там же, п. 271 и примеч.

³⁷ АГ. МоГ-4–17–5. С. 14.

³⁸ Горький. *Письма*. Т. 4. С. 171.

³⁹ Там же. С. 175.

⁴⁰ Там же. С. 190.

⁴¹ *Андреева*. С. 598.

⁴² АГ. МоГ-4–17–5. С. 151.

⁴³ Горький. *Письма*. Т. 5. С. 11.

⁴⁴ Там же, п. 11—15 и примеч.

⁴⁵ Там же, п. 17 и примеч.

⁴⁶ *Андреева*. С. 89.

⁴⁷ Там же. С. 87.

⁴⁸ Горький. *Письма*. Т. 5. С. 26.

⁴⁹ *Андреева*. С. 117.

⁵⁰ Там же. С. 108.

- ⁵¹ Горький. *Письма*. Т. 5. С. 121.
⁵² АГ. ФМА-рл-3-9-20.
⁵³ Горький. *Письма*. Т. 6. С. 56.
⁵⁴ Там же. Т. 5. С. 243.
⁵⁵ ЛН. Т. 95. С. 156.
⁵⁶ АГ. МоГ-4-17-1.
⁵⁷ АГ. ФМА-кр-4-25-35.
⁵⁸ АГ. ФМА-кр-3-6-9.
⁵⁹ Андреева. С. 212.
⁶⁰ Там же.
⁶¹ АГ. ФМА-рл-3-9-41.
⁶² АГ. ПТЛ-2-1-52.
⁶³ АГ. ФМА-рл-3-9-33.
⁶⁴ См.: Горький. *Письма*. Т. 7, п. 345, 354 и примеч.
⁶⁵ Там же. С. 217.
⁶⁶ АГ. ГЗ IV-6-37.
⁶⁷ АГ. ФМА-рл-3-9-41.
⁶⁸ Горький. *Письма*. Т. 10. С. 316, 317.
⁶⁹ АГ. ФМА-рл-3-9-56.
⁷⁰ Горький. *Письма*. Т. 10. С. 232.
⁷¹ Там же. С. 236.
⁷² АГ. ПТЛ-2-1-57.
⁷³ Горький. *Письма*. Т. 10. С. 273.
⁷⁴ Там же. С. 640.
⁷⁵ Там же. С. 291.
⁷⁶ Там же. С. 327.
⁷⁷ Там же. С. 698.
⁷⁸ Там же. Т. 11. С. 255.
⁷⁹ Там же. С. 39; Т. 11. С. 7.
⁸⁰ Там же. Т. 11, п. 62, 72 и примеч.
⁸¹ Там же, п. 76 и примеч.
⁸² Там же. С. 298.
⁸³ Там же. С. 297. См. также ее письма этого времени.
⁸⁴ АГ. ПТЛ-2-1-52.
⁸⁵ Там же. ПТЛ-2-1-57.
⁸⁶ АГ. ФЕП-кр-39-1-62, 16.
⁸⁷ АГ. ФЕП-рл-3-24-234.
⁸⁸ Горький. *Письма*. Т. 11, п. 121 и примеч.
⁸⁹ АГ. ПТЛ-2-1-13.
⁹⁰ Там же, 2-1-91, 92.
⁹¹ Горький. *Письма*. Т. 11. С. 315.
⁹² Там же. С. 68.
⁹³ Там же. С. 201.
⁹⁴ Там же. С. 200.
⁹⁵ Андреева. С. 284.
⁹⁶ Там же. С. 290.
⁹⁷ АГ. КГ-рзн-1-159-29.
⁹⁸ Андреева. С. 292.
⁹⁹ АГ. ФМА-рл-3-6-17.
¹⁰⁰ Горький. *Письма*. Т. 12. С. 20.
¹⁰¹ Там же. С. 31.
¹⁰² АГ. ФМА-рл-3-6-11.
¹⁰³ Горький. *Письма*. Т. 12. С. 107.
¹⁰⁴ Там же. С. 33.
¹⁰⁵ Ваксберг Аркадий. С. 72.
¹⁰⁶ Там же. С. 71.

- ¹⁰⁷ Андреева. С. 484–485.
¹⁰⁸ См. об этом: Горький. *Письма*. Т. 12, п. 265 и примеч.
¹⁰⁹ Андреева. С. 300.
¹¹⁰ Там же. С. 307.
¹¹¹ Горький. *Письма*. Т. 13. С. 312.
¹¹² Там же. С. 320.
¹¹³ Там же. С. 325—328.
¹¹⁴ Там же. С. 358.
¹¹⁵ Там же. С. 48.
¹¹⁶ См. шутивную приписку на письме М.Ф. к дочери (АГ. ФМА-рл-3-6-3), напечатанную в Т. 13. С. 176.
¹¹⁷ АГ. ФМА-рл-3-6-14.
¹¹⁸ Горький. *Письма*. Т. 13, п. 8 и примеч.
¹¹⁹ Там же, п. 32 и примеч.
¹²⁰ *Архив Г.* 16. С. 13.
¹²¹ Там же. С. 258–259.
¹²² Там же. С. 128.
¹²³ Андреева. С. 346.
¹²⁴ *Архив Г.* 13. С. 202–203.
¹²⁵ Горький. *Письма*. Т. 13. С. 539.
¹²⁶ АГ. ПГ-рл-2а-1-74. Это письмо находилось долгое время в особом хранении и при подготовке т. 13 Писем Горького не вошло в его состав.
¹²⁷ АГ. ПГ-рл-2а-1-56.
¹²⁸ АГ. КГ-рзн-1-159-66.
¹²⁹ АГ. ПГ-рл-2а-1-55.
¹³⁰ АГ. КГ-рзн-1-159-58.
¹³¹ Андреева. С. 547.
¹³² АГ. ФМА-рл-3-6-17.
¹³³ Андреева. С. 373.
¹³⁴ Там же. С. 374.
¹³⁵ Там же. С. 653.
¹³⁶ АГ. КГ-рзн-1-159-60.
¹³⁷ АГ. ФМА-рл-3-6-117.
¹³⁸ Андреева. С. 745.
¹³⁹ АГ. ФМА-рл-3-6-119.
¹⁴⁰ *Ваксберг Аркадий*. С. 435.
¹⁴¹ Андреева. С. 567.

М.Ф. АНДРЕЕВА — ГОРЬКОМУ

1. 18 марта 1904, Москва

18 марта.

Письмо хоть и сегодня, мой друг, это по-моему очень мило. Жаль твоих денег на телеграмму¹, которую ты послал в порыве доверия к красноречию Вл<адимиру> Ив<ановичу> — С<авва> Т<имофеевич> получил от него тоже витиеватое послание на ту тему, что у

Вас с Ним (т.е. у тебя и у него) столько общих интересов, Вы с Ним так близко сошлись и были откровенны², после чего для него многое непонятное за последнее время стало ясно и понятно, что он находит, что теперь ему необходимо также близко и откровенно поговорить и с С.Т.³ — С.Т. сразу встал на дыбы, как, мол, это какой-то поганый Нем<ирович> смеет писать о тебе столь фамильярно и что это за сопоставление и т.д. и т.д.

И мне стоило большого труда убедить С.Т. не сердиться, отнестись к Нему спокойнее и беспристрастнее, прочла ему все, что ты мне писал о ваших разговорах и мало-по-малу он утешился и, представь, что было выводом из всего? «Счастлив Ал. Макс. он может заступаться за Вас». Очень неожиданно, правда?

Получила сборник⁴. Значит живем? Очень счастлива и довольна. Скажи К<онстантину> П<етровичу>, что деньги надо будет отдавать мне лично, т.к. я внесла их из своего пая и потому никаких затруднений с их уплатою не будет.

Ты ему ничего не говорил, Алеша? Милуша моя, чего ты киснешь? Что тебя угнетает? Несмотря на твой веселый и шутливый тон — чувствуется, что тебе очень не по себе.

Друг мой дорогой, я великодушнее тебя, не стану повторять тебе всего того, что ты писал мне в начале этой нашей разлуки⁵, но ведь уж теперь недолго — увидимся, радость моя, мой хороший, не скучай, подбодрись, мой Алеша.

Отчего тебе так не хочется, чтобы я играла в Риге⁶? Опять и опять не согласна ни с тобой, ни с кем из тех, кто так страшит меня. Я верю в свои силы, я хочу узнать какая же я действительно актриса и, по моему глубокому убеждению было бы очень хорошо, если бы я следующий сезон играла, ты был бы со мной, помогал мне, работали бы мы вместе. Если бы ты знал как я об этом мечтаю, Алеша.

Миленький, не надо отговаривать меня, не надо пользоваться тем, что я сейчас уж очень стремлюсь быть с тобой солидарной и гнуть меня в ту сторону, чтобы я не ехала в Ригу. Здоровье мое и его хрупкость — это, право же, пустяки совершенно не основательные. Буду я счастлива и буду геркулесом, а была бы я как жена до сих пор и это же — играя вовсе по целым суткам — была бы заморышем.

Знаешь сколько во мне оказалось весу? 3 п. 6 ф. Это просто неприлично для моего роста.

До свиданья, милый, будь здоров и жди меня весело. Целую тебя крепко.

Твоя *Маруся*

10 мая.

Только вчера получила я первое письмо из Н<ижнего>, первое и единственное, пока сама не писала, потому что очень уж это трудно, не зная получаются ли письма¹.

На целый день пришлось оставлять письмо и завтра оно пойдет с С.Т.

Целый день ходят люди, веду более или менее трагические беседы с охающими и вздыхающими по поводу моего ухода из М. молодых дев и юношей, ликвидирую дела, маклерю <?>, хлопочу — и к вечеру в голове та же сумятица, о которой и ты пишешь...

Сегодня пришло второе твое письмо, а первого в котором ты описываешь свой день в М. и посланное, д.б., в Пб. — я не получала².

Сегодня С.Т. объяснялся по моему поручению с А.А., а я ездила по делу — вернулась и жалею, что не говорила сама, т.к. боюсь, что это была до известной степени уклончивость от неприятных и тяжелых объяснений, а я этого терпеть не могу. Да и А.А., д.б., это было тяжело, а как ни мало у меня к нему доброты, но быть излишне жестокой терпеть не могу. Хоть я вполне уверена, что С.Т. был деликатен и чуток, подошел с мягкими руками и т.д., но — на себя мне досадно³.

Очень радуюсь и я, что твои опасения по поводу возможности неприятных для тебя разговоров и поступков Марии Александровны оказались неверными⁴ относительно всего другого — я подумываю об Елене Константиновне <Малиновской>, но и то не очень, вот и все.

Если бы ты знал как мне почему-то трудно писать тебе... В прошлых письмах ты мне пенял за то, что я перечитывая свои же к тебе письма и т.д. — за то, что я будто бы разочаровываюсь — вот и пиши после этого! Ах, матушки мои, да разве удивляться тому, что человек при ближайшем знакомстве с ним кажется совсем другим, чем когда видишь его только изредка и знаешь меньше значит считать его хуже? А почему не гораздо лучше? Да, наконец, не лучше, не хуже, а просто иным.

Поверь мне, это в моих словах именно и было, и нет тени того, что можно подразумевать под словом, «разочаровалась». И я думаю, это ни рано, ни поздно его не будет и немного меня задевает, когда ты говоришь «не теперь, рано, об этом потом» — почему-то я думаю и чувствую, что потом — будет лучше, а не лучше теперь, вот тебе, хоть ты и не любишь немного «психологии», которой так боится Станиславский.

Едешь ты в Ялту или нет — сегодня еще не знаю, все это зависит от найма дачи. Но если, как ты писал раньше, малярия еще дает себя знать, то не лучше ли ехать в Ялту, т.к. погода и в М., и в Пб. — очень тоже скверная⁵?

Кроме того, боюсь, что неоконченное дело, переговоры с Андр<еем> и С.Т. — будет тебя мучить. Не знаю, как на тебя действует железная дорога? Не утомляет ли? Тогда, пожалуй, лучше не ехать, чтоб не трястись трое суток туда, да столько же обратно. Тебе все это виднее. А дача числу к 15-ому будет обязательно и маленькие дети приблизительно в этих числах туда поедут, у Юрия же последний экзамен 21-го.

Завтра я уеду дня на два — на три по делу, о кот. я тебе уже говорила, к кот. еще прибавилось поручение Л.Л. <Бенуа>⁶.

Будь совершенно спокоен — я не простужусь и буду совершенно здорова. Писать эти дни не буду, не жди, а по приезде обратно буду телеграфировать, да и С.Т. к этому времени уже вернется, т. что может тоже телеграфировать обо мне, даже не упоминая меня, чтобы не дразнить никого.

Немного мне непонятно как это ты движешься вверх по Волге на Москву? Если верить географии, то это трудно, или ты решишь не заезжать сюда, если поедешь на дачу прямо?

Была бы очень тебе признательна, если б ты мне ответил письменно сюда на эти вопросы, т.е. едешь ли в Я. и ждать ли тебя в М.⁷?

Послала сейчас Кате срочную депешу с просьбой немедленно сообщить о дате, если успею получить ответ до отъезда С.Т., то припишу ей ответ тебе.

Бедный мой Саввушка все воюет с З.Г., та ругательски ругает и усиленно «ненавидит и презирает меня»; как-то за какой-то едой у них в доме, при детях и гувернантках обратилась к нему с вопросом — где он был, он сказал, что у меня и услышал в ответ — «а разве эта романтическая дама опять (?) вернулась к мужу?» — ты себе можешь представить как взвился на дыбы бедный С.Т., сказал ей тут же какую-то резкость, потом у них все время были объяснения.

Меня все это пугает мало, но за него мне больно и обидно⁸.

Вообще «высшее общество» — исполняется пророчество К<онстантина> С<ергеевича> — отвернулось от меня! Сегодня я провожала Л.Л. и на вокзале семейство Жедринских (тот самый камергер, который был у Коровина) не удостоило меня узнать и проплыло мимо особенно строго, я чуть было не упала в обморок «от отчаяния», но удержалась ввиду многочисленной окружавшей меня публики.

Вот оно, возмездие за дурное поведение! О-о-о!! И как мне было весело и смешно. Весело, что я ушла от всех этих скучных и никому не нужных людей и условностей. И если бы даже я была совершенно одна в будущем, если я перестану быть актрисой, — я буду жить так, чтобы быть совершенно свободной! Только теперь я чувствую, как я всю жизнь крепко была связана и как мне было тесно...

А вот что ты пишешь — «со мной очень милы и корректны, но — это меня ничуть не задерживает здесь и мне надо, а еще больше хочется тебя видеть» — это напрасно. Если бы это могло тебя задерживать — то при чем же тогда невозможность оставаться по-прежнему, особенно теперь, когда многое стало иначе, т.е. стало лучше, хочу я сказать.

Милый друг мой, — помни, прежде и больше всего друг — и никаких измен — никаких обязательств я не признаю — ни теперь, ни раньше, ни потом. Если бы ты не только теперь, но и потом хоть через год — почувствовал, что тебя тянет — к детям ли, к Екатерине ли Павловне — иди и не считай себя виноватым — я не буду жертвой — не буду несчастной, я очень люблю тебя и очень друг тебе — и это не слово, а правда.

Когда я вспоминаю наше Пб. житие, знаешь, что больше всего колет меня при воспоминании, из моих поступков? — То, что я усиленно хотела твоей близости с *моими* детьми. По-моему этого совсем не надо. Т.е., не надо, как с моими, а просто так — отчего же тебе и не быть к ним расположенным, они славные ребята. Не надо «делать семью» — это лишнее и не будет хорошо ни тебе, ни мне. Одно у вас общее — я — но я сумею, я надеюсь устроиться так, чтобы всё было проще и без фальши⁹. Я не сразу пришла к этому, мне было трудно побороть в себе очень многое — мне легче было бы, если бы ты ушел из своего дома совсем, если бы ты не был женат, у тебя не было детей, но в конце концов я, я думаю всегда сумею себя побороть — до сих пор, по крайней мере, — умела.

М.

Мой дорогой, хороший друг! Пишу только что после разговора с С.Т., кот. передал мне свою беседу с А.А. Я напрасно раскаивалась, А.А. ведет себя нехорошо и неджентильменски — ну, в конце концов я знаю, что ему не одолеть, но противного будет много.

Твое письмо сегодня такое хорошее и мне больно, что я сейчас не могу на него ответить таким же¹⁰. Вся душа моя сейчас дрожит за детей, боюсь я, что уж очень много им придется пережить, но поступать иначе — не могу и не должна.

Мой дорогой Алеша, мой любимый, как я буду рада увидеть тебя,

быть с тобой!

От Кати получила телеграмму, что ту дачу, кот. мы смотрели — хозяйка не сдает, ищут другую. Сегодня уеду, чтоб не быть дома в отсутствии С.Т., вернусь в пятницу или субботу, поеду в Рязань, противноваться не буду, т. что не телеграфирую, это мне неудобно, т.к. еду устраивать возможность прожить в деревне Ариадны, она уедет за границу.

Целую тебя крепко. *Маруся.*

Опять принимаюсь за письмо к тебе. Ты пишешь о моих настроениях.

Сейчас я очень строго и деятельно буду настроена, т.к. по-видимому придется действовать, т. что не беспокоюсь того, что тебя обыкновенно смущает — сейчас не будет.

Какой удивительный человек С.Т.! Чем больше узнаю его, тем больше поражаюсь его величине. Чудный, чудесный это человек¹¹. Рассчитываю, что он вернется обратно не позже пятницы — в это же время вернусь и я. Пожалуйста телеграфируй Липе¹², она будет меня встречать на вокзале, следующее: Москва. Спиридоновка, Георгиевский пер., дом Долгова. Олимпиаде Дмитр. Чертковой. Приедет или нет — тогда-то, без всякой подписи. Если С.Т. не будет еще в Москве, то я не поеду домой, а остановлюсь у Елены Никол<аевны> или еще где.

Увы, справлялась у адвокатов — я не имею никаких прав на детей — никаких! Даже и при разводе, при том, что будет доказано, что А.А. не имел право вступать в брак, т.к. прошла десятилетняя давность. С.Т. хочет поговорить с специалистом по этим делам, но, кажется, это статьи закона, кот. не обойдешь. Все, значит, зависит от того, как поведет себя А.А., а как он будет себя вести заранее угадать невозможно¹³.

Все это я пишу тебе только затем, чтобы ты знал чем я сейчас занята. Сам об этом не тревожься. С помощью С.Т. и с моим решением пойти на что угодно, на все, но чтобы дети были со мной — в конце концов — так оно и будет. Мне неловко идти на это, а обидно за С.Т., что ему придется возиться со всей этой гадостью, выносить трагедии и игру А.А., вести бесконечные разговоры на тему его родительских чувств, разбитой жизни и того, что у него ничего кроме детей нет.

Впрочем, довольно, не надо больше об этом и говорить.

Увидеть бы тебя скорее. М.б. ты успеешь вернуться с С.Т., хотя, судя по твоему последнему письму, на это рассчитывать трудно.

3. 23 мая 1904, Рига

23 мая.

Еще понед., втор., среда, четверг, пятница — 6 дней, считая сегодня, до того как я увижу тебя, чтобы уж быть и жить вместе. Стыдно говорить, а мне кажется, что это еще сто лет осталось ждать. Голова у меня какая-то пустая, думать ни о чем не хочется и не думается, в доме все вверх ногами, ребенки бегают, ежесекундно спрашивая «что надо на дачу, что в Пб., что останется в Москве», прислуги то же самое, все портнихи, портные, шляпницы, башмачники и т.п. злодеи сговорились надуть меня и ничего не готово к сроку — и надоело все это до чёртиков!!! Это, д.б., очень скучно, но великое для меня утешение думать, что теперь вся эта прелесть перейдет сестре Кате, она будет дома, хозяйка дома, а я же так себе отставная козы барабанщица без определенного места жительства¹.

Будем мы с тобой странствовать, Алешка, пока не состаримся и не купим себе «дачку с коровками, курочками и огородом». Ох, ну я шучу, а говорят А.П. очень плохо². Хотя, ведь не над ним же я труню.

Юрий вчера хохотал как безумный: он уверяет, что отставной академик и актриса в отставке³ привадили к Георгиевскому переулку всех нищих и босяков, стоит мне показаться в переулке, как все извошники начинают пересвистываться и откуда ни возьмись — штук шесть является у подъезда нашего дома разных личностей.

Детка моя, хотелось бы увидеть тебя, поцеловать твои глазки, обнять твою голову, положить ее себе на колени и баюкать моего большого, длинного Алексейку. Что делаешь? Как поживаешь? Когда переедешь в Куокалу⁴? Лешка, пусть скорее идут дни, скорее, скорее... Хочу тебя видеть, хочу, хочу, хочу!

Выеду отсюда 27 — это решено, не позже. Неприятно, что будут провожать, будет много народу — не люблю.

Итак дети приедут 26 — а я 28 — меня разумеется, встречай, выеду скорым вместе с Липой.

До свидания!

Твоя *Маруся*

Я тебя очень люблю.

4. Декабрь 1904, Рига

Я тебя, Алексейка, очень люблю. Мне очень хочется остаться с тобой — но ДОЛГ велит идти репетировать Авдотьину жизнь¹. Иду! О!!!

До вечера!

Целую тебя и...

Маша

5. 3(17) декабря 1912, Гельсингфорс

Пешкову, Неаполь — Италия

Получишь тысячу рублей от Художественного театра в скором времени. Джiovанни уже вернулся, все будет сделано¹.

Гельсингфорс

17 декабря 1912 (н. ст.)

6. 26 июня (9 июля) 1913, Петербург

Италия, Неаполь, Пешкову.

Приеду Геную одиннадцатого, субботу, двенадцать notchi, отель Мирамаре¹.

Мария

7. 28 августа 1913, Мустамяки

28 августа.

Милай друг! Был у меня сегодня Влад<имир> Дм<итриевич> Бонч-Бруевич. Знаю, что хотя он и порядочный, милый человек, но человек легковесный, и все-таки думаю, что из нашей беседы с ним может выйти нечто весьма удачное, а м.б., и хорошее.

Дело в том, что у Бончей, как ты, д.б., знаешь, было затеяно свое крошечное книгоиздательство. Сейчас к ним присоединился Шапшал (табачник, но д-р медицины). Деньги у Шапшала есть, и не маленькие, Бонч говорит о капитале в 300 т. р. Сейчас их книгоиздательство называется «Жизнь и Знание»¹, и, по всей

видимости, им до смерти хочется быть тем, что некогда было «Знание». Пока, без должного руководителя, это дело без руля и без ветрил, хотя Бонч и уверяет, будто «родился под печатным станком, всю жизнь вертелся возле печатного и книжного дела и досконально изучил его». Отчего бы не попробовать взять это дело в свои руки, т*ем* б*о*лее, что люди они благонамеренные, порядочные и, по всему видно, жаждут залучить тебя в свое дело²? Прежде всего, мне думается, надо сунуть туда Ивана Пав<ловича> и Тихона, а там увидим, что из этого выйдет. Они приобрели С.И. Гусева (ох-хо-хо) томов по 750 р. за каждый, завод — 5 т. экз. и 200 на разную даровую раздачу. На днях у них выходит первый том, всего будет 12, — как я уже написала. С. Ив. пожелал получить свои деньги по 300 р. в месяц. Книги Гусева, изданные «Знанием», они выкупают не позже 1-го января сего года, книги эти твои, но «Знание», конечно, и не думает сообщать тебе об этой сделке? Затем они купили у сына Н.Г. Чернышевского, московское Мельгуновское маленькое издательство «За друга», и сдается мне, что хотят продаться им и «Огни»³, т.к. Ляцкий, по слухам, разочаровался в литераторах и литературном деле — за что купила, за то и продаю. Как видишь — всякого жита — по лопате, пока что. Напр.: у них же издаются естественно-научные Тенишевские книги.

Ко мне Бонч пришел спросить, не дашь ли ты им что-нибудь. Предложила ему издать немедленно «Мать», «Лето», «Шпиона», «Городок Окуров», «Матвея Кожемякина», «Итальянские сказки» и «Записки проходящего», как ты хотел: 5000 экз. завод, по 1500 р. за каждый том. Бонч немедленно принял эти условия с удовольствием, выговорив только лишних 200 экз., назначенных ими к даровой раздаче. Я позволила себе дать ему за тебя принципиальное согласие на издание этих 7-ми томов, т.к. ты и говорил и писал: «Продавайте кому хотите, только скорее и чтобы скорее выходили книги». Тут книги начнут выходить не медля ни одного дня, т.к. Бонч считает очень важным не пропустить осеннего сезона, как он говорит, а я помню — тебе главное хотелось, чтобы книги вышли скорее.

Затем он очень робко, *но очень горячо желая этого*, высказал просьбу — не примешь ли ты и более близкое участие в деле⁴. То есть? Не пожелаешь ли ты вообще издавать твои книги у них в Издательстве, т.к. они все-таки идейно ближе тебе, чем «Самоиздательство писателей», хотя бы? И сделал предложение: высылать тебе, ведя твой счет на тех условиях, которые оговорены для тех 7 томов, которые ты склонен дать им, — по 1000 р. в месяц круглый год, *не считаясь с тем, дашь ли ты равное сумме 12 т/р. в год количество томов*, — т.е. то, что делало в свое время «Знание»,

если я не ошибаюсь? Я обещала написать тебе об этом и узнать, как ты взглянешь на это предложение, он же просил меня, чтобы ты свой ответ мне телеграфировал, т.к. для них страшно будет дорого твое согласие. В случае твоего согласия 1000 р. будет тебе переведена немедленно Ив. П-чем, который и распишется у них в получении и заключит условие как доверенный. Я после ухода Бонча послала телеграмму Ладыжникову и жду его, чтобы переговорить по всяким делам.

Мне лично кажется, что нет никакого риска согласиться на их предложение: за 7 томов они уплатят полностью — это несомненно, деньги у них есть; получать немедленно по 1000 р. в месяц за уже написанное *во всяком случае* избавляет тебя по крайней мере на восемь месяцев от необходимости работать принудительно и спешно, (1500 р. x 7 = 9000 р.), т.е. с 1-го сентября по 1-ое мая; а там уже выяснится как дальше пойдет дело и что в нем можно и следует делать. Бонч говорил о дешевом журнале, дешевых сборниках, и очень горячо желал, чтобы ты все это «взял в свои руки». Само собой разумеется, что, все-таки, придется выработать очень основательно все условия, нотариально закрепить их и оговорить всякие неустойки, на случай они своих обязательств по отношению к тебе не захотят исполнять, ведь Бонча самого могут и выпереть, что бывало.

Не странно ли, что так легко и само собою мне удалось исполнить твое желание издать эти книги и именно так как тебе хотелось, а Ив. Павл. уверял, что это так трудно и вряд ли возможно? Нет, годится Ив. Павл. только как корректив к моей стремительности и горячности! Надо будет мне побольше всюду вмешиваться самой.

Удалось мне получить также от Бонча и от П<ани>ной согласие свидетельствовать против П-цкого, что они оба считают не только необходимой, но и общественной своей обязанностью. Оба они утверждают, что в «Знании» происходили дела формально уголовного характера, шло наглое хищение и т.д., т.е. то, что уже известно, но очень интересно и важно будет констатировать и, особенно, доказать их показания о таких делах⁵.

Между прочим, помнишь, П-цкий говорил, будто Бонч получал огромное вознаграждение за свою рекламную деятельность и страшно дорого стоил «Знанию»? Он получал 60 р. в месяц и прослужил в «Знании» всего 11 месяцев, ушел, по его словам, потому, что ему выпало на долю, за время запоя Боголюбова, напасть на совершенно непозволительные проделки Сем. Павл., ну тот немедленно отстранил его от всех конторских дел и Бончу

пришлось уйти. Бонч утверждает, что в «Знание» много раз обращались с требованиями книг, и твоих книг, по преимуществу, от жел. дорож. киосков, библиотек и т.п. «Знание» месяцами задерживало ответы и заказы пропадали. Что счета велись явно мошеннически, записи в книги подкаблывали и т.п.

Если ты пришлешь, значит, мне или Ивану Пав. телеграмму: «Согласен» — тебе немедленно (это будет около 1-го (14 сент.) переводится 1000 р. и будет переводиться ежемесячно. Если пришлешь телеграмму: «издавайте только 7 томов» — это будет обозначать, что ты желаешь получить 8000 р. по возможности сразу и не желаешь входить в более близкое соглашение с ними. Но мне кажется *принципиально* ты можешь согласиться и на их предложение издаваться у них вообще и получать 12 т. р. в год, при том, что мы с Ив. Павл. здесь, на месте, детально разузнаем все об издательстве и формальные условия будут заключены только в том случае, если они окажутся вполне приемлемыми и подходящими. Кроме того, это предложение большой козырь в наших руках при переговорах с Сытиным, которого я немедленно вызову и буду с ним разговаривать. Если выяснится что новое — я тебе буду телеграфировать и, конечно, еще напишу, и подробно. Сытина это наверное расшевелит.

Теперь о пьесе⁶.

Иван Павлович телеграфировал мне: «Вызывайте Марджанова. Алексей Максимович телеграфировал передайте пьесе Марджанову», от Марджанова я в тот же вечер получила телеграмму: «Писал больше недели тому назад длинное письмо, очень хочу скорого Вашего приезда, могу сам приехать в Петербург, телеграфируйте, когда можете принять меня. Примите мой горячий привет, *Марджанов*». И 20 слов ответа уплачено.

Для меня вне всякого сомнения, что за «Зыковых» Марджанов ухватился обеими руками, об авансе нечего и говорить. Но не знаю я совсем, кто у них в труппе, не испортят ли они пьесу, ведь «Чудаков» уже испортили. И еще смущает меня все-таки, что хоть и «художественная», а оперетка значит в программе Свободного театра. Позволь мне сначала посмотреть самой на то, что у них делается и происходит. По телеграмме Марджанова ты увидишь, что мне на этих же днях придется ехать в Москву. Туда пиши мне: Каретный ряд, Контора Свободного театра, М.Ф. Андреевой, между прочим, пока не сообщу тебе точного адреса. Аванс в две тысячи я могу взять у Марджанова под обещание дать им твою мелодраму⁷, которую ты хочешь написать для театра, а не напишешь — этот аванс вычтется из моего гонорара, так что для них риска нет

никакого, для нас же с тобою не все ли равно, не так ли, кто за кого ответит? Помни — как бы я ни была занята в театре и своими делами, это не может помешать мне заботиться о твоих, ибо твое дело тем самым и мое, и я постараюсь нигде ничего не упустить.

Неприятно, что со свойственной ей бестактностью и желанием угодить Немировичу Татьяна Васильевна напутала с твоей пьесой <<Зыковы>> и мне придется еще раз прослать за интриганку.

Получила от нее письмо: «Я говорила с Владимиром Ивановичем о пьесе. Он очень ждет ее. Он обожает Алексея Максимовича, и ценит, и ставит высоко. Кажется, написал уже и насчет “Бесов”, и хотел писать все лето. О пьесе он телеграфировал А.М., но Алексей Максимович ответил ему, что пьеса у Вас. Вышлите ее на имя Коли».

Написала ей: «Голубушка моя, пьесу Николаю Александровичу выслать не могу, так как Алексей Максимович прислал мне телеграмму с просьбой задержать пьесу у себя, пока не получу от него письма. Должно быть, до него дошло “Русское Слово” с интервью Владимира Ивановича по поводу “Бесов”, а также известие о репетициях и о постановке этой инсценировки в Художественном театре⁸. Вы не могли забыть, что говорил Алексей Максимович по этому поводу в Римини: что он находил необходимым протестовать против этой постановки не только актерам Художественного театра, но и обществу. Владимир Иванович в своем интервью даже не коснулся этого антиобщественного значения романа “Бесы”, и его объяснения вряд ли могли переубедить Алексея Максимовича. Пока я не получу письма от А.М., пьеса останется у меня».

Не понимаю я и Румянцева. Капиталист, конечно, Сытин⁹. Напиши ему, чтобы по всем практическим вопросам он обращался ко мне, т.к. тебе и некогда, и неохота этим заниматься. Я с своей стороны написала ему то же самое, но в несколько иной форме. Торопиться снимать помещение, да еще на 12 лет столь скоропалительно, сушая нелепость на мой взгляд. Правда, он пишет, что вертится как белка в колесе, м.б. этим все и объясняется.

Очень мне по душе твое решение прямо печатать пьесу в том случае, если она не пойдет у Марджанова, т.е. если я увижу, что в Свободном ее играть некому. И лучше всего отдать ее Сытину, этим сразу ты погасишь аванс и получишь еще некоторую сумму в остатке. Ну, да это еще мы увидим, как лучше сделать.

Был у меня Тодоров¹⁰. Страшно убит, говорит, что «Болгария кончена», рассказывает ужасные вещи — очень просто. Экстракт его речей о Болгарии — довольно верно передан в «Речи» В.Я. Богу-

чарским. Спросила его — почему же его интервью и другое в «К<иевской> М<ысли>», было столь нелепое? Уверяет, что этого требовала «дипломатия».

О тебе говорил с великою нежностью, хочет писать тебе, говорит, что ты самое светлое, что он встретил и видит в России. Попал он тут очень неудачно — никого из нужных ему людей нет; «Грядущий День» будет печатать его «Строителей», а у Волынского — т.е. на квартире П-цкого, где тот и живет, — актер Ходотов будет эту пьесу читать «избранным»; тут же произойдет и чествование Т<одорова> как писателя, чем он очень смущен, т.к. «не время кому-либо из болгар думать о себе». Отказаться же считает невыгодным для своей миссии. Chki lo sa!?* М<ожет> б<ыть>, и правда. Пятницкий был у него с визитом и, не застав, оставил ему свою карточку. От товарища своего, Койгена — одного из редакторов «Грядущего Дня», — Тодоров знает, что П-цкий совместно с ними затевает новую большую ежедневную газету на смену «Рус<ской> Молве». Поживем — увидим. Тодоров обещал написать мне о том, как пройдет чтение и каковы будут его впечатления, а также и о своей встрече с П-цким. Кроме того, он собирался быть у меня еще. Если придет Марджанов — я буду в П-ге и познакомлю их, м.б., что-нибудь будет интересно поставить из его пьес, все-таки, м.б., лучше «Урвасси» или «Плача Рахили»¹¹.

Затем, видилась я с М.К. Иор<дан>ской. У них дела все так же. С Рогальским и Шахом идет третейский суд. В результате оправдают И-ских, но грязь прольется многое-множество! Настроение у них кислое¹², видела я Аленушку Мамина... Какое прелестное она производит впечатление — милое личико, прелестные глаза — и вся дергается, правая рука парализована. Ей уже 22 года, а развитие — 12-летней девочки. Но, слава Богу, нужды они не терпят: вырывают «Аленушкины сказки» и детские рассказы.

Говорила мне М.К., что Ляцкий вот уже два месяца, как совершенно ушел из «Современника», руководит всем Щеголев, а В.Я. Богучарский, будто бы собирается осенью ехать к тебе, т.к. «они очень надеются», что ты еще переложешь гнев на милость и вернешься к ним¹³. Гусев тоже собирался быть у тебя — он вот уже две недели, как уехал за границу.

...За последние дни столько вижу народу, приходится много говорить, напряженно думать, и я несколько устала, но это ничего. Попаду в Москву — там еще круче придется. Пишу я тебе много и буквально обо всем.

* Итал. — кто знает?

Ты не сердись на меня? Не сердись. Если я даже когда что и не так напишу — не ставь мне всякое лыко в строку, а всегда помни: «Эта — думает всегда только обо мне, чувствует ко мне одно хорошее, да и желает мне одного доброго». Хорошо? Пожалуйста!

З<ильбер>штейна надо простить¹⁴ — он по-другому не умеет, но намерения у него хорошие, юрист он деловой и знающий, а для данного дела все его недостатки представляют собою крупнейшие достоинства: нашла коса на камень и даст Бог ей на этом камне пополам переломиться.

Прочла я пьесу — очень мне понравилась, очень! Если пойдет она в «Свободном», я буду Софью играть, хорошо? Мне кажется — смогу.

Не написал ты мне: получил ли мое письмо с Эдельвейсом? Это Берлинское, с копиями, получил — догадываюсь по твоему отказу от присяги. Пишу я тебе последнее время тоже все «деловые» письма, и тоже иначе не могу, хотя чувствую я совсем по-иному. До физической боли мучительно сознание, что ты хвораешь, кашляешь, плохо себя чувствуешь, а я — за тридевять земель! Ничего ты не пишешь о том поедешь ли зимою в Швецию или Норвегию? Здесь, как я уже не однажды писала тебе, всё готовят для того, чтобы ты мог, если захочешь, жить зимою у себя дома. Не забудь ответить мне про Ольгу Рындицу.

Прости, что решусь просить тебя: ни о чем не говори Золотареву¹⁵, К.П. слишком хорошо осведомилась обо всем, о чем ты говоришь, с кем видишься и т.д., а это ведь не желательно. Про кого ты пишешь: «Все хворают, злятся» — кто же? Как можно было знать заранее как сложатся дела — можно было бы нам подольше побыть вместе, а то теперь Максима нет и тебе, наверное, приходится держать кого-нибудь подле себя в доме, чтобы не быть уж совсем одному... Обе Кати, Володя и особенно Юра очень тебя любят и кланяются. Кланяется тебе и милый наш солдатик Женя, ты его совсем забыл, а он огорчается.

С нетерпением буду ждать телеграммы. Завтра «Пьеди Гротта»¹⁶. Поедешь ли? Очень боязно!

Ну, будь здоров, будь здоров!! Обнимаю тебя сердечно.

М.

10 сент. 8/28 авг. — 913

8. Конец августа 1913, Петербург

Пешкову, остров Капри, Италия

Убедительно прошу прекратить немедленно спешную работу¹, мы нашли возможность устроить денежную сторону² тысячу переведет первого, подробности письмом³.

Мария, Иван

9. 5 сентября 1913, Петербург

Пешкову, остров Капри, Италия.

Не посылай никуда никаких рукописей, подожди письма¹, уже выслана еще тысяча почтой, через несколько дней Марджанов тебе переведет две по телеграфу². Радуюсь за Максима³, горячо обнимаю.

Мария

10. 26 сентября 1913, Москва

26/IX.913.

Не повезло мне сегодня: заехала ко мне сегодня Ольга Ал. Каменская¹, увезла к себе — она устраивается на квартире, разбирает вещи и случайно ей попались под руку твои письма к ним. И вот в одном из прошлогодних написано: «с М.Ф. мы разошлись, но расстались друзьями, так много в прошлом хорошего было, есть чем его помянуть добрым»². Письмо помечено 20 ноября 1912 года, Капри.

Почти одновременно вслед за этим к Ольге Александровне звонит Елена Константиновна Малиновская и спрашивает ее по телефону не знает ли Ольга твоего адреса в Сорренто, откуда она только что получила от тебя телеграмму³ с вопросами, на которые надо немедленно ответить, что ты спрашиваешь ее также об ее здоровье и просишь ответить телеграфом. Не знает ли Андреева где сейчас Горькие, в Неаполе или нет.

Сказала, что не знаю точно где, но что лучше отвечать на Hotel Royal в Неаполе, раз не сообщили иного адреса. А потом уже у меня была Ольга Каменская — дочь Ольги Юльевны⁴ — все такая же, говорила о тебе, о матери, о прошлой близости с тобою.

Бывают же такие особо удачные дни⁵.

Бросить театр я не могу — ты это знаешь, невроз сердца у меня давно, обострение в данный момент неприятно, т.к. мешает, но внимание на это обращать не стоит.

Прости меня, не пишется сегодня.

М.

11. 28 сентября 1913, Москва

28/IX.

Надеялась я Сытину все подробно рассказать о синемафотографе¹, да не вышло дело. По памятной записке, которую я ему дать успела, он сможет рассказать тебе только, очень схематически, разве об одной организационной постановке дела в настоящую минуту. Сейчас мы ищем денег, нужно тысяч 20 предварительно, чтобы заплатить нотариусу за наш договор, за общий договор со всеми вкладчиками и чтобы внести первый взнос Лианозову². Эти 20 т. р. мы тотчас же вернем из тех 90 т. р., которые нам дает «Биохром», общество с капиталом в 2 мил. рублей, купившее цветные ленты Подгурского (русского инженера) и покупающего или перекупающего у Давыдова-тенора Кинифон Эдиссона³. Но Эдиссон сам изобретает биохроматич. ленты, и, узнай он, что мы уже имеем русское изобретение, он своего Кинифона нам не уступит. Дело, как видишь, затеяно большое. Если оно удастся, целая периферия окраинных синемафотографов, да не только в Москве, а во многих местах, обеспечена. Бархатный синемафотограф нам нужен вместо мецената, он даст средства и заменит рекламу, вот для чего мы о нем хлопочем. Рассчитано все так, чтобы, щедро оплачивая труд работающих в деле, никто не брал себе наживы, но отдавал ее на расширение и поддержание основной идеи.

Удалось устроить и еще одно дело — вчера Марджанов громогласно объявил на общем собрании Своб. театра, что при большой сцене параллельно будет устроен зал Камерного театра, в котором каждый участвующий «может выявить себя». «Алексей Максимович уже давно носит с идеей коллективного творчества, мечтает о театре импровизаций. Он не откажет нам в своем участии, и нам выпадет на долю честь провести его идею в жизнь, если мы сможем и сумеем. Каждый, кто знает нечто новое, интересное, кто полюбил какую-нибудь идею, новое произведение в искусстве, будь то опера, драма, оперетта или пантомима, пластика, — пусть несет ее сюда, мы же дадим вам средства, музыку, оркестр, костюмы, все, —

и строим сцену и зал на 100 чел. публики.

Может быть, из этого выйдет что-нибудь интересное, хорошее»⁴. Марджанова качали. Балтрушайтис низко кланялся ему, «давшему возможность» и т.д.

Ты все спрашиваешь, каковы мои отношения с Марджановым — пока такие, что только бы не надо еще лучше. Говорит он со мною обо всем, советуется, каждое сделанное замечание принимает восторженно, поставил меня в труппе на положение идола. Но — я его побаиваюсь, он может быть очень несдержан, бешеного нрава человек, и очень неаккуратен в отношении женщин. Хотя, к чести его сказать, свою пассию он в театр не ввел, хотя она сама — актриса.

Санин делает разные мины, но со мною очень любезен и мил. В театре его держат в черном теле, покрикивают на него, а я с ним неизменно держлива и держусь как со старым товарищем, он это понял и, кажется, оценил.

Пока в труппе, особенно среди женщин, в моде «влюбляться» в меня. Меня прозвали «светлая», все кланяются, даже с кем я и незнакома, ведь 240 чел. труппа и оркестр, да человек 200–300, кроме того, служащих!

Театр Симов отделил восхитительно, строго, скромно и удивительно красиво. Всё — дубового дерева, не кричит, очень изящно и не «стиль нуво», прямо осатаневший! Прелестно сделан Сомовым занавес, весь вышитый, из разных кусков материи, — изумительно искусно, я тебе пришло фотографию. Но стоит он — 15 т. р.! Это уже нелепо, т<ем> б<олее> что занавес непрочный. Вообще до поднятия занавеса истрачено 600 т. р.

Видела я генеральную «Сорочинской»⁵, постановка Санина, и — блестящая! Прекрасные голоса, хорошо играют, масса веселого, легкого, хорошая музыка, оркестр. Чудесно! И смотрела два акта «Прекрасной Елены» — постановка Марджанова. Ну, Константин Алекс., конечно, не может без выверта, но на этот раз удачного, моему. Когда открывается занавес — на сцене стоит огромная греческая ваза и на ней застыли фигуры — Елены, Париса, Менелая и т.д. Затем фигуры оживают и идет первый акт. Есть длинноты, остроумие не всегда остроумно, Парис «от сохи» — грубоват и не совсем понятен, но смотрится и слушается с большим удовольствием и интересом. Восхитительно поет Елена⁶ и сама очень мила, как я тебе уже писала. Второй акт идет превосходно, трогательно, великолепно, очень изящен. Третьего еще не видала. II акт — стиль и костюмы Людовика XIV, я тебе писала уже?

Завтра посмотрю еще «Покрывало Пьеретты», пантомиму.

Не знаю, нужно ли послать тебе все «интервью»⁷, мнения, возражения и т.д. Арцыбашева, Айхенвальда, Санина, Ф. Комиссаржевского и иных прочих, обидевшихся за Достоевского? Арцыбашев грубо ругается и говорит, что у тебя «не перо, а молот, не сердце, а барабан»; Айхенвальд стонет с ужасом — «на кого он руку поднял»; Санин бьет себя в грудь: «не отнимайте у нас нашего Достоевского, он нам дорог»; Комиссаржевский тоже — как ему промолчать? ведь он — «брат покойницы». Как ответил Х<удожественный> т<еатр>⁸, ты уже знаешь из телеграммы Благова, как он мне протелефонировал. О Юшкевиче я тебе уже писала.

Просил он меня прочесть «Леона Дрея», и даже в жар его кинуло от моего отзыва⁹. Пришлось сказать ему, что он ничего нового не написал, что гораздо лучше, цельнее и художественнее Леон Дрей был написан Мопассаном и Золя, что его воображаемое «чудовище» просто ничтожная дрянь, плохо к тому же написанная, ужасным языком — «он погладил ее за спину», грязные подробности размазаны, все женщины на одно лицо и что, уважая его талант, радуясь всему, что он написал и напишет хорошего, я от всей души могу посоветовать ему только не печатать этой вещи нигде.

Конечно, он не согласился со мной, находит, что никто еще «так, до самого дна не обнажал человеческой души, цинизма, что вот это-то и есть настоящая правда, так как люди — свиньи. Если бы можно было открыть все спальни, то в каждой была бы грязь, гадость, мерзость, и только в этом люди искренни», я же, М. Ф., построила свою душу на сваях и прожила, д.б., в монастыре, не знаю, что жизнь именно такова, т.е. гадость.

И жалко и смешно было, и знаю, что многое он напускает на себя. Жалко — потому что все-таки он талантлив! Буду, д. б., играть его две пьесы, одну — «Бес», на большой сцене, другую — «Драма в доме», в Камерном. В «Бесе» кокетливую жидовку 25 лет, в «Драме» — герроинку с «руками, как белые голуби». О Господи, прости и помилуй!

Ах да, забыла! Ты на Марджанова не сердись: пока сезон не начнется — он неменяемый человек, относится он ко всему неистово. Уже недели две спать не может, в театре проводит по 18 часов в сутки, не преувеличивая. Он бы тебе написал фолианты, если бы был в состоянии, к тебе же у него прямо благоговение, и это вполне искренно и тоже — неистово, как все.

Получила только что твою телеграмму¹⁰ «не волнуйся, выздоровел, пишу» — ты зачем же издеваешься? Как я могу поверить, что ты «выздоровел» и не почувствовать, что ты д.б. рассердился на меня за то, что я не сдержалась и показала тебе

невольно, как мне тут было страшно, больно, тоскливо, очень тяжело. Как я ни стараюсь ото всех отгородиться стеной, сквозь которую не проходили бы ко мне шпильки и копья, нет-нет да и кольнет кто-нибудь, кто под видом участия, а кто откровенно злобно, кто и нечаянно, из добрых чувств. Одна так прямо и спросила: «Правда ли, что Г. Вас бросил и сошелся с женой?» Не ответила, пристально посмотрела на милую женщину и отошла. А она расплакалась, несчастная. Это все не важно, конечно, но иногда очень задевает грубость. Пишу тебе об этом, как обо всех пишу, ты так это и прими.

Прости меня за вопрос: один ли ты живешь в Неаполе, Сорренто и т.д. — пойми меня, ведь ты для меня мой муж, моя любовь, когда я приехала к тебе в Болонью и мы встретились с тобой всячески, я почувствовала что ты — мое сердце, моя любовь, моя страсть, все мое — и я твоя. Ужасна мысль, что с тобою в комнате может быть другая женщина, что она может дотрагиваться до тебя — от этого можно просто с ума сойти, ты это поймешь, поймешь ведь? Я верю тебе, но ведь ты ничего не пишешь и я не знаю кто с тобой, как ты сейчас живешь! Я знаю, что ты нездоров, я не думаю, что в тебе проснулось влечение не ко мне и, все-таки мучаюсь.

Ты иногда упрекал меня и говорил, что я не люблю никого — я слишком люблю тебя! Мне дороги дети, у меня очень большая нежность к ним; будь я им еще нужна, я была бы подле них. Им — я могу быть полезной только работая для них и снова завоевав уважение к себе, а так я им уже не нужна, они взрослые люди, у них своя жизнь. Юрий — близок мне, он очень, как-то особенно хорош сейчас, в увлечении работой, он весь горит и светится желанием сделать хорошее. Впервые он открылся с этой стороны как он верует, в разговоре-споре с Володей Крит нынешней ночью, и я была счастлива, что он свой, что душа его нам с тобою родная.

Катя, Женя, даже Борис — все это уже люди, а не дети, я для них как мать больше не нужна, разве — Катюшке, особенно, если она полюбит...

А ты — это все, что во мне есть лучшего, вот что ты для меня. И без тебя — мне очень трудно жить, хотя это отнюдь не обозначает, что я хочу и намереваюсь висеть у тебя камнем на шее. Авось ты поймешь меня!

Очень волнуюсь, как-то выйдет твое свидание с Сытиным! Очевидно подписание договора отодвигается и 1-го октября как было раньше условлено, денег не будет? Беспокоит меня все это, конечно, ну да что поделаешь! Хорошо бы заплатить деньги Каменскому до *10 октября* русского — *23 заграничного*, он говорил

мне, что ему очень нужны к этому сроку деньги. Только не думай, что он этим требовал уплаты, просто у них были плохи платежи в этом году, о чем он, впрочем, просил посторонним не говорить.

Обнимаю тебя.

М.

12. 29 сентября 1913, Москва

29 сентября 1913.

Милый, ты мой Ангел, радость моя, прочла только что «Детство» — последнее, что напечатано¹, про пожар где, — и вот сижу и плачу, как-то и от радости, что так хорошо, и от любви, и от жалости, ото всего, чего даже и не расскажешь!

Про другие твои вещи я могу говорить, про эту не могу — такое это родное, близкое и так я люблю тебя. Ты не раз спрашивал меня, почему не напишу про «Детство», — не могу. Очень я люблю бабушку, и мне почему-то чувствуется, что и она меня бы любила. Это не от самонадеянности, не оттого, что воображаю о себе слишком много, поверь, а родная она мне почему-то, и не только потому, что она твоя бабушка и любила тебя. Если тебе захочется подумать об этом, ты, м.б., со мной согласишься.

Поверь мне, Леша, когда я пишу тебе, что меня в театре прозвали «светлой», что меня считают первоклассной актрисой, что Сытин так вот ко мне относится исключительно, — я не хвастаюсь, не выставляюсь перед тобою, но у меня всегда где-то потихоньку дрожит радость: значит — я не так уж плоха, м.б., я больше подхожу ему, ближе к нему? Отнюдь не принимаю я все это как должное! Я очень часто удивляюсь: неужели это ко мне действительно так исключительно почтительно относятся? За последние годы я видела к себе ото всех и со всех сторон совсем другое, другую оценку, ты знаешь, как я на этот счет не избалована.

Последние дни я очень занята — приходится бывать на репетициях в театре, Марджанов просил, я по неосторожности сделала несколько удачных замечаний, вот меня и запрягли. Сегодня в 1 ч. дня придет ко мне с хормейстером актриса, играющая Прекрасную Елену, буду с ней заниматься². Взялась руководить классами декламации в I мужской гимназии, это даст кое-какой заработок и интересно. Согласилась быть профессором в Драм. школе Александра³, хочу давать частные уроки, благо много желающих. Очень нужны деньги, но и интересно все это.

Затем придется, д.б., много работать в Камерном театре. Вчера Балтрушайтис спрашивал меня, можно ли написать тебе и просить твоего участия и руководства. Я сказала, что можно, разумеется, т.к. тебя идея коллективно созданного сценического действия очень интересовала и ты пришел к ней уже несколько лет тому назад, говорил об этом К.С. Станиславскому, даже давал ему темы для Студии⁴.

30/IX 13 г.

Все еще шумят и волнуются по поводу твоего протеста⁵, читал открытое письмо Философова? Как все не на тему и неумно говорят и пишут! Большинство согласно с тобою, но мало кто смеет это высказывать. Вчера Оля Каменская предлагала мне подписаться под письмом присоединяющихся к твоему протесту, я объяснила ей, что мне подписываться нечего, т.к. я и ты это одно, во-первых, а во-вторых — я служу в конкурирующем театре и это было бы неудобное выступление, ибо многие все-таки знают, что я твоя подруга, что ли, хотя ты и живешь, видимо, не со мною. Подписей будет не больно много, и это жаль. Говорят, что среди молодежи идет такая же подписка, но сейчас все отвлечены очень делом Бейлиса⁶, это несомненно мешает.

Сытин уехал в пятницу 27-го (10-го), так и не захав ко мне еще раз, хотя и обещал. Очень беспокоюсь я, как вы там с ним говорить будете и не вышло бы чего-нибудь нежелательного для тебя, очень ты не приспособленный для практических разговоров «аппарат»⁷, а главное, боюсь, не помешало бы это твоему выздоровлению! Очень огорчаюсь, что Ив. Пав. мне ничего не пишет и даже не телеграфировал ни о своем приезде, ни об адресе; что не сообщил о твоём здоровье и настроении. Объясняю себе тем, что это ты ему отсоветовал, сказав, что сам успокоишь меня.

Мечусь в поисках денег, нужно до зарезу, чтобы заключить договор: Каменский — медлителен и нерешителен, да и неудобно просить его хлопотать о деньгах, а Румянцев и рад бы достать, да ему не даст никто. А не найдем денег в первых числах октября — прощай лианозовский договор, 90 т. «Биохром», и все наше предприятие отложится в очень долгий ящик, да и доверие будет подорвано. Смотри не скажи об этом Сытину, не надо.

От тебя вот уже неделя писем нет, последнее было от 3 октября заграничного, сегодня 13-е. Не знаю, где ты, и вообще на душе у меня темным-темно и грустно. А тут еще простудилась — шубы у меня нет, отопление еще не действует, и в комнате у меня север. полюс. На улице выпал снег, холодно, а тает, грязно и мокро.

Но ты, пожалуйста, не принимай этого близко к сердцу — авось

простуда пройдет, придет от тебя письмо, Ив.Пав. удосужится написать, с Сытиным все у тебя пройдет гладко, ты не разволнуешься и авось деньги найдутся. Это последнее труднее всего выполнимо.

Забыла написать: видела вчера В.Н. Бунину, она старалась говорить со мною «дипломатически» и «выведать» у меня: правда ли, что ты с Сытиным «договорился»? «за сколько»? правда ли, что будет новое издательство и какое? Я была глупа и ничего не понимала. Допытывалась, будете ли вы зимой на Капри, — сказала, что ничего не знаю наверное, но что у тебя есть настроение вернуться в Россию и пожить зимой на севере, а где будут остальные члены семейства, я не знаю. Смешная она и неумная. Ив.Ал. звонил мне по телефону, и с ним мне повидаться хочется, но еще не успела.

Ну — будь здоров! Полетела бы я к тебе без страха на аэроплане, лишь бы увидеть, хоть на минуточку.

Твоя Маша

Прилагаю милое, смешное письмо П. Абр⁸. — увидишь его — поблагодари за меня, пожалуйста.

П р и л о ж е н и е

Капитал 150 т/р.

Учредители: *Каменский В.М.* 20 т/р.

Румянцев Н.А. 20 т/р.

Андреева М.Ф. 20 т/р.

Пайщики-вкладчики: *Об-ство Биохром* — 90 т/р.

Кандидаты в товарищи — *А.М. Пешков* и *Ю.А. Желябужский*.

Предлагают пай для вкладов еще на сумму в 300 т/р.

Администрация:

Совет Общества.

Отдел художественно-литературный: *М. Горький,*

И.П. Ладыжников, А.Н. Тихонов.

-// - сценический: *М.Ф. Андреева,*

К.А. Марджанов,

А.А. Санин.

-// - технический: *В.М. Каменский,*

Ю.А. Желябужский,

В.А. ф. Крит

-// - хозяйственно- админ. *Румянцев* и кого он пригласит.

Тв. — *М.Биохром,*

Кинифон,

Окраинные синаматографы

13. Конец сентября — начало октября 1913, Москва

Прочти немедленно.

Милый друг, вот о чем, чего не напишешь по почте, хочу сообщить тебе.

Московская стачка — симптом высокой ценности¹, и это понятно кем надо, ведут себя — глупейшим образом, снова провоцируют, хотя жестоко карать и т.д. Провокация, должно быть, удалась, но ей на этот раз не надолго придушить «фатально грядущее». Организованность и единодушие поразительные, не верь, если тебе будут говорить противное, это со страху; и все — сами, без начальства, что очень грустно все-таки, хотя и неизбежно.

Эти события, весьма вероятно, не пустят тебя этой зимой в Москву; Мал<янт>вич говорил мне, что слышал от одного из м<осков>ских прокуроров выражение — «вот кабы мне в руки главного виновника вооруж. восстания, я бы его...» На вопрос: «Кто же сей?» — ответил: «ну, разумеется, Горький». Это нелепо и глупо, но — увы, считаться с этим придется. Меня пока, к удивлению того же М-ча, не трогают.

Приезд твой в Финляндию и в Пб., если ничего не изменится, обеспечен².

Меня тревожит твое отношение к договору с Сытиным. С Бончем, конечно, книгоиздательство было бы легче строить по твоему желанию, и не с кем бы тебе считаться, некого убеждать — они просто бы слушались. Сытина надо будет еще и впредь убеждать, все время напряженно работать с ним вместе, чтобы не было уклонений от твоих планов. Чтобы И<ван> П<авлович> вошел к нему в издательство — нужно время, хотя я глубоко понимаю, как он необходим. Положись в этом на меня и на ум и проницательность самого Ив.<ана> Дм<итриевича> <Сытина> — он все поймет, только не надо сразу наседавать на него.

Затем поверь: сейчас самое главное — издание твоих книг; это важно для публики — тебя снова прочтут, для текущего момента и для влияния твоего на этот момент. Уверяю тебя — я не ошибаюсь. Это самое важное. А второе — это даст обеспечение тебе, спокойствие в работе, это поможет даже в разрешении вопроса со «Знанием». Поверь, что условия очень хорошие.

Третье — для будущего важно, чтобы у Сытина осталось убеждение в нашей полной солидарности и твоем доверии не только ко мне, но и в моей трудоспособности, некотором понимании дела и твоих желаний и предначертаний. Не обижайся на его недоверие к Ив<ану> П<авлови>чу, это пройдет, он увидит правду и оценит его,

но, если его сейчас «сунуть» в дело, это ничему не поможет.

Не забудь также, что Сытину нечего знать о наших тревогах и сомнениях. Лучше, чтобы он был уверен в твоём скором приезде на север — в Швецию ли, Норвегию, Финляндию или в Пб. — там видно будет, тем более что это — наша надежда и мы с тобой верим в эту возможность! Ты сумеешь и сможешь руководить, живя поблизости, а не в самом Пб-ге, лишь бы тебе поправиться.

Ну, до свидания, Лёня. Знал бы ты, как мне тебя видеть надо.

М.

14. 1 (14) октября 1913, Москва

1—14 X. 913.

Знаешь, какая со мной случилась странная вещь? Перед тем, как ложиться спать, я всегда смотрю на ваши портреты, твои и детей. И вот — смотрю на Юрину карточку, на его губы, усы, и так странно мне вдруг показалось, что это — мой сын! Тот маленький Юрочка, с тоненькой шейкой, худенькими ножками, большими глазами и нашей взаимной страстной привязанностью друг к другу — он, бывало, когда я уходила из дому по вечерам, в театр или куда-нибудь, плакал, цеплялся за меня и умолял: мамочка, не уходи, дорога моя, побудь еще немного! — тот мой сын, наверное! И этот — мой любимый, мой сын, я знаю, но иногда как-то странно, что он, Юра.

Я очень нелепо говорю, но ты поймешь, конечно?

Мне часто бывает невыносимо грустно — была я мать, стала — любовницей, не в пошлом смысле, как обыкновенно принято говорить, но в настоящем значении этого слова, а вот теперь живу, еще не состарившись, не потеряв в себе ни мать, ни женщину, сохранив в душе любовь и к тебе, и к детям, одна, не нужная вам, — живете же вы без меня. Сама же я не живу, а только работаю, думаю, стараюсь сделать что могу. Право, я не жалею, что ж поделаешь, сама виновата, если так случилось, но нестерпимо грустно и одиноко.

С людьми я не могу сходитья — говорю, слушаю их, очень много мне люди говорят о себе, о своих бедах, горях, разочарованиях и о романических всяких неудачах, а всё и все они мне — чужие. И многое мне в них кажется лишним, выдуманым, мелким и мелочным. Уж не говорю о театральных людях, весьма жалких.

Когда мне пришлось отойти от тебя, я знала, что мне будет очень трудно, что рядом с тобою никого не поставишь, что невольное для меня сопоставление каждого с тобою будет источником большого одиночества моего, ну, вот, это и исполнилось.

Всю прошлую зиму жила в скверных условиях, и мерзла, и не доедала иной раз случайно, но было такое отчаяние безнадежное внутри, что как-то я и не заметила, что жила я физически совершенно одна. Нынче — живу в хорошей комнате, в культурных условиях, после нашей встречи этим летом, хоть и ревную, и тоскую, и волнуюсь, но, все-таки есть у меня поддержка, что ты меня любишь и немного больше знаешь, утешаешь, понимаешь... живу я на людях, и люди эти как будто выражают мне приязнь, расположение — а одиночество все растет.

Приходит Юшкевич, говорит и — мне с ним скучно — скучно. Приходит Бунин, обижается, почему ты ему не сказал, что у тебя было «Детство задумано»; говорит дурно о Юшкевиче, об Андрееве, об А.Н. Толстом; о своих болезнях, о Капри, о Константине Петровиче, об Екатерине Павловне (спрашивал меня поедет ли она в Россию и где будет учиться Максим, я сказала: ничего об этом не знаю); о своей речи «Русским Ведомостям» — а мне ску-ушно! Говорит Татьяна Вас. о Х.Т., о том как плохо репетируют «Бесов», как возмущаются протестом разные прихвостни — скучно! Скучен Вас.Мих. Каменский, которому нужно дело, — хорошо, вот на тебе дело — синематограф! Работай, возьмишь энергично, организуй! Нет, ему и хочется, и боязно свою репутацию коммерсанта замарать — давать под векселем, и денег достать энергии не хватает, и денег-то своих нет, вянет, вянет, фу, ты Господи! И выходит, что Румянцев ночами сидит составляет договор, говорит с юристами, с архитекторами, с техниками, с Леонардовым и т.д. Я ищу денег, устраиваю, хлопочу, просматриваю эти договоры, планы и тоже говорю и с юристами и с капиталистами, и даже с техниками... Досадно на эту неприспособленность к жизни, вялость, какое-то повальное неумение взяться за дело смело и энергично¹.

1-го окт. вечером.

Получила сегодня днем телеграмму от Сытина, которую прилагаю, ответила ему, справившись об адресе у жены его, послала тебе телеграмму; а полчаса — час спустя получилась твоя телеграмма, чтобы я не волновалась, что ты подпишешь доверенность и вопрос — выехал ли Сытин, на который моя телеграмма уже заранее ответила.

Сытину я телеграфировала: душевно сожалею, желаю скорейшего полного выздоровления. Надеюсь, что старик не расхворается,

это было бы ужасно досадно и жаль.

И надеюсь, что это мое письмо уже не застанет Ивана Павловича! Ах, растяпа-человек, как я просила его немедленно по приезде к тебе, написать мне подробное письмо, — он должен был приехать не позже среды, в четверг мог послать и сегодня я уже могла бы его иметь, а между тем, от него ни слуху, ни духу. Твоя телеграмма из Сорренто... где ты там останавливаешься и как живешь? Отчего именно в Сорренто, ведь там сыро и тебе всегда не нравилось?

Ты, Лёша, меня просил не волноваться и телеграфируешь, что доверенность подпишешь. А меня вот сейчас волнует подозрение и страх: а вдруг ты подумаешь, что мне самой почему-то из каких-либо личных ощущений или побуждений нужна эта твоя доверенность? Ведь мог же ты думать, что я из тщеславия и самолюбия держалась за свое место подле тебя. Могли говорить люди, близкие тебе, что мне льстило мое положение подле тебя... Мог верить всему тому гадкому и грязному, что тебе говорили и передавали обо мне... Правда, что было прежде...

Леша, неужели и теперь ты мог бы не доверять моему отношению к тебе и что во всем, что касается тебя, твоих интересов, твоего блага — для меня не может быть никаких личных побуждений, желания «поставить на своем», «во что бы то ни стало» связать тебя со мною? А это тоже будут говорить. Если бы у тебя явилась хоть тень недоверия ко мне и моим побуждениям — надо это сказать мне! Мне, конечно, будет больно, мне очень страшно от одной мысли такой возможности после всего, что было, но надо, чтобы между тобою и мною была полная искренность и прямая простота отношений. И я к тебе отношусь именно так. Но я напугана, ты так долго не доверял мне, и я очень измучена, ты это пойми.

И не предлагай своих денег, — этих денег, словно — на уплату по текущим разным делам и т.п. — у нас твердо решено, это мой ультиматум, что не должно быть займов у тебя, не брать из этих денег для экстренных платежей, т. к. дело должно быть поставлено солидно и независимо от случайных возможностей.

Досадно на промедление! Пришли ты мне вовремя доверенное письмо, договор был бы уже подписан и 50 т/р. получены, а вот теперь он заболел, кто знает, чем это кончится, не затянется ли, не начнутся ли новые осложнения. У него было такое чудесное настроение, можно было бы сразу начать переговоры о новом отдельном издательстве в Пб-ге²! Ну, да ничего не поделаешь, проживем — увидим.

Нужно будет поскорее увидеть его, как только он вернется. И, конечно, тотчас же тебе напишу про все.

Пишу я тебе, пожалуй, уж даже слишком часто? И много?

Ты напишешь Шаляпину, чтобы он разыскал меня и что мы с тобою не разошлись, не развелись, но действуем воедино? Для синаматографа это бы очень нужно было, а то без твоего письма к нему, я с ним не заговорю, он же ужасно дорог для дела! Надо ли написать тебе подробнее о синаматографе-то³?

Поправляйся, родной мой! Я что-то совсем расклеилась, кашляю как овца, насморк, голова трещит, полная осенняя распутица. Но это, конечно, пустяки и скоро пройдет.

Твоя М.

Из Пб-га по обыкновению никто не пишет⁴, будто я уже умерла! И от тебя писем нет, только телеграммы. Получить бы письмо, а еще лучше ласковое... вот бы хорошо-то.

15. 2 октября 1913, Москва

2/Х-913.

Прежде всего, Алексей, ты, пожалуйста, не запрещай мне сообщать тебе бабьи сплетни, зря я этого не делаю, а если иной раз даже и я взвою, так ты не забывай, что мне от этих бабьих сплетень приходится очень тошно и жизнь они мою обезобразили¹. Сплетень я не боюсь, но мне очень тяжело, меня оскорбляет твоя «убедительная просьба держаться дальше от этих денег и ни в коем случае не класть их в банк на свое имя». Эти деньги надо вернуть мне, т.к. я расписалась в получении их. Эта моя расписка в руках у Тихонова, а деньги, как ты знаешь, сейчас израсходованы. Это необходимо сделать немедленно.

Я потому только не отказываюсь от подписания договора с Сытиным и настаиваю на том, что это надо сделать только мне, что мое личное участие может быть полезно тебе и делу еще и в будущем², т.к. Сытин лично мне доверяет, а в сношениях с ним очень большую роль играет именно это личное отношение и доверие его.

Я никогда не стоила тебе дорого и, слава богу, что это так, но никаких сплетень, никаких легенд я не боюсь, лишь бы я сама знала, что я — не виновата. Хуже того, как обо мне уже говорили — ничего не выдумаешь и какова бы я ни была, что бы я ни делала, люди, а особенно заинтересованные в опорочении меня, сумеют сказать про меня дурное и злое³.

Что мне ходить к Плетневу⁴, когда дня, минуты нет у меня, когда бы не обрывалось сердце и я не чувствовала тоску, боль, порою отчаяние. Надо сделать что могу и расчистить тебе пути-дороги, а обо мне говорить нечего и не стоит.

Отвечать на короткие строки о театре — не считаю возможным, слишком это для меня страшный вопрос, но не забывай, что это дело меня кормит, с этим невольно приходится считаться.

Что Сытин не доехал до тебя и вернется обратно в Москву — ты уже знаешь и, даст Бог, Ив. Павлович уже пустился в обратный путь. Очень бы нужно не затягивать дело с подписанием контракта с Сытиным! Прости за театральное слово «контракт».

Теперь относительно твоего переезда через границу⁵. Ты неверно представляешь себе, д.б., как это должно произойти, а люди, советующие из Пб-га Екатерине Павловне «переезжать» вместе с тобою, вряд ли осведомлены о том, что она в твоём паспорте не значится, что жила она в России и переехала через границу по отдельному виду и паспорту. Вряд ли соображают и считаются с тем, что оба вы в совершенно разных условиях, положениях, фирмы у вас разные и розно оцениваемые. Об ее переезде через границу надо будет узнавать и хлопотать непременно отдельно и, если она ничего не будет иметь против этого, я вся к ее услугам, положиться на меня и на то, что я ее не скомпрометирую, она может. По тому, что мне известно, я бы решилась ни в коем случае «не советовать» Екатер. Павл. ехать с тобою, а с Максом, отдельно; но не ранее, чем я все наверное разузнаю. Неприятны ей мои расспросы — это сделает Ник.Ал. Румянцев, Леонидов.

Тебе сейчас ехать в Москву или не ехать — решать трудно, да и преждевременно, это видно будет. А вот где же ты будешь легкие зарубцовывать, неужели на Капри? Зимой на Капри ты снова схватишь бронхит *наверное*, не лучше ли тебе жить где-нибудь в другом месте?

Про марджановские деньги я тебе уже писала⁶, если тебе нужны деньги — телеграфируй, немедленно спрошу и вышлю тебе.

Ты не подумай, что я сержусь, мне только больно. Отчего у тебя неважное настроение? Что в России плохо? Не все и по-другому, да и так многое ты для хорошего значишь. А многое — изумительно! Ответы на протест все глупые и ничтожные⁷. «Утру России» на их просьбу дать твой портрет для возможного некролога Н.А. Румянцев в раздражении ответил, что они идиоты и хоронят здорового человека. Я ни с кем из газетчиков больше не говорила, кроме первого дня приезда, по просьбе Своб. Т. и только о театре. И вообще не говорю о тебе, поверь. С Благovým мы в постоянных

сомнениях и мы с ним в большой дружбе, он узнает сам чему можно верить. Вообще поменьше опасайся, Леша, всяких ошибок, неосторожностей, бестактностей и обмолвок с моей стороны, я довольно вышколена.

Не очень я верю в твое полное здоровье. А дай Бог тебе! Прощай, милый.

Твоя М.

16. 3 октября 1913, Москва

Ты нездоров¹, я это понимаю и мне очень тяжело, что это так, мучительно! Ты неважно настроен, многое тебя тревожит, озобочивает и угнетает? И тревога и заботы и, особенно угнетенное чувство, то, о чем ты пишешь, что оно тебе кружит голову, это — д.б., не личное? Личные твои дела более или менее улаживаются, если не случится какой-нибудь неожиданной катастрофы.

Что Сытин сейчас не попадет к тебе² — меня не огорчает, хотя за самого старика жутковато, очень мне он полюбился и хорошая есть в нем сила. Ты очень взволновался бы разговорами с ним и устал бы, это наверное, а практических результатов, желанных для дела и желательных для тебя, если ты не будешь скупиться на указания, постараюсь добиться я, разговаривая с Иваном Дмитр.

Ничего не поделаешь, Алексей, тяжелого, несуразного, нелепого очень много, и если ты приедешь в Россию, все это встанет перед тобою еще резче и ярче. Ты, как ты ни знаешь Россию, как ты ни живешь с нею одним дыханием, ты — стал европейцем. Даже вот в том, что ты так просто пишешь: мне надо быть в Москве — это сказывается. Очень хорошо, надо! Но — это еще далеко не значит возможно. И даже сейчас очень трудно определить насколько возможно или нет! И это — самое характерное. Ты пишешь: «вероятно, что границу она переедет со мною» и даже подчеркиваешь это «границу она переедет со мной»; так как «ей советовал так кто-то из Питера»³, ты даже не знаешь кто, знает ли этот «кто-то» обстоятельства самой Ек.Павл. и особенно твои, знает ли как она переезжала за границу, что у нее имеется вполне правильный заграничный паспорт, только просроченный, у тебя же есть только проходное свидетельство на русском паспорте, но ты считаешь нужным в письме ко мне подчеркнуть «границу она переедет со мной».

Затем, для Максима ты стоишь за Финляндию, — д.б. это должно

обозначать, что и Ек.Пав. будет жить в Финляндии?

Я не болтала, не зря писала тебе, что для меня дорого одно — чтобы тебе было легче, свободнее и радостнее жить, чтобы ты мог со спокойным, более или менее, сердцем работать. Никакие мелочные чувства и соображения мною не руководят. Переедешь ты границу с Екатериной Павловной вместе, или отдельно, может иметь значение только в том отношении, — каким образом переезд в Россию и тебе, и Екатерине Павловне представляет наименьшую возможность нежелательных осложнений? Мне кажется, только об этом и стоит и следует думать, не так ли? Поступать следует не наобум, не по чьим-то советам, но основательно справившись. Мне казалось бы, что следует навести эти справки как можно скорее, поэтому напиши — отклоняешь ты мое предложение сделать это, или принимаешь? И кому справляться — мне или Ник. Александровичу? Сколько мне помнится Екатерина Павловна давно уже говорила о своем возвращении в Россию, до того, как приехала на Капри, и уже после этого, — у нее были, м.б., тогда какие-нибудь сведения? Ее совместный приезд с тобой, вряд ли оградит ее от неприятностей, или они ей угрожают, т.к. скандалов, шума и того, что «скажут в Европе» и даже в целом мире, теперь не боятся, это не прежние времена. А вот своевременно предупредить самую возможность каких-либо неприятностей — это достижимо, особенно при хороших связях и хлопотах.

Где ты будешь жить, с кем и как — пусть будет только тебе хорошо, мне больше ничего не надо в сущности.

В твоём письме есть фразы: «второй день пишу тебе и получается какая-то раздраженная и бестолковая мешанина» и еще «не сообщай мне бабних сплетень»⁴...

Я очень больна, Алексей, а мне еще надо выдержать некоторое время здоровой трепки, чтобы хоть подготовить все, без чего тебе будет много неудобного, хочется хоть что-нибудь нужное сделать! Лечиться мне бессмысленно — мне говорят: «не волнуйтесь, живите спокойнее», для меня это абсурд. Ты пойми, пожалуйста, я вовсе не хочу заботиться о себе, стараться продлить свою жизнь, мне хочется сделать поскорее всего побольше, скорее и как можно лучше, как можно больше.

Будь немного бережнее со мной, это мне поможет лучше всего. Если тебе надо, чтобы я не считала себя тем, чем была еще этим летом — скажи, я пойму и отойду в сторону. Мне хотелось бы, чтобы все было ясно между нами, а есть что-то, чего я не понимаю в твоём отношении ко мне и это меня мучает. Если можешь и хочешь — помоги мне.

Напиши хоть кратко, но не сухо, не так торопливо и недосказано.
Поверь — мне нужно только, чтобы тебе было хорошо!

Будь здоров.

3/X 913

М.

17. 3–4 октября 1913, Москва

3–4/X.

Не могу понять почему тебе необходимо первое время жить в Москве, — ведь книгоиздательство будет учреждаться в Пб-ге¹, большая часть литераторов съезжается туда или даже живет там. Около Пб-га можно жить в двух часах езды от города в здоровой местности, в домашней обстановке, у себя дома, наконец, — в Москве это невозможно по всем наведенным мною справкам. В Фин. тебя можно оградить от чрезмерных и нежелательных посещений, здесь кто этим заниматься будет, да и труднее это достижимо; жить в самом городе для тебя совершенно невозможно, я страдаю от этого довольно чувствительно, а ты куда более меня нежный и тонкий аппарат. Кроме того, в Пб-ге я уверена — раз Влад.Фед.² это обещает мне — это будет соблюдено, в Москве и всюду в провинции будет полная зависимость от всяких капризов, вот почему я вчера написала, что ты не представляешь себе настоящего положения дел.

Т.к. легко понять, что каждое мое предложение и каждый совет могут вызвать разные подозрения, то постараюсь объяснить почему я писала об Екат.Павл. Проехать одной даме, да еще молодой и хорошенькой, с сыном или без него, да еще с рекомендацией свыше не препятствовать этому — просто, и пройдет незаметно. Появление в России [будет] радостно встреченный близкими и друзьями, может пройти хоть на первое время [пройти] незамеченным большой публикой, прожила же я в России, в Пб-ге полгода незаметно и только когда выступила как актриса, обо мне стали писать, говорить. Первые слухи обо мне пришли с Капри. Для того, чтобы твой приезд произошел свободно без нежелательных инцидентов, очень важно, чтобы не было неизбежного почти шума. Для этого я так усиленно рекомендую уехать прежде всего из Италии, если это не вредно для здоровья пожить в Швеции и Норвегии — если это полезно для здоровья — туда посылают больных легкими. Жить зимою на Капри вообще, для всякого вредно, очень легко простудиться и т.д., это мы знаем. Мы мечтаем устроить так чтобы тебя встретили на границе

официально, дабы избавить тебя от придирок мелких служащих, ты сам понимаешь как это важно при твоём здоровье, нервах и т.д. Я не собираюсь выезжать тебе навстречу, вообще фигурировать подле тебя, я приеду только когда ты меня сам позовешь, да будет это известно³. Пора, наконец, понять, что я люблю тебя, а не славу твою, что мне не надо и нечего стремиться блеснуть чужим светом, да и вообще все это вздор, который пора оставить.

Если ты будешь переезжать границу целым семейством, это труднее скрыть от любопытных и особенно газетчиков. Лучше было бы даже совсем не говорить и не писать об этом, т.к. очень нужно и важно не вызвать торжественных или шумных встреч, газетной шумихи и т.д. на первое время.

По тем сведениям, которые удалось получить, усиленные опасения друзей Е.П. сильно преувеличены, но, если не я, то Ник<олаев> весь к ее услугам⁴, чтоб навести самые точные справки. Насколько пока известно, так же, как П-цкому, придется очень много заплатить за просрочку. Побеспокоить могут разве только в Москве, да и то вряд ли, не стоит ворошить забытое, невыгодно и не для чего.

Очень понятно, что меня вопрос ее благополучия и безопасности интересует, раз это неизбежно встревожит, обеспокоит и коснется тебя.

Тебе не приходила в голову такая мысль: когда знакомые, близкие и друзья разводили про меня целое море грязных сплетень, слухов о том, что я тебя разорила, изменила тебе и т.д. — ты не думал о том, что отослать меня от себя и вернуть на мое место после девятилетней разлуки жену — значит подтвердить и подчеркнуть все то скверное, что обо мне распускали люди и тебе говорили.

Когда я не пугалась взять на себя процесс с Пятницким и встать вместо тебя — ты отстранил меня, под тем предлогом, что П-цкий будет поливать меня грязью.

Когда теперь я *только в интересах дела* прошу тебя дать мне доверенность, т.к. тебе это будет удобнее, раз Сыгин входит с тобой в постоянное общение, — ты под разными предложениями противишься этому и находишь даже, что я мало придаю значения твоему нездоровью.

Наконец, ты просишь меня держаться подальше от этих денег «во избежание», или как ты выражаешься, «не давай материала сплетням и легендам».

Почему ты в одном случае не пожалел разбить всю меня, измучить, выбросить на всяческое глумление и поругание, а тут, с одной стороны, пишешь в одном из своих писем: «Максиму

довольно 100 т/р», «отдай Катеринке 25 т/р», «возьми себе», а с другой — у тебя являются такие странные советы? Ты очень противоречив. Ни Катеринке денег давать не надо, ни мне, эти твои деньги должны остаться неприкосновенными, на случай разных неожиданностей, катастрофических событий и для твоей семьи.

Ты сам, если будешь здоров, для себя заработаешь, я тоже, пока жива, а заболела — угол найдется. Катя с голоду не умирает и с нее хватит того, что у нее есть, остальные ребята тоже на ноги поднимутся. А я — никаких легенд обо мне не боюсь и живу не для некролога, но чтобы что-нибудь сделать, тут без риска наступить иной раз на нечистое место не обойдешься, я этого не боюсь.

Прости, что так много писала тебе по мелкому поводу, теперь прекращу надолго⁵.

Не огорчайся, не сердись, — каждому своя честь дорога.

Будь здоров. Пиши побольше, когда будешь в духе.

М.

Сытин вез тебе мои письма, боюсь, чтобы они не пропали, там я писала обо всем без опасений слов. Досадно!

18. 5 октября 1913, Москва

5/Х.

Бывают такие незадачные периоды, когда все не ладится, не устраивается, расстраивается — сейчас у меня именно такой, неприятности сыплются точно из рога изобилия. Но это у меня.

Значит — Сытин будет у тебя? С одной стороны это хорошо, на него свидания с тобой хорошо действуют, только бы он с тобою практических вопросов не затрагивал, в которых ты великий путаник. А с другой стороны уж очень боязно, как бы не переутомил и не взволновал он тебя.

Как мне осатанело дело Бейлиса!¹ Пустобрех и кривляка — в сущности — Юшкевич, по-моему прав, что это несчастное дело мост между Грузенбергом — Саниным и Борисовым из Летучей Мыши, не знаю издали-то покажется ли тебе это остроумным, хотя Грузенберга и Санина ты знаешь.

Знаешь, кого я привлекаю в качестве техника? Леонида Борисовича². Каменский у меня в подозрении — очень уж вял, мало жизнедеятелен и уж очень боится риска! А Леонид сразу оценил значение и завтра даст решительный ответ. Он понимает, что это

сила, он — умный! И уже у него роятся планы привлечь и капитал, и работников. Очень бы мне хотелось, чтобы он взялся за наш синаматограф. А для личной своей безопасности, на случай не желательных с его стороны увлечений, познакомилась с его женой. Она мне понравилась и, кажется, и я ей. Теперь я, ворона пуганая, всякого куста боюсь, нечего греха таить.

Ну, будь здоров, Ленюшка.

М.

19. 12—14 января 1914, Москва

Написала, что мне не нужно, чтобы знали, что я стою рядом с тобой¹, не лстит блеснуть чужим блеском и — боюсь! Как-то ты поймешь, да не понял бы превратно... Я отнюдь не воображаю, что у меня «свой блеск велик», быть около тебя — для меня было счастьем, твоим доверием, твоей любовью я гордилась бы, но это — для себя, в себе, мне все равно. Но знают или не знают люди обо мне и я никогда, никогда с чужими не говорю о тебе, твоей близости ко мне. Заметь в интервью со мной, единственных за время пребывания моего в России, ни в одном нет ни полслова о тебе². Я отказываюсь говорить. О заметке в «Утре России» я тебе уже написала, что я тут ни при чем. Разве только то, что во время визита репортера *была в квартире Румянцева*, о чем Н.А., конечно, не упоминал. Знают, что я с ними близка — этого оказалось довольно, чтобы я фигурировала.

Сейчас сижу дома, сильно простуженная, но от этого дело не стоит — усиленно работаю по синаматографу. Эх, кабы это дело удалось!

Отчего ты так пессимистически настроился относительно «Св. Театра»? Дошли какие-нибудь слухи? Или с моих слов? Не хуже он Х.Т., во всяком случае, хоть это и не утешает.

Скорее бы возвращался Ив.Павл.³ Очень он нужен! Да и скорее бы уж закрепить договор с «Тов. Сытина»⁴. Сейчас пойду говорить с Благовым о старике.

Ну — будь здоров.

М.

Все мне оправдываться перед тобой приходится. Эх, ты, — мало ты знаешь меня все-таки...

20. 25 ноября 1914, Киев

25 ноября 1914, Киев.

Очень досадно, что именно сейчас, когда предстояло сыграть несколько приличных ролей, я расхворалась. Пишу об этом только потому, что ты получаешь «Киев. Мысль» и, значит, все равно узнаешь.

У меня грипп, с хрипами в правом легком, острое воспаление носоглотки, — это очень неприятно, потому что очень больно глотать и голова болит, но серьезного ничего нет.

Сегодня придет Ив.Ив. <Манухин>¹. Вчера был какой-то театральный коновал и говорил страшные слова.

Я просила его помочь, чтобы я сегодня могла сыграть «Сестру Беатрису»², мне так тяжело и грустно, что все так неудачно сложилось. Температура вчера была 38 и вечером 39, сегодня утром 37,5 — значит, кончится пустяками, но от этого не легче.

Вчера я не поздравила даже своих Катерин³, очень голова болела — извинись и объясни.

Завтра напишу.

М.

21. 27 сентября 1915, Москва

27-го.

4-го я поеду в Петроград, вместе с Юрой и Незлобиным, т.к. без меня, как это ни странно, ему вряд ли удастся устроить дело; кроме того, выгоднее, чтобы впоследствии иметь больше влияния на репертуар и общий ход и ведение дела, чтобы я была замешана в историю найма театра и отыскание средств¹. 4-го, после спектакля «Закон дикаря», значит, с самым поздним поездом выедем.

Да, я очень много работаю и очень много ищу заработать, очень много ищу возможности устроиться в будущем, значит очень занята, т.е. много занято времени. Сложилось так, что только когда я играю — публика охотно идет в театр, когда я занята — аншлага нет — я играю минимум 4 раза в неделю, да два-три концерта, это не мало.

Ты все точно фехтуешь, когда пишешь!

Я люблю тебя, меня тянет к тебе, мне иной раз хочется нестерпимо тебя обнять, поцеловать, прижаться к тебе... иногда подружески, иногда по-женски... Приходится отвоевывать себе место, положение, люди этого не прощают, в молодости все это легче,

конечно. Я знаю — своего я добьюсь, хотя мне никто, никто не помогает...

И я прекрасно знаю, что дело мое очень маленькое, даже мало заслуживающее уважения, но без него мне просто нечем будет жить. Пока я, конечно, почти ничего не зарабатываю, но буду получать больше, к этому я очень стремлюсь, это — трудно.

Знаю, что ты несравненно больше меня, дело твое важнее и нужнее, и твое дело я очень уважаю, ты меня — мало.

Если тебе мой приезд будет приятен — буду очень рада.

М.

Человек я была жизнерадостный, но чтобы я была очень веселой — не скажу.

Если бы ты мог себе представить мое настроение — ты приехал бы... Конечно, если ты, действительно, здоров. Сама не еду — т.к. ты не зовешь.

М.

22. 5–6 октября 1915, Москва

Писем, конечно, ни от кого никаких. Не скажу, чтобы это было великодушно, т.к. поехать мне невозможно: играю, репетирую новую большую и очень тяжелую для меня роль в Арцыбашевской пьесе «Закон Дикаря»¹...

Очень меня ошарашило, что моя посылка тебе, которую я отправила к тебе с оказией еще 30-го сентября — вернулась ко мне тебе недоставленной. Смущена ужасно, хотя лично и не виновата в этом казусе: дама, ездившая в Петроград, заболела и ее увезли обратно в Москву, разбитую нервным параличем. И только вчера сообщили!

Особенно, конечно, обидно за письмо Ивана Ивановича²!

Посылаю две рукописи, одну переданную из рук в руки, другую, присланную и распечатанную, чтобы видеть не спешное ли дело.

Звонила какая-то дама-литератор Софья Абрамовна Леонидова, жаждущая тебя видеть³.

Пьеса Арцыбашева сделана по его же синемаграфическому «Мужу» — я играю жену. Думаю, что играть буду хорошо, совсем не то и не так, как написано у автора⁴. Одно хорошо, что Белгородский не занят в пьесе. Пьеса — тихая, арцыбашевская.

Ах — нет пьесы! И так тоскливо играть все такую мелочь.

Что Тихон⁵? Ведь его тоже, д.б., пересматривают? Не втянуться бы ему, сохрани, Бог!

Напиши хоть ты-то, Леша...

Ужасно устала я от мелочности, друг... И как не стыдно в такое время заниматься ими...

Сегодня играла в 8-ой раз «Маленькую Женщину», и все время на нее хорошие сборы. Вот и работай на такую публику!

Если будет 4 дня без спектаклей — попробую отпроситься, но боюсь, что не пустят, очень еще у нас беден репертуар, да и не очень велик успех у других пока.

Как-то ты живешь там без меня? Смешно, что я такой бобыль на старости лет; особенно смешно, что я: я такой семейный зверь... Не хворает ли? Всегда за это сердце болит.

Я сегодня отказалась выходить кланяться публике, хотя они меня вызывали, как бешеные. Мне было противно идти кланяться тем, кто только что смеялся и только потому, что я свою душу разрывала в клочья, чтобы победить их, заставить *их плакать над поруганным* чувством несчастной, глупой бабенки, я не могла.

Перед спектаклем я прочла твое письмо⁶. Многое мне из грехов моих проститься должно за сегодняшний вечер, и вот эту ночь, когда я одна буду метаться как зверь в клетке. Всегда, всегда и навсегда — одна, это я теперь знаю. Поняла.

Приехал Ив.Ив.⁷, устраивает лазарет. Очень разочарован в Терещинках, они ему такой там бенефис устроили, что ах-люли. Похудел, очень нервен. Говорит — буду лечить за деньги, но дела не брошу. Таточка⁸ что-то «творит», смешная она и какая-то детская, хоть и большая.

Александра Алекс.⁹ носится с выставкой. Истеричка она, но я ее, слава богу, вижу редко. Верю, что она хорошая, но быть с нею ближе — мне кажется очень опасно, а Татьяна с нею очень дружит¹⁰.

По дошедшим до меня сплетням, Иорданский звонил здесь что-то в редакцию «Русского Слова» о том, что ты, будто бы, хочешь стать редактором газеты этой, с условием убрать Благова и всех прочих. Поэтому Благов особенно настроен против тебя, «ненавидит» даже, будто бы, и строит тебе всякие каверзы.

Между прочим, они будто хотели напечатать два-три фельетона из «Отрочества»¹¹ перед самым Новым годом, чтобы повысить подписку, и доказать, что Г. с ними, но этим помешать выплатить тебе иск 30 т/р, которые ты должен бы за «Отр.» получить по напечатании.

Сообщаю на всякий случай, т.к. ты сам только разберешь что тут мож. быть правдой, но Иорданский болтун и враль, и ему очень хочется, чтобы его считали осведомленным во всем человеком, хорошо с тобой знакомым.

Прости, что пишу о неприятном!

Очень огорчаюсь молчанием. Ведь волнует же это, господи, а у меня неприятных волнений и так немало.

Благодаря Румянцеву, удалось выцарапать нашего управляющего и, кажется, удастся выцарапать зятя Ив.Ив-ча, но за это Ив.И-чу придется лечить Бутову¹² и Клавдия Сапунова¹³.

Наверное, опять все Малиновские будут ужасаться моей способности «разбивать семьи», но ты на это не обращай внимания: это неправда. Держиморды у меня не в чести¹⁴. Да и никто не в чести. Скучно мне очень. И хотелось бы видеть тебя... Ну, будь здоров.

М.

23. Середина октября 1915, Москва

Письмо твое показывает мне, что ты очень нервен, очень раздражен и не все тебе удастся¹. Очень жаль и больно за тебя, очень грустно, что тебе всегда так неудобно.

Может быть мне удастся здесь устроить тебе удобный угол: одна актриса уезжает отсюда в Одессу и предлагает мне взять ее три комнаты — гостиную, столовую и спальню, ванную очень хорошую и кухню. Разговор идет о цене, она хочет 300, я даю 250. Оставаться жить в гостинице мне положительно не по средствам, т.к. на еду, самовары, белье, на все набавили невозможно, да и начинается ощущение неприятностей от плохого масла, сдабриванья перцем, солями и т.д. не совсем первосортной провизией.

Ну да это еще под вопросом.

Ужасно расстроило меня твое сообщение о том, что в квартире сор и грязь, что тебе мешает стук и возня мебельщиков, что ты вообще, по всем данным устроен очень неудобно². Понять не могу, почему это? Кажется, на той неделе у меня будет три дня свободных, я тогда съезжу в Петроград и посмотрю сама нельзя ли поторопить кончить все и чтоб тебе не было так скверно.

Юрию я написала длинное и очень серьезное письмо, жду от него ответа и очень волнуясь — что-то он напишет?

Катя опять лазарешничает³! Не радует меня это.

И вообще — если сказать чтобы я да радовалась, таки надо говорить нет, не радуюсь. Это я из пьесы Юшкевича, извини, пожалуйста, заражает.

Приехал Сема Никритин⁴, вожусь с его устройством, помогает

мне в этом Валентина Никол. Вольская. Много я милого и внимания вижу от этого приятного существа.

Румянцев не заслуживает твоего дурного отношения⁵ — он ничего себе человек и его держимордство легко с него слезает. Он просто никакой, так — добрый малый, попавший в мнимое и неловкое положение ревнуемого Дон-Жуана, а он просто перина. Когда ты приедешь, я буду тебя очень просить принять его и вообще не показывать неприязни, так как это для меня было бы неудобно и подтвердило бы глупые сплетни*. Ты ни словом не обмолвился собираешься ли приехать? Письмо твое очень колючее и незаслуженно мною сухое.

Будь здоров, Леша, не сердись на меня.

М.

24. 22 или 23 октября 1915, Москва

Мне сейчас очень трудно. Как разругали «Закон Дикаря», ты читал, д.б.? Жду того же и здесь¹. И это, конечно, неприятно. Волнуюсь ролью, огорчена. Театр плохонький, актеры — горе. Не знаю, как буду играть сама, т.к. роль ничтожная, неинтересная, все приходится делать. Автор <Арцыбашев> противный, жена его еще того хуже. Мне обещали избавить меня от необходимости подать ему руку. Общие настроения, разговоры кругом — сумбурно противоречивы, как-то ни на что и ни на кого не хочется положиться. Живешь без будущего.

Одинока очень, конечно. Но к этому я уже начинаю привыкать. Из слов Тихона видно², что в Москву тебе ехать незачем, — значит, увидимся не скоро. Я играю на той неделе 27, 28, 29, 30, 31. Насколько буду впредь занята, конечно, зависит от успеха «Закона Дикаря». Если я говорю об успехе, то, конечно, разумею одну возможность: скандал, ругань и — публика повалит.

Сегодня Незлобин что-то пришел в такой восторг, что ни с того ни с сего поднял меня на руки и снес со сцены в залу. Это было очень смешно, неуклюже и для всех, начиная с меня, неожиданно. Д.б., не буду иметь у публики успеха: так всегда бывает, когда актеры хвалят.

Знаю, что у тебя совсем другие настроения, живешь ты в других перспективах и интересах и я где-то далеко-далеко, так, в виде

* Эти слова Горький подчеркнул красным карандашом. — *Ред.*

какой-то доброй знакомой. Никого не вижу, даже Манухиных, т.к. с ½ 11 до поздней ночи в театре. Какая с Ив.Ив. вышла история — ужас! Аня доходит уже до истерических припадков от возни с выставкой³.

Я вполне здорова, хотя простужена, но без этого нельзя служить в театре.

Будь здоров.

М.

25. Октябрь (до 28-го), 1915, Москва

Милый мой Леша!

Пережила очень тяжелую минуту сегодня! До сих пор мне счастливо удавалось избежать знакомства с Арцыбашевым. Незлобин обещал мне не делать мне этой неприятности до последней возможности, так как публичного скандала и неподавания ему руки мне не хотелось. Но вот сегодня жена Арцыбашева, Княжевич, неожиданно берет меня под руку и говорит: «Пойдемте, я познакомлю вас с Мих.Петр.». У меня сердце захолонуло, но я спокойно и просто ответила ей: «Благодарю вас. Этого не надо делать». Она еще настойчивее говорит: «Но почему же? Хотите, я подведу его к Вам?» — «Нет, Елена Ивановна, мне не хочется знакомиться с литератором, впервые в русской литературе унизившим женщину. Сама я русскую женщину очень уважаю, и мне не хочется пожимать руку человеку, написавшему “Санина”, “У последней черты” и т.д.». Она стала говорить что-то об узости таких взглядов, о том, что «М.П. в жизни очень скромный человек», что она знает от Миролюбова о «каких-то взглядах на М.П-ча М. Горького». Я остановила ее и сказала, что хотя я очень высоко чту Горького, глубоко солидарна с ним во всем, но в данном случае Горький совершенно ни при чем, так как во мне говорит просто человек и женщина, возмущенная принципиально против литератора, а не личности. Стала она еще что-то лепетать о том, что «М.П. очень хороший человек, а Тургенев был мерзавец, Горький же впервые со сцены пустил бранные слова». И мне пришлось сказать ей, что слушать такие речи мне непристойно и я ее прошу замолчать. На этом пока дело кончилось. Хватит ли у этих людей такта не раздувать этой истории — не знаю, покажет время. Поступить иначе я не могла. Очень извиняюсь перед тобою, что меня поставили в такую позицию по отношению к тебе.

Пьесу <«Закон Дикаря»> у нас играют так, что она стала вполне благопристойной, я для этого постаралась сделать что только могла¹. Была у меня Миртова². Она написала еще одну пьесу «Хищница», которая мне нравится, как протест против христианства, отречения, платонической любви (по-моему, она всегда граничит с импотентностью или извращением). Со мной она очень славная; огорчена, бедная, ужасно тем, что так искалечили и окарикатурили ее писательницу, поэтов, так вычеркнули и обезличили пьесу, в этом она совершенно права и я ей очень сочувствую. Но — она из лагеря Мережковского. Ах, если бы Горький написал пьесу!!

Как бы мне хотелось хоть одного ласкового слова, как мне теперь без тебя... А ты, по-видимому, от меня совсем отвык? Очень жаль.

М.

26. 28 октября 1915, Москва

Пишу тебе и смущаюсь, сознавая, до какой степени твои планы и настроения далеки от всего, что приходится переживать мне, и не хочу молчать, хочется поговорить с тобою.

Вчера на генеральной все ходили ко мне, целовали ручку, благодарили, говорили о том, что я «спасаю пьесу»¹ (?!). Я волновалась, конечно, переживала нелепую драму чуждой, не нужной мне этой Зиночки¹. Всегда волнует и радуется, когда видишь свою силу, видишь, что ты можешь что-то сделать. Но, господи! Ведь это же все не то, сознаю, что могу гораздо больше, хочется кричать истощенным голосом, передать людям хоть частичку того, что пережито, передумано, перечувствовано, хочется, чтобы люди как-то выпрямились, подняли голову, стали лучше, сильнее... Это не слова, не фраза, не поза, как думают всегда про такие чувства, — может быть, это самое дорогое и ценное, что есть во мне.

Пришла домой разбитая, опустошенная, повалилась на кровать и до утра пролежала, почти не засыпая, и все думала, думала, не словами, а так как-то... Сегодня у меня такое ощущение, будто я постарела и мне лет сто. Обидно в нашем ремесле эта подчиненность чужой воле, чужому образу, обидно, что не пишут, не напишут таких слов, которые бы можно было сказать как свои родные, настоящие.

Вот — мой катцен яммер²!

Посылаю тебе письмо Санжарь³. Не зная как ты отнесешься к ее письму, я, на ее обращение ко мне за содействием (?) ответила ей

сообщением, что письмо тебе переслала, а ее пригласила к себе зайти как-нибудь. Ее письмо ко мне — повторение мольбы о прощении твоём, чтобы я, как женщина помогла ей женщине — этим она задела меня за чувствительную струну.

Волнуюсь очень, не зная, как ты отнесешься к моему отказу познакомиться с Арцыбашевым.

Вчера была премьера пьесы Леонида⁴. Сергей Глаголь в «Утре России» назвал его Шекспиром! Пресса пьесу приняла холодно. Публика премьере аплодировала. Актеры и театр сделали все возможное, — это лучший театр в Москве — я уверена. Судя по содержанию, пьеса вряд ли удачная.

В воскресенье я перееду на новую квартиру; со смертью Мих. Ив-ча гостиница приняла совсем другой характер, стало очень дорого. И уж очень шумно, суматошно, устаешь очень.

Адрес мой: Настасьинский переулоч (Тверская) дом № 4, кв. 7. тел. 3-32-95.

Это много ближе к театру и в тихой очень местности, переулоч выходит и на Тверскую к дому «Рус. Слова», и на Мал. Дмитровку, где мы собирались взять на прокат мебель, м.б., помнишь?

Ты совсем не собираешься в Москву? Очень бы хотелось тебя увидеть.

Будь здоров, и пусть бы тебе было хорошо.

М.

27. 29 октября 1915, Москва

Как и прежде это бывало твои письма-отповеди приходят особенно неудачно¹.

Вчера была премьера Арцыбашева. Автору свистали. Я играю, сама знаю, очень хорошо, но стоит мне это дорого: победить смех публики над кинематографической стряпней автора и заставить ее слушать себя, заставить их почувствовать, что у меня-то душа разрывается, а они смеются, заставить их рыдать и падать в обморок — я это делаю. Я обязана это делать. Но это очень трудно. Сегодня я сама упала в обморок и была астма. Правда, я играю эту пьесу четвертый день: две генералки и второй спектакль. Завтра идет «Маленькая Женщина», в субботу опять «Закон Дикаря». Я живу сцепя зубы. Тихонов не чужой человек. Писать о себе больше никогда не буду, довольно. И ты все равно никогда не почувствуешь и не поймешь почему и что, примешь мои слова за неискренность. Общее важное — я чувствую, но и я человек.

Очень жаль, что все так плохо устроено — я не думала, по правде сказать, что уж так много буду занята и надеялась самой во многом принять участие. Пожалуй, это ошибка с моей стороны что я не устроила Юрия, Катю, Бориса и Женю отдельно от тебя².

Об Иване Павловиче я сказала только одно — если он будет жить в комнате рядом с твоей спальней, то мне придется, приехав, остановиться в Жениной комнате, значит — совершенно отдельно от тебя — мне казалось, что это не только мне, но и тебе будет менее приятно и удобно. Спать в твоей комнате и бояться слово сказать, шевельнуться, т.к. Ив.Пав. рядом и все слышит — невозможно. Вот и все.

Ради Бога, пусть Иван Павлович живет в той комнате, которая предполагалась для меня, я отлично понимаю, что это необходимо и тебе, и для дела, жить ему в Лесном невозможно! *Я очень прошу, чтобы он поселился с тобою вместе.* Катю и Юру я попрошу приехать по очереди ко мне, сама в Петроград не поеду, даже если и выдастся время и возможность ехать, а с тобою увидимся тогда, когда тебе можно будет или уж очень захочется. Ну, а приеду — остановлюсь у Катюшки, с нею вместе. О пьесе, пожалуйста, не думай³, не стоит она этого, тем более не стоит тратить времени, чтоб создавать то, чего ей недостает: глубины содержания, содержательных слов, речей и т.п. Надеюсь — ты согласишься, что я говорю это искренно и очень серьезно?

...Отзывы о пьесе Андреева из «Утра России» и «Рус. Слова» прилагаю, остальные постараюсь достать и пришлю потом. Кроме Голоушева, все бранят Андреева. Я знаю отзывы лиц, бывших на премьеры, — Юшкевича, его жены, нашей актрисы Рутковской, все, точно сговорившись, находят, что Андреев издевается над публикой, что пьеса написана нарочно. Мне кажется — они ошибаются и Леонид глубоко верит в свой философский гений. Пьеса успеха не имела, в сущности; несмотря на блестящую постановку, играли много слабее. Ты не подумай, что я обиделась, это было бы оскорбительно. Просто тяжело сознавать до какой степени я для тебя чужой человек.

Ну, прощай.

М.

29/X 915. В воскресенье я перееду из гостиницы. Я уже писала тебе, что жить в ней мне не по средствам и неудобно. Адрес тебе известен. Удивляюсь — почему ты не скажешь, чтоб отпустили горничных, которые ничего не умеют, как Поля и Ириша, и не скажешь, чтоб взяли более ловких. Катя, насколько я ее знаю, человек очень толковый. Ты сказал бы Юрию, сколько именно ты

желал бы тратить через Ивана Павловича, определил бы ему бюджет. Вот эта строка — очень неприятная. Хорошо бы ограбить кого-нибудь, право! Хорошо бы заработать.

Д.б., я скоро поступлю в синемаграф⁴, это хоть сколько-нибудь даст. И хорошо бы устроиться служить в Петрограде, хорошо, если бы Незлобину достались Народные театры, относительно репертуара его можно ограничить, но с ним работать лучше, чем с Карповым, тот — могила.

Немного я на хохла, мечтающего о 100 целковых, похожа. Ну, что поделаешь.

Это письмо повезет с собой Юлий Авг<устович> Грожан⁵, поэтому могу сообщить еще кое-что.

У Вольского сидит А.Н. Потресов. Здесь почти ежедневно собрания⁶. На всех Ек.Дм. <Кускова> с Сер.Ник. <Прокоповичем>. На днях на одном таком собрании Ив.Ив. <Скворцов-Степанов> схватился с Вольским по вопросу о национ. самообороне. Вольский, как я поняла, отрицал империализм в России как таковой, на Западе — как тенденцию, Ив. Ив. с ним горячо спорил. Брожение *слов* очень сильное. Нет никаких солидных оснований у меня, но ощущение наличности большой провокации. Вольский, мне кажется, запутается, он не так ловок, как думает, очень уж он лавирует между Сциллой и Харибдой. Но и до сего дня он типичный меньшевик, поскольку умею судить.

Я занята сбором на школу-клуб.

Ивану Павловичу пишу письмо, усердно прошу его поселиться с тобою вместе⁷.

Вещи Критов я прошу убрать в склад, и на днях это будет сделано, я надеюсь⁸.

Мне очень жаль, что я сейчас совсем лишена возможности устроить тебе более удобную жизнь.

О моей астме не говори, пожалуйста, ни Юрию, ни Кате, очень прошу. И тебе-то написала стгоряча — очень жалею.

М.

28. Конец октября 1915, Москва

Получила твое письмо¹ — пьеса просто слабая, играть ее не надо, все, что пишешь о личном — верно, хотя — по совести — этого личного не так уж много в самой Вере, м.б., больше всего личного в тех словах 3-го акта, которые тотчас же вычеркнула, если бы Степан

не вернулся, — было бы больше личного, чего я старалась избежать, уверю тебя. Сама я играть не буду, этого делать не следует, в другом театре, м.б., сыграют.

Надо написать другую и та, м.б., будет лучше. Я уже занята этим. Искубурис конечно, надо отставить и дать ему другой анекдот, Исайченке.

Я не решилась даже посылать тебе рукопись и сейчас мне мучительно неловко перед тобою².

Отчего ты пишешь так холодно? Отчего ни слова о том, приедешь ли и когда?

Может быть, ты думаешь, что мне слишком весело и хочешь, чтобы стала серьезнее?

Мне не весело и настроена я очень серьезно. Мой успех — пустое, я делала не то, что хочется и что могла бы сделать, ношу платье не по росту, ты не можешь не знать этого!

Я очень стосковалась по тебе.

Прощай.

М.

29. 3–7 ноября 1915, Москва

3-го.

Эх, ты, профессиональный сердцевед!

Ничего ты не понимаешь, друже: никакой обиды не было в моем письме¹ и вообще я не чувствую, а огорчилась я и давно уже огорчаюсь — очень.

Меня огорчает, что тебе не о чем мне написать, что не хочешь поделиться своими думами, работами, радостями и огорчениями. Что о тебе я узнаю либо из газет, либо от Ольги Каменской, Зинаиды, от совершенно посторонних людей, что-де был ты там-то, сказал то-то, или что-то, озабочен тем-то, тому-другому писал так-то — больно².

Но — раз человеку не хочется быть ближе, поделиться с тобою своим, как ты там ни огорчайся, он от этого к тебе ближе не будет и потому выражать свои огорчения, показывать их — не следует.

Перестану, если могу перестать.

Что я всегда живу личной жизнью — это правда, да по-моему иначе и не живут, раз я что-то делаю, чем-то живу, значит это и есть личное, как бы мало приятно, а иногда и общо, общезначимо даже это ни было!

Напрасно ты ни звуком не ответил мне на мой вопрос как ты относишься к моему отказу познакомиться с Арцыбашевым, это меня беспокоит.

Третьего дня видела Ив.Ал. Бунина и его жену, они были в Лит. кружке на реферате Яблоновского о «Тоте»: так называют эту пьесу Андреева <«Тот, кто получает пощечины»>. Я приехала после спектакля и застала уже только потасовку между ярым апологетом Серг. Глаголем, хулителем Яблоновским и хулиганом Марком Криницким. Что думает Глаголь, тебе ясно из его рецензий, реферат Яблоновского я тебе пришлю, он очень полно отражает общее мнение, а Марк Криницкий просто назвал всех современных критиков «отродьем», комарами, «ослами от литературы» и т.п. Впрочем, с его мнением, что-де «Белинский не был Яблоновским», нельзя не согласиться. Публика не дала ему говорить, свистали, шикали и вообще вели себя по-готтентотски.

Странное у меня вообще было впечатление: точно я воскресла из мертвых, пришла к людям, которых не видела лет 15, и вдруг все они стали такие жалкие, смешные, старенькие, и все таращат на меня глаза, не понимая, почему же это я-то не похожа на них. Не скажу, чтобы это было весело.

Со мною очень мил, сопровождал меня и в этот раз, старается познакомиться меня с современной интеллигентной Москвою Кожебаткин. Он, кажется, славный малый, не зазнайка и держит себя скромно. Ужинали с Буниными, Кожебаткиным, Полевицкой и ее мужем, режиссером Шмитом, которого оказывается я давным-давно знала как адвоката.

Последние две неприятные, но приходилось делать милое лицо — товарищи-переплетчики, то бишь — артисты. Полевицкая, по моему, грубая провинциальная актриса, играет подчеркнуто, выдуманно. Шмит просто ловкий дядя и неизвестно почему он режиссер. Я понимаю ненависть к нему Санина, который действительно талантлив и интересен, а Шмит своим умением устраиваться, знакомствами и ловкостью оттирает его на задний план.

«Закон Дикаря», по-видимому, продержится недолго, нельзя все-таки быть нахалом и пошляком *plus ultra*³. Это несколько утешает. Господи, как хотелось бы сыграть что-нибудь хорошее, человеческое и умное!

Вряд ли будет иметь успех пьеса Юшкевича⁴, уж очень она специфична. И нужно было бы, чтобы все роли играл сам автор или хорошие актеры-евреи: наши жаргонят, но это свойство отрицательное, на мой взгляд.

После нее пойдет «Марьин Дол» Каржанского⁵ — это, должно быть, будет полный провал, но наш режиссер, Званцев, влюбленный в актрису Рутковскую, думает, что она победит Москву, играя лихорадку любви Полюбии (она же девица-конторщица Любовь). Актриса Рутковская очень хорошая, умная, милая женщина, но пьеса Каржанского ей на своих плечах не вывезти.

Затем, д.б., пойдет пьеса Шоу «Это ее первая пьеса», если ее не поставит раньше Корш, и все мечтают, что ты дашь что-нибудь свое. Искренне говоря, мне было бы теперь обидно, чтобы в этом театре, после Арцыбашева, шел Горький; хотя и говорят, что своя шкура к телу ближе, то есть ближе-то рубашка, но шкура больше чувствует, видно, трудно мне разобрать, где она твоя и где моя.

Почему-то мне кажется, что хорошо было бы, если бы ты побывал у меня. Хорошо было бы приласкать тебя понежнее, да погорячее. Мне тебя видеть страшно хочется, но если бы я поехала бы к тебе, то мы мало побыли бы вместе: и жить придется в разных концах квартиры и народу кругом уж очень много, а тут мы побыли бы хоть немного вдвоем, в те минуты и часы, когда ты не убежал бы от меня, а я не играла бы⁶.

Ты опять, д.б., зыкнешь на меня, обвинишь в сентиментальности, — в лучшем случае, в легкомыслии, непонимании тебя, времени и т.д., и т.д.

Все я понимаю, мне думается, подчас до того, что хоть ложись да помирай... Но я не могу жить с наморщенным лбом, обстригая, да обчекрыживая себя со всех сторон! Много ли и жить-то осталось? Да и тебе, если бы ты понял, наконец, мое отношение и к тебе самому, и к твоей жизни, и к обществу — стало бы, пожалуй, легче и лучше.

Не все уж так одна пошлость, пошлостью живо, не везде и во всем она растет, в это я крепко верю.

Твои письма в эти последние дни сильно напоминают те, которые я получала в Копенгагене с Капри. Это наводит на грустные размышления

...Хорошо было бы, если бы Тихонов поскорее приехал, тут снова возникают синематографические проекты⁷. У меня был предс. Прав. Кооператива синема Жектянин. Было бы хорошо поговорить с ними, так как они собираются «просвещать народ» вкупе с Кулаковым, Семеновым-толстовцем, Н.В. Чеховым и т.д., это пугает. Сколько сумела и смогла, я постаралась посеять сомнение в желательности такой просветительной К^о, говорила о вреде народничанья учительства, о пользе науки и знания, но мой один голос что значить может? Посылаю их письмо и программу для

сведения.

Вот для чего хороша может быть драма Гребенщикова⁸, ее легко переделать в сценарий, и в этом виде она могла бы сыграть, мне кажется, хорошую роль. Нельзя ли поскорее снести с ним по этому поводу, как ты думаешь?

Завтра у меня будет Вербицкая⁹, просит играть в синемо какой-то ее новый роман-сценарий. Д.б., откажусь, но мне интересно ее видеть. Меня вообще тянут всюду, приглашают, но это очень обоюдоострое дело.

Страшно интересуюсь, какой оборот примет дело Народных театров¹⁰. Была бы очень тебе благодарна, если бы ты отвечал на вопросы мои, пусть хоть не сам лично, попроси Ивана Павловича, в его дружбу и доброту я верю.

Чем дальше, тем меньше мне нравится моя несчастная пьеса. Очень хочется написать другую. На той неделе я уже меньше буду занята и, д.б., примусь за эту работу. Можно мне будет прислать пьесу, раньше тебе, а потом уже переписать ее? Или тебе уж очень некогда? Тогда я подожду лучших времен.

Очень я рада Катюшке, как-то мы с нею сейчас очень хорошо живем, и я целыми днями не расстаюсь с нею, только когда играю. Обидно, что она торопится домой.

Не пришлешь ли ты мне с Юрием книг? Покупать очень дорого, а мне хотелось бы не терять связи с тобою, что происходит.

Сколько фельетонов будет в «Р.С.»? Писать по этому поводу мне не хочется, но сердце забилось, когда я увидела твою подпись. А Сытин, видимо, убедился, что моя особа «не стоит внимания больше», и усердно спрашивает о тебе Е.П-ну, о чем мне сейчас же дают знать. По совести говорю — это так мелко, что я даже не обижаюсь. Ноне тебе одному с пошлостью иметь дело приходится, будь спокоен, только это всегда было.

Мне интересно было бы знать, когда вы выпустите первую книжку, что пойдет в 1-ых №, кто официальные редакторы, кто каким отделом заведует — хорошо было бы, если бы кто-нибудь мне об этом написал.

...Где и когда будет печататься «Отрочество» целиком¹¹? Подвигается ли твоя повесть или ты совсем ее оставил, захопотавшись? Как обстоят дела с пьесами? Должно быть, совсем в небрежении?

Эх, кабы свой, да еще хороший театр! Могучая это сила воздействия и самая близкая к цели, если хочешь. И в каких она ничтожных и подлых руках. То же самое и о синематографе говорить приходится, даже еще крепче, ибо он демократичен по

самой доступности своей, и тем еще опаснее, с одной стороны, и нужнее, с другой.

Ты что все время на меня кричишь? Влюбился в кого-нибудь? Ты всегда прежде становился строг ко мне, и требовал, чтоб я прекращала говорить о своих ощущениях, когда хотел отойти от меня и влюблялся.

Не злись, а то придется напомнить о Юпитере. И не сердись, что написала тебе длинное письмо.

Д. и т.т.

М.

...Только что звонил Тихонов, что утром приехал и завтра вечером уезжает обратно! Сюрприз. Я, конечно, играю и сегодня вечером и завтра утром, так что увижу его на лету и полуживая от усталости. Сегодня я играю в 11 раз подряд, это почти рекорд. Письмо это отвезет, значит, Тихонов и расскажет обо мне. Кончаю это послание 7-го, начав 3-го.

М.

7 ноября.

Пусть Сытин презирает меня еще больше, но — печатать у него в «Р. С-ве» «Отрочество» не надо, должен ты ему не так уж много, и отдал бы при случае, такие деньги его не разорят, все — и Бунин, и Куприн, кто только печатался в «Р. Слове», брали авансы, а печатались после этого через год-два, тем паче имеешь на это право Ты, так как давным-давно отработал уже куда больше взятого одними советами да работою по сытинским делам! Ты представить себе не можешь, какое впечатление производит твое имя рядом с разбойниками, пишущими в этой газете!

Если бы это было в ту пору, когда ты считал меня хорошим советчиком, ты не дал бы Сытину в такое время своего имени для «Р. Слова», если бы даже ты и был ему много должен! Лучше быть неисправным должником, чем так дорого расплачиваться! Благов хвастается тем, что добился своего: и денег тебе не дал, и в конце года Горький в числе сотрудников, и газета оправдана.

Прости, что пишу тебе об этом, не злись на меня — будь мне все равно и желай я быть приятной тебе, я бы промолчала, т.к. знаю, что слова мои никакого веса в твоих глазах иметь не будут.

М.

30. 11 ноября 1915, Москва

11-го, вернувшись из П-да.

Тебе мое письмо не понравилось до того, что ты не хотел бы получать такие, лучше никаких¹? Писала я отрывками, когда в грустную минуту, когда в более веселую минуту, поэтому оно наверное очень кусочное, но всегда от души, как думалось и чувствовалось, и с очень хорошим отношением, — не хочется и неловко даже написать тебе о большем, — в сердце.

О твоих делах, отношениях, о том, что тебя касается, больше писать, конечно, не решу. Напрасно ты думаешь, что я так подпала под влияние Вольского², я его и вижу-то редко теперь, и ближе с его женою, чем с ним. Ну — больше не сунушь, конечно!

Сознание того как дорого тебе обхожусь я, а вместе со мною мои дети, моя семья, поверь — не из легких³. Пишу тебе и плачу — не стану скрывать этого, мне очень больно. У меня всегда в душе живет надежда, что я когда-нибудь, в свою очередь, тоже пригожусь тебе, даже чисто материально, что мне удастся вернуть тебе хоть часть истраченного на меня и из-за меня.

Если бы ты хоть на минуту перенесся в мое положение получающей, ты понял бы как тяжело выслушивать упреки в расточительности. Прошу тебя — назначь сколько ты считаешь возможным тратить и пусть Иван Павлович установит режим. Это избавит и тебя от напряжения и работы из-за денег, и меня от тяжелых и очень унижительных минут. Непростительным легкомыслием с моей стороны было это устройство совместной жизни твоей, жизни большим домом — но этого сейчас, пожалуй, не изменишь. Во всяком случае в твоей воле изменить это и только в твоей.

Катя может устроиться со мною, а Юрий на этих днях приедет ко мне и после этого поступит механиком на завод, вернувшись в Пет. Ему Влад. Ал. Крит⁴ предлагает место и я уговорю поступить на службу.

Я отлично понимаю как сейчас все дорого и трудно кормить и поить такую ораву, я себя еле-еле прокормить могу и умею продать себя в синематографе, если это удастся, буду очень рада и отдам деньги мои матери, чтоб обеспечить ее.

Извиняюсь, что так много пишу о деньгах. Это очень больной и тяжелый вопрос. Очень оскорбительный.

Что касается пьесы, то, само собою разумеется после этого твоего письма я могу только уничтожить ее, что и сделаю⁵.

Положив руку на сердце, честно могу сказать, что я отнюдь не

писала тебя, тем паче не идеализировала себя. Просто невольно все, как и ты, рассказывала пережитое, прочувствованное и передуманное. Прежде эта пьеса была куда более личной и близкой по фигурам и к тебе, и ко мне. Теперь мне казалось это личное сильно снизилось. Но — ты знал эту пьесу и раньше, и теперь, и ты не относился к ней так, как в этом письме.

Когда ты писал «Детей Солнца», «Чудаков» и «Дачников» — ты думаешь ты не вложил в них и себя и меня? «Чудаки» людьми знающими тебя приняты были именно как автобиография и твоя жена продолжает утверждать, что Елена в «Чудаках» это она, а я — Ольга. Не думаю, чтобы это было правдой, но внешнее положение тогда давало ей право так думать, а хранящиеся у нее твои письма только подтверждают по ее словам это положение. Почему же я, написав эту вещь, писала себя? Может быть, есть что-нибудь и от меня как весь первый акт, но потом, чем дальше, тем меньше в этой Вере — Марии Федоровны. Это я осмеливаюсь утверждать. А если я два слова сказала против жен, то, извини меня — они дали мне право думать о них очень дурно и я на этом праве своем настаиваю!

Я не заслуживаю того презрительного отношения, той враждебности и охлажденности, которой дышат твои письма, я стою некоторого уважения к себе.

Писать о тебе я никогда не буду, а эту пьесу уничтожаю, хотя в ней и нет той автобиографичности, которую ты в ней увидел, мог увидеть только чужой.

Может быть, мне вообще лучше не писать тебе?

М.

31. Середина ноября 1915, Москва

Не огорчайся — не могу написать тебе так, как хотелось бы и всегда теперь пугает мысль: все равно письмо выйдет не таким, как оно складывалось в душе, в мозгу, будет не понято или понято как раз иначе.

Труднейшее и страшное время от этого сознания, иногда удается спрятаться за работу, мелочные волнения, но сознание крушения всегда живо и ноет. Понимаю, д.б., лучше, чем кто-либо, что ты переживаешь все острее, больнее и — прости — болезненнее. Во всем чувствую эту болезненность и знаю, всегда помню твои слова: «Жаль, что Манухин вылечил!» «Думаешь — я не хотел бы застрелиться?»

У меня то же чувство, но меньше обязательств жить и я понимаю, д.б., многое, о чем ты, м. б., не подозреваешь. Помогать тебе я могла только в те короткие периоды, когда ты относился ко мне очень горячо, в остальное время я так же бессильна, как всякая другая. В остальное время — я мешаю.

Труд мой — бессмысленный, театр — глупое и зловредное учреждение, вся польза его в том, что вот 300–400 человек одеты и накормлены. Играть мне Морит и Зин — тяжело, чтобы хватило на это духу, надо обманывать себя. Люди кругом ничтожны, неинтересны, в лучшем случае о них можно сказать как о том же *Николае Александровиче*¹, о котором вот сейчас очень серьезно прошу, можно говорить только как о человеке добром, оказавшем мне много добрых услуг и с которым у меня поэтому сохраняются почти дружеские, добрые отношения. Дружеских не может быть уже по одному тому, что он мелок и недовольно умен, узок, это человек — *порядочный* и добрый вот его большие достоинства. И на Н.А. легко влиять. Вольский² — не так плох, как ты о нем, мне кажется, думаешь, довольно умен и мог бы быть интересен, но у него ничтожная душа, сухая и старенькая. Его жена — очень хорошая женщина, очень несчастно сложившейся жизни, но — хоть она и умная, но вся в себе и о себе. Те люди, которых мне приходится видеть, с которыми сталкиваюсь, поражают меня тем, что так мало они думают хоть о чем-нибудь, кроме себя, своих делах и делишек: «война», «крушение Европы», миллионы убитых, искалеченных, разбитых, все это одни слова, ни у кого не чувствуешь реальности этих слов. А то — такие, как мой товарищ Рудницкий, неглупый, казалось бы, образованный человек, и часами! может говорить о Пшебышевском, Достоевском, о том как он страдает, что 4 года безумно любимая им женщина, молодая, очень красивая сестра актера Лихачева, любя его — его не любит!

Лучшие люди как Ек.Дм., Ек.Павл., Скворцов — легкомысленно думают, что они нашли правду и настоящее дело³, а в сущности — одни занимаются самоусладительной благотворительностью, с большой чужой помощью⁴, другие — ничего не понимая в подхвativшем их течении, полагают, что они этим течением управляют и сердятся на несогласных. Ив.Ив., конечно, лучший из них, но он из породы святых безгрешников. Не сердись, но мне кажется, что без греха ничего не сделаешь, не слишком бы только дорого этот грех отозвался и не обогащал бы чужих прохвостов.

Чувствую себя отвратительно, хотя совершенно здорова.

Видела Андреевскую пьесу — плохая и претенциозная выдумка⁵. Была в кружке с филосемитами Сологубчиками, они были со мною

обер-любезны, и ушла, посидев немного с ними, с помощью Бурджалова и Рудницкого, — они громко убеждали меня не засиживаться, т.к. на утро назначена репетиция. С ними сидели Брюсов, Юрий Верховский, еще какие-то люди. Ужасно.

Эти Сологубы неуклюжий народ! Даже поужинать не умеют. Говорил Брюсов, что писал Тихонову о стихах для сборника латышского, что-де, д.б., те латыши, кот. давали переводы, или без вкуса, или не знают свою литературу. С Брюсовым познакомилась, но какой-то он страшный, в нем что-то ужасно звериное и больное такое.

Ив.Ал. Бунин, встречаясь со мною, очень наружно любезен, но у меня не был ни он, ни В.Н. и по слухам от О.А. Каменской знаю, что они частые гости у Ек.П. Может быть, это не имеет никакой связи, но очень болтливой стала человек Ек.П. и слишком много она рассказывает о тебе, о том, что ты ей пишешь, как о чем думаешь, как она убеждала тебя не печататься в Р.С., не соединяться с Сытиным, в каком он от этого ужасе.

Это я слышала от многих. Жалею, что так поздно об этом узнала — жалею⁶!

А к Марксу — соберись, все-таки! И Розинера позови, очень советую тебе, чую все время, что тут ты мог бы многое сделать.

Жду Юру. Ничего не знаю о Жене⁷. Ты не приедешь скоро, Максим был у тебя...

Он останавливался в гостинице? Отчего же, он мог жить в моей спальне на Капри? Теперь даже портретов моих нигде не стоит, а сама я живу далеко, опасность заразиться минимальная. На днях я столкнулась с Ек.Пав. нос к носу на улице, но она меня не узнала. Она шла с каким-то господином и я дословно слышала их разговор. Не думай, что подслушивала, просто была смущена и волновалась как девчонка. Глупа я очень!

Сегодня опять играю «Закон Дикаря» — все мы играем эту пьесу с отвращением, а публика ломится, хотя ругается и ведет себя по-канибальски, хохочет, говорит громко во время действия. Завтра «Маленькая Женщина», а там 4 дня антракт.

Против наших окон строится Казначейство в стиле грановитой палаты, заслоняя свет Божий — очень эффектно. На трамваях не дают сдачи — меди нет. Почему-то боятся 28-го. А у нас в этот день пойдет «Марьян Дол». Не все ли нам равно?

М.

Ах, Женька, Женька! Не верится мне, что он это не для себя старался, хотя все может быть. Юрий особенно горячится потому, что ведь эта история самому сильно повредит, он сам желает жениться на Жене Калининой... Что, будто бы Женю я не звала — это нелепость: я ждала и жду его с большим волнением, надеюсь, что он, все-таки придет! Ты сам неоднократно писал мне о том, как ему полезно было бы пожить у меня и я считала, что мне смешно было бы приглашать своего родного сына¹. Пишу я ему много чаще, чем он мне, во всяком случае. Я тоже надеюсь, что вся эта история кончится благополучно, но Катюшка приняла ее очень трагично: от нее, оказывается, все это предприятие усиленно скрывалось, она чувствовала, что затевается что-то неладное, очень просила сказать ей в чем дело, ее уверили, что она напрасно беспокоится, а теперь она боится, и Юрий, и Женя Катю обвинят ее в потворстве и будут сердиться на нее. Поскольку могу, конечно, постараюсь распутаться за нее, но ведь меня самое считают потворщицей. Ты не удивился длинноте моего послания, ведь я пишу тебе вот уже который день. Сегодня играла в театре у Серпуховских работ для рабочей публики. Шло «Сердце не камень». Очень приятно было играть. Принимали, конечно, восторженно. Ты вот все с Сытиным носишься и, все-таки веришь ему? Сытин, угорь в делах и путаник, человек неверный во всех отношениях, как он ни старается душу спасти о едином праведнике, не верю ему ни на грош². Давно говорила и опять говорю — если бы ты одну сотую своего внимания и обаяния потратил на Л.Ф. Маркс-Всеволожскую у тебя давным-давно было бы и книгоиздательство и журнал³! В этом я твердо уверена. Ради Бога, внемли хоть немного гласу моему — Бласов и Дорошевич считают, что ты великий дипломат и готовишь себе их место для себя одного, они все сделают чтобы тебе помешать; или надо тебе приехать сюда и сделать из них своих адвокатов, или они не дадут тебе очистить Р.С., на что ты надеешься. Яблонович + Метелховский и иже с ними ничего не сделают, поп Петров и Бласов едино суть. Сытин все время играет роль и перед тобой, и перед ними. Все это ты и сам, наверное, знаешь.

Не один Шмелев говорит о тебе, что ты двоеречив, об этом любят говорить все, кому хочется показать свою близость к тебе и знание твоей души. Мне хочется иногда драться, когда я слышу говорящих о тебе или отзывы их, идиоты!

Завтра и послезавтра я, слава Богу, не играю, отдохну хоть немного! Все-таки, устала порядочно.

Как жаль, что Тихонов не может остаться еще хотя бы на один день: мне кажется, из этой синематографической кооперации можно было бы сделать нечто целесообразное и умное.

С Ек.Дм. я не вижу, она человек занятой и я тоже, кроме того, ее никак не добьешься по телефону, а рисковать ехать такую даль не наверняка боязно. Было бы интересно знать, как они с Прокоповичем относятся к этому делу⁴. Здесь в Москве Сологубы — ты знаешь, они теперь Мг и Мпе Тетерниковы, кольца обручальные и все прочее? — написали пьесу, хотят, чтобы ее у нас поставили и чтобы я играла какую-то Мэри. Буду ли играть, не от меня зависит, но со мною они, благодаря этому, очень любезны. Миртова написала пьесу «Хищница» и тоже хочет, чтобы я играла роль в ее пьесе. Юшкевич пишет для меня пьесу. Сколько благополучия! И хоть бы одна роль такая, которую бы, действительно, самой хотелось играть⁵...

Милый Леша, как бы мне хотелось с тобой повидаться.

М.

33. 13 декабря 1915, Москва

Получила твое директорское письмо за 24-ой подписью¹. Я не так глупа, как тебе кажется, и потому ни за что не взялась бы передавать *здесь* Тетерниковым отказ театра от их пьесы. Отказ этот уже давно послан им режиссером Гаргонимым, а я посылаю им только тот экземпляр, который они давали мне лично, желая, чтобы я играла роль задумчивой Мэри. Сегодня послала им письмо и в нем написала, что посылаю пьесу, для верности и скорости, через магазин Сытина. All right²?

Все твои поручения, а также Тихона исполнила: письмо на почту было сдано в тот же день лично Юрием; И.А. Бунин послал тебе телеграмму с извещением, что ни к декабрьской (конечно!), ни к январской книге он написать ничего не успеет, едет в деревню, для того, чтобы написать нечто очень хорошее для февральской книги, так он мне сказал, когда был вместе с величественной Верой Никол. у меня; Сытин болен. Я с ним говорила по телефону. Он тоже, по его словам, телеграфировал тебе о том, что дневники выйдут никак не позднее 15-го, на что мне извещать об этом было нечего. Юрий Верховский по телефону сказал Юрию, который снова ходил к нему и не застал его, что он уже ответил редакции, с замечаниями не согласен и переводить отказывается³.

Мне по телефону Гл. не звонил⁴, не знаю — телеграфировал ли тебе; дома у меня всегда оставлена записочка — куда я иду с NN телефонов на всякий случай.

Завтра судят Андрея Владимировича и меня вызвали в качестве свидетельницы⁵, а я то как раз в это время могла бы быть на репетиции в цирке выдрессированную к свободе лошадь!

Это уже третья репетиция, но очень важная, так как лошадь-то великолепно знает, что именно ей надо делать, но выводящая легко может напутать, и лошадь, сконфузясь за человека, убежит в конюшню. Впрочем, мой maestro mr Lariado снисходительно нашел, что у меня «есть способности», и уважает меня за то, что я единственная из дам не боюсь лошадей и не визжу, когда лошадь над моей головой игриво машет под музыку копытами». Мы соберем 9 т/р⁶. Я уже подумываю повторить ли нечто подобное в свою пользу — публика валом валит, в два дня расхватили все билеты.

Да, кстати, м.б. ты не помнишь кто это Андрея Владимировича — присяжный поверенный, очень милый малый, я встречала его не раз и в Москве, и за границей — не знаю, к сожалению, за что его судят, но надеюсь, что это для него не будет очень серьезно. Д.б. какое-нибудь литературное дело, как я слышала от адвокатов, так жалко его, у него ведь мать, семья, а говорят, он уже давно сидит. Но, увы, меня вызывают в 10 ч. утра, т.е. как раз в то время, когда я должна бы репетировать с Mr. Lariado и Усманом в цирке!

До свидания Ленюшка, будь здоров, родной мой. Не забывай меня и обо мне.

Твоя *Маша*

13-го XII.

Много у меня сейчас неприятностей.

34. Декабрь, до 15, 1915, Москва

Люсинька, детка моя милая, как бы мне хотелось приголубить тебя понежнее, как мне тяжело, что мы с тобой врозь и как это глупо в конце концов — как там ни поворачивай, а времени нам немного остается, да и сделала бы я больше, стоя рядом с тобой.

Незлобин ничего не сможет сделать, если не удастся помочь ему, он очень плох в практических делах вообще, плохой устроитель, он хорош как режиссер и директор, это так. А так важно получить Суворинский театр, и не только в том смысле, что это для меня лично, было бы уж очень хорошо. В этом здании можно большие

дела делать, а, значит, постепенно дать и репертуар, какой надо, приучить публику. Вообще. Это не пустяк!

Подробно о суде над Андр.Влад. тебе расскажет Н.Н.¹, т.к. только в том случае, если он зайдет ко мне, я отправлю тебе это письмо.

Как-то отразится инцидент со стрельбой в Нов. Вр. на Рубинштейне? Мне казалось бы что это должно бы подвинуть его меньше бояться разрыва с ними и с Анастасией Сувориной, в частности, но — кто его знает, меньше всего я в силах и в состоянии разобраться в его политике.

Сегодня у меня будет Бахрушин², он — балда, но добрый человек. Не знаю только поскольку он заинтересован в деле Незлобина, не думаю, чтоб очень, т.к. это — Петроград, а он закоренелый москвич.

Настроение здесь поганое. Люди настроены волками, каждый боится не скомпрометировать бы себя и не испортить себе некролог. Впрочем, ведь это обычная история!

Боюсь, огорчишься ты отказом Ив.Ив-ча³. И ведь что досадно: они вернуться и будут жалеть о недомыслии своем, ведь это же не партийный орган, а они работают не в «буржуазной прессе», не считаясь с тем, что вот пишет же Н.И. Иорданский нелепые корреспонденции в тех же «Р.С.» Вообще жаль мне, что тебе все время приходится кипеть в таких щах.

Любимый мой — целую тебя крепко, крепко!

Твоя Маша

35. 15 декабря 1915, Москва

Андрей Владимирович был у меня сегодня и идет к своему отцу отдохнуть и поправить совершенно расшатавшиеся нервы¹. Я так рада за него, его жену и всех близких его, очень они все переволновались и измучились.

Вчера выступала в качестве дрессировщицы диких лошадей и не осрамилась, к удивлению моему. Собрали двенадцать тысяч рублей — здорово²?

Сегодня получила письмо Ив.П-ча — милый человек³! Фальковский приехал сюда⁴, по словам Незлобина, который тоже сегодня приехал из Петрограда. Что-то не вытанцовывается у Незлобина антреприза, не пришлось бы мне и будущую зиму служить в Москве, в товариществе... хотя кто его знает, что вообще на будущий год будет и где кто из нас будет служить? Темна вода и

мутновата.

Сегодня смотрела генеральную репетицию пьесы Каржанского «Марьян Дол» — злилась и возмущалась, — пьеса слабая, тенденция — отвратительная, исполнение только поддерживает и усиливает ее⁵.

Бунин уезжает в деревню сегодня, знаю об этом от Бориса Конст. Зайцева, с которым просидели вчера больше пяти часов в свидетельской.

Был у меня Юрий Верховенский — это вполне определенный дурак.

На днях буду у Брюсовых, завтра напишу еще.

До свиданья, Люсинька.

М.

Андрей Ал.⁶ просил меня передать тебе, что стоит тебе ему позвонить и билет для тебя всегда будет, но звонить лучше с утра. Он вчера был у меня и вечером в цирке. Не очень это было для меня ловко.

36. 19 декабря 1915, Москва

Милый мой Люсик — как-то ты себя чувствуешь? Все эти дни у меня так что-то тяжело на душе и неотступно думается о тебе. Беспokoит — почему до сих пор не вышла Летопись — Дневники задерживают, д.б., и, значит ты особенно сердиться, т.к. был всегда против них¹...

Мои дела складываются так: играю завтра 20, затем 23-го и 26-го «Маленькую Женщину», после которой могу и хотела бы выехать в Петроград, где могла бы пробыть до 30-го, 31-го у нас «Закон Дикаря» как самая короткая пьеса.

Не знаю, удобно ли тебе так? Ты говорил, что собирается приехать Максим и ты думал, что он остановится у тебя, не помешает ли этому мой приезд²? Мне бы этого не хотелось. В крайнем случае я могла бы остановиться у мамы или у сестры Екат. Феод., так как мне необходимо видаться и с Фальковским и с Рыбниковым и с Рубакиным и с Д.Львов., о чем я писала Ив.П-чу.

Родной мой Ленюшка, прими мое предложение уступить Максиму так, как я его знаю: искренно и просто, ведь у меня к нему отношение как к сыну твоему, это раз, а два — он так молод и мне боязно за него, если ему придется идти на военную службу, это

невольно располагает меня в его сторону еще больше³.

Будь здоров, голубчик мой хороший! Крепко тебя целую.

М.

«Марьин Дол» провалился⁴. Я рада, и огорчена за товарищество — стоил он дорого.

37. 29—30 декабря 1915, Петроград

Милый Леша, чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь, как важно было бы для меня иметь в театре нашем голос «пайщицы», а не просто «получающей марки».

Я знаю, что денег у тебя свободных нет и знаю как тебе они нужны, этим я хочу сказать, что обращаюсь к тебе с просьбою не с легким сердцем, но если ты согласишься перевести мне лично в Москву четыре тысячи, тотчас по получении денег от Маркса, ты этим окажешь мне незаменимую услугу и большую помощь.

Верну я тебе, как только мне удастся продать выкупленные И.П-чем¹ бриллианты, те 900 р., которые отданы за выкуп и + то, что за них дадут еще, я думаю рублей 2000 — может быть, 1500.

Мне они не нужны, бриллианты я не люблю, ты — тоже.

Затем, я заработаю тысячи две в синемаатографе, м.б., даже больше. А 1-го мая мне вернут весь пай, как я надеюсь, из театра, т.к. к этому числу, по расчетам финансовой комиссии, он покроется дивидендами, если дела нашего театра будут идти так, как до сих пор.

Пишу тебе, т.к. должна сейчас ехать к Ек.Феод. говорить об имени, оттуда к ½ 3-ему должна быть у Рубинштейна в банке и у Рубакиной в О-стве Взаимного Кредита.

К 5 надеюсь быть дома.

М.

ПРИМЕЧАНИЯ

Переписка М.Ф. Андреевой с А.М. Пешковым, длившаяся в течение 30 лет, обширна, характерна и многозначима. В Архиве Горького хранится 118 писем М.Ф. Андреевой А.М. Пешкову и 82 письма ответных. Однако, значительная часть их переписки не разыскана, утеряна, либо хранится в частной коллекции: нет писем А.М. за 1903—1904 годы, с осени 1912 до осени 1913 г. О том, что они были написаны в это время, свидетельствует фраза из письма Горького А.Н. Тихонову: «я пишу ей почти дневник» (см. вступ. статью).

1.

Печатается по А (АГ), полностью, впервые.

¹ Телеграмма не разыскана.

² «Разговор у нас с ним (Горьким) был совершенно откровенный, вовсю, — писал В.И. Немирович К.С. Станиславскому в это же время. — Он между прочим сказал, что был период, когда он хотел порвать с Художественным театром совершенно, но Мария Федоровна уредила его, чтобы он не портил своих отношений с театром ради нее» (Андреева. С. 71). Однако отношения были испорчены не только из-за конфликта руководства театра и М.Ф. — пьеса «Дачники» привела Горького к временному разрыву с Художественным театром; 19 апреля 1904 г. Немирович-Данченко написал письмо-рецензию с резкими критическими замечаниями на пьесу и заключил: «“Дачники” производят впечатление полной неясности как со стороны в точном смысле слова “пьесы”, так и идей автора». Горький ответил, что «принципиальное разногласие» между ним и рецензентом — «неустранимо, и поэтому я не нахожу возможным дать пьесу театру, во главе которого стоите Вы» (Горький. *Письма*. Т. 4, п. 123 и примеч.).

³ Острые отношения между Немировичем и Морозовым возникли еще раньше на заседании при обсуждении репертуара театра (Андреева. С. 671).

⁴ Сб. Зн. 1 (см.: Горький. *Письма*. Т. 4, п. 90 и примеч.).

⁵ Письмо не разыскано.

⁶ О переписке М.Ф. с К.С. Станиславским этого времени, в которой прозвучало их резко противоположное отношение к провинциальному театру, Горький, разумеется, знал. Его тоже тревожил безоглядный отказ М.Ф. от своего родного театра. Он беспокоился о судьбе ее дарования, когда, как писал Станиславский, актриса играет «в сезон по десять новых ролей? Это ли не профанация искусства. Посвящать свою жизнь профанации хороших созданий литературы или показывать публике произведения пошлости — разве это достойная Вас деятельность?» (Андреева. С. 65).

В письмах Л. Андрееву, К.П. Пятницкому Горький отмечал с гордостью талантливую работу любимой актрисы, но и огорчался от того, что провинциальная публика далека в оценках от столичных ценителей театрального искусства. Так еще в Старой Руссе, где нелобинский театр был на гастролях, он писал Пятницкому: «“Потонувший колокол” играли прескверно. М.Ф. была яркой заплатой на рубище общего непонимания смысла пьесы...» (Горький. *Письма*. Т. 4. С. 113). Позже, когда М.Ф. решила снова выступить в провинциальных театрах, А.М. писал Н.А. Румянцеву: «Всеми силами души, сердца и ума протестую против намерения М.Ф. ехать в провинцию играть у Багрова или у других...» (Там же. Т. 10. С. 291).

2.

Печатается по А (АГ), полностью, впервые.

¹ Письма не разысканы.

² Письмо не разыскано.

³ Речь идет о предварительных переговорах о разводе с мужем Марии Федоровны Желябужским Андреем Алексеевичем.

⁴ С 7 по 15 мая Горький находился в Н. Новгороде, где состоялась встреча с Марией Александровной Волжиной, матерью Е.П. Пешковой. Обошлось без драматических сцен: она невзлюбила зятя своего еще с первой встречи, считая, что человек низкого происхождения не достоин руки ее благородной дочери.

⁵ В Ялту Горький приехал только 7 сентября (Горький. *Письма*. Т. 4, п. 145 и примеч.).

⁶ Л.Л. Бенуа — член РСДРП. В это время шли переговоры и хлопоты об издании социал-демократической газеты с участием Горького, М.Ф. Андреевой, С.Т. Морозова, Л.Л. Бенуа, С.А. Скирмунта и др. Издание в 1904 г. не осуществилось.

⁷ 16 мая Горький был в Москве (см. Там же. Т. 4. С. 85–86).

⁸ См. вступ. статью.

⁹ Прошло три года и М.Ф. поняла, что быть только другом она уже не могла (см. вступ. статью).

¹⁰ Письмо не разыскано.

¹¹ Позже М.Ф. вспоминала о нем: «...трудно представить себе, не зная его, как этот миллионщик и прославленный самодур был застенчив, скромнен, как мало ему нужно было для того, чтобы считать себя обязанным каждому, выказавшему хоть немного искреннего и неподкупного внимания ему. Как все очень богатые люди, он был крайне недоверчив, подозрителен, туго сходиллся с людьми, но раз поверив, отдавался всей душой и сторицей вознаграждал своим отношением за всякое малое доброе, сделанное ему» (АГ. МоГ-1-8-7. С. 15–16).

¹² О.Д. Чертова служила в это время в ее семье горничной и костюмершей.

¹³ О своем несчастливом замужестве Мария Федоровна писала в 1938 г. Н.Е. Буренину: «Еще в 1896 году я перестала быть женой Андрея Алексеевича Желябужского, причина нашего разрыва была на его стороне. Я сказала ему, что соглашаюсь жить с ним в одном доме как мать своих детей и хозяйка — ради детей. Тогда я была убеждена, что, сильно ушибленная своей замужней жизнью, я так и останусь только матерью Юры и Кати, — не забудьте, что у меня еще был приемный сын Женя — после смерти сестры Нади. Но я сказала Андрею Алексеевичу, что если встречу и полюблю кого-нибудь — ему первому скажу об этом» (*Андреева*. С. 418).

3.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ На лето молодые супруги сняли дачу вместе с Критами в Куоккале.

² 3 июня А.П. Чехов выехал из Москвы в Германию (курорт Баденвейлер) на лечение в тяжелом состоянии. Встретив его в Берлине, Е.П. Пешкова писала Пятницкому: «Он, бедный, совсем, совсем больной. Так похудел, что больно глядеть на него» (Горький. *Письма*. Т. 4. С. 297).

³ Имеются в виду А.М. Пешков и М.Ф. Андреева.

⁴ Горький приехал в Куоккалу 31 мая.

4.

Печатается по А (АГ), впервые.

Датируется по содержанию.

¹ Премьера пьесы «Авдотьиная жизнь» состоялась 15 декабря 1904 г. на сцене Рижского русского театра (см.: Там же. Т. 4, п. 271, 316 и примеч.).

5.

Печатается по тексту телеграфного бланка (АГ), впервые.

¹ В то время М.Ф. жила в Мустаяках у сестры Е.Ф. Криг. Вероятно, с первых же дней она вошла в театральный и издательский мир: с помощью Н.А. Румянцева М.Ф. связалась с руководством Художественного театра, где в сезон 1911–1912 гг. ставилась пьеса Горького «На дне». Премьера ее состоялась 18(31) января 1912 г. В ноябре–феврале она игралась в МХТ 6 раз. Авторский гонорар был получен на Капри в марте 1913 г. (см.: Там же. Т. 10, п. 348, 373 и примеч.).

6.

Печатается по тексту телеграфного бланка (АГ). Впервые: Горький. *Письма*. Т. 11. С. 265.

¹ Дружеское участие Н.А. и Т.В. Румянцевых помогло встретиться М.Ф. Андреевой с Горьким в Италии. Их встреча состоялась 1(14) июля в Болонье (см.: Там же, п. 17 и примеч.).

7.

Печатается по А (АГ), полностью, впервые.

¹ Демократическое издательство «Жизнь и Знание» основано Бонч-Бруевичем в Петербурге в 1909 г. После прекращения деятельности «Знания» новый издатель (работавший ранее в «Знании») вовлекает в свое издательство бывших знаниевцев-писателей демократического направления.

² Мария Федоровна связывает Горького с новым издательством, где и был позже закончен выпуск томов его первого Собрания сочинений, начатое «Знанием» (т. 11–20). Письмо о переговорах с Бонч-Бруевичем до Горького не дошло. В середине сентября он писал И.П. Ладыжникову: «М.Ф. известила меня, что ею послано мне письмо, в котором она излагает переговоры с Бонч-Бруевичем о продаже книг... Письма этого я до сего дня не получил и, очевидно, уже не получу, — надо считать его утерянным, ибо со времени извещения, что письмо послано, прошло не менее трех недель. Не сообщите ли Вы мне о характере переговоров с Бончем? Буду очень благодарен» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 45).

Однако уже через месяц Горький выслал Ладыжникову т. 11–15: «Просмотрел и послал Вам четыре тома, XI–XIV <...> Завтра вышлю Вам XV-й том» (Там же, п. 80 и примеч.). Эти тома включали книги: «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Лето» и «Мать».

³ «Огни» — просветительское книгоиздательство в Петербурге, одним из организаторов его был Е.А. Ляцкий.

⁴ Писатель, как предполагала М.Ф., «близкого участия в деле» не принимал.

⁵ См. примеч. 14 к этому письму.

⁶ Пьеса «Зыковы». В эту тяжелую пору очередного безденежья М.Ф. и Ладыжников хлопотали о постановке пьесы в Свободном театре Марджанова. Получив пьесу, Ладыжников сообщил Горькому: «По поводу пьесы идет соревнование между Свободным театром и Художественным. Только что виделся с М.Ф., которая написала Вам об этом письмо. Как быть?» (Андреева. С. 712). Инсценировка романа Достоевского «Бесы», поставленная Художественным театром, сыграла свою роль в решении: кому отдать пьесу?

23 августа Горький писал Ладыжникову и М.Ф. (письмо к ней не разыскано): «Я очень рад не дать пьесу Худ. театру, мне противна затея Немировича с «Бесами», буду печатно протестовать против этой пропаганды садизма. Очень прошу Вас: устраивайте пьесу у Марджанова, но — скорее! Крайне нужны деньги» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 39). См. об этом подробнее письма Горького Немировичу-Данченко (Там же, п. 50, 52 и примеч.). Пьеса была передана Марией Федоровной Свободному театру, но ознакомившись с творческими возможностями труппы, М.Ф. выжала пьесу из театра. «Зыковы» в то время так и не были поставлены на сцене. Только в июле 1918 г. состоялась премьера на сцене Петроградского Народного дома (режиссер Н.П. Арбатов).

⁷ Вероятно, речь идет о пьесе «Фальшивая монета» (первоначальное название «Часовой мастер»), над которой Горький работал в 1913 г. Она так и осталась не востребованной до 1924 г., когда Горький решил, опять же в период безденежья, спешно ее переделать (см.: Горький. *Сочинения*. Т. 13. С. 528–542).

⁸ Против инсценировки романа Достоевского «Бесы» Горький написал и опубликовал

две статьи: «О карамазовщине» (Русское слово. 1913. № 219. 22 сент.) и «Еще о “карамазовщине”» (Там же. № 248. 27 окт.). В письме инициатору этой инсценировки — Вл.И. Немировичу-Данченко от конца августа 1913 г. Горький четко определил свое отношение к работе Художественного театра: «Инсценировку произведений Достоевского я считаю делом общественно вредным и, если б я был в России, то непременно попытался бы возбудить в обществе протест против Ваших опытов, будучи убежден, что они способствуют разрушению и без того не очень здоровой общественной психики. Может быть я попробую сделать это отсюда» (Горький. *Письма*. Т. 11, п. 52 и примеч.). По просьбе Горького попытка Е.К. Малиновской собрать подписи под протестом против инсценировки «Бесов» не увенчалась успехом: «...я сделала, что могла. Все, что я говорила, мне казалось вполне ясным, понятным, а сочувствия я почти не встретила, стена была какая-то, и эту стену я не сумела разрушить» (Там же, п. 59, 78 и примеч.).

⁹ Революционная душа Марии Федоровны не принимала капиталиста И.Д. Сытина, она не доверяла ему и как порядочному человеку и как финансисту. Во многих письмах этого времени она просила Горького о более внимательном и строгом отношении к Сытину при подписании договоров об издании горьковских произведений. Однако писатель высоко ценил его как издателя и как честного человека. В юбилейной статье, посвященной 50-летию издательской деятельности Сытина, опубликованной в феврале 1916 г. в сб. «Полвека для книги», Горький пишет о тех редких русских людях, которые видят в работе «смысл жизни и любовно чувствуют огромное значение труда <...> Одним из таких редких людей я считаю Ивана Дмитриевича Сытина, человека, весьма уважаемого мною. Он слишком скромнен для того, чтобы я мог позволить себе говорить об его полувековой работе и расценивать ее значение, но все-таки я скажу. Это — огромная работа <...> человек, совершивший ее, не устал и не утратил своей любви к труду. Это редко встречается в нашей жизни, бедной крупными делами и крупными людьми» (Независимая газета. 1991. № 17. 7 февр.).

¹⁰ С болгарским писателем, драматургом П.Ю. Тодоровым, приехавшим на лечение, М.Ф. познакомилась на Капри в марте 1912 г.. Осенью 1912 г. она намеревалась играть в его драме «Самодива» в болгарском театре. Вторую драму Тодорова «Строители» — переведенную «немножко лучше, чем “Самодива”», М.Ф. предложила «Свободному театру». Весной 1913 г. драматург писал ей: «Может быть, это будет интересно и “Свободному театру”. В ней одна только женская роль, и я очень хотел бы соблазнить ею Вас — ведь это же болгарская прекрасная Елена» (Андреева. С. 249–250). Приехав в Россию, Тодоров посетил М.Ф. в Мустамяках, в Москве был на вечернем спектакле «Свободного театра», о чем газета «Театр» сообщила, что «в середине сезона там идет его пьеса “Самодива”. Главную женскую роль будет исполнять М.Ф. Андреева». Однако постановка не была осуществлена (см.: Горький. *Письма*. Т. 10, п. 198 и примеч.).

¹¹ Пьеса Н.А. Крашенинникова: «Плач Рахили: Тысячелетняя сказка в 3-х картинах с эпилогом». Berlin: Verlag, I. Ladyschnikow, <1911>.

¹² Мария Карловна Иорданская — издательница журнала «Современный мир». В этом журнале печатались «Русские сказки» (1912. № 9).

¹³ О взаимоотношении Горького с редакцией «Современника» в 1912–1913 гг. см. вступительную статью С.В. Занки к публикации переписки писателя с Е.А. Ляцким (*ЛН*. Т. 95. С. 486–496). См. также: Горький. *Письма*. Т. 10, п. 421 и примеч.

¹⁴ А.Л. Зильберштейн — адвокат Горького. В 1912 г. он поручил адвокату представлять его интересы в «Знании». Получив от Пятницкого все годовые отчеты и просмотрев всю финансовую документацию по «Знанию», Зильберштейн подтвердил правильность ведения отчетности. Третейский суд, за отсутствием улик против Пятницкого, не состоялся (см.: Там же. Т. 11, п. 37, 38, 70 и примеч.).

¹⁵ Золотарев Алексей Алексеевич — писатель, краевед, живший на Капри, друг Горького и К.П. Пятницкого. Был невольно вовлечен в семейную драму Марию Федоровну не любил.

¹⁶ Популярный неаполитанский фольклорный праздник — музыкальный карнавал у подножья (Пьеди) Гротта. Народ собирался на главной площади Неаполя, затем огромной толпой шел с песнями по набережной, по пути увеличиваясь. Горький неоднократно бывал на этом празднике. Мария Федоровна опасалась обычного столпотворения.

8.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ В письме И.П. Ладыжникову от 8(21) августа 1913 г. Горький сообщал, что нужно срочно издавать неизданные еще произведения, иначе «...я окончательно свалюсь с ног, — здоровье мое становится все хуже <...> Выручайте, а то мне плохо! <...> превращаюсь в инвалида, сидя за столом по 12 часов» (см.: Там же. Т. 11, п. 40 и примеч.). В результате чего и была послана Марией Федоровной и Ладыжниковым эта телеграмма.

² Пьеса «Зыковы» была отдана «Свободному театру» и последовал срочный перевод денег от режиссера Марджанова.

³ См. п. 7. Видимо, письмо было послано одновременно с телеграммой.

9.

Печатается по тексту телеграфного бланка (АГ), впервые.

¹ См. п. 8.

² См. п. 8.

³ Вероятно, М.Ф. Андреева узнала из письма Горького (не разыскано) об успешной операции среднего уха Максима.

10.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Жена В.М. Каменского. Летом 1912 г. она гостила на Капри и, разумеется, была наслышана о семейной трагедии Горького.

² Этого письма Каменским в т. 11 *Писем* нет: либо супруги не сдали его в Архив писателя, либо это преднамеренная выдумка — в это время Горький не мог написать подобную фразу (см. вступ. статью).

³ Е.К. Малиновская действительно получила от Горького телеграмму 26 сентября, но содержание ее было весьма коротко: «Телеграфируйте отель “Рояль, Неаполь”». В данном случае здесь тоже была нечестная игра!

⁴ Ольга Фоминишна Лошакова-Ивина — дочь первой жены Горького Ольги Юльевны Каменской.

⁵ Дамы очень старались, чтобы этот день Марии Федоровны был «особо удачным».

11.

Печатается по А (АГ), полностью, впервые.

Ответ на телеграмму Горького (см.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 76).

¹ Создание собственного синемаатографа — давняя мечта Марии Федоровны и Алексея Максимовича, об этом свидетельствует их переписка, интервью Горького газете «Театр» и др. На письме к Н.А. Румянцеву от 16(29) августа 1913 г. сам адресат позже сделал запись карандашом: «Горький мечтал об общеобразовательном кинематографе и убедил меня помочь ему. Я составил компанию с ним, Л.Б. Красиным (инженер) и Ф.И. Шаляпиным. Здание должно было строиться совсем рядом с МХТ, и я должен был заведовать и тем и другим» (см.: Там же, п. 49 и примеч.). Предполагалось создать товарищество (или общество). Финансовый проект демократического кинообщества составила Мария Федоровна и выслала Горькому 26 сентября 1913 г. В нем сообщалось о намеченном составе Совета общества и финансовые вложения пайщиков. Необходимо было вовлечь в

Общество В.М. Каменского (совладельца волжского пароходства), К.А. Марджанова, Л.Б. Красина, Ф.И. Шалапина, и получить кредит от О-ва Биохром. 26 сентября (9 октября) 1913 г. М.Ф. Андреева (в приложении к п. 10) сообщила Горькому состав Совета общества: в художественно-литературный отдел предполагалось включить Горького, Ладыжникова, Тихонова; в сценический — Андрееву, Марджанова и Санина. Румянцев должен был войти в хозяйственно-административный отдел (АГ. КГ-рзн-1-159-36). 29 октября 1913 г. Мария Федоровна просит о свидании Ф.И. Шалапина: «...можете ли Вы приехать ко мне или назначите мне час, когда бы я могла застать Вас дома?» (Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1986. С. 128).

Вероятно, свидание состоялось, о чем свидетельствует письмо Тихонова Горькому в ноябре 1913 г.: «Был я в Москве. Совместно с М.Ф. устроили мы там заседание директоров будущего кинематографа, на котором выработали основы будущего устава, — теперь он, вероятно, уже подписан учредителями, т.е. Румянцевым, Леонидом Борис. (Красиным) и М.Ф. <...> Виделся я по этому делу с Федором Ивановичем, который отнесся к нему восторженно и обещал всяческое содействие. Он говорит, что такая же точно идея пришла ему в голову вполне самостоятельно и он сам хотел обратиться с ней к М.Ф. (о чем и намекал ей в одном из писем). Теперь задача момента — привлечь Ф.И. в качестве пайщика (отнюдь не денежного) в новое общество, и, если это удастся, судьба предприятия обеспечена. Денег можно будет достать миллионы <...> Мою роль определили как одного из заведующих репертуаром. Хорошая роль!» (АГ. КГ-п-76-1-9).

Организация студии и фабрики двигалась очень медленно в основном из-за отсутствия средств. 4(17) декабря 1913 г. М.Ф. Андреева сообщила Ладыжникову: «Относительно синема дело обстоит так: есть договор с Лианозовым, еще не подписанный, но обещанный; есть обещание Шалапина играть исключительно для этого синемаатографа; есть тысяч 25–30 денег, данных двумя-тремя человеками; есть сочувствие Алексея Максимовича, но даже без права упоминать его имя; и есть обещание Л.Б. Красина принять деятельное участие в постановке техники <...>».

Учредителями значились: Красин (прежде Каменский), Румянцев и я <...>. Затем согласился было пойти на эту роль Федор Иванович Шалапин, но испугался и отказался. Отказались и Фирсанова, и Дуван-Торцов, да и вообще вряд ли нынче капиталист пойдет на поддержку идейного чего-нибудь, бояться и — не интересуются» (Андреева. С. 267–268).

² С.Г. Лианозов, владелец здания МХТ, предполагал построить фабрику во дворе театра.

³ В 1913 г. Томас Эдисон усовершенствовал изобретенный им фонограф, добившись высокой чувствительности приемного устройства. Новый аппарат кинетофон был успешно применен как озвучивающее устройство при демонстрации немых фильмов. Патент на право эксплуатации кинетофона в России за 150 тыс. руб. приобрел певец А.М. Давыдов (Театр. 1913. № 1336. 10(23) сент.).

⁴ Мария Федоровна знала и с восторгом принимала давнюю мечту Алексея Максимовича о создании театра импровизации, подобного итальянскому *Commedia dell'Arte* (см.: Горький. *Письма*. Т. 10, п. 201, 208, 209 и примеч.).

⁵ Речь идет о первой постановке Свободного театра. Премьера «Сорочинской ярмарки» состоялась 8 октября 1913 г. в день открытия театра. Этим же спектаклем закончил он свое существование 20 апреля 1914 г.

⁶ Актриса Т.А. Розова, исполнительница главной роли в спектакле М.Ф., имея музыкальное образование и большой опыт сценической деятельности, помогала ей в работе над ролью (см. п. 12).

⁷ См. п. 7, примеч. 10.

⁸ Открытое письмо Художественного театра о несогласии с оценкой Горького инсценировки «Бесов» Достоевского было опубликовано в газете «Русское слово» 26 сентября 1913 г. за подписью «Московский Художественный театр» (Андреева. С. 714).

⁹ Речь идет о подражательном романе С.С. Юшкевича «Леон Дрей».

¹⁰ См.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 76 и примеч.

¹¹ 11 сентября И.П. Ладыжников уведомлял Горького, что Сытин согласен подписать договор на издание Полного собрания сочинений Горького (АГ. КГ-п-42-1-27). Мария

Федоровна имела доверенность Алексея Максимовича на ведение его дел с издательством Сытина: «Милостивая государыня Мария Федоровна, настоящею доверенностью уполномачиваю Вас заключить от моего имени договор с т-вом И.Д. Сытина в Москве об издании т-вом моих сочинений на условиях, известных Вам, а также получить за меня обусловленные договором деньги. Всему, что Вы по сей доверенности учините — верю, спорить и прекословить не буду! *Горький*». Шутливый, черновой набросок, написанный частично Ладыжниковым, частично Горьким, вероятно, на Капри (*Андреева*. С. 714–715).

12.

Печатается по А (АГ). Впервые: *Андреева*. С. 258–260.

¹ Речь идет о повести Горького «Детство» (начало печати в «Русском слове» 25 августа 1913 г.). Главы повести пересылались в газету через Марию Федоровну, о чем свидетельствует одно из ее писем Ф.И. Благову: «Посылаю Вам VII главу “Детства”, полученную мною с Капри. Алексей Максимович обещал на днях прислать и следующие главы и просит, если возможно, не растягивать печатания, чтобы не нарушать цельности впечатления» (*Андреева*. С. 714).

² См. п. 11, примеч. 6.

³ В школе артиста и помощника режиссера МХТ Николая Григорьевича Александрова.

⁴ См.: Горький. *Письма*. Т. 10, п. 201, 208 и примеч.

⁵ См. п. 7, примеч. 10.

⁶ В 1911 г. приказчик кирпичного завода еврей М. Бейлис был обвинен в ритуальном убийстве мальчика-христианина. Более 2-х лет длилось следствие по «делу Бейлиса» и только 30 октября 1913 г. М. Бейлис был оправдан. Горький первым откликнулся на оправдательный приговор по «делу Бейлиса» телеграммой в газету «Русское слово» (см.: Там же. Т. 11, п. 86, 87 и примеч.).

⁷ См. п. 7, примеч. 11.

⁸ Лицо неустановленное.

13.

Печатается по А (АГ). Впервые: *Андреева*. С. 260–261.

¹ Имеется в виду общая забастовка рабочих и служащих московского трамвая (с 19 по 26 сентября 1913 г.), поддержанная рабочими других предприятий. Бастующие выдвигали не только экономические требования, но и протестовали против закрытия большевистской легальной газеты «Наш путь».

² К приезду Горького были подготовлены комнаты на даче Критов в местечке Нейвола (Финляндия), где жила, по приезду в Россию, Мария Федоровна.

14.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Позже, 8 января 1914 г. уже из Мустамяк Горький предупреждает Марию Федоровну о несостоятельности кинематографического дела в это сложное время — нет денег, нет подлинно деловых заинтересованных людей: «Сейчас получил твое письмо о синемат<о>графе» и т.д. Позволь мне еще раз сказать, что, по моему мнению, ты должна бросить эту затею — на время, пока не упрочится твое положение в театре, т.е. на сцене. Я уверен, что сейчас из этой суеи ничего не выйдет, кроме излишнего утомления, раздражения, разочарования. Лично я — повторю — не верю в “деловитость” твоих партнеров: ну, один из них, пожалуй, и делец — но — тебе не пара, я думаю? Другой же выдуман тобою и вовсе уж не делец.

Нет, ты, пожалуйста, брось это пока: ничего ты не сделаешь, только помешаешь себе самой» (см.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 104 и примеч.).

² Речь идет о деньгах, которые Горький должен был получить при заключении договора с Сытним об издании собрания сочинений (см.: Там же. Т. 11, п. 95 и примеч.). 11 сентября 1913 г. И.П. Ладъжников уведомлял Горького о согласии Сытина на издание. Но договор не был подписан, видимо, из-за того, что, пока шли переговоры, в приложении к сытинскому «Русскому слову» за 1914 г. вышло Собрание сочинений Д.С. Мережковского, печататься в одной серии с ним Горький не захотел, тем более, что идущие в это же время переговоры с издательством А.Ф. Маркса закончились подписанием договора на издание собрания сочинений Горького как приложения к «Ниве» (см.: Там же, п. 99–100, 233, 395 и примеч.). Доверенность при заключении договора была выдана на имя И.П. Ладъжникова, на его счет переводились деньги (Там же). Эти деньги Горький не хотел тратить на синамограф, они послужили первоначальным капиталом для организации своего издательства, от участия в котором Сытин отказался: «Сытин передал <...> вопрос о книгоиздательстве, — писал Ладъжников 27 октября, — не может быть осуществлен по финансовым соображениям» (Там же, п. 70 и примеч.).

³ См. п. 11, примеч. 1.

⁴ В Петербурге жила сестра Е.Ф. Крит и дети М.Ф.

15.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ на обидное, несохранившееся письмо Горького, в котором Алексей Максимович лишает Марию Федоровну участия во всех финансовых делах (см. п. 16, 17).

¹ См. п. 16 и примеч.

² Летняя поездка в Италию, счастливые дни вместе после долгой разлуки, когда Горький снова назвал М.Ф. своей женой.

³ См. п. 17.

⁴ Д.Д. Плетнев — терапевт, специалист по легочным заболеваниям, лечивший А.М. и М.Ф.

⁵ Переезд Горького в Россию оказался судьбоносным в жизни обеих женщин: с кем и где он будет жить? Марии Федоровне трудно было это понять по противоречивым письмам (не разысканы) Алексея Максимовича, она чувствовала, что на Капри Екатерина Павловна прилагала все усилия, чтобы возвратиться в Россию вместе с мужем, полной семьей. Отсюда и ее стремление подыскать квартиру в Москве (см.: вступ. статью). В свою очередь и Мария Федоровна боролась за свою любовь (см. п. 16, 17).

⁶ См. п. 8, 9 и примеч.

⁷ См. п. 12.

16.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Российские газеты были полны слухов о тяжелом заболевании Горького. Некоторые даже готовили некролог (см. п. 15).

² Сытин в это время был болен и его поездка на Капри не состоялась (см. п. 14).

³ К.П. Пятницкий, любивший Екатерину Павловну и помогавший ей в главном — удерживать мужа.

⁴ Письмо не разыскано. Грубое, противоречивое, обидное. Оно заставило М.Ф. страдать и задуматься: а стоили ли всех страданий ее хлопоты, вся ее деятельность «чтобы ему было хорошо»?

17.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Предполагалось на основе издательской деятельности И.Д. Сытина организовать новое книгоиздательство в Петербурге.

² Имеется в виду Владимир Федорович Грибунин — друг Марии Федоровны, артист МХТ со дня его основания.

³ Вероятно, Горький в одном из писем позвал ее: Мария Федоровна встретила его в Берлине (см.: вступ. статью).

⁴ Близкий друг Е.П. Пешковой.

⁵ В Архиве Горького нет писем Марии Федоровны с 5 октября 1913 г. по 25 ноября 1914, за исключением одного декабрьского письма 1913 г. Судьба этих писем неизвестна, как неизвестна судьба многих писем Горького Марии Федоровне: в Архиве писателя не сохранились московские письма молодого возлюбленного, нет его писем-дневника; нет писем конца 1913–1914 гг., за исключением двух сухих, обидных, как будто специально выбранных недоброжелательным человеком (см.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 95, 104 и примеч.).

18.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ См. п. 12 и примеч.

² Л.Б. Красина.

19.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ на письмо Горького от 8 января 1914 г. из Мустаяк.

¹ Письмо не разыскано.

² Интервью, которого Мария Федоровна не давала, появилось в газете «Утро России» 4 января 1914 г. (см.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 72, 76 и примеч.).

³ Ладыжников Ив. Павл. находился в то время еще на Капри, хлопотал об отправке вещей Горького в Петербург.

⁴ См. п. 14 и примеч.

20.

Печатается по А (АГ). Впервые: *Андреева*. С. 280–281.

¹ И.И. Манухин — доктор, лечивший Горького, специалист по легочным болезням (см.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 11, п. 72, 76 и примеч.).

² «Сестра Беатриса» — пьеса Мориса Метерлинка (1900 г.)

³ 24 ноября — день Святой Екатерины.

21.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ См. п. 22 и 23 и примеч.

Печатается по А (АГ). Впервые, неполностью: Андреева. С. 285–286.

¹ В начале 1915 г., по окончании срока договора в киевском театре «Соловцов» Мария Федоровна возвратилась в Москву и поступила в театр К.Н. Незлобина. Успешное возвращение на московскую сцену получило широкий резонанс в театральной среде: «Вчера выиграла сражение, — писала она И.П. Ладыжникову, — имела очень большой, говорят, успех в огромной трудной роли. Сегодня все большие газеты выпустили лестные рецензии <...> еще года два-три могу побыть на молодых ролях и, значит, заработать» (Андреева. С. 284). Исполнение роли Марит в пьесе «Маленькая женщина» О. Миртовой получило высокую оценку мастерства актрисы, ее умение создать «оженственный трогательный образ» (Рампа и жизнь. 1915. № 38. 17 сент.).

² В посылку было вложено письмо Ив.Ив. Манухина.

³ Лицо неустановленное.

⁴ В театре Незлобина М.Ф. пришлось исполнять роли идейно чуждых ей: в пьесе М.П. Арцыбашева «Закон Дикаря» она выступала в главной роли Зинаиды Павловны Вересовой (см. п. 23 и примеч.).

⁵ «Новости тебе расскажет А<лександр> Н<иколаевич>, — сообщил Горький, — он, вероятно скоро будет в Москве» (см.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 334). Тихонов выехал в Москву 13 октября, о чем писал М.Ф. ее сын Юрий (АГ. ФМА-кр-4–25–55).

⁶ Письмо А.М. не разыскано.

⁷ В начале октября 1915 г. И.И. Манухин эвакуировался из Киева в Москву (см.: *Письма*. Т. 11, п. 340).

⁸ Жена И.И. Манухина — Татьяна Ивановна.

⁹ Александра Александровна Экстер — живописец, педагог.

¹⁰ Татьяна Васильевна — жена Н.А. Румянцева.

¹¹ Первоначальное название второй части «Детства» — «В людях».

¹² Бутова Надежда Сергеевна — артистка МХТ.

¹³ Клавдий Сапунов — пациент доктора И.И. Манухина.

¹⁴ См. вступ. статью.

Печатается по А (АГ), впервые.

Датируется по письму Алексея Максимовича от 13 октября 1915 г. (Горький. *Письма*. Т. 11, п. 334 и примеч.).

¹ 10 октября 1915 г. Горький писал: «Пришли вагон — 600 п<удов> — хорошего настроения...» (Там же. Т. 11, п. 325 и примеч.).

² Осенью 1915 г. Горький поселился в Петрограде в квартире Критов вместе с детьми и племянником Марии Федоровны. Обеспокоенная письмом Алексея Максимовича, она срочно посылает сыну Юрию телеграмму, на которую он ответил 17 октября: «Получил сегодня телеграмму <...> Особой “грязи” в квартире я не вижу. Очень долго работал столяр, а пока он работал, нельзя было звать полотеров, и это создавало впечатление грязи» (АГ. ФМА-кр-4–25–45).

³ О детях Горький сообщил, что «все здоровы и веселы», «Катя — мало бывает дома, занята в лазарете» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 201).

⁴ С.Б. Никритин, молодой начинающий художник, познакомился с Горьким и Марией Федоровной в Кисеве во время ее гастролей. А.М. приехал на бенефис М.Ф. Посетив мастерскую молодых художников, он отметил талантливые рисунки Семы, предложив ему учение в Петербурге: «Так как у брата не было права жительства, то Алексей Максимович поселил его у себя на квартире <...> где брат прожил довольно долго, а потом его переправили в Москву, где Сема стал брать уроки живописи у Л. Пастернака», —

вспоминала сестра художника (Там же. Т. 12. С. 287). Сёма Никритин «бесконечно» уважал Марию Федоровну и в одном из писем благодарил ее за помощь: «Я так много обязан Вам духовно, Вы так много сделали мне как человеку, как художнику, что, право, я не знаю, сумею ли вообще когда-нибудь (даже если буду великим художником) отплатить тем же» (*Андреева*. С. 720).

⁵ Горький хорошо знал Румянцева, был дружен с ним раньше, но сплетни о «новых увлечениях» М.Ф. заставили его ревновать: «О добрых подвигах Румянцева мне тоже неинтересно знать. Мне этот жирный парень противен» (*Горький. Письма*. Т. 11, п. 334 и примеч.).

24

Печатается по А (АГ). Впервые, неполностью: *Андреева*. С. 285–286.

¹ См. п. 25 и примеч.

² А.Н. Тихонов, верный помощник А.М. При непосредственном его участии был создан «Торговый дом А.Н. Тихонова» и издательство «Парус». Очень часто, как и А.М., приезжал по неотложным делам в Москву.

³ См. п. 22.

25

Печатается по А (АГ). Впервые, неполностью: *Андреева*. С. 286–287.

¹ Исполнение главной роли в пьесе «Закон дикаря», создание образа женщины яркой, полной жизненной правды, в значительной степени освобождает спектакль от пошлости арцыбашевщины. С. Глаголь в рецензии отмечал, что первые 6 картин вызывали у зрителя «далеко не дружные аплодисменты», к ним примешивалось энергичное «шиканье» и артисты чувствовали себя неловко. «Напротив, в третий акт, благодаря артисткам Янушевой, Княжевич и главным образом Андреевой вдруг врывается жизнь, за нею на момент забывается всякая арцыбашевщина, и в зрительном зале разражается буря настоящих аплодисментов» (Утро России. 1915. 29 окт.).

² См. п. 22 и примеч.

26.

Печатается по А (АГ). Впервые, не полностью: *Андреева*. С. 287–288.

¹ См. п. 23, примеч. 1.

² Крик души (нем.).

³ Знакомая Горького. См. о ней: *Письма*. Т. 7, п. 46.

⁴ Пьеса Л.Н. Андреева «Тот, кто получает пощечины». Премьера состоялась 27 октября 1915 г. в Моск. драматич. театре. Отзывы о пьесе М.Ф. дает в п. 27. Ее отзыв см. в п. 31.

27.

Печатается по А (АГ). Впервые, неполностью: *Андреева*. С. 288–289.

¹ Письмо-отповедь Горького не разыскано, о чем в нем речь — можно только предположить по ответу М.Ф.: вероятно, это был протест против ее игры в пьесе Арцыбашева. Подобное отношение к пьесе и у сына Юрия. В письме от 25 октября он выразил свое неодобрение: «Как это жаль, что ты должна играть в этой арцыбашевской срунде. Неужели ты и впредь будешь играть всякую чушь <...> только потому, что публика тебя любит и ходит?» (*Андреева*. С. 287).

² См. п. 26 и примеч.

³ Мария Федоровна передала с А.Н. Тихоновым свою пьесу Горькому на отзыв. Сын сообщает о получении ее: «Насчет пьесы твоей ничего не могу сказать, так как не читал ее. Тихонов передал ее прямо Алеше, а он, прочтя, конечно ничего не сказал мне и отослал тебе. Ну ничего, прочту, когда буду в Москве...» (Там же. С. 287).

⁴ В февральском письме 1916 г. Горький советует Марии Федоровне работать с кинематографической фирмой Тиман и К^о, с режиссером Волковым А.А.: «Я стою за Тимана, потому что мне нравится Волков <...> он порядочнее Радина и Сдеревича, вместе взятых. Я думаю, что с ним можно работать» (Горький. *Письма*. Т. 12, п. 34 и примеч.). Получив приглашение от фирмы Тиман и К^о сниматься, она приходит к ним не одна: вместе с нею начинает свою работу в ателье фабрики ее сын. Юрий станет потом известным кинорежиссером и оператором. Мария Федоровна снялась в фильме «Ничтожные» (экранизация романа Е.А. Нагродской «Борьба микробов»).

29 мая 1916 г. Юрий сообщил, что закончили съемку «Микробов»: «...ты вышла хорошо как с фотографической точки зрения, так и со стороны игры». Увидев ее фотографии, Тиман спрашивал: «...когда и будешь ли ты играть» (*Андреева*. С. 297). В этой же фирме она снялась в картине «Узурпатор» по известному роману Локка. Позже, в 1926 г. М.Ф. снялась в заграничном фильме, о чем она писала А.Н. Лаврентьеву: «Только что снималась в фильме <...> довольно удачно <...> Я смотрела себя на экране. Там, где начинается настоящая драма и все лицо в слезах, — даже мне самой понравилось...» (Там же. С. 375).

⁵ Ю.А. Грожан — брат П.А. Грожана, революционера, погибшего в 1905 г., успешно продолжал его дело, большевик.

⁶ На ежедневных собраниях у С. Вольского — очень сильное брожение слов: спор меньшевика А.Н. Потресова, эсеров Е.Д. Кусковой, С.Н. Прокоповича с большевиком И.И. Скворцовым-Степановым о судьбе России, национальной самообороне. У большевички Марии Федоровны подобные собрания вызывали полное неприятие.

⁷ Письмо не разыскано.

⁸ См. п. 23 и примеч.

28.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Письмо Горького с отзывом об этой пьесе, которую написала Мария Федоровна, не разыскано.

² Вероятно, это была вторая пьеса. О рукописи первой писал сын Юрий. См. п. 27 и примеч.

29.

Печатается по А (АГ). Впервые, неполностью: *Андреева*. С. 289–291.

¹ Ответ на не разысканный отзыв А.М. о пьесе.

² См. п. 10, 30 и примеч.

³ Сверх всякой меры (лат.).

⁴ Пьеса С.С. Юшкевича «Человек воздуха» — 10 ноября 1915 г. состоялась премьера на сцене театра Незлобина.

⁵ Н.С. Каржанский «Марьян Дол» — мистическая пьеса. Премьера состоялась 16 декабря 1915 г. в театре Незлобина.

⁶ Мечты не сбылись. См. вступ. статью.

⁷ См. п. 27, примеч. 4.

⁸ Драма Г.Д. Гребенщикова. См. наст. изд.

⁹ А.А. Вербицкая. Успешные выступления Марии Федоровны вызвали повышенный интерес известных писателей и драматургов, предлагавших играть в их пьесах главную

роль (см. п. 7, 25, 26, 32 и примеч.).

¹⁰ Имеется в виду предстоящий Всероссийский съезд деятелей Народного театра, который проходил в Москве с 27 декабря 1915 г. по 5 января 1916 г. Интерес Марии Федоровны к Народному театру неслучаен: она знала и любила рабочие театры — школы, студии, Народные дома и часто выступала на их сценах (см. п. 31, 33). См.: также ее письмо К.С. Станиславскому (*Андреева*. С. 299).

¹¹ Повесть «Отрочество», в отрывках, печаталась в газете «Русское слово» (1915. № 251. 1 нояб. — № 280. 6 дек.). Полностью, под названием «В людях» в журнале «Летопись» (1916. № 1–12. Янв.-дек.).

30.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ См. п. 29 и примеч.

² Вольский Станислав (Соколов Андрей Владимирович) — см.: о нем п. 27 и примеч.

³ Как всегда «безденежье» жестоко одолевало Горького. Организация журнала «Летопись» и издательства «Парус» поглощала все гонорары от Сытина и Маркса, а большая семья требовала внимания и заботы. См. п. 24 и примеч., а также п. 28 и примеч.

⁴ Владимир Александрович Крит, преподаватель петербургской Военно-инженерной академии, муж младшей сестры Марии Федоровны.

⁵ Письмо А.М. о пьесе Марии Федоровны неизвестно. См.: об этом также ее письмо от 29 октября 1915 г. Рукопись пьесы, вероятно, была уничтожена.

31.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Н.А. Румянцев.

² С. Вольский (Соколов А.В.).

³ Речь идет о Е.Д. Кусковой, Е.П. Пешковой, И.И. Скворцове.

⁴ Намек на благотворительную деятельность Екатерины Павловны.

⁵ См. п. 26 и примеч.

⁶ Вполне понятна обида М.Ф., когда ее отчаянные усилия предупредить А.М. о нечестных действиях секретаря Ф.И. Благова, И.Д. Сытина, и в других издательских делах несправедливо отданы Е.П. Пешковой (см. п. 32).

⁷ См. п. 32.

32.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Евгений Кякшт — племянник М.Ф. — добровольно вступил в армию в качестве вольноопределяющегося, был произведен в прапорщики, в середине ноября 1915 г. он находился на передовых позициях под Брест-Литовском (см.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 368, 397 и примеч.).

² См. п. 29 и примеч., а также п. 7 и примеч.

³ Л.Ф. Маркс-Всеволожская — издательница. С Товариществом А.Ф. Маркса был подписан договор на издание Собрания сочинений Горького как приложение к журналу «Нива». Именно их деньги помогли писателю в организации журнала «Летопись» и издательства «Парус».

⁴ Е.Д. Кускова и ее муж С.Н. Прокопович принимали активное участие, по инициативе Горького, в создании журнала, способного объединить демократические силы общества.

⁵ См. п. 30 и примеч.

33.

Печатается по А (АГ). Впервые, отрывок: *Андреева*. С. 291.

¹ Письмо, на которое отвечает М.Ф., не разыскано.

² Все хорошо (англ.).

³ Ю.Н. Верховский — поэт, переводчик. В это время переводил стихотворения с армянского для «Сборника армянской литературы».

⁴ Вероятно, имеется в виду публицист Б.Б. Глинский.

⁵ См. п. 34 и примеч.

⁶ Сбор денег с циркового представления предназначался в пользу жертв войны.

34.

Печатается по А (АГ). Впервые, отрывок: *Андреева*. С. 292.

¹ Вероятно, имеется в виду Н.Н. Синельников — режиссер, театральный деятель, друг Марии Федоровны. В его «Свободном театре» М.Ф. играла в сезон 1914–1915 г. (см. п. 19, 20).

² А.А. Бахрушин — театральный деятель, основатель театрального музея в Москве.

³ Возможно, Горький приглашал И.И. Скворцова в редколлегия издательства «Парус», как опытного редактора или сотрудничать в журнал «Летопись» в качестве публициста.

35.

Печатается по А (АГ). Впервые, неполностью: *Андреева*. С. 291–292.

¹ См. п. 33.

² См. п. 33 и примеч.

³ Письмо не разыскано.

⁴ Ф.Н. Фальковский — драматург, рецензент, один из владельцев Нового драматического театра.

⁵ См. п. 29, 36 и примеч.

⁶ А.А. Желябужский — муж М.Ф., он глубоко уважал А.М.

36.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ В первой книге «Летописи» печатался (неполностью) «Дневник» Л.Н. Толстого, что и задержало выпуск журнала из-за цензуры. В письме Е.П. Пешковой от 16 декабря 1915 г. Горький сообщал: «Книга задержана “Дневниками” и выйдет 17, 18...» (Горький. *Письма*. Т. 11, п. 389 и примеч.).

² На праздники Рождества Максим не приезжал: Горький сам был в Москве между 19 и 25 декабря 1915 г. Максим перенес свою поездку в Петроград на Новый год. Однако, А.М. вынужден 31 декабря дать телеграмму Е.П. Пешковой: «Максиму не надо ехать сюда» (Там же. Т. 11, п. 399 и примеч.), ибо в это время в Петрограде находилась М.Ф.

³ 25 ноября 1915 г. Горький писал Е.П. Пешковой: «А сына-то у нас хотят забрать на бойню! Сообщи, какие меры думаешь предпринимать?» (Там же. Т. 11, п. 373). Чтобы отдалить призыв, родители нашли выход: Максим провел в школе Н.Г. Бажанова дополнительный учебный год (Там же, п. 370 и примеч.).

⁴ См. п. 29, 35.

37.

Печатается по *A (АГ)*, впервые.

¹ Иван Павлович Ладъжников в это время вел все финансовые дела А.М. Известно, что 28 декабря 1915 г. С.-Петербургским международным банком было принято 50 тыс. руб. для занесения на текущий счет И.П. Ладъжникова (см.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 395 и примеч.).

ПИСЬМА Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА ГОРЬКОМУ (1911–1928)

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Л.В. Суматохиной*

Переписка М. Горького с сибирским писателем Г.Д. Гребенщиковым не раз привлекала внимание исследователей. Об отношениях двух писателей и роли Горького в судьбе Гребенщикова писал Н.Н. Яновский¹, материалы переписки нашли отражение в работах Н.Н. Примочкиной², М.В. Кшиштофовой³, Л.В. и К.М. Азадовских⁴. Ряд писем Горького Гребенщикоу был опубликован еще в советский период⁵. В последние годы письма Горького Гребенщикоу печатаются с подробным комментарием во второй серии («Письма») Полного собрания сочинений М. Горького (см.: тома 9–14). Два письма: от 15(28) июля 1911 г. и от 14 (27) марта 1913 г. — напечатаны впервые⁶. Это первый ответ Горького на эпистолярное обращение Гребенщикова с отзывом о его произведениях и письмо с подробным критическим разбором повести Гребенщикова «Сельская знать», о которой речь пойдет ниже. Эти письма помогают достаточно полно восстановить историю взаимоотношений писателей.

Опубликованные литературоведами В.А. Росовым, Т.Г. Черняевой, В.К. Корниенко письма Гребенщикова Г.Н. Потанину, П.А. Казанскому, И.А. Бунину, В.С. Миролубову, Е.А. Ляцкому, М.В. Аверьянову и др. позволяют точно восстановить многие факты жизни Гребенщикова и прокомментировать его письма Горькому.

Переписка Горького с Гребенщиковым началась в 1911 году, когда молодой писатель, журналист, этнограф, малоизвестный за пределами Сибири, послал Горькому на Капри свои произведения и обратился с просьбой об их оценке, о помощи и совете. В этом письме Гребенщиков кратко изложил свою трудную биографию писателя-самоучки, во многом напоминающую жизненные «университеты» Горького.

Гребенщиков родился в бедной семье горнорабочего из крестьян. Не закончив 4 класс начальной школы, мальчик, потом юноша, работал мойщиком посуды в аптеке, учеником фельдшера, письмоводителем, служил на золотых приисках. С 1907 г. он полностью посвятил себя

литературному труду. В 1909 г., стремясь убедиться в правильности выбранного пути, Гребенщиков посетил Льва Толстого в Ясной Поляне. С той же целью он обращается и к Горькому. Переписка писателей продолжалась с 1911 по 1928 год. За это время многое изменилось в писательской судьбе Гребенщикова: его рассказы и повести стали появляться в столичных журналах, были замечены критикой, до революции он издал несколько своих сборников. Вторая половина жизни Гребенщикова (он умер в 1964 г.) прошла в эмиграции, сначала в Европе, затем в Америке. Он сумел создать себе достаточно громкое литературное имя, прежде всего, благодаря роману «Чураевы».

Первое письмо Горькому Гребенщиков написал в апреле 1911 года в Томске, где жил с 1909 года, сотрудничая в газете «Сибирская жизнь», журналах «Молодая Сибирь» (1909), «Сибирская новь» (1910). Однако отправить письмо Горькому Гребенщиков решил не сразу. Из содержания письма видно, что оно писалось непосредственно перед отъездом из Томска в долину реки Бухтармы. По совету известного путешественника, этнографа, исследователя Сибири Г.Н. Потанина Гребенщиков намеревался изучать быт и обычаи живших там старообрядцев. Часть пути до Барнаула они с Потаниным проделали вместе. В 1915 году в статье «Большой сибирский дедушка (Из личных встреч с Потаниным)» Гребенщиков вспоминал: «Весной 1911 года мы вместе с ним выехали на пароходе из Томска на Алтай. Только вместе путь наш продолжался до Барнаула. Он ехал на северный Алтай, в Анос, где живут остатки племени алтайцев-шаманистов, а меня “командировал” в юго-восточную часть Алтая, в Бухтарминский край, куда я и направился на целый год»⁷. Отсюда и написано второе письмо М. Горькому, отправленное знаменитому писателю вместе с первым в июле 1911 г.

Горький сразу же ответил и помог Гребенщикову, направив его повесть «В полях» и рассказ «Настасья» В.С. Миролубову для «Современника». 15(28) июля 1911 г. Горький писал Миролубову: «Обратите внимание на рассказы Гребенщикова. Автор — сын алтайского калмыка и донской казачки, молодой парень, самоучка, ныне — постоянный и видный сотрудник “Сибирской жизни”. Рассказы, помещенные им в этой газете, очень хороши»⁸.

Заинтересовавшись Гребенщиковым, Горький запрашивает о нем своих сибирских корреспондентов, один из которых, Василий Монин, 7(20) августа 1911 г. отвечает на несохранившееся письмо писателя: «Прошлой зимой Гребенщиков присылал нам довольно часто в Алтайскую газету — Барнаул. Есть ли отдельный выпуск его пьесы “Сын народа” — также, вероятно, напишут»⁹.

Гребенщиков был горд и окрылен письмом Горького. Но уже в том, как он отметил факт его получения в письмах П.А. Казанскому и Г.Н. Потанину, проявилось желание представить вещи в выгодном для

себя свете. Характерна одинаковая оговорка в письмах к столь разным корреспондентам: почти ровеснику и в ближайшем будущем — помощнику в редактировании газеты П.А. Казанскому; и мудрому авторитетному наставнику, «сибирскому дедушке» Г.Н. Потанину. 6 сентября 1911 г. Гребенщиков пишет Казанскому: «Вообще у меня надежды смутны... Хотя — чуть было не забыл — на днях получил большое письмо от Горького с Капри. Посылал я ему несколько рассказов — напечатанных и два в рукописях. Последние оба он отослал в “Современник” (не верю, что там появятся). А пять из восьми напечатанных одобрил, и очень. Предлагает прислать ему *все* напечатанные рассказы для издания сборника через какого-то его “знакомого издателя”... Не знаю как на это и реагировать, так как он тут же прибавляет: “или, может быть, рано? Как вы думаете?” Упрекает в том, что у меня недостаточно хорошо поставлен язык письма»¹⁰.

14 сентября 1911 г., тоже как бы вскользь, попутно (как будто бы он действительно мог забыть об ответе Горького!), Гребенщиков заметил в письме Потанину: «Да!.. Чуть не забыл: Максиму Горькому я посылал 8 печатных рассказов и две рукописи. Обе рукописи он передал в “Современник”, а из восьми — пять рассказов похвалил и просит прислать ему все мои рассказы для издания сборника... Не преждевременно ли пользоваться этим лестным предложением? Горький, между прочим, упрекает меня в несовершенстве языка и советует “учиться до смерти”»¹¹.

Ответ Горького сыграл без преувеличения огромную роль в писательской судьбе Гребенщикова. Он получил доступ на страницы столичных журналов и возможность установить контакты в столичной литературной среде. В 1912 году начинается его переписка с Е.А. Ляцким, В.С. Миролубовым, М.В. Аверьяновым.

В намерении стать писателем Гребенщикова укрепила положительная оценка Горьким его произведений: в письме А.Н. Белослюдову от 27 декабря 1911 г. нет и следа колебаний между беллетристикой и этнографией, которые у него были, если верить первому письму Гребенщикова Горькому. Гребенщиков пишет другу, что его талант признает и Потанин, что в долине Бухтармы он собирает материал, в первую очередь нужный ему для повестей и рассказов, и лишь «обрезки», остатки «сухого» материала готов отдать этнографии и публицистике. Любопытно признание писателя: «Мне вовсе не интересно сектанство как таковое, но мне интересны люди в нем...». И наконец, осторожное, с оговорками, предложение Горького прислать напечатанные рассказы, «хорошенько просмотрев и исправив их»¹², в сознании Гребенщикова преобразуется в полную уверенность: «Горький обещал мне издать первый том моих рассказов»¹³.

В долине Бухтармы Гребенщиков собирался провести год. Жалуясь

на одиночество, Гребенщиков писал Казанскому, что «выдержать искуса в течение всего года с лишним решил твердо»¹⁴. Однако, получив в конце 1911 г. предложение стать редактором газеты «Жизнь Алтая», в феврале 1912 г. он переехал в Барнаул. В мае газета стала выходить под его редакцией.

Гребенщиков много сил отдавал «Жизни Алтая», в особенности — ее литературному отделу. Он с гордостью сообщал в письме П.А. Казанскому мнение В. Крутовского: «Газета Гребенщикова — литературный пантеон»¹⁵.

Однако по складу своей натуры он не мог долго оставаться на одном месте и часто был в разъездах, вероятно, вызывая неудовольствие издателя. Проявило себя и писательское самолюбие Гребенщикова: ролью редактора алтайской газеты он явно не собирался ограничиваться. В письмах различным адресатам он часто сетует на то, что газетная работа отнимает слишком много сил и времени и не оставляет возможности для литературного творчества.

1 октября 1912 г. Гребенщиков взял отпуск в редакции газеты и отправился в Петербург хлопотать об издании своей первой книги — сборника рассказов «В просторах Сибири». Мысль Горького о возможности издания сборника рассказов захватила его.

Из Петербурга он отправил Горькому письмо, спрашивая о возможности приехать на Капри, и в ответ получил его приглашение. Однако дела с напечатанием книжки двигались медленно, срок отпуска заканчивался, материальные средства — тоже. Он писал Е.А. Ляцкому 17 ноября 1912 г.: «Книжка моя печатается медленно. Едва ли выйдет к 5—10 декабря. Как-то так случается, что у Мих<аила> Вас<ильевича> (имеется в виду М.В. Аверьянов. — Л.С.) какие-то все проволочки с бумагой, типографией и проч. Даже тоска берет, время бежит, срок отпуска кончается, деньги идут страшно... Очень хотелось бы поехать на Капри, но книжка пришила меня. Уж надо дотягивать, терпеть»¹⁶.

В ответном письме Горький советовал Гребенщикову не торопиться с изданием первой книги, чтобы не навлечь неодобрительного внимания строгой критики, что вызвало у молодого самолюбивого автора внутренний протест: Гребенщиков находился в самом разгаре хлопот, связанных с изданием этого сборника. Дождавшись выхода книги, в конце декабря 1912 г. он посылает ее Горькому и возвращается на Алтай.

Горькому книга понравилась. Он писал об этом не только Гребенщикову. В январе 1913 г., например, он делится своим впечатлением с А. Амфитеатовым: «Видели Вы книжку Георгия Гребенщикова “В просторах Сибири”? Поглядите, — хорошо»¹⁷.

Тогда же, в начале 1913 г., на Капри племянник И.А. Бунина Н.А. Пушешников записывал в дневнике свои впечатления об отношениях Горького с молодыми писателями: «В их среде он

чувствует себя учителем, — эта роль ему, по-видимому, нравится, — руководящим их литературным развитием. <...> По вечерам он иногда собирает их у себя и устраивает чтения вновь приходящих книг. <...> Читались обыкновенно новые вещи Подъячева, Чапыгина, Сивачева и Гребенщикова, произведения которых Г<орький> хвалил постоянно»¹⁸.

Жена И.А. Бунина В.Н. Муромцева-Бунина писала об одном из таких литературных вечеров на Капри в мемуарной заметке 1929 г. «Piccola Magina»: «...Это было нечто вроде практических занятий. Он разбирает и сравнивал двух новых писателей, Чапыгина и Гребенщикова. Было прочтено по одному рассказу этих авторов, и вот сравнивались темы, манера писать и т.д.»¹⁹. Так что не случайно в письме от 27 февраля 1913 г. Гребенщиков благодарит Горького: «Спасибо <...> за популяризацию меня среди Ваших друзей» (см. п. 10).

Вернувшись в Барнаул в начале января 1913 г., Гребенщиков тщательно, насколько ему позволяли условия, работал над отделкой повести «Сельская знать», вчерне написанной еще до поездки в Петербург²⁰. Он возлагал на это произведение большие надежды и еще из Петербурга писал П.А. Казанскому: «“Сельскую знать” можно считать устроенной, только я сам хочу еще над нею работать. О ней будут говорить. Надо подтянуться»²¹. 21 января 1913 г. он сообщал Е.А. Ляцкому: «Теперь я усиленно занят своей “Сельской знатью”. Кажется, будет ладная вещица»²².

В феврале повесть была закончена и отправлена на Капри (см. п. 9). Ожидая ответа, Гребенщиков, судя по письмам, переживал мучительную тревогу, и его предчувствия оправдались: Горькому повесть совершенно не понравилась. Критическому анализу «Сельской знати» посвящено большое письмо Горького²³. К сожалению, дальнейшая судьба этого произведения нам неизвестна, текст его не разыскан. Поэтому трудно установить, насколько прав (или, быть может, излишне суров) был Горький в оценке повести. Возможно, одной из причин этой жесткой оценки стало встречное письмо Гребенщикова от 27 февраля 1913 г. (п. 10) — ответ на одно из самых взволнованных и откровенных писем Горького Гребенщикову.

В письме Горького от 13(26) февраля 1913 г.²⁴ — из всех писем Горького, пожалуй, наиболее ярко и эмоционально — была сформулирована идея «собираания Руси», одухотворявшая его художественное творчество, публицистику и организаторскую деятельность 1910-х годов.

Горьковские оценки произведений Гребенщикова несут на себе отпечаток этой идеи. В письме от 7(20) ноября 1912 г. он предложил Гребенщикову по возможности сократить первый вариант повести «Ханство Батырбека» как «слишком этнографичный»: «Бытовое — очень любопытно, но оно важнее там, где в частном-бытовом Вы

сумеете подметить и показать мне, читателю, — мировое, общечеловечье. Мы с Вами о чем заботимся, над чем бьемся? Не хотим ли мы убедить мир — “ты еси един”, все твои скорби, муки, надежды, желания — одинаковы на всех точках планеты нашей? Верно? Вот Вам высота, с которой жизнь Батырбека становится столь же интересна и поучительна, как Ваша, моя, жизнь культурного француза и т.д.»²⁵.

В январе 1913 г., получив первую книгу Гребенщикова и в целом высоко ее оценив²⁶, Горький замечал: «“Пришельцы” — очень уж перегружены “областным национализмом” — оставьте сей вопрос публицистике, если не чувствуете в себе силы быть объективным в этом вопросе, когда пишете рассказ»²⁷. В том же письме Горький в числе лучших, с его точки зрения, рассказов Гребенщикова назвал рассказ «На лыжах»²⁸. Полагаем, что эта оценка в некоторой степени связана с созвучностью рассказа Гребенщикова горьковской идее «собираения Руси»: «...В моих мечтах росла величественная картина празднования Пасхи всей необъятной Русью <...> А что, если бы Русь догадалась, да этак же объединилась бы против своего невежества, против взаимной злобы и корыстолюбия!? В один день и в один час!? Ведь могла бы она, честное слово, могла бы совершить чудо, величайшее чудо!..»²⁹

Произведения Горького, в которых отчетливо звучит идея «собираения Руси»: очерки и рассказы, включенные в цикл «По Руси», публицистические статьи — восхищали Гребенщикова. Об этом свидетельствуют не только его письма (см.: письма 7, 8, 22, 34), но и публикации в «Жизни Алтая». В рецензии на журнал «Современник» Гребенщиков писал, например, о статье «Издалека»³⁰: «В ней с силой и выразительностью, свойственной только Горькому, культурное человечество призывается к единению в одно целое, мировое умственное ядро для разрешения сложных социальных вопросов человечества... Статью эту должен прочесть всякий культурный читатель»³¹. Там же дана высокая оценка рассказа Горького «Губин» (см. п. 8, примеч. 12).

Переписка с Гребенщиковым и реальная помощь ему были одним из многочисленных проявлений идеи «собираения Руси» на практике. Гребенщиков заинтересовал Горького как областной писатель, чье творчество подавало надежды на культурный расцвет окраин. Начинающий писатель и журналист имел непосредственное отношение к сибирскому областничеству, интересовавшему Горького.

Тем более, полагаем, ответ Гребенщикова был для Горького неожиданностью. Так бывает, когда во время задушевного разговора собеседники неожиданно утрачивают взаимопонимание и осознают, что чужды друг другу в самом основном. На слова Горького: «Слышали Вы когда-либо, чтоб кто-нибудь крикнул всею душою: — Да здравствует Русь... Мне — 45 лет, и ни разу не слышал я такого крика, а пока нет — наше дело плохо, — сердца нет у нас»³², — Гребенщиков отвечает:

«...Положа руку на сердце, я признаюсь Вам, что тоже не сказал бы: “Да здравствует Русь!” Она меня часто приводит в исступление тем, что она, злосчастная, есть и еще не распалась...» и т.д. (см. п. 10).

Полагаем, что именно с получением этого письма отношение Горького к Гребенщикову начинает меняться не в лучшую сторону. Болезненная реакция Гребенщикова на негативную оценку «Сельской знати» еще более охладила Горького. Раскритиковав неудачную, с его точки зрения, повесть, Горький призывал Гребенщикова учиться у лучших русских писателей языку и овладевать общей культурой.

Письмо Горького больно задело самолюбие Гребенщикова. 27 марта 1913 г. он пишет Ляцкому: «Алексей Максимович сурово осудил большую мою работу “Сельская знать”. Обиднее всего то, что для приговора имели значение незначительные соринки, неудачные обороты, словом, погрешности языка и взгляд на главного героя как на тип, чего я не добивался. У меня там все типы, только не главное лицо. Это — просто средний человек — интеллигент, *обезличенный* условиями сельской жизни. А А.М. требует, чтобы я ему для индивидуальности “хоть бородавку на нос посадил”. А я как раз никакой черты, никакого клейма этому человеку и не хотел дать. Цели, судя по отзыву А.М., я достиг, а результаты плачевны: повесть осуждена на коренную переделку, на которую не подыметесь рука, пока я сам не стану во всем согласен с А.М. А буду ли согласен — как можно ручаться? Хотя и дерзко, а иногда своего мнения или мысли не хочется переменить ни за что. Многие указания конечно полезны, а о главном — боюсь [о нем] и распространяться»³³.

Особенно Гребенщикова задели слова Горького: «...Вы человек, видимо, мало знающий, и Вам кажется, что то, что Вы узнали вчера, — ново, оригинально, никому не ведомо — Америка! Все Америки открыты, а Вы — не Колумб, это нужно помнить во вся дни живота Вашего»³⁴.

О своем «невежестве», «малокультурности» Гребенщиков всегда писал с болью: «Больно, а должен возненавидеть свою работу на долгое время. <...> А.М. прав — я слишком малокультурен для писателя. Это прямо содержится в его письме»³⁵. Критику Гребенщиков и раньше воспринимал как «насмешку над малограмотным представителем низшего сословия»³⁶. 6 апреля 1913 года он писал Потанину — явно под впечатлением горьковского письма: «Мне горько об этом говорить, но не легче и умолчать. Я совсем несведущий человек, я — малограмотный, я не имею хоть сколько-нибудь дисциплинированных знаний, и чем дальше, тем больше это сознаю и мучаюсь сознанием своего невежества. Иногда у меня готовы опуститься руки, и я готов вернуться к сохе или уйти в лес охотиться, и если бы не было близких, хороших друзей, которые не судят меня строго, — я, может быть, и не удержался бы на своем негладком пути. Но я держусь и, пока хватит

сил, буду держаться, буду всеми силами учиться и, может быть, в насаде и бессилии так и погибну — с укором судьбе за то, что она не дала мне лучшей системы просветления, чем канцелярия мирового судьи и случай... Кроме того, мой горячий темперамент мне часто вредит. В запальчивости я часто открываю открытую Америку или кого-нибудь обвиняю и должен очень часто подавлять в себе чувство самолюбия и открыто признавать свои ошибки»³⁷.

В своем ответе Горькому (п. 11), на который он решился спустя почти два месяца по получении его письма, звучат горькая обида и оскорбленное самолюбие. Ожидая ответа на свое письмо, Гребенщиков в тревоге пишет Е.А. Ляцкому 12 июня 1913 г.: «Алексей Максимович мне давно не пишет ничего. Я же боюсь его беспокоить без дела, хотя изредка душа к нему просится».³⁸

Горький всеми этими особенностями личности Гребенщикова был неприятно удивлен. Свой холодный ответ на сетования и возражения Гребенщикова он начинает так: «Я очень удивлен Вашим письмом, оно преисполнено всяческих неожиданностей для меня»³⁹. Отвечая обиженному Гребенщикову, Горький тогда же, в июне 1913 года, в письме А.Н. Тихонову замечает: «Итак, в авг<усте> Вы на Алтай? Будете в Барнауле? Познакомьтесь там с Гребенщиковым. Увы, он на меня обиделся за то, что повесть ему совершенно не удалась. Видимо, паренек очень самолюбив. Это — плохо для литератора, который должен быть честолобив, — если он не может без этого. Лучше же и без этого. Пиши, а там история оценит, лет через сто»⁴⁰.

Любопытно, что точка зрения Гребенщикова, высказанная еще в декабре 1911 г. в письме А.Н. Белослюдову, прямо противоположна: «Самолюбие — великая вещь в таком деликатном деле, как писательство. Оно горами двигает»⁴¹.

В 1947 г. И.А. Груздев так комментировал доступные ему тогда фрагменты переписки: «Гребенщиков был одаренным, талантливым писателем, но как человек был мелковатым, малокритичным в отношении себя, склонным к тому, что у нас определяется метким словом — зазнайство. Таким я знал его по встречам в 1916 году, таким его, вероятно, помнят и другие, кто был знаком с ним. Знал ли об этом Горький по переписке с ним? Несомненно знал. Но тем интереснее и важнее письма Алексея Максимовича. Таким он был всегда: если замечал хоть искру таланта, не жалел никаких усилий своих, чтобы раздуть его в пламя; если видел у человека хоть зародыш доброго желания служить общему делу, широко раскрывал этому человеку свое сердце»⁴².

Горький действительно умел отделять зерна от плевел, талант от личных несовершенств его носителя и многое прощал Гребенщикову, ценя его писательский рост. «А Гребенщиков начинает писать все лучше и лучше! Добрый путь!» — отвечал он В.И. Анучину в мае 1914 г. на

сообщение, что Гребенщиков готовит свой второй сборник⁴³.

Письмо Горького совпало с рядом мелких и крупных неприятностей в жизни молодого писателя: неблагоприятным отзывом Г. Вяткина о книге Гребенщикова, болезнью сына. Пытаясь восстановить силы и душевное равновесие, Гребенщиков с женой и сыном отправляется в путешествие по Алтаю. В пути он пишет Горькому, с благодарностью отвечая на его «маленькое хорошее письмецо» (одно из неразысканных писем Горького), которое свалило с души «тяжелый камень». Раскаиваясь в слишком нервной реакции на критику своей повести, Гребенщиков пытался загладить неблагоприятное впечатление: отношение Горького он очень ценил.

Неудача с «Сельской знатью» не охладила его. 31 октября 1913 г. он пишет Потанину из Петербурга: «Большая повесть, забракованная Горьким, мною выдерживается в портфеле и постепенно исправляется, а главное — я проверяю указания Горького и нахожу, что далеко не все они бесспорны»⁴⁴. Гребенщиков чувствует себя увереннее, его переписка с Горьким в 1914 году ограничивается всего двумя его письмами и одним (неразысканным) ответом Горького.

В Петербурге Гребенщиков занимался изданием «Алтайского альманаха» (СПб., 1914) и второго тома рассказов «В просторах Сибири». 1 ноября 1913 г. в письме Ляцкому он размышляет: «Что касается материала моей книжки, то он подобран мною тщательно и я смотрю на свою II книжку, как на “докторскую диссертацию”, надеюсь, что она будет гораздо литературнее I-ой и не менее ходко пойдет в продажу»⁴⁵. Выход в свет второго сборника рассказов Гребенщикова затянулся до начала 1915 года, вероятно, в связи с финансовыми трудностями, которые переживало петербургское Издательское товарищество писателей⁴⁶.

Зимой 1914–1915 гг. Гребенщиков не смог выехать в столицу, жил в Томске, работал в «Сибирской жизни» и Водном Округе, читал доклад «Алтайская Русь», бывал в Доме науки. 4 ноября 1914 г. писал В.С. Миролюбову из Томска, что «застрял в нем мимоходом в Питер, куда не пустил здравый смысл и отсутствие денег»⁴⁷. 28 ноября 1914 г. сообщал К.М. Жихаревой, что поездка в Петербург едва ли состоится⁴⁸.

Лето 1915 г., по своему обыкновению, Гребенщиков провел на Алтае: на этот раз — на Белом озере близ села Колыванский Завод. «С первого июня поселился в юрте (киргизского типа) на Белом озере, в которое я давно влюблен», — писал он Ляцкому 14 июня⁴⁹. В книге «Гонец. Письма с Помперага» Гребенщиков вспоминал об этом лете: «Где только я не строил своих хижин! <...> строил в Колыванском заводе — есть чудесное такое место на Алтае. Помню — снял в аренду десятину земли на Белом озере, построил юрту и в какой-то сказочной

полудремоте жил там лето. Неопишима там красота лазури неба, Белого озера, Тигерецкого Белка и дальних гор. Война помешала мне построить что-нибудь на Белом озере»⁵⁰. Отсюда Гребенщиков отправил еще два письма Горькому (п. 20, 21).

Вновь поехать в Петербург он смог только осенью 1915 года. К ноябрю-декабрю 1915 г., вероятно, и относится его личное знакомство с Горьким. Вяч. Шишков в мемуарном очерке «Встречи» (1928) ошибочно отнес это знакомство к зиме 1914 г. «Первое мое знакомство с Алексеем Максимовичем относится к зиме 1914 года. В журнале “Заветы” появились мои первые рассказы, и я приехал из Сибири в отпуск в Петербург. Мое краткое пребывание в Петербурге совпало с приездом сюда писателя-сибиряка Г.Д. Гребенщикова, уже имевшего некоторую литературную известность. Со свойственной ему храбростью он предложил мне пойти в гости к Максиму Горькому. Как в гости? К Максиму Горькому?! И мое раздумье мучительно закачалось между крайним желанием увидеть Горького и опасением показаться по-провинциальному любопытным и навязчивым. Однако Гребенщиков, обладавший более прямолинейной психикой, ловко расшиб мои недоумения. И мы пошли. Адрес: Кронверкский пр., 23»⁵¹.

Известно, что Горький вернулся в Россию в канун 1914 года и поселился недалеко от станции Мустамяки, в январе-феврале 1914 г. жил у Сытина в Берсеневке, и лишь осенью 1915 года переехал в Петроград, где жил по адресу Кронверкский пр., д. 23.

Гребенщиков 1 января 1914 г. уже находится в Барнауле, откуда писал М.Ф. Андреевой и Е.А. Ляцкому⁵². Приехать в столицу зимой 1914–1915 года, как было сказано выше, ему не удалось.

Автобиография Шишкова 1926 г. более, чем «Встречи с Горьким», соответствует фактам, которые позволяет восстановить обширная переписка Гребенщикова. В ней Шишков писал о своем окончательном переезде в столицу в августе 1915 г.: «Возобновились знакомства с Ремизовым, Миролубовым, познакомился с Е.И. Замятинным, острым, умным, талантливым человеком, начинавшим расправлять свои литературные крылья. Приехавший из Сибири Г.Д. Гребенщиков подбил меня сходить к М. Горькому. Идти было страшновато: я был по-провинциальному скромнен и застенчив. Но опасения рассеялись: хозяин мил, радушен, прост»⁵³.

Гребенщиков приехал в Петроград 7 ноября 1915 г., о чем сообщил Ляцкому⁵⁴. Через полтора месяца, 23 декабря, В.Я.Шишков писал Потанину о Гребенщикове: «Живем мы здесь с Егорушкой. Он сначала у нас жил, теперь уехал в Лесное, там работает и часто бывает у нас»⁵⁵.

Письмо Гребенщикова Горькому от 25 декабря 1915 г. из поселка Лесного под Петроградом написано уже после личной встречи. В конце его Гребенщиков возражает Горькому по поводу статьи о

Потанине, которая показалась Горькому «акафистом» и не была им принята для «Летописи» (см. п. 22, примеч. 11).

Декабрь 1915 г. Гребенщиков вспоминал как время интенсивной работы над первой частью романа «Чураевы». Предваряя в 1922 г. отдельное издание романа в Париже, он писал: «С благодарностью припоминаю счастливые вечера и ночи оформления первой части в Лесном под Петербургом в декабре 1915 г...»⁵⁶

В конце 1915 – начале 1916 г. Гребенщиков неоднократно встречался с Горьким. Из письма Гребенщикова от 30 ноября 1916 года (п. 24) ясно, что он обсуждал с Горьким замысел романа «Чураевы». Мечта увидеть этот роман напечатанным в горьковской «Летописи» не осуществилась.

В феврале 1916 г., переслав 1-ю часть «Чураевых» Горькому и договорившись с ним о доработке 2-й и 3-й частей романа, Гребенщиков отправился добровольцем на фронт. Первая часть романа получила высокую оценку Горького (см. п. 23, примеч. 1).

25 июля 1916 г. Гребенщиков писал об этом Потанину: «Литературные дела мои запущены. Перед отъездом на позиции начал большую и интересную работу, роман под кратким заголовком “Чураевы”. Первую часть закончил, отдал Горькому. Он очень одобрил и давал мне денег, чтобы я садился и писал, оканчивал работу, но я уже не мог возвращаться с полдороги»⁵⁷. 15 декабря 1916 г. он сообщал тому же адресату: «За последнее время много работал над своею повестью “Чураевы”, которую месяца через три думаю окончить. Как это ни странно — часто пишу буквально под грохот орудий»⁵⁸.

Однако долгожданное письмо Горького по поводу 2-й части романа не приходило, и его молчание насторожило Гребенщикова. Достоверно не удалось установить, почему «Чураевы», первая часть которых вызвала столь одобрительный отзыв Горького, не появились в «Летописи». Н.Н. Примочкина не без оснований предполагает, что Горький предпочел неоконченному роману Гребенщикова, которому «и раньше советовал <...> не торопиться с изданием своих сочинений», повесть А. Новоселова «Беловодье» — «прекрасную по своим художественным качествам»⁵⁹.

Отсрочка напечатания «Чураевых» угнетала и раздражала Гребенщикова. Он очень торопился закончить роман, напряженно работал и даже запомнил точную дату, когда поставил точку в рукописи: «Помню яркий белоснежный полдень — 5-го февраля 1917 г. <...> именно в этот полдень я окончил свой роман...»⁶⁰ Революционные события 1917 года резко изменили судьбу романа и его автора.

Из письма Потанину от 29 декабря 1917 г. очевидно, что Гребенщиков собирался вернуться в Сибирь, но обстоятельства задержали его на Украине до лета 1918 года⁶¹. Его дальнейший путь лежал через Киев, Одессу и Ялту. В Крыму он провел два года.

Весной 1918 года в Киеве Гребенщиков читал роман И.А. Бунину — «всю целиком <...> рукопись первого тома “Чураевых”»⁶². В.А. Росов, опубликовавший переписку писателей, указывает на значительную роль, которую сыграл Бунин в дальнейшей судьбе романа «Чураевы» и его автора.

Письма Горькому из Борисполя (27) и Ялты (28) свидетельствуют о том, что решение Гребенщикова эмигрировать было, скорее всего, вынужденным, и о том, что судьба романа волновала его и в эти страшные годы. 16(3) июля 1920 года Гребенщиков писал С.Я. Елпатьевскому: «В легкомысленных мечтах своих не оставляю затеи и насчет издания здесь либо за границей “Чураевых”»⁶³. Возможно, главной причиной отъезда Гребенщикова в эмиграцию стала возможность публикации романа за рубежом.

В Париже Гребенщикова ждал головокружительный успех. «Современные записки» напечатали его «Чураевых». В издательстве Я.Е. Поволоцкого вышло 6-томное собрание его сочинений. Произведения Гребенщикова были переведены на иностранные языки. Он приобрел участок земли на юге Франции, в поселке Ла-Фавьер, и виллу на окраине Висбадена в Германии. К этому периоду его жизни относятся письма 29–31. В первом из них Гребенщиков с гордостью сообщил Горькому о своих успехах.

В Архиве Горького сохранилось письмо, свидетельствующее, что интерес Горького к Гребенщикову и его роману «Чураевы» не пропал и к этому времени. 9 января 1922 г., до письма, которым Гребенщиков напомнил Горькому о себе, З. Гржебин писал Горькому, вероятно, отвечая на его несохранившееся письмо: «Гребенщикову я сообщу, что мы возьмем его “Чураевых”»⁶⁴. Неудивительно, что Горький с радостью откликнулся на письмо Гребенщикова и предложил ему сотрудничать в «Беседе»⁶⁵. На этот журнал Горький возлагал огромные надежды, связанные с объединением интеллигенции разных стран и «восстановлением культурных связей, разорванных мировой войной и революцией», с оздоровлением духовной жизни России через ее приобщение к европейской литературе и науке⁶⁶.

Однако ответное письмо Гребенщикова, полагаем, вновь было для Горького «преисполнено всяческих неожиданностей». Горький никак не мог предположить, что зазнавшийся Гребенщиков выдвинет жесткое условие сотрудничества в его любимом детище. Автор «Чураевых», заключивший договор на издание шеститомного собрания сочинений, решил дать что-нибудь в «Беседу» только в том случае, если Горький обеспечит выезд из Советской России его жене и сыну (см. п. 30). В сердцах написав на полях послания Гребенщикова: «Дурак!» — Горький перестал отвечать на его письма. Отрезвление наступило быстро, Гребенщиков изменил тон уже в следующем письме, но восстановить добрые отношения с Горьким ему так и не удалось.

Осенью 1923 г., познакомившись с Н.К. Рерихом, Гребенщиков стал апологетом Живой Этики. Он и его вторая жена Т.Д. Гребенщикова (Стадник) получили эзотерические имена Тарухан и Нару и с помощью Рериха в апреле 1924 г. переехали в США, где поселились сначала в Нью-Йорке, а затем основали поселение Чураевка (штат Коннектикут). Гребенщиков стал во главе издательства «Алатас». Он был воодушевлен мечтой о новом государстве с центром на Алтае — Звенигородом — и о построении единого Храма всех религий. Представляет интерес вывод В.А. Росова, подробно исследовавшего этот период жизни Гребенщикова: «Однако Америка — только промежуточный пункт на пути к России. Гребенщиков полон надежд на возвращение домой, на родной Алтай»⁶⁷. Известны и другие свидетельства того, что Гребенщиков не оставлял надежды вернуться в Россию. 12 сентября 1924 г. он писал В. Правдухину: «Очень, очень хочется мне быть понятым на родине, как должно. Лишь тогда захочется вернуться и работать вместе с новыми и сильными людьми. Чужим возвращаться не желаю, рабом тем менее»⁶⁸.

Переписка с Горьким прервалась до 1926 года, когда, отметив 20-летний юбилей литературной деятельности, Гребенщиков отправил ему газетные вырезки с публикациями об этом событии. Это характерный для Гребенщикова поступок. Исследователь его творчества С.С. Царегородцева пишет, что, стремясь «доказать свою состоятельность как писателя своим родным, соседям, односельчанам», от которых в детстве и юности претерпел немало насмешек, Гребенщиков часто посылал в родную деревню «вырезки из газет со статьями о своем творчестве, программы лекций, изданные в различных городах России, Европы и США книги и журналы»⁶⁹. Почти одновременно с письмом Горькому он отправил свой «творческий отчет» и на Николаевский рудник: «В 1926 году <...> в коммуну “Зарница”, на Николаевский рудник, пришла посылка с изданным в США журналом “Зарница”. На обложке — портрет Георгия Дмитриевича Гребенщикова, а в журнале — итоги 20-летней литературной деятельности писателя. В посылку было вложено письмо с дружескими пожеланиями и “деньги на развитие”»⁷⁰.

В том же письме от 25 апреля 1926 г. Гребенщиков предложил Горькому принять участие в подготовке «монографии» о Шаляпине. Ответ Горького на это письмо до Гребенщикова не дошел. Излагая его содержание в письме В.Я. Зазубрину 23 февраля 1928 г., Горький с иронией писал: «Г. Гребенщиков в прошлом году затевал сборник в честь Шаляпина и хотел написать о Федоре статью “Шаляпин и мировое искусство”. Вот так хватил! Я просил его объяснить мне, какое отношение имеет искусство, несомненно, великого русского артиста к Индии, Китаю, Персии, Японии, наконец, — Сибири, которая не видела, не слышала Шаляпина?»⁷¹

Примерно так же он изложил содержание своего потерявшегося ответа Гребенщикову (см. п. 33, примеч. 1). Оно вполне соответствует

характеру помет на плане монографии, который Гребенщиков приложил к письму (см. п. 32, примеч. 2).

Зазубрин ответил Горькому: «Г. Гребенщиков всегда сильно замахивается, но редко у него бывает удача. По-моему, у него все эти замахи от тоски по родине <...> Гребенщикову давно пора вернуться в СССР»⁷². Надеждой, что Горький может помочь вернуться на родину, продиктованы последние письма Гребенщикова. Он предполагал подготовить свое возвращение в СССР публикациями в советских журналах и издательствах, рассчитывая на посредничество Горького. Следуя его совету, Гребенщиков послал свои произведения в журналы «Сибирские огни», «Жернов» и, возможно, другие. Однако опубликован был лишь небольшой фрагмент его статьи «Зов Азии» под заголовком «Николай Рерих»⁷³.

Н.И. Анов, работавший с В.Я. Зазубриным в 1927–1928 гг. в «Сибирских огнях», вспоминал в письме литературоведу Н.Н. Яновскому от 27 марта 1967 г.: «В отношении Гребенщикова. В 1928 году он прислал интересный очерк об Алтае. Я его подготовил для номера, Зазубрин забраковал. Время было сложное, шла литературная борьба, он взвесил все — и адрес автора, и сплошной мистицизм, которым был насыщен очерк, и сказал: “Не будем рисковать. Напишите автору, печатать не будем”. Я страшно жалею, что эту рукопись не забрал в свой архив»⁷⁴.

Известно также, что «в феврале 1928 года Гребенщиков пишет в Москву, во Всесоюзное общество культурной связи и обращается с предложением об организации культурной работы в Америке, а также о распространении части тиражей книг, печатаемых “Алатасом”, в СССР»⁷⁵.

Казалось бы, Горький, к 1928 году решивший окончательно вернуться в СССР, должен был в этом поддержать Гребенщикова. Однако этого не произошло. Полагаем, не только потому, что Горький «сжигал за собой мосты», впервые позволив себе резкие публичные высказывания о русской эмиграции в статье «О белоэмигрантской литературе» (напечатанной в «Правде» 11 мая 1928 г.), но и по причине личного отношения. Гребенщиков к тому времени, вероятно, совершенно разочаровал его и как писателя, и как личность.

Разочарование Горького проявилось в статье «О пользе грамотности». В ряду примеров того, «что и “зрелые” писатели тоже частенько грешат против русского языка», Горький цитирует статью Гребенщикова о Потанине, опубликованную в 1926 году в пражском журнале «Вольная Сибирь»: «Ни Горький не заразил меня безумством храбрых, ни Лев Толстой, одобрявший во мне призыв сынов народа обратно на работу на земле, и ни Г.Н. Потанин, надеявшийся, что я подниму его, потанинское, знамя, — никто не сделал из меня своего честного последователя»⁷⁶. Цитируя эти слова, Горький дает точную ссылку с указанием номера журнала и страницы и сопровождает их

примечанием: «Хотя это звучит как покаяние, но в этой форме автор, должно быть, выражает гордость своей независимостью»⁷⁷.

Видимо, слова Гребенщикова задели Горького. Это высказывание прозвучало резким диссонансом с газетными вырезками, присланными Гребенщиковым в письме от 25 апреля 1926 г., в одной из которых Гребенщиков подчеркнул фразу: «Первым своим литературным учителем считаю М. Горького». Но в еще большей степени Горькому не нравилось самомнение писателей, не желавших учиться литературному мастерству: «Литераторы, из рассказов которых я взял малограмотные фразы, не должны обижаться на меня, ибо у меня нет намерения высмеивать их. Я не способен на это, потому что в свое время сам испытал мучительный стыд малограмотности»⁷⁸.

Статью «На склоне дней его (из воспоминаний о Гр.Ник. Потанине)», Гребенщиков написал в мае 1923 г., когда чувствовал себя на вершине славы. Возможно, демонстрация своей независимости от Горького связана и с тем, что Горький, хотя и выполнил просьбу Гребенщикова о передаче денег на содержание сына в Петроград, В.Я. Шишкову, все же прервал переписку — после бестактного ответа Гребенщикова на предложение сотрудничать в «Беседе».

Вероятно, «Вольная Сибирь» с воспоминаниями о Потанине попала на глаза Горькому в самый неподходящий для Гребенщикова момент, когда он пытался восстановить эпистолярный диалог со своим «литературным учителем».

Читал ли Гребенщиков статью Горького «О пользе грамотности»? Такая возможность вполне вероятна: Гребенщиков следил за публикациями Горького и о нем (см. п. 33, 34). Статья Горького была впервые опубликована 17 марта 1928 г. в газете «Читатель и писатель», за месяц до даты, стоящей на последнем письме Гребенщикова Горькому.

17 апреля 1928 г. Гребенщиков, как бы подводя итоги переписки, отправляет последнее письмо (п. 34), преисполненное благодарности и преклонения, в котором, поздравляя Горького с юбилеем, вновь называет его в числе своих литературных учителей, как будто парирует его упрек в статье «О пользе грамотности». Ответ Горького на это письмо нам неизвестен. Возможно, его и не было. Эпистолярный диалог Горького, вернувшегося в Советскую Россию, и эмигранта Гребенщикова прервался, теперь уже окончательно. Гребенщиков так и не смог вернуться на Родину.

Все известные на сегодня письма Горького Гребенщикову опубликованы в различных изданиях и поэтому не включены в настоящую публикацию. Из 34 писем Г.Д. Гребенщикова ранее было напечатано лишь два — в первом томе «Литературного наследия Сибири» (Новосибирск, 1969): от 20 июня 1911 г.⁷⁹ (п. 2 в настоящей публикации), тесно связанное по содержанию с п. 1 и отправленное

вместе с ним; и от 22 июня 1913 г.⁸⁰ (п. 12), опубликованное с купюрами, которые восстанавливаются в настоящей публикации. Остальные письма печатаются впервые по автографам и авторизованным машинописям, хранящимся в Архиве А.М. Горького.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яновский Н.Н. Георгий Гребенщиков в Сибири // Яновский Н.Н. На переломе: Из литературного прошлого Барнаула. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1978. С. 32–93.

² Примочкина Н.Н. «В небрежном к вам отношении – не повинен» (Г. Гребенщиков) // Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 137–150.

³ Кишиштофова М.В. Гребенщиков и Горький: (По материалам переписки) // Культурное наследие Алтая. Барнаул, 1992. С. 83–86. (Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Вып. IV)

⁴ Азадовская Л.В. «Сибирский сборник» 1912 года // Сибирские огни. 1971. № 10. С. 137–145; Азадовский К.М. «За то я и полюбил вас крепко», или Похождения «чистейшего авантюриста» // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 222–277.

⁵ Горький. Материалы: Т. 1. С. 268–273; ЛН Сибири. Т. 1. С. 20–28.

⁶ Горький. Письма. Т. 9. С. 68–69; Т. 10. С. 280–284.

⁷ ЛН Сибири. Т. 7. С. 283–284.

⁸ Горький. Письма. Т. 9. С. 69.

⁹ АГ. КГ-п-52-8-1

¹⁰ Черняева Т.Г. Письма Г.Д. Гребенщикова П.А. Казанскому: (1910–1916) // Бийский вестник. 2005. № 1–2 (5–6). С. 202.

¹¹ Черняева Т.Г., Корниенко В.К. Письма Г.Д. Гребенщикова Г.Н. Потанину (1911–1917 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 3. Барнаул, 1999. С. 155.

¹² Горький. Письма. Т. 9. С. 68.

¹³ Черняева Т.Г. Письмо Г.Д. Гребенщикова А.Н. Белослюдову // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 108–110.

¹⁴ Черняева Т.Г. Письма Г.Д. Гребенщикова П.А. Казанскому: (1910–1916). С. 200.

¹⁵ Там же. С. 207.

¹⁶ Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916) // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. С. 177.

¹⁷ Горький. Письма. Т. 10. С. 237

¹⁸ ЛН. Т. 95. С. 635–636

¹⁹ АГ. ГЖВ-4–13–21. Муромцева В. Piccola Marina // Последние новости. Париж, 1929.26 мая. № 2986.

²⁰ Из письма от 17 октября 1912 г. (п. 5 в наст. публикации) следует, что Шишков ознакомился с повестью «Сельская знать» во время пребывания Гребенщикова в Томске, где последний задержался на неделю по пути из Барнаула в столицу.

²¹ Черняева Т.Г. Письма Г.Д. Гребенщикова П.А. Казанскому: (1910–1916). С. 215.

²² Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 181.

²³ Горький. Письма. Т. 10. С. 280–284.

²⁴ Там же. С. 253–254.

²⁵ Там же. С. 194.

²⁶ «...Книга хорошая, очень свежая, сильная, а потому – она своевременна» (Там же. С. 241).

²⁷ Там же. С. 241.

²⁸ Там же.

- ²⁹ Гребенщиков Г.Д. В просторах Сибири. СПб: Издательское товарищество писателей, 1913. С. 265.
- ³⁰ Статья Горького была напечатана в десятой книге «Современника» за 1912 год (С. 212–222). Речь в ней шла об Интернациональной лиге.
- ³¹ Жизнь Алтая. 1913. № 11. 13 января. С. 5.
- ³² Горький. Письма. Т. 10. С. 253.
- ³³ Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 185–186.
- ³⁴ Горький. Письма. Т. 10. С. 283.
- ³⁵ Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 186.
- ³⁶ Санникова А.А. Школа жизни Г.Д. Гребенщикова: (Обзор публикаций современных исследователей о жизни и творчестве писателя) // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 4. СПб., 2005. С. 48.
- ³⁷ Черняева Т.Г., Корниенко В.К. Письма Г.Д. Гребенщикова Г.Н. Потанину (1911–1917 гг.). С. 165.
- ³⁸ Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 191.
- ³⁹ Горький. Письма. Т. 11. С. 13.
- ⁴⁰ Там же. С. 8.
- ⁴¹ Черняева Т.Г. Письмо Г.Д. Гребенщикова А.Н. Белослюдову. С. 110.
- ⁴² Груздев И. Письма Горького в Сибирь // Сибирские огни. 1947. № 1. С. 202.
- ⁴³ Горький. Письма. Т. 11. С. 99.
- ⁴⁴ Черняева Т.Г., Корниенко В.К. Письма Г.Д. Гребенщикова Г.Н. Потанину (1911–1917 гг.). С. 168.
- ⁴⁵ Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 194.
- ⁴⁶ См.: Голубева О.Д. Издательское товарищество писателей (1911–1914) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 8. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1963. С. 410–430; а также письмо М.В. Аверьянову от 18 ноября 1914 г. в публикации Т.Г. Черняевой (Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 226–227).
- ⁴⁷ Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 216.
- ⁴⁸ Гребенщиков Г.Д. Письма в Сибирь и Петербург (1907–1917). Кн. 2. Бийск, 2010. С. 95.
- ⁴⁹ Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 198.
- ⁵⁰ Гребенщиков Г.Д. Гонец. Письма с Помпеярага. М.: Международный центр Рерихов, 1996. С. 21.
- ⁵¹ Горький и Сибирь. С. 302. Из воспоминаний Шишкова ошибка его памяти попала в ЛЖТ, где эта встреча датируется мартом (после 22) 1914 г. (ЛЖТ. 2. С. 427).
- ⁵² См.: Андреева. С. 270; Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 196.
- ⁵³ Шишков В.Я. Автобиография // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1987. С. 24.
- ⁵⁴ Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912–1916). С. 201.
- ⁵⁵ Неопубликованные письма В.Я. Шишкова // Сибирские огни. 1959. № 2. С. 179.
- ⁵⁶ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Роман. Париж: Русская печать, 1922. С. 5.
- ⁵⁷ Черняева Т.Г., Корниенко В.К. Письма Г.Д. Гребенщикова Г.Н. Потанину (1911–1917 гг.). С. 174.
- ⁵⁸ Там же. С. 177.
- ⁵⁹ Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. С. 140.
- ⁶⁰ Гребенщиков Г.Д. Чураевы: Роман. Париж: Русская печать, 1922. С. 5.
- ⁶¹ Черняева Т.Г., Корниенко В.К. Письма Г.Д. Гребенщикова Г.Н. Потанину (1911–1917 гг.). С. 178–180.
- ⁶² И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка // С двух берегов. С. 221–222, 227.
- ⁶³ ОР ИМЛИ. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 41.
- ⁶⁴ АГ. КГ-п-22–1–15.
- ⁶⁵ ЛН Сибири. Т. 1. С. 26–27.
- ⁶⁶ Вайнберг И.И. «Журнал литературы и науки»: «Беседа» // Социальные и гуманитарные науки: Реферативный журнал. Серия 7. Литературоведение. М., 1996. № 4. С. 42.
- ⁶⁷ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Книга первая. Великий план: Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. СПб.: Алетейя, М.: Арнаварта-

Пресс, 2002. С. 87.

⁶⁸ Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957) / Сост. В.К. Корниенко. Барнаул: Изд-во ГМИЛИКА, ОАО «Алтайский Дом Печати», 2008. С. 6.

⁶⁹ Царегородцева С.С. Г.Д. Гребенщиков: Грани судьбы и творчества. Усть-Каменогорск, 2003. С. 126.

⁷⁰ Фирсов А.Б. Барнаул и барнаульцы. Барнаул, 2001. С. 24.

⁷¹ Архив Г. 10. Кн. 2. С. 346.

⁷² Там же. С. 348.

⁷³ Гребенщиков Г.Д. Николай Рерих // Сибирские огни. 1927. № 2. С. 147.

⁷⁴ Яновский Н.Н. Верность: Портреты, статьи, воспоминания. Новосибирск: Западно-сибирское кн. изд-во, 1984. С. 278.

⁷⁵ Тушине Е. Белый камень Алтая // Рериховский вестник. Вып. 4. СПб.; Извара; Барнаул; Горноалтайск, 1992. С. 58.

⁷⁶ Гребенщиков Г.Д. На склоне дней его: (Из воспоминаний о Гр.Ник. Потанине) // Вольная Сибирь. Прага, 1926. № 1. С. 75.

⁷⁷ Г-30. Т. 24. С. 322.

⁷⁸ Там же. С. 325–236.

⁷⁹ ЛН Сибири. Т. 1. С. 20–21.

⁸⁰ Там же. С. 23–24.

Апрель, 1911 г.
Томск.

Алексей Максимович!

То, что Вы, по выражению Чехова, «Большой Писателище»¹, имеет, очевидно, и свою отрицательную сторону. С Вами жутко разговаривать даже письменно. Может быть, лично это вышло бы проще, чем письменно, но сейчас передо мною всё-таки стоит неотвязный и нелепый вопрос: как я начну?.. Очевидно, правду говорят, что когда человек влюбляется — он невольно глупеет... По отношению к Вам, помимо влюбленности читательской, у меня, например, есть еще и что-то другое, что как-никак давит на мою психику. Так что, прежде чем заговорить с Вами просто, я невольно должен был сделать это глупое предисловие и учинить над собой некоторое насилие, чтобы не расшаркаться, что, несомненно, было бы противно М. Горькому.

Много лет подряд я намеревался написать Вам, да, видно, ни ума, ни смелости не хватало. Теперь же представился мне случай не только личного характера, и я им воспользуюсь. Случай этот — поговорить о нашем поэте Ив<ане> Ив<ановиче> Тачалове², которому Вы писали еще в начале 1908 г.³ и поэзии которого коснулись недавно в Вашей статье о начинающ<их> писателях из народа в «Совр<еменном> Слове».⁴ Ив.Ив. не раз сознавался мне в том, что он не может Вам ответить на письмо по разным причинам, главной из которых, конечно, скромность его, в данном случае, граничащая с некоторой небрежностью. Так в течение 3-х лет он и не мог собраться написать Вам. Меня же, как одного из его близких друзей, он просил написать Вам беспристрастно о его житье-бытье, что я теперь попутно и хочу сделать.

С самого начала знакомства моего с Ив.Ив. я сильно увлекся им. Увлёкся настолько, что устроил ему поездку на Алтай, хотя и сам нищ-есмь, пытался всеми силами настраивать его на самообразование, всюду носился с ним, как с писаной торбой, читал о нем рефераты, устраивал литературн<ые> собеседования на темы о его творчестве, организовал издание сборника некоторых, им самим избранных стихов⁵... Словом, занимался им гораздо больше, чем самим собою, хотя сам в самообразовании нуждался не меньше его, но, увы, все это пало на каменистую почву и не дало плода. Закончив свои хлопоты изданием его сборника «Аккорды Мысли», который Вам посылаю, я попробовал не обременять Ив.Ив. своими

заботами, опасаясь, как бы они, в конце концов, не стали походить на опеку... Теперь вот уже год, как я слежу за Ив.Ив. издали, иногда бываю у него, иногда он у меня бывает, и признаюсь, что, любя его как человека, я совсем охладеваю к нему как к поэту, потому что как поэт он не только ничего не дал за это время, но и заметно пошел на убыль. И не скажу, чтобы на него угнетающе действовали окружающие условия. Они, конечно, очень скверны, но когда они были и еще сквернее, Ив.Ив. на них особенно не реагировал. Напротив, он утверждает, что в хороших условиях он совсем не будет писать. И правда: с осени он сидел в тюрьме («Егорку» своего в собрание «на бис» прочел⁶) и там чувствовал себя превосходно и много писал. Теперь вышел, устроился в Переселенч<еское> учрежд<ение>⁷, получает небывалое для него жалов<ание> 50 руб., ужасно хандрит и совершенно бросил писать. 4 месяца ни одной строки. Посмеивается, иногда ругается и грозит «теперь писать не так, а здорово»... Очень плохо относится к литературе, читает почти исключительно «пинкертоновщину»... И все собирается «перевернуть мир», «встряхнуть грязную землю». Разгадка всему этому, как мне теперь кажется, кроется в очень тяжелой болезни, очевидно унаследованной Ив.Ив. от родителей. Помимо глухоты, он обладает иногда очень странными свойствами: то беспричинно смеется, то хандрит до такой степени, что приближается к мысли о самоубийстве или грозит «всех перерезать»...

А главное, страшно обрушивается на плоды бывшего своего творчества. То, что достойно вниманья, что красиво по своей простоте и искренности, беспощадно уничтожает, а то, что действительно почти нелепо по своей вычурности и даже бессвязности — он навязывает и носится... А главное — нет никакой надежды на то, чтобы он стал развивать и довоспитывать свое дарованье... Словом, творится с ним что-то неладное и до сих пор еще он не может утвердить в себе человеческое достоинство... Как и Сима Девушкин⁸ в Вашем «Городке Окурове» берет копеечные подачки, читает стихи по приказанью околоточного (своего «Егорку» сам продиктовал на дознаньи — Подумайте!..). Конечно, все это, м.б., характеризует и лучшие стороны его детской души, но всегда ли подобает оставаться ребенком до 30 лет — не знаю... Ив.Ив., конечно, из галереи Ваших, чисто горьковских, босяков, это замечательно интересный тип, но нам от этого нисколько не легче, потому что ясно, что мы теряем в лице Ив.Ив. большое, красивое и чистое дарование, от которого могли, но отчаялись что-нибудь ждать... Если же он даст что-либо (я подразумеваю не только мелкие стихи), то это будет для нас,

сибиряков, неожиданный сюрприз.

«Егорку» Ив.Ив. я также посылаю. Посылаю и фотографию Ив.Ив. для полного представления о его личности.

Теперь скажу несколько слов о другом самородке-алтайце, уже о чистейшем калмыке Гуркине⁹, что стоит рядом с Ив.Ив. (средний). Это сын простого алтайского монгола, сначала был иконописцем, затем случайно увидел его один проезжий ученый¹⁰ и посоветовал ему поехать в Питер. Он поехал, как был, в овчинной шубе и калмычком «малахае»¹¹. Захватил с собой несколько эскизов, видов Алтая. Показал там в Академии Худож<еств>. Репин, Киселев¹² и Шишкин (дело было в 97–8 годах) заметили в нем большое дарование. А т.к., по его образованию (Катехизаторское миссионерск<ое> училище) в Академию взять его было нельзя, то Шишкин взял его к себе в мастерскую. Но через 6–7 месяцев Шишкин на руках Гуркина умер¹³. Тогда Гуркина взяли в Академию. В 902–3 годах Гуркин окончил Академию и вернулся на Алтай. За последние 7–8 лет он создал себе в Сибири громадное имя своими дивными пейзажами Алтая. Выставки в Томске, Иркутске прошли с большим успехом¹⁴, и Гуркин все растет, все работает, имея свою мастерскую в красивой местности на Катунь... А то, Алексей Максимович, много, несомненно, Вы видели хороших мест, но Вы не видели еще Алтая, его чистоплотной, дикой, величавой и властной природы, еще не захватанной людьми, еще не подстриженной парикмахерской цивилизацией... *Побывайте у нас!!*

А теперь, как это мне ни неприятно, я должен перейти и к своей особе. Мне [27 л.] скоро 28 л<ет>. Родился на южном Алтае в с. Николаевском Змеиногорск<ого> у<езда> (Гуркин в Бийском, Тачалов в Барнаульском). Отец мой сначала шахтер, а потом хлебопахарь из алтайских калмыков, а мать из донских казачек. Страшно бедно жили. Но мать умела по складам читать. Заразила меня грамотой, но сельской школы я не окончил — на пашню оторвали. Двенадцати лет ушел к сапожнику. Потом уехал в город Семипалатинск, жил у сарта¹⁵, штемпельного мастера, один месяц. Сбежал. Потом в мальчиках был в аптеке, а с 13 лет — [полтора] один год[а] служил в больнице — фельдшерским учеником. Затем отец меня взял домой. Здесь я прожил лето, а потом ушел кучером к подлесничему в большое село (у него же иногда и писал бумаги казенные, а украдкой прочел Тургенева. Первое литерат<урное> знакомство). Затем служил в полиции пиесяем 2 месяца и 4 года у мирового судьи в семье, да около 5 лет у нотариуса в городе Семипалат<инске> (здесь женился, [перед поступл<ением> к нотариусу]). Затем поступил на прииски. Затем был частным поверенным и, выиграв хорошее дело,

на котором заработал около 2000 руб. — поехал в Москву и за границу. В Монте-Карло через «хорошего» знакомого (между прочим — «толстовца») деньги свои проиграл и вернулся в Сибирь ни с чем. Настали тяжелые времена, но я им был рад. О проигрыше не жалел нисколько. Поехал в Питер и отдался литературе, к которой, признаться, имел тяготение с 9 лет (первые стихи и сейчас помню; на пашне, когда ходил по полосе, «сочинил»). Пристроился к «Биржевым Вестям» как случайный репортер и корреспондент из Сибири, но это ужасное было [положение] время. Закончил драму (!) с ужасно претенциозным названием «Сын Народа», которую и показал режиссеру Малого театра Е.П. Карпову. Похвалил. В феврале 1908 г. из Питера уехал в Сибирь и драму свою 14 апреля в провинциальном городе поставил¹⁶, а 1 апр. в «Сибирской Жизни» напечатали мой первый большой рассказ¹⁷. Теперь эта самая драма, изданная «Театром и Искусством», обошла почти все сибирские города¹⁸, а рассказов напечатано на целый большой том. Но почти все рассказы печатались в провинциальных изданиях, если не считать петербургские «Сибирские Вопросы»¹⁹, и до сих пор не могу решиться послать что-либо в столицу в приличный журнал. Бывал я там и после, но жуть брала меня, когда я подходил к этим редакциям. В прошлом году занес было свой рассказ «Журнал для Всех» — да спрятал его в карман и, чтобы не было стыдно, купил номер журнала и ушел... Люди там всё холодные и, скажу откровенно, корыстолюбивые больше: пишут для монеты. А я еще обладаю недостатком: очень люблю Сибирь и особенно Алтай и в своих рассказах не могу отделаться от местного колорита. Многие находят это достоинством, а многие недостатком. Дело в том, Алексей Максимович, что народ южного Алтая оставил на мне особенный свой отпечаток. Теперь я занимаюсь этнографическим исследованием раскольников на Алтае²⁰, и они меня все больше и больше влекут к себе. Эти беглецы от петровских времен здесь, в горах Алтая, остались почти не тронутыми никакой культурой и, как осколок от древней Руси, до сих пор обходятся без всяких властей... Дух протеста и человеческого достоинства — их основные качества. Все это искушает меня написать большую повесть под названием «Алтайская Русь»²¹, для чего нынче я опять и еду в глубь Алтая... Но прежде чем приступить к этой работе и, пользуясь Вашей снисходительностью к начинающим, решил послать Вам на критику часть своих рассказов и подождать от Вас строгого суда: Если Вы скажете, что я могу и должен продолжать чисто художественную работу, я продолжу, если же скажете — не могу, не имею для этого

средств — то беллетристику брошу и займусь исключительно этнографией и сухой научно-литературн<ой> публицистикой.

Из напечатанных рассказов посылаю Вам [три] несколько случайно взятых²² (не лучших, не худших, средних), из поэзии — посылаю свой перевод с польского «Киргиз»²³, а из не печатанных, последних вещей, посылаю два рассказа «В полях» и «Настасья».

С громадным нетерпением жду я от Вас ответа. Не посудите, пожалуйста, что я прибавляю Вам труда на прочтение и этого письма и моих, м.б., слишком посредственных сочинений.

Пишу только потому, что Сибирь огромна и изобразить ее литературно никто почти не пытался. Меня печатают, иногда хвалят, иногда ругают, но находят, что это нужно, и я пишу. Но насколько это ценно на взгляд большого писателя — впервые пытаюсь спрашивать. Одно могу сказать, что к писанью отношусь с громадной любовью и добросовестностью.

На внимание Ваше рассчитываю потому, что Вы им подарили уже сотни, если не тысячи, мне подобных.

Георгий Дмитриев Гребенщиков.

P.S. Из приложений прошу вернуть только «В полях» и «Настасью», если нельзя их дать какому-либо журналу.

2. 20 июня 1911, Катон-Карагай

20 июня 1911 г.

Катон-Карагай, на Алтае.

Дорогой Алексей Максимович!

Написать-то я написал Вам свое письмо, да, к стыду своему, струсил — не послал его тогда же. Черт знает чего не приходило в голову... А главное, боязно было подумать, что как бы это не вышло в виде прошения на «Высочайшее имя»... Попадет ли письмо в руки «Самого», или «под сукном» сгноят министры... Министры-то не беда, а вдруг какие-либо канцелярские крысы в мундирах... Затем очень побаивался губернских и уездных шпекиных¹, тем более что письмо мое идет с опасным грузом, с «Егоркой», за которого ведь сослали-таки Тачалова в Ишим, да еще в 24 часа² после того, как в «Сиб<ирской> Жизни» появилась выдержка из Вашей о нем статьи в «Соврем<енном> Слове»... Конечно, имени там не было указано, а «Егорка»-то фигурировал довольно прозрачно, а он, как я писал выше, «продиктован автором самому квартальному»... Но все это, конечно, вздор, и Ив.Ив. просто радехонек, что его выслали. Всякой

перемене воздуха он рад.³

Вернусь к своему письму. По правде сказать, боялся я того, как бы Вы не подумали, что я прошу протекции у Вас. Теперь же я здесь, в совершенно диких местах Алтая, в горах и лесах, где не дают меня городские этикетки, решил быть смелее... Я знаю одно, и это главное: Вы — человек и я иду к Вам как к человеку человек. Вы крепкий и большой, я слабый и малый. Если можете и если стоит — поддержите. Нет? Не надо!.. По этой причине и письмо свое я решил не переписывать. Пусть будет так, как вышло. Не хочу приходить к Вам прилизанным!

Еще хочется черкнуть несколько строк. Так приятно щекотать себя мыслью, что Вы близкий и родной человек, с которым хочется поделиться свежими впечатлениями. А поделиться мне хочется вот чем: поселился я на краю света, как раз в трех десятках верст от китайской границы, в глухом горном уголке, у подножия альпийских гор, в д<еревне> Согорной. Здесь самые «ясашные»⁴, искавшие когда-то Беловодья, и живут... Ох, какой это любопытный народ... Во-первых, мы с женой вот уже целую неделю подвержены всяческому любопытству, как невиданные звери. Ни посуды, ни пищи, ничего нам не дают, потому что мы «еретики», и смотрят на нас, как на громадных чудаков, все подвергают строгой критике и осмеянию, а не знают, бедные, что последними посмеемся мы... Не зло, конечно, но посмеемся... Вся религия — в обряде, а обряды — это красота, клад для этнографа и художника. Вот верхом на лошади подъехал мужчина... Боже мой, да это сказочный витязь... Что за осанка, взгляд, борода черная по пояс... Костюм... Непременно сфотографирую и Вам пришлю несколько портретов... Вот баба, толстая, с хитро смеющимся лицом косится на меня через окно. «Пишешь?» «Пишу...» — хлопает руками по толстым ляжкам... Мальчуган с грязной, сияющей рожей лезет в окно. «Тебе чего надо?» «А?!» «Чего лезешь?» «Ничего-о!.. Хы-ы!..» — Продолжает лезть в окно, прямо к столу... Молодец!..

Это, конечно, дикари, но дикари, не знавшие рабства, а как это интересно и оригинально для России. Нет, непременно буду писать и повесть и еще пьесу и пошлю к Вам, если получу ответ на это письмо. А т.к. сюда я приехал на целые полтора года (получил поручение от Петерб<ургского> общ<ества> изуч<ения> Сибири⁵), то зимою, наверно, закончу и то и другое.

Ну, простите еще раз, что надоедаю Вам; а все же, если можно, поддержите и дайте возможность пойти более широкой дорогой!

Адрес: Сибирь. Алтай. Катон-Карагай, Семипалатинской области.

Георгию Гребеньщикову.

Печатные вещицы посылаю одной бандеролью, а 2 рукописи — второй.

P.S. «Егорку» хотел послать переписанным, но тогда он утратил бы многое: прежде всего ту ужасную безграмотность, которая как-то идет к этой, по-моему, все же очень грубой и совсем не литературной поэме. Затем я внес бы невольно поправки в орфографию и т.д. А, кроме того, авторская рукопись — более солидна... Рукопись эта единственная. Автор же держит всю поэму в памяти и поправить ее не хочет. Считает ее не нужной и старой. Копия у меня есть, т<ак> ч<то> этот оригинал мне не нужен⁶.

Г.Г.

3. 14 сентября 1911, Катон-Карагай

14 сентября 1911 г.
Катон-Карагай на Алтае
Семипалатинск. обл.
Сибирь.

Дорогой Алексей Максимович!

Излишне говорить, как я радовался каждому слову, написанному мне Вами.

Ваши советы я запомнил, как заповеди. Ваших упреков, вполне заслуженных в отношении излишеств в письме моем и в несовершенстве языка в моем сочинительстве — по мере возможности постараюсь избежать в будущем¹. Неровность письма в моих рассказах, всегда стесненных рамками газетной статьи, объясняется (но отнюдь не оправдывается) еще и тем, что приходится разбрасываться, соединяя в себе и беллетриста, и газетного сотрудника, и корреспондента, а за последние два года еще и фольклориста². Время идет, а настоящей своей дороги я еще не знаю. Постоянные сомнения в своих способностях, раскаяние в ранее написанном и, наконец, самые условия жизни — все это создает целый ряд внутренних противоречий и невозможностей, мешающих работать над собою в одном направлении и более успешно, чем это есть. А сознание, что, может быть, никогда не будет спокойного досуга для более сосредоточенной беллетристической работы — иногда убивает последнюю энергию. Отсутствие в Сибири хорошего журнала и приличной критики — также действует удручающе, т.к. решительно не к кому при-

слушаться. И это участь всех молодых сибирских литераторов. Немудрено поэтому, что впоследствии, при неудаче, предпочтешь сделаться просто ремесленником ради куска хлеба. А такая перспектива далеко не соблазнительна. И вовсе не потому, что удел ремесленника слишком скромн, а потому, что литератор тогда не может служить своему богу и гордиться своим званием, т.к. он унижен диктатурой подчас невежественного издателя. В то же время не хватает храбрости толкнуться в двери большой редакции иногда из страха, а иногда и из самолюбия, с которым там не привыкли церемониться, если литератор без имени... Людям исключительного масштаба может быть это и незнакомо, но это так... Так что иногда бывает и искра, и выношенный сюжет, но когда берешься за перо, то только о том и думаешь, как бы вместить его в 300–400 газетных строк... Если же рассказ будет больше, то — хоть и лучше — его вернут вместе с комплиментами...

А между тем так хочется рассказать о той жизни, которую не наблюдал из окна, но в которой участвовал сам, разделяя все ее коросты и душевные царапины. И рассказать не в газетном фельетоне, а и на более почтенных страницах, доступных более широкому кругу. Переживания того Илюшки, который описан в не понравившемся Вам рассказе «Опора»³ — так близки и понятны, что хочется не только рассказать о них, но и просить к ним внимания, ибо они брошены в душу самой жизнью и неизгладимы.

Но при всем том, когда оглянешься на себя, то станет совестно ждть и надеяться...

Поэтому мне и стыдно и боязно навязывать Вам лишнюю и, м.б., напрасную работу — перечитыванье всех моих рассказов, т.к. не только рано, но и нескромно мечтать об издании сборника через Вас, а с другой стороны, сознаюсь, тяжело отказаться от Вашего предложения послать Вам мои рассказы⁴.

И вот, чтобы не жеманничать, я надумал все же послать их Вам после тщательной проверки в надежде, что Вы сами без церемонии скажете мне, просмотрев их: рано или нет издавать сборник.

О Ваших желаниях я написал и «Сиб<ирской> Жизни»⁵ и Гуркину.⁶ Потанину также⁷. Тачалов никогда не думал обижаться. Напротив — он гордился Вашим вниманием⁸. По слухам, он в Крыму⁹. Щапова «Земство и Раск<ол>» и др<угие> ст<атьи> прочел еще весною в хорош<ем> пирожковск<ом> издании¹⁰. От Викт<ора> Сергеича еще ничего не получил¹¹. Я посылал Вам свою книжку «Киргиз»¹² — Вы о ней ничего мне не сказали: не стоит или не получили?

Хотел бы получить Ваш ответ и на это письмо.

Георгий Гребенщиков

4. 10 июля 1912, Барнаул

10 июля 1912

Барнаул, Томск<ой> губ<ернии>

Дорогой Алексей Максимович!

Считаю своей обязанностью хоть изредка и кратко писать Вам.

Прежде всего я сердечно благодарю Вас за то, что Вы помогли мне напечататься в толстом журнале. «В полях» — (свой рассказ) я увидел в «Современнике»¹ еще в феврале, как только приехал сюда из гор.

Виктор Сергеевич не забывает меня. Он отечески заботится обо мне и о другом рекомендованном мною ему сибиряке Вячесла<аве> Шишкове. Недавно я получил от него (В.С.) новое письмо, которым он предлагает мне еще посылать для «Заветов»².

Я еще ничего не послал, но готовлю.

Теперь я вот уже 5 месяцев не живу в горах. Я призван в Барнаул, небольшой, но быстро растущий теперь городок на Оби (60 тыс. жителей), где редактирую местную газету «Жизнь Алтая»³; Тачалов живет в Самаре, торгует. Он недавно прислал мне посвященную Вам поэму — «Два мира». Часть мы напечатали, и номер газеты я Вам послал⁴.

Слышал я, что в горы к нам собирается Гусев-Оренбургский — для ознакомл<ения> с бытом. Очень рады такому гостю. Ждем его.

Наша газетка имеет хороших друзей. К ней примкнули все имеющиеся налицо газетные работники. Издается второй год. Тираж пока только 3 тысячи, но по здешним местам, говорят, это хорошо.

Она отнимает у меня массу времени, и я почти не могу заняться своими этнографическими материалами, а то, по напечатании, я собираюсь послать Вам кое-какой собранный на Алтае фольклор. Ведь Вы, я слышал, интересуетесь этим.

Впрочем, я пошлю Вам пока очерки по Убе⁵. Но это просто путевые. Если бы нашли часок для просмотра, то это даст только некоторое ознакомление с людьми и природой. Я бы послал к Оренбургскому, если бы знал его адрес.

Знал, что мои Бухторминские материалы не поспеют раньше будущего года⁶. Они интересны, полны живой старины, очень хороших образцов устной литературы народной.

С посылкою Вам для просмотра кусков на предмет издания так и не решился. И, м.б., не решусь еще год, хотя спрос на сибирскую беллетристику здесь растет. Сибирь совсем преобразается. Господь ее знает — каково ее близкое будущее, но я не обольщаю себя блестящими перспективами. Такая, оказывается, теснота в земле

учинилась везде, что народ стонет.

Часты аграрные беспорядки. Тут был голод. Жестоко пострадали киргизы от т<ак> н<азываемого> «джута» (гололедица). Нынче урожай, но все луга под водою, а на полях масса червя, вши, каких-то паразитов и хомяка, пожирающих хлеба. А в довершение всего — частые градобития за последние дни. Все это не обещает добра. В соседстве у нас — неладно с Монголией⁷... А тут еще архиепископы да попы разъезжают с агитацией, печать задавлена, штрафуют нещадно. Землеустройство — это какая-то сплошная авантюра⁸... А тут еще затянулась и надрывает душу трагическая язва на Лене⁹.

Извините — я оторвал Вас от Ваших тысяч разных дел. По причине Вашего недосуга я не претендую на Ваших несколько строк, хотя и очень хотел бы получить их в виде совета: стоит ли мне с головою зарыться в газетные хлопоты или лучше заняться одной беллетристикой?? Ваше слово для меня очень ценно.

Георгий Гребеничков

Адрес: Сибирь, Барнаул, Томск. губ.

Ред<акция> «Жизни Алтая».

Георгию Дмитр. Гребеничкову.

«Заветы» популяризируем¹⁰.

5. 17 октября 1912, Петербург

17 октября 1912

Петербург

Казанская 8, кв. 39.

Дорогой Алексей Максимович!

1 окт<ября> я взял отпуск у «Жизни Алтая» на 2 месяца. Рискнул поехать в Питер искать издателя для сборника своих рассказов. Заехал в Томск. Там в тот же день 3 окт<ября> В.Н. Анучин* передал мне Ваше письмецо¹. Очень обрадован и ободрен Вами.

Живу лихорадочной, трудовой жизнью. «Жизнь Алтая» стала моей жизнью. Или, вернее, по выражению проф. Вейнберга (сына Петра)², я стал жизнью «Жизни Алтая». Утешаюсь тем, что издатель³ не скупится и я могу давать место литературному материалу. Это сближает моих товарищей, они, за неимением лучшего, ютятся у меня, другие новые появляются, мы живем маленькой «душою» и утешаемся. Вот молодой писатель Вячеслав

* Так в А, следует: В.И.Анучин (Ред.)

Шишков радуется нас и подает большие надежды. Я прошу Вас, обратите на него Ваше внимание, а он, по моему совету, Вам пошлет для «Современника» рассказ⁴. Это и как человек замечательный. Ему лет 40. Но прошу не смешивать его с неким Таловским, который подписывает теперь «Сибирскую Жизнь» и благодаря которому она переживает большие конфузы⁵. Это, извините, оказался прохвост и еще хуже. Тут в «Заветах» и в «Сибирских Вопросах» о нем все уже знают и Вам я не стану ябедничать. Но предостеречь считаю долгом. «Сибирская Жизнь», у которой засажен редактор, решительно не знает, что делать до 25 октября. Все равно все должно выплыть наружу, кроме того, его просто боятся редакторы (фактические) как провокатора. В «Заветах» взяли да Шишкова с этим господином и смешали. Слов нет, и Таловский даровит, но не в этом только дело. Благодаря каким-то случайностям в «Заветах» лежит без движения 3 шишковских рассказа. Адрес его: Томск, Управление Водными Путиями. Вячеславу Яковлевичу Шишкову. Он исследует водные артерии дальнего севера Сибири и собрал большие материалы среди тунгусов. Его фольклор скоро появится в Записках Восточно-Сибирского отдела⁶. Таким образом, не смею Вам распространяться о дальнейшем, но, на мой личный взгляд, поскольку он является верным, этот Шишков должен быть поддержан. Стоит того.

Теперь опять о себе.

Вам послать свои рассказы я не собрался. Заняться ими я мог только освободившись от «Жизни Альтая». Я предложил было, по совету В.С. Миролюбова, издание «Общественной Пользы»⁷. Но там, — по петербургскому бюрократическому обыкновению, поспешили отказать, не выслушав того, хотя бы о чем-либо просить. Когда я им кое-что разъяснил и показал о себе кое-какие рецензии, они промычали что-то благосклонное и согласились дать свою марку и может быть устроить кое-что. У меня в распоряжении всего 300 руб. Тут я попал в «Современник», и г. Певин посоветовал мне обратиться через М.В. Аверьянова к «Издательскому товариществу писателей»⁸. Я это сделал и сегодня сдал для просмотра материал. Что будет — вопрос ближайших весьма тяжелых для меня дней. И если я чего-либо добьюсь — добьюсь исключительно благодаря Вам, т.к. Ваше последнее письмо произвело на кое-кого впечатление.

Вот и хочется Вам пожаловаться: худо нам, областным писателям, не дерзающим писать о мировых проблемах. Вот Вы скажете, что я пишу опять много лишнего. Не могу иначе. Сибирь — какая-то замарашка, в которой все будто бы худо. Вот Вы протянули руку и,

м<ожет> б<ыть>, мы спасены, а если Вы отвернетесь, что тогда? А в душе, согласитесь, много самолюбия. Не хочется пресмыкаться. Не напечатай Вы мое «В полях», я и до сих пор не решился бы послать в толст<ый> журнал ничего. Иногда думается — не стоит писать, но оглянешься — под носом много нетронутого. Опять крошить на наброски да этюдики для маленьких газет...

Но, ободренный Вами, я написал, закончил-таки и большую вещь. «Сельская Знать» называется. И думаю я ее представить Вам для определения в «Сиб<ирский> Сборн<ик>» «Знания»⁹. Препятствие — размер. Листов десять печатн<ых>. Тема — лучшая и худшая наша интеллигенция на фоне деревенского населения. Эпиграф «Жестоко ти есть противу рожна прати»¹⁰. Есть еще шероховатости. Буду их исправлять и сокращать. Написано только очень просто. Так просто, что боюсь при сравнении с современной писательской изысканностью. Написал еще я повесть листа в 3 печатных «Ханство Батырбека», которую читал в Томске 7 окт. всей братии с Г<ригорием> Ник<олаевичем> Потаниным во главе¹¹. Иосиф Иванов забраковал. Он изысканный писатель-космополит¹². Вяткин¹³, по обыкновению, не сказал ни то ни се. Говорит, суховато, деловито. Мало лиризма. Потанин похвалил и сказал, что Вяткину всегда надо мокра, т.е. слезы. Тут слезы нет и это, мол, хорошо. Анучину понравилось. Шишкову — нет, т.е. он сравнивает повесть с «Сельской Знатью», которую я ему прочел одному, и находит, что «Ханство» слабее¹⁴. Я и сам это признаю, но тут различные темы и проч. Самым страшным и ценным критиком я считаю Крутовского.¹⁵ Ему понравилось, но он против последн<их> 2-х глав. Находит, что социологическая сторона на этот раз должна уступить место художественной, и потому Крутовский считает — закончить рассказ на 7-ой главе.

Я с ним до некот<орой> степени согласен и готов был бы убрать, если бы против этого не протестовали Потанин и художн<ик> Мих<аил> Щеглов, который желает эту вещицу иллюстрировать.

Я посылаю Вам, Алексей Максимович, повесть целиком. Решите Вы сами ее судьбу! Предназначал я ее до Вашего письма для «Сиб<ирского> Сб<орника>», но теперь, если бы она пригодилась, прошу дать ей место в «Современнике»¹⁶.

«Сельскую Знать» по исправлении и переписке я пошлю Вам отсюда еще. И буду с волнением ждать Вашего приговора над нею.

Больше, кроме «Настасьи», которую я не мог сделать лучшей, у меня ничего еще нет. Пишу пьесе «Микула Селянинович»¹⁷. Что выйдет — не знаю. Затеваю, при удачах с этими вещами, громадный роман «Алтайская Русь»¹⁸. Но эта работа будет находиться в

зависимости от моральных удач и материальных условий.

«Ханство Батырбека» я также снабдил некоторыми «аккордами» и пока их не удалил. Попутно, м<ожет> б<ыть>, Вы сами их уберете. Мне казалось, что иногда на палитре могут быть краски и с собачьей кровью. Вообще, мне кажется, что все зализывать и крахмалить не всегда следует. Если я ошибаюсь — выругайте меня!

Хотел бы о «Ханстве» получить сведения еще здесь. Кроме того, *если можете*, поддержите меня с изданием сборника: т.е. черкните кому следует, чтобы меня не провалили с моими рассказами...

Ох, простите, много опять написал. Хотел ведь я ехать к Вам лично. Да может, еще это и сделаю. Очень Вам будет это неприятно¹⁹? Я обещаю не надоедать. Здоровье у меня плохое. Мне бы чистого и солнечного воздуха вдохнуть немного. Питер меня совсем душит. А на Алтае сейчас холодно да и далеко отсюда.

Преданный и благодарный Вам *Георгий Дмитриев Гребенщиков*.

P.S. Адрес Н. Матвеева не знаю²⁰. Не слышал о нем. Постараюсь спросить.

В «Современник» Е.А. Ляцкому дал историко-этнографич<еский> очерк листа в три. «Бухторминские славяне». Это будет конспект моего будущего романа. Примут ли, не знаю²¹.

6. 25 ноября 1912, Санкт-Петербург

25 ноября 1912 г.

СПб.

Казанская 8, кв. 39.

Дорогой Алексей Максимович!

Не написал Вам немедленно по получении от Вас письма потому, что как-то растерялся. С Вами согласен, но не во всем.

Насчет торопливости — особливо. Напротив, я проявил необычайное терпение, а за успехом гнаться и не думал¹. Считаю нужным выступить с книжкой потому, что, во-первых, надо подвести итог и выслушать суд над ним. Во-вторых, все-таки — надо искать большой аудитории. Это великий и законный соблазн. В-третьих — Вы сами в прошлом году подали мне эту мысль². И все-таки — не будь моя книжка принятой в Издат<ельском> т<оварищест>ве писателей — я послушался бы Вас и отменил издание. Теперь пятиться уже неудобно*. А успех? В том виде, в каком он

* Книжки напечатано 7 листов. Всего будет 16–17 (Примеч. Г.Д. Гребенщикова).

понимается здесь — вовсе и не любопытен. Простите меня, но опять же я должен дерзнуть: не нравится мне общая душа здешних многих (в целом) писателей. Или уж слишком я привык благоговеть перед этим словом «писатель».

«Ханство Батырбека» я поотделал, посократил, но не очень все же. Но даю Вам слово: все время со скрежетом зубным работать, работать, работать над собою во всем, в чем пойму. Толканье здесь меня к этому особенно подмывает.

Если помните — мою «Настасью», мною значительно очищенную, приняли у меня во 2-ой сб<орник> писателей³. Т<оварищест>во писателей, т<ак> ск<азать>, «конфирмовалось» и берется за дело, хотя и при дефицитах от 1-го сборника. Думают выпустить альманах для детей от 10 — до 14 л<ет> «Гуси-лебеди» и II сборн<ик>⁴; затем ряд книг.

Свою «Сельскую Знать» я давал прочесть Иванову-Разумнику. Он не знал, что я готовлю ее для «Знания» и предложил по исправлению (я сам ему сказал, что буду исправлять во многом) представить ее в «Заветы». Говорит, что он выскажется «за»⁵.

Но как мне хотелось бы дать ее прочесть Вам. Хотелось бы дать исправленной, да боюсь переусердствовать в сокращениях. А дать не исправленной тоже боюсь... Но больше всего боюсь к Вам ехать⁶. Отсюда на расстоянии тысяч верст — вот пишу Вам и думаю, что это дело обыкновенное. А приехать к Вам, говорить с Вами, видеть Вас... Нет, это дело невероятное.

Сию или брожу и все думаю: быть или не быть? От Е.А. Ляцкого слышал, да и сам знаю, — что Вы всегда страшно заняты. Тяжко быть гостем хуже татарина... Того тяжелее — разочаровать. На расстоянии, м<ожет> б<ыть>, мои работы пригляднее. Покажусь — все пропадет... Вы не сердитесь на меня за эти охорашивания — Вы не можете себе представить — до чего важен для меня настоящий момент!.. И если я решусь и вдруг объявлюсь на Капри — ради Бога не думайте, что это затея с жиру. Мне не на что роскошествовать да и некогда. Я все больше и больше сознаю — до чего страшно и ответственно быть писателем, и до чего надо быть жадным ко всему, что может возвышать и питать душу!! Я так сильно чувствую то, что есть Вы, что, мне кажется, увидевши Вас — я не выдержу и разрыдаюсь. Ради Бога — не смейтесь и не гневайтесь. Почтите все это — глупостью — и конец тому делу. —

Низкий Вам поклон от меня!

Георгий Гребенщиков

7. 20 декабря 1912, Санкт-Петербург

СПб, 20 дек. 1912 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Да, я раскаиваюсь, что напечатал свою книгу. Пока она печаталась, я еще чего-то ждал, надеялся, что буду праздновать ее появление. Но вот только сегодня она вышла¹, и я уже краснею. Мне совестно за все, даже за самую внешность. Только тем и утешаюсь, что все попавшее в книжку написано от чистого сердца, но это могло оставаться и при мне, без выноса на народ. И вот я жду на себя дождь презрительных кивков критики².

Вообще — я самым беспощадным образом презираю себя за то, что «полез» в литературу. И уж где там — «чувствовать себя большим» да еще «преждевременно». Нет, Алексей Максимович, после прочтения Вашего «Губина»³ — как-то вся душа съезживается в комочек, и теперь надо только ей сидеть да любоваться тем, как много хорошего на свете написано и есть! Чего же еще можно прибавить?! Господи, Господи! Как стыдно, как стыдно!.. Только на то и надеюсь, что Вы с Вашей большой душою и необыкновенным сердцем сумеете простить и понять. А так — хоть вешайся! Ведь сидел человек у себя на Алтае, занимался маленькой работой, м<ожет> б<ыть>, был полезен, и был неплохим человеком; нет, надо было ехать и «лезть»...

Ну, что сделано, то сделано.

К Вам я не еду. Причин много, а главное — я не готов видиться с Вами. С ожесточением буду готовиться к этому — там, у себя в маленьком захолустье.

Свой рассказ «Ханство Батырбека» у Е.А. Ляцкого я взял, и снова поработавши, переписал его заново, прибавил в начале и много сократил в середине. Почистил слог. Но все же не совсем им доволен. Тем не менее, аванс в 75 р. на дорогу получил... Еду отсюда в Томск, затем в Барнаул — работать в газетке «Жизнь Алтая». Весною уеду в дебри Алтая. Надо подышать свежим воздухом — здоровьишко дрянное.

Свою повесть, прежде чем послать Вам, буду чистить старательно. Все-таки не могу сразу отказаться от литераторства. А, кажется, это придется сделать. Ведь лучше сделаться просто хорошим человеком, чем плохим писателем.

Красоты, которой можно любоваться, так много. Работы интересной того больше. Правда, литература наиболее интересная, но слишком святой и чистой должна быть эта работа, и не всякий грешник и выскочка имеет право хвататься за нее.

Вы пишете, что с книгою я не туда попал⁴. Может быть, но ко мне отнеслись тепло и внимательно, сверх моих заслуг и за это спасибо им. Г-н Аверьянов⁵ человек, правда, очень практический, но безусловно честный, как мне кажется и кое-что смыслящий. Я даже рад, что не попал в «Огни»⁶. Было бы еще стыднее. Да и это издательство для меня слишком недоступно. Что же касается товарищей писателей, то от них веет мертвою скукой и страшной усталостью. И я так рад, что снова уезжаю в сибирские просторы, где опять по сугробам снега, по равнинам и горам буду измерять тысячные пространства, где много воздуха, много солнца и того, над чем стоит думать и думать.

Книжку мою Вам все-таки отважился послать. Будьте снисходительны в надежде на то, что глупости своей не повторю.

Евг<ений> Алекс<андрович> произвел на меня хорошее впечатление. Это человек вполне культурный. Я хотел бы кое-чему около него поучиться⁷. М.б., при его помощи я приведу в исполнение мечту увидеться с Вами.

А пока прощайте, дорогой Алексей Максимович! Ради Бога не судите строго, но и не бросайте меня.

Георгий Гребенщиков

Пишу впопыхах, простите за нескладность!

P.S. Позвольте Вам представить свою физиономию, сделанную, впрочем, гораздо глаже и лучше фотографом, чем она есть в действительности. И извините, пожалуйста, за то, что — в шляпе⁸! Эта неучтивость не намеренна, а случайна. —

Г. Г.

8. 23 января 1913, Барнаул

23 января 1913 г.
Барнаул, Томской губ.

Дорогой, добрый Алексей Максимович!

Вы поистине одухотворили, умножили во мне мою энергию к работе над собою¹. Ваше письмо, полученное мною на днях, является как бы наградою за все те труды мои над собою, какие я нес до сих пор, но вместе, оно является и моим обязательством пытаться быть лучше и лучше в отношении добросовестности и целомудрия в литературе... Ах, как неуклюже у меня выходит моя Вам признательность!.. Я хочу сказать, что вместо благодарности на словах, я очень хочу быть хорошим и стоящим Вашего внимания парнем!

Относительного того, что я не поехал к Вам, я и сам кусаю локоть². В этом отчасти виноват и милый Евг<ений> Алекс<андрович>. Уговаривал ждать до марта, говорил, что лучше вместе; он заботливо отозвался о том, что едва ли Вы осенью хорошо себя чувствуете, что как бы не быть «хуже татарина»... Что касается моей неприготовленности Вас видеть, то да: верно и то, что надо иметь достаточно достоинств, чтобы отнимать у Вас время, и надо немножко уверовать в себя. Вот скоро пошлю Вам свою «Сельскую Знать», по ней проверите мои способности и скажете: стоит Вам затрачивать время на разговоры со мною или нет. Тогда я поеду к Вам не как случайный турист, а как Ваш сибирский гость и, позвольте прибавить, как друг, которого Вы лучше знаете.

Кроме того, я действительно побаивался показывать Вам «Сельскую Знать» в том виде, в котором она была в Питере. Здесь я работаю над ней в более уравновешенной обстановке и то только отдала Х глав. А всех их XXV.

И очень радуюсь, что все это делаю после Ваших писем и после Питера. Вот и выходит, что Вы и «всамделе» «алхирей», а я пономарь из маленького прихода³...

Теперь опять о текущих делах.

Книжку Е.А. Желябужской я послал⁴.

Подробностей о «Сиб<ирском> Сб<орнике>» не знаю⁵, но «комитетчики» мне говорили, что рукописей много, а толку — не ахти! Есть две-три больших вещи, стоящих, но принадлежащих частью комитетчикам. Крутовский (весьма строгий господин) говорит: участники комитета не должны вытеснять других и только за недостатком других хороших вещей нужно дать место им. На этом основании они усиленно настаивают на том, чтобы «Сельск<ую> Зн<ать>» я им представил. Я сказал, что судьбу «С<ельской> Зн<ати>» предоставил решить Алексею Максимовичу, что кроме того — в ней не менее 10 лист<ов>. Говорят — ничего, лишь бы была хороша. А будет ли хороша, еще не известно. К 15 февр<аля> я ее закончу и пошлю Вам один экз<емпляр>. Посылать ли другой экз. им, не знаю. Вам же предоставляю решить судьбу этой вещи, выражая свое желание — явиться с нею среди сибиряков-товарищей. Если признаете ее устроить иначе — хорошо. Устройте в «Сиб<ирский> Сб<орник>» — еще лучше. Плохо одно — если она окажется ничего не стоящей. В первых числах марта, наверное, она будет на Сарги.

А теперь позвольте не о себе, а о других.

1) У нас в Сибири есть своей сиб<ирский> поэт Порфирьев (помощник прис<яжного> пов<еренного> Порфирий Алексеевич

Казанский, сотрудник «Жизни Алтая» — ближайший). Я настроил его написать сибирские стихи для «Сиб<ирского> Сб<орника>». Он по своей скромности долго колебался, но все-таки написал. Крутовскому их послали. Посылаем один экземпляр и Вам. Как читатель я очень хотел бы их видеть в сб. «Знание», а от Вас хотел бы слышать мнение.⁶

2) Очень волнуется о судьбе своего рассказа «Белый Бурхан» г<осподин> Семенов. Я предугадываю судьбу этого рассказа и, если действительно, он не подходит для «Соврем<енника>», то хотел бы его пустить в предстоящем к выпуску в свет «Алтайском Альманахе»⁷, который издает нынче «Жизнь Алтая», вернее ее издатель «член Госуд<арственной> Думы» купец Вершинин («трудовик»)⁸. Нельзя ли рассказ получить?

3) У нас редактором публицистики является г. Леонид Иван<ович> Шумиловский⁹ (окончил историко-филолог<ический> факульт<ет> Моск<овского> унив<ерситета>). Хороший, полезный и даровитый в своей области человек. По моему настоянию он имеет послать в «Соврем<енник>» свои статьи. Хотелось бы, чтобы там г. Водовозов¹⁰ его не швырнул в корзину, не читая!..

Чтобы иллюстрировать взгляды и умение Шумиловского писать, я прилагаю Вам две его газетные статьи, одна из коих о Ваших посл<едних> повестях¹¹ написана им потому, что Ваши повести действительно всех нас здесь привели в смятение. О «Губине» я кратко сказал в особой статейке о «Современнике».¹² Только Вы, конечно, не подумаете, что мы хотим угодить Вам, восторгаясь Вашими вещами. Они действительно таковы, что о них нельзя не говорить, как не можем мы не говорить о «Воспоминаниях» Г.Н. Потанина, печатающихся теперь в «Сибирск<ой> Жизни»¹³. Признаться, мне не нравится тон статьи Шумиловского о Ваших повестях. Слишком привык он все низводить к одной общественно-политич<еской> точке зрения¹⁴, притом не совсем удачны цитаты. Но это дело вкуса, вернее, личного мировоззрения. Шумиловский — прогнанный за левость учитель гимназии. Дважды был избран в Госуд<арственную> Думу и дважды разъясен.

Удачно ли он напишет свои статьи для «Современника» — судить не мне. Мое дело сказать, что в такой окраине, как наша, «Современн.» не вредно иметь такого сотрудника-областника¹⁵.

Простите, при всем желании быть кратким — наговорил, наверное, опять много лишнего.

Меня все терзает мысль: неужели Вам не удастся посмотреть Сибирь и особенно Алтай¹⁶? Я не теряю надежды, что в качестве «проходящего»¹⁷ Вы придете к нам в горы и увидите, что это за

величие дикой красоты! От времени до времени я думаю посылать Вам хотя бы открытки, а когда уеду в горы (весною) свои фотографич<еские> снимки. Может быть, и удастся мне искусить Вас...

С Евг<ением> Ал<ександровичем>¹⁸ мы уже изыскивали способы, как бы обрядить Вас, чтобы Вы сошли за какого-нибудь «ходока» или старовера — искателя «Беловодья»... И с каким наслаждением я пошел бы с Вами пешком хоть в голодные степи Китая!..

Работаю в газетке весьма усердно. Она у нас все-таки ладная и не хочется ее забрасывать. Правда, мешает она моей работе сильно. Но вот может напечатает у меня мою «Сельскую Знать», и я сразу стану «знатным» и богатым. Тогда поселюсь в горах, среди инородцев, староверов, бродяг и медведей.

И писать начну, точно плугом пахать¹⁹!..

У нас между прочим есть в народе такая поговорка:

— «Кто пашет — тот руками машет, а кто пишет, тот еле дышит!» — Вот и я еле «здышу» — от всяческих писаний в редакции и дома...

Ну, не посудите меня, дорогой Алексей Максимович, на неостроумные отступления.

Любящий Вас всюю душою
Ваш *Георгий Гребенщиков*.

Адрес: Барнаул, Томск. губ., мне — всегда дойдет...

9. 19 февраля 1913, Барнаул

19 февраля 1913 г.
Барнаул.

Дорогой Алексей Максимович!

Отправил я Вам вчера свою «Сельскую Знать». Непорядок, когда подсудимый говорит в свое оправдание раньше прокурора, но я не утерплю и нарушу этот порядок. Потому что страх во мне велик. Я предугадываю, что многое Вам покажется растянутым, скучным, может быть, не нужным, а все в целом — старым, давно известным, о чем писали многие. И вся трагедия моя заключается в том, что я не имею что сказать в свое оправдание, кроме того, что ни на йоту не солгал я и вложил в свою повесть всю простоту своей души, весь запас своих наблюдений. Мне хотелось отколоть огромную глыбу сибирской страны и перенести ее к читателю со всеми растениями и

живыми тварями, со всей скромностью и простотой жизни. Знаю, что местами это неуклюже и тяжеловато, а главное уж очень просто до наивного простодушия. Получилась, кажется, огромная корреспонденция из Сибири — чего она достойна, судите, как хотите!

Если найдете нужным и для себя не затруднительным — сокращайте сами. Я сократить не сумею. Мне там все кажется нужным, но если бы Вы сократили — я был бы благодарен.

Об одном прошу усердно: не задержите ответ о ее участи! И если бы было можно (хотя уж это с моей стороны слишком!) даже телеграммой в два слова.

В Томск — Крутовскому послал второй экземпляр.

Недавно получил я письмо маленькое, но хорошее, от Марии Федоровны¹. Ответил ей, расчувствовавшись и ударившись в лирику, чем, вероятно, и показал свой провинциальный облик...

Прочел опять Ваших «Калинина» и «По Руси» в янв<арской> кн<иге> «Вест<ника> Евр<опы>».² У меня дух захватывает от того, как Вы пишете. Вы землю играете, как мячиком. Море Вам всего по щиколку и хочется влезть в Вашу котомку хотя бы муравьем и бродить, бродить с Вами по белому свету. И ничуть не завидно, что никогда, никогда не дорасте до Вас, а только радостно, что есть Вы, который способен взять в свою горсть сотни нашего брата и выжать только один свой широкий, выразительный мазок. Не сердитесь на меня за эти слова. Не могу я не сказать Вам этого!! Не могу не сказать и того, что Вы Вашим пером подавляете, Вы обезоруживаете, после Вас не о чем писать: Вы все и за всех говорите один, и так кратко, что Ваши немногие строки можно выучить наизусть и твердить, как молитву Вселенной.

Я хотел бы еще только одного: затерять Вас в бескрайних снежных пустынях Сибири в такой вот ослепительно яркий солнечный день, какие стоят у нас теперь, а потом прочесть бы Ваши немногие строки о снеге... У Вас нет почти снега в рассказах, там, в Италии, Вы его выдаете ли когда?.. Вы должны о нем скучать³. В России тоже нет достаточно снега, притом там мало света зимою. А здесь!.. Господи ты мой Боже, до чего светозарна земля зимою!.. Мне об этом не сказать, но Вы сказали бы удивительно сильно и красиво!

Но если в Италии Вам хорошо — пусть Сибирь никогда не увидит Вас. Пусть на здоровье ласкает Вас солнце, которое ласкало Петра и Пилата!

Мне тоскливо, что я Вас не увижу скоро. Я и не знаю, когда увижу Вас.

Если там Евгений Александрович — привет ему сердечный! Шумиловский, о котором я писал Вам, посылает в «Современник» свою статью «На вынужденном досуге» (наблюдения и думы изданного педагога)⁴. Да не познает она глубины корзины и да будет ей свет!..

Георгий Гребеничиков

10. 27 февраля 1913, Барнаул

27 февраля 1913 г.
Барнаул

Дорогой, милый Алексей Максимович!

Получил Ваше письмо от 26 февр. (н<ового> с<тиля>) и радуюсь и удивляюсь тому, что Вы еще находите время так подробно и внимательно писать мне. Знаю, как осаждают Вас, и поэтому и сам буду по возможности краток (???!).

Порфирьев терпеливо ждет суда его стихам¹.

Семенов прыгает до небес, но и печалится: его рассказ подвергнут моей отделке в такой степени, что наполовину стал моим. Признаюсь Вас еще раз, что если он пойдет в «Соврем<еннике>» — хорошо, если не пойдет — еще лучше: тогда я его пушу в нашем «Алтайском Альманахе» и почту своей удачей то, что явится неудачей для Семенова. Впрочем, он и сам не против «Альманаха», но разве это можно сравнить с выступлением в «Современнике»? Поэтому если можно — решите судьбу «Белого Бурхана» в следующем письме².

Шумиловский послал в «Соврем<енник>» свою большую статью (листов в 5) «На вынужденном досуге»³. Она сама за него скажет красноречивее меня. Человек он умный, способный, но не без «гордыни», что, впрочем, не всегда вредно.

За то, что Вы почтили меня предложением участвовать в сборниках для демократии — великое Вам спасибо⁴. Распоряжайтесь всем моим напечатанным и ненапечатанным материалом вполне по Вашему усмотрению. Вопрос о гонорах — всегда вопрос маленький. Высший гонорар — честь быть прочитанным широкой, алчущей света аудиторией.

Спасибо и за популяризацию меня среди Ваших друзей⁵. Это совсем не заслуженная честь. Но я не прочь бы увидеть отзыв о

* Так в А. (Ред.)

своей книжке в «Современнике»⁶. Стыдно в этом сознаться, но не скрою: стучусь в двери к широкому читателю.

Сегодня 10-ый день, как пошла моя «Сельская Знать» на Капри. На днях Вы ее получите. То, что она Вас интриговала — только для меня же хуже⁷. Вы чего-нибудь ждете от нее, а я чем дальше, тем больше теряю веру в нужность ее. И не хочется самому громить своих «богов» и веры, уверенности нет в нужности такой большой и пестрой вещи. Понятно, что ожидание Вашего отзыва о ней жестоко волнует меня.

Крепко обняли мою душу строки Ваши о том, что надо заняться общечеловеческой работой для устройства на земле светлой, свободной жизни⁸. Но я сейчас не могу пуститься в рассуждения на эту мудрую для меня тему. Я с необычайным любопытством смотрю на людей и животных, на землю и небо и если бы меня спросили: «Что ты больше всего любишь?», я восторженно ответил бы: «Вечность!» А в вечности — все и мы в ней некогда были и пребудем вовек, хотя бы песчинками в море, хотя бы капельками в тучах, пылинками в растениях... То, что нескончаема жизнь, волнами идущая из веков и куда-то уходящая — для меня невообразимо красиво! Мне нет дела до того, что волны эти смывают меня и затеряюсь в хаосе земной коры. Иногда в лунную ночь или на закате в горах я перестаю сознавать себя — я растворяюсь в космосе и тогда мне становится так хорошо, что я не хотел бы жить питанием и земными благами... Но это не значит, что я далек от общества, в котором я живу. Это значит, что в нем мне тяжело и я устремляюсь от него в мечтанья. Это плохо. Плохо, что иногда мне противны конвульсии людских барахтаний за земные благополучия, и в то же время я сам знаю, что я тоже ищу этих благополучий! А больше всего иногда я ищу людей с чутким пониманием того, что жизнь и ее благо есть в сознании того высшего, непостижимо-красивого и вечного, что может быть названо Богом, Провидением, Мудростью Творения, но что отразилось в каждом атоме жизни... Люди без этого понимания — будь они раздемократы — передемократы — они мне чужды. Я не люблю их. Я не люблю, не понимаю корысти во имя звериной жадности... Нет, я не считаю себя пока в силах все это изложить. Я нащупываю только нечто, что ведет меня к Чему-то, Что веселит и радует и печалит меня. Но, положа руку на сердце, я признаюсь Вам, что тоже не сказал бы: «Да здравствует Русь!»⁹ Она меня часто приводит в исступление тем, что она, злосчастная, есть и еще не распалась. Будь она проклята, как государство, как страна, целое тысячелетие угнетающая, омрачающая и истязующая сыновей своих! Пусть русские люди с их

языком, с их красотами души и сердца будут подданными Японии, но пусть не будет этого великого, но бессмысленного и кошмарного смешения языков, где все несчастны!.. Допускаю, что я договорился до еретичества, но думаю также: произойди сейчас революция — на Руси легче не станет, до такой степени рабий дух преобладает в ней и искоренить его может что-либо извне, а может быть целые века перестройства. Мне кажется ужасом не то, что зло над человеком, а то, что оно в человеке. В Руси — вместо жил и крови — одно зло. Поэтому, когда меня манят разные нехристи, дикие люди, я дерзаю ставить их выше многих цивилизованных русских. А христианство — разве это не стало теперь всемирной пакостью?

Простите — я хотел воздержаться от рассуждений, а вместо того зарпортовался. Скажу только — бесконечно люблю в Вас любовь к Миру, любовь к Земле и Человеку с Заглавных букв и следую за Вами с замириением сердца и слезами умиления на глазах! Люблю в Вас великое сердце, умеющее прощать преступления, умеющее любить так широко и солнечно; люблю Ваш взгляд, охватывающий, кажется, всю Вселенную и тепло и сладко жить мне потому, что таких как Вы немало на земле! Поэтому — «да Здравствует согретая солнцем Земля и да умнеет на ней Человек!» Относительно же устройства семейной, т.е. той общественной жизни, в которой я живу, уж потому не могу спорить, что люблю опрятность и чистый воздух в своей комнате, люблю свет и тепло на своей улице. Идти против этого — было бы идти против себя и своего ближнего!..

Если нерассудно наболтал — найдите минутку вразумить меня!

А теперь — тяжелую миссию Вы поручили мне — скажу об В.И. Анучине¹⁰.

Мне второй раз приходится быть судьей невольным над своими собратьями-сибиряками. В декабре запросил меня В.С. Миролюбов о некоем А. Петровиче (настоящая его фамилия Арк. Петр. Таловский). И мне пришлось дать разъяснения, устранившие этого человека с литературной дороги¹¹. Он не бесталанный, но, что поделаешь, большой негодяй, да еще сумевший влезть редактором «Сиб<ирской> Ж<изни>» (конечно, ответственным), так что вся публика была им терроризирована. За это он получил теперь должность не то крест<ьянского> нач<альника>, не то исправника. Это было ужасное время в «Сиб<ирской> Ж<изни>». Сравнить В.И. Анучина с ним, конечно, не приходится. Анучин — превосходный товарищ, способный человек, большой боец и безусловно верный освобождению, но, как называет его Гр.Ник. Потанин, «это моральный анархист!» А другой наш старый публицист, человек глубоко уважаемый, отважный боец за идеалы лучшего А.В.

Адрианов¹² совсем не стесняется: «Жулик!» — говорит он про Анучина. Мне, нынче, проездом через Томск было больно слышать это от Адрианова, я не хотел ему верить, но он так при всех и катит: «Жулик!» Адрианову медведь в тайге покарябал лицо, нос у него уродливый (это человек — сибирск<ий> мохнатый медведь) и он говорит в нос: «Жулик!» Мотивы, по словам Адрианова, вот какие: Анучин брал во многих ученых учреждениях субсидии для исследований и не представил ни материалов, ни отчетов. Историй этих будто бы целый ряд, а одна даже похожа на шантажное вымогательство. Поэтому к сибирским ученым в Петербурге относятся с подозрением: «У вас-де, сибиряков, совести нет... Вон Анучин и т.д.». Больно мне это сообщать Вам, но, как же бы я умолчал, если Вы спрашиваете?! Адрианов рассказал даже случай, как Анучин из буддийского храма похитил для научных целей череп одного святого ламы; монголы его догнали и избили... Если правда все это — черт знает что! Если неправда — пусть будет грех на Адрианове. Однако Анучин пользуется здесь почетом, хотя и не считается величиною. Впрочем, все шадят его и ничего о нем не пишут, в надежде, что он все в себе еще уладит. Ему лет 40-42. Была у него какая-то денежная история в Томске, тоже, говорят, нехорошая. Мне очень хотелось бы, чтобы все это про него оказалось враньем. Пусть бы даже в моих глазах упал Адрианов — только бы В.И. был таким, каким он казался мне до этого.

Боже, какое огромное письмо вышло! Опять извинения!.. Жду Вашего суда всяческого над собою.

Ваш Георгий (Дмитриев) Гребенщиков

11. 19 мая 1913, Барнаул

19 мая 1913 г.

Барнаул.

Дорогой Алексей Максимович!

Три раза принимался писать Вам, но все выходило нелепо. Теперь сажусь писать в четвертый раз, и уж как выйдет, так и пошлю.

Все эти два месяца со дня получения от Вас отвергнутой и разнесенной Вами моей повести — я духовно недомогаю. Вы жестоко побили меня. И несмотря на то, что, как Вы говорите, я этого заслужил, я позволяю себе не во всем согласиться с Вами¹.

Я знаю, что рискую навлечь на себя Ваше презрение, и все-таки

хочу защищаться.

В предыдущих, не посланных Вам письмах я писал много. Теперь постараюсь не утруждать Вас и сказать коротко.

Верно, что язык моего письма не везде строен, стыжусь за небрежность, вернее, за недосмотры, неудачные обороты, благодарю Вас за указание на них², но все-таки все указанные Вами недостатки наперечет, а ведь повесть большая. Между прочим есть и такие указания: «сломанный топор», «заскрипела горлом» и т.п., которые я не хотел бы исправлять. Нож, серп, долото и топор могут быть сломаны, а что касается скрипения горлом, то мне это именно и очень часто приходилось наблюдать, особенно у старух. Когда им становится очень обидно, а слез нет, но рыдания их душат, у них раздается в горле именно скрипящий звук. Этого выражения я не хотел бы изменять. Но, конечно, это не так и важно.

Важно то, что Вы находите «неотесанным», не интеллигентным, не живым, наконец, и без «профессиональной психики» — героя пьесы Ершова³.

Я очень строго судил себя все это время и совершенно чужд был чувства самозащиты, но не мог заставить себя хоть в чем-либо изменить, а тем более удалить из повести доктора Ершова. Да, он без единой «бородавки», во многом несведущ, робок, но очень порядочен по-своему; м<ожет> б<ыть> и не умен в строгом смысле этого слова, но он жив, он таков, каких тысячи среди нашей русской интеллигентной молодежи, и я позволяю себе упрямо заступаться за его неприкосновенность. Это один из тех, обезличенных русской действительностью, многочисленных хороших молодых людей, у которых не только не могла еще развиться профессиональная психика, но которые еще верят в «мирные» «постепенные» переходы к лучшему будущему. Они имеют чистую душу, доброе сердце, вовсе не блещут знаниями, не рисуются, не лезут в герои, но *много философствуют*, открывают открытые Америки и покорно, с массой компромиссов, подставляют свои спины под тяжелые кресты — в лучшем случае, а в худшем — становятся администраторами, двадцатниками⁴, пьяницами и просто негодьями; и то, что они кончили университеты, ничуть не мешает им угнетать меньшего и подкапываться под ровню, лебезить перед старшим и даже обнаруживать во многом круглое свое невежество.

Так мне кажется, и лучше я разобью свою повесть на мелкие рассказы для сибирских газет, нежели соглашусь удалить или делать иным ее героя, который и не является главным. И Бунин мне здесь ни в чем помочь не может⁵: у Бунина (очень большого и уважаемого, но не любимого мною писателя) в мужицкое платье

наряжен и мужицким языком (очень хорошим народным языком) говорит — не то бывший полуинтеллигент, не то городской отброс... Простите за дерзость, но Бунин — все время прокурорствует над мужиком, и за это Бунин мне чужд, я не люблю его⁶. И хоть плохо, да по-своему буду я и писать и думать, а <может> б<ыть>, Бог даст, когда поумнею, и совсем перестану писать. Я вовсе не обсасываю мужика, но вижу в нем душу такую же сложную и подчас [утонченное] чуткое понимание, как и у многих культурных людей. Может быть, я — ничего не понимаю, но я стремлюсь к этому, я учусь, хочу понимать и терпеливо буду выслушивать всякие строгие суды; но ведь могу я не во всем подчиняться или не могу⁷?

Хотел написать коротко, а вышло опять длинно и нехорошо. Но уж так и пошлю — будь что будет! У меня сейчас, да и все это время — какая-то полоса больших неприятностей. Кроме Вашего письма, сильно уронившего меня в собственных глазах, было много недоразумений по газете, затем был болен (случайно отравился). Затем г. Г. Вяткин грубо поддакнул Вашему мнению обо мне *печатно в газете* (барнаульской), с которой я только что полемизировал⁸. В конце концов самая сильная неприятность продолжается и сейчас. Жена моя (жившая всю зиму в горах, учительствует она) на днях приехала и прямо с парохода попала в заразную больницу: у моего семилетнего и единств<енного> сынишки оказалась скарлатина... Чем это кончится, не знаю... В общем, все это действует на нервы, и если я проявил и в этом письме «заносчивость» и «легкомыслие» или «самовлюбленность» — ради Бога не судите меня строго!

Вообще же я обещаю Вам, сняв свою «котельную шляпу», вести себя «тихо и смиренно»⁹. Недавно проехал через Барнаул Шишков и сказал мне, что г. Вяткин и в браковке «Сельской Знати» проявил солидарность с Вами¹⁰. Удивительная пронизательность в сущность вещей у человека¹¹!..

Только — беда, что, кажется, я неисправим: как не считал Вяткина стоящим «на верхних ступенях», так и считать не буду. Это милое и «культурное» насекомое жалит меня все шесть лет, пока я печатаюсь, но авось не съест до конца.

Пойду уж я, как шел, прямой, хоть и узенькой, но своей тропинкой по безмолвному сибирскому полю.

Мне будет тяжело, если Вы отвернетесь от меня, но даже и это не помешает мне быть тем, чем я могу быть.

Мне несколько досадно, что в «Сиб<ирский> Сб<орник>» я не попал. Надо бы хоть «Настасью» представить, но и она, кажется, забраквана.

В заключение думаю, что все к лучшему: и Ваше письмо, и статья Вяткина, и многие неприятности. Все это развивает душевную мускулатуру, которая нужна не только для писательства, но и для жизни вообще.

Учусь же я и без того упорно и хоть потихоньку, да иду вперед, но не назад.

Земно кланяюсь Вам!

Георгий Гребеницков

12. 22 июня 1913, Барнаул

22 июня 1913 г.
Барнаул

Дорогой, добрый Алексей Максимович!

Я все-таки верю, что письмо Ваше ко мне от 18 июня н<ового> с<тиля> не последнее. Я хочу надеяться, что Вы не отвернулись от меня окончательно и благосклонно, великодушно извините мне мое неосторожное, нервное письмо к Вам¹. Я не умею сейчас объяснить Вам, почему это так вышло, но, поверьте, жестоко мучаюсь сознанием, что я действительно забыл, с кем говорю; я слишком искренно заблуждаюсь всегда и притом часто, и часто же сознаю эти заблуждения. Все то немногое, что я узнал в жизни, я узнал посредством своих заблуждений, ошибок и вот этих бестолковых метаний... Конечно, это плохо, это не оправдание, но что же я сделаю с собою, когда ловлю себя на плохом поступке после того, как он сделан. М<ожет> б<ыть> когда побольше потерзаюсь — отучусь, но выходит как-то так, точно кто-то против воли моей толкает меня часто не туда, куда следует. А при всем том хочется работать, а новые работы и исканья несут с собою заблужденья и ошибки, и кипишь, как в котле, тебя перевертывают, поджаривают, тычут со всех сторон, и ты наконец огрызаешься, да не в ту сторону!

Господи, как мне больно, что Вам, такому единственному руководителю, ведущему нас, самоучек, я наговорил дерзостей... Неужели дерзостей?! Ужасно! Я не знаю, чем и когда я искуплю это, как я снова заслужу Ваше доверие к себе? Мне так бы хотелось провалиться сейчас сквозь землю, только бы не было этой неприятности, которую я причинил Вам вместо благодарности за Ваши советы, за Ваше внимание и указания для моей же пользы. Ведь я все-таки понимаю же, что Вы именно единственный, кто так глубоко любит литературу и ее хрупкие, малые побеги, а я оказался

сорной, сухой, колючей веткой, которую следовало бросить наотмашь прочь. А Вы столько возитесь, поощряет, учит, даже любите — ведь это видно в каждом Вашем слове.

Но я еще вот что скажу в утешение себе: Вы чуткий, Вы глубоко, проникновенно мыслите, и Вы, м<ожет>б<ыть>, извините мне мои поступки потому, что делаю я их без злого умысла, бескорыстно, а потому что издерганный, неопытный, болезненно-самолюбивый человек. Все это, конечно, недостатки, я их не стану защищать, но все это все-таки не те сознательные преступления, за которые казнят. И я верю, что Вы в письме своем не казните, не презираете меня, а разъясните мне мою собственную неосторожность в письменном к Вам обращении. Напишите мне, ради Бога, что Вам уже не больно от моих слов, что я не надерзил, а только наглупил.

Верно, что я совсем нездоров все эти месяцы. У меня много личных неудач, мне очень тяжело живется, но за что же я Вам-то писал так резко, необдуманно?!

Правда и то, что во всех случившихся со мною неприятностях, я немного обновился и сделал серьезный пересмотр своего внутреннего содержания, и, кажется, это мне принесет кое-какую пользу. Я ужасно недоволен собою во всем и напряженно стремлюсь себя исправлять, насколько хватит сил! И учиться буду, и работать, и внимательно слушать все, что разумно и красиво. Но ради Бога, пока не выносите мне окончательного приговора, не сердитесь на меня и не отвертывайтесь. М<ожет>б<ыть>, я еще и восстановлю Ваше прежнее к себе расположение.

Теперь немножечко о деле. Так как моя повесть в «Сиб<ирский> Сб<орник>» не принята, а другого рассказа я написать не успел, то выходит, что в «Сиб. Сб.» я не попаду. А попасть хотелось бы, и отнюдь не из самолюбия, а потому, чтобы принести и свою капельку на суд широкой публики. Кроме того, об этом просят и товарищи. В моем распоряжении есть один только, дважды читанный Вами рассказ «Настасья», который с Вашими поправками находится сейчас у меня. Его мне вернули из «Современника». Евгению Александр<овичу> Ляцкому он не понравился. Да и Вам он, кажется, не совсем по сердцу². А между тем ничего лучшего, вероятно, я не напишу пока. Есть у меня тема одна, но ее надо долго обрабатывать; если смять в 1–2 листа, после буду каяться, как каюсь теперь над «Ханств<ом> Батырбека», которого я тоже скомкал. Вот и хотелось бы мне знать: приемлема ли «Настасья» в «Сиб. Сб.» или нет? Не откажитесь черкнуть мне два слова об этом³! Я же, чтобы время не шло даром, буду кое-что тут делать и, м<ожет> б<ыть>, хоть в хвосте да приволокнусь в «Знание». Я понимаю, что попасть туда — большая

честь, и «Настасья», вероятно, слишком слаба, но чем богат — тем и рад, и эту несчастную девку, шатавшуюся по «заграницам» и по Петербургу 2 года⁴, я все-таки пошлю на суд редакц<ионного> комитета (Анучину), и, если она плоха, Вы так ему и напишите, и я нисколько не буду претендовать, если мне опять вернут ее.

Приношу в Вашем лице «Современнику» глубокую благодарность за теплый, доброжелательный отзыв о моей книжке⁵. Такой отзыв многому обязывает и действует куда как благотворнее отзывов [насыщенных] с оскорбительными фразами, как у Вяткина⁶.

Редактором «Жизни Алтая» я теперь не состою. Состою сотрудником и веду литературный отдел в этой же газете. Врачи признали у меня в сильной степени неврастению и переутомление и гонят отдыхать, но мне как-то смешно это: какой же отдых в эти годы, когда без дела и два дня прожить скучно.

Готовится у нас к изданию алтайская книжка. Думаем печатать ее в Петербурге. Материал собран, и книжка должна быть чистенькая, кое-какое представление можно составить о нашем Алтае. Когда выйдет в свет (вероятно, в октябре), я немедленно же Вам на суд пошлю экземпляр. Называться она будет «Алтайский Альманах»⁷. Гуркин нарисовал обложку и часть заставок. Участвуют еще двое молодых художников. Судьба книжки очень меня занимает, и я теперь все волнуюсь, убеждаю Вершинина, издателя «Ж<изни> А<лтая>» не скупиться, печатать в Петербурге, а не в своей барнаульской типографии.

Когда сдам материал — поеду в горы. Уже приобрел телегу, лошадей и проч.

Ради Бога не забудьте меня в глуши нашей и напишите хоть немножко. Адрес всегда один: Барнаул, Георгию Дмитриеву Гребенщикову.

Искренно, от всей души, желаю Вам здоровья, бодрого настроения и всего светлого и лучшего, так необходимого для Ваших работ и для всех нас, учеников и друзей Ваших.

Любящий и преданный *Георгий Гребенщиков*.

13. 9 августа 1913, Шемонаиха

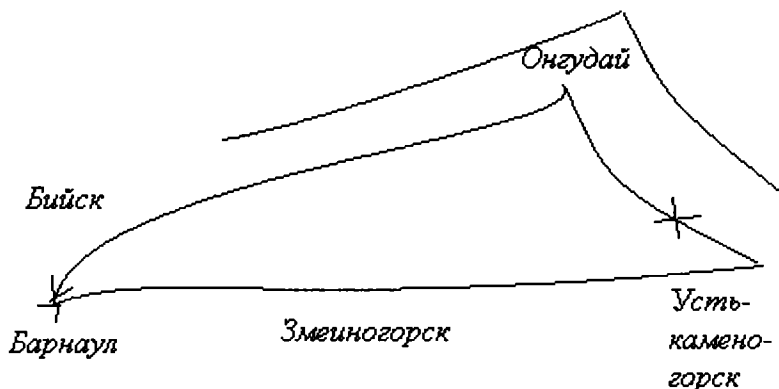
9 августа 1913 г.

с. Шемонаиха, Змеиногорск<ого> у<езда>

Дорогой, добрый Алексей Максимович!

Спасибо Вам сердечное и душевное за ваше маленькое, хорошее письмо¹. Оно свалило с души моей тяжелый камень.

Теперь я с семейством (жена и сынок) находимся в пути, меряем 6 сотню верст на паре лошадей по горам и предгорьям Алтая. Вот так:

На месте X находимся мы. Теперь дорога все в гору, до Онгудая 400 верст, да до Барнаула от него будет верст 500. Надеемся все выполнить до 20–25 сент<ября>. Едем просто без задней мысли, отдыхаем, дышим воздухом, спим в палатке, иногда в ней нас держит по 2–3 суток дождь. Чувствую, что отдыхает и тело и душа. Набравшись сил и духу, думаю ехать в Питер выпускать свой «Альманах»² и II книжку «Сибирских Просторов»³.

Не знаю, будете ли Вы меня бранить за это, но II книжку я решил отдать тому же Издательскому Т<овариществу>ву. Правда, оно ничего мне не платит, хотя первая книжка почти разошлась (осталось 300–350 шт<ук>). Но ко мне они все отнеслись хорошо, и я уж дал слово, что издам II кн. у них же. Е.А. Ляцкий предполагал издать у «Огней», но там еще не решен вопрос насчет беллетристики.

II кн. подбираю тщательно, не так, как I-ю. Сюда надеюсь внести рассказы наиболее удачные и законченные, впрочем, сам себе я не судья; лишь бы было все наиболее отделано мною, а об остальном пусть судят другие.

Ничего, кроме «Настасьи» в «Сиб<ирский> Сб<орник>» дать не мог. Теперь в кочевой обстановке с трудом пишу даже письма. За очерки примусь осенью или зимою. Тогда же на суд Ваш пришлю и что-нибудь из рассказов. Все-таки нынче я имею возможность не спешить с ними, не сжимать их в 300–400 стр<ок> для газеты, хотя все еще завишу от усмотрения судьбы.

Извините за торопливое, нескладное письмо, писанное на беседке тележки⁴.

Напишите, пожалуйста, верны ли слухи о том, будто Вы приедете в Россию⁵? Вообще напишите о себе, если можно, побольше. Как «Современник»? И когда мы дождемся полного издания Ваших сочинений⁶? Это занимает многих, не одного меня.

Я не оставляю надежды увидеться с Вами в недалеком будущем, но хочется иметь о Вас больше сведений, о Вашем здоровье, настроениях, планах, работах... Это, м<ожет> б<ыть>, нескромно, но признаюсь — все это так дорого и близко для нас многих!!

Дорогой Марии Федоровне⁷ земной поклон! Послал бы ей хороший букет полевых мальв, они здесь так хороши, да далеко. Недавно кое-каким питерцам послал на пробу по рамке алтайского меду. Можно ли послать Марии Федоровне, и как? И не обидится ли она? Мне хочется дать физически почувствовать Алтай, а мед ведь с его цветов...

Преданный Вам всею душой
Георгий Гребенщиков.

14. 8 ноября 1913, Санкт-Петербург

8 ноября 1913 г.
С-Петербург, Фонтанка, 38, кв. 21.

Дорогой, добрый
Алексей Максимович!

По Алтаю я шатался до глубокой осени, а теперь, уладив дела с барнаульской газетой «Жизнь Алтая», то есть испросив продолжение отпуска, приехал в Петербург, чтобы немного подтянуться и устроить кое-какие дела.

Затеваю издание II сборника рассказов. Материалу подходящего скопилось достаточно, а если бы прошли два новых, только что написанных рассказа, то пришлось бы часть даже выбросить. Книжка подбирается более стройная и более грамотная, чем первая. Издавать желает то же Т<оварищест>во, а также и «Огни». Мне хотелось бы в «Огнях», но совестно переключивать, тем более что у Т<оварищест>ва дела слабы и оно мне не может уплатить деньги за проданную I-ю книжку. Если уйду, скажут: «Вот денег не дали и ушел...». Все-таки, кроме того, я благодарен Т<оварищест>ву, что оно меня издало. Но вопрос с выпуском II сб<орника> может затянуться до будущей осени, т.к. мне хотелось бы во II кн<игу> включить «Настасью», а судьба ее все еще для меня неведома.

Включать же ее, не напечатав в «Сиб<ирском> Сб<орнике>» или другом издании — я не хочу. Хочу, чтобы предварительно была она, наконец, пропущена авторитетной редакцией в печатный станок¹.

Из Сибири я много получаю запросов о судьбе «Сибирского Сборника», но я и сам ничего не знаю и молчу, не отвечаю товарищам. Решаюсь вот спросить у Вас: каково положение молодых сибиряков, собранных Вашей заботливой рукою воедино? Могут ли они рассчитывать выступить под знаменем «Знания» и если могут, то когда²?

Я боюсь, что, м<ожет> б<ыть>, мои вопросы не совсем своевременны, что, м<ожет> б<ыть>, следовало бы терпеливо ждать, но я рассчитываю на Вашу снисходительность к авторской нетерпеливости и буду ждать хоть маленького письмаца.

В.С. Миролюбов затевает популярный журнал³. Скоро выпустит объявление, а пока молча работает и даже не сказывает название журнала. Под его крылышко слетаются многие бывшие его сотрудники, а также и молодые. Мое впечатление таково, что его многие любят, а он такой вдумчивый и основательный редактор, что хочется верить в успех его начинания. У меня он взял два рассказа: один поудачнее, другой, на мой взгляд, послабее⁴.

В ноябрьской кн<иге> «Современника» появится мой рассказ «Волчья Жизнь»⁵; хотел бы я, чтобы Вы его пробежали. Он небольшой. «Современник» реформируется, и что там завелось... Печатаются, на мой взгляд, дрянные, прямо-таки дрянные стихи и беллетристика весьма — так себе... Вообще с болью в душе чувствуется Ваше отсутствие и отсутствие Вашего влияния⁶. Больно, очень больно сознавать это!

В прошлом году не удалось осуществить мечту о поездке к Вам, несмотря на то, что в прошлом году мои материальные дела обстояли лучше. Нынче я уж и не мечтаю к Вам поехать, но мечтаю все-таки увидеться — в России, куда Вы обещали приехать. Только опять-таки боюсь я за хамские наши порядки, и когда приходит жуткая мысль, что Вам могут сделать неприятность — готов кричать: «Дорогой Алексей Максимович! Не ездите к нам!..»

С нетерпением жду Вашего письма, а в нем обязательно словечка о Вашем здоровье!

Душа к Вам просится, а сердце болит, болит...

Любящий Вас, глубоко чтущий и сердечно преданный

Георгий Гребенщиков.

* Так в А (Ред.)

15. 1 апреля 1914, Барнаул

1 апреля 1914 г.
г. Барнаул

Дорогой Алексей Максимович!

Все боялся за Вас, и за Ваше здоровье, и за «неприкосновенность» не только со стороны предержавших, но и со стороны бесчисленных интервьюеров, корреспондентов и проч. и проч.¹ А когда прочел Ваше письмо в «Р<усском> Сл<ове>»² — так обрадовался, что решил и сам беспокоить Вас напоминанием о себе...

Но пока только этим напоминанием и ограничусь, да еще просьбой: не черкнете ли хоть пару строк? А то, как-то думается, будто Вы и из сердца выбросили всех нас, сибиряков... За что, если это так?.. Но я объясняю молчанье Ваше на наши письма только Вашей болезнью и многими хлопотами с переселением на родину.

Черкните ради Бога: где Вы будете в августе? Я буду составлять маршрут своей поездки в Россию так, чтобы заехать повидаться наконец-то с Вами.

Всего, всего Вам хорошего, дорогой, любимый наш, родной!

Ваш *Георгий Гребенцов*

16. 14 мая 1914, Колыванское

14 мая 1914 г.
с. Колыванское, Томской губ.

Дорогой, добрый Алексей Максимович!

Спасибо Вам большое за Ваше ласковое письмецо!¹

Нет, «зазнаваться» не способен я. Я способен вспылить, надерзить кому-нибудь, но «зазнаваться» — нет. Да и не вижу я в этом никакой разумной цели, напротив, думаю, что это крайне неумно. Я отлично понимаю, что как бы скромн, незаметн и даже невзрачен я ни был — то, что я напишу, если оно будет удачно, — прочтут, а если прочтут, значит, и мое мне отдано. Также знаю я, что внимание читателя есть одолжение мне, кредит, который многому обязывает. Вообще я отлично сознаю всю ответственность свою перед титулом «писатель». Это, на мой взгляд, священный сан, и если кто хочет его носить, должен неустанно помнить о его святости. Слава Богу, я помню это очень хорошо, и это спасает меня от многих дурных дел. Кроме того, я усвоил себе очень простой завет: чем меньше худа

сделаешь, тем лучше тебе же самому.

А сверх всего искренно сознаюь Вам, что чем дальше, тем больше убеждаюсь я в своих бесчисленных недостатках для писательской деятельности. Главное — у меня нет эрудиции, знаний. Это меня угнетает, и в то же время я не в силах удовлетворить жажды своей. И времени мало, и средств, и жизнь как-то все так мотаает, что, кажется, так в оглоблях ее и падешь, подохнешь...

Вот теперь переселился в глухой уголок Алтая; думаю здесь пожить, почитать и поработать подольше, а где-то в глубине души опять шевелится бродячий человек, опять куда-то тянет на народ, к ключу кипучему жизни... Так вот и шатаюсь, перекатываюсь «каменем катучим»... При таких условиях не может быть и удовлетворения своими работами, к которым все только еще готовится, все только собираешься заняться ими. Только тем и живешь, что в душе пока что звенит какая-то хорошая нотка, теплится что-то молитвенное к жизни и природе. И даже не требуется «раскалять его докрасна», лишь бы это не угасло, не остыло, и тогда, м<ожет> б<ыть>, что-нибудь в общем и насобирается...

На днях в Питере должна выйти вторая моя книжка². Если удосужитесь — пробегите ее и черкните мне. Я в ней хотел быть тоже скромным, но пытался дать более целостную книжку, более тщательную что ли... Удалось ли мне это — не знаю.

К осени попытаюсь заново отработать «Сельскую Знать» и закончить пьесу³. Не знаю тоже — удастся ли. А хотелось бы осенью повидать Вас обязательно.

Горячо Вас обнимаю, как старшего, родного брата, который так умело, чутко и осторожно руководит моими первыми шагами.

Любящий Вас
Георгий Гребенщиков.

P.S. Милый Алексей Максимович! Меня по отчеству зовут «Митричем», когда же Вы пишете «Михалыч», то на почте артачатся, заказные письма с трудом выхаживаю. Пишите просто: Георгию Гребенщикову.

Г.Гр.

17. 16 января 1915, Томск

16 января 1915 г.
г. Томск
Духовская 15, кв. 2.

Дорогой, добрый Алексей Максимович!

Нигде ничего о Вас давно не слышно, кроме этого первого

подложного письма, появившегося в «Б<иржевых> в<едомостях>»¹, т.е. вернее, кроме тех немногих слов, которыми Вы опровергли выдумку «Б.В.»^{*}.

И то, что Вы молчите, — мне говорит больше в тысячу раз, чем громоносные статьи Л. Андреева³. Я думаю, что теперь и Бог и Дьявол — молчат, отвернувшись от мира. Стыдно им за человека, столь премудро проходившего столетия для того, чтобы устроить адский, кровавый хоровод народов, и чтобы в океане крови потопить все благо человечества.

Что бы там ни ожидали в будущем, как бы ни оправдывали войну — будь проклято все на свете, что в ней нуждается!..

Не нахожу в совести своей ни одного мотива в ее пользу, хотя житейские истины и преподносят рассудку сотни выкладок: и то, что до войны все мы были какие-то дремотные и менее отважные, и более эгоистичные, и менее сплоченные... А теперь-де и барыни штаны солдатам шьют.

Но не верю я в эти штаны. Вот кончится война, на улицах сел и городов появятся сотни тысяч калек, и те же барыни будут, морщась, отворачиваться от них... Теперь же, как убойную скотинку, оглаживают, чуть не целуют — ступай, милая, умри со Христом!..

Не оттого, что нервы плохи, прихожу я в отчаяние, а оттого, — что зверь обожествлен людьми и давит всю нашу бедную планету. А между тем какую нежною любовью хотелось бы ее залить, ее — мать цветистых и осиротевших теперь полей, и синих гор, и румяных зорь, и печальных песен...

Ну, не умею я сейчас сказать лучше. Только хочется не думать о «моментах», страшном и неизвестно насколько затягивающемся. Хочется думать о том, что далеко от железа и крови. М.б., это малодушие?.. Пусть, но думается — легче пожертвовать собою один раз, чем тысячи раз переживать боль души за тысячи ненужных жертв другими...

Сейчас я шел из «Дома науки»⁴ и мне по обыкновению встретились группы австрийцев... Мороз свыше 30°, а они в своих куртушках прыгают и то и дело протягивают руку: «Давай пять копеек», — вот русская фраза, которую им пришлось выучить прежде всего. Все города и даже деревни Сибири наполнены ими, они мрут от тифа, мороза, цинги — сотнями в день во всей Сибири... А что делается там, на линии огня, в окопах?.. Что делается с нашими в плену?.. И вообще: что, что делается на земле?!

^{*} В «Р<усском> Сл<ове>» отрывок из новой повести² мы, конечно, с жадностью проглотили. (Примеч. Г.Д. Гребеницкова).

Я понимаю, человек должен стать механизмом, чтобы не чувствовать, не жалеть, не любить, не радоваться... Он завоюет тогда технику, построит из мира одну скрежещущую, страшную, замечательно удобную машину и будет ею управлять... Но человек тогда должен ли быть на свете?.. Нет, потому что его мягкосердечие помешает прогрессу, который требует жестокости, крови, бездушия.

А впрочем — выругайте Вы меня, дорогой Алексей Максимович, за эту вспышку отчаяния, м<ожет> б<ыть>, мне будет легче, тем более, что я, наверное, не прав и по близорукости своей не угадываю грядущего истинного Человека!

Посылаю я Вам рассказик — напечатанный в «Сиб<ирской> Ж<изни>». Если есть часок — прочтите.

А если другой есть часок — напишите мне немного о «Сиб<ирском> Сборн<ике>», т.е. о том, где материалы для него⁵. Тут публика требует своих рассказов от Анучина, а Анучин все на Вас указывает. Неприятная это вещь с сборн<иком>, но надо с ним покончить, тем более, что у многих сибиряков есть-таки желание хоть своими силами его издать.

Преданный Вам всей душой

Г. (Дмитр.) Гребенщиков.

Ради Бога откликнитесь: тут в Томске все желают что-нибудь знать о Вас, о Вашем здоровье, работах, думах. Обо всем, что касается Вас. Меня всегда радует, когда я вокруг слышу и знаю о той большой любви к Вам, в лучах которой Вы стоите всегда огромный и светлый на темном фоне Руси.

18. 27 февраля 1915, Томск

27 февр. 1915 г.

г. Томск

Духовская, 15.

Дорогой, любимый
Алексей Максимович!

Спасибо Вам за ласковое слово и за добрые советы.

Я только что закончил свой один рассказик, как получил от Вас письмо¹. Конечно, я опять засел за него и многие страницы перепачкал, переписал заново, многие просто помарал. Что вышло — судите со всей строгостью. Посылаю в Ваше полное распоряжение свою «Любаву». Конечно, буду счастлив увидеть ее в новых сборниках рядом с Буниным, Шмелевым и другими молодыми да сильными².

Насчет моего участия в Вашей газете³: конечно, это было бы для меня великой честью, если бы я мог там на что-нибудь пригодиться. К осени же я собираюсь к Вам поближе, в столицу, хотя бы на зиму. В публицистике я слаб, но для черной, какой-нибудь административной работы энергия моя не пытана и пока не истощилась.

Теперь еще о «Сиб<ирском> Сб<орнике>». Несчастная его судьба. Уверяют гг. комитетчики, что они думали, что сб<орник> давно похоронен. Однако я заставлю их проснуться и обновить, дополнить материал, или же ликвидировать его, тем более что некот<орые> вещи из старого материала уже напечатаны.

Подробнее напишу в следующий раз. Теперь же позвольте еще раз поблагодарить Вас за внимание и ласку.

Всей душою Ваш *Г.Д. Гребенцов*.

19. 31 марта 1915, ⁴Томск

31 марта 1915 г.
Томск

Дорогой
Алексей Максимович!

Моя жена, хворенькая Людмила Николаевна¹, едет показаться столичным врачам, а кстати и поглядеть на весенний Петербург.

Я поручаю ей лично отвезти Вам мой глубокий поклон, а в поклоне, как водится, и просьбу: если отосланный мною Вам «Любавин муж»² нехорош для Вас, то продиктуйте ей недостатки, а она запишет (иначе — у нее плохая память) и привезет мне вместе с рукописью рассказа.

Я эти дни сильно прихворнул и пишу кое-как, почему и краток.

Жду Вашего письмеца о Ваших ближайших планах. Еду на лето на Алтай, который всегда хорошо залечивает язвы, сделанные городом.

Крепко Вас обнимаю, любимый, добрый Алекс<ей> Максимович!

Преданный Вам *Г. Гребенцов*.

20. 15 июня 1915, Кольванское

15 июня 1915 г.

близ с. Кольванского на Белом озере.

Дорогой, любимый Алексей Максимович!

Только что вернувшись из Петерб<урга>—Харькова Людмила Николаевна рассказала мне о Вашем и дорогой Марии Федоровны ласковом приеме ее и о Вашем желании получить от меня к осени два добрых рассказа.

Искренно благодарю Вас и за внимание к скромной паломнице к Вам, и за доверие ко мне, которое многому обязывает и, во всяком случае, надеюсь, даст хорошие плоды.

Конечно, я постараюсь оправдать его и прислать хотя бы один рассказ, а также думаю послать на суд Вам и Марии Фед<оровне> свою пьесу, которая наконец-то скоро будет закончена¹.

Как ни протестуй, ни упрямышуй дух против войны и всего, что с нею, он невольно гнется под бременем всех тяжестей подлого лихолетия и не только продуктивно работать, но и как-нибудь не можешь без насилия над собою. Кроме того, безусловно, в самой психологии русского общества произошел сдвиг и, простите мою дерзость, мне кажется — в сторону ложно-напыщенного националистического патриотизма². Люди, и очень хорошие, пишущие в журналах, впадают в такие противоречия с тем, что исповедовали еще вчера, что не в состоянии, конечно, помнить человеческое в большом значении этого слова. Какие-то ложно-радужные надежды на будущее, тогда как это будущее — все же будущее после тяжчайшего преступления цивилизованного человечества.

Словом, такое вот — выворачивает душу наизнанку и хоть и знаешь хорошо, что надо быть к услугам самой жизни, простой, текучей, как река, а все же из колеи выбит и не можешь управлять своими нервами, которые как-то особенно чувствительны даже и в пустяках.

М<ежду> пр<очим>, о «Сиб<ирском> Сборнике». Г-н Вяткин без согласия ред<акционного> к<омите>та напечатал в «Сиб<ирской> Ж<изни>» письмо, из которого мы узнаём, что он виделся и беседовал с Вами и что все авторы должны теперь обращаться к нему³. Заявляю Вам от чистого сердца: я к нему не пошлю ни одной строчки. Не потому, конечно, что я не переносу этого литератора, а потому, что обижен за комитет, функции которого этот господин самовластно взял в свои руки. И по многим другим причинам, о которых говорить здесь неуместно. Позвольте мне относит<ельно> «Сиб<ирского> Сб<орника>» совершенно игнорировать Вяткина и

обращаться непосредственно к Вам⁴.

Что касается «Любавина мужа», то заглавие его я не могу изменить, не подберу удачнее, а здесь оно подходит потому, что Любаве *нужен* муж, а главное, что Любава такая баба, которая *сама себе ищет* мужа и выбирает. «Любава» — не годится потому, что у меня уже есть «Настасья»⁵. Относительно напечатания рассказа в «Соврем<еннике>» я конечно ничего бы не имел, если бы принципиально был согласен с г. Лундбергом⁶, который предлагает уничтожающие условия оплаты (40 р. лист). Здесь дело не в деньгах, а в оскорбительной тенденции — сортировать не работу, а имена: на большие и маленькие, на столичные и провинциальные. Ваше дело — судить меня за это самыми строгими мерами, но я протестую против расценки нас г-дином Лундбергом. Лучше пусть рассказ напечатается без всякой платы. На эту тему обязуюсь дать Вам личные объяснения при свидании, которое да будет предстоящей осенью.

Но дело-то ведь в том, что рассказ «Любавин муж» предназначался мною для сборника «Русь», о чем Вы предложили мне еще в январе⁷. Конечно, Вам лучше видеть, что и куда больше подходит, но я для «Соврем<енника>» этот рассказ не предназначал, пока осенью лично не выясню принципиально указанное недоразумение.

Вы не сердитесь на меня, дорогой Алексей Максимович; и когда Вы узнаете условия моего материального существования, Вы удивитесь, как мало я имею и как много делаю за это малое. Мой медный грош всегда блестит, как золотой, и это мое умение — сделать на него столько, сколько другой хитрец не сделает и на империал. Однако за последнее время мне опостылела нужда и каторжная работа за гроши, тем более что за них я никогда ничего не делал, а делал за совесть. Приличных рассказов я сумею написать в год 3–4, и надо же хоть сколько-нибудь пощадить материал и не разбрасывать его по газетам «на пропитание». Вот почему я вправе желать, чтобы то, что мною сделано за совесть, не было предметом оскорбительной торговли, а дало бы мне хоть маленькую возможность делать добросовестно следующую мою работу.

Еще раз простите мне этот параграф моего письма, параграф, на котором я остановился с краскою стыда на лице и к которому не вернусь, если Вы меня осудите.

Жду от Вас весточки, хотя и знаю, что Вам некогда. Ваши несколько строк, независимо от того, ласковы они или суровы, на целые недели ободряют меня, да, думаю, и всякого. В этом прямом красивом почерке есть что-то очищающее, светлое, как струи прекрас-

ного Белого озера в горах, на котором я пишу это письмо, сидя в киргизской юрте и изредка выглядывая через дверь на цепь синюющих вдалеке колоссальных альпийских высот Тигирецкого белка⁸.

Всего, всего Вам хорошего; крепко бью челом Марии Федоровне.

Преданный Вам и любящий
Георгий Гребенщиков.

21. 12 августа 1915, Колыванское

12 августа 1915 г.
с. Колыванское.

Дорогой Алексей Максимович!

На ту часть Вашего письма, где Вы говорите о «Сибирском Сборнике»,¹ ничего не могу ответить по существу, т.к. не состою членом комитета и живу далеко от Томска. Как автор — участник Сборника скажу, что и мой принятый в Сб<орник> рассказ напечатан в «Современном Мире»², и Шишков напечатал своего «Ваньку Хлюста» в миролюбивском журнале³, и еще кое-кто изъясил свои вещи⁴. Как посторонний наблюдатель я лично на этот сборник махнул рукой. Но не отказался от надежды увидеть в свете новый сборник, под Вашим скипетром, но только на других началах и без помпы, без широковещательных деклараций, как это сделал «Комитет» о сборнике⁵, который им же погребён.

Я предлагал бы следующее:

21 сент<ября> исполняется 80 лет со дня рождения Потанина*. Этот старик очень больших размеров, хотя по обык<овению> родина его еще не оценила в должной мере. Все прошлые заслуги его связаны с тем немногим и многим, что есть культурного и жуткого** в Сибири. Идеалист самоопределения областей и каторжанин — старик этот собою представляет монументальную фигуру, около которой группируются все лучшие течения обществ<енной> и творческой мысли Сибири, и вот его-то бы и взять исходной точкою для сборника. Именно: статья должна быть о нем, а стало быть, и о Сибири, о ее тернистом полувеке прошлого и о проблемах ближайшего будущего, кстати, чуть-чуть задетого событиями и веяниями времени⁷.

* Хорошо бы в «Современнике» дать о нем статью в сент<ябрьской> книжке⁶. (Примеч. Г.Д. Гребенщикова)

** Так в А (Ред.)

Что же касается рассказов, то они должны быть, конечно, сибирских авторов и по возможности о разных уголках Сибири. Кстати, у нас имеются, хотя и скромные, изобразители разных людей Сибири. Я даже предложил бы с своей стороны наметить их заранее и просто пригласить, и таким образом, мне кажется, книжка получилась бы цельная, объединенная одной идеей. Само собою, к материалу должно отнестись с возможной строгостью, и пусть выход книжки даже запоздает, лишь бы она вышла хорошо, умытою, в чем, впрочем, трудно сомневаться при Вашем руководстве.

Все-таки нам, сибирякам, совестно, что мы продемонстрировали перед Вами нашу литературную несостоятельность. Но да позволено мне будет Вам сказать, что рядом с виною членов Комитета стоит и другая причина. Как Вы, вероятно, помните, Вам послан материал еще на Капри и в такое время, когда Вы вот-вот переселитесь в Россию. Я думаю, Вам было не до «Сиб<ирского> Сб<орника>», материал которого к тому же Вас не удовлетворял, и это было причиною того, что Вы в течение года не давали знать о его судьбе. Затем переселение в Россию, новые впечатления, вопросы и события — вот причина проволочки. Следует просить Вас — те же причины поставить в числе смягчающих вину обстоятельств и К<омите>ту.

Что касается имеющегося материала, то думаю, из него можно было бы без нарушения литер<атурной> этики выбрать кое-что для нового сборника, посвященного Потанину. Впрочем, мое предложение не претендует на обязательное исполнение его, и я все предоставляю Вашему опыту, чутью и доброте по отношению к нам, Вашим ученикам и меньшим братьям.

С Вяткиным я ничего не делил. Я просто не выношу его за многое и считаю, что я делаю это по чистой совести, чем не может похвалиться он. На том о Вяткине и кончен сказ.

В октябре думаю приехать в Питер. А недели через две пошлю Вам пьесу: «Из песни слово». Судите сами и дайте на суд Марии Федоровне⁸, которой шлю земной поклон.

Преданный Вам Г. Гребенщиков.

Моя жена Людмила Николаевна шлет Вам свой искренний привет.

22. 25 декабря 1915, Лесной

25 декабря 1915

Лесной, Новая ул., д. № 12, кв. 10.

Дорогой Алексей Максимович!

Придираюсь к случаю — Рождеству — пишу Вам, вместо доброго обычая старины — христославства. А пишу потому, что часто позоывает к Вам пойти, да без спроса не решаюсь, а спросить не на чем — телефон здесь во всем околотке один, в булочной, да и тот вечно занят.

«Летопись» еще не всю прочел¹. Не одобряю Вольнова. «Первый круг» его жизни величиною вышел в трехкопеечник². Вся суть как будто в том, как жил и бродил он с своими копейками. А уж его грязные подштанники совсем неубедительны. Мы знаем хождения «По Руси» другого автора³ и, читая его, сердце держим оберучь⁴, как бы не лопнуло от тоски или от радости, однако же этот автор никогда не пытался нас разжалобить копейками. Какого черта, в самом деле: болтал, болтал и вышла пустая, совсем малоинтересная корреспонденция — отчет о некотором расстоянии, сделанном пешком с копейками в кармане.

Прелестный рассказец Замиралова. Упористый, как окунь, красноперый и быстрый его «Кира»⁵. Такой не пропадет.

Радуюсь за сибиряка-земляка!

О Ваших очерках не говорю⁶. Я к Вам пристрастен. О Вас я могу говорить только очень высоким стилем, а в лицо Вам как будто это неудобно.

Маленькая переводная заметка Гейне — положительно великолепна⁷. Нравятся мне стихи Герасимова⁸ — очень. На эту тему невозможно, мне кажется, написать стихи сильные. Правда он не новой школы, к какой принадлежит Маяковский, рекламируемый в «Летописи» г-ном Венгровым⁹.

Кстати — г. М. Левидов меня убил. Я еще раз убедился, что почтеннейшие петербургские критики не читают книг, о которых пишут, а натянут нижнюю губу, сквасят физиономию и провеют страницы, как колоду карт. От этого получилось, что мои киргизы гибнут от... пьянства... Меня могут ругать, не признавать, презирать, но зачем клеветать на целый народ: киргизы никогда в рот вина не брали... А г. Левидов: «А! Инородцы!.. Значит их спаивают спиртоноши...» Тяп-ляп и... ну их к язве, таких критиков¹⁰.

Беру себя за шиворот и укрощаю!

Я почему-то всегда верю, что Вы меня за мой «ндрав» не шибко будете ругать. А если и поругаете — мне это в пользу.

Смешно сказать — от Вас я даже оплеуху бы стерпел. Так велико мое к Вам пристрастие...

Вот и все пока.

Очень хочу Вас видеть. Чутьочку хочу поспорить о «Потанине»... Не так ведь легко согласиться, что он негоден для журнала¹¹...

Потом хочу просить Вас: протянуть меня на Шалапина в Мариинский. Никогда еще не слыхал этого большущего артиста.

Ваш всей душою
Георгий Гребенщиков.

23. 29 января 1916, Петроград

29 января 1916 г.
Петроград

Дорогой Алексей Максимович!

Посылая Вам на предварительный суд 1-ю ч<асть> «Чураевых», прошу посмотреть на эту работу, как на черновую. Ответить мне прошу по существу — годна ли она для того, чтобы писать еще две таких же части. В тех 2-х частях развернутся те события, о которых я Вам говорил, т.е. Викул едет в Москву, там с Василием видит эту душу России и встречает искательницу приключений, будущую свою жену. Три этих человека будут изображены на фоне московской культуры с их разными взглядами, вплоть до возвращения на моторной лодке в горы. А в III части будет завязан узел, в котором старая чураевская жизнь умрет, рухнет. На одной страничке этого не передать, но в образах у меня все намечается. Если Вы одобрите первую часть — вторая и третья выйдут у меня, надеюсь, живые, интересные. Если не одобрите... попробую все-таки закончить эту вещь и показать Вам в целом виде¹.

А пока спешу играть в солдатики², что, вероятно, скоро надоест, и, м<ожет> б<ыть>, к Пасхе заверну в Питер, а потом уеду в Сибирь.

Ответ Ваш буду ждать по временному адресу: Действующая Армия, 6 Армейский Корпус, 2-ой Сиб<ирский> Передовой отряд. Г.Д. Г<ребенщико>ву.

Всего хорошего. Не забывайте любящего Вас и преданного

Георгия Гребенщикова.

24. 30 ноября 1916, Карпаты

30 ноября 1916 г.
Карпаты

Дорогой Алексей Максимович!

Как ни тяжело мне было — все-таки я сдержал слово, кончил II часть, которую в 3-ий раз переписывал ночами здесь буквально под непрерывный гром орудий.

Плохо ли, сносно ли написал ее — судите сами. Только я Вам посылаю ее и жду Вашего суда с этим же курьером. Точно так же даю слово — к 1 февр. окончить III часть, которую, если не попаду в плен, пришлю таким же образом.

Если помните — мы с Вами уговорились так: я посылаю II часть, самую сомнительную, и Вы решаете, стоит ли печатать вещь, не дожидаясь III части.

Курьер мой будет ждать сначала переписку рукописи, потом Ваш ответ. Если можете — прочтите вне очереди.

Хохлов совсем расхохлился¹. Никуда не годен стал, отравившись властью и хорошими условиями. Думаю, что в январе придется с ним расстаться.

Крепко жму Вашу могучую руку и опираюсь на нее.

Ваш *Георгий Гребенщиков*

Значит, 3 вопроса, на которые я жду ответа: 1) Будете ли печатать «Чураевых» в «Летописи», 2) Когда начнете? 3) Как оплатите?

Посылаю Вам рукопись с лучшим моим солдатом, Георгиевск<им> кавалер<ом> Александром Медведевым². На него полагаюсь вполне. — Можете спросить его, как мы живем и работаем.

25. 20 января 1917, Карпаты

20 янв. 1917 г.
Лесистые Карпаты.

Дорогой Алексей Максимович!

С трепетом ехал я сюда, надеясь получить Ваши письма, но до сих пор ни одного не получил. В полевой конторе сказали, что заказных писем в армию не принимают. Удивляюсь, что так неприятно складывается все вокруг моих «Чураевых». Тут пол-января прошло в унижительной процедуре призыва и перео-

свидетельствования. Теперь я получил отсрочку до 1-го июня, но в отряде такая масса всякой бумажной отчетности, всяких хозяйственных забот и проч., что не доходят руки до работы над повестью.

Будь под руками Ваши указания, я все-таки урывками чистил бы и обрабатывал по страничке в день, но без этих указаний как-то нет усердия. Подожду еще и примусь.

Вы советуете обождать, но я Вам должен сказать, что ожидания и медлительность мне иногда вредят. Я выхожу из тона, холодею к работе и перестаю верить в свои силы. Когда же я спешу, горю, волнуюсь — я чувствую кое-какую силу и вкладываю ее в работу. Мне очень грустно, что, видимо, для «Летописи» Вы не берете повесть и что появление ее в свет откладывается, б<ыть> м<ожет>, на год. Целый год для автора, выступающего с большой вещью впервые — срок убийственный. Особенно в наше подлое время, когда за год Бог знает как упадет курс ценностей. Я все-таки имею дерзость думать, что появление в свет «Чураев<ых>» теперь было бы своевременно.

На исправление и обработку II части мне потребуется две недели. На окончание III части самое большое месяц, и к 1 марта вещь будет целиком готова.

Может быть, Вы пересмотрите Ваше решение и начнете печатание в марте или апреле?

Ручаюсь Вам, что каяться не будете и читателя не рассердите. *А мне так хочется выйти с этой вещью именно из-под Вашего могучего крыла.*

Вы ведь хорошо знаете, как крепко любим мы и Вас, и все, что с Вами, в Вас и около. Не отталкивайте, не расхолаживайте искренних порывов.

Хохлов¹ едет призываться. Думаю, что ввиду службы его в моем отряде, он получит отсрочку. Держу его в отряде ради Вас, иначе для меня он как помощник почти не нужен. Все думаю, что научится работать и будет со временем более строг к себе.

К другим он очень строг.

Жду Вашего ласкового ответа, дорогой Алексей Максимович!

Крепко обнимаю Вас!

Ваш всей душою
Георгий Гребенников.

26. 17 марта 1917, Карпаты

Алексею Максимовичу Пешкову
Кронверкский 23, Петроград.

ПО СЛУЧАЮ СВЕТЛОГО ВОСКРЕСЕНИЯ РОССИИ ВОЖДЮ
КУЛЬТУРНОЙ ДЕМОКРАТИИ, ИСТИННОМУ СЫНУ НАРОДА,
ДРУГУ СОЛНЦА МАКСИМУ ГОРЬКОМУ СЛАВА, ЧЕСТЬ И
ПЕРВЕНСТВО НА ТОРЖЕСТВЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА
НАРОДНОГО.

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВ.

27. 14 (27) февраля 1918, Борисполь

(14) 27 февраля 1918 г.

г. Борисполь, Полтавск<ой> губ.

Дорогой, милый Алексей Максимович!

Радуюсь возможности написать Вам. Не время теперь делиться впечатлениями, пережитыми мною за последний год, как мы с Вами не виделись, да и возможностей даже вспомнить близких людей за это время было очень мало. Я все время являюсь участником в тех кошмарных событиях, которые принесли конец войны, анархия и гражданские войны, и удивляюсь, что я еще жив и продолжаю оставаться объективным наблюдателем всех ужасов и вопиющей подлости, законнорожденной дочери всех тех болей, от которых в свое время лечило Русь Ваше всегда бодрое и крепкое слово. Одно несомненно: я, как и многие, вероятно, наблюдатели отупел настолько, что, разумеется, не могу теперь нормально мыслить. Выше написал, как видите, фразу: «впечатлениями, пережитыми» и не знаю — можно ли так выражаться. За последние полгода не удалось написать ни одной строчки и ничуть об этом не жалею. Могу передать все пережитое за это время одной фразой: «как будто я все время провалился в грязной луже, кровавой и вонючей»... Можно было бы выразиться еще фигуральнее, но бумага покраснеет. И однако, представьте Вы себе, несу в себе какую-то упрямую надежду — что-то сделать в будущем очень порядочное из всего, что вынес. Знаю, что мир нельзя ничему научить словами, но есть какое-то дерзновение надеяться, что слова — единственное утешение человеку и как воспоминание, и как обман, и как мечта, и как грустная песня совести. Но, Боже мой! Никогда не думал я, что человек такой мерзавец! Вот Вы увидите, что он быстро оправдает

все свои пакости и все истолкует себе во благо. Могу судить по себе: после всего пережитого я почувствовал такую жажду красивого; я способен на такую сладкую сентиментальность, я испытываю такую любовь к земле и солнцу, к животным и растениям, что, кажется, сумею написать «Войну и мир» — лучше Толстого — вот до чего доходит дерзость после или в момент отчаяния!.. Ничего нет мудреного, впрочем, если Вы читаете строки сумасшедшего. Было от чего сойти с ума, если даже только знать хронику 12 последних суток под ураганным артиллерийск<им> огнем в Киеве¹. Но ведь вопрос не в личных опасностях, а в ощущении того безумия, которое заставляет Вас быть очевидцем расстрелов, грабежей, неслыханных людских гнусностей, именуемых в целом «торжеством социальной революции». Я понимаю негодяев, которые хотели вас убить и которым вообще стоят на дороге все лучшие люди и все красивое: ведь это напоминает им о их гнойной, омерзительно-преступной, жалконькой душонке. И все-таки я бы сказал, что Ленину не в чем каяться: такие людишки, которые наводняют Русь, должны были рано или поздно сгрызть друг друга, потому что даже Богу «не удались людишки»²... И вот мне кажется, что если мне удастся остаться целым, я напишу в какие-либо — 5–6 лет большую, интересную книгу и думаю, что Вы мне доверяете в этом. И называться она будет очень громко, и бумаги я испорчу много... У меня уже даже намечена общая схема постройки, т.к. я совершаю это преступление с заранее обдуманном намерением. Я, кажется, говорил Вам, что «Чураевых» я писал, начертивши сначала диаграмму. Это очень забавно для беллетриста, но меня это делает в работе более уверенным и упрямым. А то, что я затеваю, стоит драки с разными преградами. И так — я затеваю большую работу, а средств у меня по-прежнему нет, особенно если считать теперешние условия жизни. И стало быть «Чураевы» мне должны быть средствами, а Вы, приобрев* у меня «Чураевых», до сих пор вот уже год держите их в портфеле. Это обстоятельство меня не только беспокоит, но и злит. На книжном рынке беллетристика идет бешено и по бешеным ценам, а «Чураевы» лежат, и я даже не знаю — цела ли у Вас рукопись. Если Вы потеряете ее или она погибнет в пожаре — Вы меня убьете насмерть. *Теперь* «Чураевых» мне не написать ни за что. Да и они нужны мне как этап для перехода к следующей книге. Поэтому, помимо всех разглагольствований, это письмо имеет одну главную цель: я Вас убедительно прошу немедленно решить судьбу «Чураевых»: или Вы ее сейчас же выпускаете, или я передаю ее

* Так в А (Ред.).

другому издательству, напри<ер>, московскому «Слову»³, которое еще в прошлом году готово было издать ее. По правде, если Вы не выпустите «Чураевых», меня жестоко избидите, т.к. я много на Вас рассчитывал. Затем, конечно, нынче, год спустя, договорная полистная плата не может оставаться прежней. Как ни не совестно мне, а приходится оговориться: цена должна быть увеличена по крайней мене в 1¹/₂ раза. Это уж Вы сами понимаете, и совестить меня не станете.

По содержанию сей деловой части письма жду от Вас срочного ответа по адресу: Киев, Банковая ул. д. № 4, Уполномоченному Согора при XI армии — мне.

Сейчас отсиживаюсь от Варфоломеевских ночей⁴ в местечке Борисполе, близ Киева, но скоро думаю сделать вылазку в Киев, где у меня еще масса неоконченных казенных дел. Обнимаю Вас от всей души, дорогой Алексей Максимович, и остаюсь неизменно и искренно любящим Вас Вашим учеником и почитателем —

Георгий Гребеничиков.

28. 2 мая 1919, Ялта

2 мая 1919 г.

Ялта, Ливадийская слободка,
Суворовская ул. д. № 36.

Дорогой
Алексей Максимович!

Измотался я за эти годы, но души и, надеюсь, мозга не растерял. Мне не придется краснеть за то, что я делал, ни перед Вами, ни перед всем «честным миром». А потому — откликнитесь и, если я на что-либо Вам могу пригодиться, возьмите меня к себе. Здесь я как в остроге. Много работал пером и лопатой в земле, жил безбедно и не голодал, но изболел о честных людях. Правда, их везде теперь немного, но около Вас-то они всегда были, и многие уступки и прогресс советской власти недаром приписывается Вашему влиянию на массы и интеллигенцию. Правда, пока что искренние порывы трудовой интеллигенции разбиваются об известную Вам узость и ограниченность новых хозяев, как о ледяные горы. Эх, если бы была настоящая свобода. Здесь можно бы развернуть широчайшую работу, и с каким наслаждением я отдался бы этой работе. Иногда напрашивается так много ярких планов, только бери и делай, а как оглянешься, даже простое слово трезвой критики сказать нельзя...

Может быть, у Вас свободнее — черкните, ободрите, посоветуйте: где можно печататься, где издать «Чураевых»?

С нетерпением жду Вашей телеграммы и затем письма, а если я Вам нужен, то и пропуска в Москву, в котором бы мне была гарантирована неприкосновенность имеющихся у меня документов, рукописей и проч. материалов¹.

У меня за эти годы назрел план очень дерзкой и большой литературной работы², о чем я подробно мог бы познакомить Вас при личном свидании; и конечно, мне нужна будет Ваша поддержка не только моральная, но и материальная.

Крепко жму Вашу руку.

По-прежнему всей душою преданный Вам

Георгий Дмитр. Гребеничиков

29. 29 марта 1922, Париж <?>

29 марта 1922 г.
Адр.: Markplatz 7 ¹¹
Wiesbaden.

Дорогой Алексей Максимович!

Раза два я Вам писал еще из Крыма¹, отчитывался перед Вами в своих приключениях. Вы не ответили². История моих приключений очень длинна и пестра. Но с с-с-ами крайних течений и середины не смешался. Против Вас, как это делали все «умные» люди, не восставал³. Делал свое дело упрямо, всюду сохраняя чистоту совести. В сторону «лженародных» заступников тоже не ушел, а некоторых белых генералов персонально уважаю и теперь, как не утратил самых хороших сантиментов к Вам.

Мои «Чураевы» напечатаны в «Соврем<енных> Зап<исках>», выйдут отдельной книгой в апреле в Париже⁴. Если откликнетесь и пожелаете получить их — пришлю. Книга выходит одноврем<енно> на франц<узском> языке. На английский уже переведена, переводится на немецкий, датский, чешский. На днях подписал договор о продаже для издания 6 своих томов, кроме романа⁵. Занят новым романом и еще одною вещью. Кроме работы литературной, много работал физически: в Крыму был ломовиком, в Константинополе грузчиком, в Провансе во Франции — чернорабочим в одном имени, затем заведовал книжн<ым> складом в издательстве, где печатается мой роман⁶. Очень устал, но бодрости не теряю. Теперь материально оправился настолько, что писателям в Россию направил

посылок и проч. в общей сложности на 25.000 герм<анских> марок (считая с дек<абря> прошл<ого> года). И думаю продолжать сие посильно. Конечно, в первую очередь свои — Шишков, Тренев, Шмелев, Ценский, Елпатьевский, Жихарева⁷ и проч. поменьше — сибиряки. Пока посижу в Висбадене — думаю плотно там поработать. В Берлине устроил свой литературн<ый> вечер с участием артистов Моск<овского> Худ<ожественного> театра. О художеств<енном> успехе писали. Материальному помешало многое. Во всяком случае с ручкой за помощью не хожу, с кабашной эмиграцией не общаюсь, да и «коммунистический» недолюбиваю. Живу особняком и жду хорошей поры в России. Теперь ехать туда считаю бессмысленным, хотя разлучен с семьей. Сын без меня вырос и в письмах из Питера (он там учится) грозно требует меня к отчету⁸. Я же не прочь был бы выписать его сюда, да не знаю — как это сделать. С поклонами к советским чиновникам идти не хочется. Не посоветуете ли Вы мне, не поможете ли?

Буду от Вас ждать письма в Висбаден, куда еду сегодня ночью, а письмо это передаю для Вас через А.П. Пинкевича.

Привет мой Марии Федоровне. Мы с нею мельком увиделись на одном из спектаклей М.Х.Т., но поговорили как-то негладко. Больно крупной властью на меня пахнуло от нее⁹.

Ваш *Георгий Дмитр. Гребеничиков*

30. 23 апреля 1922, Висбаден

23 апр. 1922
Wiesbaden, Markplatz 7^{II}.

Дорогой Алексей Максимович!

На днях, вернувшись из Парижа, куда должен был съездить для окончательного подписания договора с Поволоцким — (я ему уступил 6 томов собр<ания> сочин<ений>)¹, я здесь, в Висбадене, нашел от Вас письмо от 7 апр<еля> и очень ему обрадовался.

Конечно, я охотно приму участие во всех Ваших литературно-художественных делах и журналах при одном условии — не быть вовлеченным ни в политику, ни в пропаганду². Вы не можете себе представить, как лжекоммунизм заставил меня уклоняться от всего, к чему прикасается его растлевающая лапа. От Вас, как на духу, скрывать этого не хочу. Но в большом научно-литер<атурном> журнале готов работать только потому, что душа моя вся там, с Россией, со всем русским народом, со всей родной природой и

страданиями миллионов русских людей... Только вопрос весь в том, что мог бы я дать Вам? Уже давно я не пишу рассказов — и потому, что вечно занят службой или черною работой, и потому, что весь материал накапливаю и обрабатываю — либо в дневник, изредка печатаемый в поврем<енной> печати³, либо в большой роман⁴, который плохо подвигается отчасти по причине выросших к себе требований, а отчасти от беспокойствия душевного и вечного мотания из места в место. Главное мое беспокойствие мне причиняет разлука с семьей: жена на Алтае, учительствуя, ходит босая, потеряла голос, шепотом учит ребят, живет в нищете и голоде, в нетопленном доме, а сын в Питере живет из милости у моих друзей⁵, и все мы не можем не только свидеться, но и писать регулярно друг другу: мои письма не доходят на Алтай, а оттуда нет таких денег, как 60 тыс. руб. на письмо. Да и у сына нет ни штанов, ни рубахи, ни денег на марки. Все мои посылки — одна морочка и мираж, галлюцинации для бесплодно ожидающего их мальчика. Только недавно он получил 1-ю АРА посылку⁶. Между тем сын у меня один и по всем отзывам на редкость хороший и порядочный мальчик, и я не знаю, как бы я был Вам обязан, если бы Вы помогли мне их обоих с матерью выручить в Германию⁷. С матерью потому, что она еле таскает себя от изнурения, а мальчик не только не желает ее бросить, но и решил ехать к ней в Сибирь, чтобы ее вывезти в Петербург⁸ (по последнему письму теперь он уже 2-ой месяц хлопочет о разрешении на выезд в Сибирь). Но мальчику уже скоро 17 лет — (я не вижу его ровно 6 лет), он учится в 3 трудовой школе в Петрограде в 3 классе, т.е. в 7 классе гимназии. Мне не хотелось бы вывозить их нелегально (это за большие деньги можно, хоть и дорого и рискованно) потому, что я уверен, что сыну скоро не понравится Европа и, закончив здесь 8-ой класс, он непременно пожелает вернуться в Россию, в русск<ий> университет. Поэтому ни ему, ни его матери я не хотел бы давать эмигрантского титула. Да думаю, что через год и сам смогу и захочу вернуться домой, но на этот год просто для передышки их необходимо вывезти, тем более что материально я вполне могу их на год обеспечить.

Я списался с одним старым приятелем, оказавшимся значительным сов<етским> чиновником в Берлине, который обещает мне оказать протекцию у сов<етского> посла Крестинского⁹. Вот если бы и Вы с своей стороны написали Крестинскому, причем попросили бы его оказать содействие жене и сыну к выезду в Германию в августе, когда они приедут в Петерб<ург> — Вы этим оказали бы мне настолько огромную помощь, что это отразилось бы и на ускорении моих значительных работ и одну из них, думаю,

вполне приемлемую, я дал бы в Ваш журнал.

Кроме того, т.к. Вы собираетесь в Россию, то не смогли ли бы Вы увезти от меня и передать Шишкову некоторую сумму денег в валюте: например, во франках (200–300) или в долларах (20–30) для расплаты за содержание сына?

С нетерпением буду ждать от Вас письма и горячо Вас приветствую.

Ваш *Георгий Дм. Гребенищikov*

P.S. Проф. Пинкевичу я дал 200 фр. для Шишкова, Ценск<ого>, Елпатьевск<ого> и Иванова. Не знаю — уехал ли он в Питер и удалось ли ему передать деньги?

31. 31 июля 1922, Висбаден

31 июля 1922
Wiesbaden, Markplatz 7^{II}.

Дорогой Алексей Максимович!

Из Петербурга от Шишкова я получил известие, что уже давно получены им деньги, посланные мною через Вас, как и через проф. Пинкевича. Спешу сердечно поблагодарить Вас за оказанное внимание и за беспокойство.

Теперь еще раз прошу Вас о содействии в смысле разрешении моей семье: жене Людмиле Николаевне и сыну Анатолию — выезда из Петербурга за границу. Письмо Ваше к соответствующему сановнику я просил бы послать ему непосредственно, а копию письма на имя Вяч. Як. Шишкова в Петербург, Троицкая 4, кв. 7.

Кроме этой просьбы у меня есть к Вам докуки литературного характера: дело в том, что мой парижский издатель, купивший у меня 6 томов собрания сочинений, перестал мне платить деньги. Это дает мне повод взять у него свои права и передать их Гржебину. Могли ли бы Вы содействовать этому моему делу¹?

Далее: месяца через два я, вероятно, закончу свою новую вещь, которая будет называться «Былина»² и в которой я провожу через современные (и довоенные) события одного мужицкого парня, впоследствии атамана зеленых. Написана она совсем просто и, м<ожет> б<ыть>, будет годна для народных театральных постановок, для синема³. Это три отдельных драмы, написанные прозой, связанные между собою общей мыслью, причем в четвертой сталкиваются герои всех трех и создается как бы апофеоз будущего, несколько, быть может, фантастического и преднамеренно

оптимистичного...

Где бы я мог, по Вашему мнению, устроить подобную вещь? Имело ли бы смысл посылать ее Вам для того журнала, о котором Вы писали мне в апреле⁴? Сомнение мое в этом отношении вызывает моя «косность». Меня ни с какой стороны не соблазнила «новизна» выдвинутых революцией форм письма. Я становлюсь еще более упрямым в смысле простоты изложения моих мыслей и поэтому думаю, что, как уже пишет обо мне гр. А. Толстой в «Накануне» (Читали ли Вы № от 18 июня, где он «Чураевых» считает *ненужной* книгой, книгой «вне искусства»), меня называет «очередным Авсеенко»⁵?), меня «новая» литература исключит из списка нужных литераторов.

Очень прошу Вас написать мне по сему поводу пару откровенных строк.

С самыми лучшими чувствами

преданный Вам *Георгий Дм. Гребенщиков.*

32. 25 апреля 1926 Нью-Йорк (?)

25 апреля 1926.

Дорогой Алексей Максимович!

Изредка рад послать Вам о себе кое-какую отчетность. Прилагаемый печатный материал¹ кое-что Вам скажет обо мне, как об одном из Ваших многочисленных литературных учеников. Поэтому о себе не буду распространяться. Скажу лишь, что, несмотря на множество попутных лабиринтов, иду все так же прямо, как хочется, и очередные неудачи считаю залогом лучшего успеха. Несмотря на окружающее разложение и какофонию, верю в неистребимость лучших образцов мировой культуры и в особенности верю в торжество духа живого.

Сейчас у меня к Вам большая деловая просьба. Сущность ее в следующем.

Только теперь я поближе познакомился с Ф.И. Шаляпиным, который глубоко заволновал меня своей особой.

Вы знаете, что он подвизается на поприще универсальной культуры уже 36 лет, но, конечно, не только выслугою лет заслуживает того, чтобы образ его был как-то наиболее монолитно запечатлен в литературе.

И вот задумал я создать о нем большую книгу-монографию, в которой Шаляпин встал бы во весь рост, во всей своей цельности и

красоте, как редчайшее явление в буднях человечества и как один из величайших, если не самый великий, сын России и Русского Народа.

План книги я примерно набросал и показывал его Ф.И. Он, видимо, одобряет основные положения, хотя по своей застенчивости готов отклонить самую идею создания такой книги. Мне же кажется, такую книгу надо создать не только для почитателей Ф.И. и для будущего мировой культуры, но и для того, чтобы демонстрировать перед самим Ф.И. ту посеянную им в сердцах людей красоту, которая в данном случае руководит мною и порадует многих, кто примет участие в этой книге.

Думаю, что этого достаточно, чтобы изъяснить Вам главную побудительную причину, заставившую меня взять на себя столь ответственную, сколь и радостную задачу по созданию этой монографии.

И вот мне и Ф.И. Шаляпину было бы неоценимо дорого участие в создании этой книги Вас и как друга Ф.И., и как одного из величайших современников.

Конечно, я буду просить у Вас не только статью о Ф.И., но и руководящих советов и указаний, дружеской критики и привлечения к участию тех крупнейших и нужных по плану книги лиц, которых Вы знаете ближе, нежели я.

Переписка по этому поводу будет большая, и я буду часто беспокоить Вас и Ф.И. разными вопросами, а пока прошу Вашего суждения по поводу прилагаемого мною плана книги², по поводу основного связующего каркаса, заполнение которого будет зависеть от того, удастся ли нам получить статьи не случайного характера, а на определенные, одна другую дополняющие темы, чтобы в целом получился гармоничный, законченный образ Шаляпина, как гения в искусстве и как огромного, мало кем понятого человека.

Кроме того, так как монография должна быть первоклассно иллюстрирована, я буду просить Вас, Алексей Максимович, помочь мне в собирании всех редчайших фотографий, репродукций с портретов, рисунков и проч., что Вы сами найдете наиболее ценным для данной книги.

Книга вначале будет издаваться на английском языке, вероятно, по подписке, хотя возможно, что средства на издание я буду искать путем кредита, но во всяком случае труд сотрудников должен быть хотя бы скромно оплачен. Однако и в этом отношении все Ваши указания для меня будут крайне ценны.

Кажется, Ф.И. в начале июня проездом навестит Вас³. Поговорите с ним на эту тему поподробнее и оба всячески помогите мне осуществить эту большую и красивую задачу.

К Вашему сведению прибавляю, что при моем ближайшем участии только что создана монография о Гималаях в связи с экспедицией туда Н.К. Рериха⁴, но к сожалению я не могу ее Вам послать — она стоит 40 дол<ларов>.

Кроме этого очередного вопроса, рад буду послать Вам, Алексей Максимович, часть своих не напечатанных работ, если у Вас будет случай где-либо их напечатать (Ничего не имею против издания в России). В частности, сейчас по-русски нигде не печатались главы моей новой большой работы «Хан Алтай»⁵.

С искренней любовью шлю Вам привет!

Георгий Гребеничиков

P.S. Если найдете время прочесть мои новые книги — с радостью пошлю их на Ваш суд.

33. 20 ноября 1927, Саутбери (Коннектикут, США)

20 ноября 1927.

Дорогой Алексей Максимович,

Раза два писал я Вам, и Вы мне не ответили. Не думаю, чтобы Вы не получили от меня писем¹. Вероятно, у Вас есть какие-либо иные причины. Мне бы хотелось верить, что Вы не сопричисляете меня к группе писателей, ярых эмигрантов и противников Союза Советских Республик. Между прочим, я только что вышел из Американского Фонда помощи писателям² именно потому, что затеянный мною же Литературный Сборник³ — обещает быть сугубо эмигрантским. Я не сожалею, что остался в одиночестве и что, защищая Ваше имя, навлек на себя эпитет большевистствующего. Мое горячее желание культурного общения со всею молодой русско-советской литературой только еще более усилилось.

Прочитав последние Ваши статьи⁴, решил Вам снова написать, и именно написать следующее:

Я очень рад, что внутренне никогда не был эмигрантом и что уже более двух лет не принимаю никакого участия в эмигрантской литературе. Только изредка даю один-два рассказа в журнал «Перезвон» и то намерен это прекратить, коль скоро появится хоть какая-либо возможность печататься в России. Не сможете ли мне связаться с какими-либо журналами и газетами в России⁵, чтобы там я мог начать печататься и таким образом подготовить себе возможность возвращения в Россию.

Также был бы очень Вам признателен, если бы Вы нашли возможным и полезным для литературы порекомендовать мои книги к переизданию и изданию в Госиздате. Открытое здесь мною к<нигоиздательст>во «Алагас» благодаря моему переходу к новой орфографии и благодаря моим симпатиям к Советской России, пока не имеет успеха, хотя я все-таки тащу его на своих плечах, издавая 2–3 книги в год⁶.

Сейчас я в Америке живу исключительно физическим трудом. Научился плотничному ремеслу, а также ремеслу каменщика и занимаюсь строительством в основанной мною же русской деревеньке, которую публика назвала Чураевкой. Публика здесь тоже эмигрантская и всякая, но есть утешение, что среди нее преобладают культурные, а частью и хорошие люди. Впрочем, мне за год удалось поселить здесь всего лишь шесть полуоседлых и с десятков летних, еще не построившихся колонистов. Значение Чураевки может быть существенным, если мне удастся выполнить намеченную программу — некоторую связь Сибири и Америки, путем лекций, брошюр, книг, корреспонденций в русские газеты и статей в американские. Пока мне в этом отношении кое-что удалось сделать, но во многом мешает мешанский консерватизм американцев и определенно — враждебное отношение бывших людей из русской эмиграции. Приходится быть чрезвычайно изворотливым и вести дело на чисто хозяйственных, а не кооперативных началах. К этому перейдем, когда удастся подобрать несколько подходящих молодых сотрудников. Пока на очереди летний детский лагерь⁷. Не знаю, насколько широко удастся организовать его. Средств у меня никаких, кроме трудоспособности и любви к какому-либо созиданию. Мне думается, эта работа даст мне кое-какой технический и организационный опыт, который я буду рад применить в России при первой возможности.

Очень буду ждать Вашего ответа.

Искренно Вас уважающий
Георгий Дмитр. Гребенщиков

P.S. Монография о Ф.И. Шаляпине пока не состоялась потому, что сам он как-то быстро охладел к ней, а Вы меня не поддержали. Очевидно, все к лучшему. В будущем создадим на русском языке. Очень чту этого колосса в русском искусстве, как бы он ни провинился перед новою Россией.

17 апреля 1928.

Дорогой Алексей Максимович,

Празднование Вашего 60-летия¹ приняло настолько грандиозный размер, что как-то не хотелось в общей гуще поздравлений и статей писать Вам. Я в сердце праздную Ваше бытие в жизни и в литературе всегда и потому пишу Вам намеренно с опозданием. Для меня Ваш юбилей бессрочный.

Пишу Вам, как своему первому литературному вождю, учителю и человеку, перед которым всегда хочется быть ясным, правдивым и простым. Никогда не забуду Ваших слов: «Пускай: они свое, а мы свое!»² Случилось так, что в годы более тяжелой борьбы я оказался за границей и не принимал участия в Революции и в Гражданской войне. И я об этом не жалею. Я боец иного порядка. Я люблю действие упорное и люблю свою скромную роль в литературе. У меня тоже есть своя правда, несколько консервативная, но прочная. С крыльями для далекого полета. Ею живу и оттого, как говорят многие, писания мои полны бодрости и жизнь моя не знает жалоб и низкопоклонства. Все это, конечно, питалось Вашей мудростью, Вашими ясными сказаниями о жизни, Вашей силой, взятой от скорбей народных и от Вашего личного подвига. Много мне помог Толстой, многому учился у Тургенева. И вот три моих литературных учителя — Тургенев, Толстой, Горький — являются и моими как бы спутниками в жизни, а Пушкин — мой бог, как бы ни сложилось будущее безбожие.

И радостно, посылая Вам слова приветия, подчеркнуть в своем сознании, что к прекрасному началу жизни вели именно эти три великие ступени Русской Литературы — Тургенев — культура и изящество слова и образа — и начало народности; Толстой — мудрая совесть и правда жизни — свет и тьма народная, и Горький — с самых низов — взлет к свету и действенное завершение мечты Человека — воплощение *при его жизни* в действие и в жизнь — казалось бы несбыточных мечтаний раба — о гордом назначении Человека — это ли не чудо из чудес нашей современности. И я счастлив сказать Вам, что, будучи вдали от этого огненного действия, я приемлю его, быть может, не менее самых правоверных коммунистов, с тою разницею, что в писаниях моих это отразится в спокойных, консервативно-убедительных изображениях иных событий, иных слоев людей и народов. И в этом, стало быть, я, ученик Ваш, остаюсь Вам верен до конца и думаю, что все мои несовершенства будут мне прощены именно за это главное, за то,

что я был и есть с Вами всегда. «Они свое, а мы свое». То есть — за правду, за раскаленный горн действия, в котором куется новый, лучший Человек — за это все радостно нести любую ответственность!

Глубокий Вам поклон!

Ваш *Георгий Гребенников*

Ваши советы постепенно выполняются. Уже кое-что появилось в «Сиб<ирских> Огнях»³. Два очерка лежат в московск<ом> «Жернове»⁴. Обещают напечатать, но просят Вашего обо мне отзыва — непосредственно к ним. Не знаю, могу ли я об этом Вас просить?

Б.С. Глаголин⁵ прочел мою книгу: «Былина о Микуле Буяновиче» и написал о ней восторженный отзыв Луначарскому. Как бы я хотел послать Вам эту книгу, но найдется ли у Вас досуг прочесть ее: она на 350 страниц.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ), впервые.

Внизу письма зачеркнут устаревший адрес: «Томск, Б-Кирпичная, № 12. Г.Д. Гребенникову» — в связи с тем, что это письмо Гребенников не осмелился отправить сразу. См. п. 2.

¹ 29 февраля 1900 г. А.П. Чехов писал В.А. Поссе: «Из Горького выйдет большущий писателище, если только он не утомится, не охладет, не обленится» (*Горький и Чехов*. С. 185).

² Тачалов Иван Иванович (1879–1929) — поэт-самоучка, участник революционных событий 1905 г. в Барнауле, автор книг «Аккорды мысли» (1910), «Дурацкая карусель» (1927), «Мрачная повесть» (М.: Федерация, 1929). Подр. о нем см.: *Вяткин Г.* Путь одного поэта // *Сибирские огни*. 1927. № 3. С. 238–251; *Яновский Н.Н.* Иван Тачалов // *Яновский Н.Н.* На переломе: Из литературного прошлого Барнаула. Барнаул: Алтайское книгоиздательство, 1978. С. 19–31; Тачалов И.И. (1879–1929) // *Очерки русской литературы Сибири*: Т. 1. Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 578–587.

³ Письмо не разыскано.

⁴ Гребенников ошибся в названии журнала. Имеется в виду статья: *Горький М.* О писателях-самоучках // *Современный мир*. 1911. № 2. С. 178–209. В ней, не называя фамилии Тачалова, Горький привел автобиографию «человека страшной жизни» и напечатал несколько его стихотворений.

⁵ *Тачалов И.И.* Аккорды мысли. СПб.: Бытовая Сибирь, 1910.

⁶ Сатирическая поэма Тачалова (1905). Полностью впервые опубликована Н.Н. Яновским (*ЛН Сибири*. Т. 1. С. 114–132). Тачалов писал, что в 1905 г., «во время краткой декабрьско-январской свободы на устроенном социал-демократической группой

литературном вечере читал свое стихотворение “Егорка”, получился успех» (Г-30. Т. 24. С. 122).

⁷ Переселенческое управление возникло в 1897 г. в земском отделе Министерства внутренних дел. См. п. 2, примеч. 3.

⁸ Герой повести Горького «Городок Окуров».

⁹ Гуркин Г.И., алтайский художник. Подробнее о нем см.: *Эдоков В.И.* Мастер из Аноса. 1984.

¹⁰ Речь идет об Андрее Викторовиче Анохине, тогда — ученике регентских курсов Петербургской певческой капеллы (*Эдоков В.И.* Мастер из Аноса. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1984. С. 8).

¹¹ Шапка на меху с широкими наушниками.

¹² Киселев Александр Александрович (1838–1911) — художник-передвижник, пейзажист, академик Академии художеств. После смерти И.И. Шишкина Гуркин стал вольнослушателем Академии по мастерской А.А. Киселева.

¹³ 8 марта 1898 г. Шишкин умер в своей мастерской, где в это время находился Гуркин, учившийся у него мастерству пейзажиста.

¹⁴ Первая персональная выставка Гуркина прошла в Томске с 26 декабря по 7 января 1908 г. с огромным успехом. В 1910–1911 гг. выставки художника были организованы в Томске, Красноярске, Иркутске, Барнауле.

¹⁵ Сарты — общее наименование узбеков и таджиков. Главным отличием сартов от кочующих казахов был оседлый образ жизни.

¹⁶ 14 апреля 1908 г. пьеса «Сын народа» была поставлена в Усть-Каменогорске.

¹⁷ *Гребенщиков Г.Д.* В холодной мгле: (Сибирский рассказ) // Сибирская жизнь. Томск, 1908. № 66. 1 апр. С. 2–3.

¹⁸ *Гребенщиков Г.* Сын народа: Драматическая поэма в пяти действиях. СПб., 1910 (На обложке: «Склад издания и контора журнала “Театр и искусство”» и адрес; на первой странице внизу: «Литография Т<овариществ>ва Екатеринбургское Печатное Дело»). Пьеса была поставлена также в Семипалатинске (1908), Омске (1909), Томске (1910), Барнауле (1910) и имела успех у зрителей.

¹⁹ В петербургском журнале «Сибирские вопросы» к этому времени был напечатан рассказ Гребенщикова «Свора» (1910. № 42–43. С. 3–9).

²⁰ Этнографическими исследованиями жизни старообрядцев на Алтае Гребенщикова увлек Г.Н. Потанин. Молодой писатель предпринял две этнографические экспедиции: лето 1910 года Гребенщиков провел в долине реки Убы, а в 1911 году жил в долине реки Бухтармы.

²¹ Под таким названием опубликован историко-этнографический очерк в «Алтайском альманахе» (СПб., 1914. С. 1–37). Возможно, речь идет о первом замысле крупного художественного произведения — будущего романа «Чураевы», 17 октября 1912 г. Гребенщиков вновь напишет Горькому, что задумал «громадный роман “Алтайская Русь”» (см. п. 5).

²² Судя по ответному письму Горького (см.: Горький. *Письма*. Т. 9. С. 68–69), Гребенщиков отправил ему рассказы «В тиши степей», «Плач полей», «Убежище», «Расчет», «В тисках труда», «Опора», «Грешник», «Представление».

²³ Романтическая поэма польского поэта Густава Зелинского, посланного в Сибирь за участие в польском восстании 1831 г. Вышла в Томске в 1910 г. в переводе Гребенщикова и с его предисловием. В оформлении издания принимали участие известные сибирские художники Г. Гуркин, В. Белослюдов, М. Щеглов.

2.

Печатается по А (АГ). Впервые: *ЛН Сибири*. Т. 1. С. 20–21.

Горький ответил 15(28) июля 1911 г. (Горький. *Письма*. Т. 9. С. 68–69).

¹ Шпекин — действующее лицо комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», почтмейстер, вскрывавший чужие письма.

² «Из Томска меня выслали в 24 часа после месяца тюрьмы, — писал И.И. Тачалов Горькому 15 декабря 1911 г. — Я, однако, полагаю, что отделался очень дешево <...> Теперь живу в Самаре...» (*Горький и Сибирь*. С. 91).

³ Некому томскому адвокату П.В.В-скому И.И. Тачалов писал иначе: «Только в самое последнее время нашелся человек, рискнувший взять меня под свое начало — счетчиком в переселенческое управление, но тут на меня обрушилась эта проклятая высылка». Письмо (без указания даты и расшифровки фамилии адресата) было процитировано Г.А. Вяткиным в статье «Путь одного поэта» (*Сибирские огни*. 1927. № 3. С. 238–251; С. 242).

⁴ Ясачными людьми назывались нерусские народности Поволжья и Сибири, платившие в казну натуральный налог (пушшиной, скотом и т.п.) — ясак. На протяжении XVIII века долины рек Бухтарма и Уймон (юго-восток Алтая) заселялись староверами, белыми крестьянами и каторжниками, горнозаводскими рабочими, искавшими Беловодья. Рескриптом Екатерины II 15 сентября 1791 г. они были приняты в состав России и объявлены «ясачными инородцами» — обязанными платить ясак, но свободными от всех других повинностей (в том числе рекрутских наборов). Бухтарминцы на протяжении почти ста лет отстаивали свои привилегии, но в 1878 г. эти льготы были ликвидированы. Подробнее см.: *Чистов К.В.* Русская народная утопия: (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 539 с. С. 279–331.

⁵ «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта» было основано в Санкт-Петербурге в 1908 г.

⁶ ««Егорка» у меня есть, теперь — два экземпляра стало», — отвечал Горький. 15 декабря 1911 г. Тачалов тоже выслал поэму «Егорка» Горькому.

3.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ на письмо Горького от 15(28) июля 1911 г. (*Горький. Письма*. Т. 9. С. 68–69).

¹ Горький писал Гребенщикову о своем впечатлении от его рассказов: «...Вы человек с очень хорошими способностями, но — мне кажется, что они не разработаны Вами до той силы и яркости, до которой могут и *должны быть* разработаны.

Пишите Вы очень неровно: напр., «В тиши степей», «Плач полей», «Убежище» — лучшие Ваши вещи — написаны сильнее, красивей и значительно проще, чем «Настасья» и «В полях», причем последний рассказ опять-таки лучше — проще — «Настасья», хотя Вы и озаботились насовать в него «аккордов», «зигзагов», «вариаций»; Вы представьте, как ладно звучат эти варваризмы бок о бок с чисто сибирским «чэ», «лонись» и «што»! Необходимо избегать «аккордов», раз в русском языке есть созвучия, равно как следует отстранять и местные речения, незнакомые читателю великорусу. <...>

У Вас хорошо развито чувство природы, определенно любовь к ней, есть довольно богатое знание быта — это все очень хорошо, — но — Вам надо развить в себе способность отличать общезначимое и живучее от частного, мелькающего. А также необходимо ознакомиться с языком у таких знатоков его, каковы Лесков и Андрей Печерский, Тургенев и Чехов.

Очень советую также — прочитайте Левитова, и не надо забывать Короленко. Все это пойдет весьма на пользу Вам, поверьте мне. <...>

В общем же — дерзайте! Но — учитесь! Это — прежде всего и — навсегда, до смерти. Мы, люди, которые сами себя делают, нас не университеты воспитывают, а — наша воля и — только одна она <...>

В письме Вашем Вы написали много лишнего — как и в рассказах есть это. Впредь — не пишите так, не надо. Званием русского литератора гордитесь, это высокое звание и мучительно трудный пост для нашего брата, самоучек.

А рассказы пишите так, как будто читатель интимнейший Ваш друг, Вы его любите, уважаете, сами же имеете рассказать ему — просто и не рисуясь — великие, только Вам известные, Вами впервые открытые тайны жизни».

² В 1908–1909 гг. Гребенщиков редактировал газету «Омское слово», в 1908 г. был секретарем журнала «Молодая Сибирь» (Томск), в этом же году начал сотрудничать в газете «Сибирская жизнь». Об увлечении этнографическими исследованиями см. п. 1, примеч. 20.

³ Горький упоминал рассказ «Опора» в числе вещей, которые «очевидно, <...> написаны по нужде и наспех».

⁴ Горький сообщал, что прочитал присланные рассказы, и просил «прислать все напечатанные <...>, хорошенько просмотрев и исправив их»: «Я покажу их одному издателю и спрошу, не возьмется ли он выпустить сборник. Или еще рано? Как Вы думаете?».

⁵ Горький просил передать редакции «Сибирской жизни» просьбу высылать газету и обещал «заплатить» рассказом. Гребенщиков выполнил его просьбу. 1(14) октября 1911 г. секретарь редакции «Сибирской жизни» В.М. Крутовский писал Горькому: «Что касается высылки газеты, то распоряжение об этом уже сделано и, конечно, о какой-либо плате здесь не может быть и речи. Но, если бы Вы были так добры и при случае действительно прислали рассказ, другой для “Сибирской жизни” — это, несомненно, было бы огромное событие в ее жизни» (АГ. КГ-п-21–18–3).

⁶ «...Скажите Гуркину, не пришлет ли он снимки со своих картин, чтобы мне иметь представление, каков он?» — писал Горький. Он сообщил также, что знает о Гуркине от художников В.Д. Фалилеева и М. Щеглова, бывших у него на Капри.

⁷ «И если встретите Потанина — почтительно поклонитесь ему от меня», — писал Горький. Гребенщиков написал Потанину о письме Горького 14 сентября 1911 г. (Чернышева Т.Г., Корниенко В.К. Письма Г.Д. Гребенщикова Г.Н. Потанину (1911–1917) // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 149–180; С. 150).

⁸ Ответ на вопрос Горького о Тачалове: «Что, он не рассердился на меня за то, что я воспользовался его автобиографией, не спросив его разрешения? Неловко будет мне и грустно, если обиделся». 15 декабря 1911 Тачалов писал Горькому: «Читал Вашу статью “О писателях-самоучках” и очень гордился, что Вы это использовали в пику духовной расшатанности интеллигенции, противопоставляя нас как носителей возрождения духа бодрости и веры в торжество грядущего царства истины; нас — сохраняющих под кошмарной тяжестью страданий — зародыш Прометеева огня... но я, кажется, не удержался на указанной Вами позиции: много мрачного есть в моих стихах» (Горький и Сибирь. С. 90–91).

⁹ 15 декабря 1911 г. Тачалов сообщал Горькому из Самары: «... Благодаря высылке и тому, что мой первый уродец “Аккорды мысли” разошелся без остатка, — я имел возможность, где нешком, где шажком, путешествовать по Кавказу и Крыму и погостить у Скитальца и Мужейлы...» (Там же. С. 91).

¹⁰ Сочинения А.П. Шапова: В 3 т. СПб.: Кн-во М.В. Пирожкова, 1906–1908. Горький советовал Гребенщикову ознакомиться «со взглядами Шапова на русский раскол».

¹¹ В.С. Миролюбов. Горький писал Гребенщикову: «Все рукописи отправлены мною в редакцию журнала “Современник” Виктору Сергеевичу Миролюбову, бывшему редактору-издателю “Журнала для Всех”. Теперь он редактирует всю беллетристику “Современника” и — одновременно — беллетристику сборников “Знания”. Так что о судьбе рукописей Ваших известит Вас он сам». Миролюбов ознакомился с рукописями и выразил свое впечатление в письме Горькому 3(16) августа 1911 г.: «“В полях” Гребенщикова ровнее написано. “Настасья” богаче по краскам, но в общем неровна и не совсем задача» (АГ. КГ-п-51–6–4). 8(21) сентября он сообщал, что ответил Гребенщикову, «просил его прислать что-нибудь подходящее и для “Знания”», и что рассказ “В полях” принят в “Современник» (АГ. КГ-п-51–6–19).

¹² См. п. 1, примеч. 23.

4.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Гребенщиков Г.Д. В полях // Современник. 1911. № 11. С. 109–134.

² Письмо не разыскано.

³ Гребенщиков редактировал барнаульскую газету «Жизнь Алтая» в 1912–1913 гг.

⁴ Начало поэмы И.И.Тачалова «Два мира» было опубликовано в газете «Жизнь Алтая» (1912. № 151. 8 июля. С. 3). В том же номере была опубликована статья Г. Гребенщикова «О судьбе Ивана Тачалова» (С. 4). В ней, в частности, сказано: «Что ждет впереди ценного самородка и какие еще сюрпризы в будущем готовит ему судьба, сказать трудно. Несомненно одно, что этот барнаульский босяк неуклонно и настойчиво шествует вслед за величайшим из босяков: Максимом Горьким. О росте таланта его предоставляем судить самому читателю, начиная с сегодняшнего дня печатая на страницах “Жизни Алтая” его новую и большую поэму “Два мира”».

⁵ Гребенщиков Г.Д. Река Уба и убинские люди: Литературно-этнографический очерк // Алтайский сборник. Барнаул: Императорское русское географическое общество, 1912. С. 1–80

⁶ Возможно, имеется в виду очерк «Бухторминские славяне», отправленный Е. Лячком в октябре 1912 г. (см. п. 5).

⁷ Имеется в виду внешняя политика императора Николая II, направленная на усиление русского влияния в Азии. В результате ультиматума с требованием соблюдения русских торговых прав и привилегий в Монголии, предъявленного Россией Китаю в 1911 г., русское экономическое преобладание в Монголии было признано Китаем. «...Осенью 1911 г. в Китае началась революция, Внешняя Монголия изгнала китайские власти и провозгласила свою независимость при фактическом протекторате России, добившейся в 1912 г., чтобы Китай признал самостоятельность Внешней Монголии...» (Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 2003. С. 498).

⁸ Речь идет о мерах, связанных с проведением аграрной реформы П.А. Столыпина.

⁹ Имеются в виду трагические события на Ленских золотых приисках весной 1912 г. 4 апреля в результате столкновения пятитысячной толпы забастовщиков с вызванным администрацией военным отрядом погибло 270 и было ранено 250 рабочих. Расстрел вызвал протест и возмущение по всей России.

¹⁰ Гребенщиков печатал в «Жизни Алтая» обзоры-рецензии на некоторые столичные журналы, в том числе — на номера 1–3 «Заветов» за 1912 г. (Жизнь Алтая. 1912. № 163. 22 июля. С. 4)

5.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ на письмо Горького от 19 сентября (2 октября) 1912 г. (Горький. Письма. Т. 10. С. 125).

Горький ответил 7(20) ноября 1912 г. (Там же. С. 194–195).

¹ В письме В.И. Анучину от 19 сентября (2 октября) 1912 г. Горький спрашивал: «Где Гребенщиков? Не можете ли переслать ему прилагаемую записку? Пожалуйста» (Там же. С. 124). Анучин отвечал: «Гребенщиков (Георгий Дмитриевич) в настоящее время здесь, собирается ехать в Питер, выпускать сборник своих рассказов. Записку Вашу я ему передал» (АГ. КГ-п-5–4–6).

² Вейнберг Борис Петрович (1871–1942) — физик, профессор Томского технологического института и Томского университета, сын поэта, переводчика и историка литературы Петра Исаевича Вейнберга (1831–1908).

³ Издатель «Жизни Алтая» Василий Михайлович Вершинин (1834–1946), барнаульский купец.

⁴ Почти за год до этого, 30 декабря 1911 г., видимо, по совету Гребенщикова, В.Я. Шишков послал Горькому рассказы «Ванька Хлюст» и «Авдокея Ивановна», но ответа, по-видимому, не получил, хотя оба рассказа были переданы В.С. Миролубову (см.: В.Я. Шишков. Письма к В.С. Миролубову (1912–1919) // Литературный архив. 5. М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 227).

⁵ Таловский Аркадий Петрович (1878–ок.1925) — журналист, беллетрист, под псевдонимом А. Петрович печатал в рассказы в журнале “Сибирские вопросы”. См. п. 10, примеч. 11.

⁶ В.Я. Шишков служил в Управлении Томского округа путей сообщения. Летом 1911 г., во время служебной командировки по изучению реки Нижняя Тунгуска, записал более 80 старинных русских песен (в т.ч. песню «Угрюм-река»), которые были напечатаны в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» в 1914 г. (Т. 43). Перепечатаны в кн.: *Шишков В.Я.* Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1956. С. 70–92.

⁷ «Общественная польза» — книгоиздательское товарищество просветительского характера, основано в 1859 г.; издавало сочинения русских и зарубежных классиков, учебники, книги по естествознанию, технике и другим наукам.

⁸ Певин (псевд. Бедняк) Петр Иванович (?–1918) — журналист; издатель «Общедоступного журнала», «Современника», газеты «Уральская жизнь».

Аверьянов Михаил Васильевич (1867–1941) — издатель, один из организаторов «Издательского товарищества писателей» в Санкт-Петербурге, основанного в 1911 г. В.Н. Ладыженским, А.Н. Толстым, В.В. Муйжелем и издавшего за время своего существования 14 книг, в том числе два тома рассказов Гребенщикова. 11 писем Гребенщикова М.В. Аверьянову, хранящиеся в ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом), опубликованы (см.: *Черняева Т.Г.* Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург // Алтайский текст в русской культуре: Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. С. 222–235).

⁹ Идея выпуска в издательстве «Знание» «Сибирского сборника» принадлежала В.И. Анучину (см.: его письмо Горькому от 24 мая (6 июня) 1912 г.: *Горький и Сибирь*. С. 50–52). Она возникла в ответ на мысль Горького о необходимости издания писателями-сибиряками собственного толстого журнала (Горький. *Письма*. Т. 10. С. 23; см. п. 30 и примеч.) и была им горячо поддержана (Там же. С. 62; см. п. 82 и примеч.). Издание «Сибирского сборника» не состоялось. Подробнее см.: *Азадовская Л.* «Сибирский сборник» 1912 года: История несостоявшегося издания // Сибирские огни. 1971. № 10. С. 137–145.

¹⁰ Фрагмент из Евангелия (Деян. 9:5).

¹¹ О чтении повести «Ханство Батырбека» в доме В.Я. Шишкова Гребенщиков писал в очерке «Неделя в Томске» из цикла «Письма к друзьям», печатавшегося в газете «Жизнь Алтая»: «Собралось человек двадцать пять, в том числе Г.Н. Потанин, В.И. Анучин, поэт и критик Иосиф Иванов, Г.А. Вяткин, Вс.М. Крутовский, М.М. Шеглов, М.Г. Васильева-Потанина, молодой беллетрист Вл. Бахметьев и многие другие» (Жизнь Алтая. Барнаул, 1912. № 237. 25 октября. С. 2–3).

¹² Иосиф Иванов — сотрудник томских периодических изданий. 2(15) октября 1912 г. Анучин отвечал Горькому на вопрос об Иванове: «Иосиф Иванов — это наш единственный экзотик, и “сибирских” стихотворений у него нет. Работает больше в области переводов, а теперь готовит к печати книжку Ленау» (См.: Горький. *Письма*. Т. 10. С. 481).

¹³ Вяткин Георгий Андреевич (1885–1941) — поэт, прозаик, сотрудник «Сибирской жизни». Подробнее о нем см.: Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. А–Г. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 506.

¹⁴ В.Я. Шишков писал П.А. Казанскому 29 октября 1912 г.: «Пришлите, ради Господа, десять №№ “Жизни Алтая” № 237, где чудак Георгий Дмитриевич писал о нашем Томске и обо мне. Однако я напишу опровержение: я товарища и не думал “доедать” у себя на “банкете”. Я просто-напросто воздержался от суждений о прочитанной автором повести “Ханство Батырбека”. А сделал это потому, что вся душа моя находилась во власти его же большущей вещи “Сельская знать”, большущей и по объему, и по художественной цельности. <...> И только лишь когда уже все ушли, я, разуваясь, сказал Гребенникову, что “Ханство Батырбека” менее удачно “Сельской знати”. А доедать и не думал, да его и не доесть: он молодчина!» (*Черняева Т.Г.* Письма Г.Д. Гребенщикова и В.Я. Шишкова (1912–1919) // Алтайский текст в русской культуре: Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. С. 217).

¹⁵ Крутовский Всеволод Михайлович (1864–1945) — секретарь редакции газеты «Сибирская жизнь».

¹⁶ Ответ на предложение Горького: «Я вступил в “Современник” соредактором Евгения Александровича Ляцкого по отделу беллетристики и предлагаю Вам прислать для этого журнала рассказ».

Горький отвечал: «Дорогой Георгий Дмитриевич, — первые пять глав “Ханства” — жидковато написаны и Вы сделаете очень хорошо, если — по возможности — сократите их. Будьте уверены, что эти сокращения могут весьма улучшить рассказ, в общем — интересный, но — местами — слишком этнографичный. Бытовое — очень любопытно, но оно важнее там, где в частном-бытовом Вы сумеете подметить и показать мне, читателю, — мировое, обще-человечье. Мы с Вами о чем заботимся, над чем бьемся? Не хотим ли мы убедить мир — “ты еси един”, все твои скорби, муки, надежды, желания — одинаковы на всех точках планеты нашей? Верно? Вот Вам высота, с которой жизнь Батырбека становится столь же интересна и поучительна, как Ваша, моя, жизнь культурного француза и т.д. Рассказ местами написан небрежно — смотрите стр. 13, 16, 18, 26 и т.д. “Эффекты” и вообще всякие не русские слова совершенно не уместны в таком рассказе. Вообще — учитесь сокращать. На 41-ой стр. слог “на” — встречен мною одиннадцать раз — это нехорошо, однообразно. Исправив рассказ, передайте рукопись в “Современник”, Е.А. Ляцкому». Повесть «Ханство Батырбека» была напечатана в «Современнике» в 1913 г. (№ 1. С. 103–129; № 2. С. 34–62) и включена во второй сборник Гребенщикова «В просторах Сибири» (Пг.: Издательское товарищество писателей, 1915. С. 10–85).

¹⁷ О пьесе с таким названием сведений найти не удалось. Возможно, это было первоначальное название пьесы «Из песни слово...» (см. п. 21). Позднее так («Из песни слово...») было названо «Первое сказание» «Былины о Микуде Буяновиче», в письме Горькому от 31 июля 1922 г. Гребенщиков называет три части этого произведения «драмами» (см. п. 31, примеч. 3).

¹⁸ См. п. 1, примеч. 21.

¹⁹ В ответ Горький пригласил Гребенщикова на Капри.

²⁰ «Не знаете ли Вы сибиряка Н. Матвеева, автора рассказа “Мельник” в “Совр. Мире” за 911 год. Не знаете лично — сообщите адрес, буде он известен Вам», — просил Горький. Писателя-сибиряка и историка-краеведа Николая Петровича Матвеева Горький хотел привлечь к работе в «Современнике».

²¹ В ответном письме Горький предостерегал Гребенщикова: «“Конспект романа” Вы печатаете <...> совершенно напрасно — это убьет Ваш будущий роман, а критике даст возможность сказать, что Вы дважды печатали одну и ту же вещь».

6.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ на письмо Горького от 7(20) ноября 1912 г. (Горький. *Письма*. Т. 10. С. 194–195).

¹ Горький критиковал Гребенщикова за торопливость и небрежность языка: «Куда Вы торопитесь? <...> Желаю всяких успехов, но — не гонитесь за ними, пусть они сами навалятся на Ваши плечи, тогда Вы вернее оцените их по существу».

² В письме от 15(28) июля 1911 г. Горький предлагал Гребенщикоу прислать все напечатанные рассказы и писал: «Я покажу их одному издателю и спрошу, не возьмется ли он выпустить сборник. Или еще рано? Как Вы думаете?» (Горький. *Письма*. Т. 9. С. 68). А в письме, на которое отвечает Гребенщиков, заметил: «Книгу свою Вы — на мой взгляд — торопитесь издать, подождите бы лучше. Успех она едва ли будет иметь в наши дни, когда требования к форме литературного произведения стоят очень высоко».

³ Рассказ «Настасья» позднее был предложен Гребенщиковым в так и не вышедший «Сибирский сборник» (см. п. 12), а напечатан в журнале «Современный мир» (1915. № 1. С. 27–53).

⁴ В 1913 г. «Издательским товариществом писателей» был заявлен к изданию «Второй

литературно-художественный сборник» и «Детский альманах». Информация об этом размещена на форзаце книги Гребенщикова «В просторах Сибири» (СПб.: Издательское товарищество писателей, 1913). Книги не вышли в свет в связи с финансовыми трудностями Товарищества. Подробнее см.: *Голубева О.Д.* Издательское товарищество писателей (1911–1914) // Книга: Исследования и материалы: Сб. 8. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1963. С. 410–430.

⁵ Иванов-Разумник осенью 1912 г. вошел в состав редколлегии «Заветов», заведовал литературно-художественным отделом журнала. Судя по письмам П.А. Казанскому, 22 октября 1912 г. Гребенщиков отнес «Сельскую Знать» Иванову-Разумнику, а через неделю получил благоприятный отзыв: «“Сельскую Знать” читал Иванов-Разумник. После основательных критических замечаний предложил вчера, 29 октября, печатать ее в “Заветах”. Это даст мне бодрости для ее исправлений и уверенности, что в “Сибирский сборник “Знания” она попадет» (*Черняева Т.* Письма Г.Д. Гребенщикова П.А. Казанскому (1910–1916) // Бийский вестник. Бийск, 2005. № 1/2 (5/6). С. 209). Об отзыве Иванова-Разумника Гребенщиков писал и В.С. Миролюбову 29 августа 1913 года: «Он читал мою “Сельскую знать”, говорил, что, списавшись с Викт. Сергеевичем, пожалуй, поместим ее в “Заветах”» (*Черняева Т.Г.* Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916). С. 172–233; С. 205).

⁶ См. п. 5, примеч. 19.

7.

Печатается по А (АГ), впервые.

Горький ответил 10(23) января 1913 г. (Горький. *Письма*. Т. 10. С. 241–242).

¹ *Гребенщиков Г.Д.* В просторах Сибири. СПб.: Издательское товарищество писателей, 1913.

² Книга Гребенщикова была доброжелательно встречена критикой.

В журнале «Заветы» на выход в свет первой книги Гребенщикова отозвался В.Я. Шишков: «Он любит и по-особому чувствует дикую красоту и мощь Алтая, любит киргизские степи вольной жизнью обитателя-киргиза. Он внушает эту любовь и читателю, заражает своим настроением. У него на палитре, правда, мало ярких красок, нет бьющих в глаза слов и образов, но он умсет создать из обыкновенных будничных тонов правдивую картину жизни <...> В таланте автора мы видим бодрую, молодую силу Сибири, расправляющую свои крылья над могучей, самобытной полной огромного интереса страной. Этой стране нужны большие художники, и в лице Георгия Гребенщикова мы рады приветствовать вдумчивого, правдивого бытописателя» (*Шишков В.Я.* Г. Гребенщиков. В просторах Сибири: рецензия // Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 213–214).

В «Жизни Алтая» была опубликована статья К.Порфирьева (П.А.Казанского) «Книга о простых людях (Георгий Гребенщиков “В просторах Сибири”)». Друг и ближайший сотрудник Гребенщикова отмечал единственный недостаток: «Рассказы эти печатались в фельетонах сибирских газет, и многие из них носят следы спешной газетной работы». Главную писательскую заслугу Гребенщикова он видел в «непосредственности, простоте изображения простых людей и простой, незамысловатой природы степей и мягких предгорий Алтая» (*Жизнь Алтая*. 1913. № 5. 6 янв. С. 3). Статья была написана по просьбе Гребенщикова. 18 декабря 1912 года он писал Казанскому из Петербурга: «Книгу вам мою (то есть “Жизни Алтая”) пришлют на днях. Не будете ли добры поручить себе написать рецензию вместе с Модзалевским. Только не указывайте вы на пустяковые недостатки. К чему это? Раз не найдете крупных, к чему портить ничем обедню. Найдите в общем недостатки и укажите. А главное, поищите — не найдете ли общего целостного положительного. Я прошу Вас потому об этом, что Алтай должен прочесть обо мне в первую очередь...» (*Черняева Т.* Письма Г.Д. Гребенщикова П.А. Казанскому (1910–1916) // Бийский вестник. Бийск, 2005. № 1/2 (5/6). С. 217).

См. также п. 12, примеч. 5. Едва ли не единственный резкий критический отклик принадлежал Г.А. Вяткину (см. п. 11, примеч. 8)

³ Горький М. Губин: Очерк // Современник. 1912. № 12. С. 3–24. Позднее включен Горьким в цикл «По Руси».

⁴ Письмо Горького не разыскано. Вероятно, он высказал Гребенщикову свое мнение об «Издательском товариществе писателей». Горький первоначально согласился сотрудничать с ним и предложил товариществу издать «Сказки об Италии», но потом, по просьбе И.А. Бунина, передал их в «Книгоиздательство писателей в Москве», многие участники которого сотрудничали в «Знании». 12(25) июня 1912 г. поэт А.С. Черемнов писал Горькому, что «питерские писа-издатели переругались и разъехались, издав три-четыре книжечки. Тем временем в Москве собрались солидные люди: братья Бунины, Вересаев, Телешов, Шмелев и др. Они организовали вторую артель (“Книгоиздательство писателей в Москве”) и от Петербурга отмежевались <...> И видать по всему, что в Питере дело помрет скорою смертью, а в Москве пойдет прелестливо» (Горький. *Письма*. Т. 10. С. 435). Об этом же Горькому писал И.А. Бунин. (Там же).

⁵ См. п. 5 примеч. 8.

⁶ «Огни» — акционерное книгоиздательское общество, одним из организаторов которого был Е.А. Ляцкий. Основано в 1909 г., издательскую деятельность начало в 1911 г., в 1922 г. прекратило свою работу. 22 октября 1912 г. Е.А. Ляцкий сообщал Горькому о знакомстве с Гребенщиковым: «...Он искал для издания своих рассказов т-во писателей, которое и полагал найти при журнале “Современник”, я же вначале думал, что Вы направили его в “Огни” и только когда узнал, что он опирается на Ваш давнишний совет, понял, что речь идет не об “Огнях”, но об Аверьянове. По-видимому, его дело и сладится с Аверьяновым, что для “Огней” было бы жаль, так как хорошо было бы начать беллетристическую секцию именно писателем такого рода» (ЛН. Т. 95. С. 518–519). Гребенщиков в этот же день писал П.А. Казанскому, что не торопится с изданием книги за свой счет, «ибо получил предложение от двух солидных издательств: “Товарищества Писателей” и “Огней”» (*Черняева Т.Г. Письма Г.Д. Гребенщикова П.А. Казанскому (1910–1916)*. С. 194–226. С. 209). Позднее Гребенщиков издал в «Огнях» сборники рассказов «Змей-Горыныч» (Пг., 1916), «Степь да небо» (Пг., 1917).

⁷ Е.А. Ляцкий. Горький отвечал: «Очень рад, что Вам понравился Ляцкий, это действительно культурный человек». В свою очередь, Ляцкий писал Горькому 22 октября 1912 г.: «Был у меня Гребенщиков и чрезвычайно мне понравился. Не сомневаюсь, что из него выйдет крупная литературная величина. Как человек, он умен, застенчив и пологителен в одно и то же время» (ЛН. Т. 95. С. 518).

⁸ Фотография хранится в Музее А.М. Горького (Москва). См. илл. на вкладке.

8.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ на п. Горького от 10(23) января 1913 г. (Горький. *Письма*. Т. 10. С. 241–242).

Горький ответил 13(26) февраля 1913 г. (Там же. С. 253–254; датировка уточнена по ответному письму Гребенщикова, см. п. 10).

¹ Горький откликнулся на книгу «В просторах Сибири», посланную Гребенщиковым 20 декабря 1912 г. (см. п. 7) так: «Дорогой Георгий Дмитриевич! Получил Вашу книжку, внимательно прочитал и — беру свои слова назад: книга хорошая, очень свежая, сильная, а потому — она своевременна, и я желаю ей множество читателей, юных и крепких.

² «Мне очень грустно, что Вы не приехали сюда, право — грустно! — писал Горький. — Здесь Вас хорошо встретили бы не дурные и живые парни».

³ Отклик на слова Горького: «Ваше письмо очень взволновало меня: что значат слова “я не готов видаться с Вами”? Если это не кокетство — в кокетство мне трудно поверить — то это мне обидно. Я ведь не архиерей, Вы не сельский батка. Я простой русский человек, который любит свою родину, а особенно — русскую литературу. Литературу я люблю самозабвенно, м.б., психопатически, работаю в ней 20 лет, обтерпелся, имею известный опыт и мне было бы приятно поделиться им с Вами, вступающим на этот трудный путь».

⁴ Горький просил Гребенщикова отправить Е.А. Желябужской экземпляр книги «В просторах Сибири».

⁵ Горький спрашивал, как идут дела с «Сибирским сборником». 29 января 1913 г. в «Сибирской жизни» опубликованы условия приема рукописей в «Сибирский сборник», а 8 мая 1913 г. на страницах той же газеты Редакционный комитет сообщил, что прием рукописей закончен и прислано 192 произведения 55 авторов. Выпуск сборника намечался на осень (См.: *Азадовская Л.* «Сибирский сборник» 1912 года: История несостоявшегося издания // *Сибирские огни.* 1971. № 10. С. 135).

⁶ Казанский Порфирий Алексеевич (1885–1938) — журналист, поэт, публицист, ближайший помощник Гребенщикова по «Жизни Алтая». В газете печатался под псевдонимами Премудрая крыса Онуфрий, П.К., К. Порфирьев, вел стихотворный фельетон, печатал лирические стихи, литературно-критические статьи, статьи на политические темы. Исполнял обязанности редактора газеты во время частых отъездов Гребенщикова. Подробнее о нем см.: *Черняева Т.* Письма Г.Д. Гребенщикова П.А. Казанскому (1910–1916). С. 194–195.

Вероятно, Гребенщиков отправил Горькому цикл стихов «На Родине». 10 июня 1913 г. из Редакционного комитета «Сибирского сборника» П.А. Казанскому сообщили: «...Цикл стихов Ваших “На Родине” одобрен Редакционным комитетом Сибирского сборника и препровождается М.Горькому, которому принадлежит право решающего голоса» (Цит. по: *Азадовская Л.* «Сибирский сборник» 1912 года: История несостоявшегося издания // *Сибирские огни.* 1971. № 10. С. 139). Горький отвечал Гребенщикоу: «О Порфирове напишу в другой раз, не имею времени прочитать стихов его внимательно». Письмо Горького с оценкой стихотворений П.А. Казанского неизвествно.

⁷ Горький заинтересовался этим произведением. 18(31) декабря 1912 г. он писал Е.А. Ляцкому: «...Посылаю Вам рукопись А.Семенова “Белый Бурхан”. Это весьма интересная вещь, и ее следует напечатать. Но — автор перепутал поэму с обличительной корреспонденцией. Все, что относится к обличительному жанру должно быть передано <...> Если автор не может сделать этого сам — пусть он поручит мне» (Горький. *Письма.* Т. 10. С. 221). 5(18) января Горький вновь писал Ляцкому: «Рассказ Семенова можно сделать очень интересным, я попробую» (Там же. С. 238).

«Рассказ Семенова, кажется, пойдет в одной из летних книжек “Современника”, но я в этом не уверен и на днях дам более определенный ответ», — отвечал Горький Гребенщикоу, а в мае 1913 г. он сообщал сотруднику «Современника» В.Б. Станкевичу: «Рассказ Семенова был сокращен мною и назначался для одной из летних книжек, но по просьбе приятеля и представителя автора, Гребенщикова, был отправлен мною последнему в Барнаул для помещения в каком-то сибирском издании» (Там же. С. 343). «Белый бурхан» А. Семенова был напечатан в «Алтайском альманахе» (СПб., 1914. С. 45–100).

⁸ В.М. Вершинин (см. п. 5, примеч. 3) был избран депутатом IV Государственной думы (1912–1917) от Томской губернии. В 1917 г. он входил в Комитет Думы по созданию Временного Правительства, принимал участие в аресте императора Николая II и сопровождал его в Тобольск. Позднее был направлен в Крым для опеки великих князей и других членов императорской фамилии (сведения из комментария В.А. Росова к переписке И.А. Бунина и Г.Д. Гребенщикова в кн.: *С двух берегов.* С. 261). В Крыму, в Ялте, Гребенщиков встретился с ним (Там же. С. 229).

⁹ Шумиловский Л.И. (1875–1920) — публицист и литературный критик, учитель по профессии, в 1914–1915 гг. был редактором «Жизни Алтая». В 1918 году возглавил Министерство труда во Временном Сибирском правительстве. После разгрома войск Колчака расстрелян по приговору Чрезвычайного ревтрибунала при Сибревкоме.

¹⁰ Водовозов Василий Васильевич (1864–1933) — публицист, член редакции журнала «Современник», заведовал его социально-политическим отделом.

¹¹ Статьи Л.И. Шумилового (вырезки из «Жизни Алтая»), отправленные Гребенщикоу Горькому, сохранились в АГ: «Утопия ли» (АГ. ГЖВ-2-1-3; на вырезке помета рукой Гребенщикова: «14 дек. 1912 г. № 278 “Жизни Алтая”») и «О новых повестях М.Горького» (АГ. ГЖВ-2-2-1; на вырезке — рукой Гребенщикова: «№ 19 — Жизни Алтая от 23 января 1913 г.»).

¹² В рецензии на «Современник» (№12, 1912) Гребенщиков писал: «Открывается книжка красивым, сочным и согретым огромной любовью к земле и солнцу рассказом М. Горького “Губин”, в котором автор проявляет еще более глубокое и проникновенное знание русской беспутной жизни, чем прежде. <...> От рассказа веет бодростью и молодостью <...> Это образец того, какой должна быть русская литература. И это тем более отрадно, что рассказ появился в наши дни, дни литературного упадка» (Жизнь Алтая. 1913. № 11. 13 января. С. 5).

¹³ «Воспоминания» Г.Н. Потанина печатались в газете «Сибирская жизнь» в 1913–1917 г. Перепечатаны в *ЛН Сибири*. Т. 6, 7. «Жизнь Алтая» откликнулась на начало их публикации статьей: П.К. <Порфирий Казанский> Воспоминания Г.Н. Потанина // Жизнь Алтая. 1913. № 23. 27 янв. С. 4.

¹⁴ Шумиловский писал об очерке «По Руси (Из впечатлений “проходящего”» (Вестник Европы. 1913. Кн. 1. С. 5–32; позднее в составе цикла «По Руси» назван «Женщина»): «...Люди не умеют жить, или не смеют <...> И никто в этом не виноват, как не виноват в своем зверином облике пытавшийся изнасиловать Татьяну парень — ибо никто ему доброе не показывал. Виновата вся русская действительность, нелепая и несуразная, протестом против которой и одновременно призывом к новой, лучшей жизни служит повесть Горького». В начале статьи Шумиловский писал о проф. С.А. Венгерове: «Почтенный профессор принадлежит к отживающей уже школе историков-идеалистов, которые живой силой исторического процесса считают смену идей и отодвигают на второй план роль процессов социально-экономического порядка» (Жизнь Алтая. 1913. № 19. 23 янв.; *АГ. ГЖВ-2-2-1*)

¹⁵ «Шумиловский — интересен, — отвечал Горький. — Если он полагает, что в силах написать литературно-исторический очерк о сибирских писателях, — это было бы очень интересно для “Совр.”. Вообще областники нам очень нужны, но необходимо, чтоб их работа имела, по возможности, характер слитный, целостный, чтобы они друг с другом не спорили и В. Анучин не дрался против Л. Шумиловского».

¹⁶ «На Алтай я, должно быть, не попаду. Куда мне ездить? Я человек сидячий — полежать некогда», — отвечал Горький. В Сибири он не бывал.

¹⁷ Рассказы и очерки Горького («Ледоход», «Женщина», «Покойник» и др.), составившие впоследствии цикл «По Руси», первоначально печатались под заглавиями «Из впечатлений проходящего» (Вестник Европы. 1912. № 2; 1913. № 1, 2). Затем первые 11 рассказов вышли в 2 книгах под названием «Записки проходящего. Очерки» (Berlin: I.Ladyschnikow Verlag, 1913). Отвечая на просьбу редактора «Вестника Европы» Д.Н. Овсянко-Куликовского сообщить названия присланных рассказов, Горький писал ему 9(22) сентября 1912 г.: «Не знаю, как озаглавить мне очерки, посланные Вам. Я имел дерзкое намерение дать общий заголовок “Русь. Впечатления проходящего”, — но это будет, пожалуй слишком громко. Я намеренно говорю “проходящий”, а не “прохожий”: мне кажется, что прохожий не оставляет по себе следов, тогда как проходящий — до некоторой степени лицо деятельное и не только почерпающее впечатления бытия, но и сознательно творящее нечто определенное» (Горький. *Письма*. Т. 10. С. 113). Подр. см.: Горький. *Сочинения*. Т. 14. С. 578–588.

¹⁸ Е.А. Ляцкий.

¹⁹ Возможно, отсылка к статье «О писателях-самоучках» (Современный мир. 1911. № 2), в которой Горький цитировал строки Г. Фрейлигата в переводе Д.Л. Михайловского:

Да вспомянем и того,
Кто в нужде, как раб в неволе,
Плугом мозга своего
Пашет умственное поле (*Г-30*. Т. 24. С. 114).

9.

Печатается по А (*АГ*), впервые.

Горький ответил 14(27) марта 1913 г. (Горький. *Письма*. Т. 10. С. 280–284).

¹ М.Ф. Андреева. Письмо не разыскано.

² Горький М. Калинин: Очерк // Современник. 1913. № 1. С. 3–25; Горький М. По Руси: (Из впечатлений проходящего) // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 5–32. Оба рассказа включены Горьким в цикл «По Руси», последний — под заглавием «Женщина».

³ В ноябре 1910 г. Горький просил художника С.М. Прохорова написать и прислать «этуод зимний, со снегом сибирским» (Горький. *Письма*. Т. 8. С. 171) и, получив несколько таких этюдов в мае 1911 г., благодарил: «Гляжу на них, и веет на меня крепкой русской прокладою» (Там же. Т. 9. С. 44).

⁴ Статья Л.И. Шумиловского в «Современнике» не печатались.

10.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ на письмо Горького от 13(26) февраля 1913 г. (Горький. *Письма*. Т. 10. С. 253–254; датировка уточнена по настоящему письму Гребенщикова).

Слова: «и истязующая сыновей своих! Пусть русские люди с их языком, с их красотами души и сердца будут подданными Японии, но пусть не будет этого великого, но бессмысленного и кошмарного», — отчеркнуты Горьким на полях красным редакторским карандашом. Квадратными скобками им же выделен фрагмент письма с характеристикой В.И. Анучина («тяжелую миссию ~ он казался мне до этого»). См. примеч. 10.

¹ См. п. 8, примеч. 6.

² См. там же, примеч. 7.

³ См. п. 9, примеч. 4.

⁴ В *ОТП* и *ЧА* письма Горького, хранящихся в АГ, нет упоминания об этом. Вероятно, текст отправленного Гребенщикоу письма был полнее.

⁵ См. выше, примеч. 4.

⁶ См. п. 12, примеч. 5.

⁷ Горький писал: «“Деревенскую Знать” жду с великим нетерпением, очень интригуете Вы меня этой вещью! И не одного меня». Слово «сельская» в названии повести подчеркнуто Гребенщиковым, по-видимому, хотевшим обратить внимание Горького на правильное название произведения.

⁸ Отклик на слова Горького: «Мы живем в дни чрезвычайно трудные, требующие настоятельно упорной организационной работы. Мы должны заняться духовным “сбором Руси”, делом, которого еще никто не делал, упрямо и серьезно, делом ныне необходимым, ибо, если Русь скоро не сложится во единое — целое, она в близком будущем развалится, хранима, построенная насильственно и наскоро, страхом и кулаком, без любви, без разума. <...> В мировую, общечеловечью, планетарную работу мы до сей поры еще ничего не внесли, живем, так сказать, за чужой счет, и должны же мы, наконец, устроить плохие домашние дела наши, чтобы свободно и сильно выйти на улицу, на праздник общечеловечью веселой работы по устройению на земле жизни светлой, радостной, свободной».

⁹ Горький писал: «Слышали Вы когда-либо, чтоб кто-нибудь крикнул всею душою:

— Да здравствует Русь ...

Мне — 45 лет, и ни разу не слышал я такого крика, а пока нет — наше дело плохо, — сердца нет у нас».

¹⁰ Ответ на просьбу Горького: «Не можете ли Вы дать мне характеристику В. Анучина? Буду очень благодарен». В АГ сохранилась машинописная копия помеченного Горьким фрагмента письма — характеристики В.И. Анучина. На том же листе указана дата и место: «Капри 26–13 марта 1913 г.» — и приведен отрывок из письма В.И. Анучина Горькому от 28 февраля (13 марта) 1913 г.: «Мы осиротели — скончался наш единственный журнал “Сибирские Вопросы” (изд. в Питере), нужно чем-нибудь заполнить брешь, или свой толстый журнал заводить, или, как я предлагаю, всем сибирякам около “Современника” собраться. Я уже писал об этом Ляцкому, теперь поеду говорить» (АГ. КГ-п-21–18–10а; Горький и Сибирь. С. 70). В автографе письма эти слова

подчеркнуты красным карандашом (см.: Горький. *Письма*. Т. 10. С. 641).

В письме Горького А.Н. Тихонову от 10(23) марта 1913, по-видимому, идет речь об этих выдержках из писем Анучина и Гребенщикова: «Дорогой Александр Николаевич! Считаю необходимым сообщить Вам выписку из письма Анучина и характеристику последнего, данную Гребенщиковым. <...> Вы над эти вопросы подумайте. Судить людей — занятие мало полезное, но предвидеть возможные неприятности следует» (Там же. С. 274).

В середине августа 1913 г. Горький просил В.И. Анучина охарактеризовать Гребенщикова: «Человек этот очень интересует меня, но — не могу разобраться в нем. Хотите помочь? Сообщите Ваше мнение о нем» (Там же. Т. 11. С. 33). Письма Анучина с характеристикой Гребенщикова в *АГ* нет.

¹¹ 20 декабря 1912 года Гребенщиков писал В.С. Миролюбову: «Таловского я лично не знаю, но слышать о нем приходилось много. Хорошего мало. Я сперва заинтересовался его набросками. Очень живые и не бездарные. После того он проник в сотрудники томской профессорской газеты “Сиб<ирская> Ж<изни>”, а дальше, после того, как посадили Байтева в тюрьму, — и во временные редакторы. Тут-то и заявил себя г. Таловский. “Сиб. Ж.” одно время была им терроризирована. <...> Он влож к губернатору с заднего крыльца. Добивается должности крестьянского начальника <...> За него пострадало несколько десятков крестьян, наказанных административно. Моим сотрудником по “Ж<изни> А<лтая>” г<осподи>ном почтенных лет, бывшим миров<ым> судьей, уволенным за левость, проводилось следствие об изнасиловании г. Таловским крестьянской девушки, но до суда г. Таловский бежал на Дальн. Восток и оттуда вернулся спустя 5 лет, когда девушка вышла замуж и дело прекратилось само собою. В бытность свою волостным писарем г. Т. держал руку властей и через старшину доносил начальству на более ретивых кр<естья>н во время движений 1905–06 гг. Но все это я передаю со слов других, м.б., все это неправда» (Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916) // Алтайский текст в русской культуре: Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. С. 203–204). Об этом же Миролюбову писал В.Я. Шишков (см.: Шишков В.Я. Письма к В.С. Миролюбову (1912–1919) // Литературный архив. 5. М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 228–229).

¹² Адрианов Александр Васильевич (1854–1920) — известный сибирский этнограф, археолог, историк, публицист. В 1917–1919 гг. — главный редактор газеты «Сибирская жизнь», призывавшей к вооруженному сопротивлению большевикам. Расстрелян по приговору Томской ЧК. Подр. о нем см.: *Дэвлет М.А.* А.В. Адрианов как этнограф // Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 9–56.

11.

Печатается по *А* (*АГ*), впервые.

Ответ на письмо Горького от 14(27) марта 1913 г. (Горький. *Письма*. Т. 10. С. 280–284).

Горький ответил 5(18) июня 1913 г. (Там же. Т. 11.С. 13; датировка уточнена по ответному письму Гребенщикова; см. п. 12).

¹ Горький сурово критиковал повесть «Сельская знать» и пришел к выводу: «Не удалась повесть <...> разнес я Вас жестоко, как Вы это и заслужили. Но не следует заключать, что повесть несправедливо плоха, нет, просто ее надобно переделать».

В ответном письме Горький заметил: «Слова “Вы жестоко побили меня” — излишни. Я просто высказался о повести Вашей серьезно и откровенно, имея в виду Ваши интересы, Вашу пользу».

² В письме Горького содержался ряд серьезных претензий к языку повести, в том числе следующие: «Не употребляйте иностранных слов: “инцидент”, “шаблон”, “экскурсия”, “эффект”, “фиал” и т.д., это — паковые слова, русский язык достаточно богат и гибок сам по себе. Петр Иванович слишком часто делает “тактические промахи” — это

надоедает читателю. <...> “Храбриться готовностью” так же неудобно, как “высовываться прочностью”. “Может быть” — неуместно. Или “оскорбительные догадки” были, или их не было, автор должен знать это вполне точно. “Картинка — украшенная молодыми девушками” — явная чепуха. Остерегайтесь чрезмерного употребления глагола “быть”. “Скрипеть горлом” — не позволяет устройством горла. “Толповый смех”, “разговор, который являет собой” — это все не русский язык. <...> Язык — для писателя, инструмент, которым необходимо владеть ловко, свободно, легко. Нельзя говорить “сломаный топор” — это не точно, сломано может быть топориче, топор же “вызубрен”, “вышерблен” — мне трудно представить топор, часть которого отломлена. Между “отломить” и “отбить”, “отколоть” и “расколоть” есть известная разница, ее нужно знать».

³ Горький считал этот образ главной неудачей Гребенщикова в «Сельской знати»: «Доктор у Вас чрезмерно болтлив, глуповат и неинтеллигентен. Трудно допустить, чтоб человек, кончивший университет, употреблял столь неловкие словопоставления, как, напр., “охлаждающие причины”, “следить за порядком газет”, “любопытство к женскому обществу”, “совершенство зрелости”, “подробная интимность” и т.д. Все эти словечки вызывают комическое впечатление, они более уместны в устах военного писаря, начитавшегося “Родины” и “Нивы”, чем на языке человека, прошедшего университет. <...> У него нет интереса к литературе, искусству. Как действует на него природа? Играет он в карты? Есть у него какой-либо свой жест, свое слово, своя, преобладающая надо всем мысль? Вы не дали ему ни одной живой черты, которая осталась бы в памяти читателя как индивидуально присущая этому человеку. Хоть бы бородавку на нос посадили. Он, наконец, ничего не говорит о своей науке, не хвастается ее силой, своим с нею знакомством, что было бы так естественно и всегда наблюдается в молодых врачах. <...> Его отношение к девицам тоже странно, — врач прекрасно знает, что такое женщина, и знает все “подробные интимности”, он едва ли девственник и конфузиться ему нечего. Люди, изучавшие медицину, всегда склонны выдвигать на первый план узко физиологические объяснения психических явлений. Одним словом говоря, — у Вашего доктора не развита профессиональная психология...»

В ответном письме Горький пояснял свою точку зрения: «В моем отзыве о повести Вашей ничего обидного для Вас нет. Дело очень просто и ясно: Вы прислали мне рукопись для отзыва, я сказал Вам: на мой взгляд — работа не удалась, особенно неудачно центральное лицо повести. <...> У меня есть свой опыт, я видел много молодых докторов, вероятно, больше, чем Вы, Ваш доктор не типичен, а искусство всегда стремится подметить типичное, создать тип».

⁴ Двадцатник — чиновник. Ср. в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река»: «пропившиеся двадцатники — так звали здесь чиновников» (*Шишков В.Я. Собр.соч.:* В 8 т. М.: Правда, 1983. Т. 3. С. 5).

⁵ Горький советовал Гребенщикову поучиться языку у Бунина: «Последние рассказы Бунина, талант которого все развивается, восходит на высоту талантов Тургенева и Чехова, эти рассказы дадут Вам понять, как можно строить повесть, располагать материал — научат, как нужно слить слова с образом. Возьмите, на пробу, в “Суходоле”, рассказ “Захар Воробьев” — посмотрите, как это сделано, посмотрите — в начале 107-й стр. — как автор сразу заставит Вас почувствовать всю страшную тоску русской жизни».

⁶ В рецензии на журнал «Заветы» Гребенщиков писал о рассказе И.А. Бунина «Веселый двор»: «Бунин известен своей холодной и почти бесстрастной формой изображения деревенской жизни <...> Автор блещет знанием деталей деревенской жизни, он большой художник <...> язык его героев бесподобен, но в художественной правде, в непогрешимости насчет мужичьей психики мы позволим себе усомниться, и если бы в народе был только один похоронный мотив или мотив униженной пригнетенности, исключительной злобы и бессилия, как это рисует всегда нам г. Бунин, — наш народ не мог бы выносить на своих плечах тех чудовищных тягот, какие он выносил вместе с нашим собственным, интеллигентским благополучием. Поэтому изображать в народе одно бессилие, одну злобу и одну только грязь, по нашему скромному разумению, значит не знать души народной» (*Жизнь Алтая.* 1912. № 163. 22 июля. С. 4).

5 апреля 1914 года Гребенщиков писал В.С. Миролубову, что «даже Горького рассердил своим мнением о “Деревне” Бунина». В частном письме Гребенщиков еще

более откровенно пишет, что, по его мнению, Бунин — «большой», но «злой и односторонний талант»: «Лица <...> настоящей деревни, души ее, сердца ее — Бунин или не увидел или не хотел увидеть. Это, видимо, черствый и холодный писатель <...> печально было то время, когда за ним все так и кинулись с камнями на деревню» (*Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916) С. 172–233; С. 213*).

В ответном письме Горький с досадой замечал: «Я не убеждал Вас “любить” Бунина, но советовал Вам учиться у него знанию русского языка, ибо Вы этот язык знаете плохо. Нельзя писать “проницательность в сущность вещей”».

⁷ Письмо Гребенщикова вызвало резкую реакцию Горького: «Я очень удивлен Вашим письмом, оно преисполнено всяких неожиданностей для меня. <...> Критика — суждение, а не суд, критику нужно слушать внимательно, торопливость же здесь неуместна. Выслушайте десять советов и сделайте по-своему, как Вам кажется лучше <...> мой взгляд для Вас необязателен и сердиться на меня у Вас нет причин. По отношению к Вам я стою в позиции читателя, у которого Вы спрашиваете его мнение о Вашей работе. Я, читатель, отнюдь не обязан говорить Вам только лестное».

⁸ Имеется в виду рецензия Г. Вяткина на первую книгу Гребенщикова «В просторах Сибири», напечатанная в барнаульской газете «Голос Алтая» 9 мая 1913 г. Позднее он поместил рецензию на этот сборник Гребенщикова в газете «Речь». В ней, в частности, сказано: «К сожалению, г. Гребенщиков, при его несомненном умении наблюдать и зарисовывать, не дает в своих рассказах более или менее исчерпывающих картин, взгляд его скользит по ним чаще поверхностно, и гущу жизни, нутро ее он затрагивает редко, — очевидно, его дарованию это не под силу» (*Вяткин Г. В просторах Сибири // Речь. 1913. № 281. 14 ноября. С. 6*).

⁹ «Вы пишете: “не обещаю Вам вести себя тихо и смирно”, — не понимаю, зачем это сказано. Ничего подобного я Вам не рекомендовал и не мог рекомендовать», — отвечал Горький.

¹⁰ «Мой отзыв о повести Вашей не мог быть известен Вяткину, — о какой солидарности идет речь? Указания, сделанные Вяткиным в рецензии на книгу Вашу, на мой взгляд, верны и ценны для Вас», — писал Горький в ответном письме.

Г.А. Вяткин вернул Гребенщикоу повесть «Сельская Знать». 13 июня 1913 года В.Я. Шишков писал В.И. и С.Ф. Анучиным: «Кум! С “С<ельской> Знатью” скандал. Скандалит Вяткин Г.А. Он вернул “С<ельскую> З<нать>” Гребенщикоу не для переделки <...>, а забраковал ее окончательно именем Комитета. Гребенщиков лезет на стену, обрушившись на меня. <...> Прошу тебя, очень прошу встать на защиту Гребенщикова. Разве так можно обижать людей. Вяткин (и хватило же бестактности) отказ написал на открытом отрезном купоне сопроводит<ельного> адреса» (*Черняева Т.Г. Письма Г.Д. Гребенщикова и В.Я. Шишкова (1912–1919). С. 226–227*).

В.И. Анучин вспоминал в письме С.Е. Кожевникову 26 апреля 1941 года: «А.М. Горький предложил внести переделку в рассказ Г. Гребенщикова, а Вяткин, будучи секретарем редакционного комитета, вернул рукопись Гребенщикоу, причем в открытке написал: “Рассказ возвращается за непригодностью”. Конечно, Гребенщиков взбеленился и отказался от участия в сборнике. В.Я. Шишков съездил к Гребенщикоу, и дело уладилось...» (*Горький и Сибирь. С. 84*).

¹¹ Эта неловкая фраза дала еще один повод Горькому упрекнуть Гребенщикова в плохом знании языка. См. выше примеч. 6.

12.

Печатается по А (АГ). Впервые: *ЛН Сибири*. Т. 1 С. 23–24 с купюрами: «Все то немного ~ Неужели дерзостей?! Ужасно!»; «Но я еще вот что скажу ~ Это мне принесет кое-какую пользу».

Ответ на письмо Горького от 5(18) июня 1913 г. (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 13; датировка уточнена по настоящему письму).

Ответ Горького не разыскан.

¹ См. п. 11.

² 4 июня 1913 года в письме Е.А. Ляцкому Гребенщиков сетовал: «Недавно я писал Вам о кое-каких своих невзгодах. Оказывается, к ним прибавилась еще одна: “Настасью” мою Вы забраковали» (*Чернышева Т.Г.* Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916). С. 172–233; С. 189). Горький писал Гребенщикову 15(28) июля 1911 г., что его рассказ «В полях» значительно лучше и проще «Настасьи» и замечал: «Очень странно, что Настасья, способная убить человека, сдалась насильникам без той упорной драки, которая должна бы насажать синяков и ссадин на шею, лицо и плечи ей. Вообще насилие плохо обособно у Вас» (*Горький. Письма.* Т. 9. С. 68).

³ См. п. 6, примеч. 3.

⁴ Гребенщиков имеет в виду, что неоднократно посылал рукопись рассказ на Капри и в Петербург, в редакцию «Современника».

⁵ *Гусаков А.* Георгий Гребенщиков. В просторах Сибири. Рассказы. Издательское товарищество писателей. СПб. 1913 // *Современник.* 1913. № 5. С. 23–24. Рецензент отмечал новый подход Гребенщикова к написанию «сибирского» рассказа и изображению сибирского мужика, «любовь к изображаемому быту и люду», «особую простоту <...> и душевность» его рассказов: «В самом отношении его к жизни лежит здоровое, бодрое, молодое чувство, также сильна у него любовь к природе и при том своей, “сибирской” <...> В своих описаниях г. Гребенщиков — тонкий и вдумчивый художник, умеющий наслаждаться красотой в природе и говорить о ней живыми, яркими и правдивыми образами <...> литература наша может многого ожидать от молодого, свежего, бодрого дарования, которое в разобранной нами первой книжке рассказов, можно предполагать, только начинает еще разворачиваться» (С. 24). «Рецензия написана удивительно вдумчиво, спокойно, серьезно и многому меня обязывает», — писал Гребенщиков Е.А. Ляцкому 12 июня 1913 года (*Чернышева Т.Г.* Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916). С. 191).

⁶ См. п. 11, примеч. 8.

⁷ *Алтайский альманах* / Под ред. Г.Д. Гребенщикова. Обложка художника Г. Гуркина. Заставки и концовки Гр. Гуркина и Ив. Вандакурова. СПб., 1914. Был задуман и вышел в свет как бесплатное приложение к газете «Жизнь Алтая».

13.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Письмо Горького не разыскано.

² «Алтайский альманах». См. п. 12, примеч. 7.

³ Имеется в виду второй том рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири», изданный в Петрограде в 1915 г. «Издательским товариществом писателей».

⁴ Беседка — лавка, скамейка; сиденье для кучера, ямщика в повозке, телеге, санях (Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1979. С. 27).

⁵ В марте 1913 г. в связи с амнистией, объявленной в честь 300-летия династии Романовых, возникла возможность возвращения Горького в Россию. Горький приехал в канун 1914 г.

⁶ В 1900–1909 гг. издательство «Знание» выпустило девять томов рассказов и пьес Горького (по существу, — собрание сочинений), написанных (кроме «Исповеди») до 1906 г. После разрыва Горького со «Знанием» издание его сочинений было продолжено издательством «Жизнь и Знание», которое выпустило в 1914–1917 гг. X–XX тома сочинений Горького, завершившие единственное до революции собрание его сочинений (Подробнее см.: *Прохоров Е.И.* Текстология художественных произведений М. Горького. М.: Наука, 1983. С. 126–150).

⁷ М.Ф. Андреева.

14.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Рассказ «Настасья» напечатан в журнале «Современный мир» (1915. № 1. С. 27–53). Во вторую книгу рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири» (Пг., 1915) рассказ не включен.

² В конце 1913–начале 1914 г. никто из участников «Сибирского сборника» не получал от Горького ответа на вопрос о судьбе издания. Это объясняется разрывом деловых отношений Горького с издательством «Знание» (См.: Азадовская Л. «Сибирский сборник» 1912 года: История несостоявшегося издания. С. 139–140, 142).

³ «Ежемесячный журнал» (1914–1917).

⁴ Имеются в виду рассказы «Лесные короли» (Ежемесячный журнал. 1914. № 1) и «На Иртыше» (Ежемесячный журнал. 1914. № 2).

⁵ Гребенщиков Г.Д. Волчья жизнь // Современник. 1913. № 11. С. 3–14.

⁶ В результате противоречий, возникших между Горьким и Ляцким по вопросам ведения журнала, Горький в письме от 27 мая 1913 г. отказался от сотрудничества в «Современнике» (Горький. Письма. Т. 10. С. 332). В июле журнал покинул и Ляцкий, состав редакции изменился. Подробнее см.: Муратова К.Д. «Современник» // Русская литература и журналистика начала XX в. 1905–1917. Большевицские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 162–201.

15.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Горький вернулся в Россию 31 декабря 1913 г. и, стараясь избежать назойливого внимания полиции и возможного ареста, поселился в Финляндии, недалеко от железнодорожной станции Мустамяки. 9 января 1914 г. (№ 6) газета «Русское слово» сообщила, что дачу, в которой проживает писатель, «ежедневно осаждают корреспонденты различных, в том числе иностранных газет». 10 января Горький писал о том же Е.П. Пешковой: «Корреспондентов, репортеров! Как блох» (См.: Горький. Письма. Т. 11, п. 105 и примеч.). Департамент полиции установил «неотступное» наблюдение за Горьким (ЛЖТ. Вып. 2. С. 401–402).

² Имеется в виду письмо редактору газеты «Русское слово» от 14 марта 1914 г. (Русское слово. 1914. № 63. 16 марта), в котором Горький, отвечая на многочисленные просьбы «лиц, страдающих туберкулезом», рассказывал о методе лечения туберкулеза доктора И.И. Манухина и писал, что в настоящее время чувствует себя «совершенно здоровым» (Горький. Письма. Т. 11, п. 131. С. 83–84).

16.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Письмо Горького не разыскано.

² Гребенщиков Г.Д. В просторах Сибири: Т. II. Пг.: Издательское товарищество писателей, 1915.

³ «Из песни слово». См. п. 21, примеч. 8.

17.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ В «Биржевых ведомостях» (1914. № 14372. 14(27) сентября) было опубликовано «Письмо М. Горького к Ф.И. Шаляпину», написанное на самом деле сотрудником газеты М.М. Берманом (см.: Горький. *Письма*. Т. 11. С. 375, 133). Горький направил письмо-опровержение в газету «День», опубликованное 16 сентября 1914 г. (№ 251). См.: Горький. *Письма*. Т. 11, п. 205 и примеч.

² Отрывок из повести «В людях» (19 глава) под заглавием «В театре и цирке» (Русское слово. 1914. № 297. 25 декабря).

³ Во время Первой мировой войны Л. Андреев отстаивал национально-патриотические позиции. В *АГ* хранятся многочисленные вырезки из газет с его статьями «Война и студенчество» (*АГ*. ГЖВ-3-12; Биржевые ведомости. 1914. 12(25) окт.), «Слово о Сербии» (*АГ*. ГЖВ-3-25; Биржевые ведомости. 1914. № 14488. 11 нояб.), «В сей грозный час» (*АГ*. ГЖВ-3-40; Биржевые ведомости. 1914. 7 (20) дек.) и др.

⁴ «Дом науки» был открыт в Томске 7 октября 1912 года. Этому событию Гребенщиков посвятил один из очерков цикла «Письма к друзьям» (*Гребенщиков Г.Д.* Письма к друзьям. III: На открытии «Дома Науки» // *Жизнь Алтая*. 1912. № 232. 18 окт. С. 3).

⁵ Ответное письмо Горького не разыскано.

18.

Печатается по *А (АГ)*, впервые.

¹ Письмо Горького не разыскано.

² В конце 1914 г. Горький задумал издание сборника рассказов о современной деревне «Русь». Замысел не был осуществлен (см.: Горький. *Письма*. Т. 11. С. 144, 146, 152, 396). Повесть Гребенщикова «Любава» была опубликована в «Летописи» (1916. № 1 (январь). С. 35–76).

³ 26 января (8 февраля) 1915 г. Горький писал С.В. Малышеву: «Чувствуется необходимость в большой газете демократического блока, каковая и налаживается, не торопясь» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 155). Весной этого же года Горький принял решение издавать не газету, а журнал. Первый номер журнала «Летопись» вышел в декабре 1915 г.

19.

Печатается по *А (АГ)*, впервые.

¹ Л.Н. Гребенщикова, урожденная Степанова, первая жена Гребенщикова.

² Окончательное название повести — «Любава». См. п. 18, примеч. 2.

20.

Печатается по *А (АГ)*, впервые.

Горький ответил в середине июля 1915 г. (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 184).

¹ Пьеса «Из песни слово». См. п. 21. примеч. 8.

² Горький отвечал: «... Какой там “сдвиг” — батюшка, просто, сидим по уши в грязи, в крови, во лжи — и все хвастаем: экой, мы, сильный народ! Мы хвастаем, а нас — бьют. Патриотизм, о коем Вы пишете, мне совершенно чужд и враждебен». Писатель воспринял начало войны в Европе как «первый акт трагедии всемирной» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 119. п. 187). Горький видел в ней опасность гибели европейской культуры, напрямую связывая эту опасность с возрождением национально-патриотических настроений в русском обществе. Он считал неоправданным участие «отсталой» России в войне против «более культурной» Германии и ратовал за скорейшее заключение мира. Подробнее см.:

«Статьи — на современную тему... Цензура не пропустит» / Вст. ст., подгот. текста и примеч. И.А. Ревякиной // *Публицистика Горького*. С. 249–289; Цикл статей М. Горького «Письма к читателю» / Вст. ст., подгот. текста и примеч. Е.Н. Никитина // Там же. С. 290–343.

³ Имеется в виду письмо Г.А. Вяткина, опубликованное в «Сибирской жизни» 19 апреля 1915 г. (№ 84. С. 3): «По поводу слухов о ликвидации проектированного “Сибирского сборника” позвольте довести до сведения заинтересованных лиц о следующем: в конце марта н.г. я ездил в Финляндию к М. Горькому, подробно говорил с ним по поводу сборника, и в результате нашего разговора выяснилось:

1) что выход книги задержался отчасти вследствие недоразумения, отчасти по непредвиденным обстоятельствам,

2) что значительная часть литературно-художественного материала М. Горьким одобрена,

3) выход книги желателен и вероятен в сентябре нынешнего года, причем авторы, рукописи которых, первоначально предполагавшиеся для сборника, уже напечатаны в журналах, — дадут свои произведения и

4) сборник издает не “Знание”, прекратившее свою деятельность, а новое издательское товарищество, одним из руководителей которого состоит М. Горький.

При вторичном моем свидании с писателем в Петрограде он подтвердил все вышеизложенное и выразил полную уверенность в успехе сборника.

Мелкие непригодные рукописи уничтожены, а за справками о крупных прошу гг. авторов обращаться ко мне, с 1 мая по 1 июня, по адресу: Томск, “Сибирская жизнь”.

Член Редакционного комитета “Сибирского сборника” *Г. Вяткин*.

Петроград, 7 апреля» (Цит. по: *Азадовская Л.* «Сибирский сборник» 1912 года: История несостоявшегося издания. С. 141).

⁴ В ответном письме Горький так комментировал эту ситуацию: «Я не намерен защищать Вяткина и никого не хочу учить, но — вот в чем дело: ваш “редакционный комитет”, прислав мне рукописи, перестал отвечать на мои письма, и более года я не имел от него никаких сведений. <...> Встретив Вяткина в Питере и вспомнив, что он — член комитета, я предложил ему двинуть дело к развязке. <...> Если сборник нужен вам, сибирякам, его надобно строить, и чтобы к осени он был готов для печати. Мне нет никакого дела до ваших сибирозвенных отношений друг ко другу, и я вовсе не заинтересован в том, кто у кого и какие права узурпировал. Я 30 лет наблюдаю, как русские люди грызут друг другу головы, и до сего дня не открыл ни капли смысла в этом любезном занятии».

⁵ Замечания Горького относительно рассказа «Любавин муж» («Любава»), вероятно, были переданы Л.Н. Гребенщиковой, как и просил об этом Гребенщиков (см. п. 19).

⁶ Лундберг Евгений Германович (1883–1965) с марта 1914 г. возглавил отдел литературы и искусства журнала «Современник». Горький ответил, что «Лундберг давно ушел из “Современника”, а журнал этот не будет выходить до осени». В 1915 г. не вышли в свет 4 номера журнала (№ 6–9), октябрьский номер этого года стал последним.

⁷ Письмо Горького от января 1915 г., в котором он предложил Гребенщикову участие в сборнике и газете, не разыскано. Некоторое представление о его содержании можно получить из ответного письма Гребенщикова (см. п. 18, примеч. 1, 2).

⁸ Тигирецкий хребет на северо-западе Алтая. Белками на Алтае и в Сибири называют покрытые снегом вершины гор и горные ледники (Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1979. С. 24; Словарь русских народных говоров: Вып. 2. М.; Л.: Наука, 1966. С. 220).

21.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ на письмо Горького от середины июля 1915 г. (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 184).

¹ См. п. 20, примеч. 4.

² *Гребенщиков Г.Д.* Настасья // *Современный мир*. 1915. № 1. С. 27–53. Горький с

неодобрением писал, что один из рассказов, присланных ему редакционным комитетом «Сибирского сборника», «давно лежит в редакции “В<естника> Е<вропы>” и скоро будет напечатан».

³ *Шишков В.Я.* Ванька Хлюст // Ежемесячный журнал. 1914. № 10. С. 4–16.

⁴ В частности, Г. Вяткин, опубликовавший этюд «Снегурочка» в «Вестнике Европы» (1915. № 8. С. 49–62).

⁵ Имеются в виду объявления в газете «Сибирская жизнь», например: «“Сибирский сборник”. Известное петербургское кн-во “Знание” изъявило согласие дать особый “Сибирский сборник” (произведения авторов-сибиряков), по образцу сборников “Знания”. Редакционный комитет будет находиться в Томске.

Лица, желающие принять участие в сборнике, с присылкой рукописей и с запросами имеют обращаться к Всеволоду Михайловичу Крутовскому (Томск, Редакция “Сибирской Жизни”).

В.И. Анучин. Г.А. Вяткин. В.Я. Шишков.

Просим другие сибирские газеты перепечатать» (Сибирская жизнь. 1912. № 196. 2 сент. С. 5–6).

16 июня 1913 г. «Сибирская жизнь» сообщала: «В настоящее время закончены все работы по организации сборника и выясняется его приблизительный состав. Кроме известных уже по Сибири авторов, сборник даст произведения нескольких новых беллетристов. Книга будет печататься в Петербурге и выйдет в свет, как и предполагалось, в октябре текущего года» (№ 131. С. 3).

⁶ В июне-сентябре 1915 г. «Современник» не выходил. Горький отправил Потанину приветственную телеграмму: «Сердечно приветствую Вас, глубокоуважаемый Григорий Николаевич», — опубликованную в газете «Сибирская жизнь» (1915. № 211. 29 сент. С. 4)

⁷ Ответ на вопрос Горького о редакционной статье для «Сибирского сборника». Гребенщиков написал юбилейную статью о Потанине «Большой сибирский дедушка» (Ежемесячный журнал. 1915. № 9–10. С. 262–279). В «Жизни Алтая» (1915. № 207. 20 сент.) была напечатана статья Гребенщикова «Великий сын Сибири (Наброски в альбом имени Г.Н. Потанина)».

⁸ Ответ Горького неизвестен. 3–7 ноября 1915 г. М.Ф. Андреева писала Горькому о «синаматографических проектах», в которых сильно влияние народников, и замечала: «Вот для чего хороша может быть драма Гребенщикова, ее легко переделать в сценарий и в этом виде она могла бы сыграть, мне кажется, хорошую роль. Нельзя ли поскорее снести с ним по этому поводу, как ты думаешь» (*Андреева. С. 244*).

22.

Печатается по *А (АГ)*, впервые.

¹ Речь идет о первом номере журнала «Летопись», вышедшем в декабре 1915 г.

² Гребенщиков пишет о повести И. Вольнова «Круги жизни» (Летопись. 1915. № 1 (дек.). С. 26–53).

³ Имеется в виду цикл Горького «По Руси». Под этим заглавием в 1915 г. в XIX том сочинений Горького вошли «Записки проходящего».

⁴ Обими руками.

⁵ *Замиралов А. Кира:* Рассказ // Летопись. 1915. № 1 (дек.). С. 54–64.

⁶ В первом номере «Летописи» (дек. 1915 г.) под общим названием «Воспоминания» были напечатаны очерки Горького «Светло-зеленое с голубым», «Книги», «Как сложили песню», «Птичий грех» (С. 4–25). Позднее вошли в книгу «Ералаш и другие рассказы» (Пг.: Парус, 1918), а при подготовке Собрания сочинений в берлинском издательстве «Книга» (1923–1928) были включены Горьким в состав цикла «По Руси». В этом номере «Летописи» была также напечатана статья Горького «Две души» (С. 123–134), вызвавшая широкий резонанс. Однако к моменту написания письма Гребенщиков, по-видимому, не успел ее прочитать.

⁷ *Гейне Генрих.* Предисловие к «Романсеро» / Пер. Натана Венгрова // Летопись. 1915.

№ 1 (дек). С. 110–115.

⁸ Гребенщиков пишет о стихотворениях М. Герасимова «Ночной бой», «Аргона», «Шампань», «Весна», «Я вижу пламенные ризы...», напечатанных в том же первом номере «Летописи» (С. 65–69).

⁹ В разделе «Библиография» вышеупомянутого номера «Летописи» была помещена заметка Натана Венгрова о поэме В. Маяковского «Облако в штанах», в которой рецензент пишет о «подлинном трагизме <...> стихов» Маяковского, иногда переходящем в трагикомизм. Называя поэму «дикой нелепой жестокой книгой», Н. Венгров выражает надежду, что недостатки поэзии Маяковского уйдут, «когда в футуризме окончательно ликвидируется скандал» (Летопись. 1915. № 1 (дек). С. 388).

¹⁰ Там же, в первом номере «Летописи» (С. 390) помещена в целом доброжелательная рецензия М. Левидова на сборник рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири» (Т. II. Пг.: Издательское товарищество писателей, 1915). Левидов писал: «В полуэтнографических рассказах г. Гребенщикова не найти захватывающей фабулы, острых психологических моментов, ярко выраженных проблем. Но он умеет видеть, слышать и о виденном и слышанном интересно, подчас красиво и образно рассказать. Запас наблюдений его весьма велик <...> природу сибирскую, дико-прекрасную, г. Гребенщиков понимает, чувствует и умеет воссоздавать на страницах своих рассказов. Талант его <...> не глубок, не блестящ, но крепок и устойчив». Гребенщикова возмутили слова рецензента: «...Он рассказывает о жизни киргизов, вырождающихся от пьянства, выгоняемых голодом и людьми из своих необъятных степей».

¹¹ В воспоминаниях о Потанине, написанных в Висбадене в 1923 г., Гребенщиков писал: «В 1915 году <...> по просьбе М. Горького я принес ему для “Летописи” сибирский очерк о личности Г.Н. Потанина.

— Да ведь это же акафист! — воскликнул Горький.

— Иначе не могу писать о нем, — ответил я.

Очерк был мне возвращен и затем где-то исчез во время крушения армии» (Гребенщиков Г. На склоне дней его: (Из воспоминаний о Гр.Ник. Потанине) // Вольная Сибирь. Прага, 1926. № 1. С. 66).

23.

Печатается по А (АГ), впервые.

Горький ответил 19 февраля 1916 г. (Горький. Письма. Т. 12. С. 20).

¹ Горький отвечал: «Первая часть повести Вашей, Георгий Дмитриевич, вызвала у меня очень хорошее впечатление. Всё написано крепко, уверенно, надолго и — с большим знанием.

Есть некоторые колебания в языке — вообще хорошо и в меру сохранившем местный колорит. Но — местами Вы впадаете в нарочитый тон Андрея Печерского, который Вам — не учитель. Растянуто описание усадьбы Чураева. Очень хороша первая глава. Всё это — мелочи, но Вы пишете большую вещь, и мелочи, хотя бы чуть-чуть затеняющие ее красоту, — необходимо устранить.

Обязательно продолжайте писать, мне кажется, эта повесть Ваше лучшее, т.е. лучшее из всего, что Вами уже сделано.

Боюсь, что война разрушит Ваши сложившиеся впечатления, помешает Вам кончить повесть. Очень боюсь!»

² 5 февраля 1916 г. Гребенщиков писал Е.А. Ляцкому: «Теперь еду на войну как старший санитар при одном из сибирских отрядов и как корреспондент» «Русских ведомостей» и «Дня»» (Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916). С. 202). Ляцкому Гребенщиков сообщил тот же адрес, что и Горькому.

24.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Возможно, имеется в виду Хохлов Кузьма Гаврилович — поэт, рекомендованный Горькому Буниным в письме от 16 ноября 1915 г.: «Дорогой Алексей Максимович, едет в Петербург некто К.Г. Хохлов, рабочий, пишущий стихи, по-моему, по натуре очень талантливый человек. Не позволите ли ему явиться к Вам, не обратите ли внимание на него?» (Горький. *Письма*. Т. 12. С. 304). Горький письмом пригласил Хохлова в редакцию журнала «Летопись» (Там же. С. 30), а одно из его стихотворений напечатал в «Сборнике пролетарских писателей» (Пг.: Парус, 1918. С. 160).

² О нем Гребенщиков упомянул, предвеляя первое отдельное издание романа «Чураевы» описанием истории его создания и спасения рукописи в годы Гражданской войны: «Помню яркий, белоснежный полдень — 5-го февраля 1917 г. <...> и braveго георгиевского кавалера — моего фельдфебеля Александра Филипповича Медведева из Армавира и почти всю команду поименно и в лицо — именно в этот полдень я окончил свой роман...» (*Гребенщиков Г.Д.* Чураевы: Роман. Париж: Русская печать, 1922. С. 5).

25.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ См. п. 24, примеч. 1.

26.

Печатается по машинописному тексту на телеграфном бланке (АГ), впервые.

Датируется по телеграфному бланку. На бланке также карандашом отмечено, что телеграмма принята 19. 1917 (без указания месяца) в 11 ч. 20 м.

Поздравление вызвано событиями Февральской революции 1917 г., которые, в сознании многих современников Горького и Гребенщикова ассоциировались с Пасхой. Ср., например, письмо В.Я. Шишкова В.И. Анучину от 25 марта 1917 г.: «С праздником Вас Светлым поздравляю, с воскресшей РУСЬЮ. Ни календари, ни волхвы, ни звезды не могли предсказать, что так блистательно произойдет переворот» (*Шишков В.Я.* Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1956. С. 252).

27.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Речь идет об ожесточенном артиллерийском обстреле Киева перед его захватом Красной армией 8 февраля 1918 г. Уже 1 марта этого года в город вошли австро-германские войска.

² Цитата из рассказа Горького «Рождение человека»: «...Ведь и солнцу, часто, очень грустно смотреть на людей: так много потрудилось оно для них, а — не удались людишки...» (Горький. *Сочинения*. Т. 14. С. 144).

³ «Слово» — литературно-художественные сборники Книгоиздательства писателей в Москве. С 1913 по 1918 г. было выпущено 8 сборников.

⁴ Имеются в виду массовые расстрелы и расправы с защитниками и жителями Киева после захвата города Красной армией. Так, захватив Киево-Печерскую лавру, красноармейцы 7 февраля 1918 г. расстреляли и искололи штыками семидесятилетнего митрополита Киевского и Галицкого священномученика Вениамина.

28.

Печатается по *АМ (АГ)*, впервые.
Последние две строки и подпись — автограф.

¹ Письмо с просьбой не дошло до Горького, по его собственному признанию (см. п. 29, примеч. 2).

² Вероятно, речь идет о замысле романа «Былина о Микуле Буяновиче».

29.

Печатается по *А (АГ)*, впервые.
Горький ответил 7 апреля 1922 г. (*ЛН Сибири*. Т. 1. С. 26–27; Горький. *Письма*. Т. 14. С. 43–44).

¹ См. п. 28. Второе письмо Гребенщикова из Крыма не разыскано.

² Горький ответил: «Дорогой Г.Д.! В России я Ваших писем не получал и в небрежном к Вам отношении неповинен».

³ Имеется в виду враждебное отношение к Горькому большей части русской эмиграции.

⁴ *Гребенщиков Г.Д.* Чураевы // *Современные записки*. Париж, 1921–1922. № 5–10. Отдельное издание: *Гребенщиков Г.Д.* Чураевы: Роман. Париж: Русская печать, 1922. 238 с. Горький отвечал: «Об успехах и деяниях Ваших читал и слышал, а “Чураевых” не читал, — на Русь зарубежная литература просачивается каплями».

⁵ *Гребенщиков Г.* Собр. соч.: В 6 т. Париж: Рус. кн. т-во Я. Поволоцкий и К°, [1922–1923].

⁶ Издательство «Société de Press» в Париже.

⁷ Среди писателей, которым помогал Гребенщиков, многие: К.А. Тренев, С.Н. Сергеев-Ценский, И.С. Шмелев, С.Я. Елпатьевский — жили в Крыму, когда там оказался Гребенщиков. Летом 1918 года он с Т. Стадник поселился по соседству с семьей Елпатьевских (*С двух берегов*. С. 228–229, 260), не раз приезжал в Алушту, где встречался с С.Н. Сергеевым-Ценским и И.С. Шмелевым, бывал в Симферополе у К. Тренева (*Гребенщиков Г.* Как много в этом звуке... // Памяти Ивана Сергеевича Шмелева: Сборник / Под ред. В.А. Маевского. — Мюнхен, 1956. С. 58; *Гребенщиков Г.* Писатель: Из крымских очерков / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.М. Богоявленской // Крымский архив. Симферополь. 2002. № 8. С. 404–408). Ксения Михайловна Жихарева — переводчица, в 1914–1924 гг. жена В.Я. Шишкова.

⁸ Сын Гребенщикова Анатолий жил в Петрограде у В.Я. Шишкова. 18 ноября 1921 г. Гребенщиков сообщил И.А. Бунину «большую и волнующую новость»: «...Мой мальчик снова добрался с Алтая в Петербург и прислал на этот раз мне собственноручное, чудесное письмо» (*С двух берегов*. С. 240).

⁹ В апреле 1921 г. М.Ф. Андреева в качестве комиссара Экспертной комиссии была командирована за границу для реализации собранных на экспорт художественных изданий; затем она была назначена заведующей художественно-промышленным отделом Советского торгпредства в Гремании, а в январе 1922 г. — уполномоченным Наркомвнешторга по делам кинематографии за границей (*Андреева*. С. 648–650).

30.

Печатается по *А (АГ)*, впервые.

Слова «Вы этим <...> вполне приемлемую» подчеркнуты Горьким красным редакторским карандашом, слова «я дал бы в Ваш журнал» подчеркнуты дважды, на полях рукой Горького написано: «Дурак».

Ответ на письмо Горького от 7 апреля 1922 г. (*ЛН Сибири*. Т. 1. С. 26–27; Горький. *Письма*. Т. 14. С. 43–44).

¹ См. п. 29 примеч. 5.

² Горький предлагал Гребенщикову принять участие в журнале «Беседа»: «Организуем журнал научно-литературный, ежемесячный, большой, участвуют в нем: по науке — профессора Ферсман, С.Ф. Ольденбург, Тарле и т.д. по литературе: вся новая — очень талантливая! — молодежь в России, отсюда — А.Н. Толстой, А.М. Ремизов, А. Белый, приглашаем крымцев — Тренева, Ценского и др. Не хотите ли и Вы? Журнал — без политики, только естественные науки и литература».

³ В 1916–1921 гг. Гребенщиков опубликовал в различных изданиях ряд циклов рассказов и очерков, имеющих дневниковый характер: «Мимолетные безделицы», «Из страничек военного быта», «Из очерков о близком и далеком», «Крымские очерки», «Письма из Царьграда», «Путевые очерки. В Африку». Газетные и журнальные вырезки — очень часто с новой авторской правкой, дополнениями, вставками» хранятся в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая — ГМИЛИКА (Корниенко В.К. Архив Г.Д. Гребенщикова в Музее истории литературы, искусства и культуры Алтая // Гуляевские чтения: Вып. 1. Барнаул, 1998. С. 30).

⁴ «Былина о Микуде Буяновиче».

⁵ В.Я. Шишков и К.М. Жихарева.

⁶ АРА (ARA) — Американская администрация помощи (American Relief Administration) во главе с министром торговли США Гербертом Гувером была создана для оказания помощи европейским странам, пострадавшим во время Первой мировой войны. Действовала в Советской России с 1921 по 1923 г.

⁷ В.А. Росов пишет, что в 1921–22 гг. Гребенщиков предпринимал попытки «помочь выехать из России сыну Анатолию и своей первой жене Людмиле Николаевне. Он хлопочет об оформлении для них документов на выезд через Финляндию в Прагу, предполагая впоследствии поселить их в пригороде Парижа» (*С двух берегов*. С. 268).

⁸ Анатолий Гребенщиков, по-видимому, действительно ездил в Сибирь за матерью. В.Я. Шишков 13 августа 1922 г. писал В.И. Анучину: «В сентябре сюда приезжает Людмила Николаевна Гребенщикова с Толей. Она собирается к Егорушке, а Толя не хочет. Я думаю, что поездка в Германию не состоится» (Переписка В.И. Анучина / Публ. и коммент. М.Вексельмана // *Сибирские огни*. 1961. № 4. С. 185). Жена Шишкова К.М. Жихарева вспоминала, что в 1922–23 гг. они «жили дружной коммуной»: «Первым осенью 1922 года приехал с юга мой отец, потом — давнишняя приятельница Вячеслава Яковлевича по Сибири, Капитолина Васильевна Вяткина, за ней — жена Г.Д. Гребенщикова с сыном» (Воспоминания о В. Шишкове. М.: Сов. пис., 1979. С. 82–83).

⁹ Крестинский Николай Николаевич (1883–1938), с 1921 г. — полномочный представитель РСФСР в Германии.

31.

Печатается по А (АГ), впервые.

¹ Ответ Горького неизвестен.

² «Былина о Микуде Буяновиче» (Париж; Нью-Йорк: Алатаз, 1924).

³ На творческом вечере Г. Гребенщикова 30 октября 1923 г. в Париже «артисты Московского художественного театра сыграли первое действие из пьесы Гребенщикова «Сказка о кладах», написанной по мотивам «Былины»» (Росов В.А. Николай Рерих. Вестник Звенигорода. Книга первая: Великий план. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. СПб.: Алетей; М.: Ариаварта-Пресс, 2002. С. 88).

⁴ Имеется в виду письмо Горького от 7 апреля 1922 г. (*ЛН Сибири*. Т. 1. С. 26–27; см. п. 30, примеч. 2). Ответа на свои вопросы, как и на предыдущее письмо, Гребенщиков не получил.

⁵ В литературном приложении к «Накануне» (1922. № 8, прил. к № 68. 18 июня. С. 10) под псевдонимом «Эльзвир» была опубликована статья «Ненужная книга», в которой давалась жесткая оценка романа «Чураевы»: «Время остановилось для автора «Чураевых» <...> Не было ничего. Андрей Белый не писал «Петербурга» и «Котика Летаева», по

касательной пролетели мимо Гребенщикова и Ремизов, и Замятин, и весь “стиль эпохи”, быть может наиболее ярко сказавшийся в “Хуренито” Эренбурга. Все это осталось вне зрения, вне восчувствования Гребенщикова. Он из всей России заметил лишь кусочек дикого сибирского сада, где бегают маралы <...> Книга Гребенщикова вне искусства». Рецензент писал также об однообразии пейзажа и диалога («Профессор говорит также, как сибиряк Чураев, московская курсистка Наденька, как богомолка из скита»), об отсутствии «читабельности» («Скучно, зверски скучно») и выражал недоумение по поводу «той торжественности, с которой парижский толстый журнал пытался преподнести очердного Авсеенку». Вряд ли рецензия написана А.Н. Толстым, недолюбливавшим И. Эренбурга и весь «стиль эпохи». Кто скрывался под псевдонимом «Эльзевир», установить не удалось.

32.

Печатается по *АМ (АГ)*, впервые.

Письмо на бланке издательства «Алатас». Слова «С искренней любовью шлю Вам привет!», подпись и постскриптум — автограф.

К письму приложены вырезки из газет с рукописными пометами Гребенщикова (см. примеч. 1) и *АМ* — план книги о Шаляпине (см. примеч. 2).

Ответное письмо Горького не дошло до Гребенщикова и не разыскано (см. п. 33, примеч. 1).

¹ К письму приложены вырезки из газет с материалами, посвященными 20-летнему юбилею писательской деятельности Гребенщикова (рукой Гребенщикова вписаны названия, даты и номера газет):

Дзюменко Иван. Торжество на вечере Г.Д. Гребенщикова // Рассвет. 1926. № 573. 8 апр. С. 4 (на вырезке приписка: «Посылаю этот голос рабочего, как наиболее трогательный для меня. Г.Г.»);

Стадник Т. Г.Д. Гребенщиков: (К юбилею по случаю 20-летия литературной деятельности), *Бурлюк Дав.* Сегодня вечер Г.Гребенщикова // Русский голос. 1926. № 3972. 4 апр.;

Георгий Гребенщиков о себе (К двадцатилетию его литературной деятельности) // Новое русское слово. 1926. № 4815. 3 апр. С. 2, 6. Гребенщиков пометил на полях вырезки: «Прошу не думать, что это так и написал о себе. Это беседа, напечатанная от моего имени по глупому недоумению ред<акции>», — и подчеркнул в статье слова: «Первым своим литературным учителем считаю М. Горького».

² К письму приложена *АМ* с планом предполагаемой книги о Шаляпине:

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН МОНОГРАФИИ “ШАЛЯПИН”

1) Не только потому, что исполнилось 35 лет артистической деятельности Ф.И. Шаляпина, но и потому, что эта деятельность сама по себе одно из величайших явлений нашей эпохи — должна быть создана прекрасная и значительная книга-монография:

“ФЕДОР ШАЛЯПИН”

или

“ШАЛЯПИН”.

2) Книга должна быть издана самым лучшим образом, художественно и достойно имени Ф.И. Должна быть с любовью продумана каждая страница, каждая иллюстрация.

3) Книга издается на английском языке и, если будет можно, лишь вкратце — текст повторяется по-русски и по-французски.

4) Книга должна быть большого формата, на лучшей бумаге ручной выработки, не менее 200 страниц и не дешевле \$ 25.

5) В процессе создания книга будет вырастать и улучшаться всячески, но пока что мне представляется ее текст приблизительно в следующем виде:

1. — Русское и мировое искусство до эпохи Шаляпина —
(Автор избирается*).
 2. — Природа и народ, давшие Шаляпина (Г. Гребенщиков).
 3. — Детство и юность Шаляпина (М. Горький или сам Шаляпин)
 4. — Шаляпин-Артист (Автор избирается)
 5. — Шаляпин в главных ролях (Автор избирается).
 6. — Шаляпин и его влияние на русское и мировое искусство — (Автор избирается).
 7. — Шаляпин и великие мировые* композиторы (Автор избирается).
 8. — Величайшие современники о Шаляпине (5–7 имен по 1–3 страницы)
 9. — Шаляпин и Человечество** (Автор избирается).
 10. — Шаляпин — об искусстве (Ф.И. Шаляпин).
 11. — Шаляпин — сам о себе (Ф.И. Шаляпин).
 12. — Федор Шаляпин (Г. Гребенщиков).
- Шаляпин и библиография о нем.

Для окончательного редакторского просмотра и выбора литературного материала я предложил бы просить помочь мне своим знанием и авторитетом М. Горького.

Для редактирования английского текста избирается и приглашается какое-либо крупное американское имя.

Рассматривая этот проект, прошу расширять и видоизменять его, а главное — указывать наиболее значительных авторов. Все же авторы-знаменитости, которые могут дать, что захотят, — помещаются в отдел под № 8***».

³ Встреча Горького с Ф.И. Шаляпиным состоялась в Неаполе 6 июня 1926 г. 6 декабря 1927 г. Горький писал Гребенщикову: «Когда Шаляпин проездом в Австрию был в Неаполе, я говорил и ему, что сборник этот не надо издавать» (*ЛН Сибири*. Т. 1. С. 27).

⁴ *Рерих Н.К.* Гималаи: Монография. Нью-Йорк, 1926. На стр. 43–62 помещена статья Гребенщикова «Зов Азии», небольшой фрагмент которой под названием «Николай Рерих» был позднее опубликован в журнале «Сибирские огни» (1927. № 2. С. 147).

⁵ «Хан Алтай» на русском языке был напечатан в рижском журнале «Перезвоны» (1928. № 40).

33.

Печатается по *АМ (АГ)*, впервые.

Письмо на бланке издательства «Алатас». Слова «Искренно Вас уважающий» и подпись — автограф.

Красным карандашом Горький подчеркнул слова «защищая Ваше имя» и поставил на полях восклицательный знак.

Горький ответил 6 декабря 1927 г. (*ЛН Сибири*. Т. 1. С. 27–28).

¹ Горький отвечал: «Я получил от Вас, Георгий Дмитриевич, только одно письмо с планом издания сборника статей о Шаляпине. На это письмо я Вам ответил, протестуя против этого издания ввиду его слишком — на мой взгляд — “шумного” характера. Помню — одна из статей трактовала о Шаляпине и “мировом искусстве”, а мне думается, что Ф.И., несмотря на его колоссальный талант, не имеет никакого отношения к искусству Китая, Индии и т.д. Когда Шаляпин, проездом в Австрию, был в Неаполе, я говорил и ему, что сборник этот не надо издавать». Письмо, о котором пишет Горький, не разыскано.

² Американское общество помощи русским литераторам и ученым (Fund for the Relief of Men of Letters and Scientists of Russia). 17 ноября 1939 г. Гребенщиков писал И.А. Бу-

* Слово подчеркнуто Горьким красным редакторским карандашом

** Подчеркнута фраза, на полях рукой Горького написано: «Дурак!»

*** Абзац вписан на полях машинописи рукой Гребенщикова.

нину, что состоит «членом здешнего Литерат<урного> Фонда» (*С двух берегов*. С. 252).

³ Возможно, речь идет о сборнике «Новый лик». О нем Гребенщиков писал С.Я. Елпатьевскому 24 августа 1925 г. Он просил собрать «у московской пишущей молодежи», а также у Сергеева-Ценского, Тренева, Вересаева «по маленькому рассказу именно на тему “Новый лик” России». Предлагая и самому Елпатьевскому прислать рассказ или очерк, Гребенщиков сообщал, что планирует выпуск сборника в издательстве «Алатас» на 1926 г. (*ОР ИМЛИ РАН*. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 41).

⁴ Вероятно, имеются в виду статьи Горького «Десять лет» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. № 244. 23 окт.), «Мой привет» (Правда. 1927. № 255. 6–7 нояб.), «О новом и старом» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. № 250. 30 окт.). См.: *Г-30*. Т. 24. С. 285–298, 552–553.

⁵ Горький отвечал Гребенщикоу: «По вопросу о сотрудничестве Вашем в советской прессе я бы рекомендовал Вам поступить так: пошлите рукопись в Москву в редакцию “Кр<асная> Новь”, можете сослаться, что это я советовал Вам. Напечатав в “Кр. Нови” или “Новом Мире” один, два рассказа, Вы начнете говорить об издании “собрания сочинений”. Такие собрания издают очень охотно, в виду сильно растущего спроса на книгу. В Новосибирске издается отличный журнал “Сибирские огни”. Редактор — Вяткин».

Секретарем редакции «Сибирских огней» в 1923–1928 гг. был В.Я. Зазубрин. Возможно, Горький ошибся потому, что именно в ответ на просьбу, высказанную им в письме Г. Вяткину, Сибкрайиздат в 1925 г. среди других изданий выслал писателю полный комплект «Сибирских огней» (См.: *Архив Г.* 10. С. 343).

⁶ «Алатас» — книгоиздательская корпорация, включавшая в себя издательство и типографию; официально учреждена при Музее Рериха в Нью-Йорке в мае 1924 г., Гребенщиков стал ее директором. В 1927 г. по соглашению между корпорацией и Гребенщиковым издательство перешло в его личное владение и было перенесено в штат Коннектикут, в Чураевку. Издательство выпускало книги Н.К. Рериха, Г.Д. Гребенщикова, К. Бальмонта, А.М. Ремизова, И.А. Сикорского, Л. Нелидовой-Фивейской. До начала Второй мировой войны вышло около 40 книг.

⁷ camp (англ.) — лагерь.

34.

Печатается по А (АГ), впервые.

Письмо на бланке издательства «Алатас».

¹ 28 марта 1928 г. Горькому исполнилось 60 лет. Празднование юбилея приняло грандиозный размах в Советском Союзе и за рубежом. Писатель получил сотни поздравлений, были организованы многочисленные собрания и публикации в прессе, принято специальное «Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 29 марта 1928 г.» (Правда. 1928. № 76. 30 марта), в котором были отмечены «огромные заслуги Алексея Максимовича Пешкова перед рабочим классом, пролетарской революцией и перед Союзом Советских Социалистических Республик». В газете «New York Times» 25 марта была опубликована телеграмма Горькому от имени более чем 50 американских писателей и «почитателей таланта». Горькому был преподнесен «Альбом-адрес», в котором более 50 европейских литераторов и деятелей искусства написали свои приветствия и поздравления. Подробнее см.: *ЛЖТ*. 3. С. 593–603.

² Слова из рассказа Горького «Покойник» (Горький. *Сочинения*. Т. 14. С. 362, 371), один из любимых афоризмов Горького.

³ *Гребенщиков Г. Николай Рерих // Сибирские огни*. 1922. № 2. С. 147.

⁴ В журнале «Жернов» произведения Гребенщикова не печатались.

⁵ Глаголин (Гусев) Борис Сергеевич (1879–1948) — драматург, театральный критик, актер, режиссер. С 1928 г. — в эмиграции.

«ХОЧУ В РОССИЮ, ГДЕ ВСЁ ЧУДЕСНО ПЕРЕМЕНИЛОСЬ...»

ПИСЬМА Н.Н. СУХАНОВА — ГОРЬКОМУ

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Е.Н. Никитина*

Николай Николаевич Гиммер (литературный псевдоним — Суханов) родился 27 ноября (9 декабря) 1882 года в Москве. Его отец Николай Самуилович Гиммер (1856–1903) — дворянин, происходивший из рода обрусевших немцев, — служил в правлении Курско-Киевской железной дороги. Мать — Екатерина Павловна (урожденная Симон; 1864–1931) — была акушеркой. Она семнадцатилетней девушкой по настоянию матери вышла замуж за чуждого ей человека. А через некоторое время к молодой женщине пришла настоящая любовь, тогда Екатерина Павловна уговорила мужа инсценировать самоубийство. Получив статус вдовы, она вторично вышла замуж — за С.И. Чистова. Однако обман вскрылся. Начался судебный процесс по обвинению в двоебрачии, закончившийся суровым приговором¹.

Драматические события семейной жизни оказали на будущего публициста сильное негативное влияние. В мемуарах юриста А.Ф. Кони, занимавшегося делом супругов Гиммеров, говорится о Коле Гиммере: «...Сын пятнадцати лет, гимназист, который прекрасно учится, и его приходится оставлять одного без средств в Москве. Мальчик в настоящее время невыразимо страдает от мальчишек-товарищей, преследующих его намеками на процесс»². Сам Суханов позднее в автобиографии сказал: «Отец был мелким жел.-дор. чиновником, страдал алкоголизмом, умер в 1903 г.; но я его никогда не видал и того, что называют семьей, никогда не знал <...> Мать — умная и способная женщина, без интеллигентской культуры, из дворянской семьи, по профессии — акушерка; близок к ней никогда не был <...> я <...> всегда чувствовал себя перед посторонними людьми носителем каких-то постыдных тайн»³.

Трагедия Гиммеров приобрела широкую известность и послужила

Л.Н. Толстому материалом для пьесы «Живой труп». Николай Самуилович стал прототипом толстовского Федора Васильевича Протасова. Черты Екатерины Павловны были использованы при создании образа главной героини пьесы — Елизаветы Андреевны Протасовой.

Покинутый отцом и матерью мальчик воспитывался у дальних родственников. С четырнадцати лет он занимался репетиторством. Через некоторое время юноша увлекся толстовством (в этом определенную роль сыграли бабушка и дядя по материнской линии — Елизавета Антоновна и Федор Павлович Симоны, которые поддерживали связь с писателем — переписывались с ним, посещали его). Суханов написал потом в автобиографии: «17-ти, 18-ти, 19-ти лет был захвачен идеями Л. Толстого. От него воспринял критику политического режима и хозяйственного строя; это сделало меня “крайним левым” и побудило войти в нелегальные гимназические кружки для общего и политического самообразования. Но никаких признаков научно-общественного самосознания в то время констатировать у себя не могу. Другая сторона учения Толстого, отвлекая меня от выработки *общественного* мировоззрения, направила меня в сторону индивидуалистической философии, абстрактного самоусовершенствования, отрицания культуры и даже “неделания”»⁴.

В 1902 году Николай Гиммер успешно оканчивает 1-ю московскую гимназию. Находящийся на перепутье молодой человек решает отправиться за границу. Суханов написал в автобиографии: «Не зная, что с собой делать, я на деньги, скопленные обычным порядком, поехал в Париж, — без определенных целей. В это время (1902–03 гг.) там функционировала т.н. “Высшая школа Общ. Наук”. Там, с одной стороны, были заложены основы моего общественного образования. С другой — там открылся неизбежный выход из моего толстовского неделания. Я вошел в круг общественных революционных идей, а вместе с тем в революционную среду. В это время в Париже выступали с лекциями и рефератами Ленин, Мартов, Троцкий, Чернов и др.»⁵.

Из всего услышанного в столице Франции наиболее привлекательной Николаю Гиммеру показалась программа действий, выдвигаемая продолжателями дела народников. Вернувшись в 1903 году в Москву, молодой человек вступает в Партию социалистов-революционеров. Тогда же он становится студентом историко-филологического факультета Московского университета. Но учеба продолжается недолго. В мае 1904 года Николая Гиммера за революционную деятельность арестовывают и приговаривают к полутора годам тюрьмы, которая для юного революционера стала «главным местом и периодом <...> образования»⁶. Наиболее сильное впечатление произвели на «ученика» прочитанные тогда статьи Ю.О. Мартова. В тюрьме же пишется первая статья Суханова, опубликованная

затем в качестве приложения к № 75 от 15 сентября 1905 года газеты эсеров «Революционная Россия». Выход этой работы (в ней чувствуется влияние прочитанных статей) свидетельствовал об изменении в мировоззрении Суханова.

Бурные события 1905 года приводят к тому, что в октябре молодой революционер, вместе с другими политическими заключенными, обретает свободу. В декабре он принимает участие в вооруженном восстании на Пресне. После подавления восстания Суханов уезжает в Швейцарию и вскоре порывает с партией эсеров. А в это время в Москве (в 1907 и 1908 годах) выходят две его брошюры: «Что дает земля городскому рабочему?» и «Земельная рента и основы земельного обложения».

В 1909 году, вернувшись в Россию, Суханов продолжил учебу в Московском университете, но теперь на экономическом отделении юридического факультета. Продолжается литературная деятельность — выходят работы: «К вопросу об эволюции сельского хозяйства» (М., 1909), «К теории развития аграрных отношений» (М., 1910), появляются публикации в толстых журналах, главным образом в «Русском богатстве». И тут аукнулось бывшее членство в Партии социалистов-революционеров — в конце 1910 года Суханова высылают на три года в Архангельскую губернию. После отбытия ссылки он приезжает в Петербург и поступает на работу в Министерство земледелия.

С 1911 года Суханов печатается в «Современнике», а в начале 1914 года получает предложение взять на себя его редактирование. О своей работе на посту редактора публицист и экономист в автобиографии сказал так: «Журнал был посвящен мною по преимуществу развитию идей о новых группировках в нашем социалистическом движении»⁷. Н. Ерофеев и А. Корников пишут о Суханове того времени: «Считал возможным объединение всех социалистических течений путем “поглощения” народничества марксизмом»⁸.

Такая позиция импонировала Горькому, который сам, будучи по убеждениям коллективистом-богдановцем, хотел добиться сплочения всех сил, прежде всего марксистов, стремящихся к свержению самодержавия в России. Даже после того, как было прекращено эпистолярное общение с А.А. Богдановым (в последнем письме к философу в октябре 1910 года писатель заявил: «Я, как вам известно, очень уважаю и ценю вас — мыслителя и революционера, но не стану отвечать на ваши письма: вы пишете их слишком строго и так, точно вы унтер-офицер, а я — рядовой вашего взвода»⁹), Горький продолжал прилагать усилия к объединению прогрессивно мыслящих людей — через литературное дело. Ю.О. Мартов вскоре после двух встреч с писателем сообщил А.Н. Потресову из Парижа 15(28) апреля 1911 года: «...Он считает себя по-прежнему марксистом <...> Со мной он имел две

долгие беседы о политическом положении и о том, какие были бы возможны литературные предприятия, которые бы подняли вновь престиж и влияние марксистов и дали бы им возможность политически учесть выгодное положение, складывающееся для них в настоящий момент (не стану передавать его аргументации в выгоды этого положения: рядом с верными и меткими мыслями у него есть немало ошибочных представлений. В центре рисующихся ему перспектив стоит “левение буржуазии”, ее тяготение к демократии, неспособность никого, кроме марксистов, стать в центре последней). <...> явно увлечен идеей, что, став впереди всего политического оппозиционного движения, марксисты могут чуть ли не непосредственно охватить своим влиянием и буржуазию и демократию <...> Соответственно этому, он говорил о постановке большой газеты, которая, будучи в руках марксистов, заполнила бы пробел в прессе, образуемый отсутствием органов “левее конституционных-демократов”. В таком органе, сказал он, социал-демократия содействовала бы организации городской и сельской демократии, а опосредственно влияла бы и на буржуазию, импонируя ей стоящими за нею пролетарскими и демократическими массами. Потолковавши (после разговора со мною) с Лениным и народниками (он мечтал, что редакция будет марксистская, а более толковые народники и вообще демократы будут поддерживать орган и в нем работать без всяких условий, он стал понимать, что дело не так просто, и признался, что для такого органа, которого социал-демократический характер не будет затушеван, ему, пожалуй, не дадут денег, на которые он уповает. Поэтому во 2-м разговоре он повел речь о толстом журнале с преимущественно публицистическими задачами (обличение, литературная критика, анализ экономической действительности, фактический материал для изучения современности) <...> Кончил тем, что сказал, что будет вести дальнейшие переговоры с работодателями и с другими группами (именно — с Лениным, Иорданским и Плехановым)»¹⁰. Мысль о своем печатном органе не покидает писателя. Через год он вновь приезжает в Париж и опять беседует на эту тему с Ю.О. Мартовым, который затем, 1(14) апреля 1912 года, сообщил А.Н. Потресову: «Поговаривают о ряде новых толстых журналов <...> На эту тему пришлось много говорить с Горьким, который опять — на этот раз более определенно — заговорил о постановке журнала <...> Горький держится, как человек, желавший соединить на журнале всех марксистов <...> Журнал, по Горькому, должен служить цели завоевания гегемонии марксистами над “обществом”, которое-де чувствует потребность разобраться в массе фактов усложнившейся жизни и которому мы могли бы дать эту возможность, собирая и освещая факты. Экономическая жизнь, областные вопросы, национальная борьба, международная политика etc. — вот что, по его

мнению, должен, прежде всего, освещать журнал, рассчитанный на демократическую публику, но ведущийся марксистами»¹¹.

Но свой журнал и свою газету Горькому удалось организовать только через несколько лет. А сейчас он пытается использовать в качестве площадки, объединяющей прогрессивную интеллигенцию, начавший выходить в 1911 году «Современник». Попыток тесного сотрудничества с журналом у писателя было несколько.

Первая из них относится к 1911 году, когда Горький принимает предложение А.В. Амфитеатрова, редактора «Современника», стать постоянным сотрудником журнала. Свое решение писатель так объяснил Е.К. Малиновской, в письме от 26 января (8 февраля) 1911 г.: «Амфитеат. — человек честный, литератор — хороший, грамотен и знающ. Издали, конечно, мало сделать можно и, думаю, долго этот журнал не выстоит, а попробовать — надо. Репутация моя, конечно, пострадает, но пусть ее, ничего. Работать хочется, а негде»¹². Больше пока негде работать, а значит — надо постараться максимально приблизить «Современник» к тому идеалу журнала, о котором шла речь в беседах с Ю.О. Мартовым. По инициативе Горького в состав редакции вводятся В.М. Чернов и В.С. Миролюбов. Но согласия между коллегами нет. В августе А.В. Амфитеатров пишет Г.А. Лопатину: «Соредакторы мои, кажется, не весьма довольны мною, что я менее глуп, чем кажусь, и веду свою собственную линию»¹³, а через два месяца, 19 октября (1 ноября), сообщает Горькому о том, что издатель журнала П.И. Певин настаивает, «чтобы я снова взял редакцию всецело в свои руки»¹⁴. Горький ответил:

«Очень я огорчен Вашим письмом.

Нисколько не умаляя моего к Вам уважения, я, по совести, должен сказать, что единоличное руководство литературно-политическим журналом не считаю работой, посильной для Вас, и уверен, что Вы с нею не справитесь. <...>

Лично я в журнале с единоличным руководителем — кто б он ни был — не стану сотрудничать»¹⁵.

В результате — Горький порывает с «Современником», и А.В. Амфитеатров уходит из него, покидают журнал и В.М. Чернов с В.С. Миролюбовым.

На освободившееся место редактора П.И. Певин приглашает Е.А. Ляцкого. После встречи с ним (в сентябре 1912 года) писатель решает возобновить сотрудничество с журналом, но при этом ставит условие: редакцию необходимо укрепить В.А. Базаровым, И.И. Скворцовым-Степановым и А.Н. Тихоновым. Руководство «Современника» это предложение не устраивает, и оно не спешит его выполнять. В результате — в марте 1913 года Горький во второй раз прекращает сотрудничество с журналом.

Третье сближение с «Современником» произошло после того, как во

главе журнала встал Н.Н. Суханов (по своим взглядам наиболее близкий Горькому из всех редакторов). Первая личная встреча состоялась в Мустамьяках 9(22) июня 1914 года. С нее началась их долгая совместная работа.

19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России — разразилась мировая бойня. Отношение к взаимному истреблению народов у Горького и Н.Н. Суханова было одинаковое — резко отрицательное. Они выступали за скорейшее заключение мира. Это их еще больше сблизило.

В октябре 1915 года вышла последняя книжка «Современника». А через два месяца, в декабре, увидел свет первый номер «Летописи», журнала с преимущественно публицистическими задачами, о создании которого так долго мечтал Горький. Он вместе с Н.Н. Сухановым и В.А. Базаровым возглавил редакцию. Официальным редактором значился А.Т. Радзишевский, издателем — А.Н. Тихонов. Секретарем редакции была жена Н.Н. Суханова Галина Константиновна Флаксерман (1888–1958).

Соредакторы «Летописи» являлись и ее главными авторами. Заглавными материалами первого номера журнала стали «Две души» Горького и памфлет-мистификация Н.Н. Суханова — написанное от лица «стоящего одной ногой в могиле» «отставного от жизни человека» письмо в редакцию, озаглавленное «Нужны ли убеждения?» и подписанное псевдонимом *Один из недоумевающих*. Автор письма — патриот. Он «здрово» рассуждает: «Разве Фирс — старый милый Фирс “Вишневого сада” — разве он любит своего барина по рассудку? <...> Кто любит отечество “по убеждению”, кто оправдывает и доказывает свой патриотизм, поддерживает его в других, взывая к их уму и расчету, — тот уже попал под власть Смердякова, и, если сейчас еще не изменник, то в любой момент может стать изменником <...> Ангелы <падшие ангелы. — Е.Н.> гордого Сатаны не опасны, пока они одиноко блуждают среди народа, чуждого отечественные святыни. — Но вот несколько из них удалось привить миллионам рабочего люда свою гордыню, удалось внушить веру, что рабочие не имеют отечества: “пролетарии всех стран соединяйтесь!” — несся погребальный звон по Европе. К счастью, великая война разрушила этот кошмар. “Пролетарии всех стран соединяйтесь” явили себя добрыми патриотами, без лести преданными каждый своей родине, любящими свои отечества самоотверженной безотчетной, истинно-фирсовой любовью. — И, что всего отраднее, Фирс проснулся не только в душе рабочих, но и в душе их руководителей. У революционеров, которые столько лет клялись именем Маркса, мыслили диалектически и требовали всемирного социализма, оказались вдруг простые русские мысли, верные русские сердца, добрые русские души»¹⁶. Далее называется конкретное лицо: «Вот — родоначальник русского марксизма, Г.В. Плеханов! Он

призывает наших рабочих поддерживать правительство в Думе, терпеливо сносить обиды и притеснения фабрикантов, забыть о себе и помышлять только о победе над немцами»¹⁷. Затем автор письма добавляет: «Милые, верные, родные Фирсы! — Как было бы хорошо, как было бы отрадно и легко жить патриоту, если бы язык их во всем соответствовал чувствам. Но увы этого нет. Не оставили они своего революционного языкоблудия; даже светлую любовь к родине стараются “обосновать” лжеучениями мирового социализма. Не малую смуту поселяет это в умах. И более других повинен в ней милейший из Фирсов, Георгий Валентинович Плеханов. — На первой же странице своей брошюры “О войне” напоминает он: “Я социал-демократ школы Маркса-Энгельса”. Маркс и Энгельс разрешили служить отечеству, если оно ведет войну оборонительную. Поэтому и Плеханов встает на защиту нашей родины, *поскольку она обороняется*. На странице 56 читаем: “я сочувствую своей родине, *когда она подвергается нападению*, я не сочувствую ей, *когда она нападает*”. Ей Богу! Так и напечатано, да еще курсивом: “я не сочувствую ей, *когда она нападает*”»¹⁸. На этом иронические замечания Н.Н. Суханова не заканчиваются, но их характер хорошо виден и из приведенных цитат.

Еще одна мистификация, тоже якобы письмо в редакцию, появилась в третьем номере «Летописи» за 1916 год. Она озаглавлена «Религия и государственность» и подписана псевдонимом *Василий Темный*. Ее автор — еще один соредaktor журнала — В.А. Базаров. «Религии и государственности» предпослано редакционное пояснение (написанное совместно тремя редакторами — Горьким, В.А. Базаровым и Н.Н. Сухановым), в котором сказано: «В декабрьской книжке нашего журнала было напечатано “письмо в редакцию”, рассматривающее некоторые вопросы современности в национально-патриотическом освещении <...> К нашему изумлению это письмо <...> навлекло на нас громы негодования. Обозреватели и фельетонисты прогрессивной прессы усмотрели в нашем поступке нарушение священных заветов толстой журналистики <...> Некоторые солидные сотрудники некоторых солидных журналов повторили и усугубили упреки газетных обозревателей. Особенно выдается в этом отношении статья А.Н. Потресова, помещенная в 1 книжке “Ежемесячного журнала” за текущий год. Автор достигает местами почти ювеналовых вершин обличительного пафоса, почти изгоевской силы патриотического негодования <...> Слыхано ли дело, чтобы в журнале западнического направления печатались яро-славянофильские статьи? Где тот прецедент, где та традиция, которая могла бы определить ваше поведение в глазах человека, дорожащего культурой и ее хранимыми ценностями? <...> На наше счастье русская литература дает нам возможность опереться на традицию <...> Мы имеем в виду известный радикальный журнал 60-х годов “Современник”, в некоторых книжках

которого печатались консервативно-патриотические статьи, заметки, стихотворения под общим заголовком “Свисток” <...> Вот почему мы и теперь считаем полезным напечатать письмо г-на В. Темного, рассматривающего проблему патриотизма с мистической точки зрения»¹⁹.

В письме Василия Темного продолжена критика Г.В. Плеханова (а вместе с ним и всех других общественных деятелей, выступавших за продолжение войны). В январе 1916 года, в статье «Надо ли голосовать за военные кредиты?», Г.В. Плеханов написал: «...Когда Германия объявила войну России, я не мог не спросить себя: как отразится поражение этой последней на нашем рабочем движении? Не будучи круглым невеждой в экономических вопросах, я понял, что победа германского империализма явится сильнейшим препятствием на пути экономического развития России <...> для меня <...> ясно, что поражение России, очень сильно замедлив ее экономическое развитие, а стало быть и рост ее рабочего движения, тем самым весьма значительно отдалит время политической эмансипации России»²⁰. На эти рассуждения Василий Темный отвечает: «Мы должны довести войну до конца, проповедуют наши левые и крайне левые публицисты, ибо успех Германии грозит нам разорительным торговым договором, в то время как поражение Германии сулит неслыханные выгоды <...> спрашиваю: допустимы ли они <такие доводы. — Е.Н.>, вообще, в качестве оправдания войны, “адекватны” ли они своему предмету? Допустимо ли, чтобы в стране — я уже не говорю “христианской”, а хоть маломальски поднявшейся над уровнем людоедства, — принесение в жертву сотен тысяч, а, может быть, и миллионов молодых жизней обосновывалось и оправдывалось тем, что оставшиеся в живых извлекут из этих смертей хозяйственные выгоды? <...> Не очевидно ли, что пока мы еще не превратились в каннибалов, мы не можем обосновывать нашего “приятя” войны никакими экономическими соображениями, никакими перспективами хозяйственного развития»²¹.

«Две души» Горького, помимо критики негативных черт русского народа (наверное, правильнее будет сказать: статья являла собой обращенный к русским призыв: «Станьте лучше!»), несла в себе сильный эмоциональный заряд, направленный против мировой бойни, продолжение которой грозило России катастрофой. На эту сторону «Двух душ» обратил внимание критик Т. Ардов. Он писал: «...Я не могу спокойно слышать, когда говорят, что статья Горького не содержит в себе ничего кроме обычной “интеллигентской” психологии. Нет, на мой взгляд, она содержит гораздо больше. Она содержит героическую смелость, решающуюся дерзким криком нарушить этот Вальгасаров пир, что совершается в России, и в то время, как огненная рука уже чертит на стене: “мани, текел, фарес”. И она содержит в себе острую боль за Россию»²².

Единомыслие трех редакторов «Летописи» — очевидно. Н.Н. Суханов написал позднее в своих известных «Записках»: «Редакция “Летописи” до революции, в эпоху войны, работала удивительно, даже до странности гладко и дружно»²³. Об этом же говорит один из основных авторов журнала, П.Н. Сурожский: «...В “Летописи” были удивительно теплые и дружеские отношения между сотрудниками. Заходить на Большую Монетную, в редакцию “Летописи”, было просто приятно»²⁴.

«Летопись», фактически, умерла летом 1917 года (когда вышел № 7–8). А через несколько месяцев было официально объявлено о прекращении издания журнала. В заметке «От редакции», помещенной в последнем номере, говорилось: «Хозяйственный развал России, принявший ныне характер социальной катастрофы, с особенной силой и в первую очередь отозвался на организациях и предприятиях, обслуживающих культурные потребности страны: целый ряд журналов и издательств принуждены были за последнее время уменьшить или вовсе приостановить свою работу. Не избежала, к сожалению, этой участи и “Летопись”. Неодолимые технические и хозяйственные затруднения заставили редакцию “Летописи”, после двух лет напряженной работы, отказаться, на время, от дальнейшего издания журнала»²⁵.

Кроме перечисленных в заявлении редакции, была еще одна немаловажная причина, побудившая Горького и Суханова переключить свои творческие усилия с журнала на газету «Новая жизнь», которую писателю удалось организовать весной 1917 года. Причина эта — бурные политические события, происходящие в России. Ежемесячный журнал, даже если бы его удалось выпускать своевременно, поспеть за стремительно развивающейся политической жизнью в стране не мог. Это была в состоянии сделать только ежедневная газета.

Напомним, еще во время переговоров с Ю.О. Мартовым, помимо журнала, речь шла и о газете. Но на реальную почву ее издание встало лишь к концу 1916 года. Газета (ее планировалось назвать «Луч») должна была быть органом Российской радикально-демократической партии, создававшейся при активном участии Горького²⁶. Если бы не непреодолимые препятствия, созданные министром внутренних дел А.Д. Протопоповым, «Луч» увидел бы свет в январе 1917 года²⁷. В феврале произошла революция. А.Д. Протопопов лишился своего поста. А Горький направил в «Русское слово» письмо, в котором говорилось: «В печать проник слух о том, что будто бы я организую радикал-демократическую партию. Позвольте через посредство Вашей газеты заявить, что я остаюсь тем, чем был — социал-демократом»²⁸. На собранные для «Луча» деньги, используя достигнутые ранее договоренности с полиграфистами, Горькому в короткий срок удалось организовать выпуск своей газеты. Первый номер «Новой жизни»

вышел 18 апреля (1 мая) 1917 года. Но и она была органом партийным. В народе эту партию так и называли — партия «Новой жизни» (официальное название — Российская социал-демократическая рабочая партия интернационалистов).

И в «Новой жизни» ближайший помощник Горького — Н.Н. Суханов. Он — соредактор и наиболее активный и острый автор. Самая длительная приостановка газеты большевиками, на 8 дней, произошла из-за статьи Н.Н. Суханова «Капитуляция», опубликованной 21 февраля 1918 года. Автор статьи позволил себе издевку над вторым в Советской России человеком, Л.Д. Троцким, осудил его поведение в Брест-Литовске во время переговоров с немцами.

Горький написал в связи с этим Е.П. Пешковой: «Нас закрыли и — кажется — в воскресенье будут судить “за призыв к низвержению Советской власти”. Привлечены к суду Десницкий и Суханов, но на скамью подсудимых сядет вся редакция: и Базаров, и я, и все прочие. Таково наше желание. Будет нечто изумительное по нелепости. Настроение здесь — сама представляешь — каково!»²⁹

Суд, о котором говорит Горький, — заседание Революционного трибунала печати (трибунал был создан в декабре 1917 года постановлением наркома юстиции И.З. Штейнберга, левого эсера) — состоялся 22 февраля. Газету закрыли. Только благодаря апелляции, поданной в Комитет Революционной Обороны и Комиссию по делам печати, удалось добиться возобновления выхода «Новой жизни». Первый после закрытия номер вышел 2 марта. В нем на первой странице, в статье без названия и подписи, Н.Н. Суханов писал: «Мы молчали восемь дней. Наше слово было слишком неприятно и слишком страшно тем, кто делает слишком много ошибок и хочет скрыть их путем попрания принципов свободы и демократии <...> Нас закрывали Керенский с Пальчинским, когда Троцкий сидел в Петропавловке, а Ленин был в бегах. Нас закрыли Ленин с Троцким, когда Пальчинский в Петропавловке, а Керенский — в бегах. Надо думать, не раз мы еще подвергнемся этим мелким случайностям <...> Нас будут снимать с поста силой, но не заставят покинуть его добровольно, пока есть возможность на нем держаться».

Оставаться на своем посту новожиженцам удавалось еще четыре месяца. 16 июля 1918 года большевики окончательно закрыли газету.

В «Летописи» редакторы работали дружно. Про «Новую жизнь» этого сказать нельзя. Причина — изменившаяся политическая ситуация в России. До февраля 1917 года всех объединяло негативное отношение к войне и общее стремление к свержению самодержавия. После революции отношение к войне изменилось, а, главное, коллеги поразному видели будущее России и разные пути к нему считали правильными.

Многие сотрудники «Новой жизни» стали членами Российской

социал-демократической рабочей партии интернационалистов — Б.В. Авиллов, В.А. Базаров, В.А. Десницкий и другие, но не Н.Н. Суханов. Он, ведя активную общественную жизнь (был членом Исполкома Петроградского Совета, как представитель «социалистической литературной группы»), довольно долго не мог определиться со своей политической ориентацией и только в конце мая 1917 года по рекомендации Ю.О. Мартова вступил в группу меньшевиков-интернационалистов.

Горький в это время четкой позиции не имел. Н.Н. Суханов вспоминал: «Горький был мрачен. В те времена я не помню его в хорошем настроении. Он не любил “Новой Жизни”. Он просто-напросто глубоко и искренне *страдал* от нее <...> драма происходила оттого, что, не будучи “политиком” и испытывая на себе давление отовсюду, не видя реальной поддержки нигде, Горький *действительно сомневался* в словах и делах “Новой Жизни”. Он действительно не имел убеждения в правильности того дела, которое делалось его именем и за которое он отвечал. Я хорошо помню, как радостно ловил Горький каждый наш аргумент, убеждавший его в правильности нашей позиции. Он жаждал поставить на твердую почву то знамя, которое пришлось ему держать в нетвердых руках. Но — на другой день его снова осаждали с *другими* аргументами, ему снова бросали в глаза другие факты, и сомнения снова точили его, почва под ногами снова колебалась»³⁰. Главное в ощущениях Горького — тревога. Даже Февральскую революцию писатель встретил без той эйфории, которую испытывали тогда очень многие. В письме от 1(14) марта 1917 года он делился своими опасениями с Е.П. Пешковой: «Происходят события грандиозные, порою даже трогательные, но — смысл их не так глубок и величественен, как это кажется всем. Я исполнен скептицизма, хотя меня тоже до слез волнуют солдаты, идущие к Г<осударственной> Думе с музыкой. В революционную армию — не верю: думаю, что многие принимают за революционность отсутствие дисциплины и организации <...> Много нелепого, больше, чем грандиозного. Начались грабежи. Что будет? Не знаю»³¹. Эти же опасения пронизывают четвертую статью цикла «Письма к читателю», написанную и опубликованную вскоре после февральских событий: «Русский народ обвенчался со Свободой <...> Но — нам не следует забывать, что все мы — люди вчерашнего дня, и что великое дело возрождения страны в руках людей, воспитанных тяжкими впечатлениями прошлого в духе недоверия друг к другу, неуважения к ближнему и уродливого эгоизма <...> Живя среди отравляющих душу безобразий старого режима, среди анархии, рожденной им, видя, как безграничны пределы власти авантюристов, которые правили нами, мы — естественно и неизбежно — заразились всеми пагубными свойствами, всеми навыками и приемами людей, презиравших нас, издевавшихся над нами <...> Многоглавая гидра

невежества, варварства, глупости, пошлости и хамства не убита; она испугана, спряталась, но не потеряла способности пожирать живые души <...> Масса обывателя еще не скоро распределится по своим классовым путям, по линиям ясно сознанных интересов, она не скоро организуется и станет способна к сознательной и творческой социальной борьбе. И до поры, пока не организуется, она будет питать своим мутным и нездоровым соком чудовищ прошлого, рожденных привычным обывателю полицейским строем»³². В этой же статье Горький говорит: «И надо помнить, что буржуазия берет в свои руки не государство, а развалины государства, она берет эти хаотические развалины при условиях неизмеримо более трудных, чем условия 5–6 года. Поймет ли она, что ее работа будет успешна только при условии прочного единения с демократией, и что дело укрепления позиций, отнятых у старой власти, не будет прочно при всех иных условиях?»³³ Но не происходит не только единения буржуазии с демократией, наоборот, в самой демократии, в существующих демократических партиях — социал-демократов, эсеров — начинается процесс дробления, разъединения, появляются новые партии. Хорошему настроению просто неоткуда взяться.

Горький считал, что Россию может спасти только медленное, планомерное окультуривание ее граждан. В статьях, публикуемых в «Новой жизни», настойчиво проводится эта мысль: «Отечество чувствовало бы себя в меньшей опасности, если бы в отечестве было бы больше культуры»³⁴, «победоносное вторжение красоты в душу несколько ошалевшего россиянина умиротворило бы его тревоги, усмирило буйство некоторых не очень похвальных чувств»³⁵, «народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры»³⁶.

Но ни Временное правительство, ни пришедшие за ним к власти большевики не намеревались проводить данную программу в жизнь. Причину их бездействия Горький назвал в одной из статей цикла «Несвоевременные мысли»: «Увлечение политикой как бы совершенно исключает здравый интерес к делу культуры»³⁷.

После Октября «привычный обывателю полицейский строй» вновь стал реальностью. Горький в статье «К демократии» с горечью констатировал:

«Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов — все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин»³⁸.

Здесь же писатель задавал вопросы:

«Помнит ли русская демократия — за торжество каких идей она боролась с деспотизмом монархии?

Считает ли она себя способной и ныне продолжать эту борьбу?

Помнит ли она, что когда жандармы Романовых бросали в тюрьмы и в каторгу ее идейных вождей — она называла этот прием подлым?

Чем отличается отношение Ленина к свободе слова от такого же отношения Столыпиных, Плеве и прочих полулюдей?

Не так же ли Ленинская власть хватает и тащит в тюрьму всех несогласномыслящих, как это делала власть Романовых?»³⁹

Заканчивается статья призывом: «...Разумные элементы демократии должны сделать дальнейшие выводы, — должны решить, по пути ли им с заговорщиками и анархистами Нечаевского типа»⁴⁰.

Однако надежда на то, что кто-то из соратников Ленина прислушается к данному призыву, оказалась тщетной.

После разгона Учредительного собрания Горький понял: кроме большевиков, другой силы, способной вывести Россию из состояния хаоса, нет. Он признался позднее Р. Роллану: «В начале 18-го года я понял, что никакая иная власть в России невозможна и что Ленин — единственный человек, способный остановить процесс развития стихийной анархии в массах крестьян и солдат»⁴¹. Писатель принимает решение о сотрудничестве с новой властью.

В июле 1918 года большевики закрыли «Новую жизнь». Спустя месяц, 20 августа, Горький, З.И. Гржебин, И.П. Ладыжников и А.Н. Тихонов подписали договор об организации издательства «Всемирная литература»⁴². Через две недели, 4 сентября, Горький от имени своих коллег по издательству подписывает с А.В. Луначарским документ, по которому «Всемирная литература» становится подразделением Народного комиссариата просвещения Российской Федеративной Республики⁴³. Еще через несколько месяцев, в мае 1919 года, Горький вместе с З.И. Гржебиным организует частное «Издательство З.И. Гржебина»⁴⁴, тесно сотрудничавшее с советской властью. Большинство книг оно выпустило в рамках договора, заключенного с Государственным издательством РСФСР 10 января 1920 года. Из всех книг, вышедших в «Издательстве З.И. Гржебина», наибольшим читательским успехом пользовался семитомник «Записки о революции» Н.Н. Суханова. Его первая книга в 1919–1922 гг. выдержала четыре издания.

Однако и после закрытия оппозиционной «Новой жизни» находившийся в России Горький (несмотря на то, что он теперь тесно сотрудничает с советской властью) очень неудобен большевикам. Писатель, помимо своей воли, является центром, к которому стекаются обиженные диктатурой пролетариата. Он вынужден постоянно обращаться с ходатайствами за знакомых и незнакомых ему людей. В.И. Ленина это раздражает. Председатель Совнаркома то уговаривает

Горького: «Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас»⁴⁵, то угрожает: «Не поедете — вышлем»⁴⁶.

1921 год выдался очень тяжелым для писателя.

В марте всю Россию потрясло выступление матросов в Кронштадте, требовавших передать власть в стране Советам без большевиков. Петроградские чекисты, проморгавшие мятеж, для того, чтобы реабилитировать себя в глазах верховной власти, через четыре месяца объявили о раскрытии заговора, который будто бы должна была осуществить «Петроградская боевая организация». Это сфабрикованное карательными органами дело стали называть «таганцевским», поскольку уже в первом газетном сообщении о нем, в статье «Уроки заговора», напечатанной без подписи в «Петроградской правде» 27 июля 1921 года, руководителем организации и заговора был назван географ В.Н. Таганцев.

Среди арестованных по «таганцевскому» делу оказались член редакционной коллегии «Всемирной литературы» поэт Н.С. Гумилёв и химик М.М. Тихвинский, помощник в работе и друг академика В.И. Вернадского. Горький принимал участие в хлопотах по спасению того и другого, а также стремился добиться разрешения на выезд в Финляндию для лечения тяжело больного А.А. Блока. Результат во всех случаях получился отрицательный. А.А. Блок умер в Петрограде 7 августа 1921 года, а в конце месяца расстреляли арестованных по «таганцевскому» делу. Расправа с невинными людьми потрясла Горького. Е.И. Замятин вспоминал: «...Я, возвращаясь из Москвы в Петербург, оказался в одном вагоне с Горьким. Была ночь, весь вагон уже спал. Вдвоем мы долго стояли в коридоре, смотрели на летевшие за черным окном искры и говорили. Шла речь о большом русском поэте Гумилёве, расстрелянном за несколько месяцев перед тем. Это был человек и политически, и литературно чужой Горькому, но тем не менее Горький сделал все, чтобы спасти его. По словам Горького, ему уже удалось добиться в Москве обещания сохранить жизнь Гумилёва, но петербургские власти как-то узнали об этом и поспешили немедленно привести приговор в исполнение. Я никогда не видел Горького в таком раздражении, как в эту ночь»⁴⁷. Б.К. Зайцев написал в статье «Максим Горький»: «...Эту историю <с Помголом. — Е.Н.> он пережил не совсем легко. Еще горше оказалось дело с проф. Тихвинским в Петербурге, на всякий случай расстрелянным»⁴⁸.

Про историю с Комитетом помощи голодающим Б.К. Зайцев высказался очень мягко. По его мнению власть уготовила писателю роль провокатора. Горький пригласил в Помгол пользующихся общественным доверием людей. Он писал непременно секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу из Москвы 13 июля 1921 года: «Здесь организуется “Комитет борьбы с голодом” <...> Необходимо Ваше участие, а также — я думаю — участие А.Е. Ферсмана, през<идента>

Ак<адемии> Карпинского, В.А. Стеклова и еще человек пяти — шести столь же солидных репутаций. Очень прошу Вас известить меня спешно о Вашем и названных лиц отношении к делу»⁴⁹. С.Ф. Ольденбург и другие названные в письме лица откликнулись на призыв писателя. А большевики вскоре членов Помгола арестовали и расстреляли бы, не вмешайся Г. Гувер и Ф. Нансен.

Возвращаясь к аресту М.М. Тихвинского, приведем дневниковую запись В.И. Вернадского, сделанную два десятилетия спустя, во время эвакуации, в Боровом: «М.Ф. Андреева говорила недавно здесь Анне Шаховской, что Горький очень хорошо ко мне относился. Мое последнее с ним сношение было моим письмом к нему при аресте М.М. Тихвинского. В нем я говорил о крупном открытии Тихвинского — техническом (в области красок). Я просил Горького показать это письмо Ленину. Горький просил передать мне, что это письмо *было отобрано* у него на заседании Общественного (самочинного) Комитета о голодовке <проходившем на квартире писателя. — Е.Н.>»⁵⁰.

Об обыске, произведенном в его квартире, Горький сам рассказал в одном из писем к Р. Роллану: «Дорогой друг, сейчас прочитал перевод Вашей пьесы <...> Она напомнила мне обыск у меня в 18-м году, когда большевики искали, не спрятал ли я бомб и оружия против них»⁵¹.

Созданная властью вокруг Горького атмосфера принудила его в октябре 1921 года покинуть родину.

В июне 1918 года Н.Н. Суханов вместе с другими меньшевиками и правыми эсерами был исключен из ВЦИКа, членом которого был с момента его образования. В конце 1920 года публицист и экономист из-за несогласия со стремлением лидеров меньшевиков воссоздать II Интернационал вышел из партии. Окончательному сближению с большевиками способствовало введение в 1921 году новой экономической политики. Н.Н. Суханов работает в различных советских учреждениях на Урале, в Москве и за границей (в Берлине и Париже), как он сообщает в своей автобиографии, «большой частью в качестве экономиста и редактора периодических изданий»⁵².

И после 1921 года Н.Н. Суханов не порывает связь с Горьким. Вместе с ним, а также Ю.О. Мартовым и Б.И. Николаевским, он редактирует издаваемый З.И. Гржебиным журнал «Летопись Революции» (первый и единственный номер вышел в Берлине в январе 1923 года).

Находясь за границей, Н.Н. Суханов ощущает себя полноправным гражданином Советской России. Горький — изгнанником. Он пишет Р. Роллану 15 января 1924 года: «...Все более чувствую себя человеком без родины, без отечества»⁵³. Н.Н. Суханов стремится на родину. «Проклятый Париж осточертел» (п. 5), — пишет он Горькому, у которого совсем иное настроение. Писатель признается Р. Роллану: «Нет, в Россию я не еду <...> Я даже склонен думать, что в России мне

пришлось бы играть роль крайне странную, — роль врага всем и «всему»⁵⁴.

В 1925 году Н.Н. Суханов возвращается из заграничной командировки и продолжает свои занятия в области экономики в Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики, который возглавлял А.В. Чапанов, печатает книги⁵⁵, выступает с докладами⁵⁶. В томе Энциклопедического словаря, выпускаемом «Русским библиографическим институтом братьев А. и И. Гранат», специально приуроченном к 10-летию Октября, среди автобиографий наиболее выдающихся участников революции и социалистического строительства помещена и автобиография Н.Н. Суханова.

Горький же возвращаться в Россию не спешит, все взвешивает и обдумывает прежде, чем принять решение. Оно созрело только к 1928 году. 20 мая писатель покидает Сорренто, выезжает в СССР.

Свою позицию, которая определила все его дальнейшее поведение, Горький сформулировал уже в первом выступлении по возвращении в Россию, в речи, произнесенной 30 мая 1928 года в Большом театре на пленуме Моссовета. Писатель, в частности, сказал:

«Мне к этому вечеру дали краткий очерк той работы, которая сделана здесь вами, строителями, хозяевами новой жизни, вот за эти шесть-семь лет, — краткий очерк, но в нем двадцать страниц и множество цифр. Цифры красноречиво говорят о том, что вами сделано. <...>

Мне шестьдесят лет, и я видел многое, и я приехал сюда гораздо более больным, чем я сейчас. Почему? Во-первых, потому что я не узнал этого города: я узнал дома, но люди другие, молодые люди, сытые люди, нет бессмысленных противоречий, которые я вижу на каждом шагу на Западе, со всеми лохмотьями, которые рядом с роскошью, — этого нет, и это большой шаг. Но не в этом дело. Дело не в том, что имеются хорошие вещи и улицы, а дело в том, что люди снуют все время и все строится. То, что сделано за это время в Москве вами, товарищи, — это удивительно, удивительно. <...> Каждый из вас — нужный человек. Каждый из вас — хороший работник. <...>

Вот вы находите возможным относиться ко мне хорошо, а почему вы относитесь друг к другу хуже? (Смех.) Это не смешной вопрос, это естественный вопрос. <...>

Вам нужно иметь перед собой какое-то зеркало, вам нужно иметь перед собой то, глядя на что вы лучше могли бы видеть, что вами сделано, что вами делается и что вы должны сделать»⁵⁷.

Созданию зеркала, смотрясь в которое, советские люди видели бы себя не такими, какие они есть, а такими, какими они должны быть, Горький посвящает последние годы своей жизни. Он творит миф, социалистический миф. С его помощью он надеется сделать россиян лучше. Этой цели служат издательские проекты писателя: журналы

«Наши достижения», «СССР на стройке», «Литературная учеба», «За рубежом», «Колхозник», книжные серии «Жизнь замечательных людей», «История фабрик и заводов», «История гражданской войны».

Если до отъезда из России он предлагал учиться на горьких уроках, преподносимых *правдой*, заявлял: «Правда — это единственный огонь, способный осветить нас друг для друга, указать нам путь к будущему и задачи завтрашнего дня»⁵⁸, то теперь *правда* для него становится чуть ли не бранным словом. В письме от 22 января 1929 года к своей давней приятельнице Е.Д. Кусковой Горький говорит: «...У вас есть привычка не молчать о явлениях, которые вас возмущают, я же не только считаю себя вправе и могу молчать о них, но даже отношу это умение к числу моих достоинств. Это — аморально? Пусть так <...> Суть в том, что я искреннейше и непоколебимо ненавижу правду, которая на 99 процентов есть мерзость и ложь <...> я знаю, что 150-миллионной массе русского народа эта правда вредна, и что людям необходима другая правда, которая не понижала бы, а повышала бы рабочую и творческую энергию <...> Для меня важно, главным образом, вот что: быстрый и массовый рост личности, рост нового культурного человека <...> Ему не нужна та мелкая, проклятая правда, среди которой он живет, — ему нужно утверждение той правды, которую он сам создает»⁵⁹.

Если не забывать о правде, не делать вид, что ее не существует, то пришлось бы помнить о том, что сам же писал не так давно Р. Роллану: «Какова цель? Создать условия, которые воспитали бы людей добрыми, умными, сильными, честными. Для меня вполне и давно ясно, что средства, употребляемые ныне для создания таких условий, ведут в сторону, прямо противоположную цели»⁶⁰ (25 января 1922 года), «Убийца всегда подлец, но когда он выполняет это в целях пропаганды, то он в сто крат подлее! А террор в России все увеличивается»⁶¹ (21 апреля 1923 года), «Но каково мне знать, что безумнейшая нетерпимость к свободе духа фабрикуется в моей стране»⁶² (15 января 1924 года). Однако, если следовать логике этих размышлений, пришлось бы играть «роль врага всем и всему»⁶³.

В стране диктатуры пролетариата, при однопартийности, вести политическую борьбу цивилизованными методами невозможно. Своего оппонента необходимо сделать уголовным преступником, в противном случае — сам окажешься на скамье подсудимых.

Горький приехал в Россию в разгар политической борьбы. Главный противник И.В. Сталина — Л.Д. Троцкий, уже изгнанный из партии, — находится в ссылке в Алма-Ате. Через несколько месяцев его выдворят из СССР. Однако бывший военмор еще пытается вернуть себе утраченные позиции, посылает из Казахстана письма своим сторонникам. Но в Москве не до него. Там разгорается новое сражение — между сталинистами и правой оппозицией, возглавляемой Н.И. Буха-

риным, А.И. Рыковым, М.П. Томским. Центром борьбы стал крестьянский вопрос. Сталинисты выступали за отказ от НЭПа и скорейшую коллективизацию. Образованные в ходе ее проведения колхозы позволяли изымать у крестьян весь урожай зерновых. Что вскоре и было сделано. В результате те области страны, где главными посевными культурами были зерновые, охватил сильнейший голод (его позднее назвали голодомором). Значительная часть изъятого зерна была продана за границу, а на вырученные средства было закуплено оборудование для строящихся заводов. Правые пытались отстоять НЭП, высказывались за более гуманное отношение к крестьянину. В частности, Н.И. Бухарин в своем докладе «Политическое завещание Ленина», прочитанном в январе 1929 года, доказывал возможность бескризисного роста промышленности и сельского хозяйства («социалистическая индустриализация — это не паразитарный по отношению к деревне процесс»), заявлял: «Совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике»⁶⁴.

Повторим: вопрос о деревне был ключевым. Еще в июле 1927 года Г.Е. Зиновьев, зная о планах И.В. Сталина и стремясь вернуть себе утраченное лидирующее положение в партии, выступил в «Большевике» со статьей «Манифест кулацкой партии» (№ 13). Формально «разоблачающая» группу ученых-экономистов (М.И. Боголепов, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др.), она была направлена против А.И. Рыкова и его единомышленников. Позднее в письме к В.М. Молотову И.В. Сталин прямо скажет об этом: «Очень хорошо, что ПБ открыл атаку против Рыкова и К^о. Хотя Бухарина и не видно, будто бы, в этом деле, но он, несомненно, является главным поджигателем и науськивателем против партии. Понятно, в партии Суханова — Кондратьева, где он (Бухарин) будет “крайним левым”, он будет чувствовать себя лучше, чем в ВКП, где он может быть лишь *прогнанным насквозь пораженцем и дохлым оппортунистом*. Конечно, Боголепова надо прогнать. Но дело не может этим ограничиться. Надо прогнать еще учеников Боголепова — Громана — Сокольников — Кондратьева. Надо прогнать, стало быть, Рыкова и его компанию»⁶⁵. Через несколько месяцев после опубликования статьи Г.Е. Зиновьева, в декабре, состоялся XV съезд партии. На нем с подачи генсека, «когда шло голосование по резолюции о сельскохозяйственной политике, в ее текст была поспешно включена следующая поправка: “В настоящий период задача преобразования и объединения мелких индивидуальных хозяйств должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне”»⁶⁶. На Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года была принята резолюция, определяющая взгляды А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина и М.П. Томского как «правый уклон». Однако правые продолжали отстаивать свою точку зрения. 9 февраля 1929 года на объединенном заседании Политбюро и Центральной контрольной комиссии А.И. Ры-

ков от своего и своих товарищей имени сделал заявление. В нем говорилось об опасности проведения политики индустриализации на основе разорения крестьянства. Такая политика, считал председатель Совнаркома, идет вразрез с решениями XV съезда партии о необходимости стимулирования развития индивидуальных хозяйств. Но И.В. Сталин не собирался отказываться от взятого им курса. В декабре 1929 года на проходящей в Москве конференции аграрников-марксистов генсек заявил: «Непонятно только, почему антинаучные теории “советских” экономистов типа Чайновых должны иметь свободное хождение в нашей печати»⁶⁷. А через несколько месяцев в письме к В.М. Молотову дал указание: «Надо обязательно арестовать Суханова, Базарова, Рамзина. Нужно пощупать жену Суханова (коммунистка!): она не могла не знать о безобразиях, творящихся у них дома. Следовало бы все без исключения показания (и основные и дополнительные) раздать членам ЦК»⁶⁸.

20 июля 1930 года Н.Н. Суханова арестовали. На следующий день пришли за А.В. Чайновым. Оказались за решеткой и В.А. Базаров с Н.К. Рамзиным, а также множество других инженеров и экономистов. Показания подследственных, как отмечают составители сборника «Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.», «были собраны и изданы типографским способом в виде брошюры “Материалы по делу контрреволюционной “Трудовой крестьянской партии” и группировки Суханова — Громана. (Из материалов следственного производства ОГПУ)”»⁶⁹. Брошюру, наряду с членами ЦК, получил и Горький. Подобного рода документы и ранее высылались писателю. А.Б. Халатов сообщал Горькому 8 июля 1930 года: «Мне на днях тов. Сталин посоветовал послать Вам материал “К отчету ЦКК ВКП(б)”, составленный ОГПУ — о работе вредителей, так как, по его словам, Вы сейчас работаете по этому вопросу. Материал посылаю»⁷⁰.

Чекистами было сфабриковано три дела (и арестованные были разбиты на три группы). Первым (вероятно, из-за активного сотрудничества со следствием Н.К. Рамзина) в ноябре–декабре 1930 года прошел судебный процесс над «Промпартией». Вторым, в марте 1931 года, — процесс «Союзного бюро меньшевиков» (по нему были осуждены Н.Н. Суханов, В.А. Базаров и еще несколько авторов «Новой жизни»). Показательный открытый процесс по делу «Трудовой крестьянской партии» (Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайнов и др.) власти организовать не удалось.

Н.Н. Суханов на следствии вел себя достойно. Историк Р.М. Янгиров пишет: «Заслуживает упоминания и мужество Н. Суханова, также напрямую не упомянувшего в своих показаниях имени Чайнова и коллег по институту»⁷¹.

Но таким было поведение далеко не всех подследственных. За что их трудно осуждать, зная, какие методы воздействия к ним применяли

чекисты⁷². Опираясь на собранные в ходе следствия материалы, объединенный Пленум ЦК и ЦКК в декабре 1930 года принял решение о выведении А.И. Рыкова из состава Политбюро ЦК ВКП(б) и о смещении его с поста председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Как Горький реагировал на происходящее в России?

Еще 3 марта 1924 года он написал Р. Роллану: «Нет сомнения, что борьба между Зиновьевым <который в то время вместе с И.В. Сталиным и Л.Б. Каменевым составлял правящий триумvirат. — Е.Н.>, — человеком, к которому я отношусь очень отрицательно, — и хозяйственниками должна разгораться и, наверное, победят хозяйственники — Красин <умер 24 ноября 1926 года. — Е.Н.>, Рыков и т.д. Зиновьев — хитер и умен, нужно ждать, что когда давление на него дойдет до определенной силы, — он уступит силе. В общем я почти уверен, что по этой линии нельзя ожидать Термидора. Трагедии надо ждать со стороны крестьянства, которому нужны машины, сукно, ситец, сахар, гвозди и еще множество вещей, которых у нас нет, пока»⁷³. Горький опасался мужика, который, по его мнению, намерен уничтожить город. В вышедшей в Берлине в 1922 году брошюре «О русском крестьянстве» он писал: «Интеллигент, производитель духовного хлеба, рабочий, творец механизма городской культуры, постепенно и с быстротой, все возрастающей, поглощается крестьянством. <...> Теперь можно с уверенностью сказать, что, ценою гибели интеллигенции и рабочего класса, русское крестьянство ожило»⁷⁴. Поэтому, когда стали видны первые итоги коллективизации, писатель направил И.В. Сталину письмо, в котором говорилось: «...После того, как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма — социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это — переворот почти геологический и это больше, неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника. Таких людей — два десятка миллионов. Задача перевоспитать их в кратчайший срок — безумнейшая задача. И, однако, вот она практически решается. Вполне естественно, что многие из миллионов впадают в неистовое безумие уже по-настоящему <...> Пусть ругаются <...> А, в общем, все идет отлично»⁷⁵.

Отметим, что целью таких издательских проектов Горького, как «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», журнал «Колхозник», было преодоление опасности, исходящей от крестьянина. Горький объяснял И.В. Сталину в письме от 5 июня 1930 года:

«...Я настаиваю на необходимости разработать и издать “Историю гражданской войны”, особенно, на мой взгляд, необходимую для дела

политического, т.е. социалистического воспитания крестьянства.

Мои доказательства необходимости такого издания сводятся — в главном — к следующему:

1. Политическое воспитание крестьянской молодежи вследствие целого ряда условий бытового характера значительно отстает по сравнению с политическим ростом рабочей молодежи.

2. Вливаясь в работу стройки социалистического государства, крестьянская молодежь вносит на фабрики и заводы свой дух индивидуализма и создает атмосферу, способную разлагать и разлагающую молодых рабочих»⁷⁶.

Получив известие о происходящих в России арестах, Е.Д. Кускова 8 сентября 1930 года написала Горькому из Праги: «Уважаемый Алексей Максимович! Двадцать или более людей высокой квалификации и совершенно бесспорной честности в своих действиях, профессора Макаров, Чайнов, Кондратьев, Рамзин, Юровский, кооператор Садырин (член ВЦИК'а), большевик Базаров, статистик Громан, Суханов и др. сидят сейчас в Сов. России в тюрьме и находятся перед величайшей опасностью <...> Я хорошо знаю, что положение в России дошло до высшей точки неблагополучия <...> Но кто же может поверить, что 20 или более людей — в большинстве своем кабинетных работников, — людей, все время работавших под руководством коммунистов и по их директивам, являются причиной этого тяжелого положения страны? Остается, следовательно, предположение, что их хотят сделать ответственными или за их несогласие с новейшим направлением политики, или же за неудачи этой власти»⁷⁷.

Последнее предположение Е.Д. Кусковой правильное. Руководство СССР виновными в своих провалах в экономике объявило «вредителей». Историк В.П. Данилов пишет: «Коренная реконструкция народного хозяйства была необходима. Несчастье в том, что ей с самого начала придавали невероятные темпы, которые отозвались авариями на шахтах, на электростанциях, на стройках, нарушениями технологических требований, падением качества работ и производственной продукции, перебоями в продовольственном снабжении, невыполнением плановых заданий, напрасной тратой средств. Отвечать за это пришлось инженерам, “хозяйственникам” вообще и в первую очередь представителям старой технической интеллигенции»⁷⁸.

Заканчивая свое письмо, Е.Д. Кускова просила: «Теперь надо действовать, чтобы спасти их»⁷⁹.

Горький, получив письмо своей давней приятельницы, ответил ей статьей «Об умниках», опубликованной в «Известиях» 16 октября 1930 года. В статье говорилось:

«Умник прочитал, вероятно, не менее 16 тысяч книг по разным вопросам, и этот полумеханический труд усвоения чужих мыслей

развил в нем уродливо преувеличенное мнение о силе и широте своего разума <...> умник крепко убежден, что без его мудрого совета в делах мира мир — погибнет, но участвовать он способен только посредством языкоблудия. Он вполне уверен, что все знает и все для него совершенно ясно. Книжность убила в нем чувство скромности и осторожность суждений, свойственную людям, которые, активно участвуя в строении жизни, относятся к ней внимательно и серьезно. Они пишут откуда-нибудь, например, из Праги:

Я хорошо знаю, что положение в России дошло до высшей точки неблагополучия.

На самом деле он ничего не знает, потому что не хочет видеть того, что необходимо знать. Он совершенно не чувствует той высоты, до которой активизм рабочего класса и передового крестьянства поднял Союз Советов. <...>

Умники любят хвастаться своей любовью к “народу” <...>

Однако культурные успехи и достижения “народа” невидимы для них. Они заняты иезуитски тщательным подсчетом всяческих недостатков <...>

Они пишут: “Арестован благороднейший Иван Иванович, которого мы знаем...”

Издали они смотрят в подворотню <...> смотрят и все знают. Я думаю, что они неплохо знают только одно — то, что родственные им по духу умники стремятся, в меру слабых сил своих, к реставрации мещанства, к восстановлению буржуазного строя»⁸⁰.

Такой ответ, вероятно, вызван тем, что Горький поверил материалам, полученным из ОГПУ. Красным карандашом писатель подчеркнул в полученном от Е.Д. Кусковой письме фразу: «Мы с Сер. Ник. лично знаем их, и знаем также, как велики были среди них личные антагонизмы»⁸¹. В письме к Р. Роллану от 30 октября 1930 года Горький искренне возмущается: «Я крайне поражен тем, что Вы тоже верите в возможность “выдуманных или вынужденных пытками” признаний <...> “Нельзя допустить, чтоб они чистосердечно покаялись”, — пишете Вы <...> Почему же “нельзя”? <...> “Чистосердечность” показаний вредителей объясняется <...> тем, что они, спасая свою шкуру, вообще не щадят друг друга, ведь это люди, действующие механически, по силе инстинкта “касты”, в чем они сами признаются. Я имею право утверждать это, потому что я читал подлинные их показания. И вот Вам характерная фраза одного инженера, — фраза, которая в различных формах встречается почти у каждого из вредителей: “При капиталистическом строе мы являлись, в известной степени, обер-офицерами капитала <...> Именно через нас капитал осуществлял свободную и неизбежную при капитализме эксплуатацию рабочих, а это порождало уже известную идеологию, которая резко отделяла нас от рабочих, противопоставляла нас им” <...> Мне кажется,

Роллан, что Вы судили бы о событиях в Союзе Советов более спокойно, если б усвоили простой факт: Советская власть и авангард рабочей партии находятся в состоянии гражданской, — т.е. классово-войны. Враг, против которого борются — и необходимо бороться — интеллигенция, стремящаяся реставрировать буржуазный строй, и зажиточное крестьянство, которое, защищая частное, мелкое хозяйство, основу капитализма, вредит делу коллективизации, прибегая к террору»⁸².

Возможно, поступками Горького руководила и определенная доля страха. Такой вывод можно сделать из его письма от 2 ноября 1930 года к заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде: «Дорогой Генрих Георгиевич! <...> Не удивлен тем, что Суханов, мальчишка с болезненным самолюбием и психикой авантюриста, оказался на скамье уголовных преступников <...> Роллан возобновил переписку со мной <...> Но “симпатия” Роллана уже отравлена обывательщиной, как Вы увидите из моего письма к нему, копию которого считаю нужным послать Вам»⁸³. Писатель старается убедить чекиста: я — свой.

Но главное, что определило позицию Горького, — его приверженность философии А.А. Богданова, который еще в самом начале 1917 г. писал: «Есть <...> немаловажная ошибка в оптимистических расчетах: это надежда на готовность технической интеллигенции за хорошую плату осуществлять какой угодно хозяйственный план. Когда эта интеллигенция “планомерно организует” для капитала и бюрократии, нет ничего удивительного, что она делает свою работу и за страх, и за совесть, и, конечно, за вознаграждение: она — не господствующий, а подчиненный класс, и, устраивая “планомерность”, не ослабляет, а укрепляет свое положение в обществе. Совершенно иное, если бы ей пришлось, хотя бы за еще повышенную плату, “организовать производство” для пролетариата: тут она сама, своими руками, работала бы над разрушением основ своей временной привилегии; ибо очевидно, что, наладив производственную машину и подготовив тем самым пролетариат к самостоятельному ведению всего дела, она лишалась бы выгод своего положения»⁸⁴.

Горький даже не попытался помочь бывшему соредктору по «Летописи» и «Новой жизни». В марте 1931 года Н.Н. Суханов был приговорен к десяти годам лишения свободы и к последующему поражению в правах на пять лет.

Отбывая наказание в Верхне-Уральском изоляторе ОГПУ, он объявляет голодовку с требованием пересмотра дела, пишет ряд заявлений во ВЦИК РСФСР. В результате 20 марта 1935 года Президиум ЦИК СССР заменяет оставшийся срок тюремного заключения ссылкой в Тобольск. Здесь Н.Н. Суханов работает экономистом в «Обьрыбтресте», преподает немецкий язык в школе. Относительное благополучие длилось чуть более двух лет. А. Ваксберг

пишет о дальнейшей судьбе Н.Н. Суханова: «19 сентября 1937 года по ордеру тобольского прокурора Раппопорта он был вновь арестован — скорее всего по программе ликвидации “социально опасных элементов”. Ему вменили в вину “связь с германскими шпионами”, а также антисоветскую агитацию при отбывании ссылки. После пребывания в Тобольской тюрьме его этапировали в Омск, где местный палач Саенко приступил к его истязаниям»⁸⁵. О пытках, перенесенных им в заключении, Н.Н. Суханов рассказал в письме к А.И. Микояну от 10 сентября 1939 года: «Мне было предложено самому изложить мои преступления против Советской власти, то есть выдумать их. Это свое требование мои следователи подкрепляли всем арсеналом мер физического воздействия, постепенно пускаемыми в ход в восходящем порядке... Главную же роль в моем поведении сыграли угрозы поставить в аналогичное с моим положением мою жену, старую и больную женщину. На основании прецедента я знал, что это отнюдь не пустые угрозы. Избавить жену от подобной участи было для меня необходимо любой ценой. Я уступил требованиям омских властей... Протокол от 19 ноября 1938 года, подписанный мной, явился ценой, которую я уплатил за... спасение жены <...> И чисто политический акт всегда имеется полная возможность обставить не так грубо и примитивно, и в подобном случае дело должно было бы быть передано в более умелые руки, особенно когда оно касается лица, имеющего некоторое историческое имя»⁸⁶. Подписанный подследственным протокол от 19 ноября 1938 года стал основанием для смертного приговора. Обращение к заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР не дало желаемого результата. 29 июня 1940 года Н.Н. Суханова расстреляли.

В Архиве А.М. Горького хранится только одно письмо писателя к Н.Н. Суханову. Оно опубликовано в издании: Горький. *Письма*. Т. 11. С. 142–143. Письмо уцелело случайно, поскольку первоначально находилось в архиве журнала «Современник». Остальные письма Горького к публицисту и экономисту, видимо, постигла та же участь, что и письма писателя к Владимиру Шкловскому, одному из авторов «Летописи». Л.Г. Степанова, занимавшаяся изучением биографии ученого-филолога, пишет: «В деле <Шкловского> отмечено, что изъятая при обыске личная переписка была уничтожена “путем сожжения”»⁸⁷. По всей видимости, письма Горького к Н.Н. Суханову сгорели в печах НКВД. У писем Н.Н. Суханова к Горькому более счастливая судьба — их сохранилось пять. Все они печатаются ниже.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Шамаро А.* Виновник, оставшийся в тени // Наука и религия. 1971. № 12. С. 30–36.
- ² *Кони А.Ф.* На жизненном пути. М., 1916. Т. 2. С. 69.
- ³ Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 709.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 710.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Политические партии России.* С. 599.
- ⁹ Цит. по: *Шерпер Ю. М.* Горький и А. Богданов. (История отношений по материалам переписки 1908–1910 гг.) // М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования. М., 1995. Вып. 4. С. 60. См. также переписку Горького с А.А. Богдановым в настоящем томе.
- ¹⁰ *Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов.* Письма. 1898–1913 / Научный ред., автор предисл. и коммент. И.Х. Урилов. М., 2007. С. 384–386.
- ¹¹ Там же. С. 415.
- ¹² Горький. *Письма.* Т. 8. С. 249.
- ¹³ *ЛН.* Т. 95. С. 48.
- ¹⁴ Там же. С. 360.
- ¹⁵ Горький. *Письма.* Т. 9. С. 150–151.
- ¹⁶ *Летопись.* 1915. № 1. С. 324–325.
- ¹⁷ Там же. С. 325.
- ¹⁸ Там же. С. 326.
- ¹⁹ Там же. 1916. № 3. С. 307–310.
- ²⁰ Цит. по: *Плеханов Г.В.* О войне: Статьи. Пг., 1917. С. 25–26.
- ²¹ *Летопись.* 1916. № 3. С. 311–312.
- ²² *Ардов Т.* В защиту «интеллигента» // Утро России. 1916. № 10. 10 января.
- ²³ *Суханов Н.Н.* Т. 1. С. 91.
- ²⁴ *Суроожский П.Н.* Первый наш писатель // О Горьком — современники. М., 1928. С. 133.
- ²⁵ *Летопись.* 1917. № 9–12. С. 5.
- ²⁶ Об участии Горького в создании Российской радикально-демократической партии см.: *Никитин Е.Н.* «Исповедь» М. Горького: Новое прочтение. М., 2000. С. 103–115.
- ²⁷ Подробнее об этом см.: *Майер Л.* «Русская воля» и «Луч»: А.Д. Протопопов и Максим Горький в борьбе за буржуазную общественность накануне Февральской революции // Отечественная история. 1996. № 1. С. 29–52.
- ²⁸ Горький. *Письма.* Т. 12. С. 125.
- ²⁹ Там же. С. 180.
- ³⁰ *Суханов Н.Н.* Т. 2. С. 242.
- ³¹ Горький. *Письма.* Т. 12. С. 118.
- ³² Горький. *Публицистика.* С. 325–326.
- ³³ Там же. С. 326.
- ³⁴ *Новая жизнь.* 1917. № 18. 9 мая.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. № 74. 14 июля.
- ³⁷ Там же. № 61. 29 июня.
- ³⁸ Там же. № 174. 7 ноября.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Архив Г.* 15. С. 88.
- ⁴² Документ опубликован: *Архив Г.* 10. Кн. 1. С. 16–17.
- ⁴³ Там же. С. 17–18. Подробнее см.: *Никитин Е.Н.* Книгоиздательство «Всемирная

- литература» (1918–1924) // Книга. Исследования и материалы. М., 2008. Сб. 89. Ч. 1–2. С. 188–214; там же. М., 2009. С. 90. Ч. 1–2. С. 158–183.
- ⁴⁴ О нем см.: *Никитин Е.Н.* Издательство З.И. Гржебина // Библиография. 2005. № 5. С. 85–100.
- ⁴⁵ *Ленин и Горький.* С. 213.
- ⁴⁶ Там же. С. 388.
- ⁴⁷ *Замятин Е.И.* Лица. Нью-Йорк, 1967. С. 93.
- ⁴⁸ *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. / Состав., вступ. статья и примеч. Т.Ф. Прокопова. М., 1999. Т. 6 (доп.). С. 309.
- ⁴⁹ *Горький. Письма.* Т. 13. С. 204.
- ⁵⁰ *Вернадский В.И.* Дневники. 1926–1934 / Состав. и отв. ред. В.П. Волков. М., 2001. С. 14.
- ⁵¹ *Архив Г. 15.* С. 110–111. Во время этого или другого обыска у Горького был изъят черновик его письма к В.И. Ленину. Копия этого черновика, сделанная чекистами, воспроизведена в кн.: *Шенталинский В.А.* Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 310.
- ⁵² Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 710.
- ⁵³ *Архив Г. 15.* С. 87.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Суханов Н.Н.* К вопросу об эволюции сельского хозяйства. Социальные отношения в крестьянском хозяйстве. Изд. 2-е. М.: Новая деревня, 1924; *Суханов Н.Н.* Мировое хозяйство накануне и после войны. 1913–1923. Л.; М.: Книга, 1924; *Суханов Н.Н.* Очерки по экономии сельского хозяйства. М.; Пг.: Книга, 1924; *Суханов Н.Н., Платон И.С.* 1917 год: Драматическая хроника в 5 действиях. М.; Л.: Госиздат, 1928.
- ⁵⁶ В октябре 1928 г. Суханов выступил в Коммунистической академии, членом которой он был, с докладом «Проблемы товарного голода». Докладчик предлагал отказаться от форсированного колхозного строительства, повысить цены на сельскохозяйственную продукцию, увеличить ее экспорт и расширить импорт предметов потребления.
- ⁵⁷ *Г-30.* Т. 24. С. 368–370.
- ⁵⁸ *Горький М.* Письма к читателю. II // *Горький. Публицистика.* С. 313 (статья написана в 1916 г.).
- ⁵⁹ Цит. по: *Кускова Е.Д.* Трагедия Максима Горького // *Новый журнал (Нью-Йорк).* 1954. № 38. С. 241–242.
- ⁶⁰ *Архив Г. 15.* С. 28.
- ⁶¹ Там же. С. 58.
- ⁶² Там же. С. 88.
- ⁶³ Там же. С. 87.
- ⁶⁴ Доклад Бухарина цит. по: *Розенталь И.* Бухарин Николай Иванович // *Политические партии России.* С. 98.
- ⁶⁵ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сборник документов / Сост. и коммент. Л. Кошелевой, В. Лельчука, В. Наумова, О. Наумова, Л. Роговой, О. Хлевнюка. М., 1995. С. 220.
- ⁶⁶ *Тагер Р.* Сталин: путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1990. С. 367.
- ⁶⁷ Цит. по: *Муравьев Вл.* Творец московской гофманиады // *Чаянов А.В.* Венецианское зеркало: Повести. М., 1989. С. 19.
- ⁶⁸ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 198.
- ⁶⁹ Там же. С. 183.
- ⁷⁰ *Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 206.
- ⁷¹ *Минувшее. Исторический альманах.* М.; СПб., 1995. Т. 18. С. 515.
- ⁷² Об этих методах рассказал осужденный по делу «Союзного бюро меньшевиков» М.П. Якубович в своем письме на имя Генерального прокурора СССР от 10 мая 1967 г. — см.: *Меншевицкий процесс 1931 года.* Сборник документов: В 2 кн. / Сост., автор вступ. статьи А.Л. Литвин. М., 1999. Кн. 2. С. 457–464.
- ⁷³ *Архив Г. 15.* С. 92.
- ⁷⁴ *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 43.
- ⁷⁵ *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 7. С. 215 (письмо от 8 января 1930 г.).

⁷⁶ Там же. С. 216.

⁷⁷ АГ. КГ-п-41-22-20.

⁷⁸ Московские новости. 1987. № 33(371). 16 августа. С. 12.

⁷⁹ АГ. КГ-п-41-22-20.

⁸⁰ Г-30. Т. 25. С. 206–208, 210.

⁸¹ АГ. КГ-п-41-22-20.

⁸² Архив Г. 15. С. 170–171.

⁸³ Неизвестный Горький. Вып. 3. С. 173–174.

⁸⁴ Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М., 1990. С. 319–320.

⁸⁵ Ваксберг А. Страницы одной жизни. (Штрихи к политическому портрету Вышинского) // Знамя. 1990. № 5. С. 172.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Степанова Л.Г. О Владимире Борисовиче Шкловском // Ленинградский мартиролог. СПб., 1998. Т. 3. С. 549.

1. Н.Н. СУХАНОВ — ГОРЬКОМУ

5(18) июня 1914, Териоки

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Мне, нижеподписавшемуся, было бы крайне желательно и важно отнять у Вас четверть часа для полу делового разговора. Если бы Вы ничего не имели против, я приехал бы к Вам в понедельник 9-го сего июня. Если же для этого встречаются какие-либо препятствия, то, быть может, Вы не отказали бы черкнуть открытку по нижеуказанному адресу. Как я слышал, я меньше всего имею шансы помешать Вам, если приеду около 5–6 час. Так я и сделаю, если не получу от Вас извещения с назначением другого времени или просто с указаниями на неудобство для Вас нашего свидания в понедельник¹.

Глубоко уважающий Вас почитатель

Ник. Ник. Гиммер (Суханов)

(гл. ред. журнала «Современник»).

5-е июня 1914.

Териоки, Захаровская дорога, дача Паюр².

2. Н.Н. СУХАНОВ — ГОРЬКОМУ

11(24) октября 1914, Москва

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Пишу из Москвы, где жду денег более или менее неудачно. Положение хуже, чем во время моего посещения Мустамьяк. Певин¹ в полном расстройстве, не надеется уже (т.е. не обосновывает, но сомневается), что подписка должна покрыть расходы до конца года плюс на 2–3 месяца. Говорит о том, кто бы и как бы будет покрывать его обязательства, даваемые до подписки. Типография не действует. Необходима немедленная помощь, или — по-видимому — закрываемся немедленно², когда, по словам Певина, можно ликвидировать дело даже не без выгод для издательства. Буду в Москве до 15-го, до Вашего приезда³. Надеюсь, не забудете о нас и сделаете, что возможно, хотя бы в самых незначительных размерах. — Не взыщите за мои надоедливые обращения.

Искренне преданный Вам

Ник. Гиммер
11-е окт. 1914.

3. Н.Н. СУХАНОВ — ГОРЬКОМУ

7(20) декабря 1914, Петроград

СПб. «7» декабря 1914 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам корректуру статьи¹, предназначавшейся для декабрьской кн. и содержащую в себе хоть слабый намек на то, что надо было развить. На днях пришлю корр. своей статьи² (предназначается на январь), написанной «под Изгоева³» — в частности против безобразий Иорданского, Елпатьевского, Дионео⁴ и т. под. Не знаю, что выйдет из всего этого. Но нельзя не сделать попыток. Умопомрачение!

Итак, вступаем в 15-й год. Подписка пока совсем плоха. Подадите ли какие-нибудь надежды в результате поездки⁵?

Очень плохо с беллетристикой. Написано по всем указанным Вами адресам, но никто не отвечает — ни Вольнов⁶, ни Подъячев⁷. А расчет мы на будущий год вели так, что 20 страниц в № будем оплачивать по 100 руб. Может быть, Вы поддержите хоть чем-

нибудь⁸, что не жаль. Чем дальше, чем больше смотришь на соседей, тем больше кажется, что существовать необходимо. Если бы действительно у Вас нашлось, чем ссудить нас, это имело <бы> первостепенное значение. Тогда прошу телеграфировать в ред. какое-ниб. утвердительное слово, и мы поместим в проспекте.

Лундберг написал славную статью (в декабрь) о «военной» поэзии и драмах⁹. Вы одобрите. Занявшись вплотную «Детством» для январского обзора, он засел за статью «Горький за 10 лет»¹⁰. Вообще масса интересных тем даже при съеденной цензурой публицистике. Отряхнув прах нелепого и давившего нас двухнедельника¹¹, мы, несомненно, выправимся, если...

Низко кланяюсь Вам.

Ваш *Ник. Гиммер*

Приветствую Ивана Павловича¹².

Написал Юрицыну¹³. Как бы снести и надавить на Мешкова¹⁴?

4. Н.Н. СУХАНОВ — ГОРЬКОМУ

26 декабря 1914 (8 января 1915), Петроград

СПб. «26» дек. 1914 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Вы пишете насчет способов ответа — как будто имеете сомнения, напечатаем ли мы «Зыковых» в ближайшем №. Страшное спасибо. Весьма огорчен, что они запоздали к проспекту при декабрьской кн. и к набору для январской по соседству с Карево¹. Не откажите нам только в следующих разъяснениях. Как печатать, в виде самостоятельной сцены (она бы, несомненно, могла иметь значение таковой) или в виде 1-го действия? В первом случае, надо бы вычеркнуть не участвующих действующих лиц, изменить слово «сцены» и т.п. Если бы печатать в виде 1-го действия (что Вы, по-видимому, должны предпочесть), то надо бы сделать примечание, почему пьеса не вся. Если бы Вы нам написали это примечание (насчет немца или неудобства), то это было бы не только весьма удобно, но и имело бы *самостоятельное* и весьма для нашего журнала важное принципиальное значение. Если у Вас нет еще других причин, по которым Вы не печатаете у нас всей пьесы, то великолепно было бы Ваше введение о «немце»², скажем, в полстраницы. Были бы признательны по гроб жизни. Насчет гонорара и Карево, конечно, все будет исполнено.

Подписка запаздывает и хуже прошлогодней. Придется или найти

тыс. 10—12—14 или погибнуть. Но это невозможно. Дело налаживается. Я ныне стал уверен, что выйдем на дорогу, и предыдущая мало удачная работа за эти несколько месяцев (с несчастным двухнедельником) меня уже не лишает надлежащего настроения.

Буду надеяться, что Вы сделаете все, что будет возможно и удобно в смысле приискания средств. Даже с коммерческой стороны я стал смотреть на наше предприятие далеко не безнадежно.

Статья М.³ была послана Вам в газете.

Ваш *Н. Гиммер*

Зовут меня Николай Николаевич, а что касается фамилии, то лучше пользоваться псевдонимом.

5. Н.Н. СУХАНОВ — ГОРЬКОМУ

Август 1925, Париж

Paris

55. Rue de Rivoli

N. Soukhanoff.

Дорогой Алексей Максимович!

Напоминая Вам о своем существовании, уведомляя также о моем временном пребывании в Париже по советским издательским и журнальным делам, — позволяю себе обратиться к Вам с такой просьбой. Наш общий друг З.И. Гржебин¹ все еще тяжело страдает от материальных невзгод. А я, памятуя твердо, что он разорился на «идейной почве», стараюсь изо всех сил пойти ему навстречу — путем предоставления ему работы. Но Вы понимаете, как это трудно — по формальным причинам, ибо Гржебин — фактически эмигрант, и против него всякие нападения, со всех сторон, насчитывались тысячами — с самыми печальными результатами. Не знаю, ответили Вам Красин², но положение Гржебина, после Вашего письма к нему (Красину) не облегчилось. Необходимы дальнейшие шаги по извилистым и окольным путям. Для облегчения их, не сочтете ли Вы возможным написать *мне* записочку³ с настоятельным требованием устроить Гржебина в виду его таких-то качеств и заслуг, с одной стороны, и его невыносимого положения — с другой. Я показал бы эту записочку начальству, имеющему возможность полуформально санкционировать Гржебина, минуя Красина.

Проклятый Париж осточертел. Сил нет жить в этом захолустье. Хочу в Россию, где все чудесно переменялось со времен наших

встреч на Машковом 1⁴.

Желаю здоровья, хорошей работы, интересной жизни.

Ваш навсегда

Ник. Суханов.

Гржебин сам не хотел Вам писать, так как не желает больше нить перед Вами, а иначе писать не может.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-16-1), впервые.

¹ Как видно из п. 2, встреча состоялась в понедельник 9(22) июня 1914 г. в Мустамяках, где в это время жил Горький.

² Возможно, Ян Юрьевич Паюр, владевший также в Петербурге меблированными комнатами «Рига».

2.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74-16-2), впервые.

¹ Певин Петр Иванович (? — 1918), журналист, издатель «Современника».

² «Современник» просуществовал до октября 1915 г.

³ Горький, действительно, намеревался приехать в Москву в середине октября. Он сообщал Е.П. Пешковой 26 сентября (9 октября) 1914 г.: «Когда же я приеду? В день, когда кончу с рукописью — выеду отсюда, дня три-четыре проживу в Питере. Когда кончу? Недели через две» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 130). Но затем планы писателя изменились. 24 октября (6 ноября) он выехал из Мустамяк через Петроград в Киев, где гастролировала (в составе труппы Н.Н. Синельникова) М.Ф. Андреева. В Москву Горький приехал 19 ноября (2 декабря) 1914 г.

3.

Печатается по А (АГ. КГ-п-20-20-1), впервые.

¹ Имеется в виду статья меньшевика Л. Мартова (наст. имя Юлий Осипович Цедербаум; 1873–1923) «Из современных настроений», запрещенная цензурой. Ее гранки сохранились в Архиве А.М. Горького. В этой статье Мартов писал:

«Разлившаяся над миром социально-политическая катастрофа сопровождалась некоторыми катастрофами меньшего масштаба. Одна из последних постигла российскую литературу. Пишущему эти строки до сих пор еще не пришлось отозваться в отечественной печати на вызванные войной вопросы. Между тем, появившиеся за это время в той же печати заявления некоторых марксистских и, вообще, “левых” литераторов могли вызвать у публики совершенно неверное представление о взглядах довольно

заметной общественной группы на современный кризис.

В нижеследующих строках я постараюсь ответить на недоуменные вопросы, которые мне ставят некоторыми друзьями. Меня спрашивают, прежде всего, разделяю ли я взгляд высказанный Г.В. Плехановым, П.П. Масловым, Н.И. Иорданским относительно того, что нынешняя война есть необходимое условие сохранения экономической независимости России, возможности беспрепятственного развития ее производительных сил и ограждение ее от превращения в германскую колонию?

Отвечаю на этот вопрос со всей решительностью: нет, не считаю, и полагаю, что названные писатели впадают в глубокую ошибку <...>

Международная реакция сознательно раздувает шовинизм <...> Такие явления, как бойкот немецкой торговли, травля германской культуры, — лишь льют воду на мельницу прусского юнкерства; они позволяют ему выступать в роли неприятного, но необходимого защитника благ, дорогих всякому немцу» (*АГ. ГЖВ-3-47*).

² Суханов Н. Власть событий // Современник. 1915. № 1.

³ Изгоев Александр (Арон) Соломонович (наст. фамилия Ланде; 1872–1935), один из авторов сборника «Вехи» (М., 1909), с 1907 г. ведущий публицист журнала «Русская мысль». Изгоев начинал свою политическую деятельность как легальный марксист, затем его взгляды претерпели эволюцию, на 2-м съезде кадетов в январе 1906 г. он был избран в ЦК партии.

⁴ Иорданский Николай Иванович (1876–1928), публицист. Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933), прозаик и публицист. Дионео (наст. имя Исаак Владимирович (Вульфвич) Шкловский; 1864 (по др. сведениям 1863 или 1865)–1935), публицист и критик. Все трое в годы Первой мировой войны были оборонцами.

⁵ Речь идет о пребывании Горького в Москве с 19 по 25 ноября (ст. ст.) 1914 г., во время которого писатель встретился с И.Д. Сытыным и другими возможными меценатами. Но просьбы о финансовой помощи «Современнику» ими были встречены уклончиво. Горький сообщил Суханову 15(28) декабря 1914 г.: «В Москве — говорил, но — слушатели меланхолически морщатся. Имею обещания, цена им — грош» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 143).

⁶ Вольнов Иван Егорович (1885–1931), прозаик. В «Современнике» опубликовал стихотворение в прозе «Три грезы» (1911. № 2) и рассказ «Батя» (1915. № 5).

⁷ Подъячев Семен Павлович (1866–1934), прозаик. В «Современнике» не печатался.

⁸ Горький ответил 15(28) декабря 1914 г.:

«Вот, — если хотите, — акт пьесы, которая в России не печаталась и в театрах не ставилась. Всю печатать не нахожу удобным, ибо со второго акта в ней является немец, довольно жуликоватый. Хотя пьеса написана в 912-м, но сие обстоятельство немца не украшает. А скверненьким его и без меня изобразят.

Если эту вещь Вы станете печатать и дадите мне за нее некоторый гонорар, то я прошу Вас сделать вот что: сопричтите этот гонорар к таковому Зинаиде Карево, — Вами принят ее рассказ «Поищем жизни». Таким образом, Карево вместо 35 р. получит, скажем, 70 р., а это для нее очень важно. Разумеется, Вы ей не скажете обо мне ни слова, убедительно прошу Вас! Просто: редакция находит возможным уплатить Вам столько-то. Эту Карево Вам бы держать в сфере Вашего внимания — очень интересный человек она! Смотрите рассказ «Госпожа Ницета», «Образование», 904, май–июль.

О согласии Вашем на сию аферу известите меня, о несогласии — также. Прошу!» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 142).

Вместе с процитированным письмом Горький послал Суханову первый акт пьесы «Зыковы», который был опубликован в «Современнике» (1915. № 1).

⁹ Речь идет о статье критика Евгения Германовича Лундберга (1883–1965), напечатанной в декабрьской книжке «Современника» за 1914 г. под рубрикой «Литературный дневник».

¹⁰ В обзоре современной прозы, напечатанном в первом номере «Современника» за 1915 г. под рубрикой «Литературный дневник», Лундберг написал: «Особое почетное место в литературе 1914 г. занимает вышедшее отдельной книгой «Детство» М. Горького, к творчеству которого мы вскоре обратимся в специальной статье» (С. 214). Обещанная статья, видимо, не была написана. В печати она не появилась.

¹¹ В октябрьской книжке «Современника» за 1914 г. (до этого выходившего два раза в месяц) на первой странице редакция поместила объявление «К сведению гг. подписчиков», в котором говорилось:

«Наложение ареста последовательно на несколько выпусков журнала “Современник”, изменение содержания книжек в виду военного времени и военной цензуры, невозможность получения статей от постоянных сотрудников, живущих за границей, и ряда других обстоятельств, связанных с текущими чрезвычайными событиями — привели к необходимости выпустить в августе и теперь в октябре вместо очередных №№ соединенные книги журнала в увеличенном размере.

В дальнейшем журнал “Современник”, в силу опять же обстоятельств переживаемого времени, будет выходить по одному разу в месяц в соответственно увеличенном размере».

¹² Ладыхников И.П. (1874–1945), друг Горького.

¹³ Юрицын Сергей Петрович (1872–?), журналист, издатель.

¹⁴ Горький ответил 15(28) декабря 1914 г.: «Адреса М^сешкова» — не знаю, на доброту души его — не надеюсь. Поговорить — могу, однако» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 143). Речь идет о Николае Васильевиче Мешкове (1851–1933), владельце Пермского пароходства, с 1914 г. члене «Товарищества пароходства и транспортировки братьев Каменских», издатель журнала «Минувшие годы» (1908). Мешков оказывал финансовую помощь партии эсеров, о чем упоминает Горький в статье «О том, как я учился писать» (Г-30. Т. 24. С. 495), был одним из учредителей Пермского университета (1916).

4.

Печатается по А (АГ. КГ-п-20–20–2), впервые.

¹ В связи с получением от Горького первого акта «Зыковых» и опубликованием его в первом номере рассказ писательницы Зинаиды Петровны Каревы (Корево) «Поиском жизни» был перенесен в следующий номер журнала (Современник. 1915. № 2).

² Первый акт «Зыковых» был опубликован без авторского введения.

³ Суханов отвечает Горькому, который писал 15(28) декабря 1914 г.: «Статью М. еще не получил» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 143). Речь идет о статье Л. Мартова — см. примеч. 1 к п. 3.

5.

Печатается по А (АГ. КГ-п-74–16–3), впервые.

Датируется по письму З.И. Гржебина Горькому от 4 сентября 1925 г., в котором сказано: «Мой дорогой Алексей Максимович, Вы не отвечаете на письмо Н.Н. Суханова. Я понимаю это так, что Вы за что-то сердитесь на меня. Единственно, почему Вы можете сердиться на меня, мне кажется, это то, что я не пишу Вам. Что же делать, когда так трудно жить. Не только писать — дышать невозможно <...> Служба у Суханова — дело невыясненное до сих пор. Задумал я одно издание, которое их издательству принесет много денег, тысяч двадцать долларов, а то и больше, но официально не могу делать это. По этому предмету писал Вам Николай Николаевич. Ему необходима протекция для меня. Ваше письмо ему (вернее мне) очень помогло бы. Я Вас очень прошу не отказать срочно прислать такое письмо на имя Николая Николаевича. Вы просто, зная мое положение, просите его использовать меня, считая, что моя работа может быть очень полезна для его издательства (для издательства Торгпредства)» (АГ. КГ-п-22–1–53).

¹ Гржебин Зиновий Исаевич (1877–1929), художник, издатель. С Горьким познакомился в 1905 г. и привлек его к сотрудничеству в сатирическом журнале «Жупел» (1905–1906). В 1906 г. совместно с С.Ю. Копельманом организовал издательство «Шиповник». Работал в горьковских издательствах «Парус» и «Всемирная литература», в газете «Новая жизнь». Совместно с писателем в 1919 г. организовал «Издательство

З.И. Гржебина». Причины, по которым оно прекратило свою деятельность в 1924 г., объяснил В.Ф. Ходасевич в очерке «Горький»: «...Советское правительство усердно рпуская слухи, что оно намерено допускать в Россию зарубежные издания, не содержащие агитации против власти и отпечатанные по новой орфографии <...> Впоследствии стало ясно, что тут действовала чистейшая провокация: в Москве хотели заставить зарубежных издателей произвести крупные затраты в расчете на огромный внутренний рынок, а затем границу закрыть и тем самым издателей разорить. Так и вышло: целый ряд берлинских издательств взорвался на этой мине. С издателем Гржебиным поступили еще коварнее: ему надавали твердых заказов на определенные книги, в том числе на учебники, на классиков и т.д. Он вложил в это дело все свои средства, но книг у него не взяли, и он был разорен вдребезги» (*Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 360*).

² Горький, стараясь облегчить трудное финансовое положение Гржебина, обратился с письменной просьбой к Л.Б. Красину в апреле 1925 г. (письмо не разыскано), о чем тогда же известил Зиновия Исаевича: «Красину написал, Раковскому — тоже. Письма посылаю Вам, передайте Красину через Суханова, которому кланяюсь» (*АГ. ПГ-рл-11-20-17*). Ответ Леонида Борисовича Красина (1870–1926), в это время являвшегося наркомом внешней торговли и полномочным представителем Советской России во Франции, не известен, как и ответ Христиана Георгиевича Раковского (1873–1941), бывшего в то время заместителем наркома иностранных дел и полномочным представителем России в Великобритании.

³ Записка Горького не сохранилась. Но, судя по тому, что Гржебин получил работу в издательстве Торгпредства России во Франции, она была написана. В первой половине сентября 1925 г. Гржебин сообщил Горькому: «Сейчас я работаю у Суханова» (*АГ. КГ-п-22-1-44*).

⁴ В Москве в Машковом переулке (с 1942 г. улица Чаплыгина) проживала Е.П. Пешкова. У нее, приезжая из Петрограда, останавливался Горький.

ПИСЬМА Е.Д. КУСКОВОЙ ГОРЬКОМУ (1915—1917)

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
И.А. Бочаровой*

Это фрагмент переписки старых знакомых. Они познакомились в Нижнем Новгороде в 1893 году, им было тогда по 25 лет. На их протекавших параллельно путях можно выделить три периода наибольшего сближения: 1) период нижегородский (см. о нем ее статью «Трагедия Горького»: НЖ, Нью-Йорк, № 38, 1954); 2) годы Первой мировой войны и Февральской революции, 1914–1917 (наш период); 3) 1921–1930: история Помгола и переписка в эмиграции в 1922–1930; по этому периоду есть большая литература и у нас, и за рубежом, исключение составляют лишь до сих пор не опубликованные письма Кусковой тех лет — тема нашей следующей публикации.

Период 1914–1917 гг. исследован горьковедами совершенно недостаточно, с особенной осторожностью, какая вообще отличает изучение личной и творческой горьковской биографии в эти годы, столь исторически значимые в истории нашей страны; сказывается и недостаток источников для такого исследования. Существенное значение для его восполнения вносят два тома писем Горького за 1913–1919 гг.: Горький. *Письма*. Т. 11, 12. Однако из-за отсутствия писем Горького к Кусковой наша тема в этих томах уходит в подтекст. Между тем в Архиве писателя сохранились и почти сто лет пролежали неизвестными читателям и исследователям 9 писем Е.Д. Кусковой Горькому: 6 за 1915 год, 1 в 1916 и 2 за 1917. Их содержание позволяет предположить 6–7 встречных писем Горького, судьба которых остается неизвестной.

К моменту самого раннего из писем Кусковой, датированного 8 июля 1915, Горький уже полтора года в России. Он возвратился на родину после семилетнего отсутствия с определенной общественно-политической программой: способствовать объединению демократических сил общества для «нового боя» с самодержавием, а в плане международном — объединению европейских культурных сил вокруг идеи «планетарной культуры».

Но в середине 1915 года, когда открывается переписка, уже год как идет мировая война, отодвинувшая международную программу на второй план и удвоившая значение программы внутренней — объединения демократических сил. На ней и происходит сближение двух ярких фигур русского освободительного движения с богатым революционным прошлым за плечами — М. Горького и Е.Д. Кусковой.

Программные горьковские идеи формировались уже в его предвоенной публицистике 1911–1913 гг. (см.: Горький. *Публицистика*. Публ. М.А. Семашкиной и И.А. Бочаровой. С. 122–248). В.И. Ленин напутствовал возвращение Горького советом воспользоваться романовской амнистией, чтобы «больше сделать изнутри России», для того чтобы «во сто раз больше ударить потом Романовых и К^о»¹.

К месту здесь привести описание ситуации, в какой оказался в эти годы «орден русской интеллигенции», к которому, несомненно, принадлежали оба корреспондента — и Кускова, и Горький, — описание, которое дал позднее, в Париже на заседании «Зеленой лампы» в 1927 г. И.И. Бунаков-Фондаминский: «Орден всегда жил целостным мирозерцанием <...> Каждый мой жизненный шаг определялся моим мироощущением. И это давало такую устойчивость в жизни, создавало тот пафос и силу жертвенности, которые необходимы были ордену в его единоборстве с грандиозной теократией, какой по существу своему было русское самодержавие <...> Это целостное духовное состояние перед революцией было разорвано <...> В духовной жизни произошел разрыв. Литература, искусство, философия оторвались от политики и общественности. Политические партии жили обрывками старого, отмирающего мирозерцания <...> И только большевикам удалось сохранить «целостность мирозерцания», это-то и дало им тот напор воли, которого у нас, утративших прежнюю целостность духа, а новой еще не успевших приобрести, — не было, это в значительной мере и обеспечило им победу над нами <...> Да, как это ни грустно, но надо признать, что большевики — часть нашего ордена»².

Общение Кусковой с Горьким в эти годы происходит на фоне событий, разламывавших «целостность духовного состояния» русской интеллигенции, на фоне событий военных и их отражения в жизни общества. Война обострила традиционно русскую ситуацию противостояния либерально настроенных общественных сил государству и внесла в общество новый раскол общественных сил. В своей дневниковой записи З.Н. Гиппиус зафиксировала узел противоречий, определивших предреволюционную ситуацию:

«Помолчать бы, — но половина физиологически заразилась бессмысленным воинственным патриотизмом, как будто мы “тоже” Европа, как будто мы *смеем* (по совести) быть патриотами просто... Любить Россию, если действительно-то нельзя, как Англию любит англичанин.

Тяжкий молот наша любовь... настоящая. Что такое отечество? Народ или государство? Все вместе. Но, если я ненавижу *государство* российское? Если оно — против моего народа на моей земле? Нет, рано об этом. Молчание»³.

Узел противоречий, описанный Гиппиус, состоял в противоположных до крайности установках, расколовших русское общество: или решение задач внутренних откладывается до конца войны, или, напротив, военная ситуация используется «изнутри России» (как планировал напутствовавший Горького Ленин) для нанесения удара по «Романовым и К^о». Узел противоречий, так или иначе отразившийся в публикуемых письмах, представленный односторонне, со стороны Кусковой, но в письмах которой вполне объективно отражается и позиция Горького. И позиция эта оказывается неожиданно более широкой и более «общедемократической», что вызывает удивление ряда его собеседников в эти дни (см. ниже свидетельства З.Н. Гиппиус и И.И. Толстого).

Письма Кусковой говорят о взаимной откровенности и дружественном характере отношений обоих корреспондентов, что очевидно, в частности, из ее к нему обращений: «Бесконечно дорогой А.М.» (п. 1), «Дорогой и горячо любимый А.М.» (п. 3) и т.д. Об их неоднократных встречах и беседах в эти годы говорят и не очень многие, правда, свидетельства современников.

Горький думает в эти годы об образовании радикально-демократической партии, о чем он впоследствии будет свидетельствовать: «Я принимал некоторое участие и в работах организационного комитета этой партии, будучи уверен, что она необходима в России и должна всосать в себя всю — по возможности — массу людей, которая оставалась неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева»⁴. Кускова, поддерживающая эту идею, сама пыталась создать газету подобного направления (см. примеч. 3 к п. 5). Об одном организационном собрании подобной партии, с участием Горького и Кусковой, есть запись в дневниках З.Н. Гиппиус; частично она приведена в примечаниях к т. 11 Писем Горького (с. 474), но уместно здесь привести и полный текст ее, включая и данную здесь характеристику Е.Д. Кусковой. Собрание происходило в доме Мережковского 27 апреля 1915 г. (запись сделана 15 мая: факт, в ЛЖТ не зафиксированный):

«Вот, недавно, у нас было еще собрание. Интеллигенция, не пристающая ни к кадетам, ни к революционерам (беру за одну скобку левые партии). Это — так называемые “радикалы”. Они большею частью у нас из поправевших эсдеков <...> Но довольно странно, что тут же очутился и Горький. И даже в таких близких настроениях, что как будто вместе они все строят новую “радикально-демократическую” партию. Это и был главный вопрос собрания. Странно насчет Горького

потому, что он давнишний эс-дек (насколько он в политике сознателен... Мало!). Были кое-кто из нетвердых кадетов <...> Была Кускова. Единственная “умная” женщина, одна и на Петербург, и на Москву (она живет в Москве). Умная! необыкновенно непроницательная, близорукая, в той же политике <...> Впрочем, Кускова и раньше, когда была у нас одна, на мой окольный вопрос: “как бы у нас да не было революции?” сказала твердо: — Никакой революции ни под каким видом не будет. — А что же будет? — *Enrichissez vous*, вот что будет <...> Я боюсь сказать несправедливое о наших “либералах”, но очень, очень я их боюсь. Уж очень они слепы... а говорят, что видят”⁵.

Граф И.И. Толстой, ученый-нумизмат, бывший министр народного просвещения в правительстве С.Ю. Витте, а в 1915 г. городской голова Петрограда и председатель «Русского Общества для изучения еврейской жизни» (см. ниже), записал еще ранее беседу с Горьким на эту тему: «По мнению Горького, следует позаботиться об организации большой партии, которая привлекла бы примиримые элементы прогрессивно мыслящих людей. Эта партия должна начертать на своем знамени основные принципы прогресса без забегания слишком далеко вперед <...> она должна сознательно стремиться к осуществлению порядков, существующих в Западной Европе...»⁶ Как и для З. Гиппиус, новая позиция Горького для его собеседника довольно неожиданна: «Эти мысли довольно любопытны в человеке искреннем, недавно еще считавшемся и считавшем самого себя социалистом. О последних он упомянул вскользь как об “утопистах”, не могущих к тому же сговориться между собой» (Там же. С. 110).

Стремление объединить демократически настроенные оппозиционные группы встречалось и среди «социалистов». «Еще одна попытка координации была предпринята на московском совещании 6 января 1915 года, организованном социал-демократами. На нем присутствовали как большевики, например, Скворцов-Степанов, так и умеренные, патриотически настроенные социал-демократы интеллигенты, например, экономист С.Н. Прокопович, его жена Е.Д. Кускова и М. Горький. Совещание не смогло выработать приемлемой для всех линии. Не было единства даже в таких вопросах, как утверждение Думой военных кредитов. Но раскол внутри социал-демократического движения не менял его отношения к царскому правительству. Все социал-демократы, как и социалисты-революционеры, считали последний и решительный бой против царизма неизбежным. Они расходились, главным образом, в вопросах тактики и сроков»⁷.

В вопросах тактики и сроков позиции Кусковой и Горького то сближались, то расходились.

Несколькими днями спустя после упомянутого совещания, 21 января, Горький пишет о необходимости «большой газеты демокра-

тического блока, каковая и налаживается, не торопясь» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 155). Имеется в виду газета «Луч» как орган «радикально-демократической» партии. На создание «Луча» направляется горьковская энергия (см.: Горький. *Письма*. Т. 11). К участию приглашаются и Кускова с мужем (их ответ в письме от 23 января 1917: см. п. 8 и примечания к нему). Но не успевает Е.Д. в ответ на предложение изложить все «за» и «против», как «Луч» гаснет. «Газета “Луч” не вышла в свет по силе каких-то сложных и темных препятствий. В данное время, когда даже наши конституционалисты — “оппозиция его величества” <слова П.Н. Милюкова о партии кадетов. — ред.> — переродились в республиканцев, а широкие демократические массы идут за рабочим классом, — я считаю радикал-демократическую партию, пожалуй, уже излишней» — так подытожил Горький в статье «О полемике» в апреле 1917 г. Это пишется уже после Февральской революции и царского отречения: первая цель уже достигнута.

В предшествовавший период сближение Горького с Кусковой в деле сколачивания широкого внепартийного блока демократических сил было сближением естественным, но мера этого сближения в ходе дальнейшего развития революционной ситуации менялась и расхождения позиций выступали на первый план.

Е.Д. Кускова была *общественницей* в классическом смысле. Демократическое развитие России ей всегда представлялось в виде союза различных классов, включая национальную буржуазию. У нее за плечами был опыт работы в кооперативных, земских, потребительских обществах, она всегда была настроена на долговременный эволюционный процесс, на постепенное воспитание цивилизационных навыков хозяйственной и культурной жизни в реальных массовых организациях и слоях населения, в которых она работала. «Ведь то дело, которое мы с Вами делаем, накапливается веками», — пишет она Горькому в августе 1915 (п. 3), призывая его обратиться к «делам земным, делаемым, а не только мыслимым», призывая «согнуться» и найти к таким делам «простой и жаркий подход», понимая в то же время, как с «горьковской высоты» ему это трудно (п. 2).

Для Кусковой общедемократические ценности с 1890-х годов и на всю дальнейшую жизнь оставались приоритетными и неизменными. В статье «Е.Д. Кускова. Портрет общественного деятеля» Г. Аронсон писал: «в ее лице русский читатель имеет на редкость выдержанного внепартийного представителя русской демократической и социалистической мысли, — который так и не нашел для себя ни партийной полочки, ни партийной этикетки, — выступления которого, обычно окрашенные яркой эмоциональностью, отличаются элементом не групповой или кружковой, а отчетливо выраженной личной ответственности»⁸.

Горький в 1915 г. мог говорить (в беседе с И.И. Толстым) об утопиз-

ме «социалистов» и, вероятно, без особого возражения принимать от своей корреспондентки характеристику Ленина как «идеалиста без спинного хребта» (п. 3), но его общедемократическое отклонение от социал-демократической позиции не могло не быть временным и тактическим, что чувствовала Кускова, когда призывала его «согнуться» до общедемократического дела, зная заранее, как ему это будет трудно. И в апреле 1917 г. он, оправдывая неудачу с «радикально-демократической» газетой, на которую он положил свои силы, будет признаваться, словно подтверждая опасения своей общедемократической союзницы недавних лет: «Организуя “Луч”, я сознательно шел на известное самоограничение, на некоторое насилие над самим собой, если угодно»⁹.

Всю вторую половину 1915 г. Горький занят организацией своего журнала «Летопись» и рассчитывает на участие в нем Кусковой. Но она еще до выхода первого номера 22 октября высказывает ему свои опасения: «и ваш журнал горячо приветствовала бы, если бы... Если бы не делался он снова органом отщепенства от всех этих живых и тяжелых вопросов, которые России суждено осуществлять. Недостаточно ведь произносить слово “революция”. Необходимо мыслить и исторические факторы, ее подготавливающие. Вот этого историзма я не вижу <...> Если Вы хотите сделать большое дело, выступите с лозунгом объединения всей социальной демократии в России, не замазывайте рта ни одному из ее представителей, не старайтесь всунуть в узкую пробирку человеческую и демократическую идею» (п. 5). В результате от сотрудничества с горьковским журналом она отказалась, и отказ ее стал известен в литературных кругах: «На что уж “радикалка” Кускова — и та отказалась сотрудничать, ознакомившись с их политической платформой...», — писала 25 декабря 1915 А.Н. Чеботаревская Блоку¹⁰. «Летопись» (дек. 1915–1917 гг.) — журнал антивоенного социал-демократического и интернационального направления, по существу, был полулегальным рупором пораженческой политики большевистской партии.

За два дня до выхода журнала Горький писал Е.П. Пешковой: «Ты, конечно, знаешь, что “Летопись” принимают неприязненно, а когда книжка выйдет — неприязнь, наверное, усилится» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 230). Книжка вышла со знаменитой статьей Горького «Две души». Отклика на статью в публикуемых письмах Кусковой мы не находим, но одно место из ее письма от 22 июля передает ее отношение к волновавшей автора статьи проблеме «европейского» и «азиатского» в русском национальном характере: «Для меня нет на свете большей дикости, большей “азиатчины”, как Вы любите говорить, — как то, когда заветы заслоняют собой подлинную жизнь <...> зовут человека прыгнуть на 10 аршин, а он может прыгать в данный момент лишь на аршин...» (п. 2). Замечание, задевавшее коренной пункт и полити-

ческого их разногласия в публикуемой переписке.

Ни задуманная, но не осуществившаяся радикал-демократическая партия, ни «Летопись», ни «Луч» не стали центром объединения русской демократии — полуутопический проект «связать все, что подлежит связыванию» (п. 2), о чем мечтали и Горький и Кускова. Но в какой-то степени их усилия получили реализацию в сфере национальной политики, конкретнее — в еврейском вопросе, вечно больном в русской жизни. В конце 1914 года по инициативе группы творческой интеллигенции возникло «Русское общество для изучения еврейской жизни». Оно возникло как реакция на усиление антисемитских настроений в населении, спровоцированных официальными сообщениями военной администрации о еврейском шпионаже в прифронтовых областях, что привело к судам, расстрелам и массовым насильственным выселениям еврейского населения из этих областей, особенно частым весной и летом 1915 года после неудач этого времени на фронте. Эти события запечатлены во многих мемуарах современников (так, в Архиве Горького хранятся воспоминания М.Л. Тривуса с эмоциональным описанием этих событий), ярко отражены они и в первых письмах Кусковой Горькому из прифронтовой полосы. Мемуаристы говорят и об общественной на них реакции с именами трех крупнейших писателей: «вот в эти-то черные дни состоялось смелое и решительное выступление М. Горького, Л. Андреева и Ф. Сологуба. Названные писатели задались целью образовать постоянную Лигу для систематической борьбы с антисемитизмом»¹¹. Вспоминая те же события, В.Е. Беклемишева называет возникшее объединение не Лигой, а «Обществом борьбы с антисемитизмом»¹².

После двух публичных акций, вызвавших серьезный общественный резонанс, — 1) *Анкеты об евреях*: открытое письмо к публике трех русских писателей — Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба («Биржевые ведомости», 1915, № 14848, 3 февраля, утр. вып.) и 2) «*К русскому народу*» — воззвание подписали более двухсот писателей и общественных деятелей («Утро России», 1915, № 59, 1 марта) Общество было легализовано и внесено в реестр петроградских обществ 28 апреля 1915 г. под названием «Русское общество для изучения еврейской жизни», функционировавшее до 1918 года. Размер деятельности Общества и исключительная роль Горького как его организатора и координатора в широком объеме представлены его перепиской 1915–1917 гг. (Горький. *Письма*. Т. 11, 12, Указ.). В мае 1915 в письме С.В. Малышеву он пишет: «Говорят, что массовое обвинение евреев в измене, предательстве вызвано желанием объяснить наши военные неудачи и затушевать действительное предательство <...> Я думаю — иначе: антисемитизм пропагандируется <...> с целью разбить оппозицию на еврейском вопросе» (Там же. Т. 11. С. 175).

«На еврейском вопросе» и стремился Горький собрать широкую

демократическую оппозицию, в чем его поддерживала всячески Е.Д. Кускова (п. 2 и 3), призывая «сгибаться» и «сидеть рядом с Сологубом» ради этого дела.

В Архиве писателя хранится Устав «Русского общества для изучения еврейской жизни». В Уставе перечислены все структуры Общества: Комитет, Секретариат, комиссии — редакционная, организационная, лекционная, издательская, художественная, библиотечная — и список согласившихся участвовать в деятельности этих комиссий — фамилии самые разные, и многие среди них «очень чуждые» Горькому: П.Н. Милуков и В. Набоков — кадетские лидеры, — религиозные деятели — А.В. Карташев и А.А. Мейер (председатель собраний Религиозно-философского общества в Петрограде), И.И. Толстой (один из учредителей и председатель «Русского общества»), кн. А.Д. Оболенский и кн. Д.И. Шаховской, ученые — проф. М.В. Бернацкий, проф. Д.Н. Овсяннико-Куликовский, В.М. Бехтерев, В.А. Базаров, Д.В. Философов, масоны — Н.В. Некрасов, Н.В. Чайковский, члены Государственной Думы — М.М. Винавер, А.Ф. Керенский, Н.Д. Соколов, композиторы и артисты — А.К. Глазунов, Ф.И. Шаляпин, А.И. Зилоти, работники народного образования — В.И. Чернолуцкий, А.М. Калмыкова (казначей Общества) и многие другие¹³.

«Мы должны заботиться о том, чтоб температура национализма понизилась до нормы, обязательной здоровому демократизму, до интернациональных идей и настроений» — формулировал Горький цель столь широкого объединения общественных сил (письмо И.М. Касаткину от 15(28) мая 1915) — цель организации «общественного самосознания по линии западно-европейской мысли».

Уместно обратить внимание на чтение Горьким одной книги и на пометы, оставленные им при чтении: «*Парламентские речи по еврейскому вопросу*», ч. 1; пер. под ред. и с примечаниями С.В. Познера и с предисловием М.М. Ковалевского, СПб., Разум, 1914 (ОЛБГ. 6996; подарено С.В. Познером 12 декабря 1914). Две цитаты из этой книги, подчеркнутые красным горьковским карандашом: «Многострадальный еврейский народ, преследуемый начальством и низами европейских обществ, никогда не оставался без защитников из среды того, что мы привыкли называть интеллигенцией» (с. III); «Эти люди сумели воспользоваться своим знанием и политическим опытом для того, чтобы померяться с предубеждениями толпы и нередко подчиняющейся пристрастным наветам государственной власти» (с. V). Отчеркнутые цитаты говорят о стремлении Горького собрать «прочное объединение» (из письма Кусковой от 10 августа 1915 г.) общественных сил «на еврейском вопросе». Удачей на этом пути стало издание сборника «Щит» — одна из акций «Русского общества...»

«Щит». Литературный сборник. Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. М., 1915; тираж — 5000; в 1916 г. вышло еще два издания;

четвертое издание не вышло из-за революционных событий 1917 г. Среди участников — Е.Д. Кускова (см. примеч. к письму 1) и Горький в двух жанрах — публицистическом (статья без заглавия; машинописный экземпляр, хранящийся в АГ, озаглавлен — «О евреях») и рассказ «Мальчик» (Горький. *Сочинения*. Т. 11). Всего в сборнике приняли участие 47 авторов (см. иллюстрацию оглавления сборника «Щит»); заметим, что в энциклопедиях и справочной литературе упоминаются 4 или 5 фамилий, остальные участники попадают в «др.». Публикуемое нами в виде иллюстрации «Оглавление» позволяет представить весь состав сборника и широту охваченных участниками тем.

«Щит» — уникальное в своем роде издание, которое могло осуществиться лишь в общественно-политической ситуации 1915–1916 гг., издание, представляющее Горького с малоизвестной и в горьковедении стороны. В истории русской печати мы единственный раз встречаем имя Горького в таком авторском коллективе в единой книге. Нельзя не отметить при этом, что лишь троим участникам удастся остаться в культурной жизни новой, Советской России — А.Н. Толстому, Т.Л. Щепкиной-Куперник и С.Я. Елпатьевскому; в 1916–1921 гг. ушли из жизни 13 авторов (последним в 1927 г. Ф. Сологуб); прочих смыла на чужой берег революционная волна. В 1954 г. Г. Аронсон — с чужого берега (его статья о Кусковой была упомянута) — вспомнит «Щит» уже в связи с событиями новой, Второй мировой войны: «Было ли где-нибудь, в какой-нибудь стране, подобное выступление христианской интеллигенции во время второй мировой войны, когда еврейство пережило беспрецедентную по размерам катастрофу?»¹⁴

1916 год — нарастание революционной ситуации, оба корреспондента, Кускова и Горький, переживают это время по-своему. С осени 1915 г. Кускова с мужем живет в Москве, С.Н. Прокопович — активный деятель общественных организаций — Союзов земств и городов, Центрального военно-промышленного комитета. Переписка Кусковой с Горьким слабеет — за год одно письмо. Но в их переписке с другими лицами в это время (см.: Горький. *Письма*. Т. 12) единый лейтмотив — стремление к собственной бесцензурной печати, к своей газете (см. п. 1, 5, 8). Возможности для нее открывает Февральская революция. Наступает единственный период в истории русской печати — восемь месяцев бесцензурной прессы. Оба корреспондента незамедлительно пользуются новыми возможностями и открывают свои газеты. При этом мгновенно отходит в прошлое недавний замысел общедемократического «Луча». 18 апреля (1 мая) 1917 г. выходит первый номер горьковской «Новой жизни» (издатель А.Н. Тихонов, редакторы: М. Горький, Е.В. Авилов, Н.Н. Суханов, В.А. Десницкий), в которой Горький открывает свой публицистический цикл «Несвоевременные мысли». Через десять дней ровно в Москве начинается «Власть народа» Е.Д. Кусковой — ежедневная демо-

кратическая и социалистическая газета, в которой Кускова ведет отдел внутренней жизни, ее обзоры печатаются под названием «Дневник» (см. п. 8 примеч.).

У Горького и Кусковой теперь свои газеты, но в первом номере «Власти Народа» они выступают вместе: «Дневник» Кусковой (28 апреля) и горьковская статья «По новому». Первые слова «Дневника»: «Ровно два месяца совершенно новой жизни. И какой жизни!» Начало горьковской статьи: «Мы переживаем дни величайшего праздника — Россия воскресла из мертвых». В мае (14 мая 1917. № 14) в газете Кусковой появится еще одна статья Горького — «Воспитание социального идеализма» (речь на собрании кружка педагогов). Обе статьи зафиксированы в *ЛЖТ*. 3. С. 33 и 36, но название газеты — «Власть народа» в указателе отсутствует.

Точки соприкосновения в линиях двух газет очевидны, на первых порах особенно, в том числе — оппозиция курсу Ленина, объявленному после его возвращения в Петроград в апреле (ленинские «апрельские тезисы»). 7 мая Кускова пишет: «Ленин — это безответственная демагогия. Ленин — это в лучшем случае утопист, не чувствующий под ногами почву», но при этом считает, что «с ленинством, т.е. со стихией, не знающей земли, надо бороться убеждением». Горьковская оппозиция ленинскому насильственному курсу хорошо известна по его «Несвоевременным мыслям».

Но принципиально внепартийная позиция «Власти народа» и ее преимущественно экономические интересы, ее направленность на широкую демократическую коалицию, включая национальную буржуазию, ее идея национального капитализма как неизбежного пути к будущему социализму («Социализм, насаждаемый на бесплодной почве, не только не привьется к нам, но уничтожит тот капитализм, через который мы неизбежно должны пройти»: 25 июля 1917 г.) — все это разводило ее идейную программу («социально-политический реализм» в противоположность «социальному утопизму») ¹⁵ с газетой Горького в бурном ходе событий революционного года.

Сближение не одних настроений, но даже идейных позиций, в максимуме достигнутое в 1915 и вплоть до весны 1917 г., уходило в прошлое, но в памяти обоих оставило след неизгладимый, о чем говорила горьковская приписка на письме Кусковой 7: «Расходясь идейно, мы не должны унижаться до неприязни личной, хотя это унижение принято многими за неизбежное».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Сочинения. Изд. 4-е. Т. 35. С. 61.

² Цит. по кн.: *Терапиано Юрий*. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж – Нью-Йорк. 1987. С. 73-74.

³ *Гиппиус Зинаида*. Петербургские дневники (1914–1919). Орфей. 1982. С. 100; запись от 2 августа 1914 г.

⁴ Горький М. *Несвоевременные мысли* (О полемике). М., 1990. С. 25.

⁵ См.: *Гиппиус З.* Указ. соч. С. 111–113.

⁶ *Никитин Е.Н.* «Исповедь» М. Горького. ИМЛИ. Наследие, 2000. С. 109.

⁷ *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997. С. 34

⁸ *Аронсон Г.* «Е.Д. Кускова. Портрет общественного деятеля» // Новый журнал. 1954. Кн. 37. С. 236.

⁹ См.: *Горький М.* Несвоевременные мысли. С. 25.

¹⁰ Цит. по: *Максимов Д.* Блок и империалистическая война. Литературный современник. 1936. № 9. С. 193.

¹¹ *АГ. МОГ*-12-18-1.

¹² *ЛН*. Т. 72. С. 592–593.

¹³ Устав приложен к письму С.В. Познера, В.Г. Короленко от 27 декабря 1915 г. – *АГ. ПТЛ* – 13-2-2

¹⁴ См.: *Аронсон Г.* Указ. соч. С. 242.

¹⁵ Этими словами Е.Д. Кускова в статье «Памяти живой души» (см. п. 3 и примеч. 6) определила руководящую идею деятельности В.Я. Богучарского, положенную в основу и ее собственной жизненной программы, хотя оба понимали, — как пишет она, — «что именно эта-то идея социально-политического реализма и является наименее популярной в русских условиях, что царство утопизма еще долго будет стихийно господствовать над умами русской интеллигенции...» (С. 226–227).

1. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ

8 июля 1915, Служба

8/VII.

Бесконечно дорогой Алексей Максимович!

Прочла сегодня идиотскую статью о Вас подхалима Чуковского (в «Речи»¹) и ужасно стало обидно, что я ничего не знаю о Вас. Здоровы-ли, веселы-ли, с надеждами-ли, — ничего не знаю. Если будете так добры и черкнете два слова, — до полу поклонюсь Вам.

Послала — уже давно — статью в Сборник². Описала в ней то, что видела здесь, в западном крае вот теперь, когда приехала сюда. До чего мизерными кажутся наши усилия сравнительно с тем, что пришлось здесь видеть и пережить... Да, знаете, много крови

перепортили еврейские скитания, — уже очень чудно и страшно. Досадно только, что сборник запаздывает, хотя бы Вы подтолкнули Сол. Вл.³

Я сижу в деревне, веду хозяйство⁴, весьма сложное и тяжелое, ибо совсем нет рабочих рук. Взрослый мужчина — 1 р. 60 к. в день, — простой косец, баба — 1 руб. Цены для этого края неслыханные. Сижу и смотрю на крестьян, и страдаю, что я — не художник. До такой степени мало их касаются мировые события — если не считать вот этих 1 р. 60 к., — что ума не приложу: люди это или нелюди?...

С кем ни поговоришь, — расскажет сказку, но сказку дико далекую от истины... Есть и другая связь с событиями, — но об этом какнибудь при свидании, долго об этом писать.

Серг. Ник. не пустила Москва, торчит все лето там, и способствует «мобилизации сил»... Будет торчать там все лето. 11-го у них интересный съезд по дороговизне с приглашением многого множества демокр. организаций⁵.

Меня в город не тянет. Во-1^х, я все еще больная, почки не проходят, несмотря на профессорское лечение. Во-2^х... Во-2^х, не чувствуется своего во всем том, что сейчас в городе совершается и чем он живет. Хочется до смерти писать, — но и писать — негде. Не в «Мире же Божьем...» А своего тоже ничего нет и ничего не видно. А уже пора бы тоже мобилизоваться, как все⁶...

Кроме того в нашей усадьбе живет множество разного народишка, и бросить их всех тут — нельзя.

Устроила я амбулаторный пункт, наняла фельдшерицу, каждый день у нас 30–40, а то и все 50 человек. Дело это занятное, ибо земство у нас мерзкое, во всей округе нет врача иначе, как за 35 верст⁷. Такая беспомощность кругом, что долго, долго еще тут ничего не мобилизуется... А ведь Германия, кажись, рукой подать.

Взбесилась я на статью Чуковского. То хоронят, то открывают «нового» Горького, и до того все это глупо и пошло, что читать противно⁸... И обидел же Бог нас публицистическими и критическими талантами!

Когда общее собрание О-ва изучения еврейск. жизни? Отложено до осени?⁹ Вышел сборник еще другой, без Вашей и без моей статьи. Почему нет Вашей — я не знаю. Я не дала из-за статьи Букшпана о великих экономических подвигах еврейства в Польше¹⁰. А вот тот сборник, кот. редактируется Сол. Вл., очень содержателен и красив. Я бы назвала его так «Русские писатели — русским евреям¹¹».

Жду весточки если не от Вас, то от М.Ф. Где она, как она? Целую

ее и очень, очень прошу написать мне в мою непроходимую глушь¹².

А в общем — как-то тяжело дышать... Мрут как мухи люди, а что из сего выйдет, — никто не знает.

Всего Вам лучшего от всей души. Здоровья же, ради Христа. Ведь нужны-то будете Вы не одному Чуковскому. Привет сердечный Вам, М.Ф. и — если видите — Алек. Ник. и его милой жене¹³.

Адрес мой для писем: Слижи, через Шклов, Могилевской губ. Мне.

Для телеграмм: Застенки — именин Прокопович, мне.

Еще, еще и еще раз всего Вам лучшего.

Любящая Вас

Ек. Кускова.

2. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ

22 июля 1915, Слижи

22/VII.

Дорогой Алексей Максимович,

Ужасно, ужасно огорчило меня Ваше письмо. Одну минуту думала даже, что это не Вы, что кто-то подменил Вас. Я с Вами согласна, что кругом — дико и мерзко¹. Но только есть между нами большая разница. Для меня — и вчера было не лучше... Самые высокие моменты русского подъема были отравлены для меня вот этой дикостью. И тем не менее, и вчера, и сегодня я вижу струйки весьма и весьма ценные, — постоянно растущие в силе и качестве. Мне показалось, что Вы даже этих струек не видите. И знаете — что странно. Почти аналогичное письмо я получила от Леон. Ив. Лутугина². «Чорт их всех знает, — говорит он, — как будто чем-то охвачены, а норовят урвать каждый для себя...» А вчера разве не урывали? Покопайтесь-ка в тайниках нашего «движения», что там найдете? И все же движение было, и много в нем ценного закристаллизовалось, в душах осталось. И теперь — то же. Кажется, все черно кругом, все «заветы» раззаветились. А между тем нет-нет, да и сверкнет этот «завет» в такой оправе, — что сердце замрет. Я в этой пестроте давно привыкла разбираться. Давно не жду «сплошного» хорошего и не пугаюсь общей тьмы. Думается мне только, — и всегда думалось, что вот эти небольшие струйки, кот. всегда прорезывают тьму, могли бы шириться, могли бы бурлить, если бы ... Как это Вам ни странно — если бы не эти самые заветы. Для меня нет на свете большей дикости, большей «азиатчины», как

Вы любите говорить, — как то, когда завет заслоняет собой подлинную жизнь. С заветом, ведь, надо уметь очень тонко обращаться. Иначе он становится схоластикой. Научить нашего интеллигента правильно обращаться с заветом, с догмой — вот в чем, по-моему, сейчас задача. Живые силы есть, даже больше. Они готовы откликнуться на всякий живой призыв, но надо только умело подойти к ним и звать их на то, на что они годны. А то зовут человека прыгнуть на 10 аршин, а он может прыгать в данный момент лишь на аршин. Вот это его умение и надо использовать, а не страшать его его никчемностью.

Почему обо всем этом пишу Вам? Потому что мне кажется, что никто не сможет найти такого простого и жаркого подхода вот к этим аршинным людям, как Вы. Пусть они почувствуют, что и они Вам нужны, аршинных дел хоть отбавляй. И поверьте, только из этого и выходит дело. Высота захвата не гарантия сочности дела. Правда, это моя особенность. Я люблю дела земные, осязаемые, дела сделанные и делаемые, а не только мыслимые. Но должна сказать, что в этой своей любви раскаиваться не приходится. Кое-что было сделано именно благодаря этим поискам земного, этой постоянной возне с людишками разного калибра и разных симпатий. У меня есть одна вещица, на Вас написанная. Я её никогда не печатала³. Но в ней отмечены были некоторые черты, кот. мне подтвердило Ваше письмо. Вы — очень высокий. Это — безусловная правда. И почти никогда, даже когда Вы этого хотите, не можете Вы согнуться. Это очень хорошо — не сгибаться. Но при одном условии: если нужно стоять прямо, как статуя, не желая ничего поднять с земли. Вы все время так и стояли, и на Вас все решительно смотрели, и было это очень хорошо. Я — тоже смотрела, но всегда думала, — и выразила это вот в той вещице, о кот. говорю, — что если придет момент, когда нужно будет пригнуться, — Вам это будет трудно, нестерпимо трудно. Пока Вы только творили — на Вас все смотрели и задыхались от бездеятельного восторга. Но потом мне показалось, не знаю, верно ли это, что Вам захотелось не только творить, но и действовать. Вы стали искать дела. Ах, тогда уже совсем другое. Тогда нельзя стоять прямо. Тогда надо сгибаться, сидеть рядом с Сологубом и другими, видеть много черного и даже брать его руками⁴... Человеку, не привыкшему со всем этим возиться, — жутко станет, «млосно», как говорят наши могилевцы. Мне показалось, что вот это именно «млосное» и сквозит в Вашем письме, кот. меня глубоко огорчило. Что касается меня, то мне одинаково радостно видеть Вас и высоким — над людьми, и нагибающимся к людям... Пожалуй, последнее даже

приятнее... А Ваше письмо меня испугало. А вдруг Вы уйдете опять в «рассказ», испугавшись черного? А мне то кажется, что Вы теперь страшно, страшно нужны именно другой, — мягкий, снисходительный и ... жаждущий связать все, что подлежит связыванию... Правда, «Детство» очаровательно. Такие рассказы писать стоит, не спускаясь к людишкам. Но... мне почему-то кажется, что теперь много таких рассказов Вы рассказать не сможете. Не потому, что пришел «конец» Горькому, как художнику. Нет. «Детство» показало, что такой конец еще очень и очень далек. Не потому, значит. А вот почему. В таких рассказах Вы не все отдаете людям, что у Вас есть. У Вас самого есть теперь потребность дать им что-то другое, что в Вас тоже есть. Рассказа как будто стало и Вам, и им — мало. И я лично с такой горячей радостью наблюдала, когда Вы пытались это другое людям нести. И я видела уже результаты этого. О них — когда-нибудь при свидании. Но эти результаты есть. Жалею, что для меня бумага такой плохой способ общения. И уж, конечно, Вам не о чем сейчас грустить. Еще немного, еще несколько месяцев, и мы Вас будем ужасно просить согнуться, оставить на время рассказ и пожить некоторое время с нами. По крайней мере, для того, чтобы хорошенько нас всех рассмотреть, — на что мы годны...

А знаете новость? Леон. Иван. сделался директором той акционерной компании, кот. издает «День»⁵. Правление обновилось и некоторыми другими людьми, мне знакомыми. Сделавшись директором, милый Леон. Ив. удрал в Сибирь, правда, ненадолго, — копать ископаемые. Но когда он вернется, — я жду от этого директорства результатов. Кстати, и весной чуть-чуть пахнуло, авось писать можно будет... Как Вы думаете? К худу это, или к добру, — его директорство? Да и вообще я жду в скором времени устремления капиталов в сторону издательства иного типа, чем теперешние.

Что это с Мар. Фед.? Почему нервы? Когда ее первый дебют в Москве, и не расстроилось ли это дело⁶? Посоветуйте ей брать соленые ванны (4 ф<унта> простой соли и 1 ф. соды углекислой), — ее это сильно подкрепит.

Горячо желаю Вам иных настроений. Я сама часто кидаюсь в эту сторону, но очень быстро отхожу.

Самый горячий привет Вам и М.Ф.

Сердечно кланяюсь Тихоновым.

Ваша Е. Кус.

3. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ

10 августа 1915, Служи

10/ VIII.

Дорогой и горячо любимый Алексей Максимович!

Хотела ответить Вам как следует. Не могу. Совершенно неожиданно события стали разворачиваться так близко от меня, и так сильно действует паника людей, это... мирные слова не лезут в голову. От нас — благодаря различного рода обстоятельствам — началось уже бегство¹. Мы до сих пор были засыпаны беженцами, а теперь и беженцы бегут от нас... Так все приближается, приближается. Сама я не могу покинуть имения: стыдно. Здесь остаются только рабочие люди, гости разбежались уже. И вот стыдно уехать самой. Останусь до тех пор, пока всем нам не придется уходить. Жалею, что не могу писать Вам сейчас, есть ужасно много интересного. Но об этом — после...

Сейчас все же на секунду вернусь к Вашему письму². Вы пишете о том, чтобы люди в себя поверили, познали бы, что и их воля — есть сила. Да, это необходимо, даже больше, — без этого — нет ничего. Но как это сделать? Как заставить? Поверить в себя — ведь это так много, так много... Но быть может, — это из моего письма? Не знаю, откуда Вы взяли, что я говорю о культурной работе. Эта несчастная «культурная» работа ходит за нами с С.Н. по пятам. А я вовсе и не о ней говорила. Разве зимой мы с Вами делали «культурную» работу? Правда, пока ничего из этого нашего дела не вышло. Но ведь в письме я именно об этих струйках и говорила. Вы говорите, что нужен праздничный идеализм над будничной работой. И как хорошо, как ярко Вы об этом написали. Да, конечно — да. Разве можно без идеализма делать на века растянутое дело? Ведь то дело, кот. мы с Вами все время делаем, накаплиется веками. В сущности, вся политика, вся культура — есть только накопленные слитки. И за что я не терплю русскую интеллигенцию, — это за непонимание ею вот этой мысли. Или все сразу сокрушить, или все сразу насадить, — вот ее психология до сих пор. А между тем — где, что сразу? Поэтому-то и важен, и нужен, и неоценим всеохватывающий идеализм, что он один скрепляет разрозненные, хаотические действия, им одним придается цельность и красота. Ни о каких просто будничных, мелких делах я никогда не говорила. Я эти будничные дела представляю себе лишь как цепь чего-то широкого и большого. О чем я говорила и говорю всегда — это вот о чем. Я не понимаю бесплотного идеализма, как трудно представить

себе живую бесплотную любовь. Идеализм русских почти бесплотен, бездеятелен. А всякий деятельный идеализм рассыпается — и это неизбежно — на множество мелких проявлений себя, — таких проявлений, кот. иногда трудно сразу сцепить. Только в этом смысле я и придавала значение сиденью с Сологубом. Деланье — как-то валится у нас из рук. А как же поверить в свою волю, в свою силу — без дел? В этом отношении Ваши босяки были чистейшими идеалистами, но какими? Разве утверждалась в чем-либо их воля? Разве преображали они этой волей материю? Мне кажется, что эта бездеятельность, отсутствие последовательного накопления связанных действий, и создало такой неприятный тип русского интеллигента, всегда безвольного, всегда ... простите, слюнявого, совсем-совсем без мускулов... Ни любви деятельной к чему-либо, ни ненависти жгучей. Ни веры в себя. Поэтому-то я и помешана на упражнении воли в действии. Я говорю не только об индивидуальной воле, но и массовой. Нужны действия, где бы воля человеческая непрерывно творила и проявляла себя. Тогда и только тогда явится и вера. Ленин, отталкивающий всякое доступное массам действие и призывающий к действиям недоступным, фантастическим — губитель душ человеческих, идеалист без спинного хребта. Я не могу сейчас на всем этом останавливаться подробно. Как-нибудь обо всем этом при свидании. А когда оно будет — не знаю. От нас лишь с большим трудом можно выехать. Вчера отправилась мать С.Н. в Москву³, прождав в Орше поезда почти двое суток! Да в каких условиях, если бы Вы знали. Да знаете, мне и не хочется выезжать отсюда. Я ненавижу Госуд. Думу и всех людей там сидящих. Болтуны без души, а иногда и мерзавцы. Милюкова и Шингарева возненавидела жгучей ненавистью⁴. Поэтому, хочется пока тут сидеть. Тут люди боятся действительно страшного. И так понятен этот страх, — люди измучились от кровавого призрака. Летом много раз видела и слышала как голосили наши бабы над ранеными, как оплакивали оторванную ногу или руку, как при нас просили заговорить одного парня, у кот. вырван был шрапнелью язык. И если б Вы только знали, как хотят они мира! Не понимают выгод победы (теперь стала сомневаться, могут ли когда-нибудь те, кто непосредственно борется, понять их вообще...), хотят только домой, домой, — и как боятся крови, боли, страданий! Как боятся! Герои поневоле, и как смертельно их жаль... Нет, на людей сейчас не хочется, хотя и зову Вас к Сологубу. Хочется в тиши думать и думать, продумать что-то непонятное и дикое. Вы говорите — все сдвинулось. Нет, наоборот, все задвинулось. Задвинулось, закрылось кровавой занавесью, и ничего через нее не видно. Ничего. Вот уж

когда слова-то пусты! У меня в голове нет ни одного ясного представления о том, чем все это кончиться. Что кончится скверно, — это я вижу сейчас. Но как? Как? И в то же время, среди всех этих смутных настроений и ран, кот. так обнажаются в моей амбулатории, — почему-то особенно хочется жить. Никогда так не хотелось... Что-то есть все-таки поднимающее во всем этом, что-то дающее огромное напряжение. Вы это чувствуете?

Когда надоедят мои письма, черкните два слова. Прошу. Я знаю, что Вы меня не понимаете, ибо совсем, ведь, не знаете меня. А почему говорю — и сама не знаю.

Горячий привет Вам и М.Ф.

Ваша Е.

Ах да. Самое важное. Вы не видите людей. Говорите, что все люди — всмятку. Верно. Людей интеллигентных, приятных, культурных, а главное — морально-ответственных за свою и чужую жизнь — очень, очень мало. Это — истина⁵. Даже из тех 300, что шли за гробом, много ли беспокойных душой? Есть из них не мало умных, образованных, но беспокойных? Вот почему ведь до сих пор не покидает тоска о Вас<илии> Як<овлевиче>. Уж очень он напряженно жил... Все его касалось и на все он искал ответа⁶.

Да, людей мизерно мало. Не вытекает ли из этого вывод? Удесятерить силы тех, кто уже на счету — прочным объединением? Или это по-прежнему «буйная утопия», как когда-то сказал мне Вересаев? Вы тоже думаете, что это — утопия? А мне кажется, что без этого, в дальнейшем, нельзя мечтать ни о культурной, ни о какой другой работе.

Есть ли у Вас последняя (7–8) книжка «Голоса Минувшего»? Хотелось бы, чтобы Вы там прочли статью о Вас. Як. Не могу, совсем не могу его забыть. Слишком близко связана была с ним всей душой.

Еще раз всего лучшего. Как здоровье, напишите хотя бы раз.

Ваша Е.

4. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ

22 августа 1915, Служи

22/VIII.

Дорогой Алексей Максимович,
Невыносимое горе меня опять постигло и хочется громко

жаловаться на проклятую судьбу. Умер дорогой, дорогой Леонид Иванович. Я получила об этом телеграмму из Кольчинской копи, и, можете себе представить, получила одновременно письмо от самого Леон. Иван., написанное незадолго до смерти... Не могла даже его читать... Что это такое? До того горько, до того тягостно, что ...

Будьте, будьте здоровы.

Привет Вам и М.Ф.

Ваша. Е.

5. Е.Д. КУСКОВА – ГОРЬКОМУ

22 октября 1915, Москва

22/Х.

Дорогой

Алексей Максимович!

Пользуюсь случаем, — едет милый наш Павел Никол.¹, — посылаю это письмо. Ужасно досадовала, что на другой день после нашего свидания Алекс. Ник. мне не позвонил, как обещал. Поэтому пишу это письмо вам обоим. Оба вы затеваете снова большое дело². Наше дело тормозится здесь из-за форм применения военного положения³, боятся имущие люди вручить нам деньги, пока не определится положение. Ждем терпеливо пока. Но потребность в идейном слове настолько велика, что чем больше будет делаться попыток осуществить что-либо — тем скорее и что-нибудь выйдет. Поэтому и ваш журнал горячо приветствовала бы, если бы... Если бы не делался он снова органом отщепенства от всех этих живых и тяжких вопросов, кот. России суждено осуществлять. Недостаточно ведь произносить слово «революция». Необходимо мыслить и исторические факторы, ее подготовляющие. Вот этого историзма я не вижу. О той постановке принципиальной, в кот. дал мне ее Ал.Ник. Кроме этого, в разговоре со мной А.Н. хотел также и моего участия в журнале. Мы нашли — несмотря на основное разногласие — много точек соприкосновения. Думаю, что это и фактически так. Но вот что произошло дальше. Я предложила тему, по кот. мне сейчас приходится и много работать и много выступать: Городской и Земский союзы и их деятельность во время войны (до революции включительно). А.Н. мне сказал, что эта тема уже взята⁴... Но при этом я не могу не сообщить своих наблюдений. Я увидела на лице А.Н. буквально испуг. Дать мне коснуться остро-политической темы журнал не решается. Я наблюдала дальше за выражением лица А.Н.

и мне становилось все смешней и... досадней. «Ну, спрашиваю, какую же тему Вы мне дадите?» — «А вот, о <беженцах>, о их мытарствах». «Хорошо, говорю. Значит тема описательная. Должна сказать, что тема о <беженцах> в теперешней ее постановке здесь город<ским> и земским союзом еще более остро-политич<еская>, чем все остальные⁵. Ибо описывать бедных деток или скитальцев, или только описывать я не могла бы. Тема эта теперь разрослась и принимает уже далеко не формы простой «малости». Вот этот испуг и этот выбор для темы, меня смутил. Очевидно, журнал ставится в узких рамках, — я едва ли тогда там буду уместна со своим пониманием широты тех задач, которые встали сейчас перед Россией. Вы часто говорите, что нам нужен европеизм и любовь к человеку. Как горячо встречает молодая Россия эти слова. Но ведь их надо провести в жизнь. Какой же это европеизм, если журнал сузит свои страницы до интересов фракции? И только ее интерес и поставит целью? Высказываю Вам лишь свои сомнения, ибо очень уж мало мы говорили с Ал.Ник. А сомнения высказываю именно потому, что горячо желаю успеха журналу и столь же глубоко уверена, зная современное движение, что успеха при узко фракционной постановке дела журнал иметь не будет. А Ваше имя без успеха невыгодно (для движения) пускать в ход. Даже в рабочей среде узкие точки зрения устарели, они пахнут старой, затхлой Россией. И тут нужно новое широкое творчество, и сейчас ставить границы этому творчеству по меньшей мере неосмотрительно. Если я или кто-нибудь подобный страшен сейчас журналу, то с кем же и для кого будет делать свое идейное дело? Для масс? Это пустой звук. К сожалению, массы до журнала не дотянутся? Будет читать его все та же интеллигенция. А она теперь европеизм понимает уже в достаточно определенном смысле. Общая мысль моя такова. Если Вы хотите сделать большое дело, выступите с лозунгом объединения всей социальной демократии в России, не замазывайте рта ни одному из ее представителей, не старайтесь всунуть в узкую пробирку человеческую и демократическую идею. Такая широта может получить единство лишь при совместной выработке общепринципиальных позиций для русской демократии. Начать выработку этих позиций давно пора, материалу по этому вопросу масса, материалу живого и действительного. Если же журнал не будет касаться всей широты этого материала, а будет заниматься отстаиванием каких-то голых принципов, кот. отстаивает, напр., Николай Николаевич Суханов в своей последней книжке — провал журнала обеспечен⁶.

Теперь еще одна частность. Ал.Ник. говорил мне об одном

техническом моменте. Будет, быть может, публикация о том, что подписчикам «Рус. Слова» (и других газет) будет скидка в 2 р. Если таковая публикация появится, то само собою разумеется, что никакого участия в журнале я принять не смогу. Мне думается, что если есть какая-нибудь связь журнала с издателями «Рус. Сл.», то во-1-х, достаточно простых публикаций, чтобы читатели обратили внимание на журнал, особенно на публикации «Русс. Слова». Во-вторых, весь распространительный аппарат Сытина тоже достаточная гарантия распространения, в 3-х, можно было бы поставить так: скидка дается и кооперативным и народным библиотекам, учителям и учительницам, а также профессиональным обществам трудовых элементов. Такое заявление привлекло бы внимание именно тех кругов, кот. могут обеспечить распространение журнала⁷. Судите сами: кооперативов у нас — 35 000 ячеек с 12 000 000 членов. Если дать журнал на склад «Союза Потребителей», — один он распространит его⁸. Давать же премию читателям «Русского Слова», — низачто на свете! Это сразу же поставит на журнал нежелательную печать. Заявить также, что дороговизна бумаги и печатания заставляет Вас ставить высокую цену, но что по окончанию войны, цена будет понижена.

Простите за все эти непрошенные советы, но при таком деле я думаю никакой совет не лишний.

Много бы хотелось ещё сказать, но уж это как-нибудь при свидании. Ужасно я боюсь, как бы старые камни⁹, кот. висят на шее у Алек.Ник., не потянули его слишком глубоко в воду. Еще и еще раз повторяю, что из узких фракционных штанишек русская демократия выросла и нуждается в очень широкой дороге не столько для революции, сколько для культуры!

Желаю успеха. Не хворайте. Дела у нас в Москве столько, что некогда заглянуть в Петербург. А людей нехватает ни на что.

Сердечный привет.

Кланяюсь Ал.Ник.

Ваша Е. Кускова

6. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ

27 октября 1915, Москва

27/Х.

Горячо прошу Вас, Дорогой Алексей Максимович, простить меня за то, что доставила Вам огорчение своими подозрениями. Дело

видите ли в чем: уж очень пострадали в русской «идейной» атмосфере и «подозрительности» по отношению к нам самим. Ну, и заразились... За это — простите. Теперь о совместной работе. Я тоже глубоко верю, что когда-нибудь придет, наконец, час, когда мы с Вами будем работать без таких вот инцидентов. А сейчас мне очень горько, что при таких условиях начинается журнал. Не могу снова и снова вернуться к этим условиям. Я прочла брошюру Суханова «Левые партии и война». Искала усиленно «европеизма» в ней. Нашла только русскую грубую ругню без объяснения причин. Не нашла в ней также соответствия заглавию: где там «левые» партии? Должна сказать, что брошюра эта здешние интеллигентные круги — очень нужные и очень деловые — сильно раздражила. Считают ее мальчишеской выпадкой неизвестно против кого именно, ибо там — «все негодны». Ну вот извольте отдавать статьи на правку и суд Ник.Ник.! Его же самого надо очень и очень сильно править.

Во всяком случае европеизма он в журнал не внесет. Очень жалею, что он покинул тон своей первой книги² и взял другой, чисто русский. Затем. Вчера мы долго беседовали с Ив.Ив.³ Он мне очертил тот круг сотрудников, в пределах кот. журнал думает вращаться. Этот круг меня тоже очень удивил. И тоже не кажется очень европейским. Кроме того в этот круг совсем «ближайших» входят такие люди, с кот. мне хуже и совсем не по дороге⁴. И, наконец, последнее — «Рус. Слово». Это — шаг роковой. Мы знаем тут, что и Сытину и Дорошевичу очень нужна сейчас поддержка и атрибуция общественного мнения. Такой атрибуции мы не должны давать ни в каком случае. Это было бы также не европеизмом. Европеизм состоит главным образом в уважении к традициям. До сих пор в лучших традициях русской литературы поддержки таким органом, как Рус. Слово (идейно-анти-общественным) не было. Новый орган начинает именно с этого. Вы говорите, что он поддерживает и другие издания. Разве это не все равно? Кто бы и чтобы ни упоминалось рядом с «Рус. Сл.», оно от этого не выиграет. Но проиграют те, кто с ним пойдет⁵.

Я очень, очень рада, что и Ив.Ив. считает этот шаг роковой ошибкой. Не я одна, и не от отсутствия любви к человеку надоедаю Вам своими писаниями. Нет, именно из любви и к Вам, и к человеку вообще. Мне будет нестерпимо, когда Вас за это будут задевать и задевать справедливо. Я знаю, что ради издания журнала можно пойти на многие компромиссы. Но не на такие. Нет. Вот вам пример. Я говорила с редакциями кооперат. органов «Союза Потребителей» и «Объединение». Органы это — влиятельные, всероссийские. Посылаю Вам их образец⁶. Говорю: а не хотите ли вы, чтобы я

попросила и вашим читателям скидку на выходящий вскоре журнал? «А каким органам он еще будет делать скидку»? «Кажется, говорю, “Киевской Мысли”, “Уральской жизни”, “Еврейской неделе”, «Ну, тогда и нам попросите сделать скидку». — «Хорошо, говорю, я попрошу. А если другие органы туда присоединятся, напр., “Рус. Вед. или Рус. Слово”, — тогда как, — просить»? — «Рус. Вед. — конечно, но Рус. Сл. — что Вы говорите?» Я сказала тогда им, что подробностей о том, каким органам будет скидка, я не знаю, а когда узнаю, сообщу им.

А ведь имейте в виду, что «Единение»⁷ расходится теперь в 25 000 и обслуживает очень хорошие круги...

Вот Вам яркий пример отношения именно таких людей, на кот. Вы собираетесь действовать.

Не знаю, понимаете ли Вы теперь, что я не «не хочу» с Вами работать, а только — не могу. И при этом очень хочу, очень, очень хочу с Вами работать. Верю, что Вы все это понимаете. Если нужно еще, еще приводить Вам доказательства всей пагубности такого шага, только черкните открытку, я приведу и лично еще буду говорить с Вами.

Всем, всего лучшего от всей души. А ведь Вы — неправы: и человека я люблю, и людей люблю.

Любящая Вас

Ек. Кускова.

7. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ

16 января 1916, Москва

16/1.

Дорогой
Алексей Максимович!

Месяца 1 1/2 тому назад к Вам обращался Союз. Потребит. О-ва (всероссийский) с большой просьбой. Ответа он от Вас не получил. Хотя Вы и сердитесь на меня (по всему вижу), но думаю, что на наших с Вами общественных отношениях и сношениях это, ведь, не должно отражаться. Поэтому и повторяю просьбу Союза. Они уже много лет создают календари с идейным содержанием. Расходятся они исключительно среди демократических читателей. Тираж последнего календаря 300 000 (не хуже Сытинских изданий!). Теперь они хотят издать календарь с беллетристикой. Не дадите ли Вы им небольшой рассказ? О подробностях Вам напишет на днях

редактор календаря. Моя просьба откликнуться. Уж очень там есть хорошие читатели... Думаю, что Вы в этой просьбе не откажете, такая грандиозная организация, как Союз Потребителей, не может быть Вам чужда¹.

С большим и напряженным интересом слежу за «Летописью». Все хочу открыть ее идейную ось. Но так как идеи в России вообще сейчас не всегда ясны и легко усвояемы, то и основной идеи «Летописи» еще до сих пор понять не смогла, несмотря на превосходные отдельные статьи².

От всей души — всего лучшего Вам.

Предана Вам

Ек. Кускова.

Арбат, 2-й Малый-Николопесковский пер. д. 4.

8. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ

23 января 1917, Москва

23/1.

Нет, дорогой Алексей Максимович, так со мной не шутите. Как бы ни расходилась я с Вами идейно и как бы ни «ругала» Вас (где же это я Вас «ругала»?!), — африканской ненавистью к Вам пылать не смогу никогда. И вот именно за это, за Ваш постоянный активизм, за Ваше прямо яростное стремление все к новой и новой работе любила я Вас всегда, буду любить, надеюсь, и дальше. Так смертельно устаю я от четырехугольных квадратов, что взор и душа невольно *тянутся* в сторону таких мятежников, как Вы.

А теперь — давайте, — ругаться. О «Луче» я ничего не знала до публикации и письма Лидии Пет. Куприяновой¹. Отчасти это объясняется тем, что семь недель боролась со смертью: у меня было крупное воспаление легких со стрептококковым заражением. Говорят, заполучила это из солдатских лазаретов. Сердце совсем не работало и мне было не до лучей — пребывала в полном мраке. Это очень жаль. Думается мне, что была бы Вам полезна в предварительной организации такого большого и теперь особенно ответственного дела как газета. Теперь оно организовано — и, по-видимому, окончательно. Позвольте мне совсем откровенно и *интимно*, не для широкого употребления, высказать Вам ряд моих тревожных сомнений в прочности и ясности этого дела.

Сомнение № 1, это — Вы. Вернадский² говорил С.Н., что «Луч» определенно будет стоять на точке зрения обороны, конечно, без

аннексионистских порываний. А я никак не могу забыть той ночи, которая дала мне столько болезненных переживаний, ночи, проведенной с редакцией «Летописи». И вот Вы — одновременно и редактор «Луча», и редактор «Летописи». Позиция «Летописи» в свое время сильно нашумела. И сейчас я слышу в московских общественных кругах недоуменные вопросы, — «а как же Горький?» «На какой позиции стоит он теперь?» Как Вы думаете, что отвечать³?

Сомнение № 2-й. Мих.Вл. Бернацкий сотрудник (и ярый) «Русского Слова», сотрудник министерских изданий «Торг. и промыш.» и «Вестника финансов»⁴, наконец, юриконсульт совета съездов торговли и промышленности⁵, т.е. учреждений весьма недвусмысленных — теперь руководитель радикально-демократ<ической> газеты. Как же он будет толковать об «изоляции правительства»? Думается мне, что прежде всего для этого необходимо изолировать от правительства себя. И сейчас это так необходимо!

Сомнение № 3. Пав. Гавриловец — защитник аннексий⁶. По убеждениям — не правее октябризма. Не подошел даже к «Русским Ведомостям». Хорошо, если он будет делать в газете лишь исторические экскурсии. А если — по внутренней политике?..

Сомнение № 4 — люди из «Копейки». Если они ставят только технику, — это прекрасно⁷; они люди проницательные и изворотливые. Но если наложат руку и на содержание газеты и наполнят ее своеобразным «материалом», нравящимся широкой публике?

Сомнение № 5. Ни вы, ни Мих. Влад., ни тем более неподвижный проф. Виноградов⁸ — не газетчики. кто будет исполнять в газете эту роль? В ней ведь важны даже ночные выпускающие, есть ли у Вас такие люди? И неужели люди из Копейки будут выдвинуты и на эти ответственные роли. Очень бы посоветовала Вам вытащить на эту роль ночного редактора Виктора Вениаминовича Португалова⁹. Он истый газетчик и без него как-то не мыслю себе в Петербурге газеты.

Как видите, дорогой Алексей Максимович, сомнений — много. Но зато и много есть сейчас вопросов, кот. абсолютно необходимо поднять в газете. Работать очень нужно, и очень хочется, — особенно, если в газете нам с Сер. Ник. не будут связывать языки и законопачивать уши. И вот вам наш ответ. Если Вы думаете, что мои сомнения — неосновательны, что сквозь них можно провести правильную общественную линию — присоедините и нас к участникам «Луча». Если же и Вас обуревают такие же сомнения — не надо. Здесь очень пессимистически смотрят на судьбу этой

газеты: все три редактора — такие разные! И поэтому Вы, вероятно, яснее меня понимаете, как много придется употреблять усилий, чтобы эту газету укрепить и сделать общественно нужной.

А какое участие в ней принимает Ник. Ник. Суханов? Близкое? К сожалению, до сих пор не получили мы списка сотрудников¹⁰.

Итак, вручаю Вам торжественно нашу судьбу. Не шутя: если не боитесь за себя, присоедините и нас.

Переходя к конкретным предложениям с своей стороны, скажу вот это. Необходимо широко пригласить москвичей, здесь есть много нужных для газеты людей. Затем сама я предложила бы писать «Дневники»¹¹. В них касалась бы всех впечатлений и событий дня. Такая «вольная» запись и вольные мысли всегда оживляют газету, тем более, что публицистов у Вас наберётся не так уж много.

Когда же «Луч» выйдет? Ничего мы тут не знаем.

А поехать в Петербург сейчас не могу, — умирает мать Сер. Ник., чудеснейший человек¹². Знаю, что подробно на все мои сомнения Вы не ответите, — некогда. Но ответьте самое главное, т.е. будем мы участвовать в «Луче» или нет. К этому все же нужно подготовиться. Кооператоры горячо Вас благодарят за разрешение перепечатать сказочку¹³.

Привет Вам и Мар.Фед.

Ваша *Е. Кускова*

Москва, Арбат, 2-й

Малый Николопесковский пер., д. 4.

9. Е.Д. КУСКОВА — ГОРЬКОМУ

2 мая 1917, Москва

2/V.

Дорогой

Алексей Максимович!

Очень благодарю Вас за статейку во «Власти Народа»¹. Нашим читателям она очень понравилась. Не дадите ли нам хотя бы 2–3 (видите жадность!) сказочки вроде Микешки из Мямлина². Это — лучшая Ваша сказка из серии «Нов. Жиз.» Хорош и Ванька³, с Москвой, Россией и Европой. Очень хорош!

Но к горю моему, «Нов. Жиз.» мне не нравится. Думаю, что и Власть народа Вам не понравится. В Нов. Жиз. не нравится мне то, что не нравилось и в «Летописи». Отсутствие любви к... родине, ко

всем этим Микешкам и Ванькам. Ну, ведь, письмо пишу — интимно и также интимно скажу Вам: когда орет Микешка — это, конечно, скверно. Но ведь сколько он молчал и как его мочалили раньше, как издевались!.. И, и не могу без какого-то особого горячего чувства на этого субъекта смотреть, хоть и вижу в нем пятнышки будущей контр-революции или обывательской реакции. Принциписты — хуже. Они холодны как лед и никого не любят. Это — факт. В нем я убеждаюсь, душой убеждаюсь ежесекундно.

Так дадите сказочку?

Про нас, москвичей?

О том, что «Власть Народа» совсем не властная? Нет, шучу, дайте нам сказочку про Ванек и Танек, кот. «на заборе сидят». Эти Вани бегунцы — незабываемы, и Вы нас ими побалуете.

Власть народа пошла очень хорошо и нашим кругам нравится. Но... выпускаем ее, как каторжники на каторге: технические условия — ужасающие. Нет ни бумаги, ни набора, ни наборщиков. Чуть-чуть что не сами набираем.

Сердечный привет! С.Н. тоже Вам сердечно кланяется.

Получаете ли газету? Прочтите в № 2-м статью Н.А. Рожкова⁴. Своею яркостью и смелостью постановки, она произвела здесь фурор.

Желаю Вам много здоровья и сил.

Арбат, 2-й Малый

Николовеселовский пер., д. 4, кв. 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ), впервые.

Год установлен по содержанию (см. примеч. ниже).

Ответ Горького не сохранился.

¹ Имеется в виду статья К.И. Чуковского «Утешеньишко людишкам», напечатанная в двух номерах газеты «Речь», 5 и 12 июля 1915 г. (№ 182 и 189). В первой части статьи, которую Кускова могла прочитать, разбиралась повесть Горького «Детство». В ней, восторженно писал Чуковский, «внезапно к нам, как с неба свалился новый, неожиданный Горький <...> Что-то огромное произошло с Максимом Горьким, перерождение, перевоплощение души <...> и хотя в ней столько проклятий и ран, это — самая веселая, мажорно-счастливая книга изо всех за десятки лет». Статья Чуковского, пишет Евг. Иванова, составитель и комментатор 15-томного собрания сочинений, «обозначила перелом в отношении критика к Горькому и подготовила почву для их последующего

сотрудничества по изданию сборника для детей “Елка”» (*Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. М., 2003. С. 720).

² Речь идет о статье для сборника «Щит» (подробнее см.: вступ. ст.): *Ек. Кускова* «Как и чем помочь?» (Щит. М., 1915. С. 147–153). Нарисовав тяжелую картину высылки евреев из прифронтового городка, свидетельницей которого она была, Кускова обращается со своим вопросом к русскому обществу и, призывая к сочувствию «этим жертвам переживаемого времени», спрашивает: но «вправе ли мы теперь для такого благородства», когда «сами сейчас в когтях страдания. Наши мужья, братья, отцы <...> жизнь отдают за родину» — и на свой же вопрос отвечает: «сочувствие русского общества еще не проснулось, чувства его еще не затронуты трагедией соседа <...> Не то рад он, что гонят “шпиона”, не то стыдно ему за свою олошность». И лишь немногие говорят «правду», а «всякая правда о страданиях *живого* человека всегда своевременна и всегда нужно о ней громко говорить». Статья завершается верой в рост гражданственности русского общества и надеждой благородными выйти из «великой борьбы» и найти, наконец, «свой дом, за который боремся» для всех.

³ *Соломон Владимирович Познер* (1876–1946; псевдоним Стеллин) — адвокат, общественный деятель, журналист. С Е.Д. Кусковой знаком еще с 1900-х годов — оба входили в «Союз освобождения». В 1903–1912 гг. жил во Франции и доставлял во французскую прессу материалы о положении евреев в России. В 1910-е гг. возглавлял издательство «Разум». С 1912 по 1921 г. находился в России. В 1915 г. сблизился с Горьким по совместной деятельности в «Русском обществе для изучения жизни евреев в России», секретарем которого был. Вместе с А.Н. Тихоновым, З.И. Гржебиным, И.П. Ладыхниковым и И.Д. Сыгиным входил в издательскую комиссию Общества и непосредственно руководил изданием сборника «Щит», хотя имя его как редактора на титуле сборника указано не было. «Щит» — см.: вступ. ст.

⁴ Летом 1915 г. Кускова жила в именини семьи своего мужа С.Н. Прокоповича «Старый селец» в Могилевской губернии, недалеко от г. Шклов. О первом своем приезде туда в 1897 г. она писала в воспоминаниях «Давно минувшее» (глава «В Могилевской губернии, Из семейной хроники» — *НЖ*. Кн. 54. С. 117–147).

⁵ С.Н. Прокопович был членом этих объединений общественных сил в годы мировой войны и активно участвовал в их работе. 10–13 (24–26) июля 1915 г. в Москве проходил съезд Всероссийского Союза городов по борьбе с дороговизной; обсуждались продовольственные проблемы: спад производительности труда и разрушение производственного аппарата привели к страшному повышению цен на продукты первой необходимости — «дороговизне». Съезд работал в тесном контакте с Земским союзом, с ВПК, со многими демократическими и кооперативными организациями. Общественные союзы, во главе которых стояли крупные промышленники и помещики, обращались к Правительству с просьбой допустить их к работе по организации обороны страны и снабжения армии (См.: *Летопись событий 1914–1915: (Ленин В.И. Сочинения, изд. 3-е, т. XVIII. М.; Л., 1931. С. 488–490)*. Экономические, продовольственные вопросы не решались без связи с политическими. Говоря о «мобилизации сил», Кускова, конечно, имела в виду нацеленность «интереснейшего съезда» на изменение как экономической, так и политической обстановки в обществе. Один из исследователей новейшей русской истории говорит об общественных организациях этого периода: «каждая из организаций проводила свои собственные съезды и совещания, их политические резолюции в определенной степени различались, их отношение к Правительству и к Думе было различным. И все же у них была единая политическая цель: считая, что Правительство не в состоянии выиграть войну и что только общественные организации могут улучшить положение, они требовали «правительства народного доверия», т.е. правительства, которое будет опираться на них и в более или менее официальном порядке отчитываться перед «народом», т.е. перед Государственной Думой» (*Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Русский путь, 1997. С. 27–28).

⁶ Кускова имеет в виду журнал «Современный мир» (ежемесячный литературный, научный и политический журнал, СПб., 1906–1918; редакторы В.П. Кранихфельд, Н.И. Иорданский, издатель М.К. Иорданская), выходил в Петербурге с октября 1906 г. как продолжение журнала «Мир Божий», в том же году закрытого цензурой (последний номер

вышел в августе). Нежелание печататься в журнале, возможно, связано с тем, что одним из его ведущих авторов в годы войны был ее с Прокоповичем политический оппонент с 1890-х годов, Г.В. Плеханов, критические статьи которого (напр., «О войне», 1915, № 1) придавали журналу оборонческое направление. В этом она была солидарна с Горьким — см. poleмику его журнала «Летопись» после публикации ст. «Две души» с «Современным миром» (см.: *Скворцова Л. Современный мир // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. М.: Наука, 1984. С. 159–161.*

⁷ Кускова еще в молодости имела небольшую медицинскую практику, помогая земскому хирургу доктору Амстердамскому, а в 1891 г., попав в Москву, посещала акушерские курсы (см.: «Давно минувшее» // *НЖ. н-й. 1956, кн. 49.*)

⁸ См. примеч. 1. С 1907 г. К.И. Чуковский не пропускал почти ни одного нового произведения Горького, откликаясь на них неизменно критически. «Максим Горький является всем чем угодно — проповедником, пророком, мыслителем, — только не художником». Он «не видит и не знает живой и дышащей души человека» и т.п. (сб. «О «Мещанах» М. Горького), также «Пфуль», 1910 и др. (см.: указ. к 6 т. Собр. соч. Чуковского: Литературная критика 1901–1907 гг., и к т. 7: Критика 1907–1915 гг., М., 2007 и 2008). Во всех статьях о Горьком, не исключая и «Утешеньшка людишкам», присутствуют упреки, удачно отмеченные З. Гилпиус в 1908 г. в личном письме критику после выхода его книги «От Чехова до наших дней»: «Посмотрите, какой “тон” Вас засасывает, какой скверный, гаерский, иногда даже прямо хулиганский... Больше скажу: ведь этот ваш тон и “легкость пера” Вам самому нравятся!» (Там же. Т. 6. С. 23). Отношение Чуковского к Горькому-художнику перекликалось с известной статьей Д. Философова, о которой говорило уже ее название — «Конец Горького», 1907. Кускова ее, конечно, помнила, когда пишет в письме: «то хоронят», то «открывают нового». Невзирая на статьи Чуковского, Горький с ним познакомился в 1916 г., после чего последовала их совместная работа в издательствах «Парус» и «Всемирная литература».

⁹ Общее собрание членов «Русского общества для изучения еврейской жизни» (см.: вступ. статью), действительно, было отложено и состоялось лишь 12 декабря 1915 г. (подр. см.: Горький. *Письма*. Т. 11. С. 458).

¹⁰ Возможно, речь идет о сборнике «Клич. День печати» — в помощь жертвам войны, под ред. И.А. Бунина, В.В. Вересаева, Н.Д. Телешова; художественный отдел под наблюдением А.М. Васнецова и В.В. Переплетчикова. М., 1915. На предложение в нем участвовать Горький ответил отказом, по причине, вероятно, своего отношения к войне в целом (см. письмо к Н.Д. Телешову от 3(16) февраля 1915 — Там же. С. 158 и примеч.). Однако в сборнике нет статьи Я.М. Букшпана, упомянутой в письме; определить, где она была напечатана, не удастся. Поэтому и о том, что речь идет об этом сборнике, можно судить лишь предположительно.

¹¹ См. примеч. 2.

¹² М.Ф. Андреева в январе 1915 г. завершила свою работу в киевском театре «Соловцов» и переехала в Москву, вступив в труппу Незлобина. В наст. изд. печатается ее письмо к Горькому от октября–ноября 1915 г. с не слишком лестным упоминанием Е.Д. Кусковой: «Лучшие люди, как Ек. Дм., Ек. Пав., Скворцов — легкомысленно думают, что они нашли правду и настоящее дело, а в сущности — одни заклинания, самоусладительность благотворительностью <...> другие — ничего не понимая, подхватывают их течение, полагая, что они этим течением управляют и судят на несогласных» (С.). Письма Андреевой к самой Е.Д. Кусковой, хранящиеся в АГ, относятся к более позднему времени — к 20-м годам.

¹³ А.Н. Тихонов с женой — В.В. Шайкевич — жили в Петербурге, часто встречаясь с Горьким, с которым Тихонов был занят во множестве общих дел.

2.

Печатается по А (АГ), впервые.
Год установлен по содержанию.

¹ Письмо Горького не разыскано. Судя по настоящему ответному письму Кусковой, он делился с ней охватившим его в эти дни мизантропическим настроением («... с Вами согласна, что кругом — дико и мерзко»). Ср. с письмом, отправленным Горьким в те же последние дни 1915 г. Г.Д. Гребенникову. На замечание адресата о том, что «в результате войны в психологии русского общества произошел сдвиг <...> в сторону ложно-насыщенного националистического патриотизма», Горький ответил: «... какой там “сдвиг” — батюшка, просто сидим по уши в грязи, в крови, во лжи — и все хвастаем: экой мы сильный народ! Мы хвастаем, а нас — бьют. Патриотизм, о коем Вы пишете, мне совершенно чужд и враждебен». В том же письме: «война мешаает людям интересоваться литературой. Воюем и дичаем понемногу» (Горький. *Письма*. Т. 11, п. 305. С. 184). См. также майское письмо С.В. Малышеву: «Атмосфера вообще — душная <...> сознаюсь, порою руки опускаются и в глазах темнеет. Очень трудно. Особенно обидно за свою интеллигенцию, так все вялы, так ленивы, неаккуратны, недеятельны — отчаяние! <...> Дорого стоят теперь те люди, которые не теряют головы в путанице событий ...» (С. 175).

² См. п. 4 и примеч.

³ «Вещица», видимо, так и не была напечатана.

⁴ Вероятно, в письме Горького была затронута тема его непростых отношений с Ф. Сологубом. Основным разногласием было отношение к войне. Еще в октябре 1914 г. в письме Е.П. Пешковой Горький назвал Сологуба в числе «чуждых» ему людей. Вскоре после объявления войны Сологуб выступил со статьей «Мира не будет» (Биржевые вед., 1914. 30 окт.) и принял участие в альманахе «Война» (М.: Меч, 1914). Горький немедленно и резко отреагировал антивоенным циклом статей «Несвоевременное», где писал: «Мне помнится, что я видел имя Федора Сологуба под протестом против смертной казни», а сейчас — «желание уничтожить людей до конца...» (См.: Горький. *Публицистика*. С. 6. Публ. И.А. Ревякиной). Но при этих разногласиях Горького с Сологубом объединили выступления против волны антисемитизма в военные годы; оба — инициаторы создания «Русского общества для изучения жизни евреев», соавторы и редакторы акций этого общества: «Анкеты об евреях: Открытого письма к публике трех русских писателей», обращения «К русскому народу» с требованием уравнения евреев в правах, издания сборника «Щит», чистый сбор от продажи которого поступал в пользу «Общества вспомоществования бедствующему еврейскому населению, пострадавшему от военных действий» (см. об этом вступ. ст.). Тем не менее противоречия с Сологубом не сглаживались со временем. Сологуб продолжал печатать стихи на военные темы в «Биржевых ведомостях» и в «Отечестве» и даже в «Лукоморье» (тонкий журнал крайне шовинистического направления, основанный в 1914–1917 гг. М.А. Сувориным). В результате на собрании «Русского общества...» в декабре 1915 г. Ф. Сологуб не был избран в правление общества и вынужден был прекратить свое членство в нем (см.: письмо Горького к В.Г. Короленко от 24 декабря 1915 и примеч.: Горький. *Письма*. Т. 11. С. 234 и 488, а также письмо Л. Андреева Ф. Сологубу от 12 янв. 1916 г. — *ЛН*. Т. 72. С. 553). Еще один инцидент между Горьким и Сологубом последовал в 1916 г., когда при переиздании сборника «Щит» Горький забраковал и вынул из сборника (уже в гранках) статью Н.А. Бердяева «О евреях», заказанную Сологубом. Горький усмотрел в статье антисемитские ноты, и дело даже дошло до третейского суда (из письма к Е.П. Пешковой от 5 марта: «завтра — свидетельскую на третейском суде по делу Сологуба с Познером — дело, в котором обвиняемым являюсь я, а обвинителями Андреев и Сологубчик») — Горький. *Письма*. Т. 12. С. 28 и 301; см. также письмо к М.Ф. Андреевой от 24 марта 1916 и примеч.: Там же. С. 39 и 314). Также см.: ст. М.А. Никитиной «М. Горький и Ф. Сологуб (К истории взаимоотношений)» — Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Вып. 1. М.: Наука, 1980. Возможен, реакция на ст. Бердяева была выражением более глубоких разногласий Горького с автором статьи (см.: вступ. ст.). Тема «сгибаться, сидеть рядом с Сологубом...» будет продолжена в переписке с Е.Д. Кусковой (см. п. 3).

⁵ «День» — ежедневная газета (1912–1918); основатель и редактор — И.Р.Кугель, зав. литературным отделом П.Е. Щеголев. В годы Первой мировой войны занимала оборонческую позицию, популярную в леволлиберальных кругах интеллигенции. В 1915 г. Горький напечатал в газете «Легенду о Муканне», «Легенду о Тамерлане» и ст. «Положение чехов в Праге» (№ 79, 22 марта, и № 81, 25 марта). Директорство Л.И. Лу-

тугина в акционерной компании по изданию «Дня» не смогло дать ожидаемых Кусковой результатов по причине вскоре последовавшей смерти Лутугина (см. п. 4).

⁶ В группе Незлобина М.Ф. Андреева провела два сезона (1915–1916). Она с успехом выступила 16 сентября 1915 в пьесе О. Миртова «Маленькая Женщина» (см.: ее письмо И.П. Ладьяжникову от 17 сентября: *АГ. ПТЛ-2-1-102*) и письмо Горького к ней от начала октября (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 201 и примеч. 7 к п. 325. С. 451).

3.

Печатается по А (АГ), впервые.

Год определяется по содержанию.

Ответ на неразысканное письмо Горького, являвшееся в свою очередь ответом на ее письмо от 22 июня 1915 г. (п. 2).

¹ Неудачи русской армии весной 1915 г. привели к потоку беженцев в глубь российских территорий. Военный министр А.А. Поливанов описывал кампанию 1915 г., в ходе которой состоялись массовые выселки еврейского населения, обвиняемого в шпионаже в пользу противника, как «эвакуационно-беженский период военных действий» (*Катков Г.М.* Февральская революция. С. 76). Кускова, живя в имении мужа в Могилевской губернии, недалеко от прифронтовых районов, была очевидцем этих драматических событий.

² См. п. 2 и примеч. а также вступ. ст.

³ Мать С.Н. Прокоповича Александра Федоровна, владелица имения, в молодости участвовала в демократическом движении 1860-х годов. Кускова ее вспоминает: «Чудесный, умный человек, все с полуслова понимающий. Узнала я, что она в 60-х годах прикоснулась к демократическому движению и была близка с знаменитым проф. Докучаевым, который и заставил ее полюбить сельское хозяйство. Но теперь вся ее душевная жизнь была в любви к сыну, Сергею» («Давно минувшее», гл. 9, с. 128). А.Ф. Прокопович умерла в Москве в 1917 г. (см. п. 8).

⁴ Письмо написано в дни формирования в Государственной Думе так называемого Прогрессивного блока — коалиции парламентского большинства, объединявшего несколько фракций, подписавших общую программу 25 августа 1915 г. Главным в программе было требование «правительства народного доверия», ответственного пред Думой. Инициаторами блока были кадеты во главе со своим лидером П.Н. Милюковым. Милюков и А.М. Шингарев входили в военно-морскую комиссию Думы, Шингарев — в «Особое совещание», созданное летом 1915 г. Среди 25 человек оба были избраны в Бюро Прогрессивного блока. В настоящем письме Кускова видит в них ответственных за военные ужасы. Отношение Кусковой к политике думцев в этот период очень сближает ее с Горьким. Чуть позже, 22 сентября 1915 г., он пишет из Петрограда Малышеву и дает оценку Прогрессивному блоку как бы в продолжение мыслям Кусковой в настоящем письме, откликаясь здесь и на то, что она писала о страхе людей перед войной: «Живут люди в страхе, но и страх не мешает жуликам жульничать. Буржуазия организуется, крепнет и, конечно, грабит страну, грабит, — как никогда еще не грабила! <...> Прогрессивный блок становится магнитом, который все с большей силой притягивает к себе все способное жрать и воровать “ради спасения родины от врага”. Правительство не уступает напору буржуазии, сопротивляясь по инерции, механически. Между этими двумя силами — демократия, пролетариат. Они обе боятся его не меньше, чем немца, — боятся и грозят друг другу: а вот начнутся волнения в народе! Убеждают друг друга: одни говорят — оставьте нам власть, а то!.. А другие — отдайте нам власть, а то!..» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 190–191).

⁵ Созвучными мыслями Горький делился в это время с другими адресатами; см., напр., цитированное выше (в п. 2) письмо С.В. Малышеву.

⁶ 8(21) мая в Петербурге умер Василий Яковлевич Богучарский (наст. фамилия Яковлев, 1861–1915), писатель, историк революционного движения, руководитель петербургского «кружка Герцена», 11(24) мая его хоронили на Волковом кладбище. «Проводить покойного

собралась вся петроградская интеллигенция <...> Толпа возросла до нескольких сот человек» (Биржевые Вед., 1915, № 14837, 12 мая). Горький был на похоронах, хотя в газетных сообщениях его имя не упоминается. 21 мая (3 июня) он пишет Е.П. Пешковой: «Очень удручен смертью Вас. Яков., а особенно — его похоронами. Гроб провожала одна литература — человек двести, двести пятьдесят цеховых людей, а публики, молодежи — не было! Эх, Русь... <...> ведь он — один из последних могижан лучшей и вымирающей интеллигенции нашей. И — не ему лично честь воздать следовало бы, а известной полосе нашей интеллектуальной жизни, жизни, уходящей в прошлое» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 178). В *ЛБГ* хранятся несколько книг В.Я. Богучарского с дарственными надписями (*ОЛБГ*. 2995, 6172, 6173, 6174, 6175) — все с пометами Горького.

Кускова также была хорошо знакома с покойным. В 1890-е годы они вместе — активные участники «освободительного» движения, распространители журнала «Освобождение» (издававшегося П.Б. Струве в Штутгарте) в России. В октябре 1905 г. на учредительном съезде кадетской партии оба были избраны в ЦК, но затем отказались войти не только в состав ЦК, но и в партию. Вместе с Богучарским и С.Н. Прокоповичем она редактировала политический еженедельник «Без заглавия» (1906, январь–май), сотрудничала в газете «Товарищ» и журнале «Былое» (1906–1907). В 1914–1915 гг. Богучарский был ученым секретарем Вольно-экономического общества, постоянным сотрудником которого до его закрытия в 1915 г. был С.Н. Прокопович. На смерть Богучарского Е.Д. Кускова написала о нем в исторический журнал «Голос минувшего» статью «Памяти живой души» (1915 № 7–8. С. 223–231)

4.

Печатается по А (АГ), впервые.
Год установлен по содержанию.

Леонид Иванович Лутугин (1864–1915) — горный инженер, геолог, общественный деятель. Один из первых исследователей угольных бассейнов России, основатель научной школы геологов-угольщиков. Телеграмма о смерти Лутугина пришла с места его последней геологической экспедиции на Кольчугинском руднике (Кольчинской копи) в Западной Сибири. 29 августа Лутугина похоронили в Петрограде. Горький был на похоронах. Вместе с В.Г. Короленко он вошел в комитет по увековечению памяти ученого. В январе 1916 г. он содействовал созданию просветительского общества — Народного университета им. Л.И. Лутугина (см.: *ЛЖТ*. 2. С. 505 и 540). По воспоминаниям Д.А. Лутохина, хранящимся в АГ, Лутугина отличали «замечательные способности ученого геолога», озабоченного тем, как «развернуть наше горное дело» и несомненно вписавшего свое имя «в историю народного хозяйства». Лутугин был участником различных научных обществ; «все, что было тогда у нас лучшего среди теоретиков и практиков экономики, втянуто было в работу этих обществ», — вспоминал Д.А. Лутохин. И о Лутугине-человеке: «Дожили он до 1917 г. — он сыграл бы исключительную роль. Храбрый, прямой, честный — и умница, он был природный вождь <...> и убежденный демократ. Обосновывал он необходимость “свобод” по-своему. Например, свободу слова он считал естественным правом человека: “собака и то лает” — любил он говорить, и никто-то собаке не мешает...» (АГ. МоГ-8-12-2; папка № 1, с. 61, 281). См. также: *Романовский С.И.* Леонид Иванович Лутугин. 1864–1915. СПб.: Наука, 1997.

5.

Печатается по А (АГ), впервые.

Месяц и год устанавливаются по содержанию: по времени встречи в Москве Е.Д. Кусковой с А.Н. Тихоновым, выехавшим из Петрограда в Москву 13 октября 1915 г. (см.: Горький. *Письма*. Т. 11. С. 201 и 456).

¹ По всей вероятности, речь идет о Павле Николаевиче Малянтовиче (1869–1940), адвокате, участнике ряда политических процессов в 1900-е годы (по делам Н. Баумана, Е. Стасовой и др. членов РСДРП, гражданского процесса о наследстве Саввы Морозова, демонстрантов Сормова и Нижнего Новгорода). В соавторстве с Н. Муравьевым написал книгу «Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий» (СПб., 1910). Горький и Кускова его хорошо знали. В 1917 г. министр юстиции в четвертом составе Временного правительства. В советское время — трагическая судьба — по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР — расстрел на Бутовском полигоне; посмертно реабилитирован.

² Речь идет об организации журнала «Летопись», которой Горький занимался особенно активно во втором полугодии 1915 г. (см.: Горький. *Письма*. Т. 11). В декабре 1915 г. вышел первый номер, в декабре 1917 — последний. Официальный редактор — А.Ф. Радищевский, издатель — А.Н. Тихонов. Последний, вероятно, по поручению Горького обсуждал с Кусковой возможность ее участия в журнале (см.: вступ. ст.).

³ Кускова неоднократно пыталась создать свой печатный орган; денежные трудности, о которых она здесь пишет, связаны с этими планами. Об этих планах организации демократической газеты Горький будет писать В.С. Войтинскому почти месяц спустя (18–19 ноября 1915): «Организовать ее пытались н.-эсы, безглавцы и левые кадеты. Редактора: Пешехонов, Кускова, Мельгунов, заведующие отделами: Прокопович, Маслов, Огановский, Петрищев, Мякотин, кадет Тарасевич. Это одна из попыток организовать демократический блок. Она уже ликвидирована вследствие внутреннего бессилия организаторов» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 221).

⁴ Тема была частично реализована в статье, уже заказанной: Никитский А. Местное самоуправление и кооперация — «Летопись». 1916. № 1. С. 376–385. В статье упоминалась, как «блестящая», и статья Кусковой о первом учредительном собрании московской «Кооперации» (Русские ведомости. 1915. № 297). Но основная тенденция статьи Никитского была не поддержка кооперативного движения, а тенденция развития в России рабочего класса: идет «урбанизация России — дальнейшее развитие того общественного класса, который является принципиальным сторонником общественно-правового решения всех жизненных вопросов» (с. 385).

Отношение Горького к вопросу о кооперации определено высказано в одном из писем того же года: «Мы живем в отчаянных противоречиях <...> а кооперативы, в той форме, как они развиваются ныне, — способствуют росту инстинкта частной собственности, росту индивидуализма. Не так ли? Засим: после войны очень возможен подъем духа. Но требуется, чтоб этот подъем был сознательн, а не стихийн. Если мужички снова начнут жечь усадьбы — толку это даст мало. И вот пролетарий принужден свое социальное сознание внедрять в массы крестьянства» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 175).

⁵ См. п. 3 и примеч. 1. В предполагаемом сборнике «Евреи на Руси» намечалась разработка темы «о беженцах» во всех ее аспектах, и ее автором намечалась Кускова. См. программу сборника, хранившуюся в архиве писателя и полностью опубликованную в т. 11 Писем: «Беженцы. Общая картина выселения евреев из “черты оседлости”. Евреи во внутренних губерниях, отношение к ним со стороны коренного населения. Отношение администрации, не замечено ли с ее стороны волных или невольных попыток создать трения между беженцами и коренным населением. Е.Д.Кускова» (Там же. С. 479).

⁶ Суханов Н.Н. (наст. фамилия Гиммер, 1882–1940) — секретарь журнала «Летопись» и его постоянный сотрудник; некоторые его статьи не пропускались цензурой (Летопись. 1915. № 1, декабрь). О роли Суханова в журнале Горького см. замечание историка: «германское министерство иностранных дел живо интересовалось проникновением в Россию пораженческих идей в цинмервальдском обличье, и особый его интерес вызвали статьи Суханова в Летописи, которые с помощью Горького были опубликованы в Петрограде. Автор, пользуясь эзоповским языком, развивал идеи пораженчества» (*Катков Г.М.* Февральская революция. С. 109). О «последней книжке» Суханова см. след. письмо и примеч. к нему.

⁷ Первое объявление о подписке на «Летопись» с перечислением приглашенных сотрудников появилось в газете «Русское слово». 1915. № 263, 15 ноября. Но совет Кусковой — привлечь организации, охватывающие более демократические, широкие слои

населения, действие возымел. В № 1 1916 г. сообщалось: «Кооперативным, профессиональным, больничным кассам, учителям, народным библиотекам и другим культурным и просветительским обществам *допускается скидка* при условии, если подписка проведена через контуру журнала».

⁸ Речь идет о книжном складе «Союза потребителей». В № 2 «Летописи» за 1916 г. редакция дала объявление: «Союз потребителей» — еженедельник, посвященный интересам русской кооперации вообще и потребительской в особенности. Выходит 45 раз в год. Все подписчики «Союза потребителей» получают бесплатно: 1. Один из двух популярных кооперативных журналов «Объединение» или «Общее дело» по своему выбору. 2. Кооперативный настольный календарь на 1917 год (Летопись. 1916. № 2, февраль. Отдел «Объявления»).

⁹ Вероятно, Кускова имеет в виду сотрудничество А.Н. Тихонова в газете «Новая жизнь» (первая легальная большевистская газета в Петербурге, с 9 ноября (27 октября) по 16(9) декабря 1905; с № 9 редактор В.И. Ленин) и в ежемесячном общественно-политическом журнале «марксистского направления» «Просвещение» (дек. 1911 по июнь 1914 в Петербурге), созданным по инициативе и руководимом также Лениным. В «Новой жизни» А.Н. Тихонов запомнился статьей «Умрите вовремя!», адресованной классовым врагам (дворянскому съезду).

6.

Печатается по А (АГ), впервые.
Год установлен по содержанию.

¹ О Н.Н. Суханове см. предшествующее письмо. В годы войны он писал статьи и брошюры антивоенного содержания, принадлежа к группе внефракционных социал-демократов, близких к меньшевикам-интернационалистам, и поддерживая «Прогрессивный блок». Брошюра, о которой пишет Кускова — *Н.Н. Суханов. Наши левые группы и война*. Петроград, 1915. Автор брошюры направляет свою критику почти огульно на все «прогрессивные», «оппозиционные» партии и группы, в годы войны изменившие, по его оценке, прежним убеждениям. До войны «все они антимилитаристы», все войну отрицали; теперь война «произвела чрезвычайную передергу в «левых» головах, либо сорвала с них маски»; теперь они принялись войну оправдывать; либеральные публицисты стали выдавать за объективные цели войны свои собственные дотоле затаенные желания; их задача теперь — «концентрировать внимание масс на идее национальной обороны, охраны целостности и неразделимости империи». «Левые ведут войну не для ликвидации милитаризма и не для вечного мира, а обращают внимание на «проклятые вопросы внутри страны». Их аргумент за оборонительную войну — экономический: поражение «уничтожит дело Петра Великого и превратит молодую капиталистическую Россию в старую крестьянскую Русь» (статья Иорданского в «Современном мире», 1914, № 9). Вывод Суханова — «полное банкротство» левых групп перед войной. Автор ссылается на статью своего соратника Базарова (также приглашенного Горьким в журнал), подчеркнувшего «идеологический кризис» левых партий: их имперской идеологии «негде искать прибежища, кроме как в славянофильских идеалах прошлого столетия».

Хотя по Кусковой в настоящем письме Горькому, брошюра Суханова «сильно раздражила» «здешние интеллигентные круги», книга быстро разошлась и трижды была переиздана в два ближайших года.

² Речь идет о книге: *Суханов Н.Н. Наши направления. Марксизм и «народность»*. Пг. <1915>. Книга составлена из статей, напечатанных в двух журналах — «Современнике» и «Заветах» (из предисловия автора). Основной ее мотив — несостоятельность и практическая вредность старого «направленного» деления на марксизм и народничество. Автор считает возможным объединение социалистических течений путем «поглощения народничества марксизмом». Идеи книги были близки собственной идейно-политической эволюции Е.Д. Кусковой и были приняты ею. См. статью Н. Ерофеева и А. Корнилова в

кн. «Политические партии России. Энциклопедия». М.: РОССПЭН, 1996.

³ Манухин Иван Иванович (1882–1958) — врач. Успешно лечил Горького от туберкулеза по собственной методике. Во время войны работал в военном госпитале в Киеве. Ок. 20 октября 1915 г. Горький писал К.А. Тренину: «Ив. Ив. Манухин уже переехал в Москву <...> Он только что эвакуировался из Киева...» (Горький. *Письма*. Т. 11. С. 204). В Москве и произошла его беседа с Е.Д. Кусковой. Разговор шел о сотрудниках будущего журнала «Летопись». О Манухине есть запись в дневниках З.Н. Гиппиус: он, хотя «весьма не любил» окружение Горького (злбно охарактеризованное автором дневника как «паразиты» и «корыстные льстецы»), «но по доброте своей Горькому их прощал; а с партийными людьми горьковского крута вел давнее знакомство» (*Гиппиус* З. Петербургские дневники (1914–1919). М.: Орфей, 1982. С. 13).

⁴ Под «совсем ближайшими» имелись в виду Н.Н. Суханов и В.А. Базаров — вместе с Горьким они станут фактической редколлекгией «Летописи» и определят позицию журнала.

⁵ «Русское слово» — московская газета (1895–1917 гг.). С 1897 г. издателем ее был И.Д. Сытин; с 1902 г. фактическим редактором стал М.В. Дорошевич. В период Первой мировой войны газета придерживалась шовинистического направления, допуская проявления антисемитизма, что отталкивало либерально настроенную левую интеллигенцию. Тем не менее, Горький с 1913 г. печатался в «Русском слове» и намеревался реализовать с помощью И.Д. Сытина несколько проектов своей культурно-просветительской программы (подр. см.: Горький. *Письма*. Т. 11 и 12. Указ., а также *ЛН*. Т. 72. С. 83–84; Горький. *Публицистика* С. 221–223).

⁶ См. примеч. к письму 5.

⁷ «Единение», т.е. «Объединение».

7.

Печатается по А (АГ), впервые.

Год установлен по содержанию.

Внизу письма, после адреса, красными чернилами рукой Горького приписка: *«Расходясь идейно, мы не должны унижаться до неприязни личной, хотя это унижение принято многими за неизбежное».*

¹ См. примеч. к п. 5. Письмо Горькому от Союза Потребительского общества в архиве писателя не обнаружено, как и письмо от «редактора календаря».

² К этому времени вышли только две книжки «Летописи» — декабрь 1915 г. и № 1 — январь 1916 г.

8.

Печатается по А (АГ), впервые.

Год установлен по содержанию.

Ответ на неразысканное письмо Горького с предложением Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичу принять сотрудничество в новой газете «Луч». Письмо можно с большой степенью вероятности датировать серединой января 1917 года: Горький в эти самые дни обратился с тем же предложением к нескольким адресатам — к В.Г. Короленко (14 января), И.А. Бунину, К.А. Тимирязеву, В.Я. Брюсову (16 января) и П.Н. Малянтовичу (20 января) См.: Горький. *Письма*. Т. 12. В письме Короленко дана наиболее полная информация о будущей газете: ее цель («обслуживать социально-политические интересы всех групп влево от кадет и вправо от социалистических партий»), список приглашенных, состав редакции, техническая и финансовая сторона дела: см.: Там же. С. 100–102. Газета «Луч» не осуществилась; вместо нее с 6 апреля 1917 Горький начал газету «Новая жизнь» (см.: п. 9 и вступ. ст.).

¹ Л.П. Куприянова — член кадетской партии, входила в «Союз освобождения», вместе с Кусковой, В.Богучарским и др. доставляла печатную продукцию Союза в российскую провинцию (см.: *Милоков П.Н.* Воспоминания. М., 1960. Т. I. С. 274–275). В 1913 г. в Москве вышла ее книга «Организация западно-европейских рабочих». В газете «Луч» Горький намеревался поручить ей раздел «Рабочая хроника» (см. его письмо Мальянговичу — Горький. *Письма*. Т. 12. С. 104).

² Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — естествоиспытатель, академик Петербургской АН (с 1912 г.), один из инициаторов создания (весной 1917-го) «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук».

³ См. вступ. статью.

⁴ Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) — экономист, общественный деятель, академик Петербургской АН (с 1912) и профессор С.-Петербургского Политехнического института. Во Временном правительстве министр финансов, в гражданскую войну начальник управления финансов Вооруженных сил Юга России в армии А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. В 1920 г. эмигрировал. В Париже сотрудничал в русской и французской периодической печати (в том числе в газ. «Возрождение»), преподавал экономику; в Русском общевоинском союзе (РОВС) занимался вопросами финансирования. Автор многих работ о финансовой политике России. В годы мировой войны сблизился с Горьким как секретарь Комитета и член редакционной коллегии «Русского общества для изучения еврейской жизни», автор статьи в сборнике «Щит» («Евреи и русское народное хозяйство») и предполагаемый автор сборника «Евреи на Руси» («Экономическая роль евреев в стране»). В эти годы вместе с Горьким разделял программу Радикально-демократической партии (см.: Политические партии России. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996). Сразу после большевистского переворота 26 октября (8 ноября) 1917 был арестован и посажен в Петропавловскую крепость; на этот арест Горький немедленно откликнулся в нескольких бурных статьях в «Новой жизни», где предал позору подобные насильственные действия по отношению к «талантливым работникам», потрудившимся для социального образования и просвещения русского народа (см.: *Горький М.* Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре. 1917–1918. М.: Интерконтакт, 1990. С. 76–77, 83, 87, 98).

Сомнения Кусковой относительно Бернацкого связаны с его сотрудничеством в газ. «Русское слово» (см. примеч. 5 к п. 6) и в издававшемся Министерством финансов России еженедельнике «Вестник финансов» (с 1883 по октябрь 1917; с 1893 с приложением «Торгово-промышленной газеты»).

⁵ Речь идет, вероятно, об участии М.В. Бернацкого в качестве юрисконсульта на съезде крупных промышленников в Петрограде 27–28 мая (9–10 июня) 1915 г. Результатом работы съезда стало создание военно-промышленных комитетов (ВПК) для помощи правительству в организации промышленного обеспечения армейских военных нужд.

⁶ Сведений найти не удалось.

⁷ «Копейка» — акционерное типографское общество. Горький писал В.Г. Короленку 14(27) января 1917: «“Копейка” участвует техникой» (Горький. *Письма*. Т. 12. С. 101).

⁸ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) — историк, профессор Московского (1884–1902, 1908–1911), Оксфордского (с 1903) университетов, специалист по средневековой истории Англии. В «Луче» был намечен на заведование иностранным отделом.

⁹ Португалов Виктор Вениаминович (1873–1930) — журналист, народный социалист, автор многих брошюр по истории освободительного движения. В 1900-е годы редактировал газету «Товарищ» (Петербург, с апреля 1906 по декабрь 1907), в которой ближайшее участие принимали Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович.

¹⁰ Состав предполагаемых сотрудников «Луча» см. в январских письмах Горького за 1917 г. (Там же. Т. 12).

¹¹ В этом жанре («Дневник») Кускова печатала свои корреспонденции в своей газете «Власть народа» (см. примеч. к следующему письму и вступ. ст.).

¹² См. примеч. к письму 3.

¹³ О какой «сказочке» идет речь, установить не удалось.

Печатается по А (АГ), впервые.
 Год определяется по содержанию.

¹ Речь идет о статье Горького «По новому» в газете «Власть Народа», 1917. № 1. 28 апреля. Подробнее см. вступ. статью.

² Кускова пишет о горьковских «Русских сказках», печатавшихся им в «Новой жизни» (XIII, XIV и XV — «Новая жизнь», № 1, 5, 7, 18, 23 и 26 апреля 1917). Все они писались в годы мировой войны и Февральской революции. «Немытый лежебока» Микешка — герой XV сказки; он жалуется на свою нищенскую жизнь, а «нечистая сила» в лице начальства подсовывает ему циркуляры: «Молчать!» Получив неожиданно от солдата миллион, он пускается в загул, работать не мог, т.к. от всякого дела он издавна <...> отучен и требует миллиард. Последняя фраза сказки: «сказка не кончена, но дальше — нецензурно» (Горький. *Сочинения*. Т. 12. С. 231–233).

³ Ванечка — герой сказки XIV — постоянно призван кого-то спасать: то Москву от поляков, то Россию от французов, то Европу от немцев. В результате он все теряет — избу, жену и голову: «поднял руку затылок почесать, а головы-то у него нету!» (Там же).

⁴ Рожков Н. Три исхода // Власть Народа. 1917. № 2. 29 апреля. Автор в кратчайшей статье разбирает три исхода из положения, создавшегося после Февральской революции и два из них отвергает: 1) «повторение июньских дней 1848 года во Франции, т.е. расстрел демократии буржуазией», 2) «диктатура пролетариата и крестьянства». Третий исход: «Буржуазия связала свою судьбу с судьбой революции», ее задача — «закрепление политических позиций и минимум социальных уступок, допустимый при сохранении капиталистического хозяйства <...> И потому собственные интересы буржуазии, правильно понятые, диктуют ей необходимость компромисса с демократией. Иначе — контрреволюция и даже реакция неизбежны». Вывод: «Из трех выходов мирным и революционным может быть только один. И этот единственный выход — коалиционное министерство». Исторический ход событий пошел по второму пути — по пути утопии, способной «породить только контрреволюцию». Статья Н. Рожкова очевидно выражала позицию газеты «Власть Народа» и ее издателя Е.Д. Кусковой. На противостоянии второму исходу и продержалась газета до 1918 года. См. вступ. статью.

«...У ВАС ТАКОЕ ЗНАНИЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ, КАКОЕ РЕДКО НАЙДЕТСЯ У ПРИСЯЖНОГО ИСТОРИКА»

ПИСЬМА Б.И. НИКОЛАЕВСКОГО М. ГОРЬКОМУ
1922—1925 гг.

*Вступительная статья и примечания А.В. Евдокимова.
Подготовка текста Г.Э. Прополянис и А.В. Евдокимова*

Бориса Николаевского (1887–1966) нельзя назвать близким знакомым Алексея Максимовича Горького. Собственно, жизненные и творческие их пути пересеклись совсем не надолго. По крайней мере, если судить по переписке, общались они только в 1922–1923 гг. и немного в 1925 г. В настоящем издании мы публикуем тексты 29 писем (28 из которых впервые) Б.И. Николаевского, хранящихся в АГ. Обратные 24 послания (а также одно письмо Горького от 4 марта 1923 г.) были опубликованы в альманахе «Русский Берлин».

Письма Николаевского (равно как и Горького, отрывки из которых мы приводим в примечаниях) весьма любопытны с исторической точки зрения. Ведь именно в них затрагиваются самые разнообразные проблемы — от политических интриг русской эмиграции и социально-экономического положения Германии начала 1920-х годов до развития ситуации в Советской России, прежде всего, связанной с судьбой арестованных в это время и приговоренных к смертной казни эсеров. Но самое главное, в этих письмах отражены судьбы многих поколений русских революционеров не из числа пришедших к власти большевиков, чьи воспоминания или работы публиковались или планировались к публикации в журнале «Летопись Революции».

Впрочем, важность данной переписки обусловлена не только предметом обсуждения, но и неординарной личностью самого Бориса Ивановича Николаевского, историка и архивиста. Бывший меньшевик, он прекрасно ориентировался в хитросплетениях российских революционных партий начала XX века, знал и общался со многими политическими лидерами как в эмиграции, так и в Советской России.

Он сам участвовал в подготовке и осуществлении революции, и сам же, ужаснувшись ее последствиям, критиковал и боролся против того режима, который был установлен в результате всех потрясений.

В каком-то смысле двойственность в мировосприятии Николаевского была предопределена еще в юности, когда он, сын православного священника, присоединился к социал-демократам. Причем стал одним из видных деятелей РСДРП, ездил по всей России, от Санкт-Петербурга до Баку и от Екатеринослава до Омска, в качестве агитатора и пропагандиста, восемь раз подвергался арестам царской охранкой. Тогда он принадлежал к группе меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю.О. Мартовым. Очевидно, именно в то время он и завязал знакомство с последним, благодаря которому смог привлечь его уже в эмиграции, наряду с Горьким, к подготовке «Летописи Революции».

После Великой Октябрьской социалистической революции Николаевский занялся близкой ему научной деятельностью в Центральном архиве революционного движения. В декабре 1917 г. он был избран членом ЦК РСДРП, участвовал в организации Главархива РСФСР, был заведующим Московским историко-революционным архивом. И вполне возможно, что жизнь Николаевского сложилась бы совсем по-другому, если бы 26 февраля 1921 г. его не арестовали органы ВЧК по подозрению уже в контрреволюционной деятельности. Впрочем, ничего, кроме оппозиционных настроений и членства в ЦК РСДРП меньшевиков, очевидно, за почти год следствия инкриминировать архивариусу революции не удалось, и поэтому он был только лишь выслан из страны. С 10 января 1922 г. и до конца своих дней Николаевский жил в эмиграции. Сначала в Германии, где, собственно, и познакомился, благодаря сотрудничеству с издателем З.И. Гржебиным, с Горьким, а затем во Франции и США.

В 1920–1930-х годах, помимо «Летописи Революции», Б.И. Николаевский принимал участие в издании многих эмигрантских журналов, в частности «Новая русская книга» и «Современные записки». Некоторое время ему удавалось не порывать связь и с советскими изданиями — Николаевский печатался в журнале политкаторжан царского времени «Каторга и ссылка», «Архив Маркса и Энгельса», а также в «Летописи марксизма». Сотрудничество оборвалось в феврале 1932 г., когда Николаевский был лишен советского гражданства. С этого момента он стал яростным противником установившегося тогда в СССР сталинского режима.

Правда, и из Германии ему пришлось уехать. В 1933 году, когда канцлером стал Гитлер, Николаевский перебрался в Париж. И не с пустыми руками — при содействии представителя чехословацкого посольства Гофмана дипломатической и обычной почтой ему удалось вывезти архивы германской социал-демократической партии и русских революционных организаций. Много позже в интервью «Социа-

листическому вестнику» 1965 г. он вспоминал те события: «Я забрал эти материалы по просьбе Отто Вельса, председателя ЦК германской с.-д. партии, собственностью которой эти архивы были. Германские архивы, вместе с русским, были тогда перевезены, мною в Париж, где я стал их хранителем»¹.

Интерес к этим материалам, в частности, к документам К. Маркса, проявило советское руководство. В феврале-апреле 1936 г. в Париж прибыла делегация во главе с Н.И. Бухариным для переговоров о покупке документов из спасенного Николаевским архива. Однако официальными контактами общение не ограничивалось. В упомянутом интервью Николаевский заметил, что «в моих разговорах с Бухариным имелаась также неофициальная сторона». Находившийся в опале оппозиционный политик делился с Николаевским многим наболевшим, возможно, уже предчувствуя свою гибель. Во всяком случае, так показалось Николаевскому: «Бухарин о многом не говорил, о другом говорил намеками, но то, что он мне говорил, было сказано с мыслью о будущем некрологе...»²

На основе полученной от Н.И. Бухарина и французского коммуниста Шарля Раппопорта информации Николаевский написал материал без подписи «Как подготовлялся Московский процесс (Из письма старого большевика)». Речь в нем шла о политической ситуации в СССР, сложившейся после процесса по делу о так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» 1936 г., на котором Л.Д. Каменев, Г.Е. Зиновьев и другие подсудимые были приговорены к расстрелу.

В тексте Николаевского несколько раз упоминается Горький в роли своего рода примирителя различных группировок в советском партийном руководстве, причем имеющего немалый авторитет, в том числе, в глазах И.В. Сталина: «Большое влияние на него оказывал Горький. Это были месяцы, когда влияние последнего достигло апогея. Горячий защитник мысли о необходимости примирить советскую власть с беспартийной интеллигенцией, он целиком принял мысль Кирова о необходимости политики замирения внутри партии, ибо такое замирение, сплотив и укрепив партийные ряды, облегчит партии возможность морального воздействия на широкие слои советской интеллигенции»³. Но тем не менее возможности писателя, даже самого известного, в смягчении остроты борьбы были весьма, по мнению Николаевского, ограничены: «Он <Горький. — А.Е.> пользовался большим и, надо признать, благотворным влиянием на Сталина. Но Горький, при всей его влиятельности, не был членом Политбюро и не принимал непосредственного участия в выработке решений последнего»⁴.

Вера пусть в ограниченную, но все-таки влиятельность Горького сформировалась у Николаевского в 1922–1923 гг., когда они вместе

принимали участие в спасении приговоренных к смертной казни правых эсеров.

Этот процесс, продолжавшийся с июня по август 1922 г., был одним из первых трагических актов в длинной череде политических репрессий, обрушившихся сначала на противников большевиков, а затем на оппозиционные группы внутри самой ВКП(б). Показательно в этой связи то, что активными участниками суда над членами ЦК ПСР были многие из тех, кто потом сам окажется в роли подсудимых и обвиняемых. В тройку Политбюро, рассматривающего ход процесса, наряду с Ф.Э. Дзержинским и Л.Д. Троцким, входил Л.Б. Каменев, о трагической судьбе которого и истории взаимоотношений рассказывается в материале Л.Н. Смирновой, публикуемом в настоящем издании. Председательствовал на суде позднее репрессированный как троцкист Г.Л. Пятаков, а официальным обвинителем был Н.В. Крыленко, также павший жертвой необоснованных обвинений в годы сталинского культа личности. Л.Д. Троцкий, в дальнейшем главный критик режима, установившегося в СССР, в 1922 г. был абсолютно един во мнениях со своим заклятым соперником в борьбе за власть И.В. Сталиным. Оба считали необходимым применить к четырем правым эсерам высшую меру наказания — расстрел. Лидеры большевиков нисколько не сомневались в объективности обвинения. Так, М.Я. Лацис в предисловии ко второму тому «Красной книги ВЧК» от 10 июля 1922 г. заметил: «Присходящий сейчас процесс правых социалистов-революционеров вскрывает все, что было утаено, и скрытое становится явным»⁵.

Собственно, само дело возникло на основе материалов брошюры бывшего эсера, ставшего сотрудником разведывательного управления РККА Г.И. Семенова «Военная и боевая работа ПСР в 1917–18 гг.», а также двух писем-доносов его соратницы Л.В. Коноплевой. Одно из них, кстати, было адресовано видному деятелю ВКП(б) Л.П. Серебрякову, которому в будущем тоже суждено было стать жертвой сталинских репрессий.

Реакция мировой общественности на вынесение лидерам правых эсеров смертного приговора была жесткой и бескомпромиссной. О ней Николаевский сообщил Горькому в письме от июля 1922 г., приводимом ниже. Он стремился привлечь писателя, авторитетного для большевиков, к делу защиты несчастных эсеров. Подсказал же идею об участии в акциях в поддержку приговоренных к смерти Ю.О. Мартов. Об этом он написал Николаевскому 30 июня 1922 г.: «По-моему, сейчас нельзя терять ни минуты, и необходимо добиться, чтоб Горький выступил по поводу эсеров. Ведь совершенно ясно, что дело идет — и быстро — к кровавой развязке. При невозможности сделать теперь что-нибудь в Германии надо пустить в ход последние ресурсы: Горького и Ан. Франса. В прилагаемом письме я прямо предлагаю Горькому

обратиться к Франсу с просьбой о вмешательстве и опубликовать и свое обращение, и ответ»⁶.

В открытом письме Горького А. Франсу судилище в Москве охарактеризовано как «публичное приготовление к убийству людей, искренне служивших делу освобождения русского народа»⁷.

Горький обратился также с протестом непосредственно к А.И. Рыкову, а через него к Л.Д. Троцкому и другим вождям большевиков. «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — писал он, — это будет убийство с заранее обдуманым намерением, гнусное убийство»⁸.

Фактически Горькому ответил Н.И. Бухарин, заметивший по поводу участия писателя в акциях меньшевиков в поддержку эсеров: «Я вот смотрю — Вы все возитесь с меньшевистским говном <...> Ну чего Вам с ним возиться, скажите на милость? С этими социалистическими сиреневыми трупиками и тому подобными кокаиниками а la Вертинский в политике»⁹.

Неизвестно, ознакомил ли Горький с содержанием этого послания Николаевского в этой части. В своих письмах, по крайней мере, о такой оценке писатель умолчал. Следует это и из последующих воспоминаний Николаевского о встречах с Бухариным в 1936 г. В интервью 1965 года, данном «Социалистическому вестнику», он заявил, что знал настоящую роль последнего в эсеровском процессе, что тот, хотя и был обвинителем на процессе, «за кулисами противился казни подсудимых»¹⁰. Потом уже Николаевский, когда Бухарин вспомнил его в показаниях, будучи обвиняемым на суде над «право-троцкистским блоком», интерпретировал данный сюжет в их разговорах как скрытый намек на возможную поддержку: «...это напоминание не могло иметь иного значения, как призыв повторить в 1938 г. то, что меньшевики с таким успехом сделали в 1922, в дни суда над эсерами, т.е. поднять кампанию протестов за границей, которая сделала бы невозможным применение смертной казни»¹¹. Тогда подобные акции, в том числе вышеупомянутые обращения Горького, привели к тому, что Бухарин дал гарантию на совещании представителей трех Интернационалов неприменения смертной казни к эсерам.

Жесткий ответ Бухарина Горькому вызван не только защитой приговоренных к смерти подсудимых, но и его настоятельными просьбами смягчить позицию большевистского руководства в отношении издательства З.И. Гржебина. Отказ Политбюро от сотрудничества с ним фактически разорило это предприятие, привело, в том числе, к прекращению выпуска журнала «Летопись Революции». Вторая книга, содержание которой обсуждают в своих письмах Горький и Николаевский, так и не была опубликована. Хотя в анонсе, напечатанном в первом номере, сообщалось, что «журнал будет выходить каждые три месяца книжками от 20 до 25 печатн. листов»¹².

Обещала редакция участие многих общественных деятелей и писателей, в том числе П.Б. Аксельрода, Э. Бернштейна, Р.Б. Гуля, Н.Н. Суханова, В.Б. Шкловского, А. Белого, Ю.О. Мартова и М. Горького. Двое последних, собственно, входили в редколлегия журнала, правда, скрыто. Идя навстречу Горькому, не желающему афишировать свое сотрудничество с «Летописью Революции», первый номер был выпущен 15 января 1923 г. без указания тех, кто над его составлением, собственно, работал.

Поэтому программное обращение «От редакции» получилось анонимным. «Мы, — говорилось в нем, — предпринимаем выпуск журнала, посвященного изучению и с т о р и и р е в о л ю ц и и (разрядка редакции «Летописи Революции». — *А.Е.*). Своей задачей издание считало сбор и, “в меру возможности”, исследование “материала для изучения прежних революционных движений и незаконченной нынешней революции...”»¹³ При этом редакция журнала собиралась отразить максимально широкий спектр мнений. В обращении особо подчеркивалось, что “Летопись Революции” не связывает себя в выборе сотрудников никакими партийно-политическими рамками»¹⁴.

Очевидно, сторонником создания внепартийного журнала был Б. Николаевский. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо к Горькому от 24 сентября 1922 г., публикуемое ниже. Писатель придерживался такой же точки зрения. В записке начала марта 1923 г. он призывал Николаевского: «Не перегружайте его <Летопись Революции. — *А.Е.*> материалом партийным»¹⁵.

Первый номер «Летописи Революции» действительно получился внепартийным. В него включены работы Ф. Энгельса «Положение дел в России в 1871 г.», Ф. Дана «К истории последних дней Временного Правительства», Е. Бройдо (Гордон) «Группы “Социалист” и “Рабочая Библиотека” 1899–1901 гг.», Г. Максимова «В годы войны (из записок анархиста)» и многие другие. Открывал же том очерк М. Горького «В. Короленко (глава из воспоминаний)».

Тем не менее излишняя политизированность издания смущала Горького. Правиль исторический журнал, который формируется в основном из материалов и воспоминаний политических и общественных деятелей, показалось ему слишком трудной и тонкой задачей. Об этом он заявил Николаевскому в письме от 24 января 1923 г. Оно цитируется нами в примечаниях.

Не удался ему, как считал сам Горький, и очерк «Савва Морозов», предназначенный для второго номера «Летописи Революции». В упомянутой записке марта 1923 г. он согласился с критикой этого произведения, прозвучавшей в письмах Николаевского от 4 и 8 марта 1923 г., которые приведены ниже: «Вы видите, что я был прав. Попробую что-нибудь сделать, но — не обещаю»¹⁶.

Возможно, Горький отказался от дальнейшего сотрудничества с журналом из-за критики его идейных позиций, изложенных, в частности, в его работе «О русском крестьянстве». В своем письме З.И. Гржебину от 1 ноября 1922 г. он именно так обосновал свое желание покинуть «Летопись Революции»: «Я думаю, — я уверен — что отношение ко мне, вызванное моими взглядами на крестьянство будет усиливаться и, несомненно, повредит делу “Летописи” — делу очень ценному.

Поэтому я еще раз настоятельно предлагаю членам редакции “Летописи” вычеркнуть мое имя из состава редакционной коллегии.

Надо согласиться, что делу это <не> повредит, а лишь поможет его росту — и я прошу удовлетворить просьбу мою»¹⁷.

В целом же проект Горькому нравился. Привлек писателя к участию в нем Николаевский, приезжавший с этой идеей в Сааров, где Горький жил в это время. Понравилась эта идея и Гржебину. Он был не против, по его словам, «печатать от Ленина до Шульгина и еще правее, если это будет талантливо и правдиво (вернее искренно)». Гржебин имел в виду цикл воспоминаний общественных деятелей России самых разных идейных течений.

Параллельно с журналом «Летопись Революции» Николаевский готовил и одноименную «библиотеку мемуаров» видных российских революционеров. Последняя начала выходить раньше — с 1919 г., когда была опубликована в Петрограде книга А. Луначарского «Великий переворот». Фактически данные проекты должны были взаимно дополнять друг друга. Анонс 16 книг также был напечатан в первом номере журнала. В числе прочих там представлены книги Н. Суханова «Записки о революции», А. Луначарского «Великий переворот», Ю. Мартова «Записки социал-демократа», В. Чернова «Записки социалиста-революционера». Книга 1 «В годы безвременья», Ф. Дана «В дни революции», Н.С. Русанова «Из моих воспоминаний» и П.Б. Аксельрода «Пережитое и передуманное».

После развала издательства З.И. Гржебина Николаевский предложил через представителя Института В.И. Ленина Н.С. Ангарского выпустить книги русских революционеров в Советской России. В результате в московском издательстве «Красная новь» вышли упомянутые выше «Записки социал-демократа» Ю. Мартова.

Переписка с Горьким, во всяком случае, дошедшая до нас, оборвалась в 1925 г. Алексей Максимович уехал в Италию, в Сорренто, погрузился в совсем другие проекты. Николаевский остался в Берлине и продолжал работу с архивами. Однако главной причиной того, что они не поддерживали в дальнейшем отношения, стали все-таки идейные расхождения, ибо Николаевский был ярким врагом Советской власти.

По письмам Николаевского трудно составить представление о его подлинном отношении к Горькому — практически все они посвящены

сугубо деловым отношениям. Однако то, как он уговаривал писателя не прерывать сотрудничество с «Летописью Революции», думается, вызвано не только заинтересованностью в нем как в редакторе, но и глубоким уважением. По тому, как и какие вопросы Николаевский задавал Горькому, чувствуется, что он воспринимал писателя как наставника в редакторско-издательском деле. По крайней мере, мнение Алексея Максимовича было для него чрезвычайно важным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью Б. И. Николаевского // Социалистический вестник. 1965. № 4. С. 80.

² Там же. С. 93.

³ Как подготовлялся Московский процесс (Из письма старого большевика) // Социалистический вестник. 1937. № 1–2.

⁴ Там же.

⁵ Лацис М.Я. Предисловие // Красная книга ВЧК. Т. 2. Под ред. А.С. Велидова. М., 1990. С. 3.

⁶ Ю.О. Мартов. Письма и документы (1917–1922) / Составитель Ю.Г. Фельштинский. // цит. по: www.lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/martov.txt

⁷ АГ. ПГ-рл-61-18-3.

⁸ АГ. ПГ-рл-37-60-14.

⁹ АГ. КГ-од-1-43-3.

¹⁰ Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью Б. И. Николаевского // Социалистический вестник. 1965. № 4. С. 82

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Летопись Революции. 1922. Кн. 1. С. 319.

¹³ От редакции // Летопись Революции. 1922. Кн. 1. С. 5.

¹⁴ Там же. С.6.

¹⁵ Русский Берлин. С. 391.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 372.

1. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

7 июля 1922, Берлин

7/VII Berlin.

Уважаемый Алексей Максимович!

Высылаю Вам текст французского перевода В<аших> писем. Немецкий перевод печатается сегодня в газетах¹.

Новости, какие имеются, я сообщал Вам в письме, посланном с Гржебиным. К Вам у меня еще одна просьба: не забудьте насчет необходимости извлечь Ваш архив для использования в первом же номере «Летописи». Если нужно, я могу сходить к Ладыжникову, но для этого надо иметь Ваше письмо.

Е.Д. Кускова писать отказывается: она сейчас носится с идеей «республиканского союза». Знаете: я ее видел здесь 3 раза и раз от разу чувствуется, что человек все больше и больше увязает в эмигрантщине. Вчера она и особенно С.Н.² в очень двусмысленных тонах говорили даже о возможности работать с группой «Руля»³. А как она ругала 3 недели тому назад!

Желаю всего доброго.

Б. Николаевский

2. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

Июль 1922, Берлин

Уважаемый Алексей Максимович!

Шлю Вам ту монархическую литературу, о которой говорил («Двугл<авый> Орел»¹, Графа, Наживина²), а также любопытный бред сумасшедшего Бостунича³.

Письма А.И. отправил летучей почтой (квитанцию прилагаю⁴). Письма к Франсу и копия письма А.И. посланы в «Populaire»; перевод сделал Мартов⁵; один экземпляр перевода прилагаю. Сегодня, самое крайнее завтра письмо будет у Франса и, след., появится в газетах.

Из новостей о процессе известно след.: по с.-р. источникам, решение ЦК РКП таково: смертных приговоров будет вынесено 22, но позже 17 будут «помилованы», а расстреляют пятерых — Гоца, Донского, Тимофеева, Иванова и Иванову.

Главное, логи масонств требуют от Гааги не вступать ни в какие разговоры с Сов<етским> Прав<ительством> до тех пор, пока оно не даст гарантии неприменения смертной казни по делу с.-р. Число

вынесенных новых резолюций протеста очень велико, в т.ч. съезд Англ. Раб. Партии, Пражская Гор. Дума и т.д.

В Москве трибунал постановил вызвать на суд в качестве свидетелей деятелей чехословацкого восстания 1918 г. из Чехии. Подробностей еще нет.

В Берлине все по-старому: вчера покушение на Макс. Гардена⁶. Демонстрация вышла небывало грандиозна и прошла с огромным подъемом.

Вот, кажется, и все новости.

Крепко жму руку.

Б. Николаевский

3. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

10 сентября 1922, Берлин

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Вчера Вам отправлена корректура Ваших воспоминаний¹. По поводу нее хотелось бы спросить у Вас следующее: в рукописи, пришедшей из типографии, нумерация страниц сбита, — после 9-ой идет прямо 31. Типография заявляет, что так и было. Я, хотя мне и помнится, что нумерация была правильной, утверждать противного не могу. Сообщите, пожалуйста, есть ли пропуск в тексте. Тогда будем скандалить.

Привет.

Б. Николаевский

4. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

24 сентября 1922, Берлин

24/IX.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Несколько раз за последнее время хотелось мне съездить к Вам, но все было совестно беспокоить без дела. И без того Вам много надоедают! А за последние дни съездить уже нужно, но трудно вырвать время: Вы так далеко живете, поезда к Вам такие неудобные, что ехать — это значит нужно ночевать и потратить два рабочих дня. К тому же Зин<овий> Ис<аевич> убедил меня, что Вы в это воскресенье будете в Берлине¹, и я надеялся переговорить с

Ваши устно. Теперь эти надежды лопнули, и я прибегаю к чернилам, которых, вообще говоря, предпочитаю избегать.

С № 1 у нас дело почти окончено. Начали уже сдавать в печать рукописи. Его содержание будет след<ующим>: 1) Ваши воспоминания и письма к Вам В<ладимира> Г<алактионовича> (3 ½ печ<атных> листа); 2) Бернштейн Э.: «Воспоминания о Лаврове и Драгоманове» (27 т.б.)²; 3) Чернов «От «Рев<олюционной> России» к «Сыну Отечества»» (с<оциал>-р<еволюционеры> в конце 1905 г.); 4) Е. Бройдо: «Группа Рабоч<ей> Библ<иотеки> и “Социалист”» (1899–901 г.); 5) большевистские карикатуры 1904 г. с пред<исловием> Дана и по всей вероятности, — меньшев<истские> карикатуры на II съезде (1903 г.) с пред. Мартова (последние извлекаем из архива Бебутовского)³; 6) Дан «К истории последних дней Врем<енного> Правит<ельства>»; 7) Маргулиес «Яское Сове<щание>»⁴; 8) И. Каховская: «Акт над Эйхгорном»⁵; 9) Сумский: «Киев до гетмана»⁶; 10) Е.Б.: «Френсис о русской революции» (краткое изложение мемуаров америк<анского> посла)⁷ и затем критика и библиография. Если успеем, постараемся вставить иностранный отдел: на виду у нас неизданная статья К. Маркса (ее обещал прислать Фр. Адлер — нашел в бумагах отца), письма Маркса (2) из посл<еднего> тома Грюнберговского «Архива» и письма Р. Люксембург к Луизе Каутской⁸. Да — пропустил еще статью Максимова: «В годы войны» (записки анархиста).

Содержание, по-моему, достаточно разнообразное. Есть все партии, нет засилья меньшевиков. Нет лишь коммунистов, но те абонированы «Истпартом». С правыми элементами плохо: бойкотируют. Больше того, даже отговаривают других. Так, совсем согласился дать статью О.О. Грузенберг, но вчера сообщил, что до выхода № 1, который выяснит ему физиономию журнала, он от участия воздержится. Буду еще с ним говорить, — условился на завтра о встрече, — но переубедить не надеюсь. А очень жаль: у него и статья интересна, и хорошо бы он подкрепил «правый фланг» нашего журнала.

В дальнейшем, думаю, у нас будет лучше. Обещали свои статьи ряд с.-р. (Слоним⁹ — об Уфимск<ом> совещании и Директории; Гуревич В.Я.¹⁰ — о работе в М<инистерст<ве> Вн<утренних> Дел 1917 г., Шрейдер Т.И.¹¹ и др.), лев<ые> с.-р. (Камков, Шрейдер А.А.); есть интересные воспоминания максималиста Володина о работе повстанческого штаба на Дал<ьнем> Востоке в 18–20 гг.¹²; много надежд на интересные материалы о западноевропейских делах... Думаю, что удастся сорвать и блокаду буржуазных элементов. В частности, М.М. Грап уже обещал дать статью, а также поговорить с Тейтелем¹³. Затем пишет свои воспоминания А. Белый¹⁴.

Очень хочется мне уговорить и Вас дать что-нибудь во второй номер. Вы говорили про воспоминания о 1905 г., в дни свободы, или про Савву Морозова¹⁵. И то, и другое было бы дивно хорошо. Первое, конечно, лучше — интереснее для исторического журнала, но Савва Морозов, я знаю, у Вас выйдет очень колоритным, б.м., даже более колоритным.

Затем мне хотелось бы спросить Вас, как у Вас обстоит дело с архивом. Получили ли Вы его? Я все надеюсь на то, что Вы из него что-нибудь нам дадите.

Это, кажется, все дела, касающиеся редакции.

Из России идут жуткие вести. Аресты и ссылки без конца, кошмарные условия в лагерях, голод ссыльных. Организации ушли в подполье. Странно как-то теперь, в 1922 г., читать партийные журналы, выходящие на гектографе переписанными от руки¹⁶!

Не буду занимать Ваше время. И без того отнял его больше, чем хотел.

Желаю всего доброго.

Б. Николаевский

5. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

6 ноября 1922, Берлин

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Зиновий Исаевич передал мне Ваше письмо от 1/XI. Так как он собирается завтра ехать к Вам, то я тороплюсь с ответом.

Простите, если он будет несколько беспорядочен. У него большое несчастье: врачи признали положение Ю.О. Мартова почти безнадежным. Нашли у него страшно запущенную чахотку горла. Проф. Kutner сказал, что это едва ли не самый тяжелый из виденных им случаев.

Возможность выздоровления он почти не допускает: «чудеса бывают». Срок развязки может быть оттянут, но может прийти и в течение недели. Ю.О. еще не понимает всей тяжести своего положения. Принимаются меры. Завтра он ложится в санаторий лучшего в Берлине горловика. Мы все еще верим в огромную жизненную силу цедербаумовской семьи, но этой веры с каждым днем все меньше. Ю.О. угасает буквально не по дням, а по часам. Я был у него последний раз в субботу, — сегодня совсем не узнал: еще больше впали глаза, заострился нос, цвет лица стал пергаментно-желтым. Работать не запрещают.

Вы поймете, какой удар для нас всех его друзей. Огромный удар

и для журнала, так как человека с такими знаниями уже не найти.

Теперь вернусь к вашему письму. В нем есть два разных момента: первый — Ваше имя в списке членов редакции вредят делу журнала; второй — такая вывеска не соответствует фактическому положению дел.

Позвольте мне прежде всего совершенно устранить первый. То, что ряд лиц мотивом своего отказа работать в «Летописи»¹ выдвинул наличие вашего имени в списке членов редакционной коллегии, что, конечно, факт. Но Вы сильно ошибаетесь, если думаете, что отказы мотивируются только Вашим именем: были мотивированы именами Суханова, Мартова, Гржебина. Если считаться с ними со всеми, то журналу пришлось бы остаться и без редакторов, и без издателя. Не думаю, чтобы это было для журнала лучше?

В конце концов в этом вопросе мы можем быть такими же судиями, как и Вы. И мы во всяком случае с мнением эмигрантской кумушки считаться не намерены.

Значительно более серьезно Ваше второе указание. Вина в этом в значительной степени моя, — я это Вам говорил и во время нашей последней беседы. Выработать к.-н. модус в дальнейшем придется. Но пока мы не можем не считаться с фактом, не можем не признать справедливым Вашего намерения фигурировать в списке членов редакции журнала, редакторских прав в котором Вы не могли использовать. Мы понимаем, — хотя и убеждены, что в номере нет ни одной строки, под которой Вы не смогли бы с чистой совестью поставить Вашей редакторской подписи, — что Вам может казаться неудобным. Поэтому мы пришли к выводу, что лучше № 1 выпустить совершенно без указания редакции². Ведь все равно в ближайшем будущем ее придется перестраивать. До этого общего пересмотра вопроса мы просим и Вас отложить свое решение. Поверьте Вашим именем мы не злоупотребляем. Правда, когда речь заходит о составе редакции, мы его не скрываем, — иначе получилось бы, что мы его прячем, чего мы отнюдь не намерены делать, — но на показ особенно не выставляем и не выставим. Очень неприятно, если это приносит Вам пару лишних глупых писем. Но ведь от них все равно не уберетесь, а будет ли их на 100 больше или меньше — что за беда. Среди русских пословиц по этому поводу есть много хороших!

Так позвольте же оставить дело пока в таком положении: формально пока до общего пересмотра все остается по-старому, журнал выходит без списка редакции. После выхода № 1 обсудим.

Крепко жму руку.

Б. Николаевский

6. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

9 ноября 1922, Берлин

9.XI.22.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

З<иновий> И<саевич> передал мне о Вашем намерении написать Ю<лию> О<сиповичу>. Это будет очень хорошо. Ю<лию> О<сиповичу> будет очень приятно Ваше внимание. Но я хочу Вас ознакомить с моим последним разговором с Ю<лием> О<сиповичем> по вопросу редакции, — чтобы у Вас не проскочило к<акой>-л<ибо> нотки, могущей встревожить Ю<лию> О<сиповича>. Я Вам уже писал, что он не понимает всей тяжести своего положения и хочет во что бы то ни стало остаться в редакции. Убеждает, что, даже уехав в Шварцвальд, он сможет читать рукописи и пр. и сильно волнуется при намеке на затруднительность этого¹. С этим приходится считаться. Разговор пришлось вести в другой плоскости — о том, что надо иметь в Берлине <нрзб.> для срочных дел, разговоров с издателем и пр. Тут он согласился и выдвигает на должность, так сказать, «зама» кандидатуру Ф.И. Дана. Считайтесь, пожалуйста, с этим в письме.

Завтра, кажется, отправлю Вам корректурные листы: типография обещала. Нет ли у Вас желания написать пару страничек о книге В.Н. Фигнер? Ей исполнилось 70 лет и будет очень хорошо, если мы отметим это. Думаю, лучшей формой будет не спец. статья, а рецензия на ее «Запечатле<нный> труд»². Благо, сейчас только что пришел т. II, посвященный годам Шлиссельбурга. Мог бы написать я, но, не говоря уже о том, что я писал о ней в «Нов<ой> Рус<ской> Книге» и неприятно повторяться, будет более приятно для В<еры> Н<иколаевны>, если это сделаете Вы. Если согласны — черкните. Том II на всякий случай шлю (первый у Вас есть).

Крепко жму руку.

Б. Николаевский

7. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

14 ноября 1922, Берлин

14.XI.22.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Одновременно с письмом шлю оттиски статей¹. Завтра верстаем.

Особо мне хочется обратить Ваше внимание на статью Максимова: «В годы войны (записки анархиста)»². Она без конца. Вторая часть ее (я также шлю и ее — она переписана на машинке) совершенно свободно может быть отсечена.

Сообщите, как Вы думаете, стоит ее напечатать (тогда поставим: «Оконч. следует») или нет.

С приветом.

Бор. Николаевский

8. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

Ноябрь 1922, Берлин

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Едет к Вам В.Б. и берет с собой корректуры. Шлю также рукопись — письма И.С. Аксакова к редактору выходившей в Берлине в 1909–11 гг. правой газеты «Берлинский Листок»¹. Тема — не вполне наша. Но, б<ыть> м<ожет>, письма интересные. Я еще не прочел — вчера только получил и занят версткой.

Всех благ.

Б. Николаевский

9. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

21 ноября 1922, Берлин

21.XI.22.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю Вам 3 книги: «Грядущий Мир»¹, «Былое»² и «Былины»³. Мартов вчера уехал в Шварцвальд. М<ежду> пр<очим>, он о Гапоне рассказывает нечто такое, что заставляет сомневаться в полноте Ваших сведений⁴. Гапон с ним лично говорил об этом оружии, заявляя, что оно должно быть распределено среди всех револ<юционных> партий, что с б<ольшевика>ми у него сношения уже есть, и прося дать связи с прг. меньшевиками. Поэтому, мне кажется, более целесообразно примечание средактировать так:

«По имеющимся в редакции фактам, сведения автора о характере сношений Гапона с большевиками не вполне точны; в частности, «Виктор» (Баженов) членом Ц.К. никогда не был. Редакция

рассчитывает к этой теме вернуться в одном из ближайших NN.
Прим. ред.»

Привет.

Б. Николаевский

10. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

27 декабря 1922, Берлин

27.XII. 22.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Одновременно с этой открыткой шлю Вам рукопись того романа Дейч¹, о котором я Вам говорил во время последнего посещения. Она просит Вас прочесть и дать отзыв.

Зин² Исаевич сейчас передал мне Ваше мнение о № 1². Я не знаю, правы ли Вы, — здесь я слышал несколько иные мнения, но, правда, от людей «партийных», кот³орые являются совершенно своеобразными оценщиками, — во всяком случае, хотелось бы поговорить с Вами более подробно. Почему Вы этого не говорили во время нашей последней беседы?

Желаю всего хорошего.

Б. Николаевский

11. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

9 января 1923, Берлин

9.I.23.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Шлю Вам небольшой пакет с поступившими в раб⁴оту мелочами. О них поясню: программа неосуществившейся газеты «Народник» найдена мною в архиве Лавровского «Впереда»¹ и относится к 77–78 гг.; к ней Дейч написал страничку воспоминаний, — на этот раз краткую; я дам еще небольшой коммент⁵арий по литерат⁶урным и архивн⁷ым материалам. Я и Ю⁸лий О⁹сипович думаем, что стоит пустить: совершенно мало знакомая страница истории. Далее шлю Тасина²; он написал гладко, но пусто; я его сильно подрезал; в частности, целиком зарезал главу о тюрьме: многословно, бессодержательно. Ю⁸лий О⁹сипович со мной в этой кастрации согласен. На всякий случай Вам шлю не только то,

что оставили, но и что зарезали. Читать Вы не обязаны, но если захотите — просмотрите. Б<ыть> м<ожет>, Вы иначе ее расцените. Других рукописей еще не поступало: начнут поступать с конца месяца.

Шлю также две книги: Вырубову³ и Гоп. Мин. Вырубову еще сам не прочел, — только сегодня получил и едва успел просмотреть. По-видимому, книга очень любопытная. Шлю Вам первому, т.к. в ней есть о Вас, но Вы поторопитесь с чтением. Думаю, дать в № 2 рецензию. Не знаю только, кому поручить. В дополнение ко всему шлю Вам книгу жены Дейча, — автора того романа, кот<орый> Вы тоже хорошо пробрали. Книга очень спорна, и я немного колебался, браться ли за передачу. Но т.к. читать ее необязательно, то пересылаю.

Пока все. Крепко жму руку.

Да: прилагаю и письмо Мартова. Оно все о редакц<ионных> делах. Но как Вы его прочтете? Почерк у Ю<лия> О<сиповича> и вообще-то жестокий, а теперь, когда он пишет лежа, совсем неразборчиво. Письмо это тоже верните.

Б. Николаевский

12. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

20 января 1923, Берлин

20.1. 23.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Шлю Вам две рукописи, — Чернова и Борисова. У Мартова они еще не были, — он чувствует себя снова хуже, и ему трудно даже читать. Пошлю немного позднее. Т.ч. рукописи прочел только Ч<ернов>, да и то последним из всех. Дайте Ваше заключение, — стоит ли их печатать? Мы ничем не связаны, — можем не принимать. Мое мнение таково: Чернов безобразно длинен (около 200 тыс. букв), надо сильно сократить¹. Я уже нащупывал почву — автор согласен в принципе. М.б., Вы, если согласитесь с тем, что печатать стоит, сделаете пометки? Только шадя самолюбие автора, делайте их не в тексте, а отдельно; я [же] потом с ним поговорю: он от меня также указания примет легче, чем от Ю<лия> О<сиповича> или Вас. Вообще же печатать ее стоит: об этом периоде имеется очень мало данных: Чернов — фигура крупная. Кажется, удастся получить о том же периоде воспоминания Меншикова².

Что касается до Борисова, то о Бессарабии в литературе нет

ничего, но написал он настолько топорно. Если найдете нужным делать поправки, делайте на оригинале³.

У меня есть еще кое-какие материалы, но я их должен еще посмотреть. Т.к. к февралю надо сдавать в набор, то хорошо было бы, если б Вы могли прочитать его рукописи к понедельнику: я думаю к Вам приехать, чтобы лично поговорить. Если Вы в понедельник заняты, то позвоните в издательство.

Пока всего хорошего. Как Ваши воспоминания о Бугрове и Морозове⁴? Скоро их дадите?

Б. Николаевский

13. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

23 января 1923, Берлин

23.I.23.

Дорогой Алексей Максимович!

Проговорили мы вчера долго, а насчет ряда существенных пунктов я все же забыл Вас спросить. Прежде всего, для меня осталось непонятным, должен ли я передать Гржебину Ваши слова о намерении прекратить работу в издательстве¹? Для меня это неясно, а потому я пока что ничего говорить не стану. Не скрою, что к этому меня побуждает и маленькая надежда на то, что, б<ыть> м<ожет>, Ваше решение, по крайней мере, в части «Летописи», не будет бесповоротным. М.б., мы как-нибудь так наладим дело, чтобы редактирование отнимало у Вас minimum времени? Во всяком случае, до получения от Вас прямого о том указания, я никому о Вашем заявлении не сообщал (кроме, конечно, Ю<лия> О<сиповича>, от кот<орого> в редакции тайны само собою быть не может), да и вообще я грешным делом предпочел бы, если б сообщение об этом Вашем решении Грж<ебин> получил от Вас лично, а не через меня (у меня и так слишком много выходит с ним острых разговоров). Только подчеркните, если можно, что делаете это по мотивам, не касающимся ведения «Летоп<иси> Револ<юции>».

Затем, насчет писем Николая П. Если вопрос о разрешении напечатать несколько из них будет разрешен в отрицательном смысле, то не удастся ли провести след<ующую> комбинацию: получить разрешение Водозову² ознакомиться с письмами как Н<иколая>, так и А<лександр> Ф<едоровны>, для того, чтобы он мог в своей статье указать как исказило «Слово»³ эти документы и

подчеркнуть значение предстоящего появления их в полном виде. Я думаю, что это в интересах и будущего их издателя, и, б.м., «Книга» на это пойдет охотнее.

Шлю Вам VI, VII «Архива»⁴. Не забудьте моей просьбы о стенографистке для Церетели: он мне сегодня опять звонил. Говорит, если будет стенографистка, кончит диктовать воспоминания в 15–20 «сеансов». В виде компенсации — предлагает на выбор главу для «Летописи Революц.».

Всего хорошего.

Б. Николаевский

P.S. Утром выбрался с трудом. По крайней мере, четверть часа звонил во все звонки, — ни до кого не дозвонился. Ушел так, оставив дверь открытой. Не знаю, обошлось ли благополучно?

14. Б.Н. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

1 февраля 1923, Берлин

1. II. 23.

Я очень извиняюсь, Алексей Максимович, что так задержался с ответом: было много хлопот, начали прибывать новые ссыльные из России. Затем весть о Тимофееве, — он объявил голодовку с требованием расстрела или освобождения¹. Сообщение это вполне достоверное, получено нами, а не с «социал»-«революционерами»; Т<имофеева> я знаю близко, — знаю, что его решение не шутка.

Много было разговоров с авторами. Чернов согласился на все предложенные сокращения: беседы с крестьянами подрезаны, рассказ Тимофеева выкинут целиком и т<ак> д<алее>; всего сокращено почти на 1 печ<атный> лист². Бернштейн дал право на исключение его письма к Штутгартскому Конгрессу³. Укр<аинское> дело пошлю Ю<лию> О<сиповичу>, — он окончательно решит, брать ли что-нибудь⁴.

Вы правы, когда говорите, что к воспоминаниям и историч<еским> статьям нужно применять иной критерий пригодности, чем к худож<ественным> произведениям. И, тем не менее, я не согласен с Вами, когда Вы делаете выводы об отсутствии у Вас качеств, необходимых для редактора исторического журнала. Не говоря уже о том, что у Вас такое знание последних десятилетий, какое редко найдется у присяжного историка; Вы обладаете главным, что нужно редактору историч<еского> журнала, как и

всякому другому редактору, — чутье значения вещи в целом. Возьмите В<аши> последние замечания о рукописях Чернова и др. — с ними трудно не согласиться. Единственно серьезные, по моему глубокому убеждению, из Ваших доводов — указания на недостаток времени. Мне, порой, и самому кажется, что грех отнимать В. время на чтение и правку чужих рукописей: если Вы за это время написали бы хоть одну лишнюю страничку к так удающимся Вам воспоминаниям, — то это было бы лучше. А на правку рукописей найдутся и чернорабочие. Но я думаю, что мы сведем трату В. времени к минимуму.

Шлю Вам еще 3 Ваших книги, — вернулись от Ю. О., — а также № «Соврем<енника>» с В<ашими> воспоминаниями о Каронине⁵. Эту последнюю книгу взял под строжайшую ответственность из архива Герм<анских> С<оциал>-Д<емократов>.

Кажется, все. Не буду больше задерживать.

Привет.

Б. Николаевский

15. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

Конец февраля 1923, Берлин

13. II. 1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Большое спасибо за вести из России. Мы последнее время ничего не имели и немало беспокоились. Есть ли специальная санатория для арестованных в Крыму — не знаю¹. Не слышал. Но, вообще говоря, зная достаточно большевиков, нельзя считать это сообщение совершенно невероятным. Я бы даже скаламбурил: этот проект достаточно нелеп, чтобы быть правдоподобным. Ведь держала же В.Ч.К. Спиридонову в течение целого почти года в санатории для чекистов². Почему же не может она поместить Тимофеева и Гоца в какой-нибудь из крымских санаториев для сотрудников Г.П.У.? Выпускать за границу не хотят, — слишком много шума будет; держать дальше — вечные скандалы. Во всяком случае, для сидящих это будет хорошо.

Цаликова пока прочел только первые 50 страниц первого (3-го) тома. Длинновато, но очень интересно. По-моему, надо печатать, сократив, конечно. Но представителя Ц<аликова> как найти? У Грж<ебина> его адреса нет, — по крайней мере, они не помнят. М.б., он есть у Вас? Тогда пришлите. Как вообще рукопись попала к Вам?

Через издательство или нет? И как Вы думаете, — издавать Ц., отдельными книгами, или частями пропускать в журнале³? Если бы было возможно, я предпочел бы второе, да и Грж~~ебин~~ хочет все внимание сосредоточить на журнале, пуская отдельными изданиями книги очень немногие. Это, конечно, затянет дело (так, первую часть третьего тома можно будет, после сильного сокращения, пропустить в 2 книгах).

Посылаю Вам рукопись первого тома ген. Шварца⁴. Она целиком занята военными делами, и не знаю, насколько подходит для серии (он ставит обязат~~ельным~~ условием отдельное издание), но напечатание ее он ставит непременно условием предоставления нам тома второго, кот~~орый~~ посвящает годам революции. Я списывался с ним, он хотел первый том дополнить (я указывал на необходимость ввести не только военные воспоминания, а у него были интересные разговоры, напр~~имер~~, с Гучковым), но теперь получил предложение в воен~~ную~~ академию в Соед~~иненные~~ Штаты, куда и едет на днях. Т~~ак~~ ч~~то~~, боюсь, никаких дополнений не даст. Давно обещал прислать конспект второго тома и тоже затянул. Как быть — не знаю. По существу бы, надо отказаться, но не хочется брать на себя отклонение «первого» собственного генерала.

Из России новостей мало. Много арестованных, в том числе ряд товарищей, бывших на нелегальном. Эти последние сидят в отчаянно скверных условиях и предаются суду. Какой будет приговор — не знаем.

По редакции рукописей поступило очень мало: принес Максимов воспоминания о 1919 г. в Харькове. Скучно. Не буду даже слать Вам, прямо верну. Записки одного чернопередельца — Гецова о минской тип~~ографии~~ «Черн~~ого~~ Перед~~ела~~»⁵. На мой взгляд, очень любопытны. И невелики (стр~~аниц~~ 10). Сейчас Дейч делает к ним примечания. Потом пришлю. Затем Суликим, — это все. Главных поступлений жду до конца месяца.

От Ю~~лия~~ О~~сиповича~~ вести о сильном упадке у него настроения. Хандрит. Если остается на несколько дней один, без приезжих, то от нервничанья поднимается температура. А, с другой стороны, частые гости — много разговоров, вредных для его глотки.

Пока всех благ. Думаю на этой неделе быть у Вас. Кстати: не нужно ли Вам каких-либо книг из старых изданий? Я привожу сейчас в порядок партийный архив, где собрано очень много старой нелегал~~ьной~~ литературы и книг по истории рев~~олюционного~~ движения. Могу добыть.

Б. Николаевский

16. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

15 февраля 1923, Берлин

15.II.

Дорогой Алексей Максимович!

Сейчас получил письмо от старика Зунделевича¹. Я послал ему нашу «Летоп<ись> Рев<олюции>»; он прочел Ваши воспоминания, и так они ему понравились, что хочет устроить перевод их на английский. Уже нашел переводчицу — пишет, что очень хорошая. Запрашивает согласие издательства. Я уже ответил ему, чтобы он пока ничего не предпринимал, т.к. Вы, если не ошибаюсь, уже уступили право перевода на англ<ийский> язык. Но, на всякий случай, сообщаю Вам. Какой дать ему окончательный ответ?

Крепко жму руку.

Б. Николаевский

17. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

28 февраля 1923, Берлин

28.II.1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Ждал Вас в городе, — и отчаялся. А дел накопилось немало. Прежде всего, поступил ряд рукописей. Из них шлю Вам три: 1) Володин: «К истории Гайдовского восстания», автор — максималист, член существовавшего во Владивостоке (больш. и максим.) повстанческого штаба; видел он много, но пером не владеет, — точнее, пишет тем своеобразным языком американских эмигрантов-анархистов, кот<орый> так режет русское ухо; по мере сил, я его привел в христианскую веру; думаю, что в таком виде подойдет¹; 2) Воспоминания Эверлинга о Л. Толстом; я их прочел, только бегло; о революции там очень мало, но если интересны для изучения Толстого, то, б<ыть> м<ожет>, стоит пустить для разнообразия номера? Займут 14–15 наших страниц²; 3) записки Аронсона о Корниловских днях в провинции, в них центр интереса — беседа с Алексеевым; ее я и просил дать, но автор резонно указал, что нужно дать этой беседе и фон, и, по-моему, вышло недурно; б.м., отдельные места нужно все же сократить³. Шлю также несколько писем Победоносцева к Пуцыковичу; по-моему, неинтересны и печатать не

стоит; у нас сейчас имеются другие письма Победоносцева, — к вел<икому> кн<язю> Алексею Андр<еевичу>, сыну Ал<ександра> II, от 1869 г.; писал их П. с пути, — он путешествовал вместе с будущим А<лександром> III. и его женой; по-видимому, то была Ладейная поездка; эти последние письма много интереснее, но интерес их исключительно бытовой, и я не знаю, подойдут ли они для «Лет. Рев.». Сейчас с них снимаются копии; когда будут готовы, вышлю⁴.

В течение ближайших дней должны поступить еще ряд статей и к началу след<ующей> недели можно бы сдавать материал в набор. Костомаров в Берлине имеется только в университетской библиотеке. Мне его оттуда обещали достать, — недели на 2. Получу, по-видимому, в пятницу, и думаю в субботу быть у Вас. Если это Вам неудобно, черкните, когда.

Крепко жму руку.

Б. Николаевский

18. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

4 марта 1923, Берлин

4.III.1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Еще ночью, в пути, прочел «Савву Морозова». Как ни жалко, а я почти согласен с Вами в том отношении, что в этом виде давать в печать не стоит¹. Вы так избаловали читателей своими воспоминаниями, что этот портрет ему покажется неудачным, вернее недоделанным. По-моему, — если Вам охота выслушать мое мнение, — главный недочет этого очерка в перенесении Вами центра тяжести характеристики на разговоры. Бывают разные люди — об иных можно передать их думы и слова, и человек встает перед читателем во весь свой рост, хотя бы он не знал его личной жизни, его дел, действий. В них центр тяжести — работа мозга и знакомство с нею знакомит со всем человеком. Но бывает и иначе. Не то, чтобы у них голова не работала, — порой, она работает и не плохо, — но работа ее протекает не в сфере отвлеченного мышления, а в той, где слово соприкасается с делом. И тогда знакомство со словами без знакомства с делами не знакомит с человеком. Таков был С. Морозов, — и тот факт, что он именно потому и погиб, что не нашел дела, нисколько этому не

противоречит. Наоборот: у Вас это есть в заключительном аккорде, — он умер потому, что не нашел своего дела, но он его искал, метался, а эти поиски, — не в области теории, а в области практики, — Вашему читателю остаются неизвестными. Вставьте их, расскажите, — хотя бы не на основании личных встреч, а по рассказам, проверенным наблюдением (воспоминания, ведь, не обязаны ограничиваться только личными встречами), о прошлом Саввы, о его роли в купеческом мире, о меценатстве, об отношении к сильным мира сего, — то, о чем вы, несомненно, много знаете еще с Нижнего, — и фигура его оживет. У Вас это есть, но лишь в результативной форме (например, об отношении его к купцам и обратно), а этого мало: читатель любит, чтобы его считали умным и давали материал для резолюции, а не самые резолюции. Это сильно, быть может, вдвое—втрое, расширит очерк, но зато я уверен, он Вам очень удастся.

Теперь об операции извлечения отрывка для «Летописи Революции». Я отметил его на страницах 18–29. Но его нужно переделать, — вставить краткую характеристику Саввы Морозова, подробнее остановится на событиях 8-го января (в «Сыне Отечества») и др.) и на вечере Е-го. Не бойтесь, А.М., если кому-нибудь попадет по больному месту: не говоря уже о том, что ныне на это мода, и по существу, ведь, нельзя писать историю, не ругая, так или иначе, «творцов» ее. Но дайте обязательно.

Пока всего хорошего. Крепко жму руку.

Бор. Николаевский

19. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

8 марта 1923, Берлин

8.III.1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Прочел и перечел Савву Морозова. Как это ни жалко с точки зрения журнала, а я почти согласен с Вами. Вы так избаловали читателя своими воспоминаниями, что этот портрет ему покажется недоделанным, а потому давать в печать в таком виде не стоит¹. Главный недочет очерка, — если Вам интересно мое мнение, — в том, что Вы центр тяжести характеристики перенесли на передачу своих с ним разговоров. Морозов, — насколько я его понял, — не был из тех людей, о которых достаточно знать, что они думают, чтобы представить, как они ходят, работают, любят. Он тоже думал, —

и не плохо, — но его думы всегда были лишь примечанием к его делам, сделанным или задуманным, а у таких людей знакомство с их словами без знакомства с их делами не дает знания человека. Вам нужно было бы расширить очерк, вставить в него рассказы о прошлом С<аввы> Т<имофеевича>, об его отношении к сильным мира сего, об его роли в торговой среде. Кое-что об этом у Вас есть, но мало и лишь в резолютивной форме, а читатель, ведь, любит, чтобы его считали умным и давали материал для резолюций, а не самые резолюции.

Теперь об операции извлечения отрывка для «Лет<описи> Рев<олоуции>». Я отметил его на стр<аницах> 18–29. Это место — лучшее в очерке и, на мой взгляд, здесь события 9-го января обрисованы лучше, чем <в> изданном очерке. Но его нужно сильно дополнить, вставив подробнее о событиях 8 января (в «Сыне Отч<ества>»), о вечере в Вол.-Экон. О-ве, а также дав краткую характеристику Морозова, кот<орый> тогда явится эпизодическим лицом. Не бойтесь, А.М., что Ваш рассказ попадет кому-нибудь по больному месту: не говоря уже о том, что на это теперь мода, и по существу, ведь нельзя писать истории, не ругая, вернее, не говоря чего-либо неприятного о ряде участников «исторического процесса».

Сделайте это, Алексей Максимович, обязательно: очень хочется второй номер дать живой и разнообразнее.

Шлю еще Вам дневник Бермонтовского офицера-историографа². Это только начало; дальше, — как увидите из прилагаемого его письма, — должно быть больше фактического материала; но и в прилагаемой части есть, на мой взгляд, не мало интересного. Я только думаю, что надо сократить и сильно. Надо, прежде всего, вычеркнуть начало, первые 16 стр<аниц>, вставив вместо них краткое предисловие; начать дневник с приезда в Митаву; дальше — вырезать всю лирику, — она излишне сентиментальна. Это сократит дневник до 1 ½ печ<атных> листов. Если Вы согласны, то, б.м., Вы и проделаете эту операцию? Если нет, — могу я. Автор просил только не делать этой операции до того, как Вы прочтете: он хочет, чтобы Вы дали оценку.

Кажется, все. Шлю Архив № 8, а также «Последнее дело Трента»³. Пришлите Архив т. VII, — я забыл его захватить.

Жму руку.

Бор. Николаевский

20. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

13 марта 1923, Берлин

13.III.

Дорогой Алексей Максимович!

Шлю 3 рукописи: 1) воспоминания Николадзе¹, 2) статью Л. Меньщикова о Толстом², и 3) 2 письма Победоносцева³.

Первую, по-моему, печатать безусловно стоит. Не во всем она нова, но интересна, немало нового и пахнет действительной стариной. Он теперь предлагает дальнейшие статьи. По-моему, надо просить писать.

В статье Меньщикова интересно только начало, — о деле 1862 г.; я не знаю, не было ли это где-нибудь использовано, — произвожу поиски; — если нет, то интересно и стоит, похерив конец, печатать.

О письмах Победоносцева судить не берусь. Решайте.

Крепко жму руку.

Привет.

Б. Николаевский

21. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

17 апреля 1923, Берлин

17.IV.

Дорогой Алексей Максимович!

Тейтель очень просит дать ему копию Вашего отзыва об его книге¹. Желание его вполне понятно, но без Вашего разрешения мы сделать это все же не рискуем. Шлю при сем копию этого Вашего отзыва, — проглядите ее и черкните, можно ли сообщить ее автору.

В редакции нового нет ничего. С книжкой заминка: З<иновий> И<саевич> считает, что пускать ее в набор теперь нет смысла, т.к. это значило бы выпустить книгу в июле — в разгар мертвого для книги сезона. Предлагает готовить сразу два тома, сдать их в начале июня с тем, чтобы № 2 вышел в августе, № 3 — в октябре. Эта оттяжка хоть и неприятна, но приходится с ней мириться, ибо доводы З.И. резонны.

Из России сообщают о том, что положение с<оциалистов>-р<еволюционеров>, осужденных по большому процессу, сильно улучшено². Теперь они вздохнули свободнее.

Крепко жму руку.

Бор. Николаевский

22. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

25 июня 1923, Берлин

25.VI.1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно собираюсь Вам писать, но все откладываю: писать надо о многом и о не веселом. Хороню «Летописи» Революции»¹. Приехал из Москвы Товий Наумович Гржебин, рассказывает, что его 16 раз вызывали в чека по «делу Лет. Рев.». Дело это — толстоепретолстое; камень, на котором построена его церковь — список сотрудников. Зин^{овий} Ис^{аевич}, и перед этим, по существу, уже решивший судьбу «Л. Р.», теперь окончательно укрепился в этом направлении. Даже второй № выпущен не будет. Мотивы его столь резонны, что я не спорю. Отдельные мемуары будут пока что выходить, но насколько долго — не знаю. Дело в том, что и против них тоже большое раздражение.

В виду всего вышеизложенного, я теперь занят ликвидаторской работой: списываюсь с авторами, рассовываю рукописи. Мечтаю наладить исторический сборник в каком-либо другом издательстве, веду разговоры, но пока ничего определенного не видно. Как быть с Вашей рукописью? З.И. хотел бы издать ее отдельно.

Я, по-видимому, начинаю работать для издательства «Книга» (не берлинском, а московском, Гоникберга), но полуконспиративно, — очень боятся там нашего брата. Просят меня поставить им историко-революционную библиотеку, кое-что наладил; думаю наладить ряд сборников по истории западно-европейского рабочего движения, на манер хрестоматий типа «Некрасов в воспоминаниях и переписке современников». Очень просят еще получить Ваши указания о переводе новой беллетристики. Вы мне говорили, что у Вас есть многое на примете. Если сможете прислать список, буду благодарен.

У Алексея Ивановича все еще тянутся операции². Измучили его до невероятности. Последний раз держали под ножом 1 ½ часа, — долбили кости; падал два раза в обморок. Сегодня должна быть новая операция — обещают, последняя. Если удачно, то через несколько дней встанет и уедет в Россию; отдыхать здесь не будет — говорит, нет времени.

Новостей особенных нет. Из России Вы имеете сейчас, конечно, больше, чем я, — у Вас ведь Екатерина Павловна. Кстати, я очень хотел бы повидать ее на обратном пути, — по вопросу о моих

рукописях и о доставке их сюда. Передайте ей, пожалуйста, мою просьбу, так или иначе известить меня о прибытии в Берлин (мой телефон — Reingan, 6–99), а также — окажите к ней протекцию. Что же касается до новостей эмигрантских, то интересно лишь турне Милукова. Был он и здесь и ведет агитацию об объединении в республ<иканско>-демокр<атическую> партию³. Увы, успех не велик, — кажется, одна Кускова.

Ну, пора кончать. Крепко жму руку и желаю скорее поправляться. Мои приветы Мар<ии> Игн<атьевне> и Екат<ерине> Павл<овне>.

Б. Николаевский

P.S. Мой адрес: B. Nikolajewsky.
Hauptstr., 83^{II} b/Hellwrg.
Berlin — Friedenau.

23. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

2 июля 1923, Берлин

2.VII.1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Позавчера послал Вам рукопись Цаликова — «Записки осетина»¹. Сделал это по его прямой просьбе, — он просил дать эту рукопись первоначально на Ваше заключение. Я слышал, что Вы себя плохо чувствуете, и не знаю, будет ли у Вас настроение читать, — поэтому чувствовал некоторое сомнение, слать ли рукопись Вам, — но потом решил, что получение рукописи Вас еще ни к чему не обязывает.

Новостей мало, — все вожусь с делами. Б<ыть> м<ожет>, удастся наладить издание ист<орических> сборников в др<угом> издательстве.

А<лексей> И<ванович> кончил свои операции. Чувствует себя много лучше: стал хорошо слышать. Врачи настаивают на приезде его сюда еще раз, недель через 6. Кажется, приедет.

У меня освободился ряд Ваших книг. Как их послать? На Макс<има> Ал<ексеевича> в Сааров?

Привет Марии Игнатьевне.

Крепко жму руку.

Б. Николаевский

24. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

26 августа 1923, Берлин

26.VIII.1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Перевод Балабановой¹, как мы с Вами говорили, я Вам отправил. Когда просмотрите, вышлите мне, а я уже отправлю в Россию. Только, пожалуйста, вышлите не на адрес Гржебина, а на мой — Berlin — Friedenau. Hauptstr., 83^{II}. В. Nikolajewsky. Напишите, какое название Вы предпочитаете для серии? И как поставить: «под ред<акцией> М. Горького» или «под общим руководством М. Горького»?

Балабановой я написал, — просил перевести указанные Вами книги. Написал также в Россию о сборниках и Львове-Рогачевском. Сейчас занят подбором материала для исторического сборника. Не согласились ли бы Вы дать еще для него избранные места из «Заметок»? Можно как из тех, что напечатаны в «Беседе» (Россия их все равно не читала), так и из новых, только что законченных Вами отрывков. Будет очень хорошо!

В Берлине жить трудно. Пахнет покойниками. Ликвидируется издательское дело; даже «Ладыжников» приостановил печатание; я заниматься благотворительностью не могу. Закрываются типографии. На днях останавливается трамвай. Зима будет трудная, холодная, как наши родные зимы 19–20 гг.² Очень тревожно политическое положение: со дня на день ждут падение кабинета в Баварии (что, якобы, уже решено) и создания там Директории с Гитлером (фашист) во главе. Что будет он делать — не знают, но очень возможно отделение³. Очень неладно и внутри, с военными. Когда при создании нового кабинета хотели сменить военного министра Геллера, кот<орый> замешан в делах правых организаций (он, говорят, причастен и к побегу Эргардта), то делегация рейхсвер заявила Штреземану⁴, что «не ручается за спокойствие в войсках». Так что, наряду с запахом покойника, слышно и запах пороха.

Книгу от Шишманова получил. Что мне делать с Вашими книгами, имеющимися у меня? В частности, с Вороновым?

Желаю всего хорошего.

Бор. Николаевский

25. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

8 сентября 1923, Берлин

8.IX.1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Почти неделя, как получил Ваше письмо. Не скрою, для издательства, в кот<ором> я сейчас начал работать, Ваш отказ является крупным ударом¹. Именно поэтому-то я и не хотел отвечать сразу, под первым впечатлением: хочется, чтобы во мне забота об интересах издательства говорила как можно меньше.

Едва ли нужно говорить, что я больше, чем понимаю Ваше возмущение упоминаемыми Вами «литературными» мероприятиями большевиков. Они тем возмутительнее, что идут в ногу с выдачей своеобразной концессии на журнальное дело за границей: Вы, наверное, слышали, что с осени в Берлине должен начать выходить «толстый» ежемесячный журнал под редакцией некоего сменовеховца Лежнева; этот журнал получает *исключительное* право ввоза в Россию. Все остальное — будет преследоваться еще более сильно, чем до сих пор, — и притом независимо от содержания.

Но понимая и целиком разделяя Ваше возмущение, я не вполне разделяю Ваше мнение о целесообразности избранной Вами формы протеста, — впрочем, возможно, это объясняется тем, что я ее не вполне уяснил. Не разделяю вот почему: в хулиганских выходках против «Беседы», Гржебина и т<ак> д<алее> повинны большевики; всякая форма протеста, ударяющая по ним, уже в одном этом находит свое оправдание; поэтому вполне резонным и целесообразным в этом случае явился бы отказ работать во всех большевистских и советских органах и издательствах, — но только в них, а отнюдь не во всех органах и издательствах, работающих на территории Совет<ской> России. В противном случае, — создалось бы положение какого-то добровольного самоустранения от общения с русским читателем, ибо читатель зарубежный, — об этом нам с Вами приходилось не раз беседовать, — конечно, совсем не то. На Вашем месте я сделал бы именно так: отказавшись работать во всех органах, ответственных за политику компартии, я, наоборот, постарался бы усилить поиски путей к русскому читателю, постарался бы перенести «Беседу» в Россию, поставить там издание тех авторов, кот. Вы в «Беседу» привлекаете, считая, что чтение их благотворно действует на воспитание новой России, молодого поколения. Это — отнюдь не капитуляция перед хулиганскими выходками; наоборот, — это единственно возможная, единственная

политически приемлемая, по моему глубокому убеждению, для того метода работы, кот. Вы избрали, форма борьбы с хулиганством.

Написал я, Алексей Максимович, эту тираду — и разобрало меня с новой силой сомнение: не ошибся ли я? Правильно ли я понял Ваше письмо? Может быть, Ваше решение к этому именно и сводится, и от работы в «Звезде» и «Круге» Вы отказались, не потому, что они печатаются в типографиях, находящихся на территории, подведомственной Политбюро Р.К.П., а потому что они редактируются большевиками, потому что их конечной целью является оправдание всех выходов Зиновьевых больших и маленьких. Если так, то прошу меня извинить. Но только верьте: что та «Книга», от имени кот. я с Вами говорил, ни в какой связи с органами Р.К.П. и правит<ельственной> власти не стоит, — если не считать за связь то звеньишко, следы которого остаются на обороте титульной страницы в виде двух букв «Р.Ц.». Эта «Книга», в частности, ничего общего с «Книгой», помещающейся на Kurfürstenstr., не имеет.

Если это мое последнее предположение верно, и речь идет действительно о недоразумении, то черкните мне об этом: дело в том, что я, как мы с Вами условились, сообщил уже в Россию, и по всей вероятности, оттуда скоро будет для Вас письмо от Львова-Рогачевского (если он сейчас в Москве и возьмется за работу). Кроме того, остается неясным еще один вопрос: у меня находится рукопись Вашего «Бугрова», на печатание кот. в историч<еских> сборниках в изд<ательстве> той же «Книги», Вы, как помните, дали согласие. Я уже совсем было приготовил его к отправке в Россию, но теперь задержал. Что с ним делать²? Берете ли Вы это согласие обратно? Рукопись перевода Балабановой получил; посылаю ей для исправления отмеченных мест. Большое спасибо за труд.

Как живется у Вас под Фрайбургом? Здесь — почти жутко. Знакомые старые картины: хвосты у лавок, драки в хвостах из-за очередей, закупка на зиму железных печек, припасание впрок продуктов. Доллар за три дня вскочил с 10 до 59 мил.³ Ходят слухи, что начались в Швейцарии переговоры с Францией, и Пуанкаре заломил невероятные условия⁴. Чувствуется, как трясется земля под ногами — почти как в Японии⁵...

Простите, что так много отнял у Вас времени. Крепко жму руку и желаю всего лучшего.

Бор. Николаевский

P.S. Церетели просил Вам кланяться. Он на днях уехал в Латвию, — на неделю—две, вместе с Гюисмансом. Пригласили их латышские с<оциал>-д<емократы> посмотреть на их работу.

26. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

10 октября 1923, Берлин

10.X.1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо получил давно. Промолчал так долго, ибо не хотелось беспокоить Вас лишний раз без дела. Да и занят я теперь очень: мы-таки издаем «Материалы по истории револ<юционного> движения в России». Пока намечены 2 т.т., — в первый войдет переписка Мартова с Аксельродом¹ за 1901–16 гг., во второй — разные материалы по 80–90 гг. Выйдет, кажется, интересное издание, особенно том первый. Так как мы связаны при этом сроком выпуска, то приходится целые дни уделять этой работе. А кроме нее — есть и иная, по редактированию в «Книге» и пр.

Чарского² я знаю давно, и ко мне он уже и сам обращался. Т<ак> к<ак> решить самостоятельно я не в праве, то я адресовал его в Москву; оттуда давно уже был ответ, что в принципе против его там не возражают, но должны посмотреть рукописи. Он послал — еще в июле — две главы. По получении Вашего письма я запрашивал Москву о судьбе, но ответа еще нет. Это — о его книге. Что касается до переводов, то сейчас ничего подходящего на виду нет.

Читали ли Вы об аресте Богданова³? В России усиленные гонения на рабочую молодежь из пролеткультовцев, — по-видимому, его арест стоит в связи. Вообще, вести оттуда жуткие, жестокие. Нужда отчаянная. Между прочим, — не хотите ли Вы принять участие в наших сборах на арестованных и ссыльных? Будем очень и очень благодарны.

Вы пишете, что получили ответ Бухарина, а молчите об его содержании⁴. Ведь это-то для меня всего интереснее. Имела ли эта переписка свое продолжение? Любопытно, чем кончится. Статьи — знаете Вы о переговорах З.И. Гржебина с О.Ю. Шмидтом⁵? З<иновий> И<саевич> мечтал, что сделка будет заключена теперь же, — Шмидт заявил, что без Москвы не может. Смотрел он выставку изданий З.И., хвалил. М<ежду> пр<очим>, о словаре энциклопедическом сказал, что его в Россию не пустят. На замечание З.И., что он будет строго объективным, Шмидт усмехнулся: вот именно потому-то и не подойдет. Сегодня З.И. как раз устроил торжественное открытие выставки своих изданий — 225 названий. Производит впечатление.

У меня к Вам одна просьба: мы сейчас собираем письма Ю<лия> О<сиповича>; у Вас должно быть одно, — то, что он писал в связи с

процессом с<оциалистов>-р<еволюционеров>⁶. Не дадите ли Вы его нам сейчас для снятия копии? Я понимаю, что опубликовать его теперь едва ли удобно, но снять копию и иметь в архиве нам очень хотелось бы. Не предоставите ли его нам для этого на несколько дней?

В заключение — повторю один вопрос из моего предыдущего письма, на кот<орый> Вы мне так и не дали ответа: можно ли печатать в историч<еском> сборнике «Книги» Бугрова⁷? Для этого сборника имеются неизданное письмо Маркса (с отзывом о народовольцах), записки Л. Гольденберга, Николадзе, Поливанова и др.

Пока всех благ. Жму руку. Марии Игнатьевне пишу особо.

Б. Николаевский

P.S. Одновременно высылаю еще две Ваши книги. Извиняюсь, что так продержал.

27. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

20 декабря 1923, Берлин

20.XII.1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера увидел новое издание — «Балтийский Альманах». В нем напечатаны воспоминания И. Коноплина, — те самые, которые были присланы к нам, в «Летопись Революции», — и напечатаны с примечанием редакции, что в «Альманах» они переданы «Лет<описью> Рев<олюции>» и с перепечаткой Вашего отзыва о них¹.

Первым моим желанием было послать в редакции газет письмо, заявив, что редакция «Летописи Революции» с редакцией «Альманаха» ничего общего не имеет, что никакой рукописи она «Альманаху» не передавала, а вернула ее автору, который уже сам передал ее в «Альманах» (точнее было бы сказать, что она вернула ему «право распоряжаться рукописью», — сама же рукопись, та копия ее, кот<орая> была в «Лет. Рев.», до сих пор лежит у меня). Но, дозвонившись до Коноплина, я встретил его заявление, что Ваше письмо «Альманахом» опубликовано с Вашего согласия. Если так, то, конечно, никакого заявления публиковать не нужно. Поэтому я решил списаться сначала с Вами. Черкните, верна ли ссылка Коноплина? «Альманах», по существу, издание невинное, хотя и без всякого хребта. Но — разве можно предъявлять большие требования

к органу, обслуживающему «лимитрофы»?

Как Вы себя, Алексей Максимович, чувствуете? Как здоровье? Помогает ли лечение? В московских газетах была заметка, что Вас ждут туда в январе.

Из России новости о сильном обострении борьбы течений среди коммунистов. Троцкий подал в Ц.К. докладную записку за подписями 62 своих единомышленников (Осинский, Пятаков и др.) против личного режима в партии². Очень усилились группы рабочей оппозиции; недавно в Москве арестовали на ходу их нелегальную типографию.

Я все вожусь с архивами, — на днях выходит первый том «Материалов» с письмами Мартова и Аксельрода. Очень мне интересен Ваш будет отзыв, — напишите, когда получите книгу (я ее Вам вышлю, как только выйдет из типографии).

Передайте мой привет Марии Игнатьевне. Извинитесь, что вышла задержка с деньгами: Москва хотела перевести их через одну организацию и внесла тамошнему ее представителю нужную сумму, но оказалось, что этот представитель не в ладах с Берлином, и берлинское правление не выплачивает. Уже приняты нужные меры и ждем со дня на день. Пока же — я не только сам не получаю жалования, но и никому платить не могу.

Крепко жму руку и желаю всего доброго.

Б. Николаевский

P.S. Мой адрес: Hauptstr., 83^{II} b/Hellwig.
Berlin — Friedenau.

28. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

14 июля 1925, Берлин

14.VII.1925.

Дорогой Алексей Максимович!

Ю.П. Деникс, только что вернувшийся в наш скучный Берлин, по горло насыщенный воспоминаниями об Италии, передал мне, что Вы немного интересовались моими раскопками по делу Азефа¹. Это подбодрило меня, и я решил сделать то, о чем давно думал, но боялся Вас затруднить, — послать Вам на просмотр рукопись моей статьи, написанной на основании этих вновь собранных материалов. Буду Вам очень благодарен, если Вы найдете время прочесть ее, — и еще более, если у Вас явится охота написать мне о ней свое мнение и сделать на рукописи соответствующие отметки.

Статья будет печататься в России «Ленгизом», договор с ним уже подписан, — но если я Ваши замечания получу в течение ближайших двух недель, то я успею внести нужные поправки.

Шлю Вам также т. I, изданной нами «Переписки Плеханова с Аксельродом»². Боюсь, что на Ваш взгляд, эта переписка покажется слишком специальной, быть может, даже скучной. Но надеюсь, что и Вы найдете в ней ряд мест, заслуживающих того, чтобы они были прочитаны не только такими грубокопателями, как Ваш покорный слуга.

Крепко жму Вам руку и желаю здоровья и сил. Мой привет Марии Игнатьевне.

Б. Николаевский

P.S. Да — в конце июля я из Берлина уеду, т<ак> ч<то>, если до тех пор не успеете прочесть моей рукописи, то пошлите ее на адрес Церетели (M^r. J. Cseretelli. Villa la Terrasse. Le Pecq. Le Pertusset. Jeine et oise. France). Мой же теперешний адрес: *Berlin — Friedenau. Schmargendorferstr. 5^{III} b/ Steinmüller.*

29. Б.И. НИКОЛАЕВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

12 августа 1925, Париж

Дорогой Алексей Максимович!

Большое спасибо за Ваш отзыв о моем Азефе¹ — и привет из Парижа. Мой поклон Марии Игнатьевне².

Б. Николаевский

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А(АГ), впервые.

¹ Речь идет о письмах Горького А. Франсу и А.И. Рыкову, фрагменты текстов которых приведены во вступительной статье, по поводу судьбы арестованных в Советской России и приговоренных к смертной казни эсеров.

² Сергей Николаевич Прокопович, бывший член Временного правительства, муж Е.Д. Кусковой. Он был выслан из РСФСР в 1921 г.

³ Издававшаяся в 1920–1931 гг. в Берлине эмигрантская газета «Руль» была рупором кадетов. Выпускали его на первых порах такие видные деятели этой партии, как В.Д. Набоков и И.В. Гессен.

2.

Печатается по *A(AG)*, впервые.

¹ «Двуглавый орел» — эмигрантский журнал монархического толка, орган Высшего Монархического совета, выходил в 1920–1922 и 1926–1931 гг. в Париже и Берлине.

² Иван Федорович Наживин — писатель русского зарубежья. О каком произведении идет речь — неизвестно.

³ Возможно, имеется в виду книга: *Бостунич Г.* МASONСТВО и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Новый Сад, 1922.

⁴ Квитанция не сохранилась.

⁵ Опубликовать в *Populare* обращение к А. Франсу предложил Горькому Ю.О. Мартов в письме от 30 июня 1922 г.: «Я не вижу других шансов спасения обреченных, кроме резкого выступления людей, которые общественным мнением считаются “дружественными” большевикам. Ваше выступление, мне кажется, могло бы в данный момент произвести крупный эффект и укрепить позицию тех, кто, по личным сведениям, в Москве борется против применения смерт<ной> казни. Форма, о которой с Вами говорил Б.И. Николаевский, — обращение к европейск<ой> интеллигенции, — теперь, пожалуй, не годится <...> Мне кажется, что достаточным было бы Ваше обращение к Анатолию Франсу с просьбой обратиться к совет<скому> пр<авительст>ву о сбережении жизни эсэров. Опубликование Вашей телеграммы и ответа на нее Франса (в котором сомневаться не приходится) было бы сигналом к заявлениям и другим людей из числа тех, с кем Москва хоть немного готова считаться.

Я не знаю адрес А. Франса, но думаю, что можно переслать телеграмму в редакцию социалистич<еской> “*Populare*” <...> с просьбой перетелеграфировать, что они сделают охотно. <...> Ваше непосредственное обращение б-кам не для печати было бы тоже небесполезно» (*AG*. КГ-од 2–88–2).

⁶ Известный в Германии либеральный журналист Максимилиан Гарден подвергся из-за своих статей в 1922 г. жестокому нападению (см.: Максим Артемьев «Веймаризация России?» (<http://www.novopol.ru/text4817.html>).

3.

Печатается по *A(AG)*, впервые.

¹ Имеется в виду рукопись опубликованной в «Летописи Революции» (книга 1, 1922 г.) работы Горького «В.Г. Короленко. Глава из воспоминаний».

4.

Печатается по *A(AG)*, впервые.

¹ Горький, живший в Гельсингфорсе, 25 сентября переехал в Германию, в г. Сааров, неподалеку от Берлина.

² В первом номере «Летописи Революции» была опубликована работа Э. Бернштейна «Воспоминания о М. Драгоманове и С. Подлинском» (С. 58–65).

³ Эта статья в состав первой книги журнала «Летопись Революции» не вошла.

⁴ Название опубликованной в первом номере «Летописи Революции» статьи М. Маргулиеса — «Ясская делегация» (С. 197–214). В конце 1918 г. в Яссах состоялось совещание союзников по Антанте.

⁵ *Каховская И.* Террористический акт против ген. Эйхгорна // *Летопись Революции*, 1923, № 1. С. 215–227.

⁶ В первой книге «Летописи Революции» статья С. Сумского вышла под названием «Одиннадцать переворотов (гражданская война в Киеве)» (С. 228–242).

⁷ В третьем отделе первой книги «Летописи Революции» опубликована статья, подписанная Е.Б., «Россия из окна Американского Посольства» (С. 290–294).

⁸ Эти материалы не вошли в первый номер «Летописи Революции».

⁹ Марк Львович Слоним, соредактор пражского эмигрантского журнала «Воля России», был членом Уфимской директории. Она образована Уфимским государственным совещанием 8–23 сентября 1918 г. из представителей различных российских партий, противостоящих большевикам (преимущественно эсеров).

¹⁰ В.Я. Гуревич, председатель Земгора, находящегося в эмиграции объединения Союза городов и Земского союза, был рекомендован 17 июня 1917 г. в Иностранную и Иногородную комиссию при ЦК партии эсеров.

¹¹ В анонсе, опубликованном в первом номере «Летописи Революции», в числе прочих указана статья председателя Объединения российских земских и городских деятелей в Италии, в прошлом члена партии эсеров Григория Ильича Шрейдера (1860–1940) «Союз Освобождения».

¹² См. п. 17 и примеч.

¹³ См. п. 21 и примеч.

¹⁴ В первом номере «Летописи Революции» анонсирована работа А. Белого «За годы революции». Два тома воспоминаний Андрея Белого вышли в издательстве ЗиФ — первый, «На рубеже двух столетий», в 1930 г., а второй, «Начало века», в 1933 г.

¹⁵ В последующих номерах предполагалось опубликовать два очерка М. Горького — «Два купца: Н.А. Бугров и С.Т. Морозов», а также «1905 год».

¹⁶ Политбюро ЦК РКП(б) в своем решении от 18 ноября 1921 г. отдало распоряжение Госиздату надзирать за типографиями, бороться с изданием и распространением подпольных изданий, а также провозом запрещенной литературы из-за рубежа.

5.

Печатается по А(АГ), впервые.

Написано на бланке издательства З.И. Гржебина.

¹ В письме от 1 сентября 1922 г. Горький просил исключить его из состава редколлегии «Летописи Революции»: «Я думаю, — я уверен — что отношение ко мне, вызванное моими взглядами на крестьянство будет усиливаться и, несомненно, повредит делу "Летописи" — делу очень ценному.

Поэтому я еще раз настоятельно предлагаю членам редакции "Летописи" вычеркнуть мое имя из состава редакционной коллегии.

Надо согласиться, что делу это <не> повредит, а лишь поможет его росту — и я прошу удовлетворить просьбу мою» (*Русский Берлин*. С. 373).

² Первая книга «Летописи Революции», действительно, вышла без указания редакционного состава. К моменту ее появления в составе редколлегии фактически оставались только Б.И. Николаевский и Ю.О. Мартов.

6.

Печатается по А(АГ), впервые.

Написано на бланке издательства Гржебина. Адресат ответил в декабре 1922 г. (*Русский Берлин*. С. 380).

¹ В ноябре 1922 г. у Мартова, страдающего от туберкулеза, резко ухудшилось состояние здоровья.

² Николаевский имеет в виду книгу Веры Фигнер (1852–1942 гг.) «Запечатленный труд», которая была опубликована в 1922 г. в московском Кооперативном товариществе «Задруга». Она имеется в ЛБГ (*ОЛБГ*. 6002). В числе других труд В. Фигнер представлен в «Списке книг поступивших в редакцию для отзыва» первого номера журнала «Летопись»

Революции» (С. 316). Горький писать рецензию на нее по причине занятости отказался: «О книге Фигнер писать не буду, некогда» (*Русский Берлин*. С. 380).

7.

Печатается по *A(AG)*, впервые.

Адресат ответил в ноябре 1922 г. (см.: *Русский Берлин*. С. 374). Написано на бланке издательства З.И. Гржебина.

¹ Речь, очевидно, идет о рукописях работ Г.П. Максимова «В годы войны (Из записок анархиста)» и В.М. Чернова «От “Революционной России” к “Сыну Отечества”», а также писем И.С. Аксакова В.Ф. Пуцыковичу. Именно о них Горький пишет в ответном письме: (см. п. 1. прим. к п.8).

² Статью Г.П. Максимова «В годы войны (Из записок анархиста)» Горький оценил довольно критически: «Записки анархиста — скучны, не очень грамотны, по содержанию же мало интересны. Не верится, что уже в самом начале войны мужики — да еще смоленские! — интересовались настроением “фабричных” и выражали готовность “поддержать” их. Многословная эта история требовала бы весьма значительных сокращений» (*Русский Берлин*. С. 374).

8.

Печатается по *A(AG)*, впервые.

Датируется по ответному письму. Адресат ответил в ноябре 1922 г., согласно датировке, поставленной Николаевским (*Русский Берлин*. С. 374).

¹ Горький одобрил публикацию писем И.С. Аксакова В.Ф. Пуцыковичу, отметив, что они «любопытны, и о<чень> требуют, небольшой хотя бы, статьи о их источнике и некоторой характеристики источника» (*Русский Берлин*. С. 374). Эта публикация, как считают Л. Флейшман, Р. Хьюз и О. Раевская-Хьюз, предназначалась для невышедшей второй книги «Летописи Революции».

9.

Печатается по *A(AG)*, впервые.

Ответ на письмо от ноября 1922 г. (*Русский Берлин*. С. 374).

¹ Очевидно, Николаевский выслал Горькому первый и единственный номер журнала «Грядущий мир», выпущенный в 1922 г. в Харькове. В нем были помещены произведения В. Катаева «Самострел» и Ю. Олеси «Игра в плаху».

² Видимо, 19 номер журнала «Былое», вышедший в 1922 г. в Москве.

³ О каком издании идет речь — установить не удалось. Предположительно речь идет о книге: *Соколов Б.М.* О блинах, записанных в Саратовской губ. Саратов, 1922.

⁴ Николаевский имеет в виду замечания Горького о статье В.М. Чернова «От “Революционной России” к “Сыну Отечества”» в письме от ноября 1922 г.: «В интересах точности следовало бы исправить в статье В.М. Чернова кое-что о Гапоне: совершенно точно знаю, что поп этот *не* предлагал оружие большевикам, лишь просил помощи их для восстановления утраченных им связей с рабочими своих “организаций” и передачи оружия этим организациям; во главе их тогда стояли: Петров, Черемухин, Карелин, Тонин, Иконников, агент “охранки” Кузин и еще человека два-три, все — рабочие».

Гапон в это время *не* бывал в Гельсингфорсе, а жил в глухом лесу, среди болот, далеко от городов. Держался нервно и трусливо, желая, во что бы то ни стало и как можно скорее, развязаться с этим делом.

“Виктор” не был членом Ц.К. б<ольшевик>ов. Названные выше “гапоновцы” не

знали, что поп в Финляндии и писали ему в Лондон» (*Русский Берлин*. С. 374).

10.

Печатается по А(АГ), впервые.

Адресат ответил 28 декабря 1922 г. (*Русский Берлин*. С. 382).

¹ Речь идет о неизвестном произведении Э.М. Зиновьевой-Дейч, супруги Л.Г. Дейча. В ответном письме Горький сообщил, что еще не получил его. См. также п. 11.

² Горький отрицал, что давал какие-либо оценки первому номеру «Летописи Революции», общаясь с З.И. Гржебиным: «...о содержании № 1-го я ничего с Гржебиным не говорил. И не мог говорить, конечно» (*Русский Берлин*. С. 382).

11.

Печатается по А(АГ), впервые.

Адресат ответил, согласно датировке Б.И. Николаевского, 12 января 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 383).

¹ Альманах «Вперед» издавался П.Л. Лавровым (1823–1900 гг.) в Цюрихе в 1873–1875 гг. Затем, в 1875–1878 гг., он выпускал газету «Вперед».

² Н. Тасин — литературный псевдоним меньшевика Наума Яковлевича Когана. В 1922 году он опубликовал в Берлине в Русском универсальном издательстве научно-фантастический роман «Катастрофа». Горький критически оценил присланную им для «Летописи Революции» рукопись: «Беллетристика Тасина сентиментальна и скучна. Содержание ее ничтожно по интересу. На эти темы писано много и значительно лучше. Хотя бы он побег описал, — в этом есть и<n>терес фабулы.

Лирика — слаба, кое-где я ее уничтожил» (*Русский Берлин*. С. 383).

³ Возможно, Николаевский отправил Горькому альманах «Русская летопись». В его четвертом выпуске, изданном в 1922 году в Париже, были опубликованы воспоминания А.А. Тансевой (Вырубовой) «Страницы моей жизни».

⁴ О какой книге идет речь — не установлено.

12.

Печатается по А(АГ), впервые.

Адресат ответил 24 января 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 384–386).

¹ Как предполагают публикаторы писем Горького Николаевскому в сборнике «Русский Берлин» Л. Флейшман, Р. Хьюз и О. Раевская-Хьюз, речь идет о статье В.М. Чернова «За фронтом Учредительного собрания». По мнению Горького, изложенному в ответном письме Николаевскому, рукопись требовала серьезной редактуры и существенных сокращений: «Органический, неисправимый недостаток автора — многословие. У него нет ни одной мысли, которая не была бы загружена словами, задавлена ими. Человек осторожный, он хитрит довольно наивно, полагая, видимо, что лишние слова могут придать изложению внешнюю объективность, скрыть от читателя противоречия фактов и мысли. Но ум, односторонне развитой, он не умеет скрыть тенденций, излюбленных им, с достаточной ловкостью.

Как история — его воспоминания не солидны, но, конечно, они имеют весьма значительный интерес для характеристики самого автора, как лидера партии и Председателя Учредительного Собрания» (*Русский Берлин*. С. 384–385).

Книга первая «Записок социалиста-революционера» В.М. Чернова была выпущена отдельным изданием в 1923 г. в издательстве З.И. Гржебина.

² Николаевский имеет в виду мемуары Леонида Меньшикова, бывшего сотрудника

царской полиции, который разоблачил множество платных агентов охраны. Выдал он и главу заграничного бюро полиции Аркадия Гартинга (Абрама Геккельмана). Об обстоятельствах перехода Леонида Меньщикова на сторону революционеров рассказал Л. Троцкий: «Разоблачение провокации Меньщиков начал осенью 1905 года, когда он, еще состоя на службе, послал партии социалистов-революционеров письмо с указанием на двух провокаторов: Татарова и Азефа, из которых впоследствии первый был убит, а второй скрылся. К "полной реализации данных о шпионах" Меньщиков приступил после того, как перебрался за границу. Здесь, как известно, он прежде всего открыл Бурцеву настояще имя Гартинга, затем, через Бурцева же, сообщил социал-демократии о том, что в ее заграничной среде вращается провокатор Батушинский (он же Барит). Одновременно он открыл бундистам провокатора Каплинского, социалистам-революционерам — Зинаиду Жученко; он же, как сообщалось, разоблачил заслуженного агента охраны — Анну Егоровну Серебрякову. Осенью 1909 г. Меньщиков передал специальным делегатам партийных центров списки агентов охраны, при чем на долю российской социал-демократии пришлось 90 фамилий, на долю Бунда — 20, польских революционных партий — 75, социалистов-революционеров — 25, кавказских организаций — 45, финляндцев — 20» (Гартинг и Меньщиков // Киевская мысль. № 168, 21 июня 1914 г.).

³ По мнению публикаторов писем Горького Николаевскому в «Русском Берлине», речь может идти о работе О.А. Ерманского (Когана), имевшего, в числе прочих, псевдоним П. Борисов. Статье «То, что я видел» Борисова Горький также дал оценку в ответном письме Николаевскому: «Написано тяжеловато, однако интересно. Взятое в зеленые скобки, на мой взгляд, можно вычеркнуть. Это покаяние может дать "Рулю" хороший повод для истечения иронии по адресу социалистов. Не решаюсь вычеркнуть наиболее покаянные места, а — следовало бы. Очень прошу Вас, Б<орис> И<ванович>, внимательно прочитать эту рукопись. Жалобно написана!» (*Русский Берлин*. С. 385).

⁴ См. п. 18, 19 и примеч.

13.

Печатается по А(АГ), впервые.

Адресат ответил 24 января 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 384–386).

¹ В своем ответе Горький сообщил, что готов продолжить сотрудничество с «Летописью революции», но только не в качестве редактора: «Я уже сказал Вам о моем отношении к "Летописи", — повторяю: счел бы за честь быть полезным журналу, но: редактор такого журнала должен хорошо разбираться в тонкостях политики, — качество, которым я не обладаю. Даже редактора чисто литературная для меня трудна, ибо часто мне кажется, что данное, малограмотное место рукописи, которое я, — во всех иных случаях вычеркнул бы — нельзя вычеркнуть и даже исправить вследствие его политической ценности. Политики пишут хитро. Затем — мало у меня времени. Но от сотрудничества в "Л<етописи>" я не отказываюсь, думаю, что не откажусь и после беседы с З<иновием> И<саевичем> Г<ржебиным>» (*Русский Берлин*. С. 385–386).

² Водовозов Василий Васильевич (1864–1933) — историк, общественный деятель, до революции принимал участие в деятельности «Союза освобождения», в 1922 г., находясь в командировке, эмигрировал. См. в статье Е.Н. Никитина: «...З.И. Гржебин за границей готовил энциклопедический словарь. Руководил работой юрист В.В. Водовозов» (Библиография. 2005. № 5. С. 93).

³ В 1923 г. в берлинском издательстве «Слово» был опубликован «Дневник Николая II».

⁴ Речь идет об очередных томах выходившего в Берлине 22-томного «Архива русской революции».

14.

Печатается по А(АГ), впервые.

Ответ на письмо адресата от 24 января 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 384–386).

Горький ответил письмом от 19 февраля 1923 г. (Там же. С. 388).

¹ Тимофеев Евгений Михайлович (1885–1941), член ЦК партии социалистов-революционеров, один из приговоренных к смертной казни на процессе над правыми эсерами в 1922 г., действительно, 21 января 1923 г. потребовал (совместно с другим осужденным Н.Н. Ивановым) привести приговор в исполнение в заявлении на имя заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта и в Президиум ВЦИК. Через три дня, 25 января, они начали голодовку. Тимофеев мотивировал это условиями своего заключения: «в силу полной невозможности существования в условиях, в которых я нахожусь вот уже почти полгода...» (цит. по: Красильников С.А., Морозов К.Н. Предисловие // Архивы Кремля. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г. М., 2002. С. 114).

² См. п. 12 и примеч.

³ Горький высказал предположение, что данное письмо Э. Бернштейна, одного из вождей II Интернационала, уже ранее публиковалось: «Не было ли Бернштейново обращение к Штутгартскому съезду уже опубликовано к-а? предисловие к его книге "История Материализма"?» И — если было — следует ли вновь печатать его?» (*Русский Берлин*. С. 385).

⁴ В одной из записок, адресованных Николаевскому, — согласно датировке последнего, от февраля 1923 г. — Горький выразил сомнения по поводу необходимости публикации материалов по украинскому вопросу в «Летописи Революции»: «О малорусском языке.

Думая, что это вопрос не решенный и что на почве его еще может возникнуть некий нелепый спор Москвы и Киева, очень рекомендовал бы "Летописи" обращаться с материалами "Дела 236" — осторожно. Материал этот требует весьма объективного, чисто исторического отношения. Статья, написанная даже в таком духе, едва ли отвечала бы целям и задачам нашего журнала.

Однако полагаю, что журнал смог бы напечатать некоторые документы, напр<имер>: телеграмму Савенко, доклады Жандармских Управлений и Департамента полиции. Не настаиваю на этом.

Так называемое "мазепинство" слишком мало имеет отношения к социализму вообще и к революции в частности, хотя среди "мазепинцев" были и социалисты, как я знаю. Но — роль их — не похвальна да и ничтожна» (*Русский Берлин*. С. 389–390).

⁵ Речь идет об очерке Горького «Н.Е. Каронин-Петропавловский». Николаевский, очевидно, передал писателю экземпляр 10 номера за 1911 г., в котором это произведение было впервые опубликовано. В ответном письме Горький поблагодарил за него: «С благодарностью возвращаю "Современник." Очень, очень благодарю Вас за любезность» (*Русский Берлин*. С. 388).

15.

Печатается по А(АГ), впервые.

Дата на письме неточна. Датируется предположительно по ответному письму от 19 февраля 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 388).

Адресат ответил в феврале 1923 г. (Там же. С. 382).

¹ О том, что осужденных эсеров могут отправить в санаторий, Николаевскому сообщил Горький в письме предположительно от 9 февраля 1922 г.: «Из Москвы получено мною сведение: в виду того, что многие из с.-еров — больны, решено, — будто бы — отправить их в Крым, в санаторию для "приговоренных". Есть такая? Не слыхал» (*Русский Берлин*. С. 388).

² Левую эсерку Марию Александровну Спиридонову приговорили к заключению в психиатрической лечебнице.

³ О какой рукописи Ахмеда Цаликова, видного кавказского меньшевика, идет речь — неизвестно. Ее передал Николаевскому Горький вместе с письмом от 19 февраля 1922 г.: «Посылаю Вам рукопись Ахмеда Цаликова. Это написано несколько наивно, но материал, кажется, совершенно свежий, не помню, чтоб по этому вопросу печаталось что-либо более значительное. Очень прошу Вас прочитать рукопись.

Я полагал бы: взять из нее "дневник" как более живое и яркое изображение событий; читается он легко. Но — из него необходимо выбросить всю лирику автора, целые страницы, — я бы взялся за это, — он очень выиграет от сокращений.

Само собою разумеется, что большинство газетных статей автора тоже выбросить — фактического материала в них — нет.

Вообще — рукопись требует сокращения наполовину» (*Русский Берлин*. С. 388).

⁴ Николаевский передал Горькому воспоминания бывшего генерал-губернатора Одессы А.В. Шварца. Писатель также усомнился в целесообразности публикации их в «Летописи Революции»: «Хотя воспоминания написаны просто и довольно интересно, но все-таки несколько специально и очень субъективно.

Для журнала этот материал тяжел, на мой взгляд.

Но если у автора готов 2-й том — о революции в армии — З<иновию> И<саевичу> следовало бы купить эту рукопись и издать ее в одном томе. Вероятно получится интересная книга. Военно-историческое значение первого тома — несомненно» (*Русский Берлин*. С. 382).

⁵ Иосиф Гецов, бывший чернопеределец, организовал в Минске подпольную типографию, просуществовавшую до 1881 г. Его воспоминания об этом и упоминает Николаевский.

16.

Печатается по А(АГ), впервые.

¹ А.И. Зенделевич, бывший революционер-народоволец, эмигрировавший в Европу в 1907 г., жил в это время в Лондоне. Успел ли он осуществить намерение перевести указанную в письме работу М. Горького — неизвестно. Неизвестна также реакция Горького на это предложение. 30 августа 1923 г. А.И. Зенделевич скончался.

17.

Печатается по А(АГ), впервые.

¹ В этой статье, предназначавшейся для «Летописи Революции», речь, судя по названию, шла о восстании чехословацких войск против Колчака в ноябре 1919 г. во Владивостоке. Руководил им генерал Р. Гайда, поэтому в историю это выступление вошло под названием «Гайдовское восстание».

² Речь идет о воспоминаниях С. Эверлинга о его встрече с Л.Н. Толстым в 1901 г.

³ См.: *Аронсон Г.* Россия в эпоху революции. Нью-Йорк, 1966.

⁴ См. п. 20 и примеч.

18.

Печатается по А(АГ). Впервые: *Русский Берлин*. С. 403–404.

Адресат ответил в письме, датированном Николаевским началом марта 1923 г. (Там же. С. 390–391)

¹ Горький согласился с критикой Николаевского своего очерка «Савва Морозов»: «Спасибо за письмо. Вы видите, что я был прав. Попробую что-нибудь сделать, но — не обещаю» (*Русский Берлин*. С. 391). См. также п. 19 и примеч.

19.

Печатается по А(АГ), впервые.

Адресат ответил в письме от марта 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 395).

¹ Николаевский упомянул о неготовности, по его мнению, очерка «Савва Морозов» к публикации в письме Ю.О. Мартову от 3 апреля 1923 г., не отправленном из-за кончины последнего: «... он <Горький. — *Ред.*> уже давал мне одну статью, — о С. Морозове, — но т.к. она действительно была не доделана, о чем предупреждал и сам А.М., то я согласился с ним, что печатать ее не стоит» (*Русский Берлин*. С. 393). Впервые очерк Горького «Савва Морозов» был опубликован в шестом номере журнала «Октябрь» за 1941 г.

² Николаевский имел в виду очерк И. Коноплина «Бермондтовщина (Дневник 1919–1920 гг.)», заслуживший в ответном письме высокой оценки со стороны Горького: «"Бермондтовщина" весьма не плохая вещь, с точки зрения беллетриста. Написана легко, живо, в хорошем тоне. Я бы очень советовал автору посмотреть на себя как на беллетриста — бытописателя, у него есть данные, заслуживающие серьезного отношения с его стороны. И если он разрешит себе некоторую дозу иронии над собою и пережитым, он может, мне кажется, написать очень интересные и полезные вещи.

Сокращение на 17-ой стр<анице> необходимо. На 21-й — можно оставить, сие суть прием<ы> беллетриста. Вообще же не нахожу, что можно бы вычеркнуть без вреда для цельности вещи. В таких рукописях надо вычеркивать отдельные слова и фразы рукою самого автора, что и посоветуйте ему.

Вследствие некоторой неуверенности в себе, он пишет, местами, жидко и многословно.

Очень рекомендую ему быть больше беллетристом, давать больше бытового материала, это, вероятно, весьма удастся ему» (*Русский Берлин*. С. 394). См. также п. 27 и примеч к нему.

³ Детективный роман Эдмунда Бентли «Последнее дело Трента» (Trent's Last Case. London, 1913).

20.

Печатается по А(АГ), впервые.

Адресат ответил в письме, полученном, по сведениям Николаевского, 19 марта 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 392).

¹ По мнению Л. Флейшмана, Р. Хьюза и О. Раевской-Хьюз, имеется в виду работа Н.Я. Николадзе «Воспоминания о шестидесятих годах», опубликованная в книгах четвертой и пятой журнала «Каторга и Ссылка» за 1927 г. Горький одобрил текст: «Николадзе — очень хорошо написано, да и по содержанию интересно. Я бы взял это для 2-го №-а» (*Русский Берлин*. С. 392).

² Материал Л. Меньщикова Горький рекомендовал принять к печати: «О Толстом — любопытно, но, кажется, письмо к царю было напечатано? Следует взять, мне кажется» (*Русский Берлин*. С. 392).

³ Публикацию писем К.П. Победоносцева не одобрил и Горький: «Письмо К. Победоносцева — не интересно» (*Русский Берлин*. С. 392).

21.

Печатается по А(АГ), впервые.

Приложена выписка из письма М.Горького З.И. Гржебину от 12 ноября 1922 г.:

«Воспоминания Я.Л. Тейтеля написаны не блестяще с литературной стороны и несколько наивно по содержанию. Но в наивности автора есть своя прелесть, искупающая все недостатки книги. Со страниц ее встает живая фигура человека почти святого, это как бы второй доктор Гааз, — человек всю жизнь свою бескорыстно и с восторгом служивший людям. К тому же он — еврей, это придает книге особое значение. Несомненно, ее будут читать, и многих она научит многому хорошему. Решительно

высказываюсь за издание. Просите автора о праве сокращений».

¹ Николаевский передает просьбу Я.Л. Тейтеля, руководителя Общества русских евреев в Германии, к Горькому передать отзыв, который приложен к данному письму, видимо, на его небольшую статью «Суды по аграрным делам в годы реакции (Из записок члена окружного суда)», опубликованную в первой книге «Летописи Революции».

² На самом деле, несмотря на голодовки осужденных в советской России социалистов-революционеров, а также бурные протесты мировой общественности, лидеры большевиков решили несколько улучшить условия содержания узников лишь в конце 1923 г. Инициатива, возможно, исходила от председателя ВЦИК М.И. Калинина. Он оставил на жалобе родственников томящихся в застенках эсеров от 5 февраля 1923 г. резолюцию, предназначенную, по словам исследователей эсеровского процесса С.А. Красильникова и К.Н. Морозова, председателю ГПУ Ф.Э. Дзержинскому: «Я думаю, можно бы внести какие-либо улучшения в положение арестованных» (*Красильников С.А., Морозов К.Н. Предисловие // Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.)* М., 2002 (серия «Архивы Кремля»). С. 115.

22.

Печатается по А(АГ), впервые.

¹ Из-за политических проблем и финансовых трудностей З.И. Гржебин решил отказаться от выпуска «Летописи Революции». Вторая книга так и не вышла.

² Член Политбюро ЦК ВКП(б) Алексей Иванович Рыков находился в это время в Германии на лечении. О состоянии его здоровья Николаевский осведомлен, потому что они с Рыковым были дальними родственниками.

³ Учредительный съезд Республиканско-демократического блока, инициатором которого был в том числе П. Милуков, состоялся 25–28 декабря 1923 г. В него «...правда, вместо планировавшегося широкого объединения вошли только кадеты и группа “Крестьянская Россия”. Основные силы участников блока были сосредоточены на литературно-пропагандистской работе (издание журнала “Свободная Россия” и популярных брошюр), с помощью которой они пытались наладить связи с Россией» (Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 321).

23.

Печатается по А(АГ), впервые.

Адресат ответил 5 июля 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 396).

¹ Горький прочитал присланную Николаевским книгу и в ответном письме дал достаточно развернутый отзыв на нее: «Рукопись А. Цаликова интересна только как попытка изобразить быт и психику осетин, попытка эта местами очень удалась автору. Но — рукопись требует значительных сокращений, необходимо сократить, а кое-что и выкинуть».

Сократить: лирику автора, письмо, в котором он говорит об истории Осетии, речи Магометова.

Выкинуть: переписку с Валей, отрывки из “Дневника”, характеристики обычаев, — они и без этого хорошо написаны. Весьма хороша сцена погони за похитителями Фаризет. В общем — советуйте автору: Больше быта, меньше политики» (*Русский Берлин*. С. 396).

24.

Печатается по А(АГ), впервые.

¹ О каком переводе идет речь, неизвестно. В своем письме от 9 сентября 1923 г.

Горький заметил: «Возвращаю Вам рукопись пьесы, с приложением к ней полученного от Балабановой нового листочка» (*Русский Берлин*. С. 398).

² К концу лета 1923 г. в Германии сложилась, по сути, революционная ситуация. С 12 по 14 августа в стране, в том числе в Берлине, прошли всеобщие забастовки, в которых приняли участие примерно 3 миллиона человек.

³ В обстановке хаоса возникали опасения об отделении Баварии от остальной Германии. 26 сентября баварское правительство во главе с О. фон Книллингом ввело на территории земли чрезвычайное положение. При этом Г. фон Кар был провозглашен комиссаром Баварии.

⁴ Густав Штреземан был канцлером Германии в августе–ноябре 1923 г., в момент острого политического и экономического кризиса в стране.

25.

Печатается по А(АГ), впервые.

Ответ на письмо адресата от 1 сентября 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 398).

¹ Свой отказ от сотрудничества с советскими издательствами Горький объяснил нежеланием большевистских властей распространять в РСФСР выпускаемый им вместе с Вл. Ходасевичем журнал «Беседа», а также книги издательства З.И. Гржебина: «Отказался на том основании, что так как "Беседу" в Россию не пускают, то это ставит меня в дикое положение пред ее иностранными сотрудниками, приглашенными мною для участия в "Беседке". Положение было бы еще нелепей, если б я, допустив, без протеста, "браковать" Р. Роллана и других, сам продолжал бы сохранять с "браковщиками" мило-душевные отношения. Прибавьте к сему историю с Гржебиным.

Сегодня я, на том же — или тех же — основаниях, — решительно отказываюсь от участия в "Книге". Я должен сделать это, не имея никакого права выделять "Книгу" в "особую статью"» (*Русский Берлин*. С. 398).

² Очерк М. Горького «Н.А. Бугров» впервые был опубликован во второй книге журнала «Красная новь» за 1924 г.

³ В Германии в 1923 г. население столкнулось с гигантским обесцениванием национальной валюты — марки. К 20 ноября курс ее опустился до отметки 4 миллиарда 200 миллионов за один доллар.

⁴ 2 сентября 1923 г. правительство Германии во главе с канцлером Штреземаном решило пойти на уступки в конфликте вокруг Рура, оккупированного франко-бельгийскими войсками в январе, и в вопросе выплат репараций по условиям Версальского договора. 3 сентября 1923 г. Штреземан встречался с послом Франции.

⁵ 1 сентября 1923 г. в Токио и Иокагаме произошло сильное землетрясение, унесшее жизни 300 тысяч человек.

26.

Печатается по А(АГ), впервые.

Ответ на письмо Горького, на котором стоит отметка Николаевского «Получено 21.IX.1923» (*Русский Берлин*. С. 400).

Адресат ответил 15 октября 1923 г. (*Русский Берлин*. С. 400–401).

¹ См.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Редакция и примечания П.А. Берлина, В.С. Войтинского и Б.И. Николаевского. Том 1. М., 1925.

² Как полагают публикаторы писем М. Горького Б. Николаевскому, в альманхе «Русский Берлин» речь идет о литераторе Е.А. Ананьине, писавшем под псевдонимом Чарский. О нем Горький упомянул в письме, полученном Николаевским 21 сентября 1923 г.: «Есть такой человек Ананьин-Чарский, он хорошо знает итальянский Ренессанс и литературу Италии, он не мало писал по этим вопросам и, я уверен, был бы очень

полезным для "Книги" информатором и переводчиком.

Он очень болен, ему необходимо уехать в Италию, откуда он мог бы работать на "Книгу".

Я не знаю его адреса. Вам даст его В.Ф. Ходасевич, и Вы бы написали Чарскому» (*Русский Берлин*. С. 400).

³ В сентябре русский философ-марксист А. Богданов был арестован в связи с его возможным участием в деятельности запрещенной группы «Рабочая правда». Об обстоятельствах своего ареста он рассказал в письме Е.А. Преображенскому от 7 ноября 1923 г.: «Мой арест явился всецело результатом более чем трехлетней литературно-политической травли, при которой я оставался с зажатым ртом. В этой именно травле мой, ясно и не раз высказанные мысли были искажены и извращены до такой степени, что стало возможным приписать мне наивно-ребяческие статьи "Рабочей Правды", резко расходящиеся с результатами моего анализа социальных условий эпохи. Огромного труда мне стоило разрушить трехлетнюю клевету — чем я только и добился освобождения. Сам Дзержинский, человек безупречно искренний, имел обо мне понятие, основанное всецело на этой травле» (цит. по: *Плюто П.А.* А.А. Богданов о несоциалистическом характере октябрьской революции (комментарии к одному докладу) // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 130).

⁴ В письме, полученном Николаевским 21 сентября 1923 г., Горький сообщил о письме Н.И. Бухарина: «Получил письмо от Бухарина, в ответ на мое письмо Рыкову, завтра Бухарину» отведу; посмотрим, что будет» (*Русский Берлин*. С. 400). В ответном письме он откликнулся на просьбу рассказать о содержании послания одного из лидеров большевиков: «Ответ Бухарина не касается существа дела, а лишь выражает недоумение или обиду в форме вопроса: почему я на его — Бухарина» — и Зиновьева письмо ответил не им, а Рыкову?»

Я написал Бухарину — почему» (*Русский Берлин*. С. 400–401).

⁵ В ответном письме Горький заметил: «Ответ Шми-дта Гржебину — очень знаменателен. Все сие — отчаянно тяжело» (*Русский Берлин*. С. 401). О.Ю. Шмидту, являвшемуся в 1921–1924 гг. председателем Госиздата, Политбюро ЦК РКП(б) на заседании 29 марта 1923 г. поручило разорвать отношения с издательством З.И. Гржебина с минимальными издержками для советской республики: «Об "Издательстве Гржебина" (гг. Троцкий, О. Шмидт, Н. Мещеряков).

а) Поручить т. Шмидту принять меры к ликвидации договора с Гржебиным с наименьшим денежным ущербом для РСФСР и полнейшим финансовым и торговым бойкотом этого издательства. Поручить т. Шмидту во исполнение данного решения немедленно вступить в переговоры с соответствующими учреждениями (таможнями и т.п.).

б) Поручить т. Каменеву провести это решение в соответствующей форме в советском порядке.

в) Поручить Секретариату ЦК договориться с товарищем, взявшим на себя обязательство перед издательством Гржебина, о ликвидации этих отношений» (см.: *Малахов А.* Великий пролетарский издатель // Деньги. 2003 г. 14 апреля).

Не исключено, что пункт «в» данного решения был адресован М. Горькому, деятельно участвовавшему в работе и осуществлении различных проектов издательства З.И. Гржебина.

28 апреля 1923 г. председатель Главлита П.И. Лебедев-Полянский отдал распоряжение: «Настоящим Главлит предлагает принять срочные меры к недопущению в дальнейшем ввоза из-за границы в РСФСР книг издательства Гржебина и распространения их в РСФСР» (Библиография. 2005. № 5. С. 95).

⁶ См. примеч. к п. 2.

⁷ От публикации «Н.А. Бугрова» Горький в этот момент отказался: «"Бугрова" — не печатайте. Как я уже писал — не стану печататься в России до поры, пока окончательно не выяснится вопрос о "Беседе"» (*Русский Берлин*. С. 401).

журнала «Балтийский альманах», вышедшем в декабре 1923 г. Текст открывал фрагмент отзыва Горького, который Николаевский приложил к письму от 8 марта 1923 г. (см. 2 примеч. к п. 19). В редакционном примечании это решение было прокомментировано: «Ввиду большой литературной значимости письма-отзыва А. П. (Максима Горького) о записках Ив. Коноплина, редакция сочла своей обязанностью поместить его как предисловие к этим запискам.

Ранее письмо поступило в редакцию "Летопись Революции" (изд. 3. Гржебина, но по случаю прекращения издания журнала, рукопись вместе с письмом была передана из-ву "Балтийский альманах"). Какова была реакция Горького на публикацию фрагмента отзыва — неизвестно.

² 8 октября 1923 г. Л.Д. Троцкий обратился с письмом в ЦК, выступив против бюрократизации партийного руководства. 15 октября с протестом против удушения внутрипартийной демократии было выпущено и распространено «Заявление 46» или «Платформа 46». Среди подписавших видные деятели большевистской партии — Е. Преображенский, Е. Розенгольц, Н. Муралов. Николаевский в письме Горькому, очевидно, имеет в виду именно этот документ.

28.

Печатается по А(АГ), впервые.

Адресат ответил 19 июля 1925 г. (*Русский Берлин*. С. 402–403).

¹ В ответном письме Горький выразил собственное негативное отношение к известному провокатору Евно Азефу: «Ужасна, потрясающе отвратительна эта фигура, облик которой Вы, Борис Иванович, осветили светом, окончательно решающим все споры, все недоумения, вызванные проклятым торговцем героями и палачом их.

Теперь об Эвно Азеве можно забыть, — он расплавлен в кучу грязи, в жирное, темное пятно, которому память не хочет дать места в себе; по крайней мере — моя память.

Я так поражен показанной Вами оголенностью этого мещанина, что, несколько, растерялся и не знаю что сказать? Да и что скажешь об этом символе мещанства, о существе, которое ради физиологических наслаждений со своей любовницей продавал людей, которые любили его, их врагам на смерть и каторгу?

Комплиментов Вам за эту работу я не стану говорить. Вы сами понимаете ее глубочайшую важность» (*Русский Берлин*. С. 402–403).

² Горький поблагодарил Николаевского за это издание: «Спасибо за присланную книгу, переписку Плеханова с Аксельродом. Изумительно хорош Акс<ельрод> в его отношении к людям, какая душевная чистота и нежность. Правильно говорит ему Плех<анов>: "до какой степени вы ценнее, бесконечно выше, чище, революционнее..."

Да, вспоминается — невольно — слово "опороченное" — святой.

Еще раз спасибо!» (*Русский Берлин*. С. 403). См. также п. 26 и примеч.

29.

Печатается по А(АГ), впервые.

Датируется по почтовому штемпелю: 12. 01. 15.

Ответ на письмо Горького от 19 июля 1925 г. (*Русский Берлин*. С. 402–403).

На письме приписка И. Церетели Горькому: «Шлю Вам сердечный привет, глубоко уважаемый и дорогой Алексей Максимович, и желаю Вам доброго здоровья.

Ир. Церетели»

¹ См. п. 26 и 28, а также примеч. к ним.

² М.И. Будберг — секретарь и друг М. Горького в 1919–1931 гг.

ПЕРЕПИСКА ГОРЬКОГО с И.С. КОНОПЛИНЫМ

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Н.Н. Примочкиной*

Иван Степанович Коноплин — автор очерков, рассказов, романов и пьес, весьма приметная и яркая фигура русской литературной эмиграции первой волны, остается тем не менее до сего дня одним из самых таинственных и, к сожалению, почти забытых русских писателей XX века. Причина этого кроется не только в суровых жизненных обстоятельствах, в которые попал волею судьбы Коноплин. Виновником своего трагического конца и последовавшего многолетнего забвения отчасти явился он сам. Будучи журналистом и писателем русского зарубежья, он, по некоторым сведениям, вел двойную жизнь агента ГПУ (НКВД), скрывал одни факты своей биографии и заменял их другими, выдуманными.

Вызывает сомнения, как бы двоится в этой фигуре все, начиная с фамилии. Как выяснилось недавно, настоящая фамилия писателя — не Коноплин, а Конопленко. В опубликованной в 1928 г. автобиографии, написанной в игривой, иронично-шутливой форме, автор с первых строк не только не скрывал, но даже декларировал свое особое отношение к правдивости рассказа о своей жизни: «Всякая автобиография есть в некотором роде повесть наизнанку: читай как раз наоборот. Известно — никто о себе правды не расскажет из чувства лукавства...»¹ Руководствуясь этим принципом, Коноплин неблагозвучное название своего подлинного места рождения — села Бурын — заменил в автобиографии на овеянный романтическим духом М.Ю. Лермонтова г. Пятигорск. Посылая в 1932 г. Горькому материалы к своей автобиографии, писатель лукавить перед мировым литературным авторитетом не решился, а может быть, и не захотел, а потому уточнил: «Я из крестьян Курск<ой> губ. Путивльского уезда (все остальное до заграницы изложено в опубликованной автобиографии — правдиво)». Основываясь на этой автобиографии и других ставших недавно доступными архивных источниках, попытаемся воссоздать скучные факты жизни писателя.

Коноплин родился 20 октября 1894 г. в крестьянской семье, в селе Бурынь Путивльского уезда Курской губернии (ныне г. Бурынь Сумской области на Украине). Учился в Сумском кадетском корпусе, затем перевелся в реальное училище г. Харькова. Здесь будущий писатель увлекся чтением, запоем читал В. Скотта, Байрона, Мильтона, Шекспира и других классиков мировой литературы. Окончив реальное училище, поступил в Чугуевское военное училище, после окончания которого был произведен в офицеры и отправлен служить сначала в штаб Казанского военного округа, а затем в Варшаву в 32 Кременчугский полк.

Об участии в войне 1914 г. в автобиографии сказано лаконично: «Про войну я лучше не стану и рассказывать — все равно ничего хорошего о ней не скажу»². Единственной радостью, главной отдушиной на войне были для Коноплина — «это литература, это — мир творчества, мир песнопений»³. В это время он написал свою первую пятиактную пьесу «К свету», которая с большим успехом прошла в городском театре Митавы (ныне г. Елгавы в Латвии). Возможно, именно этот первый успех подвигнул писателя к дальнейшим литературным опытам.

В одном из писем Горькому Коноплин упоминал о том, что он ушел с военной службы и поступил в киевский Технический институт. Однако в автобиографии об этом факте не сообщается.

В результате революционных событий на Украине (гетманщина, петлюровщина) будущий писатель оказался в рядах Западной Добровольческой армии, где был ранен, а после ее разгрома очутился в эмиграции, в Берлине. «Пройдя насквозь российские революции (с пулей в правой руке), — писал Коноплин в автобиографии, — я, наконец, осел в Берлине...»⁴ Здесь он работал 3 года в газете «Руль», затем в газетах «Сегодня», «Русское время», «Наше эхо», «Новое русское слово», был редактором «Балтийского альманаха». Писать начал в 1922 г., выпустил за границей несколько книг рассказов, очерков и романов.

Об увиденном и пережитом в Западной Добровольческой армии, возглавляемой полковником Бермондтом, Коноплин написал большой очерк и в начале 1923 г. отнес его в берлинский журнал «Летопись Революции», который редактировали М. Горький, Б.И. Николаевский и Л. Мартов. 8 марта 1923 г. Николаевский послал полученную рукопись на отзыв Горькому⁵. Прочитав очерк, Горький в середине марта написал о нем и его авторе Николаевскому: «Весьма не плохая вещь, <...>написана легко, живо, в хорошем тоне <...> И если он разрешит себе некоторую дозу иронии над собою и пережитым, он может, мне кажется, написать очень интересные и полезные вещи»⁶.

Ознакомившись в редакции журнала с этим отзывом знаменитого писателя, окрыленный им, Коноплин 20 марта 1923 г. обратился к

Горькому с письмом, в котором признавался: «Ваш отзыв о моей рукописи <...> зажег меня громадной энергией к работе...» Вместе с этим письмом Коноплин переслал Горькому четыре рассказа из недавно вышедшей книги «Печальный Бог» (Берлин, 1922) и просил о личной встрече, чтобы услышать мнение о своих произведениях. Уже 22 марта Горький вернул рассказы со своими пометками и пригласил его к себе в Сааров для беседы.

В письме от 24 марта Коноплин благодарил писателя за приглашение и за советы учиться литературному мастерству у классиков. Видимо, он посетил Горького в первой половине апреля 1923 г. Возможно, именно во время этой встречи Коноплин подарил ему свою книгу очерков «Бескrestные могилы» (Берлин, 1922) с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу от ученика И. Коноплина»⁷. Встреча с известным писателем произвела неизгладимое впечатление на молодого человека. Об этом он написал Горькому в письме от 19 апреля.

В течение лета Коноплин два раза пытался связаться с Горьким, но неудачно: его письма не доходили до адресата, в начале июня уехавшего лечиться на юг Германии, в Гюнтерсталь. Только 28 октября 1923 г., узнав у З.И. Гржебина новый адрес Горького, Коноплин смог обратиться к писателю с просьбой принять участие в организуемом русской эмиграцией в Ковно (Каунасе) «Балтийском альманахе» (Коноплин заведовал его берлинским отделением). Горький ответил на этот раз отказом, мотивируя его тем, что он принципиально не сотрудничает в русских зарубежных изданиях.

На этом переписка писателей прервалась почти на десятилетие. За это время в жизни и идейных взглядах Коноплина произошли глубокие изменения. Он все более отдалялся от эмигрантской среды, объявившей его в конце концов «большевиком». За критику «белых вождей» Коноплин был исключен из Союза офицеров, за доклад о Горьком «как великом художнике нашей литературы» был изгнан из берлинского Союза писателей и журналистов. Разочарование в русской эмиграции привело Коноплина к убеждению, что только в Советской России он сможет полноценно жить и работать, творить. Подобную эволюцию, как известно, пережили в конце 1920-х – начале 1930-х гг. очень многие из молодых писателей-эмигрантов. В надежде, что Горький даст ему дельный совет и поможет вернуться на родину, Коноплин обратился к писателю 15 февраля 1932 г. с письмом, в котором признавался: «Несмотря на то, что я пребываю за границей, где растрачиваю бесполезно душевный пыл, думаю и думаю честно, что моя будущность в Советской России».

Ответ Горького не сохранился, однако, он был. Это видно из следующего, последнего письма Коноплина от 9 сентября 1932 г. Возможно, Горький давал писателю советы, как ему действовать, чтобы

вернуться в СССР. Просоветские настроения Коноплина, его слова о «промотавшейся, тупой и гнусной эмиграции», несомненно, были весьма близки Горькому в это время.

О жизни Коноплина в 1930–1940-е гг. сколько-нибудь точных документальных сведений разыскать не удалось. Поэтому приводим выдержки из воспоминаний секретаря берлинского Союза писателей и журналистов З.И. Арбатова, повествующих о трагической и сложной судьбе этого русского офицера и писателя. По его словам, «Коноплин оказался мелким агентом Берлинского ГПУ и осведомлял его обо всем, что ему было известно о деятельности нашего союза и о жизни отдельных его членов»⁸. Вероятно, Коноплин действительно был завербован чекистами, так же, как это было, например, с мужем М. Цветаевой С.Я. Эфроном. Возможно, он искренно хотел таким образом «искупить вину» за свое белогвардейское прошлое. К сожалению, для многих эмигрантов сотрудничество с ГПУ (НКВД) было единственным — очень опасным и скользким — путем, который мог привести их на родину.

Далее Арбатов вспоминал, что через много лет встретил Коноплина весной 1945 г. на улицах Берлина, окруженного со всех сторон советскими войсками. Арбатов окликнул его. Коноплин на ходу произнес: «Отстаньте от меня. Я соскочил с советского аэроплана. Скоро наши дивизии будут в городе... тогда поговорим. Вы будете под мою защитой!»

«Так ли это было, как он мне сказал, — продолжал мемуарист, — не знаю, но совсем недавно я получил известие, что Иван Степанович Коноплин, дослужившись в Советской армии до чина майора, все же окончил свою жизнь в сентябре 1953 года в качестве ссыльного в далеком лагере Абези»⁹.

Если Коноплин действительно служил в Советской армии, то не исключено, что в годы Великой Отечественной войны он был советским разведчиком, поскольку хорошо знал немецкий язык и жизнь в Германии. Именно это обстоятельство могло послужить поводом для ареста писателя советскими властями в 1948 г. на территории Германии.

Точные сведения о последних годах жизни и обстоятельствах трагической гибели Коноплина стали известны совсем недавно благодаря активной поисковой деятельности председателя Фонда им. Давида Бурлюка А.М. Капитоненко (г. Сумы, Украина). В ответ на его запрос о биографических сведениях из архивного уголовного дела Коноплина Управление регистрации и архивных фондов ФСБ сообщило 26 июня 2008 г. следующее: «Коноплин Иван Степанович, 1894 года рождения, уроженец села Бурынь, Путивльского района, Сумской области (СССР), русский, со средним образованием, бывший белоэмигрант, журналист-писатель, арестован 19 мая 1948 года Оперсектором Советской военной администрации г. Берлина.

По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 13 февраля 1950 года за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1 “а” и 121 УК РСФСР, с формулировкой “за сотрудничество с немецкой разведкой и карательную деятельность против антифашистов” заключен в ИТЛ сроком на 10 лет.

Умер 17 сентября 1953 года в Минлаге (Коми АССР). Сведений о месте захоронения Коноплина И.С. в материалах дела не имеется.

Заключением Главной военной прокуратуры от 16 августа 2002 года постановление Особого совещания при МГБ СССР от 13 февраля 1950 года в отношении Коноплина И.С. по ст. 121 УК РСФСР подлежит прекращению <...> за отсутствием в его деянии состава преступления.

По ст. 58 п.1 “а” УК РСФСР Коноплин И.С. подвергнут уголовной репрессии обоснованно и в соответствии с п. “а” ст. 4 и ч. 3 ст. 8 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года “О реабилитации жертв политических репрессий” реабилитации не подлежит».

В ответ на аналогичный запрос того же Капитоненко в Управление федеральной службы исполнения наказаний по республике Коми в г. Воркуте из этого учреждения 13 мая 2008 г. пришел документ, который дополнил вышеприведенные сведения. Там было указано, что Коноплин был переведен в Минеральный исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) в поселке Абезь Интинского района республики Коми в 1950 г. из Лихтенбургской тюрьмы Берлина. Умер писатель от паралича сердца, похоронен на кладбище лагерного пункта № 1, номер могилы X-28.

Свою автобиографию 1928 г. Коноплин закончил словами: «...мне 34, до ста лет еще долгий срок, а жить я собираюсь ровно век, очень он интересный, если хотите»¹⁰. Но судьба распорядилась иначе: писатель не дожил до 59 лет...

Благодарю за содействие в работе и предоставленные ксерокопии документов председателя Фонда им. Давида Бурлюка А.М. Капитоненко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коноплин Иван. Автобиография // Гримасы пера. Собрал В.В. Гадалин. Рига: Литература, <1928>. С. 141.

² Там же. С. 144.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ См. п. 19 в публикации Г.Э. Прополянис и А.В. Евдокимова «Письма Б.И. Николаевского Горькому» в наст. изд.

⁶ *Русский Берлин*. С. 394.

⁷ Книга имеется в ЛБГ (ОЛБГ. 8547).

⁸ Арбатов З.И. «Ноллендорфплатцкафе» (Литературная мозаика) // Грани. 1959. № 41. Январь–март. С. 111.

⁹ Там же.

¹⁰ Гримасы пера. С. 145.

1. И.С. КОНОПЛИН — ГОРЬКОМУ

20 марта 1923, Берлин

20 марта 1923 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,
горячо прошу извинить меня, что беспокою Вас этим письмом.
Буду краток, поясню, как умею — почему пишу его.

Ваш отзыв о моей рукописи («Бермондтовщина») ¹ зажег меня громадной энергией к работе и пробудил во мне веру в возможность самосовершенствования (о нем Вы пишете).

Я не знаю — верно ли я работаю над собой, одно для меня ясно: Ваше слово меня ободрило, очень ободрило... И за него я приношу Вам глубокую благодарность.

С этим письмом осмеливаюсь переслать Вам четыре моих рассказа, изъятых мною из сбор<ника> под общим заглавием «Печальный Бог» ². Нахожу их слаженней других, почему и не решаюсь переслать весь сборник.

Относительно «П.Б.» получил на днях из Базеля от фирмы Витцингера предложение перевести его на французский язык ³ — на что я, разумеется, изъявил согласие.

Если, Алексей Максимович, Вы найдете возможным разрешить мне увидеть Вас лично на самое короткое время, чтобы услышать от Вас суждение о моих начинаниях — не откажите известить меня о Вашем разрешении. За положительный или отрицательный ответ заранее проявляю мою признательность.

Если позволите — я скажу о себе два слова: я бывший офицер; к моему огорчению, с детства воспитан в нежизненных идеях монархизма. С родителями не сладил (в 14 лет), оставил их (и они меня), учился, самостоятельно выбиваясь «на путь»... Выйдя в офицеры, готовился в Академию. Чувствовал, однако, что путь избрал не настоящий. Революция разрешила мой мучительный вопрос за меня: — я ушел со службы и поступил в высшую школу (Киевск<ий> Техн<ический> институт). Опять произошла ошибка —

что у меня общего с постройкой железных дорог?...

Дальше события (гетманщина, петлюровщина и т.д. и т.д.) закрутили меня и донесли вот сюда — в атмосферу эмиграции. Работаю над большим романом «Возвестие», пишу повесть «Черное море» и заканчиваю «Повесть о Димитрии»⁴. Кроме этого, пытаюсь систематизировать весь имеющийся у меня материал из пережитого (Записки офицера)⁵.

Долго не решался Вам писать, но тесть мой г. Кальманович (я женат на его дочери)⁶ успокоил меня тем, что, осудив строго, Вы «укажете мне меня самого».

Еще раз приношу мои извинения.

Уважающий Вас

И. Коноплин

Berlin — Frohnau,

Villa Magnus,

Sigismund Corso.

P.S. Адрес Ваш знаю потому, что до последнего времени служил в издательстве Гржебина.

2. ГОРЬКИЙ — И.С. КОНОПЛИНУ

22 марта 1923, Сааров

Г<осподину> И. Коноплину.

Я прочитал рассказы Ваши и хотел бы побеседовать с Вами о них.

Мне кажется, что у Вас есть способности, но Вам необходимо много работать для того, чтоб овладеть ими. Возвращаю В<ам> Ваши рассказы с пометками, сделанными наспех, но, надеюсь, что и они позволят Вам догадаться, в чем Вы нуждаетесь.

Вам, прежде всего, нужно позаботиться о языке — для этой цели очень рекомендую читать Лескова, Чехова и Бунина; первый обладает самым богатым лексиконом великорусской речи, двое остальных — отличные стилисты, каждый в своем роде. «Хитроумное слово»¹ свидетельствует, что Вы не теряете времени даром, учитесь, но — этого еще мало.

Если Вы пожелаете посетить меня — предупредите об этом по телефону Saarow (Mark) 32 и захватите с собою рассказы, отмеченные мной.

Всего доброго.

А. Пешков

22.III.23.

3. И.С. КОНОПЛИН — ГОРЬКОМУ

24 марта 1923, Берлин

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Сердечно благодарю Вас за разрешение посетить Вас; после праздника¹ (теперь весь Saarow будет занят приезжими) воспользуюсь для этой цели первой же возможностью.

Ваши пометки прочитал внимательно — да, Вы глубоко правы: мне надо позаботиться и очень о языке.

Работаю — много ли и так ли — не знаю, мне самому трудно разобраться в этом. Во всяком случае работаю (я это вижу и чувствую) без всякой системы; это меня угнетает, а оружия для борьбы с бессистемностью у меня нет.

За Ваши указания на Лескова, Чехова, Бунина — горячее спасибо, читаю.

Если позволите — привезу с собой последний мой рассказ в рукописи («Апостол»)², печатающийся в «Романтическом Альманахе», который выходит в недалеком будущем в изд. «Кирхнера».

Примите пожелания всего доброго.

Уважающий Вас *И. Коноплин*

Frohnau, Villa Magnus,

Sigismund Corso.

24.III. 23 г.

4. И.С. КОНОПЛИН — ГОРЬКОМУ

19 апреля 1923, Берлин

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

шлю на Ваш суд мой последний рассказ — Вы разрешили мне это¹. Как я сказал Вам — я пишу всего лишь год; в «Печ<альном> боге» есть под каждым рассказом даты (чуть ли не с 1914 г.). Это ни к чему не нужная «стилизация»: простановкой дат я думал оправдать слабость моих рассказов. В действительности же они написаны с января 1922 г. по август. Что касается стихов, дневников, путевых впечатлений, все это писалось мной с 9 лет, но серьезно (по-моему) я работаю лишь год (1922—23).

За Ваши указания горячо благодарю: сейчас вторично прочитываю Хвольсона², по астрономии читаю Покровского³, по истории

Виноградова⁴ и др. (достал один том Кареева⁵). Сейчас, когда я Вам пишу это письмо, я припоминаю весь наш разговор: из него я вынес впечатление, что мне предстоит огромный путь труда — говоря с Вами, я убедился, что я ничего не знаю. Благодарю Бога, что у меня есть некоторая вера в себя. Вы этому помогли. Если позволите, Алексей Максимович, скажу Вам откровенно: мне Вас боязно немножко. Это потому, что все Ваше высокохудожественное творчество проникнуто духом ясности и твердости, а я весь, со всем запасом моих сил, худ и немощен — у меня нет форм мировосприятия, нет четких начал мироощущения. Ищу их и боюсь, не поздно ли?.. Боюсь потому, что я «расшатан», как все, как многие в наши дни, а теперь, именно теперь (по-моему) необходима стальная подобранность, конкретизация всякого осмысленного начинания.

Я твердо знаю одно — спасение мое в книге. Ваш совет — все приходящее извне пропускать через призму собственных мыслей, чтобы придать этому всему его «настоящее» (свое, резко очерченное, индивидуальное) значение, мне помогает постольку, поскольку я пытаюсь сейчас, восстановив весь мой разговор с Вами, наметить себе путь, по которому буду действовать.

Буду искренно благодарен Вам, Алексей Максимович, если Вы уделите мне еще раз хотя бы несколько минут для личного разговора с Вами (когда это представится для Вас удобным).

Очень хотелось бы прочесть Вам некоторые сцены из моей пьесы «Золотое перо» и из драмы-мистерии «Библия»⁶.

Примите мои пожелания всего доброго.

И. Коноплин

Frohnau
Villa Magnus
Sigismund Corso.
19 апр.
1923 г.

5. И.С. КОНОПЛИН — ГОРЬКОМУ

28 октября 1923, Берлин

28.X.23
Берлин.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,
это письмо является моей третьей попыткой связаться с Вами:

два первых (письмо в изд. «Эпоха»¹ и телефонный звонок в Saarow) были неудачны — хочется верить, что на этот раз я имею Ваш настоящий адрес², по которому и пишу (а rgoros³ — получил я его от З.И. Гржебина).

Искал я Вас, Алексей Максимович, помимо личных побуждений, еще и вот по какому поводу: в Ковно возник «Балтийский Альманах»⁴, как значится в подзаголовке, «ежемесячник литературы, искусства и экономики». Мне предложено принять на себя руководство берлинским отд. с просьбой списаться с Вами и по изложению Вам основных целей и задач альманаха, просить Вас принять участие в нем.

Буду по мере возможности точен.

В литературном отд. мы хотели бы прежде всего иметь Ваше имя⁵.

Несколько дней тому назад я приобрел у Андр. Белого два с ½ печ. листа прозы (африканские воспоминания и отрывки из романа «Николай Летаев»)⁶. Из других писателей, пребывающих за границей, мы никого больше пока не пригласили, т.к. унылые мотивы их политических рыданий «на реках Вавилонских»⁷ едва ли совместимы с нашими задачами — быть вне всяких тенденций (политических) и вне этих рыданий.

Мы хотели бы дать образцы высокой художественной прозы (и — поэзии), отображающие жизнь в ее чистейших реальных формах или в формах символической задымленности с неустранимой долей присущего нашему времени мистицизма (как отрывки А. Белого), — причем моральная поддержка культурных сил Литвы, Латвии и Эстонии (а также Финляндии) нас занимает как одна из близких и существенных задач.

В отд. искусства мы поместим ряд статей и очерков историко-критического характера. Экономический отд. заполнится работами литовских, латышских, эстонских и финских экономистов и, разумеется, работы эти будут без всяких политико-экономических аналогий и критических разборов экономического состояния России и работы ее хозяйственного аппарата: это внесло бы в альманах некоторую путаницу и нарушило бы его художественные задания.

Имена изъявивших уже согласие принять участие в «Балтийском Альманахе» могу сообщить следующие: Аполлон Коринфский (Россия), Эрих Голлербах (Россия), А. Авилов (Россия), А. Палей (Россия), проф. Овчинников, Вольфганг Греггер, проф. Диль, проф. Зак, д-р Зив.

Если позволите, Алексей Максимович, на этом я кончу письмо — заранее горячо прошу Вас извинить меня, если я дал нужные пояс-

нения мутно и недостаточно обоснованно — в этом виню мой «язык», о котором Вы в личном разговоре когда-то со мной (в Saagow'e) сказали: «Научитесь овладеть им».

...Я сказал, Алексей Максимович, в начале письма о личных побуждениях. Дело в том, что мною организовано в Берлине литературно-художественное объединение «Шатер», о деятельности которого будет на днях в газетах. Объединение (нечто вроде клуба) будет собираться один раз в неделю — по четвергам, — где будут читаться стихи, рассказы и пр. В один из таких четвергов я хочу сделать доклад на тему «Женщина у Горького» (над ним уже работаю). Мне крайне необходимо поэтому с Вами поговорить и хотя бы в отрывках ознакомить Вас с текстом доклада. Если не составит затруднений, известите меня, Алексей Максимович, где и когда можно Вас видеть⁸.

Мой адрес: Herrn I. Konoplin
Bochumer str. 3 He/Zoth
Berlin NW.

Жду Вашего ответа также и по поводу альманаха, дабы я мог сообщить в Литву о Вашем согласии или несогласии.

Примите мои пожелания всего доброго.
Уважающий Вас

Ив. Коноплин

P.S. Для В<ашего> ознакомления с именами руководителей альманаха — прилагаю газетную вырезку (из «Руля»)⁹.

Перед отъездом в Москву А. Белый просил меня передать Вам его поклон и пожелания¹⁰. Не знаю — нужен ли Вам, Алексей Максимович, московский адрес Белого (беру на себя вину, если навязываю) —

Москва, Плющиха д. 53, кв. 1. Клавдии Николаевне Васильевой для Б. Бугаева.

P.S. P.S. Ев. Шкляр — поэт, выпустил четыре книжки стихов: «Вечерняя степь» (повесть), «Караван» (сбор.), «Кипарисы» (сбор.), «Порт» (повесть)¹¹.

6. ГОРЬКИЙ — И.С. КОНОПЛИНУ

31 октября 1923, Гюнтерсталь

И. Коноплину.

Принять предложение Ваше — не могу, ибо в изданиях зарубежных не сотрудничаю; исключается «Беседа» как издание мною

организованное¹.

Позвольте заметить, что если в альманахе Вашем будут печататься статьи характера экономического — это неизбежно вольет альманах в политику и полемику.

Впрочем — желаю успеха.

А. Пешков

31.X.23.

Günterstal.

7. И.С. КОНОПЛИН — ГОРЬКОМУ

15 февраля 1932, Айхвальде

15/II 1932.

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович,

помнить меня Вы не можете. Я посетил Вас в Saarow-Peskow в 1923 г. летом, предварительно списавшись. Редактируя «Летопись Революции», Вы прочли мою рукопись и прислали одобрительный отзыв Б. Николаевскому — обо мне¹.

Встреча наша была короткой, но памятной для меня. Спустя три года (в 1926 г.), я сделал о Вас и Вашем творчестве доклад в Союзе русских журналистов и писателей.

В 1923 г. Вы прислали мне два письма — в первом были указания чисто литературного порядка, во втором Ваш отказ от участия в журнале «Балтийский Альманах», редактором которого я состоял.

Указания Ваши и отзыв, присланный Б. Николаевскому, сыграли в моей литературной жизни значительную роль. До встречи с Вами я выпустил две книги: «Печальный Бог» (рассказы) и «Бескrestные могилы» (очерки). Книги мои Вы прочли и возвратили мне с пометками.

С тех пор, упорно и отшельнически работая над собой, я успел выпустить целый ряд книг. Роман — «История Георгия Беломорина», ром-²ан» «Записки иеромонаха Савелия», ром. «Железное кольцо» и др.²

Не знаю, насколько я поборол в себе те недочеты, о которых Вы писали мне, но твердо убежден, что будь у меня бытовой материал под рукой, я вылепил бы из него литературную вещь, более совершенную, чем в те годы (1923–24 гг.), когда встретился с Вами.

Несмотря на то, что я пребываю за границей, где растрачиваю бесполезно душевный пыл, думаю и думаю честно, что моя будущность в Советской России.

Шатобриановская «власть земли»³ одолевает. И рано или поздно я вступлю в ряды сов. писателей, заодно с ними работая для русск<ого> народа.

В Вашем отзыве обо мне, адресованном Б. Николаевскому, Вы так и писали, что «если Коноплин допустит некоторую дозу иронии над собой и изображаемыми им событиями, то может написать многие полезные вещи» (Ваши точные слова)⁴.

Материально я обеспечен за границей, но внутренне, душевно я задыхаюсь. Все медленней и медленней уходят и стираются творческие краски, нет тем, нет творческого импульса.

Недавно я прочитал Вашу глубокую и захватывающую статью «О Библиотеке поэта»⁵. В ней начертан путь для тех, кто живет и дышит сов<етским> воздухом и творит в общем созидательном, организационно-творческом устремлении. Даны три темы — любовь, смерть, природа, которые надо разработать в атмосфере сов. жизнедеятельности, сов. мироощущения и сов. мировосприятия. Я задумывался над тем — что и как писать на затронутые темы в заграничной, беженской атмосфере, где нет быта, где живут и бьются роллановские Волки⁶?

В этом году я выпускаю роман в II томах «Мужчины» и том пьес «Восстание обманутых»⁷. В романе я пытаюсь разрешить вопрос любви в атмосфере эмигрантской безбытности, в пьесах изображаю «промотавшихся отцов»⁸, введших в заблуждение тысячи обманутых сыновей, оторвав их от родной почвы. Не знаю, удастся ли мне осуществить мои задачи так, как я этого хочу.

Пишу я еще две вещи — повесть и пьесу, но в них я разрабатываю уже советские темы. Трудно мне работать — нет руководства. Трудно еще и потому, что душа заполнена тревогой — как отнесется сов. общественность, литературные круги, критика и т.д. к моим попыткам?

И, наконец, тяжелый вопрос — к кому обратиться, что сделать, что сказать? Ваше поощрительное отношение ко мне, проявленное в 1923—24 гг., навело меня на мысль — обратиться к Вам с просьбой дать мне совет — как быть?

Я охотно вышлю Вам для ознакомления все мои работы, но это вряд ли возможно — ведь Вы заняты более серьезными вещами, чем просмотром писаний тех, кто отстал в осуществлении своих, пусть и добрых, задач и желаний... Я не смею Вас затруднять еще и такими просьбами — буду несказанно благодарен лишь за совет — как быть. О себе и своей внутренней борьбе я уже сказал.

Прошу принять мои пожелания всего доброго.

С уваж<ением> и преданностью

Ив. Степанович Коноплин

Адр. Iw. Konoplin
Villa № 703
Jahn Str. Eichwalde bei Berlin.

К автобиографии

Я из крестьян Курск<ой> губ. Путивльского уезда (все остальное до заграницы изложено в опубликованной автобиографии — правдиво).

Работал подряд 3 года в газете «Руль»⁹, потом в «Сегодня»¹⁰, «Русское время»¹¹ (Париж), «Наше эхо»¹² (Ковно). Журналы: «Театр и жизнь»¹³ (Париж), «Балтийский Альманах» (Ковно — Рига). Был редактором последнего.

Выпущены книги: 1) Печальный бог (расск<азы>), изд. Отто Кирхнер, Берлин. <1922>.

2) Бескrestные могилы — очерки, изд. Труд, Берлин. <1922>.

3) Железное кольцо (роман), изд. М. Дидковский, Рига. <1928>.

4) История Георгия Беломорина (роман), изд. Литература, Рига. <1929>.

5) Записки иеромонаха Савелия (ром.), изд. Литература, Рига. <1930>.

6) Бермондтовщина, военно-политическ<ие> воспоминания, опубликованы в «Балт<ийском> альманахе».

7) Крестonosцы — письма из западной добровольческой армии. Опубликовано в большом журнале «Белое дело», кн. IV. <1928>.

8) В печати роман в II частях «Мужчины», изд. Грамата Другс, Рига. <1932>.

9) Подготовлен к печати том пьес «Восстание обманутых» (4 пьесы: Бубновый валет, Изумительные люди, Восстание обманутых, Три договора).

Т.к. за границей я очутился не в силу политических или каких-либо иных соображений, а потому, что был втянут общими условиями и обстоятельствами, среди которых находился в минуты разделения на белых и красных.

Будучи за границей уже, я от поры до времени пропускал в моих работах ту или иную критикующую мысль, как в виде аргументов в пользу пересмотра эмигрантских мировоззрений, так и в форме наводящих размышлений и требований, направленных в стан вождей белых.

Из этих выступлений моих получился следующий результат:

1) За мои статьи в жур<нале> «Часовой»¹⁴ (Париж), за такие же статьи в газ<ете> «Нов<ое> русск<ое> слово»¹⁵ (Нью-Йорк), за

выступления на общих собраниях Союза офицеров в Париже и Берлине — меня исключили из Союза офицеров, уличив меня «в большевизанстве».

2) Одновременно с этим, «Руль», «Сегодня» и др. газеты прекратили меня печатать. На моем докладе о творчестве Максима Горького, Андрея Белого и К. Бальмонта — мой взгляд на М. Горького, как на великого художника нашей литературы был оспорен проф. Айхенвальдом¹⁶ и И. Гессеном¹⁷, в форме резкой и грубой, ибо, «говоря о Горьком, надо помнить не Горького — писателя, а Горького — политика». В результате докладов (еще было сделано 2) — я был исключен из Берлинского союза писателей и журналистов.

С этого времени я порвал всякую близость с писательскими и военными кругами эмиграции. Проживаю в деревне под Берлином, где имею маленький дом и сад.

Работаю постоянно в Нью-Йорке, в газ. «Новое русское слово», корреспондентом которой состою в Германии. Пишу исключительно по вопросам внутреннего — финансового и экономич<еского> — положений в Германии. Иногда пишу в газ<еты> рассказы, очерки, воспоминания.

В Риге издаю мои книги. Сейчас в печати большой роман в 11 частях. Материально обеспечен и собственным заработком и заработком жены, немки-юристки¹⁸. Т<аким> обр<азом> мое желание вернуться в СССР и работать там, я прошу рассматривать как искреннее движение души, независимое от каких бы то ни было побуждений.

Ив. Коноплин

Eichwalde (Дубовый лес)
bei Berlin
Jahn Str. 703.

P.S. Как образец моих рассказов, в которых я затрагивал «умирающую на эмигрантском бездорожье душу», пересылаю для ознакомления рассказ «Чудесная». Он был напечатан в «Руле», перепечатан: в Париже, Харбине, Нью-Йорке и др.

Все обозначенные в этой записке мои книги будут досланы.

И.К.

8. И.С. КОНОПЛИН — ГОРЬКОМУ

9 сентября 1932, Айхвальде

9/IX

Душевноуважаемый
Алексей Максимович,

вчера я послал Вам мой новый, только что вышедший роман «Мужчины». С высылкой выпущенных до этого книг я, к глубокому сожалению, задержался... На это были серьезные причины.

В апреле Вы писали мне¹ о предполагаемой поездке Вашей в Москву — в мае². На днях узнал из русских (и германских) газет о Вашем пребывании в Берлине³. Искренно сожалею, что не сумел Вас повидать. В ближайшее время перешлю Вам все мои книги для ознакомления⁴.

Горячо прошу Вас, если это не представит больших затруднений, сообщить мне Ваше мнение о моих работах.

В романе «Мужчины» Вы угадаете трагическое отсутствие темы: все иссякло за границей, душа немеет, линяют краски. Как я уже писал Вам — хочу в Союз, там найду, в общем творческом кипении, и темы, и краски, и — главное — импульс к творчеству.

На душу мою давит большая тревога: как приду в Союз — «чужой», из-за границы? Примет ли меня советская общественность (и литература) и как примет?

Искренно прошу Вас, Алексей Максимович, помочь мне направляющим указанием и советом. В последний год я пережил за границей много огорчений. Думаю, что Вы случайно наталкивались в газетах на «уничтожающие» эмигрантские писания обо мне, в которых эмиграция объявила меня окончательно большевиком («Возр<ождение>»⁵ от 14/V и 26/V, «Посл<едние> Нов<ости>»⁶ от 16/V и 2/VI, «Наш век»⁷ от 3/VI и т.д.⁸) Я не считал для себя обязательным искать у эмиграции оправданий, и это еще более усилило выпады против меня.

Начатый мною роман «Лгуны»⁹ я целиком посвящаю разоблачению промотавшейся, тупой и гнусной эмиграции, втянувшей в свои недра и тот здоровый молодец, который мог бы трудиться и работать для сов. России.

Если обрадуете меня маленькой надеждой, что не буду я страшно одиноким и чужим по приезде в СССР в среде литературных товарищей — я приму соответствующие меры к получению разрешения на въезд в Союз.

Отсюда еще одна горячая просьба, Алексей Максимович, не сочтете ли возможным письмом в Берлинское Полпредство

известить должностных лиц о моем обращении в Консульство? Заявление я подам тотчас же, как только получу от Вас указания и разъяснения.

Прошу простить меня за причиняемые беспокойства. С душевным напряжением буду ждать от Вас известий.

Искренно преданный и уважающий Вас

Ив. Коноплин
(Ив. Степанович).

Адр. Eichwalde bei Berlin
Jahn Str. 703/4.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по А (АГ. КГ-п-37-5-1).

¹ Очерк И.С. Коноплина «Бермондтовщина» посвящен событиям 1919—1920 гг. в Западной Добровольческой армии, созданной полковником Бермондтом при поддержке германской оккупационной армии в Прибалтике. В 1919 г. Бермондт нарушил соглашение с Юденичем о совместных действиях против большевиков и начал сепаратное наступление на Ригу. После разгрома своей армии бежал в Германию. Участник этих событий Коноплин отразил их в своих воспоминаниях, которые послал в берлинский журнал «Летопись революции», выходявший под редакцией М. Горького, Ю.О. Мартова и Б.И. Николаевского. Рукопись очерка с редакторской правкой сохранилась в фонде журнала, в коллекции Николаевского (США). Впервые «Бермондтовщина» была напечатана в «Балтийском альманахе» (Ковно. № 1, 2. Декабрь 1923, январь 1924). В качестве предисловия был использован отрывок из письма Горького Николаевскому, в котором давалась положительная оценка этого произведения. Подробнее об этом см.: вступ. статью, а также пп. 19 и 27 и примеч. к ним в публикации Г.Э. Прополянис и А.В. Евдокимова «Письма Б.И. Николаевского М. Горькому» в наст. издании.

² Печальный Бог: Рассказы. Берлин: Отто Кирхнер, 1922.

³ Сведений об издании сборника на французском языке разыскать не удалось.

⁴ Указанные произведения в свет не выходили.

⁵ Речь идет о военно-политических воспоминаниях Коноплина «Крестоносцы», опубликованных в сборнике «Белое дело» (Вып. IV: Берлин, 1928).

⁶ Речь идет о первой жене Коноплина — Кальманович Эмили Самуиловне (лит. псевдоним Кальма) — поэтессе, авторе сборников «Белая печаль» (<б.м.>, 1922), «Спелый колос» (Берлин: З.И. Гржебин, 1923), сборника стихов и рассказов для маленьких детей «Цветные камушки» (Берлин: Отто Кирхнер, 1922. Совместно с И. Коноплиным).

2.

Печатается по ФК (АГ. ПГ-рл-20-5-1).

¹ Рассказ Коноплина «Хитроумное слово» — единственный в книге «Печальный Бог», который посвящен не дореволюционному прошлому, а недавним событиям революции и гражданской войны в Крыму. Сюжет рассказа драматичен. Владелец гостиницы Либерман и его жена Лия помогли бежать от большевиков раненому белому офицеру Калинину. Его преследует грозный и беспощадный красный командир Арцышов. Из дневника убитого Арцышова становится ясным, что он был отцеубийцей и исповедовал идеологию сверхчеловека. Хитроумное слово — это слово «Бог». Арцышов отрицал Бога, его творческую силу. «Я — Бог...», — записал он в дневнике (*Коноплин И. Печальный Бог. Берлин, 1922. С. 255*). Автор рассказа явно осуждает Арцышова. Его симпатии — на стороне белых, офицера Калинина. Сложность изображаемой действительности писателю удалось передать драматизмом описаний и динамизмом стиля.

3.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-37-5-2*).

¹ 1 апреля 1923 г. в Европе отмечался католический праздник Пасхи.

² Рассказ «Апостол» был напечатан в берлинской газете «Руль» (1924. № 978. 22 февраля).

4.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-37-5-3*).

¹ Возможно, речь идет о рассказе «Апостол». См. п. 3 и примеч.

² Хвольсон Орест Данилович (1852–1934) — ученый, физик, член-корреспондент Российской академии наук, педагог, автор 4-томного труда «Курс физики». Горький мог также посоветовать Коноплину познакомиться с книгой Хвольсона «Физика и ее значение для человечества» (Берлин: Госиздат, 1923). Эта книга с пометами писателя сохранилась в его личной библиотеке (*ОЛБГ. 5767*).

³ Покровский Константин Дормедонтович (1868–1945) — астроном. Вероятно, Горький советовал своему корреспонденту почитать его труды: *Покровский К. Путеводитель по небу: Практическое руководство к астрономическим наблюдениям невооруженным глазом и малой трубой. 4-е изд., испр. и доп. Берлин и др.: З.И. Гржебин, 1923; Покровский К. Звездный атлас для всеобщего ознакомления с небом и систематических наблюдений. Берлин и др.: З.И. Гржебин, 1923. Обе книги сохранились в личной библиотеке Горького (*ОЛБГ. 4271, 9054*).*

⁴ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) — историк, академик Российской академии наук. Видимо, речь идет об издании: Учебник всеобщей истории. Сост. Павел Виноградов. Ч. 1–3. Ч. 1. Древний мир. Ч. 2. Средние века. Ч. 3. Новое время. Книга выдержала до революции 13 изданий. Первое вышло в Москве в 1893–1896 гг. (изд. книжного магазина И. Дейбнера), последнее (т. 3) — в 1917 г. в Москве, в изд. И.Д. Сытина.

⁵ Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк, проф. Петербургского университета, член-корреспондент Российской академии наук, автор трудов по истории Западной Европы, по истории Великой французской революции и др.

⁶ Сведений о выходе пьес «Золотое перо» и «Библия» разыскать не удалось.

5.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-37-5-4*).

¹ Берлинское книжное издательство, выпускавшее журнал Горького «Беседа» (1923–1925). Возглавлял издательство С.Г. Каплун (лит. псевдоним — Сумский).

² В начале июня 1923 г. Горький уехал из Саарова лечиться на юг Германии, в местечко Гюнтерсталь около г. Фрейбурга.

³ Кстати (франц.).

⁴ «Балтийский альманах», выходил в Ковно (Каунасе) (1923–1924, № 1–3), затем в Риге (1924, № 4; 1928, № 1–3; 1929, № 1–4; 1937, № 1–5) под ред. Е.Л. Шкляра. Издателем альманаха был А.С. Рискин. Берлинским отделением заведовал Коноплин. В альманахе печатались переводы произведений с польского, литовского, латвийского, эстонского, белорусского и финского языков, в том числе стихи А. Мицкевича в переводе В. Ходасевича. Широко была представлена современная русская поэзия именами А. Авилова, И. Белоусова, Е. Галати, Г. Дешкина, Кальмы, А. Палей, И. Рукавишников, Г. Струве и др.

В первых двух номерах был опубликован очерк Коноплина «Бермондтовщина». В отделе критики и библиографии печатались статьи о современной литературе и искусстве Ю. Айхенвальда, В. Грегера, Э. Голлербаха, Кальмы, П. Пильского, М. Осборна и др. В экономическом отделе публиковались очерки и статьи Я. Бергольца, Р. Комарова, В. Назимова и др. об экономике Прибалтийских стран.

⁵ Горький в «Балтийском альманахе» не печатался. См. п. 6.

⁶ А. Белый оказался единственным крупным писателем, выступившим на страницах «Балтийского альманаха» со своими произведениями. В № 1 были напечатаны его путевые заметки «Из африканских воспоминаний», в № 2 — две главы из романа «Преступление Николая Летаева» (др. название «Крещеный китаец»).

⁷ Ср. первый стих 136-го псалма: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали» (Псалтырь).

⁸ 26 ноября 1923 г. Горький уехал из Германии и поселился в Чехословакии. С Коноплиным он больше не встречался.

⁹ К письму приложена газетная вырезка с сообщением: «В ноябре в Берлине начнет выходить ежемесячник литературы, искусства и экономики под названием “Балтийский Альманах”. Главный редактор альманаха Евгений Шкляр (Ковно); берлинским отделом заведует И. Коноплин».

¹⁰ А. Белый уехал из Берлина в Москву в октябре 1923 г.

¹¹ Речь идет о следующих книгах поэта Евгения Львовича Шкляра: *Вечерняя степь*: 4-я книга стихов. Берлин: Книгоизд-во Писателей, 1923; *Караван*: 2-я книга лирики. Берлин: Мысль, 1923; *Кипарисы*. Ковно: Прибалтийское Изд-во, 1922. (Сведений о выпуске повести «Порт» разыскать не удалось.)

6.

Печатается по ФК (АГ. ПГ-рл-20-5-2).

¹ Журнал литературы и науки «Беседа» был создан Горьким и выходил в Берлине с июня 1923 г. по март 1925 г. Всего вышло 6 книг (7 номеров, последняя книга — двоянная). В редколлегиях, кроме Горького, входили В. Ходасевич, А. Белый (до отъезда в Россию), Ф. Браун и Б. Адлер (до 4 книги). Подробнее см.: *Вайнберг И. Жизнь и гибель берлинского журнала Горького «Беседа»* // Новое лит. обозрение. 1996. № 21.

7.

Печатается по А (АГ. КГ-п-37-5-5).

¹ См. п. 1 и примеч.

² Библиографические сведения о названных выше и ниже изданиях Коноплина см. в приложении к данному письму: «К автобиографии».

³ Возможно, Коноплин в данном случае сравнивает свои чувства тоски по родине с переживаниями французского писателя-аристократа Франсуа Рене де Шатобриана (1768–1848), вынужденного во время Великой французской революции надолго покинуть

родину, скитаться по Америке, жить в Англии, но затем вернувшегося во Францию.

⁴ Коноплин неточно цитирует слова Горького из письма Б.И. Николаевскому. (См. точную цитату во вступ. Статье.) Судя по всему, Коноплин познакомился с отзывом Горького в 1923 г. в редакции журнала «Летопись революции», но не имел его у себя на руках. Печатаемая свой очерк «Бермондтовщина» в декабре 1923 г. в «Балтийском альманахе», он процитировал горьковский отзыв по памяти. Осенью 1931 г. Коноплин обратился к Николаевскому с просьбой прислать ему фотокопию горьковского отзыва. Однако Николаевский в ответ послал ему фотокопии двух писем Горького 1923 г., адресованных Коноплину (см. пп. 2, 6. Подробнее об этом см.: *Русский Берлин*. С. 394–395). В данном случае Коноплин процитировал тот отзыв, который был напечатан в «Балтийском альманахе».

⁵ Статья Горького «О «Библиотеке поэта»» впервые была опубликована одновременно в газетах «Правда» и «Известия» в декабре 1931 г. (№ 335). См.: *Г-30*. Т. 26. С. 176–185.

⁶ Имеются в виду герои пьесы Р. Роллана «Волки» (1898), вошедшей в его драматический цикл, посвященный Великой французской революции.

⁷ Сборник пьес Коноплина «Восстание обманутых» в свет не выходил.

⁸ Ср. заключительные строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Душа»: «Насмешкой горькою обманутого сына / Над промотавшимся отцом».

⁹ «Руль» — ежедневная эмигрантская газета, выходила в Берлине с 16 ноября 1920 по 14 октября 1931 г. под ред. И.В. Гессена, А.И. Каминки и В.Д. Набокова (до марта 1922 г.).

¹⁰ «Сегодня» — газета русской эмиграции, выходила в Риге с 17 августа 1919 по 21 июня 1940 г. под ред. Н.Г. Бережанского, М.И. Ганфмана, Б.О. Харитона, М.С. Мильруда.

¹¹ «Русское время» — ежедневная эмигрантская газета, выходила в Париже с 10 июня 1925 по 6 января 1929 г. под ред. Б.А. Суворина и А.И. Филиппова.

¹² «Наше эхо» — газета русской эмиграции, выходила в Ковно (Каунасе) с 1929 по 1931 г. под ред. Е.Л. Шкляра.

¹³ «Театр и жизнь» — двухнедельный журнал, посвященный пропаганде русского сценического искусства за границей, выходил в Берлине в 1921–1923 гг. (вышло 17 номеров). Редактор-издатель Е.Ю. Грюнберг.

¹⁴ «Часовой» — иллюстрированный военный двухмесячный журнал-памятка, орган связи русского воинства за рубежом. Выходил в Париже, затем в Брюсселе с 1929 по 1987 г. Редактор — В.В. Орехов.

¹⁵ «Новое русское слово» — ежедневная газета, выходит в Нью-Йорке с 1920 г. по сегодняшний день. Редактора — А.Я. Кречмар (1920–1922), М.Е. Вейнбаум (1922–1973), А. Седых (с 1973).

¹⁶ Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) — литературный и театральный критик, литературовед. В 1922 г. был выслан из Советской России, поселился в Берлине. В 1922–1928 гг. возглавлял литературно-критический отдел газеты «Руль». Член берлинского Союза русских писателей и журналистов.

¹⁷ Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — общественный деятель, издатель, публицист, член ЦК партии кадетов. В 1919 г. эмигрировал из Советской России. С 1920 г. жил в Берлине, был избран председателем берлинского Союза русских писателей и журналистов. Возглавлял берлинское изд-во «Слово», был соредактором газеты «Руль». В 1921–1937 гг. издавал серию «Архив русской революции». С 1935 г. жил в Париже, с 1941 г. — в США. Умер в Нью-Йорке.

¹⁸ Речь идет о второй жене Коноплина Эрне Хорний.

8.

Печатается по А (АГ. КГ-п-37–5–6).

К письму приложена фотография адресата с дарственной надписью: «М. Горькому Ив. Коноплин. 1932. 8/IX».

Датировка (год) уточняется по содержанию и по надписи на фотографии.

¹ Письмо не разыскано.

² Горький приехал из Сорренто в Москву 25 апреля 1932 г.

³ 26 августа 1932 г. Горький приехал в Берлин, чтобы оттуда отправиться на Международный антивоенный конгресс в Амстердаме. Из-за отказа голландского правительства выдать визы советской делегации писатель остался на время конгресса в Берлине, откуда 2 сентября вернулся в Москву. Сообщение о приезде Горького в Берлин было напечатано в немецкой газете «Berliner Tageblatt» 27 августа 1932 г. (№ 406). Пребывание Горького в Берлине и его заочное участие в Международном антивоенном конгрессе широко освещалось в советских газетах, например, в «Правде» за 28, 30 августа, 2, 5 сентября 1932 г. (№ 238, 240, 243, 246).

⁴ Вероятно, Коноплин не выполнил своего обещания. В ЛБГ эти книги не сохранились.

⁵ «Возрождение» — ежедневная (с 1936 г. еженедельная) эмигрантская газета, выходила в Париже с 3 июня 1925 по 7 июня 1940 г. под ред. П.Б. Струве (1925–1927), затем Ю.Ф. Семенова.

⁶ «Последние новости» — ежедневная газета русской эмиграции, выходила в Париже с 27 апреля 1920 по 11 июня 1940 г. под ред. М.Л. Гольдштейна (1920–1921), затем под ред. П.Н. Милукова (с марта 1921 г.).

⁷ «Наш век» — еженедельная эмигрантская газета, выходила в Берлине с 1931 по 1933 г.

⁸ Из перечисленных в письме газет только в одной удалось найти упоминание о Коноплине. В парижской газете «Возрождение» за 14 мая 1932 г. (№ 2538), в заметке «Яковлев и “Великая Русь”» сообщалось о создании в Берлине эмигрантской организации «Великая Русь» и писалось о ее руководителях: «Среди них оказался, между прочим, Некто К., — определенный советский агент, исключенный впоследствии из всех эмигрантских организаций». Далее описывалось первое заседание «Великой Руси», которое «сразу перешло в дикую ругань между Яковлевым <редактором газеты «Набат». — Н.П.> и К., ибо ни тот, ни другой не хотели уступить в создаваемой организации первенствующей роли».

⁹ Роман «Лгуны» в свет не выходил.

ПИСЬМА Л.Б. КАМЕНЕВА ГОРЬКОМУ

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
Л.Н. Смирновой*

*«Каменев ... в издательстве "Академия" ...
более на своем месте, чем в политике»*

(Горький — Ромен Роллану)

Горького и Каменева связывали тридцать лет деловых и дружеских отношений, взаимоуважение и просто человеческие симпатии.

Из этих тридцати их личные контакты и встречи едва ли составят десятилетие.

В таких случаях средством общения становятся письма. Опубликованная переписка выдающихся людей своего времени воспринимается потомками как исторический документ эпохи.

К сожалению, сохранившаяся переписка Каменева и Горького фрагментарна. К настоящему времени известны 26 писем Горького и 37 — Каменева. Но только девять пар документов соотносятся как письмо — ответ.

В некоторых случаях корреспонденция не требовала ответа. Например, короткие записки Горького 1919–1921 годов — ходатайства за репрессированных¹. В 1930-е годы, когда Горький вернулся в Советский Союз и оба жили в Москве, письма «заменялись» телефонными переговорами, совместными деловыми совещаниями на квартире или на даче Горького. Иногда поручения и просьбы передавались через Крючкова.

Но с 25 ноября 1923 до 12 августа 1932 г., почти за девять лет, неизвестно ни одного письма Горького к Каменеву. За этот же период Горький получил от Каменева 14. Вероятно, письма Горького были изъяты из личного (домашнего) архива Каменева при аресте и обыске в октябре 1932 г. (см. п. 21).

Время их совместной деятельности — первая треть XX века — трагичное время в истории России: три войны, три революции, «белый» и «красный» террор, насильственная ломка старого уклада жизни, создание нового, социалистического, государства на развалинах

старого, беззаконие первых пореволюционных лет. Все это осуществлялось жесткими репрессивными мерами, вызывало непримиримые дискуссии и раскол в высших партийных кругах, противостояние части общества, недоверие и вражду в народных массах.

В этом сложном социуме жили и работали политический деятель Каменев и народный писатель Горький.

Лев Борисович Каменев (Розенфельд) родился в 1883 г. в Москве. Его отец инженер, бывший жел.-дор. машинист, стремился дать сыну фундаментальное образование.

В 1901 Каменев окончил Тифлисскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского Университета. За активное участие в студенческом движении, уличных демонстрациях в марте 1902, арестован и выслан в Тифлис. Осенью уехал в Париж, где познакомился с Лениным.

В дни первой русской революции Каменев в России. В конце 1904 — первой половине 1905 г. он ведет агитацию среди повстанцев, выступает в демократической печати, находясь то в Москве, то в Петербурге. К этому времени относится его знакомство с Горьким. Оба они — члены редколлегии «Новой жизни», позднее — легальной большевистской газеты «Волна». С наступлением реакции оба покидают Россию.

Каменев едет в Италию, где знакомится с молодым студентом столичного колледжа Бенито Муссолини, бывшем тогда социал-интернационалистом. Через полтора—два года их дружба прерывается по политическим мотивам, — Муссолини переходит на сторону национал-социалистов². Каменев возвращается в стан большевиков. В апреле 1907 он присутствует на 5-м съезде РСДРП как делегат от Московской организации. Как профессиональный революционер по делам партии он бывает в Тифлисе, в Москве, Петербурге, Женеве, Кракове. Участвует в Международных политических конгрессах, от большевистской фракции делегируется в 4-ю Государственную Думу. Он становится редактором газеты «Пролетарий», публикуется в легальных и нелегальных партийных изданиях. О его публицистических статьях и литературных трудах того времени пишет М.В. Михайлова:

«Литературно-публицистическая деятельность К<аменева> определялась в первую очередь его ортодоксально-партийной позицией. В цикле статей о соотношении либерализма и демократизма в революционном движении середины 19 в. <...> он прежде всего выявляет классовые корни идеологии русских теоретиков социализма».

Здесь имеются в виду статьи Каменева о Герцене и Чернышевском 1911, 1913 гг. Он пишет также о работах С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, С.Б. Струве, Е.Н. Трубецкого, о творчестве Достоевского, Толстого, Некрасова. Шмелева, Брюсова, Зинаиды Гиппиус; о романе Ропшина (Бориса Савинкова); о творчестве Горького, по мнению Каменева,

«воплотившего идеалы социалистического движения и ставившего на место Бога — человека»³.

До Февральской революции Ленин ценил политическую активность молодого большевика. В частности, написал предисловие к его книге «Две партии»; пригласил читать лекции в партийной рабочей школе (Лонжюмо); в 1914 г. поручил руководство большевистской фракцией (Петроград). Деятельность Каменева в 1914 г. была прервана арестом и ссылкой в Восточную Сибирь.

После Февральской революции Каменев уже 12 марта прибыл в Петроград (вместе со Сталиным и Мурановым); Ленин приехал 3 апреля. Практически сразу же между Каменевым и Лениным возникла дискуссия по многим вопросам тактики партии: об отношении к Временному правительству, о лозунге «Долой войну», о двоевластии, об июньском выступлении эсеров и главное — о сроках вооруженного восстания. Непримиимость разногласий по этому вопросу выявилась на расширенном заседании ЦК РСДРП 16 октября 1917 г. Ленин был — за, Каменев — против немедленного вооруженного выступления.

Разъясняя свою позицию, Каменев передал в «Новую жизнь» — Горькому — Заявление о «выступлении». Горький опубликовал его 18 октября 1917 г. вместе со своей статьей «Нельзя молчать».

В «Заявлении» Каменев писал: «Не только я и тов. Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу восстания в настоящий момент <...> было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом». В данных обстоятельствах вооруженное восстание «обречено на поражение и повлекло бы за собой самые гибельные последствия для партии, для пролетариата, для судеб революции».

В статье «Нельзя молчать» Горький иллюстрирует политические тезисы Каменева, рисуя яркие картины «несвоевременного бунта»: «Вспыхнут и начнут чадить, отравляя злобой, ненавистью, местью, все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики — люди будут убивать друг друга <...> На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут “творить историю русской революции”»⁴.

Симптоматично, что Каменев, бывший тогда постоянным сотрудником «Правды», предпочел отдать «Заявление» в «Новую жизнь». Знал, что в этом вопросе Горький солидарен с ним, и был уверен в его поддержке.

Со своей стороны Горький также не был согласен с революционной практикой Ленина. В его письмах к жене и сыну (1917–нач. 1918) встречаются такие строки: «... все мы боимся гораздо больше Ленина, чем Гинденбурга»; «Мы здесь живем в плену *большевиков* <...> сотрудников Ленина. Житьишко невеселое и весьма раздражает...»;

«...никогда еще и никто не обманывал так нагло рабочий класс, как обманул его Ленин...»⁵ Письма эти он чаще всего передавал по рукам с доверенными людьми.

Позднее, в очерке «В.И. Ленин» Горький писал: «В 17–18 годах мои отношения с Лениным были далеко не таковы, какими я хотел бы их видеть, но они не могли быть иными»⁶. Об этих разногласиях было известно в партийных кругах, о чем писал Троцкий в статьях 1930-х годов: «Революцию 1917 года Горький встретил с тревогой <...> Октябрьский переворот он встретил в качестве прямого врага, правда, страдательного, а не активного». «Ленин беспощадно боролся с Горьким в 1917 году, когда над всеми остальными соображениями стояла необходимость революционного переворота». В некрологе Горькому Троцкий упоминает о вражде Горького «к большевикам в период Октябрьской революции и гражданской войны».

Напротив, в личном общении с Каменевым Горький находил общий язык.

Октябрьскую революцию Каменев встретил в Петрограде. 25 октября 1917 г. он председательствовал на Втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. В последний день Съезда, 27 октября, был избран Председателем ВЦИК.

«Тов. Каменев, который, как известно, занимал тогда особую позицию... — писал Троцкий, — принимал, однако, активнейшее участие в событиях переворота <...> Решающую ночь с 25-го на 26-е мы провели вдвоем с Каменевым в помещении Военно-Революционного Комитета, отвечая на телефонные запросы и отдавая распоряжения»⁷.

Продолжались споры Каменева с Лениным, который в конце концов посчитал его нарушителем партийной дисциплины и даже обвинил в дезертирстве. В итоге уже в советское время Каменев был отстранен от поста Председателя ВЦИК и ему было отказано от восстановления в ЦК партии.

В конце декабря 1917 г. он участвовал в Брест-Литовских переговорах о мире, а в январе 1918 г. был отправлен за границу как новый посол России во Франции. Из Петрограда морским путем он попал в Лондон, где узнал, что Париж не признает его полномочий. На обратном пути был арестован финнами, и более четырех месяцев находился в заключении на одном из Аландских островов. В Россию вернулся в середине — конце августа 1918 г., через Петроград в Москву, куда в марте 1918 г. переехало правительство. В сентябре его ввели в Президиум ВЦИК, с октября 1918 г. — Каменев Председатель Моссовета. Но до конца 1922 г. он не назначался на сколько-нибудь значительные посты в партийной иерархии.

Горький в дни свершения Октябрьской революции находился в Москве. Он приехал из Петрограда около 23 октября по сугубо мирным делам (читал свою пьесу «Старик» труппе 1-й Студии МХТ), но

задержался до 7 ноября в связи с арестом Максима. Только 8 ноября Горький вернулся в Петроград.

Таким образом, после революции Горький и Каменев могли общаться лишь в течение первых двух месяцев, с 8 ноября 1917 г. до отъезда Каменева за границу в январе 1918. В эти дни в переписке не было надобности. Она могла начаться только по возвращении Каменева в Москву.

Первое известное нам деловое письмо Горького Каменеву датировано 23 августа 1919 г. Последнее (до отъезда Горького за границу) — 24 августа 1921 г. Все это время Горький был занят исполнением своей, воистину — исторической, — миссии: «Моя задача, — писал он академику Баху 10 апреля 1918 г., — объединение всей интеллигенции на почве культурной работы»⁸. Культурные слои России — интеллигенцию — он вовлекал в работу многочисленных, им организованных, Комитетов и Ассоциаций.

Общеизвестно недоверие Ленина к русской интеллигенции, его презрительное отношение к этому общественному слою. Общеизвестен «руководящий» призыв Зиновьева: убивать интеллигентов на улицах без суда и следствия. Но мало кому известно сегодня, что эти призывы осуществлялись с санкции Правительства. «В декрете Совнаркома РСФСР от 21 февраля 1918 года говорилось: “Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления”. В перечень могли попасть <...> очень многие»⁹. Этот декрет предопределял деятельность чекистов.

С первых дней революции Горький выступал защитником и ходатаем за репрессированных ученых, писателей, художников, технических «спецов», бывших общественных деятелей, эсеров и кадетов. С ходатайствами о помиловании, об освобождении из тюрем он обращался к Ленину, Дзержинскому, Зиновьеву, к руководителям местных ЧК. Это не давало положительных результатов. Реальную помощь оказывал только Каменев. Горький знал, к кому обращается, был уверен в помощи и — не ошибся. Эта его убежденность чувствуется уже в первом письме о вызволении из тюрьмы Будберг: «Убедительно прошу Вас похлопотать о ее освобождении, ибо слышал, что Вы охотно и сердечно беретесь за такие дела»¹⁰ (подчеркнуто мною. — Л.С.

Каменев выполнял просьбы Горького, касались ли они «графини Бенкендорф», «фабриканта роялей», «прислуги Костомарова», всем известной Веры Фигнер или неназванного Горьким «подателя сего», людей из окружения писателя или умоляющих о помощи незнакомых лиц.

«Письма Горького свидетельствуют, что Каменев внимательно относился к многочисленным просьбам писателя. На некоторых из них

имеются его резолюции или пометы о принятых мерах», — пишет Спиридонова во вступительной статье к первой публикации этих писем¹¹.

Каменев не был сторонником репрессивных мер, не жаждал крови. Он сам обращался в высшие партийные круги, выступал против незаконных деяний карательных органов. Недавно опубликовано письмо Каменева к Ленину, написанное в январе 1919 г., о необходимости реформировать ВЧК. Опираясь на жалобы и просьбы, идущие с мест, Каменев писал: «Разложение ЧК идет всё дальше и глубже...» и приводил конкретные факты незаконных действий чекистов¹².

В этом вопросе писатель и политик были солидарны и даже выступили с совместными протестами. 6 сентября 1919 г. Горький передает с проф. В.Н. Тонковым письмо Ленину, в котором пишет: «Здесь арестовано несколько десятков виднейших русских ученых <...> Мы, спасая свои шкуры, режем голову народа, уничтожаем его мозг <...> Для меня стало ясно, что “красные” такие же враги народа, как и “белые”»¹³.

И в те же дни (в начале сентября 1919 г.) Горький, Каменев и Луначарский обратились в ЦК РКП(б) с заявлением против массовых арестов ученых, профессоров, интеллигенции. Это заявление рассматривалось на заседании Политбюро ЦК 11 сентября 1919 г. Было принято решение о пересмотре списков и «дел» арестованных¹⁴. 15 сентября Ленин письмом известил об этом Горького. Он писал, что в проведении подобных мер ошибки были, но «в общем мера ареста кадетской (и околкадетской) публики была необходима и правильна»¹⁵. Репрессии продолжались.

Особенно оперативно и согласованно Горький и Каменев действовали в организации помощи голодающим России. В июне — конце июля 1921 г. Каменев, не без участия Горького, организовал Комитет борьбы с голодом. 21 июля 1921 ВЦИК официально утвердил организацию как «Всероссийский комитет помощи голодающим» (Помгол), а 27 августа тот же ВЦИК принял постановление об его ликвидации.

С начала существования Комитета возникла конфронтация между его членами. Партийные и советские деятели (А.И. Рыков, Л.Б. Красин, И.А. Теодорович, Н.А. Семашко и др.) проявляли недоверие к своим внепартийным коллегам, среди которых были и бывшие министры царской России, и депутаты 3-й и 4-й Госдумы, бывшие кадеты, эсеры. Особые споры вызвал вопрос о составе делегации в заграничную поездку для сбора средств в пользу голодающих.

Конфликт в короткий срок решил Ленин. 26 августа 1921 г. в письме к Сталину и членам Политбюро ЦК партии Ленин потребовал роспуска Комитета Помгола и ареста его членов. На следующий день ВЦИК

принял постановление о его ликвидации. Начались аресты и высылки членов Помгола¹⁶.

Горький, назначенный Каменевым Председателем Президиума Комитета, вовлекший в его деятельность многих знакомых и доверявших ему ученых, деятелей культуры, — лояльную часть русской интеллигенции, — и сам не подвергшийся репрессиям, почувствовал двусмысленность своего положения. «Вы сделали меня провокатором», — сказал он Каменеву¹⁷.

Упрек был несправедлив, — Каменев не мог официально противостоять «красному террору»¹⁸. Возможно, он сам ощущал нечто подобное Горькому.

Между ними возникла некоторая отдаленность. Горький уехал за границу 16 октября 1921 г. Связь их прервалась на два года.

За это время в России Каменев поднялся на несколько ступенек вверх по партийно-служебной лесенке. «В апр. 1922 <Каменев> предложил назначить И.В. Сталина ген. секр. ЦК РКП(б)». На первом (после XI Съезда партии) заседании ЦК нового состава Сталин был избран Генеральным секретарем. Во время болезни Ленина Каменев «вместе со Сталиным, Зиновьевым вёл борьбу с Троцким»¹⁹.

В 1922 Каменева назначили Зам. председателя СНК и СТО (с 1924 он Председатель СТО). В конце 1922 или в начале 1923 он восстановлен в ЦК Партии и назначен директором Института Ленина. Пиком его политической карьеры станет 1924 год. «Подчеркнем, что в 1924 г. по своим официальным должностям (председательствующий на заседаниях Политбюро, заместитель председателя Совнаркома, председатель Совета труда и обороны, директор Института Ленина) Каменев являлся самой крупной государственной фигурой в СССР, едва ли не главным наследником Ленина»²⁰, — пишет Фрезинский.

Но «самую крупную государственную фигуру» больше интересует не политическая, а культурная сфера деятельности. Опираясь на различные источники, Фрезинский называет несколько имен из числа творческой интеллигенции, лиц, бывших в офисе или в кремлевской квартире Каменева до 1926 г. Это Влад. Ходасевич, Куприн, Раскольников, Эренбург, Шаляпин, Мейерхольд, Волошин, Чулков. Фрезинский приводит свидетельство Раскольникова: «У него всегда можно было встретить артистов, писателей, художников, музыкантов <...> Писатели и поэты просили Каменева прослушать новые произведения, и он всегда находил время...»²¹

В конце 1922 г., вернувшись в большую политику, став директором Института Ленина, Каменев в первую очередь занялся сбором ленинского наследия. 20 ноября 1923 г. он обращается к Горькому с письмом, в котором просит переслать Институту ленинские рукописи. Последнее дало ему повод обратиться к Горькому с просьбой передать Институту письма Ленина (п. 1).

Горький, живший тогда в Берлине, ответил быстро и дружелюбно. С этого времени восстанавливается их переписка. Каменев информирует Горького о выходе томов первого Собрания сочинений Ленина, Ленинских сборников с материалами, предоставленными писателем (п. 4); сообщает, что по поручению товарищей из ЦК вступился за доброе имя Горького, некорректно упомянутое в судебном репортаже «Известий» (п. 3); добился положительного распоряжения ЦК о ввозе в СССР журнала «Беседа» (п. 3). Тон и стилистика его писем становятся все более дружественными и доверительными. Первое письмо подписано официально — «Директор Института Л. Каменев». Следующие — «С искренним уважением», «С искренним приветом».

В Москве он общается с Екатериной Павловной, расспрашивает ее о здоровье Горького, дарит первый «Ленинский сборник», выполняет ее поручение. В конце января 1927 г. Каменев прибывает в Рим в качестве Полномочного Посла Советской России в Италии, привозит Горькому «чемодан и корзину» с «продуктами русского народного хозяйства» — посылка от Пешковой (п. 5, 6).

За год пребывания Каменева в Италии с Горьким они встречались дважды: в конце июня — начале июля 1927 г. и во второй половине августа Каменев на короткое время приезжал в Сорренто (п. 8). Но переписка их в этот год была интенсивной и значительной, хотя от этого времени известно только девять писем Каменева (пп. 5–13). По ним можно судить, что и в личном общении, и в переписке Горький и Каменев были предельно открытыми, а в оценке политической ситуации в России казались единомышленниками (п. 7, 9).

Уезжая в конце октября 1927 из Италии, Каменев знал, что будущий год — юбилейный для Горького и что юбиляр намеревается приехать в Москву. Конечно, они договаривались о встрече. Но когда 28 мая 1928 Горький прибыл в Москву, Каменев отбывал свою первую полугодовую ссылку в Калуге. За причастность к так называемой «новой» оппозиции он, по инициативе Сталина, еще в 1926 был исключен из Политбюро. Теперь оппозиционеры открыто вышли на улицу, организовав в день десятилетия Октябрьской революции параллельную демонстрацию, в которой активно участвовал Каменев. За это его вывели из ЦК, исключили из партии и вместе с Зиновьевым выслали в Калугу (п. 14, 15). Срок ссылки исчислялся с конца декабря 1927 до конца июня 1928. Но практически Каменев выехал из Калуги в конце августа — сентябре 1928. Причиной тому могло быть рождение сына (в конце июня) и последующая болезнь жены. А, может быть, «ссылному» и «безработному» Каменеву просто некуда было ехать.

Исправительная высылка в Калугу по существу была партийным взысканием. Далее последовали репрессии. В октябре 1932 г. он был вызван на заседание Президиума ЦКК, где в числе нескольких других лиц исключен из партии по «делу Рютин». Два дня спустя Коллегия

ОГПУ вынесла приговор о трехгодичной ссылке. Все это без суда и следствия. Фактически — за недонесение.

К этому времени Каменев уже сотрудничал в издательстве «Academia».

Горький принял решительные меры по защите опального Каменева — лично обратился к Сталину и получил обещание о «помиловании» и разрешение на дальнейшую его деятельность в издательстве (п. 21).

Освобождение последовало не тотчас. Каменев был вызван из ссылки только в мае 1933 и приступил к работе в издательстве в качестве заведующего. В конце декабря 1933 его снова восстановили в партии.

Последующие затем полтора года творческой и административной деятельности были самыми значительными и результативными в карьере Каменева. Он обладал уникальным знанием западноевропейской и русской словесности. Сохранилось (в записи) мнение Бабеля: «Каменев <...> после Белинского — самый блестящий знаток русского языка и литературы»²².

В тесном сотрудничестве с Горьким он наладил бесперебойный выход книг, буквально обогатил русскую культуру шедеврами мировой литературы (п. 21–36). К подготовке изданий Каменев привлекал ведущих литературоведов, фольклористов, историков, лучших переводчиков и комментаторов. Сам писал монографии и вступительные статьи к собраниям сочинений и отдельным изданиям.

Горький втягивал его в работу социально значимых культурных организаций, образуемых Правительством. Будучи председателем Юбилейного Пушкинского комитета, Горький ввел в Комитет Каменева; осторожно, ненавязчиво советовал Сталину поручить Каменеву основной доклад на Первом съезде писателей (это не осуществилось), ввел его в Правление Союза писателей²³.

В мае 1934 г. Каменев был назначен директором Института Литературы им. Горького (ныне ИМЛИ РАН) и директором Пушкинского Дома Академии наук (ныне ИРЛИ РАН). И у нового директора сразу же возникла идея — «...надо сделать такую Сорбонну литературоведения» (п. 31).

К сожалению, многие его проекты не осуществились.

Все его планы и намерения рухнули в декабре 1934 г.

1 декабря в Смольном был убит Киров. Сталин воспользовался этим событием как поводом для расправы со своими политическими врагами, со всеми инакомыслящими, просто с неугодными ему людьми.

8 декабря начались беспрецедентные по размаху аресты. В процессе расследования «раскрывались» несуществующие в действительности антисталинские заговоры, организации, дела: «Ленинградский» и «Московский» центры зиновьевской оппозиции; «Кремлевское дело»; в 1936 г. — троцкистский заговор, цель которого уничтожить всё

Советское правительство²⁴.

Каменев, арестованный 16 декабря 1934 г., прошел все стадии этого затянувшегося судопроизводства.

Не входя ни в какие «центры», не участвуя ни в каких заговорах, он был трижды судим и, будучи в тюрьме, получал все более и более тяжкие приговоры.

По делу «Московского центра» — 5 лет тюремного заключения; по «Кремлевскому делу» — 10 лет; на Московском процессе в августе 1936 — расстрел (п. 37).

24 августа приговор был зачитан, 25 августа приведен в исполнение.

Каменев не был заговорщиком, политическим интриганом. Никогда не стремился к власти. Но как человек гуманитарного склада ума и характера был против деспотизма, против бесконтрольной диктатуры правителя, что проявлялось в советской власти с первых дней ее становления. Он открыто выступал против Ленина, Троцкого, Сталина. Отсюда многократные исключения его из центральных органов и даже из членства партии, понижения по службе, отправка в «почетные» ссылки. И наконец — расстрел.

Полвека спустя, в 1988, Каменев полностью реабилитирован²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые опубликовано Спиридоновой Л.А.: *Неизданная переписка*. Вып. 5. С. 228–274; то же — 2000; См. также: Горький. *Письма*. Т. 13. Указатель. Подготовка текста писем, более расширенный комментарий Л. Спиридоновой.

² См. кн.: Воспоминания А.И. Боярчикова. М.: Изд. АСТ. 2003. С. 88–89.

³ Михайлова М.В. Каменев // Русские писатели 11–20 вв. М. Научное издание. Большая Российская энциклопедия. Филнит, 1992. С. 451–452. См. также: Политические деятели России — 1917. Биографический словарь. М.: Изд-во Больш. Росс. Энциклопедия, 1993. С. 131–136.

⁴ Новая жизнь. 1917. № 156. 18 октября.

⁵ Горький. *Письма*. Т. 12, п. 229, 317, 327.

⁶ Горький. *Сочинения*. Т. 20. С. 27.

⁷ Литературное обозрение. 1991. № 8. С. 71, 73. Перепечатка из журн. «Бюллетень оппозиции». См. также: *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификации. Берлин: Изд. Гранат, 1932. С. 26.

⁸ Горький. *Письма*. Т. 12, п. 336.

⁹ Волкогонов Д. Лев Троцкий. Политический портрет. Гл. II. // Октябрь. 1991. № 7. С. 130.

¹⁰ Горький. *Письма*. Т. 13, п. 30.

¹¹ *Неизданная переписка*. С. 230.

¹² Вопросы истории. 2006. № 12.

¹³ *Неизвестный Горький*. Вып. 3. С. 29–30.

¹⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 24.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 47.

¹⁶ Там же. Т. 53. С. 140–142. См. также: Геллер М. Первое предостережение... // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 37–66; Кускова Е.Д. Месяц соглашательства // Воля России (Прага). 1928. № 3–5; Архив Г.16. С. 274–275; Горький. Письма. Т. 13. С. 544–545.

¹⁷ Неизданная переписка. С. 232.

¹⁸ О «буднях» Красного террора см.: Бунич Игорь. Золото партии. СПб.: фирма Шанс. 1994. С. 44–48.

¹⁹ Политические деятели России. С. 136.

²⁰ Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. М.: Эллис Лак, 2008. С. 22.

²¹ Там же. С. 10.

²² Там же. С. 67.

²³ Неизданная переписка. С. 235, 309.

²⁴ См.: Жуков Ю. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003.

²⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 102, 105; № 7. С. 93.

1. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

20 ноября 1923, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

В Москве, осенью т.г. организован при ЦК РКП Институт ЛЕНИНА, который ставит своей задачей наиболее полное изучение жизни и деятельности Владимира Ильича¹. Естественно, что в первую голову для такого изучения нам необходимо собрать весь материал, касающийся Владимира Ильича и особенно его рукописи.

Мы полагаем, что у Вас должны иметься некоторые рукописные материалы В.И. ЛЕНИНА. Очень просим Вас предоставить их Институту. При этом мы, если Вы пожелаете, могли бы воспроизвести для Вас копии и фотографии с них. Больше того: если бы Вы пожелали оставить то или иное письмо В.И. Ленина в совершенном секрете, то могли бы нам сдать таковое в конверте за Вашей печатью, указав нам Ваши условия вскрытия². Мы гарантируем Вам полную сохранность Ваших документов и выполнение условий их вскрытия. Несомненно, что Вы и сами понимаете, насколько ценно для современной России представить Владимира Ильича таким, каким он является на самом деле, каким его знают пока что — сравнительно с миллионами наших трудящихся — только очень немногие. В свете современных переживаний России каждая его, как будто оторванная мысль, на самом деле способна пролить свет на ту или другую часть его революционного пути. Поэтому всякая его надпись нам очень ценна³.

Когда будете в Москве, мы очень просили бы Вас побывать в нашем Институте⁴.

Адресовать все, что Вы хотели бы передать Институту, Вы можете на мое имя.

Директор Института: Л. Каменев

2. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

7 февраля 1924, Москва

Прошу спозволения телеграфировать разрешите ли печатать письма Ленина Вам периода восьмого — одиннадцатого годов¹

Каменефф

3. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

24 апреля 1924, Москва

Уважаемый Алексей Максимович!

По поводу переданной нам тов. Рыковым копии Вашего письма, адресованного Ивану Павловичу, товарищи мои по Ц.К. поручили мне написать Вам, что они принуждены с сожалением констатировать, что действительно в тоне приводимых Вами выдержек из судебного отчета по делу ГУМ'а содержатся направленные против Вас инсинуации и намеки, хотя опорочивающее значение упоминаемых там «фактов» не ясно для нас в такой же степени, как и для Вас¹. Мы выражаем крайнее сожаление, что писание судебного репортажа и невнимательность редакции дали Вам повод предположить, что партия изменила в чем-либо свое отношение к Вам. Мы предложили редакции «Известия» напечатать следующее заявление:

«От редакции»².

В судебном отчете о деле ГУМ'а («Известия» № 290 от 19. XII. 1923 г.) приведены показания обвиняемого ШАТИЛЯ, в коих содержатся инсинуации по адресу А.М. Горького. Мы сожалеем о том, что вследствие приведения этих обидных для А.М. Горького показаний гражд. ШАТИЛЯ могло создаться впечатление, нежелательное ни для А.М. Горького, ни для редакции «Известий»³.

Что касается запрещения ввоза в СССР журнала «Беседа», то по наведенным нами справкам, оно было сделано в ведомственном

порядке на основании общего запрещения ввоза печатающейся за границей литературы. Ознакомившись ныне с содержанием «Беседы», мы охотно сделали для нее исключение и дали распоряжение о беспрепятственном допуске ее в СССР⁴.

С искренним уважением

Л. Каменев

24. IV. 24

P.S. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас за присылку писем Владимира Ильича. Вместе с парочкой писем к Вам, полученных нами из Ленинградской Публичной Библиотеки, они печатаются в выходящем на днях Ленинском сборнике, а также отдельной книжкой. И то и другое будет Вам немедленно направлено⁵.

Л. Кам.

4. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

15 октября 1924, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю Вам 2-ой том Ленинского сборника, — в нем Вы найдете еще 2 письма Владимира Ильича к Вам¹. Уже после того, как 2-ой том был готов, мы получили из Ленинградской Публичной Библиотеки еще 3 письма Владимира Ильича к Вам, относящихся к 11–12-м годам². К сожалению, А.Н. Тихонов, к которому я обратился по Вашему указанию, молчит.

Не можете ли Вы побудить его энергичнее приняться за раскопки в своем архиве³? Не можете ли Вы припомнить, когда именно был у Вас Ильич на Капри⁴?

Большое спасибо за присланные последние записки Владимира Ильича к Вам.

Я не предполагаю сейчас же печатать письма и записки Владимира Ильича советской эпохи, [ограничусь] ограничиваясь покуда только их собиранием.

Если заметите в Сборнике какие-либо ошибки или [непоследовательности] *неясности*, не откажите указать на них.

Красин вернулся и передал от Вас весточку.

С искренним приветом

Л. Каменев

15. X. 24.

5. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

3 февраля 1927, Рим

3. II. 27. Рим.

Дорогой Алексей Максимович,

Привез Вам чемодан и корзину, которые сегодня отправляются в Неаполь в адрес т. Духовского. Екатерина Павловна говорила, что оттуда Вам уже нетрудно будет их получить¹. Кроме того, мне передано для Вас письмо, которое при сем прилагаю².

Как Ваше здоровье³? Не собираетесь ли побывать в Риме⁴? Я, вероятно, через месяц-полтора побываю в Неаполе. Если у Вас будут какие-либо поручения в Риме или — через Рим — в Москву, всегда буду рад исполнить⁵.

Искренний привет.

Л. Каменев

6. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

11 февраля 1927, Рим

Рим. 11 II. 27.

Дорогой Алексей Максимович,

Очень рад, что продукты русского народного хозяйства дошли до Вас в целости и сохранности и пришлись Вам по вкусу¹. Я не удивляюсь, что здесь грибы и огурцы кажутся пищей богов: я уже сейчас чувствую по ним — впрочем, не только по ним — самую доподлинную тоску.

Завтра вручаю свои «грамоты» королю, потом — десять визитов послам²!

Итальянская виза для П.П. Крючкова получена, о чем протелеграфировано в Берлин³.

Наш неаполитанский консул переводится в Милан. На его место из Москвы приезжает т. Ледер.

Пожалуйста, полюбуйте без стеснения нашей почтой.

Искренний привет.

Л. Каменев

7. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

9 июня 1927, Рим

Дорогой Алексей Максимович,

Прилагаю тетрадь, полученную мною в понедельник от Семеновой с просьбой переслать Вам¹.

Все никак не соберусь к Вам, хотя очень хотелось бы².

Времена теперь такие, что нельзя покинуть Рима ни на час. В воздухе — гроза³.

Правда, у нас — и в Москве — нервы крепкие.

Каких-либо экстра-ординарных событий в самой Италии — не ожидаю.

Крепко жму руку.

Л. Каменев

9. VI.

8. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

5 июля 1927, Рим

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю Вам I, II и III т.т. 3-ьего изд. Сочинений Владимира Ильича и IV т. 2-ого изд. 3-ье изд. представляет буквальную (но удешевленную) копию 2-ого¹, первых трех т.т., которого у меня в Риме не оказалось. Привезу их из Москвы.

Посылаю также IV и V Сборники².

В четверг еду в Москву. Пробуду там недели три³. Если что нужно привезти, пишите мне в: Москва. Кремль, мне. Сделаю с удовольствием все, что нужно.

Доехали мы превосходно, боюсь только, что Вам было холодно ехать без пальто⁴.

Дни в Сорренто были совершенно замечательные. Очень прошу передать привет Марии Игнатьевне, Тимоше, Марфе и всем соррентинцам.

Крепко жму руку. Берегите здоровье.

5. VII. 27

Ваш Л. Каменев

Все 4 тома «сделаны» мной, но с 4-ого, по обстоятельствам, делу посторонним, имя мое с издания снято.

9. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

1 сентября 1927, Остров Иския (Италия)

Четверг. 1 IX 27.

Дорогой Алексей Максимович.

Относительно виз Иванову, Форш, Никулину и А. Цветаевой вчера написал в Рим. Полагаю, что через неделю итальянский консул в Париже будет иметь уже распоряжение о выдаче означенным литераторам необходимых им бумаг. Пусть они к нему и обращаются¹.

Устроились мы здесь хорошо даже до преступности: комбинация моря, скал, зелени и полного одиночества такая, что до сих пор не можем взяться за работу, оглядываемся, ахаем, охаем, откладываем раскрытые книжки и вновь начинаем лазить по скалам над морем. Нам ужасно хочется, чтобы и Вы посмотрели сию превосходную «голубятню». Обязательно приезжайте — и не стесняйтесь размером компании: всем найдется место на голубятне. Только сообщите денька за два о приезде: это нужно по соображениям хозяйственно-организационным²!

По поводу московских произведений³ — тоске не предавайтесь. Я гляжу на это дело так: дело, затеянное Стариком 10 лет тому назад, не могло развиваться идиллически. Сопротивление «воблы» должно было сказаться не только извне, но и изнутри. Оно не может не развиваться во внутренних противоречиях, борьбе и пр. Если взять все дело в целом, то надо удивляться, сколь «ладно» и «складно» оно идет. Несмотря на все ожесточение спорящих борьба удерживалась до сих пор — и, полагаю, так будет и впредь на обозримый промежуток времени — в формах терпимых. Вот почему и буржуазные пройдохи испытывают от всей этой «истории» гораздо более разочарования, чем злорадства. Они думают, что радоваться им все-таки нечему. В конце концов решит петербургский металлист и донбасовский шахтер и решит, вероятно, по-умному⁴.

Приезжайте, обязательно приезжайте! Если здоровье Вам позволит, взберемся в лунную ночь на Еромео⁵, оттуда, говорят, в такие ночи Москва видна!

Горячий привет Вам и всем Вашим от меня и Т<атьяны> Ив<ановны>. Ждем.

Ваш Л. Каменев

Рукой Т.И. Каменевой

Сердечный привет от меня! Очень много хочется сказать по поводу Клима⁶, но «хозяин» тащит меня в «Вагни» — в минеральную акву.

Жму руку и — ждем! Скорее приезжайте!

Татьяна

10. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

21 сентября 1927, Остров Иския (Италия)

Вторник, 21. IX. 27 hacco Aineno (Ischia)
La Colombaia¹.

Дорогой Алексей Максимович,

Во избежание всяческих «катастроф» беру переписку нашу в свои руки, а Т.Ив. отныне будет разрешено лишь делать вполне добросовестные приписки²!

Я вижу, что Вы тщательно и основательно выбираете путь свидания с нами и — увы! — опасаясь, что колебания между поездкой solo, en deux и en trois*, на барке, пароходе или поезде, кончатся тем, что Вы не прибудете вовсе. Нехорошо! Самое худое то, что 28. IX мы должны отсюда выбираться (так гласит контракт), а сегодня уже 21! Бросьте же колебания, садитесь на любое суденышко, забирайте всех, кого можно, — и приезжайте! Если же у Вас организуется поездка на барке вокруг залива, то мы с Т.Ив. голосуем с энтузиазмом — за и просим нас всячески принять в компанию. — У меня после 28-го еще две недели отпуска, относительно использования которого у нас нет еще решения. Приезжал ко мне из Рима Глебов и уговаривал ехать на эти 2 недели в Сицилию! А меня смущает Некрасов. Вероятно, просто вернемся в Рим³.

Что Ваши парижане? Получили ли визы⁴? Учреждение, которого я — по недоразумению, считаю шефом, сделало все необходимое!

Читаем мы здесь только беллетристику и газеты. Газеты — скучны, а большею частью и гнусны; их, кажется, составляют те самые американцы, представитель которых посетил Вас недавно⁵. Зато американцы-беллетристы — молодцы. Я их вообще-то мало читал, но сейчас прочел подряд «Эльмера Гантри», «Плавучий театр» (по Вашему указанию) и Н. Аш'а «Контора» (вывез из Москвы). Читал с увлечением, радовался и все приговаривал: «молодцы»⁶!

Однако, раньше чем взяться за американцев, — я прочел Клима. Его, конечно, надо читать целиком, в книге, а не в газетных отрывках⁷: он теряет в них очень много и, думается мне, я потел от

* франц. — одному, вдвоем или втроем — *Ред.*

чего, кто, что <от того, что> происходит. В этой книге есть двойственность, вероятно, сознательно введенная в нее автором, двойственность между заданием (и ожиданием читателя) и методом его выполнения.

Задание — или, во всяком случае, то чего ожидает читатель: историческая эпопея. Метод — по крайней мере — в данном томе — миньятюрный. И вот *пока* эти миньятюры — разговоры, встречи, происшествия и события — не сложатся в голове читателя в общую картину, он чувствует себя раздраженным, неудовлетворенным и злым — на автора, конечно, а не на себя (как следовало бы!) Зато когда книга кончена и продумываешь ее в целом, видишь, что она тебе *много* дала и дала нечто очень *ценное*. Получилась не только эпопея «вообще», не только «история», а люди в истории. Очень интересно! Думаю также, что иначе и нельзя было написать историю 80–96 гг. Примите сие не как попытку оценки книги — это тема слишком большая для письма — а как «историю» моего личного чтения Клима.

Крепко жму руку. Привет всем Вашим, а Марии Игнатьевне особливый поклон.

Ваш Л. Каменев

Рукой Т.И. Каменево́й

Дорогой Алексей Максимович!

Видите, что вышло из Вашей ябеды* — мне предоставлены были «поля» письма, которые отсутствуют, как Вы можете убедиться. Однако я исхитрилась и пишу на изнанке — пусть страдает эстетика — все равно уж!!

Насчет Клима я еще не написала, ибо считаю это дело весьма серьезным, а дискуссия, которая произошла у нас с Л.Б. по поводу этой книги, показала мне, что надо найти совершенную точность в определениях. Мы расходимся в оценке Клима — и слова о злящемся читателе — ехидный намек на меня, ибо других читателей, кроме нас двоих, на Искии не было. Мне кажется, что Климу далеко до «Тараканов»!! Не знаю, что будет дальше, но в этом томе — Вы ушли от себя.

Постараюсь Вам это доказать.

Время здесь проходит, словно мы вкусили лотос: только проснешься (в 6 ч. утра) — глядишь, пора спать. Лазим по скалам, лежим на пляже — вообще превратились в ящериц.

Очень, очень хотим, чтобы и Вы отведали с нами этого цветка (кроме того, покормим и грибами).

* фраза написана на полях

Вокруг Эпоемо бегать незачем. Лучше залезть на него. — Восход солнца и вид Иския чуть не свели меня с ума.

Жму руку. Всем сердечный привет.

Татьяна

11. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

25 сентября 1927, Иския (Италия)

25 IX 27.

Дорогой Алексей Максимович,

Насчет Гзовской и Гайдарова я осведомлен: они сами написали мне. Они просили виз к 18 IX, а письмо их дошло до меня (через римские канцелярии) лишь 16-ого. Я немедленно дал телеграмму в Рим об исполнении их просьбы, а им — в Берлин — телеграфировал: «просьба исполнена, за срок не ручаюсь»¹. Дальнейшего не знаю. Гзовская хорошо читает ядовитые стихи Сологуба².

Третьего дня писал Вам о наших планах, об ожидании Вас, о Климе и пр. Т.И. — тоже. Получили ли³?

Вы пишете, что устали. Вот нехорошо-то⁴! Вероятно, от толчеи народа, хиромантов, гостей, писателей, герцогов и пр.⁵? Давайте уедем в Сицилию дней на десять на Isole Fiaschini? А? Машина берет 5 ч<еловек>, кроме шофера; нас — двое, ваших, след<овательно>, может быть трое! Может быть, на этом отдохнули бы? У меня еще две недели отпуска и перспектива такая: или здесь их проводить, или укатить в Сицилию⁶. Решайте и — в случае согласия — телеграфируйте! Хорошо бы, если только здоровье и дела Вам позволят.

Привет Вам и всем Вашим.

Л. Каменев

12. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

4 октября 1927, Иския (Италия)

Дорогой Алексей Максимович,

Обстоятельства характера почты Майн-Ридовского требуют моего исчезновения отсюда в порядке внезапности¹. Тем самым падает надежда повидать Вас перед отъездом. Жалею о сем очень, ибо испытываю душевное желание повидать Вас. Дела не радуют²...

Вероятно, что из Рима очень скоро придется отбыть на Север. Если будет возможность и Вам это не помешает, заглянем в Сорренто по дороге туда³.

А что у Вас с печенью? Не надо коллекционировать болезни! — Из статьи Когана (в Известиях) узнал (вернее вспомнил), что прошло уже 35 лет Вашей работы пером. Статья плохонькая (одно сравнение с Бальмонтом и Северянином того стоит⁴! Эка, безвкусный человек!), — но ужасно захотелось пожать Вам руку. Скажу Вам, что в Сорренто я — почему-то — очень живо и жизненно ощутил вновь дух Старика⁵.

Сколько же у Вас внуков (внучек) теперь⁶?

Мой привет всем, заботившимся о доставлении Вам этого развлечения. Уехала ли Ек<атерина> Павл<овна>⁷, или мы увидим ее еще в Риме?

Привет Марии Игнатьевне⁸.

Дружески жму Вам руку.

Л. Каменев

4. X. 27.

Римский адрес — старый — Via Gaeta, 5.

Из Рима напишу Вам, почему и как на Ischi'и появилась тень Майн Рида⁹.

Л.К

13. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

13 октября 1927, Рим

13. X. 27.

Дорогой Алексей Максимович,

Уже несколько дней собирался Вам написать, но, попав в Рим, завертелся среди дел и делишек... А сейчас получил телеграмму из Парижа от Х.Г. Раковского, которую необходимо сообщить Вам немедленно. Раковский телеграфирует: 18 окт. начинается в Париже процесс Петлюры, т.е. его убийцы. Это будет процесс против антисемитизма. Защита настаивает на Вашем выступлении в качестве свидетеля. Если же для Вас это неисполнимо, то та же защита просит от Вас разрешения внести Вас в список свидетелей и дать показания письменно .

* Р., конечно, всемерно поддерживает просьбу защиты. Защита — виднейшие адвокаты Франции. Торец и пр.

Таково содержание телеграммы. Почему они додумались до этого столь поздно — понять не могу. Если бы Вы решили ехать в Париж¹, то дело просто: все нелепости телеграммы выяснятся на месте. Если же в Париж ехать Вам нельзя, то надо, видимо, поступить так: Вы телеграфируете *мне* согласие на вторую часть дилеммы (т.е. на внесение в список и на письменные показания), я перетелеграфирую это в Париж и запрошу оттуда подробности или приезда кого-нибудь к Вам, кто смог бы рассказать то, что нужно. Наконец, если Вам не подойдет ни то ни другое, то равным образом телеграфируйте мне, а я передам в Париж. Сношения через Рим — в данный по крайней мере момент — необходимо потому, что телеграмма Рак. шифрованная и отвечать на нее *полагается* так же.

Итак, отвечайте немедленно (Адрес Рак. на всякий случай: 79, Rue de Grenelle Paris; для телеграмм: Paris Polpred).

С самим Х.Р. история вышла глупо до чрезвычайности. Фр. правительство потребовало его отзыва официально (вещь, которую *нельзя* отклонить) явно *contre соеур*², уступая давлению правых.

Я уезжаю в М. в субботу³. Это *entre nous*⁴, ибо Майн-Ридовская обстановка продолжает действовать. Она помешала мне продолжить пребывание на Искии, захватить к Вам и т.д. Суть ее в том, что пяток лоботрясов — по сведениям людей, коим сим ведать надлежит — усиленно заинтересовались моей персоной и будто решили нанести последний вред. Они будто бы появились в Неаполе и т.д. и т.д. Подробности придется отложить до личного свидания; можно тогда будет посмеяться над кое-чем. В реальности, однако, я должен был двигаться не так и не туда, как и куда я хотел, а так и туда, куда наказывали «специалисты». Вот я попал из Искии в Рим через Байи, а не через Сорренто, как хотел⁵!

А Шульгин-то! Здорово проехался! По моим сведениям, рассказанная ныне в газетах история — весьма вероподобна⁶.

Посылаю Вам в отдельном конверте статью из «Правды». Прочтите: очень интересно⁷. Вот она Россия-матушка. И с бытовой, и с политической, и с исторической точек зрения несет от этой истории весьма «крепким» духом.

Прочел в газетах письмо Вам от Академии Наук и порадовался: написали старички хорошо: искренне, сильно и просто⁸.

Если что-то понадобится в Москве — пишите, пожалуйста. Сделаю все с удовольствием. *Espress* застанет меня еще здесь, если сейчас же напишете, а в Москве адрес: Кремль — мне.

Т.И. спит еще. Она что-то похварывает все. Свой «роман» дописала: переписывает на машинке и хочет до отъезда Вам послать. Если проснется до отправки письма, вложу в него фотографические карточки.

Если за время моего отсутствия понадобится в чем-либо содействие Рима, — обращайтесь к т. Глебову-Авилову. Он парень очень хороший. Адрес тот же, что и для меня.

Если доведется вернуться в сии края, первым делом заедем к Вам, порасскажем о Москве⁹.

А помните, — Вы, глядя на фильму Мать, как будто потянулись к сценарию новой фильму? Не бросайте этой мысли! Большая из этого может выйти польза¹⁰!

Крепко жму Вам руку.

Привет всем Вашим.

Л. Каменев

P.S. Итак жду

1) немедленно телеграммы для Парижа

2) письма с поручениями.

14. Л.Б. КАМЕНЕВ — М. ГОРЬКОМУ

7 апреля 1928, Калуга

Дорогой Алексей Максимович, не хотел писать Вам в самый разгар юбилейных торжеств, — письма тогда Вы, вероятно, получали пудами¹... А письму Вашему был рад очень². Итак, живем мы (я и Зин<овьев>) в Калуге³, в брошенном кожевенном заводе, в последнем доме города, на самом берегу Оки. Местечко — то самое, которое описано в Окурове. Прямо за нами «Ямы» — извозчики ночью ездить к нам из-за сих «Ям» боятся: народ в них живет беспокойный. Впрочем, нынче «Ямы» зовутся «Проспект Лейтенанта Шмидта» (!) Идти к ним надо по «проспекту Роберта Оуэна» (на дощечке, впрочем, написано Суэна), а — если не нравится сей Роберт, то можно туда же попасть по «проспекту Сен-Симона». Не верите? Так вот Вам: в центре города есть толкучка, продают там почему-то в ужасающем количестве старые калоши и иконы с разбитыми стеклами, — так сие место, судя по табличке на всех 4-х углах, называется «Площадь трудовой Стоимости». Базар, конечно, числится «Площадью Обмена» (в просторечии, говорят злые люди, обмана — единственное привившееся название). Параллельно с нашим проспектом (живут все железнодорожники) — «Проспект Степана Разина», а рядом «Проспект... Шопена». На нем тюрьма. Факт. Ей-ей, не выдумываю. Приезжайте, увидите, как выглядят теперь Окуровы. А город красив, на горе, кругом леса.

Чудесные церкви. Удивляюсь, кто их строил, — прямо-таки превосходны⁴. Перед нашими окнами, у реки пляж, на котором, говорят, лежал Гоголь⁵, а с другой стороны города Полотняные заводы, где Пушкин был «огончарован»⁶. Вот Вам — топография. Теперь о культуре, благо тема модная. В первый день пришел стекольщик, вид и облик — печенег*!

Оказалось, слышал о Дарвине и Марксе, но сам привержен Христу: какой-то сектантский начетчик. С нами двое молодых друзей — из будущих профессоров⁸. Так как они долго — по обстоятельствам времени и места — молчали, то нажились на этого печенег с рвением, пытались перевести его в свою веру. Бились несколько часов, умаялись — не сладили! — Газета называется, конечно, Коммуна — как раз под статью! — а ведется превосходно: никаких Антант, Чемберленов и пр., темы живые, статьи короткие, куча приложений — для ребят, для баб, беллетристика, каждодневно 8 небольших страничек. Через два дома в третий — антенна. В воскресенье все лавки — открыты (базарный день), в понедельник — все закрыто. Т.е. такое смешение Азии с Европой, что лучше не надо. Это толкает мысль к тому, что во всяких «высоких» делах и делишках мы виноваты, быть может, тем, что мало принимали во внимание первую... Что делаем? Я хожу в Губплан, Зин. — в Наробраз, а больше сидим дома, читаем и пишем. Татьяна Ивановна ездит между Москвой, где ведет свои курсы и читает лекции малайцам из Университета Востока (верно, ребята из Индо-Китая) и Калугой. Сейчас она в Москве. Много издают дряни. Перелистал я «На крови» Мстиславского⁹ — и почему-то захотелось руки вымыть. Почти то же, но все же терпимее Тарасовский «Февраль»¹⁰. Зато с волнением прочел автобиографию М. Чехова — Путь актера, изд. Academia¹¹ и — неожиданную книжку — какого-то Могэма «Луна и шестипенсовик»¹². Показалось мне, очень хорошо. Видели ли эти книги? Верно ли, что хорошо? Тынянов дает Грибоедова по каплям, но чем дальше, тем лучше¹³. — Да, вот разве написать Вам о юбилее Максима Горького? Хорош этот юбилей тем, что, кажется, двинули книжки в массу действительно энергично, издали много, дешево, по-разному. Книжки для деревни в цветистых обложках (Дружки¹⁴ и пр.) очень хороши и дешевы. Здешний кн. магазин говорит, что «спрос из всех волостей и обязательно подай всего Горького». Но пишут о нем наши литераторы не очень...

Решил было и я написать, да — «по обстоятельствам времени и

* Отсюда издаваемая здесь в подражание соррентинской коммуне стенная газета именуется «Голос печенег». Эпиграфы: «Эх, дербень, дербень Калуга» и «И человек без употребления ржавеет» (из письма Завадовского Екатерине).⁷

места» — отложил. А хотел я написать — только, стоит ли Вам-то об этом писать? вот что. У нас считают, что если определена величина акционерного капитала в банках, да земельный надел, да длина раб. дня на фабриках, — то тем самым вскрыта и причина и логика истории России за последние 50 лет. Забывают — чего не забывал ни Маркс, ни Ленин, ни Р. Люксембург, — вообще подлинные революционеры, — что дело-то делается людьми. Чтобы что-нибудь понять в величайших событиях этих 50 лет в России, надо еще понять людей, которые эту историю делали, понять их в одиночку и в коллективе. Изучить людей и рассказать о них — наука посложней статистики, да и самой химии, — особенно, если дело идет о таком котле, какой представляла собой Россия за эти десятилетия. Ну-с, так вот, хотел я написать об известном Вам юбиляре, как об ученом, без науки которого ничего не понять и мало можно сделать в том весеннем разливе, что идет по миру. И эпитет у меня был припасен хороший к слову «ученый», да об этом Вам не скажу. — Из всего этого можете заключить, что Калуга способствует развитию лирики. — Сроку нашего пребывания здесь еще месяца два, до конца июня. Значит, если Вы даже не соблазнитесь Калугой и не заедете сюда, то увидимся в Москве¹⁵. Как здоровье? Не помешает ли поездка? Вы все-таки не рискуйте! Если есть хоть маленькие противопоказания, лучше воздержаться. Будьте здоровы. Напишите, если не очень заняты. Кланяйтесь всем Вашим. Т.И. — уверен — хочет передать Вам свой поклон. Она очень Вас полюбила

Л. Кам. 7. IV. 23

Адрес: Калуга — мне.

P.S. К Циолковскому ходил. Да старик дряхл или опасается: не принял, велел сказать, что «очень уважает, но опасается волнения при встрече». Прислал пару своих книжек, в которых я ничего не понимаю. Так и не увидел «причину космоса»¹⁶. Жаль, черт возьми!..

Обнимаю Вас дружески.

ЛК

15. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

Конец июня 1928, Калуга

Дорогой Алексей Максимович,

Калуга ждет Вас в самом срочном порядке. Дело не терпит никаких отлагательств: суть его вот в чем: «голубая женщина»¹ произвела на свет небольшого калужанина. Его необходимо «октябрить»². Ваше присутствие необходимо, дабы наречь его Владимиром. Приезжайте.

Гарантируем: 1) отсутствие собраний, митингов, приветствий, шума, барабанного боя и т.д. и т.д. (Владимир рычит, но не очень громко), 2) тихую и мирную беседу в лесочке на берегу Оки со всеми «онёрами»³, подобному препровождению времени по исконной традиции соответствующими. Приезжайте!

Иван Петрович покажет Вам дорогу⁴.

Горячий привет. Т.И. еще в больнице и не может поэтому сама Вам написать. Письмо Ваше из Сорренто она получила⁵. А получили ли Вы мое письмо на Сорренто, отправленное отсюда дней через 10 после юбилея⁶?

Горячо жму руку.

Л. Каменев

Рукой Г. Зиновьева

Дорогой Алексей Максимович,

Приезжайте хоть на денек. Я считаю (после телефонного разговора), что за Вами этот долг. Вспомним здесь тяжелые дни в Питере⁷ — тяжелые, но ведь и хорошие. Ужас как хочется повидать Вас и побеседовать. Езды — 7 часов (можно спать). А здесь сейчас хорошо и тихо.

Ждем Вас. Горячо жму руки

Ваш Г. Зиновьев

16. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

10 июня 1932, Москва

«10. VI 1932 г.»

Дорогой Алексей Максимович,

Несколько дней уже собираюсь писать Вам, да все организа-

ционные хлопоты по Академии отвлекали меня¹. Хотя они и не кончились — никак не удастся перевести издательство в сносное помещение, — но не хочу больше откладывать письма.

Редакционные дела Академии идут недурно. Планы по фр., англ., исп.-порт., средневековой, античной, немец. и польской литературам уже представлены. По остальным будут представлены на днях.

Мы собирались уже один раз, а сегодня собираемся вторично — для их предварительного рассмотрения. Когда все части плана будут готовы и предварительно просмотрены — для их окончательного просмотра и утверждения предполагаю вновь учинить сборище у Вас. Будет это в 20-х числах. Не возражаете? Предварительно все части плана будут Вам посылаться.

Но еще до этого общего сборища, я хотел бы с Вами повидаться и потолковать специально о плане русской литературы. Он будет подготовлен комиссией дня через 4. День и время мне безразличны. Известите, когда Вам будет удобно учинить это свидание². Татьяна Ив. и даже Владимир желали бы присоединиться ко мне в этой поездке³.

Протокол нашего первого собрания я докладывал начальству, т.е. т. Стецкому⁴. Он, т.е. протокол, вызвал со стороны его, т.е. т. Стецкого, одобрение. С Главлитом, зато, все еще не очень благополучно: опасается т. Волин за нравственность нашего читателя⁵. С «классиками» тоже еще не вполне выяснено: в ГИХЛ'е новое начальство (Накоряков), и что оно думает, еще никому не известно.

Прилагаю две книжки. Одна — третий том «Былого и дум», где, однако, к стыду моему больше Каменева, чем Герцена: накомментировал я (от безделья) на 600!! стр. Чтению сие не повредит⁶. За то рекомендую перелистать «Замогильные записки» В.С. Печерина⁷, человека странной судьбы, беглого московского профессора, ушедшего в 1836 г. из Москвы к Мадзини и попавшего на 20 лет в католический монастырь и написавшего 70-и лет от роду записки, рукопись которых была найдена несколько лет тому назад. Этот человек в 70 лет смотрел на жизнь веселей, доверчивей и бодрее, чем в 30! Писал же он хотя и в старинной, дворянской манере 40-х гг., но занимательно и живо. Посмотрите.

Крепко жму руку и жду указания, когда приехать.

Ваш Л. Каменев

17. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

1 июля 1932, Москва

1. VII 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Ваше письмо с замечаниями на программу изданий *Academia* по рус. литературе и мемуарам я получил уже несколько дней тому назад, собирался немедленно ответить, даже захватить — да не удалось ни то ни другое. Я удручен и задерган делами о помещении для *Academii*, вопросами о деньгах для авансов пишущей братии и визитами последней. Люди собираются в летние вояжи, жаждут договоров, которых мы до окончательной сверстки планов не заключаем и потому беспрестанно стучат в дверь моей комнаты.

К счастью, план мы, кажется, кончаем и дня через два я пришлю Вам черновой набросок 180 книг (из 600—700), который хотелось бы выпустить в 1933 г. Замечания Ваши, конечно, примем во внимание¹. А около 10 VII хорошо бы нам всем собраться у Вас для окончательного утверждения всего плана на 33 г. в целом. Устраивает ли это Вас?

Дочери Сологуба мы, конечно, заплатим. Чуковского удовлетворим. Предисловие Ланна к «Пиквикам» напечатаем. Дживелегов великолепно сделал Макиавелли, который уже сдан в типографию².

План «художественных сокровищ» СССР вышел, кажется, очень хорош, а специальная Комиссия со Смилкой, Дживелеговым и др. разрабатывает план «Истории быта и нравов»³. Вообще можно сделать хорошее дело, если не наткнемся на какие-нибудь материальные затруднения (деньги, бумага и пр.). «Знатоки» разводят руками по поводу нашего плана, вдвое (с 90 на 180) увеличится количество выпускаемых томов за один год. Но если не дать такого размаха, то, по-моему, не стоит и мечтать о «мировой литературе». К сожалению, до сих пор не могу добиться точных сведений от ленинградцев о их библиотеке поэтов. Добьемся, однако⁴.

В городе отвратительно. Как Ваше здоровье? Не обижают ли Вас внучки и человекоподобные, назначенные в Зоологический сад?

Крепко жму руку.

Ваш Л. Каменев

18. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

14 июля 1932, Москва

14 VII 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович,

При свидании упустил из виду одно дело, которое меня беспокоит. Вот оно.

Меня уже недели три посещает странный и — по-моему — примечательный человек — Голосовкер. Философ, поэт, человек выразительной наружности и странных взглядов. Религиозно относится к литературе и к своему званию писателя. Стихов его не печатают, а выпущенный *Academi*'ей его перевод Гёльдерлина («Ампедокл») в одном журнале обругали за «третьяковщину». Издательства его боятся. Между тем — он сейчас у нас лучший знаток Ницше. Мечта его жизни — дать новый, адекватный перевод Заратустры. Предприятие — нужное, но крупное и ответственное. Чтобы он сел за него вплотную, его нужно обеспечить. Я хочу это сделать, но предварительно хочу Вашего совета. Голосовкер представил образцы своего перевода (7 песен из 70—80). Взгляните на них. Проверить их *точность* поручим специалистам, а вот с точки зрения русского языка, общего их стиля, неологизмов, избыточно вводимых переводчиком, хорошо бы знать Ваше впечатление¹. — Матвеева и его «хохломскую» окраску — видел². Занятно. Мы с ним договорились. Будем еще наводить справки в Кустпромэкспорте: нет ли у них чего-либо подобного и, по-видимому, приступим к изданию.

Наши с Т.И. планы о Тиберде разлетелись прахом: держит ее ее техникум, и не пушает; сейчас ехать не может, обещает в сентябре. Следовательно, и я сижу в Москве и продолжаю строить «Academia».

Крепко жму руку.

Л. Каменев

P.S. Забыл отметить, что мне самому переводы Голосовкера показались работой ценной и издания вполне достойной.

Л.К.

19. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

14 сентября 1932, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Собирался сегодня вечером писать Вам «прощальное письмо», ибо послезавтра утром, в 10 часов, мы с Татьяной Ивановной уезжаем — хотя и не в Тиберду, но почти что туда — в Гагры.

Но сейчас, просматривая газеты, наткнулся на заметку, которая заставляет меня писать сейчас же. В «Правде» (14 сентября, 4 стр., последний столбец) какой-то идиот сообщает, будто «Академия» издает — «Сказки об Италии». В этом сборнике — все сказки Горького, написанные им в дореволюционный период его литературной деятельности. — Что сие обозначает, не понятно, вероятно, и автору сих безграмотных строк. Что значит: «дореволюционный период его литературной деятельности» и каким это образом «все сказки» входят в «Сказки об Италии»¹, — это хотя и весьма любопытно, но спрашивать об этом редакцию, по-видимому, бесполезно.

Мы действительно хотели учинить Вам «сюрприз» и к 25 сентября² выпустить маленький, но нарядный (с офортами) сборничек Ваших стихов и легенд и, сверх того, «Сказки об Италии» (конечно, в том составе, который определен автором)³.

Не знаю, не будете ли Вы браниться по поводу этого выбора? Почему я выбрал эти вещи, а не что-либо другое, — о сем повествует предисловие к книжкам. Хотелось мне показать Вам эти книжки в порядке неожиданности, но вышереченный идиот выдал нашу издательскую тайну.

Дела «Academia» идут пока недурно. Августовский план сдачи рукописей выполнен, — сдано 17 книг. Приняты все меры к тому, чтобы был выполнен сентябрьский план — 20 книг: среди них неопубликованная переписка Новикова, новое издание Радищева, хорошо обставленное статьями и комментариями «Слово о Полку Игореве», очень хорошие полные собрания стихов Языкова, Рылеева, Полежаева, сборники «мужицких» рассказов Чехова, действительно превосходная работа молодого исследователя Кравцова о сербском эпосе, — образчики последнего частью в старых, частью в хороших новых переводах, и т.д.⁴

Авторы работают изрядно. «Дурит» А. Виноградов, который в ответ на наши деловые запросы о сроке выполнения взятой им работы (подготовка Мицкевича) отвечает болезненно-нервными диссертациями, грозит мне Вами и т.п., но о сроке сдачи работы,

хитрец, молчит⁵!

25 сентября никого из администрации «Academia» в Москве не будет (Тихонов и Ежов тоже уезжают в отпуск), но книжки мы Вам доставим⁶.

Буду рад получить от Вас весточку о том, как они Вам показались в нашем оформлении.

Отпуск у меня до 1 ноября. Застану ли [Вам] Вас, вернувшись, еще в Москве⁷? Надеюсь, что и в Сорренто Вы не забудете об «Academia». В ноябре приступим к детальному обсуждению плана 34 года, и я, конечно, буду держать Вас в курсе всех наших затей⁸.

Адрес мой до 1 ноября: Гагры, Дом Отдыха ЦИК-а.

Сейчас мне позвонил П.П. Крючков и сообщил, что Вы хотите меня видеть. Очень рад и постараюсь быть у Вас завтра, 15ого утром, если это для Вас принимаемо⁹.

Крепко жму руку.

Ваш Л. Каменев

20. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

25 сентября 1932, Гагра

Дорогой Алексей Максимович,

«В сей торжественный день», я от своего имени и от имен А.Н. Тихонова и И.С. Ежова, должен выразить Вам наш решительный протест. Ведь, кажется, так просто было предусмотреть Вам при печатании своего первого рассказа, что 25 сентября 1932 г.¹ все мы — администрация Academia — будем в отсутствии и не сможем лично поднести Вам заготовленного нами подарка. Вот к чему ведет непредусмотрительность!

Мы, однако, не злопамятны и — на случай, если в этот день Вам будет скучно в одиночестве — поручили А.К. Дживелегову, В.И. Невскому и М.П. Сокольникову побывать у Вас и развлечь Вас книжками нашего производства². Просим, при этом, принять во внимание, что если — по рассмотрении этих книжек — Вам захочется избить или хотя бы изругать их составителей и издателей, — то подателей бить и ругать не стоит: они не виноваты. За бумагу — виноват Бумтрест, за печать — Гознак, а за выбор — автор: если бы он писал поменьше и похуже, выбор был бы нам значительно облегчен. Мы же далеко — у Черного Моря и кавказских гор — и достать нас Вам не удастся: мы-то, не в пример иным прочим, предусмотрительны.

Желаем Вам долго здравствовать.

Л. Каменев
И.С. Ежов
А. Тихонов

21. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

7 июня 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Страшно рад, что Вы поправляетесь, что начали работать, что мы скоро увидимся, рад Вашему письму и проектируемому Вами Совещанию завов издательств¹. Оно необходимо и несомненно будет плодотворно. Меня возмутила именно роп «случая»² в нашей издательской работе. «Академия» *случайно* получила ленинградского Державина. Оказалось, что он *случайно* оформлен так же, как наш Полежаев (формат, расположение материала и т.д.). На обороте этого ленинградского издания я *случайно* прочел их ближайший план. А сегодня я узнал, что у ленинградцев готовится *полный* Рылеев, который у нас *уже верстается*, и *полный* Боратынский, который у нас заказан уже 1½ г. тому назад. Без совещания Вами проектируемого эти безобразные «случайности», видимо, непобедимы. Надо, однако, чтобы оное совещание возглавляли Вы, иначе, боюсь, выйдет лишь ведомственная «драчка».

Академию я застал не в плохом виде. Наибольшим недостатком в ее работе за последнее время я считаю отставание подлинной классики (Шекспир, Мольер, Гейне, Дидро) и, благодаря этому, проскакивание кой-какой мелочи, которая могла бы подождать. Очень рад, что Вам понравился Полежаев. Для меня это — стандарт, по которому должны пойти следующие наши издания этой серии. В печати уже Рылеев, Языков, Батюшков, Лермонтов. Готовы в рукописи Вяземский, Одоевский [полный], Некрасов (все — полные Соб. соч., кроме Вяземского).

Скоро дадим Одиссею и Илиаду, Плавта, Заговор Катилины, Песнь о Роланде (прекрасно сделанную Б.И. Ярхо), сербский эпос (очень хорошо сделанный Кравцовым), Светония, Макиавели, Кузьму Пруткова, Винкельмана³. Все это уже в машинах. План, значит, выполняется и не плохо. А у меня есть куча всяких новых планов: хочется поскорее и пополнее познакомить нового нашего читателя с тем, что было сделано в области мысли и искусства. Об них надеюсь поговорить лично.

Есть у меня к Вам и просьба. В «Жизни замечат. людей» набрана уже моя биография Н.Г. Чернышевского, листов 12. Писал я ее в тишине и покое, далеко от Москвы, и сложилось как-то так, что все время работы над этой вещью Вы представлялись мне одним из первых ее читателей и очень хотелось мне, чтобы она, работа эта, Вам понравилась. Вот и просьба: если не покажется очень обременительным и не оторвет от собственной работы — прочтите эту биографию, затребовав листы из редакции. Читали ее пока лишь Татьяна Ивановна (она гостила у меня месяца 2^{1/2}) да А.Н. Тихонов. Оба хвалят, а меня обуял дух честолюбия и хочется услышать похвалу от Вас⁴.

Увидеть Вас будет для меня большой радостью. Выздоровливайте поскорее да поосновательнее.

Татьяна Ивановна сердечно Вам кланяется.

Горячо жму Вам руку.

Л. Каменев

7. VI. 33

Очень печально, что опаздывают Былины: вина на Ю.М. Соколове⁵.

22. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

Июнь, после 25, 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю Вам только что вышедшую книжку армянских сказок¹. Внутри их не заглядывал еще, а оформление и рисунки Сарьяна мне нравятся. Типографии загружены учебниками и выдают нам книги страшно медленно.

2. Прилагаю редакц. план на 34 г., утвержденный на редсовете 25 с.м. Под влиянием материальных условий пришлось сжиматься: с 162 томов спуститься до 143 — и это рост на 50% против текущего года. При этом приняли, конечно, во внимание и Ваши замечания в последнем письме ко мне: вынули из плана «Петербургские трущобы» и исправили грубую ошибку: мы издаем, конечно, не «На горах», а «В лесах» Мельникова, да и те дадим только в 35 г. (Репродукции Боклевского займут много времени². Гознак загружен). План этот пойдет на утверждение в НКПрос. Можно ли под ним поставить и Вашу подпись? Если это Вас в какой бы то ни было степени стеснит, то можно, конечно, двигать его и за одной моей подписью.

Спасибо за добрый отзыв о Чернышевском³. Я именно хотел «взволновать» нового читателя судьбой мыслителя при старом режиме.

О Вас добрые вести: поправились, работаете... Не утомляйтесь, берегите себя! Вл<адимир> Ил<ьич> любил в этих случаях говорить: нельзя портить казенного добра⁴.

Татьяна Ивановна из Железноводска просит передать Вам поклон и привет. Очень жалеет, что ей не удалось повидать Вас и надеется на осень.

Крепко жму Вашу руку.

Л. Каменев

23. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

23 июля 1933, Москва

23 июль. 1933

М. Горькому.

Уважаемый Алексей Максимович!

Посылаю Вам 3 экз. плана Academia на 1934 год¹.

Заведующий Издательством

(Л. Каменев) *Л. Каменев*

24. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

9 августа 1933, Москва

9. VIII 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович, разного рода гишпанка — в музыкальном ящике и около него — так-таки заставили меня забыть допросить Вас о фельетонах и стихах, беспокоящих библиографа Балухатого¹. Работа его, говорят, — я ее еще не видел — интереса незаурядного и хотелось бы, чтобы она была доделана до конца. Прилагаю список его вопросов: б.м. Вы что-либо и вспомните.

Удивительно, что обследовав 40 лет Вашей литературной деятельности и сотни печатных изделий, он запнулся только в этих 5–6 пунктах!

Книгу сдадим в печать через 2–3 недели, и через несколько месяцев Вы узнаете о М. Горьком немало для себя нового².

Андреева, Бунина, Сологуба и Волошина — двигаю. Андреева

для подготовки просит В. Ермилов, Сологуба — Селивановский: люди, говорят, в своем цеху известные, но я — но я — профан — имею о нем представления весьма смутные. Однако, попробуем. За Волошина берутся его друзья, «коктебельцы» — С.В. Шервинский, Л. Остроумов и А. Габричевский: этих я знаю, как переводчиков Гете и Беранже и им доверяю. А вот кому поручить Бунина? — Недоумеваю. Нет ли у Вас кого-либо на примете?³

Горячо жму руку. Татьяна Ивановна просит кланяться.

Ваш Л. Каменев

25. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

10 октября 1933, Москва

10. X 1933.

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю Вам еще несколько вновь вышедших книг (Сербский эпос, Рисунки Пушкина, Щепкина, Нарезного, Воспоминания Шипова [Кр. крестьянин, интересно!], Крапоткина). — Очень любопытны с точки зрения техники работы показались мне «тексты» Толстого, в частности, первая редакция «Воскресения»¹.

Как Вы думаете, можно ли назвать нашу новую серию «детств» — «Детства»? По-моему, хорошо, а окончательной уверенности у меня нет. Как полагаете?²

Ряд книг, выходящих к 100-летию смерти Пушкина, я хотел бы объединить общим титулом: «К столетию убийства Пушкина». Пушкинисты пугаются. Это, действительно, чуть-чуть вызывающе, но это — правда. Почему бы ее не узаконить?³

Крепко жму руку. Хотел бы до отъезда еще разок повидать Вас⁴.

Л. Каменев

26. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

28 декабря 1933, Москва

28. XII 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Только на днях узнал, что Вы уже в Москве¹. Рад, что Вы близко, но достаточно ли Вы отдохнули в Крыму от публики и текущих дел? Да и морозы в этом году больно злые.

Дела «Academia» идут недурно. Сейчас гоним всю выпуск книг, чтобы к 1.1.34 г. успеть выпустить 88 томов. 77 т. уже налицо, а за три дня должно появиться еще 11, застрявших в производстве. Чудесно вышли «Древнерусские миниатюры», превосходна «Калевала», недурно «Янгал-Маа». Я рад, что вышли Пиквики, Теккерей, Сю, завтра будет Валлес². Повести Герцена напечатаны у нас полностью впервые. Их и тургеневского «Рудина» я снабдил предисловиями, и покойники — ничего, вынесли, а вот Андрей Белый от моего предисловия, говорят, заболел³. Это утверждают даже серьезные люди, но Вы, пожалуйста, не верьте, если до Вас дойдут эти слухи.

А вот на какой вопрос я хотел бы получить от Вас ответ. Художник Усачев сделал иллюстрации к Вашим «Тараканам». Мне они что-то не очень нравятся, но наше бюро оформления давно уже, еще в мое отсутствие, одобрило их. Прилагаю их, взгляните. Стоит ли их печатать⁴?

Второе. Случайно попался мне занимательный и неожиданный роман «Русский якобинец» М. Загуляева. Герой — Робеспьер. Автор явно ему сочувствует и неплохо (исторически) понимает и описывает. Я не помню другого русского романа на подобную тему. Мне и пришло в голову: не дать ли нам его. Издан он был только однажды — Сувориным (!) в 1884 г. Попадался ли он Вам? Не сохранилось ли у Вас о нем каких-либо впечатлений⁵?

Третье. Безнадёжно застряло дело с историей городов. А между тем, есть уже авторы для Ярославля, Новгорода, Феодосии и Тифлиса (т.е. есть просьбы определенных лиц дать им эти работы). Как быть? А.Н. Тихонов говорит, что существует план двинуть это дело по другим рельсам. Так ли это? Было бы жалко, если бы «Academia» оказалась от этого доброго дела в стороне⁶.

Четвертое. Мы хотели к XVII съезду партии издать книжку: Задачи и план Академии с перечнем изданных и намеченных к изданию книг. Не хотите ли взглянуть хоть в корректуре? Если не затруднит Вас это, я был бы очень рад⁷.

Два раза смотрели с Татьяной Ивановной Булычева⁸. Очень хорошо. Какие-то настоящие слова. Веско.

Горячо жму Вам руку и желаю сил и здоровья на новый год.

Л. Каменев

27. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

Около 20 января, 1934

Дорогой Алексей Максимович,

Получил я странное предложение и прошу Вашего совета. Иван Новиков принес мне свое переложение Овидия. Это не перевод, а именно вольное переложение. Я прочел и мне понравился этот пересказ, хорошими русскими стихами (отдельные неудачи — не в счет) старых овидиевых сказок. Овидия у нас не читают. Точного перевода — размерами подлинника — пожалуй уже не одолеет никто, кроме завязтых любителей: трудно, сложно, длинно. Итак — мне понравилась мысль дать Овидия в этом переложении — маленькой книжкой¹. Не знаю, что скажут латинисты, пожалуй обидятся за старика, но читатель? Не знаю, однако, не субъективно ли мое впечатление и не решаюсь сделать окончательного вывода. Прошу Вас взглянуть на эти листки и черкнуть мне свое мнение. Времени это займет ½ часа, а, быть может, как и меня, развлечет.

Горячий привет.

Л. Каменев

Очень хорош был вечер с медициной!!

Спасибо²!

28. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

11 февраля 1934, Москва

11 февраля 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Пользуюсь поездкой к Вам А.Н. Тихонова, чтобы 1) передать Вам привет, 2) поблагодарить за доброе слово о речи¹; задача была радостная, но — трудная, 3) Сообщить, что очень рад предложению Бенешевича о византийцах (я давно по ним скучал) и что ему уже написано, что Прокопия издавать будем², 4) послать Вам три книжки (I ч. Дикенса, Аристофана и I ч. Мериме)³ и наш каталог, выпущенный к с'езду. На с'езде книжки наши брали с бою, а я стоял в стороне и радовался.

Получив Ваше письмо и узнав, что Вы хвораете, хотел было забежать к Вам и поразвлечь рассказом о с'езде⁴, но Петр Петрович сказал, что лучше отложить свидание до Вашего переезда в Горки. К

сожалению завтра — занят, но если Вы укажете удобный для Вас день — с удовольствием приеду поговорить о разных вещах, м<жду> пр<очим> и о биографии идей⁵.

С Жаковой договор подписан⁶. Прилагаю проект сб. рассказов Короленко⁷. Мне думается издать такой сб. Academi'и следовало бы, б.м., что-либо изменится?

Крепко жму руку. Выздоровливайте покрепче.

Ваш Л. Каменев

P.S. После просмотра в театре, прочел теперь «Достигаева» в альманахе и продолжаю упорствовать в мнении, что это превосходная и крупнейшая вещь. Кажется мнение это расходится с мнением автора и некоторых слушателей. Хочу попытаться переубедить их в печати⁸.

При сем и «миниатюры».

29. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

10 марта 1934, Москва

«10» марта 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович, — есть у меня к Вам несколько дел. 1) Прошу Вашей экспертизы по поводу рукописи Лернера: «Ванька Каин». Это не исследование, а лишь компиляция старых известных материалов. Но — а) материалов нашему читателю неизвестных и недоступных и б) компиляция сделанная живо и увлекательно (пожалуй, слишком увлекательно!) Временами я не мог отделаться от мысли — быть бы сему Каину при Николае I или II — лихим становым приставом. Но, все же, познакомить нашего читателя с ним, а особенно, конечно, с приложенной к «исследованию» Лернера «биографией» и песнями надо. Лернер, между прочим, полемизирует и со Шкловским, что тоже хорошо. Безвкусные штампы вроде «широкой русской природы», «русского смеха», «русского горя» и т.д. — я попутно устранил — и если Вы рукопись одобрите, мы ее пустим в печать. Я плохо знаю и это время и соответствующую литературу, а Вы, как слышно, этой темой интересовались¹.

2) Посылаю Вам «планы» двух городов — Ярославля и Тифлиса. Одновременно они посылаются В.А. Десницкому — для прочтения и указаний авторам. А Вас прошу взглянуть на них для общего суждения. Кажется они идут по той линии, которую Вы намечали для этой серии².

3) С византологом Бенешевичем мы состоим в оживленной переписке о Прокопии Кесарийском, но он сам отказывается готовить эту книгу, ссылаясь на тяжелые жилищные и материальные условия, и рекомендует М.Н. Сперанского. Буду говорить с последним.

4) Над «Пушкинской энциклопедией» работаем. Кстати А.И. Стецкий на собрании писателей реабилитировал этого дворянского стихотворца, признав его самым популярным поэтом современности. Хорошо! Надо бы двигать идею «Комитета» и «Института литературоведения имени Пушкина»³.

Посылаю Вам несколько новых наших книжек. Особо радует меня Кампанелла: впервые русскому читателю старик подан в «аппетитном» виде⁴. Так же в близкий срок дан будет Томас Мор⁵. Хороши рисунки к Скаррону, впервые переведенному на русский язык⁶.

Статьи Ваши в защиту русского языка вызывают всеобщее (гм! гм!) удовлетворение и удовольствие — мое тоже⁷.

Крепко жму Вам руку и жду отклика на рукопись Лернера.

Ваш Л. Каменев

30. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

29 апреля 1934, Москва

Дорогой Алексей Максимович,

Тянуло меня по поводу весеннего солнышка и Вашего выздоровления — к Вам, но рассудил, что лучше до парада Вас не утомлять¹. Парад — увлекательная вещь: поберегите себя, не стойте на ветру пять часов!

Посылаю к празднику четыре книги: Меринга (это мы приготовили к с'езду писателей), Талейрана, Сервантеса, Тургенева. Все сделано добротнo². Когда увидимся привезу Вам прекрасную серию рисунков Герасимова к Некрасову³. Это — подлинное событие!

Об институте литературоведения думаю, но жду решающих слов⁴. Поздравляю с праздником и желаю сил и здоровья.

Крепко жму руку.

Л. Каменев

29. IV. 34

31. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

8 мая 1934, Москва

8 мая 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Сегодня получил извещение о назначении меня директором «Института Литературы им. Горького»¹. Приступаю к делу, т.е. начинаю беседовать с разного рода «сведущими людьми», коммунистами и некоммунистами, литературного цеха для выяснения их пожеланий, отбора возможных сотрудников, составления программы. Надеюсь в три дня провести ряд подобных бесед и тогда явиться к Вам не с пустыми руками. Дело большое и надо сразу ставить его широко, не по-кустарному. Как только для меня самого хоть что-либо прояснится в смысле возможных помощников, программы и пр. приеду к Вам рассказать и посоветоваться². Если уж делать это дело, надо сделать этакую Сорбонну литературоведения!

Нельзя ли перетянуть в Москву ради этого дела В.А. Десницкого³?

Крепко жму Вам руку.

Будьте крепко здоровы.

Л. Кам<енев>

32. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

1 июня 1934, Москва

1 VI 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Очень хотел приехать к Вам, посидеть, поговорить, да неожиданная болезнь Татьяны Ивановны (дня два было 40° и 41°, думали воспаление легких, оказалась злая малярия, лежит в больнице) выбила из колеи. Продолжаю оборудование (пока в уме) Института Литературы¹, а тут мне еще подкинули Пушкинский Дом Академии Наук². Лестно, приятно, но обременительно и заставляет думать как бы *поскорее* да получше двинуть в публику все богатства старой нашей литературы. Хотелось бы выпускать этак каждый день по тому листов по 50 всяких хороших и странных мыслей, что надумали люди за свою историю.

А пока посылаю Боклевского. Очень хорош. Это образец наших будущих альбомов³.

Крепко Вас обнимаю, а на днях приеду.

Л. Кам<енев>

Прилагаю письмо Сокольниковца, нашего техредактора⁴.

33. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

11 июня 1934, Москва

11 VI 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Прежде всего большое спасибо за указание на Л. Соловьева. Его «Новый дом» прочел с большим удовлетворением и даже удивлением. Если не считать нескольких сыроватых, недоработанных мест — автор, видимо, не очень опытен, — то остальное поражает каким-то найденным соответствием между темой, сюжетом и лицами. Он спасает тему — колхозную деревню, — которую грозят замусолить... Вообще это всячески хорошо и радостно. Я уже его всячески пропагандирую¹.

Очень интересует меня судьба Вашей статьи. Появление ее — необходимо. Это будет не статья, а *факт*. При первом чтении меня, признаюсь, чуть-чуть испугало, что Вы даете бой на столь широком фронте: от Молчанова через «молодежь» до «Правды» и «Известий». Но все эти дни я перебирал в голове впечатления от статьи и все больше убеждался: она необходима и, пожалуй, именно и благодаря широте охвата произведет [досто] должное впечатление. Каждый день с нетерпением разворачиваю газету².

Завтра утром перевожу Т.И. из больницы на дачу, а вечером еду дня на три в Ленинград принимать Пушкинский Дом³. Хочу заполучить для этого дела М.Д. Беляева⁴. «Положение» для Института Литературы готово, но Стецкий и Куйбышев неуловимы⁵. Посылаю Вам нашего («Academia») — Гейне⁶. Хороша книжка. Кланяюсь Тимоше⁷, а Вас обнимаю. По приезде из Лен. приеду к Вам рассказать о впечатлениях и допить черную смородину.

Крепко жму руку.

Т.И. просит крепко кланяться.

Л. Кам<енев>

34. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

4 сентября 1934, Подмосковьё

4. IX 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович,

поздравляю с окончанием с'ездовской маяты. Ничего не знаю о «кухне», которая бывает при всяком большом деле, была, конечно, и здесь, но для мира сделано большое и красивое дело. Все мне показалось (по газетам, я сижу в деревне и пишу — по секрету — книжку о Пушкине) хорошо, кроме заключит. слова Бухарина: слишком развязно, свысока, много «Я». Умный он человек, но с какими-то зайцами в голове. А обе Ваши речи — монументальны и останутся и в истории литературы и в истории социалистической культуры¹. Прочел их я с радостью и гордостью за СССР и русскую литературу².

Наши дела — Academia, Институт — двигаются недурно³. Скоро привезу Вам первый эскиз зданий Института⁴. Пушкинский комитет опубликовал, хотя и в жалком виде, без должной «помпезности». Пишу об этом сегодня А.С. Енукидзе, прося повторить публикацию поторжественнее: это важно и для заграницы. А чтобы двинуть работу Комитета вперед практически предлагаю Вам, как председателю, *опросом* создать рабочую комиссию, как мы с Вами уговаривались. Предлагаю проект обращения.

Если не найдете нужным изменять, подпишите и попросите Петра Петровича разослать членам Комитета⁵.

Вот и все деловое.

Вам надо обязательно после съезда отдохнуть. Говорят, что на «заключительном слове» Вы кашляли сверх меры! Обязательно и хорошо отдохните!

Очень интересен сборник, выпущенный Десницким: прочел его не отрываясь: живой кусок истории⁶.

Мы (Academia) получили рукопись: 500 писем Софьи Андреевны к Льву Николаевичу. Из них лишь 20–25 было опубликовано. Не хотите ли взглянуть? Надо решать, что с ними делать и без Вашего совета я не хотел бы принимать этого решения⁷.

А Вы меня посадили-таки в Правление Союза⁸! Работать готов, но что я там должен делать — не знаю.

Горячий привет

Л. Камен<ев>

P.S. Живу я за городом, но всегда готов приехать к Вам, если понадобится.

Привет всем Вашим. Т.И. просит передать горячий привет и поздравления

Л.К.

35. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

29 октября 1934, Москва

12 X 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Начал писать Вам длинное письмо-отчет, но Щербаков мучает нас с 10 ч. утра заседанием, а П.П. едет и мне так и не удастся его закончить. Пошлю по почте, а пока примите сердечный привет, горячее пожелание здоровья и вообще всего самого лучшего¹.

Мы тут мало-мало работаем и ждем, что нас похвалят за усердие и умение. Academia — издает (прилагаю последние книжки: Слово — хорошо²!, Институт — проэктируется, Пушкинский Комитет — совещается, хрестоматии (прозы и поэзии) — готовятся³.

Целую Вас.

Л. Каменев

«Колхозник» — превосходен!

Это сделано по-настоящему⁴!

36. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

4 декабря 1934, Москва

4 XII. 34.

Дорогой Алексей Максимович,

Я много виноват перед Вами за долгое молчание. Дел у меня к Вам пропасть — и по Пушкинскому Комитету, и по Институту, и по Academia. Вот, вероятно, потому что их много, я все и откладывал письмо, а потом уж и не знал с чего начать. Но сейчас у меня два дела, которых откладывать совсем нельзя и, махнув на прочие рукой, я решил написать хотя о них.

1-е. Было у Щербакова совещание о планах худ. изд-ва. Решили оставшуюся беспрютной после ликвидации «Из-ства Лен. писателей» «Библиотеку Поэта» передать «Academia». Я не возражаю, ибо их издания Державина, Дельвига, Полежаева одностипны с

нашими и совместно дали бы действительно полную библиотеку русской поэзии. Но я не очень радовался, ибо взглянув на их портфель, убедился, что работали они по наитию, а не по плану и приготовили Третьяковского, Востокова, Кюхельбекера и Ив. Конеvского (в двух томах!) раньше Фета, Михайлова, Тютчева и Сологуба. Встретив после этого решения Тынянова и Саянова я сказал им а) что придется пускать в печать приготовленные ими рукописи *в известной очередности*, б) что все заготовленные ими рукописи (14) не удастся пропустить в один год ни «Academia», ни «Гослитиздату», ни «Сов. Писателю», а можно рассчитывать пропустить в 35 году книг 5 (дополнительно к 9 томам Пушкина, 4 томам Лермонтова, тому Некрасова, тому Боратынского и тому Огарева, которые уже приготовлены Academia), в) что при наличии параллельных рукописей (Боратынского, Огарева) придется *выбрать* лучшую и г) что нет как-будто необходимости при слиянии сохранять специальную семичленную редакцию «Библиотеки»¹.

Разговор был ... вежливый. Но оказалось, что ленинградцы ... обиделись! А главное от обиды стали действовать неприлично. Нажаловались на меня в Культпроп, мобилизовали в защиту якобы гибнущей «Библиотеки» библиотекарей, напечатали в Ленинградской «Литер. газете» призыв к помощи, в котором обвиняют «Academia» в «делячестве», вообще создали вокруг этого дела неприличный шум. Боюсь, что кроме свойственного литературной публике перманентного стремления к склоке, здесь играет роль и опасение кое-кого потерять высокое звание «редактора» etc., хотя «Academia» никого лишать чинов и орденов не собиралась, не собирается и права и возможностей не имеет.

Я решил никаких дальнейших шагов не предпринимать и никаких разговоров на эту тему ни с кем не вести до Вашего возвращения. Тогда можно будет и принять наиболее рациональное решение².

Но так как «они» пишут Вам и должны для убедительности изобразить меня — открыто или прикровенно — обидчиком и моветоном, то — вот оправдание предшествующим отрокам. По существу же я думаю: «Библиотека» делает не то, что Вы задумали, т.е. издает не образцы русской поэзии, которые бы стали материалом учебы нового писателя, а издает «академические» полные собрания сочинений (ср. Дельвиг, Полежаев, Рылеев) и тем вступает на вредный путь параллелизма с «Academia». Этот параллелизм нужно уничтожить и для этого *полные* академического типа издания, подготовленные «Библиотекой поэта», слить с серией «Academia» (которая дала уже Полежаева, Рылеева, Языкова, Веневитинова,

Одоевского, Курочкина, Михайлова, Кузьму Пруткова, 1-ый том Пушкина, Тютчева; на днях выходит 1-ый том Некрасова и 2 тома Лермонтова (из 5); готовы в рукописи Боратынский, Огарев и Фет). Зато — издания тех же поэтов (и многих других), *не полные*, а отобранные по определенному принципу, с комментариями *не академического* типа, а типа «учебного», технологического, лингвистического, стиховедческого и т.п. — должен издавать «Сов. писатель» для своей специальной аудитории и выполнения своих специальных задач. — Ну пока, пожалуй, и хватит. Пишу, ведь, все это я сейчас, не дожидаясь Вашего приезда и *общего* решения этого вопроса, только для того, чтобы Вы не сочли меня — по наущению неожиданных «врагов» моих из «Библиотеки» — за литературного Держиморду и моветона³, каким я неожиданно для себя предстал перед ленинградцами. — Уф, нет труда каторжнее и нелепее, как распутывать литературные склоки.

Вот второе более определенное дело.

Институт Рус. Литературы (б. Пушк. дом) Академии Наук — я состою там директором — задумал издавать свой журнал, или «Труды». Задача — создать орган научного литературоведения (не нравится мне это слово, да другого еще не придумано). Геологи свой орган имеют, биологи — тоже и даже кондитера, а литературоведы — нет — и ютятся на задворках общих журналов. Надо создать для них трибуну. В журнале 4 отдела:

1) вопросы методологии (проблемы жанров, стилей, языка, образа, слова вообще и т.д.).

2) по истории литератур: общие проблемы литературы на материале конкретных художников.

3) обзор русской и *заграничной* литературоведческой литературы.

4) хроника соответствующих работ по университетам, институтам, издательствам и т.д.

Библиография⁴.

Собираю вокруг сего все что у нас еще есть литературоведческого — от Крачковского до Жирмунского + грамотных марксистов (Десницкого и пр.). Первый № (всего предполагается в год 4 книги) хочу сделать *очень хорошим*, чтобы не срезаться. Имею уже статьи об эстетике Б. Кроче, о проблеме реализма у Дидро, об автобиографии Гете, о фольклоре (Азадовского) о древ-рус. литературе (Гудзия), обзор последней литературы о фр. реализме и т.д. и т.д. Вы, конечно, понимаете, что все сие пишется в столь возвышенном тоне для того, чтобы сказать: А.М., дайте в № 1 — статью, отрывок, заметку! Seriously: не осталось ли у Вас каких-либо материалов от работы над докладом С'езду писателей? Нет ли

каких-нибудь заметок или «забав» на темы о старой или новой литературе, о старых или новых критиках? Или каких-нибудь общих соображений о литературном ремесле. Пришлите! — Очень важно положить хорошее начало хорошему делу.

Крепко жму Вам руку.

Л. Каменев

P.S. Вчера ночью стоял у гроба Кирова⁵. Горько. Хороший, крепкий был человек и превосходный работник. — Будьте здоровы.

Л.К.

Надо бы написать еще о «хрестоматии», но о сем в следующем письме⁶.

Л.К.

37. Л.Б. КАМЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

17 января 1935, Москва. Дом предварительного заключения

Москва. Алексею Максимовичу Горькому.

17.1.35

Алексей Максимович,

После партии и ее руководителей, после моих трех сыновей, нет на свете человека, мнением которого я так бы дорожил как Вашим. К тяжести переживаемого мне было бы бесконечно горько добавить мысль, что Вы имеете право усумниться в правдивости и искренности моего поведения с Вами, в правдивости того, что говорил я Вам при наших встречах. Только что кончился суд. Он вынес мне мягкий приговор¹. Он поверил искренности того отвращения, которое вызвала во мне картина нашей «деятельности» за 10 лет, того морального ужаса, который охватил меня перед «итогами» этой деятельности. Полное политическое банкротство, абсолютная безыдейность, моральное и психологическое разложение, — не «отработанный пар революции», как говорили некоторые, а отбросы исторического процесса, отбросы революции — вот что предстало предо мной, когда на скамью подсудимых собрали «ядро» оппозиции через 10 лет после начала ее деятельности. Но если бы только это! Ведь на этом фундаменте стояла урна с прахом Кирова!

Два дня я корчился от внутренней боли и когда заговорил, то только для того, чтобы дать выход своему отвращению и омерзению, чтобы хоть в последний час предостеречь тех, кого *еще можно предостеречь*, от этого пути².

Давно уже я чувствовал, что зашел в болото. Но я хотел выползти из него в одиночку, на свой собственный Сол Тык³, просто отвернувшись от тех, кого сам привел в эту трясиину и кто там оставался. Забыл, или не додумал или не хотел додумать, что я обязан прежде всего затоптать, вырвать корни тех ядовитых семян, которые сам сеял. Тут-то и нагнала меня логика наших суровых времен. Схватила за шиворот: на смотри, любуйся на плоды своего посева. Ты хотел уползти, спрятаться и почти спрятался в Пушкина да в Данте, а твои ученики в это время выслеживают Кирова⁴. Вот тут-то я прозрел и благословил людей, которые не просто послали меня отсиживаться в каких-нибудь тихих местах, а посадили на скамью подсудимых, на всенародный суд. Речи моей на суде следует верить до конца, до последнего слова. Я говорил два часа, чтобы освободиться от политической фальши, в которой жил 10 лет, и от смертельной тошноты, которая владела мной, когда я посмотрел на их итоги.

Но, хочу я Вам сказать, Алексей Максимович, — с Вами я не фальшивил. Мы не говорили с Вами о политике, а когда я говорил Вам о возродившемся во мне чувстве любви и уважения к Сталину, о моей готовности искренно работать с ним, о том, что во мне перегорело всякое чувство обиды и раздражения, — я говорил правду, говорил то, что действительно родилось во мне в последние годы — после долгой борьбы — и говорил без всяких целей и расчетов, потому что так сложилась моя история за эти годы, что больше этого сказать мне было некому, потому что я Вас сердечно любил.

Простите. Вам, б.м., все это неинтересно. Но, рассчитываясь с прошлым, сказав на суде о всей неправде моей политической жизни за последние годы, я не хотел бы, чтобы у Вас осталось впечатление, что и на мое отношение к Вам в какой бы то ни было степени распространялась эта неправда, эта фальшь, что я привносил в эти отношения и в наши разговоры какие-либо посторонние цели и расчеты. Будьте же уверены, что ничего кроме искренней любви и правды у меня тут не было.

Хочу сказать Вам и еще одно, совсем из другой области. Когда я читал, слышал и от Вас о перековке людей чекистами, я воспринимал это абстрактно и уж, конечно, никогда не думал, что мне придется проверять эти рассказы на себе. Пришлось. Месяц в самых тяжелых душевных условиях прожил я с ними и только с ними — и скажу: все похвалы им малы и недостаточны. Прекрасно подобраны, прекрасно работают, изумительно сочетают строгое выполнение долга с вниманием к человеку. И это до самого низу. А какая

молодежь! Ясные глаза, внутренняя и внешняя подобранность, крепкая вера в свое дело. С громадной радостью смотрел я на них. Эти не ошибутся и сделают дело хорошо и крепко!

Еще раз — простите. Позвольте крепко пожать Вам руку, почтительно поклониться Надежде Алексеевне и передать привет — если он для них приемлем — Алексею Дмитриевичу и Петру Петровичу⁵.

Л. Каменев

P.S. Если могу я Вас попросить о чем-либо, то вот просьба. Не откажите при случае в моральной поддержке Татьяне Ивановне. Она хороший и мужественный человек. Она горячо Вас любит. Ей будет тяжело. При нужде поддержите ее духовно, подкрепите ее бодрость⁶.

Л.К.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по *АМ (АГ)*, впервые.

АМ на бланке Института В.И. Ленина. Подпись — автограф.

Горький ответил 25 ноября 1923 из Берлина (*Неизданная переписка*. С. 241).

Датируется по ответному письму Горького и по содержанию.

¹ Идея создания Института Ленина возникла у Каменева (бывшего тогда Заместителем Председателя СНК) в конце 1922 г., после первого острого приступа заболевания Ленина (Председателя СНК).

В 1923 Институт В.И. Ленина при ЦК РКП(б), директором которого стал Каменев, развернул работу по изданию Первого Собр. сочинений Ленина и Ленинских сборников.

К выполнению своей обширной и глубоко продуманной программы (о чем Каменев пишет Горькому) он приступил весьма оперативно, и уже через полгода из печати вышел первый Ленинский сборник (См. п. 2).

В 1928 Институт Ленина был объединен с Истпартом; в 1931 — с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, получив название: Институт Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ); с 1956 — Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ).

² Каменев знал о переписке Ленина с Горьким в 10-х годах прошлого века и имел представление об ее содержании. Это подтверждается перепиской Ленина с Каменевым. См. письмо Ленина Каменеву от 8 января 1913 (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 48. С. 142–143).

В письмах этого периода отразилась вся гамма сложных отношений Ленина и Горького — их «пламенная» дружба — о чем писали все советские исследователи, и достаточно острые споры и несогласия по коренным политическим вопросам, о чем стало известно из писем же, изданных в постсоветское время.

Именно поэтому Каменев заранее разрешает Горькому оставить некоторые письма Ленина «в совершенном секрете».

Письма, которые Каменев предлагает хранить в конверте с личной печатью, впервые увидели свет в Полном собр. соч. В.И. Ленина. Изд. 5. Также их публиковали и цитировали в своих трудах сотрудники Института мировой литературы. См., например: *Неизвестный Горький*. Вып. 3; Вып. 4; Вып. 5; *Вопросы литературы*. 1993. № 5; *Публицистика Горького в контексте истории*. Вып. 8.

³ Горький, бывший тогда в Берлине, оперативно исполнил просьбу Каменева, хотя в эти дни у него повторился рецидив туберкулеза, и он готовился к переезду на лечение в Чехословакию.

Видимо, письма Ленина за 1906–1913 гг. Горький вывез за границу, уезжая из России в октябре 1921. В ответном письме Каменеву 25 ноября 1923 г. Горький сообщил, что эти письма он передаст секретарю Крестинского, бывшего в то время полпредом в Германии (*Неизданная переписка*. С. 241). В Москву письма были отправлены дипломатической почтой. В том же письме Горький известил Л. Каменева, что Е.П. Пешкова «в ближайшем времени» доставит ему письма Ленина за 1918–1920 гг., находящиеся в Петрограде.

В письме от 24 апреля 1924 г. Каменев благодарил писателя за присылку писем и сообщил, что Ленинский сборник на днях выходит из печати (См. п. 3).

⁴ В Москву Горький приехал только 28 мая 1928 г. и 2 июня посетил Институт Ленина, директором которого был уже не Каменев, а Рязанов.

2.

Печатается по тексту телеграфного бланка, впервые (АГ).

Текст записан телеграфистом русскими, немецкими и чешскими буквами.

Дата приема «7.II» установлена на бланке. Год устанавливается по помете на бланке «Отель Максгоф» (Мариенбад, Чехословакия). Здесь Горький жил с 6 декабря 1923 г. до 3 апреля 1924 г.

Ответ Горького неизвестен.

¹ Горький предоставил Каменеву широкие полномочия на публикацию писем Ленина.

Ленинский сборник. I. М.; Л.: МСМХХIV (1924), вышедший под редакцией Каменева, содержит 34 письма Ленина к Горькому: с 9 января 1908 по декабрь 1913 г. Публикации предпослана архивная справка и предисловие Каменева. Им же составлены комментарии к письмам. 28 из них печатаются по подлинникам, присланным Горьким, 6 — по качественным фотокопиям, предоставленным Публичной библиотекой в Ленинграде (ныне — РНБ).

В предисловии Каменев определяет значение эпистолярного жанра как документа эпохи. В письмах Ленина Горькому он отмечает «четкость политической мысли», способность «любой вопрос текущей жизни связать <...> с кардинальными задачами исторической эпохи». Вместе с тем это подлинные документы новой, созидательной в борьбе, пролетарской культуры».

Анализируя стилистику ленинских писем, Каменев замечает, что в них нет «ни торжественных слов, ни приподнятости стиля, <...> они просты, естественны, часто шутивлы, всегда деловиты».

По письмам Ленина, отмечает Каменев, видно, что он ценил Горького «как величайшего художника новой революционной России», видел в нем «могучего союзника в общем деле, соратника, который борется другим оружием, но бьется против того же врага и за ту же цель. Оружие Горького — художественное слово — Владимир Ильич оценивал очень высоко и придавал ему громадное значение <...> любил его как крупного человека, как выходца из тех самых “низов”» (Ленинский сб. I. С. 79, 80, 83).

В комментариях Каменев разъясняет суть упоминаемых исторических событий, политических дискуссий (их содержание и отношение к ним корреспондентов), дает точные названия газет и журналов, встречающихся имен современников. При отсутствии авторской даты Каменев устанавливает обоснованную редакторскую датировку.

В особой «Архивной справке» (предваряющей текст публикации, написанной, несомненно, Каменевым, но поданной не за его подписью, а от лица всего Института В.И.

Ленина) сообщается, что некоторые слова в ленинских письмах заменены точками, — точки стоят перед фамилиями Троцкого (редактировавшего «Правду» в 1908–1910 гг.), Потрессова, Иорданского.

Современному квалифицированному читателю ясно, что Каменев опустил нелицеприятные ленинские эпитеты перед именами тогда еще здравствующих названных лиц. Эпитеты: «Эта дура Иорданский», «Экий подлец этот Потрессов», «болван (или жулик) Потрессов», «пустозвон Троцкий», «преподлой статьи Троцкого», «шельмец Троцкий». (Текст восстановлен полностью в изд.: *Ленин В.И.* ПСС и П. Изд. 5. Т. 47, 48.)

3.

Печатается по *АМ (АГ)*, впервые.

Фраза «С искренним уважением», дата и подпись — автограф.

Встречное и ответное письма Горького неизвестны.

¹ Письмо И.П. Ладъжникову не разыскано. Принимая во внимание дату настоящего письма Каменева — 24 апреля 1924 г. — можно предположить, что Ладъжникову Горький писал около 20 апреля 1924 г., уже после переезда из Чехословакии в Италию. О содержании письма можно судить по следующим фактам:

В конце 1923 г. в Москве проходил громкий судебный процесс по делу работников ГУМ'а (о махинациях и хищениях). В судебном отчете по этому делу (Известия. 1923. № 290. 19 декабря) было опубликовано сенсационное заявление о знакомстве Горького с обвиняемым Шатилем, который ранее работал в Комиссии по улучшению быта ученых КУБУ. Шатиль воспользовался давней рекомендательной запиской Горького и, выдавая себя за торгового представителя ГУМ'а, совершал свои махинации в Чехословацкой миссии в Берлине. В какой-то степени это бросало тень на Горького.

Писатель, следивший за советской прессой, обратил внимание на эту корреспонденцию и еще 15 января 1924 г. из Мариенбада писал Е.П. Пешковой: «Читал в “Известиях” — в отчете о делах ГУМ'а — гадость обо мне, подчеркнута напечатанную жирным шрифтом. Удивился» (*Архив Г. 9. С. 232*). Редакцию «Известий» и ее главного редактора Стеклова Горький считал виновниками создавшейся коллизии. О степени возмущения и негодования писателя можно судить по его фразе в письме Пешковой 11 февраля 1924 г.: «...после выходки Стеклова против меня я не хочу, разумеется, сотрудничать в изданиях советских» (Там же. С. 233).

² Каменев, бывший тогда членом Политбюро ЦК РКП(б), оперативно принял меры по защите чести Горького, обсудив копию горьковского письма Ладъжникову «с товарищами из Ц.К.» и составив текст заметки «От редакции», который был опубликован в «Известиях» на следующий день — 25 апреля 1924 г.

³ 3 марта 1924 г., отвечая Пешковой, предположившей, что Стеклов не видал этой заметки, Горький писал категорически и весьма раздраженно: «Строки, порочащие меня, были напечатаны жирным шрифтом, и я имею основание думать, что это сделано Стекловым лично или с его ведома, ибо в 17 году я выгнал его из сотрудников “Новой жизни”» (*Архив Г. 9. С. 234*).

Вмешательство Каменева в это дело (см. выше, прим. 2) отводило от Горького все претензии и подозрения.

⁴ В 1922–1923 гг., сразу по приезде из России за границу, Горький занялся организацией журнала «Беседа». В нем писатель намеревался реализовать свою мечту о «планетарной культуре», привлечь к сотрудничеству известных прогрессивных деятелей литературы, искусства, науки (за исключением политиков) всех стран мира. Были разосланы письма и личные приглашения Б. Шоу, Р. Роллану, Дж. Голсуорси, М. Синклеру, Б.-Х. Кларку, Ст. Цвейгу, Ф. Элленсу, Л. Пиранделло, П. Истриати и многим другим иностранцам. Со специальным обращением в румынской и венгерской прессе были опубликованы приглашения к сотрудничеству культурной элиты этих стран. Из русских — наряду с уже известными в Советском Союзе писателями и поэтами — были приглашены и видные творческие личности русской эмиграции: М. Осоргин, Д. Лутохин, А. Ремизов,

Н. Оцуп, В. Ходасевич, Н. Берберова, И. Калинин.

В 1923–1925 гг. русское издательство в Берлине выпустило 7 номеров журнала (№№ 6–7 — в одной книге) на русском языке. Возглавлял издательство С.Г. Каплун (вкладывавший в дело свои средства). Но уже после выхода третьего номера «Беседы», в декабре 1923 г., ввоз журнала в Россию был запрещен Главлитом (который тогда возглавлял Лебедев-Полянский) за аполитичность, мистицизм, упадническое настроение и т.п.

Вероятно, Горький обращался к Каменеву с просьбой о ввозе «Беседы» в Россию. Каменев поставил этот вопрос на заседании Политбюро, которое рекомендовало Главлиту не препятствовать свободному допуску в СССР журнала «Беседа» (См. об этом: *Вайнберг И.И. Жизнь и гибель берлинского журнала...* // Новое лит. обозр. 1996. № 21).

Главлит не принял во внимание этой рекомендации, — журнал так и не был допущен в советскую Россию. Есть сведения, что Россия запросила 10 экземпляров журнала, но, видимо, это было «для внутреннего пользования» (для тех же высоких организаций — Политбюро и Главлита).

⁵ См. п. 1, 2, 4 и примеч. Отдельным изданием в июне 1924 г. вышла книжка «Письма В.И. Ленина к Максиму Горькому. 1908–1913 гг.». Л.: ГИЗ, 1924.

4.

Печатается по *АМ (АГ)*, впервые.

Заключительная фраза, подпись и дата — автограф.

Ответ Горького неизвестен.

¹ Познакомившись с содержанием Лен. сб. 2, Горький писал А.И. Рыкову в Москву 9 ноября 1924 г.: «Встретив Каменева, скажите ему “спасибо” за второй “Ленинский сборник”, ишу недостающих писем Владимира Ильича ко мне, найдя пришлю» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 1).

В БГ Лен. сб. 1, 2 и 3 не сохранились. Это результат «чистки», которой в Советской России регулярно подвергались все общественные и государственные книжные фонды.

Лен. сб. 1 хранился в домашней библиотеке Е.П. Пешковой. Ныне находится в Музее Горького, в Фонде Е.П. Пешковой (*ОЛБГ. 9012*). Несомненно, — это подарок Каменева, которому Пешкова по просьбе Горького в конце 1923 г. передала несколько ленинских писем за 1918–1920 гг. (*Неизданная переписка*. С. 241).

² Вероятно, эти письма опубликованы Каменевым в Лен. сб. 3 с уточненными датировками: письмо Ленина, написанное в феврале 1912 г. (Полн собр. соч. Т. 48. С. 44–47); письмо с датой до 8 января 1913 г. (Там же. С. 139–142); письмо от 13 или 14 ноября 1913 г. (Там же. Т. 48. С. 206–229). Это последнее Каменев предварительно опубликовал в газ. «Правда». 1924. № 51.

³ В известных к настоящему времени письмах Горького Тихонову эта тема не затрагивается.

⁴ На Капри Ленин был дважды: в апреле 1908 и в июне 1910 г. (*ЛЖТ*. 2. С. 33–34, 135).

В очерке «В.И. Ленин» (который Горький начал писать в первый день после смерти вождя) он предположил весьма неопределенно: «После Парижа мы встретились на Капри. Тут у меня осталось очень странное впечатление: как будто Владимир Ильич был на Капри два раза и в двух резко различных настроениях» (*Ленин и Горький*. С. 305). Видимо, в таком же духе он ответил Каменеву.

Ранняя редакция горьковского очерка о Ленине опубликована в журн. «Русский современник». 1924. № 1, вышедшем в нач. мая.

В это время Каменев сам писал статью о Ленине, вошедшую в сборник памяти вождя, вышедший в 1924 г. Впоследствии запрещен цензурой и изъят из обращения.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ Горького неизвестен.

Со времени последнего (известного нам) письма Каменева Горькому прошло почти два с половиной года, но связь между ними не прерывалась на этот срок. По тону настоящего письма видно, что их отношения в это время носили дружеский и доверительный характер.

Каменев исполнил просьбу Пешковой. Приехав в Рим, он переслал посылку в Неаполь сотруднику Российского консульства.

В судьбе Каменева, в его политической карьере за этот отрезок времени произошли значительные изменения. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. он выступил с критикой партийной верхушки, «делающей» из Сталина единоличного вождя. Каменев заявил в частности: «... мы против того, чтобы создавать теорию “вождя”, мы против того, чтобы делать “вождя” <...> Лично я считаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб» (XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 274, 275).

Такую резкую критику Каменев позволил себе потому, что именно он в конце 1922 г. предложил кандидатуру Сталина на должность Генерального секретаря.

После речи на XIV съезде Каменев и Зиновьев стали считаться лидерами «Новой оппозиции» Генеральной линии партии (См.: История ВКП(б). Краткий курс. Одобрен ЦК ВКП(б) в 1938 г. Госполитиздат, 1945. С. 264–266).

Реакция Сталина на выступление Каменева последовала незамедлительно. Съезд закончился 31 декабря 1925 г., а уже в январе 1926 г. Каменев был выведен из состава Политбюро и получил не слишком престижную для себя должность Наркома торговли. В конце 1926 г. он назначен Полпредом в Италию, исполнял эту миссию с февраля до ноября 1927 г. Эта «почетная ссылка» не носила еще репрессивного характера. Сталин стремился изолировать Каменева от участия в партийных дискуссиях, от троцкистской оппозиции, влияние которой на советскую общественность усилилось в 1926–1927 гг.

В книге воспоминаний Н.И. Боярчиков, лично знавший Каменева, пишет, что в первые дни приезда в Италию Каменев встретился с Муссолини во Дворце правительства: «Они обнялись по-старинному и долго так стояли, вспоминая свое прошлое <...> Их беседа затянулась до полуночи». После этого со специальным пропуском от Муссолини «два с лишним месяца Лев Каменев ходил и ездил по Италии, изучая фашистскую действительность» (Воспоминания Н.И. Боярчикова. М.: АСТ, 2003. С. 91).

В Италии опальный Каменев был под наблюдением агентов ОГПУ (См. п. 12, 13 и примеч.).

¹ 14 декабря 1926 г. Горький в письме просил Е.П. Пешкову: «Ты не могла бы послать сюда, к праздникам, грибов маринованных и водки? Тут, вероятно, скоро поедут в Италию разные люди в возмещение Керженцева. Или попроси Алексея Ивановича <Рыкова. — Л. См.> отправить посылку мне с дипкурьером...» (Архив Г. 9. С. 259).

Вероятно, Горький уже знал о назначении Каменева на место отзываемого Керженцева.

Часть посылок Пешковой Горький получил в середине января, вероятно, стараниями Рыкова. О посланном с Каменевым («чемодан и корзина») писал Екатерине Павловне 8 февраля 1927 г.: «Посылки получил, пьем — уже выпили, впрочем, — едим и курим, благословляя имя твое» (Архив Г. 9. С. 264).

² Возможно, от кого-то из общих знакомых, близких по взглядам, чье имя Каменев умышленно не называет в письме.

³ О пошатнувшемся здоровье Горького Каменев знал от Е.П. Пешковой. Горький писал ей 7 января 1927 г.:

«А я тут простудился, и очень основательно, так что не мог встретить и Н<овый> год. Опасались воспаления легких и уремии <...> Лечили два врача. Как видишь — вылечили. Сижу за столом, хотя сие мне еще не разрешено, я должен лежать» (Архив Г. 9. С. 262). И

ей же в ответ на телеграфный запрос: «Получена твоя телеграмма с вопросом о моем здоровье <...> перед праздниками его весьма сильно потряс бронхит, который грозил даже воспалением легких, но дружными усилиями двух докторов, действовавших самоотверженно, как нетрезвые пожарные солдаты, а особенно бескорыстной работой Соловья <И.Н. Ракитского. — Л. См.>, брэнное тело мое снова окрепло. И вот я снова на ногах, сижу, пишу и т.д.» (Там же).

Дружественные отношения Екатерины Павловны с Каменевым, его беспокойство о здоровье писателя и готовность оказать услугу (перевозка громоздкой посылки) говорят о симпатии и добром отношении Каменева к Горькому, хотя лично они не виделись с осени 1921 г. — со времени отъезда Горького за границу. Очень вероятно, что они обменивались письмами, которыми мы не располагаем. Возможно, письма передавались Пешковой, часто бывавшей в Сорренто.

⁴ В этот период Горький в Рим не приезжал. Каменев с женой Т.И. Глебовой посетили его в Сорренто в июне-июле 1927 г. (См. п. 8 и примеч.).

⁵ Именно Каменев как полномочный Полпред СССР в Италии давал распоряжение своему персоналу на оформление въездных виз гостям Горького из Советского Союза — Б. Зубакину, В. Иванову, П. Крючкову, Л. Никулину, С. Семенову, О. Форш, А. Цветаевой и др. (См. п. 9).

6.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ на письмо Горького от начала февраля 1927 г., которым мы не располагаем.

¹ См. п. 5 и примеч.

² Как полномочный посол СССР в Италии, вступая в должность, Каменев должен был выполнять предписания Дипломатического Протокола.

³ П.П. Крючков, находящийся в то время в Берлине в качестве уполномоченного Советского торгпредства, выполнял множество поручений Горького. В частности, вел его издательские дела. Они находились в переписке. В Сорренто Крючков приезжал в сентябре 1926 и в апреле 1928 г. (Андреева. С. 375, 382).

7.

Печатается по А (АГ), впервые.

Год устанавливается по времени пребывания Каменева в Италии — 1927. Письмо написано в Риме.

Ответ Горького неизвестен.

¹ Речь идет о рукописи сборника «Образцы народной поэзии сахаров (якутов). Перевод с сахарского Г.В. Ксенофонтова» и о сопроводительном письме при ней, адресованном Горькому. Все это было послано в Рим 28 мая 1927 г. на имя Каменева. Каменев отправил сборник и письмо через Советское консульство в Неаполе, где они были задержаны. К этому времени Горький уже получил открытку от Семеновой об отсылке рукописи. 17 июня 1927 г. Горький запросил советского консула в Неаполе Куратова-Ледера: «... будьте добры послать мне *почтой заказным* пакетом материал для якутского сборника» (АГ. ПГ-рл-21-42-1). Ознакомившись с содержанием рукописи, Горький дал отрицательный отзыв о переводах Ксенофонтова (ЛН. С. 261).

² Каменев дважды приезжал к Горькому — в конце июня — нач. июля (См. п. 8) и во второй половине августа 1927 г., когда его визит совпал с пребыванием в Сорренто Анастасии Цветаевой и Бориса Зубакина. Об этом Цветаева писала в своих воспоминаниях. На второй день приезда в Сорренто Цветаева и Зубакин на вилле Горького встретились с Каменевым и Глебовой. «К<аменев> — полный, в летах, с проседью, был похож на Короля Георга. Г<лебова> круглолицая, русая, приятная

женщина; ее открытое, веселое лицо радовалось поездке <...> Где-то подобрал бездомного маленького кота, она возила его с собой, заботясь о нем, как девочка. Видимо, и К<аменев> жалел животных <...> Поили котика молоком из блюдца, кормили. Кот блаженствовал. И он ехал с ними» (АГ. МоГ-13-42-2. С. 22. В АМ Цветаева вносила множество изменений и вставки, в результате одна и та же страница имеет несколько нумераций, сделанных карандашом, разноцветными чернилами. Мы указываем карандашную нумерацию в нижнем правом углу страницы).

«Приехавшие собирались дальше — лететь на острова, но хотели и у Горького побыть. К<аменев> держал себя просто, весело, охотно слушал и говорил. Заинтересовался рассказом Горького о странном свойстве Соловья — предчувствовать вулканические явления <...>

Был вечер. Его свет и тени, раскрытые в темноту окна [и облако Везувия в ней придавали фантастичность беседе.] После того как З<убакин>, взяв руку жены К<аменева>, взглянув на ее ладонь, сказал ей много верного о ее жизни, здесь никому не известной, все заинтересовались. Но когда он сказал, что в детстве она должна была тонуть в какой-то большой реке, К<аменев> и его подруга переглянулись.

— Шести лет, на Волге! — изумленно пролепетала Г<лебо>ва. С любезной улыбкой Борис Михайлович пожал ее ручку.

— Ему, ему скажите, его руку посмотрите! — воскликнула она о муже. Кто-то спросил, может ли Борис Михайлович сказать о будущем.

— Вот какими колдунами я окружен, — пошутил Горький, — куда мне от них деваться?

С тою же, быть может, шутливостью протянул руку Зубакину и К<аменев>. Тот внимательно стал рассматривать линии руки. Лицо его было сосредоточено».

Ан. Цветаева не запомнила подробностей этого предсказания, однако писала, что Зубакин предостерег Каменева: «“Бойтесь высоты!” — он сказал эти слова очень внятно и очень пристально, как будто хотел сказать — больше <...>

Был миг тишины, над комнатой вставшей <...> Я смотрела на лицо Горького. Оно было совершенно серьезно».

Позже, перечитывая свои воспоминания, после этих слов Цветаева написала:

«Только 9 лет спустя я поняла слова Бориса Михайловича» (С. 28–30).

Девять лет спустя, то есть в 1936, в год расстрела Каменева.

³ Эти слова с нарочито затуманенным смыслом позволяют утверждать, что Каменев был хорошо осведомлен о напряженном политическом климате в России.

1927 г. был годом наивысшего подъема антисталинской оппозиции, открыто выступавшей против сталинского режима. Современный историк Н.А. Васецкий считает, что в 1926–1927 гг. велась самая острая за всю историю большевистской партии борьба за власть (Послесловие в книге: *Дойчер И. Троцкий в изгнании. М.: Изд. Полит. Литературы, 1991. С. 548–549*). См. далее п. 8 и примеч.

8.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ Горького неизвестен. Судя по характеру сведений, содержащихся в письме Каменева, Горький мог не отвечать на него.

¹ В ЛБГ Горького хранятся: *Ленин В.И. Сочинения. 2-е изд. Т. 1–30. М.; Л.: Госиздат, 1926–1935. То же. 3-е изд. Т. 1–30. Л.: Изд-во ЦК ВКП(б). 1929–1935* и Справочник к ним, изданный в 1935 (*ОЛБГ. 4441–4447*).

² Ленинские сборники т. 4, т. 5, вышедшие в 1925–1926 гг., хранятся в ЛБГ (*ОЛБГ. 4504*).

³ Каменев пробыл в Москве дольше, чем предполагал. Выехал из Рима в 10-х числа июля, 13 августа он еще не вернулся в Италию. В этот день Горький писал Глебовой-Каменевой, остававшейся в Италии: «Когда придет Л.Б., непременно уговорите себя и его ехать в Sorrento» (АГ. ПГ-рл-10-31-1). А 31 августа сообщил Воронскому: «На днях

был у меня Л.Б. Каменев...» (АГ. ПГ-рл-3-31-20).

В дни пребывания в Москве Каменев ознакомился с положением дел, с политическими спорами и дискуссиями в партии, с намерениями и возможностями оппозиции (См. п. 7, 9 и примеч.).

⁴ Обычно наиболее почетных русских гостей и близких друзей Максим Пешков довозил на своей машине до Неаполя (до станции ж/д). В этом случае Горький также поехал вместе со всеми.

9.

Печатается по А (АГ), впервые.

Письмо написано вскоре после личной встречи Каменева с Горьким в августе 1927 г.

Ответ Горького неизвестен.

¹ См. п. 5 и примеч.

² На о. Иския с конца августа до конца сентября 1927 г. Каменев с Глебовой проводил свой отпуск.

Несмотря на неоднократные приглашения Каменева, Горький на Искию не приезжал.

³ Вновь «зашифрованное» иносказательное словосочетание, смысл которого можно понять только в контексте политических событий в советской России. Каменев, только что побывавший в Москве, общался со сторонниками так называемого «троцкистско-зиновьевского блока» (возникшего летом 1926 г.) и его лидерами, знал и сочувственно относился к их взглядам.

Троцкий считал Сталина оппортунистом ленинизму, себя же — верным сторонником и последователем Ильича, выступал за восстановление ленинских норм в партии — против единовластия Генсека, против «бюрократического социализма», засилья послушного партийного чиновничества, против привилегий работникам партийного аппарата, считая это воровством (*Васецкий Н.* Ликвидация // Лит. газета. 1989. № 1. 4 января; *Волгонов Д.* Троцкий // Известия. 1900. № 230. 17 августа; *Роговин В.* Неизвестный Троцкий // Аргументы и факты. 1990. № 38; *Гульбинский Н.* Горький плод // Московская правда. 2002. 23 марта).

Внутрипартийные дискуссии и споры в прессе фактически отражали различные видения и различное понимание теории и практики строительства социализма в России (См.: *Щетинов Ю.А.* История России. XX век. М., 1998. С. 158–159).

Сторонники «троцкистско-зиновьевского блока» развернули широкую агитацию среди заводских рабочих Ленинграда и Москвы, среди членов партии, молодежи, студентов, распространяли нелегальные листовки и воззвания. Дело доходило до серьезных уличных выступлений. Самое многочисленное, — так называемая «параллельная демонстрация», была организована 7 ноября 1927 г., в день десятилетия Октябрьской революции.

⁴ Каменев имел свой взгляд на «дело, затеянное Стариком» (Лениным) и на «сопротивление вобль» (Троцкого), полагая, что в конечном итоге конфликт разрешится выступлением сознательных рабочих («петербургский металлист», «донбассовский шахтер»), которые поддержат оппозицию.

⁵ Эпомео — гора на острове Иския.

⁶ Подробное свое мнение о произведении Глебова-Каменева изложила в письме к Горькому от 21 сентября 1927 г. Текст его написан на обороте л. 2 письма Каменева к Горькому (п. 10).

10.

Печатается по А (АГ), впервые.

На обороте л. 2 автографа написано письмо Глебовой-Каменевой к Горькому.

Встречное письмо Горького и его ответ неизвестны.

¹ Адрес пансионата на о. Иския, где проживали Каменевы.

² Слово «катастрофа» в шутовском контексте и взятое в кавычки встречается в письмах Глебовой, Горького и Каменева этого периода, см. напр., п. Горького Глебовой от 15 сентября 1927 г.: «Эти Ваши записочки на голубых бумажках о голубых глазах и прочем доведут меня до того, что я, вспомнив поучительный пример Фета-Шеншина, тоже, как он, схвачу столовый нож и буду бегать за Вами вокруг Эпоемо с диким ревом и закоптевшим от яростной любви старческим лицом. Вот до чего могут довести меня Ваши бумажки! Да.

А Льву Борисовичу следовало бы подвергать Ваши послания строжайшей цензуре. Ибо — довольно катастроф!» (АГ. ПГ-рл-10-31-2).

³ Непредвиденные обстоятельства изменили планы Каменева. Вместо поездки по Сицилии он остался на Искии, откуда вынужден был уехать в Рим «в порядке внезапности», тайно и более длительным маршрутом (См. п. 12 и примеч.).

⁴ См. п. 5, 9 и примеч.

⁵ Имя «американца» не установлено. О нем упомянула Ан. Цветаева: «иностранный журналист В-н» (Цветаева. *Воспоминания*. С. 23).

⁶ «Эльмер Гантри» — роман американского писателя-сатирика Синклера Льюиса (1885–1951), лауреата Нобелевской премии (1930). Вступил в литературу в 1920-е годы, выявил тему американца среднего класса в условиях «долларовой цивилизации». «Сатирическое обличение и одновременно сострадание <...> герою переплетается в романах Льюиса» (Лит. энцикл. словарь. М.: Сов. энц. 1989. С. 409–410).

В ЛБГ хранятся четыре книги Льюиса Синклера: «Мартин Эрроусмит» (2 экз.), «Мистер Бэббит» и «Ментроп» (ОЛБГ. 2172–74, 7243).

«Плавучий театр» — роман американской писательницы Эдны Фербер о трех поколениях артистов, плавающих со своей труппой на корабле по Миссисипи. В сюжете романа наряду с коллизией о несчастном замужестве затрагивалась актуальная для юга Америки тема о расовых предрассудках. По роману Эдны Фербер в 1920-е годы создано несколько мюзиклов и художественный фильм. В России роман опубликован в 1927 г. на английском языке.

Шолом Аш (1880–1957) — еврейский писатель. До 1909 г. жил в Варшаве, затем переехал в Америку, писал на идиш. Печатался в «Знании», где в 1908–1910 гг. вышли три тома его собр. соч. — рассказы и пьесы. Материал для издания (в переводе с идиш) Аш пересылал в Петербург через Горького, жившего тогда на Капри. Горького не устраивало качество переводов, о чем он писал Аш'у (См.: *Письма*. Т. 7. Указатель).

В доступных библиографических справочниках рассказ «Контора» не упоминается. Возможно он вошел в «Еврейский сборник» (Берлин: Русское изд-во. 1921).

В 1924 г. изд. ЗиФ готовило к печати трехтомник избранных произведений Аш'а, вышедший в 1929–1930 гг. Каменев, имевший деловые связи с ЗиФ'ом, мог вывезти из Москвы гранки или верстку рассказа.

⁷ К этому времени «Правда» и «Известия» печатали отрывки из ч. I «Жизни Клима Самгина».

В конце июня — перв. половине июля 1927 г. «Правда» печатала отрывки из ч. IV; «Известия» в течение июля 1927 г. печатали гл. II. Обе газеты получало русское посольство в Риме.

Знакомство Каменева с романом Горького было хаотичным, ибо в газетных публикациях не соблюдалась последовательность сюжета. Объективного и обоснованного мнения о романе он составить не мог. Тем не менее, Каменев уловил основное, а именно: это не только эпопея, не только история, «а люди в истории».

11.

Печатается по А (АГ), впервые.

Встречное и ответное письма Горького неизвестны.

¹ Письма О.В. Гзовской и В.Г. Гайдарова Каменеву и его ответные телеграммы нам

недоступны. В 1927 в Сорренто актеры не приезжали.

² Гзовская, игравшая на сцене Малого театра и МХТ, и Гайдаров, артист МХТ, с 1920 г. жили за границей, в Берлине. С Горьким познакомились в 1925 г., когда в канун Нового 1926 г., 29 декабря, приехали в Сорренто с деловым визитом (просили у Горького материал для своего репертуара). Горький пригласил их остаться на встречу Нового года. Об этом позже Гзовская писала в своей книге «Пути и перепутья» (Последнее издание: М.: ВТО, 1976. С. 167–172).

Видимо, Каменев был знаком с артистами и встречался с ними в домашней обстановке. Гзовская, обладавшая острым умом и блестящим актерским дарованием, была автором-импровизатором пародий на литературные произведения современников. Исполнялись они в кругу друзей и близких знакомых. Такую пародию Гзовская и Гайдаров разыграли под Новый, 1926-й год, у Горького в Сорренто: «На другой день, прощаясь с нами по телефону, Алексей Максимович вспомнил наши сценки и сказал: “А ведь там что-то вы и из “Дачников” подцепили к себе в пародию”» (Пути и перепутья. С. 171–172).

³ См. п. 10 и примеч.

⁴ Письма Горького Каменеву с ноября 1923 г. до августа 1932 г. не сохранились (См.: *Неизданная переписка*, п. 12, 13. С. 241–242).

⁵ Каменев имеет в виду Ан. Цветаеву и Б. Зубакина, хозяина виллы герцога Серакаприола и его двух дочерей-спортсменок. «У Горького в то время гостили еще биолог Кольцов и иностранный журналист В-н» (*Цветаева*. Воспоминания. С. 23).

С 11 сентября до 21 октября 1927 г. жила Екатерина Павловна. В сентябре–октябре того же года гостила М.И. Будберг.

⁶ Планы Каменева были нарушены «непредвиденными обстоятельствами» (См. пп. 12, 13 и примеч.).

12.

Печатается по А (АГ), впервые.

Встречное и ответное письма Горького неизвестны.

¹ См. п. 13 и примеч.

² Каменев имеет в виду обстановку, сложившуюся в Советской России и, в частности, в Москве, где шла подготовка к «параллельной демонстрации» сторонников Троцкистско-зиновьевского блока (См. пп. 7, 9 и примеч.).

³ Это намерение не исполнилось (См. п. 13).

⁴ Статья Когана П.С. — «Известия», 1927. сент.–окт.

⁵ В.И. Ленин.

⁶ В это время у Горького росла одна «внука» — Марфа (родившаяся 17 августа 1925 г.). Но Надежда Алексеевна ожидала второго ребенка. 12 октября 1927 г. на свет появилась вторая «внука» — Дарья.

⁷ Екатерина Павловна приехала в Сорренто 11 сентября и уехала 21 октября 1927 г.

⁸ Мария Игнатьевна Будберг.

⁹ См. п. 13.

13.

Печатается по А (АГ), впервые.

Ответ Горького неизвестен.

¹ 25 мая 1926 г. в Париже был убит Симон Петлюра. Процесс по делу начался в Париже 28 октября 1927 г. Убийца Самуил Шварцбард (Шварцбарт) объявил на процессе, что убил Петлюру за организацию еврейских погромов на Украине во время гражданской войны. Горький не ездил в Париж, он послал свои письменные показания, зачитанные на

заседании суда. За ходом процесса он следил по газетам. Позднее свои показания писатель включил в статью «Об антисемитизме», опубликованную с сокращениями в газ. «Правда» 26 сентября 1929. № 222. Впервые полностью статья напечатана в кн.: *Горький М. Публицистические статьи. 1931* (В ЛБГ хранится другое изд.: Л.: ГИХЛ, 1933 (*ОЛБГ. 8204*)).

Подробнее см.: Процесс Шварцбарда в Парижском суде. Л.: Изд-во Красной газеты. 1928).

² *contre coeur* — франц. буквально «против сердца». Здесь — против желания.

³ Таким образом, 7 ноября 1927 г., в день «параллельной демонстрации», Каменев был в Москве.

⁴ *entre nous* — франц. между нами.

⁵ За Каменевым в Италии велась слежка и, более того, было принято решение о «нанесении последнего вреда», т.е. о физическом устранении. Чтобы избавиться от преследователей, он поехал в Рим другим путем, не заезжая в Сорренто. Вероятно, Каменев знал, что письма его перлюстрируются, потому в предыдущем письме Горькому писал о своем намерении посетить Сорренто (чтобы направить преследователей по неверному пути).

⁶ В 1927 г. в Берлине вышла книга В.В. Шульгина «Три столицы. Путешествие в красную Россию», в которой он рассказывал о своем нелегальном посещении Советской России в 1925–1926 гг.

В советской и в эмигрантской прессе обсуждалось это событие и сообщалось, почему этот вояж обошелся так благополучно. Позже, уже живя в Советском Союзе, Шульгин сам писал об этом: «В 1925–1926 г. мне удалось проникнуть нелегально в Советскую Россию и вернуться в эмиграцию <...> В 1927 году открылось, что тайное мое путешествие по России было от начала до конца известно соответствующим органам Советской власти» (*Шульгин В. Письма к русским эмигрантам. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 10*).

⁷ Какую именно статью из «Правды» Каменев переслал Горькому, установить не удалось.

⁸ «Известия» (1927. № 230, 7 окт.) опубликовали письмо Президента АН СССР А.П. Карпинского, который от имени Академии поздравлял Горького с 35-летием литературной деятельности. Этот юбилей Горького, объединенный с юбилейной датой рождения (60 лет), очень широко отмечался в СССР партийными, государственными, профсоюзными организациями, прессой. Горького поздравляли многие выдающиеся европейские и американские писатели, общественные и политические деятели (См.: *ЛЖТ. 3. С. 542–599*).

⁹ Фраза, по которой можно судить, что Каменев был в курсе готовящихся в Москве выступлений сторонников оппозиции. Вернуться в Италию ему не довелось. См. п. 14 и примеч.

¹⁰ В октябре 1926 г. в СССР на экраны вышел фильм «Мать». Режиссер В. Пудовкин. Сценарий Н. Зархи. Ленту этого фильма Каменев подарил Горькому. «Из России наш представитель привез Алексею Максимовичу только что в Москве появившийся фильм “Мать”, — пишет Ан. Цветаева. — Горький очень заинтересовался и, после переговоров с местными властями <...> было получено разрешение на просмотр этого советского революционного фильма в Соррентийском кино — для Горького и его гостей» (Цветаева. *Воспоминания. С. 21*). Цветаева сообщает, что в зале гости разместились в первых рядах, а сзади — представители местной власти, «весь фашистский синклит» (Там же. С. 21).

14.

Печатается по А (АГ), впервые.

Автограф — один лист большого формата, исписанный с двух сторон, с приписками на полях.

Авторская дата (год написания — 1923) ошибочна, что устанавливается по месту пребывания Каменева: в Калуге Каменев и Зиновьев жили в 1928 г.

Ответ Горького неизвестен.

¹ В эти дни в связи с юбилеем — 35 лет литературной деятельности и шестидесятилетие — Горький действительно получал большое количество писем (См. п. 13 и примеч.).

² Письмо Горького, посланное из Сорренто, неизвестно.

³ Как видно из предыдущих писем (пп. 7, 9, 12, 13), Каменев принимал активное участие в действиях оппозиции, закончившихся «параллельной демонстрацией» 7 ноября 1927 г., в день десятилетия Октябрьской революции. Волкогонов в своей книге цитирует документ из архива Троцкого, из которого очевидно, что 7 ноября Каменев, Муралов и Смилга в автомобиле сопровождали колонну демонстрантов. «На Семеновской улице милиционеры и военные обстреляли машину <...> человек пять — бросились на автомобиль с площадными ругательствами, сломали рожок, и разбили стекло фонаря». После чего они прибыли на квартиру Смилги. «Дело закончилось тем, что человек 15–20 командиров школы ЦК разбили дверь квартиры тов. Смилги, обратив ее в щепы, и насильно ворвались в комнаты <...> На полу остались доски, щепы, крючья, битое стекло, разрушенный телефон и пр.» (Волкогонов Д. Лев Троцкий. Гл. 5. // Октябрь. 1992. № 1. С. 147).

Реакция Сталина на октябрьский демарш оппозиции была быстрой и решительной. Уже через неделю, 14 ноября 1927 г., на объединенном заседании ЦК и ЦКК были исключены из партии руководители антисталинской оппозиции Троцкий и Зиновьев.

Вопрос этот был включен в повестку дня XV Съезда ВКП(б), проходившего со 2 по 19 декабря 1927 г. На съезде была избрана комиссия «для расследования антипартийной деятельности троцкистов и зиновьевцев».

Доклад «Об оппозиции» сделал Орджоникидзе. Оппозиционеров обвиняли в разрыве с ленинизмом; в капитуляции перед международной буржуазией; в создании антисоветской троцкистской партии. Съезд одобрил решение ЦК и ЦКК и исключил из партии 75 активных деятелей троцкистского блока. Среди них были Пятаков, Радек, Раковский, Смилга и др. Каменев, еще в 1926 г. исключенный из Политбюро, теперь был выведен из ЦК и также исключен из партии.

Многие из исключенных подавали заявления в высшие партийные органы — о разрыве с троцкистами и с просьбой о восстановлении в партии. Для них был установлен шестимесячный испытательный срок, после чего каждая просьба о восстановлении рассматривалась индивидуально (История КПСС. М.: Гос. Изд. Политич. литер., 1963. С. 416–418).

Среди покаявшихся были Каменев и Зиновьев. Шестимесячный испытательный срок оба отработывали в Калуге. Каменев в качестве заместителя Председателя Калужского Губплана, Зиновьев — в Наробразе. Оба, выдержав испытательный срок, в 1928 г. были восстановлены в партии и вернулись к общественной деятельности.

Возглавлявший оппозицию и не раскаявшийся Троцкий (высланный в Алма-Ату) позже писал, что в январе 1928 г. Зиновьев и Каменев капитулировали «перед анонимной бюрократией под именем партии <...> у них могли быть иллюзии: “работа в партии”, “сближение с партией”, “влияние на массы”» (Бюллетень Оппозиции. 1933. № 35. Июль).

Действительно, в последующие четыре года Каменев проявил себя как активный организатор, автор научных и литературоведческих трудов в гуманитарной сфере.

⁴ Описание города Окурова см.: М. Горький. *Сочинения*. Т. 10. С. 7–9.

Современный автор «Путеводителя по русским городам» Дм. Семеник пишет о Калуге: «Живой город, где русская старина не выглядит декорацией <...> город пострадал мало, сохранились целые старинные улицы» (Путеводитель... М.: Изд. Паломник, 2003. С. 181, 192). В книге отмечены наиболее значимые исторические памятники города и его окрестности.

⁵ Гоголь побывал в Калуге по приглашению своего большого друга и поклонницы А.О. Смирновой-Россет. Ее муж был калужским генерал-губернатором. Гоголь и сводный брат Смирновой Л.И. Арнольди выехали из Москвы 5 или 6 июля 1849 г. и, не доезжая до города, остановились в селе Бегичево, в загородном имении Смирновых, где провели четыре дня.

О пребывании в Бегичево со слов Смирновой записал Кулиш: «Гоголь приехал к

Смирновым сперва в село Бегичево, Калужской губернии <...> Его возили по окрестным деревням, и ему очень понравился дом и сад на полотняной фабрике Гончаровых» (цит. по книге: *Вересаев В.* Гоголь в жизни... М.: Моск. Рабочий, 1990. С. 452).

Калиш сообщает далее: «Через несколько дней семейство Смирновых переехало с Гоголем в Калугу <...> Подъехали к Калуге вечером <...> Гоголь пришел в восхищение — “Да это просто великолеpie! — сказал он, — да отсюда бы и не выехал <...>”. Его особенно восхищали зеленый сосновый бор и река Яченка <...> Вправо от бора ему видны были главы Лаврентьевского монастыря <...> По утрам Гоголя не видали; он являлся в дом только в три часа, к обеду» (Там же. С. 453). «Гоголя возили по окрестностям губернского города, и, между прочим, в село Ромоданово, откуда, по его словам, вид Калуги напоминал ему Константинополь» (Там же. С. 454).

Восхищение Гоголя Калугой, ее монастырями и церквями, созвучно восприятию Каменева, хотя последний в описании современной ему Калуги — уже советской — внес множество сатирических деталей.

⁶ Полотняные заводы — поселок в Калужской области. Называется так по построенному здесь в XVIII в. заводу, производившему полотняные паруса. Здесь же была бумажная фабрика, принадлежавшая семейству Гончаровых.

Наталья Николаевна Гончарова, руки которой добивался Пушкин, ставшая женой поэта, происходила из этого рода.

В своем письме Каменев использовал шутливое рифмованное выражение Пушкина:

«Я влюблен, я очарован,
Словом, я огончарован».

⁷ В октябре–ноябре 1924–1926 гг. по инициативе Максима Пешкова на вилле в Сорренто выходила рукописная юмористическая газета «Соррентинская правда». Главным редактором был Максим Пешков, он же иллюстрировал газету. Все жившие и посещавшие виллу Иль-Сорито писали в газету шуточные стихи, очерки, пародии, эссе и т.п. Всё написанное для газеты Горьким опубликовано в издании: *Архив Г. 12.* С. 38–56.

Каменев познакомился с «Соррентинской правдой» в один из приездов к Горькому в 1927. Отсюда идея издавать свою юмористическую домашнюю газету, находясь в исправительной ссылке в Калуге.

⁸ Личности их не установлены. Возможно, такие же ссыльнопоселенцы, направленные в Калугу, как Каменев и Зиновьев.

⁹ *Мстиславский С.* На крови. М.; Л.: ГИЗ, 1928.

Мстиславский (наст. фамилия Масловский) Сергей Дмитриевич (1876–1943). Родился в интеллигентной аристократической семье (отец — Масловский Д.Ф. профессор Академии Генштаба, военный историк, ген.-майор).

В 1901 г. окончил физмат СПб. Университета. В 1904 г. примкнул к левым эсерам, со временем стал видным деятелем партии. Активно участвовал в февральской революции 1917 г., был комиссаром Петроградского Совета, член ЦК партии эсеров, участвовал в аресте Николая II и его семьи. Как представитель левых эсеров был делегатом I, II и III Всероссийских Съездов Советов рабочих и солдатских депутатов.

До войны печатался в журналах разных направлений: «Русское богатство», «Заветы», «Запросы жизни». В 1917 г. редактировал «Скифы». Сб. 2; в 1917–1919 гг. был одним из редакторов газ. «Дело народа» (орган ЦК партии эсеров).

В 1912 г. Горький решительно осудил ст. Мстиславского «Отечественная война» (Запросы жизни. 1912. № 34), в которой автор утверждал особую роль русского дворянства в войне 1812 года, считая его «прирожденным вождем народных масс» (См.: Горький. *Письма.* Т. 10, pp. 152, 163 и примеч.).

В 1918 г., после убийства Мирбаха эсером Блюмкиным, Мстиславский вышел из ЦК партии эсеров и перешел в ЦК партии Борьбистов (левые эсеры Украины).

С 1921 г. — беспартийный, занимался литературной деятельностью. В конце 1920-х, в 1930-е гг. печатаются несколько его романов, наиболее известный из них «Грач, птица весенняя» (о Баумане. 1937).

«На крови» — второй роман Мстиславского — повествует о революционных событиях 1905 г. Герой его эсер «товарищ Михаил» — образ автобиографический. Выходец из аристократической среды, по ходу действия он общается с рабочими-

революционерами и террористами. Отзывы и рецензии см.: Новый мир. 1928. № 7; Красная новь. 1928. № 7; Известия. 1928. 31 марта; Комсомольская правда. 1928. 1 сент.

В 1928 г. Мстиславский на основе романа написал пьесу.

¹⁰ Тарасов-Родионов А.И. (1885–1938) — Февраль. Роман-хроника. М.: ГИЗ, 1928.

В 1905 г. вступил в РСДРП. Примкнул к большевикам. В 1907–1908 гг. жил в Париже, в Брюсселе. С 1908 по 1913 г. как продавец с.-х. машин исколесил всю Сибирь и Россию. В 1913 г. сдал гос. экзамен в Казанском универс. на юридическом ф-те.

В 1915 г. призван в армию, был солдатом, затем поступил юнкером в Казанское военное училище, с 1916 г. — офицер.

Активный участник Февральской и Октябрьской революций, активно действовал (участвовал в репрессиях) в годы Гражданской войны и интервенции.

В нач. 1920-х работал начоперупром в штабе 15 армии, далее получил звание начдива, был нач. и комиссаром московских курсов командиров полков. С 1926 г. — редактор ГИЗ'а, печатался в журналах «Мол. гвардия», «Октябрь». Член МАПП. Автор повестей «Шоколад» (ГИЗ. 1925), ром. «Линев». Мол. гвардия, 1924; 2 изд. ГИЗ, 1926 и ром. «Февраль».

¹¹ Чехов М. Путь актера. М.: Academia. 1928. Книга Миханла Александровича Чехова (1881–1955) — племянника Антона Павловича, талантливого актера и руководителя МХАТ II, сыгравшего множество ролей персонажей русского классического репертуара. Летом 1928 г. вместе с женой уехал за границу, в Россию не вернулся. В Нью-Йорке организовал свой театр «Театр-студия Чехова».

¹² Могэм (Maugham) — английский писатель, фамилия которого в русской транскрипции воспроизводилась по-разному: Могаи, Могэм, Моэм, Мом.

Могэм Уильям Сомерсет (1874–1965), автор романов, пьес, юмористических новелл о жизни англичан в перв. полов. XX в. Названия его романов и рассказов в русских изданиях также переводились по-разному. В частности, роман «Луна и шестипенсовик» (1919) выходил в России под названием «Луна и грош». Каменев читал роман в новом переводе: *Моэгэм В.С.* Луна и шестипенсовик. Л.: Госиздат, 1928. Оба издания хранятся в библиотеке Горького (ОЛБГ. 2056, 2057).

¹³ Тьянянов Юрий Николаевич (1894–1943), литературовед, писатель и переводчик. В 1927–1928 годах работал над романом о Грибоедове (*Тьянянов Ю.* Смерть Вазир-Мухтара. Л.: Прибой, 1929). До выхода книги отрывки из романа печатались в нескольких номерах журн. «Звезда» (1927). Горький очень высоко ценил книгу, о чем писал Тьянянову из Сорренто 24 марта 1929 г.: «Сердечно благодарю вас за «Визирь Мухтара» <...> Хорошая, интереснейшая и «сытная» книга. Удивляет ваше знание эпохи <...> характеры вы рисуете как настоящий, искусный художник слова, что не мешает вам быть пронительнейшим историком литературы <...> Грибоедов — замечателен...» (*ЛН.* Т. 70. С. 458). В ЛБГ хранится экземпляр 6-го издания книги (М.: Сов. писат., 1936. ОЛБГ. 1564).

¹⁴ Рассказ «Дружки», один из ранних рассказов Горького под названием «Друзья», печатался в «Нижегородском листке». 1895. Январь. №№ 13, 17, 20, 23. В юбилейный год вышел отдельной книжкой: «Дружки». М.; Л.: ГИЗ, 1928. С иллюстрациями <В.И. Соколова>. В письме к художнику Соколову от 31 октября 1928 г. Горький одобрительно отзывался об одной из его работ и заметил, что иллюстрации к «Дружкам» он считает менее удачными (*ЛЖТ.* 3. С. 678).

¹⁵ Горький приехал в Москву 28 мая 1928 г. и пробыл там до 12 октября. Все это время Каменев был в Калуге. Писатель не только собирался посетить калужского сельнопоселенца, но по приезде в Москву намеревался как-то смягчить его участь, — в положительном смысле истолковать его политическую позицию, предполагал возможное примирение оппозиционеров с ортодоксами.

Норвежский славист Гейр Хьетсо пишет, что в первый приезд в Россию Горький «в частных разговорах с партийцами» допускал осторожные высказывания на эту тему: «С его точки зрения, — пишет Хьетсо, — многие из находившихся в оппозиции к руководству — Каменев, Бухарин, Рыков, — люди гораздо более просвещенные, чем волевой практик Сталин. Нельзя ли соединить организаторские способности Сталина с их культурной ориентацией? Если бы только они могли сотрудничать, то партия наверняка от этого выиграла бы» (*Хьетсо Г.* Максим Горький. Судьба писателя. ИМЛИ РАН. Изд.

Наследие, 1997. С. 235. Перевод Л. Григорьевой). О личных контактах Горького с Бухариным, Каменевым, Рыковым, о заступничестве за них перед Сталиным пишет Ваксберг в книге «Гибель Буревестника» (М. 1999. С. 286, 298, 301, 325).

¹⁶ Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935), выдающийся русский ученый-самоучка, основоположник современной космонавтики и ракетостроения. Жил и работал в Калуге, преподавал в гимназии математику и физику. Ставил опыты с аппаратами собственной конструкции.

Одна из двух «книг», полученных Каменевым от Циолковского, брошюра «Причина космоса». Калуга, 1925 (33 стр.).

Имя Циолковского не случайно упоминается в этот период в переписке Горького с Щербаковым, старым знакомым писателя еще по Нижнему Новгороду. В конце 90-х годов XIX века Горький посещал кружок любителей физики и астрономии, который вел Щербаков (см. об этом: Нижегородское окружение Горького. Волго-Вятск. ИЛ. издательство. Горький, 1968. С. 169–170). С 1906 г. Щербаков жил в Калуге, преподавал в гимназии, был знаком с Циолковским.

Первое письмо из Калуги Горький получил именно от Щербакова. Написано оно 7 марта 1928 г. Из его содержания видно, что Щербаков был хорошо знаком со «ссылнопоселенцами» Каменевым и Зиновьевым и, более того, у них был план посещения Калуги Горьким. Это подтверждает и телеграмма Горькому, составленная Глебовой (русский текст — немецкая графика) и отправленная в Сорренто 6 марта 1928 г. В ней среди приветствий всему горьковскому семейству между строк встречается неожиданная информация: «живем Калуге улица вашего имени» (АГ. КГ-рл-11-60-01).

В письме Щербакова, написанном на следующий день после телеграммы Глебовой, идея встречи звучит совершенно отчетливо. Воспоминания о жизни и встречах в Нижнем, об общих знакомых завершаются такими словами: «Не знаю, когда я собрался бы написать тебе, если б не здешние слухи, что ты едешь в Россию; очень хотелось бы свидеться с тобой». Здешние слухи о том, что Горький собирается из Сорренто ехать в Россию, могли исходить только от Каменева, который не так давно, будучи в Сорренто, общался с Горьким и знал об его планах. Далее в письме Щербакова: «...приезжай в Калугу <...> где я тебе гарантирую полное инкогнито <...> Думаю, что в такой глубокой провинциальной среде, как Калужская, тебе легче ознакомиться с новым бытом, новыми условиями жизни...» (АГ. КГ-рзн-12-23-1).

Если «полное инкогнито», то знакомиться с новым бытом и новыми условиями жизни можно только в общении с доверенными лицами.

Горький ответил Щербакову 15 марта 1928 г. из Сорренто: «Разумеется — я приеду в Калугу и мы посмеемся за чаем. У вас, кстати, некто Циолковский открыл наконец! — “Причину Космоса”, так мы и его чай пить пригласим <...> Любопытный, должно быть, народ калужане, если они способны эдакие “причины” открывать» (АГ. ПГ-рл-55-3-1). Горький поддерживает идею конспирации, — в Калуге его интересуется лишь Щербаков с его семейством и «некто Циолковский». (В ЛБГ к тому времени было около, или более, двадцати трудов, которые написал Циолковский. ОЛБГ. 5769–5799, 7938–39, 8440. «Причина космоса» — с пометами Горького — 5780.)

И совершенно откровенно идея «конспиративной встречи» звучит в письме Щербакова от 17 августа 1928 г., когда Горький уже был в России и после длительной поездки по Советскому Союзу, так и не попав в Калугу, отдыхал в Морозовке. «Если ты <...> вздумашь побывать в Калуге, обязательно телеграфируя с пометой о ночной доставке, но без подписи своей фамилии — одно слово “выезжаю”». К этому времени Щербаков позаботился и о месте встречи. «Квартира, особняк, во дворе — вполне удобная для конспиративного поселения <...> По слухам, какие просочились в местную газету, благодаря различным “интервью” с тобой и связывании твоё намерение с моим именем и завяты твои поклонники уже спрашивают меня когда, как. Ну это не так страшно при проектируемых профилактических мерах» (КГ-рзн-12-23-3. Подчеркнуто Щербаковым).

Интервью, о котором упоминает Щербаков, Горький дал калужскому корреспонденту молодому писателю К. Алтайскому в июне 1928 г. Вероятно, оно не было опубликовано в местной газете, т.к. Щербаков говорит только о «просочившихся слухах». Вероятно, у Алтайского не было намерения публиковать «интервью» в калужской газете и целью его

встречи с Горьким было выяснить, придет ли писатель в Калугу. Возможно также, что он имел какое-то поручение от Каменева.

Позже Алтайский писал об этой встрече: «Он жадно расспрашивал о Калуге, ее людях и делах <...> О Циолковском <...> в каких условиях он работает? Имеет ли он все необходимые ему книги?» (*Алтайский К.* Несостоявшаяся встреча. Горький и Циолковский // *Вечерняя Москва*. 1937. № 137. 17 июня). Не случайно Алтайский отмечает, что в первую очередь Горький вел расспросы о Калуге, ее людях и делах..., а уже потом — о Циолковском. В первой части беседы, вероятно, упоминались имена Каменева и Зиновьева, о чем в 1937 г. уже нельзя было писать.

Несомненно, намереваясь встретиться и свободно поговорить с Каменевым, Горький опасался нежелательных последствий со стороны репрессивных органов, может быть, не столько за себя, сколько за своих «завязых поклонников». (Есть основания предполагать, что в ожидании Горького Каменев и Зиновьев оставались в Калуге более продолжительного срока.) Именно поэтому в частных письмах к другим корреспондентам Горький не всегда уместно заявляет о своем повышенном интересе к Циолковскому. Так еще будучи в Сорренто, он пишет Федину 21 апреля 1928 г., что собирается в Калугу повидать Циолковского, а 27 августа 1928 г. объясняет Касаткину, что из-за большой занятости не может поехать в Калугу к Циолковскому.

Так ли важно было Федину и Касаткину знать об этом. Конечно, писатель надеялся, что они покажут его письма своим коллегам.

Со дня приезда в Советский Союз до последнего дня пребывания Горький постоянно находился в кругу официальных лиц, спецслужб и многочисленных поклонников, встречался с членами правительства, партийными функционерами, посещал обязательные «мероприятия», собрания, заседания и пр.

Даже если бы время и здоровье позволили ему поехать в Калугу, в таком окружении он не смог бы видаться и говорить с Каменевым.

15.

Печатается по А (АГ), впервые.

На автографе приписка Зиновьева красными чернилами.

Ответ Горького неизвестен.

Датируется по содержанию: полугодовой срок ссылки в Калугу должен был закончиться в конце июня (См. п. 14).

¹ Шутливое поименование своей жены Глебовой-Каменевой, которая в Италии писала Горькому письма-записочки на голубой бумаге.

² Вместо крещения новорожденных (обряд, символизирующий приобщение младенца к православной церкви) в первые годы советской власти было введено «октябрьение». Видимо, это действие должно было означать приобщение младенца к идеям Октябрьской революции. «Обряд» совершался «активистами» по месту жительства, например, в домоуправлении. В чем он заключался, теперь установить трудно. В дальнейшем в 1–3 классах школы учеников «принимали в октябрята». Октябрят организовывали в «звенья», примыкавшие к пионерским дружинам старшеклассников.

О судьбе сына Каменева и Глебовой-Каменевой см. п. 37, примеч. 6.

³ «со всеми «онерами» — от франц. *honneurs* (фигуры в карточной игре). В русск. (устарелом) имело значение — «со всеми подробностями», со всеми необходимыми принадлежностями. Каменев употребляет в последнем смысле слова (Слов. русск. яз. Т. II. М., 1982. С. 618).

⁴ Видимо, кто-то из жителей Калуги, кому Каменев мог доверять.

⁵ Письмо Глебовой-Каменевой от Горького из Сорренто (см. изд. АГ. ПГ-рл-10-31-1-4).

⁶ Каменев имеет в виду свое письмо от 7 апреля 1928 г. (См. п. 14).

⁷ О «тяжелых днях» в Питере, непростых (иногда враждебных) отношениях Горького с Зиновьевым см.: *Неизданная переписка*. С. 193–227; здесь же впервые опубликован текст приписки (с. 207). См. также: *Смирнова Л.Н.* Горький в журнале «Коммунистический

16.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на 3-х листах блокнота (заменявшего официальный бланк), на которых типографским способом отпечатано: «Москва. Мал. Дмитровка. 18» (временный адрес офиса изд-ва «Academia») и год «...193...» — неполная дата. На л. 1 Каменевым дополнено: «10. VI. 1932». Здесь и далее подобная датировка (штамп на бланке) печатается в кавычках.

Ответ Горького неизвестен.

¹ Изд-во «Academia», организованное в Петрограде в конце 1921 г. как частное предприятие, после ликвидации частных издательств было передано в Гос. Институт истории искусств. В 1932 г. издательство переведено в Москву и как «Отдел» вошло в структуру ГИЗ'а, который возглавил Томский.

Руководство Отделом было поручено Каменеву, тогда еще не имевшему официальной должности заведующего (бланк, на котором написано письмо Горькому, — не именной). Каменев в короткий срок проделал огромную работу: поиски квалифицированных кадров, составление редакционных планов, графика выхода книг, поиски «сносного помещения», технического оборудования, бумаги, вопросы финансирования и пр.

Издательское дело для него не было новым. Еще в 1922 г., будучи Зам. Председателя СНК и СТО, Каменев возглавил специальную Комиссию по изданию работ русских классиков, социалистов и мыслителей (Звенья. Историч. альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 458). Вероятно, многие наработки этой Комиссии использованы Каменевым при реорганизации «Academia».

Работа его была прервана в октябре 1932 г. новой опалой, исключением из партии и высылкой (См. п. 21 и примеч.).

О реорганизации издательства и его планах Горький писал Р. Роллану 5 августа 1932 г.: «...этим летом Госиздат реорганизуется. Халатова заменил Михаил Томский <...> во главе издательства “Академия” поставлен Лев Каменев, талантливый исследователь русской литературы <...> Прилагаю черновой план издательства “Академия”; этот отдел Гиза должен снабдить страну лучшими произведениями всемирной литературы, начиная с древности и до XX века. Несколько десятков книг этой серии уже издано, а план перерабатывается, расширяется. Дело большое, развивается успешно...» (Архив Г. 15. С. 228).

² Горький приехал в Москву (из Сорренто) 25 апреля 1932 г. и поселился на М. Никитской, 6. С самых первых дней пребывания в Москве на его квартире собирались писатели: А. Толстой, А. Тихонов, А. Фадеев, П. Павленко, В. Ермилов и др. (Павленко. Голос в пути. М.: Сов. писатель, 1952. С. 125).

Бывал там и Каменев со своими коллегами по «Academia». Планы издательства выработывались при участии Горького и под его руководством на даче в Горках-10. Об этом позже писал Дживелегов, присутствовавший на заседании (Книжные новости. 1937. № 11).

Позже Горький был избран Председателем редакционного совета. Всю свою деятельность и разработки планов Каменев консультировал и согласовывал с Горьким.

³ Т.И. Глебова-Авилова — вторая жена Каменева. Владимир, их сын, родившийся в 1928 г. в Калуге.

После этого визита Горький пересмотрел планы изд-ва по литературоведению, мемуарам, театру и критическим работам XIX в. Текст плана с поправками и замечаниями Горького и с его запиской, датированной 17 июня, хранятся в Архиве Горького в ИМЛИ РАН.

Горький предлагал включить в План издания произведения Льва Толстого, А.К. Толстого, Загоскина, Гребенки, Надсона, Фофанова, Павловой и др. А также расширить раздел мемуаров.

⁴ Ал. Ив. Стецкий, член ЦК ВКП(б), в это время был заведующим Агитпропотделом.

⁵ В 1931–1935 гг. Борис Михайлович Волин (наст. фам. Фрадкин) возглавлял Главлит (Главный цензурный комитет).

⁶ Герцен А.И. Былое и думы. Изд. 2. Т. 1–3. М.; Л.: «Academia», 1932. Том 3 этого издания содержит 628 стр. (ОЛБГ. 4776).

⁷ В.С. Печерин (Печорин). Замогильные записки. М.; Л.: «Academia», 1932.

17.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на бланках «Academia» с адресами и телефонами издательства.

Дата — штамп на бланке.

Ответ на письмо Горького от конца мая 1932 г., которое не сохранилось.

¹ См. п. 16 и примеч.

² В это время в «Academia» подготавливался к печати роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» со вступительной статьей А. Дымшица «Максим Горький и Федор Сологуб (к истории одного пасквиля)». Горький предлагал Каменеву включить в том свою сказку «Смертяшкин» (Рус. слово. 1912. № 290) и статью Сологуба с ответной критикой в адрес Горького (Г-30. Т. 30. № 1071).

Чуковский был редактором, автором вступительной статьи и комментатором двухтомного Сочинения В.Л. Слепцова. Возможно, здесь речь идет о гонораре за первый том (М.; Л.: «Academia», 1932; ОЛБГ. 4976).

Е. Ланн (Лизман Е.Л.) совместно с Кривцовой работал над переводом книги «Чарльз Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба» (Т. 1–3. М.; Л.: «Academia», 1933–1934. ОЛБГ. 4808).

Никколо Макиавелли. Сочинения. Т. 1. М.; Л.: «Academia», 1934. Дживелегов в этом издании был редактором, автором вступительной статьи и одним из переводчиков (ОЛБГ. 4875; см. п. 16. п. 2).

³ В конце 1920-х годов у Горького возникла идея создать «Историю гражданской войны». С этой идеей он обратился к Сталину, — говорил с ним при личных встречах, писал из Сорренто. В частности, из письма Горького Сталину от 12 октября 1931 г. видно, что эта тема неоднократно затрагивалась в их личных беседах: «Мне показалось, что в последнем свидании нашем мы окончательно договорились о типе издания “Ист. гр. войны”: каждый том пишется по программе, намеченной планом...» Далее (видимо, уже не в первый раз) Горький излагает принципы издания, содержание будущих томов, предполагая, что над ними будут работать военные историки, историки-марксисты, литераторы, художники (*Неизданная переписка*. С. 285).

Из этого же письма видно, что Сталин относился к «Истории гр. войны» без особого энтузиазма. Работа над изданием затянулась на многие годы. Первый том вышел только в 1937 г., шестой — в 1960.

К ранним замыслам Горького относится тема «История городов как история русского быта». Для этой темы писатель собирал специальную литературу, хранящуюся ныне в ЛБГ в двух шкафах (ОЛБГ. 3642–3890; см. также АГ. ПлГ-1–14–3).

В начале 1930-х годов Горький намеревался создать Историю России в отдельных многотомных сериях.

Со временем замысел «Историй...» расширяется, выходит за рамки российской тематики. В переписке и в публицистике Горького встречаются названия «История идей», «История быта и нравов», «История нашего времени», «История науки», «История деревни», «История женщины», «История молодого человека» и др.

Каменев активно поддерживал эту идею и сам был автором нескольких проектов.

План требовал сосредоточения и участия в его исполнении высоких специалистов — историков, литераторов, архитекторов, филологов, социологов, — и их многолетнего труда (См. пп. 26, 34).

⁴ Каменев рассчитывал включить серию «Библиотека поэта» в структуру изд-ва «Academia».

Идея издания серии «Библиотека поэта» принадлежит Горькому, о чем он говорил в свой приезд в Москву в мае 1931 г. Тогда он вызвал к себе Груздева, Саянова, А. Тихонова и Тынянова для предварительной беседы о планах издания. «Мы согласились участвовать в подготовке серии только при одном условии, — писал позже Саянов, — что сам Алексей Максимович возглавит “Библиотеку поэта” и напишет к ней вступительную статью» (*Саянов Виссарион. Статьи и воспоминания. Л.: Сов. пис., 1958. С. 173*).

В июне 1931 Горький корректировал план серии, составленный Груздевым, дополняя его несколькими именами, хлопотал о получении бумаги. Книги этой серии начали выходить в «Ленинградском издательстве писателей».

Горький был против поглощения «Библиотеки поэта» изд-вом «Academia», о чем писал Каменеву 7 июня 1933 г. (*Неизданная переписка. П. 14*). Это письмо было вызвано тем, что Горькому «сообщили копию письма» Каменева издательству писателей в Ленинграде.

В письме Каменеву 7 июня 1933 г. Горький фактически доказывал, что Ленинградскую серию необходимо сохранить, ибо она имеет свои задачи и цели: «“Библиотека поэта” дает книжки “Избранных стихотворений”, имея в виду ознакомить наших молодых поэтов с процессом роста русской поэзии от XVIII до XX в. <...> “Academia” — как это видно по отличному изданию Полежаева, — работает “впрок”, заготавливая именно “образцово” академические издания для будущего; “Библиотека поэта” ставит целью своей дать молодежи нечто, вроде истории русской поэзии на сегодняшний, текущий день, и для вооружения языковой культурой сегодняшнего начинающего малограмотного стихотворца». И в заключение рекомендовал: «Мне кажется совершенно необходимым организовать совещание представителей всех издательств и совершенно точно установить границы работы каждого, чем и будет дана всей лит-издательской работе точно определенная плановость» (*Неизданная переписка. С. 244*).

18.

Печатается по А (АГ), впервые.

Письмо написано на бланке изд-ва «Academia».

Дата на бланке.

Горький ответил 12 августа 1932 г. из Горок (*Неизданная переписка, п. 13*).

¹ Каменев предлагал издать книгу Ницше «Так говорил Заратустра» в новом переводе Э.Я. Голосовкера. Горький внимательно изучил присланные ему образцы перевода и дал развернутый его анализ. Стиль Голосовкера он сравнил со стилем переводов Ницше Ю. Антоновским и Н.З. Васильевым, а язык — с языком Корша в его переводе книги М. Карьерра «Искусство и идеалы человечества» и сделал вывод: «“Стиль” Голосовкера дает немало удобных поводов к издевке над ним <...> Общий тон перевода — на мой взгляд, тяжел, неуклюж и вульгаризирует Ницше, — того, который известен нам по прежним переводам» (*Неизданная переписка. С. 242*). Ницше в переводе Голосовкера в изд. «Academia» не печатался.

Каменев упомянул книгу: *Гёльдерлин Ф. Смерть Эмпидокла. Перевод Э.Я. Голосовкера. М.; Л.: «Academia», 1931 (ОЛБГ. 4774)*.

Позже в переводе Голосовкера вышла кн. «Лирика древней Эллады». М.; Л.: «Academia», 1935 (ОЛБГ. 4872).

² Художник Семеновского фабзауча Г.П. Матвеев в июле 1932 г. прислал Горькому альбом рисунков художественных изделий Семеновских кустарей. 7 июля 1932 г. Горький ответил ему, что альбом сделан отлично и что он передал альбом издательству «Academia» (Ленинская смена. 1935. № 94. 23 апреля).

³ Глебова-Каменева в это время преподавала в техникуме.

Печатается по *АМ (АГ)*, впервые.

АМ — 1 л. большого формата. Последний абзац текста и подпись — автограф.

Дата названа в тексте письма Каменева.

Ответ Горького неизвестен.

¹ Каменев имеет в виду тот факт, что кроме «Сказок об Италии» до революции Горький написал цикл «Русские сказки», а также некоторые ранние рассказы писатель сам называл сказками или легендами.

² 25 сентября 1932 г. торжественно отмечалось 40-летие литературной деятельности Горького. Специальным постановлением Президиума ЦИК СССР от 17 сентября 1932 г. писатель был награжден орденом Ленина; в Москве намечалось основание Литературного института им. Максима Горького (кот. должен открыться не позднее 1 января 1933 г.); именем Горького назывались города и улицы; было утверждено 25 стипендий Горького в ВУЗ'ах СССР; фонд на премирование лучших художественных произведений; МХАТ'у присвоено имя Максима Горького (Правда. 1932. 26 сентября. № 267).

³ Обе книжки вышли из печати, хранятся в *ЛБГ: Горький М.* Стихи и легенды. М.; Л.: «Academia», 1932 (с иллюстрациями и портретом. *ОЛБГ.* 7267); *Горький М.* Сказки об Италии. М.; Л.: «Academia», 1932 (Иллюстр. — гравюры на дереве А. Кравченко. *ОЛБГ.* 7270).

⁴ Из книг, названных Каменевым, вышли: *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Т. 1, 2. М.; Л.: «Academia», 1935 (*ОЛБГ.* 7195); Слово о полку Игореве. М.; Л.: «Academia», 1934 (*ОЛБГ.* 4977); *Языков Н.М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: «Academia», 1934 (*ОЛБГ.* 5045); *Рылеев К.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. 1934 (*ОЛБГ.* 4958); *Полежаев А.И.* Стихотворения. М.; Л.: «Academia», 1933 (*ОЛБГ.* 4924); Сербский эпос. М.; Л.: «Academia», 1933. Ред., исследов., коммент. и частично перевод Н. Кравцова (*ОЛБГ.* 4969).

В *ЛБГ* нет переписки Новикова и «сборников мужицких рассказов Чехова».

Переписка русского просветителя XVIII в. Н.И. Новикова, активного масона, со своими братьями могла содержать осуждение материализма, критическое оппозиционное отношение к светской власти любой формации, а также описание мистических обрядов масонства. Это могло стать причиной изъятия ее из плана изд-ва решением редсовета или цензуры.

Сборник мужицких рассказов Чехова, возможно, не пошел в производство, т.к. менее чем три года назад вышел сборник: *Чехов А.П.* Несобранные рассказы. Л.: «Academia», 1929. Подготовка и коммент. И.С. Зильберштейна.

⁵ Каменев знал о большом интересе Горького к литературной деятельности Виноградова. Еще в 1924 г. Горький писал Ходасевичу, что прочитал сочинения Стендаля с «интересной статьей об авторе — Виноградова» (*ЛЖТ.* 3. С. 381). И с тех пор внимательно и заинтересованно следил за его работой. Между ними шла оживленная переписка. Виноградов присылал Горькому свои статьи и книги, Горький, положительно оценивая их, пытался привлечь Виноградова к работе в «Красной нови», в «Литературной учебе», в изд. «Academia», советовал ему на материале вступительных статей к сочинениям французских классиков создать «Историю Французской революции XIX века». Позже — «Историю молодого человека», «Историю женщины», написал вступительную статью к книге Виноградова «Три цвета времени» (М.: Молод. Гвардия, 1931).

Личная встреча их (возможно, первая) произошла в 1931 г. во время пребывания Горького в Москве.

Но именно с начала 1930-х гг. отношение Горького к своему подопечному начинает меняться. Виноградов, обремененный большой семьей, часто жалуется на свое недомогание, усталость, болезни детей, безденежье (отказываясь от финансовой помощи). В письмах Горького вместе с критическими замечаниями встречаются и такие фразы: 17 марта 1931 — «Ваши письма носят несколько “нейрастенический” характер...»;

2 апреля 1931 — «Вы что-то слишком нервничаете, этого не надо бы»; 13 декабря 1931 г. — «Вы не думаете, что Ваши ежедневные “спешные” письма, наполненные жалобами, несколько мешают мне работать? Ваша неврастения восходит постепенно до мании преследования» (Знамя. 1968. № 3. С. 198, 199, 213).

Видимо, творческий потенциал Виноградова к этому времени был исчерпан. Горький все более требовательно относится к его работам. В апреле 1932 г. критикует вступительную статью Виноградова к «Герою нашего времени» Лермонтова. В декабре 1932 г. в письме к Виноградову дает отрицательный отзыв на его вступительные статьи к роману Бурже «Ученик» и Бульвер-Литтона «Кинельм Чиллингли». На следующий день, 25 декабря, пишет Мих. Кольцову, что Виноградову следует переработать все свои вступительные статьи для книги «История французской литературы XIX века», а 3 января 1933 г. в письме к Фел. Кону Горький подводит итог своим отношениям с Виноградовым. Он (Горький) «отказывается работать с Виноградовым из-за его небрежного отношения к делу» (ЛЖТ. 4. С. 192, 259).

«Жалоба» Каменева («дурит» Виноградов) была справедливой, но безрезультатной.

⁶ Высылка книг была задержана. Только 16 февраля 1933 г. Горький из Сорренто известил издательство «Academia» о получении книги «Сказки об Италии», нашел в ней несколько искажений текста и критически отнесся к иллюстрациям (ЛЖТ. 4. С. 276).

Об этом издании 18 февраля 1933 г. Горький писал Дживелегову: «...получил “Итальянские сказки” Горького, которые не следовало издавать вообще, а в особенности “Академии”. По поводу этой, замечательно плохой, книги вчера я написал сердитое письмо, кое прилагаю и прошу Вас передать кому следует, я не знаю — кому» (ЛГ-рл-13-13-14). Задержка с высылкой книг произошла потому, что в сентябре-октябре 1932 г. началась кампания по «Делу Рютин» с последующей ссылкой Каменева (См. п. 21). Отсюда и раздраженный тон Горького по отношению к своему творению, тон, в котором слышатся нотки самокритики и самооправдания на случай возможной беседы с официальными лицами. (Книга: Горький М. Сказки об Италии. Грав. на дереве А. Кравченко. М.; Л.: «Academia», 1932. Хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 4788). Без указания имени Каменева как автора вступ. ст.)

⁷ В 1932 г. Горький выехал из Москвы в Сорренто 29 октября.

⁸ План «Academia» на 1934 год обсуждался в июле 1933 г. (См. п. 23 и примеч.).

⁹ Судя по настоящему письму, в эти дни никаких неотложных дел по издательству не было. «Дела “Academia” идут пока недурно», — констатирует Каменев. Срочный вызов Горького был связан с началом официального (по линии партии) расследования «дела Рютин» (См. примеч. к п. 21). Видимо, Горький и Каменев на встрече 15 сентября 1932 г. обменивались мнениями о создавшейся ситуации.

20.

Печатается по АМ (АГ), впервые.

АМ — 1 л. большого формата.

Подписи Каменева, Ежова и Тихонова — автограф.

Дата названа в тексте письма.

Судя по содержанию, письмо Каменева не требовало ответа.

¹ 12 сентября (ст. ст.) 1892 г. был опубликован первый рассказ Горького «Макар Чудра» — газ. «Кавказ» 1892. № 242. По новому стилю эта дата приходится на 25 сентября. В этот день в Москве и во всем Советском Союзе широко отмечалось сорокалетие литературной деятельности Горького (См. п. 19 и примеч.).

² Дживелегов, Невский и Сокольников, все трое — активные сотрудники издательства — были редакторами, авторами вступительных статей и комментариев, подготовителями текстов и рецензентами многих изданий «Academia». Так же как и подписавший это письмо — И.С. Ежов (не путать с Н.И. Ежовым, наркомом НКВД в 1937–1938 гг.).

Названия подаренных Горькому книг установить невозможно.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на одном листе тетрадного формата.

Горький ответил в тот же день, 7 июня 1933 г., адресовав письмо: «Л.Б. Каменеву, зав. изд-вом "Академия"».

Между предыдущим письмом Каменева Горькому от 25 сентября 1932 г. из Гагры (п. 20) и настоящим прошло восемь месяцев. За это время Каменев пережил новую опалу и ссылку по «делу Рютина».

В начале 1930-х гг. вокруг Рютина образовалась группа старых большевиков — «Союз марксистов-ленинцев», — не согласных с политическим руководством Сталина. В программных документах «Группы» — «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и в коллективном обращении «Ко всем членам ВКП(б)» — подготовленных Рютиным в марте 1932 г., содержалась острая критика внутренней политики Сталина: перегибов «в вопросах форсирования темпов индустриализации и сплошной коллективизации, сопровождавшихся насилиями над крестьянами, говорилось о необходимости демократизации внутренней и государственной жизни, восстановления ленинских норм <...> стихийных проявлениях недовольства и восстаниях крестьян <...> и рабочих некоторых промышленных центров...» Ставился вопрос о смещении Сталина с поста Генерального секретаря. Он характеризовался как «великий агент, провокатор, разрушитель партии», «могилищик революции в России» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 105).

В обращении рютинцев «Ко всем членам ВКП(б)» дана предельно острая оценка деятельности Генсека: «С помощью обмана, клеветы и одурачивания партийных лиц, с помощью невероятных насилий и террора <...> Сталин за последние пять лет отсекал и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом <...> поставил Советский Союз на край пропасти <...> Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращается и фальсифицируется». «Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства <...> Печать, могучее средство коммунистического воспитания и оружие ленинизма, в руках Сталина и его клики стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования масс» (Там же. С. 106).

Эти документы «платформы Рютина» широко распространялись среди членов партии. В первой половине сентября 1932 г. с ними были ознакомлены Зиновьев и Каменев.

14 сентября один из членов партии передал в ЦК ВКП(б) заявление и текст обращения. 15 сентября последовали аресты по делу «контрреволюционной группы Рютина». В дальнейшем — исключения из партии, заключения в тюрьмы, ссылки без суда по решению Коллегии ОГПУ.

14 сентября 1932 г. вечером Горький вызвал к себе Каменева, который приехал к нему утром 15-го (См. п. 19). Горький намеревался информировать Каменева о происходящем и о возможных осложнениях в его судьбе. Каменев уже находился в отпуске и на следующее утро уезжал в Гагру, где должен был пробыть до 1 ноября 1932 г.

Не причастный к «делу Рютина», он имел впереди полтора месяца отдыха и от «Academi'ческих», и от политических дел. В Гагре в Доме отдыха ЦИК'а он чувствовал себя беззаботно (п. 20).

«Дело Рютина» коснулось его неожиданно и жестко. Уже 9 октября 1932 г. Каменев был в Москве, видимо специально вызванный на заседание Президиума ЦКК, где ему и Зиновьеву «было предъявлено обвинение в том, что они знали о существовании этой организации, знакомились с ее документами, но не сообщили о ней в ЦК ВКП(б) или в ЦКК ВКП(б)». Оба высказали «сожаление о содеянном» и в числе нескольких других лиц были исключены из рядов ВКП(б) (Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 107).

Дела их передали в ОГПУ.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 11 октября 1932 г. Зиновьев и Каменев были приговорены к трехгодичной ссылке — Зиновьев в Кустанай, Каменев — в Минусинск. При

этом оба необоснованно обвинялись в том, что «являлись участниками и идейными вдохновителями <...> “Союза марксистов-ленинцев”» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 67).

Современные исследователи теоретических основ криминологии и истории политических процессов в СССР пишут об этом: «Зиновьев, Каменев и ряд других лиц в 1932 г. по постановлению Коллегии ОГПУ за недонесение о существовании группы М. Рютина были направлены в ссылку. Там за ними велось агентурное наблюдение, сопровождавшееся перлюстрацией писем, подслушиванием телефонных разговоров. Однако не было получено никаких данных о проведении ими антисоветской деятельности» (*Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. С. 116).

Горький, бывший в это время в Советском Союзе (25 апреля – 29 октября 1932 г.), принял горячее участие в судьбе Каменева. В последний месяц пребывания в Москве он встречался с руководителями Партии и с ее Генеральным секретарем.

7 октября 1932 г. на московской квартире Горького состоялась встреча руководителей Партии и Правительства с группой ученых; 25 октября в театре им. Вахтангова на спектакле «Егор Булычев» Горький общался со Сталиным и Ворошиловым; 26 октября на квартире Горького Сталин беседовал с советскими писателями (*ЛЖТ.* Вып. 4. С. 245, 249).

Горький нашел момент для разговора со Сталиным о судьбе Каменева и получил обещание не только о его реабилитации, но и о дальнейшей его деятельности. 29 ноября 1932 из Сорренто в первом по возвращении из России письме Р. Роллану Горький сообщил: «Каменев выслан в Тобольск. Он будет продолжать работу в издательстве “Академия”, где он, — мне кажется, — более на своем месте, чем в политике» (*Архив Г.* 15. С. 244).

Ваксберг в книге «Гибель Буревестника» пишет, что по совету Горького «в феврале 1933 года Каменев написал из ссылки покаянное письмо (оно до сих пор не получило огласки, публикую лишь краткий фрагмент: “Уважаемый тов. Сталин! Я обращаюсь к Вам с горячей личной просьбой: помогите мне ликвидировать глупейший период моей жизни, приведший меня на 15-м году пролетарской революции к полному отрыву от партии и Советского государства <...> Я <...> вообще не думал, что среди нас есть человек, который способен, подобно Ленину, стать средоточием идейного, практического и организационного руководства партией и государством. История показала, что такой человек среди нас был, и партия без больших колебаний и потрясений нашла и указала его в Вашем лице...”» Сталин разослал письмо всем членам и кандидатам в члены ЦК. Покаяние его удовлетворило и «в точном соответствии с просьбой Горького отозванный из ссылки Каменев был назначен директором издательства “Academia”» (*Ваксберг Аркадий.* Гибель Буревестника. Опыт исторического расследования. М.: Воскресенье, 2006. С. 309–310. <Второй вариант книги>).

В мае 1933 г. покаянное письмо, адресованное Сталину и ЦК партии, написал и Зиновьев.

Троцкий, внимательно следивший за всем происходящим в Советском Союзе, в статье «Зиновьев и Каменев» (датированной им 23 мая 1933 г.) писал: «Итак, они снова капитулировали. Советская печать с торжеством сообщает об этом, а ТАСС оповещает о капитуляции весь мир <...> Зиновьев и Каменев подверглись несколько месяцев тому назад исключению из партии и ссылке не за собственную оппозиционную деятельность, а за “знание и недонесение” об оппозиционной деятельности правых <...> Личная судьба их глубоко трагична» (Бюллетень оппозиции. 1933. Июль. № 35).

В конце мая 1933 г. Каменев приступил к работе уже как Заведующий издательством «Academia». 31 мая в новой должности он отправляет в адрес Изд-ва ленинградских писателей письмо с предложением согласовать планы изданий русских классиков (*АГ.* КГ-изд-2-49-1).

Горький и позже продолжал опекать Каменева. Так, получив на отзыв от Кагановича «Краткий учебник истории ВКП(б)», Горький написал ему 9 сентября 1933 г. письмо-рецензию: «...на стр. 57-й Троцкий назван “гнуснейшим меньшевиком” <...> у читателя может явиться вопрос: а как же “гнуснейший” не только включился в партию, но еще и занимал в ней руководящий пост? <...> В книге даны такие характеристики Каменева, Зиновьева, Бухарина и еще кое-кого, что опять-таки у читателя, боюсь, возникнет тот же

вопрос, что и о Троцком. Не говоря о том, что на мой взгляд, хар-ки эти навсегда закрывают двери в партию для названных лиц» (АГ. ПГ-рл-18–79–5).

Горький не без основания рассчитывал, что письмо будет показано Сталину.

В середине декабря 1933 г. Каменев был восстановлен в партии.

Заступничество Горького объясняется не только его высокой оценкой деятельности Каменева, плодотворным сотрудничеством с ним, но и резко отрицательным отношением писателя к очередному политическому процессу. О последнем Горький высказался в письме к Роллану. 1–2 августа 1933 г. (когда Каменев был уже реабилитирован). Горький писал своему французскому другу: «...ныне <...> демократия становится фашистской <...> Фашизм, конечно, сильное зло, отравляющее его веяние проникает и в Союз, именно этим веянием я объясняю зимний разгром контрреволюционных организаций...» (Архив Г. 15. С. 273).

¹ Горький приехал в Москву на постоянное жительство 19 мая 1933 г. фактически уже больной гриппом, что дало осложнение на легкие. 9 июня 1933 г. он писал Федину: «...грипп переходил в воспаление легких. Осмелюсь доложить, что это было крайне паскудно, дважды я вполне определенно почувствовал, что вот сейчас задохнусь и — навсегда! <...> Но сейчас всё у меня снова в порядке, становлюсь работоспособен и задыхаюсь — умеренно» (ЛН. Т. 70. С. 546).

Письмо Горького, упоминаемое Каменевым, неизвестно. Интересен факт: Горький, едва оправившись от болезни, первый пишет Каменеву, только что приступившему к работе.

² роп «случая» — от франц. *ponetuer* — подчеркивать; *ponter* — делать ставку. Здесь в смысле — подчеркнуть преднамеренность случая. На это место в письме Каменева Горький обратил особое внимание: «... в письме Вашем трижды упомянуто слово “случайно”, и вот это уже — нечто вредоносное, против чего нам необходимо согласно и дружно бороться» (Неизданная переписка. С. 244). Горький пишет, что в издательской работе должна быть «плановость», и что на специальном совещании необходимо «установить границы работы» каждого издательства (См. также п. 36).

³ О хорошей работе издательства в отсутствие Каменева Горькому в Сорренто писал Дживелегов. 18 февраля 1933 г. Горький ответил ему: «...хотя работа “Академии” успешно идет и без “заведующего”, но таковой необходим и для разговоров с начальством и для “пущей важности”» (АГ. ПГ-рл-13–13–14).

Все перечисленные Каменевым книги были изданы и хранятся в ЛБГ:

Полежаев А.И. Стихотворения. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4924);

Рылеев К.Ф. Полное собр. соч. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4958);

Языков Н.М. Полное собр. стихотворений. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 5045);

Батюшков К.Н. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4727);

Лермонтов М.Ю. Полное собр. Сочинений: В 5-ти томах. М.; Л.: Academia, 1935–1936 (ОЛБГ. Т. 1–4. 4864);

Вяземский П.А. Избранные стихотворения. М.; Л.: Academia, 1935 (ОЛБГ. 4760);

Одоевский А.И. Полн. собр. стихотворений и писем. М.; Л.: Academia, 1934 (4911);

Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1934 (4906);

Гомер. Одиссея. М.; Л.: Academia, 1935 (ОЛБГ. 4783);

Гомер. Илиада. М. Худож. лит., 1935 (ОЛБГ. 4782). Видимо, это издание опередило выход «Илиады» в изд. Academia;

Плавт Т. Избранные комедии. Т. 1–2. М.; Л.: Academia, 1933–1935 (ОЛБГ. 4923);

Саллюстий К.Г. О заговоре Катилины. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4822);

Песнь о Роланде. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4919);

Сербский эпос. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4969);

Светоний Транквилл Гай. Жизнеописание двенадцати цезарей. М. Academia, 1933 (ОЛБГ. 4964);

Макиавелли. Сочинения. Т. 1. 1934. М.; Л.: Academia (ОЛБГ. 4875);

Прутков Козьма. Полное собр. соч. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4932);

Винкельман И.И. Избранные произведения и письма. М.; Л.: Academia, 1935 (ОЛБГ.

7175).

⁴ Горький прочитал труд Каменева о Чернышевском (написанный в ссылке) и дал положительный отзыв в письме около 15 июня 1933: «Сделано очень красиво, светло, горячо, последнее — особенно чувствуешь <...> Вам удалось рассказать о нем так, что местами Ваша повесть и меня, еретика, взволновала». Далее Горький сделал несколько замечаний, — наиболее существенное из них: «Серьезным недостатком работы мне кажется то, что Ч. не дан “в быту”, — во время его петербургской жизни, в семье, в отношениях к друзьям, к Ольге Сократовне и т.д. Без этого он является как бы аппаратом, вырабатывающим идеологию, недостаточно ошущим как человек».

Заключил же он отзыв словами: «...это спорно и не умаляет сказанного мною в начале: очень хорошая работа» (*Неизданная переписка*. П. 15. С. 244–245).

Книга Каменева вышла в «Academia» в двух изданиях: М.; Л. 1933;

2-е — 1934. В *ЛБГ* этих книг нет. Возможно, были изъяты после смерти Горького во время «чистки», которой подвергались все библиотеки.

⁵ Ю.М. Соколов (1889–1941), инициатор создания в Москве Литературоведческого института (См. п. 29, примеч. 4), крупный специалист в области фольклора. Горький посылал ему материалы о современных русских сказителях (*ЛЖТ*. 4. С. 248, 254, 430). Под его редакцией и с его предисловием в «Academia» вышли два сборника русских народных сказок в 1931 и 1932 гг. (*ОЛБГ*. 4954, 4955). Соколов редактировал все фольклорные сборники (русские и народов СССР), выходившие в «Academia».

Задуманное им издание должно было отражать новую методологию изучения народного творчества. 19 января 1932 г. Соколов писал Горькому: «Недавно подписал договор с той же “Академией” на издание былин, собранных мною и братом в местах, где 60 лет тому назад былины записывались Рыбниковым и Гильфердингом. Это даст возможность изучить не только статику, но и историческую динамику эпического творчества с историей классово-борьбы и изменениями социально-экономических условий» (*АГ*. КГ-уч-10–24–1). Причиной «опоздания былин», видимо, была большая загруженность Соколова работой в том же издательстве «Academia». В частности, в это время готовилась книга «Сказки и предания Северного края». Запись, вступ. статья и комментарий И.В. Карнаухова. Предисловие и общая редакция Ю.М. Соколова (*ОЛБГ*. 4974).

Рыбников, Гильфердинг, братья Соколовы и Карнаухова собирали и записывали былины в Приморском крае.

22.

Печатается по *A* (*АГ*), впервые.

Написано на бланке с грифом «Заведующий издательством “Academia”».

Датируется по содержанию.

Ответ на письмо Горького, написанное около 15 июня (*Неизданная переписка*, п. 15).

¹ Армянские сказки. Изд. 2-е. М.; Л.: Academia, 1933 (*ОЛБГ*. 7138).

² С планом издательства «Academia» в его первом варианте Горький познакомился в начале июня 1933 г. и сделал несколько существенных замечаний. Около 15 июня 1933 он писал Каменеву: «Мне думается, что некоторые книги [меуарного характера], напр. Юрковского, не следовало бы издавать <...> Нужен ли Вс. Крестовский? Как приключенческие романы “Черная женщина” и “Иван Выжигин” значительнее “Петербургских трущоб”. Не стоило бы издавать Печерского “На горах” — очень плохая книга. К тому же ведь издается “В лесах”». Кроме того Горький рекомендовал расширить список славянской литературы, издать произведения Красиньского, Словацкого, Крашевского, Выспянского; рекомендовал обратить внимание на новый перевод «Фауста», сделанный Гаевским (*Неизданная переписка*. С. 245).

Учтя замечания и переработав План, Каменев вновь послал его Горькому — Председателю Редсовета «Academia» (См. п. 23).

О репродукциях Боклевского см. п. 32.

³ См. п. 21 и примеч.

⁴ В это время Горький находился в Горках.
Каменев приводит слова Ленина, произнесенные, видимо, в частном разговоре.

23.

Печатается по *AM (AG)*, впервые.
Напечатано на бланке изд. «Academia». Подпись — автограф.
Дата — штамп на бланке.
Ответ Горького неизвестен.

К письму приложен типографски отпечатанный редакционно-издательский план на 1934 г. — 8 стр., на правах рукописи. С пометой: «Утвержденный Редакционным советом Издательства 25 июня 1933 г.»

Настоящий, окончательный текст плана, составленный с учетом замечаний Горького (См. п. 22), хранится в Архиве Горького вместе с публикуемой сопроводительной запиской Каменева (*AG*. КГ-од-1-52-24).

¹ В 1934 г. изд-во «Academia» планировало издать 142 тома книг, часть которых уже находилась в производстве.

План состоит из 19 разделов, в том числе: Античная литература, Восточная, Еврейская, разделы Европейских литератур, Фольклор, Русская литература, Утопии, Мемуары, Театр, Искусствоведение, Литературоведение...

5 января 1934 г., получив в Горках книги, изданные в 1933 г. и отчасти — в 1934 г., Горький писал Каменеву: «Примите искреннейшие мои поздравления <...> Нет сомнения, что на будущей, “постоянной” выставке книжной продукции издания “Академии” займут первое место. И вообще книги “Академии” издаются все более солидно, искусно, чего они и заслуживают вполне».

Особо выделил Горький авторскую работу самого Каменева: «Предисловие к Тургеневу еще не успел прочитать, а буду читать — с наслаждением, ибо — не в комплимент Вам будь сказано — читать Вас — дело праздничное» (*Неизданная переписка*. С. 246). Горький имеет в виду издание: *Тургенев И.С.* Рудин. Дворянское гнездо. М.; Л.: Academia, 1933. Вступ. статья Л.Б. Каменева. Подготовка текста и коммент. М.К. Клемана. Книга хранится в Личной б-ке Горького (*ОЛБГ*. 5000; имя Каменева в Описи не упомянуто).

24.

Печатается по *A (AG)*, впервые.
Написано на бланке изд. «Academia».
Дата — штамп на бланке.
Ответ Горького неизвестен.

¹ Первая фраза письма — о посещении Каменевым и Глебовой Горького, жившего тогда в Горках. Видимо, они слушали некую испанскую музыку, проигрываемую на граммофоне (бывшем у Горького), а м.б. и танцевали «около него». Музыка Каменев называет «гишпанской», т.е. так, как называлась в народе тяжелая форма гриппа «гишпанка». Это характеризует отношение Каменева к музыкальному стилю — джазу, — вошедшему в моду в 20-х гг. прошлого века.

² В это время Балухатый готовил вторую работу по библиографии произведений Горького. Список его вопросов к писателю не сохранился. Книга вышла значительно позже, чем предполагал Каменев: *Балухатый С.* Литературная работа М. Горького: Список первопечатных текстов и авторизованных изданий... М.; Л.: Academia, 1936 (Составлен при участии К.Д. Муратовой и Г.А. Смольянинова. *ОЛБГ*. 4725).

³ Произведений Андреева, Бунина, Волошина, Сологуба, вышедших в изд. «Academia» в 1934–1936 гг. (до кончины Горького) в *ЛБГ* нет.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на бланке Заведующего изд. «Academia».

Дата — штамп на бланке.

Ответ Горького неизвестен.

¹ Из перечисленных Каменевым книг в библиотеке Горького сохранились:

Сербский эпос. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4969);

Щепкин М.С. Записки актера Щепкина. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 5034);

Нарезный В.Т. Избранные романы. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4901);

Карпов В.Н. Воспоминания Н. Шипова. История моей жизни. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4839);

Кропоткин П.А. Записки революционера. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4854);

Толстой Л.Н. Неизданные тексты. «Academia»: ГИХЛ, 1933 (ОЛБГ. 4995).

² В плане издательства на 1934 г. такой серии нет (АГ. КГ-од-1-52-24).

³ Этот «титул» не был принят. Полное собрание сочинений Пушкина (юбилейное) выходило под грифом «К столетию со дня гибели» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 9 т. Т. 1, 3. М.: Academia, 1935. ОЛБГ. 7558).

⁴ Около 20 октября 1933 г. Горький уехал в Тессели (Южный берег Крыма), где пробыл до конца декабря (См. п. 26 и примеч.). В начале января 1934 г. Горький был уже в Горках.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на бланке Заведующего изд. «Academia».

Дата — штамп на бланке.

Горький ответил 5 января 1934 г. из Горок (Неизданная переписка, п. 16).

¹ См. п. 25 и примеч.

² Каменев пишет о книгах:

Древне-русская миниатюра. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 8533).

«Калевала». М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4833).

«Янгал-Маа» — Плотников М.А. Янгал-Маа. Вогульская поэма со статьей автора о вогульском эпосе... М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 7138).

Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. Т. 1, 2. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4808).

Произведений Теккерей в издании Academia, 1933 в Библиотеке Горького нет. Есть: Теккерей У.М. Ярмарка тщеславия. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4989). Книга, вышедшая в самом конце 1933 г., могла быть маркирована 1934-м.

Сю Э. Агасфер. Роман: 4 т. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 4985).

Произведений Ж. Валлеса, изданных Academia в 1933 г., в Библиотеке Горького нет. Но о выходе книги Каменев пишет предположительно — «завтра будет Валлес». Это дает основание полагать, что книга вышла несколькими днями позже, т.е. уже в 1934 г. Тогда это: Валлес Ж. Юность. Воспоминания бедного студента. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4745).

³ Каменев имеет в виду свои вступительные статьи к книгам Герцена и Тургенева. В Библиотеке Горького хранится второе издание книги: Герцен А.И. Повести и рассказы. 2-е изд., исправленное. М.; Л.: Academia, 1936 (ОЛБГ. 4775). Вероятно, исправления сводились к тому, что из тома была изъята вступительная статья Каменева, в 1936 г. числившегося «врагом народа» (См. п. 36, 37 и примеч.).

Книга Тургенев И.С. Рудин. Дворянское гнездо. М.; Л.: Academia, 1933 (ОЛБГ. 5000).

Обе книги, которые Каменев послал Горькому, адресат получил, о чем информировал

Каменева в письме от 5 января 1934 г. (*Неизданная переписка*. С. 246).

Книги стихов Андрея Белого (*Academia*, 1933) в *ОЛБГ* нет. В предисловии к ней Каменев резко критически охарактеризовал поэзию и личность Белого. По воспоминаниям современников, Белый ходил по книжным магазинам, скупал свой сборник и вырывал предисловие (См. об этом: *Стиридонова Л.*: «Я вас сердечно любил...» // *Неизданная переписка*. С. 228).

⁴ Горький ответил: «Иллюстрации к “Тараканам” и вообще плохи, и совершенно “не в тоне” рассказа. Печатать их — не следует, да и самый рассказ тоже не надо бы печатать, ибо “Академия” издаст бывших, а не существующих <...> “Академии” издавать рассказ этот не нужно» (Там же. С. 246).

Рассказ «О тараканах» в изд. «Academia» не издавался.

⁵ Речь идет о книге: М.А. Загуляев. Русский якобинец. Странная история. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1884. (В *ОЛБГ* — отсутствует).

Горький ответил: «“Русский якобинец” Загуляева был, мне кажется, напечатан в “Вестнике Европы” 70-х годов. Чешихин-Ветринский говорил мне, что суворинское издание — сокращено <...> Мне “Якобинец” очень понравился, но, м.б., потому, что я читал эту книжку с полемическими замечаниями на ее полях, — автором замечаний был брат патрона моего Ланина, преосвященный Сергей, епископ Симбирский, — великий юморист и похабник. Кроме сего — о Загуляеве ничего не знаю» (*Неизданная переписка*. С. 246).

⁶ Одна из первых серий горьковского проекта «История городов» (как и большинство других) не была завершена (см. п. 17 и примеч.). Основной причиной было скрытое недовольство писателей, которым предлагали создавать книги на малоинтересные для них темы, отвлекающие от своих замыслов.

Только к работе над «Историей гражданской войны» Горький предполагал привлечь Д. Бедного, Вс. Иванова, В. Киршона, М. Кольцова, Л. Леонова, И. Микитенко, Ф. Панфенова, А. Фадеева, К. Федина, Р. Эйдмана (*Неизданная переписка*. С. 305).

«В 1933 году, когда Горький поселился в Москве, он стал замечать, что советские писатели с именами постепенно начинают избегать его <...> те, которые были обеспокоены, что их могут насильно запречь в работу <...> старались не попадаться ему на глаза», — пишет человек, близко знавший Горького и заинтересованно следящий за его общественной и литературной деятельностью (*Берберова Н.* Железная женщина. М.: Изд-во «Книжная палата», 1991. С. 222).

Каменев, как директор издательства, предоставлял широкую возможность печатать книги этого проекта, но Горький не смог преодолеть сопротивление литераторов. В докладе на открытии 1-го Съезда писателей Горький бросил упрек в их адрес: «В стране нашей идет работа над “Историей фабрик и заводов”. Оказалось, что привлечь к этой работе высококвалифицированных литераторов весьма трудно. Покамест из них отлично работают только поэтесса Шкапская и Мария Левберг, другие же не только не касаются сырого материала, но не находят времени для редактирования обработанного» (*Горький М.* Советская литература. ГИЗ. Худ. лит. 1934. С. 40–41). На Съезде Горький несколько раз касался этой темы (См. п. 34 и примеч.).

⁷ «“Задачи и планы” готов читать, присылайте! А того лучше — привезите!» — ответил Горький.

План, вероятно, обсуждался на даче Горького в Горках. Текст его был отпечатан и распространен среди депутатов в дни заседаний XVII Съезда ВКП(б) — 26 января – 10 февраля 1934 г. (См. п. 28).

⁸ Пьеса Горького «Егор Булычев и другие» была поставлена в Москве в Театре им. Евгения Вахтангова. Премьера — 25 сентября 1932 г., режиссер — Б.Е. Захава. Именно эту постановку дважды в ноябре–декабре 1933 г. могли смотреть Каменев и Глебова.

Премьера спектакля в МХАТ’е (режиссер Немирович-Данченко) была приурочена к XVII съезду партии и состоялась в последний день съезда — 10 февраля 1934 г.

Печатается по А (АГ), впервые.

А — 1 л., без даты.

Написано на бланке Заведующего изд. «Academia».

Горький ответил 22 января 1934 г. из Горок (*Неизданная переписка*, п. 18).

Датируется по дате ответа Горького и по содержанию, — упоминание о «вечере с медициной».

¹ Горький ответил: «Ознакомить нашу молодежь с Овидием — дело законное, старые переводы <...> неудобочитаемы, а Новиков стихом владеет, как будто бы не хуже сегодняшних знаменитых поэтов, а посему я — за издание.

Однако мне думается, что Овидия следует почтить отношением к нему более серьезным, и дать переложение “Метаморфоз”, если не целиком, то главнейших» (*Неизданная переписка*. С. 248).

«Метаморфозы» Овидия в переводе И.М. Новикова в изд. «Academia» не издавались.

² 15 января 1934 г. Горький в письме спрашивал Каменева: «Сегодня вечером на докладе ВИЭМ в “Доме ученых” — будете?» (*Неизданная переписка*. С. 248). Судя по отклику Каменева, он там был.

15 января 1934 г. в Доме ученых состоялась конференция медиков и биологов, на которой Сперанский сделал доклад «Нервная трафика в теории и практике медицины».

В том же году изд-во ВИЭМ выпустило сборник с тем же названием под ред. А.Д. Сперанского. Сборник с пометами Горького хранится в ЛБГ (ОЛБГ. 5646).

С оценкой конференции медиков Каменевым Горький был согласен. 22 января 1934 он писал: «Да, и по-моему, вечер с медициной был хорош. И хорошо, что решено послать в ВИЭМ философов для ознакомления с работами биологов. Я вообще — в радостях. Сперанский — победил, — большая победа, имеющая значение сильнейшего возбудителя научно исследующей мысли» (*Неизданная переписка*. С. 249).

Печатается по А (АГ), впервые.

Автограф 1 л., написано красными чернилами на бланке Заведующего изд. «Academia».

Дата — штамп на бланке.

Ответ на письмо Горького от 5 февраля 1934 г. (*Неизданная переписка*, п. 20, с ошибочной датой «27 января 1934»).

Ответ Горького на публикуемое письмо Каменева неизвестен. Но принимая во внимание, что следующее письмо Каменев написал спустя месяц (так же как и Горький, а дела «Academia» требовали быстрых согласований и решений), можно с уверенностью говорить, что многие вопросы решались ими во время личных встреч или телефонных разговоров.

¹ Каменев имеет в виду свою речь на XVII съезде ВКП(б), происходившем в Москве 26 января – 10 февраля 1934 г.

5 февраля 1934 г. Горький писал Каменеву: «Сейчас мне сказали, что Вами произнесена блестящая и убедительная речь — страшно рад!» (*Неизданная переписка*. С. 252).

Согласно Стенограмме съезда, Каменев выступал на вечернем заседании 5 февраля 1934 г. В самом начале он охарактеризовал свою речь как «летопись поражений», «летопись ошибок и преступлений», но посчитал, что теперь это «перевернутая страница жизни, прошлое, труп». Затем он более получаса каялся с высокой трибуны в своих помыслах, словах, выступлениях, несогласиях с мнением партии, с установками ее вождей. Самая незабываемая и самая непростительная его ошибка — признавался

Каменев — это «ошибка, сделанная в великие октябрьские дни» (выступление совместно с Зиновьевым против немедленного вооруженного восстания // Новая жизнь. 1917. № 156. 8/31 октября).

Далее он говорил от лица некой «группы», не называя никаких имен, не определяя политическую квалификацию этой «группы».

Без достаточных оснований, без ссылки на конкретные деяния, даже без указания на выступления в общественных организациях или в прессе, Каменев признавал себя и свою «группу» оппозиционной, виновной в тяжких политических грехах.

Вот образец его самоубийственной логики: «Формулу “мы имеем всё необходимое и достаточное для построения социализма” мы стали мало-помалу подменять формулой о технической отсталости нашей страны, что на самом деле, когда эта формула была вскрыта, означало по существу, что не нужно было браться за оружие для совершения Октябрьской революции в этой технической отсталой стране». Далее: «Формулу о возможности построения социализма в одной стране мы стали просто отрицать, прибегая к софизмам и ложным аргументам...» «Наконец вместо того, чтобы крепить союз пролетариата с основными массами крестьянства, мы стали предлагать такие меры, которые могли конечно только сорвать и нарушить этот союз». (Какие меры имел в виду оратор?)

Каменев объясняет далее, что это были только «первые шаги», «первые ростки», противопоставленные «ленинским формулам». Но «Если на минуту представить себе дальнейшее развитие этих наших формул <...> то их логическое завершение, их сведение воедино и должно было дать <...> чудовищную, антиленинскую по самой своей сущности теорию...»

В своих ошибках «группа», по словам Каменева, продолжала упорствовать и в сталинский период правления. «Когда товарищ Сталин сказал нам, что наши первые же шаги выражают неверие в силы пролетарского государства, в силы пролетарской революции, мы не только не выняли этим указаниям, наоборот, мы обиделись, сочли себя униженными и перешли на путь фракционной организации, фракционной борьбы, фракционного противопоставления себя партии. И мы, естественно, в этой фракционной борьбе направили самое ядовитое жало, все оружие, которое у нас тогда было, против того, кто больнее всего нас бил, кто проницательнее всего указывал ту преступную дорогу, на которую мы стали, против товарища Сталина».

Каменев признается в том, что «они» открыли ворота и активно содействовали троцкизму; открыли брешь кулацкой идеологии; что лично он вел в 1928 г. переговоры «с представителем правых — товарищем Бухариным»; «мы» пассивно помогали идеологии рютинцев; поддерживали «заострение всей борьбы против той силы, которая цементировала, собирала, вела в бой армию пролетариата, — против Центрального комитета и конечно против товарища Сталина, как его вождя».

Каменев оправдывается в своих умозрительных грехах: они не поняли, что в истории коммунистического движения, в истории первого государства пролетарской диктатуры, наступила новая эпоха — эпоха Сталина. «Этой новой эпохи коммунистического движения мы не поняли и стали сопротивляться во всех ее трех главных проявлениях: и в теоретическом, и в социально-практическом, и в организационном, т.е. в вопросе о руководстве».

Во второй части речи Каменев анализирует «две эпохи пролетарской диктатуры» — эпоху Ленина и эпоху Сталина, — отмечая, что в эпоху Сталина свершились все великие преобразования: Россия из аграрной превратилась в передовую индустриальную; «страна мелкого земледелия» превращена в страну «самого крупного и социалистического земледелия»; решен вопрос «кто — кого»; «произошла новая перегруппировка сил в руководстве партии. Мы всеми силами ей сопротивлялись, и это немалое из наших преступлений». И далее, безудержно славословя достижения эпохи Сталина, Каменев заканчивает покаянием: «Товарищи, я высказал свое глубокое сожаление о тех ошибках, которые я делал. Я хочу сказать с этой трибуны, что я считаю того Каменева, который с 1925 по 1933 г. боролся с партией и с ее руководством, политическим трупом <...>

Да здравствует наша социалистическая страна! Да здравствует наша партия! Да здравствует наш вожьд и командир товарищ Сталин!» (Стенограмма. XVII съезд ВКП(б). Госполитиздат, 1934).

Речь Каменева вызвала одобрительные аплодисменты участников съезда. Однако ортодоксальные коммунисты, политические деятели, охранительные органы и историки партии интерпретировали эту речь по-своему.

Автор (или авторы) Истории ВКП(б) пишет: «На XVII съезде выступили также троцкисты — Зиновьев и Каменев, бичуя себя сверх меры за свои ошибки и славословя партию — тоже сверх меры за ее достижения. Но съезд не мог не видеть, что как тошнотворное самобичевание, так и слащаво-приторное восхваление партии представляют обратную сторону нечистой и беспокойной совести этих господ. Партия однако еще не знала, не догадывалась, что, выступая на съезде с слащавыми речами, эти господа одновременно готовили злодейское убийство С.М. Кирова» (История ВКП(б). Краткий курс. 1938 год. С. 360).

С некоторыми существенными коррективами оценили это событие авторы «Истории КПСС»: «Партия пришла к своему съезду сплоченной и монолитной. Никаких оппозиционных групп в партии не было. На съезде с покаянными речами и признанием успехов партии выступили бывшие лидеры оппозиционных группировок Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский» (История КПСС. 1963. С. 485).

Покаянная речь Каменева послужит основной уликой против него на процессе 1936 г. См. п. 37 и примеч.

² В письме от 5 февраля 1934 г. Горький обратил внимание Каменева на то, что «...из плана “Академии” выпала Византия и что следовало бы издать Анну Комнину хотя бы». Горький сообщал также, что получил письмо от проф. Бенешевича, «который между прочим указывает на необходимость издать “Тайную историю” Прокопия Кесарийского» (*Неизданная переписка*. С. 252).

Обе книги в «Academia» не издавались. Бенешевич отказался готовить книгу (См. п. 29).

³ Три посланные Горькому книги это:

Чарльз Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1933 (*ОЛБГ*. 4808);

Аристофан. Комедии. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1934 (*ОЛБГ*. 4717);

Проспер Мериме. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1933 (*ОЛБГ*. 4884).

⁴ 5 февраля Горький писал Каменеву: «Перебрался в Москву, надеясь быть на заседаниях съезда, но немедленно приобрел небольшой грипп и сижу дома <...> Кашляю, кровохаркаю и истязую себя чтением книг...» (*Неизданная переписка*. С. 252).

⁵ Проект «Биография идей» не был осуществлен.

⁶ 5 января 1934 г. Горький предлагал к работе над серией «История городов» привлечь Жакову: «На черную работу по архивам поставить девицу Веру Жакову, она несколько сумасшедшая, но весьма привержена к архивной работе — как мышь» (*Неизданная переписка*. С. 247).

⁷ Рассказы В.Г. Короленко в изд-ве «Academia» не были изданы.

⁸ Пьеса Горького «Достигаев и другие» опубликована в альманахе «Год XVII». Альм. третий. 1934.

Пьеса релетировалась одновременно в трех театрах — в Гос. Большом Драматическом театре (Ленинград), в театре им. Евг. Вахтангова и во МХАТ'е (Москва). Каменев был на премьере в театре Вахтангова 25 ноября 1933 г.

Вахтанговцы очень высоко оценили пьесу. Худож. руководитель театра В. Куза писал, что Горькому особенно удалось ведущие образы пьесы. В Достигаеве убедительно показан новый тип российского капитализма, буржуа-приспособленца. В Рябинине Горькому удалось без ложной аффектации раскрыть черты большевика ленинского стиля (*Известия*. 1932. № 337. 7 декабря).

Режиссер и актер театра Б.Е. Захава назвал Достигаева умным и хитрым купцом, который владеет более тонкими методами классовой борьбы, чем вооруженное сопротивление (ЛГ. 1932. № 56. 11 дек.). Позже Захава опубликовал развернутую рецензию на пьесу. Он отмечал, в частности, особенностью художественного мастерства Горького: «Нет массовых сцен, нет митингов, нет выстрелов. Есть один-единственный образ, образ “Бородатого солдата” и в этом солдате Горький дает почувствовать дыхание, разгон и мощь великой революции» (Рапис. 1933. № 10. С. 36). (Подробнее см.: Горький. *Сочинения*. Т. 19. С. 507–520).

Немирович-Данченко, получив из Сорренто текст, писал Горькому 28 августа 1933 г.: «Пьеса — великолепный, красочный и образный кусок исторической хроники. Именно вот так поколения должны ощущать человеко-звериную растерянность в самый приход Октября. Галерея портретов разнообразная и яркая» (*Н. Данченко Вл.И. Избранные письма*. М.: Искусство, 1954. С. 451).

В отличие от театральных деятелей критики выступали в печати с достаточно серьезными замечаниями. Р. Пикель отметил, что буржуа типа Достигаева не мог появиться между Февральской и Октябрьской революциями; буржуа-приспособленец, достигаевщина как социальное явление возникла после Октябрьской революции (Прожектор. 1933. № 16. Декабрь. С. 22).

В целом положительно оценивая пьесу, П.И. Новицкий (сотрудничавший в изд. «Academia» как редактор и автор вступ. статей) считал, что Горький допустил историческую неточность, показывая как врагов революции главным образом только верхние реакционные слои буржуазии и не видя враждебности мелкой буржуазии (Театр и драматургия. 1934. № 2. С. 46).

Несомненно, Каменев хорошо знал Новицкого и здесь имел в виду именно его мнение.

Рецензия Каменева на пьесу «Достигаев и другие» неизвестна.

29.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на бланке издательства «Academia».

Дата — штамп на бланке.

Горький ответил около 25 марта 1934 г. (*Неизданная переписка*, п. 21).

¹ Речь идет о переиздании в «Academia» книги «Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная» (СПб. 1859). Лернер представил издательству книгу со своей вступительной статьей. Горький ответил Каменеву: «Не уверен, что “Каина” следует издавать “Академии”. Но если решено издать, необходимо весьма сильно сократить Лернера и обязательно дать историко-бытовой очерк царствования Елизаветы <...> а также увеличив количество документов архива. Тогда получим книжку весьма серьезного исторического смысла» (*Неизданная переписка*, п. 21. С. 253).

«Жизнь Ваньки Каина» в «Academia» не переиздавалась. В ЛБГ хранится издание 1859 г. (ОЛБГ. 958).

² Оба «плана» Горький одобрил в принципе: «План монографии о Ярославле показался мне очень полным и дельным. <...> План по Тифлису тоже неплох». Однако, при этом Горький сделал существенные замечания по обоим «планам». В частности, о необходимости подробнее осветить торгово-политические связи («Споры») Ярославского княжества с Великим Новгородом и Новгородом Нижним. И особенно «Нужно отметить Ярославских людей, “мастеров культуры”». По Тифлисскому плану Горький считал необходимым «поговорить с грузинами-историками и просто с грузинами» и познакомиться с недавно изданной «Историей Тифлиса». В последнем случае Горький имел в виду издание:

Бадриашвили Н.Н. Тифлис. От основания города до XIX в. Кн. 1. Тифлис, 1934. Эту книгу рекомендовал ему Шалва Элиава (*Неизданная переписка*. С. 253, 270).

Оба рекомендованные Каменевым плана реализованы не были, хотя монография об Ярославле числится в плане издания на 1936 г. (АГ. КГ-изд.-2-30-1).

³ Идея создания в Москве Института литературоведения принадлежит проф. Ю.М. Соколову. Об этом он беседовал с Горьким еще в 1931 г. во время пребывания писателя в Советском Союзе в мае-октябре 1931 г. Возможно, тогда же писатель говорил об этом с кем-либо из партийных деятелей (с Бубновым, которому писал докладные записки о преподавании в высшей школе и об «увеличении кадров научных работников» — ЛЖТ. 4. С. 205), ибо в специальном Постановлении Президиума ЦИК СССР о 40-лети литературной деятельности писателя пункт I гласит: «Основать в Москве Литературный институт имени Максима Горького». О постановке научной работы в Институте здесь

сказано вскользь: это будет «литературный учебный центр, дающий возможность писателям <...> критически усвоить наследие литературного прошлого».

Постановление было опубликовано в «Правде» 26 сентября 1932 г. 27 сентября 1932 Соколов писал о нем Горькому, бывшему опять в Москве. Он напомнил об их «прошлой беседе» и сообщил, что хочет поговорить о «неотложно-необходимом общественном деле», которое только Горький «может сдвинуть с места». «Мы, литературоведы, — писал Соколов, — горячо приветствуем решение правительства об организации в Москве Литературного Института Вашего имени». В Москве нет сейчас «литературоведческого исследовательского учреждения <...> и ни одного литературоведческого общества». Соколов насчитал около 150 человек литературоведов, теоретиков, историков русской и западных литератур, «которые принуждены работать сейчас в одиночку и негде поделиться результатами своих научных работ». Соколов предлагает организовать в Москве Литературоведческое общество и Исследовательский институт (АГ. КГ-уч-10-24-3).

К письму Соколов приложил поименный список 141 литературоведа, специалистов по литературам разных стран и времен.

Горький намеревался встретиться с Соколовым, чтобы лично обсудить идею организации института (о чем писал Соколову 3 октября — ЛЖТ. 4. С. 244). Но это были самые торжественные юбилейные дни чествования писателя. Он ежедневно присутствовал на многочисленных заседаниях политических и общественных организаций, на митингах, выступал перед рабочими на фабриках и заводах. Встреча с Соколовым не состоялась.

Соколов же упорно настаивал на своем. 21 октября 1932 г. он напоминает Горькому: «С большим нетерпением <...> жду беседы с Вами, т.к. вопрос об организации Института Литературоведения является для всех нас, московских литературоведов, чрезвычайно актуальным. Кустарно, в одиночку без товарищеского общения трудно работать» (АГ. КГ-уч-10-24-3).

После этого Горький обратился к Наркому просвещения РСФСР Бубнову с письмом, написанным уже из Сорренто, куда он (Горький) выехал 29 октября 1932 г. (авторизованная машинописная копия этого письма не датирована):

«Вами получено письмо от известного литературоведа Юрия Соколова, который указывает, что в Москве нет Научно исследовательского учреждения по литературоведению.

Мне думается, что <...> это учреждение, совершенно необходимое для наших семи республик, могло бы и должно найти себе место под одной крышей с Литмузком и Литмузеем.

Очень прошу Вас, дорогой Андрей Сергеевич, двинуть это дело по пути к его практическому осуществлению.

Нам нужно очень много учиться, очень многих учить и с этим делом следовало бы не медлить» (АГ. ПГ-рл-7-24-17).

Дело, видимо, долгое время обсуждалось в аппарате Наркомата просвещения и вышестоящих инстанциях.

В частности, непросто было назвать кандидатуру главного руководителя и исполнителя идеи, человека науки, обладающего организаторскими способностями.

Таким человеком мог быть Каменев. Но еще 9 октября 1932 г. Президиум ЦКК ВКП(б) исключил из партии Каменева и Зиновьева по «делу Рютина». В этот период о кандидатуре Каменева (осужденного на трехгодичную ссылку) не могло быть и речи. Каменев был возвращен из ссылки в мае 1933 г. и приступил к работе в изд-ве «Academia». В декабре 1933 г. он был восстановлен в партии (см. п. 21), а в начале 1934 г. был поставлен в известность о предстоящем назначении его Директором Института. Организацию Института он считал одним из мероприятий в подготовке Пушкинского юбилея. В настоящем письме будущий Институт он условно назвал «Институт литературоведения имени Пушкина».

Пушкинский Комитет при ЦИК СССР был организован в апреле 1934 г. Председателем его был избран Горький. Члены Комитета — Ворошилов, Киров, Немирович-Данченко, Тычина, Марр, Мейерхольд, Каменев и др.

В последующих письмах почти в каждом Каменев информирует Горького о проделанных мероприятиях по организации Института литературоведения (пп. 30, 31, 32, 34, 35, 36).

⁴ Кампанелла Ф. Город солнца. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4836).

⁵ Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства. М.; Л.: Academia, 1935 (ОЛБГ. 4897).

⁶ Скаррон П. Комический роман. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4970).

Каменев ошибается: «Комический роман» Скаррона впервые был переведен на русский и издан — СПб., 1901 (ОЛБГ. 2179).

⁷ В этот период Горький неоднократно выступал в прессе в защиту русского языка. См., например, его статью «О социалистическом реализме» (Лит. учеба. 1933. № 1), «О прозе» (Альм. Год XVI. М., 1933). В последней статье, которую читал Каменев, «По поводу одной дискуссии» (Лит. газ. 28 января 1934 г.), писатель резко критиковал 3-ю книгу Ф. Панферова «Бруски». Горький протестовал против чрезмерного употребления в художественной прозе областного жаргона, диалектизмов, непонятных широкому читателю, требовал языковой точности в описании природы, внешнего облика персонажа и его речи.

Некоторое сомнение Каменева в том, что «статьи Горького <...> вызывают всеобщее (Гм! Гм!) удовлетворение», не случайно. К этому времени были опубликованы статьи Панферова «Слова, каких нет у Даля?» (Веч. Москва. 19 янв. 1934) и Серафимовича «О писателях “облизанных” и “необлизанных”» (Лит. газ. 6 февр. 1934), — оба были серьезными оппонентами Горького (см. об этом: *Быстрова О.В.* Горький и литературные дискуссии 1930-х годов (книга в работе)).

30.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на бланке изд. «Academia» с печатной пометой «Руководитель редакционного сектора»; 1 л.

Ответ Горького неизвестен.

¹ Имеется в виду Первомайский парад на Красной площади.

О своем недомогании Горький писал в начале мая 1934 г. своим внукам Марфе и Дарье, находившимся в Крыму: «Я хотел ехать к вам, но — прихворнул, а теперь уже нет смысла уезжать отсюда...» (ЛЖТ. 4. С. 378). Несмотря на недомогание, 1 мая Горький присутствовал на параде и на праздничной демонстрации.

Поездка в Крым не могла состояться и из-за тяжелого заболевания сына, Максима Алексеевича. В цитированном выше письме Горький сообщал также: «...захворал папа, простудился на аэродроме, лежит кашляет». Болезнь М.А. Пешкова закончилась смертью, наступившей 11 мая 1934 г.

² Горький получил следующие книги:

Меринг Ф. Литературно критические статьи. Т. 1, 2. М.; Л.: Academia, 1934 (Литературоведение и лит. пособие) (ОЛБГ. 4886).

Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4986).

Сервантес М.С. де. Назидательные новеллы. Т. 1, 2. М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 4971).

Произведений Тургенева в издании «Academia», 1934 в ЛБГ — нет.

Возможно, Каменев послал «Труды публичной библиотеки...» вып. 3. М.; Л.: Academia, 1934, где опубликованы материалы Анненкова и Тургенева (ОЛБГ. 4998).

³ Издания произведений Некрасова с рисунками иллюстратора Герасимова А.Б. в ЛБГ нет.

⁴ См. п. 31, 32, 34, 35, 36.

31.

Печатается по *A (AG)*, впервые.

Написано на бланке изд. «Academia» с печатной пометой «Руководитель редакционного сектора». 1 л.

Дата — штамп на бланке.

Ответ Горького неизвестен.

¹ См. п. 29 и примеч. Вероятно, до официального открытия Института дело неторопливо решалось на разных ступенях бюрократической лестницы. На это повлияла и «опала», постигшая Каменева в 1932–1933 гг. Теперь как официальный директор он развернул широкую программу организации «Сорбонны литературоведения». Однако арест в конце 1934 г. вызвал новые осложнения (см. п. 37 и примеч.).

² Эта встреча не могла состояться: Горький был серьезно болен, к тому же 11 мая 1934 г. скончался его сын.

³ Десницкий (Строев В.) партийный деятель и литературовед широкого профиля, — автор исследований по русской и западноевропейской литературам, автор многих вступительных статей к изданиям художественных произведений, книг о Горьком, — в то время жил в Ленинграде. С изд-вом «Academia» он не сотрудничал. Но в планировании работы нового Института мог быть очень полезен Каменеву.

32.

Печатается по *A (AG)*, впервые.

Написано на бланке изд. «Academia» с печатной пометой «Зам. заведующего Издательством».

Дата — штамп на бланке.

Ответ Горького неизвестен.

¹ См. п. 31.

² «Пушкинский дом» основан в Санкт-Петербурге в 1905 г. как центр изучения творчества Пушкина, хранилище его рукописей и как музей поэта. В 1930 г. он преобразован в научно-исследовательский Институт при АН СССР. В наст. время — Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН — ИРЛИ.

³ 18 рисунков русск. художника-графика П.М. Боклевского Горький купил у его дочери в 1930 г. Несколько позже у нее же — приобрел автопортрет художника, 2 акварели, рисунки и фотографии. В 1933 г. — воспоминания М.П. Боклевской о ее отце. Все это Горький намеревался передать в Нижегородский литературный музей. Каменев прислал Горькому альбом: «Восемнадцать рисунков П.М. Боклевского к роману П.И. Мельникова (Андрея Печерского) “В лесах”». М.; Л.: Academia, 1934 (ОЛБГ. 7132).

Позднее изд-во выпустило книгу: Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. Ч. 1, 2. М.; Л.: Academia, 1936. С иллюстрациями Боклевского (ОЛБГ. 4883).

33.

Печатается по *A (AG)*, впервые.

Написано на бланке заведующего изд. «Academia».

Дата — штамп на бланке.

Ответ Горького неизвестен.

За этот период — с конца марта до середины октября 1934 г., т.е. более полугода, — мы не располагаем письмами Горького к Каменеву. По письмам Каменева (в рамках того же хронологического периода их было пять. См. пп. 30–34) можно судить, что они обсуждали многие деловые и организационные вопросы, связанные с работой издательства, при личных встречах, через посредничество Крючкова или по телефону.

1934 г. — год наивысшей активности издательской деятельности Каменева. Горький был в курсе всех его замыслов и планов, давал множество советов (и даже указаний), подсказывал свои темы и проблематику, которые Каменев включал в план издательства на ближайшие годы.

¹ Повесть Л.В. Соловьева «Новый дом» опубликована позже в сб. «Рассказы» <М.>: Сов. Писатель, 1939.

² Речь идет о ст. Горького «О литературных забавах» (Правда. 1934. № 162. 14 июня). Каменев читал ее до публикации. Статья широко обсуждалась в писательской среде, на многочисленных партийных и комсомольских собраниях молодых литераторов.

Через два дня «Литературная газета» опубликовала передовицу «Борьба за новый тип писателя», пропагандируя горьковские идеи и взгляды (ЛГ. 1934. № 76. 16 июня).

³ См. п. 32 и примеч.

⁴ Беляев Михаил Дмитриевич — литературовед, пушкинист. Сотрудник Пушкинского дома. В частности, совместно с А.А. Платоновым издал книгу «Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем» (Л.: Изд. АН СССР, 1927. *ОЛБГ*. 3211 с дарственной надписью).

Состоял в переписке с Горьким, занимался сбором архива Горького в рамках Пушкинского дома.

⁵ А.И. Стецкий (с 1927 член ЦК партии, с 1930 — Зав. агитпропотделом ЦК) и член Политбюро Куйбышев должны были утвердить или подписать «Положение» об организации Института литературы — будущего ИМЛИ.

⁶ В это время в «Academia» издавались отдельные произведения Гейне и Полное собрание его сочинений. Здесь речь идет о книге: Гейне Г. Германия: Зимняя сказка. М.: «Academia», 1934 (*ОЛБГ*. 4770).

Каменев употребляет слова «нашего Гейне», имея в виду названное издание. За год до него вышла книга Гейне Г. Германия: Зимняя сказка. М.; Л.: ГИХЛ, 1933.

⁷ Тимоша — домашнее прозвище Над.Ал. Пешковой, жены Максима.

34.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на бланке изд. «Academia».

Дата — штамп на бланке.

Ответ Горького неизвестен.

Каменев поздравляет Горького с окончанием Первого Всесоюзного Съезда советских писателей, проходившего в Москве в Колонном зале Дома Союзов 17 августа – 1 сентября 1934 г.

Горький четырежды поднимался на трибуну Съезда. 17 августа он произнес вступительное слово на открытии, после чего был избран Председателем. В тот же день выступил с основным докладом «О советской литературе».

Следующее выступление было 22 августа и Заключительная речь — 1 сентября 1934 г.

Все его выступления были изданы стотысячным тиражом в сентябре того же года: *Горький М.* Советская литература. М.: ГИЗ. Худ. лит. 1934 (с добавлением речи на Первом пленуме ССП 2 сентября 1934).

Далее все цитаты даны по этому изданию, обозначенному: «Сов. лит.».

¹ Горький также критически отнесся к докладу Бухарина, произнесенному 1 сентября. В заключительной речи Горький сказал: «В докладе т. Бухарина есть один пункт, который требует возражения. Говоря о поэзии Маяковского, Н.И. Бухарин не отметил вредного — на мой взгляд — “гиперболизма”, свойственного этому весьма влиятельному и оригинальному поэту» (Сов. лит. С. 56).

² Каменев имеет в виду основной Доклад Горького в день открытия Съезда (Правда. 1934. № 228. 19 августа) и Заключительную речь 1 сентября (Правда. 1934. № 242. 2 сентября). В докладе Горький анализировал пути развития мирового литературного

процесса всех времен и народов, основных направлений, стилей, тематики и литературных типажей, характерных для своей эпохи. Он определил актуальные задачи советской литературы — тематику, сюжеты, порожденные требованиями нового социального строя. «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т.е. человека, организуемого процессами труда <...> человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны выучиться понимать труд как творчество» (Сов. лит. С. 28).

Каменев не присутствовал на Съезде, т.к. не был избран депутатом. За работой Съезда он внимательно следил по газетам. Он жил на подмосковной даче вместе с Зиновьевым. За ними постоянно велось оперативное наблюдение агентов ОГПУ, которые не обнаружили никакого криминала (Изв. ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 68).

³ Дела изд-ва «Academia» в 1934 г. завершались выпуском множества книг русской и западной литературы. А в сентябре 1934 г. уже был составлен план изданий на 1935–1937 гг., по которому предполагалось за ближайшие три года выпустить около 500 книг. План с пометами Горького хранится в Архиве Горького (ИМЛИ). А конкретные замечания с добавлением (к 500 книгам) еще нескольких названий и имен (еврейских прозаиков; французских, испанских, английских авторов; русских Былин, книжки о Босхе) Горький сделал в письме Каменеву 12 октября 1934 г. (*Неизданная переписка*. С. 254–255; 271–272).

⁴ Речь идет об эскизе здания будущего ИМЛИ в Москве (ныне помещается на ул. Поварской, д. 25а). Пушкинский Дом изначально (с 1905 г.) помещался в здании на Набережной (<ныне наб. Макарова>).

⁵ Каменев имеет в виду работу Пушкинского Комитета, организованного в апреле 1934 г. при ЦИК СССР в связи с приближающейся датой — сто лет со дня гибели Пушкина. Председателем Комитета был избран Горький. Каменев — один из членов Комитета. И здесь он проявляет активность, стараясь «двинуть работу Комитета», и уже имеет реальный план действий, который пересылает Горькому. В дальнейшей переписке эта тема не затрагивается. Скорее всего конкретные вопросы решались в личных или телефонных разговорах.

Корреспонденцию Горького рассылал его личный секретарь П.П. Крючков.

⁶ Каменев пишет о книге: Горький. *Материалы*. Сборник подготовлен в Пушкинском Доме (ОЛБГ. 7273. С пометами Горького).

⁷ Письма вышли уже когда Каменев снова был репрессирован: Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому. 1826–1910. М.; Л.: Academia, 1936 (ОЛБГ. 4992).

⁸ Правление Союза Советских писателей было избрано на Первом съезде ССП. 2 сентября 1934 г. Горький выступил на первом пленуме Правления с конкретными задачами, которые предстояло решить в ближайшем будущем (ЛГ. 3 сентября 1934. № 118).

35.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на бланке изд. «Academia». С печатной пометой: «Заведующий изд-вом». 1 л.

Дата — штамп на бланке.

Ответ Горького неизвестен.

¹ На заседании у Щербакова обсуждались будущие планы работы изд-ва «Academia». См. п. 36.

Горький находился в это время в Тессели (Крым), куда должен был ехать П.П. Крючков. С ним Каменев намеревался отправить Горькому свое «длинное письмо-отчет». (Вероятно, это п. 36).

² Какие книги Каменев приложил к настоящему письму, установить невозможно. Слово — «Слово о полку Игореве». М.; Л.: Academia, 1934 (См. п. 19).

³ См. п. 28, 30–34 и примеч.

⁴ В октябре 1934 г. вышел № 1 журнала «Колхознику». Ответственным редактором его был С.Б. Урицкий, зав. литературным отделом В.Я. Зазубрин и В.М. Проскуряков. Фактическим организатором и рабочим редактором по всем вопросам — литературы, науки, политики — являлся Горький. Зазубрин активно и оперативно отбирал материал для литературного отдела. Переписка Горького с Зазубриным 30-х годов прошлого века касается в основном обсуждения материала для литотдела (См.: *Архив Г.* 10. 2; *ЛН Сибири.* Т. 2. 1972).

В первом номере «Колхозника» напечатана статья «От редакции» Горького и его рассказ «Шорник и пожар» (Вступительная статья под заглавием «О журнале “Колхозник”» была опубликована ранее в «Правде». 22 июля 1934. № 200).

К первому номеру Горький вопреки Каменеву отнесся критически из-за большого количества опечаток и не понравившихся ему иллюстраций к рассказу «Шорник и пожар». Об этом он писал Зазубрину 23 или 24 октября 1934: «Картины к “Шорнику” — безграмотны <...> Пожалуйста, скажите, чтоб корректировали строже <...> Почему имена авторов и названия статей печатаются внизу страницы? <...> Первая книжка — серовато вышла» (*АГ.* ПГ-рл-16-33-38).

Партийная пресса оценила журнал положительно (См.: *Правда.* 1934. 24 октября. № 294).

Высокую оценку дал Михаил Шолохов. В ст. «Жить в колхозе культурно» он писал, в частности, что журнал «станет наиболее популярным журналом среди колхозников» и предлагал организовать массовую подписку на это издание (*Большевицкий Дон.* 1934. № 122. 7 ноября).

36.

Печатается по А (*АГ*), впервые.

Написано на бланках изд. «Academia». 7 л.

Дата — штамп на бланке.

Горький ответил из Тессели недатированным письмом (*Неизданная переписка*, п. 25. Редакторская дата: между 6 и 9 декабря 1934 г.).

¹ Между Ленинградским изданием книг в серии «Библиотека поэта» и изданиями «Academia» существовала определенная конкуренция: параллелизм, совпадение издаваемых авторов, однотипность вышедших книг и аппарата издания. Каменев поднял этот вопрос, как только вступил в должность Зав. изд-вом «Academia». 21 мая 1933 г. он направил Издательству Ленинградских писателей письмо с предложением согласовать планы (*Неизданная переписка*. С. 263, 273), а 7 июня 1933 г. писал Горькому о якобы «случайных» совпадениях в работе ленинградцев и москвичей (См. п. 21). В ответном письме Каменеву Горький очень точно определил цели, задачи и типы изданий поэзии, специфику работы обоих издательств (*Неизданная переписка*. С. 243).

Отвечая на настоящее письмо, Горький в сущности повторил свои требования.

² Все разъяснения и предположения Каменева о будущей реконструкции издательства Горький оставил без ответа. Вероятно, рассчитывал на более тщательную, на правительственном уровне, проработку материала и законодательное решение.

В 1935 г. редакция «Библиотеки поэта», входившая в состав упраздненного «Издательства Ленинградских писателей», была включена в структуру изд-ва «Советская литература», организованного в 1934 г.

³ Держиморда — один из трех полицейских в комедии Гоголя «Ревизор», получивший приказ от Городничего — нежеланных посетителей взашей толкать.

Моветон — от фр. *mauvais* — скверный, дурной и *ton* — тон.

⁴ План, изложенный Каменевым, не мог осуществиться в объеме одного журнала. Название «Труды» осталось лишь за одним направлением науки: серийное издание «Труды отдела древнерусской литературы». О многоплановых научных трудах современного Пушкинского Дома см. издаваемые ИРЛИ Библиографии работ.

Выделенный Каменевым уточняющий эпитет «заграничной литературы» позволяет

предположить, что он имел в виду литературоведческие работы русских эмигрантов.

⁵ Ответное письмо Горький закончил фразой: «Совершенно ошеломлен убийством Кирова».

С.М. Киров был убит 1 дек. 1934 г. у дверей своей квартиры в Смольном. Гроб с телом Кирова был выставлен в Москве в Колонном зале Дома Союзов, урна с его прахом замурована в Кремлевской стене. Каменев «стоял у гроба», т.е. был в почетном карауле.

В то время убийство Кирова связывалось с деятельностью троцкистской оппозиции.

⁶ Под «хрестоматией» здесь подразумевается не учебное пособие для школы, а жанр древнерусского памятника. Например: «Хрестоматия, или Выбранные места из святого мученика и философа Иустина». Что конкретно имеет в виду Каменев, установить невозможно.

37.

Печатается по А (АГ), впервые.

Написано на двух листах большого формата. Судя по сгибам, листы были вложены в конверт нестандартного размера. Письмо, написанное в заключении, передавалось по рукам.

Знал или нет Сталин о подлинной причине убийства Кирова, неизвестно, но на второй день после этого он объявил, что убийца Кирова Л.В. Николаев является зиновьевцем. Это давало возможность генсеку свести счеты со всеми бывшими оппозиционерами, со всеми инакомыслящими, несогласными с его (Сталина) политикой и руководством. «Сталин использовал убийство <Кирова> как повод для организации расправы со всеми неудобными ему людьми. Последовали многочисленные аресты. Было положено начало массовым репрессиям и грубейшим нарушениям социалистической законности» (История КПСС. М.: Полит. лит., 1963. С. 486).

С 8 декабря 1934 г. в Ленинграде, Москве и других городах производились массовые аресты бывших участников зиновьевской оппозиции. 16 декабря 1934 г. были арестованы Зиновьев и Каменев. «...новый арест явился для них полной неожиданностью, так как никакой вины они за собой не чувствовали...» (Изв. ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 70).

В следственных органах была сфабрикована легенда о существовании «Ленинградского» и «Московского» центров зиновьевской оппозиции. «Московский» (к которому был причислен Каменев) якобы планировал и руководил убийством Кирова, «Ленинградский» — осуществлял операцию.

¹ На предварительном следствии обвинению «не удалось доказать, что “московский центр” знал о подготовке террористического акта против тов. Кирова». «Несмотря на широко применявшиеся сотрудниками НКВД и работниками прокуратуры А.Я. Вышинским и Л.Р. Шейниным незаконные методы расследования, доказательств преступной антисоветской деятельности обвиняемых получено не было» (Изв. ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 73).

На допросах Каменев утверждал, что с 1928 г. не участвовал ни в каких собраниях оппозиционеров, а с ноября 1932 г. не имел с ними связи. 10 января 1935 г. он заявил, что не знает никакого оформленного центра оппозиции.

Комиссия Политбюро ЦК КПСС, пересматривая в 1988 г. «Дела» обвиняемых на этом процессе, установила, что уже после окончания следствия от Каменева «в незаконном порядке» были получены показания о деятельности «руководящего центра зиновьевской группы» по 1932 г. включительно. В Заключении Комиссии (1988) приводится множество фактов необъективного ведения дела следственной комиссией. В частности, в обвинительном заключении указано, что Зиновьев и Каменев признали себя виновными, хотя это не было установлено на допросах. «...следственно-судебные работники фальсифицировали материалы следствия и допускали грубейшие нарушения законности в процессе предварительного и судебного следствия. В результате этого все подсудимые по настоящему делу были необоснованно признаны виновными и осуждены» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 84).

Приговор 19-ти подсудимым был вынесен 16 января 1935 г. — все получили от 5 до 10-ти лет. Каменев, приговоренный к тюремному заключению сроком на 5 лет, посчитал свой приговор «мягким».

Сталин был неудовлетворен и приговорами, и всем ведением дела. 17 января 1935 г. он написал письмо в адрес Политбюро ЦК ВКП(б), в котором утверждал, что убийство Кирова совершено «зиновьевским ленинградским центром» под идейным и политическим руководством московского. Зиновьевская фракционная группа (в которую зачислили и Каменева), по утверждению Сталина, «была самой предательской и самой презренной <...> замаскированной формой белогвардейской организации» (Там же. С. 85).

Письмо это, разосланное во все партийные организации 18 января, давало повод к пересмотру уже вынесенных приговоров в сторону ужесточения.

Ежов еще более драматизировал ситуацию. В брошюре «От фракционности к открытой контрреволюции» (написанной с ведома и под руководством Сталина) Ежов утверждал, что зиновьевско-каменевские меньшевики-террористы одновременно готовили покушение и на Кирова и на Сталина (Там же. С. 85).

Последовали новые массовые аресты. «Зиновьевцев» без суда и следствия выслали в Сибирь, в Якутию.

Французский писатель и публицист Виктор Серж, арестованный в Москве в марте 1933 г. как троцкист и сосланный на два года в Оренбург, позднее писал об этом времени как о начале эры жестокости: «...аресты и заключения в тюрьму всех представителей бывшей зиновьевско-каменевской тенденции, почти трех тысяч человек, по моим подсчетам, затем массовые высылки нескольких десятков тысяч ленинградцев, сотни арестов среди ранее сосланных и одновременно организация прямо в тюрьмах нового тайного судопроизводства» (Серж В. От революции к тоталитаризму... М.; Оренбург, 2001. С. 384). Серж мог вырваться из ссылки только с помощью Горького, обратившегося к Ягоде (См. об этом: *Неизвестный Горький*. С. 191, 206). Помочь Каменеву, на что тот надеялся, написав настоящее письмо, Горький не мог, ибо главным обвинителем на этом процессе фактически был Сталин.

Одновременно с массовыми арестами велась подготовка нового политического процесса — «Кремлевское дело». В январе 1935 г. по этому делу арестовывались работники комендатуры Кремля, служащие кремлевских учреждений, их семьи, родственники и знакомые, сотрудники кремлевской библиотеки, а также телефонистки, швейцары, уборщицы. Арестовали и якобы примыкавшую к кремлевским заговорщикам террористическую группу военных и некую белогвардейскую группу.

Среди арестованных были пять человек — близкие родственники Каменева.

В июне 1935 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) Ежов докладывал о раскрытии нового заговора. «Он заявил, что из-за преступного попустительства А.С. Енукидзе на территории Кремля была создана целая сеть террористических групп <...> Главным организатором террористической сети, поставившей своей целью убийство И.В. Сталина, является Л.Б. Каменев» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 86).

27 июля 1935 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР «в закрытом судебном заседании, без участия государственного обвинителя и защиты, по обвинению в подстрекательстве к совершению террористического акта» были осуждены:

Каменев Л.Б. (отбывавший в то время пятилетний срок по делу «Московского центра») к 10-ти годам тюремного заключения;

Глебова-Каменева — к трем годам ссылки;

Каменева О.Д. (первая жена Каменева, сестра Троцкого) — к лишению на 5 лет права проживания в Москве и Ленинграде;

Розенфельд Н.Б. (брат Каменева) и его бывшая жена Розенфельд Н.А. — к 10-ти годам тюремного заключения; Розенфельд Б.Н. (племянник Каменева) — к 5-ти годам заключения в лагере (Там же. С. 86–89).

«...а всего с декабря 1934 по февраль 1935 <...> было осуждено 6500 человек» (Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. С. 117).

Дело Каменева на этом не завершилось.

В марте 1936 г. Ягода на докладе Сталину предложил «всех “троцкистов”, находящихся в ссылке, арестовать и направить в дальние лагеря <...> “троцкистов”, уличен-

ных в причастности к террору, судить и расстрелять» (Там же. С. 120).

Последнее инкриминировалось Каменеву. Еще на процессе по «Кремлевскому делу» он проходил как главный организатор террористической сети.

Идея Ягоды о повторных судах с заранее определенным приговором («судить и расстрелять») была вскоре реализована: 19–24 августа 1936 г. состоялся судебный процесс над первой группой ранее осужденных 16-ти человек, в числе которых были Каменев и Зиновьев (Там же. С. 121).

«История ВКП(б)» (Краткий курс, одобренный ЦК ВКП(б) в 1938) характеризует итоги следствия нового громкого процесса, на котором якобы было выявлено, что «подлинными прямыми и действительными организаторами убийства Кирова и организаторами подготовительных шагов к убийству других членов ЦК были Троцкий, Зиновьев, Каменев и их сообщники. Суду были преданы Зиновьев, Каменев, Бакаев, Евдокимов, Пикель, Смирнов И.Н., Мрачковский, Тер-Ваганян, Рейнгольд и другие. Пойманные с поличным преступники должны были признать публично на суде, что они организовали не только убийство Кирова, но подготавливали убийство и всех остальных руководителей партии и правительства». Главным вдохновителем и организатором этой «банды» был объявлен «Иуда Троцкий», а его помощниками — Зиновьев, Каменев «и их троцкистское охвостье» (История ВКП(б). Краткий курс. Госполитиздат, 1945. С. 311–312).

Обвинения были предъявлены Каменеву на второй день процесса — 20 августа 1936 г.

24 августа зачитан приговор — смертная казнь всем шестнадцати. На следующий день, 25 августа 1936 г. приговор был приведен в исполнение.

Это произошло через два месяца после смерти Горького.

Авторы книги «Политическая юстиция в СССР» цитируют слова бывшего сотрудника НКВД Г.С. Люшкова, бежавшего за границу: «Перед всем миром я могу удостоверить с полной ответственностью, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали, и все они были преднамеренно сфабрикованы. Николаев безусловно не принадлежал к группе Зиновьева <...> Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков и Бухарин и многие другие были казнены как враги Сталина, противодействовавшие его разрушительной политике...» (*Кудрявцев В, Трусов А. Политическая юстиция в СССР*. С. 118).

² Слова, набранные курсивом «еще можно предостеречь», в *А* подчеркнуты красным карандашом. Это дает основание утверждать, что Горький читал письмо Каменева, — он подчеркивал красным наиболее важные сообщения в письмах других корреспондентов. То же встречается в книгах, хранящихся в *ЛБГ*, и в рукописях самого Горького.

В 1935 Горький жил в Москве с редкими выездами в Горки. Видимо, Крючков, получив письмо Каменева, переданное по рукам, показал его Горькому, не зарегистрировав в Книге поступлений корреспонденции.

³ Сол Тык — Салтык. От тюркского салт — обычай, установление (Слов. рус. яз. 1984. Т. IV. С. 15). Здесь в значении: по-своему, на свой лад. Это ныне ушедшее из рус. языка слово, бывало в семье Каменевых. В частности, его употребляет Глебова-Каменева в письме к Горькому (См. *АГ. КГ-рзн-1-118-1*).

⁴ С.М. Киров (1886–1934) член Политбюро ЦК ВКП(б), Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. Убит в Смольном 1 декабря 1934 г. выстрелом в затылок.

Упоминание Каменева о своих учениках, выслеживающих Кирова, похоже на вынужденный самоговор. Николаев — убийца Кирова — ни в какой связи не мог считаться учеником Каменева. Личность Николаева и повод для преступления не были установлены в те годы. Автор воспоминаний Боярчиков цитирует слова Зиновьева, сказанные им в 1935 в тюрьме: «Кирова убила иностранная разведка. А может, и наша по приказу Сталина». Боярчиков называет Николаева платным агентом ОГПУ, наемным убийцей (Воспоминания Н.И. Боярчикова. М.: Изд. АСТ, 2003. С. 181, 182).

⁵ Алексей Дмитриевич — А.Д. Сперанский (1888–1961) заслуженный деятель науки, профессор, позднее академик АН СССР и АМН (1932). Горький привлек его к работе в ВИЭМ. Общение их, в основном, носило деловой характер. Сперанский печатался в альманахе «Год XVI». Как врач присутствовал при смерти Максима Пешкова. В последние дни болезни Горького с 6 июня неотлучно был у его постели. В 1936 г. в

«Правде» (20 июня. № 168) и «Известиях» (24 июня. № 146) опубликованы его статьи-воспоминания о последних днях Горького и о совместной с ним работе в ВИЭМ.

Петр Петрович — П.П. Крючков, юрист по образованию, секретарь Горького, его друг и доверенное лицо.

⁶ Т.И. Глебова-Каменева-Афремова (1895–1937), гражданская жена Каменева. Вскоре после его ареста также была арестована по «Кремлевскому делу». В списке осужденных характеризуется как литератор, сотрудница изд. «Academia», член партии с 1923 г. (Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 88).

«Оставшегося без родителей мальчика приютила тетка, потом — Горький, “крестный” Волика», — сообщает писательница Э. Максимова, общавшаяся с Владимиром Каменевым в 1990 г. (См. ниже).

27 июля 1935 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Глебову-Каменеву к трем годам ссылки по обвинению в подстрекательстве к совершению террористического акта. Ссылку она отбывала в Бийске, вместе с нею был семилетний сын Волик. В Бийске они прожили немногим более года, когда Глебову снова арестовали. В 1937 г. она была расстреляна.

О дальнейшей судьбе Волика сообщает с его слов Максимова: его забрали вслед за арестом матери и из Бийска отправили в места, еще более отдаленные. «Этапом до Томска, баржей по Томи в Асино, оттуда две недели на лошадях до Чичкаюльского детдома». В детдоме кто-то «проделал в три этапа операцию над его фамилией». Сначала он был Каменевым-Глебовым, потом Глебовым-Каменевым, «затем Каменева отсекли» и он по выходе из детдома получил документы по фамилии матери. В.Л. Глебов по окончании ссылки поступил на истфак Ленинградского Университета. В 1950 г. перед защитой диплома он был арестован и получил еще 10 лет ссылки как «сын врага народа, проявивший космополитизм и эстетический подход к литературе». Он вышел на свободу в 27 лет, из которых 18 провел в ссылке. Работал учителем сельской школы в Сибири, затем в Новосибирском электротехническом институте читал лекции по философии (Максимова Э. Квадратура круга. Письма Л.Б. Каменева из тюрьмы // Известия. 1990. № 81 и 82, 21 и 22 марта). В.Л. Глебов скончался в 1994 г.

ГОРЬКИЙ и П. ЮДИН. НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
О.В. Быстровой*

История литературных организаций советской России начинает новый отсчет с 7 мая 1932 г. В этот день было принято Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) “О перестройке литературно-художественных организаций”¹». Это был перечень практических мероприятий по проведению в жизнь решения Политбюро о перестройке организаций писателей, о делах и имуществе Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП); о журналах и имуществе Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП); о сроках и порядке ликвидации таких организаций как Всероссийский союз советских писателей (ВССП), Российская организация пролетарско-колхозных писателей (РОПКП), «Перевал» и Литературное объединение Красной Армии и Флота (ЛОКАФ). Был утвержден Организационный комитет Союза советских писателей (по РСФСР), которому передавалась вся полнота власти в создании будущего союза писателей, а также его состав, в количестве 24 человек; под номером первым стояла фамилия: «1) Горького (почетный председатель)»².

Политбюро рассматривало Оргкомитет как организацию временную. Об этом было сказано Сталиным на совещании писателей-коммунистов, которое происходило 20 октября 1932 г. на квартире Горького: «Я смотрю на Оргкомитет как на временный орган, который должен подготовить Всесоюзный съезд. И только»³. Подготавливаемый Всесоюзный съезд писателей был нужен для организации единого легитимного союза литераторов страны.

В ходе подготовки предстоящего съезда писателей 22 июня 1932 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление «О литературных журналах», в котором определялось: «а) 1. Объединить журналы “На литературном посту”, “За марксистско-ленинское искусствознание” и “Пролетарская литература” в один ежемесячный журнал»⁴. Таким жур-

налом стал «Литературный критик», орган Оргкомитета ССП; членами редколлегии были утверждены И. Гронский, С. Динамов, К. Зелинский, Б. Иллеш, В. Кирпотин, В. Киришон, Г. Лебедев, А. Серафимович и В. Сутурин. Главным редактором журнала был назначен Павел Федорович Юдин. К тому времени он был довольно известен в московских партийных и научных кругах: уроженец села Апраксино Нижегородской губернии; член партии с 1918 г.; заведующий отделом Нижегородского губкома партии. В 1931 г. он окончил Институт красной профессуры по философскому факультету и был оставлен на кафедре общей философии для научной работы; с 1932 г. стал директором этого института (каковым оставался вплоть до 1938 г.). В 1933 г. вышла его монография «Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции».

В качестве редактора журнала «Литературный критик» Юдин впервые официально обратился к Горькому с письмом, в котором указывал, что «в единственном журнале, специально посвященном литературной теории и критике, Ваше личное участие более чем необходимо» (см. п. 1). Развернув активную деятельность, Юдин при поддержке отв. секретаря Оргкомитета ССП В. Кирпотина разослал 2 июля 1933 г. по всем писательским организациям инструктивное письмо: «Вышел первый номер журнала по вопросам лит. теории и истории литературы “Литературный критик” (орган Оргкомитета ССП). Для выполнения поставленных перед журналом ответственных задач ему должно быть обеспечено внимание всей нашей литературной общественности. Оргкомитеты должны всемерно содействовать его работе, что должно выразиться в присылке материалов (книг, журналов и т.д.), в организации сотрудничества в журнале лучших писателей и критиков, в распространении его среди членов местной писательской организации»⁵. В письме выражалась просьба Оргкомитета ССП СССР «связаться с редакцией журнала и сообщить ей, в чем может выразиться Ваша помощь журналу»⁶.

Юдин понимал, что редакция начала свою работу в исключительно трудное время. На журнальном пространстве советского литературоведения не было еще журнала критики и истории литературы. Скептически относились к критике и сами писатели. Горький писал о критике в советской литературе в письме Б.А. Лавреневу: «Верно, что критики у нас — нет. Но — не менее верно и то, что никогда и не было у нас критики, полезной художнику... Ведь роль критика сводится к тому, что он или негодует на Вас за то, что Вы пишете не по его катехизису, или снисходительно похваливает за то, что Вы канон его признаете. Вот и все. Всем “молодым” я упрямо советую: критикуйте сами себя, лучших критиков вам не найти»⁷. Молодой писатель Лев Славин художественно представлял работу критика, анализирующего его тексты: «Я увидел, как он зажал небрежно под мышкой эту кучу мыслей и людей, воображенных мной и заключенных в дешевую

картонную папку. Он достиг в своей критике такой степени осторожности в выражениях, что никак не разберешь: хвалит он или ругает. У него могучий дар бесцветного красноречия... Слепота рецензентов бывает временами так велика, что начинаешь сомневаться в силе языка, в его возможности передавать без двуречивости мысли. Начинаешь жалеть, что нет возможности сопровождать роман жестами, интонациями»⁸. От этой характеристики мало отличается высказывание критика К. Зелинского: «Мы, критики, отстаем... от литературы. Мы не удовлетворяем писателя»⁹.

По инициативе главного редактора 25 июня 1933 г. — в месяц выхода журнала — было проведено собрание критиков. Доклад о состоянии и задачах критики делал Юдин. В прениях по докладу выступили М. Розенталь, В. Ермилов, А. Фадеев, И. Нусинов, В. Кирпотин, В. Гоффеншефер и др.

Редколлегия журнала прислушивалась к мнению Горького. Так, под его влиянием в журнале был открыт отдел «Фольклор»¹⁰. Публикации журнала «Литературный критик» способствовали активизации литературных дискуссий в ходе подготовки к работе Первого съезда писателей. Так, поднятый Горьким вопрос о языке литературного произведения на страницах журнала нашел свой отклик: в редакционной статье «Об ошибках критики и ее задачах» (1934. № 3) была поставлена задача внимательного отношения к форме и языку художественного текста, а главное, упорной литературной учебы у русских классиков. Редакция очертила три главные задачи, стоящие перед литературоведением и критикой: «...большой интерес представляет разработка вопросов об эволюции языка, о зависимости языка от социально-экономических изменений в обществе, о языке в эпоху революций, о влиянии нашей революции на народную речь, о новых словах, их происхождении и т.д. <...> Теоретическая разработка вопросов языка — такова вторая задача <...> Упорная литературная учеба, изучение вопросов художественной формы, дальнейшее изучение марксизма-ленинизма — такова третья большая задача»¹¹.

Юдин в личном письме Горькому 24 марта 1934 г. «со всей откровенностью и партийной совестью» признавался: «в целом наша критика не сумела понять, теперь кажется, удивительного простого и само собою разумеющегося вопроса, — о языке литературы, о культуре языка. Повторяю: вся критика этот вопрос обходила. Обходила не по злему умыслу, а по недомыслию. Только Вы чутьем художника, умом и многолетним опытом умудренного человека в боях за культуру пролетариата, этот вопрос на конкретных произведениях подняли до вопроса общеполитического, общекультурного, общелитературного» (см. п. 10).

В августе 1933 г. П.Ф. Юдин был введен в состав Секретариата Оргкомитета ССП ответственным секретарем и одновременно назначен

секретарем партийной группы Оргкомитета. 23 сентября 1933 г. Горький сообщал подробности своей работы в качестве председателя Оргкомитета И. Макарьеву: «Вам вероятно известно, что предом Оргкома назначен я, несмотря на все мои просьбы не делать этого. И “вот взялся за гуж”. Работать приходится в сущности троем: Леоп<ольд>, Юдину, мне, я имею в виду организаторскую работу»¹².

Начиная с этого времени, взаимоотношения председателя Оргкомитета ССП Горького и секретаря Юдина принимают активный деловой характер. Их встречи и переписка 1933–1934 гг. связаны с проектами Оргкомитета.

Одним из таких проектов было создание Вечернего рабочего литературного университета (ВРЛУ).

Горьковский призыв — «Вам надобно всему учиться»¹³ — был услышан теми, кто хотел стать писателем, и теми, кто по роду своего литературного представительства ими руководил. Так, в начале февраля 1927 г. состоялось заседание научно-художественной секции Государственного ученого совета (ГУС) под председательством П.Н. Сакулина. Участники совещания признали необходимость открыть в Москве литературный ВУЗ по типу Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова¹⁴; об этом решено было ходатайствовать перед Наркомпросом.

6 февраля 1928 г. в ЦК ВКП(б) была направлена докладная записка «О задачах пролетарской литературы в условиях культурной революции», составленная на заседании фракции Секретариата ВАПП и подписанная секретарем фракции В. Киршоном. В записке были указаны задачи, стоящие перед пролетарской литературой, среди которых приоритетной была «работа над созданием писателя»¹⁵.

Это было тем более важно, что многим памятна была история юной журналистки Е. Микулиной, написавшей брошюру «Соревнование масс» и обратившейся к Сталину с просьбой написать предисловие к ее сборнику о социалистическом соревновании. Сталинское предисловие было опубликовано в «Правде» (22 мая 1929 г.); после чего Госиздат издал брошюру тиражом в 100 000 экз. Однако смысл последовавших на книгу рецензий сводился к следующему: «неудача столь сокрушительная, что брошюру на тех предприятиях, о которых в ней идет речь, считают вредной, дискредитирующей соревнование»¹⁶, «автор не знает того, о чем взялся писать»¹⁷. В своем письме редактору «Рабочей газеты» Ф.Я. Кону Сталин обратил внимание на создавшуюся ситуацию: «У нас имеются сотни и тысячи молодых способных людей, которые всеми силами стараются пробиться снизу вверх, для того, чтобы внести свою лепту в общую сокровищницу нашего строительства. Но их попытки часто остаются тщетными, так как их сплошь и рядом заглушают самомнение литературных “имен”, бюрократизм и бездушие некоторых наших организаций... Одна из

наших задач состоит в том, чтобы пробить эту глухую стену и дать выход молодым силам, имя которым легион»¹⁸.

Выход из сложившегося положения был один — обучать молодые литературные силы. Нельзя сказать, что в обществе эта проблема не решалась: издавались многочисленные пособия, призванные заполнить пробел в этой области; достаточно простого перечисления: В. Перцов «О чем и как писать рабочему писателю», Г. Шенгели «Школа писателя: Основы литературной техники», А. Крайский «Что надо знать начинающему писателю», В. Тверской «Как работать писателю», В. Шкловский «Техника писательского ремесла», А. Бородин «В помощь начинающему драматургу: Руководство»¹⁹ и др. Следует упомянуть и статьи Горького: «О пользе грамотности» (1928), «О начинающих писателях» (1928), «Молодая литература и ее задачи», «О литературе» (1930), «Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» (1931), «О литературной технике» (1932) и др.

Все эти работы были призваны внести в среду начинающих литераторов обязательный минимум знаний, поднять уровень уже как-то владеющих пером рабкоров. Одновременно пышным букетом расцвели литературные кружки под патронажем литературных организаций и отдельных писателей. Разумеется, системного образования они дать не могли, ибо это были только литературные консультации для начинающих. Советы литературных консультантов сводились к тому, как надо или не надо писать, о чем можно и о чем нельзя писать и т.п.

Горького беспокоила сложившаяся ситуация, он писал Луначарскому 8 сентября 1932 г.: «Молодежь у нас — талантлива, но, как Вы знаете, учиться ей — некогда»²⁰. Эта же мысль звучит и в более позднем письме Роллану: «Кадры литераторов непрерывно пополняются талантливой молодежью, общий порок которой — отсутствие исторических знаний, а также слабость техники. Эти пороки заставили меня снова поднять вопрос о необходимости повышения качества литературы»²¹.

16 сентября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о мероприятиях в связи с 40-летием литературной деятельности А.М. Горького, одним из пунктов которого значилось «Основать в Москве Литературный институт имени Максима Горького». Институт создавался, во-первых, как «литературный учебный центр, дающий возможность писателям, творчески себя проявившим, и в первую очередь писателям из среды рабочих и крестьян, повысить свою квалификацию, получить всестороннее развитие и критически усвоить наследие литературного прошлого»; во-вторых, как «лаборатория для изучения художественной литературы народов Союза ССР»²². В учебной работе Института провозглашалось применение метода, учитывающего «особенности каждого работающего в институте писателя, его творческие навыки и приемы»²³. Создаваемый Институт вошел в

систему научных и учебных учреждений, подведомственных находившемуся при Правительстве Ученому комитету. Это стало камнем преткновения между правительством и Оргкомитетом Союза писателей.

9 февраля 1933 г. Председатель Оргкомитета Гронский написал письмо Горькому, в котором наметил перспективы работы будущего института. Писатель ответил 28 февраля 1933 г.: «...к вопросу об организации Литвуза имени Горького, — лучше бы: Ленина, — я, конечно, возражаю против устройства в этом учреждении "лаборатории по естественным наукам"... Преподавание на первом курсе необходимо начать с истории первобытной культуры... На первом же курсе необходимо дать понятие о языке вообще и поставить преподавание трех языков: английского, немецкого, французского. Затем — начать преподавание истории всемирной литературы как введение к истории литературы европейской... О работах на втором и третьем курсе побеседуем весною»²⁴. В этот же день Горький отправил письмо Сталину, подчеркивая тем самым важность проблемы: «Дорогой Иосиф Виссарионович — разрешите ознакомить Вас с письмом моим И.М. Гронскому. Серьезнейшее дело организации литвуза требует Вашего в нем участия, ибо дело это совершенно новое, а ставить его нужно образцово, без лишней словесной игры, на строгом изучении материала истории»²⁵.

Пытавшемуся вмешаться в процесс организации Института Гронскому быстро дали понять, что Оргкомитет не будет участвовать в создании Литературного института имени Максима Горького. 15 марта 1933 г. Президиум Ученого комитета, а 22 марта 1933 г. Культпроп ВКП(б) утвердили «Положение о Литературном институте имени Максима Горького», в котором указывалось, что Институт «является высшим литературным, научным, и научно-исследовательским центром»²⁶. По рекомендации Горького и согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 мая 1934 г. директором Литературного института был утвержден Л.Б. Каменев. В процессе формирования (т.е. 27 августа 1934 г.) институт был переименован в Институт литературы им. А.М. Горького и переориентирован «исключительно на исследовательскую работу в области мировой литературы, прежде всего, западноевропейской, а также русской литературы и литературы народов СССР»²⁷.

Оргкомитет СП СССР не оставил надежду на создание учебного вуза для писателей непосредственно при Союзе писателей. 7 июня 1933 г. Президиум Оргкомитета принял решение о подготовке организации Вечернего рабочего университета для будущих литераторов. На расширенном заседании Президиума Оргкомитета СП СССР, состоявшемся 10 июля 1933 г., была вновь рассмотрена проблема молодых авторов, и утвержден вопрос об организации в Москве Вечернего рабочего литературного университета (ВРЛУ).

В проекте «Положения о Вечернем рабочем университете при Оргкомитете ССП СССР» указывалось, что он будет «учебно-творческим заведением, ставящим своей задачей на основе углубленной теоретической и творческой работы правильно сформировать творческую личность молодого пролетарского писателя»; Вечерний рабочий университет организован «при Оргкомитете ССП совместно с ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Наркомпросом»²⁸.

23 ноября 1933 г. Горькому было прислано коллективное письмо, подписанное П.Ф. Юдиным, В. Ставским и И.К. Микитенко. В нем сообщалось: «В начале декабря мы хотим открыть Московский Вечерний Рабочий Литературный Университет. Уже проведена подготовительная работа. Первые дни, когда стало известно об этом Университете, показали, что Университет дело нужное, важное и неотложное. Уже поступило 400 заявлений от молодых писателей, рабочих литкружковцев» (см. п. 6). Но 7 декабря 1933 г. Ставский вновь обратил внимание Горького на проблемы созданного университета: «Открыли мы Вечерний рабочий литературный университет. Приняли 140 человек из 450 подавших заявления. Скандалов — не оберешься. Обиженные — прямо атакуют. Студенты горят на учебе! Материал об Университете мы посылали Вам. Слабые места: 1) Нет еще программы — есть учебный план; 2) Не подобраны руководители творческих семинаров. Без Вашей помощи мы не сумеем хорошо их подобрать. Ждем помощи»²⁹.

Несмотря на такие организационные сложности, вечером 1 декабря 1933 г. по адресу Поварская, 50 (в помещении Оргкомитета СП СССР) состоялось открытие литературного университета. Литературная газета называла имя того, по чьей инициативе это было создано: «По указанию Алексея Максимовича Горького открывается высшая литературная школа для рабочих, для литкружковцев, для молодых писателей»³⁰. Так, с 1 декабря 1933 г. началась собственно история высшего учебного заведения для будущих писателей, которая нашла свое отражение в многочисленных книгах, посвященных Литературному институту им. А.М. Горького³¹.

Главным же вопросом, который решали и Горький, и Юдин, и Оргкомитет, оставался вопрос организации и проведения Всесоюзного съезда писателей. Всесоюзный съезд писателей должен был объединить литературные силы страны, создав единый и монолитный союз. Глава государства И.В. Сталин весьма откровенно высказался по этому поводу: «Ликвидировав РАПП и создав новую литературную организацию, мы стремились привлечь в эту организацию представителей от всех литературных группировок в надежде, что на первых порах, быть может, эти представители и подерутся немного, но в конце концов все перетрется и будет создан единый союз, в котором объединятся все и в котором будет единая руководящая фракция коммунистов»³².

При подготовке единого союза писателей в литературных организациях страны проводился смотр творческих сил, итоги которого были взяты за основу при решении вопроса о зачислении в будущую организацию писателей. Работа комиссии по приему в члены Союза писателей началась в мае 1934 г.; 14 мая Литературная газета сообщила первые результаты работы комиссии, опубликовав список писателей, подавших заявления в СП СССР, но не принятых. 5 июня 1934 г. Юдин прислал Горькому списки принятых и непринятых в члены Союза писателей (см. приложения 1, 2, 3, 4). В сопроводительном письме-отчете о работе комиссии по приему в члены Союза писателей он сообщал: «Думаю, что за небольшими исключениями комиссия решения выносила правильно... Расстановка сил в союзе писателей получается интересная и безусловно в нашу пользу. Из 264 принятых сто человек коммунистов (а из 326 непринятых коммунистов 52 ч.)» (см. п. 13).

Работа этой подкомиссии Оргкомитета была весьма кропотливой: при разборе заявлений из республик приглашали на заседание «приемной» комиссии членов бригад, выезжавших в республики, вызывали представителей местных оргкомитетов. Юдин неслучайно писал Горькому: «Недовольств, ругани и клеветы немало... Работа очень тяжелая». Так, Г.К. Никифоров писал Юдину, заступаясь за своих собратьев по перу: «Плохо с исключением П. Орешина, ибо он старый псаломливый поэт и наш человек, нехорошо с Замошкиным, потому что Замошкин лучший знаток литературы, неловко с Клычковым, так как у него многие (не сознаваясь в этом) учатся русскому языку. В интересах нашей советской литературы и во избежание конфуза, прошу тебя дело их пересмотреть, и, конечно же вернуть их в ряды писателей»³³. В Оргкомитет писем аналогичного содержания поступало много. По Московским литературным организациям из 194 непринятых в члены ССП после работы апелляционной комиссии были переведены в разряд принятых 15 и стажеров 6 человек.

Четкая работа комиссии и строгий отбор писателей в будущий союз способствовали тому, что в дни работы съезда А.А. Жданов в своем выступлении обратил особое внимание на сплоченность организации писательских сил: «Советские писатели сплотились вокруг советской власти и партии при чутком и повседневном руководстве ЦК и неустанной поддержке и помощи товарища Сталина литераторам»³⁴. Выработанный же на съезде устав писательской организации демонстрировал добровольное сплочение писателей страны: «Членами Союза советских писателей могут быть писатели (беллетристы, поэты, драматурги, критики), стоящие на платформе советской власти, участвующие в социалистическом строительстве, занимающиеся литературным трудом, имеющие художественные или критические произведения, напечатанные отдельными изданиями или в литературно-

художественных и критических журналах (а также ставящиеся на профессиональных и клубных сценах) и имеющие самостоятельное художественное или научное (критические работы) значение»³⁵.

Другой немаловажной проблемой для Оргкомитета было определение сроков проведения съезда писателей, которые менялись несколько раз. 27-го сентября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обсуждая вопрос о дате проведения съезда советских писателей, приняло решение: «отложить съезд писателей до середины мая 1933 г.»³⁶; 16-го марта 1933 г. И.М. Гронский в докладной записке в Секретариат ЦК ВКП(б) писал о результатах организационной работы по проведению съезда и 22 марта Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) было принято решение: «созвать съезд Союза советских писателей СССР 20 июня <19>33 г. в Москве»³⁷. Основанием для этой даты, вероятно, послужило возвращение М. Горького на родину. Однако, 14 июня 1934 г. на имя руководителей страны Сталина, Кагановича и Жданова была вновь направлена докладная записка Юдина, Кирпотина и Ставского, в которой сообщалось: «Съезд советских писателей откладывался три раза, четвертый срок съезда — 25 июня этого года. Мы считаем, что больше откладывать съезд невозможно <...> Всюду пишется, что съезд будет 25 июня <...> Отложить съезд — внести растерянность <...> Самый крайний срок, на который можно пойти без особого ущерба — это отложить съезд еще на 10–15 дней и окончательный срок установить 5–10 июля»³⁸.

15 июня 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято последнее и, как будто, окончательное решение об открытии Всесоюзного съезда писателей 15 августа 1934 г.³⁹; но и эта дата подверглась корректировке.

Свою работу Первый Всесоюзный съезд советских писателей открыл 17 августа. Горький выступал в первый день работы съезда с докладом о советской литературе; Юдин — в предпоследний день (31 августа) с докладом об Уставе Союза советских писателей.

За внешней деловитостью отношений Горького и Юдина, тем не менее, скрывались глубокие эмоции все нарастающего недовольства друг другом.

Разрыву их отношений в немалой степени послужила смерть сына Горького — Максима, умершего 11 мая 1934 г. В своих воспоминаниях Алма Кусургашева писала: «В майский праздник 1934 года на даче у Горького в Горках собралось, как всегда, много гостей... Изрядно выпив за столом со всеми, Юдин и Максим, прихватив бутылку коньяка, пошли к Москва-реке. Дом стоял на высоком берегу, для спуска к реке была построена длинная лестница, а перед лестницей симпатичный павильон-беседка. Зайдя в беседку, они выпили коньяк и, спустившись к реке, легли на берегу и заснули. Спали на земле, с которой только что сошел снег. Юдин-то был закаленный, он “моржевал”, купался в проруби, что вызывало интерес и восхищение. Максим же, прожив

довольно долгое время в теплой Италии, закаленным не был. Да и вообще, он не обладал крепким здоровьем. Юдин проснувшись раньше, не стал будить Максима и пошел наверх, к гостям»⁴⁰. Приехавший к Горькому П.П. Крючков через некоторое время привел Максима домой. К вечеру у него поднялась температура, через несколько дней он скончался от крупозного воспаления легких. Горький никогда не обвинял Юдина в смерти сына, но думается, он запомнил, кто был невольным виновником несчастья.

Охлаждению в отношениях способствовала и общественная позиция Юдина в этот период. 23 июля 1934 г. Юдин, при поддержке Л. Мехлиса, опубликовал в «Правде» статью «О писателях-коммунистах». В статье он очертил контуры будущего состава правления союза писателей, настаивая, в первую очередь, на партийной принадлежности этого состава: «Достаточно назвать только часть коммунистов-писателей, чтобы очевидным стало, что коммунисты действительно составляют крепкое ядро квалифицированных писателей Серафимович, Д. Бедный, Лахути, Шолохов, Фадеев, Панферов, Гладков, Ставский, Безыменский, Киршон, А. Афиногенов, Ясенский»⁴¹.

Другой причиной взаимного недовольства друг другом был различный подход к организации литературного дела в стране этих двух разных людей: для Горького литература была смыслом всей его жизни; для Юдина — это был лишь один из многих участков строительства будущего коммунистического общества, на который его направила партия. И на этом участке он должен был проводить в жизнь, прежде всего, линию партии. Это подтверждается записями А.С. Щербакова, назначенного на должность Секретаря Союза советских писателей, который в своем дневнике зафиксировал: «30/X. Ездил на дачу к А.А. <т.е. Жданову. — О.Б.>. Сообщил о беседе, которая была среди членов ПБ с т. Сталиным. Последний видит три недочета в проведении съезда: 1) Немарксистский доклад Горького (не только труд в истории развития языка и литературы играл роль надстройки, напр. вопросы <нрзб.> имели важное место. 2) Заключительное слово Бухарина — истерика. 3) Мало подчеркнуто, особенно у Горького, что решающий момент в успехах литературы — это ликвидация РАПП. У Горького проявляется “пролеткультовский” атавизм. Горький делает ошибки, крупнейшая из них — погром писателей-коммунистов. Не понимает, что тот факт, что попутчики пришли на позиции советской власти, в значительной мере явился результатом того, что коммунисты-писатели сумели их за собой повести и сами как художники стали значительной силой <...> Спросил о тактике моей в отношении Г<орького>. Эта тактика сводится к следующему: “Не сдавать и твердо гнуть линию в вопросах принципиальных, в проведении указаний ЦК по любым вопросам. Уступать в мелочах, частностях”»⁴².

Горький в своем письме Сталину весьма жестко отозвался о

попытках Юдина «руководить» литературой: «Мое отношение к Юдину принимает характер все более отрицательный. Мне противна его мужицкая хитрость, беспринципность, его двоедушие и трусость человека, который, сознавая свое личное бессилие, пытается окружить себя людьми еще более ничтожными и спрятаться в их среде»⁴³. Он обвинил Юдина в том, что его «практика сводится к организации группы, которая хочет командовать Союзом писателей», однако был уверен в том, что тот «не имеет права на действительное и необходимое идеологическое руководство литературой, не имеет вследствие слабой интеллектуальной силы этой группы, а также вследствие ее крайней малограмотности в отношении к прошлому и настоящему литературы»⁴⁴.

На заключительном заседании Первого съезда 1 сентября 1934 г. было избрано Правление ССП в составе 101 человека, в число которых вошел не только Юдин, но и все указанные им писатели. Горький на этом же заседании был избран Председателем Союза советских писателей. В своей работе на этом посту Горький больше не сталкивался с П.Ф. Юдиным. В конце 1934 г. того перевели на другую должность: он стал заместителем Стецкого, руководителя Отдела культуры и пропаганды ленинизма (Культпропа) при ЦК ВКП(б).

Созданный и оформленный на съезде Союз советских писателей заставлял Горького вновь и вновь задумываться и о его роли в обществе, и его будущем, и о его руководстве. Он гневно писал А. Щербакову: «Когда Вас назначили секретарем Союза писателей, Вы сказали: буду учиться. Не видно, чтоб Вы научились чему-то. При Вас литература остается такой же беспризорной, как она была при бестолковом, мутном чиновнике Юдине. Юдин безуспешно пытался создать группочку вроде Рапа. Вы, как будто, делаете примирить всех со всеми, создать в Союзе "тишь да гладь, Божью благодать". А создавать то нужно нечто прямо противоположное, ибо необходимо обнажать противоречия, обличать мещанство, мобилизовывать литературу как единую, определенно целеустремленную силу, способствующую росту культурного возрождения страны и повышающую трудовое, героическое построение масс»⁴⁵. В письме от 8 декабря 1935 г. А.А. Андрееву Горький уже с тревогой писал: «Речь идет о Союзе советских писателей. Положение там, мне кажется, недопустимое. Оно характеризуется почти полным отсутствием в среде литераторов сознания ими корпоративной, коллективной ответственности за их работу, за их социальное поведение перед лицом советского читателя, а также и перед лицом читателя интернационального. Именно в этом отсутствии сознания ответственности коренится, на мой взгляд, причина всех грехов нашей литературы, причина политического невежества и культурной бедности ее членов, причина их нежелания учиться самим, учить молодежь, причина нежелания беспощадно бороться со всяким проявлением в их среде

мещанства — основы фашизма»⁴⁶. И далее он перечислял все проблемы, о которых говорили на съезде, но которые не были решены до сих пор: «В Союзе писателей, к сожалению, ни о чем не спорят... Серьезной критики у нас нет... Крайне слабо поставлена в Союзе подготовка молодых писателей...»⁴⁷ Не снимая с себя ответственности и находясь далеко от Москвы, перегруженный работой, он все-таки думал о том, как сделать работу Союза действенной; его предложение: «секретариат Союза нужно реорганизовать, превратив его в регулярно работающий институт <...> чтобы секретариат был работающим институтом, внутри которого существует деловое разделение труда и осуществляется строгая ответственность за порученную работу»⁴⁸. К сожалению, эту работу он не успел закончить⁴⁹. Зоркость внутреннего зрения не подвела Горького и в этот раз⁵⁰. Но даже он не мог предположить, во что именно это выльется⁵¹. Но это уже была другая история союза писателей, в которой не было Максима Горького.

П.Ф. Юдин, после перехода в Агитпроп ЦК ВКП(б), отошел от руководства литературными делами. Его карьера с этого времени развивалась в другой области. С 1937 по 1946 г. был директором Объединения государственных издательств РСФСР; одновременно в 1938 г. был назначен директором Института философии АН СССР, которым руководил до 1944 г. В 1939 г. был избран членом-корреспондентом в АН СССР. В 1946–1947 гг. был главным редактором журнала «Советская книга»; с 1947 г. шефом-редактором газеты «За прочный мир, за народную демократию». С 1952 по 1961 г. член ЦК КПСС; 16 октября 1952 г. был избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, в составе которого оставался до 5 марта 1953 г. Затем перешел на дипломатическую работу; имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1953 г. — политический советник при председателе Советской Контрольной комиссии в Германии, затем — заместитель Верховного комиссара СССР в Германии; в 1953–1959 гг. посол СССР в Китае. В 1959 г., вернувшись в страну, был назначен заведующим сектором Института философии АН СССР. Умер Юдин 10 апреля 1968 г.

Юдин не оставил воспоминаний о Горьком. После смерти писателя он только раз публично вспомнил о нем: в год столетнего юбилея со дня рождения Горького им была опубликована заметка «Он всегда рядом» в газете «Бакинский рабочий»⁵².

В настоящей публикации представлены письма Горького Юдину и ответные, которые печатаются по автографам и машинописным копиям, хранящимся в АГ. В предлагаемой коллекции печатается также письмо, написанное совместно Горьким и Юдиным и направленное Б. Иллеш.

Представленная на стр 688 фотография П.Ф. Юдина на Первом съезде писателей публикуется впервые по оригиналу: ОР ИМЛИ.

Ф. 146. Оп. 1. Ед. 40. Пользуясь случаем, выражаю особую благодарность заведующему Отделом рукописей ИМЛИ РАН к.филос.н. Михаилу Арамисовичу Айвазяну и к.ф.н. Кутейниковой Анетте Александровне за предоставленный материал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.

² Помимо Горького в состав вошли И.М. Гронский (председатель союза и секретарь фракции), В.Я. Кирпютин (секретарь союза), А.А. Фадеев, Ф.И. Панферов, В.М. Киршон, П.А. Павленко, А.С. Серафимович, П.И. Замойский, В.П. Ставский, Ф.Н. Березовский, И.Ф. Жига, В.Н. Билль-Белоцерковский, М.Ф. Чумандрин, В.М. Бахметьев, А.И. Безыменский, К.А. Федин, Н.С. Тихонов, А.Г. Малышкин, Н.Н. Асеев, Вс. Иванов, Л.Н. Сейфуллина, Л.М. Леонов и М.Л. Слонимский (см.: *Власть и художественная интеллигенция*. С. 175–176).

³ *Большая цензура*. С. 263.

⁴ *Счастье литературы*. С. 143.

⁵ *ОР ИМЛИ*. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 928.

⁶ Там же.

⁷ *Г-30*. Т. 29. С. 471.

⁸ *Славин Л.* Писатель. (Рассказ – статья) // *Литературный критик*. 1933. № 2. С. 156.

⁹ *Зелинский К.* Интересы профессии // *Литературный критик*. 1933. № 4. С. 99.

¹⁰ Об этом см.: *Белая Г.А.* Литературный критик // *Очерки истории русской советской журналистики*. 1933–1945. М., 1968. С. 223.

¹¹ [Б.п.] Об ошибках критики и ее задачи // *Литературный критик*. 1934. № 3. С. 11–12.

¹² *ЛН*. Т. 70. С. 278.

¹³ *Г-30*. Т. 24. С. 464.

¹⁴ Упомянутый Высший литературно-художественный институт (ВЛХИ) был открыт 16 ноября 1921 г. В институте было два отделения: творческое и инструкторское. Целью вуза была подготовка свободных художников слова и инструкторов литературы. Инициатором создания и руководителем был В.Я. Брюсов; от Наркомпроса деятельность института курировал А.В. Луначарский. Среди преподавателей числились профессора П.С. Коган, М.Я. Цявловский, В.Ф. Переврзев, Н.К. Пиксанов, В.М. Фриче, А.М. Пешковский и др. После смерти Брюсова в 1924 г. институт перевели из Москвы в Ленинград, где его «слили» с филологическим факультетом Ленинградского университета.

¹⁵ *ОР ИМЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 2.

¹⁶ *Большая цензура*. С. 162.

¹⁷ Там же. С. 163.

¹⁸ Там же. С. 159.

¹⁹ Речь идет о книгах: *Перцов В.* О чем и как писать рабочему писателю. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. 82 с.; *Шенгели Г.* Школа писателя: Основы литературной техники. М.: Изд-во Всерос. Союза поэтов, 1929. 111 с.; *Крайский А.* Что надо знать начинающему писателю. Выбор и сочетания слов. Л.: изд. «Красная газета», 1927. 133 с.; *Тверской В.* Как работать писателю. М.; Л.: Госиздат, 1928. 72 с.; *Шкловский В.* Техника писательского ремесла. М.; Л.: Молодая гвардия, 1927. 72 с.; *Бородин А.* В помощь начинающему драматургу: Руководство. М.: Изд-во МОДП и К, 1926. 56 с.

²⁰ *Архив Г.* 14. С. 116.

²¹ *Архив Г.* 15. С. 280.

²² *Власть и художественная интеллигенция*. С. 182.

²³ Там же.

²⁴ Горький М. Письма о литературе. М.: Сов. пис., 1957. С. 448–449.

²⁵ «Жму Вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Новый мир. 1998. № 5. С. 175.

²⁶ Курилов А. Как создавался Литинститут. Истоки // Литературная Россия. 2008. № 51 от 19 дек. С. 11.

²⁷ Курилов А.С. Основные направления научной деятельности Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (1932–2002) // Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Библиографический указатель. 1939–2000 / Сост. Е.Д. Лебедева. М., 2002. С. 3.

²⁸ АГ. КГ-п-90–14–6.

²⁹ АГ. КГ-п-73–11–2.

³⁰ [Б.п.] Первый московский рабочий литвуз открыт // Литературная газета. 1933. № 56 от 5 дек.

³¹ Поэтесса М. Алигер выпускница первого набора института, вспоминала самых ярких своих однокурсников: «Женя Абрисимов. Саша Жислин. Володя Замятин. Дима Калиновский. Леварса Квициния. Алеша Недогонов. Володя Резчиков. Наташа Перинго. Вася Сидоров. Катя Шевелева. Саша Шевцов. Ермак Цыгальницкий. Лев Шапиро. Тоня Малюткина» (см.: Алигер М. Черный хлеб с горчицей // Воспоминания о Литинституте: К 50-летию Литературного института им. А.М. Горького Союза писателей СССР. М., 1983. С. 41). Отмечая 50-летний юбилей вуза, в 1983 г. ректор Литературного института В. Пименов писал: «Часто говорится, что советская литература — это как бы коллективный Горький. Быть может, нигде не приложима эта формула столь органично, сколь именно в связи с Литературным институтом... Школа имени Горького — плацдарм молодой литературной смены» (Пименов В. Школа Горького // Воспоминания о Литинституте. С. 11).

³² Большая цензура. С. 263.

³³ ОР ИМЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 17.

³⁴ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: Худ. лит., 1934. С. 3.

³⁵ Там же

³⁶ Власть и художественная интеллигенция. С. 184.

³⁷ Там же. С. 191.

³⁸ Начиналось так... [Об открытии Первого съезда советских писателей] / Публ. О.В. Быстровой // Литературная газета. 2009. № 33 от 26 авг.–1 сент. С. 5. Подлинник докладной хранится в ОР ИМЛИ (Ф. 41. Оп. 1. Ед. 1350).

³⁹ Власть и художественная интеллигенция. С. 214.

⁴⁰ Алма <Кусургашева П.Т.> «... Славная моя человечича...»: Горький и его окружение (1928–1936 гг.). М., 2004. С. 75.

⁴¹ Юдин П.Ф. О писателях-коммунистах // Правда. 1934. № 201. 23 июля. С. 2–3. Кстати, его поддержал И.К. Микитенко, написавший ему: «Прочел сегодня твою статью в "Правде" о писателях-коммунистах и порадовался. Кроме всего, правильно ты сделал, что дал по рукам людям, старающимся безответственно и нахально выбросить из литературы лучших писателей коммунистов. Статья хорошая» (ОР ИМЛИ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 16).

⁴² Большая цензура. С. 330–331.

⁴³ Неизданная переписка. С. 296.

⁴⁴ Там же. С. 295, 296.

⁴⁵ АГ. ПГ-рл 55–1–17.

⁴⁶ Счастье литературы. С. 201.

⁴⁷ Там же. С. 202–203.

⁴⁸ Там же. С. 203.

⁴⁹ По воспоминаниям А. Кусургашевой, незадолго до смерти Горький все сокрушался: «Я, старый дурак, наделал много глупостей, а, самое главное, создал Союз писателей. Да теперь мало-мальский поэт напишет какую-нибудь поэмишку и будет всю жизнь летать на самолетах по санаториям, а настоящих талантов печатать не станут» (см.: Алма <Кусургашева П.Т.> «... Славная моя человечича...»: Горький и его окружение (1928–1936 гг.). С. 85).

⁵⁰ Так, по личным подсчетам писателя Яновского в 1936 году «на каждого писателя имеется 20 членов Союза, которые не имеют никакого отношения к искусству, — просто графоманы» (*Файман Г.* Далекое... К шестидесятилетию о формализме в искусстве // *Независимая газета.* 1996. 26 дек. С. 5).

⁵¹ В 1953 г. Генеральный секретарь Союза советских писателей СССР А.А. Фадеев направил докладную записку «О мерах Секретариата Союза писателей по освобождению писательской организации от балласта». В ней было записано: «В настоящее время в Московской организации Союза советских писателей СССР состоит 1102 человека (955 членов и 147 кандидатов в члены Союза советских писателей СССР). Свыше 150 человек из этого числа не выступают с произведениями, имеющими самостоятельную художественную ценность, от пяти до десяти лет. Эти бездействующие литераторы являются балластом <...> Большинство из этих лиц в прошлом не имело достаточно оснований для вступления в Союз писателей; многие из них были приняты в Московскую писательскую организацию в 1934 г. при создании Союза писателей — в условиях массового приема. Поблажки, допущенные при массовом приеме, в дальнейшем вошли в практику работы Союза писателей, когда в ряде случаев при приеме в ССП снижались требования к вновь вступающим» // *Файман Г.С.* Уголовная история советской литературы и театра. М., 2003. С. 47.

⁵² *Юдин П.* Он всегда рядом // *Бакинский рабочий.* 1968. № 73. 28 марта.

1. П. ЮДИН — ГОРЬКОМУ

Июнь, до 25, 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Редколлегией приступлено к изданию нового журнала «Литературный Критик»¹. Основная наша задача сейчас привлечь к журналу лучшие писательские силы.

Совершенно очевидно, что в единственном журнале, специально посвященном литературной теории и критике, Ваше личное участие более чем необходимо. Мы надеемся, что Вы не откажетесь от сотрудничества и поможете нам своими указаниями².

Адрес редакции: Никольская, д. 10/2. ГИХЛ, ком. 25, тел. 37–09.

С приветом.

Отв. редактор *П. Юдин*

2. ГОРЬКИЙ — П. ЮДИНУ

Октябрь, до 23, 1933, Москва

Дорогой Юдин!

Мне кажется, что в «Литгазете»¹ следует ввести небольшой постоянный отдел, озаглавив его хотя бы так: «Голоса нашей жизни».

В отделе этом следует публиковать всевозможные заявления, пожелания и требования, предъявляемые к литературе и литераторам со стороны рабочих единиц и коллективов.

Надеюсь, цель таких публикаций ясна. Для примера сообщаю две телеграммы².

Привет.

А. Пешков.

3. ГОРЬКИЙ — П. ЮДИНУ

Ноябрь, до 14, 1933, Тессели

Дорогой т. Юдин,

Петр Петров¹, наверное, говорил Вам об идее выпуска — к съезду писателей² — сборников, которые: дали бы союзным республикам представление о том, как относится к ним наша, русская литература; дали бы нашему читателю нечто вроде отчета о положении нацменьшинства до Октября и в наше время, явилась бы отчетом очеркистов об их работе «познания» жизни Союза Советов.

Года три тому назад я указывал в одной из статей, что очеркисты, делают работу не меньше — а быть может и более — непосредственно полезную, чем работа беллетристов «художников»³. Помимо его практического значения очерк достиг у нас высокой художественной формы. Съезд должен отметить, что труд очеркистов исполняет работу, идеологически объединяющую людей различных племен и языков. Сборник нужно составить по такому плану:

Карту республики — во всю страницу.

Краткий очерк ее бытового, политического и хозяйственного положения до революции, — дать упоры, но в количестве умеренном, а лучше упор — схемы.

Указать отношение дореволюционной <литературы>, она почти не изображала жизнь нацменьшинств, а если изображала — то

пренебрежительно, как жизнь людей «низшего типа». Такой же очерк о состоянии каждой республики в 33 г.: рост промышленности, ее разнообразие, рост количества культурных сил и т.д., некоторые республики уже выдвинули весьма крупных людей в общественную армию мастеров культуры.

Кто-нибудь должен написать небольшую статейку на тему: чем разнообразнее хозяйственная деятельность людей — тем быстрее развивается сила их разума и его творческая энергия. Европа опередила Восток благодаря разнообразию производственной деятельности и тесному соприкосновению друг с другом ее разнообразных племен. Если б единая плоть человечества не была искусственно и своекорыстно разорвана на взаимно враждебные части идеями религии, науки и т.д. — человечество достигло бы не тех, весьма непрочных высот, на которых остановились и уже скользят вниз его командующие классы, — человечество жило бы сознанием своего единства, гордым сознанием неиссякаемой мощности своей энергии.

В Союзе Советов товарищески, на почве творчества новых форм общественной жизни, объединяется в одну несокрушимую силу множество разнообразных племен, каждое из коих имеет свои оригинальные достоинства и способности. Чем скорее эти племена — славяне, татары, грузины, таджики и все прочие сотрут, смоют из памяти своей грязные остатки буржуазных идей — тем быстрее пойдет благотворный процесс слияния лучших способностей и оригинальных достоинств племен в единую и чудотворную творческую энергию.

Статьейку на ту тему размером в две-три страницы можно бы поместить в каждом сборнике. Неплохо было бы дать сборник и по автономии, областям.

Мне кажется, что это — полезное дело, и что за него надо приняться немедленно⁴. Особое внимание надо обратить на республики Средней Азии, ясно — почему?

Как дела, как жизнь? что сделано Оргкомом⁵?

4. П. ЮДИН — ГОРЬКОМУ

14 ноября 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Не буду затруднять Вас размером своего письма. Сообщу только несколько основных сведений о работе Оргкомитета¹ после Вашего

отъезда².

Работа комиссий по литературе республик и областей идет неплохо³. Собиралась Комиссия по Украине под председательством А.И. Стецкого⁴, с участием зав. Культпропом ЦК Украины тов. Килляры⁵ и др. т.т. украинцев. Наметили большой и тщательно проработанный, совместно с издательствами план переводов. В конце ноября комиссия выезжает на Украину⁶. После посещения Украины, украинские писатели⁷ выезжают в Москву и другие районы СССР. 17/ХI — в Донбасс выезжает бригада т. Жига⁸ (15 чел.), некоторые останутся там на 2–3 и 6 месяцев.

В Закавказье выехали все три комиссии (Азербайджан, Грузия и Армения)⁹: Кирпотин¹⁰, Павленко¹¹, Ник. Тихонов¹², Каверин¹³, Пастернак¹⁴, Никулин¹⁵, Юрин М¹⁶. и др. (тов. Авербах¹⁷ поедет позже). В Белоруссию выезжает на днях Комиссия Бахметьева¹⁸, едут в Узбекистан¹⁹, уехали в Казахстан²⁰ и Калмыцкую обл²¹. Хорошо работает комиссия Панферова по областям и краям РСФСР²².

Пока еще слабо работает комиссия по поэзии²³ (собрал ее я сам, п.ч. Фадеева и Тихонова²⁴ в Москве не бывает), но примерно 20/ХI созываем международную комиссию²⁵.

Организовали несколько [встреч, бесед] бесед с учеными и общественными деятелями: беседа с профессорами Тамм²⁶, Гессен²⁷ и др. (участники конференций по атомному ядру); с коллегией Наркомсовхозов, с партийным комитетом Донбасса.

Беседы прошли с большим интересом и с практическими результатами: едут в Донбасс и по совхозам несколько человек.

В ближайшее время проводим беседы с т. Андреевым²⁸ (наркомпутъ) и с рядом ученых. Интерес к этому у писателей большой. Эта форма работы, безусловно, удачна, [она по] беседы помогут писателям кое-что узнать о белом свете. Это частица того дела, о котором Вы говорили, как о голосах жизни²⁹.

Занимаюсь издательствами. Прорабатываем тематические планы изд-в на 1934 г. («ГИХЛ»³⁰, «Сов. Литература»³¹, «М.Т.П.»³²). Планы огромны, даже ст<р>ашно делается от того кол-ва литературы, которое должно появиться в 1934 г. В планах много повторений и случайного. После нашей работы над планами будет создано совещание с изд-ми в ЦК (культуры).

С тов. Авербахом работаем над планом истории Московского метрополитена³³. Числа 20 основные положения плана и состав писателей будут уже намечены.

Много всяких других дел и вопросов. Если не будете против, я бы в конце ноября выбрался на пару дней к Вам и по вечерам

рассказал бы, что здесь делается, а главное посоветоваться по ряду существенных вопросов.

Отдыхайте и работайте, работайте и отдыхайте.

С большущим приветом.

Пав. Юдин

14/XI – 33 г.

P.S. План серии народов СССР поручено подработать Накорякову³⁴. Но он почему-то долго затягивает. Как только будет подработан — пришлю Вам.

5. ГОРЬКИЙ — П. ЮДИНУ

17 ноября 1933, Тессели

Дорогой т. Юдин —

Если Вы найдете время заглянуть сюда на недельку, я буду очень рад видеть Вас, да и для делишек наших этот визит полезен будет.

Передал Вам Крючков планчик очерковых сборников по республикам? В плане отсутствует: подсчет количества ископаемых, как открыты экспедициями Геолкома¹ за 16 лет.

Ребятам, едущим в Донбасс следует очень посоветовать: пусть расскажут толково о Горловке², о культурном ее росте.

Занимаясь проверкой издательских планов, Вы, кажется, прошли мимо «Молодой Гвардии»³, а она тоже имеет весьма большой и очень сумбурный план. Группа «детской литературы»⁴ обязательно должна проверить его.

Если Вы, направляясь сюда, захватите с собою Болотникова⁵, это было бы превосходно: мы бы втроем, весьма наладили делишки наши.

Кстати: группа литераторов — Ставский⁶, Вишневский⁷, Субоцкий⁸ и др. затевают издание антимилитаристского сборника⁹ на материалах разноцветных пацифистов¹⁰.

Это будет не плохое дело — если его хорошо сделать. Я согласился принять в нем некоторое участие на условиях: максимум наиболее ценного фактического материала при минимуме совершенно точных — идеологически — наших комментариев¹¹; привлечь в редакцию сборника солидного «военспеца» и представителя Коминдела¹².

С моей точки зрения, Оргком — пока он существует — ответствен за все коллективные выступления его членов. Вышеназванные

лица — члены Оргкома. Известно ли фракции об их затее¹³?

Вы, конечно, не подумаете, что я забочусь о разрешении власти Оргкома. Но я не имею представления о правомочности т.т. предполагающих это издание, и о том, насколько они способны отсеять пшеницу от плевел¹⁴.

Дело — круто серьезное.

Жму руку. Жду Вас.

А. Пешков

Пожалуйста, переправьте вложенный пакетик адресату¹⁵.

17. XI. — 33.

6. П. ЮДИН, В. СТАВСКИЙ, И. МИКИТЕНКО — ГОРЬКОМУ

23 ноября 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

В начале декабря мы хотим открыть Московский Вечерний Рабочий Литературный Университет¹. Уже проведена подготовительная работа. Первые дни, когда стало известно об этом Университете, показали, что Университет дело нужное, важное и неотложное². Уже поступило 400 заявлений от молодых писателей, рабочих литкружковцев. Просмотр заявлений свидетельствует о том, что учиться идет талантливая свежая рабочая молодежь. Если вначале мы хотели ограничиться 130 слушателями, то теперь сама жизнь ставит вопрос об увеличении количества слушателей³. Но с этим зарываться не нужно. Лучше меньше, да лучше. А расширить хорошее дело, если оно удастся нам хорошо, мы еще успеем.

Мы просим Вас, дорогой Алексей Максимович, помочь этому хорошему делу своими указаниями и советами. Пышляем Вам положение об Университете, проект учебного плана и список будущих слушателей — молодых писателей, рабочих, литкружковцев⁴.

Директора Университета еще нет⁵. Без Вашей помощи в этом деле мы обойтись не можем. Точно так же просим помочь нам подобрать преподавателей. У нас имеются такие кандидатуры:

По философии — П. Юдин

По политэкономии — профессор Калантаров, доцент Сыромятников⁶

По истории литературы XVIII века — Добрынин, Ржига⁷

По фольклору — профессор Соколов⁸

По истории литературы XIX века и современной литературе — проф. Ефремин, Еголин, Федосеев⁹

По теории литературы профессор Тимофеев¹⁰

По мировой литературе проф. Анисимов, доцент Металлов¹¹

Творческие семинары:

По прозе — Огнев, Ильенков¹²

По очерку — Ставский

По сатире — Архангельский¹³

По поэзии — Безыменский, Сурков¹⁴

С товарищеским приветом.

П. Юдин
Вл. Ставский
Микитенко¹⁵

23./XI – 1933.

7. ГОРЬКИЙ — А. БОЛОТНИКОВУ, П. ЮДИНУ

Между 14 и 26 ноября 1933, Тессели

Дорогие т. Болотников и Юдин.

Весьма прошу Вас обратить внимание на прилагаемую вырезку из «Вечерней Москвы»¹ — сугубо ерундовая штучка. И необходимо Оргкому опротестовать ее в «Литгазете»².

Во-первых: все сборники должны быть организованы по единому плану.

Во-вторых: для каждого сборника обязателен краткий вступительный очерк хозяйственно-промышленного и культурного положения данной союзной республики или автон<омной> области до Октября.

В-третьих: обязательно дать в каждом сборнике тоже краткий очерк хозяйственных и культурных достижений после Октября, не исключая кустарных производств, там, где они еще существуют. И — затем идут беллетристические очерки сделанного и делаемого; очерки положения женщины, воспитания и обучения детей, угасания религиозных предрассудков и суеверий, изменение бытовых и жилищных условий и т.д. — вообще очерки культурного подъема.

Какова же общая цель таких итоговых сборников?

Нужно, чтоб они явились более или менее удачными и чтоб они послужили для нацменьшинств возбудителями к работе над изда-

нием ежегодных — или хотя бы трехлетних — таких же отчетов о «ходе жизни», о достижениях работы нацменьшинств. Нужно, чтоб каждая народность периодически ставила перед собою зеркало, отражающее ее жизнедеятельность, и чтоб русский читатель знал, как живут, что делают люди, коих читатели деды и отцы не признавали равноправными людьми.

Понимание интернационализма в масштабе планетарном значительно углубится, если мы начнем пропагандировать интернационализм в Союзном.

Вставка — («не подлежит оглашению») — совершенно ясно, что разноязычие внутри Союза затрудняет бытовое и культурное общение чуваш с туркменами, башкир с мордвой, узбеков с грузинами, тюрков с армянами и т.д., а всех их с нами. Совершенно неизбежно движение нацменьшинств к языку наиболее богатому и разработанному. Этот процесс языкового объединения следует поощрять и развивать.

Предполагаемые сборники должны отметить все те затруднения, которые возникают на почве разноязычия».

В целях ознакомления писателей-партийцев с планом сборников Оргкому следует устроить собрание и серьезно поговорить об этом деле, весьма важном, на мой взгляд.

Перехожу к заметке.

Для Узбекистана намеченная группа — слаба³. Ее необходимо усилить. А вообще отъезды групп на места — задержать, до ознакомления с планом.

Требование узбеками Пильняка⁴ мне кажется фантастикой, еще более фантастично их — узбеков — желание привлечь к работе по узбекистанскому сборнику «иностранных писателей». Каких именно? Зачем? Для фабрикации литературной «клюквы». Это мы сами сможем сделать.

8. П. ЮДИН — ГОРЬКОМУ

26 ноября 1933, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Очень прошу извинить, что задержался с ответом на Ваши письма. Долго проканителлся тов. Накоряков с разработкой планов по серии народов СССР¹. А я хотел отвечать Вам уже с изложением конкретных планов. Это, во-первых. Во-вторых, мне [очень] глубоко благодарен за Ваше приглашение заехать к Вам на недельку. Это я

сделаю обязательно, но только выехать сумею не раньше 1–3 числа декабря месяца². Потому так получается что [завтра] сегодня (26/XI.) еду в г. Горький с докладом на краевом партактиве. Доклад такой: «Партия и литература». Построить мой доклад хочу главным образом под углом доказательства тезиса, что 1) литература художественная часть партийного дела, важнейшая часть культурной революции в нашей стране (разберу ряд примеров из практики влияния художественной литературы на [культуру] рабочих и крестьян, материал этот в библиотеках огромный и весьма интересный); 2) внимание партии и правительства к литературе (примеров здесь больше, чем достаточно); 3) появилась (за годы революции) новая, совершенно новая литература, которой не знала история литературы прошлого, — новая по содержанию, новая по форме (искания) — создалось новое литературное направление — социалистический реализм; — литература, как Вы говорили, — которой есть что утверждать; 4) критика литературы и литературного движения. Основное здесь, по-моему, в том, что литература наша [в своих] как правило (за отд<ельны>ми искл<ючения>ми) отстает от уровня нашей этики. Дела и люди в нашей стране неизмеримо выше, величественней и красочней, чем они даны (на сегодня) в художественной литературе. Остановлюсь здесь на вопросе о науке и художественной литературе; 5) о движении молодых писателей; о литературных кружках и помощи в их работе; 6) о задачах подготовки к съезду писателей.

Это только общая канва вопросов, о которых думаю говорить.

Потому еще выеду 1–3 числа, что задерживает меня чистка³. На днях кончаем чистку на заводе № 22 (там, где Вы были)⁴. Прочистили [более двух тысяч] до трех тысяч человек. [Я сейчас] Сейчас работаю над выводами по всему заводу. Какой прекрасный человеческий материал имеет наша партия! Да с этими людьми можно что угодно сделать, а не только, что выполнить пятилетку в четыре года! Это же совершенно новые люди, из какого-то другого материала, даже по сравнению с нами тридцати-тридцатипятилетниками. Пять–семь лет разницы в возрасте, и какая разница в людях — я говорю о молодежи! Что же будет с теми, которым сейчас только 10–15 лет, да они через 10–15 лет покажут совершенно необычайные чудеса. Вероятно, каждый из десяти — по меньшей мере — будут тем, что теперь именуется талантом. Это тогда не будет резко бросаться в глаза потому, что общий интеллектуальный уровень народа неизмеримо подыметься. Если 15-летний мальчуган разбирается уже свободно в политических системах, да в известной мере и в экономике различных стран мира (тогда, как мы в этом

возрасте вообще-то с этими вопросами в никакой форме не сталкивались), то можно себе представить, что будет знать и на каком уровне (при правильном развитии) будет стоять его мировоззрение через 10–15 лет; он же будет расти-то вместе с эпохой. Прав был старик Энгельс⁵, говоря, что при социализме человечество в такой мере разовьет свои творческие способности, [что] покажет такие чудеса культуры и науки, что все предшествующее развитие истории покажется лишь жалкой тенью, лишь предыстория человечества, а подлинная история начнется только с эпохи социализма. Как обидно и досадно на наших писателей, что они упустили такой исключительный момент, когда миллионы людей проверялись по всем сторонам их жизни от первого дня рождения до дня чистки [его]. Какой материал, и какие наблюдения и обобщения можно было бы [сделать] собрать и использовать.

Теперь о серии народов СССР. [История] То, что эта затея имеет огромный интерес и политический, и культурный — это бесспорно. Наши братские народы советских республик стоят того, чтобы о них написали настоящие книги. Ведь это тоже совершенно новый народ! Узбек или белорус, тюрк или чуваш, мордвин или украинец — да ведь это же совершенно не тот народ, которого знала история до Октября и [особенно] даже до наших дней. Сохранились названия национальностей, а люди стали, под этими же именами наций, другими, совершенно другими. У них другие понятия о пространстве, о времени, о политике, экономике, о морали, о культуре, о женщине и детях, о красивом и некрасивом. Все это надо показать. У нас еще немало мудрят насчет всякого рода прожектов, много бюрократического творчества, отсебятины, не от науки, а от бескультурия в отношении этих народов. Укажу только на один пример. Провели латинизацию алфавита больших и малых народов, тех, что целиком живут в СССР и тех, что только частично⁶. Перевели на новый алфавит и школу, и газету, и литературу, и получилось: детвора — умеет и читать, и писать, а постарше, те, что учились раньше — не понимают ни газет, ни литературы. Народы, живущие на границе с Персией не понимают (при общности языка) литературы друг друга. Студентка пишет письмо родителям — они не могут прочитать ее письмо, хотя и грамотные, студентка не может прочитать письма родителей, написанные арабским шрифтом. Вероятно, в этой, безусловно необходимой работе (унификация языка) нужно бы побольше продуманности, больше системы, осторожности даже, может быть стоило это делать параллельно (обучать одновременно и по старому, и по новому шрифтам). И вот сейчас после нескольких лет огромной работы приходится вводить

ряд серьезных изменений, а для небольших народностей почти целиком восстанавливать старый алфавит. И, однако, несмотря на все наши промахи и ошибки культура растет необычайно быстро. В Оргкомитет приезжают [несколько товарищей] товарищи из этих республик, так ведь когда порасскажут, что там делается — просто не верится. Привезу Вам Узбекистанскую «Литературную газету», право же она не хуже нашей газеты! (вышла пока два номера)⁷. Это все ненужные отступления.

С планом дело обстоит так. Намечена серия, охватывающая все союзные республики. Но это работа очень и очень большая и сложная. К съезду писателей, конечно, всю не сделать⁸. Поэтому мы наметили к съезду сделать сборники о таких республиках: 1) Узбекистан⁹, Таджикистан¹⁰ и Туркменистан¹¹ — по всей вероятности один сборник; 2) о Белоруссии¹²; 3) Мордва и Чуваши¹³; 4) Карелия. Больше сделать до съезда (четыре месяца для работы осталось) едва ли можно. И тут есть опасения, что большой, первоклассной работы за это время едва ли можно будет сделать. Остальную работу проделать во второй половине 1934 г. и в 1935 г.

Основные разделы плана работы (это схема просто):

А) история прошлого (до Октября),

Б) советская история,

В) экономика и политика,

Г) культура,

Д) литература,

Е) быт,

Ж) перспективы.

Оргкомитет вместе с издательством («ГИХЛ») отсылает письма в ЦК и правительства национальных республик по этому поводу. К этой работе надо привлечь местные литературные силы.

Вы, Алексей Максимович, спрашиваете, знает ли Орг.комитет о затее группы военных писателей по созданию сборника, посвященного империалистической войне? Да, это мы знаем, и письмо Вам посылалось после переговоров со мною¹⁴.

Сегодня на секретариате Орг. к-та слушали этот вопрос. Дали 15 дней на разработку обстоятельного плана, на привлечение писателей и на подбор редколлегии¹⁵. Это мероприятие в целом согласовано с ПУРОм РККА¹⁶. Ряд военных работников, в частности Никулин¹⁷ (Замнач 4 управления¹⁸) дали согласие принять участие в составлении и редактировании материалов. Вы правы, что это дело весьма серьезное и ответственное. К нему надо подходить очень осторожно и продуманно. Примем все необходимое к этому.

Несколько дней тому назад я провел еще одно совещание

поэтической комиссии. Кроме этого провел совещание коммунистов-поэтов и критиков по вопросам поэзии. Обстоятельно познакомился, чем живут люди, и что они представляют. Признаюсь, впечатления не из важных весьма я о них. Безбожно царапаются друг с другом и главное, по пустякам, а не по творческим вопросам. Выругал их последними словами, и, представьте, кажется, это в какой-то мере подействовало. В середине декабря соберу еще раз коммунистов уже по конкретным литературным вопросам. Посмотрим, на что они способны в серьезных делах. А о поэзии общее впечатление [значительно] таково, что дела у нас в этой области значительно хуже, чем в прозе. Талантливых ребят среди поэтов немало, но они как-то не тем занимаются и плохо работают над собой. Безусловно, больших дарований Прокофьев¹⁹ и Корнилов²⁰. Прокофьев выше Корнилова. Но ребятам надо очень сильно помогать, чтобы из них получилось то, что надо нашей поэзии.

Сегодня на секретариате решили, 10 декабря созвать совещание по фольклору. На первых порах совещание небольшое, человек 15–20. Приглашаем ленинградских, харьковских, минских и московских фольклористов, а также несколько писателей²¹. Ставим только один вопрос — о современном состоянии изучения фольклора. Доклад сделать решили поручить проф. Соколову (ред. фольклорной секции «Академии»²²). Вы, вероятно, его знаете, можно ли ему это дело поручить? — других я не знаю.

На 25 декабря решили созвать совещание литературоведов. Эта публика у нас тоже беспризорная. А в январе собираем совещание очеркистов.

Намечаем и ряд других мероприятий, но об этом расскажу при личной беседе.

Созвал я комиссию по международной литературе (Б. Иллеш²³ болен). Наметили подробный план работы: сборники, доклады, рефераты. Один недостаток в составе этой комиссии, что придется опираться на секции МОРПа²⁴, т.к. большинство т.т., которых мы выделили, не смогут обстоятельно работать (хотя бы Радек²⁵ и Кольцов²⁶). А недостаток это п.ч. у них, безусловно, есть уже какая-то, я бы сказал, предвзятая точка зрения (речь идет о работниках секций МОРПа). Положительное же в том, что они знают хорошо литературу своих стран.

Проводим ряд вечеров с молодыми писателями. За это дело взялся Ставский и пока неплохо работает. Он ездил в Ленинград и провел там очень интересное совещание — партийное областное совещание по колхозному литературному движению²⁷. Совещание прошло очень интересно и активно.

Алексей Максимович, даже не верится, какая армия идет из колхозов! Мужик, изголодавшийся веками по культуре и получивший теперь исключительную возможность интеллектуального роста и культурного творчества, в ближайшие же год-два предъявит к нам такие требования, подарит нам такие неожиданности, что даже и представить себе невозможно. А ведь стомилионное взрослое крестьянское население, развернувшее невероятную деятельность во всех направлениях, может черт знает, что сделать и в области культуры. Надо теперь же к этому готовиться, руководить, и по-серьезному, этим ростом.

По «Молодой гвардии»²⁸ (издательский план) просмотрит комиссия по детской литературе. С тов. Рабичевым²⁹ об этом говорил.

Вот такие дела, Алексей Максимович.

24 был на просмотре «Достигаева»³⁰. Ну, знаете ли, это черт знает что такое. Вот это спектакль. По-настоящему художественный, изумительно интересный и содержательный. Так написать могли, конечно, только Вы. Надо отдать должное и театру. Очень культурный и талантливый коллектив.

Одно мне непонятно. Вся пьеса идет на высоком подъеме. Зритель сидит [прикованный к сцене] не сводя глаз со сцены, не пропуская ни одного слова и движения. А кончается спектакль как-то неожиданно и неопределенно. Зритель как-то растерян, не знает, конец или еще что-то будет. Не знаю, зависит ли это от Вас или от театра, а может быть это так и надо. Но хочется как-то по-другому закончить спектакль.

Думаю, что не доработал театр Рябинина. Он несколько простоват как бы, особенно в самом начале. В целом же его стоило дать театру более сильным, умным и талантливым. Его надо было дать значительно ярче. Достигаева они дали превосходно, очень хорош и Губин³¹.

В целом же правдивый и чудесный спектакль. Огромное культурное достижение.

[Это мое частичное замеч] Это частичное замечание просто-напросто рядового зрителя. Постараюсь до отъезда к Вам посмотреть еще раз и более подробно побеседовать на эту тему.

Через 15 минут еду в Горький.

Большой Вам привет, главное будьте здоровы, не утомляйтесь, не простужайтесь.

Павел Юдин

26/XI. – 33 г. 8.30.

P.S. Придем вместе с т. Болотниковым.

P.S. Сочинил я устав союза писателей³². В КП³³ он согласован. Осталось согласовать в секретариате ЦК. Проект направляю Вам другим письмом³⁴.

9. П. ЮДИН — ГОРЬКОМУ

6 марта 1934, Москва

Алексей Максимович!

Прошу извинить за опоздание с докладом. Несколько затянулось заседание фракции Оргкомитета¹. Доклад прошу рассматривать как материал к устному докладу.

Я не успел толком даже выправить его после напечатания на машинке. Сократить все это дело можно страниц на двадцать вполне.

С приветом.

П. Юдин

6/III – 34 г.

P.S. Пленум открывается завтра [часов в] в 19 часов².

10. П. ЮДИН — ГОРЬКОМУ

24 марта 1934, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Последние пять дней несколько раз пытался зайти к Вам минут на 30–40, чтобы поговорить перед отъездом о ленинградских делах¹, да и кое о каких делах московских.

В Лен<ингра>д едем вдвоем с Болотниковым. Пленум Оргкомитета открывается 27 числа, мы там будем 25, чтобы пару дней использовать для выяснения состояния работы, поговорить с народом, сходить в обком и горком партии.

О том, что найдем и увидим в Л-де, поговорим по возвращении. Теперь же немного о «московских» делах².

Очень жалею, что приходится советовать по этим вопросам через письмо. Лучше бы лично. Но я больше не могу «отмалчиваться».

Со всей откровенностью и партийной совестью должен признаться перед Вами, Ал. Мак-ч, что я не сразу понял всего значения Ваших статей о языке литературы³.

Дело не в том, что я относился хорошо к Панферову⁴ к<a>к к писателю. Писатель он все-таки не плохой, у него большой талант наблюдателя, но он не умеет к<a>к следует все виденное художественно оформить. В оценке отдельных людей можно расходиться и это решительно никакой беды не составляет, да это вовсе никому не нужно и не обязательно.

Но оценка *произведений* — дело общественное, особенно если с ним выступаешь, выступаешь публично. И вот тут-то и начинаются «злключения». Теперь я со всей очевидностью убедился в том, что Панферова, да и многих других, переоценили и захвалили и очень сильно. А это, само собою разумеется, ведет к неправильной ориентации писателей, а главное — читателей, широкой массы читателей нашей замечательной страны.

Переоценили Панферова и в докладах и в печати, в частности на страницах редактируемого мною журнала «Лит-го Кр-ка»⁵.

Больше того, в целом наша критика не сумела понять, теперь кажется, удивит<ель>но простого и само собою разумеющегося вопроса, — о языке литературы, о культуре языка. Повторяю: вся критика этот вопрос обходила. Обходила не по злomu умыслу, а по недомыслию.

Только Вы чутьем художника, умом и многолетним опытом умудренного человека в боях за культуру пролетариата, этот вопрос на конкретных произведениях подняли до вопроса общеполитического, общекультурного, общелитературного. Этот факт бесспорный и общеизвестный. Я же всего значения, именно в этой постановке, этого вопроса *сразу* не понял. Я поддержал и, не кривя душою, выступал в защиту Ваших статей (а на пленуме со всей решительностью заявил, что Вы правы целиком, и по существу и по форме, в целом и в частности)⁶. Но я не поднимал эти вопросы (только на пленуме в меру сил это старался сделать) до того значения, которые они имеют. А отсюда, — что греха таить, — некоторая заминка в развертывании обсуждения поднятых Вами вопросов.

[Все это пишу] Заминка в том смысле, что доклад, который мы ставили 29 (доклад Болотникова о языке) надо было поставить на 10–15 дней раньше и широко развернуть обсуждение этих вопросов⁷.

Все это пишу потому, что как коммунист, как партийный работник по профессии (слава Богу, 15 лет на партработе!), считающий, что самая важная линия — это принципиальная линия, а принципиальная линия требует прежде всего ясности позиции, — внести полную ясность в этот вопрос.

Вы знаете, что большевики ценны не тем, что они не ошибаются (не ошибаются люди бездельные), а тем, что умеют по серьезному исправлять ошибки. Вот и я хочу Вам сказать, что свою ошибку — непонимание (сразу же) всего значения Ваших статей, а отсюда и некоторую заминку с моей стороны, — исправляю и по-серьезному.

Алексей Максимович! Вы знаете, что о своих ошибках не легко говорить до тех пор, пока не отдаешь в них отчета. Когда же не понимаешь по-партийному, — личное здесь уже не должно играть роли. Главное — дело, в данном случае, интересы литературы.

Вот, Алексей Максимович, это я и хотел Вам сказать лично. Лично это вышло бы лучше, но П.П.⁸ говорил, что вы заняты срочной работой по истории заводов⁹. Поездка в Л<енингра>д оттягивает разговор еще на несколько дней. Потому я и решил Вам написать.

Прошу верить в полную мою искренность и преданность Вам.
С приветом.

П. Юдин

24./III – 34 г.

P.S. О журнале "Октябрь" № 2 — расскажу лично. Кроме т<о>го, что я несколько перехвалил, перестарался услужливый репортер¹⁰, вот и получилось очень густо.

П.Ю.

11. ГОРЬКИЙ, ЮДИН — БЕЛА ИЛЛЕШ

29 марта 1934, Москва

Бела Иллеш.

По постановлению Секретариата Оргкомитета ССП СССР Вам предлагается представить доклад Комиссии по международной литературе (который будет стоять на 1-м съезде писателей) в письменном виде к 10-му мая 1934 г.

Председатель Оргкомитета ССП СССР *М. Горький*
Ответственный Секретарь *П. Юдин*

12. ГОРЬКИЙ — П. ЮДИНУ

Апрель, до 13, 1934, Москва

тов. Юдину.

Вопрос с книгой по метро кажется мне, действительно крайне запутанным¹. Постройка метро, конечно, работа огромного общественного и политического значения, но следует ли издавать об этом несколько однотипных книг? Не лучше ли сосредоточить в одном центре все усилия и средства, чтобы создать одну полноценную книгу, поручив это дело единому коллективу, хотя бы тому, что уже организован «Молодой Гвардией»². Я, со своей стороны, поддерживаю эту кандидатуру.

М.Г.

13. П. ЮДИН — ГОРЬКОМУ

5 июня 1934, Москва

Алексей Максимович!

Посылаю Вам списки принятых и непринятых в члены Союза писателей <см. Приложения № 1, 2, 3 и 4. — *О.Б.*>. Основная часть московских писателей комиссией уже рассмотрена¹. Поступит еще, вероятно, не более 150–200 заявлений.

Думаю, что за небольшими исключениями комиссия решения выносила правильно. Поправку к работе комиссии сделать необходимо, человек 20–30 надо пересмотреть, — едва ли больше.

Расстановка сил в союзе писателей получается интересная и безусловно в нашу пользу. Из 264 принятых сто человек коммунистов (а из 326 непринятых коммунистов 52 ч.)². При этом для коммунистов скидки комиссия не делала (только разве в единичных случаях).

Недовольств, ругани и клеветы немало. В такой тяжелой среде без этого трудно обойтись.

Работа очень тяжелая. Сложная и не особо интересная, но крайне необходимая. Каждый из членов комиссии «нажил» себе недругов, которые считают, что по вине того или иного члена комиссии они не приняты в союз. Должен сказать, что комиссия была максимально объективна.

Начали рассматривать заявления из республик, краев, областей.

При разборе заявлений из республик приглашали на комиссию наши бригады, выезжавшие на места, вызывали (обязательно) представителей местных оргкомитетов. По нац. республикам некоторые списки приходится делать, учитывая национальные особенности, общий уровень литературы [народов] той или иной республики.

Завтра комиссия выезжает в Ленинград. Пробудем там дней пять. По возвращении доложу вам о всей нашей работе.

Числа 15 комиссия заканчивает свою работу. С 15 по 20 рассмотрим все апелляции. На президиум Оргкомитета внесем [полностью] утверждение всех списков (принятых и непринятых). У нас еще есть полная возможность в нормальном порядке внести все необходимые исправления в работу комиссии.

О всей прочей работе по подготовке к съезду доложу по возвращении из Ленинграда.

С приветом.

П. Юдин

5/VI – 34 г.

14. А. СТЕЦКИЙ, П. ЮДИН, А. БОЛОТНИКОВ,
Л. СЕЙФУЛЛИНА — ГОРЬКОМУ

16 июня 1934, Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня мы улетаем на самолете в Харьков на съезд писателей Украины¹.

Убедительная просьба к Вам написать небольшое приветствие Украинскому съезду (пошлите телеграфом).

Это будет очень хорошо, поднимет настроение съезда, создаст дружескую, теплую обстановку.

С товарищеским приветом:

А. Стецкий

П. Юдин

А. Болотников

Л. Сейфуллина²

16./VI. – 34 г.

15. П. ЮДИН — ГОРЬКОМУ

Начало августа 1934, Москва

Алексей Максимович!

Коммунисты (члены партгруппы Оргкомитета) несколько раз обращались ко мне с просьбой ознакомиться на партгруппе (фракции) с основными положениями Вашего доклада на съезде.

Основные положения всех докладов, кроме К. Радека, Бухарина¹, А. Толстого² и Вашего, на партгруппе обсуждались.

Доклады Радека и Бухарина будут обсуждаться на партгруппе Оргкомитета между 7 и 10 августа.

Известно, какое значение имеет для съезда знание коммунистами основных положений всех докладов.

Убедительная просьба указать, где и когда собрать коммунистов (членов партгруппы Оргкомитета) для беседы с Вами³.

С коммунистическим приветом.

П. Юдин

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Печатается по МК (АГ. КГ-изд-36-9-1), на бланке редакции журнала «Литературный критик», подпись автограф, впервые.

Датируется временем выхода первого номера журнала «Литературный критик» — июнь 1933 г.; уточняется по дате проведения собрания критиков, посвященного проблемам, поставленным редакцией журнала — 25 июня 1933 г.

¹ «Литературный критик», ежемесячный журнал литературы, теории, критики и истории литературы; выходил с 1933 по 1940 г. Ответственным редактором был назначен Юдин, ответственным секретарем — М.М. Розенталь; в состав редколлегии входили И.М. Гронский, С.С. Динамов, К.Л. Зелинский, Б. Иллеш, В.Я. Кирпотин, В.М. Киришон, Г. Лебедев, А.С. Серафимович, В.А. Сутырин, Е.Ф. Усиевич. В проспекте к журналу было указано, что он «является боевым действенным органом марксистско-ленинской критики, активным борцом с буржуазными и мелкобуржуазными теориями в литературе», группирует вокруг себя «лучшие критические и писательские кадры», рассчитан «на широкие слои советской интеллигенции, критиков, писателей, литкрупжовцев, работников печати и т.д.» (ОР ИМЛИ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 928).

² Подробнее об этом см.: Очерки истории русской советской журналистики. М., 1968. С. 218–252.

2.

Печатается по тексту первой публикации: Литературная газета. 1933. № 49. 23 окт.
Датируется по выходу Литературной газеты 23 октября 1933 г.

¹ «Литературная газета», орган правления Союза писателей СССР (СП СССР); издавалась с апреля 1929 г. как печатный орган Федерации объединений советских писателей (ФОСП); первый главный редактор С.И. Канатчиков. После I Всесоюзного съезда писателей стала органом правления СП СССР (подробнее о взаимоотношениях Горького с «Литературной газетой» см.: Быстрова О.В. «Дорогой Алексей Максимович...» <М. Горький и «Литературная газета»> // Литературная газета. 2009. № 17; 22–28 апр. С. 5).

² Телеграммы колхозников Нижневолжского края и рабочих Харьковского завода «Серп и Молот» были опубликованы в том же номере «Литературной газеты» в разделе «Голоса жизни», введенном редакцией газеты с этого номера.

3.

Печатается по ОТП (АГ. ПГ-рл-57-1-1), впервые.

Датируется по содержанию и сопоставлению с письмом Юдина от 14 ноября 1933 г.

¹ Крючков Петр Петрович (1889–1938), литературный секретарь Горького.

² Первый съезд советских писателей проходил с 17 по 31 августа 1934 г. в Москве.

³ Речь идет о статье Горького «О литературе», опубликованной впервые в журнале «Наши достижения» (1930. № 12).

⁴ Первый замысел Горького о создании «национальных сборников» относится к 1912 г. В письме к В.В. Вересаеву, редактору «Книгоиздательства писателей в Москве»: «Хотел бы знать, как отнесетесь Вы и Ваши товарищи к изданию сборников иноплеменной и областной литературы. Можно очень быстро организовать сборники произведений сибирских, белорусских и украинских писателей, латышский и татарский — казанских татар. Затем, не трудно составить сборники грузинский, армянский, польский, финский и т.д.» (*Горький. Письма*. Т. 10. С. 91). Издательство не заинтересовалось проектом Горького. И в 1915 г., когда был создан Торговый дом А.Н. Тихонова и книгоиздательство «Парус», Горький сумел реализовать свой замысел. За период с 1915 по 1918 г. были изданы «Сборник армянской литературы» (1916), «Сборник латышской литературы» (1916), «Сборник финляндской литературы» (1917) и др. (подробнее об этом см.: Там же. Т. 12).

⁵ Организационный комитет Союза советских писателей был утвержден 7 мая 1932 г. согласно Постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) “О перестройке литературно-художественных организаций”». В июле 1932 г. в состав Оргкомитета был включен Л. Авербах (см. об этом: *Горький и корреспонденты*. С. 575); 15 августа 1933 г. — Юдин.

4.

Печатается по А (АГ. КГ-н-90-14-1) на бланке Оргкомитета Всесоюзного Союза советских писателей, впервые.

На письме есть пометы Горького: на полях напротив абзаца, начинающегося словами «Работа комиссий... на 2–3 и 6 месяцев» Горький написал красным карандашом «Сборник!» и ниже «Горловку!».

¹ См. п. 3 и примеч.

² Горький уехал из Москвы в Тессели 7 ноября 1933 г., в Москву вернулся в конце декабря (см.: *ЛЖТ*. 4. С. 336, 344).

³ В порядке подготовки к Всесоюзному съезду советских писателей, Оргкомитет ССП организовал детальное изучение литературы народов СССР, для чего были созданы специальные литературные комиссии. «Основные установки комиссий и бригад — изучение литератур народов на фоне общего хозяйственно-культурного подъема республик, областей и краев, анализ количественного и качественного роста творческой продукции, выявление новых литературных кадров, помощь литмассовому движению, организованная помощь оргкомитетам, заготовка сборников лучших произведений художественной литературы народов, соби́рание фольклорных материалов и т.д.» (см.: [Б.п.] Работа бригад советских писателей // Бюллетень Организационного комитета Союза советских писателей СССР и РСФСР. 1934. № 1 (январь). С. 3).

⁴ Стецкий Алексей Иванович (1896–1938), член ЦК ВКП(б); с 1930 по 1938 г. заведующий Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б), затем Кульпропом ЦК ВКП(б).

⁵ Биографические сведения не разысканы.

⁶ В состав писательской бригады по изучению литературы Украины были включены А.А. Фадеев (руководитель), В.П. Ильенков (заместитель), Б.Л. Коваленко, Р.М. Азарх, Э.Г. Багрицкий, В.П. Катаев, Ф.В. Гладков, О.Д. Форш, Н. Ходин (АГ. СП 3–9–1).

⁷ В состав писательской бригады со стороны Украины вошли И.Л. Кузьмин, И.С. Феллер, И.У. Кириленко, Я.З. Городской, И.К. Микитенко, В.Я. Кирпотин (см.: [Б.п.] Работа бригад советских писателей // Бюллетень Организационного комитета Союза советских писателей СССР и РСФСР. 1934. № 1 (январь). С. 4).

⁸ Жига Иван Федорович (1895–1949), писатель; автор книги «А.М. Горький. Воспоминания» (М., 1955). Член Оргкомитета СП СССР.

⁹ В состав бригады по изучению литературы Азербайджана вошли Л.Л. Авербах (руководитель), М.Л. Слонимский, А.Н. Зуев, М.П. Юрин, С.Д. Мстиславский, Б.А. Пильняк, И.Ф. Жига. В состав бригады по изучению литературы Грузии вошли П.А. Павленко (руководитель), Н.С. Тихонов, Ю.Н. Тынянов, П.В. Слетов, Е.И. Габрилович, Каландадзе <?>, Д. Егорошвили. В состав бригады по изучению литературы Армении вошли А.И. Бзыменский (руководитель), В.А. Каверин, К.А. Федин, Г. Абов, Меликьян <?>, М.С. Шагинян, Ф.Н. Березовский, А.Г. Малышкин (АГ. СП 3–9–1).

¹⁰ Кирпотин Валерий Яковлевич (1898–1990), литературовед; с 1932 г. заведующий сектором художественной литературы ЦК ВКП(б). Секретарь Оргкомитета СП СССР.

¹¹ Павленко Петр Андреевич (1899–1951), писатель; с 1920 г. был на партийной работе в Закавказье. Член Оргкомитета СП СССР.

¹² Тихонов Николай Семенович (1896–1979), поэт, писатель; член литературного содружества «Серапионовы братья». Член Оргкомитета СП СССР.

¹³ Каверин (наст. фам. Зильбер) Вениамин Александрович (1902–1989), писатель; член литературного содружества «Серапионовы братья». О его переписке с Горьким см.: ЛН. 70.

¹⁴ Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт, писатель. О его переписке с Горьким см.: ЛН. 70.

¹⁵ Никулин Лев Веньяминович (1891–1967), писатель.

¹⁶ Юрин Михаил Парамонович (1893–1966), писатель.

¹⁷ Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937), критик; в 1928 г. редактор газеты «Бакинский рабочий». Член Оргкомитета СП СССР. О его переписке с Горьким см.: Горький и корреспонденты. С. 564–650.

¹⁸ В состав бригады по изучению литературы Белоруссии, помимо В.М. Бахметьева, вошли В.Я. Кирпотин (руководитель), Бр. Ясенский, А.П. Селивановский, В.Г. Лидин, П.Д. Маркиш, Ник. Огнев (АГ. СП-3–9–1).

¹⁹ В состав бригады по изучению литературы Узбекистана были включены В.В. Ермилов (руководитель), Л.М. Леонов, И.И. Катаев, Л.В. Никулин (АГ. СП 3–9–1).

²⁰ Бригада писателей по изучению литературы Казахстана была сформирована одновременно и для Киргизской республики; в нее были включены Л.С. Овалов, Н.Н. Сидоренко, И.И. Бачелис, Шаповалова <?>, И.М. Шатуновский ([Б.п.] Работа бригад советских писателей // Бюллетень Организационного комитета Союза советских писателей СССР и РСФСР. 1934. № 1 (январь). С. 6).

²¹ В Калмыкию были направлены писатели С.Л. Вельтман и О.Н. Фрелих ([Б.п.] Работа бригад советских писателей // Бюллетень Организационного комитета Союза советских писателей СССР и РСФСР. 1934. № 1 (январь). С. 6).

²² В состав комиссии по русской литературе областей и краев РСФСР вошли писатели Ф.И. Панферов (руководитель), А.В. Герман, Б.М. Лапин, М.Н. Платошкин, Н.В. Чертова, Артем Веселый, Ел. Сергеева, Д.М. Мазнин, Г.В. Алексеев, Великородный <?>, Б.Л. Горбатов, А.А. Жаров, Н.И. Острогорский, Б.Л. Пастернак, Б.А. Галин, М.Э. Козаков, Александр Исбах, И.С. Нович, Григорий Киш, В.А. Кнехт, Г.П. Штурм, З.В. Рихтер, С.М. Третьяков, Н.Н. Никитин, Е.Ф. Никитина, А.Г. Митрофанов, Д.М. Алтаузен, В.М. Инбер, И.П. Шухов, С.И. Вашенцев, Н.Н. Ляшко, В.В. Гольцев, К.Л. Зелинский, А.Б. Гатов, Л.Я. Циновский (*АГ СП-3-9-1*).

²³ Речь идет о бригаде по разработке вопросов поэзии, в состав которой вошли А.П. Селивановский, А. Гидаш, Е.Д. Трощенко, В.Я. Кирпотин, К.Л. Зелинский, В.М. Сянов, Б.Л. Пастернак, В.М. Инбер, Н.Н. Асеев, А.И. Безыменский, И.И. Сельвинский, Э.Г. Багрицкий, Н.С. Тихонов, Н.И. Деметьев, Я.В. Смеляков, М.А. Светлов, В.А. Луговский, М.В. Исаковский, Н.Л. Браун, А.А. Прокофьев, Демьян Бедный (*АГ СП-3-9-1*).

²⁴ Официальным руководителем поэтической бригады был утвержден А.А. Фадеев. Однако во время отсутствия Фадеева руководство бригадой возлагалось на Н.С. Тихонова (см.: *АГ СП-3-9-1*).

²⁵ Для разработки вопросов иностранной литературы была создана писательская бригада в составе: венгерская литература — Б. Иллеш, А. Гержель; польская литература — Бруно Ясенский, французская литература — И.И. Анисимов, Леон Муссиак; английская и американская литература — Д.П. Святополк-Мирский, С.С. Динамов; испанская и турецкая литература — Л.В. Никулин; немецкая литература — К.Б. Радек, С.С. Людкевич, восточная литература — А.А. Лахути, китайская литература — Сяо Сань; японская литература — Ким; западноевропейская пресса — М.Е. Кольцов (см.: *АГ СП-3-9-1*).

²⁶ Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971), физик, автор трудов по ядерной физике, теории излучения, физике твердого тела.

²⁷ Гессен Борис Михайлович (1893–1936), физик, философ.

²⁸ Андреев Андрей Андреевич (1895–1971), член Политбюро ЦК ВКП(б); с 1931 по 1935 г. нарком путей сообщения СССР.

²⁹ См. п. 2. и примеч.

³⁰ Государственное издательство художественной литературы было образовано в 1930 г. на базе литературно-художественного сектора Госиздата РСФСР и изд-ва «Земля и Фабрика». С 1934 г. стало называться Гослитиздатом. Специализировалось на выпуске собраний сочинений классиков художественной литературы народов СССР и зарубежных стран.

³¹ Речь идет об Издательстве писателей в Ленинграде, специализировавшемся на выпуске произведений советской литературы. Издательское товарищество было основано по инициативе К.А. Федина (бесменного председателя), С. Семенова, М.Л. Слонимского и И.А. Груздева в феврале 1927 г. В 1934 г. объединилось с Московским товариществом писателей, на их базе было организовано изд-во «Советский писатель». В этом изд-ве готовилась серия «Библиотека поэта», инициатором которой выступил Горький.

³² Московское товарищество писателей, кооперативное издательство, созданное в 1924 г. по инициативе литературного объединения «Кузница». В 1934 г. изд-во было объединено с Издательством писателей в Ленинграде.

³³ Предварительная программа для сбора материалов к сборнику «История Московского метра», предположительно, с пометами П. Юдина, хранится в *ОР ИМЛИ* (Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 930. Л. 27–34).

³⁴ Накоряков Николай Никандрович (1881–1970), один из организаторов книгоиздательского дела в СССР; в 1930–1937 гг. заведующий Государственным издательством художественной литературы. О его переписке с Горьким см.: *Архив Г.* 10. Кн. 1. С. 302–321.

Печатается по А (АГ. ПГ-рл-57-1-3), впервые.

¹ Речь идет о Комитете по делам геологии при Совете министров.

² Речь идет о крупнейшем индустриальном центре Донбасса. Горловка была организована в 1867 г. как рабочий поселок, в связи с началом строительства Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. Названа в честь горного инженера П.Н. Горлова. Получила статус города 4 апреля 1932 г. Осенью 1932 г. ЦК ВКП(б) принял решение о переводе областного центра Донбасса в Горловку. Однако по ряду объективных причин административным центром Донецкой области стал г. Сталино (с 1961 г. — г. Донецк).

³ Книжно-журнальное издательство создано в 1922 г. по решению 5-го съезда комсомола. Специализировалось на выпуске художественной, общественно-политической и научно-популярной литературы для юношества и детей.

⁴ Группа по вопросам детской литературы была создана 27 августа 1933 г. на заседании Секретариата Оргкомитета ССП СССР (протокол № 10). В ее состав были включены С. Маршак, Желдин, Н. Рабичев, Алексинский <сотрудник Наркомпроса. — О.Б.>, Л. Пантелеев, Н. Огнев, К. Чуковский, М. Горький, М. Ильин, Лядова <сотрудник Наркомпроса — О.Б.>, Л. Кассиль, К. Паустовский, А. Барто, В. Смирнов, Эйхлер, К. Строгова, Золотухина (АГ. СП-3-9-2). По результатам их деятельности уже 9-го сентября 1933 г. было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «Об издательстве детской литературы» (подробнее об этом см.: *Власть и художественная интеллигенция*. С. 203–205).

⁵ Болотников Алексей Александрович (1895–1937), ответственный редактор «Литературной Газеты» (О его переписке с Горьким см.: *Быстрова О.В.* Завертелось колесо наших дней...: К истории переписки А.М. Горького и А.А. Болотникова // *Литературная газета*. 2010. № 15 от 21–27 апр. С. 4).

⁶ Ставский (наст. фам. Кирпичников) Владимир Петрович (1900–1943), писатель; в 1928–1932 гг. секретарь РАПП, с 1936 по 1941 г. Генеральный секретарь СП СССР.

⁷ Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951), писатель.

⁸ Субоцкий (Суббоцкий) Лев Матвеевич (1900–1959), литературный критик; с 1935 по 1937 г. ответственный редактор «Литературной Газеты».

⁹ 2 ноября 1933 г. группа писателей — А. Лейтес, Л. Субоцкий, Вс. Вишневский, П. Юренев — написала Горькому: «Мы предлагаем организовать группу писателей <...> смогли бы коллективно дать к юбилею империалистической войны двухтомник на тему «Лицо современного империализма» — (правдивая история современных войн). Эта книга в острой памфлетной форме, используя фактический материал, вскрыла бы подлинную сущность империалистической «героики». Эта книга оказалась бы живым «адрес-календарем» пролетарской ненависти к тем, кто является подлинным зачинателем мировой бойни» (АГ. КГ-п 44–10). В том же письме указывались и будущие авторы сборника: «...Мы намереемся привлечь следующих писателей и критиков: Вишневский, Кнехт, Лапин, Лейтес, Павленко, Славин, Соболев, Субоцкий, Н. Тихонов, Федин. Это — писатели и критики, работающие и умеющие работать над интернациональной тематикой. Н. Тихонов уже дал книгу «Война». Лапин хорошо знает японский военный материал, Кнехт — финляндский, Павленко — французский, Соболев — автор «Капитального ремонта» может дать много интересного в этой области; Вишневский, работающий над эпосей «Война», — внимательно изучает этот материал; А. Лейтес готовит специальную книгу «Литература войн и революций» (о милитаристской и антимилитаристской пропаганде в художественной литературе)» (АГ. КГ-п 44–10).

¹⁰ Замысел книги «Лицо современного империализма» сводился к тому, чтобы опубликовать «материал, непосредственно разоблачающий механику империалистической войны, ее подоплеку, дающий представление не столько о грозном, сколько о грязном, навсквозь торгашеском облике войны» (АГ. КГ-п 44–10). К этому разоблачительному материалу были отнесены «те бесконечные истории военной лжи, какие печатаются на Западе в течение последних 15 лет: Мюзам К. — «Как нас обманывали?», Мартен —

«Ложь на службе Англии», Рейнгольд — «Ложная пресса», Шмидт — «Мировая история лжи», Якоби — «В борьбе с военной ложью», Пьерфе — «Плутарх солгал», Стюарт — «Тайны дома Крю», Лассвел — «Техника пропаганды в мировой войне», Тиме — «Мировая война без оружия», Зильбер — «Другие роды оружия» (глава «Яд лжи»), «Великая ложь» (монтаж Шарля Додэ), Крю «Свидетели» и др. <...> Еще более это относится к книгам, мемуарам и дневникам лицемерно сентиментальных политиков и дипломатов, участвовавших в разжигании войн, в частности — Пуанкаре, Черчилля, Ллойд-Джорджа, Ниюланса, Локарта и многих других» (АГ. КГ-п-44–10).

¹¹ В ответ 13 ноября 1933 г. Горький написал А.М. Лейтесу: «Готов принять посильное участие в деле издания намеченного Вами материала, но — разрешите указать, что книга эта должна дать максимум фактов и минимум комментария, при чем последние должны быть идеологически предельно строги и ярки... Жду плана, желаю успеха в деле» (АГ. ПГ-рл-23–21–2).

¹² Речь идет о Наркомате по иностранным делам, образованном 26 октября 1917 г. Первым наркомом в 1917 г. был Л.Д. Троцкий, по инициативе которого были опубликованы секретные дипломатические документы царского правительства; вторым наркомом с 1918 по 1930 г. был Г.В. Чичерин. В период с 1930 по 1939 г. наркомом был М.М. Литвинов.

¹³ См. п. 8 и примеч.

¹⁴ Неточная цитата Евангельского текста; ср. Мф. 13, 29–30.

¹⁵ Адресат не установлен.

6.

Печатается по МК (АГ. КГ-п-90–14–6), впервые; подписи — автографы.

¹ 7 июня 1933 г. Президиум Оргкомитета СП СССР принял решение о подготовке организации Вечернего рабочего университета для будущих литераторов. На расширенном заседании Президиума Оргкомитета СП СССР, состоявшемся 10 июля 1933 г., была вновь рассмотрена проблема молодых авторов и утвержден вопрос об организации в Москве Вечернего рабочего литературного университета (ВРЛУ). Подробнее об этом см.: *Курилов А.* Как создавался литинститут. Предыстория // Литературная Россия. 2008. № 49–50. 5 дек. С. 11; *Он же.* Как создавался литинститут. Истоки // Литературная Россия. 2008. № 51. 19 дек. С. 11; *Он же.* Как создавался литинститут. Начало // Литературная Россия. 2008. № 52. 26 дек. С. 11. В проекте «Положения о Вечернем Рабочем университете при Оргкомитете ССП СССР» указывалось, что университет организован «при Оргкомитете ССП совместно с ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Наркомпросом».

² Об этом, например, свидетельствует письмо московского рабкора В.А. Ермакова, направленное в Оргкомитет СП СССР: «Уважаемые товарищи! Однажды в газете «Рабочая Москва» была помещена заметка, что в Москве открывается вечерний Литературный институт. Но когда и где он открывается (на какой улице), условия приема и прочих данных в этой заметке не указывалось <...> Работая все время в строительных организациях, у меня накопился большой материал, но превратить его во что-либо целое, без предварительной подготовки себя к литературной деятельности, я не решаюсь, почему и обращаюсь к Вам, товарищи, с просьбой, не отказать мне дать совет, каким образом можно поступить в указанный выше институт или, вообще, как мое желание превратить в действительность...» (ОР ИМЛИ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 933).

³ Кстати, в «Литературной газете» от 29 ноября 1933 г. была опубликована подборка материалов, посвященных открытию Вечернего рабочего литературного университета. Была приведена информация о том, кто принят в университет по отделениям: сатирики — 11, поэты — 40, критики — 13, драматурги — 6, прозаики — 60 человек.

⁴ К письму были приложены проекты «Положения о Вечернем Рабочем университете при Оргкомитете ССП СССР» и «Схемы учебного плана Вечернего рабочего университета», а также «Список будущих студентов ВРЛУ». В проекте «Положения о Вечернем Рабочем университете при Оргкомитете ССП СССР» указывалось, что он будет

«учебно-творческим заведением, ставящим своей задачей на основе углубленной, теоретической и творческой работы правильно сформировать творческую личность молодого пролетарского писателя». В ВРЛУ принимались лучшие рабочие литкружковцы, окончившие семилетку. Срок обучения в университете назначался три года без отрыва от производства. При университете были организованы отделения прозаиков, поэтов, сатириков, драматургов, критиков. Для будущих первокурсников разрабатывались специальные курсы: «Теория литературы», «Основные вопросы истории мировой литературы»; «История русской литературы XVIII и XIX вв.»; «Литература эпохи империализма»; «Советская литература»; «Основные вопросы истории эстетических учений»; «Язык и стиль». На отделении прозаиков дополнительно вводился курс «Теория прозы»; поэтов — «Теория поэзии»; критиков — «История критики XIX—начала XX в.»; драматургов — специальные курсы теории и истории драмы.

Творческие занятия со студентами строились на основе разбора творческой продукции слушателей курсов с привлечением лучших образцов классической и современной литературы. Стержнем всей работы творческих семинаров на каждом отделении университета являлась подготовка к печати к концу каждого учебного года художественных произведений отдельных слушателей, или общего сборника произведений.

Согласно «Списку будущих студентов ВРЛУ» на заявленные в проекте отделения было подано заявлений: сатирики — 15, поэты — 40, критики — 20, драматурги — 21, прозаики — 58 человек.

⁵ Первым директором ВРЛУ был И.Ф. Наумов.

⁶ Калантаров Павел Лазаревич (1892–1951), профессор политехнического института; Сыромятников Александр Дмитриевич (1886–1938), преподаватель военного дела в МГУ.

⁷ Ржига Вячеслав Федорович (1883–1960), литературовед, специалист по древнерусской литературе.

⁸ Соколов Юрий Матвеевич (1889–1941), литературовед, фольклорист.

⁹ Еголин Александр Михайлович (1869–1959), литературовед, специалист по советской литературе.

¹⁰ Тимофеев Леонид Иванович (1903–1984), литературовед, член-корреспондент АН СССР (1958).

¹¹ Анисимов Иван Иванович (1899–1966), литературовед, член-корреспондент АН СССР (1960); в 1952–1960 гг. директор Института мировой литературы им. М. Горького; Металлов Яков Михайлович (1900–?), литературовед, специалист по немецкой литературе.

¹² Огнев Н. (псевд.; наст. фам. Розанов Михаил Григорьевич; 1888–1938), писатель; Ильенков Василий Павлович (1897–1967), писатель.

¹³ Архангельский Александр Григорьевич (1889–1938), поэт.

¹⁴ Безыменский Александр Ильич (1898–1973), поэт; Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт.

¹⁵ Микитенко Иван Кондратьевич (1897–1937), украинский советский писатель; с 1931 г. член ЦИК УССР.

7.

Печатается по МК (АГ. ПГ-рл-6-38-1), впервые.

Датируется по сопоставлению с письмами Юдина Горькому от 14 ноября и 26 ноября 1933 г.

¹ Не разыскана.

² 11 января 1934 г. редакция газеты опубликовала статью А. Кр-ова, в которой в частности указывалось: «А.М. Горький выдвинул предложение создать сборники, посвященные истории отдельных братских республик СССР. Одновременно с русским переводом эти книги должны появиться на европейских языках. Первый сборник должен быть посвящен Узбекской Республике, десятилетие которой исполняется в декабре 1934 г.

Вопрос об издании этого сборника обсуждался в ЦК нацкомпартии, ЦИК и Совнарком Узбекской республики с участием писательской бригады, выезжавшей в Узбекистан» (*Кр-ов А.* В Оргкомитете // *Литературная газета.* 1934. № 2 (37). 11 янв. С. 6). На заседании Секретариата Оргкомитета было решено издать сборник художественных произведений с участием русских и узбекских писателей; в этом же году был выпущен альманах «Узбекистан» (М.: Худ. лит, 1934); книга хранится в ЛБГ (ОЛБГ.7405).

Другая книга, посвященная этой республике, — «10 лет Узбекистана ССР» (М.; Л., 1934) была подарена Горькому с вложенным в нее письмом: «Тов. Максиму Горькому от имени Юбилейной комиссии при ЦИК УзССР посылаю Вам альбом «10 лет Узбекистана», изданный Изогизом по поручению Юбилейной комиссии. Постпред Уз. СССР при правительстве СССР и член Юбилейной комиссии *М. Турсунходжаев*» (ЛБГ. С. 20). Книга хранится в ЛБГ (ОЛБГ.7402).

³ Оргкомитет СП усилил состав бригады по изучению Узбекистана; в нее были включены В. Ермилов, В. Гусев. Е. Габрилович, Б. Пильняк, Ив. Катаев, Эль-Регистан, К. Финн, Л. Славин, Д. Стонов, А. Эрлих и Е. Вихрев. Эта группа писателей должна была принять участие в съезде писателей Узбекистана, намеченном на февраль 1934 г. (см.: *Литературная газета.* 1934. № 2 (37). 11 янв.); также см. п. 4. примеч. 19.

⁴ Пильняк (наст. фам. Voгау) Борис Андреевич (1894–1941), писатель.

8.

Печатается по А (АГ. КГ-п-90-14-2), впервые.

¹ 9 октября 1933 г. Накоряков выслал Горькому тематический план книжной продукции ГИХЛа на 1934 г. В своем сопроводительном письме к плану он жаловался на огромное количество заявок «читателей на художественную литературу», отмечая свое состояние: «...я сам впадаю в состояние растерянности перед требованиями читателя, — особенно, если я вспоминаю, что меня ждет реально в 1934 г.» (*Архив Г. 10.* Кн. 1. С. 303). Экземпляр тематического плана с многочисленными пометами и заключением Горького был опубликован в *Архиве Г. 10.* Кн. 1. С. 304. В ЛБГ хранится «Каталог книг за второе полугодие 1934 г.: Государственное издательство «Художественная литература»» (М., 1935; ОЛБГ. 7616). В 1934 г. вышли сборники из серии «Творчество народов СССР», издаваемые ГИХЛ для ознакомления массового читателя с литературами братских республик: «Казахский сборник» (сост. Тагжанов и Джансугуров), «Поэты Армении» (пер. А. Гатова) и др.; книги хранятся в ЛБГ (ОЛБГ.7410, 7411).

² Сведения о пребывании Юдина и Болотникова в Тессели не разысканы.

³ Решение ЦК ВКП(б) о проведении чистки в течение 1933 г. было принято 10 декабря 1932 г. и подтверждено Объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), который проходил в Москве 7–12 января 1933 г. Пленум поручил Политбюро ЦК и Президиуму ЦКК «организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов» (*КПСС в резолюциях.* С. 32).

⁴ После посещения этого завода Горький написал статью «Люди пафоса освоения и мусор прошлого: О партийной чистке на заводе 22», которая была опубликована в «Правде» (1933. № 237 от 28 авг.). Об этом подробнее см.: Г-30. Т. 24. С. 77.

⁵ Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895), основоположник и теоретик марксизма.

⁶ В 1920-х гг. в СССР перешли на латинизированный алфавит. Первым стал азербайджанский язык. В 1925 г. на второй конференции по просвещению горских народов Северного Кавказа было принято решение о латинизации письменности ингушей, кабардинцев, карачаевцев, чеченцев; 1 марта 1926 г. по Постановлению Президиума Закавказского ЦИК новый латинский алфавит стал обязательным. 7 августа 1929 г. Президиум ЦИК СССР и СНК СССР принял постановление о введении нового латинизированного алфавита. В мае 1932 г. был организован специальный комитет нового алфавита народов Севера; 11 февраля 1937 г. письменность малых народов Севера была переведена на русскую основу.

⁷ В ЛБГ хранятся два номера литературно-художественного журнала «Литературный Узбекистан», посланные Горькому редактором журнала Л. Пинхасиком (ОЛБГ.7759). В сопроводительном письме он писал: «В журнале мы собираемся показать современную литературу Узбекистана (узбекскую, уйгурскую, местно-еврейскую, таджикскую, казакскую, русскую), а также фольклор, образцы классической литературы Востока и отдельные произведения писателей сопредельных стран (Иран, Афганистан, Индия, Китай)» (АГ. СП-2–24–1).

⁸ В рамках подготовки к Первому съезду советских писателей в издательстве «Художественная литература» были выпущены альманахи: «Поэзия горцев Кавказа» (М., 1934; сост. Дз. Гагуев), «Дагестанская антология» (М., 1934; сост. Э. Капиев), «Альманах грузинской прозы» (М., 1934; под ред. В.В. Гольцева), «Сборник калмыцкой литературы» (М., 1934; сост. В. Бассагов и О.Фрелих) и др. Книги хранятся в ЛБГ (ОЛБГ.7406, 7408, 7409, 7414).

⁹ Речь идет об альманахе «Узбекистан» (М., 1934; под ред. В. Ермилова); книга хранится в ЛБГ (ОЛБГ.7405). В 1935 г. В. Ермилов подготовил сборник художественных произведений «Литература Узбекистана» (М.: Худож. лит., 1935); книга хранится в ЛБГ (ОЛБГ.7407).

¹⁰ Сборник, посвященный литературе Таджикской ССР, — «Таджикский сборник: Проза и поэзия» — вышел в серии «Творчество народов СССР» в 1934 г.; книга хранится в ЛБГ (ОЛБГ.7413; на титуле указан год: 1933).

¹¹ Речь идет о книге: «Поэты советского Туркменистана» (М., 1934); сигнальный экземпляр книги с пометами Горького хранится в ЛБГ (ОЛБГ.7589). В ЛБГ хранится и другая книга, посвященная Туркмении: «Айдинг-Гюнлер: Альманах к десятилетию Туркменистана. 1924–1934» (М.: Издание Юбилейной комиссии ЦИК ТССР, 1934; ОЛБГ.7403).

¹² Речь идет о книге: «Поэты Белоруссии» (М., 1934; сост. П. Бровка); хранится в ЛБГ (ОЛБГ.7678).

¹³ Речь идет о книге: «Литературное Поволжье: Альманах» (Сталинград, 1934); хранится в ЛБГ (ОЛБГ.7575).

¹⁴ Об этом см. п. 5, примеч. 9, 10, 11. Инициатор издания военного сборника А. Лейтес после обращения к Горькому опубликовал свою статью «Предохранитель спущен», в которой писал: «Мы затеяли дать к юбилею мировой войны 1914 года многотомник “Лицо современного империализма” и обратились к Горькому <...> Обещанное А.М. Горьким участие в руководстве многотомником и тот энтузиазм, с каким отнеслись к идее книги многие из советских писателей, критиков и политработников, служит порукой тому, что многие методологические трудности в подготовке многотомника будут преодолены» (Лейтес А. Предохранитель спущен // Знамя. 1934. № 3 (март). С. 208, 209).

¹⁵ Издание «Лицо современного империализма» не состоялось. Тем не менее, А. Лейтес работал над этой темой и в 1934 г. выпустил книгу «Литература двух миров: (Статьи о революционной и контрреволюционной литературе зарубежных стран)», связанную отчасти с замыслом сборника.

¹⁶ Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной Армии создано 18 апреля 1919 г. для руководства партийно-политической работой в армии; с 1929 по 1937 г. начальником управления был Я.Б. Гамарник.

¹⁷ Предположительно, речь идет о комбриге Иване Ефимовиче Никулине (1898–1937).

¹⁸ Четвертое управление РККА занималось вопросами боевой подготовки сухопутных вооруженных сил армии с инспекциями родов войск.

¹⁹ Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971), поэт.

²⁰ Корнилов Борис Петрович (1907–1938), поэт.

²¹ 11 декабря 1933 г. в Литературной газете были опубликованы материалы к Первому совещанию по фольклору при Оргкомитете СП СССР: статьи Ю. Соколова «Фольклор в эпоху социалистического строительства», М. Азадовского «Новые темы в советской фольклористике» и др. Совещание по фольклору было создано 15 декабря 1933 г. С основными докладами выступили А.А. Болотников и Ю.М. Соколов; в прениях приняли участие В. Бонч-Бруевич, М.К. Азадовский, Г. Лахути, А.А. Богданов, С.М. Городецкий, В.М. Жирмунский, Е.Э. Лейтнекер, Р. Шор и др. (об этом см.: Литературная газета. 1933. 17 дек.). Стенограмма Первого совещания по фольклору хранится в АГ (СП-3–20–1).

²² «Academia», издательство основано в 1922 г. как частное, затем было преобразовано в

издательство при Государственном институте истории искусств в Ленинграде. После перевода в Москву в 1938 г. слилось с Гослитиздатом. Специализировалось на выпуске серии «Сокровища мировой литературы». Первым директором издательства был Л.Б. Каменев.

²³ Иллеш Белла (1895–1974), венгерский писатель; председатель МОРП.

²⁴ Международное объединение революционных писателей (прежде Международное бюро революционной литературы), организация, объединяющая пролетарские и революционные литературные силы всех стран, создана в 1925 г. До 1927 г. работа его ограничивалась установлением и поддержанием связи с некоторыми наиболее известными левобуржуазными иностранными писателями. При МОРП был организован ежемесячный журнал «Литература мировой революции», выходящий на 4 языках: русском, немецком, английском и французском. С 1932 г. при МОРП были организованы следующие секции: 1) Делегация Оргкомитета советских писателей; 2) Союз пролетарско-революционных писателей Германии; 3) Союз венгерских революционных писателей и художников; 4) Союз пролетарско-революционных писателей Австрии; 5) группа польских пролетарских писателей; 6) группа западно-украинских писателей «Горно»; 7) чехословацкая секция МОРП; 8) группа пролетарских писателей Латвии; 9) группа болгарских писателей; 10) японская секция МОРП; 11) группа китайских революционных и пролетарских писателей; 12) американская секция МОРП.

²⁵ Радек (наст. фам. Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939), деятель международного социал-демократического движения; член РКП(б) с 1917 г.; с 1920 г. член ИККИ.

²⁶ Кольцов (наст. фам. Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1942), писатель; редактор журнала «За рубежом». О переписке Кольцова с Горьким см.: *Архив Г. И. Кн. 2*. С. 224–251.

²⁷ 7 декабря 1933 г. Ставский сообщал Горькому в письме: «Был я на Ленинградском областном партсовещании по вопросам колхозной литературы. Так, там ребята взвыли прямо — давайте пособия. Там родилось предложение, которое Вам передаю: журнал «Литературная учеба» как раз то, что удовлетворит народ. Но надо тираж «ЛУ» повысить, по крайней мере, до 50. 000» (*АГ. КГ-п 73–11–2*).

²⁸ Об изд-ве «Молодая гвардия» см. п. 5, примеч. 3.

²⁹ Рабичев Наум Натанович (1898–1938), издательский работник.

³⁰ Премьера спектакля «Достигаев и другие» в театре им. Евг. Вахтангова состоялась 25 ноября 1933 г. В данном случае речь идет о прогоне спектакля накануне премьеры, на котором присутствовал Юдин.

³¹ Рябинин, Губин, герои пьесы «Достигаев и другие».

³² Вопрос об уставе будущего СП СССР поднимался неоднократно. Так, 2 января 1933 г. состоялось заседание Президиума Оргкомитета СП, на котором обсуждался проект устава о членстве ССП. Позже, в феврале 1933 г. на втором пленуме Оргкомитета СП доклад об уставе будущей писательской организации делал Л. Субоцкий. 25 августа 1933 г. на заседании Секретариата Оргкомитета вновь поднимался вопрос об уставе, было решено поручить разработку устава ССП В. Киршону (см.: *АГ. СП 2–39–1*).

³³ Отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б) создан 10 марта 1934 г. слиянием Отдела агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б) с Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б); первым заведующим стал А.И. Стецкий.

³⁴ Письмо не разыскано.

9.

Печатается по А (*АГ. КГ-п-90–14–3*); впервые.

¹ Речь идет о фракции коммунистов при Оргкомитете ССП, которую возглавлял Юдин.

² Речь идет о III Всесоюзном пленуме Оргкомитета ССП, проходившем с 7 по 9 марта 1934 г.; отчет о его проведении печатался в Литературной газете от 8 марта 1934 г. (№ 28). С основным докладом на пленуме выступал Юдин.

10.

Печатается по А (АГ. КГ-п-90-14-4), впервые.

¹ Речь идет о расширенном пленуме Ленинградского Оргкомитета ССП; отчет о работе пленума был опубликован в «Литературной газете» (1934. 2 апр.).

² Оргкомитет готовил проведение расширенного заседания совместно с учеными-лингвистами, посвященного дискуссии о языке; отчет об этом был опубликован в «Литературной газете» (1934. 12 апр.).

³ Речь идет о статьях Горького, посвященных проблемам языка художественной литературы: «По поводу одной дискуссии» (ЛГ. 1934. 28 янв.), «Открытое письмо А.С. Се-рафимовичу» (ЛГ. 1934. 14 февр.), «О бойкости» (Известия. 1934. 28 февр.), «О языке» (Правда. 1934. 18 марта) и др.

⁴ Панферов Федор Иванович (1896–1960), писатель; в данном случае речь идет о его романе «Бруски».

⁵ Речь идет о статьях: *Васильковский Г.* О третьей книге «Брусков» Федора Панферова // Литературный критик. 1933. № 4; *Рожков П.* О социалистическом реализме // Новый мир. 1933. № 9, полемика с ней см.: *Розенталь М.* «Типический характер» в изображении П. Рожкова // Литературный критик. 1933. № 6; <Б.п.> Иностранная печать о Брусках Ф. Панферова // Литературный критик. 1933. № 6 и др.

⁶ Речь идет о выступлении Юдина на расширенном пленуме Ленинградского Оргкомитета ССП.

⁷ 17 марта 1934 г. в ходе подготовки к Первому съезду Секретариат Оргкомитета провел заседание, на котором присутствовали Горький, Юдин, А. Фадеев, В. Кирпотин, В. Ставский, А. Болотников, Вс. Иванов, И. Микитенко, П. Крючков. Среди многих вопросов по плану подготовки к съезду писателей был вопрос о языке. Было принято решение разработать доклад о языке для дальнейшего обсуждения в литературных кругах, исполнителями намечались А. Болотников, при обязательном участии В. Десницкого, В. Жирмунского, М. Пришвина, Ю. Тынянова и К. Федина (Об этом см.: Протокол заседания Секретариата Оргкомитета ССП от 17 марта 1934 г. (АГ. СП-2-37-1)).

⁸ Крючков П.П.

⁹ Об участии Горького в создании этой серии подробнее см.: А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов: Сборник документов и материалов. М., 1959.

¹⁰ Речь идет о статье: Юдин П.Ф. Выступление на дискуссии о «Брусках» Ф. Панферова / Хроникерский отчет К. Степанова // Октябрь. 1934. № 2. С. 220–221. В Архиве Горького хранится номер журнала с пометами Горького. В выступлении Юдина Горький подчеркнул красным карандашом следующий абзац: «Но то, что дано в “Брусках” Панферова, это останется и будет изучаться историком, и социологом, и политиком, и просто всяким, изучающим переходную эпоху. Безусловно, в этом большая историческая заслуга панферовских “Брусков”» (С. 221).

11.

Печатается по МК (АГ. БИО-24-3-1); на бланке Оргкомитета ССП СССР, подписи — автограф.

¹ Доклад по иностранной литературе на Первом съезде СП делал К.Б. Радек; также см. п. 15.

12.

Печатается по МК (АГ. ПГ-рл-57-1-2), впервые. На бланке ОГИЗ.

Датируется по содержанию. Уточняется по дате, проставленной секретарем ОГИЗ Филипповым: «13/IV-34 г.».

¹ Вопрос о создании «Истории метро» был решен окончательно 4 июля 1934 г.; была утверждена редакционная комиссия в составе А. Косарева (гл. редактор), Л. Мехлиса, К. Старостина, М. Кольцова, Н. Шушканова, Б. Бубскина и А. Тихонова (см.: Правда. 1934. № 182. 4 июля).

² В ЛБГ хранятся две книги: «Как мы строили метро» (М., 1935; под ред. А. Косарева, К. Старостина, Е. Резниченко и др.) и «Рассказы строителей метро» (М., 1935; под ред. А. Косарева, К. Старостина, Е. Резниченко и др.), выпущенные издательством «Молодая гвардия» (ОЛБГ. 7603; 7602).

13.

Печатается по А (АГ. Кз-п 90-14-5), впервые.

Приложения к письму печатаются по МК (АГ. КГ. п 90-14-5); сверены со списками Оргкомитета ССП СССР (АГ. СП-3-8-2, 3, 4).

¹ Работа комиссии по приему в члены ССП начала свою работу в мае 1934 г. Членский билет за № 1 был выдан Горькому (см.: Литературная газета. 1934. 14 мая).

² К письму Юдин приложил «Сведения о приеме в Союз советских писателей», в котором указывалось, что «Принято в члены Союза 264. Из них: членов и кандидатов партии 97; членов и кандидатов ВЛКСМ 2; беспартийных 165. Принято в стажеры 110. Из них: членов и кандидатов партии 25; членов и кандидатов ВЛКСМ 4; беспартийных 81. Непринятых в Союз 326. Из них: членов и кандидатов партии 52; членов и кандидатов ВЛКСМ 10; беспартийных 264».

14.

Печатается по А (АГ. КГ-од-2-15-1), впервые.

¹ 17 июня 1934 г. в Харькове открыл свою работу Первый Всеукраинский съезд советских писателей. Горький был избран почетным председателем съезда (см.: Литературная газета. 1934. № 78. 20 июня).

² Сейфуллина Лидия Николаевна (1889-1954), писатель

15.

Печатается по ОТП (АГ. КГ-п-90-14-7), впервые.

Датируется по содержанию.

¹ Бухарин Николай Иванович (1888-1939), с 1934 г. главный редактор газеты «Известия»; на Первом съезде советских писателей делал доклад по поэзии. В Докладной записке, подписанной Юдиным, Кирпотиным и Ставским, на имя руководителей страны Сталина, Кагановича и Жданова от 14 июня 1934 г. сообщалось: «Большинство докладов уже написано (Кирпотин, Тихонов, Ставский и др.), остальные доклады (Киршон, Погодин, Толстой) будут в ближайшие 2-3 дня. Тов. Радек готовит доклад с 20-го апреля. Тов. Бухарин — с середины мая. Если им твердо сказать срок — доклады они сделают. Кроме того, надо иметь в виду, что центральное место займут доклады М. Горького, Радека и Бухарина. За эти доклады можно быть уверенными, что они будут интересны и на достаточно высоком уровне» (ОР ИМЛИ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1350).

² Толстой Алексей Николаевич (1883-1945), писатель; на Первом съезде делал доклад по драматургии.

³ Горький писал И.В. Сталину 2 августа и сообщал о своем докладе; сведения об обсуждении доклада Горького фракцией коммунистов не разысканы.

СПИСОК'
ПРИНЯТЫХ В ЧЛЕНЫ ССП СССР.

1. *Афиноненев А.Н.; ВКП(б) <Афиногенов Александр Николаевич; 1904–1941; драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
2. Асеев Н.Н <Николай Николаевич; 1889–1963; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
3. Архангельский А.Г. <Александр Григорьевич; 1889–1938; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
4. Амаглобели С.И.; ВКП(б) <Сергей Иванович; 1899–1946; театральный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
5. Аксельрод Л.И. <Любовь Исааковна (Ицыковна); 1868–1946; литературовед>
6. Авербах Л.Л.; ВКП(б) <Леопольд Леонидович; 1903–1938; литературный критик>
7. Альгман И.Л.; ВКП(б) <Иоганн Львович; 1900–1955; театральный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
8. Антокольский П.Г. <Павел Григорьевич; 1896–1978; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
9. Аросев А.; ВКП(б) <Александр Яковлевич; 1890–1938; партийный деятель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
10. Агапов Б.Н. <Борис Николаевич; 1899–1973; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
11. Алтаузен Д.М.; ВКП(б) <Джек (Яков) Моисеевич; 1907–1942; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>

¹ Здесь и далее: Встречающиеся опечатки исправляются в комментированном примечании и обозначаются знаком: *. Изменение статуса писателя после апелляции также вносится в комментированное примечание и обозначается знаком: **.

12. Амур-Санан; ВКП(б) <Антон Мудренович; 1888–1939; калмыцкий писатель>
13. Арго А.М. <псевд.; Гольденберг Абрам Маркович; 1897–1968; поэт>
14. Алексеев Г.В. <псевд.; Чарноцкий Глеб Васильевич; 1892–1938; писатель>
15. Анисимов И.И.; кандидат <в чл. ВКП(б)> <Иван Иванович; 1899–1966; литературовед>
16. Алперс Б.В. <Борис Владимирович; 1894–1974; театральный критик>
17. Безыменский А.; ВКП(б) <Александр Ильич; 1898–1973; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
18. Бедный Д.<емьян>; ВКП(б) <псевд.; Придворов Ефим Александрович; 1883–1945; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
19. Барта А.Р.; ВКП(б) <Александр (Шандор) Рудольфович; 1897–1938(?); венгерский писатель, делегат Первого съезда от Республики немцев Поволжья (с решающим голосом)>
20. Беспалов И.; ВКП(б) <Иван Михайлович; 1900–1937; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
21. Батрак И.А.; ВКП(б) <псевд.; Козловский Иван Андреевич; 1892–1938; поэт>
22. Биль-Белоцерковский; ВКП(б) <псевд.; Биль Владимир Наумович; 1884–1970; драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
23. Бахметьев В.М.; ВКП(б) <Владимир Матвеевич; 1885–1963; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
24. Барто <Агния Львовна; 1906–1981; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
25. Большаков К.А. <Константин Аристархович; 1895–1938; писатель>
26. Богданов Н.В. <Николай Владимирович; 1906–1988; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
27. Благой Д.Д. <Дмитрий Дмитриевич; 1893–1984; литературовед>
28. Буданцев С.Ф. <Сергей Федорович; 1896–1940; писатель>
29. Богданов А.А.; ВКП(б) <псевд.; Малиновский Александр Алексеевич; 1874–1939; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
30. Бергельсон <Давид Рафаилович; 1884–1952; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
31. Бабель И.И. <Исаак Эммануилович; 1894–1941; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>

32. Брик О.М. <Осип Максимович; 1888–1945; литературный критик>
33. Берзинь А.; кандидат <в члены ВКП(б)> <Анна Абрамовна; 1897–1961; издательский работник, литератор>
34. Березовский Ф.А.; ВКП(б) <Феоктист Алексеевич; 1877–1952; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
35. Бродский Д.Г. <Давид Григорьевич; 1899–1966; поэт, переводчик>
36. *Болотников А.Д.; ВКП(б) <Алексей Александрович; 1895–1937; журналист, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
37. Веселый А <ртем>.И.; ВКП(б) <псевд.; Кочкуров Николай Иванович; 1899–1938; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
38. *Волькенштейн В.В. <Владимир Михайлович; 1883–1974; кинодраматург>
39. *Воронский А.В.; ВКП(б) <Александр Константинович; 1884–1937; критик, писатель>
40. *Вахрев Е.Ф.; ВКП(б) <Вихрев Ефим Федорович; 1901–1935; писатель>
41. Вересаев В.В. <Викентий Викентьевич; 1867–1945; писатель>
42. Венгров М.П.; ВКП(б) <псевд.; Вейнгров Моисей Павлович; 1894–1963; писатель>
43. Вольф <Фридрих; 1888–1953; немецкий писатель, иностранный гость Первого съезда>
44. Вишневский Вс. <Всеволод Витальевич; 1900–1951; драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
45. Горький А.М. <псевд.; Пешков Алексей Максимович; 1868–1936; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
46. Гарри А. <Алексей Николаевич 1902–1960; писатель>
47. Глебов <псевд.; Глебов-Котельников Анатолий Глебович; 1899–1964; драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
48. *Гальперн О.С.; ВКП(б) <Гальперина Ольга Осиповна; переводчица>
49. Григорьев С.Т. <псевд.; Патрашкин Сергей Тимофеевич; 1875–1953; писатель>
50. Гладков Ф.В.; ВКП(б) <Федор Васильевич; 1883–1958; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
51. Гатов А. <Александр Борисович; 1899–1972; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
52. Гехт С. <Семен Григорьевич; 1903–1963; писатель>

53. Герасимов М.П. <Михаил Прокофьевич; 1889–1939; поэт>
54. Годинер <Шмуэл Давидович; 1892–1941; еврейский писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
55. Гроссман-Рошин И.С. <Иуда Соломонович; 1883–1934; литературный критик>
56. Гроссман Л.П. <Леонид Петрович; 1888–1962; литературовед>
57. Громов М.; ВКП(б) <Моисей Георгиевич; 1896–?; писатель>
58. Габрилович <Евгений Иосифович; 1899–1994; кинодраматург, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
59. Гиляровский <Владимир Алексеевич; 1853–1935; писатель>
60. Гидаш Ан.; ВКП(б) <Антал; 1899–1980; венгерский писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
61. Горбунов <Кузьма Яковлевич; 1903–1986; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
62. Герасимова В.; ВКП(б) <Валерия Анатольевна; 1903–1970; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
63. Габор А.; ВКП(б) <Андор; 1884–1953; венгерский писатель>
64. Гусев В.М. <Виктор Михайлович; 1909–1944; драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
65. *Гергель И.Ю.; ВКП(б) <Шандор Юльевич; псевд. Александр Гергей; 1896–1966; венгерский писатель>
66. Горбов Д.А. <Дмитрий Александрович; 1894–1967; писатель>
67. Голодный М.С.; ВКП(б) <псевд.; Эпштейн Михаил Семенович; 1903–1949; поэт, делегат Первого съезда от БССР (с решающим голосом)>
68. Галин Б.А.; ВКП(б) <псевд.; Роголин Борис Абрамович; 1904–1983; очеркист, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
69. *Гольцев В.Б. <Виктор Викторович; 1901–1955; литературный критик>
70. Гоффеншефер <Вениамин Цезаревич; 1905–1966; писатель>
71. Германо А.В. <Александр Вячеславович; 1893–1955; писатель>
72. Доронин И.; ВКП(б) <Иван Иванович; 1900–1978; поэт>
73. Дмитриева В.И. <Валентина Иововна; 1859–1948; писатель>
74. Добрушин И.М. <Иехезкиль Моисеевич; 1883–1953; еврейский драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
75. Дроздов А.М. <Александр Михайлович; 1895–1963; писатель>
76. Дживелегов А.К. <Алексей Карпович; 1875–1952; литературовед>
77. Дынник В.А. <Валентина Александровна; 1898–1979; писатель>
78. Динамов С.С.; ВКП(б) <Сергей Сергеевич; 1901–1939; литературовед>

79. Данилин Ю.И. <Юрий Иванович; 1897–1985; литературовед>
80. *Джермането Д.Б.; ВКП(б) <Джерманетто; Джиованни; 1885–1959; итальянский писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
81. Ефремин А.В.; ВКП(б) <псевд.; Фрейман Александр Владимирович; 1888–1937(?); литературный критик>
82. Ермилов В.В.; ВКП(б) <Владимир Владимирович; 1904–1965; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
83. Евдокимов И.В. <Иван Васильевич; 1887–1941; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
84. Жаров А.; ВКП(б) <Александр Алексеевич; 1904–1984; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
85. Жига И.Ф.; ВКП(б) <Иван Федорович; 1895–1949; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
86. Зелинский К.Л. <Корнелий Люцианович; 1896–1970; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
87. Зарудин Н. <Николай Николаевич; 1899–1937; писатель>
88. Замойский П.И.; ВКП(б) <Петр Иванович; 1896–1958; писатель>
89. *Зазубрин В.А. <псевд.; Зубцов Владимир Яковлевич; 1895–1938; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
90. Зингер М. <Макс Эммануилович; 1899–1960; писатель>
91. Зуев А.; ВКП(б) <Александр Никанорович; 1895(1896?)–1965; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
92. Зозуля Е.Д. <Ефим Давыдович; 1891–1941; писатель>
93. Зорич А <Александр> <псевд.; Локоть Василий Тимофеевич; 1899–1937; кинодраматург, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
94. Иванов Вс. <Всеволод Вячеславович; 1895–1963; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
95. Иллеш Белла; ВКП(б) <Бела; 1895–1974; венгерский писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
96. Ильф <псевд.; Файнзильберг Илья Арнольдович; 1897–1937; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
97. Ильенков В.; ВКП(б) <Василий Павлович; 1897–1967; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
98. Инбер В. <Вера Михайловна; 1890–1972; поэтесса, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
99. Исбах <Александр>; ВКП(б) <псевд.; Бахрах Исаак Абрамович; 1904–1977; критик>

100. Исаковский М.В.; ВКП(б) <Михаил Васильевич; 1900–1973; поэт>
101. Караваева А.А.; ВКП(б) <Анна Александровна; 1893–1979; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
102. Киршон В.; ВКП(б) <Владимир Михайлович; 1902–1938; драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
103. Катаев В.П. <Валентин Петрович; 1897–1986; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
104. Кирпотин В.Я.; ВКП(б) <Валерий Яковлевич; 1898–1997; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
105. Катаев И.; ВКП(б) <Иван Иванович; 1902–1939; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
106. Кушников А.Д. <Арон Давидович; 1889(1890)–1949; еврейский поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
107. Кирсанов С. <Семен Исаакович; 1906–1972; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
108. Каменев Л.Б.; ВКП(б) <псевд.; Розенфельд Лев Борисович; 1883–1936; партийный деятель>
109. Кассиль Л. <Лев Абрамович; 1905–1970; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
110. Копылова Л.Ф. <Любовь Федоровна; 1885–1936; писатель>
111. Касаткин И.М.; ВКП(б) <Иван Михайлович; 1880–1938; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
112. Киш Г.; ВКП(б) <Григорий Исаакович; 1900–1938; писатель>
113. Казин В.В. <Василий Васильевич; 1898–1981; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
114. Колычев О.Я. <Осип Яковлевич; 1904–1973; поэт>
115. Каменский В.В. <Василий Васильевич; 1884–1961; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
116. Карцев А.Д. <Алексей Дмитриевич; 1900–1967; писатель>
117. Кольцов М.Е.; ВКП(б) <псевд.; Фридлянд Михаил Ефимович; 1898–1940; журналист, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
118. Керженцев П.М.; ВКП(б) <псевд.; Лебедев Платон Михайлович; 1881–1940; председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР>
119. Корабельников; ВКП(б) <Григорий Маркович; 1905–1996; критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
120. Лидин В.Г. <псевд.; Гомберг Владимир Германович; 1894–1979; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>

121. Левин Б.М.; ВКП(б) <Борис Михайлович; 1898–1940; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
122. Лебедев В.А. <Вячеслав Алексеевич; 1900–1979; писатель>
123. Лежнев И.Г.; ВКП(б) <псевд.; Альтшулер Исаак Григорьевич; 1891–1955; литературовед, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
124. Лахути; ВКП(б) <Абольгасем Ахмедзаде; 1897–1957, иранский поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
125. Левин К.Я. <Кирилл Яковлевич; 1892–1980; писатель>
126. Лапин Б. <Борис Матвеевич; 1905–1941; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
127. Леонов Л.М. <Леонид Максимович; 1899–1994; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
128. Ляшко Н.Н.; ВКП(б) <псевд.; Лященко Николай Николаевич; 1884–1953; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
129. Либединский Ю.; ВКП(б) <Юрий Николаевич; 1898–1958; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
130. Луговской В.А. <Владимир Александрович; 1901–1957; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
131. Лавров Л.А. <Леонид Алексеевич; 1906–1943; писатель>
132. Лукач Г.О.; ВКП(б) <Георг (Дёрдь); 1885–1971; венгерский писатель>
133. *Лебедев Н.И. <Иван Иванович; 1859–1945(?); писатель>
134. Левин Ф.; ВКП(б) <Федор Маркович; 1901–1972; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
135. Лейтес А. <Александр Михайлович; 1899–1976; критик, литературовед>
136. Ланн Е.Л. <Евгений Львович; 1896–1958; литературный критик>
137. Лежнев А.З. <Абрам Зеликович; 1893–1938; литературный критик>
138. Левман С.С. <Семен Семенович; 1896–1943; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
139. Мадарас Э.; ВКП(б) <Эмиль; 1884–1962; венгерский писатель>
140. Макаренко А. <Антон Семенович; 1888–1939; писатель>
141. Малышкин А.Г. <Александр Георгиевич; 1892–1938; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
142. *Малашкин О.И.; ВКП(б) <Сергей Иванович; 1888–1969; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
143. Молчанов И.; ВКП(б) <Иван Никанорович; 1903–1984; поэт>
144. Маркиш-Перец Д. <Маркиш Перец Давидович; 1895–1952; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>

145. Митрофанов А.Г.; ВКП(б) <Александр Георгиевич; 1899–1951; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
146. Наседкин В. <Василий Федорович; 1895–1938; поэт>
147. Никифиров Г.К.; ВКП(б) <Георгий Константинович; 1884–1937; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
148. *Никулин Л.И. <Лев Веняминович; 1891–1967; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
149. Низовой П.Г. <псевд.; Тупиков Павел Георгиевич; 1882–1940; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
150. Новиков И.А. <Иван Алексеевич; 1877–1959; писатель>
151. *Новиков-Прибой А.А. <псевд.; Новиков Алексей Силыч; 1877–1944; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
152. Нусинов И.М.; ВКП(б) <Исаак Маркович; 1889–1950; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
153. Никандров Н.Н. <псевд.; Шевцов Николай Никандрович; 1878–1964; писатель>
154. Нович; ВКП(б) <псевд.; Файнштейн Иоанн Савельевич; 1906–1984; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
155. Овалов; ВКП(б) <псевд.; Шаповалов Лев Сергеевич; 1905–1997; писатель>
156. Обрадович <Сергей Александрович; 1892–1956; поэт>
157. Олеша <Юрий Карлович; 1899–1960; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
158. Павленко П.А. <Петр Андреевич; 1899–1951; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
159. Петров Е. <псевд.; Катаев Евгений Петрович; 1903–1942; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
160. Пермитин Е.Н. <Ефим Николаевич; 1895–1971; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
161. Пильняк Б.А. <псевд.; Вогау Борис Андреевич; 1894–1941; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
162. Пастернак Б.Л. <Борис Леонидович; 1890–1960; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
163. Панферов Ф.И.; ВКП(б) <Федор Иванович; 1896–1960; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
164. Паустовский <Константин Георгиевич; 1892–1968; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
165. Перегудов А.В. <Александр Владимирович; 1894–1989; писатель>

166. Пасынков Л.П. <Лев Павлович; 1886–1956; писатель>
167. Платонов А.П. <псевд.; Климентов Андрей Платонович; 1899–1951; писатель>
168. Правдухин В. <Валериан Павлович; 1892–1939; писатель>
169. Пришвин М. <Михаил Михайлович; 1873–1954; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
170. Переверзев В.Ф. <Валерьян Федорович; 1882–1968; литературовед>
171. Перцов В.О. <Виктор Осипович; 1898–1980; литературный критик>
172. Погодин <псевд.; Стукалов Николай Федорович; 1900–1962; драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
173. Романов П.С. <Пантелеймон Сергеевич; 1884–1938; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
174. Рахилло И. <Иван Спиридонович; 1904–1979; писатель>
175. *Рязанцев В.Д. <псевд.; Горшков Василий Григорьевич; 1865–1942; писатель>
176. *Рыкачев С.Я. <Яков Семенович; 1893–1976; критик>
177. Рубинштейн Л.В. <Лев Владимирович; 1905–1976; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
178. Рихтер З.В. <Зинаида Владимировна; 1890–1967; критик>
179. Ромашов Б.С. <Борис Сергеевич; 1895–1958; театральный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
180. Ряховский В.Д. <Василий Дмитриевич; 1897–1951; писатель>
181. Розенталь М.М.; ВКП(б) <Марк Моисеевич; 1906–1975; литературный критик>
182. Разумовский С.Д. <псевд.; Махалов Сергей Дмитриевич; 1864–1942; драматург>
183. Саргиджан А. <псевд.; Бородин Сергей Петрович; 1902–1974; писатель, делегат Первого съезда от Татарии (с совещательным голосом)>
184. Свирский А.И. <Алексей Иванович; 1865–1942; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
185. Сверчков; ВКП(б) <Дмитрий Федорович; 1882–1938; театральный критик>
186. Ставский ВКП(б) <псевд.; Кирпичников Владимир Петрович; 1900–1943; журналист, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
187. Стонов Д. <псевд.; Влодавский Дмитрий Миронович; 1892(1893)–1962; писатель>
188. Слетов П.В. <псевд.; Кудрявцев Петр Владимирович; 1897–1981; писатель>

189. Светлов М. <псевд.; Шейнкман Михаил Аркадьевич; 1903–1964; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
190. Сурков А.; ВКП(б) <Алексей Александрович; 1899–1983; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
191. Сейфуллина Л.Н. <Лидия Николаевна; 1889–1954; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
192. *Серебрякова Л.; ВКП(б) <Галина Иосифовна; 1905–1980; писатель>
193. Серафимович А.С.; ВКП(б) <псевд.; Попов Александр Серафимович; 1863–1949; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
194. Славин Л.И. <Лев Исаевич; 1896–1984; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
195. Смеляков Я.; чл. ВЛКСМ <Ярослав Васильевич; 1912–1972; поэт>
196. Сельвинский И.Л. <Илья (Элий Карл) Львович; 1899–1968; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
197. Сергеев-Ценский <псевд.; Сергеев Сергей Николаевич; 1876–1958; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
198. Санников Г.А.; ВКП(б) <Григорий Александрович; 1899–1969; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
199. *Смирнова В.Б. <Вера Васильевна; 1898–1977; литературный критик>
200. Скосырев П.Г. <Петр Георгиевич; 1900–1960; писатель>
201. Стандэ С.Р.; ВКП(б) <Станислав Рышард; 1897–1938; польский поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
202. Серебрянский М.И.; ВКП(б) <Марк Исаакович; 1901–1942; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
203. Селивановский А.; ВКП(б) <Алексей Павлович; 1900–1937; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
204. Тарасов-Родионов; ВКП(б) <Александр Игнатъевич; 1885–1938; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
205. Тихонов Н. <Николай Семенович; 1896–1979; поэт, делегат Первого съезда от Ленинграда (с решающим голосом)>
206. Трощенко Е.Д.; ВКП(б) <Екатерина Дмитриевна; 1902–1944; литературный критик>
207. Тимофеев Л.И. <Леонид Иванович; 1904–1984; литературовед>
208. Тренев К.А. <Константин Андреевич; 1876–1945; драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>

209. Телешов Н.Д. <Николай Дмитриевич; 1867–1957; писатель>
210. Третьяков С. <Сергей Михайлович; 1892–1939; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
211. Тарасенков; чл. ВЛКСМ <Анатолий Кузьмич; 1909–1956; литературный критик>
212. Уткин И.П. <Иосиф Павлович; 1903–1944; поэт, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
213. *Улин Л.М. <Леонид Николаевич; писатель>
214. Успенский А.В. <Андрей Васильевич; 1902–1978; драматург>
215. Федорченко С.З. <Софья Захаровна; 1887–1959; писатель>
216. Финн К. <псевд.; Финн-Хальфин Константин Яковлевич; 1899–1975; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
217. Фадеев А.А.; ВКП(б) <Александр Александрович; 1901–1956; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
218. *Фрайерман А.М. <Фраерман Рувим Исаевич; 1891–1972; писатель>
219. Файко А.М. <Алексей Михайлович; 1893–1978; драматург, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
220. Храпченко М.Б.; ВКП(б) <Михаил Борисович; 1904–1986; литературовед>
221. Хацревин <Захар Львович; 1903–1941; писатель>
222. *Чулков Б.И. <Георгий Иванович; 1879–1939; писатель>
223. Шершеневич В. <Вадим Габриэлевич; 1893–1942; поэт>
224. Шергин Б. <Борис Викторович; 1896–1973; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
225. Шторм Г. <Георгий Петрович; 1898–1978; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
226. Шкловский В.Б. <Виктор Борисович; 1893–1983; литературовед, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
227. Шухов И. <Иван Петрович; 1906–1977; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
228. Штрайх С.Я. <Соломон Яковлевич; 1879–1957; писатель>
229. Эфрос А.М. <Абрам Маркович; 1888–1954; литературный критик, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
230. Эс-Хабиб-Вафа <Ахмет; 1900–1936; индийский писатель>
231. Эрлих А. <Арон Исаевич; 1896–1963; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
232. Эйхенгольц <Марк Давидович; 1889–1953; писатель>
233. Юдин П.; ВКП(б) <Павел Федорович; 1899–1968; философ, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>

234. Юрезанский В. <псевд.; Нос Владимир Тимофеевич; 1888–1957; писатель>
235. Югов А.К. <Алексей Кузьмич; 1902–1979; писатель>
236. Юзовский <Иосиф Ильич; 1902–1964; литературовед, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>
237. Ясенский Бруно; ВКП(б) <1901–1941; польский писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с решающим голосом)>
238. Яковлев А.С. <псевд.; Трифонов-Яковлев Александр Степанович; 1886–1953; писатель, делегат Первого съезда от Москвы (с совещательным голосом)>

СТАЖЕРЫ

1. Александровский В.Д. <Василий Дмитриевич; 1897–1934; поэт>
2. Азарх Р.М., ВКП(б) <Раиса Моисеевна; 1897–1971; писатель>
3. Базилевский-Блюмкин <Натан Григорьевич; 1897–1965; драматург>
4. Березов-Полозов <псевд. Березов; н.ф. Полозов Василий Иванович; 1892–1972; писатель>
5. Бобинская <Елена Федоровна; 1887–1968; писатель>
6. Борохостов В. <В.Н., писатель>
7. Васильев С. <Сергей Александрович; 1911–1975; поэт>
8. Васильев П.Н. <Павел Николаевич; 1910–1937; поэт>
9. Ваграмов ВКП(б) <Федор Аркадьевич; 1899–?; писатель>
10. Вашенцев С. <Сергей Иванович; 1897–1970; писатель>
11. Венкстерн <Наталья Алексеевна; 1891–1957; писатель>
12. Гроссман В.С. <Василий Семенович; 1905–1964; писатель>
13. Гершензон <Михаил Абрамович; 1900–1942; писатель>
14. Гаузнер <Григорий Осипович; 1907–1934; писатель>
15. Гильярди Н.Ф., ВКП(б) <Никодим Федорович>
16. Диковский С.В., ВЛКСМ <Сергей Владимирович; 1907–1940; писатель>
17. Дубровин В. <Василий Дмитриевич; писатель>
18. Долгих-Иванова <А.; писатель>
19. *Дружинин П.Л. <Павел Давыдович; 1890–1965; поэт>
20. Дмитриев Т.П. <Тимофей Павлович; 1893–1963; писатель>
21. Дюбин В. <Василий Власович; 1901–1974; писатель>
22. Длигач Л.М. <Лев Михайлович; 1904–1949; писатель>
23. Езерский М. <Милий Викентьевич; 1891–1976; писатель>
24. Еремин Д.И., ВКП(б) <Дмитрий Иванович; 1904–1993; писатель>
25. Железнов П.И. <Павел Ильич; 1907–1987; поэт>
26. Звягинцева В. <Вера Клавдиевна; 1894–1972; поэт>
27. Иркутов-Каррик А.Д. <псевд. Иркутов; н.ф. Каррик Андрей Дмитриевич; 1894–?; писатель>

28. Каманин <псевд.; Васюнин Федор Георгиевич; 1897–1979; писатель>
29. Коваленков А.А. <Александр Александрович; 1911–1971; поэт>
30. Колесникова Г.А. <заместитель заведующего литературно-художественным отделом Госиздата>
31. Кожевников <Алексей Венедиктович; 1891–1980; писатель>
32. Колдунов <Сергей Александрович; 1901–?; писатель>
33. Липкин С.И. <псевд.; Липкинд Семен Израилевич; 1911–2003; поэт, переводчик>
34. Лебедев В.В. <Всеволод Владимирович; 1901–1938; писатель>
35. Лузгин <Михаил Васильевич; 1899–1942; писатель>
36. Мазнин <Дмитрий Михайлович; 1902–1938; поэт>
37. Максимов Г.М., ВКП(б) <Георгий Михайлович; писатель>
38. Митрейкин <Константин Никитич; 1905–1934; писатель>
39. Машбиц-Веров И.М., ВКП(б) <Иосиф Маркович; 1900–?; литературовед>
40. Михалков С. <Сергей Владимирович; 1913–2009; поэт>
41. Мунблит <Георгий Николаевич; 1904–1994; литературовед>
42. Ойслендер А., ВЛКСМ <Александр Ефимович; 1908–1963; поэт>
43. Олендер С. <Семен Юльевич; 1907–1968; поэт>
44. Платонов А.П., ВКП(б) <псевд. Платонов Алексей; н.ф. Романов Петр Алексеевич; 1900–?; писатель>
45. Пасынок М.<акар>, ВКП(б) <псевд.; Коган-Ласкин Исаак Иосифович; 1893–1946; поэт>
46. Платошкин М.Н. <Михаил Николаевич; 1904–1958; писатель>
47. Рудерман Мих. <Михаил Исаакович; 1905–?; поэт>
48. Рожков П.Д., ВКП(б) <Петр Давыдович; 1900–1951; критик>
49. Субботин Леон <Леонид Арсентьевич; драматург>
50. Сидоренко Н.Н., ВКП(б) <Николай Николаевич; 1905–1980; поэт>
51. Ситковский, ВКП(б) <А.И.; поэт>
52. Соловьев Л.В. <Леонид Васильевич; 1906–1962; писатель>
53. Трусов Ив., ВКП(б) <Иван Федорович; 1903–1957; писатель>
54. Усманов Ш.Х. <Шамиль Хайруллоевич; 1889–1937; писатель>
55. Фрид Я. <фельетонист>
56. Фурманский П. <драматург>
57. Хайт Д.М. <Хаит Давид Маркович; 1899–?; писатель>
58. Хованская А. <псевд.; Разуваева Антонина Алексеевна; писатель>
59. Чертова <Надежда Васильевна; 1903–?; писательница>
60. Чачиков А.М. <псевд.; Чачикашвили Александр Михайлович; 1893–1941; поэт, драматург>
61. Чацкий П.
62. Шмерлинг <Владимир Григорьевич; 1909–1992; писатель>

63. Шведов Я. <Яков Захарович; 1906–1985; поэт>
64. Шпанов Н.Н. <Николай Николаевич; 1896–1961; писатель>
65. Щипачев С.П., ВКП(б) <Степан Петрович; 1898–1980; поэт>
66. Эгарт <Марк Моисеевич; 1901–1956; писатель>
67. Явич А.Е. <Август Ефимович; 1900–1979; писатель>
68. Яровой-Комаров <псевд. Яровой Павел; н.ф. Комаров Федот Емельянович; 1887–1951; писатель>
69. Ясенов В.П. <Ясинева? поэт>

СПИСОК
НЕПРИНЯТЫХ В ЧЛЕНЫ ССП СССР

1. Акульшин Р.М. <Родион Михайлович; 1896–1988; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
2. Аксенов И.А. <Иван Александрович; 1884–1935; поэт>
3. Арский П.А. <псевд.; Афанасьев Павел Александрович; 1886–1967; поэт; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
4. Арбагов П.Н. <псевд.; н.ф. Барто Павел Николаевич; 1904–1986; писатель>
5. Арсенов Н.Г.
6. Артюшков А.В. <Алексей Владимирович; 1874–сер. 1930-х; критик, переводчик>
7. Абросимов Е.П. <Евгений Павлович; поэт>
8. Афромеев Н.С. <Николай Сергеевич; 1894–1941; писатель>
9. Артамонов М.Д. <Михаил Дмитриевич; 1888–1958; поэт; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
10. **Ашукин Н.С. <Николай Сергеевич; 1890–1972; литературовед; после апелляции утвержден членом ССП>
11. Апушкин Я.В. <Яков Владимирович; 1899–1989; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
12. **Адуев Н.А. <псевд.; Рабинович Николай Альфредович; 1895–1950; писатель; после апелляции утвержден членом ССП>
13. Батенин Э.С. <Эразм Семенович; псевд. Эразм Батенин; 1883–1937; писатель>
14. Бах Л.А. <Лидия Алексеевна; переводчица>
15. Бегак Р.М. чл. ВКП(б) <Роза Моисеевна; драматург; в конце 1934 г. была принята в члены СП СССР>
16. Беккер М.И. <Михаил Иосифович; 1900–1943; критик>
17. **Берендгоф Н.С. <Николай Сергеевич; 1900–1990; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
18. Бобунов А. <Алексей Георгиевич; 1900–1956; публицист; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
19. Бухов А.С. <Аркадий Сергеевич; 1889–1937; поэт>
20. Богомольцева З.

21. Бершадский Р.Ю. чл. ВЛКСМ <Рудольф Юльевич; 1909–1979; литературовед; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
22. Бондаревский А.Я. <Анатолий Яковлевич; поэт>
23. Борадулин А.П.
24. *Брейбург С.М. <Брейтбург Семен Моисеевич; 1899–1970; литературовед>
25. Буров Я.И. чл. ВКП(б) <Яков И.; 1881–1950; заведующий Отделом агитпоездов и пароходов>
26. Бобович Б.В. <Борис Владимирович; 1896–1975; поэт, драматург>
27. Богословский Н.В. <Николай Вениаминович, 1904–1961; критик>
28. Бродский Н.Л. <Николай Леонтьевич; 1891–1951; литературовед>
29. Вавилов И.Д.
30. **Васильев И.М. <Иван Михайлович; 1902–1937; писатель; после апелляции утвержден стажером в члены ССП>
31. Волков М.И. <Михаил Иванович; 1886–1946(?); писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
32. *Вознесенский А.Н. <Александр Николаевич; 1879–?; поэт, драматург; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
33. Варлачев Н.В.
34. Вигдорович П.С. <Павел Семенович; прозаик>
35. Волков А.А. чл. ВКП(б) <Александр Афанасьевич; 1903–1956; поэт; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
36. Веревкин Б. чл. ВЛКСМ <Борис Петрович; 1910–?; журналист, литературовед>
37. Вигилянский Н.Д. <Николай Дмитриевич; 1903–1977; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
38. Вятч-Бережных чл. ВКП(б) <псевд.; н.ф. Бережных Алексей Тимофеевич; 1897– ?; писатель>
39. Вадецкий Б.А. <Борис Александрович; 1907–1962; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
40. Волгин А.А. чл. ВКП(б)
41. Вовсы чл. ВКП(б) <Григорий Петрович; 1899–1937; ответственный редактор газеты «Кино»>
42. Гандурин К.Д. чл. ВКП(б) <псевд.; Лукичев Константин Дмитриевич; 1884–1953; с 1929 г. руководитель Главреперткома при Наркомпросе РСФСР; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
43. Голодович К.Я. чл. ВКП(б)
44. Градов-Никитинский <Григорий Яковлевич; драматург; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
45. *Григорьев С.Г. чл. ВКП(б) <Григорьев-Эстель Сергей Григорьевич; поэт; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>

46. **Губер Б.А. <Борис Андреевич; 1903–1937; писатель; после апелляции утвержден членом ССП>
47. **Гумилевский Л.И. <Лев Иванович; 1890–1976; писатель; после апелляции утвержден членом ССП>
48. Гурлянд А.С.
49. Гульбинская К.А. чл. ВКП(б)
50. **Городецкий С.М. <Сергей Митрофанович; 1884–1967; поэт; после апелляции утвержден членом ССП>
51. Грифцов <Борис Александрович; 1885–1950; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
52. Глоба А.П. <Андрей Павлович; 1888–1964; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
53. **Гатуев К.А. <Константин Алексеевич; писатель; после апелляции утвержден стажером в члены ССП>
54. Громов А.М. <Алексей Матвеевич; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
55. Гиммельфарб Б.В. <Борис Вениаминович; 1880–1955; критик; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
56. Гехтман И.Е. <Исаак Ефимович; псевд. Бен-Гали; 1895–1938; очеркист, фельетонист; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
57. Глинка Г.А. <Глеб Александрович; 1903–1989; поэт; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
58. Гарей чл. ВЛКСМ <Юсуф Ибрагимович; 1904–1988; башкирский поэт, писатель>
59. Добржинский Г.В. <Гавриил Валерианович; 1883–1946; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
60. Дорохов П.Н. <Павел Николаевич; 1886–1942; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
61. **Дерман А.Б. <Абрам Борисович; 1880–1952; литературовед; после апелляции утвержден членом ССП>
62. Долин В. чл. ВКП(б) <псевд.; Белоусов Владимир Аркадьевич; 1902–?; писатель>
63. Дузь Н.А. чл. ВКП(б)
64. **Дмитриева В.И. <Валентина Ивовна; 1859–1948; писатель; после апелляции утверждена членом ССП>
65. Еремушкин Н.Н. <Николай Несторович; 1904–?; писатель>
66. Ерохин В.С. чл. ВКП(б)
67. Ершова М.Г.
68. Ежов И.С. <Иван Степанович; 1880–1959; литературовед>
69. Жданов С.П.
70. Жилкин И. <Иван Васильевич; 1874–1958; публицист>
71. Загорский М.Б. <Михаил Борисович; критик>; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>

72. Залка М.М. чл. ВКП(б) <Матэ (Матвей Матвеевич); 1897–1937; член Бюро Международного объединения пролетарских писателей>
73. Заречная С.А. <псевд.; Кочановская София Абрамовна; 1887–1967; писатель>
74. Злинченко К.П. чл. ВКП(б) <Кирилл Павлович; 1870–1947; публицист, сотрудник Бюро печати при Совнарком>
75. **Замошкин Н.И. <Николай Иванович; 1896–1960; писатель; после апелляции утвержден стажером в члены ССП>
76. Зорский А.Е. <Антон Ефимович; писатель>
77. **Иоффе Ю.Г. <Юдл Г.; 1882–1941; еврейский писатель; после апелляции утвержден членом ССП>
78. Игумнова Т.
79. Книпович Е.Ф. <Евгения Федоровна; 1898–1988; критик; в конце 1934 г. была принята в члены СП СССР>
80. **Крашениников Н.А. <Николай Александрович; 1878–1941; писатель; после апелляции утвержден членом ССП>
81. Кочин А.Д.
82. Карпов П.И. <Пимен Иванович; 1884–1963; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
83. Каграманян
84. *Карпов Л.Я. <Михаил Яковлевич; 1898–1937; писатель>
85. Кедрин Д.Б. <Дмитрий Борисович; 1907–1945; поэт>
86. Кибальчич С.А. <Степан Александрович; 1903–1937; писатель>
87. Клейнборт Л.М. <Лев Максимович; 1875–1950; публицист>
88. Клычков С.А. <псевд.; Лешенков Сергей Антонович; 1889–1940; поэт>
89. Кожадей П.А.
90. Кукоев Я.Д. чл. ВКП(б)
91. Кушнер Б.А. <Борис Анисимович; 1888–1937; поэт>
92. Кузнецов-Каплер
93. Климов Д.А.
94. Крептюков Д.А. <Даниил Александрович; 1888–1957; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
95. Касимов Д.В. чл. ВКП(б)
96. Кудашев В.М. <Василий Михайлович; 1902–1942(?); писатель>
97. Козырев М.Я. <Михаил Яковлевич; 1892–1942(?); писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
98. Ковалевский К.П.
99. **Кубиков И.Н. <псевд.; Дементьев Иван Николаевич; 1877–1944; критик; после апелляции утвержден членом ССП>
100. Корчмар <М.О.>
101. Левидов М.Ю. <Михаил Юльевич; 1891–1942; критик; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>

102. Лерман С.С.
103. Лукьянов
104. Логинов-Лесняк <Павел Семенович; 1891–1938; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
105. Либерман <? М.Н.>
106. *Литовский О.М. <Осаф (Асаф) Семенович; 1892–1971; критик; в 1932–1937 гг. руководитель Главреперткома>; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
107. Леонидов Б.Л. <Борис Леонидович; драматург; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
108. Лещинский Н.А. чл. ВКП(б) <Наум Ефремович; 1879–1961; писатель>
109. *Локс Г.Г. <Константин Григорьевич; 1889–1956; критик; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
110. Локтев Е.Н.
111. Львов П.А.
112. Марич М.Д. <н.ф. Чернышева Мария Давыдовна; 1893–1961; писатель; в конце 1934 г. была принята в члены СП СССР>
113. Макаров Н.
114. Морской Д. <псевд.; н.ф. Малышев Дмитрий Иванович; 1897–1956; мордовский писатель>
115. Малишевский М.П. <? Малышевский М.Г. >
116. Маркович чл. ВКП(б) <Маркович-Стиенский Радуле; поэт; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
117. Миртов О. (Розенфельд) <псевд.; Негрескул Ольга Эммануиловна; 1875–1939; писательница; в конце 1934 г. была принята в члены СП СССР>
118. **Мирский Д.П. < после апелляции утвержден членом ССП; см. приложение 4. — О.Б.>
119. Моро А.М. чл. ВЛКСМ <Артур Матвеевич; 1909–?; поэт; в 1936 г. был принят в члены СП СССР>
120. **Мышковская Л.М. <Лия Моисеевна; 1887–1959; критик; после апелляции утверждена членом ССП>
121. **Мугуев Х.М. <Хаджи-Мурат Магометович; 1893–1968; писатель; после апелляции утвержден стажером в члены ССП>
122. *Мурашов (Лео Мур) <Мурашко Леопольд Игнатъевич; фельетонист; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
123. Магута Е.В.
124. Нерадов Г.
125. Набатов А.Н.
126. Насимович А.Ф. <Александр Федорович; псевд. Чужак; 1880–1947; литературный критик>
127. Никифоров-Ухсай чл. ВЛКСМ
128. Никитин М.А.

129. Николаенко
130. Муратов-Шатуновский
131. Острогорский Н.И. <Николай Иванович; 1905–?; писатель>
132. Островер Л.И. <Леон Исакович; 1890–1962; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
133. Орешин П.В. <Петр Васильевич; 1887–1938; поэт; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
134. **Овчин-Овчаренко <псевд.; Овчаренко Иван Митрофанович; писатель; после апелляции утвержден стажером в члены ССП>
135. Пакентрейгер С.И. <Соломон Иосифович; 1891–1940(?); критик; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
136. **Панов Н.Н. <Николай Николаевич; 1903–1973; писатель; после апелляции утвержден членом ССП>
137. Палей А.Р. <Абрам Рувимович; 1893–1995; писатель; в 1935 г. был принят в СП СССР>
138. Пикель Р.В. <Ричард Витольдович; 1896–1936; заведующий Секретариатом Исполкома Коминтерна; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
139. Панченко П.М. чл. ВЛКСМ <Павел Михайлович; 1907–?; поэт>
140. Пришелец Антон <псевд.; Ходаков Антон Ильич; 1892–1971; поэт>
141. Персонов И.И. <Иван Иванович; драматург; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
142. Пелов (Дзюбинский) <Сергей Николаевич; 1906–1973; писатель>
143. Поликарпов М.П. чл. ВКП(б)
144. Полонский Е.М.
145. Поморский А.Н. чл. ВКП(б) <Александр Николаевич; 1891–1977; поэт; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
146. *Полякова М.М. <Лидия Михайловна; 1904–?; критик, литературовед; в конце 1934 г. была принята в СП СССР>
147. Попов И.И. <Иван Иванович; 1862–1942; писатель>
148. Поступальский И. <Игорь Стефанович; 1906–1990; писатель>
149. Родов С. чл. ВКП(б) <Семен Абрамович; 1893–1968; писатель>
150. Ромов С.М. <Сергей Матвеевич; 1883–1939; писатель>
151. Ревякин А.И. <Александр Иванович; 1900–1983; критик, литературовед; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
152. *Рунова О.П. <Рунова-Богданова (урожд. Мещерская) Ольга Павловна; 1864–1952; писательница; в конце 1934 г. была принята в члены СП СССР>
153. Ракитников А. чл. ВКП(б) <Александр Николаевич; ум. в 1974; писатель>
154. Рубин И. (Белый)
155. Рахтанов И.А. <Исай Аркадьевич; 1907–1979; писатель>
156. **Слезкин Ю.Л. <Юрий Львович; 1885–1947; писатель; после апелляции утвержден членом ССП>

157. Святенко Ф.Д. чл. ВКП(б) <Федор Демьянович; участник революционного движения, сотрудничал в серии «История фабрик и заводов»>
158. Сандомирский Г.Б.
159. Сивачев М.Г. <Михаил Гордеевич; 1877–1937; писатель>
160. Скугар-Скварский <? Сиварский>
161. **Соколов Ю.М. <Юрий Матвеевич 1889–1941; фольклорист, литературовед; после апелляции утвержден членом СП СССР>
162. Спивак И.А.
163. Сухотин П.С. <Павел Сергеевич; 1884–1935; писатель, драматург>
164. Субботин А.А. чл. ВКП(б) <Анатолий Александрович; 1890–1961; писатель>
165. Соболев Ю.В. <Юрий Васильевич; 1887–1940; писатель>
166. Тоом Л. чл. ВКП(б) <Лидия Петровна; 1890–1976; критик>
167. Туфанов А.В. <Александр Васильевич; 1877–1942; поэт>
168. Тригер М.Я. <Марк Яковлевич; драматург; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
169. Тарасов А.И. чл. ВКП(б) <Александр Иванович; 1901–1941; писатель>
170. **Тальников Д.Л. <псевд.; Шпитальников Давид Лазаревич; 1882–1961; писатель; после апелляции утвержден членом СП СССР>
171. Турганов Б.А. <Борис Александрович 1901–1980; писатель>
172. Ужжальнис П.И. чл. ВКП(б) <Пятрас И.; литературовед>
173. [Усманов] <см.: Список стажеров>
174. *Фохт У.Н. <Ульрих Рихардович 1902–1979; критик; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
175. Фомин С.Д. <Семен Дмитриевич; 1881–1951; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
176. Чайников П.М. чл. ВЛКСМ <Прокопий Макарович; 1916–1954; поэт>
177. Чурилин Т.В. <Тихон Васильевич; 1885–1946; писатель>
178. Чижевский Д.Ф. чл. ВКП(б) <Дмитрий Федотович; 1885–1951; драматург; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
179. *Черняк Я. <Елена Борисовна; 1899–1971; критик>
180. Чернявский Е.Н. чл. ВКП(б) <? Е.П.>
181. Шатилов Б.А. <Борис Александрович; 1896–1955; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
182. Шебуев Н.Г. <Николай Георгиевич; 1874–1937; писатель>
183. [Шергенский В.Г.]
184. Шильдкрет К.Г. <Константин Георгиевич; 1886–1965; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
185. Шкляр Н.Г. <Николай Григорьевич; 1876–1952; писатель>
186. Шапир Г.В.

187. Шувалов С.В. <Сергей Васильевич; литературовед; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
188. Шахтер П.С. чл. ВКП(б) <Петр С.; поэт>
189. Швецов С.Я. <Сергей Александрович; 1903–1969; поэт; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>
190. Юргин (Ювенский) Н.Н. <? Юненский >
191. Юрин С.
192. Эльсберг <Яков Ефимович; 1901–1976; писатель>
193. Юрин С. <?>
194. Язвицкий В.И. <Валерий Иоильевич; 1883–1957; писатель; в конце 1934 г. был принят в члены СП СССР>

К ЗАСЕДАНИЮ 4-го ИЮНЯ:

Принятые в члены Союза Советских Писателей

1. Мирский Д. <псевд.; Святополк-Мирский Дмитрий Петрович; 1890–1939; литературный критик>
2. Шкваркин В.В. <Василий Васильевич; 1894–1967; драматург>
3. Коваленко <Борис Львович; 1903–1938; литературный критик, делегат Первого съезда от УССР (с решающим голосом)>
4. Островский Н.А.; ВКП(б) <Николай Алексеевич; 1904–1936; писатель>
5. Адалис А. <псевд.; Ефрон Аделина Ефимовна; 1900–1969; поэт>
6. Карпов М.Я.; ВКП(б) <Михаил Яковлевич; 1898–1937; писатель>
7. Лифшиц М.А.; ВКП(б) <Михаил Александрович; 1905–1983; литературовед>
8. Верховский Ю.Н. <Юрий Никандрович; 1878–1956; поэт>

Принятые в стажеры Союза Советских Писателей

1. Алымов С.Я. <Сергей Яковлевич; 1892–1948, поэт>
2. Чаган З. <Зиновий Борисович; очеркист>
3. Запровская А.Я. (чл. ВКП(б)) <Анна Яновна; критик>
4. Кирьянов С.Л. (чл. ВКП(б)) <Сергей Леонидович; 1907–1982; писатель>
5. Резник О.С., чл. ВКП(б) <Осип Сергеевич; 1905–1986; писатель>
6. Плиско Н.Г., чл. ВКП(б) <Николай Гаврилович; критик>
7. Фибих Д.И. <Даниил Владимирович; 1899–1975; писатель>
8. Авдеенко А.О. <Александр Остапович; 1908–1996; писатель>
9. Аргутинская Л.А., чл. ВКП(б) <Люся Александровна; 1897–1968; писатель>
10. Толстой В.М., чл. ВКП(б) <Владимир Михайлович; 1902–1939(?); военный писатель; делегат Первого съезда с совещательным голосом>.

Отказано в приеме

1. Крылов Н.Ф.
2. **Войгинская О.С. чл. ВКП(б) <Ольга Сергеевна; ум. в 1968; писательница; после апелляции утверждена стажером в члены ССП>
3. *Розонов С.Г. <Розанов Сергей Григорьевич 1894–1957; детский писатель>
4. Болотин С.Б. <Самуил Борисович; 1901–1970; драматург, переводчик>
5. Розенбаум-Арков Ю.А. <Юрий Аркадьевич; драматург>
6. Лунин С.Н. <Степан Михайлович; 1883–1971; драматург>
7. Симончик <Федор Васильевич; мемуарист>
8. *Стефена И. <Стефен Александр>
9. **Бутковский Г., чл. ВКП(б) <Георгий Александрович; 1903–1941; писатель; после апелляции утвержден стажером в члены ССП>
10. Краснов В.И., чл. ВКП(б)
11. Юрин М.П., чл. ВКП(б) <Михаил Парамонович; 1895–1966; поэт>
12. Ларин Л., чл. ВКП(б)
13. **Рейх В.Ф., чл. ВКП(б) <после апелляции утвержден стажером в члены ССП>
14. **Катанян В.А. <Василий Абгарович; 1902–1998; критик; после апелляции утвержден стажером в члены СП СССР>
15. Розенбах Ф.К.
16. Нельс С.М. <Софья Марковна; 1899–1978; литературовед, театровед>
17. Хенкина М.С. <Мирра Соломоновна; 1892–1960; писатель>
18. Бескин Э. <Эммануил Мартынович; 1877–1940; литературовед; в конце 1934 г. вступил в СП СССР>
19. Бойчевский В.И. <Василий Иванович; 1895–?; литературовед>
20. **Тарловский М.А. <Марк Аркадьевич; 1902–1952; поэт; после апелляции утвержден членом СП СССР>
21. Малов Ф.И. <Федор Иванович; 1902–1972; писатель>
22. Домский-Каменский Г.Г., чл. ВКП(б)
23. Федосеев Г.С.
24. **Волков Н.Д. <Николай Дмитриевич; 1894–1965; писатель; после апелляции утвержден членом СП СССР>
25. Владимиров В.Н.
26. Игнатов С.С.
27. **Гудзий Н.К. <Николай Каллиникович; 1887–1965; литературовед; после апелляции утвержден членом СП СССР>
28. Добрынин М.К. <Михаил Кузьмич; 1899–1955; литературовед>
29. Кипренский А.Б.

30. Фатов Н.Н. <Николай Николаевич; 1887–1961; литературовед>
31. Жучков А.Л., чл. ВКП(б)
32. Гальперин М.Я.
33. Андриевская М.В. <Мария Васильевна; поэтесса>
34. Черевков В.Г.
35. **Виноградов А.К. <Анатолий Корнелиевич; 1888–1946; писатель; после апелляции утвержден членом ССП>
36. **Ширяев П.А. <Петр Алексеевич; 1886–1935; писатель; после апелляции утвержден членом СП СССР>
37. Белорусов, чл. ВКП(б)
38. Скутнев С.С., ВЛКСМ
39. **Нарбут В.И. <Владимир Иванович; 1888–1938; поэт; после апелляции утвержден членом СП СССР>
40. Штрайберг Э.И.
41. Митта П.Е., чл. ВЛКСМ <Петр Егорович; 1910–1942; писатель; в 1939 г. вступил в СП СССР>
42. Лундберг Е.Г. <Евгений Германович; 1883–1965; писатель, критик>
43. Коринец Э.
44. Киш Л., чл. ВКП(б) <Лайош; венгерский публицист>
45. **Иокум К.И. чл. ВКП(б) <после апелляции утвержден стажером в члены СП СССР>
46. Саянский Л.
47. Кондаков А. <А.В.>
48. Гроссман Б. <Борис Я.>
49. Гурвич А.С. <Абрам Соломонович; 1897–1962; литературовед, театральный критик, шахматный композитор>
50. Рыжиков К.К.
51. Бороздин И.Н.
52. Волков А.Д., чл. ВЛКСМ
53. Волков А.Д.
54. Бровман Г.А. <Григорий Абрамович; 1907–1984; критик; в конце 1934 г. вступил в СП СССР>
55. *Бандарин С.А. <Бондарин Сергей Александрович; 1903–1978; писатель; в 1938 г. вступил в СП СССР>.
56. *Тауткус Е.А., чл. ВКП(б) <Тауткус Е.А.>
57. **Бескин О., чл. ВКП(б) <Осип Мартынович 1892–1969; критик; после апелляции утвержден членом СП СССР>.

А.А. Богданов

Л.Б. Каменев

П.Ф. Юдин на I съезде ССП СССР

Г.Д. Гребенщиков

Н.Н. Суханов

Е.Д. Кускова

М.Ф.Андреева

Б.Е. Николаевский

М. Т. [unclear]

И. С. Коноплин

*1932
8/15*

И.С. Коноплин

К.Д. Бальмонт

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
<i>Л. Андреев.</i> Первая ступень	3
" Раенный	11
<i>К. Арсеньев.</i> Respire finet!	13
<i>М. Арцибацева.</i> Еврей (разсказъ)	17
<i>К. Вальмонтъ.</i> Голосъ оттуда (стихотвореніе)	26
<i>М. Вернацкій.</i> Евреи и русское народное хозяйство	28
<i>Акад. В. Вестеревъ.</i> „Мнѣ отомщеніе и Азъ воздамъ“	35
<i>В. Брюсовъ.</i> Пасхальная встрѣча	39
<i>С. Булгаковъ.</i> Сіонъ	42
<i>И. Бунинъ.</i> День гнѣва (стихотвореніе)	46
" Тора (стихотвореніе)	47
" Гробница Рахили (стихотвореніе)	48
" Софія (стихотвореніе)	49
" Столпъ огненный (стихотвореніе)	50
<i>Э. Гиппиусъ.</i> * * * (стихотвореніе)	51
<i>М. Горькій.</i> * * *	52
" Мальчикъ (разсказъ)	59
<i>С. Гусевъ-Оренбургскій.</i> Еврейчикъ (разсказъ)	63
<i>Л. Добромраовъ.</i> Животворящее (разсказъ)	69
<i>Ки. Пав. Долгоруковъ.</i> Война и положеніе евреевъ	81
<i>Вяч. Ивановъ.</i> Къ идеологии еврейскаго вопроса	84
<i>А. Паламыкова.</i> Еврейскій вопросъ въ жизни русскихъ дѣтей и молодежи	87
<i>Проф. М. М. Ковалевскій.</i> Еврейское равноправіе и его враги	97
<i>Проф. Ф. Кокоткинъ.</i> Корни антисемитизма	101
<i>Ф. Крюковъ.</i> Сестра Ольшвангеръ (очеркъ)	112
<i>Проф. И. Бодуанъ-де-Куртене.</i> Свообразная круговая порука	116
<i>Е. Кускова.</i> Какъ и чѣмъ помочь	120
<i>П. Малиновичъ.</i> Русскій вопросъ объ евреяхъ	127
<i>Д. Мережковскій.</i> Еврейскій вопросъ, какъ русскій	133
<i>П. Милуковъ.</i> Еврейскій вопросъ въ Россіи	139
<i>Акад. Д. Ослякино-Куликовскій.</i> Два слова объ антисемитизмѣ	143
<i>Вл. Соловьевъ.</i> О націонализмѣ (неизданное письмо)	152
<i>П. Соловьева.</i> Вечерняя молитва (стихотвореніе)	153
" Пѣсня (стихотвореніе)	154
<i>Ө. Соловубъ.</i> Отечество для всѣхъ	155
" Братьямъ (стихотвореніе)	158
" Всѣ вмѣстѣ	159
" Свѣтъ вечерній (разсказъ)	162
" Вѣчный жидъ	169
<i>Тэффи.</i> Два естества (разсказъ)	171
<i>Тихобережскій.</i> Смерть раввина (стихотвореніе)	175
<i>Гр. Ал. Н. Толстой.</i> Анна Зисерманъ (разсказъ)	176
<i>Гр. И. И. Толстой.</i> По поводу правового положенія евреевъ	185
<i>Т. Щенкина-Куперникъ.</i> Еврейскій (стихотвореніе)	187
<i>А. Федоровъ.</i> Изъ пророка Исаи (стихотвореніе)	188
Поступили во время печатанія сборника:	
<i>С. Елпатьевскій.</i> Выселенцы	192
<i>Вл. Короленко.</i> Мнѣніе мистера Джексона объ еврейскомъ вопросѣ	198

«Щит» — Литературный сборник. М. 1915. Изд. 1-е.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Андреева* — М.Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. 3-е изд. М., 1961.
- Архив Г. 1–16* — Архив А.М. Горького. Т. 1: История русской литературы. М., 1939 — Т. 16: А.М. Горький и М.И. Будберг. М., 2001.
- Большая цензура* — Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов / Сост. Л.В. Максименков. М., 2005.
- Бунин. Публицистика* — Бунин И.А. Публицистика. 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998.
- Власть и художественная интеллигенция* — Документы ЦК РКП(б)-ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Аркизов и Л. Наумов. М., 1999.
- Г-30* — Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949–1953.
- Горький и корреспонденты* — Горький и его корреспонденты. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
- Горький и Сибирь* — Горький и Сибирь. Письма. Воспоминания. Новосибирск, 1961.
- Горький. *Материалы. Т. 1–4* — М. Горький: Материалы и исследования: В 4 т. М.; Л., 1934–1961.
- Горький. *Письма. Т. 1–24* — Горький М. Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т.; 3т. М., 1996–2009, Т. 1–14.
- Горький. *Pro et contra* — Максим Горький: Pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890–1910-е гг. СПб., 1997.
- Горький. *Сборник* — Сборник статей и воспоминаний о Горьком / под ред. И.А. Груздева. М., 1928.
- Горький. *Сочинения. Т. 1–25* — Горький М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения: В 25 т. М., 1968–1976.
- Горький. *Статьи* — Горький М. Статьи: 1905–1916 гг.: 2-е изд. Пг.: Парус, 1918.
- Горьковские чтения. 1940–1968* — Горьковские чтения. 1938, 1939. М., 1940 — Горьковские чтения, 1968. М., 1968.
- История России: XX в.* — История России: XX век / Отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 2001.
- Красный архив* — Красный архив. Исторический журнал. М., 1932–

1936. Т. 2 (75), 3 (76), 5 (78).
- ЛБГ* — Личная библиотека М. Горького в Москве.
- Ленин и Горький* — В.И. Ленин и А.М. Горький: Письма. Воспоминания. Документы; 3-е изд.: М., 1969.
- ЛЖТ. 1–4* — Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М., 1958–1960. Вып. 1–4.
- ЛН. Т. 1–95* — Литературное наследство. М., 1935–1995. Т. 1–95.
- ЛН Сибири. Т. 1* — Литературное наследство Сибири. Т. 1. Новосибирск. 1969.
- Неизвестный Горький* — Горький и его эпоха: Материалы и исследования: Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). М., 1994. Вып. 3, 4.
- Неизданный Богданов* — *Богданов А.А.* Статьи, доклады, письма и воспоминания. Кн. 1, 2. М., 1995–1996.
- Неизданная переписка* — *М. Горький*: Материалы и исследования. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М., 1998. Вып. 5.
- Овчаренко* — *Овчаренко А.* Публицистика М. Горького. М., 1965.
- ОЛБГ. 1–9176* — Личная библиотека А.М. Горького в Москве: Описание: В 2 кн. М., 1981.
- Первая русская революция* — Первая русская революция: Взгляд через столетие. М., 2005.
- Петербургские дневники* — *Гипциус З.Н.* Петербургские дневники: 1914–1919. Нью-Йорк; М., 1990.
- Публицистика Горького* — Публицистика М. Горького в контексте истории. М.: ИМЛИ РАН, 2007.
- Русский Берлин* — *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983.
- С двух берегов* — С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Суханов* — *Суханов Н.* Записки о революции: В 3 т. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2.
- Счастье литературы* — Государство и писатели 1925–1938 гг. Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997.
- Толстой* — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928–1958.
- Флейшман* — *Флейшман Л.* Материалы по истории русской и советской культуры: Из архива Гуверовского института. Stanford, 1992.
- Хьетсо* — *Хьетсо Г.* Максим Горький: Судьба художника. М.: Наследие, 1997.

АРХИВОХРАНИЛИЩА И БИБЛИОТЕКИ

- АГ* — ИМЛИ, Архив А.М. Горького
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ИМЛИ — Отдел рукописных и книжных фондов Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва)
ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
ОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
РНБ — Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

- А* — автограф
ЧА — черновой автограф
АМ — авторизованная машинопись (подпись, правка текста или приписка Горького)
КК — ксерокопия письма
ОТП — неавторизованный отпуск (второй экземпляр АМ без авторских поправок) из Архива А.М. Горького
МК — поздняя машинописная копия неизвестного назначения из Архива А.М. Горького
РК — рукописная копия
ФК — фотокопия

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- А.А. Богданов
- Л.Б. Каменев
- П.Ф. Юдин на I съезде ССП СССР
- Г.Д. Гребенщиков
- Н.Н. Суханов
- Е.Д. Кускова
- М.Ф. Андреева
- Б.И. Николаевский
- И.С. Коноплин. 1932. С дарственной надписью Горькому.
- К.Д. Бальмонт
- «Щит» — Литературный сборник. М. 1915. Изд. 1-е.

Указатель имен и названий

В «Указатель имен и названий» включены в алфавитном порядке все имена и псевдонимы, а также названия журналов, газет, сборников и организаций, встречающиеся в книге. Произведения писателей даются фамилии в алфавитном порядке. Имена исследователей (авторы, публикаторы) выделены курсивом.

Если в указателе дается подлинное имя, то в скобках перечисляются те псевдонимы (литературные или партийные), которые упоминаются в тексте. Если основным упоминанием является литературная фамилия, то в скобках указывается подлинное имя, вне зависимости от того встречается ли оно в тексте. Девичья фамилия указывается во всех известных случаях, фамилии по первому и второму бракам указываются в случае контекстуальной значимости.

Фамилии иностранных авторов и исследователей в скобках указаны в латинской транскрипции. Те фамилии, которые в русском написании в тексте не встречаются, даны только в латинском алфавитном ряду.

В случае когда невозможно идентифицировать лицо, вводилась контекстная аннотация: *Великородный (писатель)*, *Ида (боевик)* и др. Если имена, отчества и фамилии полностью совпадают, также вводилась аннотация: *Ге Н.Н. (учитель)* и *Ге Н.Н. (живописец)* и др.

В указатель не включены имена собственные, входящие в состав названия учреждений: *Брюсовский ин-т*, *Институт Маркса – Энгельса – Ленина* и др.; понятия: *петлюровщина*, *маховщина* и др., а также фамилии писателей из приложений (с. 662–687).

А. см. Алексинский Г.А.

А. см. Богданов А.А.

А.А. см. Жданов А.А.

А.А. см. Желябужский А.А.

А.Б. см. Богданов А.А.

А.В. см. Луначарский А.В.

А.Е. см. Евдокимов А.В.

А.И. см. Рыков А.И.

А.Н. см. Тихонов А.Н.

Абов Г. 652

Абр. см. Аврамов Р.П.

Авенариус (Avenarius) Р. 11, 13, 134

Авербах Л.Л. 621, 635, 651-652

Аверьянов М.В. 289, 291-292, 317, 322,

369, 372

Авилов А. 518, 527

Авилов Б.В. 402, 434

Авилов Н.П. (псевд. Н. Глебов) 546, 581

Авксентьев Н.Д. 21, 89

Аврамов (Абрамов) Р.П. 73-74, 81, 149-

150, 155

Агитационно-пропагандистский отдел

ЦК ВКП(б) 629, 652, 659

Агитпроп см. Агитационно-

пропагандистский отдел ЦК ВКП(б)

Адамс М. 9

- Адлер Б.Ф. 527
 Адлер (Adler) Ф. 472
 Адрианов А.В. 330, 376
 Азадовская Л.В. 289, 304, 373, 380, 382
 «"Сибирский сборник" 1912 года: История несостоявшегося издания» 304, 373, 380, 382
 Азадовский К.М. 289, 304
 «"За то я и полюбил вас крепко", или Похождения "чистейшего авантюриста"» 304
 Азадовский М.К. 573, 658
 «Новые темы в советской фольклористике» 658
 Азарх Р.М. 652
 Азеф Е.Ф. 129-130, 148, 495-496, 501, 508
 Айвазян М.А. 630
 Айхенвальд Ю.И. 232, 523, 527-528
 Аксаков И.С. 476, 499
 Аксельрод Л.И. (псевд. Ортодокс) 104, 117, 124
 Аксельрод П.Б. 467-468, 493, 495, 508
 «Пережитое и передуманное» 468
 Ал. см. Богданов А.А.
 Ал.Ал. см. Богданов А.А.
 Александр II Николаевич 484
 Александр III Александрович 484
 Александра Федоровна 479
 Александров Н.Г. 234, 280
 Алексеев Г.В. 655
 Алексей см. Рыков А.И.
 Алексин А.Н. 193
 Алексинский (сотрудник Наркомпроса) 656
 Алексинский Г.А. 14-15, 18, 22, 25, 33, 39-40, 42-44, 47, 49, 52-54, 57, 60, 62, 64, 67, 75, 81-82, 87, 90, 94-96, 98, 101-102, 104, 110, 112-113, 119, 121, 123, 127-129, 132, 136-137, 139-141, 143-144, 149, 154, 156-157, 160, 198
 «Армия, народ и Дума» (лекция) 96
 Алеша см. Рыков А.И.
 «Алтайский альманах» 297, 324, 327, 336, 365, 373, 379
 Алтайский К.Н. 590-591
 «Несостоявшаяся встреча. Горький и Циолковский» 591
 Алтаузен Д.М. 653
 Алферов К.А. (парт.псевд.: Яков, Константин) 74, 76, 81, 144, 150, 152-153, 156
 «Альманах грузинской поэзии» 658
 Амиантов Ю.Н. 88-89
 «Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922» (в соавт. с Ю.А. Ахапкиным и В.И. Степановым) 89
 Амфитеатаров А.В. 16, 18-19, 34, 41, 106-107, 114, 121, 129, 139, 149, 157, 159, 170, 197
 Ан. Вас. см. Луначарский А.В.
 Анаксагор 166
 Ананьин Е.А. (псевд. Чарский) 42, 493, 506
 Анат. В-ч см. Луначарский А.В.
 Ангарский Н.С. 468
 Андреев А.А. 628, 635, 653
 Андреев Л.Н. 41, 61, 101, 115, 138, 142, 168, 171, 193, 239, 256-257, 260, 266, 274, 284, 341, 381, 431-432, 454, 562, 601
 «Война и студенчество» 381
 «В сей грозный час» 381
 «Любовь студента» (др. назв.: «Дни нашей жизни») 115
 «Мои записки» 41, 115
 «Слово о Сербии» 381
 «Тот, кто получает пощечины» 256-257, 260, 284
 «Тьма» 101
 Андреева М.Б. 192, 200
 Андреева (урожд. Юрковская; по мужу Желябужская) М.Ф. 6, 21, 24-25, 27, 33, 39, 41, 56, 62, 64-65, 70, 80, 88-89, 97, 111-112, 122, 131-132, 135, 139, 141, 144, 154-155, 170, 181, 183-184, 186-189, 191-212, 215, 221-222, 225, 228-230, 232, 236, 238, 241, 243, 245, 247-250, 252-260, 263, 265, 267, 269-287, 298, 326, 337, 344, 346-347, 356, 375, 379, 383, 386, 405, 421, 436-437, 439, 442-443, 450, 542-543
 Андреева-Бальмонт Е.А. 168, 177
 «Воспоминания» 177
 Андрей Владимирович (присяжный поверен.) 270-271
 Андриканис Н.А. 88-89
 Андриканис (урожд. Шмит) Е.П. 23, 88-89, 92
 Анисимов И.И. 638, 653, 656
 Аничков Е.В. 115
 Анна Александр. см. Луначарская А.А.
 Анненков Ю.П. 609
 Анов (н.ф. Иванов) Н.И. 302
 Антонова Н.С. 11
 Анучин В.И. 296, 316, 318, 329-330, 335, 342, 368-369, 374-376, 378, 383, 385
 Анюта см. Луначарская А.А.
 «Аполлон» (журн.) 84, 114, 158
 Арбатов З.И. 512, 514

- «Ноллендорфплатцкафе
(Литературная мозаика)» 514
- Арбатов Н.П. 276
- Ардов Т. см. Тардов В.Г.
- Аркадий см. Калинин Ф.И.
- Аронсон Г. 429, 433, 435, 483, 503
«Е.Д. Кускова. Портрет
общественного деятеля» 429, 435
«Россия в эпоху революции» 483,
503
- Арсений см. Яковлев М.Я.
- «Архив Маркса и Энгельса» (журн.) 463
- Арыбашев М.П. 49, 107, 158, 232, 250,
253-254, 256, 260-261, 283-284
«Закон дикаря» 250, 253, 255-256,
260, 267, 272, 283-284
«Муж» 250
- Асеев Н.Н. 630, 653
- Афиногенов А. 627
- Ахаткин Ю.А. 88-89
«Ленин В.И. Незвестные
документы. 1891–1922» (в соавт. с
Ю.Н. Амиантовым и
В.И. Степановым) 89
- Аш (Ash) Ш. 584
«Контора» 546, 584
«Собрание сочинений» 584
- БЦ см. «Большевистский центр»
- Бабель И.Э. 538
- Бабинцев И.И. (парт. псевд. Николай) 78,
144, 153-154
- Багрицкий Э.Г. 652-653
- Баженов (парт. псевд. Виктор) 476
- Базаров (н.ф. Руднев) В.А. (псевд.
Темный В.) 11, 13-16, 29, 34-35, 37-
39, 41, 44-46, 52, 55, 61-62, 67-68, 85,
101-102, 107, 109-115, 117-120, 126,
129, 131, 134, 137, 139-140, 142, 395-
398, 400-401, 409, 411, 432, 458-459
«Анархический коммунизм и
марксизм» 11
«Материал коллективного опыта и
организующие его формы» 15, 45,
109, 115, 119-120
«На два фронта» 134
«Религия и государственность» 397
- Байрон (Вутон) Д.Н.Г. 510
- Бакаев И.П. 616
«Бакинский рабочий» (газ.) 38, 110, 629,
652
- Балабанова А.И. 490, 492
«Балтийский альманах» 7, 494, 508, 510-
511, 518-520, 522, 525, 527-528
- Балтрушайтис Ю.К. 231, 235
- Балухатый С.Д. 562, 601
«Литературная работа М. Горького»
601
- Бальмонт К.Д. 7, 161-185, 390, 523, 549
«Альбатрос» 162
«Белье зарницы» (сб.) 184
«Будем как солнце» (сб.) 166, 176
«В безбрежности» (сб.) 161
«В домах» 166
«Ведьма» 162
«Волчье время» 170
«Воспоминание о вечере в
Амстердаме» 162
«Где мой дом? Стихотворения,
художественная проза, статьи,
очерки, письма» 177
«Горькому» 163-164
«Горящие здания» (сб.) 162
«За пределы» (цикл) 161
«Зверь спущен» 170
«Земля и Воля» 167
«Из чужеземных поэтов» (сб.) 184
«Индийский тотем» 163
«Кузнец» 162
«Маленький султан» 163
«Мещанин Пешков. По псевдониму:
Горький» 176
«Начистоту» 167
«Наш царь» 170
«Оргия жизни» 163
«Открытое письмо Максиму
Горькому» 174, 176
«Певец личности и жизни» 184
«Песни мстителя» (сб.) 170
«Поэт – рабочему» 167
«Преступное слово» 170
«Придорожные травы» 162
«Родник» 162
«Русскому рабочему» 167-168
«Серп и молот» (цикл) 175
«Стихотворения» (сб.) 169, 171-172,
176, 181-182
«Фейные сказки. Детские песенки»
183, 185
«Художник-дьявол: Книга
сатурналий» 162
«Царь-ложь» 170
- Барто А.Л. 654
- Басок см. Меленевский Ю.Н.
- Батушанский Б.Я. (парт. псевд. Баррит)
501
- Батюшков К.Н. 560, 599
«Сочинения» 599
- Бауман Н.Э. 168

- Бах А.Н. 534
 Бахметьев В.М. 369, 630, 635, 652
 Бахрушин А.А. 271, 287
 Бачелис И.И. 652
 Бебель (Bebel) А. 32, 104, 126
 «Интеллигенция и социализм» 126
 Бедный Демьян (н.ф. Придворов Е.А.) 603, 627, 653
 «Без заглавия» (еженед.) 456
 Безыменский А.И. 627, 630, 638, 652-653, 656
 Бейлис М. 235, 247, 280
 Бейн Р. 103
 Беклемешева В.Е. 431
Белая Г.А. 630
 «Литературный критик» 630
 Белинский В.Г. 260, 538
 «Белое дело» (сб.) 522, 525
 Белослюдов А.Н. 291, 296, 365
 Белоусов И.А. 529
 Белый Андрей (н.ф. Бугаев Б.Н.) 115, 387, 467, 472, 498, 518-519, 523, 527, 564, 602
 «За годы революции» 498
 «Из африканских воспоминаний» 527
 «На рубеже двух столетий» 498
 «Начало века» 498
 «Петербург» 387
 «Преступление Николая Летаева» (др. назв. Крещеный китаец) 387, 518, 527
 Бельше В. 27, 100
 «Любовь в природе: История развития любви» 100
 Беляев М.Д. 569, 611
 «Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем» 611
 Бенешевич В.Н. 565, 567, 606
 Бентли (Bentley) Э. 504
 «Последнее дело Трента» 486, 504
 Бенуа А.Н. 114
 Бенуа Л.Л. 218, 274
 Беранже (Béranger) П.Ж. 563
 Берберова Н.Н. 579, 603
 «Железная женщина» 603
 Бергольц Я. 527
 Бергсон (Bergson) А. 11, 34, 107
 «Смех в жизни и на сцене» (на фр. «Le rire») 34, 107
 Бердяев Н.А. 11, 34, 48, 60, 85, 107, 131, 137, 158-159, 454, 531
 «Новое религиозное сознание и общественность» 60, 137, 158
 «О евреях» 454
 «Психология революции» 34, 56, 107
 «Философская истина и интеллигентская правда» 56, 131
 Бережанский Н.Г. 528
 Березовский Ф.Н. 630, 652
 Берклэй 113
 Берлин П.А. 507
 «Берлинский листок» (газ.) 476
 Берман М.М. 381
 Берман Я. 11
 Бермондт см. Бермондт-Авалов П.Р.
 Бермондт-Авалов П.Р. 525
 Бернацкий М.В. 432, 449, 460
 Бернштейн (Bernstein) Э. 467, 472, 480, 497, 502
 «Воспоминания о М. Драгоманове и С. Подолинском» 472, 497
 «История материализма» 502
 Бертини см. Бертино
 Бертино (помощник) 38, 111
 «Беседа» (журн.) 300, 303, 387, 491, 506-507, 519, 526-527, 537, 541-542, 578
 Бехтерев В.М. 432
 Билье-Белоцерковский В.Н. 630
 «Биржевые ведомости» 310, 341, 381, 431, 454
 «Анкета об евреях» 431
 «К русскому народу» 431
 «Письмо М. Горького к Ф.И. Шаляпину» 381
 Благоев Ф.И. 201, 232, 242-243, 248, 251, 280, 286
 Блок А.А. 107, 173, 404, 430
 «Бальмонт» 173
 Блондель (Blondel) А. 11
 Бобровский Э. 93, 95
 Богданов (н.ф. Малиновский) А.А. (псевд. Максимов) 5-6, 9-19, 21-53, 55-72, 74-160, 198, 393, 413, 415, 417, 493, 507, 658
 «Вера и наука: (О книге В. Ильина "Материализм и эмпириокритицизм")» 119, 134, 137
 «Вопросы социализма. Работы разных лет» (сб.) 9, 417
 «В трех мирах» (лекция) 97
 «Десятилетие отлучения от марксизма» 90
 «Из психологии общества» 109
 «История "Частной финансовой группы с.-д. большевиков"» 130
 «Итоги философской борьбы в русском марксизме» (лекция) 97
 «Картина мира» (лекция) 97
 «К вопросу о новейшем

философском движении» 100
«Красная звезда. Роман-утопия» 5, 14, 89
«Курс политической экономии» (в соавт. И.И. Скворцовым-Степановым) 16, 108, 112, 116
«Материализм и идеализм» (лекция) 97
«Материал познания» (лекция) 97
«Мир в себе» (лекция) 97
«Мировой механизм» (лекция) 97
«Наука и философия. Диалоги» 41, 108, 112-113, 120
«Новый мир» 11
«Об отзовизме и ультиматизме» (в соавт. с В.Л. Шандером) 141
«Организация опыта и типы классово-психики» 94
«Открытое письмо тов. Плеханову» 33, 101, 104
«Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии. Вера и наука: (О книге В. Ильина "Материализм и эмпириокритицизм")» (сб.) 13, 72, 74-75, 123, 135, 140, 146, 150
«Падение великого фетишизма: Современный кризис идеологии» 5, 9
«Падение фетишизма» (лекция) 50, 97
«Плехановская школа в социальной философии» (лекция) 97
«Приключение одной философской школы» 13, 16, 26, 30, 33, 36, 38, 99-100, 102-104, 108-110
«Развитие фетишизма идей» (лекция) 97
«Смерть» (др. назв. «Жизнь и смерть») 83, 157
«Смерть и пульс жизни» (лекция) 97, 157
«Субъект индивидуальный и коллективный» (лекция) 97
«Тектология. Всеобщая организационная наука» (в 2 кн.) 9-10
«Философия современного естествоиспытателя» 42, 115, 119-120
«Эмпириокритицизм. Статьи по философии» 10, 13
«Эмпириомонизм» 97, 105
«Энергетика» 97
Боголепов М.И. 409

Боголюбов С.П. 46, 67, 103, 112, 116, 119-120, 142, 185, 224
Богучарский (н.ф. Яковлев) В.Я. 227, 435, 442, 455-456
Боклевский П.М. 561, 569, 610
Болотников А.А. 636, 638, 644-646, 649, 657-658, 660
«Большевик» (журн.) 408
Большевистский центр (орг.) 33, 51, 53, 59, 68, 72, 74, 78, 82, 88, 99, 104, 117-118, 121-122, 124, 126, 129-130, 132, 136, 141, 145-149, 157
Бонч-Бр. см. Бонч-Бруевич В.Д.
Бонч-Бруевич В.Д. 51, 62, 107, 125-126, 139, 212, 222-225, 237, 275, 658
Боратынский (Баратынский) Е.А. 560, 572-573
Борис см. Трайнин И.П.
Борис см. Юрковский Б.Н.
Борисов см. Ерманский А.
Бородин А. 622, 630
«В помощь начинающему драматургу: Руководство» 622, 630
Бостунич Г. 470, 497
«Масонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная» 470, 497
Боткин С.П. 119
Боткина М.С. 44, 58, 62, 64, 119, 133, 139, 141
Бочарова И.А. 425-426
Боярчиков Н.И. 580, 616
«Воспоминания» 580, 616
Браун Н.Л. 653
Браун Ф.А. 527
Бржозовский С.Л. 23-24, 92-95
Бриан (Briand) А. 159
Бройдо Е. 467, 472
«Группа "Социалист"» 467, 472
«Рабочая библиотека. 1899-1901 г.» 467, 472
Брюсов В.Я. 162, 184, 267, 272, 459, 531, 630
Бугров Н.А. 479
Будберг (урожд. Закревская, по первому мужу Бенкендорф) М.И. 208-211, 489, 495-496, 508, 534, 544, 547, 549, 585
Бухшпан Я.М. 453
Булгаков С.Н. 11, 56, 85, 131, 158-159, 531
«Героизм и подвижничество» 56, 131
«На религиозные темы» 158
Бунаков-Фондамминский И.И. 426
Бунин И.А. 52, 61, 83, 102, 128, 138, 157,

- 162, 171, 175, 236, 239, 260, 267, 269, 272, 289, 292-293, 300, 331-332, 342, 372-373, 377-378, 386, 390, 453, 459, 515-516, 562-563, 601
 «Веселый двор» 377
 «Деревня» 377
 «Захар Воробьев» 377
 «Суходол» 377
- Бунин Ю.А. 372
- Бунина (урожд. Муромцева) В.Н. 128, 157, 236, 260, 267, 269, 293, 304
 «Piccola Marina» 293, 304
- Бурджалов (н.ф. Бурджалин) Г.С. 267
- Буренин Н.Е. 34-35, 107-108, 200, 203, 206, 275
- Бурже (Bourget) П.Ш.Ж. 596
 «Ученик» 596
- Бурцев В.Л. 148, 501
- Бутова Н.С. 252, 283
- Бухарин Н.И. 407-408, 464, 466, 493, 507, 570, 589, 598, 606, 611, 616, 650, 661
 «Политическое завещание Ленина» (доклад) 408
- «Былое» (журн.) 456, 476, 499
- Быстрова О.В. 609, 618, 631, 651, 654
 «Дорогой Алексей Максимович... (М. Горький и "Литературная газета")» 651
 «Завертелось колесо наших дней...: К истории переписки А.М. Горького и А.А. Болотникова» 654
 «Начиналось так... (Об открытии Первого съезда советских писателей)» 631
- Бычковский В.С. 106, 110
- Бьеркегрен Х. 12, 20, 150
 «Скандинавский транзит. Где и как был подготовлен Октябрьский переворот» 20, 150
- «Бюллетень Организационного комитета Союза советских писателей СССР и РСФСР» (журн.) 652-653
 «Работа бригад советских писателей» 653
- В. см. Таратута А.Р.
 В.Г. см. Короленко В.Г.
- Вайнберг И.И. 305, 527, 579
 «Жизнь и гибель берлинского журнала Горького "Беседа"» 527, 579
 «"Журнал литературы и науки" Беседа» 305
- Ваксберг А.И. 206, 213-214, 413, 417, 590, 598
- «Гибель Буревестника: опыт исторического расследования» 214, 590, 598
 «Страницы одной жизни (Штрихи к политическому портрету Вышинского)» 417
- Валентинов Н. см. Вольский Н.В.
- Валлес (Vallés) Ж. 564, 602
 «Юность. Воспоминания бедного студента» 602
- Варский (н.ф. Варшавский) А.Г. 73, 78, 150, 156
- Василевский И.М. (псевд. Не-Буква) 106-107
- Василевский (н.ф. Янкель) Л.М. 36
- Василий см. Кадомцев И.С.
- Васильева З.В. 206
- Васильева К.Н. 519
- Васильева-Потанина М.Г. 369
- Вася см. Сятековский Ф.И.
- Вашенцев С.И. 653
- Вейнбаум М.Е. 528
- Вейнберг Б.П. 316, 368
- Вейнберг П.И. (псевд. Гейне из Тамбова) 169, 316, 368
- Великородный (писатель) 653
- Вельтман С.Л. 653
- Венгеров С.А. 161, 177, 183, 185, 348, 374
 «История русской литературы XX века» 177
- Венгров Н. (н.ф. Вейнгов М.П.) 383
- Веневетинов Д.В. 572
- Вербицкая А.А. 262, 285
- Вересаев В.В. 142, 372, 390, 588, 651
 «Гоголь в жизни» 588
- Верлаг см. «Buhnen und Buchverlag russischer Autoren I. Ladyscnikow»
- Вернадский В.И. 404-405, 416, 448, 460
 «Дневники» 416
- Верховский Ю.Н. 267, 269, 272, 287
- Вершинин В.М. 324, 335, 368, 373
- «Вершины» (сб.) 48, 50, 115, 122-123, 125
- Веселый Артем (н.ф. Кочуров Н.И.) 653
- «Вестник Европы» (журн.) 326, 374-375, 383, 603
- «Вестник жизни» (журн.) 33, 104-105
- «Вестник РАН» (журн.) 10
 «Красный Гамлет: (Опыт коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова)» 10
- «Вестник финансов» (еженед.) 449, 460
- «Вехи» (сб.) 56, 95, 112, 129, 131, 133, 158, 422
- Вечерний рабочий литературный

- университет (ВРЛУ) 8, 621, 623-624, 637, 655-656
- «Вечерняя Москва» (газ.) 591, 609, 638
- Виктор *см.* Таратута А.Р.
- Вилонов Н.Е. (парт. псевд. Михаил) 18, 47-49, 51-55, 57, 59-65, 67-70, 84, 121-123, 126, 128-130, 132-133, 135-137, 139-141, 143, 145, 150, 158, 197
«Мышление как результат коллективной деятельности» 48-49, 51, 84, 121-123, 133, 158
- Вилонова (урожд. Золина) М.М. 84, 121-122, 130, 133, 135, 158
- Вилькина В.Л. 168
- Вильямс Р.* 10
- Винкельман И.И. 560, 599
«Избранные произведения и письма» 599
- Винниченко В.К. 65, 141
- Виноградов А.К. 558, 595-596
«Три цвета времени» 595
- Виноградов П.Г. 130, 449, 460, 517, 526
«Учебник всеобщей истории» (в 3-х ч.) 526
- Витте С.Ю. 428
- Вихрев Е. 657
- Вишневский В.В. 636, 654
- Вл. Ив. *см.* Немирович-Данченко В.И.
- Владимиров (н.ф. Шейнфинкель) М.К. 67, 142
- «Власть народа» (газ.) 433-434, 450-451, 460-461
- ВОАПП *см.* Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей
- Водовозов В.В. 324, 373, 479, 501
- «Возрождение» (газ.) 524, 528
«Яковлев и "Великая Русь"» 528
- Войтинский В.С. 457, 507
- Войтоловский Л.Н. 37-38, 42, 107, 109, 115
«В защиту толпы» 37, 109
«Героизм и паника» 109
«Итоги русского модернизма» 37, 109
«Очерки психологии коллективизма» 109
«Психология масс» 115
«Текущий момент и текущая литература: К психологии современных общественных настроений» 37, 109
«Толпа и личность» 109
- Волжина М.А. 199, 202, 217, 274
- Волик *см.* Каменев-Глебов В.Л.
- Волин (н.ф. Фрадкин) Б.М. 555, 593
- Волков А.А. 285
- Волконский Д.А. 178-179
- «Волна» (газ.) 531
- Волошин М.А. 114, 536, 563, 601
«Клодель в Китае» 114
- Волюнский А.Л. (Флексер Х.Л.) 56, 131, 227
«В поисках за Леонардо да Винчи» 131
«Русские критики» 56, 131
- Вольнов И.Е. (псевд. Вольный) 348, 383, 418, 422
«Батя» 422
«Первый круг» 348, 383
«Три грезы» 422
- Вольская В.Н. 253
- Вольский *см.* Соколов А.В.
- Вольский Н.В. (псевд. Н. Валентинов) 11, 14, 48, 122
«Мах и марксизм» 11, 122
«Философские построения марксизма. Диалектический материализм, эмпириомонизм и эмпириокритическая философия» 11, 48, 122
- «Вопросы философии» (журн.) 9
- Воровский В.В. (псевд. П. Орловский) 31, 96, 103, 107, 117, 126
- Воронский А.К. 582
- Ворошилов К.Е. 598, 608
- Востоков А.Х. 572
«Вперед» (альм.) 477
«Вперед» (орг.) 6, 14, 17-18, 76, 78, 86, 90, 95, 103, 108, 116, 127, 145, 149-152, 157, 160
- В-р *см.* Таратута А.Р.
- Врангель П.Н. 460
- «Всемирная литература» (изд-во) 209, 403-404, 423, 453
- Всероссийский комитет помощи голодающим 6, 404-405, 427, 535
- Всероссийский союз советских писателей (орг.) 618
- Всероссийский центральный совет профессиональных союзов 624
- Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (орг.) 618
- ВССП *см.* Всероссийский союз писателей
- ВЦСПС *см.* Всероссийский центральный совет профессиональных союзов
- Вырובה (урожд. Танеева) А.А. 478, 500
«Страницы моей жизни» 500
- Выспянский (Wyspiański) Ст. 600
- Высший литературно-художественный

- институт им. В.Я. Брюсова 621, 630
 Вышинский А.А. 614
 Вяземский П.А. 560, 599
 «Избранные стихотворения» (сб.)
 599
 Вяткин Г.А. 173, 297, 318, 332-333, 335,
 344, 347, 364, 369, 372, 378, 382-383,
 390
 «Г. Гребенщиков. В просторах
 Сибири. Рецензия» 378
 «Путь одного поэта» 364
 «Снегурочка: Этюд» 383
 Вячеслав см. Рожков Н.А.
- Габрилович Е.И. 652, 657-658
 Габричевский А.Г. 563
 Гавриловец П. 449
 Гайдаров В.Г. 548, 584-585
 Гайндман Г.М. 32, 104
 Галант И.Б. 192
 Галати (по мужу Косвен) Е.А. 527
 Галин Б.А. 653
 Галич А.И. 48
 Гамарник Я.Б. 658
 Ганфман М.И. 528
 Гапон (н.ф. Николов Г.А.) 476, 499
 Гарден М. 471, 497
 Гатов А.Б. 653
 Гауптман (Hauptmann) Г. 201
 «Одинокие» 201
 Ге Н.Н. (живописец) 73, 150
 Ге Н.Н. (учитель) 73, 150
 Гейне (Heine) Г. 348, 383, 560, 569, 611
 «Германия: Зимняя сказка» 611
 Полное собрание сочинений: 611
 «Предисловие к "Романсеро"» 348,
 383
 Гейнце М.А. 208
 Геккель (Haesckel) Э. 11, 13, 27, 100
 «Естественная история
 миротворения» 100
 «Монизм как связь между религией и
 наукой: Вероисповедание
 естествоиспытателя» 100
 «Союз монистов: положения для
 организации монизма» 100
 Гёльдерлин (Hölderlin) Ф. 557, 594
 «Смерть Эмпидокла» 557, 594
 Герасимов А.Б. 567, 609
 Герасимов М.П. 348, 384
 «Аргона» 384
 «Весна» 384
 «Ночной бой» 384
 «Шампань» 384
- «Я вижу пламенные ризы...» 384
 Гергель А. 653
 Геринг О. см. Hering O.
 Герман А.В. 653
 Герцен А.И. 531, 555, 564, 593, 602
 «Былое и думы» 555, 593
 «Повести и рассказы» 602
 Гершензон М.О. 56, 131
 «Творческое самосознание» 131
 Гессен Б.М. 635, 653
 Гессен И.В. 496, 523, 538
 Гете (Goethe) И.Ф. 563, 573
 «Фауст» 600
 Гецов И. 482, 503
 Гзовская О.В. 548, 584-585
 «Пути и перепутья» 585
 Гидаш Антал 653
 Гильфердинг А.Ф. 600
 Гиммер (урожд. Симон) Е.П. 391
 Гиммер Н.С. 391
 Гинцбург (Гинсбург) И.Я. 63, 139
 Гиппиус З.Н. 34, 36, 98-99, 161, 426-428,
 435, 453, 459, 531
 «Добрый хаос» 107
 «Петербургский дневник (1914-
 1919)» 435, 459
 Гитлер (Hitler) А. (н.ф. Шикльгрубер)
 463, 490
 ГИХЛ см. Государственное издательство
 художественной литературы
 Глаголин (н.ф. Гусев) Б.С. 364, 390
 Гладков Ф.В. 627, 652
 Глазунов А.К. 432
 Глебов Н.Н. (псевд. Голубь) 26, 29, 98-99
 «Через плотину интеллигентщины:
 Письмо рабочего к интеллигентам и
 рабочим нашей партии» 99
 Глебов-Авилов см. Авиллов Н.П.
 Глебова-Каменева Т.И. 6, 545-548, 550,
 552-553, 555, 557-558, 561-564, 568-
 569, 571, 576, 581-584, 590-592, 594,
 601, 603, 615, 617
 Глинский Б.Б. 270, 287
 Гловели Г.Д. 10
 «Социализм науки: мебиусова лента
 А.А. Богданова» 10
 Гоголь Н.В. 365, 552, 587-588, 613
 «Ревизор» 365, 613
 Голлербах Э.Ф. 518, 527
 «Голос минувшего» (журн.) 43, 456
 Голосовкер Э.Я. 557, 594
 «Голос социал-демократа» (газ.) 17, 23,
 78, 82, 92, 96, 100-101, 113, 124
 Голоушев С.С. (псевд. С. Глаголь) 256-
 257, 260

- Голсуорси (Galsworthy) Дж. 578
 Голубь см. Глебов Н.Н.
 Гольденберг И.П. (псевд.
 И. Мешковский) 34, 44, 107, 118, 494
 Гольдштейн М.Л. 529
 Гольцев В.В. 653
 Гомер 599
 «Илиада» 560, 599
 «Одиссея» 560, 599
 Гончарова Н.Н. 588
 Горбатов Б.Л. 653
 Горлов П.Н. 654
 Городецкий С.М. 658
 Городской Я.З. 652
 «Горький и его корреспонденты» (сб.) 5
 Госиздат см. Государственное
 издательство
 Государственная Дума (орг.) 91-92, 98,
 117-118, 130, 149, 151, 154, 324, 373,
 401, 428, 432, 441, 452, 457, 535
 Государственное издательство (орг.) 361,
 498, 572, 592, 621, 630, 653
 Государственное издательство
 художественной литературы (орг.)
 635, 642, 653, 657
 «Каталог книг за второе полугодие
 1934 г.» 657
 Государственный ученый совет (ГУС)
 621
 Гоффеншефер В.Ц. 620
 Гоц А.Р. 470, 481
 Грапп М.М. 471
 Гребенка Е.П. 592
 Гребенщиков А.Г. 332, 336, 356-358, 386
 Гребенщиков Г.Д. 8, 262, 285, 289-306,
 311, 313-314, 316, 319-320, 322, 325, 327,
 330, 333, 335, 337-340, 343, 346, 349-352,
 354-356, 359, 361-362, 364-390, 454
 «Алтайская Русь» 310, 318
 «Большой сибирский дедушка» 290,
 383
 «Бухторминские славяне» 315, 319,
 368
 «Былина о Микле Буяновиче» 318,
 358, 364, 370, 386-387
 «Великий сын Сибири (Наброски в
 альбом им. Г.Н. Потанина)» 383
 «Волчья жизнь» 338, 380
 «В полях» 290, 311, 316, 318, 366-368
 «В просторах Сибири» 292, 297, 305,
 336, 372-373, 378-380
 «В тисках труда» 365
 «В тиши степей» 365-366
 «В холодной мгле: Сибирский
 рассказ» 365
 «Гонец. Письма с Помпеярага» 297
 «Грешник» 365
 «Змей Горыныч» 372
 «Зов Азиз» (др. название «Николай
 Рерих») 302, 306, 389-390
 «Из очерков о близком и далеком»
 387
 «Из песни слово» 347, 370, 380-381
 «Из страничек военного быта» 387
 «Как много в этом звуке...» 386
 «Крымские очерки» 387
 «Лесные короли» 380
 «Любава» 342-343, 345, 381-382
 «Мимолетные безделицы» 387
 «На Иртыше» 380
 «На лыжах» 294
 «На Родине» 373
 «На склоне дней его: (Из
 воспоминаний о Гр. Ник. Потанине)»
 303, 306, 349, 384
 «Настасья» 290, 311, 318, 320, 332,
 334-337, 345, 366-367, 379-380, 382
 «Неделя в Томске» 369
 «Опора» 314, 365, 367
 «О судьбе Ивана Тачалова» 368
 «Писатель: Из крымских очерков»
 386
 «Письма из Царьграда» 387
 «Письма к друзьям. III. На открытии
 Дома науки» 381
 «Плач полей» 365-366
 «Представление» 365
 «Пришельцы» 294
 «Путевые очерки: В Африку» 387
 «Расчет» 365
 «Река Уба и убинские люди:
 Литературно-этнографический
 очерк» 315, 368
 «Свора» 365
 «Сельская знать» 293, 295, 297, 318,
 320, 323, 325, 328, 340, 369, 371, 375-
 378
 Собрание сочинений: В 6 т. 386
 «Степь да небо» 372
 «Сын народа: Драматическая поэма в
 5-и действиях» 290, 310, 365
 «Убежище» 365-366
 «Хан Алтай» 361, 389
 «Ханство Батырбека» 293, 318-321,
 334, 369-370
 «Чураевы» 290, 299-300, 305, 349-
 351, 353-355, 359, 365, 385-386, 388
 Гребенщикова (урожд. Стадник) Т.Д.
 301, 386, 388
 «Г.Д. Гребенщиков: (К юбилею по

- случаю 20-летия литературной деятельности)» 388
- Гребенщикова (урожд. Степанова) Л.Н. 297, 300, 312, 332, 336, 343-344, 347, 357-358, 381-382, 387
- Грегер В. 518, 527
- Гредескул Н.А. 138
- Гржебин З.И. 185, 300, 358, 403, 405, 420-421, 423-424, 452, 463, 468, 470-471, 473-475, 477, 479, 481-482, 487-488, 490-491, 493, 500-501, 503-504, 507, 511, 518
- Гржебин Т.Н. 488
- Грибоедов А.М. 552, 589
- Грибунин В.Ф. 245, 282
- Григорий *см.* Алексинский Г.А.
- Григорий – бундист *см.* Лухман А.М.
- Грилле Д.* 10
- «Гримасы пера» (сб.) 513-514
- Грожан П.А. 285
- Грожан Ю.А. 258, 285
- Громан В.Г. 408, 411
- Гронский И.М. 619, 623, 626, 630, 650
- Груздев И.А. 296, 305, 594, 653
- «Письма Горького в Сибирь» 305
- Грузенберг О.О. 247, 472
- Грюнберг Е.Ю. 528
- «Грядущий мир» (журн.) 476, 499
- Гувер (Hoover) Г.К. 405
- Гудзий Н.К. 573
- Гуль Р.Б. 467
- Гумилев Н.С. 404
- Гурген *см.* Цхакая М.Г.
- Гуревич В.Я. 472, 498
- Гуркин И.И. 309, 314, 335, 365, 379
- Гусаков (рабочий) 80, 155
- Гусев В. 657
- Гусев-Оренбургский (н.ф. Гусев) С.И. 223, 227, 315
- Гуссерль (Husserl) Э. 11
- Гучков А.И. 482
- Гюисманс (Huysmans) К. 492
- Давыдова А.М. 279
- «Дагестанская антология» (сб.) 658
- Дан Ф.И. 49, 91-92, 117, 120, 123, 156, 467-468, 472, 475
- «В дни революции» 468
- «В стане победителей» 92
- «Думские штрихи» 92
- «К истории последних дней Временного правительства» 467, 472
- «Отчет кавказской делегации об Общепартийной конференции» 120
- Данилов В.П. 411
- Данте (Dante) А. 575
- Дарвин (Darwin) Ч.Г. 552
- «Двухглавый Орел» (журн.) 470, 497
- Деборин (н.ф. Иоффе) А.М. 25, 97
- «Введение в философию диалектического материализма» 97
- «Материализм и его критики» 25
- Дейч Л.Г. 477, 482, 500
- «Дело народа» (газ.) 588
- Дельвинг А.А. 571
- Дементьев Н.И. 653
- Денике Ю.П. 495
- Деникин А.И. 460
- «День» (газ.) 381, 385, 439, 454-455
- Державин Г.Р. 560, 571
- Десницкая (жена) 61
- Десницкий (псевд. Строев) В.А. 47, 52, 56, 61, 65, 67-68, 121, 126, 129, 131-132, 137, 140, 142-144, 400-401, 433, 566, 568, 570, 573, 610, 660
- Дети *см.* Желябужская Е.А., Желябужский Ю.А., Кякшт Е.Г.
- Дешкин Г.Ф. 527
- Джапаридзе П.А. 110
- Джемс (James) У. 11-12
- «Многообразие религиозного опыта» 11-12
- «Прагматизм» 11
- Дживелегов А.К. 556, 559, 592, 596, 599
- Джиолитти Дж. 93-94
- Дзержинский Ф.Э. (парт.псевд. Юзеф) 73, 75, 78-79, 150-151, 153, 465, 504, 534
- Дидерикс А.Р. 208
- Дидро (Diderot) Д. 560, 573
- Диккенс (Dickens) Ч. 564-565, 593, 602, 606
- «Посмертные записки Пиквикского клуба» 556, 593, 602, 606
- Диль (профессор) 518
- Динамов С.С. 619, 650, 653
- Дионео (н.ф. Шкловский И.В.) 418, 422
- Ди Фабио (доктор) 131
- Дишген И. 13, 105
- Добрынин (преподаватель) 637
- Домов *см.* Покровский М.Н.
- Донской Д.Д. 470
- Доров (революционер) 95-96, 98
- Дорошевич В.М. 268, 446, 459
- Достоевский Ф.М. 56, 131, 168, 176, 232, 266, 276, 279, 531
- «Бесы» 226, 279
- Дочь *см.* Желябужская Е.А.
- Драбкина Ф.И. 196

- «Древнерусские миниатюры» (сб.) 564, 602
- Дроздова Н.В. 11
- Дубровинский И.В. (парт. псевд. Иннокентий) 22, 25-26, 33, 51, 72, 90-91, 95, 98-99, 114, 126, 147-148
- Духовский С.И. 543
- Духовский см. Духовский С.И.
- Дымыщ А. 593
- «Максим Горький и Федор Сологуб: (К истории одного пасквиля)» 593
- Дьюи (Dewey) Дж. 11-12
- Дядя Миша см. Михайлов М.А.
- Е.Б. (криптограмма) 472, 498
- «Россия из окна Американского посольства» 498
- Е.Н. см. Никитин Е.Н.
- Евгеньевич см. Буренин Н.Е.
- Евдокимов А.В. 462, 464, 4687, 513, 525
- Евдокимов Г.Е. 616
- «Еврейская неделя» (газ.) 447
- Еголин А.М. 638
- Егор см. Степанов П.П.
- Егорошвили Д. 652
- «Ежемесячный журнал» 380, 383, 397
- Ежов И.С. 559-560, 596
- Ежов Н.И. 596, 615
- «От фракционности к открытой конрреволюционности» 615
- Екат. см. Андриканис Е.П.
- Екатерина II 29, 366
- Елизарова-Ульянова А.И. 126
- Елиз. Павл. см. Шмит Е.П.
- Елпатьевский С.Я. 138, 300, 356, 358, 386, 390, 418, 422, 433
- Енукидзе А.С. 570, 615
- Ермаков В.А. 655
- Ерманский А. (н.ф.Коган О.А.; псевд. П. Борисов) 478, 501
- «То, что я видел» 501
- Ермилов В.В. 592, 620, 652-563, 657-658
- Ерофеев Н. 391
- Ефремин А.В. 638
- Жакова В.Н. 566, 606
- Жаров А.А. 653
- Жданов А.А. 625-627, 661
- Жедринские (семья) 193, 218
- Желдин (член комиссии по детской литературе) 654
- Желябужская Е.А. 111, 193, 197, 206, 208, 212, 215, 218, 220-221, 228, 233, 247, 249, 252, 257-258, 262, 264, 268, 275, 281, 283, 323, 373
- Желябужский А.А. 193, 208, 217-220, 272, 274, 287
- Желябужский Ю.А. 38, 194, 197, 206, 218, 221, 228, 233, 236, 238, 249, 252, 257, 262, 264, 267-269, 275, 281, 283-285
- Жена см. Пешкова Е.П.
- Жена см. Луначарская А.А.
- Жена см. Шайкевич В.В.
- Женя см. Кякшт Е.Г.
- «Жернов» (журн.) 302, 364, 390
- «Живое слово» (газ.) 90
- Жига И.Ф. 630, 635, 652
- «А.М. Горький. Воспоминания» 652
- «Жизнь» (журн.) 162
- «Жизнь Алтая» (газ.) 292, 294, 305, 315-317, 324, 335, 337, 368-369, 371, 373-374, 378-379, 381, 383
- «Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказаная» (сб.) 566, 607
- «Жизнь и Знание» (изд-во) 222, 276, 379
- Жирмуцкий В.М. 573, 658, 660
- Житомирский Я.А. (парт. псевд. Отцов) 129-130, 148
- Жихарева К.М. 113, 297, 356, 386-387
- Жордания Н.Н. (парт. псевд. Костров) 75
- Жорж см. Филля М.Г.
- «Жупел» (журн.) 168, 423
- «Журнал для всех» 310, 367
- Жученко З.П. 501
- З.Г. см. Морозова З.Г.
- З.И. см. Гржебин З.И.
- «Заветы» (журн.) 298, 315-317, 320, 368, 371, 377, 458, 588
- Загоскин М.Н. 592
- «Заграничная газета» (еженед.) 23, 92
- Загуляева М.А. 564, 603
- «Русский якобинец: Странная история» 564, 603
- Зазубрин В.Я. 301-302, 390, 611
- Зайцев Б.К. 138, 171, 272, 404, 416
- «Максим Горький» 404
- Собрание сочинений: В 5 т. 416
- Зак (профессор) 518
- Залевский см. Трусевич С.К.
- «За марксистско-ленинское искусствознание» 618
- Замиралов А. 348, 384
- «Кира» 348, 384
- Замойский П.И. 630
- Замошкин Н.И. 625

- Замятин Е.И. 298, 388, 404, 416
 «Лица» 416
 «Запросы жизни» (журн.) 588
 «За прочный мир, за народную демократию» (газ.) 630
 «Зарницы» (сб.) 61, 138
 «За рубежом» 407
 Зархи Н.А. 586
 Захава Б.Е. 603, 606
 Званцев Н.Н. 261
 «Звезда» (журн.) 589
 Зелинский Г. 365
 «Киргиз» 311, 314, 365
 Зелинский К.Л. 619-620, 630, 650, 653
 «Интересы профессии» 630
 «Земля» (газ.) 207
 Зив (доктор) 518
 Зилоти (Зилотти) А.И. 432
 Зильберштейн А.Л. 228, 277
 Зимин см. Красин Л.Б.
 Зиновьев (н.ф. Радомысльский) Г.Е. 74, 90-91, 120, 123, 150, 154, 156, 408, 410, 464, 492, 507, 534, 536-537, 551-552, 554, 580, 586-587, 590-591, 597-598, 605-606, 608, 612, 614, 616
 «Всероссийская конференция РСДРП в декабре 1908 года» 120
 «Манифест кулацкой партии» 408
 Зиновьева-Дейч Э.М. 500
 «Знание» (изд.) 8, 15-16, 27, 30-31, 36-39, 41, 43-46, 50-51, 65-67, 100-103, 106-113, 115-116, 119-120, 125-126, 128, 132, 138-139, 141-142, 165-167, 169, 171-173, 176, 182-185, 188, 223-225, 237, 277, 320, 324, 335, 379, 382-383, 584
 «Знание» (сб.) 94, 115, 151, 216, 274, 318, 367, 383
 Золина см. Вилюнова М.М.
 Золотарев А.А. 228, 277
 Золотухина (член комиссии по детской литературе) 654
 Золя (Zola) Э. 232
 Зубакин Б.М. 581-582, 585
 Зуев А.Н. 652
 Зунделович А.И. 483, 503
- Ив.Ив. см. Скворцов-Степанов И.И.
 Ив. Павлович см. Ладъжников И.П.
 Иван см. Ладъжников И.П.
 Иван Иванович см. Скворцов-Степанов И.И.
 Иванов Вс.В. 358, 545, 581, 603, 630, 660
 Иванов И.А. 318, 369
- Иванов Н.Н. 470
 Иванов-Разумник (н.ф. Иванов Р.В.) 320, 371
 Иванова см. Иванова-Иранова Е.А.
 Иванова-Иранова Е.А. 470
 Игнатов И.Н. 107
 Игнатъев А.М. 88
 Ида (босвиг) 37
 «Известия» (газ.) 390, 401, 411, 528, 541, 549, 569, 578, 584-586, 606, 617, 661
 «От редакции» 578
 Изгоев А. (н.ф. Ланде А.С.) 24, 39, 48, 56, 95, 112, 131, 158, 422
 «Богостроители» 112
 «Из истории российского невежества» 95
 «Об интеллигентной молодежи» 131
 «Издательство З.И. Гржебина» 174, 403, 423-424, 466, 468, 479, 498-500, 507-508, 515, 525-526
 Измайлов А.А. 107
 «Русский человек на духу» 107
 Израилевич Л.А. (псевд. Л. Сажин) 75, 150, 208
 Иллеш Бела 619, 629, 643, 647, 650, 653, 659
 Ильенков В.П. 638, 652
 Ильин И.А. 134
 Сочинения: В 2 т. 134
 Ильин М. (н.ф. Маршак И.Я.) 654
 Ильич см. Ленин В.И.
 Инбер В.М. 653
 Иннокентий см. Дубровинский И.Ф.
 Ионов (н.ф. Конген) И.М. 76, 130, 151
 Иорданская М.К. 227, 277, 452
 Иорданский Н.И. 251, 271, 394, 418, 422, 452, 458, 578
 Исаковский М.В. 653
 Исбах А. (н.ф. Бахрах А.И.) 653
 «Искра» (газ.) 113, 163
 «История Московского метро» (сб.) 653
 Истрати (Istrati) П. 578
- Йонассон С. 24, 93-94
- К.П. см. Пятницкий К.П.
 Каверин (н.ф. Зильбер) В.А. 635, 652
 Каганович Л.М. 598, 626, 661
 Кадей Э. 79, 154
 Кадомцев И.С. (парт. псевд. Уралец) 44, 50, 61, 119, 125
 Казанский П.А. (псевд. К. Порфирьев) 289-293, 323-324, 327, 369, 371, 373

- «Воспоминания Г.Н. Потанина: рецензия» 374
«Книга о простых людях» 371
«Казахский сборник» 657
Каландадзе (писатель) 652
Калантаров П.Л. 637, 656
«Калевала» (эпос) 564, 602
Калинин М.И. 507
Калинин Ф.И. (парт. псевд. Аркадий) 76, 78, 82, 86, 144, 149, 152-153, 156, 160
Каллиников И.Ф. 579
Калмыкова А.М. 432
Кальма см. Коноплина Э.С.
Кальманович (тесть) 516
Каменев (н.ф. Розенфельд) Л.Б. 6, 29, 43, 101, 117, 136, 148, 154, 410, 464-465, 507, 530-571, 574, 576-617, 623, 659
«Две партии» 148, 532
«Заявление» 532
«Не по дороге» 117
Каменев-Глебов В.Л. 554-555, 591-592, 617
Каменева (урожд. Бронштейн) О.Д. 615
Каменская О.А. 229, 235, 259, 267, 278
Каменская О.Ю. 199, 229, 278
Каменский В.М. 18, 131, 233, 235-236, 239, 247, 278-279
Каминка А.И. 528
Камков (н.ф. Кац) Б.Д. 472
Кампанелла (Campanella) Т. 567, 609
«Город Солнца» 609
Канатчиков С.И. 651
Каннегиссер Н.С. 194-195
Капитоненко А.М. 512-513
Каплинский (провокатор) 501
Каплун С.Г. (псевд. С. Сумский) 472, 497, 526, 579
«Одиннадцать переворотов (Гражданская война в Киеве)» 472, 497
Карев (Корево) З.П. 419, 422-423
«Госпожа нищета» 422
«Поищем жизни» 422-423
Кареев Н.И. 517, 526
Каржанский Н.С. 261, 272, 285
«Марьян Дол» 261, 267, 272-273, 285
Кармела (горничная) 38, 111
Карнаухова 600
Карпинский А.П. 405
Карпов Е.П. 252, 310
Карташев А.В. 138, 432
Касаткин И.М. 432, 591
Кассиль Л.А. 654
Кассирер (Cassirer) Б. 75, 81, 151, 155
Катаев В.П. 499, 652
«Самострел» 499
Катаев И.И. 652, 657
Катальдо (повар) 38, 111
Катичка см. Крит Е.Ф.
«Каторга и ссылка» (журн.) 562
Катя см. Желябужская Е.А.
Катя см. Крит Е.Ф.
Каутский (Kautsky) К. 89, 123, 126, 156
Каховская И.П. 472, 497
«Террористический акт против генерала Эйхгорна» 472, 497
Кацер М. 10
Квинт Ф.М. 100
Кервелли см. Кервильи Ю.Р.
Кервильи Ю.Р. 58, 133
Керенский А.Ф. 400, 432
Керженцев П.М. 580
«Киевская мысль» (газ.) 227, 249, 447, 501
«Гардинг и Меньшиков» 501
Ким (писатель) 653
Кириленко И.У. 652
Киров (н.ф. Костриков) С.М. 538, 574-575, 608, 614-616
Кирпотин В.Я. 619-620, 626, 630, 635, 650, 652-653, 660-661
Киришон В.М. 603, 619, 621, 627, 630, 650, 659
Киселев А.А. 309, 365
Кистяковский Б.А. 53, 56, 129, 131
«В защиту права» 131
Киш Г. 653
Кларк (Clark) Б.Х. 578
Клейнборг Л. 34, 107
«Капитализм и еврейский вопрос» 107
«Политические прежде и теперь: (К характеристике тюремных настроений)» 107
«Клич. День печати» (газ.) 453
Клычков С.А. 625
Кнехт В.А. 653-654
«Книгоиздательство писателей в Москве» 651
Книлинг О. фон 506
Кнорре Г.А. 194-195
Князевич Е.И. 253-254, 284
Ковалевский М.М. 432
Коваленков Б.Л. 652
Коган П.С. 549, 585, 630
Козаков М.Э. 653
Козьма Прутков (коллект.псевд.: Толстой А.К., Жемчужников А.М., Жечужников В.М.) 560, 599
Полное собрание сочинений 599

- Кокошкин Ф.Ф. 138
 Колумб (лат. Columbus) X. 295
 «Колхозник» (журн.) 407, 410, 571, 613
 Кольцов (н.ф. Фридрих) М.Е. 596, 603, 643, 653, 659, 661
 Комаров Р. 527
 Комисаров (ротмистр) 75
 Комиссаржевская В.Ф. 194
 Комиссаржевский Ф.Ф. 232
 Комнина А. 606
 Кон Ф.Я. 596, 621
 Кондратьев Н.Д. 408-409, 411
 Кондурушкин С.С. 12
 Кони А.Ф. 415
 «На жизненном пути» 415
 Коноплева Л.В. 465
 Коноплин (н.ф. Конопленко) И.С. 7, 494, 504, 507, 510-517, 519-529
 «Автобиография» 513
 «Апостол» 516, 526
 «Бермондотовщина» 504, 507, 514, 522, 525, 527-528
 «Бескrestные могилы» 511, 520, 522
 «Библия: Драма-мистерия» 517, 526
 «Бубновый валет» 522
 «Возвeстие» 515
 «Восстание обманутых» 521-522, 528
 «Железное кольцо» 520, 522
 «Женщина у Горького» (доклад) 519
 «Записки иеромонаха Савелия» 520, 522
 «Золотое перо» 517, 526
 «Изумительные люди» 522
 «История Георгия Беломорина» 520, 522
 «Крестоносцы» 522, 525
 «К свету: В 5 актах» 510
 «Лгуны» 524, 529
 «Мужчины» 521-522, 524
 «Печальный Бог: Рассказы» 511, 514, 516, 520, 522, 525-526
 «Повесть о Димитрии» 515
 «Три договора» 522
 «Хитроумное слово» 515-516
 «Цветные камушки» (в соавт. с Э.С. Коноплиной) 525
 «Черное море» 515
 «Чудесная» 523
 Коноплина (урожд. Кальманович) Э.С. (псевд. Кальма) 525, 527
 «Белая печаль» (сб.) 525
 «Спелый колос» (сб.) 525
 «Цветные камушки» (в соавт. с И.С. Коноплиным) 525
 Коноплина (урожд. Хорий) Э. 528
 Константин Алексеевич см. Марджанов К.А.
 Копельман С.Ю. 423
 Коринфский А. 518
Корниенко В.К. 289, 304-305, 367, 387
 «Архив Г.Д. Гребенщикова в Музее истории литературы, искусства и культуры Алтая» 387
 «Георгий Гребенщиков: Из эпистолярного наследия (1924–1957)» 306
 «Письма Д.Г. Гребенщикова Г.Н. Потанину» (в соавт. с Т.Г. Черняевой) 304-305, 367
 Корнилов Б.П. 643, 658
 Коровин К.С. 193, 218
 Королев-Батышев И.Г. (парт. псевд. Юлий) 78, 81, 144, 153, 156
 Короленко В.Г. 366, 435, 456, 459-460, 472, 566, 606
 Корш Ф.А. 261
 Косарев А.В. 661
 Котик Н.Г. 65, 142
 «Непосредственная передача мыслей: Экспериментальное исследование» 142
 «Эманация психофизической энергии: Экспериментальное исследование» 142
 Котляревский С.А. 85, 159
 Котляренко Д.М. 71, 95, 145
 Коцюбинский М.М. 63, 139-140
 Кравцов Н.И. 560, 558
 Крайский (н.ф. Кузьмин) А.П. 622, 630
 «Что надо знать начинающему писателю. Выбор и сочетания слов» 622, 630
 Кранихфельд В.П. 452
 Красин Л.Б. (парт. псевд.: Зимин; Никитич) 13, 21, 33, 38, 41, 44, 46-47, 67, 69, 72, 74, 79, 89, 104, 109-110, 114, 117, 121, 142-144, 146, 150, 154, 160, 187, 247, 278-279, 282, 410, 420, 424, 535, 542
 Красиньский (Kraśniński) З. 600
 «Красная новь» (журн.) 468, 506, 589, 595
 «Красное знамя» (журн.) 170
 Крачковский И.Ю. 573
 Крашевский (Kraszewski) Ю.И. 600
 Крашенинников Н.А. 277
 «Плач Рахили: Тысячелетняя сказка в 3-х картинах» 227, 277
 Крестинский Н.Н. 357, 387, 577

- Крестовский В.В. 600
 «Иван Выжигин» 600
 «Петербургские трущобы» 561, 600
 «Черная женщина» 600
- Кречмар А.А. 528
- Кржижановский Г.М. 211
 «Кризис театра» см. «Театр. Книга о новом театре»
- Крит (урожд. Юрковская) Е.Ф. 196-197, 199-200, 203-204, 228, 249, 258, 272, 275, 281, 283, 286
- Крит В.А. 228, 233, 236, 258, 264, 275, 283, 286
 «Критическое обозрение» (журн.) 129
 Криты см. Крит В.А., Крит Е.Ф.
- Кр-ов А. (псевд.) 656-657
 «В Оргкомитете» 656-657
- Кропоткин П.А. 563, 602
 «Записки революционера» 602
- Кроче (Сгосе) Б. 573
- Крупская Н.К. 99, 117
- Крутовский В.М. 292, 318, 323-324, 326, 367, 369-370, 383
- Крыленко Н.В. 148, 465
- Крючков П.П. 208, 211, 543, 559, 565, 570-571, 576, 581, 611-6142, 617, 627, 633, 636, 647, 651, 660
- Кузин Д.В. 499
- Кузьмин И.Л. 652
- Куйбышев В.В. 569
- Кулаков П.Е. 138
- Культпроп см. Культурно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б)
- Культурно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) 623, 628, 645, 652, 659
- Куприн А.И. 138, 142, 536
- Куприянова Л.П. 448, 460
- Куприяновский П.В. 175, 177
 «К истории отношений Горького и Бальмонта» 177
- Куратов-Ледер В. 543, 581
- Курилов С.А. 631, 655
 «Как создавался литинститут. Истоки» 631, 655
 «Основные направления научной деятельности Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (1932-2002)» 631
 «Как создавался литинститут. Предыстория» 655
 «Как создавался литинститут. Начало» 655
- Кусевичкий С.А. 94, 102
- Кускова Е.Д. 109, 127, 190, 258, 269, 285-286, 407, 411-412, 416, 425-433, 437, 439-440, 442-443, 445, 447-448, 450, 452-461, 470, 489, 496, 540
 «Давно минувшее» 452-453, 455
 «Дневник» 433
 «Как и чем помочь» 452
 «Месяц соглашения» 540
 «Памяти живой души» 435, 456
 «Трагедия Максима Горького» 416, 425
- Кусургашева П.Т. (н.имя Алма) 626, 631
 «...Славная моя человечница...: Горький и его окружение 1928-1936» 631
- Кутейникова А.А. 630
- Кишиктофова М.В. 289, 304
 «Гребенчиков и Горький: (По материалам переписки)» 304
- Кэнтон см. Quintop
- Кюри (супруги) 12, 65
- Кюхельбекер В.Г. 572
- Кякшт В. 208
- Кякшт Е.Г. 208, 228, 233, 257, 267-268, 275, 286
- Л. см. Ладыхников И.П.
- Л.Б. см. Каменев Л.Б.
- Лавренев Б.А. 619
- Лаврентьев А.Н. 211
- Лавров П.Л. 477
- Ладыхженский В.Н. 369
- Ладыхников И.П. 24, 61, 74-75, 81, 94, 121, 130, 132, 135, 138, 145, 155, 160, 187, 196, 198, 200-201, 204, 223-225, 229, 235-237, 240, 242, 248, 257-258, 262, 264, 271-273, 276, 278-279, 281-283, 288, 403, 419, 423, 452, 455, 470, 578
- Ланн Е. (н.ф. Лизман Е.Л.) 556, 593
- Лапин Б.М. 653-654
- Лахути А.А. 627, 653, 658
- Лацис М.Я. 465
- Лебедев Г. 619, 650
- Лебедев-Полянский П.И. 507, 579
- Ле Бон (Le Bon) Г. 15, 34, 38. 106, 110
 «Рождение и смерть материи» 15, 34, 106, 110
 «Эволюция материи» 34
 «Эволюция силы» 34, 106
- Лёвберг М.Е. 208, 603
- Левидов М.Ю. 348, 384
 «Г. Гребенчиков. В просторах Сибири. Рецензия» 384
- Левин Л.Г. 212
- Левитов А.И. 366

- Ле Дантек (Le Dantec) Ф. 15, 28, 31-32, 35, 38, 100-103, 110
 «Основные начала биологии» 102
 «Смех» 110
 «Философия биологии» 15, 100, 110
- Лейтес А.И. 654, 655, 658
 «Литература двух миров: Статьи о революционной и контрреволюционной литературе зарубежных стран» 658
 «Предохранитель спущен» 658
- Лейтнекер Е.А. 658
- Ленин (н.ф. Ульянов; парт. псевд.: Старик, Ильин) В.И. 5, 9-13, 16-22, 25-26, 33, 41, 43, 49, 51-52, 54, 59-62, 64, 68, 72-73, 76, 81-82, 85-86, 89-92, 94-99, 101, 104, 107, 114, 116-119, 121-124, 126, 128-137, 139-143, 145-150, 152, 156, 158-159, 163, 195, 207, 209, 353, 392, 394, 400, 402-405, 416, 426-427, 430, 434-435, 441, 452, 458, 468, 532-537, 539-542, 544-545, 549, 553, 562, 576-579, 582-583, 585, 597-598, 600, 623
 «Басни буржуазной печати об исключении Горького» 18, 146
 «Беседа с петербургскими большевиками» 18
 «Десять вопросов референту» 95
 «Заметки публициста» 18, 145
 «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии» 5, 9-10, 13, 16, 59-60, 62, 90, 97, 119, 126, 133-134, 137, 139
 «Мирная демонстрация английских и немецких рабочих» 104
 «О группе "Вперед"» 149
 «О фракции "впередовцев"» 18
 «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» 18
 «Партийная организация и партийная литература» 158
 Полное собрание сочинений: В 51 т. 20, 95-96, 99, 104, 122, 130-131, 140, 150, 435, 452, 540, 576-578, 582
 «Товарищам рабочим, прибывшим в школу NN» 18, 145
- Леонидов Л.М. 242
 Леонидова С.А. 250
 Леонов Л.М. 603, 630, 652
 Леоп. см. Авербах Л.Л.
 Леопольд см. Санжур И.А.
 Лермонтов М.Ю. 509, 528, 560, 572, 596, 599
- «Герой нашего времени» 596
 «Душа» 528
 Полное собрание сочинений: В 5 т. 599
- Лернер Н.О. 566-567, 607
 Леруа (Le Roy) Э. 11
 Лесков Н.С. 133, 366, 515-516
 «Летопись» (журн.) 6, 108, 204, 272, 286-287, 299, 348, 350-351, 381, 383, 396-397, 399-400, 413, 415, 430-431, 448-450, 453, 457-459
 «От редакции» 399
 «Летопись марксизма» (журн.) 463
 «Летопись революции» (журн.) 7, 405, 462-463, 466-470, 474, 479-480, 483-486, 488, 494, 497-503, 505, 508, 510, 520, 525, 528
 «От редакции» 467, 469
 Лившиц С. 129, 132, 135
 «Каприйская партийная школа» 129, 132, 135
- Лидин В.Г. 652
 Линк А.Ф. 80, 155
 Лионовов С.Г. 230, 279
 Липа см. Черткова О.Д.
 Литвинов М.М. (парт. псевд.: Папаша, Максим) 31, 54, 103, 130, 160, 655
 «Литература Узбекистана» (сб.) 658
 «Литературная газета» 572, 609, 611, 625, 631, 633, 651, 654-655, 657, 659-661
 «Первый московский рабочий литвуз открыт» 631
 «Литературная газета Узбекистана» 642
 «Литературная учеба» (журн.) 407, 595, 659
- Литературное объединение Красной Армии и Флота (орг.) 618
 «Литературное Поволжье» (альм.) 658
 Литературный институт им. М. Горького 567-571, 595, 608, 622-623
 «Литературный критик» (журн.) 619-620, 630, 632, 646, 650, 660
 «Об ошибках критики и ее задачи» 620, 630
 «Литературный распад» (сб.) 34, 37, 101, 107, 109, 115, 138
- Лобанов М.И. (парт. псевд. Станислав) 144
- ЛОКАФ см. Литературное объединение Красной Армии и Флота
 Лопатин Г.А. 395
 Лопатин Л.М. 11, 85, 159
 «История новой философии» 11
- Лоренц Р. 10
 Лоренц-Метцнер А.К. 110

- Лошакова-Ивина О.Ф. 278
 Луговской В.А. 653
 Луначарская (урожд. Малиновская) А.А. 22-23, 87-88, 90, 97, 160
 Луначарская-Розенель Н.А. 187, 211-212, 138
 Луначарский А.А. 97, 160
 Луначарский А.В. 11-12, 14-16, 22-26, 28-29, 33-36, 38-39, 41-42, 44-46, 49-50, 52, 56, 59, 61-63, 65, 68-70, 75, 87-88, 90, 95-97, 101, 104, 106-110, 112, 114-115, 118-120, 123-124, 126, 128-129, 131-132, 135, 138, 140, 144, 149, 160, 198, 207, 364, 403, 468, 535, 622, 630
 «Великий переворот» 468
 «Еще о театре и о социализме» 115, 123
 «Италия» 92
 «Конгресс земледельческого пролетариата Италии» 92
 «Кризис в Итальянской рабочей партии» 92
 «Мещанство и индивидуализм» 38-39, 110, 112, 115, 120
 «Расстрел народа в Риме» 92
 «Религия и социализм» 11-12, 33, 106
 «Современные религиозные искания и научный социализм» (лекция) 97
 «Сущность и задачи искусства с точки зрения научного социализма» 97
 «Тьма» 107
 «Фауст и город: Драма для чтения» 61
 Лундберг Е.Г. 345, 382, 419, 422
 «Литературный дневник» 422
 Лурье С.В. 85, 159
 Лутохин Д.А. 456, 578
 Лутугин Л.И. 437, 439, 443, 454-455
 Лухман А.М. (парт. псевд. Григорий) 80, 155
 «Луч» (газ.) 399, 429-431, 433, 448-450, 459-460
 Львов-Рогачевский (н.ф. Рогачевский) В.Л. 26, 34, 98, 107, 490, 492
 Льюис (Lewis) С. 584
 «Мартин Эрроусмит» 584
 «Ментроп» 584
 «Мистер Беббит» 584
 «Эльмер Гантри» 546, 584
 Людкевич С.С. 653
 Людовик XIV 231
 Люксембург (Luxemburg) Р. 472, 553, 590
 Люшков Г.С. 616
 Лядов (н.ф. Мандельштам) М.Н. 14, 18, 46, 53-55, 58, 61-62, 68-69, 75, 87, 111, 114, 117, 121, 130-131, 133, 140-141, 144, 149, 152
 «История Российской социал-демократической рабочей партии» 55, 130
 Лядова (сотрудник Наркомпроса) 654
 Лядова (урожд. Кранихфельд; по мужу Мандельштам) Л.П. 38, 40, 57, 87, 101, 111, 113-114, 131, 133, 139, 141, 160
 Ляцкий Е.А. 223, 227, 276-277, 289, 292-293, 296-298, 319-323, 325, 327, 334, 336, 368, 370, 372-375, 379-380, 384, 396
 Ляшко Н.Н. 653
- М. см. Вилонов Н.Е.
 М. см. Мартов Л.
 М.М. см. Вилонова М.М.
 М.Ф. см. Андреева М.Ф.
 Мадзини (Mazzini) Дж. 555
 Мазнин Д.М. 653
 Майер Л. 415
 «"Русская воля" и "Луч": А.Д. Протопопов и Максим Горький в борьбе за буржуазную общественность накануне Февральской революции» 415
 Майер М.В. 27, 100
 «Мироздание» 100
 Майкл М. 9
 Макар см. Ногин В.П.
 Макаров Н.П. 411
 Макарьев И. 621
 Макиавелли (Machiavelli) Н. 556, 560, 593, 599
 «Сочинения» 593, 599
 Максим см. Литвинов М.М.
 Максим см. Пешков М.А.
 Максимов см. Богданов А.А.
 Максимов Г.П. 467, 472, 476, 482, 499
 «В годы войны: (Из записок анархиста)» 467, 472, 476, 499
 Максимова Э. 617
 «Квадратура круга. Письма Л.Б. Каменева из тюрьмы» 617
 Малиновская Е.К. 81, 85-86, 137, 156, 159, 190, 202, 205-206, 217, 229, 252, 277-278, 395
 Малиновская (урожд. Корсак) Н.Б. 16, 21, 23-25, 27-30, 35-33, 35-38, 41-42, 45-46, 49, 52, 57-58, 61-63, 65-66, 73, 89, 94-95, 110, 115, 123, 132, 137, 144

- Малиновский А.А. см. Богданов А.А.
Малиновский Р.В. 130
Малли Л. 10
Малышев С.В. 381, 431, 454-455
Малышкин А.Г. 630, 652
Малянтович П.Н. 80, 89, 135, 154, 237, 443, 457, 459-460
«Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий» (в соавт. с Н. Муравьевым) 457
Мамина Е.Д. 227
Мамин-Сибиряк (н.ф. Мамин) Д.Н. 227
«Аленушкины сказки» 227
Мануильский Д.З. 116
Манухин И.И. 201-203, 249-251, 254, 265-266, 282-283, 380, 446, 458
Манухина Т.И. 251, 283
Марат см. Шанцер В.Л.
Маргулис М. 472, 497
«Ясская делегация» 472, 497
Марджанов (н.ф. Марджанишвили) К.А. 194, 225-227, 229-232, 234, 236, 242, 276, 278-279
Марина Борисовна см. Андреева М.Б.
Мария Александровна см. Волжина М.А.
Мария Сергеевна см. Боткина М.С.
Мария Федоровна см. Андреева М.Ф.
Маркиш П.Д. 652
Маркс А.Ф. 204, 267, 273, 281
Маркс (Marx) К. 33, 95, 104, 106, 123, 125-126, 142, 397-398, 464, 472, 552-553, 597
«Капитал» 66, 106, 130, 142
«Либералы у власти» 126
«Манифест Коммунистической партии» (в соавт. с Ф. Энгельсом) 126
Маркс-Всеволожская Л.Ф. 268, 286
Марр Н.Я. 608
Мартов Л. (н.ф. Цедербаум Ю.О.) 34, 74, 82, 92, 123-124, 150, 152, 156, 392-395, 399, 401, 405, 420-421, 423, 463, 465, 467-468, 473, 476-480, 482, 493-494, 497-498, 504, 510, 525
«Записки социал-демократа» 468
«Из современных настроений» 420
«Тернии без роз» 92
Марфа см. Пешкова М.М.
Маршак С.Я. 654
Маслов П.П. 422, 457
Матвеев Г.П. 557, 594
Матвеев Н.П. 319, 370
«Мельник» 370
Мать см. Волжина М.А.
Мах (Mach) Э. 11, 13, 90, 94, 104, 106, 113
«Анализ ощущений» 106
Маяковский В.В. 348, 384, 611
«Облако в штанах» 384
Мгеладзе В.Д. (парт. псевд. Триа) 87, 160
«М. Горький. Незданная переписка» (сб.) 5-6, 11, 19-20
Международное Объединение революционных писателей (орг.) 643, 659
Мейер А.А. 432
Мейерхольд В.Э. 536, 608
Меленевский Ю.Н. (парт. псевд. Басок) 60, 137
Меликян (писатель) 652
Мельгунов С.П. 456
Мельников П.И. (псевд. А. Печерский) 366, 384, 561, 600, 610
«В лесах» 561, 600, 610
«На горах» 561, 600
Меньшиков М.О. 24, 95
«Письма к близким» 95
Меньшиков Л.Н. 478, 487, 500, 504
Мер-Гип-Фил см. Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В.
Мережковский Д.С. 34, 36, 107, 109, 158, 171, 255, 281, 427
«В обезьяньих лапах» 158
«Христианство и государство» 107
Мериме (Merimée) П. 565, 606
Сочинения: В 3 т. 606
Меринг (Mehring) Ф. 89, 123, 156, 567, 609
«Литературно-критические статьи» 609
Металлов Я.М. 638, 656
Метерлинк (Maeterlinck) М. 282
«Сестра Беатриса» 249, 282
Мехлис Л.З. 627, 661
Мечников И.И. 201
Мешков Н.П. 419, 423
Мешковский см. Гольденберг И.П.
Мещеряков Н.Л. 507
Микитенко И.К. 603, 624, 631, 637-639, 652, 656, 660
Микоян А.И. 414
Микулина Е. (кор.) 621
«Современное соревнование» 621
Мильтруд М.С. 528
Мильтон (Milton) Дж. 510
Милюков П.Н. 429, 432, 441, 455, 460, 489, 505, 529
«Воспоминания» 460
Минор (н.ф. Залкинд) О.С. 21, 89
Минский (н.ф. Виленкин) Н.М. 167

- «Мир Божий» (журн.) 436, 452
 Миролубов В.С. 197, 254, 289-291, 297-298, 314-315, 317, 329, 338, 367-368, 371, 376-377, 395
 Миртов О. (н.ф. Негрескул О.Э.) 255, 269, 283, 455
 «Маленькая женщина» 251, 256, 272, 283, 455
 «Хищница» 255, 269
 Митрофанов А.Г. 653
 Миха см. Цхакая М.Г.
 Михаил см. Вилонов Н.Е.
 Михайлов М.А. (парт. псевд. Дядя Миша) 21, 57-58, 88, 131-133
 Михайлов М.Л. 572-573
 Михайловский Н.К. 15, 20, 37, 109
 «Герои и толпа» 15, 109
 «Еще о героях» 15, 109
 «Еще о толпе» 15, 109
 «Народовольцы после 1 марта 1881 г.: Сборник статей и материалов» 20
 Мицкевич (Mickiewicz) А. 527, 558
 Могэм см. Моэм У.С.
 «Молодая гвардия» (изд-во) 630, 636, 644, 654, 659
 «Молодая гвардия» (журн.) 589
 «Молодая Сибирь» (журн.) 290, 367
 Молотов В.М. 408-409
 Молчанов И.А. 569
 Мольер (Molière) 560
 Мопассан (Maupassant) А.П.А.Г. де 232
 Мор (More) Т. 567, 609
 «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства» 609
 Морозов С.Т. 89, 154, 188-189, 194-195, 197, 215-220, 274, 473, 479, 485-486, 504
 Морозова З.Г. 189, 218
 МОРП см. Международное Объединение революционных писателей
 Московский Художественный театр 188, 190, 192-193, 199-200, 226, 232, 239, 248, 274-275, 277, 279-280, 283, 356, 388, 585, 589
 «Бесы» (спектакль) 239, 276-277
 «Сказка о кладах» (спектакль) 388
 «Юлий Цезарь» (спектакль) 190
 Моэм (Maugham) У.С. 552, 589
 «Луна и шестипенсовик» (в другом переводе: «Луна и грош») 552, 589
 Мрачковский С.В. 616
 Мстиславский С.Д. 552, 588-589, 652
 «Грач, птица весенняя» 588
 «На крови» 552, 588
 «Отечественная война» 588
 Муж см. Дидерикс А.Р.
 Муж см. Желябужский А.А.
 Муйжель В.В. 367, 369
 Муралов Н.И. 508, 587
 Муранов М.К. 532
 Муромцев С.Н. 80, 154
 Муссиак (Moussinac) Л. 653
 Муссолини (Mussolini) Б. 531, 580
 Муттер Р. 176
 «История живописи в XIX веке» 176
 МХТ см. Московский Художественный театр
 Мякотин В.А. 457
 Н.Б. см. Малиновская Н.Б.
 Набоков В.Д. 432, 496, 528
 Надежда Константиновна см. Крупская Н.К.
 Надсон С.Я. 592
 Наживин И.Ф. 470, 497
 «Накануне» (газ.) 359, 388
 Накоряков Н.Н. 555, 636, 639, 653, 657
 «На литературном посту» (журн.) 618
 Нансен (Nansen) Ф. 405
 Нарезный В.Т. 563, 602
 «Избранные романы» 602
 «Народник» (газ.) 477
 Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) 624, 630
 Ната см. Малиновская Н.Б.
 Наталья Богданова см. Малиновская Н.Б.
 Натансон М.А. 21-22, 89
 Наташа см. Малиновская Н.Б.
 Наумов И.Ф. 656
 «Наш век» (газ.) 524, 529
 «Наш путь» (газ.) 280
 «Наше эхо» (газ.) 510, 522, 528
 «Наши достижения» 407, 651
 Неведомский (н.ф. Миклашевский) М.П. 61, 138
 Невский В.И. 559, 596
 Незлобин (н.ф. Алабьев) К.Н. 204, 207, 249, 253-254, 258, 270-271, 283, 285, 453, 455
 «Неизвестный Богданов» (сб.) 5, 9-10, 19-20, 89-90, 94, 97, 99-101, 109, 114, 116-117, 119, 121-125, 127, 130-132, 137, 141, 143-145, 147-149, 151, 154, 156-157
 «Неизвестный Горький» (сб.) 5, 539
 Некрасов Н.А. 531, 546, 560, 567, 572-573, 599, 609
 «Полное собрание стихотворений»

- Некрасов Н.В. 432
 Немирович-Данченко В.И. 215-216, 226, 274, 276-277, 603, 608-609
 «Избранные письма» 607
 «Нижегородский листок» (газ.) 161-162, 589
 Никитин А.М. 22, 89
Никитин Е.Н. 9, 382, 391, 398, 404-405, 410, 415-416, 435, 501
 «Издательство З.И. Гржебина» 416
 «"Исповедь" М. Горького: Новое прочтение» 415, 435
 «Книгоиздательство "Всемирная литература" (1918–1924)» 415-416
 «Цикл статей М. Горького "Письма к читателю"» 382
 Никитин Н.Н. 653
 Никитин Н.С. 635
 Никитина Е.Ф. 653
 Никитич *см.* Красин Л.Б.
 Никифоров Г.К. 625
 Никола Романов *см.* Николай II (Александрович)
 Николадзе Н.Я. 487, 494, 504
 Николаев Л.В. 614, 616
 Николаев М.Н. 190, 196, 246
 Николаевский Б.И. 7, 405, 462-508, 510, 520-521, 525, 528
 «Бухарин об оппозиции Сталина» (интервью) 469
 «Как подготовлялся Московский процесс (Из письма старого большевика)» 464, 469
 Николай *см.* Бабинцев И.И.
 Николай II (Александрович) 92, 104, 195, 368, 373, 479, 566
 Никольский Н.М. 129
 Никритин С.Б. 252, 283-284
 Никулин Л.В. 545, 581, 635, 652-653
 Никулин Н.Е. 642, 658
 Ницше (Nietzsche) Ф.В. 11, 557, 594
 «Так говорил Заратустра» 594
 «Новая жизнь» (газ.) 6, 108, 167-169, 181, 184, 195, 199, 201, 399-403, 409, 413, 423, 433, 450, 458-461, 531-532, 539, 578, 605
 «Новая русская книга» 463, 475
 Новиков И.М. 565, 604
 Новиков Н.И. 558, 595
 Новицкий П.И. 607
 Нович И.С. 653
 «Новое время» (газ.) 95, 107, 137, 271
 «Новое русское слово» (газ.) 388, 510, 522, 528
 «Георгий Гребеншиков о себе (К двадцатилетию его литературной деятельности)» 388
 Новоселов А.Е. 299
 «Беловодье» 299
 «Новый лик» (сб.) 390
 Ногин В.П. (парт. псевд. Макар) 77, 110, 126, 148, 153
 Нусинов И.М. 620
 Н-ч *см.* Красин Л.Б.
 Оболенский А.Д. 432
 «Образование» (журн.) 34, 36, 107-109, 422
 «Общее дело» (журн.) 458
 «Объединение» (журн.) 458
 Овалов (н.ф. Шаповалов) Л.С. 652
 Овидий *см.* Публий Овидий Н.
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. 138, 374, 432
Овчаренко А.И. 93
 Овчинников (профессор) 518
 Огановский Н.П. 457
 Огарев Н.П. 572-573
 Огнев Н. (н.ф. Розанов М.Г.) 638, 652, 654, 656
 «Огни» (изд.) 223, 276, 322, 337, 372
 Одоевский В.Ф. 560, 573, 599
 «Полное собрание стихотворений» 599
 «Октябрь» (журн.) 589, 647, 660
 Олеша Ю.К. 499
 «Игра в плаху» 499
 Олив А. 93, 94
 Ольденбург С.С. 368
 «Царствование Николая II» 368
 Ольденбург С.Ф. 387, 404-405
 Ольминский (н.ф. Александров) М.С. 126
 «Право Государственной Думы» 126
 Оргбюро ЦК ВКП(б) 618, 630, 651, 654
 «О мероприятиях по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) "О перестройке литературно-художественных организаций"» 618, 651
 «Об издательстве детской литературы» 654
 Оргкомитет ССП (орг.) 618-621, 623-626, 634, 636-637, 642, 645, 647, 649-652, 654-655, 657-660
 Орджоникидзе Г.К. 587
 «Об оппозиции» (доклад) 587
 Орехов В.В. 528

- Орешин П.В. 625
 Орлов Е.Н. 129
 Орлов В.Н. 194
 Орлов Н.В. 188
 Орловский см. Воровский В.В.
 Осборн М. 527
 «Освобождение» (журн.) 456
 Осинский В.А. 495
 Осоргин (н.ф. Ильин) М.А. 578
 Островский В.В. 63, 139
 Острогорский А.Я. 107
 Острогорский Н.И. 653
 «Отчужденные записки» (журн.) 109
 Оцуп Н.А. 579
 «Очерки истории русской советской журналистики. 1933–1945» (сб.) 630, 650
 «Очерки по философии марксизма» (сб.) 11
 «Очерки философии коллективизма» (сб.) 15–16, 30, 51, 102, 104, 108–110, 112–116, 119–120, 122–123, 128
- П.П. см. Крючков П.П.
 Павлинко П.А. 592, 630, 635, 652, 654
 «Голос в пути» 592
 Павлова К.К. 592
 Палей А.Р. 518, 527
 Пальчинский П.И. 400
 Панина С.В. 224
 Панкратов В.С. 90
 Панкратов И.И. 144–145
 Пантелеев Л. (н.ф. Еремеев А.И.) 654
 Панферов Ф.И. 603, 609, 630, 627, 635, 646, 653, 660
 «Бруски» 660
 «Слова, каких нет у Даля» 609
 Папаша см. Литвинов М.М.
 Пастернак Б.Л. 635, 652–653
 Паустовский К.Г. 654
 Паюр Я.Ю. 417, 420
 Певин П.И. 317, 369, 395, 418, 421
 Первухина А.Н. 116
 «Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934 г.» (сб.) 631
 «Перевал» (орг.) 618
 Переверзев В.Ф. 630
 «Перезвоны» (журн.) 361
 «Переписка Плеханова с Аксельродом» (сб.) 496, 506
 Перцов В.В. 622, 630
 «О чем и как писать рабочему писателю» 622, 630
 «Песнь о Роланде» (сб.) 560, 599
- Петерс Я.Х. 207
 Петлюра С.В. 549, 585
 Петрищев А.Б. 457
 Петров Г.С. 268
 Петров Н.П. 499
 «Петроградская правда» (газ.) 404
 «Уроки заговора» 404
 Петр Петров см. Крючков П.П.
 Петцольд (Petzold) Й. 11
 Печерин В.С. 555, 593
 «Замогильные записки» 555, 593
 Печерский Андрей см. Мельников П.И.
 Пешехонов А.В. 457
 Пешков (н.ф. Свердлов) З.А. 38, 45, 47, 73, 77, 80, 111, 119, 121, 149, 153, 155, 157, 200
 Пешков М.А. 27, 99, 132, 190–192, 194, 196, 198–199, 201–202, 205, 212, 228–229, 239, 242–243, 245, 267, 272, 278, 287, 480, 532, 534, 583, 588, 609, 611, 616, 626–627
 Пешкова (урожд. Введенская) Н.А. 544, 576, 585, 612
 Пешкова (урожд. Волжина) Е.П. 7, 99, 102, 129–132, 156–157, 159–161, 163, 168, 172, 176, 179, 187, 189–192, 194, 196–200, 202, 205–206, 208, 219, 233, 239, 242–246, 262, 265–267, 274–275, 281, 286–287, 380, 400–401, 421, 424, 430, 453–454, 456, 488–489, 532, 537, 543, 549, 577–581, 585
 Пешкова Е.А. 190, 196
 Пешкова Д.М. 585, 609
 Пешкова М.М. 544, 585, 609
 Пешковский А.М. 630
 Пиксанов Н.К. 630
 Пильняк (н.ф. Voagu) Б.А. 639, 652, 657
 Пильский П.М. 107, 527
 Пинкевич А.П. 358
 Пиранделло (Pirandello) Л. 578
 «Письма П.Б. Аксельрода и Ю. Мартова» (сб.) 124
 Плавт (Plautus) Т.М. 560, 599
 «Избранные комедии» (в 2 т.) 599
 Платон И.С. 416
 «1917 год: Драматическая хроника в 5 действиях» (в соавт. с Н.Н. Сухановым) 416
 Платошкин М.Н. 653
 Плева В.К. 402–403
 Плетнев Д.Д. 242, 281
 Плеханов Г.В. (псевд. Н. Алексеев) 10, 17, 25, 27, 29, 33, 41, 57, 82, 90–91, 94, 97, 99–101, 104–106, 113, 115, 125–126, 131, 134–135, 137, 139, 394, 396–

- 398, 415, 422, 453, 508
«Воинствующий материализм» 17,
27, 100-101, 105, 115
«Еще раз о материализме» 113
«Избранные философские
произведения» 101
«Надо ли голосовать за военные
кредиты» 398
«О войне» 397, 415, 453
«Ответ г. Богданову: Письмо второе»
41, 113
«От обороны к нападению» 101, 106,
114
- Победоносцев К.Г. 483-484, 487, 504
Поволоцкий Я.Е. 300, 356, 386
Погодин (н.ф. Стукалов) Н.Ф. 661
Подъячев С.П. 293, 418, 422
Познер С.В. 432, 435-436, 452, 454
Покровский К.Д. 516, 526
«Звездный атлас для всеобщего
ознакомления с небом и
систематических наблюдений» 526
«Путеводитель по небу:
Практическое руководство к
астрономическим наблюдениям
невооруженным глазом и малой
трубой» 526
- Покровский М.Н. (парт. псевд. Домов)
15, 31, 44, 50, 53-55, 61, 68-69, 73-74,
77, 80, 94, 103, 118, 125, 129-131,
140-141, 143-144, 147, 149-150
Полежаев А.И. 558, 560, 571-572, 595,
599
«Стихотворения» 595, 599
- Поливанов А.А. 455
Политбюро ЦК ВКП (б) 6, 464, 466, 498,
505, 535, 537, 578, 614-615, 618, 622,
626, 630, 653, 657
«О перестройке литературно-
художественных организаций» 630
- Политическое управление рабоче-
крестьянской Красной армии 642,
658
- Помгол см. Всероссийский комитет
помощи голодающим
- Попов см. Розанов В.Н.
Поп Петров см. Петров Г.С.
Португалов В.В. 449, 460
«Последние новости» (газ.) 174, 304, 524,
529
- Поссе В.А. 62, 139, 163, 364
Потанин Г.Н. 289-291, 298-299, 302-303,
314, 318, 324, 329, 346-347, 365, 367,
369, 374, 383-384
«Воспоминания» 324, 374
- Потресов А.Н. 91, 123, 152, 285, 393-394,
397, 578
«Поэзия горцев Кавказа» (сб.) 658
«Поэты Армении» (сб.) 657
«Поэты Белоруссии» (сб.) 658
«Поэты советского Туркменистана» 658
«Правда» (газ.) 46, 59-60, 65, 121, 130,
137, 150, 175, 302, 390, 528-529, 550,
558, 569, 584, 586, 595, 611, 613, 617,
627, 631, 657, 608
«О журнале "Колхозник"» 613
- Правдухин В.П. 301
Преображенский Е.А. 507-508
Примочкина Н.Н. 161, 176, 289, 304-305,
509
«"В небрежном к вам отношении –
не повинен" (Г. Гребенщиков)» 304
«Горький и Бальмонт: история
литературных отношений» 176
«Горький и писатели русского
зарубежья» 304-305
- Пришвин М.М. 660
«Проблемы идеализма» (сб.) 11
«Прожектор» (журн.) 607
Прокопий Кессарийский 565, 567, 606
Прокопович А.Ф. 441, 450, 455
Прокопович С.Д. 109, 127, 258, 269, 285-
286, 412, 428-429, 433, 436-4387, 440-
441, 448-452, 455-457, 459-460, 470,
496
- Прокофьев А.А. 643, 653, 658
«Пролетарий» (газ.) 16-18, 23-24, 36, 46,
60, 71, 76, 78, 90-96, 98-99, 104, 106-
107, 114, 116-117, 120-121, 124, 126-
129, 131-132, 135-137, 139-143, 145-
148, 153-154, 157, 531
«Об отколе тов. Максимова:
Резолюция» 146
«О партийной школе, устраиваемой
за границей в NN. Резолюция» 140-
141, 143
«Пролетарская литература» (журн.) 618
«Пролетарская революция» (журн.) 129,
132, 135, 143
- Прополянис Г.Э. 9, 462, 513, 525
Проскурьяков В.М. 613
Протопопов А.Д. 399
Прохоров С.М. 375
Пуанкаре (Poincaré) Ж.А. 11, 27, 100
«Наука и гипотеза» 100
Пуанкаре (Poincaré) Р. 492
Публий Овидий Н. 565, 604
«Метаморфозы» 604
Пудовкин В.И. 586
ПУР РККА см. Политическое

- управление рабоче-крестьянской
Красной армии
Пуцыкович В.Ф. 483, 499
Пушешников Н.А. 292
Пушкин А.С. 363, 552, 560, 567, 570, 572-
573, 575, 588, 602, 610
Полное собрание сочинений: В 9 т.
602
Пшибышевский (Przybyszewski) С. 266
Пятаков Г.Л. 465, 495, 587
Пятницкий К.П. 28, 30-32, 34-36, 38-39,
41, 50-51, 67, 82, 94, 99-103, 107-108,
110-112, 115-117, 119-120, 128, 139,
141-142, 151, 154-156, 160, 165-167,
170-173, 181-185, 187, 189-191, 195,
216, 224, 227-228, 239, 246, 274-275,
277, 281
- Рабичев Н. 644, 654
«Рабочая газета» 130, 621
«Рабочая Москва» (газ.) 655
Радек (н.ф. Собельсон) К.Б. 587, 643,
650, 653, 659-661
Радзишевский А.Т. 396, 457
Радищев А.Н. 558, 595
«Путешествие из Петербурга в
Москву» 595
Раевская-Хьюз О. 7, 499-500, 504
Райт Ч.Т.Х. 31, 103
Ракицкий (Ракитский) И.Н. (домашнее
прозвище Соловей) 208, 579, 582
Раковский (н.ф. Станчев) Х.Г. 424, 549-
550, 587
Рамзин Н.К. 409, 411
Рамишвили (революционер) 117
РАПП см. Российская ассоциация
пролетарских писателей
Раскольников Ф.Ф. 536
«Революционная Россия» (газ.) 393
Ревякина И.А. 10, 382, 454
«Непрочитанные страницы
биографий М. Горького и А.
Богданова. История отношений» 10
«Статьи – на современную тему...
Цензура не пропустит» 382
Резерфорд (Rutherford) Э. 12
Ремизов А.М. 298, 387-388, 390, 578
Репин И.Е. 309
Рерих Н.К. 301, 361, 389
«Гималаи» 389
«Речь» (газ.) 91-92, 112, 226, 378, 435
Ржига В.Ф. 637, 656
Рид (Reid) Т.М. 549
Ридер Д. 10
- «Рижский вестник» (газ.) 194
Рижский русский театр (орг.) 222, 275
«Авдотьяна жизнь» (спектакль) 222,
275
Рискин А.С. 527
Рихтер З.В. 653
Рожков Н.А. (парт. псевд. Вячеслав) 24,
60, 94, 97, 137, 147, 451, 461
«Три исхода» 451, 461
Розанов В.В. 158
Розанов В.Н. (парт.псевд. Попов) 44, 118-
119
Розенталь М.М. 620, 650
Розенфельд Б.Н. 615
Розенфельд Н.А. 615
Розенфельд Н.Б. 615
Розова Т.А. 231, 279
Роллан (Rolland) Р. 169, 174-176, 403,
405, 407, 410, 412-413, 506, 528, 578,
592, 598-599, 622
«Волки» 528
Романов А.С. 144-145, 151
Романовы (царская династия) 403, 426-
427
РОПКП см. Российская организация
пролетарско-колхозных писателей
Росов В.А. 289, 300-301, 305, 373, 387
«И.А. Бунин и Г.Д. Гребенчиков»
306, 373
«Николай Рерих. Вестник
Звенигорода. Книга первая: Великий
план. Экспедиции Н.К. Рериха по
окраинам пустыни Гоби» 305, 387
Российская ассоциация пролетарских
писателей (орг.) 618, 624, 627
Российская организация пролетарско-
колхозных писателей (орг.) 618
«Россия и Италия» (сб.) 19
Рубакин Н.А. 273
Рубанович И.А. 89
Рубинштейн Б.Н. 94, 155, 271, 273
Рубинштейн М.М. 11, 85, 159
«Социализм и индивидуализм» 11
Рудницкий (актер) 266-267
Рукавишников И.С. 527
«Руль» (газ.) 7, 470, 496, 510, 519, 522-
523, 526, 528
Румянцев Н.А. 199, 201, 203, 226, 235-
236, 239, 242, 244, 248, 252-253, 266,
274, 276, 278-279, 283-284, 286
Румянцев П.П. 126
Румянцева (урожд. Красковская) Т.В.
199, 201, 226, 239, 251, 276, 283
Румянцевы см. Румянцев Н.А.,
Румянцева Т.В.

- Русанов Н.С. 468
 «Из моих воспоминаний» 468
 «Русская мысль» (журн.) 20, 85, 95, 109, 158
 «Русские ведомости» (газ.) 107, 385, 449, 457
 «Русский Берлин. 1921–1923» (сб.) 7, 462, 469, 498-504, 506-509, 513
 «Русский современник» (журн.) 579
 «Русское богатство» (журн.) 109, 393, 588
 «Русское время» (газ.) 510, 522, 528
 «Русское слово» (газ.) 71, 122, 139, 145-146, 201, 226, 251, 256-257, 262-263, 267-268, 271, 277, 280-281, 286, 339, 341, 380-381, 399, 445-447, 449, 457, 459-460, 593
 Рутковская (актриса) 257, 261
 Рыбников П.Н. 600
 Рыков А.И. (парт. псевд. Алеша) 61, 79, 130, 138, 154, 408-410, 466, 470, 488-489, 496, 505, 507, 535, 541, 579-580, 589, 606, 616
 Рылеев К.Ф. 558, 560, 572-573, 595, 599
 «Полное собрание стихотворений» 595, 599
 Рютин М.Н. 597
 Рязанов (н.ф. Гольдендах) Д.Б. 60, 137, 577

 С.Н. см. Прокопович С.Н.
 С.Т. см. Морозов С.Т.
 Савинков Б.В. (псевд. В. Ропшин) 531
 Сакулин П.Н. 621
 Саллюстий (Sallustius) К. 599
 «О заговоре Катилины» 560, 599
 Санжарь Н.Д. 255-256
 Санжур И.А. (парт. псевд. Леопольд) 73, 149
 Санин А.А. 231-232, 236, 247, 260, 279
 Сапунов К. 252, 283
 Сарьян М.С. 561
 Саянов В.М. 572, 594, 653
 «Статьи и воспоминания» 594
 «Сборник армянской литературы» 287, 651
 «Сборник калмыцкой литературы» 658
 «Сборник латышской литературы» 651
 «Сборник финляндской литературы» 651
 Свердлов Я.М. 111
 Светлов М.А. 653
 Светоний (Suetonius) Г.Т. 560, 599
 «Жизнеописание двенадцати цезарей» 599

 «Свободные мысли» (газ.) 107
 Святополк-Мирский Д.П. 655
 Северянин И. (н.ф. Лотарев И.В.) 549
 «Сегодня» (газ.) 7, 176, 512, 524-525, 528
 Сейфуллина Л.Н. 630, 649, 661
 Селивановский А.П. 563, 652-653
 Сельвинский И.И. 653
 Семашкина М.А. 186, 426
 Семашко Н.А. 535
 Семенов А.С. 324, 327, 373
 «Белый бурхан» 324, 327, 373
 Семенов Г.И. 465
 «Военная и боевая работа ПСР в 1917–1918 гг.» 465
 Семенов С. (ред.) 653
 Семенов С.Т. 261, 581
 Семенов Ю.Ф. 529
 Семеновский Д.Н. 173
 Семенов-толстовец см. Семенов С.Т.
 Семетковский см. Семковский С.Ю.
 Семковский (н.ф. Бронштейн) С.Ю. 49-50, 72, 122, 125, 146
 «Исторический материализм» 125
 «Конспект лекций по историческому материализму» 72, 146
 «Этюды по философии марксизма» 146
 Серафимович (н.ф. Попов) А.С. 609, 619, 627, 630, 650
 «О писателях облизанных и необлизанных» 609
 Сервантес (Cervantes) С.М. де 567, 609
 «Назидательные новеллы» 609
 Сергеев-Ценский С.Н. 356, 358, 386-387, 390
 Сергеева Е. 653
 Серебряков Л.П. 465
 Серебрякова А.Е. 501
 «Сибирская жизнь» (газ.) 290, 297, 310-311, 314, 317, 324, 329, 342, 344, 365, 367, 370, 376, 382-383
 «Сибирская новь» (журн.) 290
 «Сибирские вопросы» (журн.) 365, 369, 376
 «Сибирские огни» (журн.) 302, 306, 364, 366, 369, 387, 389-390
 «Неопубликованные письма В.Я. Шишкова» 306
 «Сибирский сборник» 323-324, 332, 334, 338, 342-344, 346-347, 369, 371, 373, 380, 382-383
 Сивачев М.Г. 293
 Сигеле Ш. 15, 37, 109
 Сидоренко Н.Н. 652
 Сикорский И.А. 390

- Симон Е.А. 392
Симон Ф.П. 392
Синельников Н.Н. 203, 271, 287, 421
Синклер (Sinclair) М. 578
Синклер (Sinclair) Э.Б. 28, 101, 113
«Индустриальная республика» 101, 113
«Медная марка» 101
Скаржинская Е.Н. 73, 150
Скаррон (Scarpon) П. 567, 609
«Комические романы» 609
Скворцов см. Скворцов-Степанов И.И.
Скворцов-Степанов И.И. 15, 29, 35-340, 42-43, 51, 60, 63-64, 66-68, 71, 79, 95, 100-101, 108, 110, 111-112, 116, 125-126, 135, 137, 139-140, 142, 146, 258, 266, 271, 285-287, 395, 428, 453
«Курс политической экономии» (в соавт. с А.А. Богдановым) 16, 108, 112, 116
Скирмунт С.А. 274
Скиталец (н.ф. Петров С.Г.) 168, 367
«Скорпион» (изд-во) 184
Скотт (Scott) В. 510
Славин Л. 621, 630, 654, 657
«Писатель: (Рассказ – статья)» 630
Слепцов В.Л. 593
Сочинения: В 2 т. 593
Слетов П.В. 652
Словацкий (Słowacki) Ю. 600
«Слово» (изд-во) 479, 501
«Слово» (сб.) 354, 385
«Слово о полку Игореве» 558, 595, 612
Слоним М.Л. 472, 498
Слонимский М.Л. 630, 652-653
Смайли Д. 126
«Куда ведет экономическое развитие» 126
Смеляков Я.В. 653
Смилга И.Т. 556, 587
Смирнов В. 654
Смирнов И.Н. 616
Смирнова Л.Н. 129, 465, 530, 581, 591
«Горький в журнале "Коммунистический Интернационал"» 591-592
Соболев Л.С. 654
«Капитальный ремонт» 654
«Советская книга» (журн.) 629
«Советская литература» (изд.) 635
«Советский писатель» (изд.) 653
«Библиотека поэта» (серия) 653
«Современнику» (журн.) 6, 200, 227, 277, 290-291, 294, 305, 315, 317-319, 324, 327-328, 334-335, 337-338, 345-346, 367, 369-370, 372-375, 379, 382, 393, 395-397, 414, 417, 421-423, 458, 481, 502
«Современное слово» (газ.) 307, 311
«Современные записки» (журн.) 300, 355, 463
«Современный мир» (журн.) 277, 346, 364, 370, 380, 382, 452, 458
Соколов А.В. (псевд. Вольский Станислав) 34-36, 46, 49, 53-54, 59-60, 64, 68, 78, 81, 86-87, 107-108, 120-121, 129, 135, 137, 140-141, 143, 149, 154, 156, 160, 258, 264, 266, 285-286
«Философия борьбы: Опыт построения этики марксизма» 46, 120
Соколов Б.М. 499
«О былинах» 476, 499
Соколов В.И. 589
Соколов К.В. 86, 160
Соколов Н.Д. 432
Соколов Ю.М. 561, 599-600, 637, 643, 656, 607-608, 658
«Фольклор в эпоху социалистического строительства» 658
Сокольников (техредактор) 569
Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 408
Сокольников М.П. 559, 596
Соловей см. Ракицкий И.Н.
Соловьев В.С. 56, 131
Соловьев Л.В. 569, 611
«Новый дом» 569, 611
Сологуб (н.ф. Тетерников) Ф.К. 107, 266-267, 269, 431-433, 441, 454, 548, 556, 562-563, 572, 593, 601
«Мелкий бес» 593
«Мира не будет» 454
Сологубчики см. Сологуб Ф.К., Чеботаревская А.Н.
«Социал-демократ» (газ.) 46, 121, 151, 153, 156
«Социалистический вестник» 463-464, 466, 469
Союз писателей СССР (орг.) 625-630, 648, 651, 659
Союз русских писателей и журналистов (орг.) 512, 520, 523, 528
СП СССР см. Союз писателей СССР
Спартак 29, 101
Сперанский А.Д. 576, 604, 616
«Нервная трафика в теории и практике медицины» 604
Сперанский М.Н. 567
Спилки (семья) 25, 97

- Спиридонова Л.А.* 9, 146, 535, 539, 603
 «Был ли Горький членом партии» 146
 «Я вас сердечно любил...» 603
Спиридонова М.А. 481, 502
Средин Л.В. 191
 «СССР настройке» (журн.) 407
Ставский В.П. 630, 624, 626-627, 636-638, 643, 659-661
Сталин (н.ф. Джугашвили) И.В. 110, 407-410, 464-465, 532, 535-539, 580, 583, 587, 589, 593, 597-598, 605, 614-615, 618, 621, 623-625, 627-628, 661
Сталь Л.Н. 22, 32, 70, 89, 102-103, 145
Станислав см. Лобанов М.И.
Станислав см. Соколов А.В.
Станиславский (н.ф. Алексеев) К.С. 207, 217, 235, 274, 286
Станкевич В.Б. 373
Старик см. Ленин В.И.
Старосельский (сын) 57
Старосельский В.А. 57-59, 131-133, 139
 «Кавказская драма» 132
Стейла Д. 10
Стеклов В.А. 406
Стеклов (н.ф. Нахамкис) Ю.М. 29, 42, 101, 115, 578
Стендаль (Stendhal; н.ф. Бейль А.М.) 595
Степанов В. см. Скворцов-Степанов И.И.
Степанов В.И. 88-89
 «Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922» (в соавт. с Ю.Н. Амиантовым и Ю.А. Ахалкиным) 89
Степанов П.П. (парт. псевд. Егор) 43, 49, 54-55, 116
Степанова Л.Г. 414, 417
 «О Владимире Борисовиче Шкловском» 417
Стецкий А.И. 555, 568, 569, 593, 611, 628, 635, 649, 652
Столыпин П.А. 91-92, 368, 402-403
Стонов Д.М. 657
Страда В. 10
Строгова К. 654
Строев см. Десницкий В.А.
Струве Г.П. 527
Струве П.Б. 11, 48, 56, 85, 131, 142, 158-159, 456, 532
 «Из размышлений о русской революции» 158
 «Интеллигенция и революция» 131
Субоцкий (Суббоцкий) Л.М. 636, 654
Суворин А.С. 564, 603
Суворин Б.А. 528
Суворин М.А. 454
Суворина А.А. 271
Суматохина Л.В. 289
Сумский см. Каплун С.Г.
Сурков А.А. 638, 656
Сурожский П.Н. 399, 415
 «Первый наш писатель» 415
Сутырин В. 619, 650
Суханов (н.ф. Гиммер) Н.Н. (псевд. Один из недоумевающих) 6, 392-393, 396-397, 399-401, 405-406, 408-409, 411, 413-424, 433, 444, 446, 450, 457-459, 467-468, 474
 «Власть событий» 422
 «Записки о революции» 399, 403, 468
 «Земельная рента и основы земельного обложения» 393
 «Капитуляция» 400
 «К вопросу об эволюции сельского хозяйства: Социальные отношения в крестьянском хозяйстве» 393, 416
 «К теории развития аграрных отношении» 393
 «Мировое хозяйство накануне и после войны» 416
 «Наши левые партии и война» 446, 458
 «Наши направления: Марксизм и народность» 458
 «Нужны ли убеждения?» 396
 «Очерки по экономии сельского хозяйства» 416
 «1917 год: Драматическая хроника в 5 действиях» (в соавт. с И.С. Платонов) 416
 «Что дает земля городскому рабочему» 393
Сын см. Пешков М.А.
 «Сын Отечества» (газ.) 169, 485
Сыромятников А.Д. 637, 643, 656
Сытин И.Д. 66, 72, 102, 131, 138, 142, 202-204, 225-226, 233-239, 241-243, 246-248, 262-263, 267-269, 277, 279-282, 286, 298, 422, 446, 452, 459, 526
Сю (Sue) Ж. 564, 602
 «Агасфер» 602
Сяо Сань 653
Сяньковский Ф.И. (парт. псевд. Вася) 76, 78, 144, 149, 152, 154
Таганцев В.Н. 404
 «Таджикский сборник: Проза и поэзия» 658
Талейран (Talleyrand) Ш.М. (н.ф.

- Талейран-Перигор) 567, 609
 «Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация» 609
- Таловский А.П. 317, 329, 369, 376
- Тамм И.Е. 635, 653
- Тарасевич Л.А. 457
- Тарасов-Родионов А.И. 552, 589
 «Линев» 589
 «Февраль: Роман – хроника» 552, 589
 «Шоколад» 589
- Таратута А.Р. (парт. псевд. Виктор) 23, 33, 39, 44, 54, 63, 73-76, 88, 92, 99, 10, 112, 117-118, 121, 129-130, 136, 140, 147-148, 151, 153, 500
- Тард (Tarde) Г. 15, 37, 109
 «Личность и толпа: Очерки по социальной педагогике» 109
 «Социальные этюды. Социальные законы. Толпа и публика. Преступность толпы. Трансформация власти» 109
- Тардов В.Г. (псевд. Ардов Т.) 398, 415
 «В защиту интеллигента» 415
- Тарле Е.В. 387
- Тарсанова З.Н. 60, 137
- Тасин Н. (н.ф. Коган Н.Я.) 477, 500
 «Катастрофа» 500
- Татаров Н.Ю. 501
- Таточка см. Манухина Т.И.
- Татьяна Васильевна см. Румянцева Т.В.
- Тачалов И.И. 307-309, 311, 314-315, 364-368
 «Аккорды мысли» 307, 364, 367
 «Два мира» 315, 368
 «Дурацкая карусель» 364
 «Егорка» 308-309, 311, 313, 365-366
 «Мрачная повесть» 364
- Тверской В. 622, 630
 «Как работать писателю» 622, 630
- «Театр» (газ.) 278
- «Театр и жизнь» (журн.) 522, 528
- «Театр. Книга о новом театре» (сб.) 42, 115, 123
- Театр К.Н. Незлобина 193-194
 «Красная мантия» (спектакль) 194
 «Потонувший колокол» (спектакль) 193
- Тейтель Я.Л. 473, 487, 504
 «Суды по аграрным делам в годы реакции: (Из записок члена Окружного суда)» 505
- Теккерей (Thackeray) У.М. 564, 602
 «Ярмарка тщеславия» 602
- Телешов Н.Д. 61, 138, 372, 453
- Теодорович И.А. 535
- Тесленко Н.В. 80, 154
- Т. Ив. см. Глебова-Каменева Т.И.
- Тимирязев К.А. 459
- Тимофеев Е.М. 470, 480-481, 502
- Тимофеев Л.И. 638, 656
- Тихвинский М.М. 404-405
- Тихонов А.Н. 7, 38, 47, 52, 56-57, 67, 111, 121, 128, 131-132, 143, 192, 200-201, 204, 223, 236, 241, 250, 253, 256, 261, 263, 267, 269, 273, 279, 283-285, 296, 376, 395-396, 403, 437, 439, 443-445, 452-453, 456-458, 542, 559-561, 564-565, 579, 592, 594, 596, 661
 «Умрите вовремя» 458
- Тихонов Н.С. 630, 635, 652-654, 661
 «Война» 654
- Тихоновы см. Тихонов Н.А., Шайкевич В.В.
- «Товарищ» (газ.) 36, 109, 456, 460
- Тодоров П.Ю. 226-227, 277
 «Самодива» 277
 «Строители» 277
- Толстая С.А. 570, 612
 «Письма Л.Н. Толстому» 612
- Толстой А.К. 592
- Толстой А.Н. 198, 201, 237, 359, 369, 387-388, 433, 592, 650, 661
- Толстой И.И. 427-429, 432
- Толстой Л.Н. 73, 80-81, 142, 155, 162-163, 167-168, 176, 287, 290, 302, 353, 363, 391, 483, 487, 503, 532, 563, 570, 592, 602
 «Война и мир» 353
 «Воскресение» 563
 «Дневник» 272, 287
 «Живой труп» 391
 «Неизданные тексты» (сб.) 602
- Томский (н.ф. Ефремов) М.П. 64, 140, 408, 592, 604, 616
- Тонков В.Н. 207, 535
- Топорков А.К. 85, 159
- «Торгово-промышленная газета» 449, 460
- «Торговый дом А.Н. Тихонова и книгоиздательство "Парус"» 113, 204, 284, 286-287, 385, 423, 453, 651
- Траинин И.П. (парт. псевд. Борис) 78, 81, 149, 154, 156
- Тредиаковский В.К. 572
- Тренев К.А. 356, 386-387, 390, 459
- Третьяков С.М. 653
- Третьяковский см. Тредиаковский В.К.
- Триа см. Мгеладзе В.Д.
- Тривус М.Л. 431

Троцкий (н.ф. Бронштейн) Л.Д. 28-29, 55, 57, 59-60, 65-67, 78, 81, 94, 100-101, 125, 130, 137, 141-143, 392, 400, 402, 407, 465-466, 495, 501, 507-508, 533, 536, 539, 578, 587, 599, 615-616, 655

Трошенко Е.Д. 653

Трубешкой Е.Н. 11, 85, 131, 159, 531

«Труды комиссии по научному наследию А.А. Богданова» (сб.) 10

Трусевич С.К. (псевд. К. Залевский) 23, 43, 92, 116

Тургенев И.С. 254, 309, 363, 366, 377, 567, 601-602, 609

«Рудин. Дворянское гнездо» (романы) 601-602

Тынянов Ю.Н. 552, 572, 589, 594, 652, 660

«Смерть Вазир-Мухтара» 589

Тычина П.Г. 608

Тышка Я. (И.Л.) 8, 94, 124, 153

Тьерсо (Tiersot) Ж.Б.Э.Ж. 113, 124

Празднества и песни Французской революции» 113

Тютчев Ф.И. 572

«Узбекистан» (альм.) 658

Уитмен (Whitman) У. 167, 171, 173, 176, 180, 183-185

«Песня о плотничьем топоре» 180

«Побеги травы» 171, 180, 183-184

«Цветы чужеземной поэзии» 171, 182-183, 185

Ульянова М.И. 85, 159

Умов П.М. 39, 112

Уншлихт И.С. 501

Уоллинг (Walling) И. 80, 155

«Послание России (Истинное значение русской революции)» 155

Уралец см. Кадомцев И.С.

«Уральская жизнь» (газ.) 447

Урицкий С.Б. 613

Усачев (художник) 564

Усевич Е.Ф. 650

«Утро России» (газ.) 146, 242, 248, 256-257, 282, 284, 415, 431

«Исключение М. Горького из партии» 145

Уэллс (Wells) Г.Дж. 186, 213

«Будущее в Америке» 213

Фадеев А.А. 592, 603, 620, 627, 630, 632, 635, 652-653, 660

«О мерах Секретариата Союза

писателей по освобождению писательской организации от балласта» 632

Файман Г.С. 632

«Далекое... К шестидесятилетию о формализме в искусстве» 632

«Уголовная история советской литературы и театра» 632

Фалилеев В.Д. 367

Фальковский Ф.Н. 271-272, 287

Федин К.А. 591, 603, 630, 652-654, 660

Федор см. Шалапин Ф.И.

Федосеев 638

Фейт А.Ю. 21-22, 89, 196

«Феникс» см. «Buhnen und Buchverlag russischer Autoren I. Ladyscnikow»

Фербер (Ferber) Э. 584

«Плавающий театр» 546, 584

Ферворн (Verworm) М. 15, 2-29, 31-32, 36, 40, 100-103, 108, 111

«Вопрос о границах познания» 15, 27-29, 40, 100-101, 103, 108, 111

Фердинанд I 156

Ферлаг см. «Buhnen und Buchverlag russischer Autoren I. Ladyscnikow»

Ферсман А.Е. 387, 404

Фет (н.ф. Шеншин) А.А. 572-573, 584

Фефер И.С. 652

Фигнер В.Н. 475, 498, 534

«Запечатленный труд» 498

Фигурновская Н.К. 10

Фидлер Ф.И. 58, 132-133

Филиппов А.И. 528

Филия М.Г. (парт. псевд. Жорж) 87, 160

Философов Д.В. 36, 109, 158, 235, 432, 453

«Конец Горького» 158, 453

Флаксерман Г.К. 396, 409, 414

Флейшман Л. 7, 499-500, 504

Форш О.Д. 547, 581, 652

Фофанов К.М. 592

Франк С.С. 11, 53, 56, 85, 129, 131, 158

«Прагматизм как философское течение» 11, 85, 158

«Спор о прагматизме» 85

«Этика нигилизма» 131

Франс (France) А. (н.ф. Тибо А.Ф.) 465-466, 470, 496-497

Фрезинский Б.Я. 536, 540

«Писатели и советские вожди» 540

Фрелих О.Н. 653

Фриче В.М. 42, 115, 630

Халатов А.Б. 409, 592

- Харитон Б.О. 528
Хвольсон О.Д. 516, 526
«Курс физики» 526
«Физика и ее значение для человечества» 526
Хвостов В.М. 85, 159
Херасков И.М. 55, 61, 68-69, 130, 144
«Крестьянство в буржуазных революциях» 130
«Крестьянство и революция» 130
Ходасевич В.М. 208
Ходасевич В.Ф. 424, 506, 527, 536, 579, 595
Собрание сочинений: В 4 т. 424
Ходин Н. 652
Ходотов Н.Н. 122, 227
Хохлов К.Г. 350, 385
Хьюз Р. 7, 499-500, 504
- Цаликов (н.ф. Цалык-каты) А.Т. 481-482, 489, 502, 505
«Записки осетина» 489
Цвейг (Zweig) С. 578
Цветаева А.И. 545, 581-582, 584-586
«Воспоминания» 584-586
Цветаева М.И. 512
Церетели И.Г. 492, 496, 508
Цеткин (Zetkin) К. 89, 156
Циновский Л.Я. 653
Циолковский К.Э. 553, 590-591
«Причина космоса» 590
ЦК ВКП(б) 537, 587, 621, 625, 627-628, 642, 645, 654, 657
ЦК ВЛКСМ 624
ЦК КПСС 629
ЦК РКП(б) 536
ЦК РСДРП 17, 53, 72-73, 75-78, 80-81, 89, 91, 94, 104, 120, 122, 124, 127, 130, 140, 145-148, 151-152, 154, 156-157, 463, 532
Цхакая М.Г. (парт. псевд.: Гурген, Миха) 25, 38, 95-96
Цюрупа А.Д. 208
Цявловский М.Я. 630
- Чайковский Н.В. 432
Чапыгин А.Л. 293
Чарский см. Ананьин Е.А.
«Часовой» (журн.) 522, 528
Чаянов А.В. 406, 408-409, 411, 416
«Венецианское зеркало: Повести» 416
Чеботаревская А.Н. 266-267, 269, 430
- Чемберлен (Chamberlain) Н. 552
Черемнов А.С. 372
Чернов В.М. 11, 13, 130, 392, 395, 472, 478, 480-481, 495, 499-500
«Записки социалиста революционера» 495, 500
«За фронтом Учредительного собрания» 500
«От "Революционной России" к "Сыну Отечества" (социал-революционеры в конце 1905 г.)» 472, 499
«Философские и социологические этюды» 11
Чернолуцкий В.И. 432
Черный Саша (Гликберг А.М.) 197
Чернышевский (сын) 223
Чернышевский Н.Г. 223, 531, 561-562, 600
Черняева Т.Г. 289, 305, 367, 371-373, 376, 378-379, 384
«Д.Г. Гребенщиков: Письма в Петербург (1912-1916)» 304-305, 376, 378-379, 384
«Письма Д.Г. Гребенщикова Г.Н. Потанину (1911-1917)» (в соавт. с В.К. Корниенко) 304-305, 367
«Письма Д.Г. Гребенщикова и В.Я. Шишкова (1912-1919)» 378
«Письма Д.Г. Гребенщикоу П.А. Казанскому» 304, 371-373
«Письмо Д.Г. Гребенщикова А.Н. Белослодову» 304-305
Черткова О.Д. 208, 220-221, 275
Чертова Н.В. 653
Чехов А.П. 7, 163-164, 171, 184, 188, 200, 275, 307, 364, 366, 377, 515-516, 558, 589, 595
«Вишневый сад» 396
«Несобранные рассказы» (сб.) 595
«Чайка» 188
Чехов М.А. 552, 589
Чехов Н.В. 261
Чириков Е.Н. 49, 122, 142, 168
«Белая кость» 122
Чистов С.И. 391
Чичерин Г.В. 655
Чуковский К.И. (н.ф. Корнейчуков Н.В.) 183, 185, 209, 435-437, 451-453, 556, 593, 654
«От Чехова до наших дней» 453
«Поэт – анархист Уот Уитман» 185
«Пфуль» 453
«Русская Whitmaniana» 185
Собрание сочинений: В 15 т. 451-452

- «Утешеньишко людишкам» 435-436, 451, 453
 Чулков Г.И. 41, 107, 115, 536
 «О мистическом анархизме» 115
 Чумандрин М.Ф. 630
- Шагиня М.С.** 652
Шайкевич В.В. 205-206, 208-209, 437, 439, 453
Шаляпин Ф.И. 18, 24-25, 47, 94, 97, 102, 121, 131, 138-139, 160, 241, 278-279, 301-302, 349, 359-360, 362, 389, 432, 536
Шанцер В.Л. (парт.псевд. Марат) 44, 72-73, 77-78, 80, 132, 136, 141, 143, 145, 147, 149-150, 153, 155
 «Об отзовизме и ультиматизме» (в соавт. с А.А. Богдановым) 141
Шаповалова (писатель) 652
Шаншал (доктор) 222
Шарапов С.Ф. 133
 «Шатер» (орг.) 519
Шатиль И.О. 578
Шатобриан (Chateaubriang) Ф.Р. 521, 527
Шатуновский И.М. 652
Шаумян С.Г. 110
Шаховская А. 405
Шаховской Д.И. 138, 432
Шварц А.В. 482, 502
Шейнин Л.Р. 614
Шекспир (Shakespeare) В. 256, 510, 560
Шелли (Shelley) П.Б. 165-166, 171, 176, 182, 184
 Собрание сочинений: В 3 т. 165, 176, 182, 184
Шенгели Г.А. 622, 630
 «Школа писателя: Основы литературной техники» 622, 630
Шенталинский В.А. 416
 «Рабы свободы: В литературных архивах КГБ» 416
Шервинский С.В. 563
Шерр Б. см. Scherr В.
Шеррер Ю. 10-11, 415
 «Большевизм на распутье» 10
 «М. Горький и А. Богданов: (История отношений по материалам переписки 1908-1910 гг.)» 10, 415
Шиллер (Schiller) Ф.К.С. 11
Шингарев А.М. 441, 455
 «Шиповник» (альм.) 61, 138
 «Шиповник» (изд.-во) 106, 115, 172, 423
Шишкин И.И. 309, 365
Шишков В.Я. 298, 303-305, 315-318, 332, 346, 356, 358, 368-369, 371, 376-377, 383, 385-386
 «Авдокея Ивановна» 368
 «Автобиография» 305
 «Ванька Хлюст» 346, 368, 383
 «Встречи» 298
 «Г. Гребенщиков. В просторах Сибири. Рецензия» 371
 Собрание сочинений: В 8 т. 377
 «Угрюм-река» (роман) 377
Шишманов И.Д. 490
Шкапская М.М. 603
Шкловский В.Б. 414, 467, 622, 630
 «Техника писательского ремесла» 622, 630
Шкляр Е.Л. 519, 527-528
 «Вечерняя степь: 4-ая книга стихов» 519, 527
 «Караван: 2-ая книга лирики» 519, 527
 «Кипарисы» 519, 527
 «Порт» 519, 527
Шмелев И.С. 171, 268, 342, 356, 372, 386, 531
Шмидт Ю.О. 493, 506
Шмит (режиссер) 260
Шмит А.П. 80, 155
Шмит Е.П. 88-89, 93, 147
Шмит Н.П. 88-89, 147, 154-155
Шолохов М.А. 613, 627
Шопенгауэр (Schopenhauer) А. 11
Шор Р.О. 658
Шоу (Shaw) Д.Б. 261, 578
 «Это ее первая пьеса» 261
Шрейдер А.А. 472
Шрейдер Г.И. 472, 498
Штейнберг И.З. 400
Штерн И. 126
 «Государство будущего: Социализм, его сущность, осуществимость и целесообразность» 126
Шторм Г.П. 653
Штреземан (Stresemann) Г. 490, 506
Шульгин В.В. 91, 468, 550, 586
 «Письма к русским эмигрантам» 586
 «Три столицы. Путешествие в красную столицу» 550, 586
Шулятиков В.М. 42, 49, 115, 123
 «Новая сцена и новая драма» 123
Шумиловский Л.И. 324, 327, 373-375
 «На вынужденном досуге» 327
 «О новых повестях М. Горького» 373
 «Утопия ли» 373
Шухов И.П. 653
Шушканов Н. 661

- Щапов А.П. 314, 367
Сочинения: В 3 т. 367
Щеглов М.М. 318, 365, 367, 369
Щеголев П.Е. 227, 454
Щелоков О.В. 10
 «РСДРП: проблемы лидерства и обновление руководства (1906–1911гг.)» 10
Щепкин М.С. 563, 602
 «Записки актера» 602
Щепкина-Куперник Т.Л. 433
Щербак А.Е. 26, 109
Щербатов А.С. 571, 590, 612, 627-628
«Щит» (сб.) 432-433, 435, 452, 454, 460
- Эверлинг С. 483, 503
Эдисон (Edison) Т.А. 230, 279
Эдуард VII 104
Эйдеман Р.П. 603
Эйхлер (член комиссии по детской литературе) 654
Экстер А.А. 251, 254
Элиот (Eliot) Ч. 12
Эллес (Hellens) Ф. 578
Эльзевир (псевд.) 388
 «Ненужная книга» 388
Эль-Регистан Г.А. 657
Энгельс (Engels) Ф. 95, 105-106, 114, 123, 397, 467, 641, 657
 «Людвиг Фейербах» 114
 «Манифест Коммунистической партии» (в соавт. с К. Марксом) 126
 «Положение дел в России в 1871 г.» 467
Эпикур 158
«Эпоха» (изд.) 518
Эренбург И.Г. 388, 536
 «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» 388
Эрлих А.И. 657
Эфрон С.Я. 512
- Ю.О. см. Мартов Л.
Юденич Н.Н. 525
Юдин П.Ф. 8, 618-621, 624-629, 631-634, 636-639, 645, 647-648, 657, 659-661
 «Выступление на дискуссии о "Брусках" Ф. Панферова» 660
 «Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции» 619
 «Он всегда рядом» 629, 632
 «О писателях-коммунистах» 627, 631
 «Партия и литература» (доклад) 639
- Юзек см. Дзержинский Ф.Э.
Юзеф см. Дзержинский Ф.Э.
Юлий см. Королев-Батышев И.Г.
«Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898–1913» (сб.) 123, 152, 415
Юренев П. 654
Юрий см. Желябужский Ю.А.
Юрин М.П. 635, 652
Юрицын С.П. 419, 423
Юрковский Б.Н. 233, 257
Юровский Л.Н. 411
Юшкевич П.С. 11, 24, 48, 50, 83, 94, 97, 107, 122, 125, 157, 232
 «Леон Дрей» 232, 279
 «Материализм и критический реализм: О философских направлениях марксизма» 11, 94, 97
 «На тему дня: О философском брожении в марксизме» 48, 50, 122, 125
Юшкевич С.С. 239, 247, 252, 257, 260, 269, 279, 285
 «Новые веяния» 11
 «Человек воздуха» 260, 285
- Яблоновский С. (н.ф. Потресов С.В.) 260, 268
Ягода Г.Г. 413, 615-616
Языков Н.М. 558, 560, 572, 595, 599
 «Полное собрание стихотворений» (сб.) 595, 599
Яковлев М.А. (парт. псевд. Арсений) 78, 144, 149, 153
«Янгал-Маа: Вогульская поэма» (эпос) 564, 602
Янгиров Р.М. 409
Янковский А.Е. 107
Яновский Н.Н. 289, 302, 304, 306, 364, 632
 «Верность: Потреты, статьи, воспоминания» 306
 «Георгий Гребенщиков в Сибири» 304
 «На переломе: Из литературного прошлого Барнаула» 304
Янсен К.М. 10
Янсон Я. 94
Янушева (актриса) 284
Ярморкин В.В. 133
Ярхо Б.И. 560
Ясенский Бруно 627, 652-653

ARA см. American Relief Administration
«Academia»(изд.) 538, 552, 555-559, 562-
563, 566, 569-572, 589, 592-602, 607-
613, 658

«American Relief Administration»
(«Американская Администрация
Помощи»; орг.) 357, 387
«The Athenaeum» (журн.) 162

«Berliner tageblatt und Handelszeitung»
(газ.)

«Buhnen und Buchverlag russischer
Autoren I. Ladyschnikow» (изд-во) 24,
75, 80, 94, 155, 277, 374, 490

«Europe» (журн.) 175

Hering O. 34, 107

«Gedachtniss als Eigenschaft der
organisirten Materie» («Опыты
организации материи») 34, 107

«L'Avanti!» (газ) 93
«L'Avenir» (газ.) 175

«Mercure de France» (газ.) 34, 106
«El Mundo» (журн.) 167

«New York times» (газ.) 391

Quinton R. 34-36, 41, 107, 110, 114
«L' unite de la vie» 34-35, 107, 110

Scherr B. 12, 20

«Gorky and God-Building» 20

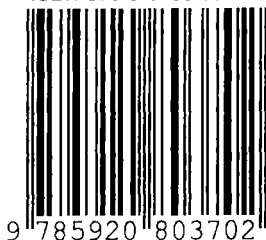
«Vorwärts» (газ.) 146

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
1. М. ГОРЬКИЙ И А. БОГДАНОВ. НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕПИСКА 1908–1910 гг. <i>Вступительная статья Л.А. Спиридоновой, подготовка текстов писем Горького Л.А. Спиридоновой при участии Г.Э. Прополянис, писем А.А. Богданова — Е.Н. Никитина, примечания к письмам Горького Л.А. Спиридоновой, к письмам А.А. Богданова Е.Н. Никитина</i>	9
2.«ВЕДЬ ВЫ ВЕРИТЕ МНЕ?». ПИСЬМА К.Д. БАЛЬМОНТА ГОРЬКОМУ И Е.П. ПЕШКОВОЙ (1901–1906) <i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н.Н. Примочкиной</i>	161
3. «МОЙ ДОЛГИЙ И МУЧИТЕЛЬНЫЙ РОМАН». ПИСЬМА М.Ф. АНДРЕЕВОЙ ГОРЬКОМУ <i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания М.А. Семашкиной</i>	186
4. ПИСЬМА Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА ГОРЬКОМУ (1911–1928) <i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л.В. Суматохиной</i>	289

5. «ХОЧУ В РОССИЮ, ГДЕ ВСЁ ЧУДЕСНО ПЕРЕМЕНИЛОСЬ...». ПИСЬМА Н.Н. СУХАНОВА ГОРЬКОМУ <i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания</i> <i>Е.Н. Никитина</i>	391
6. ПИСЬМА Е.Д. КУСКОВОЙ ГОРЬКОМУ (1915–1917) <i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания</i> <i>И.А. Бочаровой</i>	425
7. «...У ВАС ТАКОЕ ЗНАНИЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ, КАКОЕ РЕДКО НАЙДЁТСЯ У ПРИСЯЖНОГО ИСТОРИКА». ПИСЬМА Б.И. НИКОЛАЕВСКОГО ГОРЬКОМУ 1922–1925 ГГ. <i>Вступительная статья и примечания А.В. Евдокимова.</i> <i>Подготовка текста писем Г.Э. Прополянис и А.В. Евдокимова</i>	462
8. ПЕРЕПИСКА ГОРЬКОГО с И.С. КОНОПЛИНЫМ <i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания</i> <i>Н.Н. Примочкиной</i>	509
9. ПИСЬМА Л.Б. КАМЕНЕВА ГОРЬКОМУ <i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания</i> <i>Л.Н. Смирновой</i>	530
10. ГОРЬКИЙ и П. ЮДИН. НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА <i>Вступительная статья, подготовка текста и примечания</i> <i>О.В. Быстровой</i>	618
Приложение 1	662
Приложение 2	674
Приложение 3	677
Приложение 4	685
Фотоприложение.....	689
Список условных сокращений	698
Список иллюстраций.....	701
Указатель имен и названий. Составила <i>О.В. Быстрова</i>	702

ISBN 978-5-9208-0370-2

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

Научное издание

ГОРЬКИЙ В ЗЕРКАЛЕ ЭПОХИ

(НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА)

Выпуск 10

Технический редактор В.Н. Костылев

Корректор Е.Н. Сченснович

Подписано в печать 29.11.2010. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Печ. л. 46,0. Тираж 600 экз.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
Тел: (495) 690-05-61; 691-23-01.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография “Наука”».
121099. Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ 1766

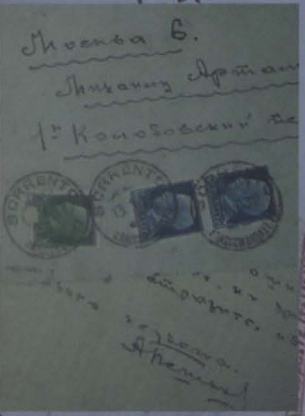

Шатиске Коник

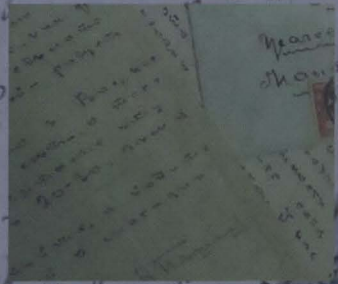
Морска

1. Aprymukon

20. 48.

Handwritten text in Cyrillic, including '15.' and '1900'.

Шовета 6.
Штваруј апман
1. Конободени

